Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна
Центр болгаристики та балканських досліджень
імені Марина Дринова
Харківське міське товариство болгарської культури
імені Марина Дринова

Болгарська академія наук
Інститут історичних досліджень
Комісія істориків Україна-Болгарія
Община Панагюриште

ДРИНОВСЬКИЙ ЗБІРНИК

ТОМ V

Академічне видавництво імені проф. Марина Дринова
Харків – Софія
2012

Рекомендовано Науковою радою Центру болгаристики та балканських досліджень ім. М. Дринова (протокол № 4 від 7 вересня 2011 р.)

Пятий том є збірником статей за матеріалами трьох міжнародних симпозиумів, що відбулися у Харківському національному університеті імені В. Н. Каразіна протягом 2009–2010 рр.: „Протоболгари в етносоціальних і політичних структурах Середньовіччя“, „Homo byzantinus серед речей та ідей“, „Російсько-турецька війна 1828–1829 рр. і Балкани“. Представлені також рубрики „Джерела та джерелознавство“, „Рецензії“, „Ювілеї“, „Наукове життя“.

Збірник розрахований на істориків, студентів гуманітарних факультетів й широке коло читачів.

Редакційна рада

М. Г. Станчев (Україна) – голова, Д. Айдачич (Сербія), П. Бахмайер (Австрія), А. Гарабедян (Болгарія), Г. Гергінеков (Болгарія), Л. В. Горіна (Росія), І. Ілчев (Болгарія), К. Косєв (Болгарія), Г. Марков (Болгарія), Р. Мішев (Болгарія), Ю. М. Могарічев (Україна), В. Ю. Салєнков (Україна), П. С. Сохань (Україна), Н. Н. Червенков (Молдова), Г. Й. Чернявський (США)

Редакційна колегія

Страшнюк С. Ю., доц., к.і.н. (головний редактор, Харків); Стоянов І., проф., д.і.н. (заст. головного редактора, Велико Тирново), Сорочан С. Б., проф., д.і.н. (заст. головного редактора, Харків); Домановский А. Н., доц., к.і.н. (відповідальний секретар, Харків); Бурдяк В. І., проф., д. політ. н. (Чернівці); Віднянський С. В., проф., д.і.н. (Київ); Гришина Р. П., проф., д.і.н. (Москва); Дроснєва Е., доц., д-р (Софія); Кадєєв В. І., проф., д.і.н. (Харків); Каплін О. Д., проф., д.і.н. (Харків); Козлітін В. Д., проф., д.і.н. (Київ); Кравченко В. В., проф., д.і.н. (Харків); Крапівін О. В., проф., д.і.н. (Донецьк); Куделко С. М., проф., к.і.н. (Харків); Мартем'янов О. П., доц., к.і.н. (Харків); Мілова М. І., проф., д. політ. н. (Одеса); Мільчев В. І., проф., д.і.н. (Запоріжжя); Наумов С. О., проф., д.і.н. (Харків); Петков П. Ст., доц., д-р (Велико Тирново); Поліщук І. О., проф., д. політ. н. (Харків); Посохов С. І., проф., д.і.н. (Харків); Потрашков С. І., проф., д.і.н. (Харків); Прігарін О. А., доц., к.і.н. (Одеса); Радкова Р., проф., д.і.н. (Софія); Тортіка О. О., проф., д.і.н. (Харків); Чижов О. П., доц., к.і.н. (Харків); Чорній В. П., проф., к.і.н. (Львів); Яровий В. І., проф., д.і.н. (Київ)

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61022, Харків, пл. Свободи, 6, Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна; Центр болгаристики та балканських досліджень імені М. Дринова.
Тел./факс: (057)-707-50-27; E-mai1: drinovcenter@gmail.com

Свідоцтво
ПРО ДЕРЖАВНУ РЕЄСТРАЦІЮ ДРУКОВАНОГО ЗАСОБУ МАСОВОЇ ІФОРМАЦІЇ
Серія КВ № 122231-1115Р

ISBN 978-954-322-493-7
ISBN 978-954-322-494-4

© Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, 2012
© Константин Атанасов Жеков, художнє оформлення, 2012
© Академічне видавництво імені проф. Марина Дринова, 2012

ДРИНОВСЬКИЙ ЗБІРНИК

ТОМ V

Харків – Софія
2012

АКАДЕМИЧНО ИЗДАТЕЛСТВО
„Проф. МАРИН ДРИНОВ“

УДК: 94(4):94(5)

ПРОТОБОЛГАРИ В ЕТНОСОЦІАЛЬНИХ І ПОЛІТИЧНИХ СТРУКТУРАХ СЕРЕДНЬОВІЧЧЯ

ПРОТОБОЛГАРИ: ГУНИ ЧИ ОНОГУРИ?

О. Б. Бубенок

***Бубенок, О. Б.* Протоболгари: гуни чи оногури?**

Автор статті пропонує розглядати етнічний склад протоболгар у хронологічному контексті. Відповідно до даних письмових джерел, назва ***болгари*** пов'язана з союзом п'яти огурських племен. Отже, на межі V–VI ст. до складу п'яти протоболгарських племен входили нащадки оногурів та сарматів, а в середині VII ст. чотири їхніх племені мали оногуро-сарматське походження, і одне панівне плем'я було гунським.

Ключові слова: документ, походження, автентичність, інформативність.

***Бубенок, О. Б.* Протоболгары: гунны или оногуры?**

Автор статьи предлагает рассматривать этнический состав протоболгар в хронологическом контексте. В соответствии данным письменных источников, название ***болгары*** связано своим происхождением с союзом пяти огурских племен. Таким образом, на рубеже V–VI вв. в состав пяти протоболгарских племен входили потомки оногуров и сарматов, а в середине VII в. четыре их племени имели оногуро-сарматское происхождение, и одно главное племя было гуннским.

Ключевые слова: документ, происхождение, аутентичность, информативность.

***Bubenok, O. B.* The Proto-Bulgarians: the Huns or Onogurs?**

The author of paper proposes to determine the ethnic structure of the Proto-Bulgarians following the chronological principle. According to the data of written sources, the name ***Bulgars*** was connected their origin with the union of five Onogur tribes. Thus, in border of V-VI centuries AD the descendants of the Onogurs and Sarmatians were included into five Proto-Bulgarians tribes and in middle of VII century AD four their tribes had the Onogur-Sarmatian origin and also one was the Hunns.

Keywords: document, origin, authentic, information.

В VI–VII ст. у степах Східної Європи провідна роль належала племінним об'єднанням протоболгар. Приблизно в 630–660 рр. намітилось політичне піднесення протоболгар – у Приазов'ї виникло державне утворення Велика Болгарія. Проте у вивченні історії ранніх булгар Східної Європи ще існує багато білих плям. Серед них і проблема походження протоболгар.

© О. Б. Бубенок, 2012

Дослідники вже давно звернули увагу на те, що перші достовірні відомості про булгар відносяться до кінця V ст. Саме тоді Іоан Антіохійський писав, що імператор Зенон звернувся до булгар по допомогу для боротьби з остготами[1]. Проте у деяких історичних хроніках є згадки про те, що булгарські племена опинилися на території Східної Європи задовго до гунської навали. Так, про булгар йдеться в повідомленні вірменського історика Мойсея Хоренського, який посилається на сирійського автора IV ст. Мар-Аббаса Катіну. Ця інформація повідомляє, що у 149–127 рр. до н. е. булгари, які раніше мешкали на північ від Кавказьких гір, вдерлися до Вірменії[2]. Крім цього, інформація про булгар міститься в анонімному візантійському хронографі 354 р., переписаному в V ст. Там йдеться про події напередодні 230 р. н. е. і подається перелік народів, які мешкали на північ від Кавказу, де на останньому місці згадуються булгари (vulgares)[3]. Проте слід зважити на те, що відомості про перебування булгар у Східній Європі в догунські часи мають компілятивний характер. У нас немає впевненості в тому, що переписувачі не замінили етнонімом ***булгари*** назву якогось іншого народу.

Як відзначає готський історик Йордан, після смерті Аттіли у другій половині V ст. частина гунів рушила із Паннонії на схід та оселилася у степах Причорномор'я[4]. Йордан писав, що в середині VI ст. у причорноморських степах мешкали булгари[5]. З того часу багато авторів починають плутати гунів з булгарами, а це спонукало деяких дослідників вважати, що під назвою ***гуни*** могли бути відомі у багатьох випадках булгари. Після Йордана етнонім ***булгари*** тимчасово зникає зі сторінок візантійських хронік, а замість нього в другій половині VI ст. починають вживати терміни ***кутригури*** та ***утигури***. Так, Прокопій Кесарійський та Агафій писали, що на схід від Танаїса (Дона. – *О. Б.*) у країні Евлісії мешкають утигури, а на захід – кутригури[6]. Виходячи з того, що назви ***кутригури*** та ***утигури*** вживалися замість етнічного терміна ***булгари***, логічно пов'язати ці племінні об'єднання з булгарами. Саме в нащадках утигурів та кутригурів дослідники схильні бачити засновників Великої Болгарії[7]. Проте, як вже зазначалось, проблема походження цих племен болгар ще й досі становить окрему проблему.

Кілька десятиліть тому деякі археологи відводили сарматам провідну роль у формуванні об'єднань протоболгар. Так, О. П. Смірнов звернув увагу на те, що традиція ховати померлих у ґрунтових ямах із заплічками знаходить аналоги в пам'ятках ранньої стадії сарматської культури (III–II ст. до н. е.), тобто відноситься до тих часів, коли не було ніяких підстав шукати тюркські племена. Саме це, а також дані середньовічних джерел про перебування болгар у Східній Європі в догунські часи, дозволили йому вважати протоболгар одним із сарматських племен[8]. Тези вже про „аланське" походження болгарських племен дотримувалась Л. М. Рутківська, яка вважала, що могильні ями з заплічками з'явились в Приазов'ї в могильниках Європейського та Азійського Боспору ще в I ст. н. е. Це, на її думку, стало наслідком переселення із Приаралля на захід аланських племен, серед яких були болгари з цим характерним поховальним обрядом, що стало наслідком посилення експансії гунських племен на території Казахстану та Середньої Азії[9]. До того ж болгарський дослідник Р. Рашев, крім відзначених рис (поховання в ямах з заплічками, зливкінський антропологічний тип, тощо) виявив на могильниках протоболгарського часу на Нижньому Дунаї також звичай штучної деформації черепа, що, на його думку, було притаманне не тюркам, а стародавньому населенню степів Східної Європи – скіфам та сарматам. Це та інші збіжності дали підстави вченому прийняти гіпотезу про сарматське походження більшості протоболгар. На думку Р. Рашева, населення булгарського племінного союзу від самого початку було поліетнічним. Він вважає, що верхівку протоболгарського суспільства становили тюркомовні гуно-булгари, а решта населення складалося з нащадків сармато-аланів та інших племен[10].

Крім того, інший сучасний болгарський дослідник П. Добрев звернув увагу на пасаж, що міститься в „Іменнику болгарських ханів": „Сии же же князь родъ Доуловъ рекше Вихтун"[11]. Аналоги з деяких іранських мов дозволили болгарському досліднико-

ві зробити висновок, згідно з яким терміни ***Вихтун*** та ***Дуло*** мають східноіранське походження і являють собою еквіваленти, що означають „керуючий, наділений владою“. П. Добрев, вважаючи, що в етногенезі протоболгар активну участь взяли сармато-алани, намагається довести, що імена болгарських ханів і давньоболгарська титулатура легко пояснюються з іранських мов[12].

Проте гіпотеза про сармато-аланське коріння більшості протоболгар не набула широкої підтримки серед сучасних дослідників, хоча ніхто не намагається заперечувати того, що нащадки сармато-аланів були включені до складу давніх болгарських племен і були ними поступово асимільовані. Отже, щодо походження протоболгар існують й інші гіпотези.

У свій час М. І. Артамонов, В. Ф. Генінг, А. Х. Халіков та А. П. Новосельцев схильні були бачити в булгарах тюркизованих гунами угрів[13]. На думку Й. Маркварта, В. Н. Златарського, М. І. Ашмаріна, О. Пріцака та деяких інших дослідників, булгарські племена являли собою тюркомовну людність, яка з самого початку входила до складу гунської орди. Підстави для таких висновків дав аналіз змісту „Іменика болгарських ханів“[14].

Зі свого боку, С. Г. Кляшторний вважає протоболгар нащадками огурів (огузів), які прийшли до Східної Європи із Центральної Азії наприкінці IV ст. Згідно з гіпотезою С. Г. Кляшторного, початок етногенезу протоболгар треба виводити не з часів гунської навали, а з подій V ст., описаних Пріском Панійським[7]. Так, Пріск повідомляє, що в 463 р. до імператора Східної Римської імперії прибуло посольство від „Сарагурів“, „Урогів“ (Угурів. – *О.Б.*) та „Оногурів“, які просили імператора допомогти в боротьбі проти „Уннів Акатірів“, які мешкали в степах поблизу від Кавказу. Причиною цієї міграції став тиск зі сходу савірів, на яких тиснули авари, на котрих у свою чергу напали народи, що жили біля берегів „океану“[16]. С. Г. Кляшторний це зсунення пояснює тим, що в першій половині V ст. біля північних кордонів китайської держави Тоба Вей утворилася держава жуань-жуаней, яка зазнала нападу з боку китайців, що врешті-решт призвело до порушення силового балансу серед племен Євразійського степу. Внаслідок цього західне угрупування огурів залишило свої землі у західній частині Центральної Азії і перейшло Волгу[17]. Необхідно зазначити, що ця гіпотеза С. Г. Кляшторного набула широкої підтримки серед багатьох сучасних дослідників, особливо російських. Проте вона суперечить даним „Іменника болгарських ханів“, відповідно до якого верхівку болгар складали гуни із роду Дуло, до якого належав сам Аттіла[18].

Отже, проблема походження протоболгар, як і самого етноніма ***болгар***, етимологія якого налічує більше десяти гіпотез, залишається так остаточно і не вирішеною. Хоча більшість дослідників прийшли до висновків, що мова болгар, як і їхніх поволзьких нащадків – чувашів, належала до тюркської групи алтайської сім’ї. Проте так остаточно дослідники не дійшли до впевненості, чи являли собою протоболгари нащадків гунів або оногурів.

Нам здається, що проблема міститься у методологічних підходах, які торкаються питань етнічної історії протоболгар. Варто, насамперед, бачити різницю між ранніми болгарами кінця V ст. і болгарами VII ст. Необхідно, в першу чергу, виходити з того, що давні болгари належали до числа номадів Євразійського степу. Отже, розглядати етнічну історію протоболгар варто з позицій наших уявлень про особливості етногенезу у кочівників.

Спостереження за суспільствами більш пізніх кочівників дозволяють вважати, що у номадів різноманітні етнічні групи мали різне відношення до централізованої влади племені, союзу племен тощо. З огляду на це, для нас великий інтерес становить визначення етносу в проекції на кочові суспільства. У відповідності до визначення, що дав Ю. В. Бромлей, під етносом слід розуміти історичну міжпоколінну спільність людей, якій притаманні такі ознаки: 1) проживання на певній території; 2) відносно стабільні особливості культури (включаючи мову); 3) спільність психіки; 4) наявність самоназви, тобто усвідомлення своєї єдності та відмінності від інших (антитеза: *ми – вони*)[19].

Проте такий фактор, як проживання на певній території, не дозволяє прийняти запропоноване визначення етносу щодо кочових суспільств, тобто визначення етносу, що подане Ю. В. Бромлеєм, більш характерне для осілих землеробських суспільств, котрі проживали на рівнині поза межами степу. Тому ми схильні підтримувати визначення Л. Гумільова, згідно з яким етнос – це ендогамна спільність, де існує поняття про „своїх“ і „чужих“[20]. Таким чином, мінімальною етнічною, а можливо й соціальною одиницею у кочівників, можуть бути клан – союз родів, плем'я, союз племен, тощо. Проведені спостереження над кочівниками часів античності, середньовіччя та нового часу дозволили виявити одну суттєву закономірність – утворення нових племен або союзів племен у кочівників є результатом розпорошення попередніх етнічних груп населення степу з подальшим їх включенням до складу нових племінних утворень на правах родів, де роди або племена завойовників посідали вищий соціальний щабель у суспільстві, ніж роди або племена, які походили із середовища підкореного населення. При цьому формування племен або союзів племен відбувалося навколо одного роду або клану, назва якого, у багатьох випадках, ставала племінною назвою. Це знаходило відображення у родоводах кочівників, де політичні зв'язки були представлені у вигляді спорідненості, а підкорені племена та роди оголошувались молодшими за походженням. При цьому мовна приналежність у кочівників не відігравала провідної ролі – відомі випадки, коли окремі племена або об'єднання племен протягом нетривалого часу змінювали свою мову. Отже, запозичений радянськими етнографами у лінгвістів підхід, згідно з яким існують поняття про мовну асиміляцію, про субстрат та суперстрат, а іноді про адстрат, щодо пояснення етнічних процесів у середовищі кочівників не є переконливими. Отже, основною домінантою в етногенезі кочівників був не мовний фактор, а маргінальність, що виявлялась у наявності самосвідомості, відображенням якої є існування самоназви.

Ніхто із сучасних дослідників не висловлює сумнівів у тому, що етнонім ***болгар*** має тюркське походження і відповідно до того може бути самоназвою племен протоболгарського походження. Але на сьогодні існують вже більше десяти гіпотез. Більшість із них, окрім однієї, відзначаються невідповідністю історичним реаліям та даним письмових джерел. Тому варто зупинимось на аналізі лише однієї, яка, на нашу думку, може багато чого пояснити.

У свій час Д. М. Данлоп запропонував досить оригінальну гіпотезу походження етноніма ***болгар***: „Однак ми не можемо не брати до уваги і точку зору про те, що національні назви (етноніми) *булгар* і *башкір* є по суті однаковими за походженням. Деякі зміни в орфографії слів пояснюються походженням від двох різних варіантів тюркської мови – „лір“ або „шаз“. Сполучення літер *біл* або *біел* у тюркському „лір“ буде відповідати буквосполученню *баш* у тюркському „шаз“. Друга частина обох етнонімів є однаковою і складається зі сполучень літер *–гур* або *–гір*. Обидва етноніма перекладаються як „п'ять огурів (уйгурів)“[21]. Аналогічної думки щодо цього дотримувались О. Пріцак та П. Добрев, які також вважали, що термін ***болгари*** означав „п'ять угрів (огурів)“[22].

З огляду на це великий інтерес становить також походження терміна ***оногур***. С. Г. Кляшторний пропонує перекладати з тюркських мов терміни ***он огур*** як „десять [племен] огурів“. При цьому дослідник ставить знак рівності між терміном ***огур*** і етнічною назвою ***огуз***[23]. Проте вже давно доведено, що мова протоболгар була близькою до чуваської, а не до огузьких мов тюркської групи. Підставою для такого припущення стало вивчення числівників в „Іменнику болгарських ханів“, фрагментарних написів грецькими літерами часів Першого Болгарського царства на Балканах, тощо[24]. Тому найбільш обґрунтованим виглядає пояснення Р. А. Агєєвої щодо походження назви ***оногур***. На думку дослідника, булгаро-тюркський етнічний термін ***onogur*** складається з ***on*** – „десять“ і ***ogur*** – „стріла“, як назва племені. При цьому дослідниця припускається тієї думки, слово ***ogur*** або ***oguz*** може виступати в якості етноніма і самостійно[25]. З огляду на це є сенс пригадати, що у тюркютів також символом кожного племені була стріла, і тюркський ель традиційно складався з десяти племен і тому вони називали себе „де-

сятистрільний народ“[26]. Отже назва ***оногур*** могла вже виникнути в Центральній Азії ще до переселення її носіїв до степів Північного Кавказу. З іншого боку, неможливо уявити, щоб усі десять кочових племен і більше розмістилися у степах Передкавказзя.

Таким чином, виходить, що булгари, котрих налічувалось п’ять племен, становили половину оногурів, яких було вже десять племен. На користь того, що у VII ст., за часів Кубрата, булгарських племен було дійсно п’ять, свідчить Феофан: „ … у Фанагории и живущих там там евреев обитает множество народов; от самого же озера и до реки, называемой Куфис (Кубань – *О. Б.*), где ловится булгарская рыба ксистон, простирается древняя Великая Булгария и живут соплеменные булгарам котраги. Во времена Константина Западного умер властитель упомянутой Булгарии и котрагов Кроват. Он оставил пять сыновей, завещав им ни в коем случае не отделяться друг от друга и жить вместе, так, чтобы они властвовали надо всем и не попадали в рабство к другому народу[27]. Но спустя недолгое время после его смерти, разделились пять его сыновей и удалились друг от друга каждый с подвластным ему народом…“[28]. Аналогичну інформацію подає також Нікіфор: „У Меотидского озера, по реке Куфис, располагаются называвшаяся в древности Великой Булгария и так называемые котраги, их соплеменники. Во времена Константина, который умер на западе, некто по имени Коврат, бывший государем этих племен, переменил жизнь, оставив пять сыновей…“[29].

Феофан та Нікіфор навели імена деяких із тих нащадків Коврата (Кубрата), хто очолював ці п’ять племен: старшого сина звали Батбаян (Баян), другого – Котраг, третього – Аспарух. За даними цих візантійських авторів та інших істориків, Аспарух пішов до Дунаю і оселився там. Хоча при цьому Феофан та Нікіфор повідомляють про перехід племен четвертого і п’ятого із братів на Захід, до Центральної та Західної Європи, є підстави підтримати думку тих дослідників, згідно з якою насправді у Приазов’ї залишились чотири племені[30]. Саме наявність чотирьох племен в Великій Болгарії наприкінці VII ст., після відходу на Дунай племені Аспаруха, засвідчує „Вірменська географія“, де згадані племена: ***купі-булгар***, ***дучі-булкар***, ***огхондор-балкар-чужинці, чдаг-болкари***. Усі вони мешкали на північ від Кубані[31]. Деякі дослідники вважають, ці племена отримали свої найменування за назвами річок і тому їхні назви можуть свідчити про результат внутрішньої політики хана Кубрата, що являла собою процес об’єднання попередніх родо-племінних груп у нові племена за територіальним принципом.

У зв’язку з цим цим великий інтерес може становити походження назви племені ***огхондор-балкар-чужинці***, яке, судячи із назви, мало не оногурське походження. Дані письмових джерел свідчать про те, що цими прибульцями у середовищі оногурів-булгар мали бути саме гуни.

В 603 р., коли Великий Тюркський каганат остаточно розпався на два каганати – Західний та Східний, почався процес консолідації протобулгарських племен, тобто виникли предумови для формування Великої Болгарії (союзу п’яти племен). Але для утворення конфедерації племен кочівників має існувати один важливий фактор – наявність харизматичного роду або клану. Таку харизму у той період у степах Східної Європи міг мати рід Дуло. „Іменник болгарських ханів“ подає перелік 13 імен ханів, більшість яких походили з роду Дуло і при цьому на першому місці поданий Авітохол, в якому багато дослідників бачать легендарного вождя гунів Аттілу[32]. Як справедливо зазначив О. В. Гадло, перша частина „Іменника“ історична „тільки з імені третьої особи Гостуна“, а попередні імена являють собою фольклорну традицію[33]. Проте ніхто не буде заперечувати історичність існування другого хана, якого звали Ірнік. Йордан повідомляє, що невдовзі після смерті Аттіли його молодший син Ернак „вместе с остальными избрал отдаленные места Малой Скифии“[34]. Звідси виходить, що наприкінці V ст. одне гунське плем’я зайняло колишні землі розбитих оногурами акацирів у Східному Передкавказзі, а в першій половині VII ст. воно мало очолити нову конфедерацію племен, більш відому у спеціальній літературі як „Велика Болгарія“.

Не менший інтерес становить інформація Феофана та Нікіфора про котрагів. Спочатку вони згадуються як споріднене до булгар плем'я, а згодом виявляється, що це ім'я одного із вождів болгарської конфедерації племен, що залишилось після нападу хозар у Приазов'ї[35]. На підставі цього можна вважати, що за часів Кубрата до складу конфедерації п'яти булгарських племен мало входити одне плем'я, що отримало назву ***котраг***. Сучасні дослідники схильні вважати, що так Феофан та Нікіфор називали кутригурів, про яких почали згадувати лише у середині VI ст.

Як вже зазначалось, після Йордана етнонім ***булгари*** тимчасово зникає зі сторінок візантійських хронік, а замість нього в другій половині VI ст. починають вживати терміни ***кутригури*** та ***утигури***. Так, Прокопій Кесарійський та Агафій писали, що на схід від Танаїса (Дона. – *О. Б.*) у країні Евлісії мешкають утигури, а на захід – кутригури[36]. Виходячи з того, що назви ***кутригури*** та ***утигури*** вживалися замість етнічного терміна ***булгари***, логічно пов'язати ці племінні об'єднання з булгарами[37].

З огляду на це особливий інтерес становить походження назв протоболгарських племінних союзів – ***утигури*** та ***кутригури***. Так, у давньотюркській мові існував термін **ÜČ,** що означав „три"[38]. Отже, в першій частині етноніма ***утигур*** слід бачити числівник ***ут*** в значенні „три". Для порівняння можна навести давньотюркський числівник ***утыз*** – „тридцять"[39]. Таким чином, назва племінного союзу ***утигури*** має означати „три огура" або „три племені огурів". Виходячи з цього, можна висловити припущення, що до складу кутригурів мали входити два огурських племені. Є сенс спробувати пояснити і походження назви ***кутригури***, бо в давньотюркській мові існував термін **KÖTÜRI**, що мав значення „позаду" або „в західному напрямку"[40]. Отже, назва ***кутригури*** могла означати „західні огури", якщо враховувати, що кутригури проживали на захід від утигурів.

Проте ми знаємо, що частина кутригурів під час рейду аварів переселилася з ними далі на Захід. Менандр під 568 р. загадував кутригурів, як союзників аварів у боротьбі проти Візантії, і при цьому навіть вказав їхню кількість – 10 тисяч, тобто малися на увазі чоловіки-воїни[41]. Про булгар, підвладних аварам в Панонії, згадував Феофілакт Сімокатта під 595 р.[42], а також автор „Хроніки Федегара" під 631–632 рр., де вождем булгар був названий Кувер[43]. Тому можна погодитися з думкою О. Комара, згідно з якою значна частина кутригурів була переселена до Панонії, де вони були згодом знову відомі як булгари[44]. Якщо виходити із спостережень О. О. Тортіки про загальну кількість кожного протоболгарського племені в 30–40 тис. чоловік[45] і враховувати кількість воїнів у кутригурів як 10 тисяч, про що повідомляє Менандр[46], то є підстави говорити про те, що, принаймні, одне плем'я кутригурів у другій половині VI ст. переселилося з аварами до Панонії. Цілком логічно виглядає припущення, що це було найбільш західне плем'я, яке до того мало проживати у степовому Подніпров'ї.

Отже, основу конфедерації племен хана Кубрата у середині VII ст. мали складати три племені утигурів, одне плем'я кутригурів і одне плем'я гунського походження, яке було на чолі цього об'єднання племен. З огляду на це великий інтерес становить варіант етнічної назви протоболгар – ***унногундур***, відомий у творах Феофана та Нікіфора[47], який доречно розглядати як складовий етнонім „хуно-оногури". Дослідники вважають, що ця етнічна назва зустрічається у письмових джерелах, що були написані після кінця X ст. у вигляді ***В-н-н-т-р*** у Розлогій редакції „Листа Йосипа"[48] та ***В-н-н-д-р*** в анонімному трактаті „Худуд ал-'Алам"[49], що може свідчити про те, що автори цих текстів користувалися ранньосередньовічними наративами.

Таким чином, протоболгари у VII ст. становили собою змішане гуно-оногурське населення, де оногури становили більшість, а гуни лише верхівку. Ми не беремось заперечувати зв'язок мови середньовічних булгар з сучасною чуваською, але у даному випадку нам відомі ситуації, коли панівна іноетнічна верхівка багатьох політичних об'єднань середньовічних номадів переходила на мову більшості (наприклад, Джучиди в Золотій Орді, тощо). Тому більш ймовірно, що сучасна чуваська мова і є прямим нащадком не гунської, а оногурської мови.

Проте у другій половині V ст. етнічний склад ранніх булгарських племен мав відрізнятись від більш пізнього. Як вже зазначалось, Пріск згадав під 463 р. „Сарагурів“, „Урогів“ (Угурів – *О.Б.*) та „Оногурів“[50]. Представники цього ж етнічного масиву були відомі на початку VI ст. в сирійській хроніці Захарія Рітора як ***сірургур***, ***аугар*** та ***аунгур***[51]. Вважають, що оногури під назвою ***хайландур***, як жителі країни ***Агуанрія***, були відомі в творах Єгіше (V ст.) та інших вірменських авторів[52]. К. Патканов висловив припущення, що назва протоболгарського племені ***Огхондор***, що зустрічається у „Вірменській географії“ (VII ст.), та назва ***Вгндрур*** у Мойсея Хоренського походить від назви ***Оногур*** візантійських авторів[53].

Звертає на себе увагу те, що Пріск у своєму творі подав кілька племінних назв: ***Сарагури***, ***Уроги*** (***Угури***) та ***Оногури***[54]**.** Якщо виходити з того, що оногурів було десять племен, то взагалі перейти Волгу мала лише частина з них – десять кочових племен і більше не змогли розміститися у степах Волго-Донського межиріччя. А це може означати, що ми маємо справу не з назвами окремих племінних об'єднань, а з варіантами самоназв одного племінного угрупування, де ***огур*** та ***оногур*** мали бути первісними назвами. Тому великий інтерес може становити походження назви ***сарагур***. С. Г. Кляшторний пропонує розглядати цей етнонім як ***сар огур*** – „білі огури“[55]. У зв'язку з цим доречно пригадати спостереження О. Пріцака, згідно з яким у стародавніх кочівників Центральної Азії Захід позначався білим кольором, якщо існувала північна орієнтація[56]. Отже, сарагури були тією західною частиною оногурів, що перейшли Волгу та оселилися в степах Передкавказзя. Якщо врахувати те, що конфедерація племен у кочівників традиційно поділялася на західне та східне угрупування – лівий та правий фланги, то кількість племен сарагурів мала б налічувати п'ять племен. Варто нагадати, що перші достовірні відомості про булгар відносяться до кінця V ст. Йдеться про повідомлення Іоана Антіохійського, згідно з яким імператор Зенон звернувся до булгар по допомогу для боротьби з остготами[57]. Отже, терміни ***сарагури*** і ***булгари*** з'явилися одночасно, і тому ми можемо бути впевнені, що вони позначали одне і те ж угрупування прийшлих кочових племен.

Проте не можна залишати поза увагою те, що поховальні комплекси протоболгар Східної Європи досить тривалий час зберігали риси, що були притаманні попередньому сарматському населенню: поховання в ямах із заплічиками, зливкінський антропологічний тип, звичай штучної деформації черепа, тощо[58]. Тому можна припустити, що в період Великого переселення народів, пов'язаного з міграціями гунських та огурських племен зі Сходу на Захід, в V ст. значна частина пізніх сарматських племен в районі дельти Волги була зсунута прибульцями із своїх територій і опинилася на інших землях. Найближчою територією були степи Передкавказзя. Очевидно, цим можна і пояснити, чому під час гунської навали зникла більшість підкурганних катакомбних могильників в степах Північного Кавказу[59], а на їх місці в VI–VII ст. виникли могильники, які у багатьох випадках наслідували традиції поховань кочівників Нижнього Поволжя та Заволжя пізнього етапу попередньої сарматської епохи[60]. У даному випадку є сенс вести розмову про залучення нащадків сарматів Нижньої Волги та Заволжя до процесу формування не лише культури, а й нових племен протоболгар у Приазов'ї. Таким чином, для позначення ранніх булгарських племен кінця V – початку VI ст. було б більш слушним використання терміна ***сармато-оногури***, де мав домінувати тюркський елемент.

[1] *Генинг, В. Ф., Халиков, А. Х.* Ранние болгары на Волге. М., 1964, с. 101. *Кляшторный, С. Г., Султанов, Г. И.* Государства и народы евразийских степей в древности и Средневековье. СПб., 2000, с. 135.

[2] *Моисей Хоренский.* История Армении / Перев. с древнеарм. Н. О. Эмина. М., 1858, с. 81, 87.

[3] *Сиротенко, В. Т.* Основные теории происхождения древних булгар и письменные источники IV–V вв. – Ученые записки Пермского государственного университета. Т. 20. Пермь, 1961, вып. 4, с. 17; *Кляшторный, С. Г., Султанов, Г. И.* Указ. соч., с. 134.

[4] *Иордан.* О происхождении и деяних гетов / Перев. с лат. Е. Ч. Скржинской. М., I960, 118–120.

[5] *Там же*, с. 37.

[6] *Прокопий из Кесари.* Война с готами / Перев. с греч. С. П. Кондратьева. М., 1959, 385–388, 434–438, 467; *Агафий.* О царствовании Юстиниана. М., 1953, с. 73, 88–89, 147–149.

[7] *Артамонов, М. И.* История хазар. Л., 1962, 160–169; *Гадло, А. В*. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979, 95–113; *Новосельцев, А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990, 73–75.

[8] *Смирнов, А. П*. Некоторые вопросы средневековой истории Поволжья. Казань, 1957, 8–10.

[9] *Рутківска, Л. М.* До питання про найдавніші болгарські племена на території України. – Вісник АН УРСР, 1972, № 10, 44–52.

[10] *Рашев, Р.* К вопросу о происхождении праболгар. – МАИЭТ, 1993, вып. 3, 250–254.

[11] *Куник, А.* О родстве Хагано-Болгар с Чувашами по славяно-болгарскому Именнику. – Записки императорской Академии наук. Т. 32. СПб., 1879, кн. 2, с. 129.

[12] *Добрев, П.* Сказанието на Атиловите хуни. По следите на една научна сензация. С., 1997, 147–167.

[13] *Артамонов, М. И.* Указ. соч., 160–169; *Гадло, А. В*. Указ. соч., 95–113; *Новосельцев А. П.* Указ. соч., 73–75.

[14] *Marquart, J.* Osteuropäishche und Ostasiatische. Leipzig, 1903; *Златарски, В. Н.* История на българската държава през средните вековете. (Второ фототип. изд.). С., 1994, т. 1, ч. 1; *Ашмарин, Н. И.* Болгары и чуваши. Казань, 1902; *Pritsak, O.* Die bulgarische Fűrsteuliste und die Sprache fer Protobulgarian. Wiesbaden, 1955; The Proto-Bulgarian military inventory inscriptions. – Studia Turco-Hungarica. T. 5. Budapest, 1981.

[15] *Кляшторный, С. Г., Султанов, Г. И.* Указ. соч., 134–139.

[16] *Приск.* Сказания Приска Панийского / Перев. с греч. Г. С. Дестуниса. – Ученые записки второго отделения императорской Академии наук. СПб., 1861, вып. 1, 87–88.

[17] *Кляшторный, С. Г., Султанов, Г. И.* Указ. соч., с. 136.

[18] *Куник, А.* Указ. соч., 128–129.

[19] *Бромлей, Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973; Очерки теории этноса. М., 1983.

[20] *Гумилев, Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. Л., 1989.

[21] *Dunlop D. M.* The history of the Jewish Khazars. 2 ed. New-York: Prinston Univer. Press , 1954, ch. 2.

[22] *Добрев, П.* Името българи – ключ към древната българска история. С., 2002, 37–41; *Рашев, Р.* Прабългарите през V–VII в., 2-о доп. изд. С., 2004, с. 16.

[23] *Кляшторный, С. Г., Султанов, Г. И.* Указ. соч., 137.

[24] *Куник, А.* Указ. соч., 118–161; *Кулаковский, Ю. А.* История Византии. 602–717 г. СПб., 1996, 323–333; *Ашмарин, Н. И.* Указ. соч.; *Pritsak, O.* Op. cit.

[25] *Агеева, Р. А.* Страны и народы: происхождение названий. М., 1990, 65–66.

[26] *Кляшторный, С. Г., Султанов, Г. И.* Указ. соч., 86–87.

[27] Така система політичного устрою Приазовської Болгарії дуже нагадувала ситуацію у Першому Тюркському каганаті, де вже перші правлячі кагани тюркютів із рода Ашина встановили в каганаті так звану „удільно-лествічну“ систему, що мала упереджувати сепаратизм та передумовлювала почергове наслідуваня титула великого кагана принцами по крові. Так, Великий Тюркський каганат в 568 р. поділявся на чотири уділи, а в 576 р. на вісім. Таким чином, на чолі цих уділів увесь час залишались представники харизматичного клану Ашина [Гумилев, Л. Н. Древние тюрки. М., 1967, с. 63].

[28] *Чичуров, И. С*. Византийские исторические сочинения: „Хронография“ Феофана, „Бревиарий“ Никифора. М., 1980, 60–61.

[29] *Там же,* 161–162.

[30] *Там же*, 60–61, 162.

[31] *Патканов, К.* Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. – ЖМНП, 1883, ч. CCXXVI, с. 29.

[32] *Куник, А.* Указ. соч., 128–129.

[33] *Гадло, А. В*. Указ. соч., с. 114.

[34] *Иордан.* Указ. соч., с. 120.

[35] *Чичуров, И. С*. Указ. соч., 60–61, 162.

[36] *Прокопий из Кесарии.* Указ. соч., 385–388, 434–438, 467; *Агафий. Указ. соч.*, с. 73, 88–89, 147–149.

[37] *Артамонов, М. И.* Указ. соч., 160–169; *Гадло, А. В*. Указ. соч., 95–113; *Новосельцев, А. П.* Указ. соч., 73–75.

[38] *Древнетюркский словарь*. Л., 1969, с. 621.

[39] *Радлов, В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1, ч. 2, СПб., 1893, стб. 1707.

[40] *Древнетюркский словарь*, с. 621.

[41] *Менандр.* Продолжение истории Агафиевой. – Византийские историки / Перев. с греч. С. Дестуниса. СПб., 1860, 391–392.

[42] *Феофилакт Симокатта.* История / Перев. с греч. С. П. Кондратьева. М., 1957, с. 156.

[43] *Ронин, В. К.* Так называемая Хроника Федегара. – Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2. М., 1995, с. 371.

[44] *Комар, О. В. „*Кубрат“ і „Велика Булгарія“: проблеми джерелознавчого аналізу. – Сходознавство, 2001, № 15, 144–145.

[45] *Тортіка, О. О.* Історична географія та населення Великої Болгарії (630–660 рр.): методика дослідження кочових суспільств середньовіччя. Автореф. дисс. … канд. іст. наук. Харків, 1999, с. 12.

[46] *Менандр* Указ. соч., 391–392.

[47] *Чичуров, И. С.* Указ. соч., с. 60, 161.

[48] *Коковцов, П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932, с. 92.

[49] *Minorsky, V.* Hudud al-Alam. The regions of the world. London-Oxford. 1937, p. 32.

[50] *Приск. Указ. соч.*, 87–88.

[51] *Пигулевская, Н.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.–Л., 82–84.

[52] *Егишэ.* О Вардане и войне армянской / Перев. с древнеарм. И. А. Орбели. Ереван: АН Арм. ССР, 1971, с. 31, 127; *Гадло А. В*. Указ. соч., 55–56.

[53] *Патканов, К.* Указ. соч., 24–25.

[54] *Приск.* Указ. соч., 87–88.

[55] *Кляшторный, С. Г., Султанов, Г. И.* Указ. соч., с. 137.

[56] *Pritsak O.* Orientrung und Farbsymbolyc. Zu den Farbenbezeichungen in den altaischen Volkernamen. - Stidies in Medieval Eurasian History. London, 1981, 376-383.

[57] *Генинг, В. Ф., Халиков, А. Х.* Указ. соч., с. 101; *Кляшторный, С. Г., Султанов, Г. И.* Указ. соч., с. 135.

[58] *Рашев, Р.* Указ. соч., с. 250.

[59] *Абрамова, М. П.* Центральный Кавказ в сарматскую эпоху. – Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989, 268–281.

[60] *Ковалевская, В. Б.* Археологические следы пребывания древних болгар на Северном Кавказе. – Плиска-Преслав. Прабългарската култура (Материали от българо-съветската среща, Шумен, 1976). Т. 2. С., 1981, 125–164; *Генинг, В. Ф., Халиков, А. Х.* Указ. соч., 122–123; *Нечаева, Л. Г.* Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе. – Исследования по археологии СССР. Сборник в честь М. И. Артамонова. Л., 1961, 131–142.

УДК 930.2:94(=163.2:470.620)»05/06»

К ВОПРОСУ О ПРИСУТСТВИИ ПРОТОБОЛГАР НА ТЕРРИТОРИИ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА В КОНЦЕ VI – КОНЦЕ VII ВВ. И О „СТОЛИЦЕ“ ВЕЛИКОЙ БУЛГАРИИ – ФАНАГОРИИ[1]

В. Н.Чхаидзе

Чхаїдзе, В. М. ***До питання про присутність протоболгар на території Таманського півострова у кінці VI – наприкінці VII ст. та про „столицю“ Великої Болгарії – Фанагорію***

Традиційно, ґрунтуючись на даних писемних джерел, вважають, що територія Великої Болгарії охоплювала східне і північно-західне Приазов'я, й термін господарювання протоболгар у Приазов'ї встановлено у межах з кінця VI – третьої чверті VII ст.

Втім, вже досить давно, на ґрунті невірної інтерпретації текстів Мовсеса Хоренаці, Стефана Візантійця, Феофана Сповідника і патріарха Нікіфора, виникла думка про те, що центром державного об'єднання протоболгар була Фанагорія – відповідно й усі поселення цього часу на островах кубанської дельти належали протоболгарам.

Однак на основі аналізу текстів й археологічних даних можна впевнено стверджувати не тільки те, що Фанагорія не належала протоболгарам, але й взагалі взяти під сумнів присутність протоболгар на островах кубанської дельти до появи тут хазар.

Ключові слова: писемні джерела, інтерпретація, протоболгари, територія, Фанагорія.

Чхаидзе, В. Н. ***К вопросу о присутствии протоболгар на территории Таманского полуострова в конце VI – конце VII вв. и о „столице“ Великой Булгарии – Фанагории***

Традиционно, основываясь на показаниях письменных источников, считается, что территория Великой Болгарии охватила восточное и северо-западное Приазовье, и время господства протоболгар в Приазовье устанавливается в пределах конца VI – третьей четверти VII вв.

Вместе с тем уже достаточно давно, на основе неверной интерпретации текстов Мовсеса Хоренаци, Стефана Византийца, Феофана Исповедника и патриарха Никифора, возникло мнение о том, что центром государственного объединения протоболгар являлась Фанагория – соответственно и все поселения этого времени на островах кубанской дельты принадлежали протоболгарам.

Однако, на основе анализа текстов и археологических данных, можно с уверенностью утверждать не только то, что Фанагория не принадлежала протоболгарам, но и вообще поставить под сомнение присутствие протоболгар на островах кубанской дельты вплоть до появления хазар.

Ключевые слова: письменные источники, интерпретация, протоболгары, территория, Фанагория.

Chhaidze, V. N. ***To a question on presence of Protobulgarians in territory of Tamansky peninsula in the end of VI – the end of VII centuries and about "capital" of Great Bulgarias – Phanagorias***

Traditionally, being based on indications of written sources, it is considered that the territory of Great Bulgaria has captured east both northwest Priazovye, and time of domination of Protobulgarians in Priazovye is established within the end VI – the third quarter of VII centuries.

© В. Н.Чхаидзе, 2012

At the same time, already for a long time, on the basis of incorrect interpretation of texts of Movses Horenatsi, Stefan of the Byzantine, Feofan of the Confessor and patriarch Nikifor there was an opinion that the center of the state association of Protobulgarians was Phanagoria – accordingly and all settlements of this time on islands of the Kuban delta belonged to Protobulgarians.

Meanwhile, on the basis of the analysis of texts and the archaeological data it is possible to assert with confidence, not only that Phanagoria didn't belong to Protobulgarians, but also in general to call into question presence of Protobulgarians on islands of the Kuban delta up to occurrence Khazars.

Keywords: written sources, Protobulgarians, interpretation, territory, Phanagorias.

В раннесредневековый период дельта Кубани (Гипаниса) продолжала служить главными воротами на Северный Кавказ. В V–VI вв. н.э. здесь еще продолжалась жизнь античных городов Боспорского царства, которые стали небольшими торжищами-эмпориями, осуществлявшими связь между Византией и населением Северного Кавказа. В этот период в регионе Боспора прослеживаются процессы континуитета между античной и византийской эпохами[2].

Между тем, во второй – третьей трети V в. Прокопий Кесарийский отмечает столкновение гуннов (которых он называет утигурами), пришедших через Крым на Боспор Киммерийский, и готов-тетракситов недалеко от „Меотийского болота" (Азовского моря)[3]. Здесь следует полагать, что готы-тетракситы занимали территорию, прилегающую к Таманскому полуострову.

В правление императора Юстина I (518–527) боспорские города по собственному желанию ненадолго входят в состав византийской империи, о чем, вероятно, говорится в надписи царя Тиберия-Юлия Дуптуна (522–?), где он назван „*другом кесарей и другом ромеев*"; в этой надписи также упоминаются появившиеся на Боспоре представители византийской администрации – эпарх Исгудий и комит Опадин. Следовательно, на Боспоре продолжает сохраняться царская власть, правящая династия и аппарат управления[4].

Без сомнения, с этими событиями связано и первое упоминание епископской кафедры в Фанагории – подпись епископа Иоанна под документами патриаршего синода 518 г. в Константинополе[5]. Таким образом, через посредничество Боспорской епископии, в начале VI в. епископская кафедра была создана в Фанагории и находилась в непосредственном подчинении Константинополю[6].

Вхождение Боспора в состав империи вызвало недовольство гуннов, которые напали на Боспор, разгромили гарнизон и, убив трибуна, захватили город. Тогда же, как сообщает Прокопий, варварами, жившими „*в соседних землях*", были „*взяты и разрушены*" Кепы и Фанагория[7]. Для возвращения Боспора между 527/529 и 534 гг. император Юстиниан I (527–565) отправил морем к проливу наемную армию во главе с комитом Иоанном, усиленную вспомогательным войском готов под главенством Годилы и стратига Бадурия, которые двигались сушей. Боспор был возвращен и укреплен стенами. Об этом сообщают Прокопий, Иоанн Малала и Феофан[8]. В это же время, или чуть позже, могли были возвращены и Кепы с Фанагорией[9]. На это указывает найденный в 1893 г. на Таманском полуострове и, вероятно, стоявший в Фанагории фрагмент строительной надписи с именем Юстиниана, датированный временем около 548 г. и упоминавший „*комита этого города*" – представителя императорской власти на Боспоре[10]. Следовательно, во владении Византии оказались оба берега Керченского пролива[11].

Таким образом, ранее Боспор, пользуясь самостоятельностью во внутреннем управлении, платил дань гуннам[12], теперь он стал отдельным византийским церковным и административным центром, важным морским портом, контролировавшим пролив[13]. Управление осуществлялось трибуном, занимавшимся строительством и муниципальными служащими, руководившими гражданской, повседневной сферой жизни[14]. Именно с этого времени новое название города „Боспор" используется вместо

прежнего „Пантикапей“[15]. Важно отметить, что в конце VI в. для территории бывшего Боспорского царства сохранившееся название „Боспор“ распространялось и на его Азиатскую часть[16].

В сильно пострадавших после нашествия тюрок городах и поселениях Боспора уменьшилось население, значительная часть которого либо погибла, либо была уведена тюрками. Лишь небольшому количеству населенных пунктов, находящихся под властью Византии, в том числе Боспору, удалось восстановиться ко второй половине VII в.[20].

Можно полагать, что в связи с этими событиями, епархия Фанагории была упразднена, и Таманские острова были подчинены юрисдикции епархии Зихии с центром в Никопсисе. Зихская епархия известна с середины VI в.[21]; ее основная задача – христианская миссия, рассчитанная на проповедь среди населения Северо-Западного Кавказа – зихов[22].

Относительно этничности населения Фанагории V–VI вв., можно отметить присутствие здесь греческого элемента. Об этом позволяют говорить две эпиграфические находки. Это известняковая надгробная плита, на которой, примерно в половину высоты, вырезан крест. По обе стороны от него расположена греческая надпись „*Господи, помоги Феодоту*“, найденная в 1971 г. на территории Западного некрополя. По палеографическим данным надгробие может быть датировано второй половиной IV–V вв.[23]. Еще одним свидетельством является обнаруженная в 1853 г. мраморная плита – прошение Кириака: „*Господи, помоги рабу Твоему Кириаку капитану, всем морякам и Георгию грешнику*“, относимая к V–VI вв.[24].

Отдельным вопросом является присутствие в V–VI вв. в Фанагории протоболгар – тюркоязычных племен кочевников, пришедших из Азии и населявших восточноевропейские степи с IV в. Эти племена, родственные между собой и объединенные общим названием „булгары“, впервые встречающимся у латинских писателей Комиса Марцелина и Иордана (VI в.)[25]. К середине VI в. протоболгары и ряд родственных им племен сгруппировались на берегах Меотиды (Азовского моря), создав в 30-х гг. VII в. под предводительством вождя уногундуров хана Кубрата, основателя или предка рода Дуло (время жизни: начало VII в. – 60–70-е гг. VII в.), племенное объединение, названное византийскими авторами „Великой Болгарией“[26].

Традиционно считается, что территория „Великой Болгарии“ охватила восточное и северо-западное Приазовье – на этот счет существует обилие литературы[27], хотя бытуют и альтернативные версии[28], например, о нахождении „Великой Болгарии“ на территории ставропольской возвышенности[29] или в районе Днепра[30].

После смерти Кубрата и кратковременного правления Безмера, также из рода Дуло, власть над протоболгарами наследовали сыновья Кубрата. В силу полиэтничности объединения, „Великая Болгария“ распалась на отдельные орды. Наиболее крупными являлись орды братьев Батбая и Аспаруха, кочевавшие в степях Нижнего Дона и Восточного Приазовья. Именно с ними около 679 г. столкнулись пришедшие из Предкавказья хазары – сильное кочевническое объединение, отколовшееся от Тюркского каганата и укрепившееся к середине VII в. Этнически близкие протоболгарам, хазары, несмотря на родство, являлись враждебным протоболгарам племенным объединением, возглавляемым родом Ашина[31].

Таким образом, основываясь на показаниях письменных источников, время господства протоболгар в Приазовье устанавливается в пределах конца VI – третьей четверти VII вв. Вместе с тем, уже достаточно давно было отмечено[32], что в научной литературе прочно утвердилось неверное мнение о том, что центром государственного объединения протоболгар являлась именно Фанагория – соответственно и все поселения этого времени на островах кубанской дельты принадлежали протоболгарам.

Это мнение возникло на основе неверной интерпретации текстов Мовсеса Хоренаци, Стефана Византийца, Феофана Исповедника и патриарха Никифора. Еще в 1883 г. К. П. Патканов писал: „*Кубрат, или Кробат, властитель Котрагов и Булгар, умер в Фанагории, у устья реки Куфена (Кубани)*“[33]. Впоследствии эта идея была развита

Н. Я. Мерпертом: „*Столицей Болгарской державы была, по-видимому, Фанагория. Есть сведения, что именно здесь, после длительного царствования, умер Кубрат*[34]“. Какие именно „сведения“ имелись ввиду, автор не уточнил.

Эти два утверждения были безоговорочно приняты Е. П. Алексеевой: „*Столицей была Фанагория… Там Кубрат и умер*“[35], А. П. Смирновым: „…*Фанагория, ставшая, по-видимому, столицей болгарской державы. Есть сведения, что именно здесь умер Кубрат*“[36] и С. А. Плетневой: „*В первой половине VII в. она [Фанагория – В. Ч.] была столицей так называемой Великой Болгарии*“[37], которая впоследствии неоднократно, хотя и не во всех работах, повторяет этот тезис[38].

Несмотря на то, что М. И. Артамонов пишет только о кубанских болгарах, которым (со второй половины VII в.) принадлежала Фанагория[39], в итоге, мнение о городе, как о первой столице Болгарии, также как и о принадлежности полуострова протоболгарам, начинает кочевать из работы в работу, в том числе среди болгарских исследователей и вплоть до сегодняшнего дня воспринимается как бесспорный факт[40].

Следует отметить, что ряд болгарских коллег не принимают всерьез эту версию[41]. Эту же гипотезу в своих работах последовательно подвергал сомнению, а затем отверг Рашо Рашев[42].

Между тем, своеобразной попыткой возврата к этой гипотезе является серия работ болгарского автора П. П. Георгиева. Не привлекая археологические данные, он утверждает, что именно исторические и ономастические свидетельства могут разрешить этот вопрос. Истолковывая эти источники, П. П. Георгиев полагает, что на территории Таманского полуострова (со столицей в Фанагории) находились основные центры Великой Болгарии – государственного образования с определенной территорией, владетелем и военно-политическими центрами. Эти центры – Фанагория (Фанагурис) и Таматарха (Томитуракан) якобы на протяжении V–VII вв. выполняли функции первостепенных центров для окрестного протоболгарского населения. По мнению автора, территория, заселенная Аспарухом на Нижнем Дунае, в природно-географическом и культурно-историческом отношениях является точным аналогом Таманского полуострова и, следовательно, болгары Аспаруха заселяли Нижний Дунай в соответствии с реалиями Великой Болгарии. Наконец, как уже отмечалось, П. П. Георгиевым проводятся ономастичекие изыскания о трансформации названий Фанагория в Фанагурис-Фанагуриас и Тмутаракань в Томитуракан под воздействием тюркоязычных (т. е. протоболгарских) племен[43].

С нашей точки зрения, доводы, приводимые исследователем, базируются на слишком большом количестве предположений. Мы не можем согласиться с этими тезисами, также как и с окончательным выводом о находящемся в дельте реки Кубань центре Болгарии Кубрата[44].

Между тем, в „Хронографии“ Феофана Исповедника (вторая половина VIII – начало IX вв.) сказано: „*В [землях], прилегающих к восточным частям озера [Азовского моря], у Фанагории и проживающих там евреев, обитает множество народов; от самого же озера и до реки, называемой Куфис, где ловится булгарская рыба ксистон, простирается древняя Великая Болгария и живут соплеменные булгарам котраги*“[45]. Как из текста Феофана, так и пересказавшего его в своей „Хронографии“ Анастасия Библиотекаря (IX в.)[46], вовсе не следует, что котраги вместе со „*множеством народов*“ проживали у Фанагории[47]. Речь в приведенном отрывке идет о евреях Фанагории, но уже в античную эпоху[48] значительную часть населения приморских торговых городов составлял именно еврейский компонент. Помимо евреев, население было представлено разноязычной смесью греков, синодо-меотов, сарматов, готов, алан и остатков кочевых и полукочевых гуннов[49]. Так же и присутствующее в грузинской хронике „Мокцевай Картлисай“ („Обращение Картли“), замененное в своде XI в. название „хонни“ (гунны) более понятным „евреи“[50], не может служить доказательством того, что упоминаемые у Феофана евреи являлись переселенцами с юга – гуннами[51]. То, что речь идет именно о евреях, в конфессиональном смысле, под-

тверждают многочисленные находки иудейских надгробий в Фанагории и близлежащих поселениях. Где-то поблизости, на указанной территории, располагалось иудейское кладбище. Однако следует отметить, что вопрос о датировке таманских иудейских надгробий остается открытым. Наиболее вероятны хронологические рамки I–V вв. н. э.[52].

Иными словами, можно констатировать, что у Феофана и Никифора не говорится о Фанагории как о столице Кубрата, а анализ текстов и археологические данные позволяют с уверенностью утверждать не только то, что Фанагория не принадлежала протоболгарам, но и вообще поставить под сомнение присутствие протоболгар на островах кубанской дельты вплоть до появления хазар[53]. Согласно же греческой и армянской локализации, протоболгары в VII в. проживали к востоку от Таманского полуострова и к северу от р. Кубань – в Восточном Приазовье[54]. Именно здесь встречаются: раннесредневековые погребальные памятники „типа Сивашовки“ (вторая-третья трети VII – начало VIII вв.), соотносимые с болгарами, и „типа Соколовской балки“ (середина VII – первая половина IX вв.), атрибутируемые как хазарские[55]. Эти памятники П. П. Георгиев почему-то приводит как доказательство овладения протоболгарами Таманского полуострова: „Надежные археологические данные об овладении болгарами территорией Таманского полуострова дают впущенные в древние курганные насыпи захоронения болгарских воинов, в том числе и времен „Великой Болгарии“[56]. Между тем, на Таманском полуострове „сивашовские“ (вероятно, болгарские) памятники до сих пор не выявлены, в отличие от „соколовских“ (предположительно хазарских), один из которых – грунтовое погребение конца VIII – первой половины IX вв., известен в Кепах, близ Фанагории[57].

Немногочисленные археологические данные позволяют утверждать о наличии исключительно византийской власти в боспорских городах со второй половины V в. и до 650–670 гг. Причем, возникновение „Великой Болгарии“ не повлияло на политическое положение городов на Таманском полуострове[58].

Вероятно, единоличная власть империи на Боспоре сохранялась вплоть до появления здесь хазар, большой интерес которых вызывали приморские города с их близостью к византийской Таврике и возможностью непосредственных сношений с Византийской империей. В источниках говорится об оседании хазар: „*...из глубин Берзелии на земли булгар и все селения за Понтом Эвксинским... и достигли моря*“[59]. Можно констатировать, что к концу VII в. власть хазар распространилась на степи от Азово-Каспийского междуморья и вплоть до Днепра[60]. Однако, тезис о том, что протоболгарские орды были разбиты и оттеснены с прежних кочевий в районе Таманского полуострова, должен быть подвергнут корректировке. В результате действий хазар, в 60-е гг. VII в. орда Батбая, в отличие от откочевавшей на Дунай орды Аспаруха, была подчинена хазарами и включена в их объединение. Судя по всему, объединение было действительно потеснено из района Восточного Приазовья – Кубани – Маныча именно в район дельты Кубани[61]. Таким образом, протоболгары, наряду с греками, евреями, хазарами и др., составили основу населения приморских городов и поселений на полуострове, частью перейдя пролив и начав осваивать Крымские степи, а также города и их окрестности[62]. Данные события могли иметь место именно в третьей четверти VII в., так как уже в 698 г. в Фанагории была создана резиденция бежавшего в Хазарию византийского императора Юстиниана II Ринотмета (685–695; 705–711).

Важно отметить, что текстологический анализ сведений Феофана Исповедника и патриарха Никифора дает однозначный ответ, что византийские авторы не считали земли Таманского полуострова, а также Крыма, территориями Хазарии. На Боспоре, в Фанагории, осуществляли свои функции два хазарских чиновника. При этом, как на территории Боспора, так и в крымских архонтиях отсутствовали хазарские войска и гарнизоны. В свете изложенного можно поставить под вопрос утверждения, что Фанагория могла являться центром хазарской администрации, под контролем которой находились юго-западные владения каганата, так же, как и то, что после бегства Юстиниана в Дунайскую Болгарию, Фанагория и Боспор продолжали оставаться во власти хазар[63].

Таким образом, при современном состоянии источниковедческой базы о появлении протоболгар на территории Таманского полуострова в качестве если не основного, но значительного компонента населения, можно говорить лишь с конца VII в.[64]. Утверждать же о какой-либо роли Фанагории и Гермонассы (Таматархи) в жизни населения Кубратовой Болгарии, также как и о находящемся здесь центре этого образования[65], не представляется возможным.

[1] Работа выполнена по проекту „Раннесредневековая городская археология степной зоны России. Пути развития“ программы фундаментальных исследований Президиума РАН „Историко-культурное наследие и духовные ценности России“.

[2] *Виноградов, Ю. Г.* Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (в свете датированных боспорских надписей V в.). – ВДИ, 1998, № 1, 234–246; *Болгов, Н. Н.* Поздний Боспор: к дискуссии о континуитете государства и социальных структур. – ВДИ, 2003, № 2, 164–165.

[3] *Wirth, G. (post Haury J.).* Procopii Caesariensis opera omnia. Vol. I–II. De bellis libri I–VIII. Leipzig, 1962–1963, p. 506.

[4] *Корпус Боспорских надписей.* Под редакцией В. В. Струве. 1965, № 67, 74–75; *Латышев, В. В.* Этюды по византийской эпиграфике. – ВВ, т. 1, 1894, вып. 1, 661–662; *Виноградов, Ю. Г.* Указ. соч., 234–238, 245–246, рис. 1; *Фролова, Н. А.* Проблема континуитета на позднеантичном Боспоре по нумизматическим данным. – ВДИ, 1998, № 1, 249–250; *Сазанов, А. В.* Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Автореф. дисс. … докт. ист. наук. М., 1999, с. 28, 33; *Храпунов, Н. И.* К дискуссии о „надписи Дуптуна“. – В: Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции. Ч. 1. СПб., 2002, 88–90; *Болгов, Н. Н.* Об историческом контексте надписи Дуптуна (КБН 67). – В: Боспорские чтения. Вып. 6. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. Керчь, 2005, 18–24.

[5] *Acta conciliorum oecumenicorum*. Iussu atque mandato. Societatis Scientiarum Argentoratensis. Edidit E. Shwartz. Tomus III. Berolini, 1940, p. 66, No 24; *Le Quien M.* Oriens Christianus, in Quatuor Patriarchatus Digestus. Tomus Primus. Parisiis, 1740, coll. 1327–1328; *Fedalto, G.* Hierarchia Ecclesiastica Orientalis. Vol. 1. Patriarchatus Constantinopolitanus. Padova, 1988, p. 392.

[6] *Le Quien, M.* Op.cit., coll. 1325–1326; *Плетньова, С.* Древните българи в Източна Европа. – Известия на Българското историческо дружество. Кн. 23, 1980, с. 26; *Гадло, А. В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья. – В: Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991, с. 95; *Болгов, Н. Н.* Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV–V вв.). Белгород, 1996, с. 115; *Адаксина, С. Б.* Ещё раз о христианизации Крыма // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. Ч. 2. СПб., 2004, с. 166.

[7] *Прокопий Кесарийский.* Война с готами. О постройках. II. Перев. С. П. Кондратьева. М., 1996, с. 25; *Гадло, А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979, с. 81; *Храпунов, Н. И.* О взаимоотношениях Боспора и Византии при Юстиниане I. – В: Vita Antiqua, 2003, No 5–6, p. 173; *Сорочан, С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1–2. Харьков, 2005, с. 1242. Вместе с тем, по мнению А. Ю. Виноградова разрушение Кеп и Фанагории не связано с этими событиями, а произошло после 560 г., когда к Боспору Киммерийскому подошли авары, бежавшие от натиска тюрок (*Виноградов, А. Ю.* История Азиатского Боспора в эпоху поздней античности и в ранневизантийское время (IV–VI вв.) по литературным источникам // 2011 (в печати), о чем сообщает Евагрий Схоластик в своей „Церковной Истории“ (*Евагрий Схоластик.* Церковная история. Перев. СПб. Духовной Академии, пересм. и исправл. В. В. Серповой. М., 1997, с. 192). Мы подобное предположение принять не можем. Помимо того, что у Евагрия ничего не говорится о захвате Фанагории и других городов, как показали археологические исследования, первое разрушение города датируется первыми десятилетиями VI в. и, без сомнения, связано с рассматриваемыми событиями (см.: *Сазанов, А. В.* Указ. соч., 32–35); второе – последней четвертью VI в. и связано с событиями 576 г. (также см.: *Атавин, А. Г.* Средневековая Фанагория и ее место среди одновременных памятников Северного Причерноморья. – В: Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма. М., 1988, с. 22). В качестве еще одной гипотезы, приведем мнение Г. З. Анчабадзе, согласно которому Кепы и Фанагория в середине VI в. были разрушены протоадыгскими племенами, упомянутыми в грузинских источниках как „хаскуны“. Их в это время пытался подчинить своей власти Юстиниан I, и в этом ему оказал помощь царь Картли Фарсман (542–557), совершивший поход в Прикубанье (*Анчабадзе, Г. З.* Поход картлийского царя в Прикубанье в середине VI в.: вымысел или факт? – В: Вопросы истории народов Кавказа (сб. статей, посв. памяти З. В. Анчабадзе). Тбилиси, 1988, с. 131.

[8] *Wirth, G. (post Haury J.).* Op. cit., 56-57; *Прокопий Кесарийский.* Указ. соч., с. 224; *Dindorf, L.* Ioannis Malalae Chronographia. (Corpus scriptorum historiae Byzantinae). Bonn, 1831, p. 412, 432; *de Boor, C.* Theophanis Chronographia. Vol. I. Leipzig, 1883, p. 175; *Васильевский, В. Г.* Житие Иоанна Готского. – Труды В. Г. Васильевского. Т. 2. СПб., 1912, вып. 2, с. 383; *Васильев, А. А.* Готы в Крыму – ИГАИМК, т. 5. 1927, 179–180; *Храпунов, Н. И.* Указ. соч., 171–172; *Болгов, Н. Н.* Между империей и варварами: финал античности на Боспоре Киммерийском. – В: Україна в Центрально-Східній Европі. З найдавніших часів до кінця XVIII ст. Вип. 4. К., 2004, с. 65; *Могаричев, Ю. М., Сазанов, А. В., Шапошников, А. К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма „хазарского периода“. Симферополь, 2007, с. 32.

[9] *Артамонов, М. И.* История хазар. Л., 1962, 88–91.

[10] *Латышев, В. В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896, № 98, 98–105, табл. X; *Виноградов, А. Ю.* К датировке надписи Юстиниана с Мангупа. – ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ. Памяти Юрия Германовича Виноградова. ХСб, 2001, вып. 11, с. 71.

[11] *Фролова, Н. А., Николаева, Э. Я.* Ильичевский клад монет 1975 г. – ВВ, т. 39, 1978, 178–179; *Фролова Н. А.* Проблема континуитета.., с. 248. Вместе с тем, по мнению А. В. Гадло, Кепы и Фанагория не восстанавливались в течение длительного времени (*Гадло, А. В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии.., с. 95). Как видим, делать такие выводы нет оснований.

[12] *Гайдукевич, В. Ф.* Памятники раннего Средневековья в Тиритаке. – СА, т. 6, 1940, с. 201.

[13] *Айбабин, А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999, с. 97; *Могаричев, Ю. М., Сазанов, А. В., Шапошников, А. К.* Указ. соч., с. 32.

[14] *Храпунов, Н. И.* Администрация византийского Боспора в VI в. – В: Боспорские чтения. Вып. V. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004, с. 380.

[15] *Храпунов, Н. И.* О взаимоотношениях Боспора и Византии.., с. 176–177.

[16] *Сазанов, А. В., Могаричев, Ю. М.* Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII вв. (по данным письменных источников). – В: Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Памяти Н.П. Сорокиной. Труды ГИМ, 2006, вып. 159, с. 124.

[17] *Менандра Византийца* продолжение истории Агафиевой. – В: Византийские историки. Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. Подготовка к изданию А. И. Цепковым. Рязань, 2003, отрывок 47, с. 302.; *Васильев, А. А.* Указ. соч., с. 183.

[18] См.: *Сазанов, А. В.* Указ. соч., с. 36.

[19] *Латышев, В. В.* Этюды по византийской эпиграфике, 671–672; Сборник греческих надписей.., № 99, 105–109, табл. XI; *Кулаковский, Ю. А.* К истории Готской епархии (в Крыму) в VIII в. – ЖМНП, 1898, № 2, с. 14; *Васильев, А. А.* Указ. соч., 185–186; *Артамонов, М. И.* Указ. соч., 137–139; *Сорочан, С. Б.* Око и щит империи. Херсон к концу правления Юстиниана I и при его ближайших преемниках. – БИ, 2004, вып. 5, 262–326–327, 329–330; О политическом статусе Таврики во второй половине VI – первой половине VII вв. – В: ВЕДС. XIX Политические институты и верховная власть. 2007, 240–242; *Могаричев, Ю. М., Сазанов, А. В., Шапошников, А. К.* Указ. соч., с. 34.

[20] *Сазанов, А. В.* Указ. соч., 36–38; *Айбабин, А. И.* Указ. соч., с. 141.

[21] *Acta conciliorum oecumenic*orum. Op. cit., p. 28, 115, 126, 155, 162, 171, 184.

[22] *Гадло, А. В.* Указ. соч., 95–96.

[23] *Виноградов, А. Ю., Чхаидзе, В. Н.* Новая христианская надпись из Фанагории. – ВДИ, 2011 (в печати).

[24] *Гёрц, К. К.* Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. М., 1876, с. 86; *Латышев, В. В.* Сборник греческих надписей.., № 104, 113–113; *Виноградов, А. Ю.* Указ. соч.

[25] *Латински извори за българската история.* I. Под редакцията на И. Дуйчев, М. Войнов, Б. Примов, В. Велков. С., 1958, с. 313, 318, 337; *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. „Getica“ /Вступительная статья, перев., коммент. Е. Ч. Скржинской, 2-е изд., исправл. и доп. СПб., 1997, с. 67; см.: *Артамонов, М. И.* Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936, 9–10; *Плетньова, С.* Цит. съч., 24–25; *Ромашов, С. А.* Болгарские племена Северного Причерноморья в V–VII вв. – AEMA, 1992–1994, Bd. 8, 1994, S. 11.

[26] *Dunlop, D.* The History of the Jewish Khazars. Princeton, New Jersey, 1954, p. 25, 37, 41; *Артамонов, М. И.* Указ. соч., 79–91, 157–169; *Комар, А. В.* Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время. Донецк, 2006, с. 170.

[27] *Чичуров, И .С.* Экскурс Феофана о протоболгарах – В: ДГ, 1975 г., 1976, с. 80; *Плетньова, С. А.* Цит. съч., 25–26; Древние болгары в восточноевропейских степях. – Татарская археология. Казань, 1997, № 1, 35–37; *Тыпкова-Заимова, В.* Южные славяне, протоболгары и Византия. Проблемы государственного и этнического развития Болгарии в VII–IX вв. // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). М., 1991, 43–44; *Ромашов, С. А.* Указ. соч., 237–245; Историческая география Хазарского каганата (V–XIII вв.): Введение. Глава I. Источники и историогра-

фия. Глава II. Появление хазар. Возникновение хазарского каганата и формирование его территории. – AEMA, 2000–2001, Bd. 11, 2001, 311–318; *Комар, А. В.* Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье. – В: Сугдейский сборник. К. – Судак, 2002, 169–172; *Тортика, А. А.* Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.). Харьков, 2006, 51–61; *Могаричев, Ю. М., Сазанов, А. В., Шапошников, А. К.* Указ. соч., с. 81; и др.

[28] См.: *Чичуров, И. С.* Указ. соч., 67–68.

[29] *Гадло, А. В.* Этническая история.., 111–112.

[30] *Рона-Таш, А.* Хазары и мадьяры – В: Хазары. Иерусалим – М., 2005, с. 117.

[31] *Плетнева, С. А.* Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья. – В: Плиска–Преслав. 2. Прабългарската култура: Материали от българо-съветската среща. Шумен, 1976. С., 1981, с. 12, рис. 7; Древние болгары в восточноевропейских степях, с. 38; *Тъпкова-Заимова, В.* Указ. соч., с. 44; *Голден, П. Б.* Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов. – В: Феномен Восточного деспотизма: структура управления и власти. М., 1993, 218–219; *Гадло, А. В.* Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004, 132–133; *Комар, А. В.* Перещепинский комплекс..., 187–188; *Тортика, А. А.* Указ. соч., 70–74; и др. В последнее время принадлежность династии хазарских каганов к роду Ашина подвергается сомнению, так как в источниках не содержится сведений на подобную связь – единственное сообщение: *„Худуд ал Алам о хазарском царе, который назван „тархан-хакан“ от помотков (детей) Анса“* (См.: *Живков, Б. Н.* Интегративни и дезинтегративни тенденции в Хазарския каганат. Краят на IX–X век. Автореферат за присъждане на образователната и научна степен „доктор“. С., 2010, с. 8).

[32] *Димитров, Д.* Прабългарите по Северното и Западното Черноморие (Към вопроса за тяхното присъствие и история в дешните руски земи и ролята им при образуването на българска държава). Варна, 1987, 89–90, 103, 107, 261.

[33] *Патканов, К.* Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому. – ЖМНП, март 1883. Ч. CCXXVI, с. 26, сн. 2.

[34] *Мерперт, Н. Я.* Древнейшие болгарские племена в Причерноморье. – В: Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III–IX вв. М., 1958, с. 598.

[35] *Алексеева, Е. П.* Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. Черкесск, 1963, с. 18. Впоследствии Е. П. Алексеева отказалась от этой точки зрения (*Алексеева, Е. П.* Вопросы взаимосвязей народов Северного Кавказа с русскими в X–XV вв. в отечественной исторической науке. Черкесск, с. 56).

[36] *Смирнов, А. П.* Кочевники IV–VII вв. н. э. – В: История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966, с. 331.

[37] *Плетнева, С. А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – МИА, 1967, № 142, с. 48.

[38] *Плетнева, С. А.* Хазары. М., 1976, с. 21, 91; Древните българи в Източна Европа, с. 28; Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982, с. 49; Древние болгары.., с. 37.

[39] *Артамонов, М. И.* Указ. соч., с. 130, 196.

[40] *Фёдоров, Я. А., Фёдоров, Г. С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе (историко-этнографические очерки). М., 1978, с. 67; *Тъпкова-Заимова, В., Павлов, П.* Северните „варвари“ и Черноморието (уседналите и номадските народи в Югоизточна Европа и връзката им с Черно море). – В: БСП. Т. 2, 1993, с. 23; *Ромашов, С. А.* Указ. соч., с. 318; *Георгиев, П.* Плискова – Плесков и прабългарите в източното Приазовие и Северното Причерноморие. – В: БСП. Т. 7, 2000, с. 47; *Козлов, В. И.* К вопросу о локализации Черной Болгарии. – В: Третья Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов международной археологической конференции. Краснодар – Анапа. 2001, с. 70; *Тортика, А. А.* Указ. соч., с. 67; и др.

[41] *Ангелов, Д.* Образуване на българската народност. С., 1971, 190–194; *Мутафчиев, П.* История на българския народ (681–1323). С., 1986, 100–104; *Степанов, Ц.* О локализации „Великой Болгарии“ Кубрата. – Bulgarian Historical Review, 1995, No 2, 5-11.

[42] *Рашев, Р.* Прабългарите през V–VII в. В. Търново, 2000, с. 36; Цит. съч., 2-ро доп. изд.: С., 2004, с. 57; Цит съч., 4-то доп. изд.: В. Търново, 2007, с. 59.

[43] *Георгиев, П.* Столицата на хан Кубрат. – В: Трудове на катедрите по история и богословие. Т. 4. Шумен, 2001, 17–39; Фанагурис – Томитуракан и „Велика България“. – В: Россия – Крым – Балканы: диалог культур. Екатеринбург, 2004, 83–87; Фанагурис, Томитуракан и „Великая Болгария“. – АДСВ, 2005, вып. 36, 34–49; Varna hisorica et protobulgarica. Опит за характеристика. – В: Проблеми на прабългарската история и култура. 4–2. С., 2007, 31–32.

[44] См.: *Чхаидзе, В. Н.* Протоболгары на Таманском полуострове? – В: Боспорские чтения. Вып. VI: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и Средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. Керчь, 2005, 356–359.

[45] *Феофан Исповедник.* Хронография. – В: Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: „Хронография“ Феофана, „Бревиарий“ Никифора (тексты, перев., коммент.). М., 1980, с. 36/60; см.: *Чичуров, И. С.* Указ. соч., с. 66; *Литаврин, Г. Г.* К проблеме становления Болгарского государства. – История СССР. 1981, № 4, 29–48; *Комар, А. В.* Указ. соч., с. 159.

[46] *Латински извори за Българската история.* II, с. 247.

[47] Ср.: *Георгиев, П.* Фанагурис – Томитуракан и „Велика България“, с. 83; Фанагурис, Томитуракан и „Великая Болгария“, 35–37.

[48] *Даньшин, Д. И.* Фанагорийская община иудеев. – ВДИ, 1993, № 1, 59–64; *Болгов, Н. Н.* Закат античного Боспора.., с. 102; *Могаричев, Ю. М.* К вопросу о раннесредневековых иудейских общинах в Крыму. – В: ХСб, 2003, вып. 12, 287–288.

[49] *Болгов, Н. Н.* Поздний Боспор и варварские королевства как политический феномен переходной эпохи (V–VI вв.). – В: Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., 1999, с. 253; *Чхаидзе, В. Н.* Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 2008, 287–289.

[50] *Такайшвили, Е. С.* Три хроники. Источники грузинских летописей. – СМОМПК, 1900, вып. 28, с. 5; См.: *Гадло, А. В.* Этническая история.., с. 20.

[51] Ср.: *Георгиев, П.* Указ. соч., 37–38.

[52] *Чхаидзе, В. Н.* Указ. соч., с. 234.

[53] *Димитров, Д.* Цит. съч., с. 90; *Чхаидзе, В. Н.* Протоболгары.., с. 357. Стремясь обосновать присутствие протоболгар на Таманском полуострове, П. П. Георгиев пишет: *„За период VI–VII вв. число долговременных, в той или иной степени, лагерей-зимовищ невелико, но большая часть из них располагается на руинах более древних византийских поселений, в том числе прибрежных античных городов“* (*Георгиев, П.* Указ. соч., 42–43). На самом деле на полуострове выявлено 25 поселенческих памятников V–VII вв., лишь 4 из них располагаются на месте более древних античных городов (см.: *Паромов, Я. М.* Фанагорийская округа. Округа Гермонассы. Кандаурская группа поселений. – В: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IV–XIII вв. Археология. М., 2003, с. 152, рис. 8). И нет никаких оснований называть их „лагерями-зимовищами“.

[54] *Комар, А. В.* Указ. соч., 163–166.

[55] *Атавин, А. Г.* Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья. – В: Древности юга России. Памяти А. Г. Атавина. М., 2008, 28–43, табл. 1–27; *Круглов, Е. В.* Заметки на полях некоторых статей по антропологии в свете проблем археологии хазарского времени. – Нижневолжский археологический вестник, 2006, вып. 8. Волгоград, 280–283; Сложносоставные луки Восточной Европы хазарского времени. – В: Проблеми на прабългарската история и култура. 4–1. С., 2007, 116–118; *Рашев, Р.* Болгары и хазары в VII веке. – В: Проблеми на прабългарската история и култура. 4–1. С., 2007, 30–31.

[56] *Георгиев, П.* Указ. соч., с. 43. Ни одного раннесредневекового подкурганного погребения, датируемого ранее конца X в., на Таманском полуострове не выявлено. Нет никаких данных и о „болгарских воинах“. И это веский довод против предположения П. П. Георгиева о присутствии протоболгар на Таманском полуострове, в том числе о номадских лагерях-зимовищах в ближайших окрестностях городов (см.: *Георгиев, П.* Указ. соч., с. 44, 48). Следы этих „лагерей-зимовищ“ также до сих пор неизвестны.

[57] *Сорокина, Н. П.* Средневековые погребения из некрополя города Кепы на Таманском полуострове. – В: Экспедиции ГИМ. М., 1969, 124–128, рис. 1.

[58] *Сазанов, А. В.* Указ. соч., 37–38; *Гавритухин, И. О., Паромов, Я. М.* Ильичевское городище и памятники его округи. – В: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. Археология. М., 2003, 152–157; *Паромов, Я. М.* Указ. соч., 157–161; *Чхаидзе, В. Н.* Гермонасса – Томы – Таматарха: позднеантичный и раннесредневековый город на Боспоре. – В: Археологические вести. СПб., 2007, вып. 14, с. 142. Обозначение П. П. Георгиевым Фанагории как крепости (*Георгиев, П.* Указ. соч., с. 44, 46) так же неверно – раскопками на памятнике фортификационные укрепления до сих пор не выявлены. С другой стороны, болгарский исследователь, не зная, что в Таматархе-Тмутаракани существовала крепостная стена и вал (*Чхаидзе, В. Н.* Таматарха. Раннесредневековый.., 120–132, рис. 65–70), допускает противоречивое утверждение: *„Данные о земляной или другого рода раннесредневековой фортификации у античного города пока отсутствуют“* (см.: *Георгиев, П.* Указ. соч., с. 45).

[59] *Феофан Исповедник.* Указ. соч., с. 36/60, 37/61; Ср.: *Патриарх Никифор*. Указ. соч. – В: *Чичуров, И. С.* Указ. соч., с. 154/162.

[60] *Артамонов, М. И.* История хазар, 166–174; *Плетньова, С. А.* Древните българи..., 27–28; Древние болгары.., 38–39; *Сазанов, А. В.* Указ. соч., с. 40; *Айбабин, А. И.* Указ. соч., с. 185; *Сорочан, С. Б.* К вопросу о юго-западных пространственных пределах Хазарского каганата в VII в., с. 176; *Комар, А. В.* Указ. соч., 184–186, 188, 191.

[61] *Атавин, А. Г.* Указ. соч., с. 41.

[62] *Плетньова, С. А.* Цит. съч., с. 39; *Ромашов, С. А.* Указ. соч., 116–117; *Комар, А. В.* Указ. соч., с. 166, 186.

[63] См.: *Васильевский, В. Г.* Указ. соч., 389; *Dunlop, D.* Op.cit., 172-173; *Артамонов, М. И.* Указ. соч., 196–197; *Плетньова, С. А.* Цит съч., с. 32; *Гадло, А. В.* Предыстория Приазовской Руси.., с. 131, 208; и др.

[64] См.: *Чхаидзе, В. Н.* Протоболгары.., 358–359.

[65] Ср. *Георгиев, П.* Указ. соч., с. 34, 41, 48.

УДК 94(100)”06/09”

„ЧЕРНАЯ БУЛГАРИЯ“ ТРАКТАТА КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО „ОБ УПРАВЛЕНИИ ИМПЕРИЕЙ“ И „ЧЕРНЫЕ БОЛГАРЫ“ „ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ“: ПРОБЛЕМЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ

А. А. Тортика

Тортіка О. О. **„Чорна Булгарія“ трактату Костянтина Багрянородного „Про управління імперією“ і „чорні болгари“ „Повісті минулих літ“: проблеми локалізації**

Стаття присвячена пошукам т.зв. Чорної Булгарії, згаданої у розділах 12 і 42 трактату Костянтина Багрянородного „Про управління імперією“ й у „Повісті минулих літ“. На основі прямих і непрямих даних середньовічних письмових джерел, за допомогою методу порівняльної критики, ретроспективного методу, методу послідовного виключення запропоновано варіант локалізації Чорної Булгарії. Як було визначено, для локалізації Чорної Болгарії залишається один регіон – східна частина північного Приазов’я, що межує із нижнім Доном й з півночі обмежена течією Сіверського Дінця.

Ключові слова: координати, маршрути, річкові шляхи, геополітичні процеси

Тортика А. А. **„Черная Булгария“ трактата Константина Багрянородного „Об управлении империей“ и „черные болгары“ „Повести временных лет“: проблемы локализации**

Статья посвящена поискам т.н. Черной Булгарии, упомянутой в главах 12 и 42 трактата Константина Багрянородного „Об управлении империей“ и в „Повести временных лет“. На основе прямых и косвенных данных средневековых письменных источников, при помощи метода сравнительной критики, ретроспективного метода, метода последовательного исключения предлагается вариант локализации Черной Булгарии. Как представляется, для локализации Черной Болгарии остается только один район – восточная часть северного Приазовья, примыкающая к нижнему Дону и с севера ограниченная нижним течением Северского Донца.

Ключевые слова: координаты, маршруты, речные пути, геополитические процессы.

Tortika A. A. **“Black Bulgaria” of the treatise of Constantine Porphyrogennetos “On the governance of the Empire” and “black Bulgarian” of the “Tale of Bygone Years” (Russian Primary Chronicl): problems of localization**

This part is devoted to searches so-called “Black Bulgaria”, mentioned in the chapters 12 and 42 treatises of Constantine Porphyrogennetos “On the governance of the Empire” and in the Tale of Bygone Years (Russian Primary Chronicl). On the basis of direct and indirect medieval written sources, through a method of comparative criticism, retrospective method, and method of consecutive exception the variant of localization of the Black Bulgaria was offered. As it is represented, for localization of Black Bulgaria there is only one area – east part northern of the Sea of Azov, contiguous to bottom of the Don and from north limited by the bottom current of the Seversky Donets.

Keywords: coordinates, routes, river ways, geopolitical processes

© А. А. Тортика, 2012

На последних этапах своей истории с конца IX по последнюю треть X в. Хазарское государство теряет даже ту невысокую степень территориальной компактности, которую можно предположить до 830-х гг., и представляет собой совокупность часто отдаленных друг от друга днями, а то и неделями пути, и, видимо, достаточно автономных анклавов, имеющих своих правителей – тудунов, превращающихся из имперских чиновников во все более самостоятельных властителей. Наиболее ясно эту новую форму существования Хазарского каганата описал Константин Багрянородный в своем рассказе о девяти климата Хазарии: „[Знай], что девять Климатов Хазарии прилегают к Алании и может алан, если, конечно, хочет, грабить их отселе и причинять великий ущерб и бедствия хазарам, поскольку из этих девяти Климатов являлись вся жизнь и изобилие Хазарии“[1].

К числу этих „климата“ можно отнести, по всей видимости, саму округу Итиля с Черными Землями дельты Волги и Северного Прикаспия, округу Семендера в северо-восточном Прикаспии, район Ставропольской возвышенности, Сарпинские озера, Нижний Дон и Маныч, Самкерц с округой, округу Саркела, Северо-Западную Хазарию – среднее Подонье-Придонечье. Эти регионы были связаны с центром общей геополитикой, прежде всего, на данном этапе истории, противостоянием с Русью, задачей контроля над транзитными торговыми путями, проходившими по Волге, Керченскому проливу, Нижнему Дону[2]. Судя по данным источников, эта задача решалась до последних десятилетий существования Хазарского каганата и даже после его окончательного крушения в 969 г., какое-то хазарское население сохраняется в районе Таматархи – Тмутаракани.

В то же время от Хазарии отделяются ранее подчиненные ей народы, они не только обретают самостоятельность и ведут независимую внешнюю политику, но и в состоянии беспокоить своих бывших сюзеренов нападениями и набегами. Как известно, складывается эта ситуация постепенно, с первой трети IX в. Этапами формирования новой геополитической картины является переселение венгров в степи между Доном и Днепром в 830-е гг., строительство Саркела, уход каваров от хазар в середине IX в., закрепление Руси Олега и Игоря в Киеве после 882 г., проникновение печенегов в Днепро-Донское междуречье около 889 г.

Если венгры хотя бы формально подчинялись хазарам и принимали их сюзеренитет, то русь и печенеги полностью самостоятельны, а порой и враждебны Хазарскому каганату. Новая ситуация не остается незамеченной в Византии, и императоры македонской династии – „цари Рума“, судя по данным текста Шехтера в конце IX в., в период правления царя Вениамина, начинают интриговать против Хазарии, что заканчивается войной т.н. „коалиции народов“ против хазар[3].

Уже в этой войне, по предположению О. Прицака, в составе антихазарской коалиции, под именем народа ‘*BM*, участвуют черные булгары[4]. Тем не менее, сама постановка проблемы о черных болгарах, как самостоятельном субъекте геополитики юга Восточной Европы в X в., стала возможна на основе сведений иных источников – трактата Константина Багрянородного „Об управлении империей“ и „Повести временных лет“ (ПВЛ). Соответствующие данные неоднократно интерпретировались в научной литературе и породили обширную историографию, хорошо известную специалистам. В этой связи не вижу необходимости приводить здесь исчерпывающий историографический экскурс, наиболее важные точки зрения будут упомянуты в контексте соответствующих рассуждений. Следует напомнить только, что сложилось две основные гипотезы: 1) о Кубанской, восточноприазовской локализации черных болгар; 2) расположение последних в междуречье Днепра и Дона. Идентификацию их с волжскими булгарами отбросим сразу как ошибочную и не соответствующую показаниям источников, к которым и следует сейчас обратиться.

У Константина Багрянородного, как известно, есть два упоминания о Черной Булгарии: 1) самостоятельное, в главе 12. „О Черной Булгарии и о Хазарии“. „[Знай], что так называемая Черная Булгария может воевать с хазарами“[5]. И, соответственно, второе,

в главе 42, которую исследователи традиционно характеризуют как перипл, или считают, что ее содержание основано на соответствующем перипле, описывающем путь вдоль северного берега Черного моря от Фессалоники до Кавказа. Здесь сказано: „В это Меотидское озеро впадает много больших рек; к северной стороне от него – река Днепр, от которой росы продвигаются и в Черную Булгарию, и в Хазарию, и в Мордию“[6].

И, наконец, в ПВЛ в тексте договора Игоря и Византии содержатся следующие данные: „ … поскольку приходят черные болгары и опустошают страну Корсунскую, то мы поручаем князю русскому, пусть их не пускает, ибо они приносят вред и его стране“[7].

Очевидно, что в приведенных цитатах нет указания на точное расположение Черной Болгарии, ясно только, что она находится где-то восточнее Днепра и относительно недалеко от Крыма; не понятно, что это – страна, как например страна алан со своим царем и 30-тысячным войском или территория расселения соответствующих (болгарских) племен, как Мордия, – все данные крайне лаконичны и фрагментарны. Поэтому для решения вопроса о локализации Черной Болгарии, в силу отрывочности данных источников и отсутствия каких-либо повторов в других текстах, исследователями применялись всякого рода общие и косвенные соображения. Условно их можно разделить на две группы, впрочем, часто они взаимосвязаны, – это гипотезы ретроспективного характера и гипотезы контекстного, геополитического характера.

Аргументация ретроспективного характера в целом сводится к следующему. Протоболгарские племена кутригуров и утигуров в VI в. занимали степи Причерноморья и Приазовья. В 30-е гг. VII в. они объединились в конфедерацию племен – Великую Болгарию, занимавшую восточное и северное Приазовье. После распада конфедерации в 660-е гг., входившие в нее племена под управлением сыновей Кубрата занимают те же территории. В 678 г. хазары нападают на протоболгар и захватывают их земли в междуречье Волги и Дона, Дона и Днепра, Предкавказье и Приазовье. Аспарух, кочевавший со своей ордой, как считается (впрочем, без особых на то оснований), в районе Ставропольской возвышенности, Ергеней и Сальских степей, уходит на запад[8]. Батбай и его орда, расположенная в восточном Приазовье, подчиняются хазарам.

В различных, современных этому событию источниках, эта ситуация описана следующим образом. Так, в „Армянской Географии“ Анании Ширакаци (VII в.) отмечено, что „…Из Гиппийских гор бежал сын Худбадра“[9]. Подробнее о тех же событиях пишут византийские хронисты IX в. Феофан и Никифор. Феофан сообщает, что: „Аспарух, переправившись через Днепр и Днестр и дойдя до Огла – реки севернее Дуная, поселился между первым и последним, рассудив, что место это отовсюду укрепленное и неприступное…“ – и далее: „…из глубин Берзилии, первой Сарматии, вышел великий народ хазар и стал господствовать на всей земле по ту сторону, вплоть до Понтийского моря. [Этот народ], сделав своим данником первого брата, Батбаяна, властителя первой Булгарии, получает с него дань и поныне“[10]. У Никифора этот отрывок выглядит следующим образом: „…третий их брат, по имени Аспарух, переправившись через реки Днепр и Днестр, поселился у Истра, достигнув места, удобного для поселения, сурового и неприступного для противника, называемого на их языке Оглом“, а также: „Племя хазар, поскольку оно поселилось поблизости от сарматов, из глубины страны, называемой Верилия, стало с тех пор безнаказанно совершать набеги. Они подвергли нападениям все селения в землях за Понтом Эвксинским и достигли моря. Затем, подчинив Баяна, они заставили его платить дань“[11].

Приведенные византийскими авторами данные находят подтверждение в еврейско-хазарской переписке. Последний правитель Хазарии Иосиф в своем письме подчеркивает важность победы над болгарами: „…В стране, в которой я живу, жили прежде В-н-н-тр’ы. Наши предки, хазары, воевали с ними. В-н-н-тр’ы были более многочисленны, так многочисленны, как песок у моря, но не могли устоять перед хазарами. Они оставили свою страну и бежали, а те преследовали их, пока не настигли их, до реки по

имени „Дуна“. До настоящего дня они расположены на реке „Дуна“ и поблизости от Кустандины, а хазары заняли их страну до настоящего дня“[12]. По сути именно с этого момента хазары из локальной племенной группы превращаются в основателей крупного регионального кочевого государства с признаками кочевой империи и серьезными внешнеполитическими амбициями.

Очевидно, что со своей исконной кочевой территории бежали далеко не все в-н-н-тр’ы – болгары. Как отмечают Феофан и Никифор, большая часть из них (условно – орда Батбая, старшего сына Кубрата) осталась на месте и подчинилась хазарам, вошла в состав хазарского объединения. В последующий исторический период, вплоть до начала X в., болгары Приазовья – нижнего Подонья в качестве самостоятельной единицы не упоминаются и теряются за общим названием хазары. Помимо приведенных выше сообщений Константина Багрянородного и ПВЛ, уже во второй половине X в. возможно и о черных болгарах пишет автор (авторы) обеих редакций письма Иосифа к Хасдаи ибн Шафруту. Там, где речь идет о расселении подчиненных хазарам племен и народов в северо-западном Предкавказье и Приазовье, в Краткой редакции указывается, что: „С западной стороны живут 13 народов многочисленных и сильных, располагающихся по берегу моря Кустантинии. Оттуда граница поворачивает к северу до большой реки по имени Юз-г. Они живут (здесь) в открытых местностях, не защищенных стенами, и переходят по всей степи, доходя до границы (страны) Хин-диим“[13].

В Пространной редакции народы северо-западного Предкавказья и Покубанья перечислены подробнее: „…все живущие в стране Касса и все (племена) Киял, Т-к-т, Г-бул, до границы моря Кустандины, на протяжении двух месяцев пути, все платят мне дань“; затем названы Саркел на Дону (Ш-р-кил), С-м-к-р-ц (Таматарха–Тмутаракань) на азиатском берегу Керченского пролива, Керчь (К-р-ц), на его европейском берегу и ряд пунктов крымского побережья и горного Крыма. „Оттуда граница поворачивает по направлению к северной стороне, (к стране) по имени Б-ц-ра. Они расположены у реки по имени Ва-г-з. Они живут в открытых местностях, которые не имеют стен. Они кочуют и располагаются в степи, пока не доходят до границы (области) Х-г-риим“[14].

Кочующие племена, Б-ц-ра, проживающие в районе реки Ва-г-з (Дон или Днепр), это, скорее всего, печенеги, которые в это время уже никак не подчинялись Хазарскому каганату и были полностью самостоятельны и независимы. Страна Касса – это, видимо, страна касогов, северо-западное Предкавказье. Таматарха – Самкерц и Саркел – Ш-р-кил, действительно принадлежат хазарам и являются их западными форпостами в указанный исторический период. Таким образом, болгары, потомки утригуров, орды возглавляемой Батбаем, вошедшие в состав Хазарии после 678 г., могут скрываться где-то среди „13 народов многочисленных и сильных, располагающихся по берегу моря Кустантинии“ краткой редакции или, на что указывал еще А. В. Гадло, среди племен „Киял, Т-к-т, Г-бул, до границы моря Кустандины“. Однако и здесь их точная локализация никак не указывается, и данный источник дает нам только самые общие ориентиры – „по берегу моря Кустантинии“ – т.е. в данном случае, видимо, от берегов Керченского пролива до северных берегов Азовского моря и Дона.

Если говорить о пребывании болгарских племен в составе Хазарского каганата в период между 678 г. и серединой X в., то этот период практически не освещен в источниках. Из сообщений различных восточных, арабо-персидских авторов можно только предположить, что болгары играют важную роль в составе Хазарского каганата, во время арабо-хазарских войн составляют значительную часть хазарской армии, используются как военная сила в различных направлениях – кавказском, славянском и т. д. Например, известно, что во время войны 737 г. каган хазар отправился собирать дополнительную армию среди представителей, по всей видимости, покоренных хазарам племен. Ибн ал Асир[15], в частности, писал об этом следующее: „…царь хазар обратился за советом к своим и те сказали ему: …Если ты останешься (здесь) пока не соберешь

(войска), то не скоро они соберутся у тебя; …Царь одобрил их мнение и выступил туда, куда ему посоветовали…“[16].

В связи с приведенным отрывком возникает ряд вопросов. Куда мог выступить каган хазар для мобилизации новой армии, где он находился, когда войско Мервана рыскало по территории каганата и громило его подданных? Определенные косвенные сведения об этом можно обнаружить в сообщениях различных авторов о ходе и результатах арабо-хазарской войны 737 г. Ат Табари[17], ал Балазури[18] и ал Куфи[19], дополняя и уточняя друг друга, в целом рисуют такую картину: Мерван с первых шагов захватывает стратегическую инициативу в свои руки – его войско, разделенное на две части, вторгается в Хазарию через Дербент и Дарьял; аланы и народы Дагестана (царство Серир) разгромлены, подчинены и обложены данью, здесь уже господствуют арабы, следовательно, здесь мобилизационные мероприятия каган хазар проводить никак не мог; захвачены Семендер и Ал-Байда, таким образом, „царство гуннов“ покорено и не может поставлять воинов хазарам; сами хазары – хазарская гвардия, видимо, этнические хазары, в числе около 40 тысяч во главе с Хазар-Тарханом, преследуемые арабской армией, уходят от прямого столкновения и, пользуясь знанием местности, затягивают время решительного сражения, ожидая самого кагана с собранным подкреплением. Каган не успевает собрать необходимые контингенты, арабы опять перехватывают инициативу, и полководец Каусар громит хазарскую армию на берегах некой „реки славян“. После чего, как известно, каган „сделался печален, потерял бодрость, отправил послов к Мервану…“[20] и, по настоянию последнего, якобы принял ислам. Каган, судя по всему, находился недалеко от места неудачного для хазар сражения. Он быстро получает известие о поражении и сразу реагирует на него. У него есть все основания опасаться арабов и ему приходится идти на вынужденную дипломатическую уловку – декларативное принятие ислама.

Так где же мог находиться каган? Если следовать версии о северокавказской локализации места разгрома армии Хазар-Тархана, в районе Кумы или верховий Кубани[21], а также напомнить о том, что аланы, дагестанцы и „гунны“ Прикаспия уже ничем не могли помочь кагану, то народом, подчиненным хазарам и способным выставить воинский контингент против арабов, были только болгары Приазовья и Покубанья. В отмеченный период времени – первая половина VIII в., никакие другие крупные племенные союзы в состав каганата не входили и помощь хазарам оказать не могли. Вероятно, каган находился именно на их территории, в Восточном Приазовье, и среди них собирал новую армию. Этот способ комплектования вооруженных сил из числа покоренных народов хазары сохраняют практически до последних десятилетий существования государства. Наряду с наемным контингентом у них сохраняется часть войска, которую обязаны выставлять правители покоренных народов. Ибн Русте пишет об этом: „Царь их, Иша, возложил на зажиточных и богатых из них обязанность поставлять всадников, сколько могут они по количеству имущества своего…“[22].

Вероятно, за столетия совместного проживания на близких территориях, участия в войнах, переселениях внутри каганата и т. д. болгары, по крайней мере, какая-то их часть, сливается с хазарами, мало отличима от них, теряет этническую (племенную) идентичность. По данным арабо-персидских авторов хазары конца IX–X вв. делятся на две разновидности – это белые и черные хазары. В частности, ал Истахри указывает, что „Хазары не похожи на Турок; они черноволосы и их два класса: одни называются „карахазары“; они смуглые, даже почти черные, подобно индийцам; другой класс – белый, видный по красоте и наружным качествам“[23]. Помимо социального фактора (знать и простой народ), в этом делении можно заподозрить и этнический момент. Относительно немногочисленные изначально собственно хазары и стали знатью в каганате, они и есть белые хазары. Подчинившиеся хазарам кочевники протоболгары, очень близкие последним по культуре, происхождению, языку („язык болгар сходен с хазарским“, писал ал Балхи[24]), но занимающие положение побежденных – это черные хазары

(карахазар) или просто черный народ (карабудун). Это только один момент. Кроме того, хазары после своей победы в 678 г. не заняли все земли побежденных. Они сохранили за покоренным населением его территории, племенных вождей и самоуправление. Сами хазары кочевали в районе Нижней Волги, северо-западного Прикаспия, равнинного Дагестана, возможно, Волго-Донского междуречья. Протоболгары Батбая, таким образом, должны были сохранить за собой Покубанье и восточное Приазовье. Когда власть Хазарского каганата над этой территорией пошатнулась, именно здесь и возникла та самая Черная Булгария, о которой пишет Константин Багрянородный.

Прежде чем говорить о слабых местах приведенной концепции, рассмотрим варианты локализации Черной Булгарии, построенные на аргументах контекстного, геополитического характера. Здесь, прежде всего, реконструируется геополитическая ситуация, описанная Константином Багрянородным и дополненная данными русской летописи. Здесь, опять же, основными ориентирами являются: 1) возможность черных болгар нападать на хазар, что предполагает их непосредственное соседство, и 2) необходимость защиты от черных болгар Херсонеса. В рамках данного подхода черных болгар помещают, например, на берега Керченского пролива, в Покубанье, в междуречье Дона и Днепра. Здесь, в качестве дополнительного источника привлекается и Текст Шехтера. Так, в связи с анализом сообщения последнего, М. И. Артамонов однозначно помещает черных болгар в зону Керченского пролива, которым, по его мнению, они и владели, утверждая, что именно с их предводителем и воевал князь руси Хельгу[25]. Близкого мнения придерживался и В. Т. Пашуто, который в связи с анализом положений русско-византийского договора 944 г. писал о том, что „…Русь обязалась не воевать херсонскую страну и ее города и даже взяла на себя ее (видимо, вместе со своими владениями на Тамани и в Крыму) охрану от черных болгар, живших вблизи Керченского пролива и недавно повоеванных войсками Руси…“[26].

Вообще Текст Шехтера неоднократно привлекался исследователями в качестве дополнительного источника, способствующего разрешению вопроса о Черной Булгарии. Например, А. П. Новосельцев, анализируя сообщения текста Шехтера о войне коалиции народов против хазар в период правления царя Вениамина, в составе этой коалиции отмечает помимо Византии и печенегов еще и некий народ *BM* (БМ), которые „с известным основанием отождествляются с кубанскими болгарами, точнее надо говорить о черных булгарах, занимавших и часть Приазовья“[27]. „Действия этой коалиции можно приурочить к концу 80-х – началу 90-х гг. IX в., когда печенеги прошли в южнорусские степи…“[28]. В то же время в данном случае можно отметить и некоторое недоразумение. А. П. Новосельцев в связи с идентификацией *BM* в качестве черных булгар ссылается на известный труд гебраиста П. К. Коковцова[29], тогда как П. К. Коковцов избегает любых комментариев по поводу народа *BM*. Мало того, в его переводе Текста Шехтера в соответствующем месте данный этноним вообще пропущен; вместо него поставлено многоточие, соответственно, и комментариев нет.

Следует отметить, что идентификация *BM* с черными булгарами есть в другом издании Текста Шехтера, предпринятом совместно О. Прицаком и Н. Голбом. Здесь, действительно, в тексте перевода видим, что среди участников антихазарской коалиции периода правления Царя Вениамина „… возмутились все народы против [казар], и они обложили их [с помощью] царя Македона. Пошли воевать царь ‚SY‘, и TWRQ[Y‘…], [и] BM, и PYYNYL, и Македон; только царь алан поддержал народ [казар…]“[30]. Комментируя состав этой коалиции и этнонимы входящих в нее участников, О. Прицак, без особых доказательств, пишет: „ …очевидно, что ‚BM – должно быть другое наименование для страны и народа, обозначенных Константином „Черная Булгария“. Черные булгары жили вдоль реки Кубань, и они известны в источниках так же и под именем „кубанские булгары“[31]. Как выясняется далее, использованный О. Прицаком оборот „известны в источниках“ является большим преувеличением, – речь идет лишь об одном, более

чем сомнительном упоминании, причем в данном случае О. Прицак ссылается сам на себя. В частности, анализируя личные имена, упомянутые в т.н. Киевском письме, он рассматривает и имя *QWFYN*, и считает, что оно первоначально было именем племенной группы, имеет булгарское происхождение и может быть приравнено к *Kup'i Bulgar* Армянской Географии. „Ученые, среди них Й. Маркварт, связывали первую часть этого наименования с византийским наименованием реки Кубани“[32].

Представляет интерес для разработки данной темы и интерпретация сведений еврейско-хазарской переписки А. В. Гадло, который, впрочем, последовательно и аргументировано отрицал Покубанскую локализацию Черной Болгарии (Доклад „О черных и внутренних болгарах“ 1968 г.). Исследователь отмечает: „За аланами названы все живущие в стране Касса и все племена Киял, Т-к-т, Г-бул“. Касса, по мнению Й. Маркварта, означает общность кашаков-касогов, т. е. адыгские группы Западного Кавказа. Последние три наименования не поддаются достоверному определению. Вполне вероятно, однако, что это названия тех родовых оногуро-булгарских групп, которые оставались в западной части Предкавказья и населяли степь до хазарской крепости Саркела, с которого начинается в документе перечень подвластных хазарам земель и народов, обитающих на западе[33]. Следует отметить, что такая идентификация построена, опять же, только на самых общих соображениях и никак не подтверждается лингвистами.

Таким образом, привлечение дополнительных источников (текста Шехтера, еврейско-хазарской переписки, Киевского письма) мало что дает для локализации Черной Булгарии. Единственное, что можно отметить, так это то, что предположение М. И. Артамонова о том, что Хельгу руси воевал в Самкерце именно с болгарами, никак не основано на показаниях самого источника. В документе четко сказано, что Хельгу подвергся преследованиям хазарского полководца Песаха и был им побежден. Далее, он был принужден отказаться от провизантийской политики и действовал в интересах хазар.

Так где же в сложившейся к первой половине X в. на юге Восточной Европы геополитической ситуации определяется место для Черной Болгарии? Самкерц–Таматарха с округой, вероятно и Покубанье до последнего во власти хазар – это один из важнейших климатов Хазарии; здесь хазарская администрация, армия, таможня. Этот пункт не менее важен для контроля над транзитной торговлей в регионе, чем низовья Волги, и за него хазары держатся до последнего. Об этом свидетельствовал, в частности, ал Масуди. В его рассказе о походе руссов на южный берег Каспия в 913–914 гг. содержится описание хазарской заставы, расположенной на берегу Керченского пролива („канал моря Нитас“), через который многочисленные (500 судов, в каждом по 100 человек) руссы не могли пройти без разрешения хазарского правительства[34]. В 940 гг. на эту заставу (видимо, Самкерц – Таматарху) совершает разбойничье нападение предводитель руси Хельгу, но получает достойный отпор хазарского полководца Песаха и терпит поражение[35]. Возможно, что после гибели Итиля в 969 г. Самкерц вплоть до начала XII в. сохраняет какое-то хазарское население[36].

Центральное Предкавказье и, по всей видимости, Ставропольскую возвышенность контролируют аланы; они в состоянии помешать хазарам при их продвижении к Саркелу, Климатам и Херсону, они свободно чувствуют себя и на западе региона, где нападают на зихов[37]. Только усилиями хазарской дипломатии (Аарон победил алан благодаря союзу с узами и женил Иосифа на дочери царя алан)[38] аланы остаются в целом лояльными хазарам и не начинают против них новой масштабной войны.

Нижний Дон с Семикаракорским городищем, видимо, вплоть до похода Святослава является хазарским и здесь хазары контролируют часть транзитного пути в Восточную Европу. Саркел и Северо-Западная Хазария до 965 г. подчиняются Каганату. Левобережное Поднепровье и степной Крым до Херсона находятся во власти одного из печенежских племен[39]. В то же время летом печенеги уходят на правый берег Днепра и там совершают свои перекочевки[40].

Таким образом, методом исключения, для локализации Черной Болгарии остается только один район – восточная часть северного Приазовья, примыкающая к нижнему Дону и с севера ограниченная нижним течением Северского Донца. Ее западную границу можно предположить где-то в районе реки Молочной. Это участок степного пространства, вполне достаточный для размещения кочевой орды численностью в несколько десятков тысяч человек и способной, при условии договоренности с печенегами, совершать набеги на область Херсонеса. Период относительной самостоятельности этой орды, образованной, вероятно, из осколков различных родоплеменных групп протоболгар, входивших до этого в состав Хазарского каганата, был очень коротким – от нескольких десятилетий до половины столетия, что и отразили письменные источники середины X в.

[1] *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / Под. ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1991, с. 53.

[2] *Тортика А. А.* Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.). Харьков, 2006, 158–167.

[3] *Голб, Н., Прицак, О.* Хазарско-еврейские документы X в. / Науч. ред., послесл. и коммент. В. Я. Петрухина. М. – Иерусалим, 1997, с. 140.

[4] Там же, с. 159.

[5] *Константин Багрянородный*. Указ. соч., с. 53.

[6] Там же, с. 175.

[7] *Літопис руський* / Пер. з давньорус. Л. Є. Махновця; відп. ред. О. В. Мишанич. К., 1989, с. 28.

[8] *Артамонов, М. И.* История хазар. Л., 1962, с. 172.

[9] *Патканов, К.* Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. – Журнал Министерства народного просвещения (далее ЖМНП), 1883, ч. 225 (март-апр.), с. 23.

[10] *Чичуров, И. С.* Византийские исторические сочинения: „Хронография“ Феофана, „Бревиарий“ Никифора / Тексты, перев., коммент. М., 1980, с. 61.

[11] Там же, с. 162.

[12] *Коковцов, П. К.* Еврейско-хазарская переписка X в. Л., 1932, с. 92.

[13] Там же, 82–83.

[14] Там же, 101–102.

[15] *Иззаддин Абул Хасан*, больше известный под прозвищем Ибн ал Асир аш Шейбани ал Джазаири (1160–1234 гг.), автор Тарих ал Камиль (Полного свода по истории).

[16] *Ибн ал Асир*. Тарих ал Камиль. Баку, 1940, с. 31.

[17] *Абу Джафар Мухаммад* б.Джарир б.Йазид б.Касир б. Гали ат-Табари родился в столице Табаристана Амуне в конце 224 или в начале 225 г.х./ 839 г. н. э. Происходил из местной иранской знати. Много учился, побывал в Сирии, Египте, Багдаде и т. д. Умер в Багдаде в 923 г. „История“ ат-Табари представляет громадную компиляцию, составленную из различных источников. Доведена до 915 г. (*История ат-Табари* / Пер. В. И. Беляева с дополнениями О. Г. Большакова и А. Б. Халидова. Ташкент, 1987, 6–7).

[18] *Абуль Аббас Ахмед ибн Яхиа ибн Джабир* известен под прозвищем ал Баллад(з)ури (*Гаркави, А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в.). СПб., 1870, с. 35). Современные востоковеды в русской транскрипции придерживаются прочтения – Абу ал Аббас Ахмад ал Балазури. Умер в 279 г.х./892 г. Является автором „Книги завоевания стран“ („Китаб футух ал-булдан“), задуманной как всеобщая история (*Новосельцев, А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990, с. 23). Материал организован по региональному принципу (описание завоеваний арабов от региона к региону в их хронологической последовательности), кроме того ал Балазури мало датирует события, редко называет своих информаторов. В случаях, когда ал Балазури указывает свои источники, он в отличие от Халифы б. Хаййата и ат-Табари (у которых иснад с цепочкой имен передатчиков обычно непосредственно предшествует сообщению) перечисляет имена авторов в начале подборки сведений, а сами сообщения приводит уже без ссылки на конкретного информатора (сведения арабских и персидских источников о походах к северу от Дербента (22 г.х./642–643 гг. и 119 г.х./737 г.) / Пер. текстов с арабск. на русский язык и коммент. подготовила Н. Гараева. – В: История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002, с. 442).

[19] *Абу Мухаммад Ахмад ибн А'Сам ал Куфи*. Книга завоеваний (Извлечения по истории Азербайджана VII–IX вв.) / Пер. акад. З. М. Буниятова. Баку, 1981, с. 84.

[20] *Дорн Б. А.* Известия о хазарах восточного историка Табари, с отрывками из Гафис Абру, Ибн ал зем Эль Куфи и др. – ЖМНП, 1844, ч. 43, № 7–8, от. 2, с. 87.

[21] Мне уже приходилось не раз писать об именно такой локализации и места указанной битвы, и „реки славян“, на которой она состоялась. См., например: *Тортика А. А.* Указ. соч, 350–368. Следует отметить, что подобную точку зрения, с самостоятельным набором аргументов, высказала и Н. Гараева: Сведения арабских и персидских источников о походах к северу от Дербента (22 г.х./642–643 гг. и 119 г.х./737 г.) / Перев. текстов с араб. на рус. язык и коммент. подг. Н. Гараева. – В: История татар с древнейших времен, в семи томах. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002, 440–481.

[22] *Известия* о хазарах, буртасах, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда Бен Омара ибн Даста / Д. А. Хвольсон. СПб., 1869, с. 18.

[23] *Караулов, Н. А.* Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. I. Ал Истахрий. – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (далее – СМОМПК). Тифлис, 1901, вып. 29, с. 49.

[24] *Известия* о хазарах, буртасах, мадьярах.., с. 73.

[25] *Артамонов, М. И.* Указ. соч., с. 378.

[26] *Пашуто, В. Т.* Внешняя политика древней Руси. М., 1968, с. 65.

[27] *Новосельцев, А. П.* Указ. соч., с. 194.

[28] Там же, с. 195.

[29] *Коковцов, П. К.* Указ. соч., с. 117.

[30] *Голб, Н., Прицак, О.* Указ. соч., с. 140.

[31] Там же, с. 159.

[32] Там же, с. 58.

[33] *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979, с. 189.

[34] *Караулов, Н. А.* Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. VII. Ал Мукаддасий. VIII. Мас’уди. IX. Ибн Хаукаль. – СМОМПК, 1908, вып. 38, с. 47.

[35] *Голб, Н., Прицак, О.* Указ. соч., 141–142.

[36] *Котляр, Н. Ф.* Тмутороканское княжество: реальность или историографический миф? – В: Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования. 2003 г. М., 2005, с. 118.

[37] *Константин Багрянородный*. Указ. соч., с. 177.

[38] *Голб, Н., Прицак, О.* Указ. соч., с. 141.

[39] *Константин Багрянородный*. Указ. соч., с. 37.

[40] Там же, с. 157.

УДК 94(100)”06/09”

К ВОПРОСУ О ПРАВОМЕРНОСТИ ПОНЯТИЯ „СТЕПНАЯ ДОНЕЦКАЯ“ САЛТОВО-МАЯЦКАЯ ЭТНОКУЛЬТУРА ПРАБОЛГАР

К. И. Красильников

Красильніков К. І. До питання про правомірність поняття „степова Донецька“ салтово-маяцька етнокультура праболгар

Предметом дослідження є населення степового Подонців’я та ознаки його етнокультури. Місце праболгар у салтівсько-маяцькій культурі та структурі каганату все ще не визначене. У цій темі посилаємося на пам’ятки степового Донецького масиву і етнокультурну спадщину праболгар: щільність населення, специфіку осідлості, господарського строю, планування житлових, побутових, господарських, ремісничих та інших споруд, що забезпечують адаптацію перебування в степу.

Присутність хазар у степовому Подінців’ї не спостерігається, археологічні дані в комплексі джерел обґрунтовують поняття „степова Донецька“ салтово-маяцька етнокультурна праболгар.

Ключові слова: ознаки етнокультури, щільність заселення, специфіка осілості, господарчий тип, планування будівель, праболгари.

Красильников К. И. К вопросу о правомерности понятия „степная Донецкая“ салтово-маяцкая этнокультура праболгар

Предметом исследования является население степного Подонцовья и признаки его этнокультуры. Место праболгар в салтово-маяцкой культуре и структуре каганата все еще не определено и не обозначено. В этой теме ссылаемся на памятники степного Донецкого массива и этнокультурное наследие праболгар: плотность заселения, специфику оседлости, хозяйственного уклада, планировку жилых, бытовых, хозяйственных, ремесленных и других построек и обустройств, обеспечивающих адаптацию пребывания в степи.

Присутствие хазар в степном Подонцовье не наблюдается, археологические данные в комплексе источников обосновывают понятия „степная Донецкая“ салтово-маяцкая этнокультура праболгар.

Ключевые слова: признаки этнокультуры, плотность заселения, специфика оседлости, хозяйственный уклад, планировка построек, праболгары.

Krasilnikov K. I. About questions of legitimacy conception “steppe Donetsk” of “pro-bulgarians” Saltovo-Mayak ethnoculture

The subject of investigation is the population of the steppe Donets basin and the tokens of its ethnic culture. The place of pro-bulgarians in the khaganate’s structure has not been defined and determined yet. In this paper we refer to the monuments of steppe Donetsk basin, the ethnic cultural heritage of pro-bulgarians, the density of settling, specific character of a settled way of life, household organization, the planning of dwellings, service, household, handicraft structures and facilities which assisted people in adapting for living in the steppe.

© К. И. Красильников, 2012

There is no evidence of khazars' presence in the steppe Donets basin. The archaeological data in a number of sources justify the notion "steppe Donetsk" Saltovo-Mayak ethnic culture of pro-bulgarians.

Keywords: ethnic culture, density of settling, specific character of a settled way of life, household organization, the planning of structures, pro-bulgarians.

История государства Хазарский каганат и его населения завершилась более чем 1000 лет назад. Тем не менее, та роль, которую играли хазары в восточно-европейском геополитическом пространстве раннего Средневековья, продолжает привлекать внимание исследователей и широкой общественности. Внутренние характеристики самого хазарского государства, оценка степени его влияния на сопредельные территории и населяющие их народы становятся все более злободневными и политизированными. По названным проблемам еще с 1930–1940-х гг. в хазаро- и салтововедении наметились различные точки зрения. В одних случаях формулировалось такое понятие, как салтово-маяцкая культура (СМК); в других салтовская культура (СК) рассматривалась в качестве хазарской государственной культуры (ХГК), распространившейся на всем пространстве Хазарского каганата и его периферии (М. И. Артамонов).

Позднее, в 1950–1960-х годах, было сформулировано представление о существовании различных этнокультурных вариантов СМК, привязанных к степным и лесостепным территориям (И. И. Ляпушкин, С. А. Плетнёва). Один из них, аланский (лесостепной), прочно вошел в науку и получил исчерпывающие археологические характеристики (материальная культура, домостроительство, фортификация, погребальный обряд, социальная структура и т. д.); другой, протоболгарский (степной), был обозначен только в самых общих чертах на материалах памятников погребальной обрядности. Параллельно использовались взгляды историков XIX в., определявших роль „господствующего этноса" в формировании государственности раннего средневековья. Естественно, в данном случае речь шла о хазарах и Хазарии. В частности, несколько поколений историков, начиная с М. С. Грушевского и заканчивая, например, О. М. Приходнюком, справедливо указывали на позитивную геополитическую роль каганата, который сдерживал натиск азиатских кочевников и, таким образом, способствовал мирному развитию племен Днепро-Донского междуречья, в том числе содействуя формированию Киевской Руси[1]. В этом несложно убедиться, если мы обратимся к фактам исторических событий постхазарского времени X–XIV вв., которые, отчасти, являются результатом стратегической недальновидности действий князя Киевской Руси Святослава (поход 965 г.). Наследники древней Киевской Руси – Украины XXI в. не осознают трагедий, пережитых народами юга Восточной Европы после гибели Хазарского государства, сдерживавшего натиск кочевников-тюрок. „Поздравления" украинцам, белорусам и русским, появившиеся в средствах массовой информации в связи с 1046 годовщиной „славной победы" Великого князя Святослава-Завоевателя над хазарами, являются очередным свидетельством дремучей исторической необразованности и демагогического популизма политических „лидеров" нашего времени[2].

Вернемся однако к нашей теме. Факт существования государства хазар сомнению не подлежит; сложнее обозначить его границы, взаимоотношения и степень влияния на население сопредельных территорий[3]. Здесь, естественно, речь идёт о СМК и её месте в системе культурных традиций каганата. В ранних работах по этой проблеме (Д. Я. Самоквасов, Д. И. Багалей, В. А. Бабенко) наметилась тенденция, объединяющая население степного Подонья и Подонцовья в единый хазарский этнокультурный пласт VIII–IX вв.

Противоположную позицию в отношении СМ традиций в системе хазарской культуры высказал Ю. В. Готье. Ссылаясь на аланские погребения в катакомбах и городища с развитой системой фортификации, он наметил генетические и этнические связи

салтовской археологической культуры (1927 г.) с северокавказской культурой алан. Вопрос о государственном статусе СМК в рамках Хазарского каганата в работах Ю. В. Готье не поднимался, хотя, как показало дальнейшее исследование соответствующих источников, хазары в её формировании, так или иначе, участвовали.

Тезис о государственной культуре Хазарского каганата, ссылаясь на открытые и исследованные археологические памятники, в 1940-х гг. высказал и обосновал М. И. Артамонов. Тогда же впервые появились такие дефиниции как „степной“ и „лесостепной“ варианты культуры, которые дополнялись этническими определениями – „аланский“, „хазарский“[4]. Что касается „степного“ варианта СМК (он же „нижнедонской салтовский вариант“), то в довоенный период исследований его этнические характеристики не были точно установлены. Позднее, уже в 1960-х гг., в работах последователей М. И. Артамонова „нижнедонской вариант“ приобрел этно-персонифицированное значение и был назван „болгарским вариантом“ салтовской культуры[5].

В этот же период времени салтовская культура в работах исследователей концептуально начинала восприниматься именно как государственная культура Хазарского каганата, этнически дифференцированные характеристики продолжали по традиции использоваться в отношении памятников погребальной обрядности, где погребения в катакомбах сохранили имя „салтовской“, а в обычных грунтовых ямах – „зливкинской“ культур. Двум названным вариантам СМК были определены территориальные параметры, но в них не были включены степи донского Правобережья, в частности степное Подонцовье, левые притоки среднего течения Северского Донца, центральная часть и северный склон Донецкого кряжа, с суммарной площадью около 50–55 тыс. км^2. Именно об этих, до 70-х годов XX столетия „незнаемых территориях“ Доно-Донецкого степного пространства, И. И. Ляпушкин, с надеждой на будущие открытия, писал: „…со временем, к востоку от Оскола по берегам степных рек бассейна Северского Донца, памятники данной культуры будут найдены“[6]. Уже тогда, не располагая сведениями о салтовских древностях степной части Северского Донца, он констатировал, что пространство междуречья Дона и Северского Донца, занятое населением СМК, в состав Хазарии не входило, а оставалось одной из даннических областей этого государства[7].

В 1950-х годах достаточно четко проявилось различие позиций М. И. Артамонова и И. И. Ляпушкина в определении этнического происхождения и исторического места СМК в рамках Хазарского каганата. Следовало ответить на вопрос: является ли салтовская культура хазарским культурно-историческим образованием, или все же она создана алано-болгарами, которые входили в состав каганата, но проявляли свойственные им этнокультурные особенности в рамках локальных вариантов культуры. В первом случае можно говорить о том, что СМК, в которой по сей день не зафиксированы памятники этнических хазар, может быть лишь территориальным компонентом хазарской государственной культуры. Во втором случае, в СМК следует учитывать не только этническую неоднородность её населения, но и существование двух самостоятельных культур: „салтовской“ – аланской и „зливкинской“ – праболгарской.

В данной ситуации в сложном положении оказалась С. А. Плетнёва. Являясь ученицей М. И. Артамонова, она не могла не продолжить научное направление учителя, но в тоже время всё более убеждалась в правоте взглядов И. И. Ляпушкина о локальном расчленении культуры. Несмотря на то, что официальная научная позиция С. А. Плетнёвой совпадала со взглядами М. И. Артамонова, о чем свидетельствует одна из последних ее работ[8], существование особых этно-территориальных вариантов СМК Светлана Александровна признавала, по крайней мере, с 1967 г.[9] Посредством включения салтово-маяцких древностей из различных географических массивов в единую СМК С. А. Плетнева заметно расширила территорию культуры, а, следовательно, и географию каганата, во многих случаях обозначив конкретные признаки культуры в сочетании с этноисторическими традициями населения из выделенных ею регионов[10]. Однако, сте-

пень изученности, а, следовательно, обобщения и возможностей для этно-исторической интерпретации источников, отражающих особенности отдельных локальных вариантов салтовской культуры, оставалась неравнозначной. В частности, „степная зона Подонья“, или она же „Донская степь I“, заполненная в основном праболгарами, длительное время находилась за пределами научных представлений об СМК в целом.

Самостоятельную позицию в отношении определения этносов, входивших в состав СМК, занял Г. Е. Афанасьев. Его концепция о возникновении и этнокультурном содержании СМК, по существу, является продолжением идей Ю. В. Готье, суть которых заключается в том, что салтовская культура генетически и этнически связана с аланской культурой Северного Кавказа[11]. В качестве одного из аргументов Г. Е. Афанасьев использует указание на традиционные аланские системы фортификации – белокаменные и кирпичные крепости на Дону и захоронения в катакомбах, якобы ранее неизвестные в лесостепном Подонье-Подонцовье. Г. Е. Афанасьев относится к числу исследователей, которые последовательно выступают против идеи о существовании единой государственной культуры хазар, распространившейся, в том числе, и на территорию СМК.

С такой трактовкой нельзя не согласиться в принципе, хотя в данном вопросе возможны и суждения компромиссного характера[12]. Прежде всего, возражение вызывает утверждение о существовании народа-„созидателя“ культуры – алан и народов-„пользователей“ достижениями привнесенной культуры (болгар, хазар и т. д.)[13]. Подобный подход искажает, на наш взгляд, содержание степного праболгарского варианта СМК и наталкивается на ряд контраргументов.

Письменные свидетельства о данном регионе в хазарское время не дают точного представления о том, каких именно праболгар („бурджан“) знали ал-Масуди, ал-Хваризми и другие арабо-персидские авторы[14]. Вместе с тем; совершенно необъяснимо то обстоятельство, что в описаниях Ахмеда ибн Фадлана – участника посольства Багдадского халифата к булгарам на Итиль (922 г.) – среди различных народов, с которым ему приходилось встречаться (хазары, огузы, славяне, булгары, русы, башкиры и др.), нет ни одного упоминания „бурджан“[15].

Ничего определенного по данному этнониму не выяснил и В. Г. Крюков, посвятивший диссертацию изучению сведений арабских авторов об этноистории Восточной Европы[16]. В этой связи остаётся только снова сослаться на традиционный источник – еврейско-хазарскую переписку, где сказано, что „булг-р“ и другие многочисленные народы живут в открытой местности (праболгары – К. К.) и в укрепленных стенами городах (аланы – К. К.). Все они служат хазарам (аланы – К. К.) и платят им (праболгары – К. К.) дань[17].

Очевидно, что в подобной ситуации приоритет в изучении событий и народов, задействованных в хазарской истории, смещается от письменных источников к археологии. Идея о существовании особой этнокультурной группы раннесредневекового населения степного Подонцовья, претендующей на самостоятельную роль и особенности развития в хазарское время, долгое время была лишь бездоказательной схемой в контексте общей истории праболгар. К настоящему времени появилась возможность не только наметить в общих чертах, но и конкретизировать ряд признаков, обосновывающих факт существования локальной этнокультурной группы в относительно обособленном географическом пространстве – степном Подонцовье.

Первым таким признаком следует считать ***плотность*** заселения обозначенного пространства. В 60–90-х годах XX ст. на площади около 40 тыс. км^2, что составляет ¼ часть территории Правобереженого степного Подонья (160 тыс. км^2), в степном Подонцовье были проведены тотальные археологические разведки. В результате было выявлено более 400 неукрепленных поселений трех типов, известных в СМК (стойбища, кочевья, селища)[18]. Статистика соотношения площади к числу местонахождений памятников определила средний показатель плотности в пределах 100 км^2 – одно поселение, и на 800 км^2 пока известен только один могильник. Плотность памятников СМК,

непосредственно примыкающих к „Донским степям“, заметно ниже[19]. Количественные характеристики населения отдельных памятников пока даже приблизительно определить невозможно без проведения стационарных раскопок; они имеют разную планиграфию и плотность застройки, разную площадь. Например, кочевья по площади – не более 10 тыс. м^2, а селища достигают 150–180 тыс. м^2.

Вторым признаком является степень ***оседлости***, переход к которой, по всей видимости, произошел сравнительно быстро, с последней четверти VIII по первую четверть IX вв.[20] В степном Подонцовье выявлены три вида поселений – стойбища, кочевья, селища. По материалам раскопок кочевий и селищ наблюдаем, что к началу IX в. заметно уменьшается количество кочевий, часть из них трансформировалась в селища (Подгаевка, Новолимаревка). Стойбища, как основной тип поселений праболгар-полукочевников, к концу VIII в. практически полностью исчезли. Селища же, напротив, в начале процесса оседания и заселения праболгарами территории степного Подонцовья имели среднюю площадь 45–55 тыс. м^2, а к середине IX в. они вырастают в постоянные оседлые поселки с площадью до 170–180 тыс. м^2. Сравнительно быстрый рост селищ происходит в результате эволюции хозяйственно-культурного типа и увеличения плотности населения, за счет перехода населения из кочевий в селища. Не последнюю роль в ситуации формирования крупных структур-селищ, видимо, следует отвести Хазарскому каганату, заинтересованному во включении территории степей в систему его хозяйственных интересов. В то же время нельзя не отметить факт отсутствия городищ. Проходы на территорию селищ в течение всего времени существования СМК в степном Подонцовье остаются незащищенными и беспрепятственными.

Следующий признак касается ***хозяйственной*** специфики населения. С одной стороны, определяемая природно-экологической системой степной территории, с другой – интересами каганата, регулирующего хозяйственную деятельность населения, выполняющего даннические обязанности в пользу Хазарии. О такой зависимости не умалчивают и сами хазары. Основным направлением хозяйственной деятельности праболгар следует считать земледелие, следовательно, связанное с ним зернопроизводство, обеспечивающее потребности собственного населения и отчасти поставляемое в виде дани в каганат.

Планиграфия селищ и выделение на них участков, задействованных под хозяйственные комплексы, такие как, например, амбары, в которых сосредоточено от 4 до 25 ям-зернохранилищ, появление обустроенных под хозяйственные нужды, обширных по площади дворов (400–500 м^2), включающих хозпостройки и 20–25 ям, являются свидетельством общинной системы хранения значительных объемов зерна. Факт наличия продуктов земледелия у праболгар, использования их в рационе питания и в ритуальных целях фиксируют очевидцы, посетившие страну булгар: „неся с собой хлеб, мясо и просо“. Пища их, сообщает Ибн-Фадлан, „просо, мясо лошадей, но и пшеница и ячмень в большом количестве“. Таким образом, интерпретируя полученные археологические сведения, можно отметить, что собранное общиной зерно, которому надлежало быть данью, видимо, на какое-то время сосредотачивалось в амбарах, в специально обустроенных в плотных заизвесткованных сухих горизонтах лесса ямах до трех метров глубиной. Если предположить одновременную наполняемость всех зерновых ям, то только в одном из амбаров селища Рогалик с суммарным объемом до 50 м^3 могло храниться 35–39 тонн зерна. Естественно, такое количество можно было собрать и свезти в одно место сразу из нескольких поселений, сосредоточенных в пределах соподчинения центру-селищу, какими, например, могли быть тот же Рогалик или Новолимаревка.

Запасы зерна для индивидуального обеспечения семьи сосредоточены в ямах при жилищах, непосредственно в жилищах или хозяйственных постройках, даже в мастерских. Размеры таких ям различны, но в среднем с объемами 1,5–2,5 м^3, или под хранение от 1,2 до 2 тонн зерна. На фоне устройств, рассчитанных на предварительную просушку, необходимую при длительном хранении злаковых культур, диссонирует сравни-

тельно небольшое число приспособлений, связанных с его переработкой (размолом) – жерновов и почти отсутствием в горизонтах селищ орудий, связанных с технологиями сельского хозяйства (лемеха, мотыги, серпы, широколезвийные топоры).

Земледелие, как отрасль хозяйства, дополнялось скотоводством с приселищным содержанием скота. Среди остеологических остатков явно преобладает мелкий рогатый скот домашнего стада (60–65 %), на втором месте крупный рогатый скот (25–30 %), использовалась в хозяйстве и лошадь (5–7 %). Охота на дикую фауну (до 3 %) была не более чем подспорьем в обеспечении мясными продуктами. Мясные продукты хранились в специальных ямах, погребах-холодильниках, сооруженных в лессе, но в нижней части имеющих углубления, вырубленные во влажных и холодных мергелевых породах. Погреба отличаются от обычных хозяйственно-зерновых колоколовидных ям квадратно-прямоугольными формами и особыми конструкциями, такими как, например, подбои или сооружения, напоминающие катакомбы.

Нельзя не остановиться на особенностях ***планировки*** степных поселений. Здесь, прежде всего, обозначилась степень оседлости протоболгар. На раннем этапе, в период полуоседлости и широкого распространения кочевий в VIII в., наблюдаются кучевые и концентрические системы расположения почти округлых „юртообразных“ жилищ наземного и углубленного типов (Новолимаревка, Степановка, Подгаевка). Позднее, в IX в., в конструкции построек доминируют полуземлянки, которые распланированы на территории селища, как в кучевой, так и в линейной системах, причем в перспективе наблюдается появление не только небольших индивидуальных семейных комплексов (Новолимаревка, Рогалик), но и подворий крупных, вероятно, общинных структур (Давыдо-Никольское).

Заметное влияние в системе планировки оказывала ремесленно-промысловая деятельность населения. Например, гончарные мастерские с комплексом печей, по всей видимости, общего пользования, обустраивают на околицах поселений (Новолимаревка, Рогалик), либо вообще выводят за их пределы (Подгаевка). Это же производство, но в системе индивидуального промысла, обычно примыкает к жилищам, хозяйственным постройкам, либо отделено от них, но в пределах дворовых комплексов, принадлежащих семьям (Рогалик, Новолимаревка).

Различные системы хранения зернопродуктов, как и гончарный промысел, в зависимости от формы организации производства и уборки урожая (индивидуальная, общинная), влияют на общую планировку поселений. Амбарный, он же общинный метод хранения, предусматривает появление больших строений на пустовавших до того местах, в основном по окраинам поселений, запасы индивидуального пользования всегда рядом с бытовыми и хозяйственными постройками или, чаще, внутри них. В этом случае не было необходимости в использовании части территории подворья под специальные хранилища.

Наконец, иногда планировку степных поселений определял рельеф местности, как, например, овражистость террас, наличие мысов, образованных речными и балочно-ручьевыми выходами либо холмовидность площадок, занятых под поселения. В этих случаях под застройку использовались все удобные пространства конкретной местности (Подгаевка, Давыдо-Никольское, Батырь).

Постройки VIII–X вв., оставленные степным населением, в целом по функциональности совершенно определенные, во многом соответствуют стандартам СМК и даже могут претендовать на эталоны строительного дела СМКИО. Первое, на что следует обратить внимание – массовость раскрытых построек как единого, так и комплексного содержания. На селищах степного Подонцовья изучено более 110 строений, которые, с учетом им определенных функций, следует рассматривать по четырём типам.

Тип первые – бытовые, в основном летние (6–8 м^2) кухни наземного вида. Эти строения опорно-столбовые с зачастую плетневыми с обмазкой стенами, обязательно

глинобитным обожженным полом. Внутри таких построек обычно находятся очаги, очажные ямы, изредка тандыры, печи-каменки, но в них нет ям для зерна.

Постройки, предназначенные под жилища, более разнообразные; их следует классифицировать по очертанию в плане: округлые, подквадратные, прямоугольные. Две последние формы заметно преобладают. По углубленности выделяем мелкие и глубокие полуземлянки, землянки. Все они опорно-столбовых конструкций; средние параметры площади 16–25 м^2, максимум 45 м^2. Нередки ситуации соединения двух и даже трех помещений в виде жилищно-бытовых комплексов. Обогревали помещения, помимо традиционных очагов, печами-каменками, каминами, тандырами, жаровыми ямами и переносными манкалами. Жилые стационарные постройки с устойчивым интерьером и разнообразными отопительными сооружениями свидетельствуют об их длительном использовании, в условиях адаптации к оседлости в степной зоне Придонечья.

Постройки хозяйственного назначения (стойла для скота, амбары) в абсолютном большинстве выстроены как наземные сооружения, иногда в виде закрытых навесов, со стенами в виде плетня, промазанного глиной и даже со следами обожженности. Стойла в плане удлиненные, и поэтому их ширина всегда меньше длины; амбарные сооружения в плане различные, но заметно больше встречается округлых и подквадратных.

Постройки производственного назначения, в основном гончарные мастерские, сочетают в себе признаки, характерные для жилищ подквадратной или удлиненно-подпрямоугольной формы. Часть мастерских, в которых находилось несколько печей, видимо, следует отнести к системе коллективного пользования гончаров. В них осуществляли завершающий этап технологии изготовления посуды, её обжиг. Полный же цикл производства фиксируем в мастерских, в которых расчищены не только печи, но и выявлены сырье, формовка, инструментарий, площадки для просушки полуфабрикатов, словом, весь комплекс технологии гончарства. Такие мастерские, в основном, наземного или полууглубленного вида с нестандартными в плане формами. Исследованные мастерские убедительно доказывают тот факт, что на всех крупных селищах праболгар было налажено производство бытовой кухонной, отчасти лощеной, а, в основном, тарной корчагообразной посуды, востребованной населением конкретного доминирующего селища и зависимых поселений его ближайшей округи. Гончарные мастерские пока ещё не выявлены в Давыдо-Никольском, хотя керамики в культурном слое много. Следует отметить и большое количество корчаг, исполненных по специфической технологии.

Сложившаяся к IX в. устойчивая оседлость населения степной части СМК, система производящего хозяйства, в первую очередь земледелие, развитие собственных промыслов и отчасти ремёсел (гончарство) – это убедительные аргументы для обоснования самодостаточности здешнего населения в условиях степной специфической среды обитания, изолированной от традиционных центров раннесредневековой культуры хазарского времени.

Этнический состав населения, оставившего присущие ему этнокультурные традиции, определяется по двум источникам: захоронениям, а в них по погребально-обрядовой и инвентарной специфике, и по отдельным, но совершенно убедительным бытовым признакам. Арсенал источников погребального содержания, раскрытых на пяти могильниках-некрополях, составляет более 270 захоронений. Если же в них включить ряд могильников из предлесостепной зоны Северского Донца (Сидорово, Маяки, Лиманское озеро и др.), то их число следует почти утроить. Однако, в могильниках территориально примыкающих к нижнему Поосколью, при том, что основные параметры погребальных обрядов очень похожи с теми, что в зонах степей, полных аналогий захоронений двух природо-географических зон проследить не удаётся. В частности, статистика погребений степной части свидетельствует о том, что почти 75–80 % захоронений – ямные с обрядами, присущими праболгарам[21]; 13 % – также в ямах, но с обрядами, известными в системе мусульманской религии[22]. Остальные захоронения могильников: в катакомбных сооружениях – до 15 %, в гробах-колодах и рамах

из плах, что соответствует о традициях тюркских кочевых народов – до 7 %; наконец, погребений с признаками хазарского содержания здесь до 1 %.

Погребения дифференцируются и по инвентарному содержанию. В общей статистике почти 30 % могил без инвентаря, а в отдельных случаях, как, например, Новолимаревский 1 и 2 могильники, они практически пустые. Погребения у с. Желтое не изобилуют инвентарем, но в каждой из могил присутствуют керамические горшки, жертвенники, прочие изделия быта, гарнитуры и аксессуары. Таким же инвентарём наделены ряд захоронений Новодачненского и Лысогоровского могильников, но лишь в той части некрополей, на участках которых погребена элита этнических праболгар, признанной хазарами болгарской „аристократией“.

Из общего анализа погребений могильников, оставленных населением степной части СМК, следует, что одни из некрополей представлены этнически однородным составом умерших, другие, напротив, разнообрядовые, биритуальные, полиэтноконфессиональные. К числу общих для всех погребенных признаков относим: практически полное отсутствие изделий, имевших отношение к военной защитной амуниции, наступательному вооружению, упряжек для верховой езды. Такая ситуация – свидетельство безучастия местного населения в системе военных структур любого уровня.

Признаки полиэтнического состава здешнего населения, помимо данных антропометрии нескольких десятков черепов[23], находят обоснования дополнительными материалами. Например, азиатские хлебные печи-тандыры; обогреватели-манкалы, известные у народов Кавказа; погребальный биритуализм. Проникновение в степное Подонцовье нетрадиционных для здешних праболгар признаков, могло явиться следствием этномиграции населения из Средней Азии. Причины массовых переселений кроются в геополитических ситуациях, возникших между Волжской Булгарией, Хазарией, Багдадским халифатом, Хорезмом, отчасти, племенами огузов. В частности, Хорезм, несмотря на его принадлежность к числу обществ с мусульманским вероисповеданием, находился в дружеских отношениях с Хазарией – государством иудеев[24]. Видимо, администрация каганата лояльно относилась и даже допускала возможные переселения части населения из Хорезма на территории, управляемые этой же администрацией. Нельзя не учитывать тот факт, что дополнительное население увеличивало материальные объемы повинностей.

Ограниченный объем данной работы не позволяет продолжить перечень дополнительных признаков, подчеркивающих локальные особенности степной СМК, поэтому с учетом выше названных основных позиций сделаем выводы.

1. Основным ядром населения СМК степного Подонцовья являлись тюрко-праболгары; остальные этносы, реальные признаки которых еще предстоит выяснить, составляли лишь часть его обитателей, не имеющим отношение к этническим корням праболгар. Ими были мигранты, появившиеся в южных восточноевропейских степях около середины IX в., в их числе могло быть и население Хорезма[25].

2. Население степной части СМК сформировало базируемый на производящих отраслях самостоятельный хозяйственный уклад, в котором сочетались как индивидуальные, так и общинные формы „собственности“. Такое состояние очевидней всего прослеживаем по обособленным подворьям и расположенным здесь же комплексам построек, рассчитанных на складирование значительных сосредоточений продуктов, о назначении которых можно предполагать, ссылаясь на сведения самих хазар. Ведущей хозяйственной отраслью праболгар являлось земледелие. Его потенциал подтверждают не только более 300 раскрытых хозям, значительная часть из них явно зерновые, но и комплексы ям в системе амбаров. Ямы для длительного хранения злаков и других припасов, в том числе бытового скарба, принципиально не совместимы с обустройством ям-холодильников, предназначенных для временного хранения мясомолочных продуктов.

3. Зернопереработка и использование его производных в виде крупы, муки наблюдаем по наличию жерновов, зерносушильным жаровням и, что особенно важно,

тандырам-печам, предназначенных для выпечки и варки пищи из зернопродуктов. Скотоводство у праболгар степного Подонцовья в хозяйственном потенциале носит явно не первостепенный характер. Оно было рассчитано на обеспеченность себя мясными продуктами, разведением мелких, отчасти крупных животных домашнего стада. Третью позицию занимает бытовое коневодство; наконец, припасы восполнялись охотой. Следовательно, хозяйственная самостоятельность населения очевидна. Из него, вероятно, в регламентированном объеме шел сбор дани для обеспечения военного контингента, размещенного к западу от Саркела на территориях, подчиненным хазарам. В таком случае этнический термин „черные болгары“ исторически обоснован[26].

4. В отличие от алан, которые „служили“ хазарам в военно-охранной системе вдоль северо-западного пограничья[27], праболгары, в основной массе, не только не допускались в военные контингенты хазар, но были лишены условий защиты собственных территорий и расположенных на них поселений. Об этом, в частности, свидетельствует отсутствие в степном пространстве простейших способов защиты поселений, а об инженерно-строительной фортификации речь вообще не идёт. В среде населения, как и в обществе в целом, не прослеживаем социальной прослойки, имеющей отношение к военному строю, что наиболее убедительно фиксируют погребения праболгар. Незначительное число находок от конской упряжки воина-всадника, невысокий процент костей лошади в остеологических находках поселений, полное отсутствие наступательного оружия всадников, в частности, сабель – всё это свидетельства „невостребованности“ в степной периферии, подвластной Хазарии, военных контингентов из числа праболгар. Управление и защиту территории Каганат обеспечивал присутствием собственных военных контингентов и администрации. Так же и вопросы торговли и обмена с сопредельными территориями Приазовья, Причерноморья, по всей видимости, находились в ведении хазарских тудунов. В этой связи, импортный материал в составе находок на памятниках степного варианта СМК представлен в ограниченном количестве. Из вышесказанного следует, что степной массив Подонцовья, его население не являются непосредственной территорией каганата, но они были подчинены ему и, как провинция, посредством даннической зависимости входили в сферу стратегических интересов Хазарии. Реальным центром, осуществляющим управление западной территорией – провинцией каганата, мог быть Саркел[28]. Его гибель негативно отразилась на дальнейшей судьбе населения степного Подонцовья. СМК здесь в одночасье исчезла.

5. Хазарский каганат оказал воздействие на уклад и содержания жизни, отчасти культуру степного населения, но, в целом же, этнокультурные традиции праболгар, даже при наличии влияния мигрантов, на протяжении всего периода существования СМК в этом массиве остаются без видимых изменений.

Таким образом, рассматривать степной локальный вариант СМК в контексте государственной культуры Хазарского каганата, тем более при отсутствии здесь самих хазар с характерными им традициями, по меньшей мере, безосновательно. Напротив, содержание всего комплекса археологических источников из бытовых и погребальных систем обозначают правомерность исторической объективности понятия – „степная Донецкая салтово-маяцкая этнокультура праболгар“.

[1] *Грушевський, М. С.* Історія України – Русі. Т. 1. Нью-Йорк, 1954, 230–232. *Приходнюк, О. М.* Відносини слов’ян із тюркомовним світом. – В: Старожитності І тисячоліття нашої ери на території України. Зб. наук. праць. К., 2003, с.134.

[2] „*Трудовой фронт*“. Орган УКНТПУ, 2010, 15 июля.

[3] *Афанасьев, Г. Е.* Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? – РА, 2001, № 2, 43–55.

[4] *Артамонов, М. И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону. – ИГАИМК. Л., 1935, вып. 131; Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936; Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной

Хазарии. – СА, 1940, № 6; Саркел – Белая Вежа. – МИА, 1958, № 62; История хазар. Л., 1962 и др. работы.

[5] *Ляпушкин, И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дон. – МИА, 1958, № 62, 146–148.

[6] Там же, с. 90.

[7] Там же, с. 140.

[8] *Плетнёва,С. А.* Очерки хазарской археологии. М. – Иерусалим, 1999, с. 7 и сл.

[9] *Плетнёва, С. А.* От кочевий к городам. – МИА, 1967, № 142, с. 8; Указ. соч., с. 13, табл. 1.

[10] *Плетнёва, С. А.* Указ. соч., с. 24 и сл.

[11] *Готье, Ю. В.* Кто были обитатели Верхнего Салтова? – ИГАИМК, 1927, вып. 5.

[12] *Флёров, В. С.* Лощеная керамика салтово-маяцкой культуры как исторический источник. Автореф. дис… канд. ист. наук. М., 1981; *Аксёнов, В. С., Тортика, А. А.* Протоболгарские погребения Подонья и Придонечья VIII–X вв. Проблемы поливариантности обряда и этноисторической интерпретации. – В: Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк, 2001, с.193.

[13] *Афанасьев, Г. Е.* Указ. соч., с. 45.

[14] *Калинина, Т. М.* Этноним „буржан“ в сочинениях Ал Масуди. – Доклад прочитан на международном научном симпозиуме. Протоболгари в етносоціальних і політичних структурах середньовіччя. Харьков, 2010, 25 ноября; Сведения о ранних ученых арабского халифата. М., 1988, 92–93.

[15] Путешествие Ахмеда ибн-Фадлана на реку Итиль. М.,1992.

[16] *Крюков, В. Г.* Писемні джерела арабського халіфату IX–X ст. про етноісторичні процеси на території України. Автореф. дис… докт. іст. наук. К., 2010.

[17] *Плетнёва, С. А.* Хазары. М., 1976, 9–10.

[18] *Плетнёва, С. А.* Отчет о работах Северо-Донецкого отряда совместной южно-русской экспедиции за 1964. – Архив ИА РАН, р–1, 1964/2989; *Красильников, К. И.* Возникновение оседлости у праболгар Среднедонечья. – СА, 1981, № 4, 110–125.

[19] *Плетнёва, С. А.* Очерки.., 80–83.

[20] *Красильников, К. И.* Указ. соч., с. 125.

[21] *Красильников, К. И.* Могильник древних болгар у с. Желтое на Северском Донце. – Проблеми на прабългарската история и култура. С., 1991, вып. 2, 62–81.

[22] *Красильников, К. И., Красильникова, Л. И.* Могильник у села Лысогоровка – новый источник по этноистории степей Подонцовья раннего средневековья. – В: Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 4. Донецк, 2005, 212–215.

[23] *Андреева, И. В., Виноградов, А. А., Красильников, К. И., Худякова, О. В.* Сравнительная краниометрия чешуй лобной кости людей, живших в VIII и XX вв. на географической территории Луганской области. – Украинский медицинский альманах. Т. 5. Луганск, 2002, № 1, 10–12.

[24] Путешествие Ахмеда ибн Фадлана.., с. 85.

[25] *Плетнёва, С. А.* Хазары.., с.10.

[26] *Артамонов, М. И.* История хазар.., с. 172; *Плетнёва, С. А.* Хазары.., 9–10.

[27] *Плетнёва, С. А.* На славяно-хазарском пограничье. М., 1989, 7–20; *Винников, А. З., Плетнёва, С. А.* На северных рубежах Хазарского каганата. ВГУ, Воронеж, 1998, 18–42.

[28] *Константин Багрянородный.* Об управлении государством. ИГАИМК, 1934, вып. 91, 10–11; *Плетнёва, С.А.* Хазары.., с. 67.

УДК 904(=163.2):911.37(292.485:4-11)«07/08»

БОЛГАРЫ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ПОСЕЛЕНИЙ САЛТОВСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ: ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КРИТЕРИЕВ

В. В. Колода

Колода В. В. **Болгари в матеріальній культурі поселень салтівського лісостепу: проблеми виділення етнічних критеріїв**

Практично з часу виділення салтівської археологічної культури дослідники лісостепових пам'яток Хозарії відзначали присутність тут артефактів і комплексів степового походження. Починаючи з середини минулого століття, їх пов'язували, насамперед, із болгарами. Спроба виділення етнічних „маркерів" присутності болгарського етносу на поселеннях робилася неодноразово. Проте переважна більшість раніше поширених „прямих доказів" болгарського етносу перетворилися на сьогодні в непрямі свідчення, які відображають колишній кочовий стан окремих груп населення у лісостеповому осередку розселення. Це призвело до створення у певного кола дослідників скептичного ставлення щодо можливостей етнокультурної інтерпретації на підставі археологічних даних. Не зважаючи на це, вважаємо, що пошук критеріїв етнічних ранньосередньовічних болгар слід продовжити.

Ключові слова: салтівська археологічна культура, лісостепові пам'ятки, болгари, критерії.

Колода В. В. **Болгары в материальной культуре поселений салтовской лесостепи: проблемы выделения этнических критериев**

Практически со времени выделения салтовской археологической культуры исследователи лесостепных памятников Хазарии отмечали присутствие здесь артефактов и комплексов степного происхождения. Начиная с середины прошлого века, их связывали, прежде всего, с болгарами. Попытка выделения этнических „маркеров" присутствия болгарского этноса на поселениях предпринималась неоднократно. Однако подавляющее большинство ранее бытовавших „прямых доказательств" болгарского этноса превратились в настоящее время в косвенные свидетельства, которые отражают бывшее кочевое состояние отдельных групп населения в лесостепной среде расселения. Это привело к выработке у ряда исследователей скептического отношения к возможностям этнокультурной интерпретации на основании археологических данных. Несмотря на это, считаем, что поиск критериев этнических раннесредневековых болгар следует продолжить.

Ключевые слова: салтовская археологическая культура, лесостепные памятники, болгары, критерии.

Koloda V. V. **The Bulgarians in the material culture of the Saltov forest-steppe settlements: the problems of the ethnic criteria definition**

Since the Saltov archaeological culture was nearly defined, the researchers of the forest-steppe Khazaria sites noticed the presence of the artifacts and complexes of steppe origin. From the beginning of the middle of the last century, they were connected with the Bulgarians, primarily. The attempt to define the ethnic "markers" of the Bulgarian ethnos presence on the settlements

© В. В. Колода, 2012

has been made many times. However, the overwhelming majority of the recent prevailing “direct proofs” of the Bulgarian ethnos has turned to the modern indirect proofs that reflect the previous nomadic condition of separate population groups in the forest-steppe resettlement area. This caused some researchers’ skeptical attitude to possible ethno-cultural interpretation on the basis of the archaeological data. In spite of this, we believe that the search for criteria of the ethnic, early middle-ages Bulgarians should be continued.

Keywords: Saltov archaeological culture, the forest-steppe sites, Bulgarians, criteria’s.

Вопросы этнической принадлежности памятников салтовской археологической культуры вызывали дискуссии практически с момента выделения этого круга древностей. Такие учёные, как А. А. Спицин и Ю. В. Готье, придерживались мнения об этнической близости населения Верхнего Салтова и алан Северного Кавказа[1]; Д. И. Багалей и Д. Я. Самоквасов относили выявленные на то время аналогичные памятники к этническим хазарам[2]. Первооткрыватель раннесредневекового Верхнесалтовского комплекса – В. А. Бабенко – поочерёдно склонялся то к одной, то к другой точке зрения[3]. Дальнейшее развитие полевых исследований на Нижнем Дону велось под руководством М. И. Артамонова. Именно он ещё в конце первой половины XX ст., отмечая значительное сходство материальной культуры на обширном пространстве бассейнов рек Дона и Северского Донца, наметил будущее выделение двух основных вариантов салтово-маяцкой культуры. Памятники Среднего Дона и Верховьев Северского Донца он объединил в один вариант – „салтовский“, а памятники Нижнего Дона определил в отдельную группу, связав её с этническими хазарами[4]. Заметим, что исследователь первую группу выделил лишь территориально, а вторую дополнил этнической характеристикой. Обратим также внимание и на то, что до середины прошлого века речи о болгарском компоненте в салтовской среде практически не велось.

Возобновление полевых исследований на памятниках салтовской культуры в послевоенное время расширили базу осмысления этого культурного круга древностей, давая новые возможности для решения этнических вопросов. Соотнесение археологических материалов, полученных в середине XX в., с письменными источниками (в которых отражена история Хазарии и народов европейских степей предшествующего ей периода) позволили выяснить основной перечень народов, входивших в состав Хазарского каганата и принявших участие в формировании салтово-маяцкой культуры. В него входили: северокавказские аланы, тюркоязычные болгары, хазары, венгры, потомки ираноязычного населения скифо-сарматского времени[5]. Позднее к ним прибавились тюрки и славяне.

Всё это требовало выяснения роли и доли участия различных этнических групп в сложении салтовской археологической культуры и развитии Хазарского каганата – одного из ведущих раннесредневековых государственных образований Восточной Европы. Безусловно, на начальном этапе изучения этого круга древностей ведущую роль в решении указанных вопросов играли письменные источники. Однако с середины прошлого столетия динамичное и массовое пополнение археологического материала поставило на повестку дня выделение этнокультурных критериев (своеобразных этнических реперов) в целом единой (в определённом смысле – „государственной“)[6] культуры. Этот вопрос не снят с повестки до сего дня, несмотря на то, что к настоящему времени большинством исследователей не оспаривается тезис о численном доминировании северокавказских алан в лесостепной части каганата и на Северном Кавказе, а болгар (праболгар, протоболгар) – в Хазарской степи. Таким образом, признается, что болгарский этнический компонент был одной из главных этнических составляющих в пёстрой картине населения салтовской археологической культуры середины VIII – середины X вв.

Его выделение и первая попытка определения этнических критериев связана с работой И. И. Ляпушкина в первом томе „Трудов Волго-Донской археологической экспедиции“. Разделив, следом за М. И. Артамоновым, салтовскую культуру на два

варианта (северный – лесостепной и южный – степной), он связал последний с болгарским этносом. В качестве этноопределяющих показателей исследователь выдвинул следующие: обширные городища с земляными валами, юртообразные жилища, ямные ингумационные могильники с захоронениями брахикранов-европеоидов[7].

В последующем к его мнению (с некоторыми корректировками и уточнениями) присоединилась С. А. Плетнёва в своей обобщающей работе, посвящённой процессу оседания раннесредневековых кочевников. Весьма важным для дальнейшего рассмотрения критериев выделения болгарского этноса нам представляется два её замечания. Первое касается того, что юрта (а следовательно и юртообразное жилище – *К. В.*) является критерием не этническим, а культурным, отражающим суть бытовых и хозяйственных традиций кочевников. Второе важное, по-нашему мнению, замечание касается того, что болгар времён Хазарского каганата сложно соотнести с культурой болгарских племён V–VI вв. Причина этого кроется в том, что зафиксированные в письменных источниках болгарские племена к моменту их вхождение в состав Хазарии сильно перемешались между собой и, кроме того, испытали на себе влияние тех народов, с которыми они контактировали. Для Дунайской Болгарии, по мнению исследовательницы, это были славяне, для Волжской – финно-угры, для Крыма – гото-греческое население, для Приазовья – косоги, для Верхнего Подонья – северокавказские аланы[8]. И всё же, её указание на то, что Восточный Крым, Приазовье и Нижнее Подонье являются территориями, заселёнными в основном, болгарами[9], оставляли главное направление в изучении материальной культуры болгар – степи Восточной Европы, что определяло и вектор поиска критериев для выделения этого этноса (как на „основных“ степных, так и на других территориях салтово-маякой культуры).

В связи с очерчиванием ареала преимущественного распространения болгар, обращают на себя ещё несколько тезисов С. А. Плетнёвой, которые акцентировали внимание на новых возможных критериях выделения этнических болгар на основе керамических сосудов. К ним относится значительное количество лепных горшков, в которых, в качестве примеси в тесте, использовался кварцевый речной песок или растительные добавки; вытянутые или шаровидные пропорции горшков в сочетании со слабой профилировкой, а также – глиняные котлы с внутренними ушками[10]. Всё это указывало на то, что выдвинутые И. И. Ляпушкиным критерии выделения болгарского этноса были уже недостаточны для нового этапа исследований раннесредневековых древностей юга Восточной Европы.

Но, указав на новые возможности в деле решения этнокультурных вопросов, исследовательница в дальнейшем старалась уходить от конкретных высказываний относительно этнических показателей болгар (за исключением таких, как погребальные памятники и данные антропологии). В её последних обобщающих работах основными дефинициями разделения салтовских древностей являются „лесостепной“ или „степной“ варианты и членение археологической культуры по географическому принципу[11].

Однако, проблема этнических критериев в салтовских древностях, в том числе и для выделения болгарского компонента, всё чаще напоминала о себе. Особенно актуальными эти вопросы стали в конце XX – начале XXI ст. Масштабные раскопки, в том числе и на лесостепных памятниках Хазарии, привели к накоплению значительного фактического материала, требующего осмысления и дающего новые возможности для решения многих вопросов социально-экономического и этнокультурного развития салтовской культуры. Теперь уже аксиоматичным стало мнение о полиэтничном составе салтовского населения на большинстве её территорий. Это вновь стимулировало научную мысль относительно поиска этнокультурных показателей. Активные полевые исследования на Северском Донце в последние 20 лет убеждают археологов в том, что болгарский этнический компонент играл заметную роль не только в степи, но и на лесостепных территориях каганата. Причина появления здесь болгар кроется в сложных и динамичных событиях, происходив-

ших в VII – середине VIII вв. на территории Приазовья и Прикубанья. Последствием их стало значительное расселение болгарских племён и отдельных групп: на Нижний Дунай, Среднюю Волгу, в Крым и в Днепро-Донскую лесостепь. Об этом свидетельствуют, прежде всего, материалы грунтовых могильников по обряду ингумации. Однако, в последнее время значительными площадями проводятся исследования и поселенческих памятников, рядом с которыми могильники не выявлены. Возникают закономерные вопросы:

– Сохранились ли какие-либо проявления болгарской этнической аутентичности на поселениях или салтовская культура, развивающаяся под военно-политическим господством верховной власти хазар, привела к её полной культурной гомогенности?

– Только ли погребальные памятники, в которых проявляется наиболее устойчивая часть этнического самосознания, могут свидетельствовать о присутствии на территории тех или иных этнических групп?

Всё это стимулирует новую дискуссию о том: что следует искать, на что обращать внимание при определении этнической составляющей во время исследования салтовских поселенческих памятников. Данные вопросы целиком правомерны и относительно поиска следов пребывания этнических болгар среди населения лесостепных памятников Хазарии. Это тем более актуально, что в научной литературе сплошь и рядом используются такие термины, как „алано-болгары“ (наиболее часто и давно используемый), „тюрко-болгары“, „тюрко-хазары“, „болгаро-хазары“, „угро-болгары“ и даже „алано-славяне“. Их появление свидетельствует о попытках (хотя бы на интуитивном уровне) всё же решить вопрос об этнической составляющей тех или иных памятников (территорий, регионов) с акцентированием доминирующего этноса в первой позиции. Но! В каждом из этих терминов скрыты вопросы: что и от какого этноса было привнесено в их общую синкретичную культуру?

В последнее время наметились два подхода к возможностям выделения этнических критериев в салтовской среде вообще и болгар в частности. Один из них можно условно назвать „скептический“, другой – „поисковый“ (хотя здоровый скепсис всегда является обязательным условием для любого научного исследования).

Ярким представителем „скептического“ направления следует, по нашему мнению, признать Г. Е. Афанасьева[12]. Ссылаясь на мнение антрополога В. П. Алексеева, а также на исследования С. Г. Ефимова и Т. С. Кондукторовой, он высказывает глубокое сомнение в том, что брахикранность, даже в сочетании с ямной ингумацией, может быть критерием выделения болгарского этноса. Им отвергается такой, ранее вполне „болгарский“, критерий как глиняные котлы с внутренними ушками. Он также является противником использования в качестве болгароопределяющего такого критерия, как керамическое тесто с добавлением речного песка. Скептически настроен исследователь и по отношению к тому, чтобы рассматривать строительный материал городищ „в качестве признака для этнической дифференциации населения, входившего в состав Хазарского каганата“. Его общий вывод сводится к тому, что ни письменные, ни археологические материалы не позволяют на современном уровне знаний выделить этномаркирующие признаки праболгар и алан, за исключением аланской принадлежности катакомбных могильников[13]. Этот скепсис не лишён основания, основная причина которого кроется в том, что салтовская культура в большинстве своих археологических проявлений является общей практически для всей территории Хазарии. Однако, критикуя предлагаемые предшественниками критерии и выявляя скепсис, позиция исследователя конструктивной выглядит лишь тогда, когда предлагаются возможные пути решения вопроса. Нельзя сказать, что таковых нет у Г. Е. Афанасьева. Он предлагает пути решения этнических вопросов посредством антропологии с привлечением дополнительных анализов ДНК, диеты и т. п.[14]. Не говоря о том, что научно-техническое оснащение археологии на постсоветском пространстве крайне слабое, отметим, что такие анализы не всегда возможны по причине преднамеренного разрушения скелетов или вследствие кремаций. Отсюда

вывод: поиск именно археологических критериев необходим и особенно тех, которые проявляются на памятниках поселенческого типа.

Не касаясь „этнических“ контраргументов Г. Е. Афанасьева в целом, мы готовы согласиться с уважаемым коллегой в том, что песчанистое тесто, в силу своего широкого территориального и хронологического распространения, действительно не может быть этническим критерием. Этот факт указывает, скорее всего, на сырьевую базу гончарного производства и, возможно, на домашний лепной способ изготовления кухонных горшков. То же относится и к глиняным котлам с внутренними ушками. Последние исследования по систематике этого типа посуды убеждают нас в том, что и этот критерий не является аргументом в пользу болгар[15]. Использование котлов связано, прежде всего, не с этносом, а с типом основного теплогенерирующего устройства и хозяйственными традициями.

Таким образом, согласно „скептической“ точке зрения, выделение отдельных этнических черт в безусловно полиэтнической среде практически невозможно. Исходя из этого, Г. Е. Афанасьев видит перспективу использования археологического материала лишь в плане определения культурной близости[16]. Конечно, это задача необходимая и важная, но анализ культурной близости приведёт, скорее всего, не к решению конкретных этнических проблем, а позволит проанализировать степень сходства культурно-хозяйственных типов и быта отдельных групп салтовского населения.

Более перспективным нам представляется иной („поисковый“) подход к выделению этнических критериев среди массового археологического материала. Это касается и поиска следов пребывания болгар в салтовской лесостепи. Исходя из того, что на ближайших территориях, к югу от рассматриваемого региона, проживали, скорее всего, кочевые и полукочевые народы, ассоциируемые согласно письменным источникам, прежде всего, с болгарами, поиски „болгарских критериев“ следует связывать с территорией Нижнего Дона, Приазовья и Восточного Крыма. Однако, там мало салтовских поселений, которые исследованы большими площадями, что затрудняет поиск необходимых критериев. Между этими территориями и салтовской лесостепью лежит ещё один степной регион: среднее течение Северского Донца – от устья р. Оскол до впадения р. Каменка, занимая площадь степей по оба берега Северского Донца ≈ 40 тыс. км^2.

Данный участок вот уже несколько десятилетий плодотворно исследуется луганским коллегой К. И. Красильниковым, который сумел превратить эту, некогда малоисследованную зону салтовской культуры, в добротно изученный регион Хазарии. В нескольких своих работах и в выступлениях на конференциях он, на наш взгляд, довольно убедительно отстаивает мысль о том, что данную территорию, несмотря на её полиэтничность, следует связать с так называемыми „черными болгарами“. На археологическом материале исследователь показывает, что это была группа практически бесправного населения, полностью подконтрольного центральной власти каганата и выполняющая исключительно даннические обязанности[17]. Особенно важным для нашей темы обстоятельством является тот факт, что здесь открыты и исследованы большими площадями именно поселения. Это позволяет проводить действенные параллели между этим степным регионом и салтовской лесостепью, тем более что природная граница этих двух соседних территорий до сих пор воспринимается исследователями неодинаково.

На многочисленных примерах автор неоднократно показывает, что юрта при оседлом способе жизни и ведения хозяйства быстро вытесняется квадратным и прямоугольным жилищем, форма, конструкция и интерьер которого являются плодом самостоятельного развития домостроительства и адаптации бывших кочевников к новым условиям[18]. Не вступая в дискуссию относительно самостоятельности выработки новых принципов домостроительства, считаем необходимым акцентировать внимание на следующее, вытекающее из этого тезиса, обстоятельство. Если ранее факт использования юртообразного жилища не свидетельствовал об этнической принадлежности его хозяина, то теперь и квадратные или прямоугольные заглублённые каркасно-столбовые жилища перестают

быть безусловным критерием и для иных – „неболгарских“ – вариантов интерпретации их жильцов (по крайней мере, для степной части салтовской культуры).

Анализ К. И. Красильниковым материальной культуры региона Среднего Подонцовья даёт, как нам кажется, возможность выделить несколько черт, которые имеют шанс (после дополнительной проверки) стать своеобразными этническими индикаторами. К ним мы относим углублённые печи-каменки, сложенные насухо из плит – один из вариантов типа I, выделяемый К. И. Красильниковым[19]. Вполне вероятно, к таковым критериям можно отнести в дальнейшем и тандыры, которые пока не встречались за пределами Степного Подонцовья[20]. В керамическом материале – это „одутловатая и приземистая кухонная посуда“ лепной технологии или изготовленная на ручном гончарном круге, которую исследователь связывает непосредственно с болгарами[21].

Подведём некоторые итоги:

Практически, со времени выделения салтовских древностей в отдельную археологическую культуру, исследователи лесостепных памятников Хазарии отмечали присутствие здесь артефактов и комплексов степного происхождения. Начиная с середины прошлого века их связывали, прежде всего, с болгарами, как наиболее многочисленным населением Нижнего Дона, а также Причерноморских и Приазовских степей, объясняя эти находки торговыми связями или пребыванием болгар на северных территориях каганата.

Попытка выделения этнических „маркеров“ присутствия болгарского этноса в поселенческих материалах, предпринимаемая неоднократно рядом исследователей, привела к следующему. Подавляющее большинство ранее бытовавших „прямых доказательств“ болгарского этноса в настоящее время превратились в косвенные свидетельства, отражающие кочевое или бывшее кочевое состояние отдельных групп населения в лесостепной среде расселения. К таковым сейчас относятся:

– во-первых, юрты и юртообразные жилища с их интерьером (в том числе и отопительным устройством в виде разнообразных расположенных по центру очагов);

– во-вторых, планировка жилищно-хозяйственного комплекса в целом (прежде всего куренная планировка, наличие открытых очагов в пределах усадьбы);

– в-третьих, орудия труда, связанные с переработкой скотоводческой продукции, и предметы быта (главным образом лепная керамика: горшки и котлы с внутренними ручками-ушками).

Определение этноса лишь по ним не может быть признано корректным с точки зрения современной науки. Подобное положение привело к выработке у ряда исследователей скептического отношения к возможностям этнокультурной интерпретации на основании археологических данных (скепсис распространяется даже на такую категорию памятников, как грунтовые ингумационные могильники).

Последний харьковский симпозиум по проблемам раннесредневековой болгаристики, материалы которого войдут в данный сборник, показал, что вопросы выделения болгарских этнических черт в археологическом материале остаются в центре внимания исследователей. Проблемы критериев этнических болгар актуальны не только для изучения поселенческих памятников салтовской культуры, что мы постарались осветить в настоящей статье, но и для погребальных памятников раннего средневековья Юго-Восточной Европы[22]. Практическое отсутствие общепринятых критериев выделения этнических болгар в составе населения салтовской лесостепи не должно привести к отрицанию их присутствия и определённой роли в этнокультурной жизни северо-западных территорий Хазарии. Это в очередной раз, уже на современном этапе изучения салтово-маяцкой культуры, ставит перед исследователями задачу поиска болгарских этнических черт в наработанном многочисленными экспедициями поселенческом материале. Безусловно, комплексный подход к источникам и поиск новых критериев среди материала памятников, что раскопаны большими площадями, – наиболее перспективный путь выделения болгарских этнических черт в среде салтовского населения.

[1] *Спицын, А. А.* Историко-археологические разыскания. Исконные обитатели Дона и Донца. – ЖМНП, 1899, № 1, 67–83; *Готье, Ю. В.* Кто были обитатели Верхнего Салтова? – ИГАИМК, 1927, вып. 5, 65–84; Железный век в Восточной Европе. М.–Л., 1930.

[2] *Багалей, Д. И.* Русская история. Ч. 1. Харьков, 1909, с. 66; *Ляпушкин, И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. – МИА, 1958, № 62, с. 88; *Плетнёва, С. А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – МИА, 1967, № 142, 4–5; *Самоквасов, Д. Я.* Могилы русской земли. М., 1908.

[3] *Бабенко, В. А.* Новые систематические исследования Верхне-Салтовского могильника в 1908 г. – Труды XIV АС. Т. 3; Памятники хазарской культуры на юге России. Каменный город. – Труды XV АС. Т. 1, 464–470.

[4] *Артамонов, М. И.* Саркел и некоторые другие поселения северо-западной Хазарии. – СА. Т. 4, 1940, 157–158.

[5] *Артамонов, М. И.* История хазар. Л., 1962, 309–316; *Мерперт, Н. Я.* Верхнее Салтово (салтовская культура). Дисс. … канд. ист. наук. М., 1949, 354–403; О генезисе салтовской культуры. – КСИИМК. Т. 36, 1951, 14–30; *Плетнёва, С. А.* Указ. соч., с. 6.

[6] *Плетнёва, С. А.* Очерки хазарской археологии. М. – Иерусалим, 1999, 206–221.

[7] *Ляпушкин, И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры.., 142–148

[8] *Плетнёва, С. А.* От кочевий к городам.., с. 52, 188.

[9] Там же, с. 186.

[10] *Плетнёва, С. А.* Керамика Саркела – Белой вежи. – МИА, 1959, № 745, 222–224; От кочевий к городам.., 104–110.

[11] *Плетнёва, С. А.* Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII вв.). Воронеж, 2003, 52–102; Очерки хазарской археологии.

[12] *Афанасьев, Г. Е.* Рецензия: Тортика А. А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – первая четверть X вв.). Харьков, 2006. – РА, 2008, № 3, 165–170.

[13] Там же, с. 166.

[14] Там же, с. 166.

[15] *Лопан, О. В.* Средневековые глиняные подвесные котлы с внутренними ручками-ушками. – В: Средневековые древности Дона: Материалы и исследования по археологии Дона. М. – Иерусалим, 2007, вып. 2, 240–311.

[16] *Афанасьев, Г. Е.* Указ. соч., с. 166.

[17] *Красильников, К. И.* Бурджане (булг-р) степного Подонцовья в составе Хазарии. – В: Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Хазарское время. Донецк, 2009, с. 384; Население степного Подонцовья в Хазарское время. – В: Дивногорский сборник: труды музея-заповедника „Дивногорье“. Вып. 1: Археология. Воронеж, 2009, 76–79.

[18] *Красильников, К. И.* Указ. соч., с. 77–78; Указ. соч., 57–60.

[19] *Красильников, К. И.* Указ. соч., с. 60, рис. 3, 7.

[20] Там же, 63–64. Мы поддерживаем мнение автора о среднеазиатском влиянии относительно появления тандыров в болгарской среде. По-нашему мнению, это связано, скорее всего, с их заимствованием в период пребывания болгарских племён в Средней Азии в предсалтовский период.

[21] Там же, с. 66, рис. 4, 13–24, 5, 11,1.

[22] В этом плане весьма интересны наработки А. В. Комара, озвученные во время доклада на упомянутом выше симпозиуме в Харькове.

УДК 904:726.821-045.35-022.344(477.54)«07/08»

ПОВТОРНОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ В ЗАХОРОНЕНИЯ НЕТАЙЛОВСКОГО ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ – МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

В. С. Аксёнов

Аксьонов В. С. **Повторне проникнення до поховань Нетайлівського ґрунтового могильника салтівської культури – міф чи реальність?**

Дослідження болгарських некрополів салтівської культури басейну Сіверського Донця показали присутність на них поховань з навмисне зруйнованими у давнину кістяками людей внаслідок повторного до них проникнення. У статті розглядаються риси, які безумовно вказують на факт повторного розкопування могил Нетайлівського ґрунтового могильника (р. Сіверський Донець, Вовчанський район Харківської області). Матеріали поховань дозволяють зробити наступні висновки: кількість поховань зі слідами повторного до них проникнення на некрополі значна (з 77 досліджених поховань у 2006–2010 рр. ті чи інші сліди проникнення достеменно відмічені в 14 похованнях); навмисне проникнення здійснювалось до поховань, що належали як чоловікам, так і жінкам і дітям; процес проникнення до поховання характеризується навмисною руйнацією кістяків похованих людей, при цьому частина кісток, можливо, вилучалася з могильної ями, а череп людини без нижньої щелепи опинявся у верхніх шарах заповнення повторного укопу. Проте, мету проникнення до поховань (знешкодження, плюндрування, пограбування), насьогодні, однозначно визначити неможливо.

Ключові слова: поховання, салтівська культура, навмисне проникнення.

Аксёнов В. С. **Повторное проникновение в захоронения Нетайловского грунтового могильника салтовской культуры – миф или реальность?**

Исследования болгарских могильников салтовской культуры бассейна Северского Донца показали присутствие на них захоронений с преднамеренным разрушением скелетов погребенных людей в результате повторного в них проникновения. В данной статье рассматриваются признаки, которые однозначно указывают на факт повторного вскрытия могил Нетайловского грунтового могильника (р. Северский Донец, Волчанский район Харьковской области). Материалы захоронений позволяют сделать следующие выводы: количество погребений со следами повторного в них проникновения на могильнике достаточно велико (из 77 исследованных в 2006–2010 гг. погребений, те или иные следы проникновения достоверно отмечены в 14 захоронениях); преднамеренное проникновение осуществлялось в захоронения, принадлежавшие как мужчинам, так и женщинам и детям; процесс проникновения в захоронения характеризуется преднамеренным разрушением костяков погребенных людей, при этом часть костей, возможно, изымалась из могильной ямы, а череп человека без нижней челюсти оказывался в верхних слоях заполнения повторного вкопа. Тем не менее, однозначно определить цель проникновения в захоронения (обезвреживание, осквернение, ограбление) на данный момент не представляется возможным.

Ключевые слова: погребение, салтовская культура, преднамеренное проникновение.

© В. С. Аксёнов, 2012

***Aksyonov V. S.* Re-penetration at sepultures of the Netajlivka burial ground of the saltiv culture – myth or reality?**

Research of the pre-bulgarian burial grounds of the saltiv culture Siversky Donets Basin showed the presence sepultures with skeletons destructed as a result of the re-penetration. This article describes the signs indicated fact of the digging out the graves of the Netajlivka burial ground (Siversky Donets river, Vovchanskiy district of the Kharkiv region).

Materials of the burials permit the following conclusions: 1) the number of graves with traces of the re-penetration to the burials is large enough. Among the 77 tombs studied during 2006-2010 signs of re-penetration veraciously were recorded in the 14 burials; 2) deliberate penetration was carried out in the burials belonged to men and women, and children; 3) one of penetrations' features was intentional destruction of the skeletons of buried people. At the same time some bones were removed from the burial pit, and the human skull without the lower jaw was moved in the upper layers of repeated delves filling. However, at this moment the aim of the penetrating the burial (neutralization, desecration or plunder) can not be clearly determined.

Keywords: sepulture, saltiv culture, intentional penetration.

Работы на болгарских могильниках салтовской культуры бассейна Северского Донца показали присутствие на них захоронений с преднамеренным разрушением скелетов погребенных людей в результате повторного в них проникновения. Преднамеренное разрушение погребенных людей, по мнению В. С. Флерова, было совершено в древности спустя непродолжительное время после совершения захоронения и носило ритуальный характер[1]. В числе салтовских грунтовых некрополей, на которых данный обряд был зафиксирован, оказался и Нетайловский могильник, расположенный у с. Металловка Волчанского района (Харьковская обл.). Новые исследования данного могильника, проводимые совместной экспедицией Харьковского исторического музея и Харьковской государственной академией культуры под руководством автора статьи, позволили получить новые материалы по столь интересной стороне погребального обряда болгарского компонента салтовской культуры бассейна Северского Донца. В связи с тем, что столь специфические ритуальные действия, как повторное проникновение в могилу с целью разрушения костяка погребенного человека, особенно важны, ибо древнеболгарские захоронения салтовского населения Подонья достаточно единообразны и относительно бедны погребальным инвентарем[2]. Поэтому любые новые данные, проливающие свет на эту проблему, не могут не вызвать интереса. Настоящая статья посвящена захоронениям со следами повторного проникновения в могильную яму, открытыми на Нетайловском могильнике салтовской культуры в 2006–2010 гг.

Нетайловский могильник сразу же после его открытия и исследования в 1959–1961 гг. экспедицией под руководством Д. Т. Березовца привлек внимание широкого круга ученых. Причиной тому были специфические особенности погребального обряда, зафиксированные в ходе исследования захоронений могильника. Из 120 погребений салтовского времени только в 32 были обнаружены человеческие костяки в относительном анатомическом порядке; в 38 могильных ямах человеческих костей не было вообще; в остальных 50 захоронениях человеческие кости находились в самых разнообразных положениях[3]. Все это привело первооткрывателя могильника к предположению, что погребения совершались несколькими способами: 1) в открытой яме, засыпавшейся после скелетезации трупа; 2) в слегка присыпанной яме; 3) путем раскладывания в яме остатков уже разложившегося на открытой поверхности земли тела – „вторичное захоронение“. В последнем случае человеческие кости иногда размещались в необходимом порядке, но чаще просто разбрасывались по дну ямы[4]. И О. В. Иченская, и Д. Т. Березовец считали, что преднамеренные нарушения могил на могильнике (осквернение, ограбление) не практиковались[5].

Материалы исследования могильника в 1991–2010 гг. экспедициями под руководством А. В. Крыганова, В. К. Михеева, А. В. Комара, В. С. Аксёнова не только дополнили наши знания о погребальном обряде могильника[6], но и вызвали появление новых гипотез. Так, А. В. Крыганов и Н. В. Чернигова предположили, что большинство погребений могильника (группа захоронений без человеческих костяков, с разрушенными костяками) были ограблены, возможно, печенегами в конце IX в.[7] О. Ю. Жиронкина и Ю. И. Цитковская, работавшие долгое время с А. В. Крыгановым, решительно заявили об отсутствии повторного проникновения в погребения могильника[8]. Однако, исследовательницы отметили присутствие позднейших преднамеренных вкопов в могильные ямы двух захоронений (№ 198, 201), что, по их мнению, свидетельствует о возможном повторном проникновении[9]. При этом, повторное проникновение в данные захоронения, по их мнению, носило ритуальный, а не грабительский характер[10]. Позднее, дискутируя с идеями В. С. Флерова о существовании у нетайловцев „обряда обезвреживания покойников“, О. Ю. Жиронкина и Ю. И. Цитковская по материалам раскопок могильника 1991–1996 гг. сделали заключение, что погребальный обряд нетайловцев предполагал помещение в могильные ямы уже очищенных от мягких тканей под воздействием естественных природных факторов человеческих костей, что находит соответствие, по их мнению, в зороастрийском обряде погребения[11].

Данная гипотеза уже подвергалась моей критике[12]. Основываясь на собственных наблюдениях при работах на могильнике в 1993 г., считаю гипотезу тождественности погребального обряда нетайловцев зороастрийскому погребальному обряду умозрительной, требующей предоставления серьезных доказательств в ее пользу. По моему мнению, в указанной работе О. Ю. Жиронкиной и Ю. И. Цитковской не были показаны конкретные захоронения, в которых обряд „выкладывания“ был бы представлен наиболее ярко. Отсутствие костных останков людей в могильных ямах нетайловских захоронений я склонен связывать с гидрологической ситуацией, сложившейся в зоне расположения могильника[13]. В целом же, погребальный обряд Нетайловского могильника, по моему мнению, вполне соответствует языческому погребальному обряду праболгарского населения салтово-маяцкой культуры. В той же своей работе я счел возможным предположить присутствие у населения, оставившего Нетайловских некрополь, обряда обезвреживания покойника, одним из явных свидетельств которого являются следы повторного проникновения в могильную яму[14].

Следы повторного проникновения в могильные ямы захоронений Нетайловского могильника в виде позднейших вкопов (погр. № 416, 430) были зафиксированы А. В. Комаром, исследовавшим на некрополе 7 погребений в 2004 г. В двух погребениях (№ 415, 417), как отмечает исследователь, скелеты погребенных людей были преднамеренно разрушены с проведением каких-то ритуальных действий, после вскрытия могильной ямы по всей ее площади. Исходя из анализа материалов своих исследований и работ других археологов, изучавших Нетайловский могильник, А. В. Комар высказал гипотезу, что масштабное вскрытие погребений могильника с последующим разрушением скелетов и ритуальными действиями с использованием огня могло быть разовым экстраординарным событием, а не обязательной частью погребальных обрядов, совершаемых родственниками[15].

Исследования последних лет (2006–2010 гг.), проводимые экспедицией под руководством автора статьи, позволяют прояснить данную проблему. В их ходе нам удалось зафиксировать несколько признаков, однозначно указывающих на факт повторного вскрытия могильных ям, совершенных в древности. К наиболее явным признакам относятся: 1) наличие следов повторных вкопов в могильные ямы; 2) наличие преднамеренно разрушенных костяков погребенных людей. В ряде случаев удалось проследить ходы повторного проникновения в захоронения, которые по своим размерам были меньше размеров самих могильных ям. Ниже мы приводим описание погребальных комплексов.

Погребение № 481. На уровне фиксации (–0,75 м) пятно могильной ямы имело форму вытянутого овала, западный край которого имел прямоугольные очертания (рис. 1: 1). Могильное пятно было ориентировано своей длинной осью по линии северо-восток – юго-запад (азимут 55º). Размеры пятна на уровне фиксации: длина – 2,22 м, ширина максимальная – 1,14 м, ширина западного подпрямоугольного края могильного пятна – 0,73 м. В восточной части могильного пятна располагался ход повторного проникновения в захоронение, который в плане имел овальную форму и перекрыл собой пятно могильной ямы, имеющей первоначально, по-видимому, в плане форму вытянутого прямоугольника. Размеры входа повторного проникновения в могилу на уровне фиксации – 2,03 × 1,14 м. Заполнение хода проникновения в захоронение было по цвету темно-серым, местами черным, золистым, вязким. Заполнение западной, не потревоженной этим ходом, части могильного пятна по цвету было светло-серым, однородным. Заполнение этой части могильной ямы состояло из однородной светло-серой супеси, которая в виде своеобразного останца фиксировалась у западной части могильной ямы до самого ее дна. Незначительный по объему останец первоначального заполнения был зафиксирован у дна, возле восточной торцевой стенки яма (рис. 1: 2). Стенки могильной ямы наклонные, из-за чего размеры могильной ямы по дну меньше размеров ямы по уровню зачистки. Дно могильной ямы было зафиксировано на глубине –1,45 м от уровня современной поверхности почвы. Дно могильной ямы имело в плане форму вытянутой трапеции с закругленными углами размером 2,1 × 0,97 м (восточный край) – 0,67 м (западный край) (рис. 1: 3). Длинные стороны могильной ямы выше уровня дна были частично повреждены входом повторного проникновения в данное захоронение. Какие-либо костные находки и вещи на дне могильной ямы обнаружены не были.

Погребение № 506. На уровне фиксации (–1,0 м) пятно могильной ямы имело „бутылковидную“ в плане форму (рис. 1: 4). Это было обусловлено тем, что могильное пятно как бы состояло из двух частей. Восточная часть могильного пятна имела в плане форму прямоугольника размером 0,89 × 0,66–0,75 м и была ориентирована длинными сторонами вдоль линии восток – запад (азимут 90º). Западная часть могильного пятна имела форму овала размером 1,96 × 1,15 м, ориентированного длинной осью по линии восток – запад с незначительным отклонением к югу (азимут 100º). Заполнение восточной части могильной ямы состояло из светло-желтой супеси с большой примесью светло-желтого материкового песка, из-за чего заполнение этой части могильной ямы почти не отличалось по цвету от окружающего материка. Заполнение в этой части ямы до самого дна было однородным. У дна ямы оно по цвету почти не отличалось от материка. Заполнение же западной части могильного пятна состояло из темно-серой супеси с незначительной примесью светло-серой супеси, поэтому по цвету было более темным, относительно и окружающего материка, и заполнения восточной части могильной ямы. Заполнение западной части могильной ямы в профиле было слоистым. Слои темно-серой супеси перемежались более тонкими слоями почти черного цвета и прослойками грязно-серого материкового песка. Разница в заполнении восточной и западной частей могильной ямы однозначно указывает, что западная часть могилы спустя некоторое время после совершения захоронения подверглась преднамеренному вскрытию (рис. 1: 5). Только этим можно объяснить разный цвет, состав заполнения и несовпадение длинных осей двух противоположных частей одной могильной ямы. Дно ямы фиксировалось на глубине –2,15 м. В плане оно повторяло форму пятна могильной ямы на уровне его фиксации (рис. 1: 6). Стенки могильной ямы наклонные. Размеры могильной ямы по дну составляли 2,65 × 0,5 м (восточный край) – 0,95 м (западный край). На дне могильной ямы останки человека, как и погребальный инвентарь, отсутствовали.

Следы повторных вкопов, превышающие, по-видимому, первоначальные размеры пятна могильной ямы были зафиксированы в целом ряде захоронений. При этом, на дне могильных ям данных захоронений были зафиксированы отдельные кости человеческого скелета.

Погребение № 435. На уровне зачистки (–1,0 м) пятно могильной ямы имело форму вытянутого прямоугольника с закругленными углами размером 3,0 × 1,36 м (азимут 84º). Заполнение могильной ямы состояло из супеси пепельно-серого цвета с вкраплениями мелких древесных угольков. В заполнении могильной ямы, в восточной ее части, на расстоянии 0,4 м от торцевой стенки и на глубине –2,05 м от уровня современной поверхности почвы, был обнаружен железный складной серп, железная фибула-кресало, два кремня, бронзовая литая поясная бляшка сердцевидной формы (рис. 2: 1а, 2а). Дно могильной ямы было зафиксировано на глубине –2,7 м от уровня современной поверхности почвы. Восточная часть могильной ямы была отведена под захоронение человека; в западной располагался скелет коня (рис. 2: 1). Костяк человека был представлен только плохо сохранившимся черепом, лежавшим вплотную к северной стенке ямы, в 0,2 м от восточной торцевой стенки. Западнее черепа, ближе к центру могильной ямы, были обнаружены плохо сохранившиеся трубчатые кости, вероятно, рук погребенного человека. За черепом человека стоял салтовский столовый кувшин с носиком-сливом. Возле трубчатых костей были обнаружены железные черешковые ножи, собранные в пакет, бронзовая поясная пряжка и бронзовый литой наконечник пояса.

Погребение № 460. На уровне зачистки (–0,6 м) пятно ямы имело форму вытянутого прямоугольника с сильно закругленными углами, ориентированного длинной осью по линии восток – запад с незначительным сезонным отклонением к югу (азимут 100º). Размером пятна могильной ямы на уровне зачистки составляли 2,7 × 1,2 м. Заполнение могильной ямы состояло из темно-серой супеси с вкраплением мелких древесных угольков, из-за чего пятно могильной ямы хорошо выделялось на фоне материкового песка буро-рыжего цвета. В заполнении могильной ямы (с глубины –0,2 до –2,0 м от уровня современной поверхности) были найдены многочисленные фрагменты крупного глиняного сосуда срубной археологической культуры. Еще один сосуд баночной формы срубной археологической культуры был обнаружен в заполнении могильной ямы на глубине –0,85 м от уровня современной поверхности (рис. 3: 1а, 2а). Сосуд располагался устьем вверх на расстоянии 0,32 м от северной стенки ямы и в 0,85 м от западной торцевой стенки ямы. Дно могильной ямы ровное, находилось на глубине –2,4 м. На дне могильной ямы, у ее восточной стенки, было обнаружено небольшое скопление плохо сохранившихся костей, состоящее из сваленных вперемешку ребер, длинных костей одной из рук (лучевой и локтевой) (рис. 3: 1). Здесь же находилась нижняя челюсть человека. Верхнее положение в этом скоплении занимал череп человека плохой сохранности, который был представлен фрагментами и костным тленом. В 0,1 м западнее этого скопления костей располагались несколько человеческих ребер, а в 0,05–0,07 м западнее, перпендикулярно длинной оси ямы, лежали локтевая и лучевая кости одной из рук, очень плохой сохранности. В западном краю ямы, на расстоянии 0,27 м от торцевой стенки, были расчищены трубчатые кости (малые и большие берцовые) обеих ног, лежавшие параллельно друг другу (на расстоянии 0,12 м друг от друга). По расположению костей можно предположить, что тело было уложено в вытянутом положении на спине, головой на восток, ноги прямые. Размещение костей скоплением у восточного торца могильной ямы указывает, что в древности в могильную яму было осуществлено преднамеренное проникновение, в результате которого грудная клетка оказалась разрушенной, а ребра, череп и кости рук оказались сваленными в кучу в головном краю могильной ямы. Среди груды костей, расположенной у восточной стенки ямы, была найдена сильно разрушенная бронзовая пластинчатая фибула с расширяющейся книзу ножкой. Здесь же были найдены 6 стеклянных бусин, одна сердоликовая, одна янтарная бусина и одна бусина из розового коралла с прикипевшим к ней маленьким бронзовым колечком. В западном краю ямы были расчищены три стеклянные бусины и арабская монета, превращенная в древности в подвеску (пробито одно отверстие).

Погребение № 474. На уровне фиксации (–1,2 м) пятно могильной ямы имело форму овала размером 2,87 × 1,3–1,5 м (азимут 100º). Заполнение могильной ямы на уровне ее

фиксации было неоднородным, мешанным. Оно представляло собой пятнистую структуру, состоящую из линз черного, „жирного“ грунта, прослоек светло-желтого материкового песка с незначительными вкраплениями светло-серой супеси и линз темно-серой супеси, перемешанной со значительным количеством материкового песка. Заполнение по всей глубине ямы было вязким и влажным. Структура, цвет и плотность заполнения позволяет предположить, что в древности в погребение было осуществлено преднамеренное проникновение. В заполнении могильной ямы на глубине –1,55 м был обнаружен раздавленный салтовский горшочек с петлевидной ручкой, лежавший на боку и обращенный устьем в восточный край могилы (рис. 3: 3б, 4б), а на глубине –2,32 м были зафиксированы фрагменты черепной крышки черепа человека (рис. 3: 3в, 4в), вероятно, извлеченного из захоронения во время повторного проникновения в могилу, совершенного в древности. Дно могильной ямы фиксировалось на глубине –2,8 м. На дне могильной ямы были обнаружены разрозненные отдельные кости человеческого скелета (фрагменты человеческого черепа, зубы, трубчатая кость, три неопределенные кости человеческого скелета плохой сохранности) (рис. 3: 3) и погребальный инвентарь, представленный кубышкой плохой сохранности, свинцовым пряслицем, стеклянными и сердоликовыми бусами, фрагментами пружинного механизма фибулы.

Погребение № 482. Пятно могильной ямы было зафиксировано на глубине –0,7 м от уровня современной поверхности почвы благодаря своему темно-серому по цвету заполнению, хорошо выделяющемуся на фоне светло-желтого материкового песка. На уровне фиксации (–0,7 м) пятно могильной ямы имело форму вытянутого прямоугольника с сильно закругленными углами (азимут 60º). Размеры пятна на уровне фиксации: длина – 4,0 м, ширина – 2,3 м. На уровне фиксации заполнение могильной ямы имело темно-серый цвет, местами приобретавший светло-серый оттенок с пятнами светло-желтого материкового песка. При этом, в восточной части пятна могильной ямы цвет заполнения был золистым и более пятнистым, тогда как цвет заполнения в западной части пятна был более однородным – светло-серого цвета с незначительными вкраплениями светло-желтого материкового песка. Такая ситуация свидетельствует, что в восточную часть могилы в древности было осуществлено преднамеренное проникновение (рис. 4: 3, 4), доказательством чему служат следующие находки из заполнения этой части могильной ямы. Так, на глубине –0,6 м от уровня современной поверхности почвы, у южного края могильной ямы был обнаружен череп человека без нижней челюсти (рис. 4: 3в, 4в), покоившийся на правой височной кости и обращенный лицевыми костями к западному краю могильной ямы; на глубине –0,7 м от уровня современной почвы в 0,25 м от северного края ямы был найден целый крупный, лежавший на боку, салтовский кувшин (рис. 4: 3б, 4б), в 0,45 м к югу от которого, поперек могильного пятна, лежал железный черешковый нож. Данные артефакты, по-видимому, были извлечены из могильной ямы в ходе повторного в нее проникновения, совершенного в древности, и брошенные в ее заполнении. Кроме этого, в заполнении этой части могильной ямы на разных уровнях встречались отдельные мелкие древесные угольки и фрагменты (12 экз.) салтовских столовых сосудов (6 фрагментов столового кувшина серого цвета, 6 фрагментов столового сосуда черного цвета). Восточная часть могильной ямы была отведена под захоронение человека, в западной ее части располагалось погребение коня (рис. 4: 3). Пол могильной ямы человеческого захоронения фиксировался на глубине –2,65 м. На дне в восточной части ямы человеческие останки отсутствовали, но в заполнении этой части ямы, на глубине –2,5–2,55 м на расстоянии 0,9 м от восточной торцевой стенки, вдоль южной боковой стенки, лежала бедренная кость ноги человека плохой сохранности (рис. 4: 3г, 4г). Под костью был зафиксирован железный черешковый нож, половинка бронзового разделителя на пояс, обломок сабли, железные оковки ножен сабли, фрагмент железного кольца, фрагменты двух рамчатых пряжек, обломок пера листовидного наконечника копья. Под ними удалось проследить пятно темно-коричневого древесного тлена.

Под пятном древесного тлена, на самом дне могильной ямы, лежала вторая половинка бронзового разделителя на пояс.

Погребение № 492. На уровне фиксации (–1,1 м) пятно могильной ямы имело в плане овоидную форму с наибольшим расширением в западном конце (азимут 60º). Размеры могильного пятна составляли: длина – 3,75 м; ширина в восточном конце – 1,8 м; максимальная ширина в западном крае – 2,4 м. На уровне 1,1 м заполнение пятна могильной ямы достаточно хорошо выделялось своим темным цветом на фоне светло-желтого материкового песка. При этом, заполнение юго-западной и западной частей могильного пятна было более светлым и почти не отличалось по цвету от окружающего материка. Это заполнение состояло из светло-желтого материкового песка, перемешанного с незначительным количеством светло-серой супеси. Заполнение восточной части ямы имело более насыщенный темный цвет. В данной части, в заполнении ямы преобладала темно-серая супесь с незначительной примесью светлого материкового песка. Это темно-серое заполнение в площади зафиксированного могильного пятна имело форму, близкую к овалу, с размерами 3,0 × 1,7–2,0 м. Ориентировано это темное пятно заполнения было так же, как и само пятно могильной ямы. Заполнение этой, восточной части могильного пятна, было слоистым, состоящим из чередующихся между собой слоев темно-серой и светло-серой супеси с примесью большего или меньшего количества светлого материкового песка (рис. 4: 2). В профиле прослеживался прогиб слоев заполнения в сторону могильного дна. Удалось проследить и наклон слоев в сторону северо-восточной торцевой стенки могильной ямы. В данных слоях встречались на разной глубине отдельные мелкие древесные угольки, фрагменты салтовских сосудов. Само заполнение восточной темной части могильной ямы было вязким. На глубине –1,4 м в 0,8 м от северной стенки ямы была обнаружена придонная часть крупного салтовского столового кувшина, покоившегося на дне (рис. 4: 1а, 2а). Заполнение западной части могильной ямы было однородным – светло-серая супесь, перемешанная с незначительным количеством светлого материкового песка – до самого дна могильной ямы. Какие-либо находки в заполнении этой части могильной ямы отсутствовали. Восточная часть могильной ямы была отведена под захоронение человека, в западной части ямы лежал костяк коня (рис. 4: 1). Дно могильной ямы под захоронение человека находилось на глубине –2,7 м. Здесь были зафиксированы остатки деревянного гроба-рамы. Дно гроба-рамы было выстлано какой-то органической подстилкой, вероятно, древесной корой, от которой остался темно-коричневый тлен. Свободное пространство между стенками гроба-рамы и стенками углубления под захоронение человека было заполнено, на высоту гроба, светло-желтым материковым песком с незначительной примесью светло-серой супеси. Расчистка захоронения человека показала, что в древности человеческий костяк подвергся преднамеренному разрушению. На момент исследования кости человека – отдельные ребра, черепная крышка, обе бедренные кости ног – образовывали скопление у восточной торцевой стенки ямы за пределами гроба-рамы. К северу от этого скопления костей, за пределами гроба, но на высоте его верхнего края, стоял салтовский столовый кувшин. Берцовые кости правой ноги погребенного мужчины располагались in situ на расстоянии 0,12 м от северной стенки гроба-рамы, параллельно ей. Сохранность найденных костей человека плохая. Остальные кости человеческого скелета отсутствовали. На дне гроба-рамы был обнаружен железный наконечник копья бронебойного типа, железный черешковый нож с остатками деревянных ножен на лезвии, два наконечника стрел, четыре поясные бляшки и литой наконечник пояса. Вдоль северной боковой стенки гроба была прослежена полоса древесного тлена с включениями железа – остатки клинкового оружия (сабли или палаша) в деревянных ножнах.

Погребение № 498 было произведено в могильной яме, размеры которой по уровню зачистки составляли 2,8 × 1,18 м. В верхней части могильная яма имела в плане овальную форму (рис. 5: 1). Заполнение могильной ямы в верхней части состояло из темно-серой супеси, почти без примеси материкового песка, с вкраплениями мелких древесных угольков и отдельных фрагментов салтовских сосудов. С глубиной цвет заполнения могиль-

ной ямы не менялся. Однако удалось проследить, что у северо-восточной и юго-западной торцевых стенок могильной ямы имеются останцы первоначального заполнения клиновидной формы, состоявшие из светло-серой супеси, перемешанной со светлым материковым песком (рис. 5: 2, 3). Характерно, что количество материкового песка при приближении ко дну ямы, в этих останцах, увеличивалось. Поэтому цвет первоначального заполнения у северо-восточной и юго-западной торцевых стенок могильной ямы изменялся с глубиной от насыщенного светло-серого в верху ямы до грязно-светло-желтого у ее дна.

Такая структура заполнения могильной ямы позволяет утверждать, что в древности данное захоронение вскрывалось. Предположительно, первоначально могильная яма, по-видимому, имела в плане форму вытянутого прямоугольника с закругленными углами, но в процессе преднамеренного вскрытия могилы, были разрушены первоначальные боковые стенки ямы, а само пятно могильной ямы в плане приобрело форму, близкую к овалу (рис. 5: 1). Косвенно это подтверждается состоянием боковых стенок могильной ямы, которые имеют разную степень покатости. Дно могильной ямы располагалось на глубине –2,1 м. На дне могильной ямы были зафиксированы остатки деревянного гроба-рамы. Дном гроба служила какая-то органическая подстилка, сохранившаяся местами на дне ямы в виде пятен светло-коричневого цвета. На дне гроба полный костяк погребенного человека отсутствовал. Человеческие останки были представлены разнесенными в пространстве двумя скоплениями костного тлена с зубами (череп и нижняя челюсть) и двумя длинными трубчатыми костями (кости ног), лежавшими одна на другой под углом в 80º. Сохранность костей плохая. Одно скопление человеческих останков, состоящее из костного тлена и человеческих зубов, располагалось на расстоянии 0,34–0,38 м от северо-восточной торцевой стенки ямы. Второе скопление (костный тлен, зубы человека) находилась в 0,6 м к юго-западу от первого. Лежавшие углом длинные трубчатые кости человека находились почти по центру гроба-рамы. На дне могильной ямы был обнаружен следующий погребальный инвентарь: янтарная (?) вставка в перстень, россыпь бус (9 экз.), штампованный бубенчик из металла белого цвета, маленькое серебряное проволочное колечко, ажурная бляшка-накладка прямоугольной формы, лежавшая внутренней стороной вверх.

Таким образом, рассмотренные захоронения показывают, что для погребений с повторным проникновением в могильные ямы характерно присутствие в заполнении ходов повторного проникновения целых сосудов или их развалов, отдельных вещей, костей человека (чаще черепов). Довольно часто в ямах с повторным проникновением, у ее стенок удается проследить останцы, состоящие из грунта, первоначально заполнявшего могильные ямы. После проникновения в могильную яму и совершения там определенных действий, яма не оставалась открытой, а засыпалась. При ее повторной засыпке, в верхних слоях заполнения и оказывались вышеуказанные артефакты. Сосуды, извлеченные из могил, могли преднамеренно разбиваться. Часть фрагментов этих сосудов попадала в повторное заполнение могильных ям, часть – оставалась на поверхности рядом с могилой и со временем могла оказаться в заполнении рядом совершенного захоронения. Присутствие во многих исследованных захоронениях могильника отдельных мелких фрагментов столовых и кухонных салтовских сосудов в верхних слоях заполнения могильных ям отмечено всеми учеными, работавшими на данном некрополе. На то, что сосуды или их части были преднамеренно оставлены в верхних слоях заполнении хода повторного проникновения в могильную яму, свидетельствует сосуд срубной культуры, установленный устьем вверх в заполнении могильной ямы ***погребения № 460*** (рис. 3: 1а, 2а). Данный сосуд, по-видимому, был случайно найден нетайловцами при рытье очередной могильной ямы и преднамеренно помещен в заполнение указанного погребения. На такую возможность указывает присутствие среди открытых в 1959–1961 гг. на могильнике погребений салтовского времени двух погребений (№ 26, 100), датируемых эпохой бронзы[16]. Еще один сосуд срубной культуры баночной формы был обнаружен в 2003 г. экспедицией В. К. Михеева на глубине –0,8 м в 1,5 м от погребения № 368.

Сосуды (целые и разбитые) или их крупные фрагменты, преднамеренно оставленные в заполнении повторного вкопа в могильную яму, были отмечены еще в нескольких захоронениях. Так, в ***погребении № 438*** на глубине –1,8 м в заполнении могильной ямы, в ее западном краю, был зафиксирован салтовский двуручный горшок-ваза, рядом с которым находился череп человека без нижней челюсти (рис. 2: 3в, 4в). По-видимому, череп был извлечен из захоронения в процессе повторного вскрытия погребения, так как на дне могильной ямы (–3,15 м) данного погребения кости человека зафиксированы не были (рис. 2: 3). Интересно, что в восточной части могильной ямы, над южной боковой стенкой гроба на глубине –2,45 м был установлен целый салтовский столовый кувшин (рис. 2: 3б, 4б). Нижняя часть столового кувшина, лежавшая дном вверх, была найдена в заполнении могильной ямы ***погребения № 439*** на 1,0 м выше дна захоронения. Человеческие остатки и погребальный инвентарь в данном захоронении обнаружены не были. Придонные части двух столовых кувшинов были обнаружены в заполнении могильной ямы ***погребения № 444***. Часть одного кувшина залегала на глубине –2,45 м у северной стенки могильной ямы, придонная часть второго сосуда лежала на глубине –3,0 м у южной боковой стенки. На дне могильной ямы (–3,45 м) внутри гроба-рамы кости человека отсутствовали. Погребальный инвентарь (стремя, металлические детали седла) был частично выброшен за пределы гроба. Другая часть инвентаря (бляшки от ремней конской сбруи) остались лежать на деревянном перекрытии гроба в его ножном конце. В ***погребении № 500*** кухонный горшок с поврежденным в древности венчиком был обнаружен лежащим на боку у северной стенки могильной ямы на глубине –0,98 м в заполнении повторного вкопа в могильную яму (рис. 6: 2а, 3а). В данном погребении интересно то, что вход повторного проникновения находился в восточной части могильной ямы, где предполагалось нахождение захоронения человека, и не затрагивало западный край могильной ямы, где располагался костяк коня (рис. 6: 1, 4). Проникшие в могилу люди, таким образом, хорошо знали устройство погребального сооружения, и их не интересовал костяк коня, уложенный в ногах погребенного человека вместе с предметами конского снаряжения (рис. 6: 2). Преднамеренно разбитый столовый кувшин был обнаружен в заполнении западной части могильной ямы ***погребения № 504*** на глубине –1,06–1,18 м (рис. 5: 4а, 5а). На дне могильной ямы (–1,32 м) кости человека отсутствовали, а погребальный инвентарь был представлен немногочисленными стеклянными бусами и бронзовым перстнем со стеклянной вставкой. Бусы располагались в районе погребенной головы, перстень – в районе кисти правой руки.

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы:

1) на Нетайловском грунтовом могильнике известны погребения, в которые было совершено преднамеренное проникновение спустя какое-то непродолжительное время после совершения захоронения;

2) количество погребений со следами повторного в них проникновения достаточно велико (из 77 исследованных погребений экспедицией Харьковского исторического музея в 2006–2010 гг. те или иные следы проникновения достоверно отмечены в 14 захоронениях или 18,2 %);

3) проникновение осуществлялось в захоронения, принадлежавшие как мужчинам и женщинам, так и детям;

4) процесс проникновения в захоронения характеризуется, судя по погребениям с лучшей сохранностью костных останков, преднамеренным разрушением костяков погребенных людей, при этом часть костей, возможно, изымалась из могильной ямы, а череп человека без нижней челюсти оказывался в верхних слоях заполнения повторного вкопа;

5) прослеживаемая в ходе раскопок усложненная конструкция могильных ям (ступеньки-заплечики вдоль боковых стенок на разной глубине), как правильно отметил А. В. Комар, объясняется „не конструктивными особенностями погребального сооружения, а тем, что нетайловские погребения в большинстве представляют собой двойной археологический комплекс: собственно погребальную яму и яму ритуального вкопа“[17];

6) цель проникновения в захоронения (обезвреживание, осквернение, ограбление) на данный момент однозначно определить не представляется возможным, так как в некоторых случаях в погребениях оставались достаточно престижные и дорогие вещи, тогда как в других случаях – погребальный инвентарь, на момент наших исследований, отсутствовал полностью. Осложняет решение данного вопроса и отсутствие в большинстве захоронений могильника костных останков людей.

Дальнейшие исследования Натайловского могильника, а также разработка его внутренней хронологии, как нам представляется, позволит решить главный вопрос, а именно: в какие из исследованных захоронений проникали с целью совершения обряда обезвреживания покойника, а в какие – с целью осквернения и ограбления.

[1] *Флёров, В. С.* Обряд обезвреживания погребенных у праболгар. – В: Проблеми на прабългарската история и култура. С., 1989, 179–180.

[2] *Там же*, с. 177.

[3] *Иченская, О. В.* Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника. – В: Древности Среднего Поднепровья. К., 1981, 83–86.

[4] *Там же*, 92–93.

[5] *Березовець, Д. Т.* Салтівська культура. – В: Археологія Української РСР. Т. 3. К., 1975, с. 427, 429; *Иченская, О. В.* Указ. соч., 92 – 93.

[6] *Крыганов, А. В.* Нетайловский могильник. – В: Археологічні дослідження на Україні 1992 року. К., 1993, 93–94; Раскопки в Харьковской области Нетайловского и Пескирадьковского могильников салтовской культуры. – В: Археологічні дослідження в Україні 1991 року. Луцьк, 1993, 54–56; *Крыганов, А. В., Чернигова, Н. В* . Новое исследование Нетайловского могильника салтовской культуры. – В: Вестник Харьковского государственного университета, 1993, № 374, 35–42; *Комар, А. В.* К вопросу о процедуре обряда „обезвреживания покойников“ в Нетайловском могильнике. – В: Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южно-русских степей в эпоху раннего средневековья. Материалы научной конференции. Воронеж, 2008, 45–46; *Аксенов, В. С.* Погребальный обряд Нетайловского могильника (VIII–IX вв.). – РА, 2006, № 2, 51–63; *Аксенов, В. С., Хоружая, М. В.* Новые раннесредневековые захоронения Нетайловского могильника (раскопки 2002–2004 гг.). – В: Хазарский альманах. Т. 4. Киев – Харьков, 2005, 199–215; *Аксёнов, В. С.* Исследования раннесредневековых захоронений близ села Метайловка в 2006 году (Нетайловский грунтовой могильник). – В: Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. Т. 7. Донецк, 2009, 231–258.

[7] *Крыганов, А. В., Чернигова, Н. В.* Указ. соч., с. 39.

[8] *Жиронкина, О. Ю., Цитковкая, Ю. И.* Новые данные о погребальном обряде Нетайловского могильника. – В: Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара, 1996, с. 356.

[9] *Жиронкина, О. Ю., Крыганов, А. В., Цитковская, Ю. И.* О погребениях Нетайловского могильника со следами повторного проникновения (по раскопкам 1994 г.). – В: Древности 1995. Харьков, 1995, 178–179; *Жиронкина, О. Ю., Цитковская, Ю. И.* Указ. соч., с. 356.

[10] *Жиронкина, О. Ю., Крыганов, А. В., Цитковская, Ю. И.* Указ. соч., с. 179.

[11] *Жиронкина, О. Ю., Цитковская, Ю. И.* Несколько интерпретационных стереотипов в свете стратиграфических и иных наблюдений на Нетайловском могильнике. – В: Древности 2004. Харьков, 2004, с. 214.

[12] *Аксенов, В. С.* Указ. соч., 51–63.

[13] Там же, 59–60.

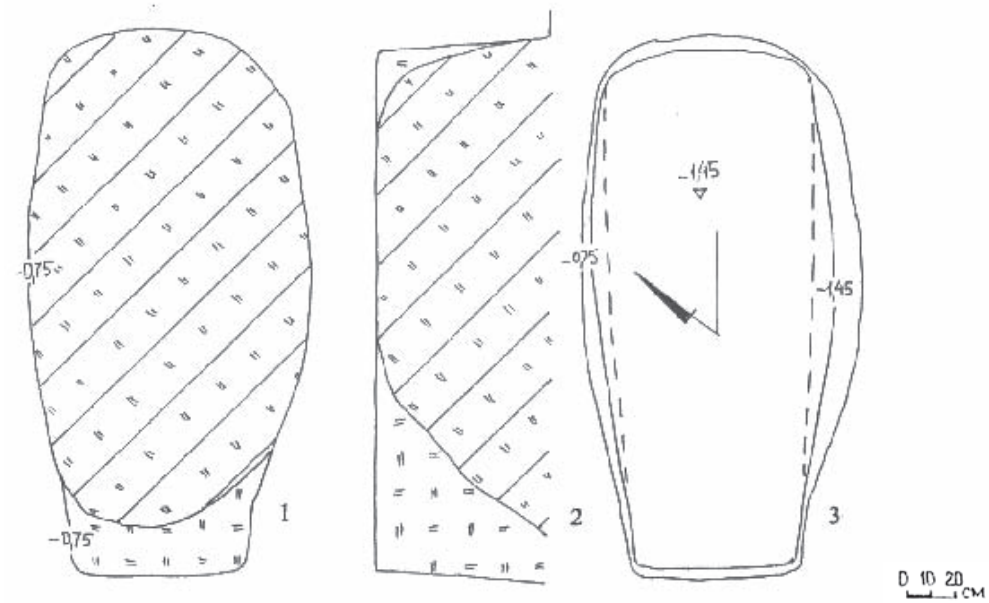
[14] Там же, с. 60.

[15] *Комар, А. В.* Указ. соч., с. 46.

[16] *Иченская, О. В.* Указ. соч., с. 80.

[17] *Комар, А. В.* Указ. соч., с. 46.

погр. № 481



погр. № 506

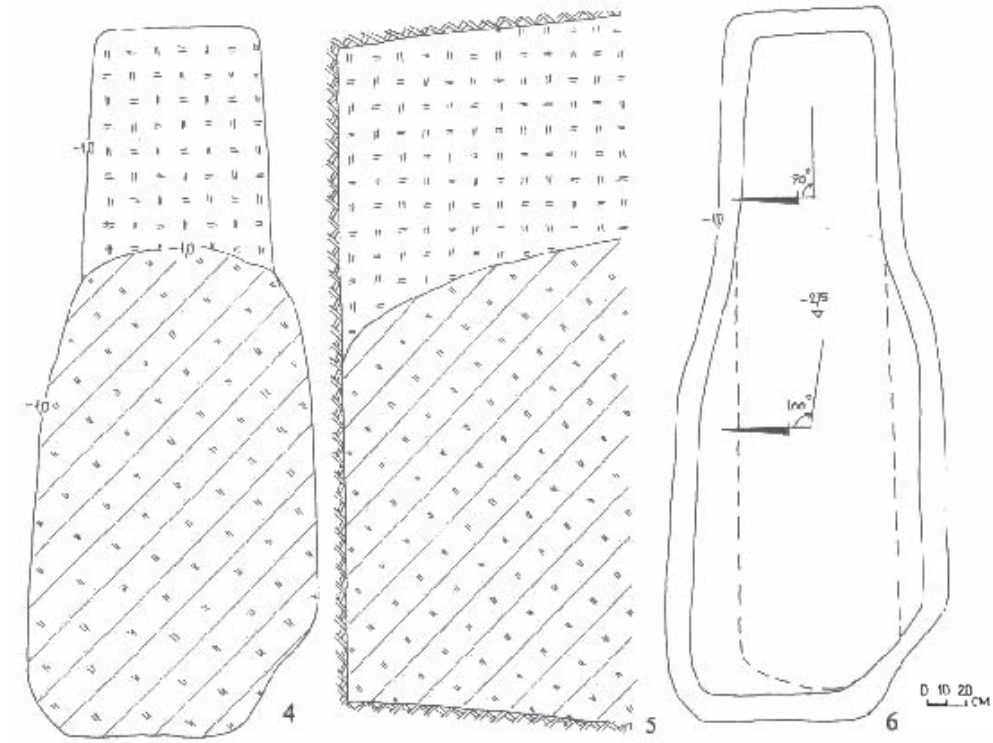


Рис. 1

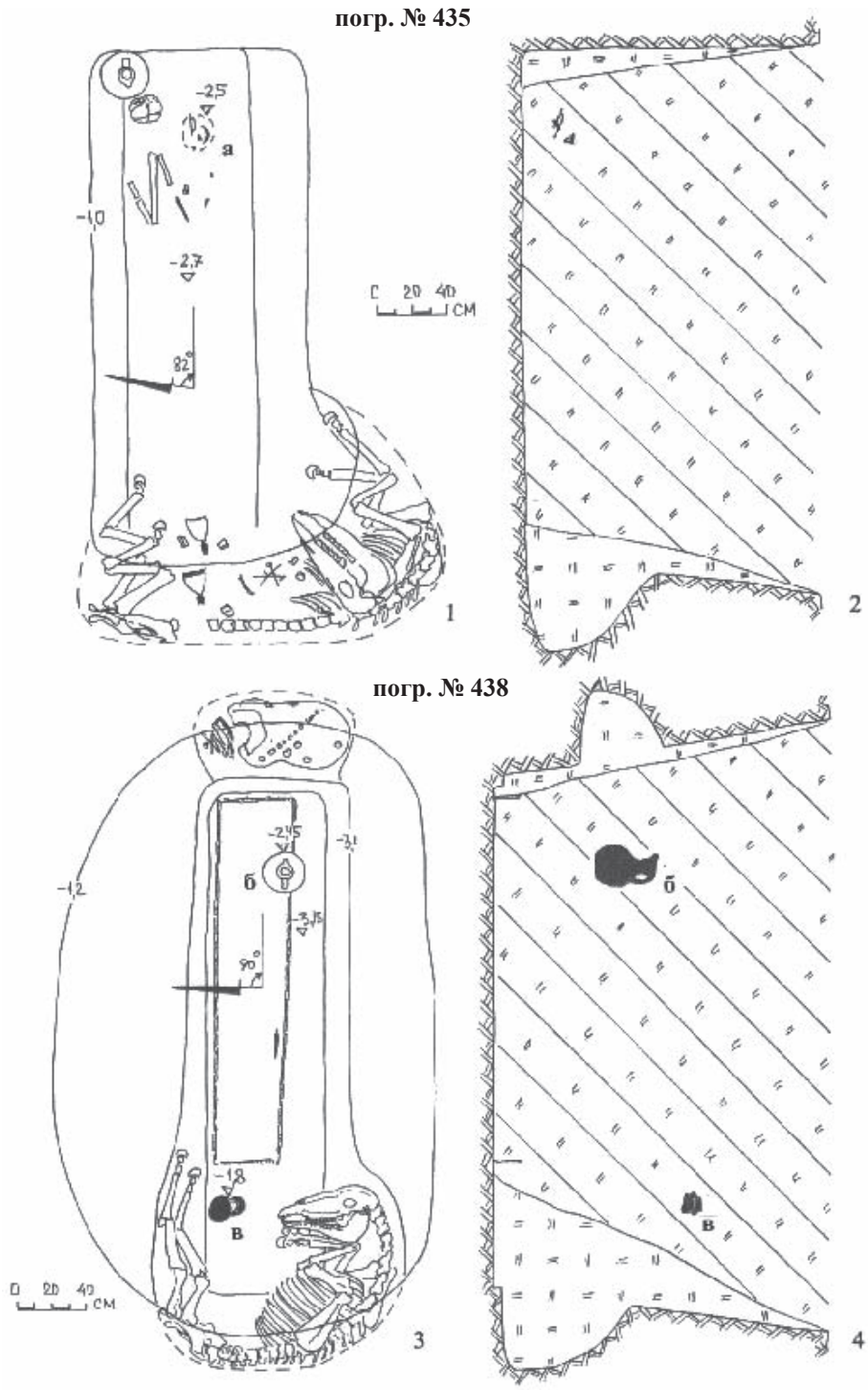

погр. № 435
-2,5
а
-1,0
-2,7
82°
0 20 40 см
1
2
погр. № 438
-2,45
б
-1,2
-3,1
-3,15
90°
-1,8
в
0 20 40 см
3
б
в
4

Рис. 2

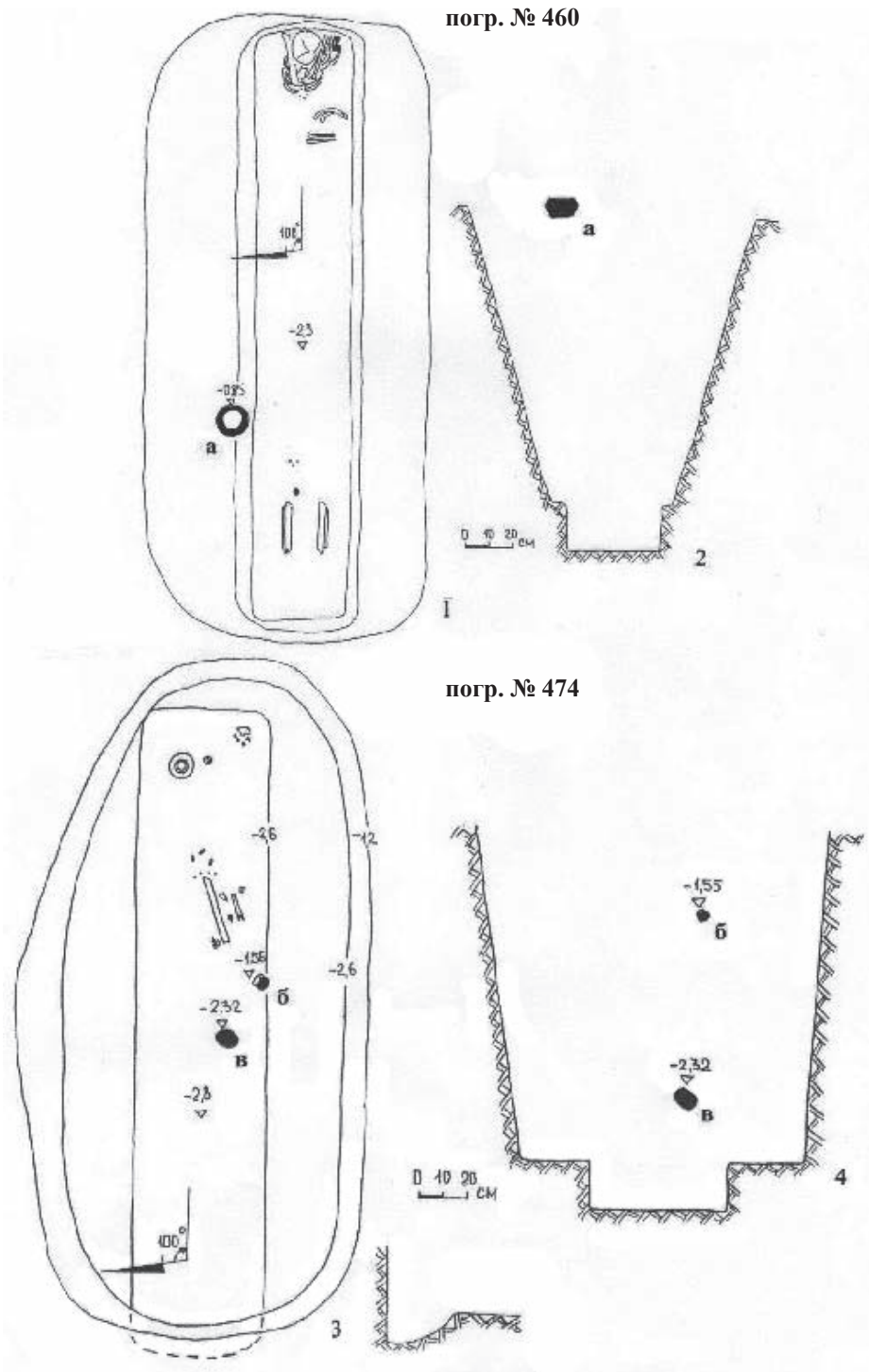

погр. № 460
а
-2,3
а
0 10 20 см
2
I
погр. № 474
-2,6
-1,2
-1,55
б
-2,6
-2,32
в
-2,3
-1,55
б
-2,32
в
0 10 20 см
4
3

Рис. 3

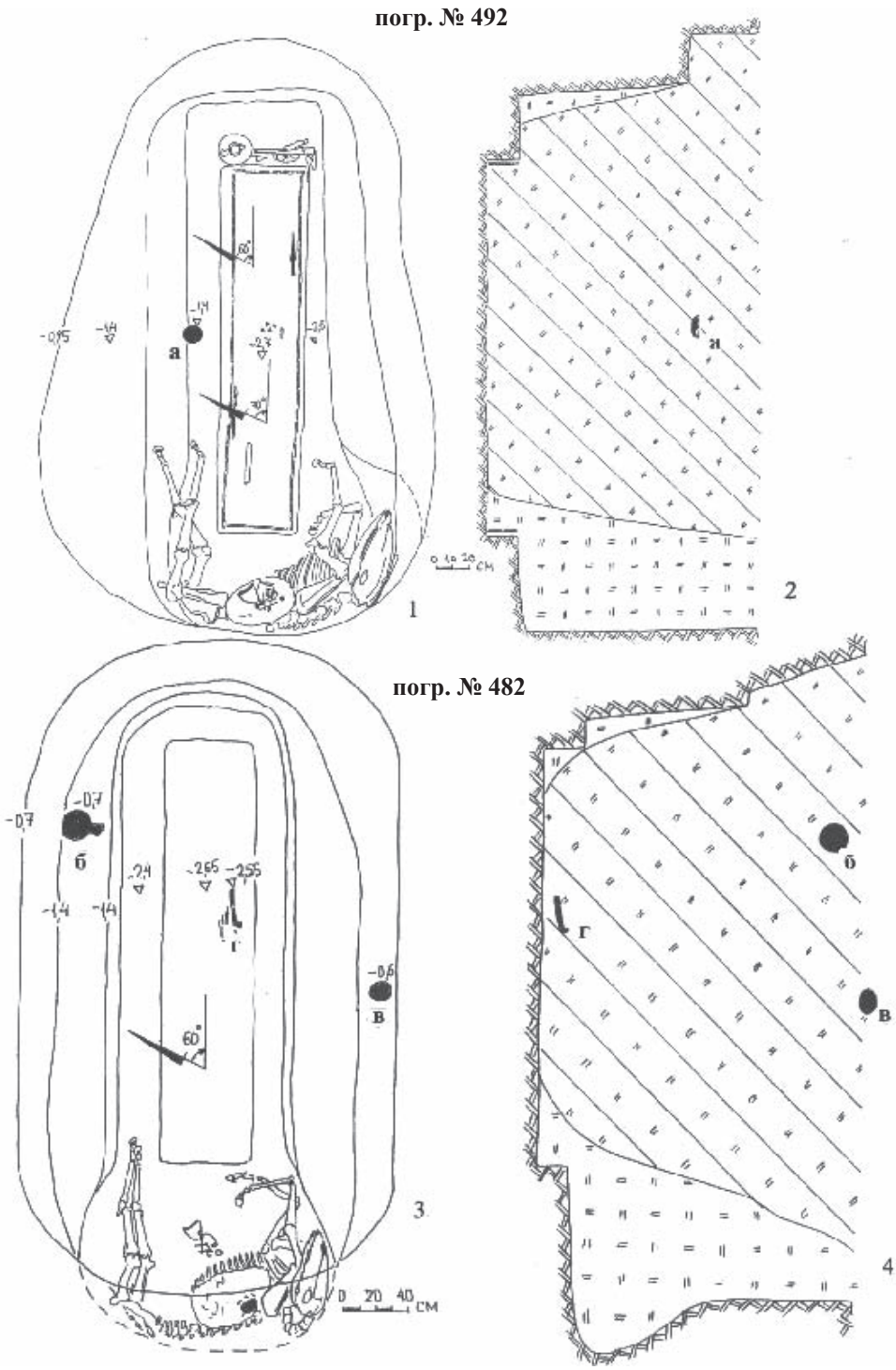
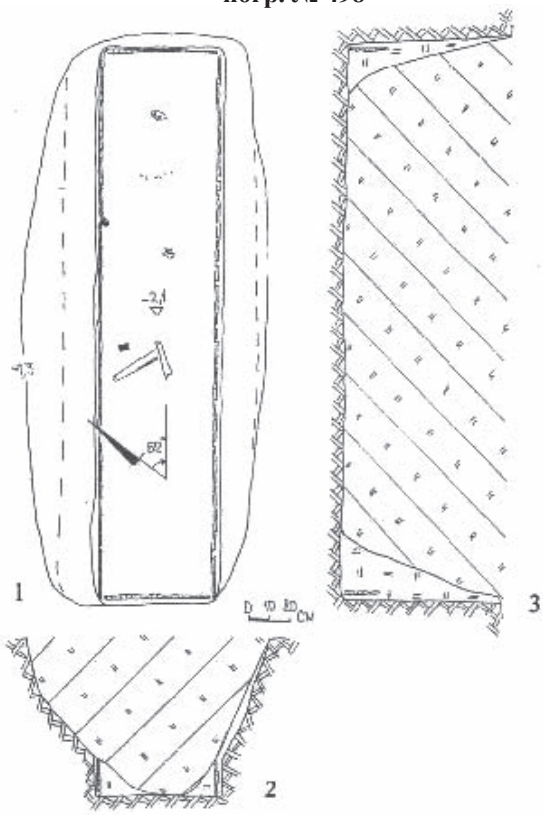


Рис. 4

погр. № 498



погр. № 504

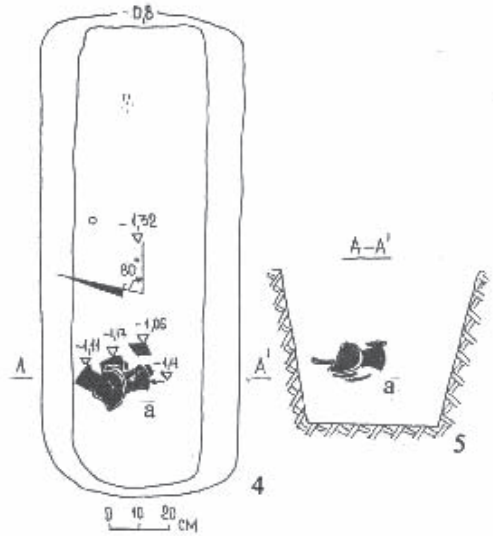


Рис. 5

погр. № 500

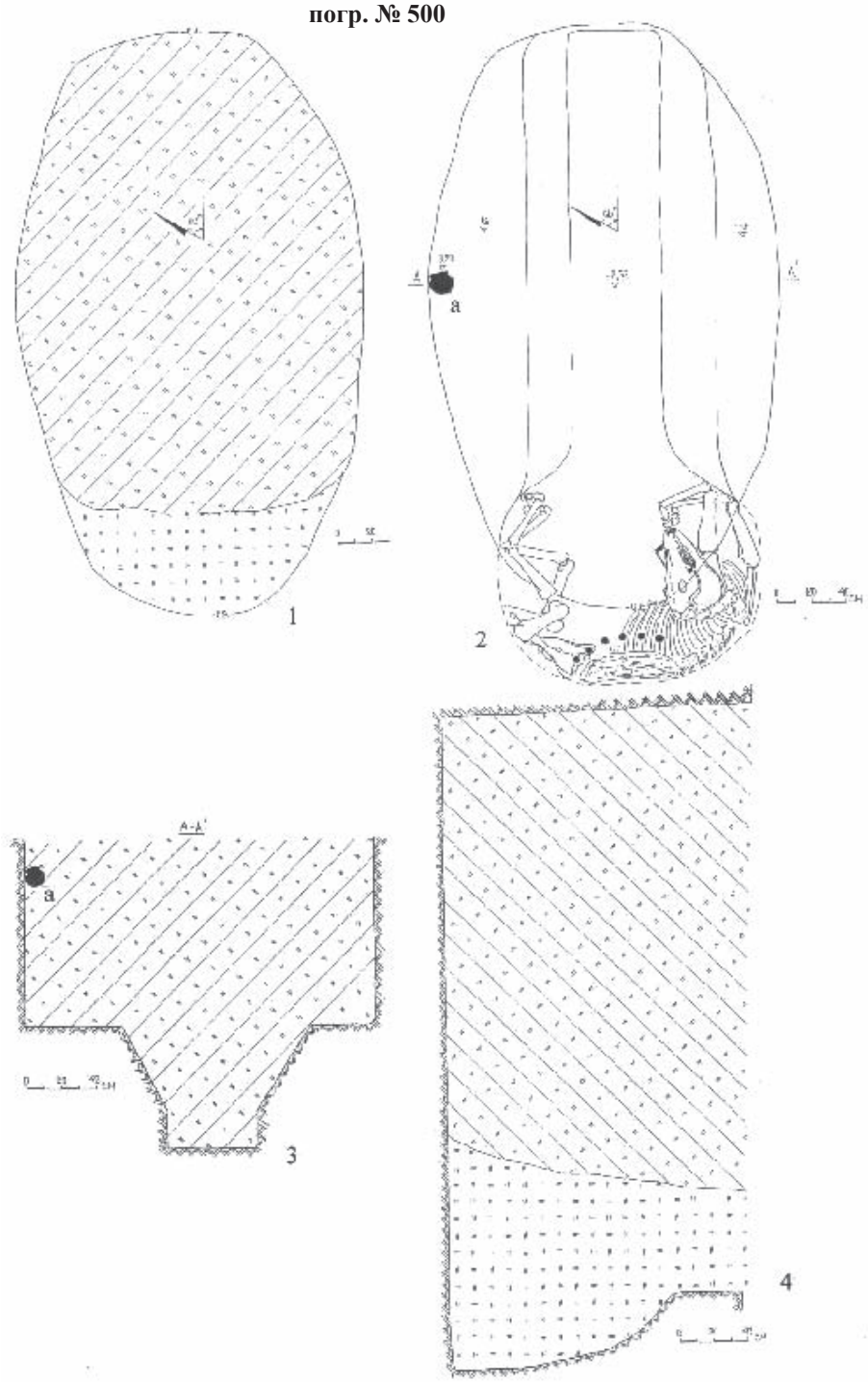


Рис. 6

УДК 904:728-044.7(477.75-18)«07/08»

К ЭВОЛЮЦИИ И ХРОНОЛОГИИ ЖИЛИЩ САЛТОВО-МАЯЦКИХ ПОСЕЛЕНИЙ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА (юртообразные постройки и полуземлянки)

Л. Ю. Пономарев

***Пономарев Л. Ю.* До еволюції та хронології жител салтово-маяцьких поселень Керченського півострова (юртоподібні споруди та напівземлянки)**

Першими стаціонарними житлами на салтово-маяцьких поселеннях Керченського півострова стали напівземлянки з неукріпленими стінками котловану. Юртоподібних споруд, зокрема серед комплексів, які вважались за такі, виокремити не вдалося. Наступний еволюційний щабель займають напівземлянки, укріплені по периметру котловану кам'яною кладкою. З середини – другої половини VIII ст. одночасно з напівземлянками будуються однокамерні будівлі на кам'яному цоколі із сирцово-глинобитними стінами. Водночас будуються однокамерні споруди з прибудованим господарчим приміщенням. Найпізнішими вважають двокамерні та багатокамерні будівлі, появу яких відносять до IX ст. Однак археологічний матеріал свідчить про те, що в першій половині IX ст. і, можливо, у другій половині цього ж сторіччя, могли функціонувати житла декількох типів, включаючи і найбільш примітивні з них – напівземлянки.

Ключові слова: еволюція, хронологія, юртоподібні споруди, напівземлянки, праболгари.

***Пономарев Л. Ю.* К эволюции и хронологии жилищ салтово-маяцких поселений Керченского полуострова (юртообразные постройки и полуземлянки)**

Первыми стационарными постройками на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова стали полуземлянки с неукрепленными стенками котлована. Юртообразных построек, в том числе среди комплексов, которые ранее принимались за них, выделить не удалось. Следующую эволюционную ступень занимают полуземлянки, укрепленные по периметру котлована каменной кладкой. С середины – второй половины VIII в. одновременно с полуземлянками возводятся однокамерные дома на каменном цоколе и с сырцово-глинобитными стенами. В это же время сооружаются однокамерные жилища с пристроенным хозяйственным помещением. Наиболее поздними считают двухкамерные и многокамерные постройки, появление которых относят к IX в. Однако археологический материал свидетельствует о том, что в первой половине IX в. и, возможно, во второй половине этого же столетия могли функционировать жилища нескольких типов, включая и наиболее примитивные из них – полуземлянки.

Ключевые слова: эволюция, хронология, юртообразные постройки, полуземлянки, праболгары.

***Ponomaryov L. Y.* To the evolution and chronology of dwellings of Saltovo – Majatsky settlements of the Kerch peninsula (yurt- shaped dwellings and half- dug- out huts)**

The first permanent dwellings in Saltovo-Majatsky settlements of the Kerch peninsula were half-dug- out huts with unfortified walls of the foundation pit. Yurt- shaped dwellings had not been discovered. The next evolutionary stage was half- dug- out huts which foundation pit was reinforced with masonry.

© Л. Ю. Пономарев, 2012

Since the middle of the second half of the eighth century. One- room houses had been built simultaneously with half-dug-out huts of both types. At the same time one- room dwellings and extensions were built. In the ninth century two and three- rooms dwellings appeared. However, simultaniesly with them more primitive dwellings were continued to be used, including half-dug-out huts.

Keywords: evolution, chronology, yurt-shaped dwellings, half- dug- out huts, Bulgarians.

К числу наиболее ранних стационарных построек народов-носителей салтово-маяцкой культуры традиционно относят „юртообразные жилища“, представляющие собой своеобразный реликт кочевого скотоводческого уклада у оседлого населения[1]. В археологической литературе под этим термином обычно подразумевают постройки, обладающие признаками кочевнической юрты: круглый или овальный план, открытый очаг по центру помещения и наземность жилища, а также признаками стационарного жилища: небольшая заглубленность, наличие лунок для упора жердей каркаса, использование при его сооружении глины и камней[2]. Наиболее полная сводка юртообразных жилищ в ареале распространения салтово-маяцкой культуры была составлена В. С. Флеровым. На территории Крыма к этой группе построек он отнес „основание круглой в плане юрты“, открытой И. А. Барановым на поселении Кордон-Оба, но до полного ознакомления с результатами ее раскопок в карту юртообразных жилищ включил условно, предварительно атрибутировав как круглоплановую постройку[3]. В качестве аналогов ему И. А. Баранов привел так называемые „каменные круги“ – округлые в плане и заглубленные в скальный массив сооружения, открытые на территории позднеантичного могильника Илурата. В 1940 г. два из них были раскопаны В. Ф. Гайдукевичем, который и предложил этот вариант их интерпретации. По мнению исследователя, они могли представлять собой „остатки загонов для скота или обрамление юрт кочевнического стойбища“ VIII–IX вв.[4] Дальнейшие исследования „кругов“ показали, что изначально они являлись погребально-поминальными комплексами или святилищами, функционировавшими в первые века нашей эры, а в VIII–IX вв. часть из них приспособили под жилища или хозяйственные сооружения[5]. Однако, несмотря на убедительные аргументы, дискуссия относительно их назначения не прекратилась. Своих сторонников в равной степени находит как новая, так и прежняя их трактовка[6].

Еще несколько археологических комплексов, интерпретировавшихся как остатки жилищ „легкого, очевидно юртообразного облика“, были исследованы Д. Л. Талисом на поселении у с. Азовское, расположенном в северной части Керченского полуострова[7]. В более осторожной форме, не вдаваясь в дискуссию о характере самих „построек“, его поддержал А. Л. Якобсон, по мнению которого поселение состояло из нескольких домов, разбросанных на большом расстоянии друг от друга[8]. Позднее с атрибуцией Д. Л. Талиса согласился А. В. Гадло, сопоставивший исследованные им комплексы с юртообразными жилищами Дмитровского селища и Правобережного Цимлянского городища. На основании керамического материала он датировал их IX–X вв., при этом предположил, что само поселение имело сезонный характер, оживляясь лишь во время путины[9]. Поскольку материалы раскопок на поселении Азовское до сих пор не были изданы, остановимся на них подробнее.

В 1959 г. В. В. Веселов к югу от с. Азовское обнаружил несколько курганообразных всхолмлений, на вершинах которых и вокруг них прослеживались скопления необработанных камней и раннесредневековой керамики, среди которой преобладали фрагменты пифосов, причерноморских амфор и салтово-маяцких горшков[10]. Тогда же, при распашке одного из них, случайно был найден пифос. Спустя год разведки и Д. Л. Талис[11] провел небольшие по объему раскопки на поселении. Как удалось установить, всхолмления находились на расстоянии от 20 до 500 м друг от друга и занимали территорию 3,5 × 0,8 км. Высота насыпей варьировалась от 0,30 до 1,70 м. В этом же полевом сезоне одно из всхолмлений (№ 2) было раскопано на снос. Оно представляло собой овальную в плане насыпь размерами 32,50 × 19,50 м и высотой 1,70 м. Основанием ей служил материковый песок-ракушечник, частично перекрытый слоем плотного песка серого оттенка. Сверху залегали слои гумусированного

песка буровато-желтого оттенка и песка темно-коричневого оттенка, в пределах которых на глубине до 0,80 м были прослежены золистые прослойки, необработанные камни и фрагментированная керамика VIII–X вв. В северо-западной части всхолмления in situ зачистили веретенообразный гладкостенный пифос этого же времени, на дне которого обнаружили рыбные кости, кости животных и раковины улиток. Примерно такая же стратиграфия наблюдалась в шурфах, заложенных в соседних всхолмлениях №№ 3, 4, 5, но остатков каменных или сырцовых построек, как и на всхолмлении № 2, обнаружено не было. На основании этих немногочисленных данных Д. Л. Талис пришел к выводу, что разбросанные по всей площади поселения всхолмления представляли собой естественные песчаные насыпи, на которых в VIII–X вв. размещались „легкие деревянные постройки“, возможно „юртообразные“. Именно такой тип жилища более всего соответствовал бы предполагаемым исследователем занятиям местных жителей. Поскольку супесчаные слабозадернованные почвы прибрежной части Казантипского залива, по его мнению, исключали какую-либо возможность земледелия, речь могла идти только о скотоводстве, рыболовстве и, возможно, охоте. В качестве еще одного „аргумента“ в пользу „юртообразных жилищ“, Д. Л. Талис привел находку фрагмента котла с внутренними ручками-ушками, которые, как нередко считалось в то время, были характерны исключительно для „кочевого, полукочевого или недавно осевшего на землю населения“.

Однако, на наш взгляд, любая дискуссия относительно исследованных им комплексов пока что может носить исключительно теоретический характер, поскольку каких-либо элементов конструкций, характерных для юртообразных построек, обнаружить так и не удалось. К тому же, полностью было раскопано только одно всхолмление, культурный слой которого оказался полностью переотложенным распашкой[12].

Таким образом, ни одной постройки, которую можно было бы причислить к юртообразным, на Керченском полуострове пока еще не найдено. По всей видимости, первыми, получившими распространение у праболгар Крыма стационарными жилищами, стали бесстолбовые и столбовые полуземлянки с неукрепленными стенками котлована[13]. С этим вполне согласуется вывод В. С. Флерова, считающего, что попытка приспособить традиционное жилище кочевника – юрту – к новым условиям быта и хозяйствования была заранее обречена на неудачу. В большинстве своем они представляли собой временный или переходный тип жилья и поэтому на большей части территории Хазарского каганата бывшее кочевое население едва ли не сразу перешло к строительству полуземлянок[14].

На Керченском полуострове полуземлянки открыты на четырех поселениях. Три полуземлянки раскопаны на Тиритаке, но две из них, исследованные в 1974 г. Д. С. Кирилиным в северо-западной части городища, до сих пор не опубликованы[15]. Еще одна полуземлянка исследована С. Л. Соловьевым на поселении Эльтиген-Западное, а две раскопаны А. В. Гадло на поселениях Героевка-3 и Пташкино[16]. Остатки еще одного заглубленного жилища (объект А 137), атрибутированного Н. Л. Грач как полуземлянка VIII–IX вв., исследованы на некрополе городища Нимфей, но обнаруженные на его территории раннесредневековые комплексы и находки, за редким исключением, пока еще не опубликованы[17].

Полуземлянка на городище Тиритака (рис. 1, 1). В 2003 г. в центральной части городища на раскопе XXVI была открыта полуземлянка – СК-XV[18]. В плане она имела овальную форму и была ориентирована по длинной оси в направлении север-юг. Размеры котлована составляют 3,20 × 3,0 м, глубина не превышает 0,82 м. Борта полуземлянки были обмазаны жидкой глиной, предохранявшей их от быстрого разрушения и препятствовавшей проникновению влаги. Следы такой же подмазки сохранились на некоторых участках пола. Каких-либо данных для реконструкции наземной части получить не удалось, но судя по отсутствию ямок для опорных столбов, она перекрывалась многоскатной крышей, которая опиралась на грунт или невысокую жердевую стенку, обмазанную глиной. Вход располагался с северо-восточной стороны. В полуземлянку вели две, вырубленные в суглинке ступени, шириной 0,18–0,34 м и 0,11–0,70 м и высотой 0,30 м. У восточного борта полуземлянки, юж-

нее входа, находился открытый очаг размерами 0,80 × 0,36 м. К западному борту примыкала вырубленная в суглинке лежанка, в виде прямоугольного останца размерами 1,50 × 0,60 м и высотой до 0,20 м. На полу и в перекрывшем его золистом слое, сформировавшимся вследствие обрушения сгоревшей кровли, были обнаружены обломки двух причерноморских амфор с мелким зональным рифлением на тулове (рис. 1, 8), двух вьючных фляг (рис. 1, 9, 10), „баклинской“ ойнохои (рис. 1, 7), шаровидного горшочка с пальцевым вдавлением на ручке (рис. 1, 6) и четырех салтово-маяцких горшков (рис. 1, 2–5). Стратиграфические наблюдения на участке, где находилась полуземлянка, а также состав керамического комплекса из ее заполнения, и, прежде всего, отсутствие в нем высокогорлых кувшинов с плоской ручкой позволяют говорить о том, что она была покинута не позднее середины IX в. Спустя небольшой промежуток времени, после того как сгорела и обрушилась кровля полуземлянки, ее котлован стали использовать для сброса золы, пищевых и бытовых отходов, и, постепенно, на ее месте сформировался довольно крупный зольник.

Полуземлянка VI на поселении Героевка-3 (рис. 2, 1). В 1963 г. на раскопе II–IV, заложенном в центральной части поселения, А. В. Гадло исследовал полуземлянку VI[19]. В плане она имела форму прямоугольника с закругленными углами и была ориентирована по линии ВСВ-ЗЮЗ. Внутренние размеры полуземлянки 4,80 × 3,10 м при глубине котлована 0,70–0,80 м. Стены и пол местами сохранили следы глиняной подмазки. Полуземлянка перекрывалась двускатной крышей, на что указывают три, расположенные по одной линии с запада на восток, неглубоких ямки для опорных столбов коньковой балки. В южном борту котлована находилась лестница шириной 1,0 м, земляные ступени которой, вероятно, были укреплены плоскими камнями. К северо-западному углу пристроена печь-каменка, размерами 1,40 × 0,90 м и высотой 0,50 м. Стенки ее сложены из поставленных на ребро плит. Перекрывалась печь плоской саманной плитой с круглым отверстием – дымоходом, опиравшейся на цилиндрический известняковый столбик. У северного борта котлована зачищена хозяйственная яма (А), на дне которой были найдены зерна ячменя и пшеницы. Еще две ямы (Б и В) – одна из них с каменной крышкой – были устроены по обеим сторонам лестницы. После того, как полуземлянка была покинута обитателями, ее, как и полуземлянку на Тиритаке, превратили в зольник, поэтому к последнему периоду ее существования, да и то с некоторыми оговорками, можно отнести лишь немногочисленный материал, обнаруженный на полу помещения и в хозяйственных ямах.

Керамические изделия представлены обломком салтово-маяцкого горшка и лепным квадратным светильником с четырьмя ручками-ушками (рис. 2, 8). Отсюда же происходят обломок стеклянного сосуда с налепом (рис. 2, 4), трехчастная и круглые стеклянные бусины VIII–IX вв. (рис. 2, 5–7), костяная спица для вязания сетей (рис. 2, 9), а также два фрагмента вогнутых днищ бокалов варианта 1–1 или 2–1 по классификации Е. В. Веймарна и А. И. Айбабина, встречающихся в погребальных комплексах VII–IX вв. и второй половины VIII–IX вв. (рис. 2, 2, 3)[20]. Возможно, обитателям жилища принадлежали лепной котел с внутренними ручками-ушками и лепной кувшин, найденные чуть выше пола в нижнем слое зольника, сформировавшегося в результате пожара, охватившего остатки обрушившейся в котлован кровли (рис. 2, 10, 11). Однако и они не могут послужить надежным хронологическим индикатором, поскольку общей точки зрения относительно времени бытования лепных котлов не выработано, а кувшин не имеет аналогов. Таким образом, перечисленные находки не имеют датирующих возможностей в пределах какого-то узкого периода, поэтому не только нижняя, но и верхняя граница функционирования полуземлянки остается дискуссионной[21]. Можно говорить лишь о том, что ее частично заплывший котлован стали использовать как зольник не ранее середины – второй половины IX в. На это указывает обнаруженный в нем археологический материал. Большая его часть представлена обломками причерноморских бороздчатых амфор. Гораздо реже встречались фрагменты причерноморских амфор с мелким зональным рифлением и высокогорлых кувшинов с плоской ручкой. Отсюда же происходили обломки „баклинских“ ойнохой, салтово-маяцких горшков, лощеных кувши-

нов и мисок, а также стеклянных рюмок типа II и бокалов вариантов 1–1 или 2–1 по классификации А. И. Айбабина и Е. В. Веймарна[22].

Полуземлянка на поселении Пташкино (рис. 3, 1, 3). В 1964 г. в северо-западной части поселения на раскопе II А. В. Гадло была раскопана полуземлянка[23]. В плане она имела форму прямоугольника с закругленными углами и была ориентирована по длинной оси в направлении ЮЗ-СВ. Размеры жилища составляли 4,00 × 2,80 м. Глубина котлована от уровня современной поверхности материка не превышала 0,15–0,20 м, на основании чего автор раскопок охарактеризовал его как неглубокую полуземлянку. Однако, вероятнее всего, верхняя часть полуземлянки была срезана в более поздний период, когда жилище уже было покинуто, а поверх засыпанного котлована, на снивелированной поверхности, не позднее второй половины VIII в., возвели небольшой христианский храм. Тогда же были полностью разобраны и наземные конструкции полуземлянки. При расчистке ее пола, примерно по центру помещения, был обнаружен небольшой заглубленный очаг, а в северо-восточной ее части – хозяйственная яма, в заполнение которой попали фрагменты салтово-маяцких горшков и причерноморских бороздчатых амфор. Стратиграфические наблюдения на данном участке, а также найденные в синхронной жилищу яме № 4 обломки коричневоглиняных амфор „с перехватом“ на тулове, позволили А. В. Гадло отнести полуземлянку к первому строительному периоду и, соответственно, датировать концом VII – началом VIII вв.[24]. Предложенную дату поддержали И. А. Баранов и Д. Димитров[25]. В последние годы мнения исследователей относительно хронологии поселения в целом и отдельных, раскопанных на его территории археологических комплексов, разделились. А. И. Айбабин, ссылаясь вслед за А. В. Гадло на находку фрагментов амфоры „с перехватом“, допускает, что поселение Пташкино могло возникнуть в конце VII в. или на рубеже VII–VIII вв.[26]. Учитывая эту же находку, С. Б. Сорочан отодвинул верхнюю хронологическую границу раннего периода поселения и самой полуземлянки ко времени не позднее середины VII в., при этом не исключил позднеантичной основы памятника[27]. Однако, этому утверждению противоречит археологический материал, среди которого находок, датирующихся помимо уже упоминавшейся выше амфоры, „дохазарским“ периодом зафиксировано не было, а античная керамика представлена немногочисленными фрагментами „эллинистической посуды, главным образом гераклейских амфор“[28]. Еще одну попытку критически проанализировать опубликованные материалы с поселения предприняли А. В. Сазанов и Ю. М. Могаричев. По их мнению, полуземлянка может датироваться в пределах VII – первой половины VIII в. при условии, что фрагменты амфоры „с перехватом“, верхняя граница которых не выходит за пределы конца VII – первой половины VIII в., не являются примесью более раннего материала. В противном случае комплекс не имеет надежной датировки[29].

К сожалению, имеющийся в распоряжении исследователей материал крайне недостаточен, чтобы использовать его в качестве надежной доказательной базы в решении вопроса о времени функционирования полуземлянки. С определенной долей уверенности можно говорить лишь о том, что она была заброшена не ранее середины – второй половины VIII в., когда в обиход вошли причерноморские бороздчатые амфоры и горшки салтовского облика, фрагменты которых обнаружили как при расчистке самого жилища, так и в заполнении связанных с ним ям №№ 4 и 5.

Полуземлянка на поселении Эльтиген-Западное (рис. 3, 2, 4). Раскопана в 1995 г. С. Л. Соловьевым в северо-западной части некрополя городища Нимфей[30]. Полуземлянка (СК-1) имела в плане трапециевидную форму и закругленные углы. Размеры котлована составляют 3,0 × 3,0 м, а глубина от уровня древней поверхности достигает 0,81 м. По центру глинобитного пола была установлена прямоугольная известняковая плита (0,36 × 0,43 м), служившая опорой для столба, поддерживающего шатровую кровлю. Вход находился со стороны южного борта, примерно по середине которого был зачищен прямоугольный останец (0,88 × 0,55 м, высота 0,10 м) для установки деревянной лестницы, вырезанный в материковом суглинке. В юго-западном углу располагалась

глинобитная печь. Она была врезана в борт котлована и состояла из двух частей – топочной камеры и поддувала. В заполнении полуземлянки обнаружены обломки ступы, зернотерки, фрагменты амфор, высокогорлых кувшинов, лепной посуды, салтово-маяцких горшков и лепной светильник (рис. 3, 5, 6), позволившие Н. Ю. Новоселовой обозначить ее хронологические рамки в пределах VIII–IX вв.[31]. С предложенной датой можно согласиться лишь отчасти. По словам исследовательницы, в полуземлянке были обнаружены переносные жаровни, изготовленные из днищ „амфор-кувшинов“, атрибутированных как высокогорлые кувшины с плоской ручкой. На основании их находок, последний период функционирования полуземлянки следует датировать не ранее второй половины – конца IX в. Учитывая недолговечность такого рода жилищ, возможно, в пределах этого же столетия она была и сооружена.

Разнообразные по своей конструкции и планировке полуземлянки известны не только на Керченском полуострове, но и в Юго-Восточном, Северо-Западном и Горном Крыму[32]. В таких же полуземлянках обитали праболгары Нижнего Дона, Среднедонечья и Таманского полуострова[33]. Время функционирования крымских полуземлянок до сих пор вызывает дискуссии. По мнению И. А. Баранова, наиболее ранние из них (Тау-Кипчак, Героевка) следует датировать второй половиной VII – первой половиной VIII вв., а полуземлянки „тюрко-булгар второй миграционной волны“ (Кордон-Оба, Щебетовка, Ай-Фока) сооружаются во второй половине VIII в., но существуют относительно небольшой промежуток времени[34]. Полуземлянки, открытые на поселении Героевка-3 и Пташкино, А. В. Гадло отнес к первому строительному периоду, датировав началом VIII – концом VIII/началом IX вв., а затем концом VII – первой половиной VIII вв.[35]. С начальным этапом заселения Крыма праболгарами связывал полуземлянки Героевки и Тау-Кипчака А. Л. Якобсон[36].

В последние годы в этом направлении наметился дифференцированный подход, в результате чего полуземлянки перестали рассматривать исключительно как наиболее архаичный тип жилища. Как справедливо отметил Ю. М. Могаричев, они могли использоваться „на начальном этапе жизни поселения, в период обустройства на новом месте, вне зависимости от времени основания“[37]. Этой же точки зрения придерживается В. В. Майко. По мнению исследователя, переход от строительства полуземлянок к каменным наземным постройкам следует рассматривать как индивидуальный для каждого поселения и растянутый во времени процесс, не связанный с конкретной политической ситуацией[38]. Так, к примеру, полуземлянка, открытая в портовой части Сугдеи, датируется второй половиной VII в. или не позднее первой половины VIII в.[39]. К этому же времени относят группу полуземлянок на юго-западном склоне мыса Ай-Фока[40]. Материал из заполнения полуземлянки, обнаруженной на поселении близ с. Солнечная Долина в юго-восточном Крыму, находит аналогии в комплексах первой половины VIII в. Сугдеи[41]. К середине IX в. была оставлена полуземлянка на поселении Кордон-Оба, заключительный период функционирования которой датирует салтовская пряжка, характерная для комплексов IX в.[42]. На городище Тепсень покинутые полуземлянки были перекрыты жилыми и хозяйственными комплексами, датированными серединой IX в. и второй половиной IX – первой половиной X вв.[43]. Не ранее середины IX в. на месте засыпанной полуземлянки на посаде Сугдеи возводят каменную постройку[44]. Таким образом, время прекращения функционирования полуземлянок юго-восточного Крыма определяется не позднее середины IX в., а время появления, хотя и с некоторыми оговорками, устанавливается в пределах второй половины VII – первой половины VIII вв.[45].

В отличие от них, полуземлянки Керченского полуострова демонстрируют не столь широкий хронологический диапазон, поскольку жилищ, которые можно было бы с полной уверенностью датировать временем до середины VIII в., пока не найдено. Учитывая данные стратиграфии, к числу наиболее ранних относятся полуземлянки, открытые на поселениях Пташкино, Героевка-3 и городище Тиритака. При раскопках пташкинского комплекса

датирующего материала обнаружить так и не удалось. Находки из полуземлянки VI на поселении Героевка-3, в совокупности с находками из перекрывшего ее зольника, дают широкий временной отрезок между серединой/второй половиной VIII – первой половиной IX вв. Не позднее первой половины – середины IX в. была оставлена и полуземлянка на городище Тиритака. Единственная полуземлянка, заключительный период функционирования которой может быть отнесен ко времени не ранее второй половины – конца IX в., открыта на поселении Эльтиген-Западное. В Крыму, насколько нам известно, подобных и одновременных ей жилых комплексов пока еще не найдено.

В контексте их возможной эволюции определенный интерес представляет схема развития полуземлянок Степного Подонцовья, разработанная Л. И. Красильниковой и К. И. Красильниковым. Трансформация и эволюция жилищ рассматривается ими как один из элементов исторического развития салтово-маяцкой культуры по схеме „от кочевий к городам“. При этом вполне справедливо поддается критике идея зависимости формы жилища от этнической принадлежности его обитателей, согласно которой округлые постройки принадлежали праболгарам, а квадратные и прямоугольные – аланам. По их мнению, в Степном Подонцовье округлые в плане полуземлянки, как тип жилища, получили распространение с конца VIII – начала IX вв. В начале или середине IX в. их сменяют квадратные полуземлянки опорно-столбовой конструкции, из которых, в свою очередь, со второй половины IX вв. сформировались полуземлянки прямоугольной формы – наиболее совершенный вид жилища, обычно сопровождавшийся всеми необходимыми для постоянного и длительного пребывания хозяйственно-бытовыми приспособлениями (ямы, печи, очаги, лежанки, ниши, полки, тандыры)[46].

На Керченском полуострове, с точки зрения обеспеченности полуземлянок бытовыми и хозяйственными устройствами, складывается иная ситуация. Наиболее примитивной выглядит полуземлянка на поселении Эльтиген-Западное с трапециевидным, близким к квадрату, котлованом, внутри которой находилась лишь печь-каменка. Следующую ступень занимает овальная полуземлянка на Тиритаке, где, помимо отопительного устройства, правда более примитивного – очага, предусматривалась лежанка. И, наконец, в прямоугольных полуземлянках на поселении Героевка-3 и Пташкино, помимо печи-каменки и очага, устроили хозяйственные ямы, благодаря которым они были более приспособлены для длительного пребывания в них в осенне-зимний период. Гораздо сложнее определиться с хронологией полуземлянок по форме их котлована. Пока что говорить о том, что они наследовали друг друга в пределах каких-то жестких хронологических границ, нет никаких оснований. Более того, наиболее вероятной кажется иная ситуация, когда выбор формы жилища зависел не от времени его сооружения, а от совокупности других факторов, в том числе традиций и опыта их возведения, наличия строительных материалов и, наконец, предпочтений и вкусов ее обитателей. Наиболее ярким примером этому служат салтово-маяцкие комплексы поселения Артющенко I на Таманском полуострове. В пределах одного раскопа на нем были открыты пять одновременных полуземлянок, котлованы которых имели в плане овальную, квадратную и прямоугольную форму[47]. Таким образом, разработанная для Степного Подонцовья схема развития полуземлянок применительно к Керченскому полуострову не работает. Поэтому, как и прежде, основным методом их хронологизации остается корреляция археологического материала.

Следующей эволюционной ступенью в развитии праболгарских жилищ на Керченском полуострове А. В. Гадло считал полуземлянки, укрепленные по периметру котлована каменной кладкой, заменившей использовавшиеся в этих же целях в Подонье и лесостепной зоне Северского Донца деревянные конструкции[48]. По мнению исследователя, их появление было связано с попыткой приспособить жилище к более длительному использованию, а именно укрепить земляные борта полуземлянок, которые, особенно в тех случаях, когда котлован был впущен в нематериковый грунт, нуждались

в постоянном ремонте. На Керченском полуострове к этой группе построек относится полуземлянка, раскопанная А. В. Гадло на поселении Пташкино.

Полуземлянка на поселении Пташкино (рис. 4, 1). Раскопана в 1964 г. в северо-западной части поселения (раскоп I)[49]. Полуземлянка представляла собой квадратное, ориентированное по сторонам света и заглубленное в материк на 0,90 м жилище площадью 4 кв. м (2,0 × 2,0 м). Ниже уровня дневной поверхности вдоль стен котлована шла однослойная кладка из плиток известняка, основанием которой служил приступок высотой 0,18–0,20 м. На отдельных участках камни были уложены „в елочку“. С уровня дневной поверхности ее сменяла обычная двухлицевая кладка шириной 0,70 м, которую, судя по мощному каменному завалу внутри постройки, можно реконструировать на всю ее высоту. Вход располагался с южной стороны, и, возможно, был оборудован деревянной лестницей, опиравшейся на ступень, вырубленную в материковом суглинке. К северо-западному углу помещения была пристроена прямоугольная печь, края которой выложили небольшими, установленными под наклоном и на ребро, камнями. В центре помещения располагался заглубленный в пол очаг. Характер перекрытия полуземлянки установить не удалось. Не поддается определению и время ее функционирования, поскольку, за исключением обломка дна салтово-маяцкого горшка, другого, датирующегося в более узких пределах материала, в полуземлянке не оказалось, а слой, перекрывший развал жилища, содержал керамику, бытовавшую во второй половине VIII – середине X вв.

За пределами Керченского полуострова аналогичные по конструкции жилища выявлены на салтовских поселениях юго-восточного и предгорного Крыма. Одна полуземлянка раскопана И. Н. Храпуновым в окрестностях с. Щебетовка. Стенки ее были сложены без связующего раствора, из камней „в елочку“. Обнаруженный в заполнении материал позволил датировать постройку IX–X вв.[50] Вторая полуземлянка, котлован которой был облицован однослойной кладкой „в елочку“, обнаружена И. А. Барановым на поселении Тау-Кипчак (рис. 4, 2). В числе других, наиболее ранних в представлении исследователя сооружений, занимавших правый берег р. Зуи, исследователь отнес ее ко второй половине VII – первой половине VIII вв.[51].

В Подонье и лесостепной зоне Северского Донца полуземлянки укрепляли турлучными или каркасно-плетенчатыми конструкциями с глиняной обмазкой, колодами и досчато-плаховыми стенами, а также смешанными – срубными и каркасно-плетневыми конструкциями[52]. В редких случаях их заменяли каменными стенками, сложенными из плит песчаника[53]. В качестве основной причины, вследствие которой в крымских полуземлянках наблюдается обратная ситуация, А. В. Гадло усматривал природно-географические особенности двух регионов, а именно – отсутствие леса в восточнокрымской степи[54]. Другие исследователи связывают ее с влиянием местной, устоявшейся традицией каменного домостроительства. Обе точки зрения, на наш взгляд, имеют право на существование, поскольку не противоречат, а скорее дополняют друг друга.

В середине – второй половине VIII в. осевшие на Керченском полуострове праболгары одновременно с полуземлянками стали возводить однокамерные постройки на каменном цоколе и сырцово-глинобитными стенами. Примерно в это же время сооружаются однокамерные жилища с небольшим, пристроенным к нему хозяйственным помещением. Генетически наиболее поздними традиционно считают двухкамерные и многокамерные постройки, появление которых относят не ранее чем к IX в. Однако, представить эти многообразные постройки в виде эволюционного ряда с узкими, выделяющимися только для того или иного типа, хронологическими рамками, нельзя, поскольку археологический материал, свидетельствует о том, что одновременно могли функционировать жилища нескольких типов, включая и наиболее архаичные и примитивные по облику – полуземлянки.

[1] *Флеров, В. С.* Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996, 59–60; *Колода, В. В.* Новые материалы к проблеме оседания средневековых кочевников: критерии выделения и подходы к решению (на примере исследований городища Мохнач). – В: Хазарский альманах. Т. 4, 2005.

[2] *Флеров, В. С.* Указ. соч., с. 50.

[3] *Баранов, И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). К., 1990, 35–36; *Флеров, В. С.* Указ. соч., 32–33; ср.: *Могаричев, Ю. М., Сазанов, А. В., Шапошников, А. К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма „хазарского периода“. Симферополь, 2007, 122–123.

[4] *Гайдукевич, В. Ф.* Боспорский город Илурат. – СА. Т. 13, 1950, с. 188; Илурат (Итоги археологических исследований 1948–1953 гг.). – В: МИА, 1958, № 85, с. 138.

[5] *Кубланов, М. М.* Новые погребальные сооружения Илурата. – В: КСИА, вып. 159, 1979, с. 96, 97, рис. 4; *Ханутина, З. В., Хршановский, В. А.* Ритуальные сооружения на некрополе Илурата. – В: БИ, вып. 3, 2003, с. 320, рис. 8, 13–17; Некрополь без акрополя (некрополь Илурата в IV–XIII вв.). – В: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций и катастроф. Боспорские чтения. Вып. 4. Керчь, 2005, с. 344; *Горончаровский, В. А.* Исследование городища и некрополя Илурата. – В: АО 1985 г. М., 1986, с. 321.

[6] *Сорочан, С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Х. Ч. 1. 2005, с. 411; *Пономарев, Л. Ю.* К истории археологического изучения салтово-маяцких памятников Керченского полуострова (30–60 гг. XX в.). – В: БИ, вып. 19, 2008, с. 253; *Федосеев, Н. Ф.* Oικος среди могил. – В: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Oικος. Боспорские чтения. Вып. 7. Керчь, 2006, с. 302; *Кубланов, М. М.* Раскопки некрополя Илурата. Итоги и проблемы. – В: Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1983, с. 125, сноска 19; *Айбабин, А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999, с. 190; *Плетнева, С. А.* Очерки хазарской археологии. М. – Иерусалим, 2000, 156–157; Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII вв). Воронеж, 2003, с. 90; *Гадло, А. В.* Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004, с. 82; *Зубарь, В. М.* Об интерпретации остатков круглых построек на Гераклейском полуострове. – В: ПИФК, вып. 16/1, 2006, 79–80.

[7] *Талис, Д. Л.* Отчет о работе Восточно-Крымской экспедиции Государственного исторического музея в 1960 г. – В: НА ІА НАНУ, Ф. ед. 3548, 2–13; Росы в Крыму. – СА, 1974, № 3, с. 94.

[8] *Якобсон, А. Л.* Раннесредневековые поселения Юго-Западной Таврики. – В: МИА, 1970, № 168, с. 28, пункт 70.

[9] *Гадло, А. В.* Указ. соч., с. 78, 122, сноска 37.

[10] *Веселов, В. В.* Сводная ведомость Результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. – В: ДБ. Supplementum. Т. 2. М., 2005, № 186, с. 70.

[11] *Талис, Д. Л.* Указ. соч., 2–13.

[12] *Пономарев, Л. Ю.* К вопросу о „юртообразных жилищах“ на салтово-маяцком поселении у с. Азовское (Керченский полуостров). – В: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Боспорские чтения. Вып. 11. Керчь, 2010, с. 367.

[13] *Гадло, А. В.* Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорий VIII–X вв). – В: Этнография народов СССР. Л., 1971, 65–69; *Якобсон, А. Л.* Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики. – В: АДСВ, 1973, сб. 10, с. 133; *Баранов, И. А.* Памятники раннесредневекового Крыма. – В: Археология Украинской ССР. Т. 3. К., 1986, с. 245; *Айбабин, А. И.* Указ. соч., с. 201.

[14] *Флеров, В. С.* Указ. соч., 59–60.

[15] *Кирилин, Д. С., Молев, Е. А., Гладкова, Т. А.* Раскопки Тиритаки. – В: АО 1974 г. М., 1975, с. 286; *Зинько, В. Н., Пономарев, Л. Ю.* Тиритака. Раскоп XXVI. Т 1. Археологические комплексы VIII–X вв. – В: БИ. Supplementum 5. Симферополь – Керчь, 2009, 18–20.

[16] *Власова, Е. В., Соловьев, С. Л.* Новые исследования хоры и некрополя Нимфея: 1992–1995 гг. – В: Археологические вести. СПб., 1998, № 5, с. 202, рис. 12; *Гадло, А. В.* Указ. соч., с. 79.

[17] *Грач, Н. Л.* Некрополь Нимфея. СПб., 1999, с. 69.

[18] *Зинько, В. Н., Пономарев, Л. Ю.* Салтовская полуземлянка на городище Тиритака. – В: МАИЭТ, вып. 12, ч. 2, 531–549, рис. 1; Тиритака.., 18–20, рис. 15; 19; 20.

[19] *Гадло, А. В.* Отчет о работах Приазовской археологической экспедиции Ленинградского университета в 1963 году (Раскопки раннесредневекового поселения у д. Героевки на берегу Керченского пролива). Л., 1964. – В: НА ІА НАНУ, ф. ед. 4180, 13–19; Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива (по материалам раскопок 1963 г.). – В: КСИА, вып. 113, 1968, 81–83; Этнографическая характеристика.., с. 65, 68, рис. 1 А.

[20] *Веймарн, Е. В., Айбабин, А. И.* Скалистинский могильник. К., 1993, с. 194.

[21] *Сазанов, А. В., Могаричев, Ю. М.* Крым и Хазария в конце VII – середине VIII вв. – В: ПИФК, вып. 16/1, 2006, 184–185; *Могаричев, Ю. М., Сазанов, А. В., Шапошников, А. К.* Указ. соч., с. 115.

[22] *Веймарн, Е. В., Айбабин, А. И.* Указ. соч., 194–195.

[23] *Гадло, А. В.* Указ. соч., с. 69; К истории Восточной Таврики VIII–X вв. – В: АДСВ, вып. 17, 1980, 133–135, рис. 3; Предыстория Приазовской.., с. 79.

[24] *Гадло, А. В.* Этнографическая характеристика.., с. 69; К истории Восточной Таврики.., с. 135.

[25] *Баранов, И. А.* Указ. соч., с. 245; *Димитров, Д.* Прабългарите по северното и западното Черноморие. Варна, 1987, с. 171.

[26] *Айбабин, А. И.* Указ. соч., с. 194; Памятники крымского варианта салтово-маяцкой культуры в Восточном Крыму и степи. – В: Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья IV–XIII вв. М., 2003, с. 56.

[27] *Сорочан, С. Б.* Указ. соч., с. 413.

[28] *Гадло, А. В.* Отчет о работе средневекового археологического отряда Ленинградского ордена Ленина государственного университета им. А. А. Жданова на территории Керченского полуострова в 1962 году. Л., 1963. – В: НА ІА НАНУ, ф. ед. 3955, 8–9; *Веселов, В. В.* Указ. соч., № 486, с. 59, 157.

[29] *Сазанов, А. В., Могаричев, Ю. М.* Указ. соч., 181–183; *Могаричев, Ю. М., Сазанов, А. В., Шапошников, А. К.* Указ. соч., с. 113.

[30] *Власова, Е. В., Соловьев, С. Л.* Указ. соч., с. 202, рис. 12; *Новоселова, Н. Ю.* Археологические памятники раннего средневековья. Приложение 4. – В: *Соловьев, С. Л.* Археологические памятники сельской округи и некрополя Нимфея. СПб., 2003, 170–171, рис. 293; 294.

[31] *Новоселова, Н. Ю.* Указ. соч., с. 171.

[32] *Баранов, И. А.* Таврика в эпоху.., с. 41, 47, 48, рис. 12, 1–5; *Айбабин, А. И.* Этническая история.., с. 201; *Майко, В. В.* Археологические материалы для реконструкции посада раннесредневековой Сугдеи. – В: Древности. Вып. 8. Харьков, 2009, с. 262, рис. 1; Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. К., 2004, рис. 51, 1, 2; Комплексът прабългарски паметници от VII–X в. край с. Морское в югоизточен Крим. – В: БСП. Т. 5. В. Търново, 1996, с. 128, рис. 1, 2, 3.

[33] *Ляпушкин, И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. – В: МИА, 1958, № 62, 98–100; *Белецкий, В. Д.* Жилища Саркела – Белой Вежи. – В: МИА, 1959, № 62, 53–56; *Пархоменко, О. В.* Поселение салтовской культуры у с. Жовтневое. – В: Земли Южной Руси в IV–XIV вв. К., 1985, 85–86; *Кравченко, Э. Е., Давыденко, В. В.* Сидоровское городище. – В: Степи Европы в эпоху Средневековья. Хазарское время. Т. 2. Донецк, 2001, 235–236; *Виноградов, Ю. А.* Салтово-маяцкие комплексы поселения Артющенко I на Таманском полуостроове. – В: ЗВОРАО, Т. 1 (26). 2002, 73–74, рис. 1.

[34] *Баранов, И. А.* Памятники раннесредневекового.., 245–247; Таврика в эпоху.., с. 45, 47, 48.

[35] *Гадло, А. В.* Отчет о работах.., с. 18; Раннесредневековое селище.., с. 81; К истории.., с. 135.

[36] *Якобсон, А. Л.* Крым в средние века. М., 1973, 41–43.

[37] *Могаричев, Ю. М.* О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в. – В: ХСб, вып. 13, 2004, с. 175, сноска 8.

[38] *Майко, В. В.* Археологические материалы.., с. 266; Юго-Восточный Крым VIII–XI вв. Два примера провинциально-византийской культуры. – В: Византия в контексте мировой культуры. Материалы конф., посвящ. памяти Алисы Владимировны Банк – 1906–1984 гг. – В: ТГЭ, вып. 51, 2010, 428–429.

[39] *Майко, В. В.* Памятники VII–X вв. Судакского района АР Крым (дополнение к археологической карте). – В: Хазарский альманах. Т. 6. 2007, с. 168; Археологические материалы.., с. 266.

[40] *Майко, В. В.* Комплексът прабългарски.., с. 133; Памятники VII–X вв..., с. 162.

[41] *Майко, В. В.* Праболгарское поселение VIII – первой половины X вв. в с. Солнечная Долина в юго-восточном Крыму. – В: Проблемы истории и археологии Украины: Материалы междун. науч. конф. Харьков, 2010, с. 75.

[42] *Айбабин, А. И.* Салтовские поясные наборы из Крыма. – СА, 1977, № 1, с. 233, рис. 2, 40; *Айбабин, А. И., Баранов, И. А.* Раскопки в пос. Курортный. – В: АО 1974 г. М., 1975, с. 245; *Майко, В. В.* Средневековое городище.., 99–101.

[43] *Майко, В. В.* Там же, с. 72, 74, 115–116, 275, рис. 27, 7.

[44] *Майко, В. В.* Археологические материалы.., с. 261.

[45] *Майко, В. В.* Юго-Восточный Крым.., с. 429.

[46] *Красильникова, Л. И.* Конструктивные признаки жилых построек и их типология на поселениях степного Среднедонечья VIII – начала X вв. – В: Степи Европы в эпоху Средневековья. Хазарское время. Т. 2. Донецк, 2001, с. 328; *Красильников, К. И.* Новые данные об этническом составе населения Степного Подонцовья VIII – начала X вв. – В: Степи Европы в эпоху Средневековья. Хазарское время. Т. 2. Донецк, 2001, 304–305.

[47] *Виноградов, Ю. А.* Указ. соч., рис. 1.

[48] *Гадло, А. В.* Предыстория Приазовской.., 79–80.

[49] *Гадло, А. В.* Этнографическая характеристика.., 70–71, рис. 1 Г; К истории.., 131–133, рис. 2.

[50] *Храпунов, И. Н.* Работы в Крымской области. – В: АО 1980 г. М., 1981, с. 318.

[51] *Баранов, И. А*. Таврика в эпоху.., с. 41, рис. 12, 4.

[52] *Плетнева, С. А*. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – В: МИА, 1967, № 142, с. 59; *Іченська, О. В.* Цитадель Салтівського городища. – Археологія. 1980, № 34, 106–107, рис. 4, 4; *Колода, В. В.* Житла раннього середньовіччя у Верхньому Салтові. – Археологія. 2000, № 4, рис. 1, 1; Раннесредневековые жилища Верхнего Салтова. – В: Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докл. науч. конф. Харьков, 1999, 70–71; *Красильникова, Л. И.* Указ. соч., с. 324; *Свистун, Г. Е.* Раннесредневековые жилища на Чугуевском городище (по материалам исследований 2006 и 2007 гг.). – В: Древности. Вып. 8. Харьков, 2009, с. 282.

[53] *Колода, В. В.* Раннесредневековые жилища.., с. 70; Житла раннього.., с. 40.

[54] *Гадло, А. В.* Предыстория Приазовской.., с. 80.

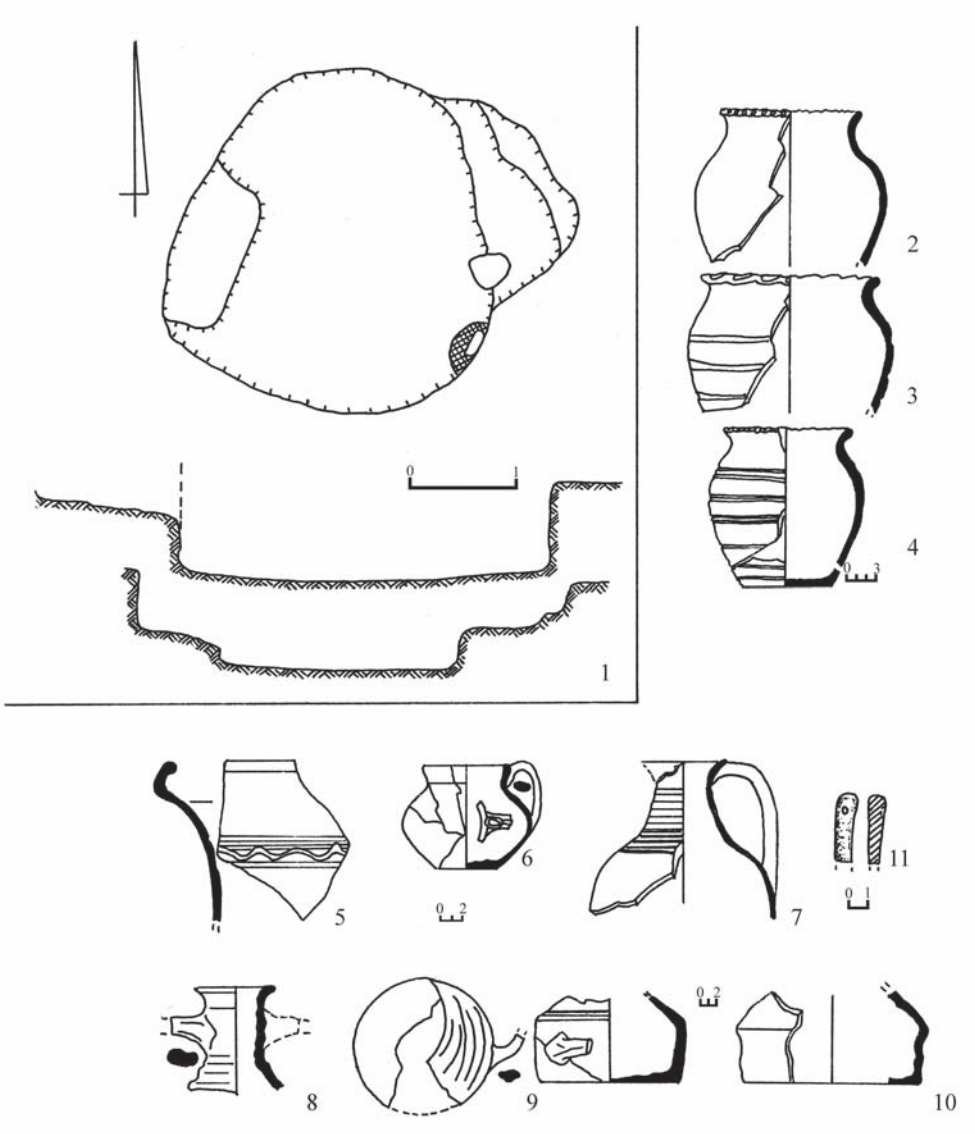


Рис. 1. 1 – Полуземлянка на городище Тиритака. План и разрезы;
2–10 – Находки из нижнего слоя заполнения полуземлянки на городище Тиритака

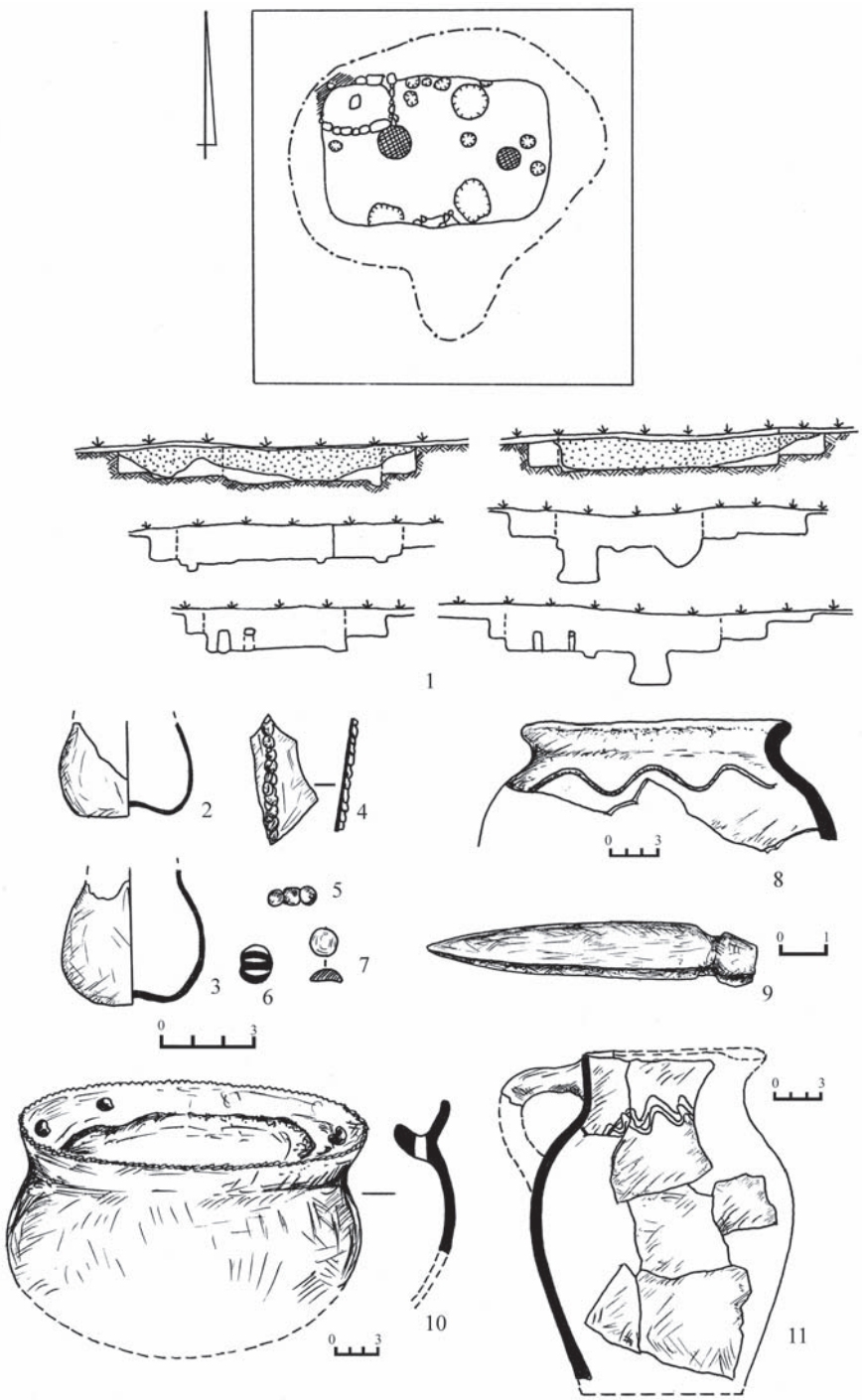


Рис. 1. 1 – Полуземлянка на городище Тиритака. План и разрезы;
2–10 – Находки из нижнего слоя заполнения полуземлянки на городище Тиритака

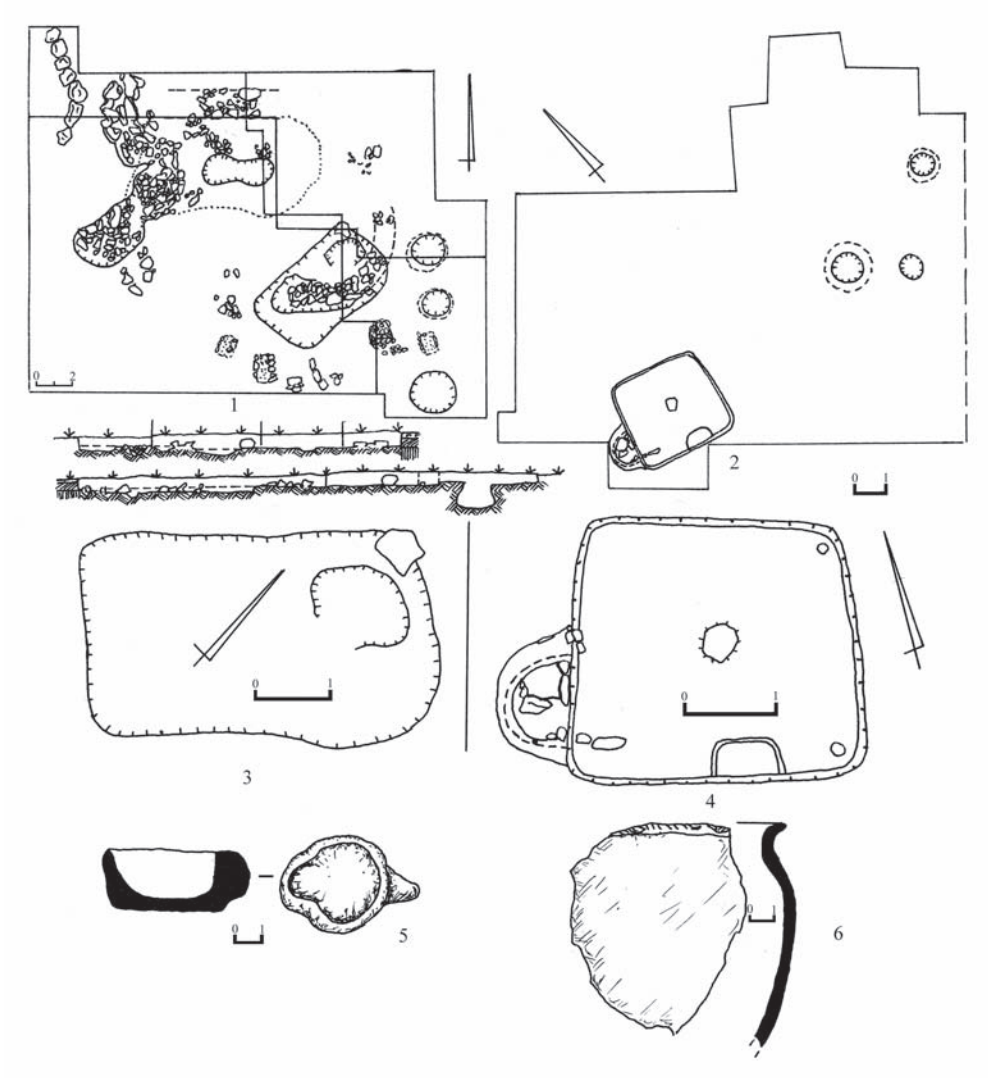


Рис. 2. 1 – Полуземлянка на поселении Героевка-3. План и разрезы (по А. В. Гадло); 2 – Находки из заполнения полуземлянки на поселении Героевка-3 (по А. В. Гадло)

Рис. 3. 1 – Поселение Пташкино. Раскоп II. План и разрезы (по А. В. Гадло); 2 – План раскопа 1995 г. на некрополе Нимфея (по Е. В. Власовой и С. Л. Соловьеву); 3 – Поселение Пташкино. Полуземлянка на раскопе II. План (по А. В. Гадло); 4 – Полуземлянка на некрополе Нимфея. План (по Е. В. Власовой и С. Л. Соловьеву); 5–6 – Находки из полуземлянки на некрополе Нимфея (по Е. В. Власовой и С. Л. Соловьеву)

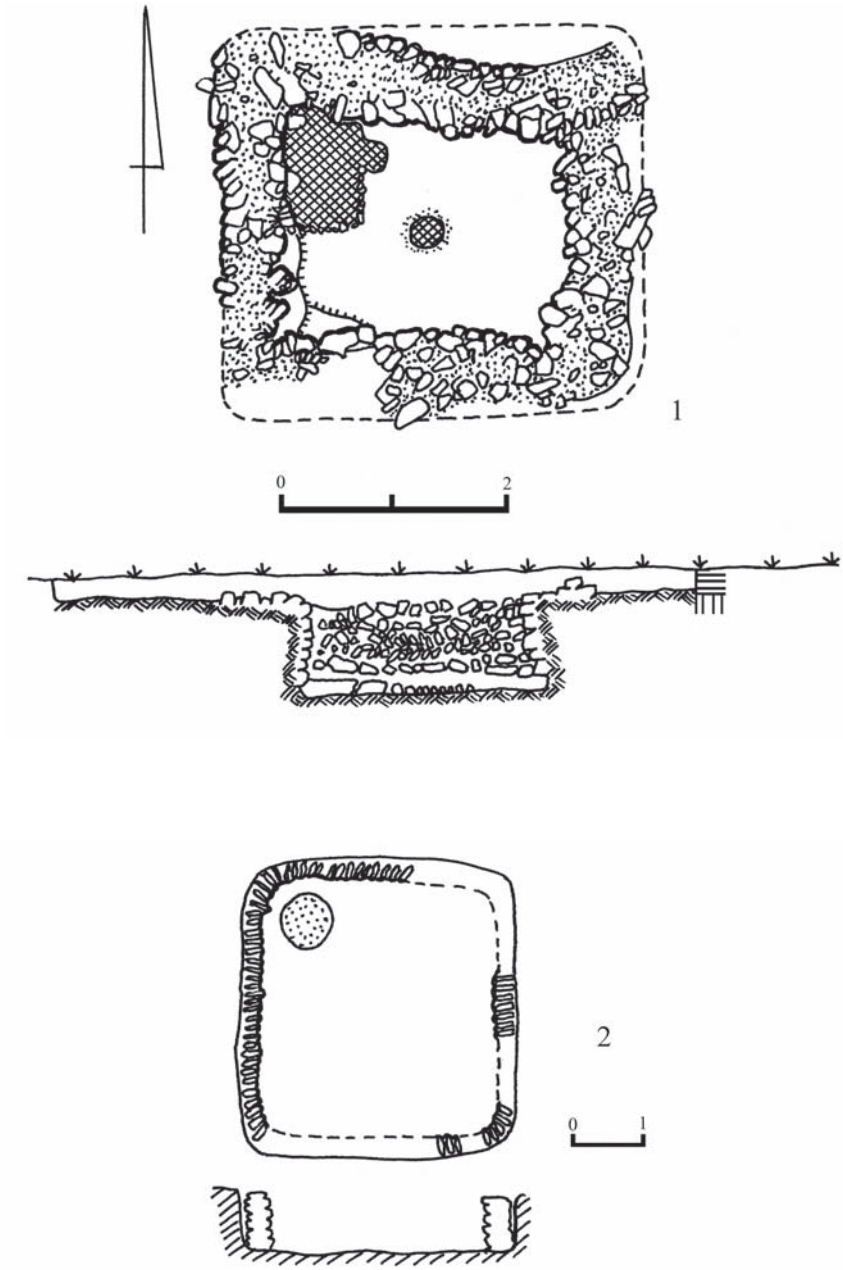


Рис. 4. 1 – Поселение Пташкино. Полуземлянка на раскопе I. План и разрез (по А. В. Гадло); 2 – Полуземлянка № 15 на поселении Тау-Кипчак. План и разрез (по И. А. Баранову)

УДК 904(=163.2):738.3-043.86(477.75-12)«07/08»

ПРАБОЛГАРСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО КРЫМА. ЭВОЛЮЦИЯ КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

В. В. Майко

***Майко В. В.* Праболгарскі пам'ятки Південно-Східного Криму. Еволюція керамічного комплексу**

У статті розглядаються керамічні комплекси праболгар південно-східного Криму першої половини VIII – першої половини X ст. Зроблено спробу показати характерні особливості й неоднорідність керамічних комплексів першої половини VIII – першої половини IX ст. Наведено й найпізніші керамічні комплекси другої половини IX – першої половини X ст. Вони набувають спільних рис, пов'язаних із стандартизацією виробництва посуду.

Ключові слова: праболгари, південно-східний Крим, керамічний комплекс, еволюція, хронологія.

***Майко В. В.* Праболгарские памятники Юго-Восточного Крыма. Эволюция керамического комплекса**

В статье рассматриваются керамические комплексы праболгар юго-восточного Крыма первой половины VIII – первой половины X вв. Сделана попытка показать характерные отличия и неоднородность керамических комплексов первой половины VIII – первой половины IX вв. Приведены и наиболее поздние керамические комплексы второй половины IX – первой половины X вв. Они приобретают общие черты, связанные со стандартизацией производства посуды.

Ключевые слова: праболгары, юго-восточный Крым, керамический комплекс, эволюция, хронология.

***Maiko V. V.* Prabolgar monuments of South-Eastrern Crimea. The evolution of the ceramic complex**

The article considers the ceramic complexes of prabolgars of south-eastern Crimea in the first half of the VIII-th – the first half of the X-th century. The attempt is made to show the characteristic differences and heterogeneity of ceramic complexes of the first half of VIII-th – first half of IX-th century. Are the most recent ceramic complexes of the second half of the IX-th – the first half of the X-th century. They acquire common features associated with the standardization of the production of the dishes.

Keywords: prabolgars, south-eastern Crimea, ceramic complex, evolution, chronology.

Праболгарские памятники средневековой Таврики целенаправленно изучаются со второй половины 50-х гг. прошлого века. В начале 1990-х гг. некоторые итоги исследований подвел И. А. Баранов[1]. Последний раз монографически они были опубликованы А. И. Айбабиным в 2003 г.[2]

За последние годы накопился значительный материал, позволяющий попытаться подвести очередные итоги и четче обозначить при этом основные проблемы изучения праболгарских памятников Крыма.

© В. В. Майко, 2012

Одной из таких проблем и является вопрос эволюции керамического комплекса праболгар Таврики, в том числе ее юго-восточной части. В отечественной литературе традиционно в качестве реперных точек используется факт присутствия в составе керамического комплекса высокогорлых кувшинов с ленточной ручкой и поливной белоглиняной керамики. Однако данные реперы очень условны. Даже учитывая их, долговременный массив праболгарских материалов до середины IX в. остается хронологически очень слабо разделенным. К этому стоит добавить, что, несмотря на разработанные дробные даты многих типов украшений и элементов костюма, хронология праболгарских памятников находится на начальной стадии разработки. Связано это с известной специалистам редкостью их встречаемости в погребальном инвентаре и поселенческих комплексах Крыма.

Исходя из этого, единственным источником для суждений об эволюции керамического комплекса праболгар юго-восточного Крыма остаются закрытые комплексы, последовательно сменяющие друг друга. Уникальную возможность в этом плане представляют материалы раскопок стратифицированных горизонтов и объектов средневековой Сугдеи и поселения у с. Солнечная Долина. Именно они и являются главным источником предлагаемой работы.

В последнее время в литературе для хронологического членения керамических комплексов все чаще используется процентное соотношение двух основных категорий местной амфорной тары причерноморских амфор и причерноморских амфор с мелко-зональным рифлением. В данной работе этот метод дополнен анализом „технологического совершенства“ самих амфор с мелко-зональным рифлением, что, учитывая их несомненное местное производство, также является хронологическим признаком.

Однако в качестве главного хронологического индикатора предлагается считать технологические и связанные с ними морфологические особенности кухонной составляющей керамических комплексов. Общеизвестно, что именно кухонная керамика наиболее ярко реагировала на постепенное совершенствование процесса ее производства.

Исходя из предлагаемых критериев, рассмотрим использованные в работе керамические комплексы.

Наибольшую информацию содержат материалы раскопок портовой части Сугдеи 1993–1994 гг. Они неоднократно опубликованы и проанализированы с критических позиций, что избавляет от излишних повторений[3]. Напомним, что несомненным достоинством, делающим их реперными для юго-восточного Крыма, является факт последовательной смены культурных горизонтов, четко зафиксированный стратиграфически в заполнении помещения Б жилого комплекса на территории портового раскопа V. Безусловно, данные горизонты трудно рассматривать как закрытые. Однако характерные особенности керамических комплексов каждого из них выделить можно.

Наиболее ранним является слой, расположенный на полу помещения Б (рис. 1, 1). Особенности керамического комплекса следующие: амфорная тара представлена исключительно причерноморскими амфорами с мелко-зональным рифлением (рис. 1, *1,2*), желобчатые амфоры причерноморского типа в комплексе не встречены. В виде отдельных фрагментов представлены только бордовоглиняные остродонные вытянутые амфоры с перехватом и небольшими уплощенными ручками, отходящими от края валикообразного венчика (рис. 1, *3*). Отличительной особенностью обнаруженных в комплексе ойнахой является массивное тулово, отсутствие орнаментации ангобом и небольшая горизонтальная ручка, находящаяся в придонной части (рис. 1, *4*). Типологически близкие экземпляры происходят из наиболее ранних объектов поселения Тау-Кипчак[4]. Кроме того, обнаружены двуручные конические толстостенные миски, изготовленные из амфорного теста (рис. 1, 6). В качестве ранних хронологических признаков можно рассматривать и присутствие кухонных тонкостенных гончарных сосудов с плоским профилированным венчиком и двумя отходящими от его края ручками с каннелюрами

и пальцевыми прилепами на месте крепления к краю венчика (рис. 1, 5). Тесто с примесями песка и толченого кварца. Аналогичный крупный бракованный сероглиняный сосуд найден на территории Судакского городища в комплексе с остродонной амфорой середины VII в.[5] Среди кухонной посуды Херсонеса типологически близкая посуда хорошо известна начиная с V–VI вв. Существует она вплоть до начала IX в. Горшки, аналогичные нашим, выделены в тип 2 согласно типологии А. И. Романчук[6]. Однако, наибольшим своеобразием отличается комплекс кухонной посуды (рис. 1, *7–10*). Это исключительно лепные горшки средних и крупных размеров с конусовидным туловом, высокой шейкой и уплощенным отогнутым венчиком. В тесте значительные примеси кварца. Стенки сосудов довольно толстые, тесто рыхлое, поверхность заглажена. Характерной их особенностью является орнамент в виде наколов на плечах и насечек по краю венчика горшка. Датировать данный первоначальный стратиграфический горизонт сложно. В этом же слое обнаружена бронзовая пряжка с крестовидным щитком, датирующаяся в рамках первой половины – середины VIII в.

Керамический комплекс стратиграфического горизонта, перекрывающего описанный, значительно отличается (рис. 1, 2). К сожалению, он беднее по общему количеству находок. Тем не менее, основу тарной керамики составляют причерноморские амфоры с мелко-зональным рифлением поздних вариантов. Фрагменты рифленых амфор причерноморского типа и остродонных конических не встречены. Среди амфорной тары следует выделить фрагменты широкогорлых амфор с орнаментом в виде наколов на плечиках (рис. 1, *11*) и аналогичные сосуды с линейно-волнистым орнаментом, нанесенным белым ангобом. Эти категории амфор встречены только в данном стратиграфическом горизонте. Именно здесь встречено и большинство обнаруженных фрагментов оранжевоглиняных фляг, в том числе археологически целая, бракованная форма (рис. 1, *12*).

Своеобразие кухонной составляющей керамического комплекса заключается в явном преобладании неорнаментированных гончарных гладкостенных сосудов (рис. 1, *13,14,16*) при незначительном количестве горшков с разнообразным волнистым орнаментом (рис. 1, *15*). Последний не носит следов стандартизации. Керамический комплекс этого стратиграфического горизонта близок материалам из заполнения полуземлянки на посаде Сугдеи. Последние будут рассмотрены ниже.

Перекрывает описанный стратиграфический горизонт слой, содержащий другой керамический комплекс (рис. 1, 3). Тарная керамика характеризуется пятью основными признаками: 1) основу составляют рифленые амфоры причерноморского типа (рис. 1, *18*; 2) причерноморские амфоры с мелко-зональным рифлением встречены в виде отдельных мелких фрагментов; 3) присутствуют фрагменты импортных светлоглиняных крупных рифленых в верхней части тулова амфор (рис. 1, *17*). Массивные уплощенные ручки отходят от края валикообразного венчика, имеющего паз для крышки; 4) значительную часть амфорной тары данного комплекса составляют оранжевоглиняные амфоры византийского производства самых ранних вариантов (рис. 1, *19–21*; 5), присутствуют фрагменты высокогорлых кувшинов с ленточными ручками. Последние составляют около 30 % от общего количества тарной керамики.

Фрагменты оранжево- и красноглиняных ойнахой, оранжевоглиняных фляг встречены, по сравнению с вышерасположенным слоем, значительно реже. Кухонная составляющая керамического комплекса претерпевает некоторые отличия. Не менее половины кухонной керамики составляют гладко- и тонкостенные горшки чаще всего с яйцевидным туловом и уплощенным, плавно отогнутым или прямостоящим венчиком, иногда с пазом для крышки (рис. 1, *22*). Встречены и клейменые донца горшков с традиционным крестом, заключенным в круг (рис. 1, *23*). Орнаментированные изделия, имеющие разные морфологические пропорции, сближают яйцевидный характер тулова, орнаментальные мотивы, профилировка венчика и технологические приемы,

применявшиеся при изготовлении сосуда (рис. 1, *24,25*). Венчик чаще всего имеет полусферическую форму без паза для крышки. Орнаментальные мотивы приобретают черты стандартизации. Представлены они тремя вариантами линейно-волнистого орнамента с однорядной широкой гребенчатой или двухрядной, редко трехрядной волной на плечиках. Часто встречено и несколько вариантов линейного гребенчатого орнамента без присутствия волнистого. В портовой части Сугдеи в верхней части этого горизонта обнаружены монеты чеканки Константина VII середины X в.

Очень близкий по составу, закрытый керамический комплекс обнаружен в заполнении помещения Б дома пятистенки, пристроенного с внутренней стороны к крепостной куртине Сугдеи[7]. Основу тарной керамики и здесь составляют рифленые причерноморские амфоры самых разных вариантов (рис. 4, *22,23,25–29*). Присутствуют и высокогорлые кувшины, в частности одна археологически целая форма (рис. 4, *30*). Красно- и оранжевоглиняные ойнахойи и фляги заменены крупными ойнахойевидными кувшинами, изготовленными из амфорного теста (рис. 4, *24*). Очень близок и состав кухонной составляющей керамического комплекса. Она включает в себя сероглиняные горшки с яйцевидным туловом, изготовленные на ручном гончарном круге (рис. 4, *32–34*). Отличительной их особенностью также является ярко выраженная стандартизация форм, проявившаяся не только в высоком качестве изготовления сосудов, но и в основных морфологических показателях, прежде всего в однотипности профилировки эллипсовидного отогнутого венчика. Вероятно, такие горшки бытовали на последнем этапе существования салтово-маяцкой культуры в Крыму. Для этих горшков характерны признаки не только хорошо развитых операций заглаживания и обтачивания при помощи гончарного круга, но и достаточно освоенной операции профилирования. Следы, характерные для нее, отмечены как на венчике, так и на всей верхней части тулова сосуда. Таким образом, кухонные салтовские горшки, аналогичные описанным из помещения Б и стратиграфического горизонта в портовой части Сугдеи, могут являться своеобразным хронологическим индикатором поздних салтово-маяцких памятников полуострова. Нельзя не отметить, что именно данная салтовская керамика, по некоторым показателям, близка древнерусской кухонной посуде. Учитывая находку в заполнении помещения фрагмента белоглиняной поливной керамики (рис. 4, *31*), появляющейся в Таврике не ранее середины IX в., и вышеизложенные соображения касательно кухонной посуды, данный комплекс можно датировать второй половиной IX – первой половиной X вв.

В плане хронологического членения достаточно долговременного массива праболгарских памятников юго-восточного Крыма дополнительную информацию представляют материалы раскопок полуземлянки на посаде средневековой Сугдеи[8].

Как уже указывалось, стратиграфически в данном объекте выделяется три сменяющие друг друга горизонта. С первым (рис. 2, 1), фиксирующим время возникновения и функционирования полуземлянки, связаны отдельные находки лепной кухонной керамики (рис. 2, *1–5*), обнаруженной в нижней части ее заполнения в слое, перекрывающем пол каменного дома и в слое в непосредственной близости от него. Вся керамика имеет аналогии в наборах лепной посуды ранних праболгарских объектов Сугдеи, вызвавших дискуссию и достаточно полно проанализированных в литературе[9]. К сожалению, датировать лепную керамику Сугдеи сложно. Однако, во всяком случае с середины VIII в., она повсеместно заменяется раннегончарной.

Второй стратиграфический горизонт связан с заполнением самой полуземлянки (рис. 2, 2). О единовременности засыпи объекта свидетельствует стратиграфия его заполнения, представлявшая собой совершенно однородный рыхлый слой серовато-зеленого суглинка с мелкими примесями углей и печины. При этом фрагменты одних и тех же сосудов встречены на разных уровнях заполнения полуземлянки. Таким образом, комплекс засыпи объекта можно рассматривать как закрытый.

Тарная посуда представлена многочисленными фрагментами тонкостенных оранжево и красноглиняных причерноморских амфор с зональным рифлением. В тесте мел-

кие примеси извести и пиритов. Венчики сосудов косо срезанные (рис. 2, *6,8*), значительно реже округлые (рис. 2, *7*). Данные амфоры постоянно находятся в центре внимания крымских археологов-медиевистов. Подчеркну еще раз, что в комплексе засыпи полуземлянки они составляют практически единственный вид амфорной тары. Амфоры причерноморского типа встречены в виде единичных мелких фрагментов в верхних горизонтах заполнения.

Столовая посуда представлена красно-, оранжево- и сероглиняными ойнахойями. Большинство из них составляют традиционные тонкостенные экземпляры с линейным орнаментом, нанесенным белым ангобом (рис. 2, *9*). Второй тип ойнахой представлен мелкими фрагментами небольших шаровидных сосудов с прямостоящим венчиком без носика слива. Они также широко известны как в праболгарских древностях юго-восточного Крыма, в том числе в ранних комплексах городища на плато Тепсень[10], так и Подонья, где встречены в комплексе с охнахойями первого варианта[11]. Единственным фрагментом представлена редкая оранжевоглиняная ойнахойя с линейно-волнистым орнаментом, нанесенным бордовым ангобом – волна мелкая, небрежная. Отдельный вариант составляют крупные оранжевоглиняные ойнахойи с шаровидным туловом. Характерной их особенностью является диаметр дна, который больше диаметра плечей, горло узкое, маленькое. Обнаружен подобный целый сосуд с несохранившимся венчиком и ручкой (рис. 2, *12*) и крупный фрагмент дна. В верхней части тулова присутствуют остатки линейного орнамента, нанесенного белым ангобом. Ойнахойи подобной морфологии не типичны для праболгарских древностей юго-восточного Крыма. Подобная грушевидная форма столовых кувшинов появляется в этом регионе Таврики только со второй половины X в. Отличается оригинальностью и нижняя часть красноглиняной ойнахойи с горизонтальной псевдоручкой в придонной части, над которой расположена обычная ручка, тулово сосуда сплюснуто с противоположной стороны от ручки; венчик, к сожалению, не сохранился, стенки в придонной части подрезаны (рис. 2, *10*). В заполнении был обнаружен и фрагмент оранжевоглиняной фляги небольших размеров. Представляет интерес находка фрагментов черноангобированного коричневоглиняного светильника с подлощенной поверхностью. В нижней части его тулова сделаны крупные треугольные отверстия, круглые сквозные дырки присутствуют и в верхней части тулова. Реконструировать форму светильника, исходя из фрагментарности находок, трудно. Совершенно очевидно, что типологически он близок известному Саркельскому светильнику[12]. Треугольные отверстия прорезаны у самого дна. Однако тулово у него не коническое, а округлобокое, напоминающее светильники из материалов городища на плато Тепсень[13].

Наибольший интерес представляет комплекс кухонной керамики, состоящий из одной археологически целой формы, нескольких реконструируемых до дна и около двух сотен фрагментов. Наиболее многочисленную группу составляют крупные сосуды с округлым уплощенным венчиком, имеющим паз для крышки, иногда ярко выраженный. На плечах присутствует орнамент в виде одной или двух небрежно проведенных горизонтальных линий (рис. 2, *14,15,18–21*), реже однорядной волны (рис. 2, *17*). Значительно меньший процент составляют небольшие тонкостенные сосуды без орнаментации, в том числе одна реконструируемая до дна форма (рис. 2, *13*). Остальные формы кухонной керамики не образуют серий и обнаружены в виде отдельных фрагментов. Это венчики и стенки небольших сосудов с традиционным линейным орнаментом (рис. 2, *22,23*); встречен всего один фрагмент горшка с линейно-волнистым орнаментом (рис. 2, *25*). Интересны два фрагмента кухонных горшков, изготовленных из плотного теста с редким для юго-восточного Крыма сложным „очковидным“ многорядным волнистым орнаментом (рис. 2, *24,26*). Коллекцию кухонной керамики дополняет фрагмент дна с традиционным для юго-восточного Крыма клеймом в виде креста в круге (рис. 2, *16*).

На основании анализа закрытого комплекса засыпи полуземлянки можно предварительно сделать следующий вывод. Характерной особенностью керамических

комплексов Сугдеи середины IX в. является: 1) преобладание развитых вариантов причерноморских амфор с зональным рифлением разных вариантов; 2) почти полное отсутствие желобчатых амфор причерноморского типа, встреченных в виде фрагментов; 3) преобладание в кухонном керамическом комплексе горшков с округлым уплощенным венчиком с пазом и орнаментом на плечах в виде одной или двух небрежно проведенных горизонтальных линий. Единичность находок технологически более совершенных горшков с линейно-волнистым орнаментом. Присутствие кухонных сосудов, орнаментированных „очковидным“ орнаментом.

Третий стратиграфический горизонт связан с возникшем на месте засыпанной полуземлянки домом на каменном цоколе (рис. 2, 3). Непосредственно на его полу, т.е. на уровне фундамента с внутренней стороны кладок, обнаружен сильно фрагментированный и потревоженный более поздними перекопами немногочисленный археологический материал. Керамический комплекс традиционен. Это мелкие фрагменты амфор причерноморского типа, мелкие фрагменты стенок и фрагмент венчика с отверстием у верхнего прилепа ручки оранжевоглиняных ойнахой, а также фрагменты полусферических венчиков и развал сероглиняных кухонных сосудов с традиционным линейно-волнистым орнаментом (рис. 2, *31*). Как уже указывалось, кухонные горшки с подобной технологией изготовления, морфологией венчиков, тулова и системой орнаментации являются следствием стандартизации производства кухонной посуды и постановки ее изготовления на товарную основу. Они характерны для позднего этапа праболгарской культуры юго-восточного Крыма и датируются не ранее первой половины X в.[14]. Для определения нижней хронологической границы постройки некоторое значение имеют находки на полу дома двух крупных фрагментов поливных тарелок открытого типа под пористой поливой бежевого цвета (рис. 2, *32*). Здесь же обнаружен и крупный фрагмент дна высокогорлого кувшина таманского производства с ленточной ручкой. Традиционно они свидетельствуют о том, что каменная постройка возникает не ранее середины IX в. На полу дома обнаружен и фрагмент стенки сероглиняного лощеного сосуда с лощеным сетчатым орнаментом, свидетельствующий о нахождении в быту этих сосудов на протяжении всего периода существования праболгарской культуры Таврики.

Время засыпи полуземлянки и, соответственно, строительства дома определить так же непросто. Однако, отсутствие высокогорлых кувшинов и поливной керамики при достаточно развитом комплексе кухонной керамики позволяет предполагать, что это произошло примерно в середине IX в. Косвенным свидетельством в пользу этого может служить находка в культурном слое поселения куфического аббасидского дирхема (рис. 2, *30*). Эта первая подобная находка в средневековой Сугдее. К сожалению, имя правителя и место чеканки обрезано. Год 2?? обрезан, сохранились только две последние буквы сотен. Судя по особенностям эпиграфики и стилистики элементов оформления, наиболее вероятна датировка монеты второй половиной правления ал-Мутаваккила ала-ллаха и временем правления ал-Муста‘ина би-ллаха, т. е. ок. 855–865 гг.[15]

В плане хронологического сравнения закрытых керамических комплексов праболгар юго-восточного Крыма показательный материал предоставляют раскопки объектов на территории городища на плато Тепсень и поселения Кордон-Оба. В заполнении хозяйственных ям, возникших на месте полуземлянки городища на плато Тепсень (рис. 3, 1), в состав амфорной тары входили исключительно фрагменты желобчатых амфор причерноморского типа (рис. 3, *19*). Причерноморские амфоры с мелко-зональным рифлением найдены в виде отдельных мелких фрагментов, в основном, в виде примеси снизу, связанной с первоначальным заполнением полуземлянки времени ее функционирования (рис. 3, *20*). Помимо отдельных фрагментов высокогорлых кувшинов (рис. 3, *17*), основой кухонной составляющей керамического комплекса являются гончарные сосуды с полусферическим венчиком, украшенные линейным или линейно-волнистым орнаментом, иногда с защипами по венчику (рис. 3, *21–23*). Кухонные неорнаментированные

горшки, в том числе с подчеркнутой шейкой, составляют небольшой процент кухонной керамики (рис. 3, *18*). Достаточно часто встречены и фрагменты клейменных донышек в виде креста, вписанного в круг (рис. 3, *22*).

Отличия заполнения полуземлянки на территории городища Кордон-Оба (рис. 3, 2) заключается, прежде всего, в более разнообразном кухонном керамическом комплексе. Его основу также составляют кухонные сосуды, украшенные линейным, реже линейно-волнистым орнаментом, при меньшем количестве изделий, не имеющих орнаментации (рис. 3, *11,12*). Присутствуют и фрагменты, украшенные линейным орнаментом на тулове и хаотическим орнаментом на шейке (рис. 3, *11*), не встреченные в заполнении хозяйственных ям полуземлянки городища на плато Тепсень. Кроме того, в состав кухонного керамического комплекса входят одноручные, технологически менее совершенные, сосуды (рис. 3, *10*), также не обнаруженные в заполнении полуземлянки Тепсеня. Являются ли эти признаки хронологическими, сказать сложно. Не исключено, что они связаны с сельским характером поселения Кордон-Оба.

Представляет определенный интерес и закрытый комплекс из вымостки крупного очага на территории городища на плато Тепсень (рис. 3, 3). В данном случае основу тарной керамики составляют исключительно причерноморские амфоры, но без мелко-зонального рифления (рис. 3, *1,2*). Кухонная же керамика представлена сосудами с разнообразным линейным и линейно-волнистым орнаментом, не носящим следа стандартизации (рис. 3, *3,6–8*). Кроме того, в состав керамического комплекса входили шаровидная и яйцевидная ойнахойи (рис. 3, *4,5*), а также фрагмент тулова т.н. сероглиняного салтовского пифоса, украшенного „елочным“ орнаментом в виде наколов (рис. 3, *9*). Данные типы керамики не обнаружены в поздних керамических комплексах Тепсеня, в частности проанализированном заполнении полуземлянки. Не встречены в вымостке пода и высокогорлые кувшины.

Датировать все рассмотренные выше керамические комплексы довольно сложно. Несомненно, что наиболее поздними являются материалы заполнения полуземлянки Тепсеня. Хронологически, исходя из ассортимента и технологии изготовления кухонной посуды, керамический комплекс из заполнения полуземлянки Кордон-Обы является более ранним. Комплекс из вымостки очага городища Тепсень наиболее ранний из трех рассмотренных.

Интересную информацию об эволюции керамического комплекса праболгар Сугдеи середины VIII – первой половины IX вв. содержат раскопки полуземлянки на территории поселения у с. Солнечная долина Судакского района АР Крым[16].

Заполнение объекта представляло собой однородный слой серо-коричневой глины с примесью углей и печины, перекрытый слоем зеленовато-серой однородной глины. На полу полуземлянки и в слое ее заполнения найден сильно фрагментированный материал, который можно рассматривать в качестве закрытого комплекса. Характерными его особенностями является наличие только причерноморских амфор с зональным рифлением и чрезвычайно архаичного комплекса кухонной лепной керамики, богато и разнообразно орнаментированной по краю венчика.

Обнаруженные фрагменты амфор относятся исключительно к т.н. причерноморским амфорам с зональным рифлением (рис. 4, *1–4*). Нельзя не отметить некоторую архаичность указанных сосудов. Зональное рифление в некоторых случаях нанесено небрежно, фрагменты верхних частей тулова демонстрируют сплошное зональное рифление без четкого разделения его на зоны. Морфологически сечение ручек самое разнообразное. Сохранившиеся полностью экземпляры отходят от воронковидного горла под углом. Изделий, покрытых ангобом светлого и светло-зеленого цвета с регулярным зональным рифлением, намного меньше, нежели оранжево- и красноангобированных.

Данные амфоры постоянно становятся предметом изучения всех специалистов, которые ведут раскопки раннесредневековых памятников Восточной Европы. В по-

следнее время серьезная попытка хронологического членения причерноморских амфор с зональным рифлением предпринята в некоторых работах Л. Ю. Нидзельницкой[17]. В качестве датирующих морфологических признаков исследовательница предлагает считать у ранних экземпляров сферическую форму тулова, расширяющуюся в верхней части широким раструбом форму горла, дуговидную форму ручек и сплошное декорирование верхней части тулова и, соответственно, овоидную форму тулова, прямое и менее расширенное горло, изогнутость ручек под прямым углом и „классическую“ зональную орнаментацию – у поздних[18]. Исходя из данных критериев, выделяются амфоры VII – первой половины VIII вв. и VIII – предположительно начала IX вв. Основанием для выделения причерноморских амфор с зональным рифлением раннего варианта явились в основном материалы Недвиговского поселения на Нижнем Дону, верхняя хронологическая граница существования которого авторами определяется не позднее середины VIII в.[19]. Предварительно отметим, что большая часть фрагментов амфор с зональным рифлением из заполнения рассматриваемой полуземлянки имеет некоторые черты, приближающие их к раннему варианту.

Следует вспомнить, что именно этот тип ранних причерноморских амфор с зональным рифлением, имеющих исключительно яйцеобразное тулово и удлиненное ребро на ручках, обнаружен в виде двух археологически целых форм в материалах раскопок Пастырского городища. Автор раскопок считал их крымским импортом и рассматривал как промежуточное звено между ранними византийскими амфорами, встреченными в Крыму и сосудами уже местного производства второй половины VIII – первой половины IX вв.[20].

Показателен и набор столовых сосудов из заполнения полуземлянки. В основном это крупные изделия, покрытые ангобом оранжевого и светло-коричневого, реже серого или зеленовато-серого цвета. Линейно-волнистый орнамент, нанесенный белым ангобом, найден только на одном развале ойнахойи (рис. 4, *12*). Чаще обнаружен разнообразный линейный и линейно-волнистый орнамент, нанесенный бордовой краской (рис. 4, *10–12*). Присутствуют и фрагменты массивных изделий с расширяющимся горлом и отогнутым венчиком (рис. 4, *8*), а также изделий с отверстием на месте верхнего прилепа ручки (рис. 4, *9*). Вторую группу изделий образуют небольшие шаровидные ойнахойи с прямостоящим или слегка отогнутым венчиком (рис. 4, *5,6*). К сожалению, ойнахойи не являются датирующим материалом. Наблюдения за их процентным соотношением в раннесредневековых горизонтах Сугдеи свидетельствует, что наибольшее распространение они получают в слоях VIII – первой половины IX вв. Причем для ранних горизонтов характерны именно крупные формы, а для поздних – стандартизированная форма, покрытая ангобом светло-зеленого цвета.

Наибольший интерес представляет комплекс кухонной керамики, происходящий из заполнения полуземлянки. На мой взгляд, он наиболее перспективен и для попыток хронологического членения, как данного комплекса, так и праболгарской культуры юго-восточного Крыма в целом. К сожалению, фрагментарность находок не позволяет представить профили кухонных горшков полностью. Тем не менее, выделяется группа довольно крупных тарных сосудов, слегка отогнутый уплощенный венчик которых украшен пальцевыми вдавлениями. Представлены экземпляры с короткой (рис. 4, *19–21*) и относительно высокой (рис. 4, *19*) шейкой. Вторую условную группу образуют небольшие горшки разнообразной морфологии с коротким горлом и плавно отогнутым венчиком, иногда с пазом для крышки. Край венчика украшен стилизованными округлыми (рис. 4, *17*) или семечковидными (рис. 4, *14,15*) вдавлениями или простыми насечками (рис. 4, *18*). Третья группа – горшки разной морфологии с плавно отогнутым уплощенным венчиком, иногда имеющим слабо или ярко выраженный паз для крышки (рис. 4, *15,16,21*). Все типы сосудов, за исключением одного фрагмента (рис. 4, *16*), лишены какой-либо орнаментации по тулову. В то же время все они, а особенно экземпляры, имеющие на венчике паз для крышки, имеют следы подправки на ручном гончарном круге. Исходя

из „прогрессивности“ этих следов, горшки группы 3 технологически более совершенны. Коллекцию кухонной керамики дополняет небольшой фрагмент шаровидного тулова сероглиняного лощеного сосуда. К сожалению, он не позволяет восстановить даже фрагмент тулова изделия.

В подъемном материале, обнаруженном недалеко от описанной полуземлянки, найдена была округлая бронзовая бляшка с двумя ушками. Вероятнее всего, она является вариантом бляшки с округлым щитком с шарнирно-соединенным кольцом. Последнее не сохранилось. Подобные бляшки с подвижным кольцом представлены в погребальном инвентаре гото-аланских некрополей Таврики, в частности Скалистинского могильника[21]. Склепы, где они обнаружены, датируются в рамках первой половины VIII в.[22].

Совершено аналогичные закрытые комплексы, подобные описываемому, в юго-восточном Крыму мне неизвестны. Отдельные формы кухонной керамики, фрагменты аналогичных ранних причерноморских амфор с зональным рифлением и ойнахой встречены в культурных горизонтах Сугдеи (археологические комплексы на участке куртины XV) и городища на плато Тепсень. Сравнивая же данный закрытый комплекс с закрытым праболгарским комплексом в портовой части Сугдеи первой половины VIII в.[23], необходимо отметить следующее. Состав амфорной тары и столовой керамики практически идентичный. Комплекс кухонной керамики в данном случае носит несомненное отличие. Во-первых, в заполнении рассмотренной землянки полностью отсутствуют фрагменты кухонных гончарных ранневизантийских сосудов. Во-вторых, нет здесь и полностью лепных богато орнаментированных сосудов. Всю керамику можно условно отнести к раннегончарной. Таким образом, перед нами, учитывая возможные территориальные отличия и сам характер памятников, более „прогрессивный“ комплекс праболгарской кухонной посуды.

В плане хронологии интересно сравнение публикуемого закрытого комплекса и закрытого комплекса, обнаруженного на территории посада средневековой Сугдеи в 2007–2008 гг.[24] В данном случае отличия наблюдаются и в составе амфорной керамики. В заполнении полуземлянки на посаде Сугдеи присутствуют амфоры полностью соответствующие критериям поздних амфор с зональным рифлением, ранние амфоры этого типа встречены в виде фрагментов. Явные отличия носит и состав кухонной посуды. Как уже указывалось, в комплексе полуземлянки на посаде Сугдеи наблюдается начало выработки стандартизированных форм горшков с округлым уплощенным венчиком с пазом и орнаментом на плечах в виде одной или двух небрежно проведенных горизонтальных линий. Несмотря на разнообразие орнаментальных мотивов, прослеживается тенденция к выработке оптимального линейно-волнистого орнамента, ставшего впоследствии практически единственным способом украшения кухонного горшка. Ничего этого в публикуемом комплексе кухонной керамики пока нет. Таким образом, опять-таки учитывая разное месторасположение и характер памятника, публикуемый кухонный комплекс более архаичен. Согласно данным нумизматики и таким общепринятым, но далеко не совершенным критериям, как отсутствие высокогорлых кувшинов с ленточной ручкой и поливной византийской керамики, комплекс с территории посада Сугдеи датируется серединой IX в.

Исходя из таких рассуждений, публикуемый комплекс полуземлянки поселения у с. Солнечная Долина хронологически расположен между ранним комплексом в портовой части Сугдеи и комплексом на территории ее посада, т.е. может датироваться от первой половины VIII до первой половины IX вв.

Внести некоторую ясность в датировку рассматриваемого комплекса поселения у с. Солнечная Долина позволяют и раскопки праболгарских памятников на территории Керченского полуострова. Наиболее показательны материалы раскопок поселения Героевка-2 у поселка Эльтиген. В стратиграфии раскопов исследователями четко выделяется горизонт темного гумусированного суглинка, содержащий исключительно причерно-

морские амфоры с зональным рифлением[25], ойнахойи и фрагменты лощеной керамики[26], аналогичные рассмотренным выше из заполнения полуземлянки, а, самое главное, набор кухонной керамики. Последний также представлен фрагментами крупных тарных сосудов с орнаментом в виде „плетенки“ на венчике[27], раннегончарными сосудами с уплощенным отогнутым венчиком[28] и фрагментами горшков с разнообразным орнаментом в виде наколов. Следующий хронологический период поселения представлен домами с каменным основанием стен и связанными с ними хозяйственными ямами. В заполнении этих объектов представлен совершенно другой керамический комплекс. Это стандартизированные кухонные полностью гончарные горшки с линейным или линейно-волнистым орнаментом, нанесенным тонкой гребенкой[29], обнаруженные исключительно вместе с амфорами причерноморского типа[30] и фрагментами высокогорлых кувшинов. Наиболее характерные формы данных амфор происходят из заполнения хозяйственных ям 17, 18[31].

Помимо амфорной тары, безусловную близость с рассматриваемым заполнением полуземлянки в с. Солнечная Долина обнаруживает и керамический комплекс упоминавшегося Недвиговского поселения на Нижнем Дону. Это касается набора ойнахой и, конечно, лепных кухонных горшков[32].

В этом регионе близкий керамический комплекс зафиксирован и на поселении Золотые Горки[33], где также отсутствуют амфоры причерноморского типа, а основу кухонной посуды составляют лепные и подправленные на круге горшки с разнообразными пальцевыми вдавлениями и насечками на венчике. При этом данный памятник, существовавший небольшой промежуток времени, можно рассматривать в качестве своеобразного закрытого комплекса. Сближает поселения и наличие каменных цоколей жилых домов, неотмеченные на других синхронных памятниках этой территории. Даже если относить их к разным культурным кругам[34], вполне вероятно их хронологическое сосуществование в рамках первой половины – середины VIII в.

Таким образом, из сравнительного анализа, есть некоторые основания датировать заполнение полуземлянки не ранее первой половины VIII в. и не позднее второй половины этого столетия. А в качестве постановки проблемы, прежде всего, из анализа лепной керамики, можно попытаться сузить хронологические рамки публикуемого комплекса полуземлянки до первой половины – середины VIII в.

Проанализировав стратиграфические горизонты Сугдеи и закрытых комплексов, можно попытаться хронологически распределить представленные материалы. Наиболее ранними являются материалы из первоначального слоя заполнения помещения Б дома в портовой части Сугдеи и находки времени основания полуземлянки на посаде этого средневекового города. Следующим можно расположить горизонт заполнения полуземлянки на территории поселения в с. Солнечная Долина. Вероятно, далее хронологически следует керамический комплекс из стратиграфического слоя в портовой части Сугдеи и материал засыпи полуземлянки на городском посаде. К этому хронологическому промежутку следует отнести и материалы из пода очага городища на плато Тепсень и материалы засыпи полуземлянки на поселении Кордон-Оба. Датировать его в определенных рамках сложно. Однако во всех перечисленных комплексах отсутствует белоглиняная поливная керамика и высокогорлые кувшины. Полагаем что, время их бытования можно ограничить первой половиной VIII – серединой IX вв. Однако, как мы попытались показать, приведенные комплексы различны и хронологически неоднородны. В будущем, при накоплении материала, появится возможность датировать их более узкими хронологическими рамками.

Наиболее поздними являются комплексы из заполнения помещения Б дома на участке куртины XV Судакской крепости, из верхнего стратиграфического горизонта в заполнении помещения Б дома в портовой части средневековой Сугдеи и каменного дома на месте полуземлянки на посаде этого города. Они достаточно ярко маркируют последний этап праболгарской культуры юго-восточного Крыма.

[1] *Баранов, И. А.* Таврика в эпоху раннего Средневековья (салтово-маяцкая культура в Крыму). К., 1990, 168 с.

[2] *Айбабин, А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999, 352 с.; Крым в VIII–IX вв. Хазарское господство. – В: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII вв. /Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. М., 2003, 53–67.

[3] *Баранов, И. А.*, *Майко, В. В.* Комплексът салтовски съоръжения в Судакската крепост. – В: БСП. Т 5. В. Търново, 1996, 71–88; Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII – первой половины X вв. – В: БСП. Т. 7. В. Търново, 2000, 83–100; *Баранов, И. А., Майко, В. В., Джанов, А. В.* Раскопки в средневековой Сугдее. – В: АИК 1994 г. Симферополь, 1997, 38–45; *Могаричев, Ю. М., Сазанов, А. В., Шапошников, А. К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма „хазарского времени". Симферополь, 2007, 346 с.; Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009, 334 с.

[4] *Baranov, I. A.* Die ceramic der Saltovo-Majaki Kultur in der Krim. – B: Die ceramic der Saltovo-Majaki Kultur in ihrer varianten. – Varia Archaeologica Hungarica III. – Budapest, 1990, p. 38, taf. 6, 4.

[5] *Баранов, И. А.* Археологическое изучение Сугдеи-Солдайи. – В: АИК 1993 г. Симферополь, 1994, с. 42.

[6] *Романчук, А. И.* Херсонес VI – первой половины IX вв. Свердловск, 1976, рис. 2.

[7] *Баранов, И. А. Майко, В. В.* Указ. соч., 71–88.

[8] *Майко, В. В.* Археологические материалы для реконструкции посада раннесредневековой Сугдеи. – В: Древности 2009. Харьков, 2009, 263–272.

[9] *Майко, В. В.* Керамічний комплекс однієї групи праболгарських пам'яток Таврики другої половини VII ст.н.е. – В: Українська керамологія. Кн. 1. Опішне, 2001, 16–29; *Любічев, М. В.* Пеньківська культура: ще раз про територію та етнічну приналежність. – В: Етнокультурні процеси в південно-східній Європі в I тис. н.е. К. – Львів, 1999, с. 128; *Приходнюк, О. В.* Пеньковская культура. Культурно-хронологический аспект исследования. Воронеж, 1998, с. 17.

[10] *Майко, В. В.* Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. К., 2004, с. 104, рис. 57, 2; Керамический комплекс VIII–X вв. праболгарского городища Тепсень в юго-восточном Крыму (предварительная типология). – В: БСП. Т. 7. В. Търново, 2000, с. 117, рис. 5, 9,10.

[11] *Михеев, В. К.* Новый грунтовый могильник салтовской культуры в с. Червонная Гусаровка. – В: Древности 1994. Харьков, 1994, с. 196, рис. 1, 5.

[12] *Плетнева, С. А.* Восточноевропейские степи во второй половине VIII–X вв. Салтово-маяцкая культура. – В: Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981, с. 161, рис. 47, 27.

[13] *Майко, В. В.* Указ. соч., с. 119, рис. 7, 9.

[14] *Майко В. В.* Средневековое городище на плато Тепсень.., с. 197.

[15] Определение выполнено м.н.с. Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа В. С. Кулешовым.

[16] *Майко, В. В.* Праболгарское поселение VIII – первой половины X вв. в с. Солнечная Долина в юго-восточном Крыму. – В: Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2010, с. 75.

[17] *Нидзельницкая, Л. Ю.* Раннесредневековая керамика из западного пригорода Танаиса. – В: Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Вып. 18. Азов, 2002, 326–338; Византийские амфоры с гладким корпусом и зональным орнаментом V – начала IX вв. (по материалам Донских музеев). – В: Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону, 2009, 261–282.

[18] *Нидзельницкая, Л. Ю.* Указ. соч., 280–281.

[19] *Нидзельницкая, Л. Ю., Ильяшенко, С. М.* Раннесредневековое поселение на территории Танаиса. – В: Средневековые древности Дона. – МИАД, вып. 2, 2007, с. 202.

[20] *Приходнюк, О. М.* Пастирське городище. К. – Чернівці, 2005, с. 65.

[21] *Веймарн, Е. В., Айбабин, А. И.* Скалистинский могильник. К., 1993, с. 58, рис. 37, 9; с. 59, рис. 38, 9,10.

[22] Там же, с. 178.

[23] *Баранов, И. А., Майко, В. В.* Пастирско-пенковската култура и проблемът за разселването на прабългарските племена от Средното Поднепровие и Таврика. – В: БСП. Т. 4. В. Търново, 1995, 71–88.

[24] *Майко, В. В.* Археологические материалы.., 263–272.

[25] *Зинько, В. Н., Пономарев, Л. Ю.* Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-2 у поселка Эльтиген. – В: Боспорские исследования. Вып. 10. Симферополь, 2005, с. 252, рис. 3; рис. 4.

[26] Там же, с. 254, рис. 5.

[27] Там же, с. 252, рис. 6, 3,4.

[28] Там же, с. 252, рис. 6, 11.

[29] Там же, с. 258, рис. 9; с. 261, рис. 12, 3,5,10.

[30] Там же, с. 261, рис. 12, 1,6.
[31] Там же, с. 262, рис. 13, 1,2,6.
[32] *Нидзельницкая, Л. Ю.* Указ. соч., 257–282.
[33] *Ключников, В. В.* Особенности строительно-хозяйственных комплексов городища Золотые Горки на Нижнем Дону. – В: Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону, 2009, 241–256.
[34] Там же, с. 255.

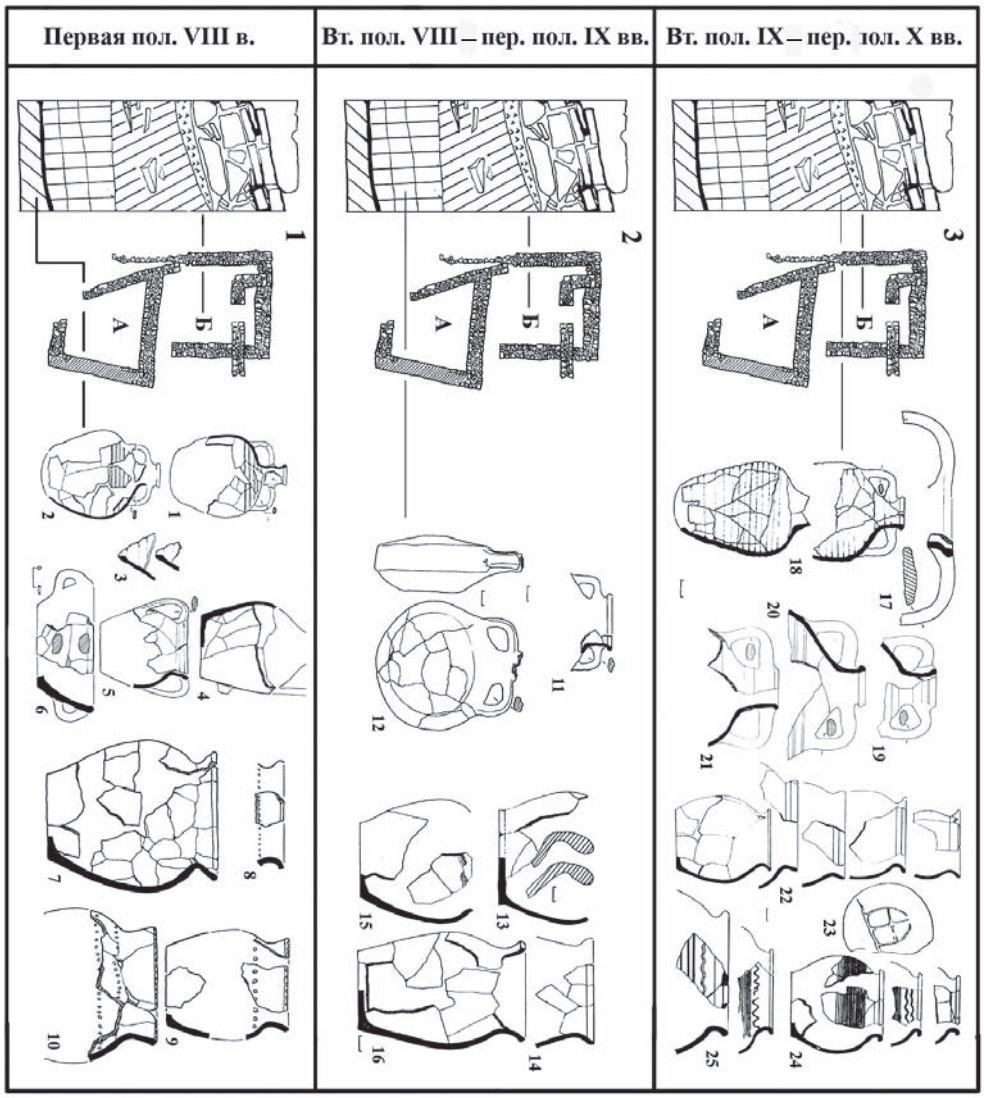


Рис. 1. Керамические комплексы последовательных стратиграфических горизонтов в заполнении помещения Б постройки в портовой части средневековой Сугдеи

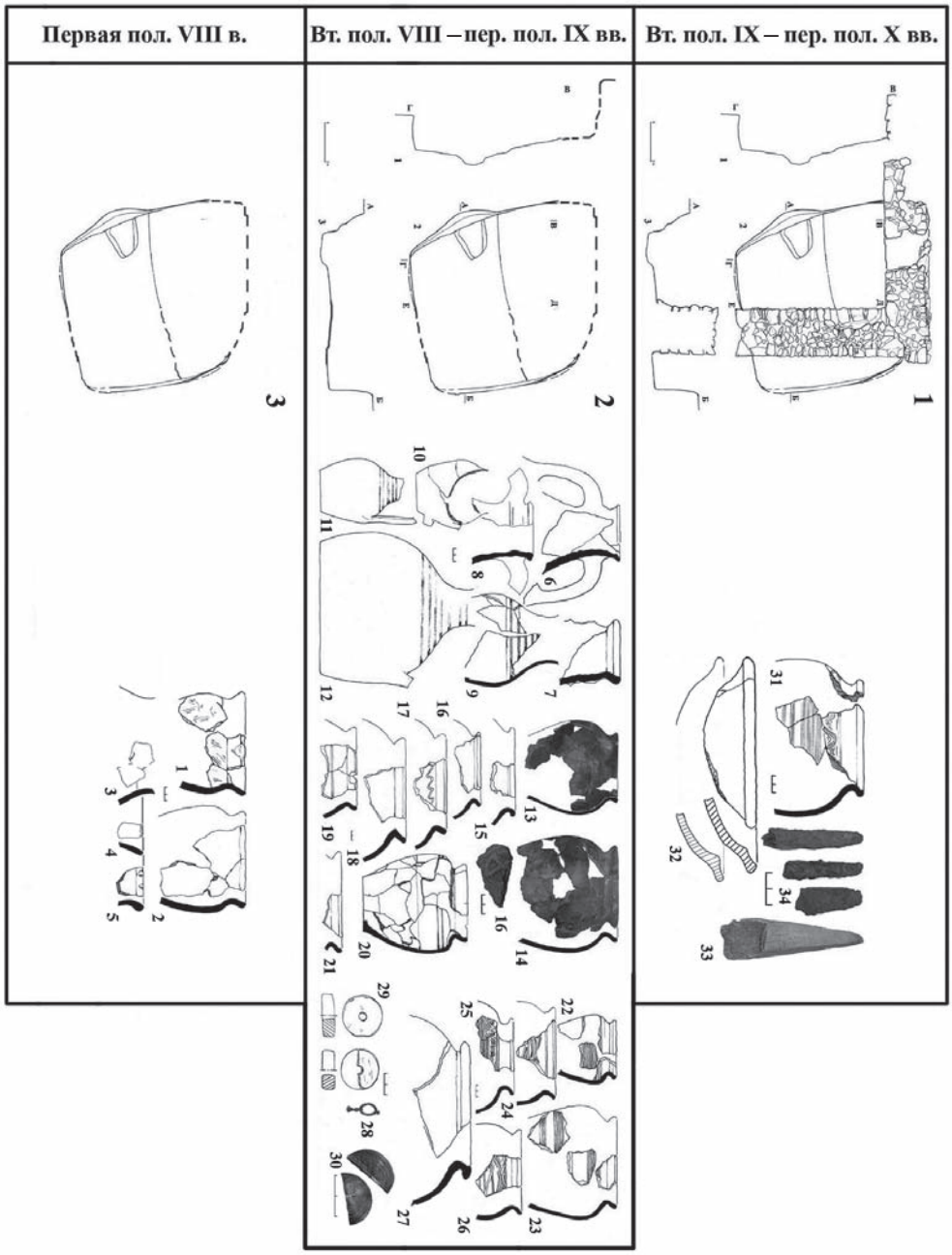


Рис. 2. Керамические комплексы последовательно сменявших друг друга объектов на участке посада средневековой Сугдеи

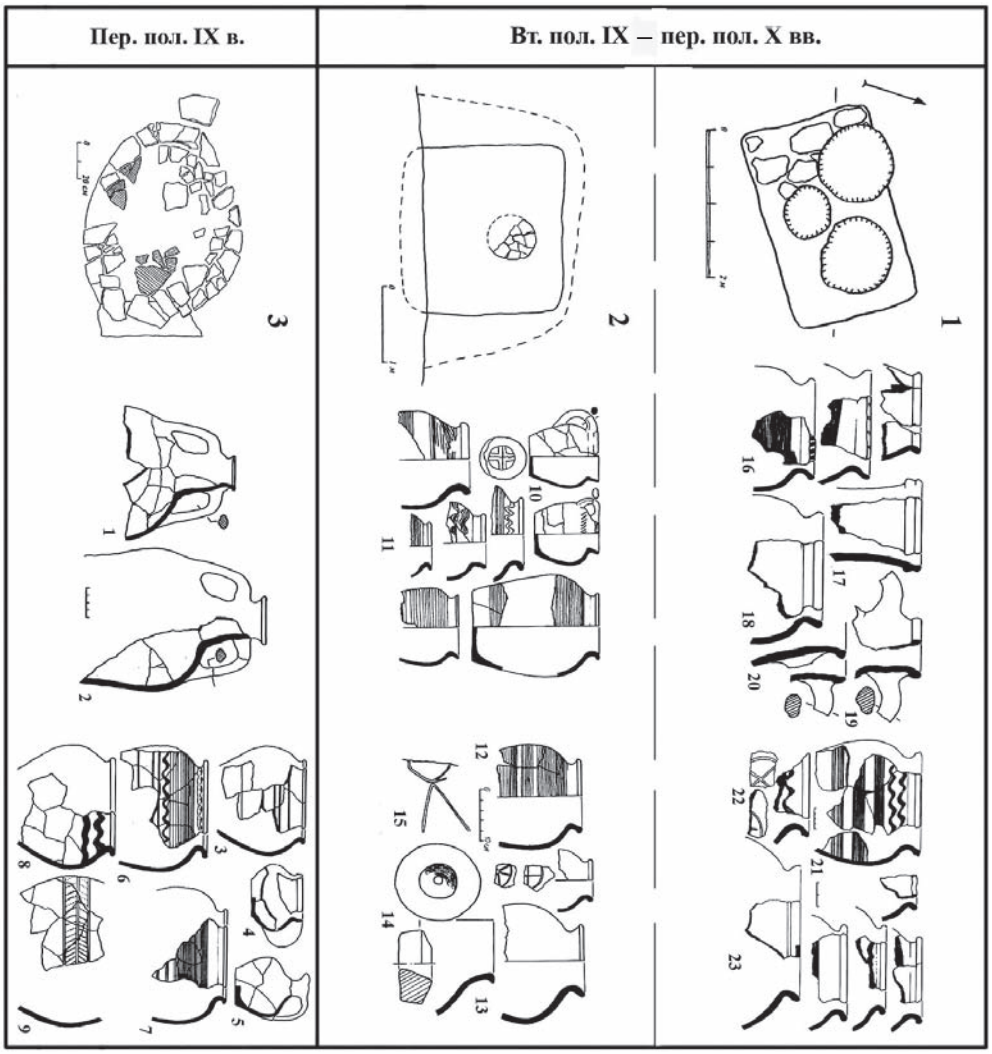


Рис. 3. Керамические комплексы объектов юго-восточного Крыма.
1, 3 – городище на плато Тепсень; 2 – поселение Кордон-Оба

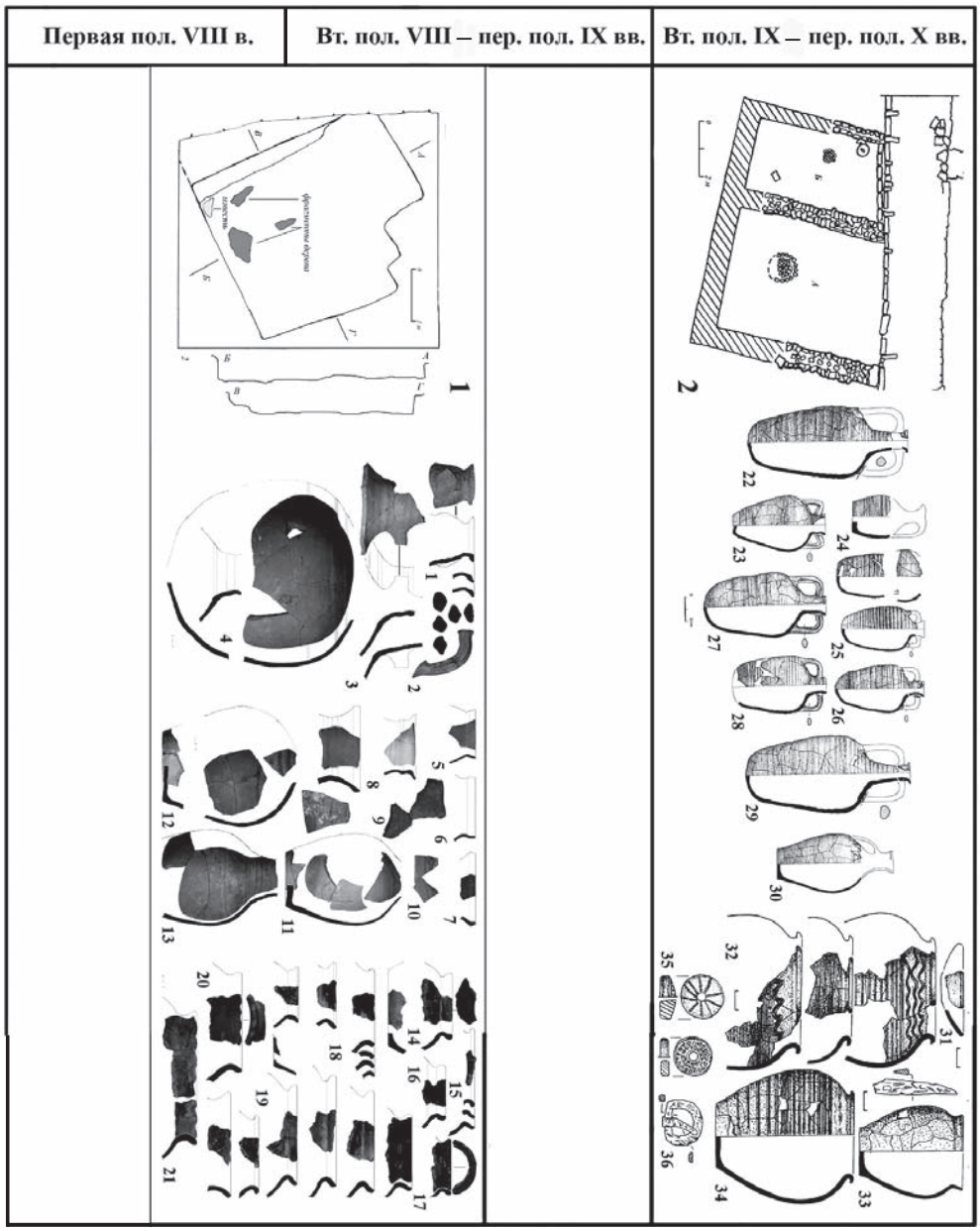


Рис. 4. Керамический комплекс помещения Б дома на участке куртины XV Судакской крепости (2) и из заполнения землянки у с. Солнечная Долина (1)

УДК 94(497.2)«06/10»:391-055.1

ДАННИ ЗА МЪЖКОТО ОБЛЕКЛО ОТ ПЕРИОДА НА ПЪРВОТО БЪЛГАРСКО ЦАРСТВО

Н. Хрисимов, М. Петров

Хрісімов Н., Петров М. **Дані про чоловічий одяг періоду Першого болгарського царства**

У статті зібрано певний обсяг відомостей про чоловічий одяг періоду Першого болгарського царства. Відповідні джерела поділено на три основні групи – археологичні, писемні та зображувальні.

Здійснено спробу цілісного відтворення зовнішнього вигляду чоловіка-воїна періоду Першого болгарського царства, для чого були використані усі наявні дані, у поєднанні із відомостями про костюми сусідніх країн (Візантія) та споріднені культури (Кавказ), а також й етнографічні дані про болгарський народний костюм.

Наявна інформація надала можливість стверджувати, що чоловічий костюм часів Першого болгарського царства є багато у чому подібним із тим, що носили того ж часу на Кавказі, хоча він і мав певні специфічні риси. У якості висновку також можна відзначити, що і комплектністю, і у семантичному значенні болгарський чоловічий костюм зберігся до етнографічного часу. Співставлення відомих назв окремих деталей болгарського етнографічного костюму та етнографічного костюму кавказьких народів вказує на безліч подібностей, які свідчать про близькість цих комплексів одягу.

Ключові слова: джерела, відтворення, костюм, Перше болгарске царство.

Хрисимов Н., Петров М. **Данни за мъжкото облекло през Първото българско царство**

В статията са събрани голямо количество данни за облеклото на мъжа от периода на Първото българско царство. Тези извори са разделени на три големи групи – археологически, писмени и изобразителни.

Направен е опит за цялостна възстановка на облика на мъжа воин от периода на Първото българско царство, като са използвани наличните данни, в комбинация с данните за костюма на съседни страни (Византия) и родствени култури (Кавказ), а също и етнографските данни за българския народен костюм.

Наличната информация дава възможност да се твърди, че мъжкият костюм от времето на Първото българско царство е много сходен с носения по това време на Кавказ, като има и някои свои специфики. Също така се стига до извода, че в комплектност и семантично отношение българският мъжки костюм се е съхранил до етнографско време. При съпоставяне на известните имена за отделните детайли на българския етнографски костюм и на етнографския костюм на кавказките народи, са забелязвани множество прилики, които също говорят за близост на костюмните им комплекси.

Кючови думи: извори, възстановка, костюм, Първото българско царство.

Hrisimov N., Petrov M. **Data concerning men's clothing at the time of the First Bulgarian kingdom**

A lot of evidence is gathered in the article concerning the man's clothing of the period. Generally the evidence is divided into three main groups - archaeological, narrative, and pictorial. An

© Н. Хрисимов, М. Петров, 2012

attempt was made for overall reconstruction of the man-warrior from the time of the First Bulgarian kingdom, based on the evidence, including information from some neighboring countries, like the Byzantine Empire, or some relative cultures, like those in the Caucasus area. Ethnographical data were taken into consideration, too.

The data available gives as an opportunity to state that the male costume of the period was quite similar to that of Caucasus region, with some specific character anyway. In its complexity and semantics the Bulgarian male costume was preserved for very long time, up to the period of our ethnographical data. Many similarities between the Bulgarian and the Caucasian male costumes also support the idea of their related origin.

Keywords: historical and archaeological data, reconstruction, costume, First Bulgarian tzardom.

Изучаването костюма на древните народи, в частност на българите, се явява един от най-плодоносните начини за осветляване на тяхната история и разбирането на бита, културата и душевността им, защото в древните общества облеклото е най-видимият маркер, сближаващ или разделящ етноси или култури на ниво отделен индивид.

В сравнение с добре изучените и познати костюмни комплекси на големите и сродни общности като иранци и тюрки, костюмът на българите, в частност от периода на Първото царство (VIII–X век), е почти непознат и крайно ощетен откъм наличие на артефакти, изобразителни и писмени сведения.

Проучванията върху облеклото от периода на Първото българско царство не са новост за българската историческа наука. Още с идентифицирането на Мадарския конник като паметник на старобългарската култура започват и споровете за детайлите от облеклото му[1]. Облеклото на българите от Първото българско царство и паралелите му при маджарите заема важно място и в работата на Геза Фехер и изследванията му върху материалната култура на прабългарите[2]. Най-рано опит за обобщение на писмените и изобразителни сведения за мъжкия костюм от Първото българско царство е направен от Й. Иванов[3]. След промените, настъпили в обществото след 1944 г., облеклото за дълго време остава на заден план в българската историческа наука. При публикацията на некропола от Нови Пазар, Ст. Станчев обръща внимание и на някои части от облеклото[4].

Ново начало в изследванията в тази насока поставя капиталният труд на В. Наследникова „История на българския костюм“, където за пръв път е направен цялостен преглед на развитието на облеклото на българите от създаването на българската държава и където всички костюми са представени във вариант на възстановка, както е общоприетият понастоящем начин[5]. В най-ново време сред специалистите, занимаващи се с костюма, на преден план изпъква работата на Ив. Чокоев по тъканите, открити в археологически комплекси[6] и конкретно за облеклото от Първото българско царство[7].

В настоящото проучване се прави опит за нов комплексен поглед върху проблематиката на мъжкия костюм, като, разбира се, не претендираме, че настоящата работа изчерпва проблемите по разглежданата тематика. Акцентира се върху мъжкия костюм, тъй като сведенията за женския са крайно ограничени и не биха довели до възстановяване на някакъв по-цялостен вариант на женския комплект дрехи. Не се прави опит за разграничаване на облеклото етнически, тъй като няма достатъчно данни за славянското облекло от толкова ранно време, които да дадат възможност за диференциране на облеклото на двата етноса.

Направен е преглед на запазените археологически материали, паметниците на изобразителното изкуство, представящи ранносредновековния български костюм и наличните сведения от писмени източници. Прави се съпоставка с облеклото на родствени и съседни култури от периода VII–X век от Северен Кавказ, Салтово-маяцката култура, Иран, Средна Азия и Византия. За изясняване на знаковата функция на костюма, се привличат данни от етнографската съвременност на народи от Средна Азия и Кавказ, съхранили ред архаични

традиции в облеклото и най-вече такива от много добре изучения български етнографски костюм в периода XIX–XX век. Много важен момент и цел на работата е и осигуряването на една необходима нагледност, използвайки метода на т.нар. „аналитично илюстриране“, използвано от С. А. Яценко[8] и като следствие – опит за изясняване и реконструиране на образа на мъжа воин в контекста на традиционните български представи. Именно по тази причина и детайлите на българското средновековно мъжко облекло от VII–X век в тази работа ще бъдат представени поотделно и последователно, като се следва посоката от горе надолу по тялото.

Преглед на наличните данни за облеклото

Наличните източници за ранносредновековното българско облекло могат да бъдат разделени на две категории: археологически и изобразителни.

От своя страна, археологическите източници, носещи информация за облеклото, са от неорганични и от органични материали. Към тези от неорганични материали спадат откритите в некрополите *in situ* метални обеци, токи и детайли от колан, копчета и други, носещи пряка информация за употребяваните от тогавашното население аксесоари и за тогавашната мода. Предвид спецификите на почвите в нашата страна, остатъците от органични материали са твърде оскъдни и обикновено се откриват във вариант на отпечатъци върху неорганични материали. Запазените части от органични материали дават преки сведения за облеклото и материалите, от които то е било направено. Именно поради тези им специфики и характера на настоящата работа, достигналите до нас органични детайли от облеклото ще бъдат изброени.

Нови Пазар: в гробове № 27, 33 и 38 – запазени отпечатъци от ленена тъкан[9].

Кюлевча: следи от тъкани – в гробове № 38[10], 42[11], 89[12], в масовия гроб № 80 – при скелети № 2, 3, 7[13]; кожа – № 55[14], № 79 (при главата – „дъбена кожа“)[15], в масовия гроб № 80 – при главата на скелет № 14 – кожа; при краката на скелет № 5 – остатъци от гьон, същото и при краката на скелета в гроб № 84[16].

Части от кожух с кожени копчета, фина тъкан и кожен колан са открити при един от скелетите в гробницата на църква в „обект 31“ **в Плиска**[17].

Част от златоткана тъкан е открита в саркофаг № 4 от **некропола до Голямата базилика в Плиска**[18]. Също там са открити остатъци от кожен, облечен в лен колан[19] и части от кожени обувки[20].

В същия некропол, в близост до четирите каменни саркофага, е проучен и грунтов некропол с 26 гроба. В гроб № 20, отляво до поясната част на скелета, е открита част от сърмена тъкан (златни нишки)[21].

Тъй като реконструкцията на дрехи само по оскъдните останки от кожа, тъкан и орнаментални украсни елементи е изключително трудно, е прибегнато и до анализ на паметниците на изобразителното изкуство, представящи облекло или части от него. При използването им, обаче, винаги трябва да се има предвид известната условност на тези изображения, които, съобразени с господстващите типове художествени модели на своето време, най-често не отразяват обективно реалния комплекс дрехи на дадено общество. Не се отчитат обективно сезонните разлики в този комплекс и не се третират еднакво различните възрастови, социални и полови групи. Винаги е налице известна и много често, значителна стилизация на изображенията, която макар и полезна в отделни случаи, най-често затруднява трактовката на изображението. Схематичността на други изображения пък най-често не дава никаква възможност за детайлна реконструкция на костюма и води до грешки при подобни опити.

Изображенията, даващи представа за облеклото от периода на Първото царство, са ограничени и могат да бъдат сведени до широко известните и често ползвани такива, като:

Мадарският конник **(ил. 1)**, при който за безспорна може да се смята само дрехата с широки разкроени поли с дължина до коленете;

Известната миниатюра с избиването на 15-те тивериопулски мъченици от Менология на император Василий II **(ил. 2)**, на която се виждат: тесни горни дрехи, вероятно от полихромна коприна, със сцепени отстрани и разкроени поли; калпак с кожена околожка, подобно на тази върху монохромния кафтан; тесни бели гащи; черни ниски обувки и тесен черен колан, украсен с кръгли метални апликации;

Някои миниатюри от Мадридския препис на хрониката на Йоан Скилица **(ил. 3)**, където са изобразени различни сюжети, свързани с българската история, в които виждаме: туникообразни облекла, някои с необичайно дълги ръкави, а други със сцепени отстрани поли; украсени с линейна и точкова украса гащи, затъкнати в ниски ботуши; различни видове шапки, а също и високи черни ботуши. В образа на кан Омуртаг може да бъде открита и запазената традиция за украсяване на горната дреха с жгути (хоризонтални декоративни полоси, разположени симетрично от двете страни на предната част на връхната дреха, изработвани от вълна, коприна или златоткан галон, обикновено в цвят, различен от основния на облеклото) на гърдите, макар и в някои случаи дрехата да е от типа на туниките.

Хрониката на Скилица, макар и по-късен от интересуващия ни период паметник, изобразява и персонажи от Първото българско царство и може да бъде приета за достоверен източник за облеклото, най-вече заради съвпадението на много от изобразените в нея облекла и елементи от тях, с такива в по-ранни паметници. Това говори или за добра осведоменост на художника, или за устойчиви модели в българския костюм, които, макар и видоизменени, все още продължават да съществуват, и това всъщност никак не е изключено. Като единствена иновация в представените български костюми може да се посочат т. нар. „златни обтоки“ по дрехите, появили се като елемент от облеклото едва в края на XII–XIII век.

Освен тези общоизвестни и често ползвани като илюстративен материал изображения, тук привличаме и някои по-рядко използвани. Това са:

Една миниатюра от Скилица, изобразяваща борбата на император Василий I Македонец с българина **(ил. 3 д)**, на която неизвестно защо досега не е обърнато внимание и в която почти дословно е повторен силуетът и особеностите на „кожения“ кафтан от Менология на Василий II;

Плочката от Евксиноград **(ил. 4)**[22]. За този паметник Д. И. Димитров[23], а също и Р. Рашев[24] изказват съмнения относно това, че се отнася към времето на Първото българско царство заради малките размери на плочката, напомнящи на късноантичните такива плочки. За разлика от късноантичните плочки, при които релефът задължително е обрамчен с по-висока рамка, тук такава не може да бъде открита. Освен това, този тип облекло с традиционното за иранските народи ляво закопчаване и характерните редове от жгути на гърдите, по никакъв начин не може да бъде свързан с облеклото, носено по тези земи през късната Античност. Същото се отнася и за плитката на младия воин.

Миниатюрата на семейството на княз „Светослав“ от Симеоновия (Светославов) сборник **(ил. 5)**. Предвид несъмнената принадлежност на прототипа на сборника на личната библиотека на цар Симеон, е трудно да се усъмним, че на въпросната миниатюра не е представено българско болярско, ако не и самото царско семейство от началото на X век. На това изображение виждаме една необичайна форма на шапката и характерното за българите плътно затваряне на горната дреха и закопчаване на гърдите с няколко реда жгути. Тук вече е налице една значително удължена дреха, вероятно използвана като връхна и представителна в костюмния комплекс на българите, а също и колан със странични висящи ремъци, една архаична черта в костюма, която няма паралели в X век. Последният елемент от мъжкото облекло в миниатюрата твърдо я определя към по-ранно време и в никакъв случай не дава възможност за отнасянето й към X век, още по-малко – към втората половина на XI век, когато се датира сборникът в рускоезичната литература.

Тук ще добавим и изображението на воин върху костено рогче, произхождащо от средновековното селище при с. Хърлец, Северозападна България **(ил. 6)** с характерния силует и детайли на дълга туника или кафтан от костюма на средноазиатските народи и Сасанидска Персия, а също и някои рисунки-графити, които по някакъв начин биха способствали при изясняването на детайлите от средновековния български костюм. На първо място в тази група може да бъде поставена една рисунка-графит, представяща двубой между конен и пеши воини, произхождаща от Преслав **(ил. 7 а)**[25].

Към рисунките-графити, представящи части от облеклото, трябва се отнесат и големият брой графити, изобразяващи ботуши **(ил. 7 б)**[26].

Привличането на наличните сведения от писмени източници също е много необходимо при изучаването на облеклото, тъй като информацията от подобен характер е достатъчно конкретна и обективна и най-често намира пълно потвърждение в археологическите находки и художествените изображения. Тези сведения обаче могат да бъдат ползвани само като спомагателен източник, поради своята слаба описателност и откъслечност. Тук данните са сравнително по-многобройни.

Особено важен източник от X век, отнасящ се за облеклото на българите през Първото българско царство е Свидас лексикон, където е обяснено как българите приели носията на аварите[27]. Това сведение може да се тълкува като заимстване на някои елементи от аварското облекло, практични решения в кройката, свързани с иновациите във военното дело и нови форми и методи на орнаментална украса в текстила и художествения метал[28]. Те от своя страна са се различавали само до известна степен от собствено българските. Приемането и носенето на „чужд“ тип дреха не може да се смята за изключение и е свързано със сложните и динамични механизми на разпространение на костюмната мода, особено сред народите на Евразия[29]. Красноречиви примери в това отношение са и „готската“ и „хунска“ мода, наложили се в Константинопол през V–VI век.

След сведението за заимстваното от аварите облекло, в Свидас лексикон се говори и за подарените от император Юстиниан II копринени платове на кан Тервел[30]. Това показва, че един от пътищата за внос на скъпи платове в Първото българско царство, ако не и най-важният, е Византия. Въпросният внос на платове от Византия се потвърждава и в договора между България и Византия от 716 година, очертаващ границите в Тракия и регламентиращ ежегодните дарове за българите в „*...одежди и червени кожи, на стойност до 30 литри злато*“[31]. Тези сведения пряко се свързват и с обичайната за Северен Кавказ и аланите практика на внос на тъкани и готови изделия, задоволяващи почти изцяло нуждите от такива на елитарно ниво[32].

„*Отговорите на папа Николай I по допитванията на българите*“ също съдържат немалко сведения за облеклото на българите. Тъй като отговорите имат конкретно битов характер, могат да бъдат приети като изключително полезен източник, на който може да се доверим безрезервно. Там могат да бъдат открити доста подробни сведения за това, какво носят на главите си мъжете и жените, за мъжкия колан, за панталоните, носени от мъже и жени и т.н.[33]

В един доклад на кремонския епископ Лиутпранд до германския император Отон I (936–973) се казва: „*Той очевидно за да ме унижи …постави пред мене ...българския пратеник, който беше остриган по унгарски обичай, беше препасан с медна верижка и правеше впечатление на оглашен*“[34]. Подобно оскърбително описание на българския пратеник у Лиутпранд е разбираемо, тъй като кремонският епископ е пренебрегнат, именно за сметка на българския пратеник, а и във всеки свой неуспех той вижда българска намеса. Думите на куропалата Лъв и първия сенатор Симеон, отправени в отговор на протеста на епископа, повтарят казаното от Лиутпранд[35].

Не така тенденциозно обаче е сведението за българите у арабския автор Ибрахим ибн-Якуб от 973 година: „*Аз не съм ходил в страната на българския цар, но аз видях неговите пратеници в град Марсенбург, при тяхното пристигане в двора на импера-*

тора Отона; те носеха тесни дрехи и бяха препасани с дълги пояси, върху които бяха пришити златни и сребърни копчета. Царят стои много високо; той носи на главата си корона…“[36].

В *Продължителят на Георги Монах* се говори за това, че след смъртта на цар Симеон, синовете му Иван и Вениамин (Боян) продължавали да носят българското си облекло: „*Месец май 17, българският княз Симеон почина, след като постави за княз своя син Петър… Иван и Вениамин, Петровите братя, още се красяха с български одежди…*“[37]. В обяснителните бележки към извора Г. Цанкова-Петкова пише, че това е реакция срещу въведеното по времето на цар Симеон в българския двор византийско облекло[38]. Явно е обаче, че цар Петър също носи български дрехи, защото 40 години по-късно пред българските пратеници в Константинопол император Никифор Фока го нарича „*...облечен в кожух кожогризец*“[39].

Че има разлика между българските национални дрехи и тези, носени във Византия, дори в края на X век, е добре видно и от това, че при бягството си от Константинопол през 976 г.[40], българският цар Борис II бил улучен със стрела от един българин, „*...защото бил облечен в ромейски дрехи*“[41].

Образът на мъжа воин в българската традиция

Основната фигура в обществото по това време – мъжът-воин, се формира в своята цялост, именно благодарение на костюмния комплекс, включващ в себе си облекло, аксесоари, воински символи и разбира се, въоръжение. На този етап и в рамките на настоящото изследване ще се спрем подробно само на облеклото или „носията“ на българина от периода на Първото българско царство.

За щастие, независимо от оскъдните, както се вижда, изходни материали, този образ може да бъде проследен благодарение на относителната еднаквост и устойчивост на материалната и художествена култура в огромното етнокултурно пространство на Евразия през периода VII–X век, а и не само там.

Обективните причини за тази еднаквост на материалната и художествена култура и оттам на евразийската мода[42], която съвсем не е условна, се крият в самия механизъм на връзките и разпространението на същата сред иранските и тюркски народи от степта, големите степни империи и техните културни съседи – държавите от Средна Азия, Китай, Сасанидски Иран и Византия[43].

От оцелелите и описани по-горе данни за българското облекло от периода VII–X век най-общо може да се приеме, че то включва следните елементи: калпак, горни дрехи от типа на кафтана, една или две туникобразни ризи, тесни гащи, колан и обувки или ботуши с различна височина.

Шапка и прическа

Носенето на кожен калпак от типа, който е представен на изображението от Менология на император Василий II **(ил. 2; табл. I–1)**, се смята толкова характерно за българите, че сякаш не подлежи на никакви разисквания. Въпреки това, в разглеждания период и в този си вид калпакът е нетипичен за други народи и негова единствена аналогия виждаме в една находка и то на детски калпак от Северен Кавказ[44]. Необичайният вид на калпака е свързан с околожката от агнешка кожа, поставена с вълната навън, елемент който неясно защо се смята за типичен за културния кръг на т. нар. „конни народи“, включващ хуни, авари, печенези и т. н., но при тях засега данни за такъв тип калпак не са известни. В случая обаче става въпрос за рядко срещан маниер на обкантване (или подплатяване

с обръщане на периферията) на широко разпространената сред народите на Евразия конусовидна шапка. Този необичаен, но явно характерен за българите похват, е използван и при украсата (или подплатяването) на дрехата на воина, носещ коментирания тип шапка. По подобен начин са обкантени и шапките на българите в една от миниатюрите на Скилица **(ил. 3; табл. I–2)**, но там те са със заоблено дъно, форма, типична за късносасанидската шапка – кулах (kulah)[45]. Във Византия източните сасанидски шапки, изработени от вълна или овча кожа, са известни като *pileus pannonicus* и са носени от воините. Наричали ги още *kamelaukion* или по старому *tiara* и някои от тях се носели и като подшлемник[46].

Доста интересни са и шапките на мъжете и момчето от миниатюрата на ктиторското семейство от Симеоновия сборник **(ил. 5; табл. I–3)**. Там се виждат два различни, но близки типа калпаци. При младите мъже калпакът е висок и окръглен и наподобява повече на ранносасанисдския кулах, познат и от византийската миниатюра, отразяваща провъзгласяването на Теофил за император през 829 година[47]. При главната мъжка фигура и момчето, калпаците са ниски и закръглени, по-близки до късносасанидските шапки **(ил. 5; табл. I–4)**. Освен това, под калпаците от изображението е увит някакъв вид превръзка или шал. Според „*Отговорите на папа Николай I по запитванията на българите*“, под калпака си българите са носели „*ленена повезка*“[48]. Точно такава повезка или превръзка вероятно представлява и показаното на тази миниатюра. По този начин откриваме съвпадение в информацията, която дават писмените и изобразителните източници и взаимно се допълват. Аналогии на тези ленени превръзки могат да бъдат открити в елементите от народния костюм, познати като „*подкапник*“, „*шал за глава*“ и „*кърпа за сянка и премяна*“[49] и само условно в някои средновековни миниатюри и каменни графити **(ил. 7 а; табл. I–5)**. Етнографският еквивалент на тази „повезка“ – подкапникът, се изработвал от червено вълнено сукно, бяла плъст, кече, бяла или бозава аба или агнешки кожички. През лятото можел да се носи самостоятелно, като младите момци добавяли отзад дълга украсена лента, подобна на женския косичник, явяващ се вероятен остатък от традицията на мъжките плитки. Подкапникът никога не се свалял, дори когато се спи[50]. Този факт от етнографската действителност може би обяснява смисъла на питането относно възможността мъжете да влизат в църква с покрита глава, което българите отправят до римския папа.

С някакъв вид „повезка“ – кожена превръзка или лента могат да бъдат свързани и останките от „дъбена кожа“, открити около главите на погребаните в гробове № 79 и 80 (при скелет № 14) от некропола при Кюлевча. А органичните останки при главата в гроб № 79 предполагат някакъв по-сложен вариант, предвид металните детайли, открити около нея (определени неправилно в публикацията като обеци)[51].

Шалът или кърпата като тип покривало за глава е известен още през V век във Византия и се наричал *phakeolis*. Той представлявал дълго и широко парче лен, което се увивало на главата, подобно на шлем с висящи краища. Използвал се за защита от атмосферните условия или като подшлемник, подкапник[52]. Вижда се и на много късносредновековни и ктиторски изображения, а в българската народна носия той често се е навивал и върху калпака[53], подобно на тюрбана или кавказкия бешмет[54]. В някои проучвания на хрониката на Скилица необичайните нагънати шапки върху главата на Омуртаг и на множество други български войни **(ил. 3 е; табл. I–6)** са тълкувани именно като тюрбан[55]. Предвид особеностите на някои от тези изображения, те успешно могат да бъдат изтълкувани и като ранна или стилизирана форма на „крилатите“ шапки-шлемове от късносредновековните стенописи по нашите земи **(ил. 3 е; табл. I–7)**. Това, разбира се, не изключва и двете възможности, които както е видно, отново от късносредновековните изображения, са съществували паралелно в един визуално близък вид **(табл. I–8, 9, 10)**.

Допускането, че „крилати“ шапки или тюрбани са се използвали и в периода VII–X век, може да бъде направено на база изображенията в хрониката на Скилица, независимо, че тя е от по-късния XII век. Тази хроника, макар и условно, изобразява именно ин-

тересуващия ни период, а в нея освен това има и други елементи от костюма, които вече със сигурност са характерни и за разглежданата от нас епоха. Това говори или за добра осведоменост на миниатюриста, или за все още битуващи устойчиви модели в българския костюм, което всъщност никак не е изключено.

Подобно на обичайната за иранските народи практика, при българите вероятно са битували паралелно няколко различни вида прически. В паметниците от различен род има информация за поне три такива, носени от Средновековието чак до етнографско време[56]. Това са: остригана или обръсната глава с една плитка[57] **(ил. 8 а; табл. I–11, 12)**, прическа, характерна според етнографските данни за XVIII–XIX век и за адигите и чеченците в Северен Кавказ[58]; сплетена в множество плитки коса, характерна и за аварите[59] **(табл. I–13)**, и подстригана, сравнително къса прическа, носена от всички ирански народи през различните епохи[60] и видна на византийските миниатюри, изобразяващи българи **(ил. 3, ил. 8 б, г; табл. I–14)**.

Представите за самата шапка като горен завършващ елемент на облеклото, прикриващ главата, „*съсъд на тялото*“ – символ на духовното и културно начало, са добре отразени в етнографските проучвания. Тези представи отвеждат отвъд утилитарната употреба на „българский кожен калпак“ и насочват към недопустимото за българина поведение да ходи гологлав[61].

Облекло за тялото

Долната дреха на българите от времето на Първото българско царство, която наричаме условно риза или туника, може да бъде видяна най-вече на изображенията от Хрониката на Скилица **(ил. 3; табл. I–15)**, а нейните първообрази могат да бъдат открити в неразтворените туникообразни дрехи на народите от Кавказ[62] и Византия[63], Сасанидска Персия и Средна Азия – Согд и Тохаристан[64].

Вероятно, особено в хладно време, са се носили два ката ризи – долната, с проста кройка, изработена от лен или ленено-конопена тъкан в естествен или избелен цвят, а горната, туникообразна, сравнително широка, свободна и с леко стеснени при китката ръкави, изработена от качествен лен и оцветена в ярки цветове. Именно с този тип облекло, направено от лен или смесени материи, могат да се свържат и находките от ленини тъкани и отпечатъците от такива, намирани в българските ранносредновековни некрополи, изброени по-горе. За цялостно изработване на тези дрехи или за обточване на полите, ръкавите и предната част широко се използвали и моно-, полихромна и златоткана коприна от китайски, согдийски, ирански и византийски произход[65]. Ръкавите на този тип дреха понякога са необичайно дълги. Носели се силно набрани и пристегнати в китките, традиция която може да бъде видяна още в сасанидския костюм[66], или свободно спуснати, при което ръцете не се виждали и се скръствали на гърдите в ритуална поза, модел който безспорно се е наложил и във византийския костюм и може да бъде видян на много изображения **(ил. 3; табл. I–16)**. Наследство от сасанидския костюм не само във Византия, но и в цяла Средна Азия са също разцепването на полите на туниката и богатото обточване по полите, ръкавите и яката с полихромна, монохриомна или златоткана коприна[67], последното от които присъства и в изображенията в Скилица, и в богато обточената дреха на воина от костеното рогче, намерено при Хърлец **(ил. 6, табл. I–17)**. Вертикалната или още Т-образна полоса, която украсява предницата на туниката или централния разрез, ако изображението е на кафтан, е особено характерна за облеклото в средноазиатските Согд и Тохаристан, а също и Византия, но произходът му може да бъде проследен през Сасанидите до най-старите форми на украса на този тип дреха, съществували още в Ахаменидска Персия[68]. Добре видна е тази украса при запазените находки от византийския град Антинополис, намиращ се в съвременен Египет **(ил.**

9 а). Предполага се, че по-голямата част от откритите типове туники – *tunika manicata* или *hiton cheiridoros, kamision, shitonikskos* и *himation,* са със сасанидски произход или поне са силно повлияни от тази мода[69]. Химатионът или *peristithidia* е прошита вълнена дреха, характерна за конниците и спомената в Стратегикона на Маврикий. Тя, вероятно, е заимствана във византийското облекло от перси или авари, а по-късно се превръща в традиционният за византийската върхушка скарамангий (*skaramangion*)[70].

Като втора туника, обличана върху долната риза, вероятно е използван и типът дреха, представен в Менология на император Василий II и при изображението на кан Омуртаг от хрониката на Скилица **(ил. 2; табл. I–15, 16)**. Отпред тази дреха има дълъг разрез, стигащ до пояса и се закопчава на гърдите с различен брой жгути от вълна или коприна, и копчета – съчетание което е характерно и за един вид сасанидска неразтворена туникообразна дреха[71] и съществува и до днес в кавказката носия[72]. При този тип туника, вероятно е запазено традиционното закопчаване на дрехи от типа на кафтана или наподобява такова под формата на украса и може да се предположи, че това е българският тип *химатион* или *скарамангий*, с който българските пратеници са влизали при тържествените церемонии в двореца на василевсите[73].

Полите на монохромната дреха на изобразения най-вляво български воин на миниатюрата от Менология, са оформени с полуовали със странични разрези, отново в сасанидски маниер **(ил. 2; табл. I–18)**. Подобен начин на оформление на полите се появил в Сасанидска Персия около IV век. Смята се, че е заимстван от източните римски провинции, където съществува още през I–III век, а особена популярност тази кройка добива през периода VI–VII век[74], което може би обяснява запазването ѝ в постсасанидско време в една консервативна и сравнително изолирана от корените си етнокултурна група, каквато представляват българите в този период.

Ризата, като основен елемент от облеклото, отговаря на всички изисквания за трудовата и воинска дейност на мъжа и е един от най-традиционните и непроменени във времето елементи на българския традиционен костюм – възприемана като личен дар от света на жените, социален код за раждане, благополучие и придобито богатство, който със своята богата украса се възприема като магическа защита срещу външния свят и като белег, отличаващ активния, силен и плодовит мъж-воин, от деца и старци. Ризата се носела освен като долна, и като горна, дори празнична дреха, през горещите сезони на годината. „*Кошули, спуснати над колене за премяна, превързани с пояс*“ могат да се смятат за отглас от тази традиция да се носи ризата и като горна дреха, както се вижда и в средновековните изображения[75].

Горната дреха, носена от българите в периода на Първото българско царство, е така наречения кафтан (*kurtak*). Такава дреха виждаме при мъжа, изобразен на плочката от Евксиноград **(ил. 4)**, при трима български воини в Менология на император Василий II **(ил. 2; табл. I–18, 19)** и при изображението на българина – съперник в борбата на бъдещия император Василий I, от хрониката на Скилица **(ил. 3 д; табл. I–21)**. Силуетът на кафтана се отличава с плътно прилепнала към тялото горна част, нешироки ръкави, стесняващи се в края, тясна талия и широки разкроени поли. Дължината му се колебае около коляното. Отворът на яката е нисък и кръгъл, а страните на кафтана се загръщат наляво и се закопчават с няколко реда копринени или вълнени жгути, с копчета поставени на покриващия горен (десен) борд на дрехата и с петлици на долния (ляв) борд. Характерното ляво закопчаване може да бъде видяно и при конника от рисунката-графит от Преслав, представяща двубой **(ил. 7 а)**. Характерен, виден при две от изображенията детайл, е обточването на полите, яката и страничните разрези на кафтана с кожена полоса, обърната с козината навън **(табл. I–18, 21)**. При дрехата на левия воин от Менология се виждат и хоризонтални ивици, които може да изобразяват прошиване на дрехата, което значи, че кожената украса всъщност е видимата част от подплата. В този случай липсата на сцепване на полите би трябвало да се отдаде на грешка на художника,

а дрехата да се приеме за кафтан. Потвърждение на изказаното предположение се явява дрехата от същия тип, която носи българинът-борец от миниатюрата в Скилица. Там, предният отвор стига до долния край на полите и недвусмислено сочи типа на дрехата. Особеното в това изображение е, че обточването с кожа е по отвора на цялата яка и на предния разрез и оформя споменатата характерна Т-образна украса. Същият тип украса, вероятно от многоцветна коприна, виждаме и върху подобната на кафтан дреха, изобразена на костното рогче от Хърлец. Върху дрехата на българина-борец в Скилица липсват жгути или поне представянето им е неубедително, съвсем схематично и в бяло, подобно на кожения кант по отвора.

Ако се обърнем към запазените находки на кафтани от Мошчевая Балка – Северен Кавказ **(ил. 9 б, в, г)**[76], ще видим че те условно могат да се разделят на долни и горни. Долният кафтан при мъжете е най-разпространеното ежедневно облекло, носено целогодишно. Изработвал се от различна материя, най-често от ленена или смесена ленено-конопена тъкан, без подплата **(ил. 9 б)**, а при по-скъпите дрехи има и обточване с ленти от многоцветна коприна[77]. Силуетът му е аналогичен с този, носен от изобразените българи, но жгутите, изработени от сгънати на две ремъчки, са доста по-малко на брой (2–3), а застъпването на страните е по-дълбоко. Когато десният край на страните е по-голям и застъпва силно левия, то той преминава централната линия, загръщането е дълбоко, а мястото на самото закопчаване се пада леко вляво. Когато десният край стига до централната ос на тялото, както при изображенията на българи, закопчаването се пада точно в средата. В този случай вероятно е използвана кройката, подобно на етнографските кавказки „черкески“, които са близки до средновековните си първообрази[78]. При тях кройката изисква да има допълнителна планка на скрития ляв край на страните, която го разширява, остава под копчетата и скрива долната дреха. Понеже запасването е по-плитко, полите могат да се застъпят дълбоко само благодарение на поставените в двата им края триъгълни (разширяващи се надолу) планки[79].

Закопчаване, подобно на аланските кафтани, т. е. с малко на брой жгути, може да се предположи, че е било налично и при българските кафтани. За това говорят множеството находки на кухи метални копчета-сфери, намирани поединично или в малък брой в гръдната част на скелетите[80], а също и няколкото находки на метални закопчалки с издължена форма, откривани в старобългарските некрополи от езическия период като гробни или случайни находки[81]. Такива се откриват и в единичните могилни гробове от VI–VII век от южноруските степи, в областта между черепа и гръдния кош[82] и могат да бъдат свързани със закопчаването на някаква връхна дреха. Точно закопчалки на връхни дрехи са и техните етнографски аналози – т. нар. „овчарски копчета“, но те се изработват от нетраен материал – дърво, кожа или гайтан. Вероятно са съществували и такива копчета от органични материали, като част от облеклото на ранносредновековния българин, но поради характера на материала, от който са били изработени, е затруднено откриването им. Все пак, запазените кожени копчета от кожух в зидания гроб в църквата на „обект 31“ от Плиска, свидетелстват красноречиво за наличието на копчета от органични материи, и вероятно за големия брой такива копчета, не достигнали до нас.

Находките от представителни тъкани от некропола край Голямата базилика в Плиска могат да бъдат свързани с кафтани от посочения по-горе тип, като явно носилите ги приживе са се отличавали с висок ранг. Късият до бедрата кожух от често споменавания тук зидан гроб от църквата на „обект 31“ от Плиска, също може да се разглежда като разновидност на кафтана, на крайния ляв воин от Менология на император Василий II, но в случая явно ползван от цивилно или църковно лице[83].

Нямаме сведения за средновековното наименование на тази дреха в българския език, но тя може да се свърже, както със споменатия персийски или по-точно, партски термин *куртак*, така и с наименованията ѝ в кавказките езици, където на лакски тя се нарича *ккуртту,* на даргински – *минтана*[84], термини много близки по смисъл и значение

до българските *куртка* и *ментик*, назоваващи именно горна дълга и разкроена дреха – част от народната носия[85].

Горният кафтан е представителна връхна дреха[86]. Изображение на такъв се вижда на посочената миниатюра от Симеоновия сборник **(ил. 5; табл. I–22)**. При него са налице всички елементи, характерни и за по-късия долен кафтан, като плътно закопчаване на гърдите с няколко реда жгути, обточване на яката и долния край на полите, общият силует и препасването с апликиран кожен колан. Друго изображение, което би могло да се тълкува по подобен начин, е това върху костеното рогче от Хърлец, но само заради голямата дължина на облеклото на нарисувания коленичил воин. Липсата на странични разрези на полите го отнася по-скоро към типа на дългите представителни туники, познати от согдийското облекло.

Според находките от Северен Кавказ, горният кафтан обикновено е подплатена с кожа топла връхна дреха, която по етнографски паралели, освен през зимата, вероятно се е носела при всички официални случаи, дори и в най-горещото лятно време[87]. Тя е по-дълга, свободна и за разлика от долния алански кафтан има два странични разреза на полите. Изработена е изцяло от коприна или е обшита богато с такава. Характерна нейна особеност са широките обърнати ревери на яката. Този тип оформление на яката се появява през II–IV век при саките, населявали оазиса Хотан в Синцзян. През IV–VI век вариант с един обърнат ревер се възприема и разпространява от средноазиатските хионити и ефталити, а този, с два обърнати ревера, става типичен за етническите тюрки, които го налагат сред всички ранни тюркски народи на Евразия[88]. Находките от Северен Кавказ показват както тюркския вариант на тази дреха, изработен от едноцветна китайска коприна **(ил. 9 в)**[89], така също и постсасанидския вариант на този кафтан **(ил. 9 г)**[90], направен от многоцветна согдийска или византийска коприна, която според С. А. Яценко е чужда на тюркския естетически вкус[91].

Останките от кожух, открити в каменната гробница в църквата на „обект 31“ в Плиска, също може да бъде отнесен към дългата горна представителна дреха. Именно дългият кожух е един от най-характерните атрибути на възрожденските ни чорбаджии, а също и на руското дворянство от времето преди реформите на Петър I.

В съвременното етнографско облекло на кавказците дреха, изпълняваща посочените горе функции, е т. нар. *черкеска*, която на аргински, дербински и азерски езици носи името *чоха*, на кумикски *чепкен*, на ритулски *чокъай* и на андски *жухъа*[92] – думи, отново намиращи своите аналогии в българския език. Това са познатите от народната носия дълги топли горни дрехи – *долама* (голяма дреха), *кожух* (клинат кожух, бръченик), *чепкен* (силно разкроена горна дреха със сцепени ръкави) и още *сокай* (дреха), *чоха* (от скъп вълнен черен плат)[93].

Връхна дреха, подобна по силует и функции на персийския *кандис,* е отбелязана в Стратегикона на Маврикий. Тя е наречена *gounoberonikion* и представлява дълга дреха-наметало с широки ръкави, предпазваща конника, а също и оръжието му от атмосферните условия и вражеските стрели. Тя, вероятно, е носена разтворена или наметната, за да може да скрие дори и лъка на притежателя си. В текста на Стратегикона този тип дрехи е наречен още и „българско наметало“ *sagion*, използвано като походен плащ *sagion alhetinon* или по-точно кавалерийската му разновидност *sagulum,* който не се препоръчва за пехотата.

Подобни на горните са един вид връхни кавалерийски дрехи, намерени в византийския Антинополис (Горен Египет). Те са датирани в периода V–VII век и са считани за варианти на персийския кандис, появили се в Египет по време на кратковременната му персийска окупация като военни трофеи или с персийски наемници във византийската армия[94]. Това са сравнително груби, но леки дрехи с дължина около 130 см и с дълги около 110 см ръкави. Изработени са от прошит вълнен плат *kentouklon*. Краищата на ръкавите при някои са с високи маншети, изработени от кожа и обшити с

копринени конци или обточени с копринена тъкан[95], а при един екземпляр са сцепени под мишниците **(ил. 9 д)**, което позволява изваждането на ръцете, при обличане на дрехата, над въоръжението. Интересна особеност, нетипична за сасанидския кандис, е правоъгълното разширение на дясната страна, което позволява дрехата да се загърне на гърдите и да остане свободно отворена под кръста, вероятно над въоръжението.

Дрехите, наречени *gounoberonikion,* са типични представители на дрехите-наметала от типа на индоиранския кандис и поразително напомнят на късносредновековните връхни дрехи с дълги сцепени ръкави и наметнатите или облечени дълги разтворени такива от българските ктиторски портрети **(ил. 10 а, б)**. Техни наследници са наметките, характерни за края на XVIII–XIX век, наричани *гуни*, *клашници*, *опанджаци* и дългите разтворени и закопчавани само горе *долами* и *големи дрехи*, които често са с непривично дълги ръкави и се носят наметнати на раменете **(ил. 10 в, г, д, е)**[96].

Най-важен показател за статуса на българина в обществото през всички епохи е най-вече комплектността на неговия костюм, т. е. количеството самостоятелни елементи, които го формират в зависимост от йерархичния (възрастов и социален) статус на индивида. Съчетанието на различен брой горни дрехи, носени едновременно, е характерна черта, както е видно и при средновековния, и при българския етнографски костюм, а натрупването на дрехите една върху друга бележи израстването на мъжа и мястото му в обществената йерархия.

Коланът е един от най-често коментираните елементи от мъжкото облекло от времето на Първото българско царство[97]. Детайли от него са сред често откриваните находки в мъжките гробове в старобългарските некрополи от VII–X век. Поради обширността на темата за коланите в археологическата литература, отнасяща се за ранното Средновековие, тук ще бъде споменато само добре известното, че той е воинска и рангова инсигния, добре представяща социалния и обществения статус на носещия го[98], и че за разглеждания отрязък от време са характерни два основи типа колани – със странични ремъци (VI–IX век) и т. нар. „унгарски“ колан, при който странични ремъци липсват, но целият ремък е обкован с метални апликации (X–XI век), като това название е условно. Поради тези си специфики, коланът се оставя винаги да се вижда, т. е. над ката дрехи.

Споменатите два типа колани са известни от територията на Първото българско царство както от археологически находки[99], така и от разгледаните тук изображения. По този показател представените на две от използваните от нас миниатюри колани могат да бъдат отнесени към двата разглеждани типа. На миниатюрата от Симеоновия сборник е представен „съставен колан“ **(ил. 5; табл. I–22)**, а на миниатюрата с избиването на 15-те тивериопулски мъченици от Менология на император Василий II, българите носят колани без странични ремъци, но целите обковани с метални апликации **(ил. 2; табл. I–21)**.

Най-разпространеното наименование за тази част от мъжкото облекло в народната традиция е пояс и по рядко опас. Изработен от кожа с богата украса от пулове, той носи името ремък или ремен и е привилегия единствено на активния мъж, пълноправен член на обществото. В българския народен костюм тези традиции са отглас от старите вярвания за защитната сила на колана и атрибутите по него, и средновековна практика за носенето му като най-важна воинска инсигния[100].

С **плащ** е изобразена главната мъжка фигура от разглежданата миниатюра от Симеоновия сборник **(ил. 5)**. Типът на наметалото – закопчано с фибула, подсказва една рядка при средновековните българи традиция в обличането, характерна за Византия и наследена от Рим. Въз основа на това и на редкостта на изобразяване на персонажи с плащ, може да се предполага, че модата за носене на плащ е най-вероятно привнесена от Византия и е присъща за аристокрацията и в двете държави по това време.

Гащи

Гащите на българите, познати от средновековните изображения, се свеждат до един тип – с дълги до глезените и тесни крачоли. Те са едноцветни, предимно бели, червени и сини или украсени с линеен и точков орнамент в предната си, видна част **(ил. 3 а, б, в; табл. I–23–28)**. Археологическите находки показват, че най-често са носени пристегнати с обикновен колан без апликации, закопчан с проста тока от бронз или желязо[101].

Богатата украса на крачолите е широко разпространена сред иранските народи още от скитско и ахеменидско време[102], но в този си вид тя е най-близка до партския орнамент, който по-късно намира място в костюма на кушаните от Средна Азия и Сасанидски Иран[103]. В българския народен костюм гащите носят различни наименования: *гащи, беневреци, чешири, димии, опеняци, ногавици* и са най-категоричният знак за половата идентичност на мъжа[103]. Именно с новия мъжки статут (воински в древността), гащите се превръщали в основен социален знак, изразен с многообразието от украса по крачолите и най-вече по коленете, т. нар. *колчак*, особено значима част от мъжкото тяло[104].

В повечето случаи на средновековните миниатюри гащите са изобразени вкарани в ботушите, но в изображението от Менология тесните бели крачоли са свободно спуснати над ниската обувка **(ил. 2; табл. I–23)**. При тях важна особеност, освен белият цвят, е и разширеният, възможно, сцепен долен край на крачола, който до някаква степен напомня познатите от фолклорния костюм *пачи, пернати капаци, крила* – своеобразно оформление на долната част на гащите при младите мъже[105].

Връзката на тесните бели гащи *беневреци* с най-древните типове гащи, носени от българите, може да се смята за установена[106]. Техни предходници са запазените до най-ново време кожени *ногавици* и текстилните *дзиври*, закрепвани на кръста с ремъци и считани за преход към целите гащи от бяла вълна[107]. Средновековните изображения на гащи могат да показват както такива с отделни крачоли от типа на *ногавиците* или *дзиврите*, съчетани с широки къси гащи *димии*, така и цели гащи, наричани във Византия *anahyrides* или *sarabara*[108], като второто название е много близко до съвременната българска дума *шалвар* – облекло, удобно и привично за носене от конници. Двата споменати тук типа гащи се използват от индоиранските народи, населявали Северното Черноморие и Северен Кавказ **(ил. 9 е, ж)**[109] и са вероятни и за българите.

Свързан с характерните за Северен Кавказ гащи в българския етнографски костюм е, може би, обичаят да се носят долни или вътрешни гащи, изработени от лен, коноп или литоткана вълна и горни гащи от тепана вълна, носени върху вътрешните през зимата или на празник[110].

Обувани за пръв път в детска възраст (около седем години, с началото на трудовата дейност), гащите били символ на момчето, което ще се бори, за да се превърне в мъж[111].

Обувки

Според запазените средновековни изображения, българите от периода на Първото българско царство са носили поне три вида обувки. Първите са ниски ботуши, известни във Византия като *calcei*[112], носени в хрониката на Скилица, от обкръжението на кан Омуртаг и от него самия **(ил. 3)**. На едно от изображенията на кан Омуртаг в хрониката, може да се допусне носенето на червено-пурпурни ботуши от този тип – знак на владетелско достойнство, и известни във Византия като *tzanca, tzaggia* **(ил. 3 в)**[113]. Този тип мека обувка е познат по нашите земи единствено от изображения, но като тип, поради лесния си начин на изработка, вероятно е бил широко разпространен и ползван от първите векове след Христа в цялата Римска империя **(ил. 9 з)**, Персия, а така също и далеч на север[114]. Една находка от последните години от некропола на Верхний Салтов може да бъде свързана с този тип ниски ботуши. При изследването на този катакомбен некропол

през 1996 година, в катакомба № 22 е открита почти запазена филцово-кожена обувка **(ил. 9 к)**[115].

Изображенията на ниски ботуши са несигурни и могат да бъдат изтълкувани и като обувки, над които има ниски вълнени или кожени гамаши без ходило в същия цвят (бълг. *калци*). Това не е невъзможно, като се има предвид, че вълнените калци без ходило от народния костюм често са с удължение (бълг. *пачи*) в долната си част[116], каквото се вижда и на средновековните изображения **(ил. 3, табл. I–29, 31–33)**.

Друго изображение от същата хроника показва воин, обут във високи черни кавалерийски ботуши **(ил. 3 б; табл. I–34)**, наричани във Византия *calceus ecuestres* или *melantpedila*[117]. В хрониката на Скилица с такива ботуши са обути и много от воините на кан Омуртаг и цар Самуил, а също и пратениците на цар Симеон **(ил. 3 б, в, г)**.

Високите ботуши с триъгълен наколенник са често срещана рисунка-графит от времето на Първото българско царство **(ил. 7 б; табл. I–35)**. Такива графити са откривани както на територията на столиците Плиска и Преслав, така и на много други места, но също датиращи от разглеждания период[118]. Типът е познат и широко разпространен през ранното Средновековие. Екземпляри на такива са открити в т. нар. „Гробище на конниците“ в Антинополис и се отнасят към VI–VII век **(ил. 9 и)**[119]. Такъв богато украсен ботуш, на който горната триъгълна част е обшита с тъкан, е открит и в ранносредновековния алански катакомбен некропол Хасаут, намиращ се близо до град Кисловодск **(ил. 9 й)**[120]. При този тип ботуш находките показват, че е бил с гладка подметка, без ток.

Произходът на черните ботуши с триъгълен наколенник С. А. Яценко свързва с етническите тюрки, като според него, това е древна централно-азиатска традиция, водеща началото си от бронзовата епоха[121], но споменатите находки от Антинополис дават възможност донасянето им в Европа и последвалото им разпространение да бъде свързано с аварите.

Като отглас от тази традиция на носене на високи ботуши с триъгълен наколенник в българското етнографско облекло могат да се разглеждат белите вълнени ботуши (бълг. *калцуни*) с богато украсени триъгълни наколенници, наричани още *тозлуци* или *накичени калцуни* и носени изключително от младите мъже в разцвета на силите им[122]. Калцуните, по начина си на изработка и по материала, от който са направени, могат да бъдат свързани и със споменатата обувка, открита във Верхний Салтов. Високи и подобни на *калцуни* ботуши, изработени от жълта кожа, наричани *мести*, са се носили до 30-те години на XIX век от мъжете в гр. Сливен и са описани от д-р И. Селимински в неговите спомени[123]. Те са се носили като представителни обувки вкъщи, а при излизане навън или при лошо време, върху тях, подобно на вълнените тъкани или валяни *калци*, се обували и други кожени ниски обувки – практика също позната в Кавказ[124].

Археологическите свидетелства, от своя страна, дават данни за два типа обувки по отношение на подметката, употребявани от мъжете през разглеждания период – с мека и с твърда подметка. Същото разделение на два типа обувки, по отношение на типа подметка, е добре засвидетелстван и на базата на находките от стремена, при които е видна разликата между тези с окръглена и тези с плоска подножка, а също е и ясно видима и разликата в големината[125], съответно ползвани с обувки с мека и с твърда подметка. Явно с появата си на територията на Първото българско царство, шпорите също са се ползвали задължително в комбинация с обувка с твърда подметка. За това свидетелстват находките на шпори от масовия гроб № 80 от старобългарския езически некропол край Кюлевча. Там, в краката на двата скелета, погребани със шпори, съответно номера 3 и 5, са открити остатъци от гьон, свидетелстващ за наличието на дебела подметка. С обувки с такава подметка от гьон е бил и погребаният в гроб № 84[126].

По-трудно уловими остават следите от обувки с мека подметка, поради нетрайността на материала, но явно преобладаващата част от населението носи именно такъв тип обувки, заради лесния им начин на направа. На първо място може да се предполага използването на

познатите и често употребявани в народното облекло цървули. Те се изработват от животинска кожа без много допълнителна обработка и са точно тип „мека“ обувка. Поради спецификите на кожата и липсата на метални детайли по тях, те са археологически трудно откриваеми. Присъствие и употреба на обувка от този тип през ранното Средновековие може да се предположи и на базата на многократно цитираната тук миниатюра от Менология на император Василий II, където някои от вече посечените и паднали мъченици за вярата, имат омотани около прасците си нещо от типа на навуща **(ил. 2)**.

Споменатото народно наименование на меките кожени ботуши в българския костюм – *мести* идва от древноиранска дума със значение на „овца“. Със същата дума (*меси, мес, мест, маис, махси*) се наричат меките кожени ботуши-чорапи у всички кавказки народи и дори при средноазиатските таджики (*махси*)[127].

В края на настоящото изследване показваме и една графична реконструкция на вероятния вид на български благородник от времето на Първото българско царство, представляващ обобщение на част от представените в текста наблюдения **(ил. 11)**.

* * *

Разгледаните множество примери от археологическо и изобразително естество в контекста на находките от съседни държави или родствени племена, дават една доста по-цялостна представа за облика на мъжкия костюм от времето на Първото българско царство. Приведените примери от фолклорното облекло показват, че на ниво функции и семантическа натовареност, българското облекло остава консервативно и непроменено през този дълъг период от време.

Представените примери на сходно назоваване на един и същ тип облекло у българите и у кавказките народи показва по недвусмислен начин връзката помежду им и посочва един от възможните пътища за търсене на миналото на българския народ.

[1] За това вж. сб.: Мадарският конник (проучвания върху надписите и релефа). С., 1956, 5–36, 115–166.

[2] *Фехер, Г.* Ролята и културата на прабългарите. С., 1997 (фототипно издание); Облеклото и оръжието на старата българска войска. Военното дело на прабългарите. С., 2000.

[3] *Ивановъ, Й.* Облеклото у старите българи. – Родина, 1941, III, кн. 3, 5–12.

[4] *Станчев, Ст., Иванов, Ст.* Некрополът до Нови Пазар. С., 1958, 18–23.

[5] *Наследникова, В.* История на българския костюм. С., 1974; Нейна е и частта за облеклото в излязлата няколко години по-късно История на българското изобразително изкуство. С., 1976, 138–141.

[6] *Чокоев, Ив.* Текстил от средновековни археологически обекти в България. Велико Търново, 2007.

[7] *Чокоев, Ив.* Към въпроса за облеклото от времето на Първото българско царство. – В: Studia protobulgarica et mediaevalia europensia. В чест на проф. Веселин Бешевлиев. С., 2003, 248–255.

[8] *Яценко, С. А.* Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М., 2006, с. 24, бел. 39.

[9] *Станчев, Ст., Иванов, Ст.* Цит. съч., с. 18.

[10] *Въжарова, Ж.* Славяни и прабългари по данни на некрополите от VI–XI в. на територията на България. С., 1976, с. 108, обр. 61/4.

[11] Пак там, с. 110, 112, ил. 64/6а-в.

[12] Пак там, с. 137.

[13] Пак там, с. 128.

[14] Пак там, с. 117, ил. 69/4 .

[15] Пак там, с. 125, 127, обр. 76/1а,б.

[16] Пак там, с. 136.

[17] *Михайлов, Ст.* Разкопки в Плиска през 1959–1961 г. – ИАИ, XXVI, 1963, 24–30; *Въжарова, Ж.* Цит. съч., с. 339, 400; Текстът в Ж. Въжарова, отнасящ се за тази изключително важна находка е много объркан: посочено е, че произхожда от некропол Плиска-5, но в текста такъв липсва.

[18] *Михайлов, Ст.* Каменните саркофази до Голямата базилика в Плиска. – Плиска–Преслав. Т. 1. С., 1979, с. 57, ил. 41, 58.

[19] Пак там, с. 57, ил. 40, 58.

[20] Пак там, с. 58.

[21] *Въжарова, Ж.* Некрополът до Голямата базилика в Плиска. – В: Плиска–Преслав. Т. 1. С., 1979, с. 79, ил. 14.

[22] За възможността да работим с този паметник и да представим тук негови фотографии изказваме нашата благодарност на ст. н. с. В. Плентьов – директор на РИМ-Варна и Ст. Лазаренко – завеждаща фонд „Средновековна археология“ в РИМ-Варна. Плочката е донесена в музея през 80-те години на XX век от сегашната резиденция „Евксиноград“. По страничните страни на плочката има запазени следи от съвременен цимент и бял хоросан, които говорят, че тя на два пъти е била вграждана в различни строежи. Размерите й са: дължина – 35,5 см, ширина: в горната част – 21 см, в долната част – 15 см; дебелина (без релефа) – 5,5 см; на релефа – 1,3–2,4 см. Изработена е от бял мрамор.

[23] *Димитров, Д. И.* Прабългарите в Северното и Западното Черноморие. Варна, 1987, с. 241 вляво, 255.

[24] *Рашев, Р.* Съмнителни и недостоверни паметници на прабългарската култура. – В: Studia protobulgarica et mediaevalia europensia. В чест на проф. Веселин Бешевлиев. С., 2003, с. 161; Българската езическа култура VII–IX в. С., 2008, с. 220.

[25] *Рашев, Р.* Цит. съч., табло CXXXVII/2.

[26] *Овчаров, Д.* За съдържанието на един български ранносредновековен символ. – В: Българско Средновековие. Българо-съветски сборник в чест на 70-годишнината на проф. Иван Дуйчев. С., 1980, 294–299.

[27] ГИБИ, V (Свидас лексикон), 309–310.

[28] Сведения за това какво представлява облеклото на аварите през VII век можем да добием от Стратегикона на Маврикий, където освен за начина на воюване и за снаряжението на аварите, на доста места се говори за това, че и византийската конница трябва да следва техния образец облекло, което е доста детайлно описано. – Вж. ГИБИ, II (Псевдомаврикий), 273–290 .

[29] *Яценко, С. А.* Указ. соч., с.279.

[30] ГИБИ, V (Свидас лексикон), 309–310.

[31] ГИБИ, III (Теофан Изповедник), с. 285.

[32] *Орфинская, О. В.* Аланский костюм VIII–IX вв. (по материалам из скальных могильников Карачаево-Черкессии). – В: Культуры евразийских степей второй половины I-го тысячелетия н. э. (из истории костюма). Т. 1. Самара, 2001, 106–122.

[33] ЛИБИ, II (Отговорите на папа Николай), 65–125.

[34] ЛИБИ, II (Лиутпранд), с. 326.

[35] Пак там, с. 327.

[36] *Ивановъ, Й.* Цит. съч., с. 6.

[37] ГИБИ, VI (Продължителят на Георги Монах), с. 150.

[38] Пак там, с. 150, бел. 6.

[39] ГИБИ, V (Лъв Дякон), с. 247.

[40] *История на България*. Т. 2. С., 1981, с. 403.

[41] ГИБИ, VI (Скилица-Кедрин), с. 275.

[42] *Сташенков, Д. А.* Евразийская мода в епоху раннего Средновековия (к постановке проблемы). – В:Ултуры евразийских степей второй половины I тыс. н. е. (вопросы хронологии). Самара, 1998, 213–231.

[43] *Яценко, С. А.* О некоторых вопросах изучения „археологичекого“ костюма. Механизмы костюмных связей народов Великой Степи. – В: Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). Самара, 2001, с. 4.

[44] *Доде, З. В.* Средневековый костюм народов Северного Кавказа. М., 2001, с. 33, рис. 27.

[45] *Яценко, С. А.* Костюм древней Евразии .., 230–231.

[46] *D'Amatto, R., Sumner, Gr.* Roman Military Clothing (3) AD 400-640. Men-At-Arms. № 425. Oxford, 2005, p. 23.

[47] *Яценко, С. А.* Указ. соч., с. 293.

[48] ЛИБИ, II (Отговорите на папа Николай), с. 107 (отговор LXVI).

[49] *Ганева, Р.* Знаците на българското традиционно облекло. С., 2003, с. 246.

[50] Пак там, с. 245.

[51] *Въжарова, Ж.* Славяни и прабългари..., с. 125, 127, ил. 76/1а,б.

[52] *D'Amatto, R., Sumner, Gr.* Op. cit., p. 23.

[53] *Ганева, Р.* Цит. съч., с. 244.

[54] *Гаджиева, С. Ш.* Одежда народов Дагестана. М., 1981, с. 50; *Студенецкая, Е. Н.* Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М., 1989, с. 37.

[55] *Hoffmeyer, A. B.* Military Equipment in the Byzantine manuscript of Scylitzes in Biblioteca Nacional in Madrid. Figures. Granada, 1976, fig.13/1-5, 10.

[56] *Ганева, Р*. Цит. съч., с. 238.

[57] *Петров, П., Гюзелев, В.* Христоматия по история на България. Т 1. С., 1978, с. 87.

[58] *Студенецкая, Е. Н.* Указ. соч., с. 37.

[59] *Агатий Миринейски*. История. I, 3; *Andrasi, J.* Avar kori varkocsszorítók. – Arheologiai Értesítő, 123–124, 1996–1997, 85–123.

[60] *Яценко, С. А.* Указ. соч., с. 222, 240, 265; рис. 158, 181, 189.

[61] *Ганева, Р.* Цит. съч., с. 237.

[62] *Йерусалимская, А. А.* Кавказ на шелковом пути. СПб. 1992, схема 5; *Доде, З. В.* Указ. соч., с. 29, рис. 23.

[63] *D'Amatto, R., Sumner, Gr.* Op. cit., p. 8, 10 долу .

[64] *Яценко, С. А.* Указ. соч., с. 217, рис.158/27, 32

[65] *Чокоев, Ив.* Цит. съч., 253–254.

[66] *Яценко, С. А.* Указ. соч., 216–217.

[67] Там же, 294–295.

[68] Там же, с. 44, 225, 315*; Яценко, С. А.* Древние тюрки: костюм на разноцветных изображениях. – http://turklib.ru/?category=general_history-art-science&altname=drevnie_tyurki_kostyum_na_raznocvetnyh_izobrazheniyah_-_2007.

[69] *D'Amatto, R., Sumner, Gr.* Op. cit., 7-14.

[70] Ibid., 7-14.

[71] *Яценко, С. А.* Костюм древней Евразии.., с. 217, рис. 158/ 15.

[72] *Гаджиева, С. Ш.* Указ. соч., с. 39.

[73] ГИБИ, IV (Клиторологий на Филотей), 121–129; ГИБИ, VI (Константин Багрянородни – За церемониите), 223–229.

[74] *Яценко, С. А.* Указ. соч., с. 215, рис. 157/40–41; 163 рис. 158/14, 22, 25–25а.

[75] *Ганева, Р*. Цит. съч., 169–170.

[76] *Йерусалимская, А. А.* Указ. соч., 14–16; *Доде З. В.* Указ соч., 37–38; *Йерусалимская, А. А.* Некоторые вопросы изучения раннесредневекового костюма (по материалам анализа одежды адыго-аланских племен VIII–IX вв.). – В: Культуры евразийских степей второй половиный I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Том I. Самара, 2001, 87–97 и рис. 1, 4, 5

[77] *Йерусалимская, А. А.* Кавказ на шелковом пути.., 10–15, схема 1/а,б,в; *Доде, З. В.* Там же, 41–43.

[78] *Доде, З. В.* Там же, с. 14, рис. 3

[79] *Гаджиева, С. Ш.* Указ. соч., 40–41.

[80] За такава находка на копчета в гръдната област на скелета вж.: *Рашев*, *Р.* Праболгары на юго-западной окраине Евразийской степи. – В: Археология Евразийских степей. 1. Средневековая археология Евразийских степей. Казань, 2007, рис. 13.; *Даскалов, М., Тонкова, М.* Ранносредновековен колективен гроб със сребърни коланни гарнитури от Гледачево, Радневско. – Археология, 51, 2010, кн. 3–4 (под печат).

[81] *Fiedler, U.* Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau. Teil 1. Bonn, 1992, S. 205, Abb. 47.

[82] За находките от този тип вж.: *Рашев, Р.* Прабългарите през V–VII век. Велико Търново, 2007, табл. 15/ 32 (Бережновка I, 111/1), табл. 20/ 10 (Виноградное, могила 5), табл. 95/ 20–22.

[83] *Михайлов, С. Т.* Разкопки в Плиска..., 28–29.

[84] *Гаджиева, С. Ш.* Указ. соч., с. 38.

[85] *Ганева, Р.* Цит. съч., с. 191.

[86] *Йерусалимская, А. А.* Указ. соч., 11–15; *Knauer, E. R.* A Man's Caftan and Leggings from the North Caucasus of the Eighth to Tenth Century. – Metropolitan Museum Journal, Vol. 36, (2001), 125-154. http://www.jstor.org/stable/1513059.

[87] *Ганева, Р*. Цит. съч., 192–194, 203–206.

[88] *Яценко, С. А.* Указ. соч., с. 269.

[89] *Knauer, E. R.* Op. cit.

[90] *Йерусалимская, А. А.* Указ. соч., с. 8, 13–14, кат. № 1–3

[91] *Яценко, С. А.* Указ. соч., рис. 8.

[92] *Гаджиева ,С. Ш.* Указ. соч., 40–41.

[93] *Ганева, Р.* Цит. съч.,192–194, 203–206.

[94] *Яценко, С. А.* Указ. соч., 294–295.

[95] *D'Amatto, R., Sumner, Gr.* Op. cit., 13-14.

[96] *Ганева, Р.* Цит. съч., сн. с. 202 и 203–210.

[97] По-нов преглед на литературата по проблема: *Рашев, Р.* Българската езическа култура.., 156–163.

[98] *Laszlo, Dy.* Der Gürtel als Würdezeichen in der Awarenzeit. – In: Плиска–Преслав. Т. 3. С., 1981, 93–95.

[99] За това вж., напр., най-новите публикации по темата: *Тотев, Б., Пелевина, О.* „Находките" от Велино и Златари и аристократическите гробове на дунавските българи. – Археология, 51, 2010, кн. 3–4 (под печат); *Даскалов, М., Тонкова, М.* Цит. съч.

[100] *Ганева, Р.* Цит. съч., 216

[101] Този тип находки са едни от най-често срещаните в мъжките гробове на ранносредновековните ни некрополи. За това вж.: *Станчев, Ст., Иванов, Ст.* Цит**.** съч., *Въжарова, Ж***.** Цит. съч.

[102] *Яценко, С. А.* Указ. соч., с. 291.

[103] *Ганева, Р*. Цит. съч., с. 179.

[104] Пак там, с. 181.

[105] Пак там, с. 182.

[106] Пак там, с. 183.

[107] Пак там, с. 184.

[108] *D'Amatto, R., Sumner, Gr.* Op. cit., 18-19.

[109] *Доде, З. В.* Указ. соч., с. 17 и рис. 10, ил. 1

[110] *Ганева Р.* Цит. съч., с. 185

[111] *Ганева Р.* Цит. съч.,180–182.

[112] *D'Amatto, R., Sumner, Gr.* Op. cit., 20-21.

[113] Ibid., 20-21.

[114] *Goldman N.* Roman Footwear. – In: The World of roman Costume. (Ed. By Judith Lynn Sebesta and Larissa Bonfante). University of Wisconsin Press. 1994, 101-129; *Groenman-van Waateringe W.* Die Leberfunde von Haithabu. Neumünster. 1984.

[115] *Колода, В. В.* Исследования в Верхнем Салтове в 1996 году. – Восточноевропейский археологический журнал. 2001, 5 (12), сент.-окт. – http://archaeology.kiev.ua/journal/050901/koloda.htm.

[116] *Ганева Р.* Цит. съч., с. 225.

[117] *D'Amatto, R., Sumner, Gr.* Op. cit., 20-21.

[118] *Овчаров, Д.* Цит. съч.

[119] *D'Amatto, R., Sumner, Gr.* Op. cit., 20-21.

[120] *Рунич, А. П.* Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска. – Советская археология, 1971, № 2, 174–175, рис. 6.

[121] *Яценко, С. А.* Древние тюрки..,

[122] *Ганева, Р.* Цит. съч., с. 228.

[123] *Табаков, С*. Опит за история на град Сливен. Т. 1: Сливен и Сливенско до началото на XIX в. С., 1986.

[124] *Студенецкая, Е. Н***.** Указ. соч., 88–89.

[125] За находките на стремена от територията на България вж.: *Йотов, В.* Въоръжението и снаряжението от българското Средновековие (VII–XI в.). Велико Търново, 2004, 139–160.

[126] *Въжарова, Ж.* Цит. съч., с. 136.

[127] *Студенецкая, Е. Н.* Указ. соч., 88–89.

УДК 94(100)«03/06»:355.3

РОЛЯТА НА MAGISTERII MILITUM ВЪВ ВОЕННАТА ОРГАНИЗАЦИЯ НА РАННА ВИЗАНТИЯ

Ж. Ж. Жеков

***Жеков Живко Ж.* Роль magisterii militum у військовій організації ранньої Візантії**

У статті йдеться про створення, розвиток і значення magisterii militum у ранньовізантійському війську IV–VII ст. Важливість цієї життєздатної структури підтверджується тим фактом, що у VII ст., після перемоги над персами, імператор Іраклій (610–641 рр.) започаткував відновлення старих імперських структур. Саме на основі вцілілих маґістеріум мілітум виникли перші феми.

Ключові слова: Візантія, військо, організація, структура, magisterium militum.

***Жеков Живко Ж.* Роль magisterii militum в военной организации ранней Византии**

В статье идет речь о создании, развитии и значении magisterii militum в ранневизантийской армии IV–VII вв. Важность этой жизнеспособной структуры подтверждается тем фактом, что в VII в., после победы над персами, император Ираклий (610–641 гг.) начал возобновление старых имперских структур. Именно на основе уцелевших магистериум милитум возникли первые фемы.

Ключевые слова: Византия, армия, организация, структура, magisterium militum.

***Zhekov Zivko J.* The role of magisterii militum in the military organization of early Byzantium**

The article deals with the creation, development and significance of the magisterii militum in the early Byzantine Army IV-VII centuries. Importance of a viable structure is confirmed by the fact that in VII century, after the victory over the Persians, the emperor Heraclius (610-641) began the resumption of the old imperial structures. The first femy were based on the magisterium militum.

Keywords: Byzantine Empire, the army, organization, structure, magisterium militum.

Магистериумите милитум се появяват през IV в. и през следващите столетия се превръщат в основните военно-оперативни райони в Източната Римска Империя. През VII в. на база на войските на оцелелите магистериуми милитум, се появяват първите теми. Проблемите, свързани с формирането на магистериумите милитум и тяхното развитие в периода IV–VII в. са получили в различна степен своето решение в историографията, но съществуват и редица спорни въпроси, свързани с тях. Един от проблемите, който почти не е разработван във връзка с магистериумите милитум, е ролята на magisterii militum за тяхното развитие. В настоящото изследване ще се опитаме да поставим някои въпроси относно ролята на отделни магистри милитум за развитието на военната организация на Ранна Византия, без, разбира се, да претендираме за изчерпателност и окончателно решаване на така формулираната проблематика.

Състоянието на изворите за военноадминистративните структури на Византия през VI в. не позволява те да бъдат анализирани достатъчно задълбочено. Поради това,

© Ж. Ж. Жеков, 2012

в много отношения, се разчита на данните от *Notitia Dignitatum*[1], но този наративен документ отразява тяхното състояние в края IV – началото V в., което прави имплицитното прехвърляне на отразената в него организация на войските върху тази от VI в. много спорно. Същевременно приемствеността в развитието на военните структури не може да се отхвърли без привличането на исторически документи, подкрепящи подобна теза, а такива засега не са включени в научно обръщение[2].

Византийската военноадминистративната организация през VI в. включва два основни компонента – разположените за постоянно по границите войски, командвани от duces, и дислоцираните във вътрешността на диоцезите походни армии, командвани от magistri militum[3]. Тази структура на военните командвания е формирана в края на III – началото на IV в. от императорите Диоклециан и Константин Велики и е доразвита при техните наследници[4]. Диоклециан първи обединява под командването на новоназначените от него duces войските, разположени за постоянно в една или повече гранични провинции[5]. Duces имат единствено военни правомощия над командваните от тях военни части, а губернаторите на провинциите запазват своята юрисдикция над цивилното население[6]. Въвеждайки системата на тетрархията[7], Диоклециан фактически създава първообраза на походните армии comitatensis[8], но той не ги оформя официално като постоянно действащи войски с обособен състав и структура. Тази реформа е извършена от Константин, с което официално са формирани първите comitatenses[9].

Византийската военноадминистративна структура през VI в. представлява комплекс от редица съподчинени командвания, които имат следната йерархия. Византийската войска се командва от двама върховни стратега magistri praesentales – един за Изтока и един – за Запада. С формално по-нисък ранг от по-горе споменатите, но без да са им пряко подчинени, в йерархията следват magistri militum, които командват войските в диоцезите[10]. Най-ниското звено в йерархията на висшите командни военноадминистративни структури са командващите граничните войски duces, както и comites rei militaris. Последните командват войскови подразделения, дислоцирани в някои провинции от вътрешността. Duces и comites rei militaris се подчиняват на magistri militum на съответния диоцез. Според *Notitia Dignitatum duces* не са под командването на magistri militum, защото те не са изброени сред подчинените им командири[11], но фактически са под техен контрол, както се вижда от заповедите на императорите във връзка с реалното командване на войските[12].

Основните византийски военни ефективи през VI в. са петте походни войски comitatenses, разположени в три диоцеза. В диоцеза Тракия е дислоцирана армията на magister militum per Thracium[13]. В диоцеза Илирик е разположена тази на magister militum per Illiricum[14]. В диоцеза Ориент се намират войските на magister militum per Orientem[15]. Диоцезите Тракия и Ориент реално имат по две мобилни войски, защото в югоизточната част на диоцез Тракия и в най-северозападната част на диоцеза Ориент, в непосредствените околности на Константинопол, са разположени още два comitatensis. Те се командват съответно от двама magistri militum praesentales[16]. В граничните провинции на диоцезите се разполагат гранични армии, съставени от limitanei[17]. В много случаи една такава армия се разполага в две или повече провинции и отбранява териториите им.

Тази структура на имперската военноадминистративна организация, при съществуването на която се извършва преходът от античната Римска империя към средновековната Византия, претърпява известни реорганизации през управлението на император Юстиниан I (1 август 527 – 11 ноември 565)[18]. Тяхното провеждане е резултат от новата стратегия за усилване отбранителните възможности на държавата чрез концентриране на военните ресурси в обособените географски ареали по имперския limes в отделни командвания. Практическата реализация на тази нова стратегическа концепция се материализира чрез формиране на нови независими военни командвания, които имат за задача да отбраняват най-застрашените от противника направления. Фактически, по този начин

се стеснява зоната на отговорност на останалите командири и им се дава възможност да съсредоточат усилията си върху защитата на по-малка територия. Необходимостта от провеждането на подобна стратегия е наложена от желанието на Юстиниан I да концентрира своите усилия за завоюването на нови територии в други направления, което води до отслабване на военните ефективи, прикриващи останалите, и в тази връзка се налага да се предприемат стъпки по оптимизиране на тяхната отбрана[19].

Първата стъпка в това направление е направена по отношение войските на magister militum per Orientem, който отговаря за отбраната на най-дългия имперски limes – източния. Limes Orientis е и най-сериозно застрашеният, защото срещу него действа най-силният противник на Византия през VI в. – империята на Сасанидите[20]. За да усили отбраната на този limes, където води първата голяма война срещу персите в своето управление – 528–532 г., император Юстиниан прави промени във военно-административното устройство на империята на този участък от границата[21]. Той създава един нов magisterium militum per Armeniam[22], формиран чрез отделяне на войски и територии от magisterium militum per Orientem[23]. Тази реорганизация усилва до известна степен отбраната на Limes Orientis срещу персийските нападения[24].

Нови военни командвания са изградени и на други участъци от имперския limes. Успешните войни срещу вандали и готи значително увеличават границите на империята. Решавайки проблемите, свързани с изграждането на стабилна отбрана на новозавоюваните територии, имперското правителство формира още две военни командвания, ръководени от magistri militum. За тази реформа липсват сигурни данни, но редица факти по косвен път позволяват да се предполага нейното провеждане. Юстиниан назначава magister militum в Африка на територията, отвоювана от вандалите[25], и в Испания – върху териториите, отнети от вестготите[26].

Военноадминистративната организация на Италия е уредена през 554 г. след окончателното покоряване на остготите и изтласкването на франките със специален декрет *Constitutio Pragmatica*[27]. Отбраната на провинциите е поверена на duces и magistri militum, като в Италия с времето различията между тези две военни длъжности постепенно изчезват[28]. Ситуацията на непрекъснат натиск, в която след началото на лонгобардската инвазия през 668 г. са поставени имперските владения в Италия, принуждава император Маврикий да прибегне към съсредоточаване на военната и цивилната власт под контрола на една институция с цел по-оперативно реагиране на опасностите[29]. Така се достига до появата на една нова военноадминистративна структура, наречена екзархат, по титлата, която носи нейният управител – екзарх[30]. За първи път титлата екзарх е спомената в писмо от октомври 584 г. на папа Пелагий II *Et Exarchus scribit*[32] до апокрисиария Григорий в Константинопол с молба да съдейства пред императора за оказване на военна помощ срещу лонгобардите[32]. Екзархът съсредоточава в свои ръце цялата военната и цивилна власт над териториите, включени в състава на екзархата[33]. Екзархатът в Италия е наречен Равенски, по името на град Равена, където резидира екзархът. Равенският екзархат включва всички византийски владения на Апенинския полуостров[34].

Малко по-късно в подобна управленска структура се трансформира и византийската военноадминистративна организация в Африка. Първият екзарх на Африка е споменат в 591 г.[35] В историографията този екзархат е обозначен като Картагенски. Той включва всички византийски владения в Северна Африка без Египет. В състава на Картагенския екзархат е включен и о-в Сардиния[36].

Командната структура на походните войски comitatenses включва главнокомандващия magister militum, неговия помощник и заместник, който носи титлата vicarius[37]. Всеки magister militum е подпомаган в командването на войските от група офицери, които са под негово непосредствено командване. В *Notitia Dignitatum* тези, които са делегирани към magistri militum praesentalis, са наричани officium autem suprascriptae magisteriae, а тези, които са делегирани към magistri militum – officium autem magisteriae. За тяхното обо-

значаване с цел олекотяване на изложението, ще бъде използван като terminus technicus съвременният военен термин *щаб*. Тези щабове, според *Notitia Dignitatum,* се оглавяват от principes[38]. Щабът включва още офицери по дисциплината commentariensis[39], по двама главни счетоводители – numerarii[40], писар – scrinarus[41], секретар – exceptor[42]. Освен изброените офицери и адютант – adiutorem[43], щабът на magister militum per Orientem включва и офицери по разквартирането – mensores[44]. Общият брой на офицерите в щабовете на магистрите милитум към 441 г. достига до 300 човека. Тази численост е универсална за щабовете на всяка една от петте полеви армии. Командващите граничните армии – duces, имат щабове, сходни по модел на организация с тези на magistri militum[45], но по-малки. Техните щабове включват офицери от същия вид, както и офицери, които предават претенциите на цивилната администрация към дука – „a libelis siue subscribendarium"[46].

През 534 г., след разгрома на вандалите в Африка, за отбрана на новозавоюваните територии, Юстиниан I създава по техните граници пет нови дуката в Африка с подобни щабове. Всеки от новите щабове, следвайки модела на източните дукати, наброява по 41 офицери[47]. Наличието на тези офицери в щабовете на magistri militum и duces позволява на последните по-оперативно да командват своите войски и да упражняват контрол върху техния състав и дисциплина, както и върху разпределението на финансовите и стоковите ресурси, предоставяни за издръжката на войските им. Наличието на две допълнителни офицерски длъжности в щаба на magister militum per Orientem показва неговото и на командваните от него войски значение за отбраната на империята. В подкрепа на тази теза е и видът на самите длъжности – адютант, офицер, който да улеснява magister militum per Orientem в предаването на заповедите, както и mensores – офицер, отговарящ за разквартирането на войските – една от най-сложните и отговорни задачи във всяка войска, особено когато тя се разполага в населено място в собствената си държава.

Основната военна сила на Византия през VI в. са петте полеви войски – comitatenses[48], които са готови винаги да встъпят в бой. Според данните на *Notitia Dignitatum,* сред тях най-голяма численост имат войските, командвани от magister militum per Thracium. Следващите по численост са двата презентални comitatenses. На теория те се смятат за най-елитните византийски войски. Разположени са в околностите на Константинопол. Тяхната главна задача е да защитават хинтерланда на столицата – едната откъм Тракия, а другата – откъм Мала Азия. Най-малки по численост са войските, подчинени на magister militum per Illiricum. Тези цифри отразяват записания във военните регистри брой на войниците, а не тяхната реална численост във военните части през VI в., както личи от постоянните трудности на военните командири, когато е необходимо да се наберат войски за дадена военна кампания. Реално с най-многобройни войски разполага magister militum per Orientem, защото освен собствената му армия, по време на война под негово командване минават и всички гранични армии от Limes Orientalis. Следващата по численост армия е тази на magister militum per Thracium; на него са подчинени граничните армии по Дунавския limes по време на война.

Непосредствената отбрана на границата е поверена на разположените по имперския limes военни части, които формират войски с постоянна организация и състав. Тези войски се командват от duces, назначавани лично от императорите. Тяхната дислокация, според *Notitia Dignitatum,* е следната. Войските, отбраняващи границите на Египет[49], се командват съответно от dux Thebaidos[50], dux Libyarum[51]. По-късно, при император Лъв I (7 февруари 457 – 18 януари 474), е формирано още едно военно командване на dux Pentapolis. Поради изключителното значение на египетското жито за изхранването на империята, отбраната на диоцеза Египет е усилена от войските на comes limitis Aegypti[52], които са разположени близо до границата – зад войските на изброените duces, и изпълняват ролята на втора отбранителна линия, която при необходимост е способна да им окаже незабавна поддръжка[53].

Според *Notitia Dignitatum,* отбраната на диоцеза Ориент е организирана в 7 гранични войски, командвани съответно от dux Palaestinae[54], dux Arabiae[55], dux Foenicis[56], dux

Syriae et Eufratensis[57], dux Mesopotamiae[58], dux Osrhoenae[59], dux Armeniae[60]. При император Лъв I са създадени още две военни командвания на този лимес – на dux utriusque Ponti и dux novi limitis Phoenicae[61]. Нова реорганизация на този лимес е проведена от император Юстиниан I, който увеличава броя на дукатите в Армения. В югозападните склонове на Кавказ – в земите, населявани от наскоро покорените племена на цаните, той формира два нови ducatus[62], изнасяйки по този начин границата на изток и север. Старите ducatus на Понт и Армения са унищожени и на тяхно място са формирани нови пет[63]. Юстиниан I формира два нови дуката и на юг, в зоната на отговорност на magister militum per Orientem. Единият от тях е с център Киркезиум в провинция Осроена, а другият е на територията на провинция Палмира[64].

Отбраната на Дунавския лимес е поверена на четирима duces, чиито войски са разположени съответно в Скития, двете Мизии и крайбрежна Дакия. Тези duces са съответно dux Scythiae[65], dux Moesiae Primae на територията на провинция Moesia Superior[66], dux Moesiae Secundae на територията на провинция Moesia Inferior[67], dux Daciae Ripensis[68]. През 536 г. Юстиниан I реорганизира отбраната на Дунавския лимес и създава ново военно командване Quaestura exercitus. То се оглавява от висш офицер с ранг quaestor exercitus[69]. С цел оптимизиране на отбраната, той получава под свое командване военноморските ефективи, разположени в провинциите Мизия II, Скития, Островите, Кария и Кипър[70]. Целта на тази нестандартна за традициите на имперската военноадминистративна система реорганизация, е да се усили отбраната на Дунавския лимес[71] чрез привличане в неговата отбрана на византийските кораби, дислоцирани в Североизточното Средиземноморие и по този начин да се спрат зачестилите варварски нашествия през р. Дунав[72].

След победите на Велизарий над вандалите, граничните войски на Африка са реорганизирани в пет нови дуката: Триполитания, Бизацена, Нумидия, Мавритания Цезариенсис и Сардиния. Те са разположени по границата и са под контрола на magister militum per Africaem[73].

Наред с граничните войски във Византия, през VI в. съществуват и военни контингенти със специален статут, дислоцирани в особено неспокойните провинции във вътрешността на империята, населявани от войнствени племена. Тези военни ефективи се командват от офицери с ранг comes rei militaris, които притежават едновременно правомощията на военни командири и на цивилни губернатори. Командир от този ранг резидира в Исаврия[74]. Неговото съществуване е засвидетелствано още в *Notitia Dignitatum*[75]. Увеличаването на исаврийските грабителски походи в съседните провинции през втората половина на V в. принуждава византийското правителство да формира подобни командвания и в съседните на Исаврия провинции. Така, военни командири с ранг comes rei militaris, са назначени в Памфилия, Писидия, Ликаония, провинциите, които граничат с Исаврия[76].

Според данните на *Notitia Dignitatum*, висшите военни командири от ранга на duces и comites rei militaris първоначално се назначават лично от императора и се подчиняват пряко на неговите заповеди. Постепенно, в резултат от еволюцията на военноадминистративната система и практическата необходимост от оптимизиране на командните структури във войските, тази принципна постановка за независимост на duces от magistri militum е фактически ликвидирана. Magistri militum, в качеството си на върховни главнокомандващи над войските, които отбраняват техния участък от имперския limes, получават върховното командване над граничните войски на duces и comitis, чиито армии са дислоцирани по този регион[77]. Така се оптимизира концентрирането на войсковите ресурси по най-застрашените участъци и се увеличава скоростта на реагиране при опасност, а при необходимост, армиите на duces се вливат в армиите на magistri militum. Магистърът на официите, който е инспектор на всички гранични войски, упражнява контрол върху дуковете и комесите[78]. С това, на практика, контролът над тях се дублира – военният се осъществява от магистрите милитум, а цивилният – от магистъра на официите.

Направеният преглед на византийската военноадминистративна организация през VI в. показва, че тя не е затворена консервативна структура, която не търпи никакви промени. Всъщност, тя е една гъвкава система, която императорите използват, доколкото е възможно, за да решават оперативно проблемите, които възникват в резултат от обективни обстоятелства, свързани с намаляване на военните ефективи на империята, отслабване на нейните финансови ресурси, съкращаване на населението и появата на нови или активизирането на стари външни заплахи.

Засилването на опасността от страна на Персия и ограничените византийски военни ресурси на източния лимес принуждават Юстиниан I да прибегне към реформи във военноадминистративните структури на magisterium militum per Orientem. Необходимостта от оптимизиране на отбраната на този участък от границата налага той да раздели magisterium militum per Orientem на две и да формира от бившата му северна част нов magisterium militum per Armeniam. Поради същата причина той увеличава и броя на дукатите в този северен участък от източния имперски лимес. Същия принцип Юстиниан I следва и при формирането на новото командване quaestura Iustinianus exercitus[79], което включва военните флоти, разположени в Кипър, Кария и Егейските острови, и войските, дислоцирани в провинциите Малка Скития и Долна Мизия.

Тази гъвкавост на византийската военноадминистративна организация през VI в. и готовността на императорите, при необходимост, да правят реорганизации в нея, помага на империята да се справи с външните и вътрешните заплахи през VII в. и успешно да трансформира своите военноадминистративни структури, така че те да са способни да се справят с новата променена обстановка.

Значението на военноадминистративната структура, съставена от magisteria militum за отбраната на империята проличава и от факта, че веднага след като разбива персите, император Ираклий (5 ноември 610 – 11 февруари 641)[80] започва да възстановява старите командни структури[81]. Така, след победата и изтеглянето на персите от завоюваните от тях земи, императорът назначава dux Arcadiae[82], което показва, че той пристъпва към възстановяване на старата система на дукатите. Тези действия означават, че въпреки първоначалните тежки поражения, които персите нанасят на империята, византийското правителство е убедено в жизнеността на традиционните структури и тяхната способност успешно да защитават държавата.

[1] *Goodburn, R., Bartholomew, P.* Aspects of the Notitia Dignitatum. Oxf., 1976; *MacAdam, H. I.* Epigraphy and the Notitia Dignitatum (Oriens 37). – In: The Eastern Frontier of the Roman Empire. Oxf., 1989, 295-309; *Kulikowski, M.* The Notitia Dignitatum as a historical source. – Historia, 49, 2000, 358-377.

[2] *Jones, A. H. M.* The Later Roman Empire 284-602. 2. Oxf., 1964, 605-686.

[3] *Noethlichs, K. L.* Zur Entstehung der Diozesen als Mittelinstanz des spätrömischen Verwaltungssystems. – Historia, 31, 1982, 70–81; *Di Vita-Evrard, G. L.* Volusius Bassus Cerealis, légat du proconsul d'Afrique T. Claudius Aurelius Aristobulus, et la province de Tripolitaine. – L'Africa romana, 2. 1984 (1986), 149–177, 163–164; *Zuckerman, C.* Sur la Liste de Vérone et la province de Grande Arménie, la division de l'Empire et la date de création des diocèses. – TM, 14, 2002, 617–637.

[4] *Mommsen, Th.* Verzeichnis der römischen Provinzen aufgesetzt um 297. – In: Abhandlungen der Berliner Akademie der Wissenschaften, phil. – hist. Klasse, 1902, 489–518; *Grosse, R.* Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. Berlin, 1920, 55–69; *Berchem, D.* L'Armée de Dioclétian et la réforme Constantinienne. Paris, 1952; *Luttwak, E. N.* The Grand Strategy of the Roman Empire. From the First Century A. D. to the Third. Baltimore, 1976; *Migl, J.* Die Ordnung der Ämter. Prätorianerpräfektur und Vikariat in der Regionalverwaltung des Römischen Reiches von Konstantin bis zur Valentinianischen Dynastie. Francfort, 1994, 30–69; Williams D., The Reach of Rome. A History of the Roman Imperial Frontier 1st-5th Centuries AD. L., 1996.

[5] *Mommsen, Th.* Das römische Militärwesen seit Diocletian. – Hermes, 24, 1889, 195–279; *Löhken, H.* Ordines Dignitatum. Untersuchungen zur formalen Konstituierung der spätantiken Führungsschicht. Köln – Wien, 1982; *Bleckmann, B.* Die Reichskrise des III. Jahrhunderts in der spätantiken und byzantinischen

Geschichtsschreibung: Untersuchungen zu den nachdionischen Quellen der Chronik des Johannes Zonaras. Köln, 1991, 309–317.

[6] *Chastagnol, A.* L'évolution politique, sociale et économique du monde romain de Dioclétien à Julien. Le mise en place du règne du Bas-Empire (284–363). Paris, 1982, 80–110; *Eadie, J.* The Transformation of the Eastern Frontier. – In: Shifting Frontiers in Late Antiquity, Eds. R. W. Mathisen, H. S. Sivan, Brookfield, 1996, 72-82; *Carrie, J.-M., Rousselle, A.* L'Empire romain en mutation des Sévères à Constantin, 192–337. Paris, 1999, 183–202

[7] Относно допустимостта на употребата на термина тетрархия от научна гледна точка, вж. *Vollmer, D.* Tetrarchie. Bemerkungen zum Gebrauch eines antiken und modernes Begriffes. – Hermes, 119, 1991, 435 49.

[8] За тетрархията, като форма на политическа и военноадминистративна организация за управление на Римската империя, вж. *Seeck, O.* Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Berlin, Bd. I, 1921, 27–33, 449–452; *Seston, W.* Dioclétien et la TetrarchieI. Gueres et réformes (284–300). Paris, 1946; *Barnes, T. D.* The New Empire of Diocletian and Constantine, Camb. – Mass. – Londres, 1982, 154-160; *Kolb, F.* Diocletian und die Erste Tetrarchie. Improbisation oder Experiment in der Organisation monarchischer Herrschaft. Berlin, 1987; *Chastagnol, A.* Un nouveau prefect du prétoire de Dioclétien: Aurelius Hermogenianus. – ZPE, 78, 1989, 165–168; *Feissel, D.* Deux constitutions tétrarchiques inscriptes à Éphèse. – Antiquité Tardive, 4, 1996, 273–289; *Christol, M.* L'Empire romain du III siècle. Histoire politique 192–325 après J. – C., Paris, 1997, 200–219; *Leadbetter, B.* „Patrimonium indivisum"? The Empire of Diocletian and Maximian, 285-289. – Chiron, 28, 1998, 213-228; *Kuhoff, W.* Diokletian und die Epoche der Tetrarchie. Das römische Reich zwischen Krisenbewältigung und Neuaufbau (234–313 n. Chr.). Frankfurt am Main, 2001.

[9] *Gabba, E.* Per la storia dell'esercito romano in età imperiale. Bologna, 1974; *Zuckerman, C.* Les campagnes des tétrarques, 296–298. Notes de chronologie. – Antiquité Tardive, 2, 1994, 65–70; *Dixon, K. R. Southern, P.* The Late Roman Army. L., 1996, 4-38; *Corcoran, S.* The Empire of the Tetrarchs. Imperial Pronouncements and Government A. D. 284-324. Oxf., 1996, 266-292; *Nicasie, M.J.* Twilight of Empire: The Romn Army from Reign of Diocletian until the Battle of Adrianople. Amsterdam, 1998, 18-57; *Lançon, B.* Constantin (306–337). Paris, 1998; *Piepenbrink, K.* Konstantin der Große und siene Zeit. Darmstadt, 2002.

[10] *Lilie, R.-J.* Byzanz: Kaiser und Reich. Köln, 1994, 47–48.

[11] Not. Dign., Or., VII, VIII, IX; *Brandt, H.* Das Ende der Antike. Geschichte des spätrömischen Reiches. München, 2001.

[12] CTh, VII, 17, 1, mag. mil. Thrac. 412; Th., Nov., IV, 438; XXIV, 1-3, 443.

[13] Not. Dign. Or., VIII.

[14] Not. Dign. Or., IX; Malal., p. 402; Proc., BP, I, 24, 41.

[15] Not. Dign. Or., VII; Proc., BP, II, 6, 1-2; BV, I, 9, 25; I, 11, 18; *Jones, A. H. M.* The Later Roman..., 609.

[16] Not. Dign. Or., V; VI; Just. Nov., 22.

[17] *Тъпкова-Заимова, В.* Сведения за състоянието на византийската войска в Балканските земи през VI – началото на VII в. – ВИС, 1, 1960, 80–87, 80; Нашествия и етнически промени на Балканите. С., 1966, 36–37.

[18] За живота и управлението на този император, вж. *Diehl, Ch.* Justinien et la civilisation byzantine au VI siècle. Paris, 1901; *Ure, P.N.* Justinian and his Age. Westport, 1979; *Дашков, С. Б.* Императоры Византии. М., 1996, 56–70; *Barker, J. W.* Justinian and the Later Roman Empire. Madison, Milwaukee, L., 1966; *Mazal, O.* Justinian I. und siene Zeit. Geschichte und Kultur des Byzantinischen Reiches im 6. Jahrhunder. Köln – Weimar – Wien – Böhlau, 2001.

[19] *Haldon, J. F.* Byzantium in the Seventh Century: The Transformation of a Culture. Cam., 1990, p. 21.

[20] *Haldon, J. F.* Byzantium…, 20; *Howard-Johnson, J. D.* The two Great Powers in Late Antiquity: a comparison. – In: States, Resources and Armies: Papers of the Third Workshop on Late Antiquity and Early Islam, Ed. A. Cameron, Princeton, 1995, 157-226; *Whitby, L.M.* The Persian king at war. – In: The Roman and Byzantine Army in the East, Cracow, 1994; *Bowersock, G. W.* Chalcis ad Belum and Anasartha in Byzantine Syria. – TM, 14, 47-55.

[21] *Stein, E.* Histoire du Bas-Empire. II. De la disparition de l'Empire d'Occident à la mort de Justinien (476–565). Paris – Bruxelles – Amsterdam, 1949, 470–471.

[22] CJ., I, 29, 5; Proc., Aed., III, 1, 16; Malal., 429, 16-17; *Howard-Johnston, J.* Procopius, Roman defences north of the Taurus and new fortress of Citharizon. – In: The Eastern Frontier of the Roman Empire. Oxf., 1989, 203-229, 220 .

[23] *Βλυσίδου, Β. Κουντούρα, Ε. Λαμπάκης, Σ. Λουγγής, Τ. Σαββίδης, Α.* Η ΜΙΚΡΑ ΑΣΙΑ ΤΩΝ ΘΕΜΑΤΩΝ. 'Ερευνες πάνω στην γεωγραφική και προσωπογραφία των βυζαντινών θεμάτων της Μικράς Ασίας (7ος–11ος αι.). ΑΘΗΝΑ, 1998, 42.

[24] *Preiser – Kapeller, J.* Magister militum per Armeniam (} τ™ν <ΑρμενιΥκων στρατηγυς). Überlegungen zum armenischen Kommando im 6. Und 7. Jahrhundert. – In: Byzantina et Neograeca Vindobonensia, 24, 2004, 348–365, 348–349.

[25] Proc., BV, II, 22, 1; 28, 43–45; *Dessau, H.* Inscriptiones Latine Selectae. Berlin, 1892–1916, No 831; *Pringle, D.* The Defence of Byzantine Africa from Justinian to the Arab Conquest. Oxf., 1981.

[26] *Dessau, H.* Inscriptiones Latine Selectae, No 835; *Goubert, P.* L' Administration de l'Espagne byzantine, I. – REB, 3, 1945, 127–142; II, REB, 4, 1946, 71–134. В частност за византийските завоевания в Испания при Юстиниан I вж. *Görres, F.* Die byzantinischen Besitzungen an den Küsten des spanisch-westgotischen Reiches. – BZ, 16, 1907, 515–538; *Goubert, P.* Byzance et l'Espagne wisigothique. – REB, 2, 1944, 5– 78; *Lounghis, T. C.* Sur les premises thériques de la Reconquista Byzantine dans la péninsule Ibérique au VI s. – BBp., 55, 2, 1998, 99–105; *Gozalbes Cravioto, E.* La presencia bizantina en Espanña (siglos VI y VII) en las crónicas hispanas posteriors. – In: El mundo mediterráneo (siglos III–VII), Ed. J. González, Madrid, 1999, 357–365.

[27] Corpus juris civilis, III, Berolini, 1899, col. 798–803.

[28] *Бородин, О. Р.* Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. СПб., 2001, 74.

[29] Пак там, 119–130. По този проблем тук е възприета в основни линии тезата на цитирания автор, според когото първият Равенски екзарх е патрицият Смарагд, заел този пост в 584 г., когато е създаден и екзархатът.

[30] *Shlosser, F.* The exarchates of Africa and Italy. Justinian's arrangements for Africa after the reconquest. – JÖB, 53, 2003, 27-45.

[31] Pelagius II, Ep., I, PL, LXXII, 1878, col. 704 D.

[32] Pelagius II, Ep., I, PL, LXXII, 1878, col. 703-705; *Успенский, Ф. И.* История Византийской империи VI–IX вв. М., 1996, с. 287.

[33] *Бородин, О. Р.* Указ. соч., с. 71.

[34] *Guillou, A.* Régionalisme et indépendence dans l'Empire Byzantin au VIIe siècle. L'exemple de l'exarchat et de la Pentapole d'Italie. Roma, 1972, p. 16.

[35] Greg. I, Ep., I, 59; Jones A. H. M., Op.cit., p. 655.

[36] *Diehl, Ch.* L'Afrique Byzantine. Histoire de la Domination Byzantine en Afrique (533–709). NY., 1952, p. 469.

[37] CTh., XV, 11,1; Acta Conciliorum Oecumenicorum, I, IV, pars II, 200.

[38] Not. Dign. Or., V, 69; VI, 72; VII, 61; VIII, 56; IX, 51.

[39] Not. Dign. Or., V, 71; VI, 74; VII, 63; VIII, 58; IX, 53.

[40] Not. Dign. Or., V, 70; VI, 73; VII, 62; VIII, 57; IX, 52.

[41] Not. Dign. Or., V, 72-73; VI, 75-76; VII, 65; VIII, 60; IX, 55.

[42] Not. Dign. Or., V, 74; VI, 77; VII, 67; VIII, 61; IX, 56.

[43] Not. Dign. Or., VII, 64.

[44] Not. Dign. Or., VII, 66.

[45] Not. Dign. Or., XXXI, 69-74; XXXII, 46-51; XXXIII, 37-42; XXXIV, 50-55; XXXV, 36-41; XXXVI, 38-43; XXXVII, 44-51; XXXVIII, 40-45; XXXIX, 37-42; XL, 38-43; XLI, 41-46; XLII, 45-50.

[46] Not. Dign. Or., XXXI, 73; XXXII, 50; XXXIII, 41; XXXIV, 54; XXXV, 40; XXXVI, 42; XXXVII, 50; XXXVIII, 44; XXXIX, 41; XL, 42; XLI, 45; XLII, 49; Treadgold W., Byzantium…, p. 91.

47 CJ, I, 27, 2.

[48] *Кулаковский, Ю.* Историия Византии, I, 395–518. London, 1973, p. 298.

[49] *Винкельман, Ф.* Положение Египта в Восточноримской (Византийской) империи. – ВВ, 46, 1986, 75–87; *Rémondon, R.* Le P. Vindob. inv. 25838 et les commandants militaires en Égypte au IV siècle et au V. – Chronique d'Égypte, 40, 1965, 180–197; *Carrié, J.-M.* Séparation ou cumul? Pouvoir civil et autoritémilitaire dans les provinces d'Égypte. – Antiquité Tardive, 6, 1998, 105–121.

[50] Not. Dign. Or., XXXI; *Gascou, J.* Décision de Caesarius, gouverneur militaire de Thébaïde. – TM, 14, 2002, 269–277.

[51] Not. Dign. Or., XXX; *Kuhoff, W.* L'importanza politica delle province africane nell'epoca della Tetrarchia. – L'Africa romana, 12, 1996 (1998), III, 1503–1520.

[52] Not. Dign. Or., XXVIII; *Zuckerman, C.* Comtes et ducs en Égypte autour de l'an 400et la date de la Notitia Dignitatum Orientis. – Antiquité Tardive, 6, 1998, 137–147.

[53] *Stein, E.* Histoire du Bas-Empire, 476–480.

[54] Not. Dign. Or., XXXIV.

[55] Not. Dign. Or., XXXVII.

[56] Not. Dign. Or., XXXII.

[57] Not. Dign. Or., XXXIII.

[58] Not. Dign. Or., XXXVI.

[59] Not. Dign. Or., XXXV.

[60] Not. Dign. Or., XXXVIII.

[61] CJ, XII, 59, 10, 5, 471-472.

[62] Proc., Aed., III, 6, 17; III, 6, 26; *Whitby, L. M.* Procopius and the development of Roman defences in upper Mesopotamia. – In: The defence of the Roman and Byzantine East, Eds. P. Freeman, D. Kennedy. Oxf., 1986, 717-735.

[63] Proc., Aed., III, 1, 28-29; III, 2, 1-2; III, 3, 14; *Howard - Johnston, J.* Procopius..., p. 221.

[64] Киркезиум – Proc., Aed., II, 6, 9; Палмира – Malalas, p. 426; *Shahid, I.* Byzantium and the Arabs in the Sixth Century, I, 1. Washington, 1995.

[65] Not. Dign. Or., XXXIX.

[66] Not. Dign. Or., XLI.

[67] Not. Dign. Or., XL.

[68] Not. Dign. Or., XLII.

[69] *Curta, F.* Quaestura exercitus: the evidence of lead seals. – In: Acta Byzantina Fennica, 1, 2002, 9-16.

[70] Joh. Lydus, Mag., II, 28-29; Just. Nov., 41, 536; *Kyrris, C. P.* Cyprus and the Black Sea in the Early Middle Ages an outline. – In: Bulgari Pontica Medii Aevi, III, Sofia, 1992, 9-17, 9-10.

[71] *Hendy, M. F.* Studies in the Byzantine Monetary Economy, 300-1450. Cam., 1985, p. 404; *Haldon, J.* Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565-1204. L., 1999, p. 68.

[72] *Stein, E.* Histoire du Bas-Empire, 474–475; ср. *Торбатов, С.* Questura Exercitus: Втора Мизия и Скития при Юстиниан. – Seminarium Thracicum, 5. С., 2001, 217–230. Според автора, организирането на тази нова военно-административна единица от император Юстиниан I, е предизвикано от военна необходимист, но флотите на Островите, Кария и Кипър имат за задача само да транспортират събраното от тези провинции продоволствие, което се използва за издръжка на войските, разположени в Долна Мизия и Малка Скития.

[73] CJ, I, 27, 1, 2, 534; *Jones, A.H.M.* The Later Roman..., p. 273; *Treadgold, W.* Byzantium and its Army, 284-1081. Stanford, 1995, p. 15.

[74] Just. Nov., 27.

[75] Not. Dign. Or., XXIX.

[76] CJ, XII, 59, 10, 5, 471-472.

[77] CJ, XII, 59, 8, 467-470, „illustribus scilicet ac magnificis viris magisrtis militum consuetudine ac potestate, si qua ad limites aliquos Orientis Thraciarum et Illyrici ex longo tempore hactenus optinuit, reservata“. В 483 г. на Ил magister militum per Orientem е дадено правото да назначава duces Theoph., p. 129.

[78] CTh., VII, 17, 1, 412; Th., II, Nov., IV, 438, XXIV, 443.

[79] *Lilie, R.-J.* Byzanz: Kaiser..., p. 49.

[80] *Pernice, A.* L'imperatore Eraclio. Firenze, 1905; *Stratos, A. N.* Byzance au VIIe siècle. L'empereur Héracleus et l'expansion arabe. Paris, 1976; *Speck, P.* Das geteilte Dossier. Beobachtungen über die Regierung des Kaisers Herakleios und die seiner Sohne bei Theophanes und Nikephoros. Bonn, 1988; *Shahid, I.* Heraclius and the Unfinished Themes of Oriens some final Observations. – Byzantion, 54, 2, 1994, 352-373.

[81] *Haldon, J. F.* Administrative continuities and structural transformations in East Roman military organisation, 580-640. – In: *Haldon, J. F.* State, Army and Society in Byzantium. Approaches to Military, Social and Administrative Histiry, Variorum, no. 5, Aldershot, 1995, 1-20; *Isaac, B.* The army in the late Roman East: the Persian wars and the defence of the Byzantine provinces. – In: States, Resources and Armies: Papers of the Third Workshop on Late Antiquity and Early Islam, Ed. A. Cameron, Princeton, 1995, 125-155, 144-146.

[82] BGU, III, 750, споменат в 642 г.

УДК 94(100)«03/06»:339-022.344

О ЦИКЛИЧНОСТИ И ПЕРИОДИЧНОСТИ ВРЕМЕНИ ТОРГОВЛИ В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

С. Б. Сорочан

***Сорочан С. Б.* Щодо циклічності та періодичності часу торгівлі у ранній Візантії**

У статті йдеться про сприйняття торгівлі у Візантійській імперії з погляду певних часових відтинків – сільськогосподарських і навіґаційних сезонів, релігійних свят і постів, годин доби тощо, і, відповідно, про її часову реґламентацію. „Час купця“ настав у Візантії значно раніше, ніж у Західній Європі, що знайшло свій прояв у відносно вільному розпорядженні часом для торговців і ремісників, які майже не обмежувалися якимись державними приписами, але, швидше, контролювалися вимогами релігійного характеру, церковними догмами, постами.

Ключові слова: Візантія, торгівля, час, циклічність, періодичність.

***Сорочан С. Б.* О цикличности и периодичности времени торговли в ранней Византии**

В статье рассматривается восприятие торговли в Византийской империи с точки зрения определенных временных отрезков – сельскохозяйственных и навигационных сезонов, религиозных праздников и постов, часов суток и т.п., и, соответственно, о ее временной регламентации. „Время купца“ настало в Византии значительно раньше, чем в Западной Европе, что нашло свое проявление в относительно свободном распоряжении временем для торговцев и ремесленников, которые почти не ограничивались какими-либо государственными предписаниями, но, скорее, контролировались требованиями религиозного характера, церковными догмами, постами.

Ключевые слова: Византия, торговля, время, цикличность, периодичность.

***Sorochan S. B.* On cyclic and frequency time of trading in early Byzantium**

The article deals with the perception of trade in the Byzantine Empire in terms of specific time periods - agricultural and navigational seasons, religious festivals and fasts, and days like hours, and, accordingly, its temporal regulation. “Time of the merchant” in the Byzantine Empire much earlier than in Western Europe, which found its expression in a relatively free disposition time for merchants and craftsmen, who are almost not limited to any government regulations, but rather controlled by the requirements of a religious nature, church dogma, post.

Keywords: Byzantine Empire, trade, time, cycles, periodicity.

Принято считать, что для средневекового сознания вообще, а значит для византийского в частности, было характерно полное равнодушие ко времени, к его точному отсчету, измерению, по выражению Марка Блока, „уважению к числу“, поскольку время воспринималось ментальными установками общества лишь как аграрное и церковное (литургическое) и мыслилось достоянием Бога[1]. Сутки (греческое nichthemeron) делились на часы неодинаковой протяженности, при этом, по церковному времени отсчет их начинался не в полночь, а вечером. Отсюда вечерня, вечер (vespera, espera, esperinon) –

© С. Б. Сорочан, 2012

время перед заходом солнца, повечерие (completa hora, completorium, apodeipnon) – примерно в 21 час, после захода солнца, полунощница (mesonyktikon) – полночь, хвалина – около 3 часов пополуночи, утреня – перед солнечным восходом, час первый (hora prima, ora prote) – около 6–7 часов утра, час третий (hora tertia, ora trite) – около 9–10 часов утра, час шестой (hora sexta, ora ekte) – полдень, час девятый (hora nona, ora enate) – около 15 часов дня, после чего суточный круг вновь повторялся[2]. Таким образом, отношение людей ко времени, как заметил О. Р. Бородин, не могло не быть функциональным: его считали так, как того требовал прежде всего ритм общественной жизни[3].

Однако в этой жизни было не только „время Церкви", но, пользуясь выражением Жака Ле Гоффа, и „время купца"[4]. Достаточно открыть, к примеру, „Хронику" Георгия Монаха, чтобы убедиться, что ранневизантийские источники тоже отразили это понятие – ora emporia, pragmateuestai, diastema, даже rope – „миг"[5]. Но вот как оно понималось, исчислялось, рассчитывалось, с чем увязывалось, какими свойствами, ритмами наделяло его сознание византийцев, остается не совсем ясным и требует специального изучения, на которое не претендует данная статья, являющаяся скорее еще одной, редкой попыткой выстроить для исследования некоторые собранные на эту тему материалы[6].

Начнем с общих положений. Сама дефиниция „время" обозначалась византийцами словом „chronos", синонимом которого или, напротив, прямой противоположностью выступал греческий термин „kairos"[7]. Но уже Вальтер Грюмель в своей классической работе по хронологии заметил, что кроме общего понятия суточного времени, зависевшего от движения солнца, дневные и ночные часы имели у ромеев отдельный счет с 60-кратным делением каждого часа, но разнились по продолжительности, в зависимости от времени года[8]. Недаром слово „oro" по-гречески означало как „час", так и „время года", „месяц", „сезон"[9]. Положения Юлия Павла, взятые в Дигесты, определяли, что, „согласно римскому обычаю (more romano), день начинается в полночь и в следующую полночь заканчивается"[10]. Таким образом, для византийцев, сохранившим античные традиции и предписания, день и ночь состояли из 24 астрономических часов. Именно поэтому Прокопий из Газа (ок. 475 – ок. 538 гг.) описал общественные водяные часы (automata) своего родного города, как имевшие 12 фигур, которые соответствовали подвигам Геракла и такому же числу часов дневного времени[11]. Если верить трактату „О церемониях", на храме Св. Софии механические часы – орологий – имели 24 открывавшиеся и закрывавшиеся дверки, уже в расчете на каждый час суточного времени[12]. У ромеев было даже понятие минута – „lepta" – „малость", хотя она не совпадала с современными минутами[13].

Но продолжительность двух частей суток колебалась в зависимости от времени года, сезонов. Впрочем, представление о последних стало гораздо более четким, „числовым", в отличие от эпохи античности, когда граница между „основными" временами года была достаточно условна и часто сдвигалась[14]. Иоанн Экзарх, переводя в 893 г. сочинение Иоанна Дамаскина „О православной вере", написанное в середине VIII в., повторял следующее деление сезонных циклов: весна – с 21 марта до 24 июня; лето – с 24 июня до 25 сентября (продолжительность дня – 15 часов, ночи – 9 часов); осень – с 25 сентября до 25 декабря (день и ночь по 12 часов); зима – с 25 декабря до 21 марта, когда день продолжается 9 часов, а ночь – 15 часов)[15]. При этом, начало и конец дня ромеи связывали с природными феноменами, восходом и заходом солнца, и лишь к концу раннего Средневековья, с X в., отсчет дня стали вести с определенного времени, соответствовавшего примерно 6 часам утра[16]. До этого день и ночь делились на 12 частей – часов (ora), но это были так называемые сезонные „неравные часы", „повременные часы", „часы, соответствующие обстоятельствам" (orai kairikai), поскольку длительность их все равно ситуативно менялась в зависимости от времени восхода или захода солнца и отличались от условных, считавшихся астрономическими, часов (isemerikai orai)[17]. Поэтому зимой дневные часы были несколько короче летних. Таким образом, 12 дневных часов

(orai kairikai) распределялись от восхода до захода солнца, после которых следовали 12 ночных часов, по сути дела, ежеквартально менявшихся по своей продолжительности.

При этом ночное время, согласно римскому обычаю, отсчитывали еще и по двум или четырем сменам стражи (vigilae), несшей караул. Так, если верить указаниям „Слова на перенесение мощей преславного Климента“, где подробно рассказывалось об обстоя тельствах обретения мощей епископа Климента Римского в Херсоне 30 января 861 г., перенос раки из загородного храма Св. Созонта в монастырскую церковь – „дом Св. Леонтия“ состоялся, когда стемнело и разошлись толпы народа, а именно „в первую же стражу нощи“, что для зимы соответствует времени приблизительно между 20 и 22 часами, если не раньше, учитывая, что в эту пору года день длился от рассвета девять часов и, значит, заканчивался около 17 часов вечера[18].

Исходя из этого деления и понятия „истекшего“, дословно „исполненного часа“ (ora pepleromene), словоупотребление „шестой час“ означал не время между 5 и 6 часами, а время, отсчитываемое от шести полных часов[19]. Поэтому выражение „5 часов утра“ византийского источника примерно соответствовало нашим 11 часам[20]. Фраза „с раннего утра и до 11 часа“ (emeinen apo eothen eos oras ia) означала время примерно с 5–6 до 16–17 часов, то есть, до вечера[21]. „Третий час“ (trite oras), или три часа дня, означали время около 9 часов: именно в это время осенью 513 г. произошло сражение с кораблями мятежника Виталиана у стен Константинополя, что объясняет слова хронистов о необходимости вести бой после восхода солнца, чтобы под действием его тепла мог воспламениться некий самовозгарающийся порошок – апирон из неочищенной серы, изобретенный для императора Анастасия философом Проклом из Афин[22]. „Шестой час“ (oras ektes) относился к полудню, опять-таки с поправкой на час – другой в ту или иную сторону, в зависимости от сезона (это было время, в которое ромеи привыкли есть), тогда как в „девятом часу“, согласно Житию Св. Евфимия Константинопольского, то есть, примерно в 15–17 часов, звонили в колокола и созывали к вечерней службе[23]. Десятый час ночи „в суровое зимнее время“ 25 декабря 820 г. соответствовал примерно 4 утра и последовал после „третьей стражи“, когда перед восходом солнца клир дворца собрался на утреню, как можно заключить из описания Продолжателем Феофана обстоятельств жестокого убийства Льва V Армянина[24].

Но чем собственно регламентировалось время, когда речь шла о трудовой деятельности, и в частности, о торговле, особенно внутренней? Разумеется, оно определялось не только движением солнца, сезонными условиями, как естественными природными преградами, но также регламентировалось искусственно, предписаниями и распоряжениями властей – светских и духовных. Это были, прежде всего, предписания Святого Писания, так что в таком сакрализованном, проникнутом религиозными чувствами обществе, как византийское, не всякий правоверный торговец или ремесленник дерзнул бы нарушить Закон Божий ради увеличения своего дохода. На Священное Писание ориентировались и императорские законы подобного рода. К примеру, со времен знаменитого закона Константина I от 321 г. периодически подтверждался запрет изготовлять и продавать товары в дни воскресного отдыха – Господние дни (kyriake) и в церковные Господни праздники (despotike eorte)[25]. Очевидно, в такие дни прекращались или, точнее, должны были прекращаться, любые торговые операции на рынках и городская уличная торговля, неизменно процветавшая в иные дни[26].

В христианском календаре были семидневная и восьмидневная неделя, но в повседневной жизни предпочтение отдавалось первой[27]. Причем важно подчеркнуть, что ромеи считали дни недели, начиная с Господнего дня (воскресенья), так что это был первый день, затем следовал второй (понедельник), третий (вторник) и так далее, до Параскеве (пятница) и Савваф (суббота).

Трудовые или служебные соглашения, известные нам, ничего не сообщают о выходных днях ромеев[28]. Но уже к ранневизантийскому времени восходят попытки государства

добиться действенности закона об отдыхе в воскресные и праздничные дни, которые объявлялись не рабочими[29]. Во всяком случае, оплате, по закону, подлежали только рабочие дни и только те, которые были пропущены не по вине работника[30]. Как уже сказано, христианские обычаи, вошедшие в юридическую практику, запрещали торговать по воскресеньям. Исключение делалось лишь для съестных продуктов и для фуража. Именно так было записано в „Законах химьяритов“ – южноаравийских христиан, составленных епископом Грегентием (535–552 гг.) и отражавших практику повседневной жизни крупных ранневизантийских городов[31]. Кроме того, нерабочей, по крайней мере в ранней Византии, считалась, видимо, и суббота, если под ней понимать седьмой день, следующий перед первым днем недели – воскресеньем. Феофилакт Симокатта указывал, что „седьмой день в коловращении семидневной недели“ ромеи почитали „днем отдохновения“ из уважения к святости установления Моисея и старались не заниматься в этот день любыми делами, насколько этому позволяли обстоятельства[32]. В субботний день, тем более, не работали византийские евреи, соблюдавшие заповеди иудаизма.

Вместе с тем, похоже, до конца IX в., если не позже, выходные воскресные дни не соблюдали, очевидно, не только ромейские крестьяне, но и торгово-ремесленное, предпринимательское, деловое городское население. Отмечая это в новелле LIV, Лев VI писал: „До сего времени в воскресный день некоторые могли и не прекращать своих работ, например, земледельцы [...] Но Мы, руководствуясь заповедями Святых Апостолов, постановляем, чтобы ни земледелец, ни кто-либо другой не занимался в воскресный день делами, этому дню неприличными. Для обычных дел достаточно воспользоваться шестью днями в неделе, а седьмой неизменно нужно хранить, посвящая его Господу и не равняя с другими днями“ (перев. С. Б. Сорочана)[33]. В данном случае под седьмым днем, несомненно, понималось воскресенье. Это же решение закрепляла новелла LXXXVIII[34]. Как показал Спиридон Троянос, всесторонне анализируя новеллу LIV, законодательное обоснование воскресенья, как выходного дня, было связано с целым комплексом гражданских и, особенно, канонических источников[35]. Но, невзирая на категоричность и определенность этих источников, запрет сочли нужным сохранить и в позднейшем законодательстве, очевидно, по причине продолжавшихся нарушений данного требования властей[36]. Впрочем, в городах правило на запрет работы в Господень день соблюдалось, видимо, более четко и последовательно, чем в деревне. Во всяком случае, сторонний взгляд китайского путешественника VIII–IX вв. заметил в „Повествовании о западном крае“, что в стране Фолинь ее обитатели, то есть византийцы, „...в течение семи дней отдыхают один день, называемый воскресеньем, в который не выходят торговать“[37].

Судя по православному церковному календарю, к VIII в. у ромеев 79 дней были выходными и праздничными, так что рабочих дней оставалось 286[38]. Но это не значит, что и тут не было исключений. Так, хронист Агнелл сообщал, что в конце VII в., в связи с очередным неурочным крестным ходом, равеннские трактирщики – капоны и мелкие торговцы (mercatores, nundinatores) полностью прекращали свои дела[39]. По словам Михаила Сирийца, когда Юстин II узнал о взятии и разрушении персами важного для ромеев месопотамского пограничного города-кастрона Дара 15 ноября 573 г., он впал в печаль и в знак траура „...закрыл лавки и прекратил торговлю“[40]. Нужен был случай, связанный с неожиданно нагрянувшим церковным событием, например, переносом мощей некоего широкочтимого святого, или с праздником, вроде дня рождения наследника василевса, чтобы найти вполне приемлемый оправдательный повод для массового невыхода на работу.

Вместе с тем, другие византийские хронисты столь же последовательно отмечали, что торговля в раннесредневековый период обычно велась во время рыночных дней (agorai, nundinae, phoros enos), зачастую связанных как раз с церковными праздниками[41]. Как правило, любая ярмарка – панигир, хоть местного, хоть трансконтинентального значения, была освящена таким праздником[42]. Кроме того, логично предположить, что

запрет на торговлю в такие дни не распространялся на кирулариев – торговцев свечами и маслом для освещения, которые, в силу специфики своего товара, не могли не торговать „в воскресенье и другие праздники Господни“ (en kyriake e etera despotike eorte), поскольку то, что они предлагали, пользовалось повышенным спросом именно в такие дни. На первый взгляд, это противоречит запрету салдамариям, которые торговали продовольствием и хозтоварами, пользующимися постоянным спросом, вести свои дела именно „в воскресенье и другие праздники Господни“, за что нарушители подлежали крупному штрафу в 10 солидов[43]. Мне представляется неверным считать, что салдамарии обязаны были вообще закрывать свои заведения в такие дни[44]. Книга Эпарха запрещает им лишь торговать „выставленным вне (снаружи) эргастирия“ (exo tou ergasteriou probolen) и, значит, подразумевает ведение дела в самой лавке, не покидая ее. Любой, более или менее крупный ромейский город, нуждался в бесперебойном снабжении продуктами и другими товарами широкого, ежедневного потребления. Салдамарии неслучайно не нуждались в выходных и вынуждены были лишь соблюдать видимость приличия такой торговли, дабы она не выставлялась напоказ, не выглядела излишне назойливой в неположенный для этого день. Сам принудительный характер правила, подкрепленный силой солидного штрафа, указывает, очевидно, на довольно частые попытки уклоняться от выполнения предписания, что не могло оставлять власти равнодушными. Как ни странно, нарушителей оказывалось немало среди монахов, занятых ежедневным ремесленным трудом, выполнявших определенную норму выработки. О том, что такие работы были выгодны и в них были заинтересованы работавшие, свидетельствуют данные агиографии об иноках, трудившихся даже в воскресные дни[45]. Видимо, оправданием служила ориентировка на заповедь трудиться, одну из основных для монашествующих любых рангов, будь они рясофоры или схимники.

Случалось, что нужда заставляла работать в воскресный день и профессионала – ремесленника. Житие Иоанна Милостивого сообщает о такой практике, хотя, похоже, речь шла лишь о производстве, а не о продаже готовой продукции[46]. Очевидно, наиболее массовыми нарушителями статуса воскресенья, как нерабочего дня, были крестьяне, потому что новелла LIV Льва VI, в очередной раз обосновывавшая необходимость соблюдения воскресенья, требовала неукоснительного выполнения этого закона не только от горожан, но и от жителей деревни. Это значит, что крестьяне сохранили ту практику, которая существовала в VI–VII вв., когда, как утверждает Г. Л. Курбатов, большие деревни и территории у монастырских ворот превращались в местные рынки, активно функционировавшие именно в праздничные и воскресные дни[47]. Такие откровенные нарушения требования законодательства не следует объяснять низким уровнем законопослушания византийской деревни, но видеть причину уклонения в том, что выходные и праздничные дни подчас являлись единственно свободными в цикле сельскохозяйственных работ, связывавших крестьян, когда они могли без ущерба покинуть ненадолго свои хозяйства, чтобы совершить необходимые обмены и покупки, посетить рынки и панигиры[48]. Кроме того, для деревенских жителей торговля не была основным родом занятий, источником существования. Очевидно, они не воспринимали торговые сделки за труд, которым не следовало бы заниматься в Господние дни. В этом случае требование закона и наставления Свв. Апостолов, христианские обычаи не вступали в противоречие с обыденной ментальностью, поскольку крестьяне действительно не выполняли по таким дням своих основных сельскохозяйственных работ, искренне полагая, что остальные „труды“ как бы и не труды, поскольку не имеют к этому прямого отношения. Выверт сознания приходил на помощь для оправдания двойственности отношения к таким дням. Более того, невыполнение запрета на торговлю в воскресные дни в сельской местности давало лазейку для ведения торговли в это время городскими торговцами, которые, как следует из агиографии, могли отправляться для ведения своих коммерческих дел в пригород, на сельские панигиры[49].

Зато всем официально было дозволено работать в так называемые рыночные дни, то и дело упоминаемые в источниках. Так, Книга Эпарха сообщает о покупке животных, то есть быков, овец, свиней, не позднее рыночного дня[50]. Торговля льняными изделиями и бамбакиновыми одеяниями тоже должна была идти исключительно в рыночные дни – „дни, назначенные для торжищь“ (en panegyrei delease), „дни рыночных сборов“ (tou phoron apempoleitosan)[51]. Эргастирии аргиропратов обязаны были работать в „рыночные дни“ (emerais tou phoron), причем Книга Эпарха подчекнуто ссылалась при этом на „старинный обычай“ (ton palaion typon)[52]. Следовательно, действительно нет сомнений в существовании таких точно установленных базарных дней, когда торговля на форах велась особенно оживленно, достигала своего пика[53]. Функционирование городских рынков и торговых рядов по определенным дням обусловливалось в основном тем, что необходимы были некоторые перерывы для накопления товаров. Причем, едва ли городские рынки Византии в это время могли функционировать чаще, чем два раза в неделю, ибо этот режим не был превзойден даже в позднесредневековой Европе, стоявшей на пороге рождения товарнокапиталистического хозяйства: лишь в XVIII в. „рыночные дни“ стали ежедневными[54].

Однако „Эпархика“ – предписания для эпарха – сохранили и другие упоминания о днях для „торжищь“ (agoras). В отличие от упомянутых выше, регламентирующих торговлю местных торговцев, эти указания относились также к иногородним купцам и обозначали время, когда эти приезжие торговцы должны были оптом продавать свой товар местным перекупщикам[55]. Книга Эпарха говорит о таком дне, как о „назначенном для торговли данным товаром“[56], но кто отвечал за такое назначение остается неясным. Хотя распределение купленного происходило под контролем эпарха, который следил за соответствием взноса каждого количеству приобретенного товара[57], едва ли купцам было удобно, чтобы градоначальник производил назначение дней „торжища“. За информацией о прибытии в город соответствующих импортных товаров удобнее всего было следить старшинам заинтересованных систим, соматей либо киноний, которые, видимо, и оповещали об избранном ими дне закупки эпарха, игравшего в данном случае роль своеобразного контролера и арбитра. Впрочем, сказанное относится к столице, как магнитом притягивавшей разный люд. Видимо, регламентация времени таких торгов с приезжими купцами соблюдалась не всегда и, уж точно, не в каждом ромейском городе, даже крупном. К примеру, в Фессалонике о таких предписаниях ничего не известно. Посещавшие ее рынки иноземные торговцы вели свои коммерческие операции в одно время с местными жителями, не имея никаких ограничений[58].

Власти пытались упорядочить уличную торговлю, тоже сведя ее к определенным рыночным дням. Во всяком случае, Книга Эпарха указывает, что торговлю льняными изделиями, саванами в рыночные дни (emerai athroismou tou phorou) предписывалось вести не в эргастириях или на прилавках-аваках, а вразнос, неся свои товары на плечах[59]. Едва ли это строго соблюдалось, хотя бы по причине того, что для уличной торговли повседневными товарами не требовался значительный перерыв во времени для накопления товара. Разумеется, такое положение не могло не создавать известную конкуренцию рынкам, функционировавшим реже.

Эргастирии – лавки, мастерские, питейные заведения тоже должны были работать более регулярно, ритмично, поскольку их владельцы были заинтересованы в столь же регулярном получении кердоса – дохода, в котором, при всех оговорках, заключался смысл предпринимательской деятельности[60]. Известно, что в средневековом английском городе лавочная торговля начиналась с семи часов утра после утренней церковной службы и продолжалась до трех часов дня, когда звон городских колоколов объявлял о прекращении работы и торговли. Звон же колокола в девять часов вечера зимой и в десять часов летом был сигналом к тушению огней[61]. Контроль за временем здесь входил в обязательную практику цехового принуждения. Насколько схожей с этой была обстановка ромейского города эпохи раннего Средневековья?

Судя по нарративным источникам, к примеру, свидетельству агиографа Леонтия, епископа Неаполя Критского (конец VI в. – 668 г.), ромеям было известно понятие „открыть лавку для торговли“ (anoigo)[62]. Но, похоже, для разных категорий лавочников оно было разным. А. Н. Марченко и А. З. Нюркаева, ссылаясь на статью о капилосах из Книги Эпарха, полагали, что „у корчмарей даже по праздникам рабочий день длился 12 часов“ и продолжительность каждодневного труда представителей других корпораций была близка к этому[63]. Действительно, эргастирии капилосов, где продавали вино, могли быть открыты для посететелей „со второго часа дня до второго часа ночи“ (deuteras oras tes emeras en de tais nyxin ama to ten deuteran), то есть, приблизительно с шести-восьми утра до шести-восьми вечера в зависимости от времени года, что соответствует продолжительности светового дня[64]. Однако, надо обязательно учитывать, что запрет открывать эргастирии капилосов и продавать вино „до второго часа дня“, равно как и „тушить жаровни“, то есть прекращать работу „по ночам вместе со вторым часом“ относилось только к „великим праздникам и воскресеньям“ (megistais ton eorton e kyriakais)[65]. Видимо, это объяснялось стремлением властей ограничить посетителей питейных заведений, которые готовы были проводить в них не только день, но и ночь в беспробудном пьянстве, когда под влиянием выпитого они могли совершать разные безобразия и бесчинства. Расчет был на то, что гулящий, праздный люд, как говорится в источнике, „часто принимавший вино“, уходя и возвращаясь в капилеи вновь, будет иметь подогретое вином желание „дерзко биться в драках и подвергаться насилию и раздорам“[66]. В прочие трудовые дни подобные „загулы“, очевидно, были менее массовыми и поэтому столь жестко не ограничивались по времени торговли, равно как не ограничивались в этом и прочие торговцы, ремесленники, менялы. На несоблюдение предписания, либо на его отсутствие, до редакции Книги Эпарха при Льве VI Мудром, указывает и наблюдение вышеупомянутого китайского автора о стране Фолинь, жители которой именно в выходные дни „пьют до глубокой ночи“, что никак не ограничивается наступлением сумерек, семью-восмью часами вечера[67]. Само предписание Книги Эпарха наводит на мысль, что, поскольку капилосам не разрешалось в своих эргастириях продавать вино до позднего времени дня, точнее, „до вечера“ (opse) в большие праздники и воскресенья, они пытались делать это по утрам таких дней до разрешенного времени открытия питейных заведений, то есть до начала „второго часа дня“. Во всяком случае, в поздней Византии уже можно было пьянствовать ночи напролет[68], и режим работы эргастириев виноторговцев, видимо, стал этому соответствовать, невзирая на спорадические попытки ввести ограничения. Так, Константинопольский патриарх Афонасий I (1289–1293, 1303–1309 гг.) попытался навести порядок, закрыть эти заведения уже с субботнего вечера, дабы избежать безобразных попоек, кутежей и пополнить ряды прихожан в храмах, но запрет не пережил Патриарха[69].

Тем более строго не придерживались запретов в провинциальных ромейских городах. Так, в позднеантичной Александрии продажа вина велась в питейных заведениях во все дни с самого раннего утра, когда капилеи (kapeleia) одолевали завсегдатаи, подчас горькие пьяницы, среди которых встречался самый разный люд, даже опустившиеся, спившиеся монахи[70]. Это совсем не соответствует духу распоряжений префектов города Рима конца 60-х гг. IV в., когда, согласно сведениям Аммиана Марцеллина, предписывалось, чтобы „...раньше четвертого часа (около 9 утра – С.С.)“ не только не открывались питейные заведения, но даже никто из простых людей не согревал воды для напитка, торговцы съестным не вели торговлю, так что „никакой порядочный человек не позволял себе есть на улице“[71]. С этой точки зрения, городская жизнь, по крайней мере не в столице, стала более свободной, а, может быть, и была такой всегда. Ливаний не раз указывал в своих речах, что в Антиохии IV в. не было таких ограничений на торговлю: „день ничем не преобладает над ночью, но в тот и другой все налицо в одинаковом изоби-

лии“, так что совсем не исключением смотрится антиохийский торговец, который „... чуть свет открывает лавку и принимается высматривать покупателя“[72].

Зато на улицах ночного ромейского города раннесредневековой поры всякая жизнь действительно замирала, и не успевшие к этому времени попасть в город либо коротали ночь у запертых городских ворот, как это случилось с Василием Новым, святым подвижником конца IX – первой половины X в., вынужденного спать у Золотых ворот столицы[73], либо в лучшем случае искать оставшуюся незапертой калитку в городских стенах, как повествует Житие Феодора Эдесского, написанное племянником святого, Василием, епископом Эмесским во второй половине IX в.[74] Тем более, ночью не должны были функционировать питейные и иные увеселительные заведения, публичные дома с порни. За нарушение режима пользования ими виновные могли быть арестованы ночной городской стражей – виглой, несшей охрану периметра города, или керкетой – стражей эпарха, которая регулярно совершала обход спящего города, а в случае дебоша, учиненного пьяницами, могла их забрать с собой в преторий и безжалостно высечь, как это случилось с загулявшими молодыми повесами, что, припозднившись с возвращением после „второго часа ночи“ (deuteras oras tes niktos), шумели и буйствовали на улицах столицы времен правления Льва VI[75]. Тем более, как следует из „Эпархики“, такое наказание вкупе с острижением и изгнанием из корпорации, могло ждать и нерадивого капилоса, видимо, не только за незаконное увеличение квартирной платы съемщика или пользование не клейменными питейными мерными сосудами, но и не выпроваживающего вовремя из трактира своих загулявших хмельных посетителей[76].

Куда больше ограничений на время торговли накладывали требования религиозной жизни, особенно актуальные в такой христианской стране как Византия. Кроме светских законов, оно должно было регулироваться законами Божьими, авторитетом Священного Писания, который к VI–VII вв. стал непререкаемым. Библия же вводила ограничения на употребление в пищу тех или иных продуктов питания, что отражалось и на торговле ими. Руководствуясь христианским обычаем, проватэмпорам предписывалось вести торговлю убойным скотом только до первого дня Великого поста (Apokreas), тогда как баранов и ягнят продавать от Пасхи и до Троицы[77]. В течение 40 дней от начала Великого поста до Пасхи, в Святую Четередесятницу (Agia Tessarakoste), торговля мясом замирала, а остальные 50 дней, напротив, возрастала за счет расширения ассортимента продовольственных продуктов. Таким образом, дело было не в сезонности продажи мяса, как полагал М. Я. Сюзюмов: с наступлением поста, даже без официального объявления, торговля мясом свертывалась[78]. Боязнь согрешить, видимо, пересиливала соблазн, так что даже императорские распоряжения, в исключительных случаях разрешавшие торговлю мясом ввиду стихийных бедствий, острой нехватки основных продуктов питания – хлеба и вина, и поэтому отодвигавшие начало поста на небольшой срок, не могли оживить ее, ибо покупатели в „разрешенную неделю“ все равно предпочитали воздерживаться от употребления скоромного. Даже голод не мог заставить верующих воспользоваться возможностью, предоставленной царским повелением. Об этом сообщает Иоанн Малала, которому вторит Феофан Исповедник, не забывший такого колоритного исторического казуса: „мясники кололи скотину и продавали, но никто не покупал и не ел мяса“[79]. Если за этим эпизодом из времен Юстиниана I (538 г.) и стоит показное, назидательное стремление церковных хронистов выдать желаемое за действительное, в основе своей рассказ достоверен и отражает прочные позиции, которые заняли такие религиозные запреты в Византии уже с VI в.

Получается, что больше всего нерабочих дней было у мясников, поскольку в православном христианском календаре около 200 дней занимали нистии – посты, достаточно строго соблюдавшиеся благочестивыми, верующими ромеями. Торговля мясом не могла идти не только по воскресеньям, но и по средам и пятницам, когда надлежало вспоминать о страданиях и смерти Христа[80]; к этому, со временем, добавились крещенский сочельник, день усекновения головы Иоанна Крестителя, праздник Воздвиже-

ния креста Господня, Петров Пост (22 июня – 11 июля) – накануне праздника апостолов Петра и Павла (12 июля), Успенский пост (14–27 августа) – накануне празднования Успения Пресвятой Богородицы (21 сентября), Рождественский пост (28 ноября – 6 января) – перед Рождеством Христовым и, самое главное, изначальное – в течение семи недель Великого поста до Пасхи. Таким образом, многодневные посты достигали 121 дня и, значит, в общей сложности треть года была исключена из торговли мясом и другими скоромными продуктами. С этой точки зрения, самая бойкая распродажа свежатины начиналась на Чистый четверг и на разговенье, после пасхальной заутрени, то есть, почти на пасхальное воскресенье. Леонтий Неапольский косвенно намекал на это, отмечая: „Когда начинался Великий пост, Симеон не вкушал ничего до страстного четверга, а в четверг утром шел к пирожнику и наедался“[81].

Во время Святой Четередесятницы нельзя было оскоромиться и иным образом, например, изготовляя мыло из животного сала[82], хотя сама продажа такого готового мыла в это время не возбранялась. Трудно также представить, чтобы в лавках торговцев продуктами – салдамариев или пантополов – дословно „торгующих всем“, что были разбросаны по всему городу, прекращали торговлю солониной и колбасой[83], каждый раз убирая эти товары с глаз покупателей. Желающий оскоромиться, не соблюдающий по той или иной причине пост, мог найти такого рода еду и в распивочных капилосов, где жарили мясо, подавали мясные закуски.

Напротив, торговля рыбой и продуктами из нее приобретала в период поста наибольший размах, тем более, что на весну, а затем, на осень, приходилась рыбная путина и начинался ее массовый отлов[84]. В Житии Андрея Юродивого сообщается об особенно широкой весенней продаже рыбы в Константинополе, когда в заливы у его берегов заходило много разной рыбы, в том числе ценных сортов[85].

Что касается эргастириев, то их было принято закрывать к ночи, когда пустели улицы города. Сребродел-меняла, о котором говорится в одном из рассказов „Лимонаря“ Иоанна Мосха, написанного в 619–622 гг., не хотел покупать драгоценный камень у принесшего его человека только потому, что „дело было вечером, уже пришло время закрывать лавку“, и сделал это лишь после долгих уговоров и торга[86]. Очевидно, продолжали до глубокой ночи работать эргастирии тех трапезитов, которые, убрав с улиц свои „столы“ – прилавки, тем не менее, не закрывали двери своих жилищ. Именно к такому меняле отправился в полночь преподобный Маркиан Эконом из рассказа Симеона Метафраста, когда ему потребовалось разменять золото на мелочь, предназначенную для раздачи по ночам беднякам[87]. Стоит заметить, что потребность в „ночных менялах“ объяснима только в случае ведения денежных, а значит, и торговых операций даже в самое позднее время.

Очевидно, допоздна не закрывались константинопольские книжные лавки – политиры, располагавшиеся в портиках Большого дворца, поскольку собиравшимся там посудачить на „ученые“ и „божественные темы“ случалось устраиваться посидеть не только днем: Агафий Миринейский отмечает, что некоторые из них „ ...постоянно собираются вместе поздно вечером после попойки и невоздержанности“, так что разгоравшиеся между ними споры легко перерастают в шумные оскорбления[88]. Видимо, эргастирии, как и некоторые частные бани (loutron), работали с самого раннего утра до позднего вечера, даже невзирая на то, что в это время почти не было посетителей[89].

В принципе, любой свободный ромейский мастер или торговец-„индивидуал“ мог работать сколько ему вздумается над производством и реализацией своего товара, отдавая этому и день, и ночь, как это было с константинопольским сапожником Захарием, героем одного из синаксарных житий, сложенного не позднее IX в. и, значит, отражавшего повседневную практику и ментальные установки ранневизантийского ромея[90]. Ливаний тоже упоминал о ночной работе антиохийских ремесленников[91]. Есть и другие свидетельства такого рода, отмечаемые византинистами[92].

Таким образом, напрашивается итоговый вывод, что „время купца“ наступило в Византии гораздо раньше, чем в Западной Европе. Стихия суточной торговли здесь, если и регулировалась законодательством, предписаниями, то скорее требованиями религиозного характера, церковными догмами, постами. Прочие временные рамки суточной торговли были весьма расплывчаты и не категоричны и в целом вмещались в положение „от рассвета до заката“, однако видеть в этом индифирентное отношение ко времени не приходится.

Большая же часть товарной продукции Византии была связана с сельскохозяйственным производством, и, значит, как выпуск, так и реализация продукции тоже были связаны с календарем сельских работ. Расцвет навигационного сезона, обеспечивавшего морскую торговлю и водные перевозки грузов, тоже приходился на весну – лето – раннюю осень. К осени же собиралось большинство панигиров – ярмарок[93]. Все это обусловливало известную цикличность византийской торговли в масштабах Империи. Она пробуждалась к активной жизни в середине весны, достигала своего апогея в осенний период и успокаивалась к зиме, протекая тихо и плавно, на уровне обмена товарами местного производства, до следующей весны.

Ведение торговли в Империи воспринималось с точки зрения определенных интервалов, дней, часов и регламентировалось во временном отношении. Причем, даже в онтологическом смысле само понятие времени, как категории числовой единицы в Византии, было общепринятым[94]. Соблюдавшаяся периодичность в открытии и закрытии различных мест, точек торговли была обусловлена как естественными, так и искусственными ограничениями, направленными на упорядочение жизни горожан. Для некоторых видов торговли ограничения вводились для довольно длительного отрезка времени, другие ограничивались днями, сутками, третьи – часами. Хотя нарушения режима работы карались денежными штрафами и телесным наказанием, они не могли покончить с имевшими место отклонениями от официальных предписаний, особенно в отношении запрета торговли в воскресные, праздничные и не рыночные дни, которых набиралось не менее трех-четырех в неделю. Во многом система регламентации времени работы была обусловлена интересами самих ромейских торговцев и их профессиональных объединений, искавших всевозможные лазейки для уклонения от принятых обычаев, постановлений, дабы продлить как можно дольше время, официально отведенное для предпринимательской деятельности, торговли, ремесла. Ранняя Византия и тут шла своим особым путем, не похожим на остальной мир. Если это так, тогда выходит, что пресловутая узость средневекового рынка и опасность конкуренции в таких условиях не особенно пугала византийских производителей и торговцев. Чем это объяснить, уже другой вопрос.

[1] *Блок, М.* Феодальное общество. – В: *Блок, М.* Апология истории или ремесло историка. М., 1986, 136–138; *Ле Гофф, Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992, 164–168, 170–171, 359; *Добиаш-Рождественская, О. А.* Opletum oppidum est solaris (По вопросу о часах в раннем Средневековье). – В: *Добиаш-Рождественская, О. А.* Культура западноевропейского Средневековья. М., 1987, с. 14.

[2] *Ле Гофф, Ж.* Указ. соч., с. 167; *Бибиков, М. В.* Час в Византии: астрономический, литургический и мифологический. – АДСВ, вып. 39, 2009, с. 74, 83; ср.: *Арранз, М.* Как молились к Богу древние византийцы. Суточный круг богослужения по древним спискам византийского евхология. Л., 1979; Времяисчисление. – В: Христианство. В 3 т. Т. 1. М., 1993, с. 384; Суточный круг церковного богослужения. – В: Православие. Настольная книга верующего: Обряды. Святыни. Молитвы / Сост. А. Ю. Костин. М., 2008, 42–44.

[3] *Бородин, О. Р.* Человек и время. М., 1991, с. 22.

[4] *Ле Гофф, Ж.* Другое Средневековье. Екатеринбург, 2000, 36–48.

[5] *Истрин, В. М.* Книгы временъныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе /Текст исслед. и словарь. Петроград, 1920. Т. 1: текст, с. 96. 1; 340. 22; 454. 22; 519. 1.

[6] Ср.: *Grumel, V.* La chronologie. Paris, 1958, 161–235; *Sharf, A.* The Eighth Day of the Week. – В: Kathegetria: Essays Presented to Joan Hussey for her 80th Birthday. Camberley, Surrey, 1988, 27-50;

Kazdan, A. Time. – The Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford, 1991. Vol. 3, 2085-2086; *Доманoвский, А. Н.* О регулировании суточного времени торговли в Византии IV–IX вв. – В: Средневековая Европа: проблемы истории и культуры. Тезисы докладов ежегодной межвузовской конференции „Проблемы социально-политической истории и культуры средних веков“ / Под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2006, 77–79; *Бибиков, М. В.* Онтология времени в Византии. – В: Время в координатах истории. Тезисы международ. науч. конференции / Отв. ред. М. С. Бибиков. М., 2008, 84–86; *The Oxford Handbook of Byzantine Studies* / Ed. by E. Jeffreys, J. Haldon, R. Cormack. Oxford, 2008, 31-37; *Бибиков, М. В.* Час в Византии.., 71–85.

[7] *Kazdan, A.* Op.cit., p. 2085.

[8] *Grumel, V.* Op.cit., 163–164.

[9] *Михаил Пселл.* Хронография / Пер., ст., прим. Я. Н. Любарского. М., 1978, с. 288, прим. 22; *Бибиков, М.В.* Указ. соч., с. 72.

[10] Digesta / Rec. Th. Mommsen, retractavit P. Krueger. – Corpus juris civilis. Ed. stereotypa undecima. Berolini, 1908, vol. 1, II. 12. 8.

[11] *Бибиков, М. В.* Указ. соч., с. 73.

[12] *Constantini Porphyrogeniti* De Ceremoniis aulae byzantinae / Rec. I.I. Reiske. Bonnae, 1829, vol. 1, p. 14. 1. 12.

[13] Подр. см.: *Бибиков, М. В.* Указ. соч., 78–82.

[14] Ср.: *Карпюк, С. Г.* Времена года в хронологии Фукидида. – В: Время в координатах истории / Тезисы международ. науч. конференции / Отв. ред. М. С. Бибиков. М., 2008, с. 67.

[15] Из „Богословие (Небеса)“ на Иоан Екзарх. – *Кристанов, Цв., Дуйчев, И.* Естествознанието в средновековна България. Сборник от исторически извори. С., 1954, 66–69.

[16] *Grumel, V.* Op.cit., 164–165.

[17] *Византийская книга Эпарха* / Вступит. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. М., 1962, с. 247; *Бибиков, М. В.* Указ. соч., с. 74.

[18] *Сорочан, С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005, ч. 2, с. 1470 (гл. 11), коммент. 1137.

[19] *Бибиков, М. В.* Указ. соч., с. 74.

[20] *Чудеса Св. Димитрия Солунского*. – Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII–IX вв.) / Сост. С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин. М., 1995, с. 150 (собрание II, чудо 4. 245).

[21] *Пасхальная хроника*. – Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII–IX вв.) / Сост. С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин. М., 1995, с. 76.

[22] Ioannis Malalae Chronographia / Rec. I. Dindorf. Bonnae, 1831, 403–406; Иоанн Малала. Хронография. – *Евагрий Схоластик*. Церковная история. Книги 1–6 / Пер. с греч., вступ. ст., коммент., прилож., указатели И. В. Кривушина. СПб., 2006, 497–499; *Иоанн Никиусский*. Хроника. – *Евагрий Схоластик*. Указ. соч., с. 561.

[23] *Sacrorum consiliorum* nova et amplissima collecto / Ed. I. D. Mansi. Florentiae, 1763, т. 12, col. 991 B (Theoph. a. 6278); Vita S. Euthymii / Ed. P. Karlin-Hayter. – Byzantion. 1955–1957. T. 25–27. Fasc. 1, p. 62, 35–37.

[24] *Theophanes continuatus*. – Theophanes continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon magister, Georgius monachus / Rec. Im. Bekkerus. Bonnae, 1838, 39–40; *Продолжатель Феофана*. Жизнеописания византийских царей / Изд. подг. Я. Н. Любарский. СПб., 1992, 20–21 (I. 25–26).

[25] *Corpus juris civilis.* Berolini, 1895, vol. 2: Codex Iustinianus / Rec. P. Krueger, III. 12. 2 (3); *Basilicorum libri* LX / Ed. C. G. E. Heimbach, G. E. Heimbach. Lipsiae, 1833, т.1 (Lib. I–XII), VII. 17. 19; *Novellae constitutiones* imperatorum post Iustinianum, quae supersunt. – Ius graeco-romanum / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1857, vol. 3, 147–149 (nov. 54); Византийская книга Эпарха, XIII. 3; *Норвич, Дж.* История Византии. М., 2010, с. 23.

[26] О структуре таких мест торговли см.: *Сорочан, С. Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. Изд. 2-е, испр. и доп. Харьков, 2001, 57–228.

[27] *Епистолия о неделе* (Christi epistola de die dominia). – Anecdota graeco-byzantina. Pars 1 / Coll. dig. rec A. Vassiliev. M., 1893, 23–32; подр. см.: *Sharf, A.* The Eighth Day of the Week, 27-50.

[28] См.: *Фихман, И. Ф.* Египет на рубеже двух эпох: Ремесленники и ремесленный труд в IV – середине VII вв. М., 1965, с. 102.

[29] *Corpus juris civilis*. Berolini, 1895. Vol. 2: Codex Iustinianus / Rec. P. Krueger, II. 12; III. 2; III. 12. 2 (3).

[30] Digesta / Rec. Th. Mommsen, retractavit P. Krueger. – Corpus juris civilis. Ed. stereotypa undecima. Berolini, 1908, vol. 1, XIX. 2. 38.

[31] Gregentii episc. Tapharensis Homeritarum leges (Nomoi ton Omeriton). – PG, Turnholti, 1976, т. 86 A, col. 567–620, § 27.

[32] *Theophylacti Simocattae* Historiae / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887, II. 2. 6–7; Феофилакт Симокатта. История. М., 1996, 36–37.

[33] *Novellae constitutiones* imperatorum post Iustinianum, quae supersunt. – Ius graeco-romanum / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1857, vol. 3, 147–149; *Les Novelles de Leon VI le Sage*. Texte et traduction publies par P. Noailles et A. Dain. Paris, 1944, nov. LIV; *Тяжелов, А.* Законы греческих императоров в отношении к церкви после Юстиниана. М., 1876, 108–109.

[34] *Les Novelles de Leon VI le Sage*. Texte et traduction publies par P. Noailles et A. Dain. Paris, 1944, nov. LXXXVIII.

[35] *Troianos, Sp. N.* I miktigami kata tous ierous kanonas. – B: Ekklisiastikos Pharos. Athenai, 1980,113–127.

[36] *Basilicorum libri* LX / Ed. C. G. E. Heimbach, G. E. Heimbach. Lipsiae, 1833. T. 1 (Lib. I–XII), VII. 17. 19.

[37] *Бичурин, И.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. Л. – М., 1950, с. 331.

[38] Полный месяцеслов Востока. 2-е изд., испр., доп. Владимир, 1901. Т. 1: Восточная агиология архиепископа Сергия с обзором по агиологии и источников, 20–21; *Марченко, А. Н., Нюркаева, А. З.* Этика труда по Книге Эпарха. – В: Античность и Средневековье Европы. Пермь, 1994, с. 181.

[39] *Agnelliqui et Andreas Liber* Pontificalis Ecclesiae Ravennatis. – Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum langobardicarum et italicarum / Ed. O. Holder-Egger. Hannoverae, 1878, p. 362.

[40] *Chronique de Michel le Syrien*, patriarche jacobite d'Antioche (1166–1199) / Editee pour la premiere fois et traduite en francais par J.-B. Chabot. Paris, 1901, т. 2, p. 287, sec. X; *Михаил Сириец.* Хроника. – *Евагрий Схоластик*. Указ. соч., с. 602.

[41] *Черноусов, Е.* Сирийский источник по истории Византии. – ВВ, т. 25, 1927, с. 26.

[42] См.: *Сорочан, С. Б.* Указ. соч., 312–328.

[43] *Византийская книга Эпарха*, XIII. 3.

[44] Там же, с. 218.

[45] *Архиепископ Феодосий.* Палестинское монашество в IV–VI века. Киев, 1899, с. 102; *Steinmetzer, F.* Arbeitszuhe. – B: Reallexikon für Antike und Christentum. Sachwortrebuch zur Auseinandersetzung des Christentums mit der antiken Welt / Hrsg. von Th. Klauser. Stuttgart, 1959, Bd. 4, col. 593.

[46] *Leontios von Neapolis Leben* des heiligen Johannes des Barmherzigen, Erzbischofs von Alexandrien / Hrsg. v. H. Gelzer. – Sammlung ausgewählher Kirchen-und dogmengeschtlichen Quellenschriften von G. Krüger. Freiburg im / Br.; Leipzig, 1893, Heft 5, sec. XLIV A.

[47] *Курбатов, Г. Л.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. Л., 1971, с. 36.

[48] См.: *Сорочан, С. Б.Указ. соч.*, с. 317, 322– 323, 326–327.

[49] Там же, 326–327.

[50] *Византийская книга Эпарха*, XXI. 5.

[51] Там же, IX. 2; 7.

[52] Там же, II. 3.

[53] *История Византии*. В 3 т. Т. 2. М., 1967, с. 138.

[54] Ср.: *Бродель, Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII вв. В 3 т. Т. 2: Игры обмена. М., 1987, 13–14, 18.

[55] *Византийская книга Эпарха*, V. 3; 5; VI. 8; 9; VII. 4; X. 2.

[56] Там же, X. 2.

[57] Там же, V. 3.

[58] *Наследова, Р. А.* Ремесло и торговля Фессалоники конца IX – начала X вв. по данным Иоанна Камениаты. – ВВ. Т. 8. 1956, с. 84.

[59] *Византийская книга Эпарха*, IX. 7.

[60] Подр. о кердосе и его размерах см.: *Сорочан, С. Б.* О торгово-ремесленных доходах и их размерах (попытка понятийного и квантитативного анализа). – В: *Сорочан, С. Б.* Византия IV–IX вв.: этюды рынка. Структура механизмов обмена. Харьков, 1998, 368–428.

[61] *Salusbury, G. T.* Street Life in Medieval England. Oxford, 1948, p. 185.

[62] *Leontis Cyprorum* Episcopi Vita Sti Symeoni Sali. – PG, 1860, т. 93, col. 1740 B.

[63] *Марченко, А. Н., Нюркаева, А. З.* Этика труда по Книге Эпарха, 180–181.

[64] *Византийская книга Эпарха*, XIX. 3; *Домановский, А. Н.* О регулировании суточного времени троговли.., с. 77.

[65] *Византийская книга Эпарха*, XIX. 3.

[66] Там же, 3; *Безобразов, П. В.* Очерки византийской культуры. Петроград, 1919, с. 158.

[67] *Бичурин, И.* Указ. соч., с. 331.

[68] *Nicetae Choniatae Historia* / Rec. I. Bekker. Bonnae, 1835, p. 514.

[69] *Zachariae a Lingenthal* C. E. Ius graeco-romanum. Novellae constititiones. Lipsiae, 1857, т. 3, p. 631. 7; *Барабанов, Н. Д.* Пастырь и паства. Отношения константинопольского патриарха Афонасия I и жителей византийской столицы в контексте проблемы „народной религиозности". – В: СТРАТНГОС. Сб. статей в честь В. В. Кучмы / Отв. ред. С. Н. Малахов. Армавир, 2008, с. 25.

[70] *Palladius Helenopolitanus Lausiac*. – PG, 1860, т. 34, col. 1082.

[71] *Аммиан Марцеллин*. История / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского. Киев, 1907, вып. 2, 28. 4. 4.

[72] *Ливаний*. Речи / Пер. с греч., прим. С. Шестакова. Казань, 1912, т. 1, XI. 171; 257–258; 268; XVIII. 136; XXV. 3; *Домановский, А. Н.* Указ. соч., с. 79.

[73] *Вилинский, С. Г.* Житие Василия Нового в русской литературе. Ч. 2: Тексты. – В: Записки Новороссийского университета. Историко-филологический факультет. Т. 6. Одесса, 1911, с. 289.

[74] *Помяловский, И. В.* Житие иже во святых отца нашего Феодора, архиепископа Едесского. – Записки СПб. ун-та. Историко-филологический факультет. 1892, ч. 29, § 78.

[75] *Nicephori presbyteri Constantinopolitani* Vita Sti Andrea Stulti (Sali). – PG, 1863, т. 111, col. 649.

[76] Ср.: Византийская книга Эпарха, XIX. 2; 4.

[77] *Византийская книга Эпарха*, XV. 4.

[78] Ср.: Византийская книга Эпарха, с. 65.

[79] *Ioannis Malalae Chronographia* ex rec. L. Dindorfii. Bonnae, 1831, p. 482; Летопись Византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Пер. с греч. В. И. Оболенского, Ф. А. Терновского, пред. О. М. Бодянского. М., 1884, с. 173.

[80] В постные среду и пятницу ромеи не посещали даже баню. В шестом вопросе болгар к Папе Николаю I в 866 г. содержится намек на это, ибо спрашивающие утверждали, что греки не ходят в баню именно в эти дни (nullo modo in quarta et sexta feria balneari debeatis) (Допитванята на българите до папа Николай I през 866 година. – *Кристанов, Цв., Дуйчев, И.* Естествознанието в средновековна България. Сборник от исторически извори. С., 1954, с. 48).

[81] Жизнь и деяния аввы Симеона, юродивого Христа ради, записанные Леонтием, епископом Неаполя Критского (ок. 641–648 гг.). – Византийские легенды / Изд. подг. С. В. Полякова. М., 1972, с. 75.

[82] *Византийская книга Эпарха*, XII. 8.

[83] Ср.: Византийская книга Эпарха, XIII. 1.

[84] Ср.: *Кадеев, В. И.* Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I–IV веках н.э. Харьков, 1970, с. 6.

[85] *Nicephori presbyteri Constantinopolitani* Vita Sti Andrea Stulti (Sali). – PG, 1863, т.111, col. 1109, 1128.

[86] *Иоанн Мосх.* „Луг духовный“. – Византийские легенды / Изд. подг. С. В. Полякова. М., 1972, 51–52.

[87] *Symeoni Logothetae Metaphrastae* Vita Sti Marciani. – PG, 1864, т. 114, col. 449.

[88] *Агафий*. О царствовании Юстиниана / Вступ. ст., пер., прим. М. В. Левченко. М., 1953, с. 64 (II. 29).

[89] *Miracula S. Artemii* (Diegesis ton thaumaton tou agiou... Artemiou). – Varia graeca Sacra. Сборник греческих неизданных богословских текстов IV–XV веков / Изд. А. Пападопуло-Керамевс. Записки имп. СПб. ун-та. Историко-филологический факультет. 1909, ч. 95, с. 26.

[90] *Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae* e codice Sirmondiano / Ed. Hipp. Delehaye. – Acta Sanctorum. Novembris ad Acta Sanctorum Propylaeum. Bruxelles, 1902, col. 232–233.

[91] *Ливаний*. Речи, XI. 268; XXV. 36.

[92] *Сюзюмов, М. Я.* Ремесло и торговля Константинополя в начале X в. – ВВ, 1951, т. 4, с.19.

[93] Подр. см.: *Сорочан, С. Б.* Указ. соч., 312–332.

[94] *Бибиков, М. В.* Онтология времени в Византии.., с. 85; ср.: The Oxford Handbook of Byzantine Studies, 31-37.

УДК 930.2:[330.342.13:519.86]

МАТЕМАТИЧНЕ МОДЕЛЮВАННЯ В ДОСЛІДЖЕННЯХ СОЦІАЛЬНО-ЕКОНОМІЧНОЇ ІСТОРІЇ РАННЬОСЕРЕДНЬОВІЧНОЇ ВІЗАНТІЇ (ЗДОБУТКИ, ПРОБЛЕМИ, ПЕРСПЕКТИВИ)*

А. М. Домановський

Домановський А. М. **Математичне моделювання в дослідженнях соціально-економічної історії ранньосередньовічної Візантії (здобутки, проблеми, перспективи)**

У статті йдеться про використання формалізованого математичного моделювання у дослідженнях з історії візантійської економіки. Використання методів математичного моделювання економічних процесів може бути успішним не лише за наявності великих обсягів числових даних. Можливім є створення математичних моделей за рахунок встановлення функціональних зв'язків між умовними перемінними величинами, до яких зводиться у моделі досліджувана система. Застосування математичного моделювання передбачає формалізацію даних, завдяки чому вони набувають нових пізнавальних параметрів, відсутніх у звичайному, „якісному" наративі.

Ключові слова: Візантія, економіка, соціально-економічні процеси, математичне моделювання

Домановский А. Н. **Математическое моделирование в исследованиях социально-экономической истории раннесредневековой Византии (достижения, проблемы, перспективы)**

В статье идет речь о применении формализованного математического моделирования в исследованиях по истории византийской экономики. Использование методов математического моделирования экономических процессов может быть успешным не только при наличии больших объемов числовых данных. Возможно создание математических моделей за счет установки функциональных связей между условными переменными величинами, к которым сводится в модели исследуемая система. Применение математического моделирования предусматривает формализацию данных, благодаря которой они получают новые познавательные параметры, отсутствующие в обычном „качественном" нарративе.

Ключевые слова: Византия, экономика, социально-экономические процессы, математическое моделирование.

Domanovsky A. M. **Mathematical modeling in research on the socio-economic history of early medieval Byzantium (achievements and challenges)**

The article deals with the application of formal mathematical modeling in research on the history of the Byzantine economy. The use of mathematical modeling of economic processes can be successful not only in the presence of large amounts of numerical data. You can create mathematical models by

---

* Стаття є дещо доопрацьованим (доповненим покликами на згадувані наукові праці) варіантом виступу на Міжнародному симпозіумі „HOMO BYZANTINUS серед ідей та речей" (Харків, 1 липня 2010 р.) і тому може розглядатися лише як попередня публікація результатів дослідження.

© А. М. Домановський, 2012

installing a functional relationship between the conditional variables, which reduces the model system under investigation. The use of mathematical modeling provides a formalization of data, through which they receive new educational options that are not in the usual "quality" narrative.

Keywords: Byzantine Empire, economy, socio-economic processes, mathematical modeling.

Застосування математичних методів для дослідження соціально-економічної історії традиційно пов'язується з широким використанням статистичних джерел, великих обсягів числових даних тощо. Значно меншою мірою математичні методи використовуються для дослідження соціально-економічної історії у випадках, коли наявні джерела не забезпечують дослідника відповідними числовими свідченнями. Така ситуація чи не найбільш притаманна для історичних епох давнини і середньовіччя, і тим більш цінними є ті окремі дослідження, які застосовують методи математики, і то доволі успішно, для вивчення історії соціально-економічних процесів саме цих періодів. Аналіз досвіду таких результативних спроб видається доволі актуальним, оскільки дозволить окреслити коло певних перспективних напрямків використання математичної обробки джерельного матеріалу, відкриє нові можливості для здобуття із загальновідомих, сотні разів використаних історичних джерел нової, нетривіальної інформації.

Застосовувати математичні методи в дослідженнях з візантійської економіки почали практично одночасно зі становленням наукової візантиністики як такої. Перші спроби нескладних підрахунків можна віднайти у працях Дж. Б. Б'юрі, Ш. Діля, Ф. І. Успенського та низки інших відомих науковців, які стояли біля витоків наукового візантинознавства. Втім, застосування математичних методів цими дослідниками мало суто принагідний і слабко відрефлексований характер, майже не виходило за межі простих статистичних обчислень у тих рідкісних випадках, коли джерела таки містили певну числову інформацію. А оскільки числових даних виразно бракувало, застосування математичних методів аж ніяк не могло бути широкомасштабним і, зрештою, продуктивним. Умовно кажучи, дослідники кінця XIX – початку XX ст. застосовували методи математики для кількісної, а не якісної обробки джерельних свідчень, тобто не намагалися видобувати з джерел тієї інформації, яка лежала глибше за найпростіші числові підрахунки.

Прикладом можуть слугувати дослідження „кредитної реформи" василевса Никифора I Геніка (802–811), здійснювані вже Дж. Б. Б'юрі, а услід за ним та його сучасниками також і такими дослідниками, як Г. Кассіматус[1], Г. Братіану[2], Е. Франчес[3]. Никифор I заборонив приватне лихварство і замінив його на централізоване державне кредитування[4]. Держава надавала купцям 12 літр золота під фіксовані відсотки, які становили 4 кератії на кожну номісму позики. Враховуючи, що номісма містила 24 кератії, дослідники вираховували відсоток, який сплачувався державі наступним нескладним чином: 100 % / 24 кератії (тобто отримання відсоткової частки одного кератія у кожній номісмі) ≈ 4,167 %. Після цього отримані 4,167 % множили на 4 (кількість кератіїв, що стягуються з кожної номісми позики у якості відсотка лихви) і отримували приблизно 16 $^{2}/_{3}$ %. Отримані дані порівнювалися із загальновідомими свідченнями законодавства (скажімо, Кодексу Юстиніана і Василік) про максимально припустимі відсоткові ставки, і робилися відповідні „якісні" висновки про характер здійснених Никифором I реформ у сфері кредитування[5].

Можна було піти ще простішим шляхом, вираховуючи загальну суму позики. Оскільки літра – це 72 номісми, отримуємо загальну суму позики, помноживши 72 на 12 = 864 номісми. Після цього підраховуємо, скільки саме боржник сплатить у якості відсотка за позикою наступним чином: 864 × 4 (кількість кератії, що стягуються у якості відсотків з кожної номісми) = 3456. Далі, відповідно, достатньо розділити отриману кількість кератіїв на 24 (кількість кератіїв у одній номісмі), й отримаємо 144 номісми. Таким чином, взявши позику в 12 літр золота або 864 номісми потрібно було сплати у якості лихви 16 $^{2}/_{3}$ % відсотка, що становило 144 номісми.

Приклад, як бачимо, доволі наочний, і демонструє суто прикладний рівень розрахунків. Причому варто наголосити на унікальності свідчень письмових джерел. У переважній же більшості випадків дослідники задовольнялися простим статистичним зведенням доступних числових даних джерел (наприклад, цін, прив'язаних до певних продуктів за вагою, якістю, об'ємом тощо) і надавали до цієї направду по крупицях зібраної інформації більш чи менш розлогі коментарі.

Часом такі розвідки ставали вельми вагомим внеском до економічної історії ранньосередньовічної Візантії, як, наприклад, статті Г. Острогорського[6] та Й. Ірмшера[7], дослідженням С. Моррісон та Ж.-К. Шене[8], загальне враження про які можна отримати з написаного ними у співавторстві розділу„Ціни та ваги у візантійському світі" для колективної економічної історії Візантії (Вашингтон, 2002 р.)[9]. До цього переліку також можна долучити низку праць Е. Патлажан[10], М. Ф. Хенді[11], В. Тредголда[12] (справедливо критикованого іншими відомими дослідниками за надто прямолінійні модернізаторські підрахунки державного бюджету Візантійської імперії[13]), Н. Ікономідеса[14] та низки інших.

Рідко хто з названих науковців намагався вийти на більш широкі узагальнення шляхом математичної формалізації даних джерел, і ще рідше ці спроби було визнано вдалими, як, скажімо, у щойно згаданому випадку з підрахунками, здійсненими В. Т. Тредголдом. Показовим, мабуть, можна вважати приклад із дисертацією Д. Н. Скіотіса, захищеною 1973 р. у Пенсільванському університеті[15]. Цьому дослідникові на вдалося, як на нас, дотриматися принципу історизму, й тому в здійсненому ним економічному математичному моделюванні історичні реалії ранньосередньовічної Візантії зазнали нічим не виправданої модернізації через некритичне застосування теоретичних побудов сучасних наук. Положення сучасних політекономії й економічної теорії аж ніяк не можна напряму застосовувати щодо минулого, оскільки вони самі значною мірою обумовлені історичною ситуацією XVIII–XXI ст. До певної міри це можна порівняти з тим, як зовсім нещодавно Е. Люттвак використав мову сучасної теоретичної й практичної геополітики для опису й аналізу зовнішньої політики Візантійської імперії[16]. Попри яскраві й цікаві спостереження такий підхід викликає серйозні зауваження з боку фахівців.

На цьому фоні важливим винятком виглядають активно друковані останніми роками в провідних візантиністичних часописах дослідження Г. Маніатіса[17], який хоча й може бути підданий критиці, але, в будь-якому разі, значно обережніше поводиться з реаліями доби. Нещодавно статті цього дослідника було зібрано під обкладинкою однієї книги, що зробило їх значно більш доступними для використання[18].

Цілком пристойно у схарактеризованому контексті виглядає і внесок низки російських та українських науковців, таких, як, наприклад, Г. Г. Литаврін[19], К. В. Хвостова[20], С. Б. Сорочан[21]. Вельми важливим при цьому є той факт, що, на відміну від переважної більшості західних колег, ці та інші науковці здійснили доволі вдалі спроби рефлексії застосування математичних методів для дослідження візантійської економіки. Під цим кутом зору варто назвати, перш за все, окремі розвідки К. В. Хвостової[22], і, зокрема, спільну з філософом К. В. Фінном монографію, присвячену проблемам історичного пізнання у світлі сучасних міждисциплінарних досліджень[23]. Важливо звернути увагу на те, що теоретичні побудови здійснювала при цьому історик-практик, яка мала справу з «живим» матеріалом джерел, а той факт, що це була ще й професійна візантиністка, яка долучала до своїх теоретизувань передусім візантійський матеріал, робить їх ще більш значимими саме для візантинознавства.

Поряд з працями К. В. Хвостової необхідно згадати ключову статтю А. Р. Корсунського „Проблема измерения социальных явлений в исторических источниках и литературе", що розглядає проблеми застосування математичного моделювання для обробки рідкісних, поодиноких числових даних, які залишила нам доба стародавнього світу та середньовіччя[24]. Головний висновок, якого доходять у своїх побудовах К. В. Хвостова і А. Р. Корсунський, наголошує на тому, що використання кліометрії, методів математичного моде-

лювання може бути успішним не лише за наявності великих обсягів числових даних, але й за лишень окремих розпорошених свідчень і, більше того, навіть за повної їхньої відсутності. Математичним моделюванням або, умовно кажучи, „вимірюванням“ буде в цьому випадку встановлення того чи або іншого „функціонального зв’язку між двома змінними величинами, до яких зводиться досліджувана система“[25]. Це дозволяє створювати аналітичні математичні моделі взаємодії між перемінними числовими величинами й записувати їх у формі того чи іншого алгебраїчного рівняння[26].

При цьому одиниці вимірювання і конкретні числові дані відсуваються на другий план, перестають бути першочергово важливими. Застосовується так званий метод непрямого вимірювання, причому специфічним видом вимірювання у цьому випадку є саме знаходження функціонального зв’язку між певними елементами системи, що досліджується.

Використання математичного моделювання передбачає формалізацію даних, завдяки якій вони набувають нових пізнавальних властивостей, котрих вони були позбавлені у звичайному „якісному“ наративі. Формалізація, таким чином, дозволяє значно чіткіше сформулювати чи уточнити часто-густо розпливчасті історичні поняття. І навіть якщо не завжди є змога отримати з джерел всі дані, необхідні для використання математичних методів, сама підготовка умов для виконання математичного моделювання має своїм важливим наслідком суттєве уточнення нашого уявлення про той історичний феномен, який ми досліджуємо. Моделювання, що передбачає формалізацію „тривіальних“ суджень, має самостійну пізнавальну значимість, яка виявляється не лише в остаточному результаті – створеній моделі, але також і у самому процесі її побудови. Під час цього досягається чітке формулювання дослідницького завдання, уточнюється спричинена нестачею даних історичних джерел „розпливчастість“ дослідницької ситуації[27]. Відбувається своєрідне, умовно кажучи, „створення позитивного знання“, яке базується на детальному перегляді та формалізації інформації, виникає так званий „винесений“ з джерела, або „дарований“ новий зміст.

Ці теоретичні висновки, не наголошуючи на них спеціально, активно і плідно використовують сучасні вітчизняні візантиністи. Так, не можна оминути розлогу статтю С. Б. Сорочана „Понятие „прибыль“ и размеры торгово-ремесленных доходов в раннесредневековой Византии“. Нами також було здійснено спробу відтворити механізми утворення цін на продовольчі товари згідно з приписами Книги Епарха і записати їх у вигляді відповідних математичних формул[28], так само як і менш формалізований пошук прихованих механізмів соціальної політики у цій сфері[29]. Одну з таких побудов можна відтворити у якості прикладу й у цій статті, тим більше, що її було дещо уточнено й доповнено порівняно з попередніми публікаціями.

Як відомо, згідно з приписами Книги Епарха, ціна готового хліба встановлювалася залежно від рівня закупівельних цін на зерно. Після того, як помічник міського епарха Константинополя Симон встановлював вагу короваю, артополи самі „мають здійснювати й ексагії (ποιείτωσαν καὶ ἑξάγια)“[30]. Як видається, більш точним в цьому випадку є наведений М. Я. Сюзюмовим, але відкинутий ним переклад „розкладки за вагою“[31]. Дійсно, пекарі мали розділити вагу зерна, купленого на одну номісму, на вагу буханця, встановлену симпоном, отримавши, таким чином, кількість короваїв, яку потрібно було виготовити з „контрольної ваги зерна“. Далі, розділивши загальну суму виручки на кількість короваїв, вираховували вагу одного буханця. Всі ці дії складалися у механізм встановлення ціни на хліб, який можна записати за допомогою наступної формули:

$$x = \frac{348 \times d}{z},$$

де x – ціна одного короваю; 348 (фоллів) – загальна сума виручки пекарів; d – вага одного буханця; z – вага зерна, купленого на одну номісму.

Ж. Дагрон вважає, що симпон мав використовувати спеціальні таблиці з метою полегшити різного роду підрахунки і перетворення й вирахувати співвідношення між цінами, вагою і відсотковими ставками прибутку на етапі, коли підрахунки, зроблені на підставі зерна, застосовувалися до готового хліба[32]. Як вірогідний приклад таких таблиць дослідник наводить зафіксовану в Геопоніках формулу, згідно з якою спочатку потрібно було досягти того, щоб модій пшениці був приблизно рівним за вагою 40 фунтам (близько 13 кг), для чого відбиралося лише якісне зерно. Під час помолу, замішування і випікання втрати у вазі становили близько 15 %, тобто в цілому на один модій високоякісної пшениці – близько 6 фунтів[33].

Відповідні підрахунки на цьому етапі мав здійснювати вже не симпон, а самі пекарі, коли вони здійснювали „розкладки за вагою". Це видається достатньо ймовірним, оскільки помічник епарха лише визначав вагу одного буханця, а їхня кількість, що випікалася з „контрольної ваги" зерна, визначалася вже артополами. Симпону потрібно було лише враховувати під час призначення ваги й ціни приблизний обсяг втрат ваги зерна під час технологічного процесу виготовлення хліба.

На особливу ж увагу заслуговують дві статті російського дослідника А. Л. Пономарьова з показовими назвами „Кого нет, того не сосчитать?" или сколько в Византии было знати и купцов" і „Чего нет, того не сосчитать?" или сколько в Византии чеканили монет"[34]. Хоча ці розвідки стосуються пізньосередньовічної Візантії, розглянуті принципи формалізації даних як передумови математичного моделювання знайшли у них чи не найповніше застосування.

Таким чином, було розглянуто особливості й досягнення використання методу математичного моделювання для вивчення соціально-економічної історії ранньосередньовічної Візантії. Перспективи використання формалізованого математичного моделювання у дослідженні соціально-економічної історії ранньосередньовічної Імперії ромеїв достатньо значні, передусім з огляду на те, що сучасною світовою візантиністикою зібрано практично 100 % фактичного числового матеріалу. Водночас докладні формалізовані кліометричні дослідження майже не здійснюються, причому, враховуючи тотальну увагу сучасної історіографії до питань історичної психології, ментальності, свідомості та інших проявів пошановуваного з часів Школи Анналів „людського" в історії, шанси на скору їхню появу залишаються незначними. Нарешті, в науці, як бачимо, напрацьована вагома теоретична база застосування методів математичного моделювання для вивчення соціально-економічної історії, не переобтяженої наявністю числових даних. Візантинологу-практику в цьому відношенні значно полегшує життя той факт, що значну частину цієї теоретичної бази напрацювала фахова візантиністика (передусім в особі К. В. Хвостової, частково – А. Л. Пономарьова та Г. Маніатіса), яка часто оперує при викладі складних матерій відносно простими і добре знайомими прикладами з візантійської історії.

[1] *Cassimatus, G.* La dixieme „vexation" de l'empereur Nicefore / G. Cassimatus. – Byzantion, 1932, т. 7, 149–160.

[2] *Brătianu, G. I.* La politique fiscale de Nicéphore Ier ou Ubu Roi à Byzance / G. I. Brătianu. – In: *Brătianu, G. I.* Etudes byzantines d'histoire économique et sociale. Paris, 1938, 183–216.

[3] *Frančes, E.* L'empereur Nicephore I^-er^ et le commerce maritime byzantin / E. Frančes. – BS, 1966, т. 27, Fasc. 1, 41–47.

[4] Див.: Theophanis Chronographia / Ex rec. C. De Boor. Lipsiae, 1883, vol. 1: Textum graecum contiens, p. 487; Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / В пер. с греч. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского, с предисл. О. М. Боданского. М., 1884, с. 358.

[5] Оскільки це питання потребує окремого доволі докладного аналізу, в рамках цієї публікації зупинятися на ньому не варто.

[6] *Ostrogorsky, G.* Löhne und Preise in Byzanz / G. Ostrogorsky. – BZ, 1932, Bd. 32, 293–333.

[7] *Irmscher, J.* Einiges über Preise und Löhne im fruhen Byzanz / J. Irmscher. – In: Studien zum 8. und 9. Jahrhundert in Byzanz / Her. von H. Köpstein und F. Winkelmann. Berlin, 1983, S. 23–33 (Berliner Byzantinistische Arbeiten. Bd. 51).

[8] *Cheyne,t J.-Cl., Malamut, É., Morrisson, C.* Prix et salaries à Byzance (X^{e}–XVe siècle) / J.-Cl. Cheynet , É. Malamut, C. Morrisson. – In: Hommes et rechesses dans l'Empire byzantin. Paris, 1991, т. 2: VIIe–XVe siecle / Ed. V. Kravari, J. Lefort, C. Morrisson. 339–375; *Morrisson C.* Monnaie et prix à Byzance du Ve au VIIe siècle / C. Morrisson. – In: Hommes et richesses l'Empire byzantin. – T. 1. IVe–VIIe siècle. Paris, 1989, 239–260.

[9] *Morrisson, C., Cheynet, J.-Cl.* Prices and Wages in the Byzantine World / C. Morrisson, J.-Cl. Cheynet. – In: The Economic History of Byzantium. From the Seventh through the Fifteenth Century. Vol. 1-3. Washington, 2002, 807-870.

[10] Перш за все: *Patlagean, E.* Pauvreté économique et pauvreté sociale a Byzance. 4e–7e siècles / E. Patlagean. Paris, 1977; Recherches sur les paureté et la paureté dans l'Empire Romain d'Orient (IVe–VIIe siecles) / E. Patlagean. Lille, 1974, vol. 1–2.

11 *Hendy M. F.* Studies in the Byzantine Monetary Economy, 300-1450 / M. F. Hendy. Cambridge, 1985.

[12] *Treadgold, W. T.* The Byzantine Revival, 780-842 / W. T. Treadgold. Stanford, 1988; The Byzantine State Finance in the Eight and Ninth Centuries / W. T. Treadgold. New York, 1982.

[13] *Lilie, R.-J.* Stellungnahme zu der Entgengung W. T. Treadgolds / R.-J. Lilie. – BS, 1989, Bd. 50, Fasc. 1, 62–63.

[14] *Oikonomide,s N.* Fiskalité et exemption fiscale a Byzance (IX^{-e}–XI^{-e} s.) / N. Oikonomides. Athenes, 1996.

[15] *Skiotis, D. N.* An Econometric Model of the Byzantine Empire / D. N. Skiotis. Doctoral dissertation. University of Pennsylvania, 1973.

[16] *Люттвак, Э.* Стратегия Византийской империи. М., 2010.

[17] *Maniatis, G. C.* Organization, Market Structure and Modus Operandi of the Private Silk Industry in Tenth-Century Byzantium / G. C. Maniatis. – DOP, 1999, т. 53, 263-332; Price Formation in the Byzantine Economy. Tenth to the Fifteenth Centuries / G. C. Maniatis. – Byzantion, 2003, т. 73, 401-444; The Organizational Setup and Functioning of the Fish Market in Tenth-Century Constantinople / G. C. Maniatisю – DOP, 2000, т. 54, 13-42; The Perishable Produce Market in Byzantium. Organization, Marketing and Pricing Policies / G. C. Maniatis. – BS, 2003, т. 63, 143-150; The Wheat Market in Byzantium, 900-1200. Organization and Pricing Strategies / G. C. Maniatis. – BS, 2004, т. 62, 103-124 та ін.

[18] *Maniatis, G. C.* Guilds, Price Formation and Market Structures in Byzantium / G. C. Maniatis. London, 2009.

[19] Див., перш за все: *Литаврин, Г. Г.* Процент законной прибыли и процент налога с нее в византийском городе X–XI вв. / Г. Г. Литаврин. – АДСВ, 1973, вып. 10, 39–43; Византийское общество и государство в X–XI вв. Проблемы истории одного столетия: 976–1081 гг. / Г. Г. Литаврин. М., 1977.

[20] *Хвостова, К. В.* Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии (XIV–XV вв.) / К. В. Хвостова. М., 1968; Количественный подход к средневековой социально-экономической истории / К. В. Хвостова. М., 1980, та ін.

[21] *Сорочан, С. Б.* Nota II: О торгово-ремесленных доходах и их размерах (попытка понятийного и квантитативного анализа) / С. Б. Сорочан. – В: *Сорочан, С. Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. Структура механизмов обмена / С. Б. Сорочан. Харьков, 1998, 368–428; Понятие „прибыль" и размеры торгово-ремесленных доходов в раннесредневековой Византии / С. Б. Сорочан. – В: Античный мир. Византия: К 70-летию профессора В. И. Кадеева (Сб. науч. трудов). Харьков, 1997, 300–319 та ін.

[22] *Хвостова, К. В.* Методологические проблемы применения математических методов в исторических исследованиях / К. В. Хвостова. – ВИ, 1975, № 11, 97–112; Количественный подход к средневековой социально-экономической истории / К. В. Хвостова. М., 1980; Количественные методы в истории / К. В. Хвостова. – ВФ, 2002, № 6, 60–68; Социальная информация в общественных отношениях в Византии / К. В. Хвостова. – ВИ, 2003, № 11, 52–61 та ін.

[23] *Хвостова, К. В., Финн, В. К.* Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований / К. В. Хвостова, В. К. Финн. М., 1997.

[24] *Корсунский, А. Р.* Проблема измерения социальных явлений в исторических источниках и литературе / А. Р. Корсунский. – В: Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975, 6–38.

[25] Там же, с. 7.

[26] Историческая информатика / Под ред. Л. И. Бородкина, И. М. Гарсковой. М., 1996, 329–331.

[27] Див.: *Хвостова, К. В.* Количественные методы.., 60–68; Количественный подход..; *Ковальченко, И. Д.* О моделировании исторических явлений и процессов / И. Д. Ковальченко. – ВИ, 1978, № 8, 72–93; Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. М., 2003 та інші праці цих дослідників.

[28] *Домановский, А. Н.* Моделирование механизма установления цен на продукты питания в Константинополе согласно Книге Эпарха [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/

Science/Conf/lomweb01/domanov2 (Тезисы конф. „Ломоносов – 2001“, Москва, 19–20 апреля 2001г.). Доступ: 21.10.2011; О регулировании торговли продовольствием в Константинополе согласно Книге Эпарха (Опыт реконструирующего моделирования элементов управленческого процесса) / А. Н. Домановский. – В: Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Харків, 2001, вип. 5, 37–46.

[29] *Домановский, А. Н.* Государство и оптовая торговля продовольствием в Византии VIII–X вв.: скрытые механизмы социальной политики / А. Н. Домановский. – В: Проблемы истории и археологии Украины: материалы международной научн. конф. (Харьков, 16–18 мая 2001 г.). Харьков, 2001, 92–93; Косвенное регулирование оптовой торговли продовольствием в Византии VIII–X вв.: некоторые аспекты социальной политики / А. Н. Домановский. – В: Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Збірник наукових праць. Харьков, 2003, вип. 6, 14–21.

[30] *Византийская книга Эпарха* / Вступ. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. М., 1962, XVIII,1.

[31] Там же, с. 238.

[32] *Dagron, G.* The Urban Economy, Seventh - Twelfth Centuries / G. Dagron. – In: The Economic History of Byzantium. From the Seventh through the Fifteenth Century. T. 1-3. Washington, 2002, 447-448.

[33] Geoponica sive Cassiani Bassi scholastici De re rustica eclogae / Rec. H. Beckh. Lipsiae, 1895. II. 32.1–3, p.71; Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в. / Введ., пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М.–Л., 1960, с. 72.

[34] *Пономарев, А. Л.* „Кого нет, того не сосчитать?“ или сколько в Византии было знати и купцов / А. Л. Пономарев. – В: Математические модели исторических процессов. М., 1996, 236–244; „Чего нет, того не сосчитать?“ или сколько в Византии чеканили монет / А. Л. Пономарев. – В: Математические модели исторических процессов. М., 1996, 224–235.

УДК 94(100)«05»:623.1/.2

ФОРТИФІКАЦІЙНА ПРАКТИКА ІМПЕРАТОРА ЮСТИНІАНА І ТА КРИЗА ЛІНІЙНОЇ СИСТЕМИ ІНЖЕНЕРНОЇ ОБОРОНИ ВІЗАНТІЇ

О. В. Вус

***Вус О. В.* Фортифікаційна практика імператора Юстиніана І та криза лінійної системи інженерної оборони Візантії**

Впродовж останніх років правління імператора Юстиніана І в системі інженерного облаштування театру воєнних дій, на який тоді перетворилися північні провінції Ромейської держави, сталися значні зміни. Трансформувалися погляди візантійської адміністрації на проблеми фортифікаційного забезпечення території імперії і відбувся перехід від простої лінійної до складної глибоко ешелонованої системи інженерної оборони.

Ключові слова: Візантія, Юстиніан І, система оборони, північні провінції.

***Вус О. В.* Фортификационная практика императора Юстиниана I и кризис системы инженерной обороны Византии**

В течение последних лет правления императора Юстиниана I в системе инженерного обустройства театра военных действий, которым тогда стали северные провинции Ромейского государства, произошли значительные изменения. Трансформировались взгляды византийской администрации на проблемы фортификационного обеспечения территории империи и произошел переход от простой линейной к сложной глубоко эшелонированной системе инженерной обороны.

Ключевые слова: Византия, Юстиниан I, система обороны, северные провинции.

***Vus O. V.* Fortification practice of Emperor Justinian I and the crisis of the system engineering defense of Byzantium**

In last years of the reign of Emperor Justinian I in the system engineering arrangement the theater of operations, which then became the northern provinces of the Byzantine state, significant changes have occurred. Transformed the Byzantine administration views on the problems of fortification to ensure the territory of the empire and the transition from simple to complex linear systems engineering in depth defense.

Keywords: Byzantine Empire, Justinian I, defense system, the northern provinces.

У першій половині VI ст. видатний правитель Східної Римської імперії (Візантії) імператор Юстиніан I (527–565)[1] почав втілювати в життя один зі своїх амбітних політичних проектів, а саме відновлення Римської держави (Renovatio Imperii Romanorum) в старих кордонах під його скіпетром. Задля відновлення єдиної Імперії Юстиніан I діяв у двох напрямах. Найкращі полководці ромеїв (Велізарій, Нарсес, Іоанн Трогліта) провели низку стратегічних наступальних операцій проти германських королівств в Італії, Іспанії, Північній Африці, а також проти персів в Азії[2]. По-друге, імператор ініціював грандіозну військово-будівельну діяльність для захисту кордонів Візантії від ворожих нападів[3].

© О. В. Вус, 2012

Головною причиною, що змусила Юстиніана I розпочати масштабні фортифікаційні заходи, була нестабільна військово-політична ситуація. На візантійських кордонах періодично з'являлися нові нападники (авари, болгари, гуни, слов'яни, тюркюти), які загрожували самому існуванню Імперії. Завдяки високорозвиненій військовій організації, якісному озброєнню та великій кількості воїнів, ці племена неодноразово проривалися через старі римські системи інженерного захисту та успішно громили армію ромеїв у відкритих боях.

У 499 р. зафіксований перший напад слов'янського війська на Імперію з північного напрямку. У Фракії (на р. Цутра) слов'яни розгромили 15-тисячну візантійську армію, причому ромеї втратили понад 4000 воїнів убитими[4]. 517 року слов'яни знову пішли в наступ. Їхні загони прорвалися до Македонії, Фесалії, дійшли до гірського проходу Фермопіли, а на заході до провінції Старий Епір. У 534 р. слов'яни знищили за Дунаєм східно-римське військо воєначальника Хільбудія, котрий три роки успішно обороняв Дунайський захисний рубіж[5]. П'ять років потому на прикордонні провінції Скіфія та Мезія вперше напали болгари. Їхні загони вдерлися до Фракії і там двічі розгромили імперські війська, якими командували стратилати Юстин, Баударій та Константин[6]. В тому ж 539 р. болгарська орда спробувала повторити свій успіх, проте була розбита і знищена комітом федератів Мундом.

Саме за таких умов довелося діяти та приймати рішення Юстиніану I. Сутність його задуму полягала в спорудженні кількох лінійних оборонних рубежів на сухопутних кордонах Імперії, причому головний рубіж мав проходити по території Північної Греції із заходу на схід[7]. Окрім укріплень на берегах Дунаю, було споруджено 100 нових та відновлено близько 300 старих римських фортець. Крім того, була створена укріплена зона в Епірі, Фесалії, Македонії та Фракії, а південніше – ще дві лінії фортець: у Дакії, Дарданії та Мезії[8]. Останнім оборонним рубежем в європейських провінціях Візантії були „довгі стіни"[9], побудовані в 512 р. за наказом імператора Анастасія I (491–518)[10]. Ці укріплення простягалися від Мармурового моря до Чорного за 40 км від Константинополя і мали довжину 420 стадій (близько 80 км). Кінцевими пунктами були Сілімврія та Деркос. У Малій Азії захисний рубіж простягався до гір Кавказу[11], і далі, до Євфрату. Аналогічний лімес будувався також від Цейти (Сеути), в Марокко, через усю Північну Африку.

Сучасник тих подій, автор трактату „Про споруди" Прокопій Кесарійський (490/507–562) констатував: „Оскільки Римська держава з усіх боків зазнавала навал варварів, він [Юстиніан I – *О. В.*] посилив її [значною – *О. В.*] кількістю військ та зміцнив усі її околиці будівництвом фортець"[12].

Серед низки військових заходів Юстиніан I передбачав і розміщення на відновлених римських лімесах формувань воїнів-прикордонників (milites limitanei)[13], які, на його думку, „могли б захистити і табори, і прикордонні міста, і обробляти землі, щоб інші мешканці провінції, спостерігаючи їх, поступово вирушали в ці місця (qui possint et castra et civitates limitis defendere et terras colere, ut alii provinciales videntes eos per partes ad ilia loca se conferant)"[14].

Прокопій Кесарійський з гордістю зазначав, що в результаті надзусиль „наш імператор з'єднав ліси та ущелини, поєднав море з горами, всю Елладу оточив укріпленнями"[15]. На думку Прокопія, найбільше у його сучасників могло викликати здивування те, наскільки численними «стінами» Юстиніан I укріпив Східну Римську імперію.

Проте навіть оточена численними „довгими стінами" держава знову і знову зазнавала поразок і принижень у війнах з „варварами". У 557–558 рр. у столиці Імперії з дипломатичним візитом з'явилися посли аварів [гуни в джерелах, таким іменем ще довго візантійські автори називали аварів та болгар – *О. В.*]. На нашу думку, метою їхнього візиту була глибока розвідка загального становища Ромейської держави. У 559 р. об'єднані сили болгарів-котригурів та слов'ян вдерлися до Фракії, розгромили ромеїв у відкритому бою, а потім прорвали „довгу стіну" імператора Анастасія та впритул наблизилися до Константинополя[16].

Під час відбиття нападу котригурів з'ясувалося, що обороняти місто нема кому, адже „все римське військо … на той час ледве складало сто п'ятдесят тисяч і одні з них були розміщені в Італії, інші в Лівії, треті в Іспанії, деякі у колхів, в Александрії та Фівах Єгипетських…"[17]. Більше того, велике запитання викликала і реальна обороноздатність „довгої стіни" імператора Анастасія. За повідомленням Агафія Мірінейського (536–582), болгари-котригури „легко здолали довгі стіни та підійшли до укріплень, розташованих усередині. Внаслідок давності та покинутості велике укріплення в багатьох місцях впало та зруйнувалося[18]. Деякі ж частини вони [болгари – *О.В.*] самі зруйнували, причому так легко і безтурботно, нібито руйнували житлові будинки, тому що не було нікого, хто б чинив спротив. Не було там ніякого військового гарнізону, ніяких знарядь для відбиття ворогів. Не було й тих, хто використав би і привів до дії ці знаряддя…"[19]. Тільки мужність і військовий талант літнього полководця Велізарія (бл. 504–565), виявлені ним в бою біля селища Хетта, врятували столицю Імперії.

Після низки поразок у війнах з „варварами" на північному кордоні візантійська адміністрація була змушена переглянути принципи, за якими організовувався інженерний захист придунайських провінцій Імперії (Дакії, Дарданії, Мезії, Фракії, Ілірику, Епіру, Македонії) та посилити їхню обороноздатність. Було з'ясовано, що зведений за лінійною схемою оборонний рубіж, у разі його руйнування та прориву противником в одному місці, стає вже непотрібним і нічого не вартим. Після цього в північних провінціях Імперії розпочалося будівництво глибоко ешелонованої військово-інженерної системи стратегічного призначення, яка складалася з трьох потужних захисних рубежів: Дунайського, Балканського та Странджанського лімесів.

Найголовнішим з них був Дунайський лімес. До складу цього рубежу в 560 р. входив 121 оборонний комплекс різного типу та призначення (бурги, фрурії, фруріони). Інженерний рубіж був зведений на величезній відстані – від фортеці Singidunum (суч. Бєлград) на заході до гирла Дунаю та узбережжя Чорного моря на сході (фортеці Gratiana та Ad stoma)[20]. На північних схилах Балканського хребта (Стара Планина) будувалася друга лінія укріплень – Балканський лімес. До його складу входило 75 оборонних комплексів[21]. У південній частині Старої Планини та на схилах Родопських гір був зведений Странджанський лімес, який нараховував не менше 100 укріплень[22]. Загалом у середній частині Балканського півострова було споруджено 244 оборонних комплекси, а на території Ілірику (у західній частині Балкан) не менше 143 фортець і бургів[23].

Вважаємо, що з 560-х років головну роль у захисті північних провінцій Імперії почали відігравати укріплення саме внутрішніх лімесів – Балканського та Странджанського, адже в разі прориву Дунайської лінії оборони мирне населення рівнин було беззахисним перед нападниками. У внутрішній частині Візантії розпочалося масове будівництво великих і малих фортець. Вони споруджувалися в глибині території Ромейської держави, за шаховим принципом, у кожному вигідному для оборони місці.

Прокопій Кесарійський так пояснив задум імператора Юстиніана I: „Бажаючи зробити ріку Істр міцною огорожею для... всієї Європи, він усіяв береги ріки численними укріпленнями, ... і всюди на береговій лінії розташував військові гарнізони для того, щоб вони самим рішучим чином перешкоджали переправі варварів, які там проживають. Проте й побудувавши всі ці укріплення [та] прийнявши до уваги, що, якщо яким-небудь чином ворогам вдасться... перейти через ріку, [то] вони нападуть на поля, що не мають... ніякої охорони, заберуть у полон усіх жителів... і пограбують усі статки, він не залишив [мирних жителів – *О. В.*] при одній, загальній для всіх, [лінійній – *О. В.*] системі укріплень, ... але й забезпечив для кожного з них спеціальну охорону. В кожній окрузі він побудував численні фортеці, так щоб кожна ділянка мала своє... укріплення або була по сусідству з місцем, оточеним стінами"[24].

Найкращу уяву про насиченість місцевості військово-інженерними спорудами дає особливий район Аквес в провінції Узбережна Дакія (префектура Ілірик)[25]. Тільки в цьому районі візантійцями були заново зведені одне місто та 14 фортець, капітально відремонтовані ще 40 старих римських фортець.

Перехід від лінійної до ешелонованої шахової системи розташування фортець у майбутньому показав високу ефективність. Навіть у випадку розгрому польової армії ромеїв (як це сталося в 573–574 рр.[26]) величезна кількість фортифікацій не давала можливості нападникам вільно діяти та просуватися по території Ромейської держави, розпорошувала їхні сили. Після створення трьох стратегічних ешелонів укріплень на європейські провінції Імперії ще кілька разів нападали кочівники, але жодного разу не створили безпосередньої загрози Константинополю[27]. Це добре продемонстрували події 583–584 р., коли авари і слов'яни з вогнем і мечем пройшли через Північну Грецію (каган аварів обіцяв зруйнувати „довгі стіни" імператора Анастасія) та все одно нападники були зупинені і розбиті під Адріанополем візантійським стратигом Коментіолом[28].

Можемо констатувати, що протягом останніх років правління імператора Юстиніана I в системі інженерного облаштування театру воєнних дій, на який тоді перетворилися північні провінції Ромейської держави, сталися значні зміни. Під тиском зовнішнього чинника (безперервних нападів „варварів") змінилися погляди візантійської адміністрації на проблеми фортифікаційного забезпечення території Імперії і відбувся перехід від простої лінійної до складної глибокоешелонованої системи інженерної оборони. Внаслідок цього були утворені три потужні військово-інженерні рубежі стратегічного призначення – Дунайський, Балканський та Странджанський лімеси (не менше 500 укріплень різного типу і призначення), які забезпечили охорону мирного населення та сприяли збереженню численних матеріальних і культурних надбань Візантії.

[1] Повний титул – Імператор Цезар Флавій Юстиніан Алеманський, Готський, Франкський, Германський, Антський, Аланський, Вандальський, Африканський, Благочестивий, Щасливий, Славний, Переможець і Постійний Тріумфатор Август.

2 *Вус, О. В.* Византийская армия – основной инструмент восстановления Orbis Romanus в эпоху Юстиниана I (527–565 гг.). – В: Кондаковские чтения – I: Проблемы культурной преемственности. Материалы I международной научной конференции. Белгород, 2005, 130–148.

[3] *Прокопий*. О постройках. – ВДИ, 1939, № 4, 203–283; *Прокопий Кесарийский*. Война с готами. О постройках / Перев. С. П. Кондратьева. – http://www. myriobiblion.byzantion.ru; *Разин, Е. А.* История военного искусства. В 4-х т. М., 1955, т. 1: Военное искусство рабовладельческого периода войны, 490–491.

[4] *Разин, Е. А.* Указ. соч., 1957, т. 2: Военное искусство феодального периода войны, с. 43.

[5] Там само.

[6] *Чичуров, И. С.* Византийские исторические сочинения: „Хронография" Феофана, „Бревиарий" Никифора (тексты, перев., коммент.). М., 1980, с. 51.

[7] *Феофилакт Симокатта*. История. М., 1957, с. 32, 35, 197.

[8] *Полевой, В. М.* Искусство Греции. В 2-х т. М., 1984, т. 1, 159–163.

[9] „Довгі (або Великі) стіни" – захисні системи у вигляді відносно довгих ділянок стін з бойовими вежами, відомі в Греції з V ст. до н. е. Вперше побудовані між Афінами, портом Пірей та селищем Фалерон.

[10] *Чичуров, И. С.* Указ. соч., с. 52, 54, 84; *Разин, Е. А.* Указ. соч., с. 42.

[11] *Воронов, Ю. Н., Бгажба, О. Х.* Крепость Цибилиум – один из узлов кавказского лимеса Юстиниановской эпохи. – ВВ, 1987, т. 48, 116–132.

[12] *Прокопий*. Указ. соч., с. 208.

[13] На нашу думку, Юстиніан I спирався на новеллу імператора Феодосія II (408–450) від 443 р., в якій зазначалося: „Ми бажаємо, щоб усі прикордонні землі, включаючи болота, які… оброблялись заради власної вигоди вільними від усякого оподаткування та маючи на те повне право воїнами-лімітанами, у випадку, якщо вони і на даний час обробляються ними, утримувались ними міцно і без будь-якого вимагання. А якщо даними землями володіють інші, то скільки б часу не пройшло.., нехай тим же воїнам, звільненим від усіх податків.., вони будуть приписані".

[14] Ван Берхем Д. Limitanei // Римская армия в эпоху Диоклетиана и Константина / Перевод: А. В. Банникова. – http: // www.roman-glory.com

[15] *Прокопий*. Указ. соч., с. 253.

[16] *Чичуров, И. С.* Указ. соч., с. 51.

[17] *Агафий Миринейский*. О царствовании Юстиниана. – Книга Пятая. – http: // www.krotov.info

[18] На нашу думку, об'єктивною причиною руйнації укріплень була не так їхня старість і безвідпо-

відальність уряду, як багатоденний землетрус 557 р. (магнітуда 7,5 балів), від якого сильно постраждала столиця Імперії. Відсутність достатньої кількості війська на укріпленнях довкола Константинополя також має своє пояснення: Ромейська держава була спустошена епідемією чуми, що вперше прийшла на її територію ще в 542 р.

[19] *Агафий Миринейский*. Указ. соч.

[20] *Манаев, А. Ю.* Ранневизантийские оборонительные сооружения юго-западного Крыма и Болгарии: опыт сравнительного анализа. – Историческое наследие Крыма, 2003, № 1, с. 11, 16–17.

[21] *Разин, Е. А.* Указ. соч., с. 42.

[22] *Овчаров, Д.* Византийски и български крепости V–X в. С., 1982, 19–20.

[23] *Разин, Е. А.* Указ. соч., с. 42.

[24] *Прокопий.* Указ. соч., с. 252.

[25] *Иванов, С. А.* Оборона балканских провинций Византии и проникновение „варваров“ на Балканах в первой половине VI в. – ВВ, 1984, т. 45, с. 45.

[26] *Чичуров, И. С.* Указ. соч., с. 54.

[27] Перевагу глибокоешелонованої системи інженерної оборони перед лінійною добре продемонстрували події 581 р. на Кримському півострові. Не раніше 555 р. тут, у тилу „довгих стін“, зведених за наказом імператора Юстиніана I по зовнішньому периметру „країни Дорі“ (Південно-Західний Крим), ромеї почали будувати гірські фортеці (фруріони), внаслідок чого були створені потужні оборонні вузли. Військо Тюркського каганату (Ту-Кю), яке в 576 р. відносно легко здобуло візантійські фортифікації в зоні протоки Боспор Кіммерійський, навіть не намагалося прорватися через гірські укріплення ромеїв, і, вийшовши на береги суч. Севастопольської бухти, так і не наважилося штурмувати головну приморську базу Імперії у Тавриці – місто-фортецю Херсон.

[28] *Феофилакт Симокатта*. Указ. соч. Книга Первая. – http: // www.biblicalstudies.ru

Візантійський воїн-панцерник.
Сучасна реконструкція

Гунський воїн-вершник.
Реконструкція Дж. Веррі

Візантійська фортеця в Малій Азії. Сучасна Туреччина

Візантійська фортеця в Північній Африці. Сучасний Туніс

УДК 94(4):293(477.75)

НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНА

Ю. М. Могаричев, Т. Э. Саргсян

***Могаричев Ю. М, Саргсян Т. Е.* Нове джерело з історії середньовічного Херсону**

У цій статті аналізується нещодавно знайдене вірменське житіє Херсонських єпископів. Автори підкреслюють, що це джерело має самостійне значення.

Ключові слова: Агіографія, Вірменські Житія, єпископи Херсонські, Херсонес.

***Могаричев Ю. М., Саргсян Т. Э.* Новый источник по истории средневекового Херсона**

В статье анализируется недавно выявленное армянское житие Херсонских епископов. Авторы подчеркивают, что этот источник имеет самостоятельное значение.

Ключевые слова: Агиография, армянские жития, епископы Херсонские, Херсонес.

***Mogarychev Y, Sargsyan T.* The new source about the medieval history of Cherson**

In that article are analyzed recently opened Armenian Hagiography of Chersonesos bishops. Authors punctuate that this source have independent value.

Keywords: Hagiography, Lifes of Chersonesos bishop, Armenians Lifes, Chersonesos.

Одной из основных проблем, возникающих перед исследователями средневековой истории Крымского полуострова, является крайне ограниченный круг письменных источников.

В 2009 г. один из авторов настоящей статьи, в процессе работы с каталогом армянских рукописей библиотеки Католикосата Великого Дома Киликии[1], выявила армянские синаксарные жития первых херсонских епископов[2]. В указателе географических имен означенного каталога было несколько обозначений топонима „Керсон“, и все они относились к одной и той же книге Айсмавурк (Четья Минея, Синаксарь) с инвентарным номером „1“. На соответствующих страницах были указаны заглавия: „Житие мученически погибшего в городе Керсон святого епископа и свидетеля Василиоса, что на армянском языке означает Тагавор“ и „Жития блаженных епископов города Ке[р]сона Антерисоса и Капитона“. Третье обозначение относилось к колофону книги, информирующей о написании ее в „области Керсон“. Сходство имен, указанных в заглавиях армянских житий, с именами первых епископов Херсона Таврического, известных по их греческим, церковнославянским и грузинским житиям, не оставляло сомнений по поводу их идентичности.

При ходатайстве директора ереванского Матенадарана Р. Г. Тамразяна, Научно-исследовательский центр крымоведения, сотрудниками которого являются авторы представленной работы, обратился в Антилиас, в Католикосат Великого Дома Киликии с просьбой выслать необходимые источники. Любезно согласившись, епископ Нарек Алемезян и отец Степанос Пашаян предоставили фотокопии текстов запрошенных житий.

© Ю. М. Могаричев, Т. Э. Саргсян, 2012

Согласно колофону, упомянутая книга Айсмавурк была скопирована в 1310–1311 гг. переписчиком Степаносом в Киликии. Заказчиков было двое. Оба они представляли традиционную для армян апостольскую церковь. Первый, епископ Костандин, был настоятелем монастыря Кармир (Красный), некогда являвшегося престолом армянского католикоса Григора Вкаясера (правил в 1066–1105 гг.). Второй, монах Акоб, был приемным сыном епископа Костандина и прислуживал ему. В том же колофоне заказчики локализуют свой монастырь Кармир „в области Керсон". И хотя название последней в первую очередь ассоциируется с названием Таврической области с городом-центром Херсон, тем более, что в самой книге содержатся жития епископов Херсона, очевидно, что оно подразумевает киликийскую область Кесун. И дело не только в том, что сведения, изложенные в колофоне, логично складываются на историко-географической канве Киликии, но и в том, что престол католикоса Григора Вкаясера находился именно в Киликии, в области Кесун[3].

К сожалению, ничего неизвестно о книжном образце, содержащем армянские жития херсонских епископов, с которого был переписан Айсмавурк 1310–1311 гг. Неизвестно и каким образом в нем оказались жития епископов Херсона, культ которых ограничивался в границах греко-православного ареала. Тем не менее, имеющиеся данные позволяют делать несколько предположений:

1. Редкость житий епископов Херсона в армянской житийной литературе указывает на крымское происхождение их армянского протографа.

2. Возникновение этого протографа, излагавшего жития „чуждых" греко-православных святых, следует связать с армянами-халкидонитами[4], коих в средневековом Крыму было много.

3. Тот факт, что этот протограф оказался в Киликии, можно объяснить тесными связями крымских армян с царским двором и католикосатом, в ту пору находившимися там. Примечательны и их деятельные сношения с известными киликийскими монастырями и скитами, для которых, согласно источникам XIII–XV вв., характерен был активный книгообмен.

4. Заказчики внесли жития херсонских епископов в свой Айсмавурк 1310–1311 гг., не исключая возможной причастности восхваляемых в них персонажей к давней истории области „Кесун", где находился их монастырь, и к христианизации ее населения. Но благодаря этому недоразумению, во многом обусловленному, вероятно тем, что к тому времени некогда широко известный византийский город Херсонес Таврический превратился в небольшое поселение, сохранился редкий источник, армянский первообразец которого, видимо, утрачен.

Обратимся к текстам житий. Первое, приуроченное к 7 марта (29 Meheka – арм. календарь) – „Житие святого епископа и свидетеля Василиоса". Оно практически полностью совпадает с иными вариантами житий епископов херсонских, повествующий о Св. Василее[5].

„Meheka[6] 29 и марта 7. Житие мученически погибшего в городе К'ерсон святого епископа и свидетеля Василиоса, что [имя Василевс] на армянском языке означает Т'агавор [= царь, правитель]. 429а–430а

В шестнадцатый год царствования Диоклетиана, идолопоклонника-царя, блаженный Ермон, пастыреначальник Иерусалима, отправил во многие провинции епископов проповедовать иным народам Слово живительное и обратить неверных к познанию истины. Послал [он] Еп'рема[7] в Т'урк'астан, а Василиоса – в город К'ерсон. И (последний), отправившись, проповедовал Евангелие Христа и претерпел много истязаний и притеснений от идолопоклонников и, выйдя (из города ?), жил в пещере одной горы, что зовется Парт'енион. Случилось тогда умереть сыну князя города и, когда похоронили (его), в тот день и в ту ночь от могилы не отлучались родители, а безутешно

оплакивали чадо свое. И от чрезмерного изнурения вздремнули на гробнице. И увидели во сне сына своего, который говорил: „Зачем оплакиваете меня? Если желаете, чтобы я был жив, упадите к ногам мужа-чужеземца, которого злостно истязали. Возможно, (он) взмолится Богу своему обо мне, а вы примите на веру слова его и // сбудутся прошения ваши, поскольку достоверно узрел и понял, что боги наши – демоны и вовсе не могут помогать человеку". И проснувшись, (родители) пошли к святому епископу Василиосу и стали умолять его о сыне своем. Изрек им блаженный епископ:„Если уверуете во Христа, можно будет это совершить". И те, обязавшись, поклялись с верой. Тогда, взволнованный, (епископ) отправился с ними к могиле и, вознося молебен крещения над водой, вылил ее над покойником во имя Святой Троицы. И тотчас же ожил он, и (родители) воздали славу (Богу) и приняли крещение со всеми своими родственниками и семьей. А остальные идолопоклонники и иудеи города, исполнившись зависти, собрались вместе и злобно напали на святого Басилиоса и, повалив наземь, связали веревкой ноги его и стали потаскивать посреди города и избивать палками и камнями; и в таких муках он испустил дух свой к Богу, меhека 29 и марта 7. А тело выбросили за (стены) города, и днем орел охранял (святые) мощи, а ночью — волк, покамест христиане, пришедши, тайно не похоронили (его).

И некто из тех, кои были в К'ерсоне при святом Басилиосе, отплыл на корабле в другую сторону // Эллинского Понта и, найдя (там) трех других епископов, которые были отправлены из Иерусалима проповедовать Евангелие Христа, – Евгениоса, Агатодороса и Елипиоса – поведал им мученическую смерть святого Басилиоса. И (те) с благодарностью воздали славу Богу и, вошедши в корабль, отправились в К'ерсон и стали прилюдно проповедовать имя Господне, (так что) этих также забрали городские идолопоклонники, связали и стали жестоко избивать толстыми палками, пока (те) души свои не передали Христу. И потащили тела их за (стены) города и христиане похоронили их тайно, во славу Бога".

Второе, „Жития блаженных епископов города К'е[р]сона – Антерисоса (Еферия – авт.) и Капитона", помещено под 20 апреля (13 Аhека – арм. календарь).

„Аhека[8] 13 и апреля 20. Жития блаженных епископов города К'е[р]сона – Ант'ерисоса и Капитона

504б–505б

Великий пастыреначальник Иерусалима, Ермон, узнав из города К'е[р]сона, что все жители (его) неверные, рукоположил в епископы одного из священников своих, мужа богобоязненного, имя которого было Ант'ериос, и отправил в К'ерсон; и (тот), войдя в корабль, отправился. И как только вошел [Антериос] в город, начал призывать и обучать к благочестию веры. А те [жители] // вовсе не прислушивались к учению его. И случилось в дни те римскому императору Костандианосу уверовать во Христа-Бога и принять крещение. И услышав (это), А[н]т'ериос, вошедши в корабль, отправился в Рим к императору. И попросил у него конницу в помощь, и, взяв вооруженных мужей-воинов, вернулся в город К'ерсон. И тех пятисот мужей, которые восставали против истины и убили ранее прибывшего епископа святого Василиоса, вместе с родней и семьями вывели из города и рассеяли всех в городе скифов. А вместо них ввели (в город) пятьсот других, именитых христиан с семьями из страны hромов, и поселили их в восточной части города. И построил епископ господнюю церковь, и направился к императору, выразил благодарность ему и благословил его усердно, и попросил сосуды церковные и книги и, взявши, возвратился в К'ерсон. Но покамест был в море (он), взволновались волны морские и выбросили корабль в реку Данопри, к одному острову на реке, что называется Аγсон. И там [Антериос] угас во Христе.

И христиане острова похоронили его и возвели над могилой столп и крест, и выросли деревья вокруг столпа. //

А христиане К'ерсона написали к благочестивому императору Костандианосу и попросили епископа. И (тот) отправил им блаженного Капетона, которого приняв, христиане возрадовались, а неверные, раздосадовавшись, озадачились и сказали епископу: „Если хочешь, чтобы мы уверовали во Христа твоего, войди в пылающий огонь и если выйдешь невредимым, уверуем в него". А блаженный епископ потребовал у них заложников – сыновей их. Дескать, если войдет (он) в огонь и выйдет целым, а (те) не уверуют, (тогда) кинут их [сыновей] в огонь. И те [неверные] согласились и отдали ему сыновей своих, а он передал их воинам-христианам. И взявши священническую ризу, надел (ее), а поверх ризы накинул почтенный омофор и архидьякон возвестил просхомэ[9]. И дав благословение и славу Отцу и Сыну и Духу Святому, епископ вступил в огонь и остался внутри целый час, и наполнил фелонь искрами, и вышел из пламени не обгоревшим, ибо ни один волос с головы или с бороды не сгорел. И такое диво увидев, иудеи и идолопоклонники уверовали все во Христа и приняли крещение, каковыми и восприняли (их) из купели воины // и остальные христиане. Блаженный епископ Капитон сотворил и много других знамений и, обратив многих в вероучение Божье, блаженной смертью угас с миром во Христе аhека 13 и апреля 20. Предстательством сиих [епископов] спаси нас, Христос, ибо Тебе подобает слава извечная".

Собственно Жития Св. епископов Херсонских уже давно введены в научный оборот. Различные их версии публиковались и анализировались в работах С. Серафимовича[10], В. В. Латышева[11], П. Лаврова[12], И. Франко[13], И. Делейе[14], Ф. Алкена[15], К. Цукермана[16] и других авторов[17].

Логично было бы думать, что статьи из армянского синаксаря являются более или менее адекватными переводами какого-либо из известных греческих вариантов. Подобное было зафиксировано В. В. Латышевым по отношению к двум грузинским синаксарным текстам, присутствующим в рукописи № 22 бывшего Тифлисского церковно-археологического музея. Один из них является грузинской копией статьи „Жития святых мучеников и иерархов, епископствовавших в Херсоне, Василея, Евгения, Агафодора, Елпидия, Эферия, Капитона и Ефрема", составленной неким пресвитером Иоанном (XII в.). Другой списан с двух текстов – проложного жития Св. Капитона по Сирмондской рукописи и Жития, составленного монахом Кириллом в 1071 г[18].

Рассмотрим известные греческие синаксарные варианты, посвященные херсонским епископам.

Синаксарь Василия II. Здесь имеются две статьи, посвященные херсонским епископам. Под 22 декабря помещен текст „Память Святого (священно мученика) Капитона, епископа Херсона", а под 8 марта „Подвиг епископов, которые были в Херсоне: Василия, Евгения, Агафодора и остальных"[19].

Синаксарь Константинопольской церкви (по Сирмондской рукописи) (конец X в). Здесь также под 22 декабря присутствует статья о Капитоне[20].

Синаксарь Константинопольской церкви (конец X в.). Под 7 марта помещен текст „Подвиг епископствовавших в Херсоне святых отцов Василия, Евгения, Агафодора, Капитона, Елпидия, Эферия и Ефрема"[21].

Синаксарь Константинопольской церкви, рукопись Парижской национальной библиотеки № 1587 (XII в., статья пресвитера Иоанна). Здесь присутствует „Житие Святых мучеников и иерархов, епископствовавших в Херсоне, Василея, Евгения, Агафодора, Елпидия, Эферия, Капитона и Ефрема". Смерть Капитона относится к 22 декабря, а остальных к 6 (7) марта[22].

Синаксарь Константинопольской церкви (1071 г., статья монаха Кирилла), рукопись Парижской национальной библиотеки № 1617. Он содержит „Житие Святых иерархов и мучеников, епископствовавших в Херсоне: Василия, Евгения, Агафодора,

Елпидия, Еферия, Капитона и Ефрема“. Смерть Капитона относится к 22 декабря, а остальных к 6 (7) марта[23].

Греческий печатный синаксарь 1602 г. Статьи соответствуют версии о Капитоне по Сирмондской рукописи и рассказу пресвитера Иоанна[24].

Как видим по композиции текстов, армянская версия частично отличается от известных греческих (также грузинских и церковнославянских). В заглавии первой статьи здесь упомянут только Василей (хотя кратко упоминаются так же Ефрем, Евгений, Агафодор и Елпидий) и дата их памяти – 7 марта совпадает с другими версиями[25]. Другая же статья представляет собой доселе неизвестную традицию. В ней сведены жития Еферия и Капитона, а день их поминовения определен 20 апреля. Этому может быть два объяснения: память этих святых 20 апреля чтили только армяне или существовало недошедшее до нас греческое житие, где 20 апреля поминали Еферия[26].

Основным различием между редакциями житий Херсонских епископов является судьба Еферия. В греческой рукописи № 376, Супральской рукописи и Макарьевской минее епископ не попадает в Херсон. Он заболевает и умирает на пути туда, где-то в устье Днепра, на острове Алсос (Аас), куда святой был выброшен штормом[27].

Согласно Патмосской рукописи, епископ прибывает в Херсон, видит, что тут господствуют язычники, отправляется к Константину Великому, возвращается в Херсон в сопровождении воинского контингента, изгоняет язычников (нечестивцев) и селит на их место христиан, „принадлежащих к партии Христа“. И только после этого отправившись в Константинополь, поблагодарив Константина, Эферий на обратном пути „переправившись к реке Данаприй (у него – Данаприя), окончил свою жизнь“[28]. Такая же трактовка судьбы Еферия присутствует в греческих синаксарях и грузинском варианте.

Армянское житие излагает второй вариант, который отдает приоритет именно Еферию в деле окончательной христианизации Херсона. Причем здесь отмечены детали, неизвестные по другим синаксарным текстам. Так, только армянское житие сообщает, что Еферий попросил у Константина Великого конницу и вернулся в Херсон в сопровождении воинов. Только здесь содержится информация об изгнании из Херсона „пятиста мужей с семьями“ и расселении их в „городе скифов“. Причем имеется пояснение, что это именно те пятьсот человек, которые „убили ранее прибывшего епископа святого Василиоса“. Так же здесь содержится пояснение, что вместо язычников в Херсоне были поселены не просто христиане, а прибывшие из Византии „именитые христиане с семьями“.

Таким образом, армянские жития херсонских епископов, несмотря на схожесть в общей канве повествования с греческими синаксарями, представляют, несомненно, самостоятельный источник, заслуживающий отдельного внимания. Армянский вариант содержит больше подробностей и деталей. Отсюда следует вывод: или у армянского автора был недошедший до нас вариант греческого синаксаря, с которого он сделал перевод, или он самостоятельно составил свой текст на основе версии пространного Жития близкого к Патмосской рукописи. Последний вариант более правдоподобен. Ибо только армянский текст объединяет в одном сюжете Еферия и Капитона и только здесь их память датируется 20 апреля.

Очевидно, с конца XIII по конец XV в. среди крымских армян возникает (или усиливается) тенденция признания местночтимых мучеников равными с аналогичными персонажами традиционной армянской агиографии, что могло быть следствием некой консолидации крымских армян по этническому признаку. Как своего рода отражение этого процесса в житийной литературе – жизнеописания местных греко-православных святых стихийно перекинулись из агиографической литературы крымских армян-халкидонитов в Айсмавурк приверженцев традиционного апостольского (григорианского) толка. Отметим, известный наиболее древний текст армянского жития другого крымского святого, Стефана Сурожского, относится к 1316 г.[29]

[1] Киликийский католикосат Армянской церкви ныне находится в Ливане, в местечке Антилиас.

[2] На существование армянского варианта Житий Херсонских епископов указывал Л. М. Меликсет-Бек (*Меликсет-Бек, Л. М.* Армянские источники о Херсонесе. – В: Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. Сборник материалов второй украинско-армянской научной сессии. К., 1965, 78–179).

[3] Подробнее см.: *Саргсян, Т. Э.* Армянские жития святых епископов Херсонеса. – Сугдейский сборник. К. – Судак, 2010, вып. 4; *Могаричев, Ю. М.* Новый источник по истории средневекового Херсона. – В: Память в веках: от семейной реликвии к национальной святыне. Тез. докл. Севастополь, 2010.

[4] Армяне-халкидониты в большинстве своем произошли от тех армян, которые в результате периодических переселений и аннексий армянских земель оказывались под властью Византии и вынужденно инкорпорировались в местную среду. Как известно, в этом процессе на первых порах главным итогом становились конфессиональные перемены. Сказанное касается как представителей княжеских семей, для которых принадлежность к греко-православию была необходима для получения подобающих должностей в административных и военных структурах империи, поскольку их политическая верность в первую очередь обусловливалась верностью конфессиональной (*Арутюнова-Фиданян, В. А.* Армяно-византийская контактная зона. М., 1994, с. 56, 58), так и простонародья. Впоследствии армяне-халкидониты, наряду с греческим контингентом, по тем или иным причинам, нередко перемещались в Таврику и основывались как на западе, так и на востоке полуострова. Невзирая на этническую идентичность, для основной массы армян (и не только) армяне-халкидониты являлись греками или в лучшем случае – полугреками. С другой стороны, несмотря на приверженность их к греко-православию, использование греческого языка в качестве богослужебного, в результате чего в их речь проникала греческая церковно-обрядовая терминология, они не только не отождествляли себя со своими единоверцами, но и порой отталкивались от них (Там же, с. 66, 75). Армяне-халкидониты являлись феноменом не этнической, а культурной трансформации. Переходя на службу Византии, они связывали себя с имперской идеей и православным учением, но не с греческим этносом. Овладевая греческим и грузинским языками через богослужебные книги и светскую литературу, они не отказывались от родного языка и нередко пользовались им в качестве богослужебного даже в тех случаях, когда служили в греческих монастырях. Общины армян-халкидонитов не только на родине, но и далеко за ее пределами при православном вероисповедании и свободном владении греческим или грузинским языком, сохраняли свою родную речь, письменность, традиции и бытовые особенности, что часто вызывало явную неприязнь их иноплеменных единоверцев. При этом последние допускали и даже поощряли сохранение армянами-халкидонитами родного языка в качестве полемического или миссионерского средства общения с „еретиками-армянами“. В результате культура армян-халкидонитов (в первую очередь литература и архитектура), при своей армянской основе, обогащалась влиянием единоверных им православных Церквей. Она становилась „пограничной“ не только в метафорическом, но и в прямом смысле: наиболее характерные произведения искусства и литературы армян-халкидонитов появлялись и бытовали в лимитрофных зонах с Грузией и Византией. Обладание несколькими языками, обусловленное этно-конфессиональными признаками, делало армян-халкидонитов открытыми для культурного взаимовлияния, определяло конфессиональную терпимость, служа одной из основополагающих идей их общественного сознания, а именно – сближению и объединению христианских церквей, при воплощении которой они отводили себе роль посредников (Там же, с. 66, 92). И хотя Таврика не являлась лимитрофной зоной в классическом значении этого термина, но по предлагаемым условиям, позволяющим свободное контактирование армян-халкидонитов с греками и армянами традиционно-апостольского толка, была весьма близка к ним.

[5] Воспроизведено по: *Саргсян, Т. Э.* Указ. соч. Там же и армянский текст.

[6] Вернее Meheкан – седьмой месяц Армянского календаря, длящийся с 7-го февраля по 8-е марта.

[7] [П‘] – глухой придыхательный вариант [п], произносится с напряжением и придыханием.

[8] Aheкан – девятый месяц Армянского календаря, длящийся с 8-го апреля по 7-е мая.

[9] „Просхомэ“ или „просхумэ“ (греч.). По традиции Армянской церкви во время Святой Литургии дьякон готовит присутствующих к чтению Священного Писания словами „Просхумэ, Бог речет“. В традиции Русской православной церкви этому соответствует „Вонмем премудрости“, ибо за этим следует слово Божье.

[10] *Серафимович, С.* Херсонские святители. – ЗООИД, 1868, т. 7, 120–131.

[11] *Латышев, В. В.* Жития Свв. епископов Херсонских. Исследования и тексты. – ЗАН, 1906, т. 8, № 3; Страдания святых священномучеников и епископов Херсонских Василея, Капитона и иных с ними. – ИАК, 1907, № 23; К Житиям Свв. епископов Херсонских. Заметки к агиологическим текстам. СПб., 1909, 8–24; *Латышев, В. В., Кекелидзе, К.* Житие Свв. епископов Херсонских в грузинской минее. – ИАК, 1913, вып. 49.

[12] *Лавров, П.* Жития херсонских святых в греко-славянской письменности. – В: Памятники христианского Херсонеса. М., 1911, вып. 2.

[13] *Франко, І.* Святий Климент у Корсуні. Легенди про корсунських мучеників. – Записки наукового товаривства імені Шевченка. Львів, 1903, т. 54, 145–163.

[14] Propylaeum ad acta Sanctorum Novembris. Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano nunc Berolinensi adiectis synaxariis selectis opera et studio Hippolyti Delehaye. Bruxellis, 1902.

[15] *Halkin Fr.* La passion des sept évêques de Cherson (Crimée). – Analecta Bollandiana, 102, 1984, 253–261.

[16] *Цукерман, К.* Епископы и гарнизон Херсона в IV веке. – МАИЭТ, Симферополь, 1994, т. 4.

[17] См напр.: *Шестаков, С. П.* Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по р. х. – В: Памятники христианского Херсонеса. М., 1908, вып. 3, 17–56; *Харлампович К.* Рец. на: *Латышев, В. В.* Жития Свв. епископов Херсонских. Исследования и тексты. – Ученые записки императорского Казанского университета, 1908, кн. 2: Февраль; *Голубинский, Е. Е.* Херсонские священномученики, память которых 7-го марта. – ИОРЯС, 1907, т. 12, кн. 14, 263–268: *Ростовцев, М. И.* Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1914, т. 1, 503–505; *Мещеряков, В. Ф.* О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом. – В: Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1978, 28–129; *Диатропов, П. А.* Распространение христианства в Херсонесе Таврическом в IV–VI вв. н. э. – В: Античная гражданская община, М., 1986, 29–134; *Дагрон, Ж.* Двуликий Крым. – МАИЭТ, Симферополь, 2000, т. 7, с. 295; *Завадская, И. А.* Этапы христианизации Херсонеса. – Сходознавство, 2000, № 9–10, 179–184; *Юрочкин, В. Ю., Джанов, А. В.* Церковная история Херсонеса V в. – В: Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002; *Зубарь, В. М.* Проникновение и утверждение християнства. – В: Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э. Харьков, 2004, 613–616; *Могаричев, Ю. М.* Крымская агиография как отражение изменений в политической и церковной структуре Таврики иконоборческого периода (к постановке проблемы). – Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, 2003, вып. 13, с. 271; *Беляев, С. А., Каменев, Г. К, Каменева, Н. В.* Методы изучения житий херсонских епископов. – В: Очерки истории христианского Херсонеса. СПб., 2009; *Чернышева, М. И.* Язык славянской версти „Житий херсонских святых“. – В: Очерки истории христианского Херсонеса. СПб., 2009; *Верещагин, Е. М.* Древнейшее славяно-русское богослужебное исследование на память священномучеников, епископствовавших в Херсонесе Таврическом. – В: Очерки истории христианского Херсонеса. СПб., 2009.

[18] *Латышев, В. В., Кекелидзе, К.* Указ. соч., 8–9.

[19] Menologii pars I, December XXII. – Migne J. P. Patrologiae Graecae, Vol. 117, col. 221.

[20] Synaxarium Constantinopolitanum, Mensis December, XXII d. – In: Propylaeum ad acta Sanctorum Novembris. Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano nunc Berolinensi adiectis synaxariis selectis opera et studio Hippolyti Delehaye. Bruxellis, 1902, col. 336–338.

[21] Synaxarium Constantinopolitanum, Mensis Martius 7. – In: Propylaeum ad acta Sanctorum Novembris. Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano nunc Berolinensi adiectis synaxariis selectis opera et studio Hippolyti Delehaye. Bruxellis, 1902, col. 517–518.

[22] Synaxarium Constantinopolitanum, Synaxaria Selecta D Mart 6. – In: Propylaeum ad acta Sanctorum Novembris. Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano nunc Berolinensi adiectis synaxariis selectis opera et studio Hippolyti Delehaye. Bruxellis, 1902, col. 513–516.

[23] Synaxarium Constantinopolitanum, Synaxaria Selecta N Mart 7. – In: Propylaeum ad acta Sanctorum Novembris. Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano nunc Berolinensi adiectis synaxariis selectis opera et studio Hippolyti Delehaye. Bruxellis, 1902, col. 517–518.

[24] Βίοι ἁγίων ἐκ τῆσ ἑλληνικῆσ γλώττησ ἤτοι ἐκ τῶν συναξαρίων μεταφρασθέντεσ.'Ενετια 1602.

[25] Как видим, в других вариантах память херсонских епископов варьирует в пределах 6–8-го марта, что вполне можно трактовать как совпадение с армянской версией.

[26] Именно Еферия. Все варианты рассказов о Капитоне сходятся на 22 декабря.

[27] *Латышев, В. В.* Жития Свв. епископов Херсонских.., 70–71; Страдания святых священномучеников.., с.111.

[28] *Halkin Fr.* Op. cit., p. 259; *Могаричев, Ю. М., Шапошников, А. К.* Жития епископов херсонских по Патмосской рукописи (в печати).

[29] *Могаричев, Ю. М., Сазанов, А. В., Степанова, Е. В., Шапошников, А. К.* Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009, 53–54.

УДК 904:[726.821:75.052](477.75)«03/04»

ХЕРСОНЕССКИЕ СКЛЕПЫ С РАННЕХРИСТИАНСКИМИ РОСПИСЯМИ

Е. Я. Туровский, А. А. Филиппенко, М. В.Фомин

***Туровський Є. Я., Філіппенко А. А., Фомін М. В.* Херсонеські склепи з ранньохристиянськими розписами**

Розписи херсонеських склепів належать до числа пам'яток, які мають сюжетну і хронологічну схожість. Враховуючи закономірності зміни певних етапів розвитку поховальної архітектури, розписи херсонеських склепів слід датувати часом не пізніше кінця V ст. Нижню ж межу їх появи автори пов'язують з місцевими подіями середини – останньої чверті IV ст., коли у Херсоні сформувалася власна єпархія.

Ключові слова: Херсонес, раннє християнство, поховання, склепи, розписи.

***Туровский Е. Я., Филиппенко А. А., Фомин М. В.* Херсонесские склепы с раннехристианскими росписями**

Росписи херсонесских склепов принадлежат к числу памятников, которые имеют сюжетное и хронологическое сходство. Учитывая закономерности смены определенных этапов развития погребальной архитектуры, росписи херсонесских склепов следует датировать временем не позже конца V в. Нижнюю же грань их появления авторы связывают с местными событиями середины – последней четверти IV в., когда в Херсоне появилась собственная епархия.

Ключевые слова: Херсонес, раннее христианство, погребение, склепы, росписи.

***Turovsky J. E., Filippenko A. A., Fomin M. V.* Chersonesus early Christian tombs with wall paintings**

Murals Chersonesus crypts are among the sites that have a plot and chronological similarities. Given the patterns of change at certain stages of development of funerary architecture, painting Chersonesus crypts should be dated no later than the end time in V century. The lower edge of their occurrence should be related to local events the middle - the last quarter of the IV century, when in Kherson had his own diocese.

Keywords: Hersonissos, early Christianity, burial vaults, murals.

Одной из дискуссионных проблем позднеантичной – раннесредневековой истории Херсонеса – Херсона остается вопрос о времени создания склепов с раннехристианскими росписями. На сегодняшний день открыто 13 таких погребальных сооружений. Наиболее полное описание восьми из них вошло в фундаментальный труд М. И. Ростовцева[1]. Материал о двух склепах (№№ 1 и 2), открытых в 1998–1999 гг., был опубликован в приложении к работе В. М. Зубаря и А. И. Хворостяного[2]. В 2002 г. был обнаружен еще один склеп[3]. В 2006 г. он был исследован авторами[4]. Помимо расписных памятников с использованием полихромной техники, здесь же был открыт уникальный склеп с граффити, нанесенными по штукатурке.

© Е. Я. Туровский, А. А. Филиппенко, М. В.Фомин, 2012

М. И. Ростовцев, опираясь на нумизматический материал, датировал эти памятники второй половиной IV – началом V вв[5]. Позже эту дату поддержали П. Д. Диатроптов[6], Л. Г. Хрушкова[7], И. А. Завадская[8]. Точку зрения о более позднем создании расписных склепов – не ранее второй половины V–VI вв. – отстаивал В. М. Зубарь[9].

Исследуя памятники раннехристианской живописи Херсонеса, М. И. Ростовцев пришел к выводу о том, что группа христианских склепов с росписью представляет собой результат заимствования, перенесения уже готовых, полностью сформировавшихся художественных форм. Сюжеты декоративной росписи херсонесских склепов свидетельствуют о том, что они были созданы в один период и находятся в хронологической близости к аналогичным по стилю памятникам. По его мнению, херсонесские склепы, скорее всего, были расписаны приезжими мастерами, которые хорошо знали основы современной им системы погребальной живописи и следовали ей[10].

Херсонес имел постоянные связи с различными районами Империи, в том числе и с Малой Азией, что зафиксировано неоднократно исследователями в области экономики города[11]. Такой тесный обмен вполне мог привести и к заимствованию сюжетов или к привлечению к работе приезжих мастеров. Аналогичные херсонесским росписи открыты и в Болгарии. Три из девяти описанных гробниц Софийского некрополя (№№ 7, 8, 9), роспись которых имеет так называемую „мраморную инкрустацию“, относятся к самой ранней группе и датируются временем в пределах второй половины IV – конца V вв[12]. Позже V в. погребальные памятники, в декоре которых присутствовала бы имитация мрамора, неизвестны и в других областях христианского мира. Таким образом, присутствие техники „мраморировки“ в христианской погребальной живописи является признаком ее относительно ранней датировки, что важно и для вывода относительно времени создания расписных херсонесских склепов.

Одним из аргументов, подтверждающих позднюю датировку херсонесских склепов (не ранее второй половины V–VI вв.), В. М. Зубарь считал изображение рюмкообразного сосуда на входной стене склепа № 1 1998 г.[13]. В Херсонесе подобные „рюмки на высокой ножке“ встречаются в археологических комплексах, начиная с V в. В центрах Ближнего Востока, Северной Африки и Западного Причерноморья такие сосуды были известны на протяжении второй половины V в.[14]. Но возникает закономерный вопрос, можно ли условное изображение чашевидного сосуда на стене склепа однозначно отождествлять с типологическим рядом именно стеклянных „рюмок“? Такое предположение, учитывая схематизм рисунка, представляется натянутым.

Ранняя дата росписи херсонесских склепов подтверждается, прежде всего, декоративной системой в целом, практически полностью еще подчиненной античным традициям. Единственным исключительно христианским изображением является монограмма имени Христа в венке на сводах некоторых склепов. Полное изображение хрисмы сохранилось только в склепе 1904 (1853) г. В росписи плафона склепа 1909 г. также наблюдаются диагональные гирлянды, сходящиеся к расположенному в центре венку, но изображение внутри венка не сохранилось[15]. М. И. Ростовцев предполагал вероятность монограммы также в склепах 1907 г. и „на земле Н. И. Тура“, на сводах которых зафиксированы следы изображений венков[16]. Следы двойного круга, в котором могло быть изображение венка, и от которого, вероятно, шли прямые гирлянды, отмечены также в склепе 1905 г[17].

Известно значительное количество погребальных памятников IV–V вв., живопись которых имеет христианскую символику в виде хрисм и крестов[18]. В некоторых из них, как правило, из числа наиболее ранних, так же как и в херсонесских склепах, христианские символы сочетаются с традиционными античными мотивами (гирляндами, венками, цветами, птицами), безусловно, наделенными новым содержанием. Подобное сочетание старых форм и новых символов демонстрируют, например, погребальные памятники Сердики, Фессалоники, Никеи, Филипп[19].

Само по себе изображение хрисмы (совмещенные буквы X и Ро греческого алфавита) неоднократно трансформировалось и было широко распространено. Но именно

Константиновская хрисма, обрамленная в лавровый венок, стала символом триумфа, победы, небесного креста.

Наиболее ранние изображения такой хрисмы относятся к концу III в[20]. После Миланского эдикта (313 г.) она получила широкое распространение. Встречается её изображение, дополненное греческими буквами альфа и омега („я есмь Альфа и Омега, начало и конец“ [Откр: 1:8; 21:13]). Со временем Константиновская монограмма вытесняется изображением монограмматического креста (вертикальная ветвь креста является греческая буква Ро с удлиненной ножкой), и, что важно подчеркнуть, к середине V в. Константиновская хрисма постепенно исчезает[21].

Монограмма имени Христа в венке встречается в погребальных памятниках IV – начала V вв. в Риме, Испании, Галлии, Равенне[22]. Такое же время дают надгробные мозаики Северной Африки, где тексты позволяют довольно точно датировать погребения[23]. Изображения Константиновской хрисмы сохранились и в склепах Софии (Сердики), Фессалониках, Сиракузах, Нише, Сардах, при этом датировка этих памятников IV–V вв. тоже не вызывает сомнений[24].

Еще одним важным аргументом в споре о херсонесских расписных склепах могут выступать нумизматические материалы, несмотря на то, что некоторые исследователи отвергают их решающую роль в датировке[25]. В склепах 1903, 1905 и 1912 гг. были обнаружены монеты второй половины IV в. По одной монете Льва I (457–474) найдено в склепах 1912 г. и 1907 г. Именно на основании этих находок М. И. Ростовцев считал временем росписи большинства склепов вторую половину IV в.[26]. Однако В. М. Зубарь неоднократно отмечал тот очевидный факт, что монеты IV–V вв. находились в денежном обращении Херсонеса – Херсона вплоть до VII в.[27].

Исследования последних лет увеличили число находок из склепов, которые связаны с христианами, многократно, что позволяет по новому оценить нумизматические источники. Необходимо отметить практически полное отсутствие в комплексах склепов монет языческого Херсонеса II–III вв. Подавляющее большинство находок принадлежит к римским медным имперским выпускам самых разных монетных дворов от императора Константина Великого до Аркадия. Отличительной особенностью этих находок является их очень малое нахождение в обращении.

Монеты находятся как по одной, так стопками и даже россыпью. Языческий обычай – вложение в рот или руку покойного обола Харона следует исключить и в виду вероятной христианской принадлежности исследованных склепов, и в виду того, что находятся монеты где угодно, но не в головах и руках погребенных. Такое предположение хорошо объясняет и факт отсутствия в комплексах склепов элевтерийных херсонесских монет с изображениями языческих божеств (Девы, Асклепия и Гигейи), которые также находились в обращение до VII в. Единичные находки языческих монет эпохи эллинизма и этапа второй элевтерии могли попасть в склеп или с затечным грунтом, или в качестве приношения в тех случаях, когда изображение на монете практически отсутствовало, они атрибутировалось по нечетким контурам и фактуре кружка.

Из нескольких склепов происходят и менее старые монеты, чем названные выше, наиболее поздними среди которых являются выпуски императора Льва I херсонесской чеканки. Это может свидетельствовать о том, что данные склепы, в частности склеп на землях Тура, использовались дольше для посещений, поминаний, молебнов. Монеты Льва I дают terminus ante quem использования херсонесских склепов с живописной росписью. Полное отсутствие в этих склепах монет конца V–VII вв. неопровержимо свидетельствует о том, что в эти времена они уже не функционируют. Особенно показательно отсутствие среди находок пентануммий правления императоров Зенона, Анастасия и Юстиниана Великого херсонесской чеканки, которые составляли в городе действительно массовый материал.

В этой связи особый интерес представляют находки, сделанные в склепах, исследованных в 2006 г. Так, из камеры склепа 1/2006, его дромоса и приделов камен-

ной оградки происходит 29 монет (монеты времени явно предшествовавшему склепу – 4 экз., Констанций II (336–371) – 3 экз., Константин II (337–340) – 1 экз., Валент (364–368) – 3 экз., Прокопий (365–366) – 1 экз., Грациан (367–395) – 2 экз., Валентиниан II (375–383) – 5 экз., Феодосий I (378–395) – 3 экз., Аркадий (383–408) – 3 экз., неопределяемые – 4 экз.)[28]. Среди находок в склепе 2/2006 было 18 монет (Констанция II (337–361) – 7 экз., Константина I (337–350) – 1 экз., Констанция Галла (351–354) – 1 экз., Юлиана II (361–363) – 1 экз., Феодосия I (379–395) – 1 экз., Аркадия (395–408) – 3 экз., неопределенных – 4 экз.)[29]. Помимо монет, во время раскопок были найдены другие находки, в частности, бронзовые пряжки и светильники, также не выходящие за пределы второй половины IV – первой половины V вв.[30]

Опираясь на вышесказанное, есть все основания полагать, что создание херсонесских расписных склепов и их функционирование не выходит за рамки сравнительно узкого промежутка времени – конец IV–V вв., причем часть из них (те, в декоре которых присутствует Константиновская хрисма) не выходит за пределы середины V в.

Исследование этой группы памятников позволяет проследить динамику развития погребальной живописи. Развитие декоративного убранства погребальных сооружений направленно в сторону упрощения художественных композиций. Постепенно полихромная роспись исчезает. Как своеобразная переходная ступень в таком движении может быть склеп 1/2006 с граффити, в виде кораблей – символов плавания в Вечность, нанесенными по сырой штукатурке[31]. Но в конечном итоге именно изображения крестов становится не только доминирующим в декоративной схеме погребальной росписи, но и практически ее единственным элементом. Примером может служить склеп № 2510, в котором кресты вырезаны на стенах и на потолке (крест с расходящимися концами, вписанный в круг)[32].

С конца V в. отмечается упадок античных традиций в погребальном декоре[33]. Новая декоративная система, пришедшая на смену старой, окончательно лишается живописности и полихромии. Примером подобного декоративного убранства погребальных сооружений могут служить два склепа, открытые в Керчи в 1890 и 1895 гг. и детально описанные Ю. А. Кулаковским[34]. Их стены были покрыты крестами и текстами молитв и псалмов. Других декоративных элементов в их оформлении нет. Причем в склепе 1890 г., где, судя по надписи, были похоронены Саваг и Фиаспарта, обозначена точная дата, которая фиксируется как 491 г.

Таким образом, вторая половина – конец V в. представляется по существу рубежным периодом в декоративном оформлении раннехристианских погребальных сооружений. Строгая христианская символика окончательно вытеснила с гробничных стен античную по своему происхождению роспись. Памятники с подобной росписью более позднего времени неизвестны. Данный процесс явился результатом новых требований, предъявляемых к оформлению мест погребения христиан.

Украшение погребений полихромной росписью вошло в обычай лишь в среде достаточно состоятельных членов раннехристианских общин, так как подобное оформление мест захоронения было хлопотным, стоило сравнительно дорого, тем более с учетом стоимости самих склепов. Позволить себе такую роскошь могли далеко не все, чем и объясняется невысокий процент расписных склепов от общего количества погребений этого периода, что прослеживается не только в ранневизантийском Херсоне, но и в других центрах. Так, например, в ромейской Фессалонике 65 гробниц с росписью составляют 15% от общего числа захоронений раннехристианского времени[35]. В Херсоне их число ничтожно – 0,37 % от числа открытых погребений. Тем не менее, количество расписных христианских погребальных памятников позволяет делать предположения о функционировании специализированных мастерских в некоторых центрах, в частности, в Сардах, в период после правления Константина I[36]. Такая мастерская, скорее всего, была и в Фессалонике. В Херсонесе же работали мастера, приглашенные заказчиком.

Интересно отметить, что наиболее богато украшенные херсонесские расписные склепы, а именно, 1903, 1904 (1853) и 1905 гг., расположены близко друг от друга, на территории к югу от загородного крестообразного храма Богородицы Влахернской[37]. Их роспись отличается наиболее разнообразным набором живописных элементов, изящным и скрупулезным исполнением „мраморной инкрустации“, причем единообразно для всех, утонченной прорисовкой птиц и растительного декора. Уровень мастерства исполнения этих росписей представляется наиболее высоким из всей группы раннехристианских склепов Херсонеса. Скорее всего, данный участок некрополя принадлежал в позднеантичный период наиболее состоятельным христианским семьям города, что подтверждается и находками золотых вещей[38]. Здесь же поблизости хоронили клириков, на что указывает известняковое крестообразное надгробие с упоминанием имен трех пресвитеров, двух Стефанов и Христофора[39].

Склеп 1/2006, судя по многочисленным рисункам кораблей, мог принадлежать семье, связанной с морским делом. Склеп 2/2006 имел, помимо полихромной росписи, надгробные эпитафии. Таким образом, он может являть своеобразную переходную ступень от расписных склепов к более поздним, где росписи вытеснены текстами (например, „катакомба“ под Южным загородным крестообразным храмом на стене содержит имена семи женщин[40]). Поскольку этот склеп был перекрыт крестообразным храмом, он не мог достраиваться позднее второй половины VI в.

Отдельно необходимо остановиться на склепе „на земле Н. И. Тура“. Он был открыт в 1894 г., но раскопан лишь в 1912 г.[41]. В плане склеп изначально являлся типичным для подобных сооружений, но позднее был перестроен, саркофагообразная лежанка, расположенная напротив входа, была углублена до уровня пола, а образованное таким образом „помещение“, площадью около 5 кв. м, было соединено проходом, прорубленным в перемычке.

Помимо росписи задней стены, остатки фресок зафиксированы под левой нишей, где, по мнению М. И. Скубетова, находилось изображение пальмового венка[42]. Плафон был оформлен, как и в большинстве других херсонесских расписных склепов, в виде диагональных гирлянд и, вероятно, венка с хрисмой в центре[43]. Таким образом, вся роспись, за исключением правой стены, как по стилю, так и по набору декоративных элементов, находится в полном созвучии с живописью остальных расписных херсонесских склепов. Ее погребальный характер не вызывает сомнений. Скорее всего, она связана с захоронениями, совершенными в тот же период, что и в остальных расписных склепах Херсонеса, то есть датируется концом IV – первой половиной V вв.

Зато совсем иной характер имеет роспись правой стены, где представлена сюжетная композиция с двумя фигурами, мужской и женской, направляющимися к схематично изображенному вдалеке городу[44]. Еще одна фигура, от которой сохранились изображения ног в ремешковых сандалиях, показана идущей от города. Эта роспись относится, скорее всего, ко времени перестройки склепа (возможно, связанной с чествованием памяти о неком событии местной церковной истории) в своего рода мемориальную церквушку-молельню[45]. Не исключено, что на момент перестройки этот склеп принадлежал всей христианской общине ранневизантийского Херсона и был местом для общественных молений в дни памяти почитаемых событий или погребенных. Именно принадлежностью росписи правой стены к уже перестроенному склепу и объясняется особый характер ее композиции. К настоящему времени она получила несколько интерпретаций. Н. М. Печенкин видел в этой картине сюжет из жизни мученика Феодора Стратилата[46]. М. И. Ростовцев допускал, что здесь мог быть представлен некий святой или мученик, или вообще обыкновенный христианин в райском саду[47]. В последнее время предложена новая версия, согласно которой в этой росписи изображены Мария с Иосифом, идущие в Вифлеем[48]. Возможна и иная трактовка – изображение умерших, идущих к Небесному Граду, к которому протянуты руки мужчины и женщины[49]. Учитывая особое отношение херсонитов к склепу, перестройку его в подзем-

ную церковь, имевшую, вероятно, мемориальные и кладбищенские функции, более вероятна связь с житийным чудом воскрешения мальчика по молитве Св. Василея[50].

Ю. М. Могаричев подверг критике предположение о культовых функциях склепа[51]. Во многом его аргументация построена на учете незначительных размеров сооружения (площадь около 5 кв. м и высоте менее 1,7 м) и анализе изображений, которые двигаются от алтаря, а не к нему, как это положено по церковным канонам[52]. „Церквеобразная“ архитектура склепа имеет свои аналоги, примером которых могут служить склепы Мангупа[53]. Тот факт, что они не выполняли функции культовых сооружений, не опровергает возможности такого использования склепа „на земле Н. И. Тура“. Он имел как минимум два строительных периода[54], и был переделан на последнем этапе, и, скорее всего, одновременно с созданием композиции росписи на заново оштукатуренной правой стене. Если сюжет фрески является иллюстрацией к агиографическому тексту, то его построение вполне закономерно. Таким образом, приведенные материалы и аналогии не исключают возможности функционирования склепа „на земле Н. И. Тура“ как культового сооружения – молельни или мемориальной церквушки, периодические службы, проводимые в которой имели специфический (поминальный или мемориальный) характер.

Закономерен также вопрос о возникновении системы росписи херсонских склепов. Выдвигая идею ближневосточного происхождения декоративной системы, объединившей два художественных стиля – цветочный и инкрустационный, М. И. Ростовцев отмечал проникновение ее и на Запад[55]. Окончательный вывод он сделал в пользу сирийско-палестинского Востока, что, по его мнению, указывало на „тесную связь первых христиан Херсонеса не с Византией или Балканским полуостровом“, а с сирийско-палестинской Церковью[56]. Такая связь нашла свое отражение и в текстах Житий Свв. епископов Херсонских. Из семи первых епископов шесть были присланы из Иерусалима и только последний – Капитон – из Константинополя[57].

В пользу сирийского происхождения росписей может говорить тот факт, что одна из наиболее ранних церквей Херсона конца IV–V вв. (ранняя базилика 1935 г.) была возведена из саманного кирпича; такой строительный материал характерен именно для Ближнего Востока[58]. Кроме того, и в дальнейшем развитие декоративного убранства херсонских храмов происходило под влиянием сирийского искусства. Это подтверждает даже беглый взгляд на мозаики и росписи сирийских и херсонесских храмов.

Изучение сюжетов росписи и архитектуры самих погребальных сооружений позволяет сделать выводы о принадлежности данных сооружений и их месте в религиозной жизни херсонеситов. Опираясь на некоторые топографические указания Житий о местах захоронения замученных в Херсонесе Свв. епископов Василея, Евгения, Агафадора и Елпидия, можно попытаться сделать следующие предположения. Большая часть открытых расписных склепов располагается на территории позднеантичного некрополя около Карантинной бухты. Традиционно именно эта часть кладбища считалась среди херсонеситов местом погребения первых христиан и первых святых мучеников, что отразила их агиография. Именно здесь во второй половине V в. возникла богато украшенная гробничная церковь – мартирий. Есть все основания думать, что именно с этой частью кладбища был связан рассказ о погребении троих из семи Свв. епископов Херсонских[59].

Особо стоит остановиться на склепе № 2114 (склеп 1853 г.). По своей конструкции он являлся типичным для херсонесского некрополя – четыре ниши в левой и задней стене, расположенные одна над другой, и одна в правой стене. Причем фактически весь склеп переориентировали под погребение именно в этой локуле. Она была углублена по типу саркофага, а захоронение в ней закрыто плитами. Стены склепа были отштукатурены и расписаны, на задней стенке ниши изображен лавровый венок с вплетением цветов. Вся роспись обращена не к зрителю, а скорее, к умершему. Изображение венка могло символизировать „венец мученика“, подчеркивать мученическую смерть погребенного, его триумф в вечной жизни. На плитах, закрывавших нишу, были изображены деревья с плодами, которые в христианской

символике обычно говорили о райских садах[60]. К сожалению, склеп был ограблен еще в древности. Первым его исследовал граф А. С. Уваров в 1853 г., но среди находок упоминаются только несколько серебряных пряжек и обломок гипсового кружка с изображением креста[61].

Склеп был приспособлен для усыпальницы почитаемого человека, все прежние захоронения из склепа удалили, что указывает на его роль мартирия. По мнению К. К. Косцюшко-Волюжинича и М. И. Ростовцева, исследовавших памятник, здесь был погребен человек, особо чтимый в среде христианской общины Херсонеса. Склеп мог быть местом поклонения первых христиан[62]. Вполне вероятно, погребенный мог быть местночтимым святым или одним из первых Херсонесских епископов.

Другой склеп № 2086 имеет четыре лежанки (по две – одна над другой) с обеих сторон от входа и „аркосолий“ в стене против входа. Стены склепа были богато украшены росписями, но особо надо отметить росписи „аркосолия“. В центре изображена виноградная лоза, обрамленная гирляндой. При исследовании склепа было найдено несколько монет, датирующихся серединой – концом IV в., и нательный крестик. По-видимому, гробничное сооружение также могло принадлежать одному из почитаемых херсонеситов, возможно, главе местной христианской общины, который был погребен в особенном „аркосолии“.

Остальные расписные склепы, вероятно, принадлежали зажиточным херсонесским семьям, представителям позднеантичной городской знати или отдельным церковным приходам.

Таблица 1

Элементы росписи склепов

Элементы	Склеп № 511, 1894 г.	Склеп № 1494, 1903 г.	Склеп № 2086, 1905 г.	Склеп № 2114, 1853 г.	Склеп № 2270, 1907 г.	Склеп № 2245, 1907 г.	Склеп 1909 г.	Склеп 1912 г.	Склеп на земле Н. И. Тура	1 Склеп 1998–1999 гг.	2 Склеп 1998–1999 гг.	Склеп „Аристона“ 2/2002 г.	Болгарские склепы IV–V вв.
Гирлянды			+	+		+	+	+	+	+	+	+	+
Свечи			+	+			+						
Растительные орнаменты	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Шиповники			+									+	
Виноград			+	+			+						
Лавр			+	+			+	+	+				
Изображения людей	+			+			+		+		+		+
Монограммы Христа				+		+			+			+	
Птицы	+	+	+	+			+	+	+	+	+		+
Павлины				+			+	+	+	+			+
Голуби		+	+				+		+		+	+	
Геометрические фигуры	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+
Венки			+	+		+	+		+			+	
Чаша										+			

Таблица 2
Система росписи склепов

Система	Склеп № 511, 1894 г.	Склеп № 1494, 1903 г.	Склеп № 2086, 1905 г.	Склеп № 2114, 1853 г.	Склеп № 2270, 1907 г.	Склеп № 2245, 1907 г.	Склеп 1909 г.	Склеп 1912 г.	Склеп на земле Н. И. Тура	1 Склеп 1998–1999 гг.	2 Склеп 1998–1999 гг.	Склеп „Аристона“ 2/2002 г.	Болгарские склепы IV–V вв.
Икрустационная	+	+	+	+	+					+			+
Цветочная	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Таким образом, росписи херсонесских склепов относятся к числу памятников, обнаруживающих сюжетную и хронологическую общность. Составляя единую в техническом и стилистическом отношении группу, росписи являются произведениями одного, сравнительного небольшого периода, протяженностью около столетия. В настоящее время можно наметить лишь самые крайние его пределы. Учитывая закономерности в смене определенных этапов развития погребальной христианской живописи, роспись херсонесских склепов следует датировать временем никак не позднее конца V в. Нижнюю хронологическую границу их появления, вероятно, следует связывать с местными событиями середины – последней четверти IV в., когда в Херсонесе оформилась своя епархия. Оба этих „хронологических репера“ не противоречат археологическим материалам из указанных склепов.

Херсонесская живопись демонстрирует полностью сложившуюся декоративно-символическую систему. Она была привнесена на херсонесскую почву в уже готовом, сформировавшемся виде. Ближайшие ее аналогии находятся в позднеантичных центрах, расположенных на территории Балканского полуострова и западной части Малой Азии, с которыми Херсонес имел давние разносторонние связи. Особо необходимо отметить сирийско-палестинское влияние на становление христианства в Херсонесе-Херсоне. Все это дает основание предполагать, что традиция росписи погребальных сооружений пришла в Херсонес из христианского Востока. Развитие погребального обряда и традиций приводит к постепенному отказу от античной полихромной живописной традиции, на смену которой приходят более строгие и лаконичные изображения.

Что касается упокоенных в таких склепах, в большинстве случаев это были представители местной аристократии или наиболее богатые горожане, родственники которых смогли оплатить дорогостоящую работу мастеров, возможно, приезжих. Три склепа с раннехристианской росписью могут быть связаны с погребениями почитаемыми, возможно местного духовенства, не исключено, пресвитеров или архиереев, возглавлявших общину. В одном случае (склеп „на земле Н. И. Тура“) можно говорить о почитании погребенного как святого или о месте, где по представлениям херсонеситов, проявилось могущество Бога, было явлено чудо, то есть о теофаническом мартирии с литургическими функциями.

[1] *Ростовцев, М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. СПб., 1913.

[2] *Зубарь, В. М.* От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI вв.). К., 2000, 144–154.

[3] *Marchenko, L. V.* A New Early Christian Cript in the Outskirts of Chersoneses Tauric. – In: International Conference: The Cult of Martyrs and Relics and its Architecture in East and West (3d-7th c. AD). Varna, 2003, 19-20.

[4] *Туровский, Е. Я.* Отчет об археологических исследованиях участка некрополя Херсонеса у загородного храма в 2006 г. НА НЗХТ, д. № 3856.

[5] *Ростовцев, М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, с. 451, 457, 462, 469, 503–507.

[6] *Диатроптов, П. Д.* Еще раз к вопросу о датировке росписей херсонесских христианских склепов. – В: Церковная археология южной Руси. Сборник материалов международной конференции „Церковная археология: проблемы, поиски, открытия“ (Севастополь, 2001 г.). Симферополь, 2002, 34–36.

[7] *Хрушкова, Л. Г.* Христианские памятники Крыма (состояние изучения). – ВВ, 2004, т. 63 (88), 168–194.

[8] *Завадская, И. А.* Декоративно-символическая система росписи херсонесских христианских склепов. – МАИЭТ, 2005, вып. 11, 258–288.

[9] *Зубарь, В. М.* По поводу датировки христианской росписи склепов из некрополя Херсонеса – В: Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1988, с. 12; *Зубарь, В. М., Хворостяный, А. И.* От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI вв.). К., 2000, 158–163; *Зубарь, М. В.* К интерпретации одного из сюжетов росписи склепа 1912 г. из Херсонеса. – ХСб, 1999, вып. 10, 300–311.

[10] *Ростовцев М. И.* Указ. соч., 148–152.

[11] Подр. см.: *Кадеев, В. И., Сорочан, С. Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. (по материалам Херсонеса). Харьков, 1989, 164 с.; Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э. Очерки истории и культуры / А. О. Владимирова, Д. В. Журавлев, В. М. Зубарь и др. Харьков, 2004, 348–360; *Сорочан, С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.): Очерки истории и культуры. Ч. 1–2. Харьков, 2005, 231–322.

[12] *Миятев, К.* Декоративната живопис на Софийски некропол. С., 1925, с. 67, 110; ср.: *Диатроптов, П. Д.* Указ. соч., 34–36.

[13] *Зубар, В. М.* Час та обставини будівництва комплексу Західної базиліки Херсонеса-Херсона. – Археологія, 2006, №1, 158–163.

[14] *Голофаст, Л. А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса. – МАИЭТ, 2001, вып. 8, 154–155.

[15] *Ростовцев, М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913, табл. CV, CV.1

[16] Там же, 453–454, 460, 465– 466, 478.

[17] *Косцюшко-Валюжинич, К. К., Скубетов, М. И.* Извлечение из раскопок в Херсонесе Таврическом в 1907 году. – ИАК, 1911, вып. 42, с. 53; *Ростовцев, М. И.* Указ. соч., 453–454, 460, 465–466, 478; 460 с.

[18] *Завадская, И. А.* Указ. соч., 258–288.

[19] *Миятев, К.* Цит. съч., с. 25, рис. 9; *Завадская, И. А.* Указ. соч., 258–288.

[20] *Голубцов, А. П.* Из чтений по церковной археологии и литургике. СПб., 2006, 417–441; *Уваров, А. С.* Христианская символика. М., 1908, с. 76; *Юрочкин, В. Ю.* Древнейшее изображение Креста Господня. – Православные древности Таврики. Сборник материалов по церковной археологии. К., 2002, 36–37.

[21] *Laurent, J.* Delphes chréstines. – BCH, 1899, vol. 23, 243–244; *Луковникова, Е.* Древнехристианская изобразительная символика – Альфа и Омега. 1995, № 3 (6), 38–40; *Хрушкова, Л. Г.* О начале христианского Херсонеса Таврического: крестообразная церковь на главном кладбище. – В: Сугдейский сборник. 2005, вып. 2, с. 415.

[22] *Sauer, J.* Christusmonogramm. – LThK, 1958, p. 340; *Хрушкова, Л. Г.* Указ. соч., с. 415.

[23] *Alexander, M. A.* Mosaic Ateliers at Tabarka. – DOP, 1987, vol. 41, p. 10; *Хрушкова Л. Г.* Указ. соч., с. 416.

[24] *Valeva , J.* Les tombeaux ornés de croix et chrismes peints. – In: XIII International Congress of Christian Archeology. Actes III. Citta del Vatikano. Split, 1998, 761–786.

[25] *Диатроптов, П. Д.* Указ. соч., 34–36; *Зубарь, В. М., Хворостяный, А. И.* Указ. соч., 81–84.

[26] *Ростовцев, М. И.* Указ. соч., с. 451, 457, 462, 469, 471, 479.

[27] *Зубарь, В. М.* По поводу датировки.., с. 4.

[28] *Туровский, Е. Я., Филиппенко, А. А.* Отчет об археологических исследованиях участка некрополя Херсонеса у загородного храма в 2006 г. – НА НЗХТ, д. № 3856, л. 8–9.

[29] Там же, л. 11–12.

[30] Там же, л. 11–12.

[31] Там же, л. 6–9.

[32] *Репников, Н. И.* Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1908 г. – ХСб, 1927, вып. 2, 168–169.

[33] *Завадская, И. А.* Указ. соч., 258–288.

[34] *Кулаковский, Ю. А.* Керченская христианская катакомба 491 г. – МАР, 1891, № 6, 1–30; Две керченские катакомбы с фресками. Приложение. Христианская катакомба, открытая в 1895 г. – МАР, 1896, № 19, 61–67.

[35] *Завадская И. А.* Указ. соч., 258–288.

[36] Там же.

[37] *Ростовцев, М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. СПб., 1913, 148 табл., табл. CV.

[38] *Веймарн, Е. В.* Некрополь около крестообразного загородного храма в Херсонесе. – АДСВ, 1977, вып. 14, с. 8.

[39] Византийский Херсон. Каталог выставки. М., 1991, № 13, с. 28.

[40] Таврическая губерния. Раскопки в Херсонесе. – ОАК, 1906 г. СПб., 1907, 82–83, рис. 88–89.

[41] *Ростовцев, М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. Пг., 1914, с. 470.

[42] Там же, с. 476.

[43] Там же, с. 478.

[44] Там же, рис. 89–90.

[45] Там же, 473–474; *Зубарь, В. М.* Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом. – В: Византийская Таврика. К., 1991, с. 22; *Зубарь, В. М. Хворостяный, А. И.* Указ. соч., с. 93; *Сорочан, С. Б.* Указ. соч., 1069–1070; Мартирий Воскрешения, или еще раз о херсонесском склепе на земле Н. И. Тура. – АДСВ, 2006, вып. 37, с. 141; *Фомин, М. В.* О почитании святых в Херсонесе – Херсоне по материалам некрополя. – В: Мир Византии: материалы международного научного семинара. Белгород, 2007, 164–165.

46 *Печенкин, Н. М.* Роспись христианской катакомбы близ Херсонеса, на земле Н. И. Тура. – ИТУАК, 1912, № 48, с. 145.

[47] *Ростовцев М. И.* Указ. соч., с. 479.

[48] *Зубарь М. В.* К интерпретации.., 300–301; *Зубарь, В. М., Хворостяный, А. И.* Указ. соч., с. 80.

[49] *Сорочан, С. Б.* Указ. соч., с. 845.

[50] Там же, с. 1259.

[51] *Могаричев, Ю. М.* Склеп на земле Н. И. Тура: погребальное сооружение или церковь. – БИАС, 2008, вып. 3, 82–90.

[52] *Ростовцев, М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. СПб., 1913, с. 478; *Коковкин, А. Я., Смирнов Я. И.* – В: Византиноведение в Эрмитаже. Л., 1991, с. 148; *Могаричев, Ю. М.* Указ. соч., 82–87.

[53] *Герцен, А. Г.* Раннехристианские памятники из некрополей Мангупа. – В: Культура и искусство христиан – не греков: Тез. докл. СПб., 2001, с. 10; Дорос – Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу. – АДСВ, 2003, вып. 34, 99–100.

[54] *Ростовцев, М. И.* Указ. соч., с. 478; ср.: *Могаричев, Ю. М.* Указ. соч., 82–87.

[55] *Ростовцев, М. И.* Указ. соч., с. 501.

[56] Там же, с. 503.

[57] Подр. см.: *Сорочан, С. Б.* Указ. соч., 1274–1281.

[58] *Завадская, И. А.* Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса „Базилика 1935 г.“ в Херсонесе. – МАИЭТ, 1996, вып. 5, 94–105.

[59] *Сорочан, С. Б.* Указ. соч., с. 1267.

[60] *Ростовцев, М. И.* Указ. соч., 452–457.

[61] Там же, с. 456.

[62] Там же, 452–457.

УДК 94(477.7) «653»:726.1-049.3

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ХРАМЫ ХЕРСОНА: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

А. В. Латышева

Латишева О. В. **Ранньосередньовічні храми Херсона: досвід реконструкції**

Стаття присвячена розгляду основних типів сакральної християнської архітектури ранньосередньовічного Херсона (VI–X ст.). Значна увага приділяється опису й класифікації культових архітектурних пам'ятників. Розглядається зв'язок між функціями будівлі і її архітектурним типом. Висвітлюються особливості реконструкції основних типів християнських храмів Херсона.

Ключові слова: Візантія, Церква, Херсон, культ, сакральна архітектура, реконструкція.

Латышева А. В. **Раннесредневековые храмы Херсона: опыт реконструкции**

Статья посвящена рассмотрению основных типов сакральной христианской архитектуры раннесредневекового Херсона (VI–X вв.). Значительное внимание уделяется описанию и классификации культовых архитектурных памятников. Рассматривается связь между функциями здания и его архитектурным типом. Освещаются особенности реконструкции основных типов христианских храмов Херсона.

Ключевые слова: Византия, Церковь, Херсон, культ, сакральная архитектура, реконструкция.

Latysheva A. **Early medieval churches of Kherson: the experience of reconstruction**

The article is devoted consideration of the main types of sacral Christian architecture of early medieval Kherson (VI–X centuries). Considerable attention is paid to description and classification of cult architectural monuments. Communication between functions of a building and its architectural type is considered. Features of reconstruction of the basic types of Christian temples of Kherson are investigated.

Keywords: Byzantine, church, Kherson, cult, church architecture, reconstruction.

В христианской архитектуре Херсона, сложившейся под влиянием константинопольской, сирийской и палестинской традиций, нашли отражение процессы, проходившие в духовной жизни города, и изменения византийского богослужения в течение второй половины VI – первой половины X вв. На территории херсонского городища сохранились преимущественно лишь руины памятников христианской архитектуры VI–X вв. Многие сооружения, открытые в XIX – начале XX века, сейчас представляют собой остатки фундамента и невысокие остовы стен. Поэтому при изучении жизни раннесредневековой Церкви этого периода возникает множество вопросов, связанных с интерьером и экстерьером храма, расположением тех или иных литургических устройств в пространстве, значением храмов как центров общественной жизни. В свою очередь, в реконструкции облика херсонских храмов важную роль может сыграть рас-

© А. В. Латышева, 2012

смотрение особенностей богослужения в определенный период, что требует учитывать связь между функциями зданий и их внешним видом.

В отечественной литературе, посвященной изучению архитектуры христианского Херсона, следует отметить ряд закономерностей, которые, на наш взгляд, ограничивают возможности историка в изучении этой темы. Часто раннесредневековый храм рассматривается как памятник архитектуры и археологии или как часть „материальной культуры“. В этих случаях основное внимание сосредоточено на описании и определении дат постройки и перестроек – „строительной истории“. В другом случае архитектура рассматривается, как „продукт политических и религиозных контактов“[1]. Большое значение здесь отводится поиску аналогичных по планировке строений в других регионах византийского влияния[2]. Все эти вопросы, безусловно, необходимо освещать, однако, в нашем случае при изучении истории ранневизантийского Херсона целесообразным представляется использование историко-литургического подхода, который также называют функциональным[3]. Основная задача при этом состоит в том, чтобы рассматривать храмы и церкви как здания, созданные в соответствии с потребностями совершенно определенной, создавшей его христианской общины. Главной функцией храма, безусловно, была литургическая, включающая не только богослужение, но и погребение, заботу о душах мирян (особенно ктиторов и их семей). Нет сомнений, что потребности определяли и отражали тип сооружения, его внешний вид и особенности архитектуры.

В эпоху раннего средневековья перед христианской Церковью встали новые задачи: с укреплением ее позиций отпала потребность в малых замкнутых церквах, свойственных раннехристианской архитектуре, а также возникла необходимость в строительстве вместительных храмов „для всех“[4].

Как показывает изучение источников, проектирование и строительство каждого здания велось одним и тем же ремесленником-архитектором (икодомом) без использования чертежей. Так как профессиональные знания обеспечивали архитектору доход и положение, они хранились в тайне. Разметка производилась на месте, непосредственно перед началом строительства, хотя основные пропорции и размеры оговаривались заказчиком заранее. Р. Остерхут отмечает как одну из особенностей византийской архитектуры то, что храмы постоянно дополнялись новыми помещениями, перестраивались и усложнялись, в типовую конструкцию при необходимости вносились изменения[5]. В Херсоне этот процесс затронул практически все раннесредневековые храмы (№ 23, № 22, № 15, № 28, № 36, № 13, № 14, № 7, 1932 г., 1935 г., № 19, Южный и Западный загородные), что говорит об увеличении литургических функций и разнообразии обрядов, проводимых в церквях.

В раннее средневековье доминирующим архитектурным типом в Херсоне, как и в других провинциях Византийской империи, были базилики[6]. Большое влияние на распространение базилик оказала простота конструкции, а также возможность разрабатывать и быстро возводить различные варианты зданий. Это стало особенно актуально в ходе массового храмового строительства в VI–VII вв.[7]. Базилики строились почти в каждом районе города, объединяющем несколько кварталов. Хотя в Херсоне сохранялся античный принцип планировки с узкими улицами, сходящимися под прямым углом, иногда проводилась перепланировка кварталов, чтобы создать территорию, достаточную для возведения храмов (комплекс Уваровской базилики). Постепенно разрабатываются и более сложные в плане сооружения, дополненные нартексом, экзонартексом, наружными портиками, пристройками, но в основе лежит вытянутый зал с полукруглой апсидой.

Различные по форме базилики в раннесредневековую эпоху были широко распространены на всей территории Восточного Средиземноморья и Закавказья – в центральных районах Византии, в Греции, в Грузии, в Армении, в Малой Азии, в Сирии и в Месопотамии. Херсонские базилики относятся к эллинистическому типу (с деревянным стропильным перекрытием). Храмы такого типа встречаются на значительной тер-

ритории, охватывающей Грецию, Болгарию, прибрежные районы Малой Азии, Сирии, Палестины, Северной Африки, Кипр, районы Северного и Восточного Причерноморья[8].

При рассмотрении базилик раннесредневекового Херсона следует отметить несколько конструктивных особенностей, связанных, по-видимому, с рядом факторов. Для всех исследуемых базилик в той или иной степени характерны укороченные пропорции, отмеченные также среди балканских памятников V–VI вв.[9] Ю. Г. Лосицкий, в соответствии с приблизительным соотношением ширины наоса к его длине, выделяет три группы храмов: 1:1,5 – Уваровская, Западная, „базилика на холме“; 1:1,2–1,25 – Восточная, „базилика 1935 г.“; 1:1 – Северная, базилика 1932 г., № 28 и № 15[10]. Однако этот признак, как считает И. А. Завадская, не является датирующим, а, скорее, определяет „место и значение храма“. Исследовательница считает, что широкое применение укороченных пропорций при строительстве церквей в разных регионах связано с особенностями богослужения и смещением „литургического процесса ближе к центру среднего нефа“, соглашаясь с предположением А. Л. Бертье-Делагарда, что укороченность базилик являлась „отдаленным подражанием коротким купольным постройкам, максимально приспособленным к потребностям культа“[11]. Вероятнее, эта особенность действительно связана со смещением „литургического процесса“ к алтарю и солее, постепенно происходившим в течение IV–VIII вв., и отражавшим процесс дистанцирования мирян от участия в богослужении[12]. В то же время, на наш взгляд, следует разделять базиликальные сооружения, где центром Литургии является алтарь в апсиде, располагавшейся в восточной части храма, и центрические, в которых алтарь либо отсутствовал, либо находился в центре. Однако в VII–VIII вв. в зонировании центрических построек стали проявляться черты храмов, предназначенных для евхаристического культа.

Всего в ходе раскопок на территории Херсона открыто 15 средневековых базилик. Самые ранние из них относят к V в., большинство – к VI – первой половине VII в., а самая поздняя построена не ранее XI в.. Однако хронология христианских храмов вызывает многочисленные споры среди исследователей[13]. Во всяком случае, пять базилик несут следы позднейших перестроек, свидетельствующие о том, что они сохраняли свое значение и в поздневизантийский период.

Раннесредневековые храмы Херсона нередко составляли обнесенный оградой комплекс, куда входили: большой базиликальный храм, часто с пристроенными с северной и/или южной стороны галерями (№ 23, № 22, № 26, № 13, № 15) либо крестообразный (Южный и Западный загородные, Храм № 19 с ковчегом), крещельня (единственное отдельно стоящее здание баптистерия в Херсонсе – № 24), меморий или мартирий, усыпальница и несколько хозяйственных и жилых помещений.

В некоторых работах приведены варианты реконструкции внешнего вида и интерьера строений. Так, в 2004 г. вышел в свет каталог „Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического“, где представлены варианты реконструкции ранневизантийских храмов[14]. Однако практически все предложенные модели не учитывают конструктивные особенности архитектуры этого периода, которые возможно установить, принимая во внимание данные исторической литургики, истории архитектуры и сравнительного анализа христианских построек этого периода в различных регионах Византии. Архитектурно-литургическая реконструкция сегодня является одной из перспективных направлений христианской археологии.

Рассмотрим возможную архитектурно-литургическую реконструкцию и возникающие при этом вопросы на примере базилики № 7, известной как „базилика Крузе“[15]. Она расположена в XCIX квартале северо-восточного района городища, и, как все Херсонские храмы, ориентирована с незначительным отклонением (15° к северу) апсидой на восток.

А. Л. Якобсон относил строительство базилики к V в., основываясь на якобы характерной для этого времени триконхиальной апсиде, что является недостаточным основанием для установления времени постройки храма, поэтому вопрос о его датировке

остается открытым[16]. Ныне исследователи отмечают, что по способу кладки базилика № 7 близка к другим херсонским базиликам (Уваровской, Северной, Западной и другим) и может относиться к тому же строительному периоду второй половины VI–VII вв.

Здание размером 17,8 × 25,5 м сложено из больших тесаных блоков известняка, пространство между которыми было заполнено необработанным камнем, скрепленным известняковым раствором. Крупная апсида почти 11 м длиной и до 7 м шириной, имеющая трехлепестковую форму, состояла из трех симметрично расположенных ниш-экседр (диаметр центральной – 6 м, а боковых – 3 м). Толщина стен храма колебалась от 1,25 до 1,5 м. Раскопки 1998–1999 гг. показали, что с улицы в нартекс храма вели два входа, расположенные в западной стене: центральный и северный. Исследователи объясняют это понижением рельефа скалы по направлению к Карантинной бухте. Не отвергая такую версию, можно также предположить, что в южной части нартекса мог находиться стол для пожертвований прихожан и даров, приносимых ими на Литургию. В X–XI вв. в храме стали совершаться захоронения, принявшие массовый характер.

Сооружения с триконхиальной композицией чаще всего имели мемориальное значение или использовались в качестве крещелен. Следов стационарной купели в храме не обнаружено, поэтому базилику № 7, на наш взгляд, следует считать храмом, предназначенным в основном для обычного евхаристического культа, но выполняющего и функции мемория. В этом отношении она близка к храму с ковчегом (№ 19).

Храм № 7 принадлежал к эллинистическому типу базилик с деревянным стропильным перекрытием без трансепта. Здесь в качестве опор использовались колонны, а не каменные столбы, что исключает наличие сводчатых перекрытий. Наличие нартекса, отмеченного в плане базилики № 7, является традиционной чертой аналогичных храмов Константинополя, Греции, Балкан, Эгейского побережья Малой Азии[17]. В нем во время Литургии имели право находиться оглашенные и грешники, не допускавшиеся к таинству Евхаристии.

Одной из особенностей базилики Крузе являются сильно укороченные пропорции, в результате чего ширина наоса превосходит его длину. Характерная черта этой базилики – триконхиальная апсида – может свидетельствовать о мемориальном значении храма. В Херсоне такую же апсиду имел храм „А“ в комплексе Уваровской базилики и, возможно, еще одна базилика, очертания которой по результатам аэрофотосъемки 2005 г. можно проследить к северо-западу от четырехапсидного храма № 47[18].

Отдаленное сходство можно отметить с имевшими другой тип перекрытий и выходящими за рамки базиликального типа Баптистерием № 24 и четырехапсидным храмом № 47. А. Л. Якобсон связывал эти здания с сирийской архитектурной традицией и датировал временем не позднее V в.[19] Однако, как убедительно доказала И. А. Завадская, такая форма апсиды не может служить датирующим признаком, так как сочетание триконхиальной апсиды и базиликального плана применялось и в VI–VII в.[20]. Наиболее близок херсонским зданиям по оформлению апсиды один сирийский памятник – храм Св. Симеона в Антиохии VI в., а по плану апсиды и композиции ее связи с наосом – базилика Св. Феликса в Симитиле V в. Аналогичные апсиды встречаются также в базиликах, расположенных на территории Италии, Паннонии, Галии, Восточной Адриатики, Египта, Сирии, Месопотамии, Палестины[21]. Об изменении литургических функций строений с триконхиальной апсидой можно судить на основании стратиграфии триконха из Конкордии Сагитарии (Италия), вошедшего в каталог баптистериев, составленный А. Хачатряном. В первой половине IV в. здесь был построен мартирий, перестроенный во второй половине IV в. в базилику с триконхиальной апсидой, ставшую в конце VI – начале VII в. баптистерием. Учитывая сравнительно широкое распространение триконхиального плана за пределами Ближнего Востока, при том, в формах более близких херсонским, И. А. Завадская предположила, что в Херсон трехлепестковая форма апсиды проникла не прямо из Сирии, а посредством других, скорее всего, европейских территорий Визан-

тийской империи[22]. Базилики с триконхиальной апсидой практически без исключений являлись мемориальными комплексами, включающими в себя мартирии святых мучеников. В связи с этим можно считать, что и херсонские храмы с триконхиальной апсидой являлись объектами мемориального культа.

Учитывая плохую сохранность памятника, при его реконструкции необходимо было уточнить размеры в соответствии с планами и чертежами разных лет (например, рис. 1; основные размеры см.: табл.1). В соответствии с полученными данными, были построены двухмерные проекции предполагаемого внешнего вида храма № 7 (рис. 2). При этом использовался метод, приведенный В. М. Полевым: „Длина основного здания базилики (то есть длина нефов без апсиды) является диагональю квадрата, сторона которого равна ширине базилики. Диагональ основного зала равна длине базилики, включая апсиду (без нартекса), или длине основного зала с нартексом (без апсиды)“[23]. Предложенная методика была выработана на основе измерений хорошо сохранившейся одноапсидной трехнефной базилики Архиопойитос в Салониках, датированной 480 г.

При рассмотрении двух различных, уже опубликованных ранее вариантов реконструкции, возник ряд вопросов.

Рассмотрим реконструкцию, предложенную А. Г. Колесниковой и Г. М. Манто[24]. Прежде всего, следует отметить, что в данном варианте реконструкции все три нефа базилики № 7 одинаковой высоты (под одним перекрытием). Можно предположить, что базилика относится к тем храмам, в отношении которых Н. Чанева-Дечевска употребляет термин „псевдобазилики“: „в них все три нефа находятся под единой двускатной крышей[25]. В таком случае свет в главный неф поступает из оконных проемов, расположенных в боковых нефах, а если учесть то, что в результате перестройки базилики промежутки между колоннами заложили, образовав на месте нефов три отдельных помещения, то такой вариант реконструкции не представляется возможным. Кроме того, в большинстве сохранившихся трехнефных базиликах средний неф обычно шире и выше боковых и освещается через окна над боковыми частями (например, сирийские базилики в Турманине – V в. и в Калб-Лузе – VI в.)[26].

В таком случае, если авторы реконструкции предполагали наличие в храме хоров (верхних галерей), то разница в высоте центрального и боковых нефов должна сохраниться. Учитывая значительную толщину стен и мощные фундаменты колоннады, ширина которых достигала 1,06 м, церковь, возможно, имела второй ярус, лестница на который могла вести из нартекса или бокового нефа, хотя следы такой лестницы не обнаружены.

Центр апсиды мог быть перекрыт стропильной двускатной крышей, а три экседры – сложенными из камня конховыми парусами (в форме полукупола). При этом боковые экседры были ниже центральной. Радиусы сводов определяют радиусы сохранившихся стен апсид.

В отношении второй реконструкции, опубликованной в 2004 г., в первую очередь, обращает внимание, что ее авторы представили нартекс как пристройку к основному массиву храма[27]. Однако такой вариант вызывает сомнения, если учесть, что толщина внутренних стен между нартексом и наосом, по чертежу М. И. Скубетова, равна 0,8 м, а наружной стены – 1,02 м. (рис. 1). Следовательно, при строительстве предполагалось, что несущей стеной будет как раз внешняя, а внутренняя выполняла в большей степени функцию перегородки. В отношении апсиды предложенный вариант реконструкции также возможен, если предполагается, что стропильное перекрытие покрывает каменные конхи. При этом внутри апсиды должно сохраняться деление на три обособленных экседры, так как, возможно, каждая из них во время богослужения носила определенные функции – центральная представляла собой алтарь, а боковые служили пастофориями.

В ходе восстановления внешнего облика базилики № 7 возникает сложный вопрос о размерах оконных проемов и высоте дверей. Материалы раскопок этого храма не содержат деталей, которые можно отнести к наличникам или фрагментам оконных проемов. При реконструкции однонефной часовни в квартале X „б“ С. Г. Рыжов использовал для выяснения

этих размеров находку фрагмента камня от арки окна, установив, что при ширине 56 см, высота окна составляла 112 см. Таким образом, соблюдается отношение ширины и длины 1:2, характерное для Средневековья[28]. Эти размеры были приняты нами за основу и для базилики № 7, при условии, что использовались круглые стекла диаметром 18–20 см и сохранялись пропорции окон 1:2. При реконструкции высоты дверных проемов за основу было принято соотношение ширины и высоты 1:1,5, наблюдаемое в базилике 1935 г.

Предлагаемый вариант реконструкции внешнего облика базилики № 7 представляет собой двухмерные проекции, где учтены предложенные замечания. В этом случае, в соответствии с пропорциями базилики в Архиопойитос, высота херсонской базилики № 7 равнялась ширине среднего нефа, высота среднего нефа – ширине среднего и боковых нефов, ибо высота базиликального храма зависит, прежде всего, от его поперечных пропорций. В соответствии с планом была построена проекция фасада базилики № 7. С помощью этой проекции и плана (рис. 2 А) были получены чертежи продольного и поперечного разреза базилики (рис. 2 В, С). Полученные показатели высоты и уточненные размеры планов приведены в табл. 1. Вспомогательные линии на чертежах обозначены пунктиром. На основании чертежей была разработана трехмерная компьютерная модель памятника (рис. 3–5).

К наиболее ранним однонефным храмам раннесредневекового Херсона следует отнести часовню „Г“ (№ 12) со склепом в комплексе Западной базилики № 13 и раннюю одноапсидную церковь, следы которой прослеживаются под загородным Южным крестообразным храмом. Датировка последней IV в. не подтверждается, так как в засыпи могилы „Д“, перекрытой храмом, найдена подставка стеклянной рюмки, относящейся к типу, появившемуся в Херсоне не ранее второй половины V в.[29] Следует отметить также и однонефную церковь № 17 с северо-запада от Восточной базилики. В эту же группу памятников входит кладбищенский храм 1902 г. с притвором (12,25 × 5,75 м), расположенный на вершине Девичьей горки, и сходный с ним по планировке храм 1958 г. на месте античного театра (7,6 × 4 м, диаметр апсиды 1,55 м), входивший в комплекс крестообразного храма № 19[30].

Необходимо отметить еще одно уникальное сооружение, на этот раз в окрестностях Херсона, – храм, расположенный на островке в Казачьей бухте. В 1845 г. на этом месте были произведены раскопки под руководством князя Барятинского, в результате которых были обнаружены девять жилых помещений, окружавших небольшой двор, и маленькая церковь, похожая на церкви-часовни Херсона[31]. Все это, очевидно, составляло место для монашествующих. Под одноапсидной церковью сохранилась подземная гробница-крипта с отдельным входом. Уже в 1848 г. было установлено, что окружность острова около 128 м, и он соединен с берегом насыпью длиной приблизительно 6,5 м[32]. В качестве примера для реконструкции данного типа херсонских храмов был выбран одноапсидный храм 1958 г. (на рис. 7.1 справа, 7.2 – на переднем плане).

В отдельный вид следует также выделить все храмы и церкви Херсона, повторяющие в плане крест. В первую очередь, это крестообразные храмы, которые в плане напоминают равноконечный греческий крест; к ним относятся шесть сакральных сооружений Херсона: храм № 27 на агоре, храм № 19 с ковчегом на территории античного театра, Южный и Западный загородные храмы и две пристройки – к Восточной и Западной базиликам[33]. Видимо, в соответствии с назначением варьировалась конфигурация восточной ветви: в храмах с алтарем, предназначенных для службы, она имела полукруглую форму, тогда как в храмах-мемориях – прямоугольную.

Крестообразных храмов, имевших самостоятельное значение в планировке города, в Херсоне два – № 27 и № 19, и они изначально планировались как храмы для богослужения. Крестообразные постройки, входившие в комплексы Восточной и Западной базилик (без алтаря), имели второстепенное значение. Скорее всего, это были мемории, в которых хоронили прихожан и ктиторов храма, так как в полу найдены раннесредневековые могилы со стеклянными и бронзовыми украшениями[34].

Слева и справа от алтарной ветви в крестообразных храмах пристраивались дополнительные помещения, имеющие, как правило, различную конфигурацию, а, следовательно, выполняющие разные функции. В кладке всех крестообразных строений Херсона использовался бут, почти без соблюдения порядовки.

Крестообразный храм № 19, один из наиболее сохранившихся сооружений этого типа, находился на месте античного театра возле Южных „Мертвых“ ворот Херсона и достигал в высоту 8 м.[35] (рис. 6). Слева к храму было пристроено небольшое помещение (3,5 × 3,1 м) с апсидой, в которой находился резервуар для воды глубиной 0,7 м со спуском в поглотительный колодец. В том, что этот водоем является купелью, не было сомнений ни у К. К. Косцюшко-Валюжинича, ни у Н. В. Покровского, одним из первых сообщившего о результатах раскопок 1897 г.[36]. Лицевая сторона купели была украшена символами вечной жизни, которую неофит получал через крещение: плоским резным изображением креста в арке, символизирующем крест на Голгофе, в обрамлении стилизованных кипарисов или пальмовых ветвей с небольшими крестиками над ними. Размещение купели в апсиде, как считают литургисты, характерно для христианских храмов Сирии. Противоположный, правый пастофорий прямоугольной формы, в восточной стене которого была устроена четырехугольная ниша, предположительно, мог быть ризницей, или скевофилакием, что характерно для константинопольской традиции[37].

Наиболее близкой аналогией крестообразному храму №19 является равеннский мавзолей Галлы Плацидии (вторая четверть V века)[38]. Мавзолей в плане представляет собой латинский крест (длинная ось – 12,5 м., поперечная – 10,25 м.).

При реконструкции херсонского храма № 19 вопрос о внешнем виде купола может быть решен несколькими способами. В первом случае, по аналогии с равеннским мавзолеем, купол снаружи не виден, так как заключен в своеобразный короб и сверху покрыт четырехскатной черепичной крышей. Очевидно, вариант реконструкции крестообразного храма на примере Южного загородного храма, предложенный С. Медекшей, предполагает именно такое строение купола[39]. Другой вариант представлен Ю. Г. Лосицким – купол размещается на барабане, однако наиболее раннее использование барабана, вклинившегося между парусами и куполом, относится к IX в.[40] Возможен также и вариант, когда купол расположен на квадратном основании, но не скрыт мощными стенами, как в предложенном нами варианте реконструкции, по аналогии с Сентинским храмом (обновлен в 965 г., следовательно возведен ранее этой даты) (рис. 7.1, 7.2).

Аналогичные храмы возводились в Сирии и Палестине в VI в., выполняя функции мартириев. Видимо, в Херсоне храмы такого типа также возводились над особо почитаемыми могилами и склепами и служили молельнями-усыпальницами.

В ходе реконструкции храма № 19 использовалась модульная система, подробно описанная Ю. Г. Лосицким[41]. Результаты реконструкции находят подтверждение при сравнении полученной модели с сохранившимися памятниками ранневизантийской культовой архитектуры, которые относятся к центрическому типу сооружений. В основном крестообразные церкви характерны для Малой Азии, Сирии и Палестины, причем строительство большинства из них относится ко времени между IV и VI вв.[42]. Иногда крестообразные строения возводились как пристройки к храмам, например, церковь Апостолов VI в. в Константинополе является наиболее близкой аналогией крестообразным пристройкам к Восточной и Западной базиликам[43].

Несмотря на то, что храмы № 27 и № 19 предназначались для богослужения, очевидно, их строительство носило мемориальный характер. Храм на агоре возводился в память Св. Василея, а храм № 19 являлся своеобразным мартирием для мощей неизвестного святого. Это только подтверждает мнение многих исследователей, основанное на изучении памятников раннесредневековой архитектуры Константинополя, Сирии, Восточного Причерноморья и других провинций Византийской империи, о том, что для мемориальных сооружений избирался центрический тип конструкций.

Изучение изменений культовой храмовой архитектуры Херсона во второй половине VI–X вв. позволяет выделить в ее развитии некоторые закономерности. В начале этого периода, ознаменовавшегося проведением византийскими императорами политики массовой христианизации, в Херсоне наблюдается резкий подъем храмового строительства. Новые храмы в виде базилик отличались масштабностью и вместительностью, что было вызвано ростом числа прихожан. Их постройку чаще всего относят ко второй половине VI–VII вв. С развитием архитектуры культовых строений в Херсоне, наряду с продолжавшими использоваться базиликами, появляются крестообразные и купольные сооружения, представляющие более прогрессивные формы.

По архитектурно-археологическим данным херсонские базилики, однонефные храмы, четырехапсидный храм и шесть крестообразных храмов и крестово-купольный № 29 принадлежат одному хронологическому периоду, который начался в середине VI в. и продолжался на протяжении всего VII в. Косвенным свидетельством полноценной жизни города в период „темных веков“ служит функционирование всех храмов, построенных во второй половине VI–VII вв., ни один из них не оказался разрушенным или заброшенным[44]. За долгое время своего существования они неоднократно ремонтировались, подновлялись и достраивались, что свидетельствует о развитии и усложнении христианского богослужения в Херсоне. В городе по-прежнему сохранялась потребность в большом количестве христианских храмов, а церковная организация, в свою очередь, обладала достаточным авторитетом, влиянием и средствами, чтобы поддерживать их в надлежащем виде. Все это противоречит предположению о вызванной, якобы, ослаблением связей с Византией частичной реставрации языческих представлений в VII в.[45]

Применение современных технологий открывает новые возможности для реконструкции литургической жизни раннесредневекового города. Прежде всего, они дают представление о внешнем виде памятников, многие из которых безвозвратно утрачены. Кроме наглядности, большое значение имеет возможность дополнять модель, шаг за шагом воссоздавая „декорации“, среди которых жил средневековый херсонит.

При возведении храмов основополагающими были формы и пропорции, присущие константинопольской школе. Следование столичным канонам проявилось в строительной технике, оформлении интерьера, литургическом оборудовании. В то же время некоторые элементы (ниши, триконхиальные апсиды, расположение купелей небольших размеров в апсиде, однонефные храмы) заимствовались из сирийской традиции, что, видимо, было вызвано потребностями богослужения. В результате можно выделить несколько основных типов местных храмов. Доминирующими в херсонской архитектуре VI–X вв. был тип эллинистической трехнефной базилики, к которому относятся 12 из открытых к данному моменту херсонских храмов (№№ 7, 13, 14, 15, 17, 22, 23, 28, 36, 1932 г., 1935 г.). Однозначно, эта группа храмов функционально предназначалась для отправления евхаристического культа. Однонефные одноапсидные храмы, как правило небольших размеров, возводились на священных местах или над могилами мучеников в качестве мартириев. Такие храмы строились в течение всего изучаемого периода (например, в V–VI вв. – храм под Южным загородным, в IX в. – храм на островке в Казачьей бухте), что, вероятно, вызвано их назначением. В VI–IX вв. самые крупные трехнефные херсонские базилики являлись центрами целых комплексов, включавших помимо главного храма, церковь-усыпальницу, крещальню и другие постройки. Значительное место в топографии города занимали здания, для которых избиралась центрическая форма (крестообразные храмы и пристройки, тетраконх, баптистерий № 24, крестовокупольный храм № 29). Они использовались, преимущественно, для отправления мартириального, мемориального или крещельного культа.

[1] *Беляев, Л. А.* Рец. – РА, 1999, № 1, с. 224.

[2] *Якобсон, А. Л.* Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса. – ВВ, 1988, т. 49, 162–172.

[3] *Беляев, Л. А.* Указ. соч., с. 22.

[4] *Якобсон, А. Л.* Указ. соч., 162–172, 639, 163.

[5] *Ousterhout, R.* Master Builders of Bysantinum. New Jeresey: Princeton University Press, 1999, 58-85; 115, 323.

[6] *Покровский, Н. В.* Происхождение древнехристианской базилики: Церковно-археологическое исследование, СПб., 1880, 212 с.; *Пелин, А.* Топография христианского Херсонеса IV–XIV. Дис:…канд. богословия, Сергиев Посад, 2001 – НА НЗХТ, д. 3501, л. 34–57.

[7] *Сорочан, С. Б.* Об источниках финансирования и причинах „архитектурного бума“ в византийском Херсонесе конца VI – начала VII вв. – Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика и культура. Материалы межд. науч.-практ. конф. Белгород, 2004, ч. 1, 266–272.

[8] *Strzygowski, J.* Kleinasien ein Neuland der Kunstgeschichte. Leipzig, 1903, 9–23, 56–70; *Ramsay, W., Bell, G*. The Thousand and One Churches. London, 1909, 41-151.

[9] *Чанева-Дечевска, Н.* Старохристиянската и ранновизантийската базилика от IV–VI в. в България. – Археология, 1968, кн. 2, 16–19.

[10] *Лосицький, Ю. Г.* Про візантійські базиліки Херсонеса. – Археологія, 1991, № 2, 96–97.

[11] *Бертье-Делагард, А. Л.* Раскопки Херсонеса. – МАР, 1893, № 12, с. 38.

[12] *Лебедев, А. П.* Духовенство древней Вселенской церкви от времен апостольских до X в. СПб., 1997, с. 137.

[13] *Сорочан, С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.) Очерки истории и культуры. Ч. 1–2. Харьков, 2005, с. 721, 723, 727.

[14] Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического / Под ред. А. Б. Бернацки, Е. Ю. Клениной, С. Г. Рыжова. Познань, 2004, 249 с.

[15] *Золотарев, М. И., Коробков, Д. Ю., Ушаков, С. В*. Раскопки т. н. „Базилики Крузе“ в Херсонесе (украинско-австрийский проект). – ХСб, 2003, вып. 12, 229–247.

[16] *Якобсон, А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. – МИА, 1959, № 63, с. 190.

[17] *Хрушкова, Л. Г.* Три церкви в горной Абхазии (раскопки 1977–1979 гг.). – ВВ, 1982, т. 43, 147–177.

[18] *Филиппов, В.* Новые значительные сооружения Херсонеса Таврического. – Университет и регион, 2005, № 37 (окт.), с. 4.

[19] *Якобсон, А. Л.* Указ. соч., с. 190.

[20] *Завадская, И. А.* О происхождении христианской архитектуры Херсонеса. – МАИЭТ, 2001, вып. 8, 261–289.

[21] *Grabar, A.* Martyrium. Recherthes sur le culte des reliques et I'art Chretien antique: Vol. I–II. Paris, 1946. Vol. I, p.119.

[22] *Завадская, И. А.* Указ. соч., с. 271.

[23] *Полевой, В. М.* Искусство Греции: Древний мир, средние века, новое время. М., 1984., с. 174.

[24] *Романчук, А. И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000, рис. 21.

[25] *Хрушкова, Л. Г.* Рец. – ВВ, 2002, т. 61(86), 225–236; *Чанева-Дечевска*, Н. Раннохристиянската архитектура в България IV–VI в., С., 1999, с. 226.

[26] *Полевой, В. М.* Указ. соч., 173–174.

[27] Ранневизантийские сакральные.., 168–169.

[28] *Рыжов, С. Г.* Малые храмы – часовни Херсонеса. – Древности. Харьков, 2004, с.162.

[29] *Домбровский, О. И.* Архитектурно-археологическое исследование Загородного крестообразного храма Херсонеса. – МАИЭТ, вып. 3, 1993, 289–319; *Голофаст, Л. А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса. – МАИЭТ, 2001, вып. 8, 154–158, тип 1, табл. 9, рис. 16, 8–11; 92, 1–9.

[30] *Косцюшко-Валюжинич, К. К.* Отчет за 1902 г. Отчет о раскопках городища (акрополь), крестообразного храма и некрополя. – НА НЗХТ, д. № 11, л. 27; Дополнение к отчету о раскопках в Херсонесе в 1902 г. – ИАК, 1905, вып. 16, с. 112; *Айналов, Д. В.* Развалины храмов. – ПХХ, 1905, вып. 1, 119–121.

[31] *Косцюшко-Валюжинич, К. К.* Отчет за 1888, 1889, 1890г. Херсонес. – НА НЗХТ, д. 1, л. 23.

[32] *Аркас, З.* Описание Ираклейского полуострова и древностей его. История Херсониса. – 2-е изд., Николаев, 1879, с. 16.

[33] *Якобсон, А. Л.* Указ. соч., с. 200.

[34] *Фомин, М. В.* О мартириях при западной базилике Херсонеса. – Боспорские исследования. Симферополь – Керчь, 2005, т. 10, 136–137.

[35] Акт о состоянии „Храма с ковчегом“ 1926 г. – НА НЗХТ, д. 236, л. 9, 39 об.

[36] Отзыв проф. Н. В. Покровского о развалинах храма в Херсонисе. – Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. М., 1897, т. 5, с. 322.

[37] *Taft, R. F.* The Great Entrance. A History of the Transfer of Gifts and other Preanaphoral Rites of the Liturgy of St. John Chrysostom.– Roma, 1978, 178-191.

[38] *Duetschke, H.* Das Laurentiusmosaik der Galla Placidia. – Ravennatische Studien, Leipzig, 1909, 265–274.

[39] Ранневизантийские.., 191–192.

[40] *Милонов, Ю. К.* Строительная техника Византии. – В: Всеобщая история архитектуры: В 12 т. Л. – М., 1966, т. 3: Архитектура Восточной Европы. Средние века, с. 178.

[41] *Лосицкий, Ю. Г.* Опыт реконструкции крестообразных храмов Херсонеса. – Архитектурно-археологические исследования в Крыму. К., 1988, 27–36.

[42] *Grabar, A.* Op. cit., 154–157.

[43] *Брунов, Н. И.* Очерки по истории архитектуры. В 3 т. М.–Л., 1935, т. 2: Греция, Рим, Византия, с. 447, рис. 284.

[44] *Романчук, А. И.* К вопросу о положении Херсонеса в „темные века“. – АДСВ, 1972, вып. 8, 42–55.

[45] *Зубарь, В. М.* Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси. К., 1988, 74–75.

Таблица 1

Основные размеры Базилики № 7

Внешние размеры:	Ширина 17,5–17,8 м	Длина 25,5 м	Высота ок. 14 м
Наос (внутренние размеры)	Ширина 14,82 м	Длина 10,48–10,52 м	
Средний неф	Ширина 8,0 м	Длина до угла боковых экседр 11,0–11,28	Высота стен среднего нефа – ок. 11,5 м
Боковые нефы	Ширина 2,53 м	– // –	Высота стен боковых нефов – ок. 7,5 м Высота первого этажа ок. 14, 5 м
Апсида	Ширина на линии, проходящей через центры боковых экседр – 10, 98 м		
Центральная экседра	Радиус 3,65–3,9 м		Высота внутренняя в центре конхи – ок. 9 м
Боковые экседры	Радиус 1,53–1,66 м		Высота внутренняя в центре конхи – ок. 5,30 м
Центральный вход	2,22–2,33 м		Высота (соотношение 1:1,5) – ок. 3,40 м
Северный вход	1,5 м		Высота – ок. 2, 25 м
Толщина внутренней стены (между нартексом и наосом)	0,8 м		
Нартекс	Ширина 14,82 м	Длина 1,95 м	

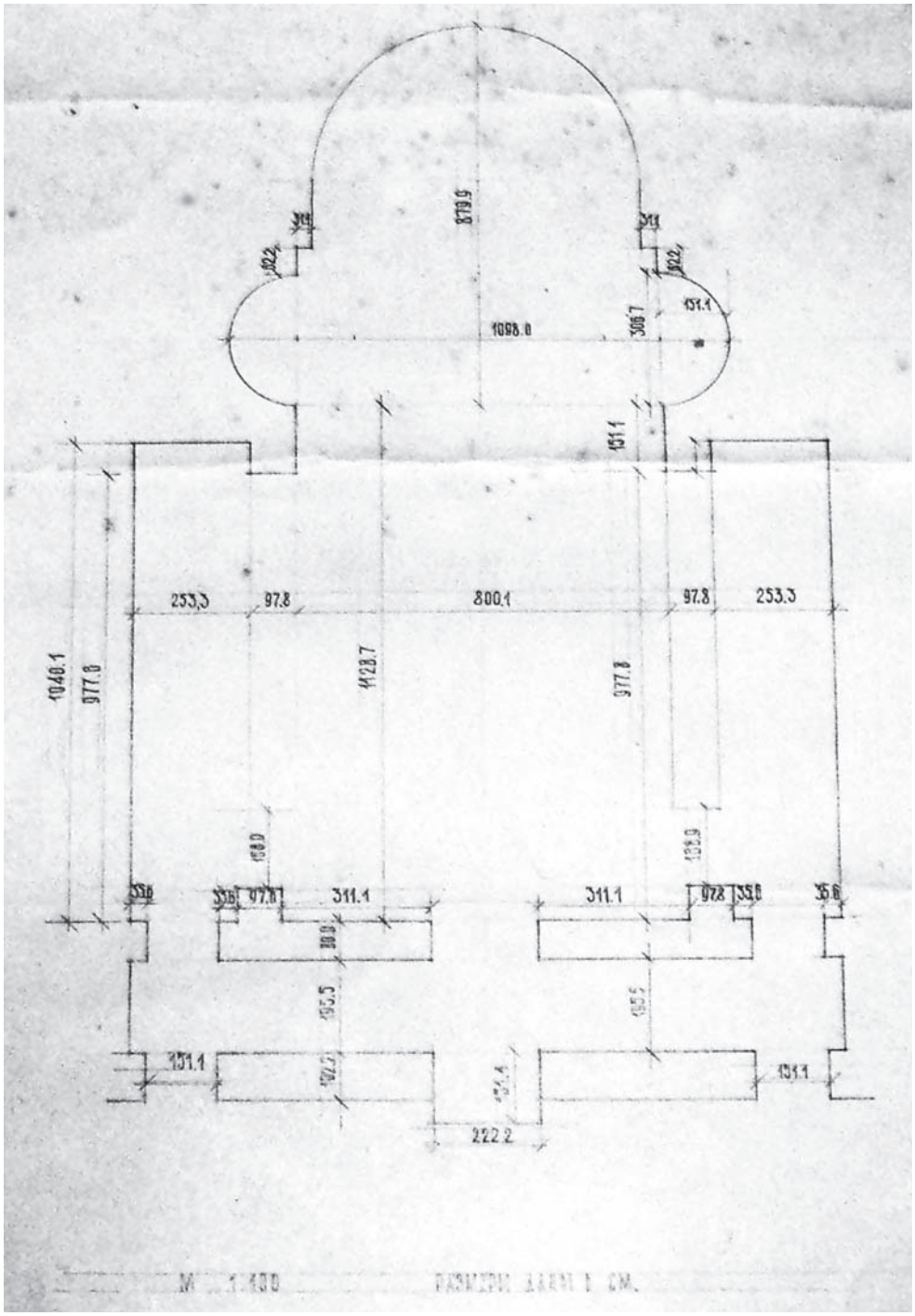


Рис. 1. План с замерами базилики № 7 (М. И. Скубетов)
(НА НЗХТ, чертеж № 4443, п. 13)

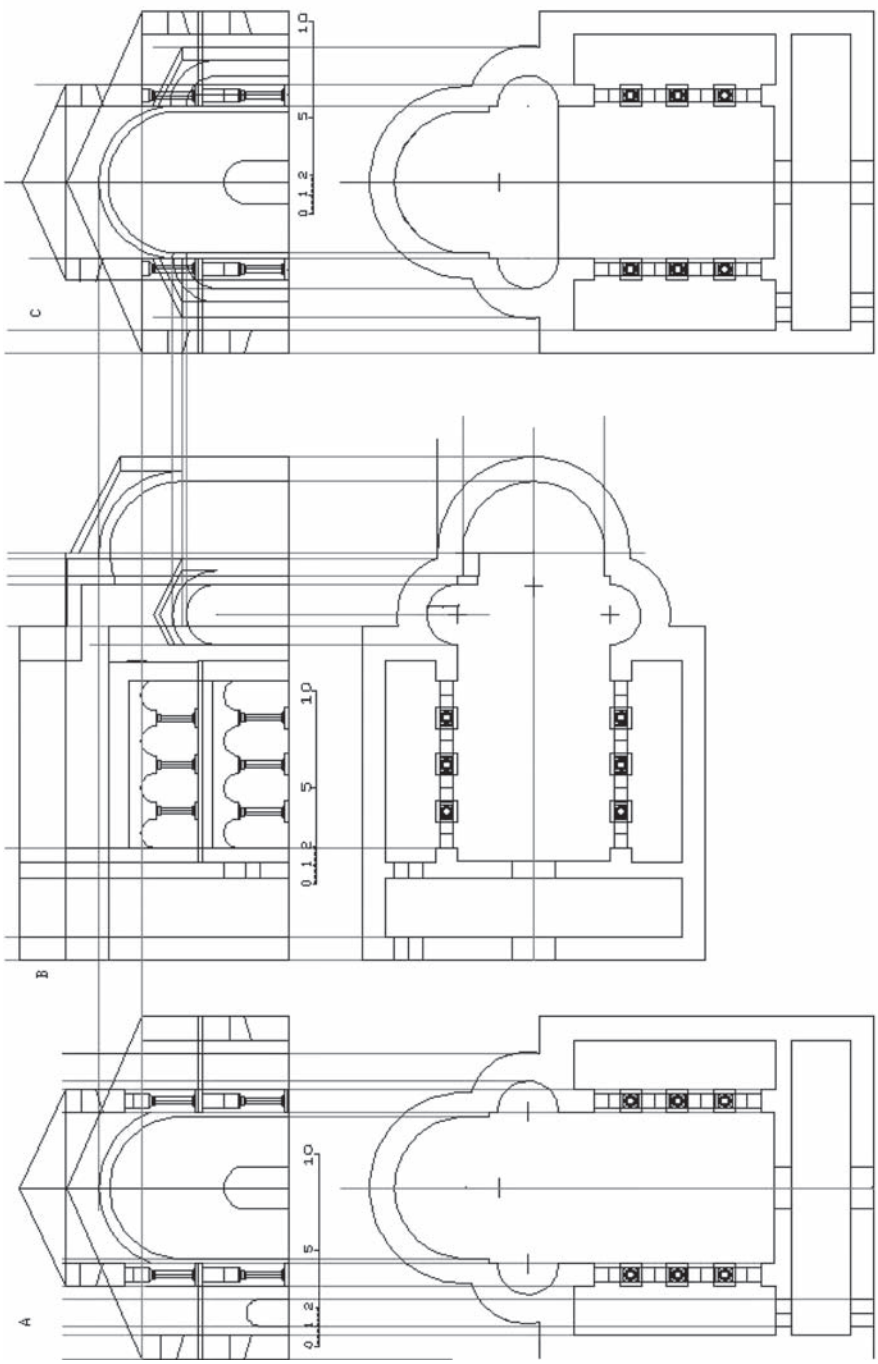


Рис. 2. Построение модели базилики № 7 (А. В. Латышева): А – построение двухмерной проекции (наос) базилики № 7; В – построение двухмерной проекции (продольный разрез) базилики № 7; С – построение двухмерной проекции (апсида) базилики

Рис. 3. Базилика № 7. Вид с юго-запада (А. В. Латышева)

Рис. 4. Базилика № 7. Вид с востока (А. В. Латышева)

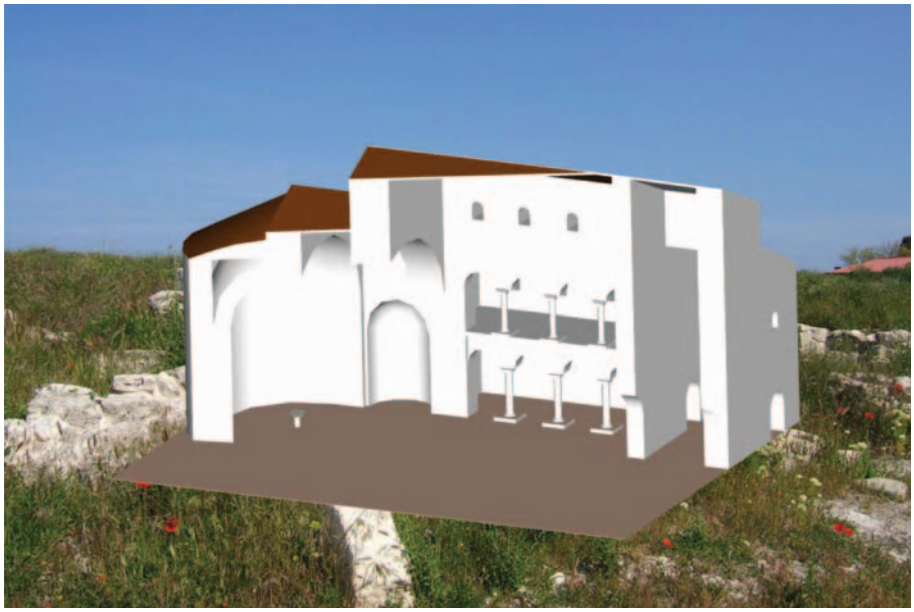


Рис. 5. Базилика № 7. Разрез вдоль оси (А. В. Латышева)

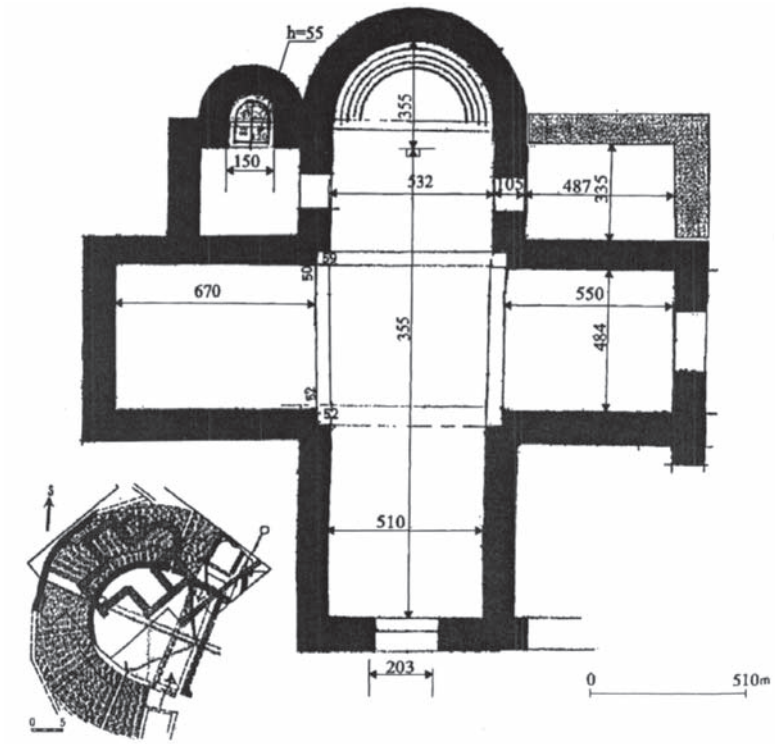


Рис. 6. План храма № 19 на месте античного театра (по О. И. Домбровскому)

Рис. 7. 1. Реконструкция храма № 19 (вид с северо-востока) (А. Л. Латышева)

Рис. 7. 2. Реконструкция храма № 19 (вид с юга) (А. Л. Латышева)

УДК 94(477)”9/12”

ПОШИРЕННЯ ХРИСТИЯНСТВА У СЛОВ’ЯН СХІДНОЇ ЄВРОПИ І ФОРМУВАННЯ ХРИСТИЯНСЬКОЇ ЦЕРКОВНОЇ ОРГАНІЗАЦІЇ НА РУСІ (VIII–XI СТ.)

О. Б. Головко

Головко О. Б. **Поширення християнства у слов’ян Східної Європи і формування християнської церковної організації на Русі (VIII–XI ст.)**

Протягом IX–X ст. у Східній Європі йшов процес поступового сприйняття християнського віросповідання місцевим слов’янським населенням. Наприкінці X ст. християнство запроваджується київським князем Володимиром Святославичем як державна релігія. З цього часу здійснюється не тільки поширення нової релігії на всю територію Русі, а й утворення християнської церковно-адміністративної системи.

Ключові слова: Візантійська імперія, слов’яни Східної Європи, держава Русь, церковно-адміністративне управління.

Головко А. Б. **Распространение христианства у славян Восточной Европы и формирование христианской церковной организации на Руси (VIII–XI вв.)**

На протяжении IX–X вв. в Восточной Европе шел процесс постепенного восприятия христианского вероучения местным славянским населением. В конце X в. христианство вводится киевским князем Владимиром Святославичем как государственная религия. С этого времени происходит не только распространение новой религии на всю территорию Руси, но и формирование христианской церковно-административной системы.

Ключевые слова: Византийская империя, славяне Восточной Европы, государство Русь, церковно-административное управление.

Holovko O. B. **The Spreading of Christianity among the Slavs of Eastern Europe and the Forming of Christian Church Organization in Rus’ (VIII–XI centuries AD)**

In IX-X centuries AD the Christian dogma were gradually spread among the native Slavic population in Eastern Europe. In the end of X-th century Kiev Prince Vladimir approved the Christianity as the state religion. Since this time the new religion was spread in the whole of Rus’ and the forming of Christian Church-Administrative system took place as well.

Keywords: Byzantine Empire, Slavs of Eastern Europe, state Rus’, Church-Administrative directorate.

На межі першого та другого тисячоліть нашої ери у слов’ян Східної Європи відбулися широкомасштабні зміни у всіх сферах життя їхнього суспільства, пов’язані із запровадженням світової релігії християнства. Поява нового віросповідання знаменувало не тільки переворот у світосприйнятті, а й призвело до перевороту у сфері культури, в системі дипломатичного життя Русі. Важливим аспектом християнізації було створення якісно нової системи церковного управління.

© О. Б. Головко, 2012

Проблема прийняття християнської віри на Русі та усіх процесів і явищ з ним пов'язаних тривалий час вивчається науковцями. Чимало цікавих праць, зокрема, було підготовлено вченими наприкінці XX століття, коли відзначалося 1000-ліття прийняття нової релігії східними слов'янами[1]. Проте необхідно зазначити, що ця тема, враховуючи її важливість і складність як у загальнотеоретичному плані, так і в контексті розгляду окремих проблем і аспектів, у повній мірі не може вважатися дослідженою на достатньому рівні. Особливо важливе її вивчення саме зараз, коли в історичній науці країн колишнього соцтабору змінюються базові методологічні підходи до вивчення минулого. В цій статті ми зупинимося на питанні про створення системи управління християнської церкви на Русі, враховуючи виняткову важливість останньої у державно-політичному житті східнослов'янського суспільства.

За доби „Великого переселення народів", на зламі античності та середньовіччя, в житті народів європейського континенту відбулися значні зміни. Зокрема, на півдні Центральної Європи, у Малій Азії, на Близькому Сході та у Північній Африці на ґрунті Східної Римської імперії виникла Візантійська імперія, яка, незважаючи на величезні метаморфози у всіх сферах свого життя, проіснувала ще майже тисячу років і відіграла визначну роль як в історії Заходу, та і в історії Сходу. Враховуючи великий вплив Візантії на навколишній світ, особливо на країни і народи, де поширювався візантійський варіант християнства, видатний дослідник середньовіччя Д. Оболенський влучно назвав цю візантійську спільність Byzantine Commonwealth, тобто Візантійською співдружністю[2].

Суб'єкти в системі „Byzantine Commonwealth" не були рівнозначними. Характер їх відносин з Імперією залежав від багатьох факторів, серед яких важливе місце мали рівень їхнього економічного та політичного розвитку, військовий потенціал та географічне розташування. Саме за цими ознаками суспільство слов'ян Східної Європи, яке в IX–X ст. сформувалося в одну велику державу – Русь, було у досить вигідному положенні відносно Візантії. Східні слов'яни не межували безпосередньо з Імперією, а тому та ніколи не загрожувала їхнім найважливішим регіонам. Водночас військовий потенціал і географічне розташування дозволяли східнослов'янській еліті тривалий час чинити тиск на Константинополь та інші грецькі володіння. Важливим фактором, який сприяв зближенню єдиновірних країн Русі та Візантії в XI–XIII ст., була їхня боротьба проти кочовиків причорноморських степів – печенігів, торків, половців.

Разом з тим, Русь перебувала під значним дипломатичним та релігійно-ідеологічними впливами візантійців. Ці впливи правляча еліта Русі прагнула творчо засвоїти і активно використовувати у своїй зовнішньополітичній діяльності. Активні зв'язки з розвинутими країнами півдня (Візантією, народами Кавказу та країнами Близького Сходу) мали велике значення для східнослов'янської знаті на етапі формування давньоруської державності. Вони відкривали широкі можливості для реалізації додаткового продукту, що добувався у формі данини з підлеглого населення, а також одержання військової здобичі, яка захоплювалася під час численних військових акцій давньоруських дружин[3].

Наприкінці VIII – на початку IX ст. руси здійснили декілька важливих походів на південне узбережжя Криму та на малоазійські провінції Візантії[4]. Вже ці військові кампанії слов'ян засвідчили про їхнє прагнення не тільки захопити воєнну здобич, а і встановити тісні, стабільні торговельні контакти з цими економічно розвинутими ареалами, а також поширити впливи на північне узбережжя Чорного моря.

В цей час у джерелах з'являються перші згадки про прийняття християнства представниками східнослов'янських дружин. Так, за повідомленням „Житія Св. Стефана Сурозького" на кримське узбережжя напала велика слов'янська рать на чолі з князем Бравліном, яка захопила місто Сурож і пограбувала його мешканців. Під час нападу на сурозьку церкву Св. Софії Бравлін тяжко захворів і одужав лише після укладення договору з греками та прийняття хрещення[5]. Ймовірно, під час контактів із слов'янами грецька верхівка Сурожу і особливо його духовенство всіляко намагалося схилити нападників на свій бік. Скориставшись ефектом, що справила на Бравліна та його спільників християнська церковна служба, сурожці умовили князя здійснити ритуал хрещення.

Є підстави думати, що під вплив християнської церкви попали і учасники більш пізнього, ніж сурозький похід, нападу русів на малоазійське місто Амастриди. На користь такого висновку свідчить фрагмент із житія Георгія Амастридського: „Одна труна була достатньо сильною для того, щоб виявити безумство варварів, припинити смертогубства, зупинити звірства, навернути лютіших за вовків до лагідності овець і примусити тих, хто поклонявся гаям і лукам, поважати господні храми“[6]. Згадка у джерелі про поклоніння русів-язичників гаям і лукам має цілком реальний характер і відповідає тодішнім уявленням про світогляд слов'ян Східної Європи[7].

Необхідно зазначити, що перші хрещення русів можна схарактеризувати як формальні, оскільки вони мали кон'юнктурно-політичний (ідеологічний), а не світоглядний характер. Механізм такого явища не був чимось винятковим: джерела, наприклад, зберегли інформацію про численні навернення до християнства норманських ватажків, які неодноразово приймали хрещення з метою одержання матеріального або політичного зиску. Зрозуміло, що за таких умов немає підстав говорити про формування у слов'ян якоїсь християнської релігійної організації.

Аналогічним до релігійних навернень першої половини IX ст., вірогідно, було і хрещення русів після походу князя Аскольда на Константинополь в 60-х роках IX ст. Патріарх Фотій писав, що тоді на Константинополь напав народ до тих часів „невідомий, але який одержав ім'я з часу походу проти нас, незначний, але який одержав значення, незначний та бідний, але який досяг неосяйної висоти і незліченого багатства“[8]. Для східнослов'янських воїнів і тепер процедура „хрещення“ не відбилася практично на зміні світогляду, а звелася головним чином до суто політичного акту. Повернувшись додому з Греції, вони продовжували поклонятися традиційним язичницьким богам.

Для розгляду нашої теми важливою обставиною було те, що візантійські ієрархи середини IX ст. не обмежувалися наверненням до своєї віри „варварів“, які нападали чи торгували з грецькими містами, а планували поширювати нову релігію безпосередньо в східнослов'янському середовищі. Для цього константинопольський патріарх навіть створив в 60-х роках IX ст. спеціальну ієрархію. В „Окружному посланні“ патріарха Фотія повідомляється, що частина давньоруської знаті прийняла нову християнську віру під час перебування в Константинополі, а на Русь була відправлена спеціальна місія для навернення місцевого населення. Візантійський імператор середини X ст. Константин Багрянородний з цього приводу у біографії свого діда Василія I (867–886 рр.) писав, що той „переконав русів прийняти священне хрещення і організував справу так, що вони прийняли архієпископа, який був посланий до них патріархом Ігнатієм. Архієпископ, що з'явився в країну цього народу, був прийнятий доброзичливо“[9].

Отже, ці повідомлення фіксують першу спробу візантійської церкви створити релігійну організацію у слов'ян Східної Європи. В біографії імператора Василія I, як ми бачили, ця подія відноситься до часів, коли на патріаршому столі сидів не Фотій, а його спадкоємець Ігнатій[10]. Така розбіжність в інформації не є суперечливою, бо свідчить про тривалість діяльності греків-священників. Важливо, що не тільки про похід на Константинополь, а й про хрещення слов'ян-язичників із Русі йдеться у листі римського папи Миколая I до візантійського імператора Михаїла.

Знаково, що з цим часом, а не з діяльністю Володимира візантійська письменницька традиція пов'язує початок християнства у русів. Але, попри всю важливість хрещення учасників походу на Константинополь 60-х років IX ст., ця подія практично не позначилась на світогляді більшої частини населення Русі. Навряд чи можна погодитися з думкою, що саме тоді відбулося запровадження нової релігії на Русі[11].

Зрозуміло, що сам факт діяльності емісійного архієпископа та інших грецьких місіонерів на Русі в плані становлення церковної організації не варто перебільшувати, але тут важливо звернути увагу на іншу обставину. Вже з другої половини IX ст. спостерігається стійка тенденція до набуття популярності християнства як віросповідання, як світоглядної системи серед слов'ян Східної Європи, які постійно відвідували грецькі

міста. Саме в цей час з'явилися звістки про русів – християн в арабських джерелах[12]. Зрозуміло, що поява певної групи слов'ян, які за переконаннями прийняли християнство, вимагало і якоїсь її організації у релігійному плані.

В середині IX ст. вкрай важливою для життя і поширення християнства у слов'янських народів стала діяльність грецьких місіонерів братів Кирила (Константина) та Мефодія у Великоморавській державі. Цими місіонерами фактично був створений новий напрямок у християнській релігії, оскільки Кирило і Мефодій виступали за можливість богослужіння на національних мовах, відстоювали демократичний характер взаємин між національними церквами, чим їх духовна діяльність істотно відрізнялася від ортодоксального візантійського православ'я. Кирило-мефодіївська церковна традиція поширилася з Великої Моравії на словянські країни Балкан – Сербію і Болгарію[13].

У другій половині IX ст. до складу Великоморавської держави були включені південні землі Польщі, а з ними західні регіони розселення волинян і хорватів. Одночасно із Центральної Європи сюди починають здійснюватися активні релігійно-ідеологічні впливи, які йшли від християнських центрів, що виникли внаслідок діяльності Кирила, Мефодія та їх учнів[14].

Зазначимо, що до південнопольських та західноруських земель християнство поширювалось в X ст. як державна релігія, оскільки побузький регіон входив до складу Празької архієпископії, про що свідчить Установча грамота останньої під 973 р.[15] Зрозуміло, що все це обов'язково вело не тільки до появи християнських храмів у західноруських союзів племен волинян і хорватів, а і вимагало формування системи церковного управління. Ці низові церковно-адміністративні округи на Волині і Прикарпатті в X ст. підкорялися празькому архієпископу.

Зростання ролі нової релігії – християнства – у духовному житті Русі в середині X ст. диктувала необхідність включення східнослов'янської держави до Pax Christiana Orthodoxa (системи християнських країн), створення у зв'язку з цим нового механізму відносин з Візантією. Духовенство останньої мало здійснити наступний та головний крок у християнізації слов'ян Східної Європи, а саме провести в церковно-політичному та канонічному плані навернення до християнства всього населення Русі. Зазначимо, що IX–X ст. християнство поширювалося на Русь не тільки з Візантії, а й з Риму, Балкан (перш за все з Болгарії), Центральної Європи (кирило-мефодіївська традиція), Скандинавії (частина варягів, що прибували у Східну Європу, були християнами), західного регіону Північного Кавказу (Зіхська єпископія), Херсонесу, де віросповідання відрізнялося від канонічного грецького, з Хазарії та Закавказзя (тут слід відзначити Вірменію, де існувало християнство у формі монофізитства).

У період правління княгині Ольги (945–962 рр.) сталися якісні зміни в зовнішньополітичній діяльності Русі, що було наслідком загального прогресу у розвитку держави та суспільних відносин у слов'ян Східної Європи. Київський уряд вже не прагнув до вирішення своїх зовнішньополітичних завдань шляхом здійснення великих військових акцій, а намагався зміцнити авторитет держави Русь засобами мирної дипломатії, перш за все у взаєминах з Візантійською імперією, яка і в X ст. була головним контрагентом східнослов'янського світу на міжнародній арені[16].

В правлінні княгині Ольги була зроблена перша спроба запровадити християнство як державну релігію всієї держави Русь, що однозначно потребувало здійснення реформи релігійно-адміністративної системи в країні. Неможливо точно встановити, чи була київська володарка християнкою на момент приходу до влади, однак можна припустити, що з самого початку свого регентства (при малолітньому синові Святославі) Ольга перебувала під впливом сил, які підтримували тісні зв'язки з Константинополем, значною мірою визнавали нову релігію і сприймали ідеологію греків. Це угруповання знаті, зрозуміло, прагнуло й надалі розвивати й поширювати взаємини з Візантією, для чого неабияке значення східнослов'янською елітою надавалось піднесенню міжнародного престижу Русі у сусідніх державах, перш за все у Візантійській імперії. Тривале перебування сина Ольги Святослава Ігоревича на других ролях, прихід його до влади внаслі-

док заколоту свідчать про те, що в середовищі давньоруської еліти були і представники інших політичних поглядів, у тому числі і на проведення взаємин з Візантією.

В 946 р., за досить аргументованою думкою російського візантиніста Г. Г. Литавріна, княгиня Ольга здійснила свою першу подорож до столиці Візантії[17]. Тут київська княгиня пішла на вельми рішучий і сміливий з точки зору молодої давньоруської дипломатії крок – запропонувала імператору укласти шлюб Святослава з грецькою принцесою. Цим самим київський двір прагнув використати зацікавленість Візантії в розширенні торгівлі з Руссю і допомозі в разі першої необхідності військами. Однак візантійський двір, не бажаючи піднесення авторитету володарів Русі, відхилив пропозицію Ольги, очевидно, використавши як привід неможливість укладення шлюбу „порфірородної" принцеси з сином правительки нехристиянської, „варварської" країни.

954 р., як повідомляє давньоруський літопис, Ольга вдруге здійснила візит до Царгорода, де було поставлено питання про її хрещення як правительки Русі[18]. Мова в останньому випадку йшла згідно юридико-дипломатичних уявлень того часу про навернення в нову віру усієї східнослов'янської держави, з якою Ольга, згідно патерналістських уявлень тих часів, асоціювалася.

Реалізація таких планів означала згоду візантійського двору на християнізацію Давньоруської держави та всіх її мешканців. Цього разу візантійський двір не заперечував проти пропозиції Києва, але спробував використати церемонію хрещення княгині, щоб в ідеологічному та дипломатично-протокольному плані поставити Русь у залежне від себе положення. Проте такий розвиток подій не міг задовольнити давньоруську княгиню та її радників. Логічно, що незабаром такий прийом у Царгороді негативно позначився на розвитку русько-візантійських відносин.

Ця ж невдача Ольги викликала зростання опозиційних до княгині сил, які продовжували поклонятися дружинним культам і виступали за здійснення активних військових кампаній як на Кавказі, так і в Криму і на Балканах, тобто в зоні перехрещення інтересів Русі та Візантії. Незважаючи на складні взаємини київської адміністрації з константинопольським патріархатом, подальші контакти княгині Ольги наприкінці 50-х років з германським духовенством дають підстави вважати, що з формально-юридичного та дипломатичного боку Русь після хрещення її правительки вважалася християнською країною.

Зрозуміло, що за таких умов важливим питанням було створення на Русі християнської церковної адміністрації. Це питання не було вирішене під час переговорів Ольги з греками, тому вона наприкінці 50-х років і звернулася за допомогою до імператора „Римської імперії" Оттона I і германського духівництва. Відомо, що саме це стало причиною прибуття на Русь місії єпископа Адальберта, яка повинна була сприяти вирішенню питання розбудови церковної організації та підготовки для неї необхідних кадрів.

Сучасний подіям Продовжувач хроніки Регінона під 959 р. повідомляє про те, що посли „королеви русів" Олени (християнське ім'я Ольги) звернулися до германського імператора Оттона I з проханням прислати єпископа та священників[19]. Отже, мова йшла про намір київської володарки не тільки провести хрещення своїх підлеглих, а й створити на Русі церковну організацію. Місія Адальберта, який був призначений трирським архієпископом Вільгельмом єпископом на Русь, закінчилася невдачею. Дослідник давньоруської дипломатії В. Т. Пашуто пояснює цю невдачу тим, що Ольгу не задовольнили обставини виконання германською місією її завдання[20], проте, скоріше за все, невдача германських духовників була пов'язана з діями язичницького оточення сина Ольги Святослава.

В 961 або 962 рр. у Києві виникла так звана язичницька реакція, під час якої княгиня Ольга та її прибічники були відсторонені від влади[21]. Визнаючи важливість релігійного фактору в суспільному житті Русі, слід відзначити, що прихід до влади Святослава був наслідком насамперед не релігійного конфлікту, а політичної конфронтації двох таборів слов'янської знаті. Труднощі прихильників Ольги в реалізації політичної та ідеологічної програми навернення Русі до християнства і створенні релігійної організації на Русі були використані їх суперниками для підготовки та здійснення державного перевороту.

Проте, незважаючи на це, християнство, яке пустило вже корні на Русі, не було ліквідоване. В складі навіть найближчого оточення князя Святослава, що важливо, діяла помітно значна група знаті, що сповідувала нову віру[22]. За часів Святослава Ігоревича набула популярності в середовищі еліти власна зовнішньополітична програма, в якій головна увага приділялась створенню великого державного східнослов'янського утворення та вигнання греків з Балканського півострова. Однозначно, що при створенні цієї програми руська знать за зразок брала візантійські ідеологічні постулати[23]. Поряд з цим в IX і особливо X ст. розвивалося і поширювалося в середовищі панівної еліти дружинне язичництво, яке все більше набувало форми розвинутого політеїзму[24].

Князювання в Києві Володимира Святославича (980–1015 рр.) справедливо розглядається багатьма дослідниками як переломне в історії Русі. Саме в цей час у соціально-економічному та політичному житті країни відбуваються значні зміни. Серед них особливо слід виділити запровадження християнства як державної релігії, виникнення розвинутої церковної організації. Прийняття нової віри з Константинополя значною мірою було обумовлене тривалими економічними, політичними та культурними зв'язками слов'ян з Візантією. Здійснення християнізації остаточно вводило Русь до гурту християнських держав, перш за все до візантійського „співтовариства націй". Прийняття східними слов'янами християнства з Візантії і створення ними православної церковної організації на чолі з митрополитом обумовили, що цілком природно, церковно-юридичну залежність давньоруської церкви від константинопольської патріархії. Проте цю церковну залежність, вплив її на політичне та ідеологічне життя Давньоруської держави не можна перебільшувати.

У перші роки свого правління в Києві Володимир, пам'ятаючи труднощі своїх попередників у вирішенні питання навернення до християнства, прагнув зміцнити позиції дружинного язичництва, яке в той час набуло остаточно форму політеїзму (з елементами монотеїзму в формі культу Перуна)[25]. Початкова орієнтація Володимира на місцеву релігію значною мірою була обумовлена острахом нового київського князя мати опір з боку населення столиці, де володарю ще треба було набути підтримки з боку місцевої знаті. Реформування дружинного язичництва здійснювалося Володимиром протягом декількох років, і його проведення, як це не дивно, фактично розчищало шлях для запровадження християнства. Впродовж цього часу князь Володимир і його оточення переконались, що дружинне язичництво, на яке вони робили ставку, не може через свою нерозвиненість і певну штучність боротися з місцевими племінними культами. Не надавало воно достатньо переваг і для зовнішньополітичних ініціатив Русі, особливо для її стосунків з навколишнім християнським світом. Необхідно зазначити, що спроби Володимира підняти значення дружинного язичництва спричиняли певні конфлікти в середовищі київської знаті[26].

У середині 980-х років київський князь та його оточення розпочали підготовку до запровадження на загальнодержавному рівні на Русі християнства візантійського зразку. Тоді ж перед Володимиром постало складне питання – звести до мінімуму можливі негативні наслідки християнізації. Як і раніше, важливим засобом впливу Русі на політику візантійського уряду щодо східних слов'ян залишалися зацікавленість Константинополя у торгівлі з північним сусідом і особлива потреба греків в отриманні з Русі давньоруських військових контингентів, оскільки тоді імператорський двір постійно перебував у складному становищі внаслідок чвар претендентів на трон і постійних нападів сусідів.

Але в процесі вирішення питання виявилося, що цих засобів дипломатичного тиску у руської еліти було недостатньо. Тому, коли імператор Василій II відмовився виконувати попередню домовленість з Володимиром: в обмін за отримання великого військового контингенту з Русі до Греції (він мав дати дозвіл на шлюб руського князя з своєю сестрою Анною та санкціонувати християнізацію Русі) східнослов'янська рать здійснила похід проти грецьких володінь в Криму і захопила Херсон. Завоювання русами цього стратегічного пункту змусило імператора задовольнити вимоги князя Володимира.

Запровадження християнства вело до значного зростання авторитету київського князя. Адже згідно з канонами нової релігії він одержав юридичний статус необмеже-

ного правителя, на відміну від попередніх, язичницьких часів, коли державну владу за ідеологічно-світоглядними канонами репрезентувала система „князь-дружина“[27]. Важливим свідченням прагнення київського князя звеличити свою владу стало карбування при київському дворі перших давньоруських монет – златників та срібляників. Їх поява, як аргументовано довели дослідники-нумізмати, мала перш за все політичний характер.

Монети були зроблені за візантійськими зразками; київський володар був зображений на них в усіх імператорських реаліях, з короною на голові. Велике значення мав напис „Володимир на столі“ та зображення Христа, що свідчило про намір руського монарха підкреслити рівність князів й імператорів перед богом, надати своїй владі сакрального характеру[28]. Саме з цього часу сам титул „князь“ в давньоруській ідеологічній практиці починає прирівнюватися не тільки до східного титулу „каган“, а й до візантійського „імператор“[29].

Прийняття східними слов'янами християнства з Візантії і формування на Русі православної церковної організації на чолі з митрополитом створювало підстави для виникнення ієрархічної залежності давньоруської церкви від патріархії. Однак вплив цієї залежності на політичне життя Давньоруської держави немає підстав перебільшувати. Перш за все вище духовенство, що формувалося з греків, які прибували з Візантії, внаслідок певних особливостей свого становища в Давньоруській державі та залежності від її князів (перш за все матеріального та суспільного) було зацікавлене у проведенні відносно самостійної від патріархії діяльності[30].

Київській двір з перших днів існування державної християнської організації на Русі здійснив ряд заходів, спрямованих на обмеження церковно-політичного впливу Візантії. Автор „Повісті временних літ“ зазначав, що князь Володимир запросив до Києва з Херсона (Корсуня) багатьох священників, які разом з візантійськими („царицыными“ за літописом) ієреями хрестили давньоруське населення. Проте, розповідаючи про підтримку Володимиром духовенства, літопис згадував лише корсунських священників, які одержали від князя головну церкву на Русі – церкву Св. Богородиці та десяту частину державних прибутків. В її діяльності важливу роль відігравав корсунянин Анастас[31]. Безумовно, це свідчення давньоруської пам'ятки не є випадковим і показує особливу орієнтацію Володимира Святославича на духівництво міста, населення якого постійно страждало від залежності від імперії й прагнуло добитися автономії[32]. Важливо, що в Новгороді єпископом був також виходець з Херсона Іоакім Корсунянин.

На Русі за часів Володимира Святославича фактично діяла система князівської церкви, яка передбачала ієрархічну залежність певних церков безпосередньо від світської влади в особі верховного володаря Русі. Така ж система церковного устрою в цей час існувала і в країнах Центральної Європи[33]. Ця система передбачала існування і велику роль в системі церковної організації країни володарських церков, які по церковній лінії не підкорялися первоієрарху країни.

Саме такий володарський храм – Десятинна церква – одразу став головним центром ідейно-політичного життя Давньоруської держави, про що свідчило створення в ній першого літописного зводу, факт поховання в ній князя Володимира Святославича і зберігання в ній останків популярного серед слов'ян Св. Климента. Таким чином, в перші десятиріччя існування християнства як державної релігії на Русі діяло фактично два релігійні центри – Десятинна церква і резиденція юридичного глави руської церковної організації – митрополита, яка розміщалася в Софійському соборі. Останній знаходився поза межами столиці поблизу Софійських воріт Києва.

Про специфіку розбудови християнської церкви в правління Володимира свідчать не тільки тісні зв'язки Володимира з кліром Десятинної церкви і розміщення митрополії поза межами столиці, а й та обставина, що в київському літописанні замовчується сам факт існування Софійського собору аж до 1037 р., хоча про його наявність у 1017 р. є інформація і в новгородському літописанні, і в хроніці мерзебурзького єпископа Тітмара[34]. Однозначно, що під час міжусобної війни 1015–1019 рр. навряд чи могло здійснюватися велике за обсягом будівництво резиденції митрополита, а якщо згадати натяки Іларіона з приводу іс-

нування Софійського собору ще за часів Володимира, то можна зробити висновок про те, що будівництво собору необхідно віднести не до другого десятиліття XI ст., а до набагато більш раннього часу. Тут важливо звернути увагу на те, що, згідно інформації візантійського списку єпископій, митрополія на Русі виникла близько 996–997 рр.[35].

Однозначно, що релігійна реформа князя Володимира передбачала не тільки розповсюдження нової релігії серед населення держави Русь, володарем якої був Володимир Святославич, а й створення християнської церковної організації. Можна повністю погодитися з думкою авторитетного історика церкви Я. М. Щапова, що державна влада вплинула на форми і напрямки розвитку, за яким йшла нова церква. „Це стосується і визначення джерел матеріального забезпечення, і церковної юрисдикції, і систем права, і церковно-адміністративної структури“[36].

Сам факт проведення християнізації, формування розгалуженої церковно-адміністративної структури вимагав створення головного церковного центру. Природно, що з цим центром було пов'язано поширення на Русі ідеї софійності. У Візантії ідея Софії відігравала важливу роль у підкреслюванні симфонії світської та духовної влади. У зв'язку з цим згадаємо, що в константинопольському соборі Св. Софії, згідно свідоцтв Константина Багрянородного, зберігалися священні інсигнії володарської влади, що підкреслювали зв'язок василевса з богом[37]. Є підстави погодитися з думкою дослідників про те, що утвердження митрополії на Русі відбулося приблизно в 996 р., що потребувало створення тут резиденції верховного ієрарха країни[38].

Розглядаючи питання про обставини побудови трьох Софійських соборів в Києві, Новгороді та Полоцьку, С. О. Висоцький пояснює їх появу саме в цих містах тим, що це були найважливіші в той час політичні центри Русі[39]. Будівництво соборів Св. Софії у Полоцьку та Новгороді в першій половині XI ст. було свідченням значних претензій еліт цих міст щодо першості на Русі. Полоцьк, як відомо, тоді був центром фактично незалежної від Києва держави[40], а Новгород – містом, з яким тісно було пов'язане політичне життя Ярослава Володимировича, який лише у 1036 р. став повноправним володарем („єдинодержцем“) більшої частини східнослов'янських земель. Зазначимо, що пізніше, у другій половині XI ст., змагання між Києвом, Черніговом та Переяславлем призведе до виникнення (щоправда, на нетривалий час) в двох останніх містах незалежних церковних центрів на чолі з власними митрополитами[41].

Важливим моментом у сприйнятті візантійських релігійно-ідеологічних уявлень, починаючи з правління князя Володимира, стає значне розповсюдження культу Богородиці. Аналіз дуже неповних свідоцтв джерел свідчить, що з її іменем було пов'язано понад тридцять храмів. При цьому всі ці храми не були звичайними, а відігравали особливу роль у церковному житті країни. Так, переважна більшість центрів єпископій – це собори Богородиці (в основному Успіння) – в Ростові, Галичі, Смоленську, Володимирі-Волинському, Рязані. В Києві, крім відомої Десятинної церкви, головним храмом центру ідеологічного життя Русі, починаючи з другої половини XI ст., – Печерського монастиря – була Успінська церква. В XII ст. в столиці будується церква Богородиці-Пірогощі на Подолі, яка займає важливе місце в композиції „Слова про Ігорів похід“. Наприкінці XI ст. на Русі виникає легенда про те, що, говорячи словами авторитетного дослідника церковної історії Я. М. Щапова, „Київ є християнським центром світу, до якого переселилася Богородиця з константинопольського Влахернського храму“[42]. З іменем цього храму тісно пов'язана поява в 70-х роках XI ст. в Кловському монастирі в Києві спеціальної церкви Влахернської Богородиці[43]. Отже, поширення культу Богородиці відбувалося у тісному зв'язку із розбудовою церковно-адміністративного устрою Русі.

Перші єпископії були створені при князях Володимирі та Ярославі (Білгород, Новгород, Чернігів, Переяславль, Полоцьк, Юр'єв), в інших регіонах Русі дещо пізніше: наприкінці XI ст. – в Ростові, Володимирі (на Волині) та Турові, в середині XII ст. – у Галичі та Смоленську, наприкінці XII – на початку XIII ст. – у Рязані та Суздалі[44].

Велике значення для протистояння візантійському релігійно-ідеологічному тискові мало поширення на Русі кирило-мефодіївської церковної традиції, яка розповсюджувалася

сюди в X–XI ст. з Центральної Європи та з Болгарії[45]. Ця традиція передбачала демократичний характер взаємин між національними церквами, чим істотно відрізнялася від ортодоксального візантійського православ'я. Важливим для розвитку християнства на Русі, у тому числі і для формування церковно-адміністративного життя країни, мало введення, про що вище йшлося, популярного в Херсоні культу Св. Климента, а пізніше, у другій половині XI – на початку XII ст., створення власного „національного" культу Св. Бориса і Гліба, виникнення легенди про подорож до східноєвропейських земель апостола Андрія Первозванного та ін. До цього слід додати, що в другій половині XI–XII ст. на Русі значну самостійність по відношенню до київської митрополії мали монастирі[46].

На початку свого правління в Києві Ярослав через конфлікт з кліром Десятинної церкви, що мав місце під час міжусобної війни 1015–1019 рр., орієнтувався не на цю церкву, а на храм Всіх Апостолів у Берестові (також князівська за ієрархією церква). На користь цього побічно свідчить більш пізня підтримка Ярославом Володимировичем пресвітера цього храму Іларіона, якого було обрано 1051 р. митрополитом Русі. Цікаво, що в 20-х роках суперник Ярослава за верховенство на Русі Мстислав побудував у Чернігові як головний храм міста не Софійський, а Спаський собор. Пізніше, в другій половині XI ст., і в Берестові замість храму Всіх Апостолів була побудована церква Спаса. Обидва храми також були, вочевидь, князівськими церквами.

Потреба в удосконаленні церковної системи на Русі, оформлення більш чітких відносин між світською та церковною владою поставили на порядок денний питання про встановлення нормальних відносин між київським князем і давньоруським митрополитом. А це, в свою чергу, вимагало вирішення певних міжнародних проблем, а саме відносин з Імперією.

На початку 40-х років XI ст. на порядок денний зовнішньополітичної діяльності Русі постає питання про укладення нового договору з Візантійською імперією. В цьому документі мав знайти відповідну юридичну форму існуючий на той час стан русько-візантійських відносин. Зазначимо, що потреба в укладенні дипломатичних відносин між монархами середньовічних держав виникала практично кожного разу, коли до влади в одній з країн, що перебували у взаєминах, приходив новий володар[47].

Зміцнення міжнародного становища Русі поставило в цей час і питання її суверенності стосовно візантійської світської і церковної влади. З приходом до влади імператора Константина Мономаха (1042–1054 рр.) спостерігається прагнення константинопольського двору обмежити використання воїнів-найманців, що приходили в Грецію з Русі[48].

У відповідь в Києві готується похід проти Візантії, який був задуманий Ярославом та його оточенням як демонстрація сили. Воєнна кампанія проти візантійців повинна була сприяти відновленню вигідних для Русі взаємин з Константинополем, однак воєнні дії влітку 1043 р. склалися невдало для Русі: спочатку сильна буря на морі завдала шкоди її флоту, знищивши більшість кораблів, а пізніше, вже на суші, візантійці досягли перемоги над руським військом. Проте воєнна невдача 1043 р. не призвела до особливо негативних наслідків для Києва. Руська воєнна міць залишалася великою, водночас як міжнародне становище, так і внутрішня ситуація у Візантії й після подій 1043 р. залишалися вкрай складними. Тому 1046 р. між державами було укладено договір, який відновив відносини, загалом вигідні для Києва.

Але мирна угода не включала одного дуже важливого для Ярослава та його адміністрації питання – церковного. Тому Ярослав на межі 40-х–50-х років встановив тісні стосунки з вищим духівництвом Русі, допоміг йому скликати з'їзд єпископів. На ньому главою давньоруської церкви, митрополитом країни було обрано Іларіона, руського за походженням, наближеного до князя.

Посилення відносно самостійного по відношенню до патріархії церковного керівництва в Києві, його програма, спрямована на піднесення міжнародного авторитету Русі викликали серйозну занепокоєність в Царгороді. Грецький патріарх відмовився затверджувати рішення з'їзду руських єпископів, а дипломатична служба Візантії почала докладати значних зусиль для врегулювання відносин з двором князя Ярослава. Зокрема,

на початку 50-х років імператор Константин Мономах вимушений був погодитися на шлюб своєї дочки з сином Ярослава – Всеволодом, а київський князь погодився на відновлення старого порядку призначення митрополитів на Русі. Матримоніальний шлюб представників візантійської та руської династій фактично зрівняв в очах підданих Ярослава владу київського князя й імператора, і невипадково під кінець правління Ярослава Володимировича його стали йменувати „царем (цезарем)“ [49].

Прийняття християнства на Русі призвело до поширення нової віри, поширенню церковної системи по всій території, яку контролювала давньоруська знать. Почався своєрідний церковно-колонізаційний процес по всій території Русі, а також у сусідніх з нею регіонах, які входили у сферу контролю східних слов'ян[50].

Рівень поширення й інтенсивність засвоєння християнської релігії на Русі був різний. Відносно швидко християнство поширювалось у містах, проте сільське населення засвоювало його повільніше. Деякі великі сільські регіони східнослов'янського світу фактично до монгольської навали середини XIII ст. залишалося язичницьким. Поширення християнства викликало опір у багатьох регіонах, особливо на півночі Русі. Тут в XI ст. відбулося декілька значних антихристиянських виступів, котрі очолювались не тільки волхвами, а й місцевою знаттю, що використовувала невдоволення населення насадженням нової віри для реалізації своїх – відносно київського центру – сепаратистських планів.

Отже, протягом VIII–XI ст. у Східній Європі відбувався складний процес християнізації східних слов'ян, який мав широкоплановий характер. Населення Русі засвоювало нову релігію, країна входила до кола християнських країн світу, а для забезпечення функціонування східнослов'янської християнської церкви, що створювалася впродовж XI–XII ст., тривала розбудова її церковно-адміністративної організації.

[1] *Брайчевський, М. Ю.* Утвердження християнства на Русі. К., 1988; Введение христианства на Руси. М., 1987; Запровадження християнства на Русі. К., 1988; *Кузьмин, А. Г.* Падение Перуна. Становление христианства на Руси. М., 1988; *Курбатов, Г. Л.*, *Фролов, Э. Д.*, *Фроянов, И. Я.* Христианство: Античность; Византия; Древняя Русь. Л., 1988; Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988. *Рапов, О. М.* Русская церковь в IX – первой трети XII вв. Принятие христианства. М.,1988; *Щапов, Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989; та ін.

[2] *Obolensky, D.* Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500-1453. London, 1974, 466-476.

[3] *Новосельцев, А. П., Пашуто, В. Т.* Внешняя торговля Древней Руси. – История СССР, 1967, № 3, с. 43.

[4] *Левченко, М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, 15–16; *Сахаров, А. Н.* Дипломатия Древней Руси. М., 1980, 33–35; *Головко, О. Б.* Корона Данила Галицького. Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя. К., 2006, 49–56.

[5] *Васильевский В. Г.* Житие Стефана Сурожского. – В: Труды. Т. 3. Петроград, 1915, 95–96.

[6] *Васильевский, В.* Русско-византийские исследования. – В: Летопись занятий археографической комиссии. СПб., 1893, с. 68.

[7] *Рыбаков, Б. А.* Язычество древней Руси. М., 1987, 137–138; *Боровський, Я. Є.* Світогляд давніх киян. К., 1992, с. 8.

[8] *Ловягин, Е.* Две беседы святейшего патриарха константинопольского Фотия по случаю нашествия россов на Константинополь. – В: Христианское чтение. Ч. 2. СПб., 1882, с. 432.

[9] Цит. за : *Пашуто, В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, 59–60.

[10] *Левченко, М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, 77–78.

[11] *Рапов, О. М.* Русская церковь в IX – первой трети XII вв., с. 82.

[12] Ибн-Хордадбех. Книга путей и стран. Баку, 1986, с. 124.

[13] *Кузьмин, А. Г.* Принятие христианства на Руси. – В: Вопросы научного атеизма. Вып. 25. М., 1980, 7–35; *Кузьмин, А. Г.* Западные традиции в русском христианстве. – В: Введение христианства на Руси. М., 1987, 21–54.

[14] *Моця, О. П.* Населення південно-руських земель IX–XIII ст. К., 1993, 88–92.

[15] Cosmae Chronicon. L. 2,37. Хроніку Кузьми Празького наводимо за вид.: Cosmae Chronica Boemorum. Ed. R. Köpke. – In: Monumenta Germaniae Historica, Scriptores. Ed. G. H. Pertz. T. 11. Hannoverae, 1851, 1–132.

[16] *Головко, О. Б.* Проблеми взаємовідносин Київської Русі з Візантією у IX – першій половині XI ст. – Український історичний журнал, 1989, № 1, 68–69.

[17] *Литаврин, Г. Г.* О датировке посольства княгини Ольги в Константинополь. – История СССР, 1981, № 5, 173–183. Див. також: Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблема источников. – ВВ, вып. 42, М., 1981, 35–48; Состав посольства Ольги в Константинополе и „дары“ императора – В: Византийские очерки. М., 1982, 71–92; К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги. – В: Древнейшие государства на территории СССР. 1985 г. М., 1986, 49–57; та ін.

[18] Повесть временных лет (далі ПВЛ). Ч.1. М.–Л., 1950, с. 45.

[19] Continuator Regininis Trevirensis. – In: Monumenta Germaniae Historica, Scriptores. Hannoverae, т.1. 1829, 624–25.

[20] *Пашуто, В. Т.* Внешняя политика Древней Руси, 119–120.

[21] *Литаврин, Г. Г.* Христианство в правление княгини Ольги: – In: Gesellshaft und Kultur Russlands im frühen Mittelalter. Halle (Saale), 1981, 138–143.

[22] ПВЛ, с. 44.

[23] *Литаврин, Г. Г.* Представления „варваров“ о Византии и византийцах VI–X вв. – В: ВВ, вып. 46, М., 1986, с. 107; *Головко, О. Б.* „Імперія ромеїв“ в уявленнях давньоруських мислителів – В: Українська козацька держава: витоки та шляхи історичного розвитку. Вип. 7. К., 2000, 256–258.

[24] Lowmianski Zagadnienie politeizmu slowianskiego. – Przegląd historyczny, 1984, No 4, 655–693.

[25] *Рыбаков, Б. А.* Язычество древней Руси. М.,1987, 412–457.

[26] ПВЛ, с.58.

[27] *Lowmiański, H.* Religia Slowian i jej upadek. Warszawa, 1979, 251–253.

[28] *Сотникова, М. П., Спасский, И. Г.* Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI вв. М., 1983, с. 6, 80, 86; *Свердлов, М. Б.* Изображения княжеских регалий на монетах Владимира Святославича. – В: Вспомогательные исторические исследования. Вып. 4. Л., 1972 , 51–159.

[29] *Львов, А. С.* Лексика „Повести временных лет“. М., 1976, 197–199.

[30] *Литаврин, Г. Г., Янин, В. Л.* Некоторые проблемы русско-византийских отношений IX–XV вв. – История СССР, 1970, № 4, с. 45.

[31] ПВЛ, с. 83, 85.

[32] *Литаврин, Г. Г.* Представления “варваров”.., с. 378.

[33] *Wasilewski, T.* Kościoł monarszy X–XII w. i jego zwierchnik biskup polski. – Kwartalnik historyczny, 1986, No 4, s. 747.

[34] Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М., 1950, с. 15, 164; Thietmari Chronicon,VIII, 32 (хроніку Тітмара наводимо за вид.: Thietmar von Merseburg. Chronik. Neu übertragen und erläutert von Werner Trillmich. Berlin, 1962).

[35] *Poppe, A.* Państwo i koscioł na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968, 25–28.

[36] *Щапов, Я. Н.* Формирование и развитие церковной организации на Руси в конце X–XII вв. – В: Древнейшие государства на территории СССР. 1985 г. М., 1986, с. 58.

[37] *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / Перев. Г. Г. Литаврина. М., 1989, с. 55, 57.

[38] *Щапов, Я. Н.* Государство и церковь в Древней Руси X–XIII вв., 25–26.

[39] *Высоцкий, С. А.* Киевские граффити и „Слово о полку Игореве“. – В: „Слово о полку Игореве“ и его время. М., 1985, 206–207.

[40] *Головко, А. Б.* Земли Западной Руси и объединительная политика Киевского государства в X – первой трети XII вв. – В: Киев и западные земли Руси. Минск, 1982, 25–44.

[41] *Поппэ, А.* Русские митрополии Константинопольской патриархии. – В: ВВ, вып. 28. М., 1968, 85–108; вып. 29. М., 95–104; *Назаренко, А. В.* Митрополии Ярославичей во второй половине XI века. – В: Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1 (27). М., 2007, 85–103.

[42] *Щапов, Я. Н.* Политические концепции о месте страны в мире в общественной жизни Руси XI–XVII вв. – В: Древнейшие государства на территории СССР за 1985 г. М., 1987, 159–166.

[43] *Раппопорт, П. А.* Русская архитектура X–XIII вв. Л., 1972, с. 21.

[44] *Щапов, Я. Н.* Формирование и развитие церковной организации на Руси в конце X–XII вв., 60–61.

[45] *Кузьмин, А. Г.* Принятие христианства на Руси. – В: Вопросы научного атеизма. Вып. 25. М., 1980, 7–35; Западные традиции в русском христианстве. – В: Введение христианства на Руси. М., 1987, 21–54; Падение Перуна. Становление христианства на Руси. М., 1988.

[46] *Щапов, Я. Н., Соколова, Е. И.* К истории городских институтов Древней Руси (игумены и архимандриты в городе). – В: Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 2. К., 1988, 174–175.

[47] *Пашуто, В. Т.* Указ. соч., с. 60.

[48] *Литаврин, Г. Г.* Война Руси против Византии в 1043 г. – В: Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972, 220–221.

[49] *Высоцкий, С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской: По материалам граффити XI–XVII вв. К., 1976, с. 215.

[50] *Пашуто, В. Т.* Опыт периодизации истории русской дипломатии. – В: Древнейшие государства на территории СССР. 1982 г. М., 1984, 7–8.

УДК: 94(4):94(5)

ОСНОВАНИЕ АЛАНСКОЙ МИТРОПОЛИИ И НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ ХРИСТИАНИЗАЦИИ АЛАНОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

О. Б. Бубенок

***Бубенок О. Б.* Заснування Аланської митрополії і початкові етапи християнізації аланів Північного Кавказу**

Багато дослідників ще дотепер підтримують думку Ю. А. Кулаковського, відповідно до якої алани Кавказу почали переходити в християнство за часів другого перебування на патріаршому престолі Миколи Містика – у 912–925 рр., що повинно було співпасти зі створенням Аланської кафедри. Це припущення базувалося на низці листів Миколи Містика. Однак дані деяких візантійських, мусульманських та хозаро-єврейських джерел дозволяють вважати, що Аланська митрополія вже існувала в перше патріаршество Миколи Містика – у 901–907 рр., незважаючи на те, що правитель східних аланів підтримував іудеїв на своїх землях і воював проти Візантії на боці хозар. У той же час правитель Асії воював на боці Візантії проти хозар. Цей, здавалося б, парадокс можна пояснити тим, що на початку X ст. Східна Аланія ще входила до складу Хозарського каганату, а Західна Аланія – Асія уже вийшла з-під опіки хозар. Отже, створення Аланскої митрополії збіглося зі здобуттям Асією політичної незалежності. Східна Аланія могла піддатися християнізації на кілька десятиліть пізніше, що фактично мало означати розширення повноважень аланского архієпископа.

Ключові слова: алани, християнство, митрополія, іудеї, хозари, Візантія.

***Бубенок О. Б.* Основание Аланской митрополии и начальные этапы христианизации аланов Северного Кавказа**

Многие исследователи до сих пор поддерживают мнение Ю. А. Кулаковского, согласно которому аланы Кавказа начали переходить в христианство во времена второго пребывания на патриаршем престоле Николая Мистика – в 912–925 гг., что должно было совпасть с созданием Аланской кафедры. Это предположение базировалось на ряде писем Николая Мистика. Однако сведения некоторых византийских, мусульманских и хазаро-еврейских источников позволяют считать, что Аланская митрополия уже существовала в первое патриаршество Николая Мистика – в 901–907 гг., несмотря на то, что правитель восточных аланов поддерживал иудеев на своих землях и воевал против Византии на стороне хазар. В то же время правитель Асии воевал на стороне Византии против хазар. Этот, казалось бы, парадокс можно объяснить тем, что в начале X в. Восточная Алания еще входила в состав Хазарского каганата, а Западная Алания – Асия уже вышла из-под опеки хазар. Следовательно, создание Аланской митрополии совпало с обретением Асией политической независимости. Восточная Алания могла подвергнуться христианизации на несколько десятилетий позже, что на деле должно было означать расширение полномочий аланского архиепископа.

Ключевые слова: аланы, христианство, митрополия, иудеи, хазары, Византия.

© О. Б. Бубенок, 2012

Bubenok O. B. **The Creation of Alanian Metropoly and Beginning of Spreading of the Christianity among the Alans**

At present many scholars support the opinion of Yu.A. Kulakovsky on the beginning of the Caucasin Alans conversion into Christianity during the second Nikolay Mistik's patriarchate in 912-925 years AD. As a result, the Alanian metropoly was founded. However the data of some Byzantine, Muslim and Khazar-Hebrew sources evident about this event during the first Nikolay Mistik's patriarchate in 901-907 years AD, in spite of the sympathies of Eastern Alan ruler to the Jews. Therefore he supported the Khazars in struggle against the Byzantine. In this time the ruler of Western Alania (Asia) supported the Byzantine against the Khazars. We can explain it as a result of dependence of the Eastern Alania from the Khazars in the beginning of X century AD. Some time before the Western Alania (Asia) became the independent. Thus, the Alan metropoly was created when Asia became independent. Therefore the Eastern Alania could become the Christian country some years later during the second Nikolay Mistik's patriarchate.

Keywords: Alans, Christianity, Metropoly, Jews, Khazars, Byzantine.

Вот уже более столетия вопросы, касающиеся обстоятельств и времени официального принятия христианства аланами Северного Кавказа, привлекают внимание исследователей. Однако до сих в данном направлении исследований существуют определенные разногласия. Первым обстоятельно коснулся данной проблемы еще в XIX ст. Ю. А. Кулаковский в специальной статье „Христианство у алан", где он высказал поддержанный тогда многими исследователями тезис, в соответствии с которым лишь в начале X в. северокавказские аланы перешли в христианство, а до того были язычниками[1]. По мнению Ю. А. Кулаковского, северокавказские аланы стали христианами в то время, когда Николай Мистик во второй раз занимал в Константинополе патриарший престол, т.е. между 912 и 925 гг. Основанием для такого предположения стала переписка Николая Мистика с архиепископом Алании Петром, с властителем Авазгов Григорием и болгарским царем Симеоном[2]. Однако спустя десятилетия историки стали высказывать определенные сомнения относительно этой даты и начали предлагать более раннюю датировку событий. Так, Фр. Дворник, А. П. Новосельцев и некоторые другие современные исследователи высказывали мнение, что северокавказские аланы приняли христианство еще в IX в., т.е. тогда, когда хазары были в хороших отношениях с Византийской империей[3]. Другие историки стали полагать, что северокавказские аланы стали христианами уже в самом начале X в., т. е. в первое патриаршество Николая Мистика – между 901 и 907 гг. К числу сторонников этого мнения следует отнести В. А. Кузнецова, О. Прицака, З. Н. Ванеева, А. В. Гадло и др.[4]

Исследователи в решении данной проблемы предпочитали ориентироваться на сведения лишь определенных источников и при этом не всегда стремились сопоставить информацию византийских текстов с сообщениями восточных авторов. Обычно проблему крещения аланов Северного Кавказа стремились рассматривать в русле византологии, забывая при этом, что до второй половины X в. северокавказская Алания представляла собой часть территории Хазарского каганата. Поэтому наиболее приемлемым представляется тот подход, который призван учесть этнополитическую ситуацию на Северном Кавказе в конце IX – начале X в.

В этой связи необходимо, прежде всего, обратить внимание на данные Кембриджского документа, согласно которым в конце IX – начале X в. на стороне Византии против хазар воевали правители многих народов[5]. Исследователи уже давно обратили внимание: во фрагменте, где речь идет о том, что во времена хазарского царя Вениамина хазарам пришлось воевать с возглавляемой византийцами коалицией народов, в состав которой входили царь Асии (**'SY'**), тюрки (**TWRQ[Y'...**]), болгары (**'BM**), печенеги (**PYYNYL**). Тем не менее, только царь аланов поддержал хазар, так как часть их, как и хазары, придерживались „Закона евреев". В конце-концов царь аланов помог хазарам разгромить их врагов[6].

В Кембриджском документе отмечен также факт дальнейшего перехода господствующей верхушки аланов под протекторат Византии и последующий их отказ от союза с этим христианским государством в пользу хазар. Так, в тексте отмечено, что во времена правления хазарского царя Аарона царь аланов уже воевал против хазар, так как его на это подбивал „царь Греции“ (византийский император. – *О. Б.*). Тем не менее, царь Аарон с помощью царя тюрков (**TWRQY’**) победил царя аланов, который после этого попал в плен к хазарскому царю. Однако Аарон повел себя с ним милостиво и взял дочь аланского царя, в соответствии с хазарской традицией, в гарем своего сына Иосифа. После этого царь аланов поклялся в верности царю хазар Аарону[7]. Именно это событие находит подтверждение в сообщении ал-Масуди, согласно которому после 320 г. хиджры (932 г.) аланы отреклись от христианства и выгнали епископов и священников, которых прислал к ним византийский император. После этого, по данным Кембриджского документа, царь аланов искал заступничества у хазарского царя Иосифа во времена правления византийского императора Романа (920–944 гг.) – гонителя евреев[8].

Именно эта информация позволила О. Прицаку, В. А. Кузнецову, К. А. Бруку и некоторым другим историкам считать, что на определенных этапах своей истории часть северокавказских аланов придерживалась иудаизма, в чем следует видеть последствия хазарского влияния[9]. Однако О. Прицак склонен придерживаться мысли, согласно которой северокавказские аланы перешли в христианство во времена пребывания на должности Константинопольского патриарха Николая Мистика в период между мартом 901 г. и февралем 907 г. Это предположение основывалось на уверенности О. Прицака в том, что хазарский царь Вениамин правил с 880 по 900 гг., Аарон – с 900 по 920 гг., а Иосиф – с 920 по 960 гг. Соответственно этому была подвергнута сомнению дата об отречении аланов от христианства, предложенная ал-Масуди – 320 г. хиджры (932 г.). О. Прицак отнес это событие к 310 г. хиджры (922 г.)[10].

Однако О. Прицаком не были учтены выводы Ю. Кулаковского, согласно которым Николай Мистик дважды находился на патриаршем престоле: с 901 г. по 907 г. и с 912 г. по 925 г[11]. Следовательно, время правления Аарона могло длиться и до 925 г., и позже, т. е. до 932 г., что соответствует дате ал-Масуди об отречении аланов от христианства. Таким образом, даты правления Вениамина и Иосифа могут быть более поздними. Поэтому время правления Вениамина должно охватывать само начало X в., т. е. совпадать с периодом первого патриаршества Николая Мистика (901–907 гг.). И в это же время правитель аланов, в соответствии данным Кембриджского документа, продолжает исповедовать иудаизм. Получается, что ни о каком создании Аланской епархии в это время не может быть и речи. Однако в данной ситуации необходимо учитывать существование двух отдельных этнополитических союзов аланов на Северном Кавказе – Алании и Асии, правители которых могли придерживаться совсем противоположных политических и религиозных ориентаций[12].

Так, в период раннего средневековья определенную роль в истории Хазарского каганата сыграло политическое объединение аланов-асов, известное как „Асия“. Относительно локализации страны асов существуют различные мнения, базирующиеся в основном на скупых сведениях письменных источников, среди которых следует отметить так называемый анонимный документ Шехтера (Кембриджский аноним) и сочинение Константина Багрянородного „Церемонии византийского двора“[13]. Еще в первой половине XX в. П. К. Коковцов предлагал считать „Асию“ страной огузов[14]. О. Прицак локализовал страну „Асию“ на Средней Волге, видя в асах аланов-буртасов, которые традиционно упоминались вблизи Волжской Булгарии[15]. М. И. Артамонов считал жителей страны „Асии“ аланами лесостепного Подонья, исходя из того, что в упоминаемой Кембриджским документом византийско-хазарской войне правитель Асии выступил на стороне Византии, а правитель северокавказских аланов поддержал хазар[16]. Совсем недавно К. Цукерман высказал оригинальную гипотезу, согласно которой страна „Асия“ на-

ходилась на Северном Кавказе в районе Дарьяльского прохода, а собственно Алания – на запад от страны асов[17]. Однако традиционным считается высказанное В. А. Кузнецовым, В. А. Гадло, Г. Е. Афанасьевым и другими исследователями мнение, в соответствии с которым „Асия“ представляла собою западную часть северокавказской Алании, т.е. находилась на запад от Дарьяльского прохода[18]. Именно анализ данных письменных источников в соответствии с хронологией позволяет поддержать последнюю точку зрения и дает возможность в ретроспективном ракурсе определить место объединения алановасов в истории Хазарского каганата. При этом немаловажное значение в истории северокавказских аланов в хазарский период сыграл религиозный фактор.

Мусульманские письменные источники первой половины X в. также не позволяют в населении Алании видеть единый этнический массив. Так, Ибн Русте сообщает, что в его время аланы состояли из четырех племен, но почет и царство принадлежали в них племени ***Д. хсас.*** В. Ф. Минорский предлагает видеть в этом этнониме искаженное при написании этническое название ***рухсас***, которое на осетинском языке должно означать „светлые асы“[19]. А это позволяет считать, что в первой половине X в. доминирующие позиции среди северокавказских аланов могло занять одно из племен асов. Тем не менее, А. В. Гадло предложил рассматривать название ***Д. хсас*** как измененный грузинский этнический термин ***ос (овс),*** который использовался для обозначения аланов. Кроме того, исследователь считал, что сообщение Ибн Русте о четырех племенах аланов может свидетельствовать об этнополитическом разделении Алании[20]. Об этнической неоднородности аланов в X в. могут свидетельствовать и данные других источников.

Как уже отмечалось, в „Кембриджском документе“ упоминаются царь Асии и царь аланов[21]. Сведения еврейского автора подтверждает Константин Багрянородный, который в своем трактате „Церемонии византийского двора“ рядом с чисто официально-государственным титулом „ексусиократора Алании“ упоминает и „архонта Асии“. В переводе К. Цукермана данный фрагмент имеет вид: „Архонту Сарбана, которые располагаются между Аланией и Цанарией; Архонтам ***Азии***, в котором находятся Каспийские ворота“. При этом кажется невероятным, что страна ***Азия (Асия)*** могла находиться вблизи „Каспийских ворот“, под которыми обычно подразумевают Дербентский проход. К. Цукерман по поводу этого заметил: „Эти географические и грамматические несовпадения находят экономическое объяснение, если признать, что часть описания Азии переместилась“[22]. Таким образом, сохранившийся до наших дней текст сочинения Константина Багрянородного „Церемонии византийского двора“ представляет собой сложную компиляцию и не дает конкретной информации о локализации этнополитического объединения ***Асия***.

Сообщение автора Кембриджского документа и Константина Багрянородного позволяет говорить об Алании и Асии как о двух государственных образованиях на Северном Кавказе в первой половине X в. Исходя из этого можно полностью согласиться с мнением В. А. Кузнецова, согласно которому в эпоху средневековья на Северном Кавказе существовало два больших племенных союза, которые представляли историческую Аланию. По его мнению, западный племенной союз был связан с этническим наименованием ***асы***, а восточный – с собственно этнонимом ***аланы***[23]. Предположение В. А. Кузнецова базируется не только на данных письменных источников, но и археологии. Именно этому ученому удалось выделить среди памятников Северного Кавказа два локальных варианта археологической культуры, территориально и хронологически связанных с Аланией[24].

На сегодняшний день до конца не ясно, какие части северокавказской Алании находились под хазарским протекторатом. Ю. А. Кулаковский высказал предположение, согласно которому северокавказские аланы с конца VI в. и по первую половину X в. находились в политической зависимости от хазар, и поэтому сведения об этом периоде в истории аланов не нашли достаточного освещения в письменных источниках[25]. Тем не

менее, данные арабских и византийских авторов об аланах в VII–IX вв. свидетельствуют о том, что Асия и расположенная возле Дарьяльського прохода Восточная Алания в этот период представляли отдельные этнополитические объединения и характер их взаимоотношений с хазарами зависел от условий политического характера. Арабские источники свидетельствуют о том, что аланы, как союзники хазар, принимали участие в хазаро-арабских войнах в 651, 662, 724, 725, 728–729 и 735 гг. При этом мусульманские авторы отмечали, что арабы неоднократно устанавливали свое политическое превосходство над аланами, от которого аланы стремились избавиться в пользу хазар[26]. По мнению современных исследователей, в этих сообщениях речь идет, прежде всего, о восточных аланах, которые проживали в районе Дарьяльского прохода, имевшего особенное стратегическое значение[27]. Кроме того, Феофан свидетельствует о том, что часть аланов, которые проживали рядом с абазгами, в 717 г. были политически независимы от хазар и проводили самостоятельную политику[28]. По мнению С. Г. Зетейшвили и В. А. Кузнецова, здесь речь идет об аланах Верхнего Прикубання, т.е. западных аланах-асах[29]. Вполне возможно, что об этих аланах-асах речь идет в сообщении Ибн ал-Асира, согласно которому в 721–722 гг. „тюрки"-хазары напали на аланов[30].

В непосредственной связи с этими событиями стало переселение аланов с Северного Кавказа в лесостепное Подонье. Среди современных исследователей получило поддержку мнение В. А. Кузнецова и Г. Е. Афанасьева, которые склонны видеть в этих аланских переселенцах выходцев из Кисловодской котловины. По наблюдениям этих ученых, в начале VIII в. в Кисловодской котловине исчезают грунтовые катакомбные склепы[31]. Поэтому имеются основания считать, что лесостепное Подонье в VIII в. заселили выходцы из западной части северокавказской Алании – Асии, т.е. первоначальным их самоназванием мог быть этноним *ас*. В связи с этим особый интерес представляет выдвинутая А. В. Гадло и поддержанная многими современными исследователями гипотеза, согласно которой аланы переселились из Северного Кавказа в лесостепное Подонье не стихийно, а это переселение было целенаправленно осуществлено хазарским правительством[32]. По мнению исследователя, это были выходцы из Западной Алании – Асии, которая отличалась сепаратизмом. Переселяя аланов-асов в северо-западные районы Хазарского каганата, хазары стремились решить два задачи: во-первых, ослабить на Северном Кавказе западную группировку аланов-асов; во-вторых, при помощи аланов-асов укрепить свои военно-политические позиции среди местных славянских племен, которые стали данниками хазар.

В свое время М. И. Артамонов высказал мнение, что аланы лесостепного Подонья были известны в Кембриджском документе как жители страны Асия, которые выступили на рубеже IX–X вв. против хазар и потому подверглись нападению со стороны последних и после этого искали убежище у печенегов[33]. А. В. Гадло поддержал эту гипотезу, но считал, что в 913 г. эти асы, розгромленные хазарами, были переселены последними вновь до верховьев Кубани, откуда они мигрировали в VIII в.[34] К аналогичным выводам также пришел и Г. Е. Афанасьев, который отметил исчезновение катакомб в Кисловодской котловине в начале VIII в. и появление их снова здесь в X в.[35] Таким образом, существуют определенные основания говорить о том, что в начале X в. аланское население в Западной Алании начало увеличиваться, а это должно было привести жителей этой территории к стремлению освободиться из-под власти хазар, результатом чего стало быстрое сближение правителей Асии с Византией. Немаловажную роль в этом должно было сыграть распространение христианства.

Существуют определенные археологические свидетельства и данные письменных источников о начале проникновения христианства к аланам в IV–VII вв. К их числу следует отнести изображения креста в Нальчикском районе, датированные VI–VII вв., и каменный крест возле Кисловодска, датированный VII–VIII вв.[36] Из письменных источников следует отметить агиографическое произведение V в. „Житие Суксасянцев", где отмечен факт перво-

го ознакомления северокавказских аланов с христианством[37]. Кроме того, данные „Картлис цховреба“ также отмечают факт перехода части аланов в христианство уже в VII в[38]. Тем не менее, В. А. Кузнецов высказал сомнение, согласно которому этот источник подвергся позднему редактированию и поэтому нет оснований относить начало христианизации аланов к столь раннему времени[39]. Но уже в середине VII в. Анастасий, апоксиарий, в „Житии Максима Исповедника“ отметил наличие христианства среди западной части северокавказских аланов, которые были управляемы „христолюбивым патрицием Григорием“[40]. Учитывая это, можно полностью согласиться с мнением З. Н. Ванеева, согласно которому упомянутые факты лишь отображают первые попытки распространения христианства в Алании – официально Алания стала христианской страной значительно позже[41].

Как уже отмечалось, Фр. Дворник, А. П. Новосельцев и некоторые другие современные исследователи высказывали мнение, что северокавказские аланы приняли христианство в уже IX в., т. е. тогда, когда хазары были в хороших отношениях с Византийской империей[42]. Тем не менее, еще в XIX ст. Ю. А. Кулаковский высказал поддержанный большинством исследователей тезис, в соответствии с которым лишь в начале X в. северокавказские аланы перешли в христианство, а до того были язычники[43]. По мнению Ю. А. Кулаковского, северокавказские аланы стали христианами в то время, когда Николай Мистик во второй раз занимал в Константинополе патриарший престол, т.е. между 912 и 925 гг. Основанием для такого предположения стала переписка Николая Мистика с архиепископом Алании Петром (письма №№ 52, 118, 133, 134, 135), с властителем Авазгов Григорием (письма №№ 46 и 51) и болгарским царем Симеоном (примечание в письме № 9)[44]. Однако Ю. А. Кулаковский фактически проигнорировал содержание письма № 133 Николая Мистика к архиепископу Петру, написанное между 912 и 925 гг. во времена второго патриаршества Николая, где аланы названы народом, „вновь призванным к благочестию“[45]. Из этого следует, что до 912 г. северокавказские аланы или часть из них уже принадлежали к числу христиан, а потом оставили христианство, которое, наконец, привело их к повторному крещению.

Как уже было отмечено, некоторые современные исследователи считают, что северокавказские аланы стали христианами уже в первое патриаршество Николая Мистика, которое имело место между 901 и 907 гг. К числу сторонников этого мнения следует отнести В. А. Кузнецова, обратившему внимание на то, что в датированном 912–913 гг. письме Николая Мистика, которое было обращено к миссионерам в Алании, указано: „Довершите ваше блаженное дело и всеми силами постарайтесь утвердить в вере новопросвещенных“. В качестве доказательства этого В. А. Кузнецов приводит также упоминание об Аланской митрополии, содержащееся в „Уставе“ византийского императора Льва Философа, который умер в 911 г.[46] Кроме того, немецкий ученый Г. Фиккер установил очень интересный факт: во времена правления императора Льва Философа архиепископ Алании вместе с патриархом Николаем Мистиком провинился в схизме, за что последний был заточен в 907 г.[47] На основании этого В. А. Кузнецов сделал вывод, что Аланская кафедра уже существовала в первом десятилетии X в.[48]

Поэтому весьма парадоксальной выглядит ситуация, в соответствии с которой в самом начале X в., во времена правления хазарского царя Вениамина, правитель аланов поддерживал хазар и определенная часть аланов придерживалась иудаизма, несмотря на то, что тогда были предприняты со стороны Византии шаги к созданию Аланской архиепископии. Следовательно, Аланская епархия могла быть создана с учетом ситуации в Западной Алании. Ведь недаром правитель Асии в конце IX – начале X в. выступил во времена правления хазарского царя Вениамина на стороне византийцев против хазар[49]. А это может означать, что тогда на территории Западной Алании – Асии начало официально распространяться христианство, которое привело к созданию Аланской епархии именно в первое патриаршество Николая Мистика, что имело место между 901 и 907 гг. Что же касается правителя восточных территорий аланов на Северном Кавказе – Алании,

то документ Шехтера дает нам основания считать, что царь восточных аланов и верхушка восточноаланского общества во времена Вениамина, т.е. в конце IX – начале X вв., придерживались прохазарской ориентации и под влиянием хазар перешли в иудаизм[50]. Однако в начале правления хазарского царя Аарона, т.е. во время второго пребывания на патриаршем престоле Николая Мистика между 912 и 925 гг., царь восточных аланов стал поддерживать Византию, следствием чего стало официальное распространение христианства в Восточной Алании[51]. Как свидетельствует Кембриджский документ, дальнейшие события привели царя Восточной Алании к конфликту с хазарским царем Аароном, что могло означать искоренение христианства на вновь зависимой от хазар территории[52].

Таким образом, имеются основания доверять дате ал-Масуди об отречении восточных аланов Северного Кавказа от христианства в 320 г. хиджры (932 г.). Следовательно, восточные аланы на Северном Кавказе могли сделать попытку перейти в христианство лишь при втором пребывании на патриаршем престоле Николая Мистика, т. е. между 912 и 925 гг. В ситуации с религиозно-политической ориентацией северокавказких аланов в самом начале X в., при которой часть аланов были иудеями и все восточные аланы поддерживали хазар, а правитель Асии поддерживал Византию, как-то парадоксально выглядят утверждения К. Цукермана, что на Северном Кавказе собственно Алания располагалась западнее провизантийской Асии, которая, по его утверждениям, должна была якобы находиться в районе Дарьяльского прохода, т.е. вблизи хазар-иудеев. К тому же, арабские источники в районе Дарьялла упоминают только народ ***ал-Лан***, а не асов.

Как свидетельствуют источники того времени, уже в скором времени после смерти Романа при Константине Багрянородном, в 40-е гг. X в., правитель северокавказской Алании снова поддерживал Византию, а не хазар, а это может означать, что тогда Восточная Алания и Западная – Асия уже объединились в одно независимое от хазар государство. Так, в середине X в. Константин Багрянородный отмечал, что правитель Алании уже не жил в мире с хазарами, но имел поддержку со стороны византийского императора[53]. Исходя из этого, можно полностью согласиться с мнением Ю. А. Кулаковского, что в середине X в. северокавказская Алания была не только союзницей Византии, но и стала страной независимой[54]. Анализ письменных источников середины и конца X в. подтверждает, что тогда северокавказские аланы уже окончательно перешли в христианство, из чего следует, что политическая ориентация их правителей стала провизантийской.

О том, что уже в X в. часть аланского населения Северного Кавказа придерживалась христианства, свидетельствуют данные письменных мусульманских источников. Так, в первой половине X в. Ибн Русте отметил: „Аланский царь – христианин в сердце, но весь народ его царства – язычники, поклоняющиеся идолам“[55]. Касаясь этого пассажа, В. А. Кузнецов обратил внимание, что цитируемое сочинение Ибн Русте „Книга драгоценных камней“ было написано в период с 903 по 913 гг. Именно это позволило исследователю сделать не вызывающий возражений вывод: „…сведения Ибн-Русте о том, что в 903–913 гг. царь алан уже стал христианином, представляют большую ценность и потому, что они подтверждают те выводы о начале христианизации алан во время первого патриаршества Николая Мистика, которые были сделаны нами выше“[56]. К этому следует добавить уже упомянутое сообщение Ибн Русте, в соответствии с которым в его время аланы состояли из четырех племен, где почет и царство принадлежали в них племени ***Д. хсас,*** в котором В. Ф. Минорский склонен был видеть этническое название ***рухс-ас*** – „светлые асы“[57]. Следовательно, данные ал-Масуди подтверждают предположение о том, что в самом начале X в. христианство мог исповедовать лишь правитель западных аланов (асов), а не восточных.

Ал-Масуди также относил распространение христианства среди аланов в первой половине X в., но отметил, что аланы приняли христианство во времена Аббасидов, т.е. после 751 г.[58] И уже в конце X в. анонимный автор „Худуд ал-‘Алам“ охарактеризовал аланов преимущественно как христианский народ[59].

Таким образом, этнополитическое объединение западных аланов на Северном Кавказе – Асия, изначально находилась в номинальной зависимости от хазар лишь с начала VIII в. и при поддержке Византии уже в конце IX вв. избавилось от этой зависимости, в то время как Восточная Алания буквально до середины X в. являлась составной частью Хазарского каганата. Политическая ориентация обеих частей северокавказской Алании нашла свое отражение в религии правящих слоев обеих аланских обществ – в то время, когда правители восточных аланов в первые десятилетия X в. продолжали придерживаться иудаизма, правящие круги Западной Алании уже стали христианами, что совпало с созданием Аланской епархии. Сепаратизм западных аланов-асов стал основой для дальнейшего объединения всех аланских племен в новое государственное образование, более известное как ***Алания***, где официальной религией стало византийское христианство.

Ю. А. Кулаковский отметил, что Аланской епархии не было в нотициях Константинопольского престола ни в VIII в., ни в IX в. Впервые упоминание об Аланской кафедре было отмечено в списке второй половины X в., „в котором есть уже и Россия“. По словам Ю. А. Кулаковского, „Аланская кафедра повысилась к тому времени в своем ранге и числится уже не архиепископией, как было при патриархе Николае Мистике в пору ее основания, а митрополией, занимая по достоинству место непосредственно вслед за Россией, т. е. 61-е“[60]. Как справедливо отметил В. А. Кузнецов, „это не отражает времени создания аланской кафедры, что относится к самому началу X в.“[61].

Касаясь проблемы локализации центра аланской митрополии, следует предположить, что она должна была находиться на территории Западной Алании, ибо оттуда шло распространение христианства на аланских землях. По предположению В. А. Кузнецова, „первый архиепископ Алании Петр, рукоположенный Николаем Мистиком, находился где-то на территории Карачаево-Черкессии в верховьях Кубани“[62]. В свое время В. Ф. Миллер высказал предположение, что центр Аланской митрополии мог находиться на Нижне-Архызском городище X–XII вв. в ущелье Большого Зеленчука[63]. Археологические исследования, проводимые на Нижне-Архызском городище В. А. Кузнецовым, позволили поддержать данную гипотезу. Основания для этого исследователь привел следующие: „Нижне-Архызское городище явно не принадлежит к числу „рядовых“ раннесредневековых городищ, известных в верховьях Кубани (таких, как Адиюх или Гиляч). Оно резко выделяется как размерами, так и наличием памятников монументальной архитектуры, необычайной концентрацией христианских древностей, разноязычием эпиграфики, самим характером планировки и внутренней структуры“[64]. По наблюдениям В. А. Кузнецова, датировка Нижне-Архызского городища также является ярким подтверждением предложенной гипотезы: „В настоящее время нет оснований датировать городище временем более ранним, чем X век. Очевидно, оно возникает почти одновременно с Аланской митрополией, организованной в начале X века. Вполне реальна причинная связь между этими двумя событиями“[65].

Что же касается размеров территории Аланской митрополии, то В. А. Кузнецов высказался в пользу того, „что она соответствовала историческим границам Алании, т. е. была значительно шире территории диоцеза“[66]. В свое время З. Н. Ванеев сделал довольно интересное наблюдение относительно особенностей распространения христианства в различных частях Алании в предмонгольское время: „ ...на востоке Алании преобладало грузинское влияние, а на западе – греческое. Впрочем, в эпоху существования аланской епархии доминирующим следует считать греческое влияние. После падения Византии Осетия (восточная часть Алании) в религиозном отношении находится под влиянием одной Грузии“[67].

Однако до первых десятилетий XIII в. христианским миссионерам так и не удалось сделать из аланов истинных христиан. Так, назначенный в Аланию в 20-е годы XIII в. епископ Феодор христианство северокавказских аланов охарактеризовал следующим

образом: „…незаконные они дети доселе, а не сыны, потому что сатана соблазнил их, чтобы не веровали истине и чтобы пребыли чадами неверия… Отличия моих пасомых – убийства, прежде всего, и прочие виды смертей“[68]. А побывавший до 1235 г. на территории северокавказских аланов венгерский миссионер Юлиан отметил, что в Алании жители представляют „смесь христиан и язычников“, но в то же время с большим почтением относятся к кресту, с которым можно безопасно ходить, несмотря на усобицы и распри[69].

[1] *Кулаковский, Ю. А.* Христианство у алан. – ВВ, т. 5, вып. 1–2, СПб., 1898, с. 7.

[2] Там же, с. 1–9.

[3] *Дворник, Ф.* Миссии греческой и западной церквей на Востоке в средние века. – В: XIII международный конгресс исторических наук. М., 1970, 10–11; *Новосельцев, А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990, с. 106.

[4] *Кузнецов, В. А.* Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984, 197–214; *Голб, Н., Прицак, О.* Хазарско-еврейские документы X века. М. – Иерусалим, 1997, с. 161; *Ванеев, З. Н.* Средневековая Алания. Сталинири, 1959, 169–172; *Гадло, А. В.* Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994, с. 76.

[5] *Коковцов, П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932, с. 116; *Голб, Н., Прицак, О.* Указ. соч., 136–137, 140–141.

6 *Коковцов, П. К.* Указ. соч., с. 116; *Голб, Н., Прицак, О.* Указ. соч., 136–137, 140–141.

[7] *Голб, Н., Прицак, О.* Указ. соч., с. 136, 141.

[8] Там же, 162–163; *Минорский, В. Ф.* История Ширвана и Дербента X–XI вв. М., 1963, с. 204.

[9] *Голб, Н., Прицак, О.* Указ. соч., с. 160; *Кузнецов, В. А.* Указ. соч., 114–115, 197–198; *Brook, K. A.* The Jews of Khazaria. Northvale-Jerusalem, 1999, p. 254.

[10] *Голб, Н., Прицак, О.* Указ. соч., с. 161.

[11] *Кулаковский, Ю. А.* Указ. соч., 1–18.

[12] *Коковцов, П. К.* Указ. соч., с. 117; *Голб, Н., Прицак, О.* Указ. соч., 136–137, 140–141; *Constantinus Porphyrogenitus*. De ceremoniis aulae Byzantinae. L. II. Bonnae, 1829, p. 131; *Кузнецов, В. А.* Аланские племена Северного Кавказа. – МИА, 1962, № 106, с. 131.

[13] *Golb, N., Pritsak, O.* Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Itaca and London, 1982, 133-134; *Голб, Н., Прицак, О.* Указ. соч., 136–141; *Коковцов, П. К.* Указ. соч., с. 117; *Constantinus Porphyrogenitus*. Op. cit., p. 680.

[14] *Коковцов, П. К.* Указ. соч., 111–123.

[15] *Голб, Н., Прицак, О.* Указ. соч., с. 160.

[16] *Артамонов, М. И.* История хазар. Л., 1962, 356–358.

[17] *Цукерман, К.* Аланы и асы в раннем средневековье. – Краткие сообщения Института археологии. – РАН, вып. 218. М., 2005, 65–84.

[18] *Кузнецов, В. А.* Рецензия на работу С. А. Плетневой „От кочевий к городам“. – СА, 1969, № 2, 296–300; *Афанасьев, Г. Е.* К вопросу о происхождении аланского варианта салтово-маяцкой культуры. – В: Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981, 48–64; *Афанасьев, Г. Е., Рунич, А. П.* Мокрая Балка. Дневник раскопок. Вып. 1. М., 2001; *Гадло, А. В.* Указ. соч., с. 22.

[19] *Минорский, В. Ф.* Указ. соч., с. 221.

[20] *Гадло, А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979, с. 173.

[21] *Коковцов, П. К.* Указ. соч., с. 117; *Голб, Н., Прицак, О.* Указ. соч., 136–137, 140–141.

[22] *Constantinus Porphyrogenitus*. Op. cit., p. 680; *Цукерман, К.* Указ. соч., с. 66.

[23] *Кузнецов, В. А.* Аланские племена.., с. 131.

[24] *Кузнецов, В. А.* Очерки истории алан.., 148–149.

[25] *Кулаковский, Ю. А.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей. К., 1899, 49–54.

[26] *Баладзори.* Книга завоевания стран / Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927, с. 8; *Ибн ал-Асир*. Тарих ал-камил / Пер. П. Жузе. Баку, 1940, 22–23; *Якуби.* История / Пер. П. Жузе. Баку, 1927, с. 7, 25–26; *Артамонов, М. И.* Указ. соч., 202–231; *Кузнецов, В. А.* Указ. соч., 103–115.

[27] *Зетейшвили, С. Г.* Сведения об аланах в „Хронографии“ Феофана. – В: Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976, с. 85; *Кузнецов, В. А.* Указ. соч., 103–104.

[28] *Чичуров, И. С.* Византийские исторические сочинения: „Хронография“ Феофана, „Бревиарий“ Никифора. М., 1980, 65–67.

[29] *Зетейшвили, С. Г.* Указ. соч., 81—84; *Кузнецов, В. А.* Указ. соч., с. 103.

[30] *Ибн ал-Асир*. Указ. соч., 22–23.
[31] *Кузнецов, В. А.* Указ. соч., 110–112; *Афанасьев, Г. Е., Рунич, А. П.* Указ. соч., с. 8.
[32] *Гадло, А. В.* Северный Кавказ в IV–X вв. (проблемы этнической истории). Автореф. дисс. …д-ра ист. наук. М., 1984, с. 26.
[33] *Артамонов, М. И.* Указ. соч., с. 358.
[34] *Гадло, А. В.*Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв., с. 22.
[35] *Афанасьев, Г. Е., Рунич,* Указ. соч., 236–239.
[36] *Ванеев, З. Н.* Указ. соч., с. 163.
[37] Памятники армянской агиографии / Пер. с древнеарм. К. С. Тер-Давтян. Ереван, 1973, 176–185.
[38] *Джанашвили, М.* Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. – СМОМПК, вып. 12. Тифлис, 1897, 25–26.
[39] *Кузнецов, В. А.* Указ. соч., с. 202.
[40] Жизнь, дела и мученичество преподобного отца нашего и исповедника Максима / Пер. М. Д. Муретова. – Богословский вестник, ноябрь 1913, Сергиев Посад, 162–165.
[41] *Ванеев, З. Н.* Указ. соч., с. 166.
[42] *Дворник, Ф.* Указ. соч., 10–11; *Новосельцев, А. П.* Указ. соч., с. 106.
[43] *Кулаковский, Ю. А.* Указ. соч., с. 7.
[44] Там же, 1–9.
[45] Там же, с. 5.
[46] *Кузнецов, В. А.* Указ. соч., с. 204.
[47] *Ficker, G.* Das Erirhanios-Kloster in Kerasus und der Metropolit Alaniens. – Byzantinich-Neugriechisehe Jahibысher, Bd. III. Berlin, 1922, S. 100.
[48] *Кузнецов, В. А.* Указ. соч., с. 204.
[49] *Коковцов, П. К.* Указ. соч., с. 116; *Голб, Н., Прицак, О.* Указ. соч., 136–137, 140–141.
[50] Там же, с. 116; Там же, 136–137, 140–141.
[51] *Кулаковский, Ю. А.* Указ. соч., 1–9.
52 *Коковцов, П. К.* Указ. соч., с. 116; *Голб, Н., Прицак, О.* Указ. соч., 136–137, 140–141.
[53] *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1991, с. 53.
[54] *Кулаковский, Ю. А.* Указ. соч., 52–54.
[55] *Минорский, В. Ф.* Указ. соч., с. 221.
[56] *Кузнецов, В. А.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977, с. 20.
[57] *Минорский, В. Ф.* Указ. соч., с. 221.
[58] *Там же*, с 204.
[59] *Minorsky, V*. Hudud al-Alam. The regions of the world. London-Oxford, 1937, 100-101.
[60] *Кулаковский, Ю. А.* Христианство у алан.., 8–9.
[61] *Кузнецов, В. А.* Очерки истории алан.., с. 206.
[62] Там же, с. 207.
[63] *Миллер, В. Ф.* Древнеосетинский памятник из Кубанской области. – МАК, вып. 3, с. 118.
[64] *Кузнецов*, *В. А.* Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971, с. 191.
[65] Там же, с. 190.
[66] *Кузнецов, В. А.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977, с. 117.
[67] *Ванеев, З. Н.* Указ. соч., с. 171.
[68] Епископа Феодора „Аланское послание“ / Пер. Ю. А. Кулаковского. – ЗООИД, т. 21. Одесса, 1898, с. 27.
[69] *Аннинский, С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе. – Исторический архив. Т. 3. М.–Л., 1940, с. 79.

УДК 94(560.11)(=112.2)"11"

НЕМЕЦКИЙ КВАРТАЛ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ XII В.

О. М. Луговой

Луговий О.М. **Німецький квартал у Константинополі XII ст.**

Стаття присвячена історії виникнення та ліквідації окремого німецького кварталу в Константинополі, призначеного для розміщення в ньому купців і, періодично, лицарів зі Священної Римської імперії, які прибули на службу візантійському імператору. Квартал був заснований у 1140-х рр., а в 1189 р. переданий хрисовулом Ісаака Ангела в якості компенсації за понесені збитки Венеції. До статті додається переклад наказу імператора від 1189 р.

Ключові слова: Візантія, Константинополь, Німецький квартал, хрісовул, Фрідріх Барбаросса, Венеція.

Луговой О. М. **Немецкий квартал в Константинополе XII в.**

Статья посвящена истории возникновения и ликвидации отдельного немецкого квартала в Константинополе, предназначенного для размещения в нем купцов и, периодически, рыцарей из Священной Римской империи, прибывших на службу византийскому императору. Квартал был учрежден в 1140-х гг. и в 1189 г. передан хрисовулом Исаака Ангела в качестве компенсации за понесенные убытки Венеции. К статье прилагается перевод указа императора 1189 г.

Ключевые слова: Византия, Константинополь, Немецкий квартал, хрисовул, Фридрих Барбаросса, Венеция.

Lugovyi O. **German Quarter at the XII Century Constantinople**

This paper is dedicated to the history of foundation and liquidation of the special German quarter at Constantinople, meant for the accommodation of merchants and, from time to time, knights from the Holly Roman Empire, arriving for a Byzantine emperor service. The quarter was founded at 1140s and it was placed under the control of Venice as a compensation at 1189 by the chrysobull of Isaac Angelos. Translation of that chrysobull is added to the paper.

Keywords: Byzantium, Constantinople, German quarter, Frederick Barbarossa, Venice.

Нам уже приходилось обращаться к теме присутствия воинов из Священной Римской империи в византийской армии[1]. После первых достоверных упоминаний в середине XI века немцы с небольшими перерывами присутствовали в вооруженных силах константинопольских императоров вплоть до XIII века. Во времена Романа Диогена, а также императоров династии Комнинов от Иоанна до Алексея II немцы входили в состав личной гвардии императора. Они упоминаются в составе действующей армии в провинциях империи – во время войн с турками-сельджуками, болгарами, венграми и во внутренних конфликтах. Немцы постоянно присутствовали в Константинополе. Военная служба, а также торговые контакты предоставляли возможность закрепиться в византийской столице.

В предыдущей статье уже были показаны обстоятельства, в которых возник вопрос о создании в Константинополе немецкой церкви[2]. Очевидно, в 1142 г., когда имела место переписка относительно этого вопроса между Конрадом II с одной стороны и Иоанном и

© О. М. Луговой, 2012

Мануилом Комнинами – с другой, немецкого квартала еще не существовало. Однако на протяжении 1140-х годов он должен был появиться. Этому способствовали брак Мануила Комнина со сводной сестрой Конрада Бертой фон Зульцбах в 1146 г. и пребывание самого императора в Константинополе в 1148 г. во время Второго крестового похода[3]. Исходя из сведений, сообщаемых хрисовулом 1189 г., анализируемым ниже, создание немецкого квартала было санкционировано императорским хрисовулом.

Не может быть сомнений в том, что вопрос организации немецкого квартала имел как политическую подоплеку, так и предполагал благоустройство немецких купцов. Непосредственное отношение он имеет также и к условиям службы немецких рыцарей в византийской армии. Ведь преодолевая путь к столице Восточной империи они использовали наверняка ту же самую инфраструктуру, которой уже пользовались их соотечественники-бюргеры, к чьим причалам прибывали корабли с воинами. В случае существования немецкой церкви[4], именно в ней концентрировалась бы их духовная жизнь. В этом квартале могли жить те воины, которые по тем либо иным причинам не состояли непосредственно на службе в провинции и при дворце. Вот почему важно выяснить историю квартала и причины его официальной ликвидации.

Следует отметить, что истории немецкого квартала Константинополя и вопросу его назначения уделялось недостаточно внимания. Эта проблема, очевидно, тесно связана с проектом строительства церкви для константинопольских немцев. Немецкий историк средневековой торговли Вильгельм Хайд на основании очень фрагментарных данных, предоставляемых источниками, старался показать, что переговоры 1142–1145 гг. относительно строительства церкви велись не в интересах немецких солдат византийской армии (они, по его мнению, присутствовали там лишь эпизодически), а для нужд немецких купцов в Константинополе. Пытался он и реконструировать маршруты купцов, которые замыкались бы на Константинополь, но был вынужден признать недоказуемость этих построений[5]. Раймон Жанен также отбрасывал возможность того, что церковь могла строиться для немецких наемников[6]. Однако данные Оттона Фрейзингенского не дают возможности определенно принимать или отбрасывать ту или иную точку зрения. В первом письме Конрада императору Иоанну речь идет никак не о купцах: „Militibus quoque imperii nostri, Alemannis scilicet, qui aput te sunt…“. Те ли же самые milites подразумеваются под „hominibus imperii nostri, Teutonicis videlicet, qui Constantinopoli morantur“[7], которые нуждаются в собственной церкви или нет, сказать наверняка нельзя. Но источники свидетельствуют, что в ромейской столице немецких купцов было не так уж и много (см. ниже), кроме того среди купцов, прибывающих из Священной Римской империи, определенный процент составляли иудеи, для которых существовал отдельный квартал на противоположном берегу Золотого Рога. Таким образом, императора Конрада скорее волновала судьба знатных рыцарей, чем купцов, к тому же немногочисленных.

Единственный документ, который прямо касается истории немецкого квартала в Константинополе, связан именно с его ликвидацией. В 1189 г. император Исаак Ангел решил за счет факторий и причалов немецких и французских купцов на Золотом Роге расплатиться с венецианцами за потерянное последними имущество во время погрома в 1171 г[8]. Хрисовул был выдан по требованию венецианских послов и датирован июнем 1189 г. Латинский перевод хрисовула внесен в Первую (XII в.) и Вторую (XIII в.) „Книги Договоров“ (Liber Pactorum). В XIV в. дож Андреа Дандоло переписал текст хрисовула также в „Liber Albus“, где собрал копии всех договоров Венеции с заморскими (не итальянскими) странами. Таким образом, в Государственном архиве Венеции сохранились три копии латинского перевода хрисовула Исаака Ангела.

Первый же пункт этого хрисовула определяет условия передачи немецкого и французского кварталов Венеции: „…*И обильно нашу Светлость молят касательно того, что желают, чтобы было восстановлено, и стране Венеции дать просят в качестве эмвола и в качестве пенсионалия, и пристаней морских, эмвол, который прежде имелся подле (habito adiacentes) их [эмвола], с годовым доходом в пятьдесят либров иперпиров. И наша благочестивая Светлость никоим образом не отклоняет такого рода их петицию. Хотя воистину тяжело очевидно нашему Высочеству передавать иноземцам обширное прос-*

транство под великим городом; однако, поскольку не как инородцев, но напротив, как аборигенов ромеев народ венецианский наша Милость рассматривает, и так они про Романию пекутся, как и сами ромеи, и такую по отношению к ней имеют преданность, как и по отношению к земле, которая их произвела на свет, то не так ли, как поданные Романии[9], какой бы великой она ни была, должны они быть щедро одарены?

1) Поэтому и наша Милость приказывает словом сего хрисовула венецианцам иметь все иное, что их нунцием испрошено, и целые эмволы алеманнов и франкигенов и морские их пристани (maritimas eorum scalas), что в присутствии грамматиков нашей Светлости Константина Педиадита и светлейшего протоновелиссима Никиты Валианита, практикой Константина Петриоты им переданы; это должно быть утверждено с его стороны резолюцией (superscriptione) пансеваста севаста и нашего величества приближенного археканцеллария, господина Иоанна Дуки[10]; соответствующим секретам империи нашей ознакомиться с этим хрисовулом. Всех их вместе годовой доход равен пятидесяти либрам иперпиров, что подсчитано практикой в целях этой передачи. Хотя в силу слов хрисовулов указанные эмволы с морскими пристанями алеманнам и франкигенам переданы; однако, поскольку не всему племени алеманов и франкигенов такого рода благодеяние Романией сделано, но немногим некоторым изгнанникам и преимущественно неизвестным, и приносящим неопределенное количество службы Романии, но лишь такой, какую случайно удалось принести, поскольку большую выгоду от этих эмволов и пристаней они имеют, однако малую пользу Романии приносят, соответственно наше Превосходительство отдает предпочтение службе, предложенной Романии всею совокупностью народа, перед службой немногих и из рассеяния собранных. И освобождение также хрисовул их определяет; эмволы же их и пристани венецианскими делает, позволив овладеть им всем иным так, как и такого же рода эмволами, следовательно как и тем эмволом, который ныне имеют, доколе по отношению к империи нашей и Романии свои договора в неприкосновенности будут соблюдать ныне существующий благороднейший дука Венеции и после него все будущие дуки Венеции и все их множество, равным образом и все, что ими обещано и присягой скреплено, сохранят…“.

Установлением точного места расположения эмвола немцев мы должны быть обязаны Дэвиду Джакоби[11]. Ранее этот вопрос в науке практически не ставился. Горацио Ф. Браун, шотландский исследователь истории Венеции, в своей статье, посвященной истории венецианского квартала в Константинополе, проигнорировал изменение его границ по хрисовулу 1189 г., рассматривая по крайней мере юго-восточную границу квартала как неизменно проходящую по оси Еврейских ворот и стене Севастократора со времени организации фактории и до XIII в.[12] Советская историография также обошла этот вопрос вниманием, невзирая на детальные исследования географии балканских владений Венеции в трудах Н. П. Соколова[13]. Проанализировав динамику границ венецианского квартала, Д. Джакоби установил, что эмволы, присоединенные к нему в 1189 г., должны были находиться на востоке от района, переданного венецианцам, и соответственно на запад от пизанского квартала.

С самого начала своего существования венецианский квартал на востоке граничил с Евраикой – районом компактного расселения константинопольских иудеев, ликвидированным кем-то из первых императоров династии Комнинов. Все евреи были переселены в Перу на другую сторону Золотого Рога. Как раз в недолгий период существования алеманского эмвола Константинополь посетил Вениамин из Туделы и изобразил незавидное положение здешнего еврейского сообщества[14]. Таким образом, эмволы немцев, французов, а кроме того провансальцев и испанцев, размещались в пределах бывшего еврейского района – Евраики.

Через много лет после 1189 г. память о былой принадлежности района немцам сохранялась и в хартии от 1207 г. о передаче нескольких участков земли указывалось: „Собственность, которая когда-то принадлежала алеманнам“, лежит напротив территории церкви Св. Ирины Перамской[15]. В том же документе находим упоминание все еще используемого наименования Еврейских ворот – porta Ebrayky, которые определяют участок земли, расположенный где-то недалеко от рассматриваемого.

Церковь Св. Ирины в Пераме размещалась на границе пизанского квартала за морской стеной Константинополя (в хартии от 1207 г. также подчеркивается – foris muri) на самом берегу Золотого Рога[16]. Ее месторасположение разыскивал во время своего пребывания в Стамбуле в 1544–1547 гг. французский путешественник Пьер Жиль, но обнаружил лишь „Quadrata Irena“ – башню Ирины, стоящую на восточном склоне третьего холма Константинополя-Стамбула[17] и не связанную с церковью Ирины Перамской.

Никита Хониат (Βασιλεια Μανουηλ του Κομνηνου, VII, 3), перечисляя строительные проекты императора Мануила, отмечает и планы восстановления храма Св. Ирины на берегу моря (προς θάλασσαν της ʽαγίας Ειρήνης), построенного некогда Маркианом. Строительные работы не были доведены до завершения и, тем не менее, закономерным является вопрос, не был ли связан проект восстановления церкви Св. Ирины с обещанием предоставления собственной церкви немцам в Константинополе? Ведь Берта фон Зульцбах, жена Мануила Комнина, была крещена под православным именем Ирины. И именно церковь Св. Ирины является единственным надежным маркером для установления местоположения немецкого квартала.

Традиционно при объяснении обстоятельств и причин передачи немецкого и французского эмволов Венеции исследователи исходили из аргументации, предложенной в самом хрисовуле, – эмволы не использовались в полную силу, посещались лишь отдельными немногочисленными купцами и людьми неавторитетными, пользы от них Империя не получала. Такой точки зрения придерживались В. Хайд[18], А. Шаубе[19], Д. Никол[20]. С ними солидарен также последний публикатор текста хрисовула Джорджо Равеньяни[21]. Д. Джакоби удивляется, зачем Германии вообще были нужны пристани, если ее купцы прибывали в Константинополь по суше[22]? Однако, как кажется, эти аргументы не являются исчерпывающими, даже если формальная предпосылка передачи эмволов венецианцам и соответствует действительности. Интересы торговли и правильного использования городской площади вряд ли сами по себе могли обусловливать столь серьезное решение, отменяющее действие нескольких предыдущих хрисовулов, способное повлиять на взаимоотношения Империи с другими европейскими государствами.

Имеются многочисленные признаки того, что и после Третьего крестового похода в Константинополе существовало некоторое немецкое население. На период времени между Третьим и Четвертым крестовыми походами приходится деятельность чуть ли не единственного известного источникам невоенного семейства немцев в Византии. В апреле 1192 г. некий Герард Аламанопул (греч. „Сын немца“) выступал в качестве переводчика в переговорах с генуэзскими посланцами[23]. Ближайшим временем, около 1200 г., датируется печать севаста Льва Герарда с обращением к Св. Димитрию о помощи письменам севаста. Печать отмечена под номером 494 в афинском каталоге К. Константопулоса[24]. А. П. Каждан выделил Герардов как огреченный линьяж немецкого происхождения, известный двумя своими представителями исключительно на дипломатической службе. Герарды относились к севастам, византийской знати второго разряда[25]. Однако нельзя также исключать, что печать принадлежала тому же Герарду Аламанопулу.

Гюнтер Пэрисский упоминает немцев, проживавших в Константинополе перед нападением на него крестоносцев в 1204 г. Заподозренные в потенциальной измене, они были высланы за стены города, присоединились к крестоносцам и во время второго взятия византийской столицы проявляли особую жестокость по отношению к городским жителям[26].

Чарльз М. Бранд, придерживаясь своей концепции противостояния Византии и стран Запада в конце XII в., высказал мнение, что передача немецкого и французского кварталов Венеции были обусловлены враждебным отношением Исаака к приближающемуся немецкому войску и опасностью со стороны французских крестоносцев[27]. Страсти, вызванные переходом с июля 1189 г. немецкого войска Фридриха Барбароссы через византийские земли, насыщенным столкновениями и взаимной враждебностью, конечно, могли сыграть свою роль. Но в июне 1189 г., когда произошла передача немецкого эмвола Венеции, конфликт еще не начался. Фридрих с войском в это время находился на территории Венгрии и, судя по приему 2 июля

в Браничево, первом византийском укреплении на пути крестоносцев, византийская сторона пока что оказывала посильное гостеприимство, что вполне согласовалось с Нюрнбергским соглашением о пропуске немецких войск через балканские владения Византии. И только 25 июля к Фридриху явились послы враждебного ромеям сербского жупана Стефана Немани, переговоры с которым собственно и послужили формальной причиной разрыва[28].

Фридрих мог узнать о ликвидации немецкого квартала во время остановки в Филиппополе. Там к нему прибыли выпущенные из константинопольского плена послы, которые передали информацию об агитации против крестоносцев в столичных церквах и о союзе Исаака с Салах-ад-Дином[29]. Переговоры с Салах-ад-Дином начались, по-видимому, также в июне, пока Фридрих еще находился в Венгрии[30], то есть тогда же, когда состоялась передача немецкого эмвола Венеции. В это же время, вероятно в 20-х числах июня, после подавления мятежа Феодора Манкафы, Исаак арестовал послов Фридриха во главе с архиепископом Мюнстера.

Когда противостояние с Византией достигло максимума, Фридрих отправил из Адрианополя письмо своему сыну Генриху, в котором просил весной выслать корабли против Константинополя из городов Италии, между прочим, и из Венеции (MGH DF, I, 1009)[31]. В январе 1190 г. Исаак II запросил мира и конфликт был улажен, но о восстановлении статуса немецкого квартала источники молчат. В целом, эти факты подтверждают лишний раз тезис о непоследовательности политики Исаака II, принадлежащий еще Никите Хониату. Высказывалось предположение, что Исаак действовал под давлением послов Салах-ад-Дина, а потом старался скрыть от Фридриха истинные события[32]. Но можно ли всерьез рассматривать версию об обусловленности передачи немецкого квартала только угрозой со стороны крестоносцев? Ведь немецкие источники не отмечают никакой реакции со стороны Фридриха. Они, похоже, не упоминают о потере квартала в числе прочих злодеяний, совершенных греками. То есть, это не являлось злодеянием либо было слишком незначительной потерей. Очевидно, конфликт между Византией и Священной Римской империей также является недостаточным объяснением для первого пункта хрисовула 1189 г.

При анализе ситуации, сложившейся вокруг немецкого квартала Константинополя, необходимо помнить, что именно Венеция долгое время выполняла функцию посредника в связях Франции и Германии с Константинополем[33]. Оттон III в 992 г. добился у дожа Пьетро Орсеоло права на пользование с торговой целью трех портов вблизи Венецианской лагуны, привязанных к древней римской дороге Клавдия-Августа, которая соединяла Италию и Германию[34]. К этому его побуждали новейшие привилегии, полученные Венецией от Византии и возможность воспользоваться чужим успехом и инфраструктурой.

Венецианский хронист Мартино да Канале для времен правления дожа Доменико Морозини (1148–1156 гг.) называет аламанов и баварцев первыми в ряду купцов из разных стран, которые приезжали в Венецию[35]. После примирения в Венеции в 1177 г. Фридриха Барбароссы и папы Александра III давние связи были возобновлены, и многие из их звеньев перехватил уже сам город. Фридрих велел своим поданным делать денежные займы именно в Венеции. В то же время в торговые контакты с приморским городом вступает Вена, столица австрийских Бабенбергов[36]. Венецию связывают с заальпийскими землями пути поступления товаров, необходимых для торговли; в самом городе успешно действует некий Bernhardus Teotonicus, которого Герард Рюш характеризует как одного из самых богатых людей Венеции и исключительно важную фигуру в истории торговли между Венецией и Германией[37]. Наконец, 1228 годом датируется первое упоминание отдельного немецкого эмпория на территории города – Фондако деи Тедески (fonticum comunis Venetiarum, ubi Teutonici hospitantur)[38], предоставленного Республикой Святого Марка немецким купцам, поток которых через Венецию стал слишком мощным. Поэтому объединение венецианского и немецкого кварталов Константинополя можно считать геополитически и экономически обусловленным.

Не удивительно, что после 1204 г. немцы не выразили ни единого признака желания вернуть себе это имущество, хотя за районом и сохранялось официальное название Аламанского. Латинские императоры неоднократно обновляли права венецианцев на владение соответствующим участком города. Два арендных договора, которые хранятся в Государственном архиве Венеции (нотариальная книга № 1 Мадонны Дель-Орто, владелец участков – мо-

настырь св. Томмазо деи Боргоньони ди Торчелло, договоры от 25 июля 1258 и 16 декабря 1259 г.) касаются земельных участков, расположенных в ruga Alemanorum. Второй из этих договоров также подтверждает близкое размещение церкви Св. Ирины[39]. Вблизи той же церкви в 1206 и в 1207 г. проживал Henricus Allemanus, отмеченный в одном из документов того же венецианского архива[40].

Немецкая партия в крестоносном войске окончательно отказалась от сохранения позиций в Константинополе, очевидно сосредоточившись во владениях своего лидера – Бонифация Монферратского в Фессалонике и, возможно, в Морее. Морейская хроника знает такого немецкого по происхождению феодала, однако теперь представителя лангедокского рыцарства, Гийома Аламана (Γυλιάμος ʻΑλαμάνος), который при распределении феодальных ленов в Морейском княжестве в 1209 г. получил во владение Патру и должен был оборонять северную границу Мореи от войск Эпирского деспотата[41]. Относительно немецких феодалов в Фессалии Бернгард Куглер констатировал, что после гибели Бонифация они сохранили верность латинскому императору Генриху[42]. Каково было отношение этих немцев к немецкому кварталу в Константинополе, источники умалчивают. Квартал находился в самом центре того района, который наиболее пострадал от пожара 19–21 августа 1203 г., подробно описанного Никитой Хониатом. Это обстоятельство отнюдь не способствовало желанию закрепиться на пепелище.

Таким образом, можно констатировать, что с 1140-х годов до 1189 года немцы, которые вступали на службу к императорам Византии, как и, по-видимому, немногочисленные немецкие купцы, имели возможность использовать для своих нужд небольшой квартал, выделенный правительством Византии специально для выходцев из субъектов Священной Римской империи, – Аламанский эмвол, который располагался на берегу Золотого Рога между кварталами венецианцев и пизанцев, рядом с французским эмволом в районе церкви Св. Ирины Перамской, на земле, где некогда размещались константинопольская еврейская община. Квартал существовал немногим дольше 40 лет. На это время приходится серия политических конфликтов между двумя империями, что не способствовало интенсивному и рациональному использованию указанного учреждения. Еще с X в. морской путь немцев в Константинополь лежал через Венецию, что в конечном итоге обусловило передачу немецкого квартала Константинополя Республике Св. Марка.

[1] *Луговий, О. М.* Найманці німецького походження у візантійській армії XI–XIII століть. – Libra, вип. 1. 2010, 30–58.

[2] *Луговий, О. М.* Вказ. праця, 38–39. Текст переписки императоров Востока и Запада по этому поводу сохранил Оттон Фрейзингенский: Gesta Friderici. I, 25. – In: Ottonis episcopi Frisingensis opera ex recensione R. Willmans. T. II. Hannoverae, 1867, 37–43.

[3] Первым такое предположение относительно как немецкого, так и французского кварталов, кажется, высказал Адольф Шаубе: *Schaube, A.* Handelsgeschichte der romanischen Völker des Mittelmeergebiets bis zum Ende der Kreuzzüge. Munchen-Berlin, 1906, S. 249.

[4] В чем сомневается большинство исследователей: *Janin, R.* Les sanctuaires des colonies latines à Constantinople. – Revue des études byzantines, т. 4, 1946, p. 175; La géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin. T. III Les églises et les monastéres. P., 1969, p. 575; *Jacoby, D.* The Venetian Quarter of Constantinople from 1082 to 1261. Topographical Considerations. – Novum Millenium. Studies on Byzantine History and Culture dedicated to Paul Speck. 19 December 1999. Ashgate, 2001, p. 158.

[5] *Heyd, W.* Histoire du commerce du Levant au Moyen-âge. Leipzig, 1885–1886. T. I, 225–226, 263–264; T. II, 728–729.

[6] *Janin R.* Les sanctuaires des colonies latines..., p. 175

[7] *Gesta Friderici*. I, 25

[8] Текст соответствующего хрисовула опубликован в: Urkunden zur Älteren Handels und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit Besonderer auf Byzanz und die Levante, Hrsg. G. L. Fr. Tafel und G. M. Thomas. I Thiel (814–1205). Wien, 1856, 206–211. Новая публикация: Pacta Veneta. Vol. 4. I trattati con Bisanzio, 992–1198, a cura di M. Pozzo e G. Ravegnani. Venezia, 1993, 101–110. См. также: *Dölger, Fr.* Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches. 2 Teil. 1995, S. 299, Reg. 1590.

[9] В греческом тексте, очевидно, значилась ʻΡωμανία, официальное название Византийской империи, вошедшее в употребление в императорской канцелярии при императоре Алексее I. Сам политоним известен уже Иоанну Малале и „Хронографии" Феофана. Истории его словоупотребления посвящены

статьи: *Wolff, R. L.* Romania: The Latin Empire of Constantinople. – Speculum, vol. 23, n. 1, 1948, 1-34; *Lounghis, T. C.* Some Questions Concerning the Terminology Used in Narrative Sources to Designate the Byzantine State. – Συμμεικτα, 11. 1997, 11-22.

[10] Севастократор Иоанн Дука, родной дядя Исаака Ангела, занимал должность логофета дрома и был в данный период вторым лицом в Империи после императора.

[11] *Jacoby, D.* Op. cit., 158-159.

[12] *Brown, H. F.* The Venetians and the Venetian Quarter in Constantinople to the Close of the Twelfth Century. – The Journal of Hellenic Studies, vol. XL, 1920, 68-88.

[13] *Соколов, Н. П.* Венецианская доля в византийском „наследстве". – ВВ, 1953, № 6, 156–185.

[14] Русский перевод XIX в., см.: Книга странствий раби Вениамина / Пер. П. В. Марголина. – Три еврейских путешественника. М., 2004, 90–91; Английский перевод: The Itinerary of Benjamin of Tudela, transl. by M.N. Adler. L., 1907, p. 14.

[15] Urkunden zur Älteren Handels und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit Besonderer auf Byzanz und die Levante, Hrsg. G.L.Fr. Tafel und G.M. Thomas. II Thiel (1205–1255). Wien, 1856, 4–8.

[16] Любопытно в этой связи отметить, что во время строительства церкви Маркиан „оттеснил море", как гласит одна из версий его жития. См.: *Mango, C.* The Shoreline of Constantinople in the Fourth Century. – Byzantine Constantinople: monuments, topography and everyday life. Brill, 2001, p. 19.

[17] *Petri Gyllii* De Topographia Constantinopoleos et de illius antiquitatibus. Lugduni, 1562. Lib. III, cap. VI, p. 164; *Berger A.* Streets and Public Spaces in Constantinople. – Dumbarton Oaks Papers, No 54. 2000, p. 166. См. также: *Charles du Fresne, sieur du Cange*. Constantinopolis Christiana, seu Descriptio Urbis Constantinopolitanae. Vol. 2. 1680, p. 148.

[18] *Heyd, W.* Op. cit., т. I, 263–264.

[19] *Schaube, A.* Op. cit., S. 249

[20] *Nicol, D. M.* Byzantium and Venice. A Study in Diplomatic and Cultural Relations. Cambridge University Press, 1988, p. 116.

[21] *Pacta Veneta*. Vol. 4, 102–103.

[22] *Jacoby, D.* Op.cit., p. 158, n. 32.

[23] *Dölger, Fr.* Op. cit., S. 310, Reg. 1610.

[24] Prosopography of the Byzantine World. – http://www.pbw.kcl.ac.uk/pbw/apps/. – Boulloterion 1676.

[25] *Каждан, А. П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974, с. 114, 119, 129, 165, 214.

[26] *Заборов, М. А.* История крестовых походов в документах и материалах. М., 1977, с. 267; *Ciggaar, Kr. N.* Western Travellers to Constantinople. The West and Byzantium, 962-1204: Cultural and Political Relations. Leiden, 1996, p. 244.

[27] *Brand, Ch. M.* Byzantium Confronts the West. 1180-1204. Cambridge, Mass., 1968, p. 199.

[28] *Успенский, Ф. И.* История крестовых походов. СПб., 2000, 148–149.

[29] *Куглер, Б.* История крестовых походов / Пер. с нем. Ростов-на-Дону, 1995, с. 259.

[30] *Заборов, М. А.* Крестоносцы на Востоке. М., 1980, с. 181; *Lilie R.-J.* Byzantium and the Crusader States, 1096-1204. Oxford, 1993, 240-241; *Dölger Fr.* Op. cit., 299–300, Reg. 1591.

[31] *Опль, Ф.* Фридрих Барбаросса / Пер. с нем. СПб., 2010, с. 205.

[32] *Brand, Ch. M.* Op.cit., 177-178.

[33] *Симеонова, Л.* Пътуване към Константинопол. Търговия и комуникации в Средиземноморския свят (краят на IX – 70-те години на XI в.). С., 2006, с. 33.

[34] *Daru, P.* Histoire de la république de Venise. T. I. P., 1853, p. 95.

[35] *Simonsfeld, H.* Der Fondaco dei Tedeschi in Venedig und die Deutsch-Venetianischen Handelsbeziehungen. Stuttgart, 1887, Bd. II, S. 8.

[36] *Опль, Ф.* Указ. соч., с. 229.

[37] *Rösch, G.* Venezia e l'Impero, 962–1250. I rapporti politici, commerciali e di traffico nel periodo imperiale Germanico, trad. di C. Vinci-Orlando. Roma, 1985, 132–135. Дом этого немецкого представителя в Венеции фигурирует в описании Крестового похода Фридриха: Historia de expeditione Friderici Imperatoris. Pragae, 1827, p. 45.

[38] *Simonsfeld, H.* Op. cit., Urkunde 2, S. 1–2. Г. Симонсфельд упоминает также Милезио, архивариуса Фондако, в начале XVIII в., который полагал, что основание торгового подворья немцев в Венеции следует датировать временем до 1200 г. Op. cit., Bd. II, S. 8. Н. П. Соколов передает эту версию, как мнение самого Г. Симонсфельда. См.: *Соколов, Н. П.* Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963, с. 253.

[39] *Jacoby, D.* Op. cit., p. 162.

[40] Urkunden zur Älteren Handels und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit Besonderer auf Byzanz und die Levante / Hrsg. G. L. Fr. Tafel und G. M. Thomas. II Thiel (1205–1255). Wien, 1856, S. 53; *Jacoby, D.* Op. cit., p. 159.

[41] *Морейская хроника*. „Парламент" в Андравиде и составление регистра для распределения феодов-проний в Морее (Пелопоннесе) / Пер. Б. Т. Горянова. – Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951, с. 251; См. также: *Горянов, Б. Т.* Поздневизантийский феодализм. М., 1962, с. 33, 39.

[42] *Куглер, Б.* Указ. соч., с. 346.

УДК 327(477.83/.86:497.2)«12»

ПРОБЛЕМИ ГАЛИЦЬКО-БОЛГАРСЬКИХ СТОСУНКІВ У ПЕРШІЙ ТРЕТИНІ XIII СТ.

Л. В. Войтович

Войтович Л. В. **Проблеми галицько-болгарських стосунків у першій третині XIII ст.**

Статтю присвячено дискусійним проблемам приналежності Галицьким князям Нижнього Подунав'я і галицької допомоги болгарському царевичу Івану II Асеню у боротьбі з узурпатором Борилом.

Ключові слова: Нижній Дунай, Друге Болгарське царство, Іван II Асень, бровники, половці.

Войтович Л. В. **Проблемы галицко-болгарских отношений в первой трети XIII в.**

Статья посвящена дискуссионным проблемам принадлежности Галицким князьям Нижнего Подунавья и галицкой помощи болгарскому царевичу Ивану II Асеню в борьбе с узурпатором Борилом.

Ключевые слова: Нижний Дунай, Второе Болгарское царство, Иван II Асень, бродники, половцы.

Voytovych L. V. **The Problems of Halich-Bulgarian Relationships in the First Decades of the 13th century**

The article discusses the problems of the Halych dominance in the Lower Danube region and the Halych involvement on the sideof the Bolgarian prince Ivan II Asen his struggle with the usurper Borylo.

Keywords: the Lower Danube, the Second Bolgarian Tsardom, Ivan II Asen, Boryl, brodnyky, kumans.

Проблеми присутності Галицького князівства на Нижньому Дунаї, галицько-візантійських та галицько-болгарських стосунків належать до питань, полеміка навколо яких триває ще з другої половини XIX ст. З них чи не найменш дослідженим періодом залишається перша третина XIII ст., коли після загибелі князя Романа Мстиславича розпочався довгий період боротьби за його спадщину.

Протягом кінця XI – першої половини XII ст. Галицьке князівство утвердилось на Нижньому Дунаї[1] за згодою Візантії, яка не заперечувала проти опанування цієї території сильним галицьким князем, виділяючи стосунки з ним окремо від стосунків з Києвом[2]. Воно взяло на себе завдання оборони від кочовиків проходів у причорноморські та болгарські області, що перебували під візантійським контролем. Область у межиріччі Дністра та Серета і Нижнє Подунав'я була своєрідними воротами між морем і Карпатами, через які у XI–XII ст. кочовики проникали на Балкани. Змушена концентрувати військові сили на сході і півдні, Візантійська імперія користалася з такого становища. Через Галицьку землю проходив знаменитий

© Л. В. Войтович, 2012

бурштиновий шлях (Вісла–Сян–Дністер та Німан–Західний Буг–Дністер), який з'єднував Балтійське та Чорне моря. По Дністру лежала і найкоротша дорога до Візантії: через Нижнє Подунав'я можна було вийти більш безпечно суходолом до візантійських міст. У той час, коли дніпровський шлях контролювали половці, стосунки з якими мали перемінний характер, таке становище було вигідним і галицьким князям. У Нижньому Подунав'ї візантійська та галицька адміністрації, схоже, в якійсь формі співпрацювали. Союз Галицько-Волинської держави з Візантією був скріплений шлюбом Ірини Володарівни із севастократором Ісааком Комніном, сином василевса Алексія I Комніна, який відбувся 20 липня 1104 р.[3], і був першим подібним шлюбом у практиці візантійських василевсів. Від цього шлюбу народився майбутній василевс Андронік I Комнін (1123/1124–1185).

Ситуація змінилася, коли після загибелі Андроніка I галицький князь у 1186–1187 рр. підтримав повстання Ангелів, яке привело до відродження Другого Болгарського царства[4]. Зрозуміло, що відроджена Болгарська держава не могла в короткий час організувати власне лицарське військо, тому на перших етапах Асені спиралися на галицьку допомогу (тих, *що походять з Вордони, які сміються зі смерті, гілки тавроскіфів*[5]), половців[6] та волохів[7]. Існує версія волоського походження Асенів[8], що наштовхує на думку, що останні справді могли мати якісь володіння у Бирладській волості з мішаним слов'яно-волоським населенням.

Активна участь половців у болгаро-візантійській війні кінця XII ст.[9] мусила змістити значні їх масиви ближче до Дунаю. Останнє не могло не викликати занепокоєння у слов'янського населення Пониззя. Крім того, міська верхівка та галицьке боярство, також пов'язане з торгівлею, потерпали від галицько-візантійського конфлікту. Саме тому новий галицько-волинський князь Роман Мстиславович відразу вдався до відновлення союзу з Візантією. Відновлення цього союзу відбулося бл. 1200 р., коли Добриня Ядрейкович бачив в Константинополі галицьке посольство у складі Твердяти Остромирича, Недана, Домажира і Негвара. М. Ф. Котляр навіть вважає, що угода була укладена раніше – у 1197 чи 1198 рр.[10]. Цей союз був настільки важливим для Візантії, що його поспішили скріпити династичним шлюбом[11].

Наслідком спільних дій цих союзників був розгром половців. Перемоги Романа Мстиславича над останніми Іпатіївський літопис поставив в один ряд із перемогами Володимира Мономаха: „… одолів усі поганські народи, мудрістю ума додержуючи заповідей Божих. Він бо кинувся був на поганих, як той лев, сердитий же був як та рись і губив, як той крокодил, і переходив землю їх, як той орел, а хоробрий був як той тур, бо він ревно наслідував предка свого Мономаха, що погубив поганих ізмаїльтян, тобто половців, вигнав Отрока в Обези за Залізні ворота"[12]. За повідомленням тогочасного візантійського письменника Микити Хоніата, у 1200 р. столицю імперії врятувала від половців „богом призвана фаланга" Романа Мстиславича[13]. Похід галицько-волинського князя у Візантії пам'ятали довго. Хроніст Федір Скутаріот (бл.1230 – після 1283) та поет Єфрем Єнійський (перша третина XIII ст.) також згадали про ці походи як винятково важливі для Візантії[14]. Зрозуміло також, що ці походи Романа Мстиславича на початку XIII ст. не лише відкинули половців від Нижнього Дунаю, але й ускладнили для болгар отримання половецької допомоги. У поемі Єфрема Єнійського саме так і сказано: „Бо правитель Галичини за переконанням архіпастиря Руської Церкви, узявши багато війська, числом близько десяти тисяч, зненацька напав на область куманів [половців – Л. В.] і сплюндрував їхню землю дощенту. І, насмілюючись вчиняти так багаторазово, на славу своїх благочестивих христоіменитих [предків], розірвав союз місійців [болгар – Л. В.] і варварів"[15].

На той час половецьке військо стало основним чинником у болгаро-візантійському протистоянні[16]. У вбивстві Петра I Асеня (1196) та Івана I Асеня (1197) було замішане не просто боярське угрупування[17], а куманська (половецька) партія, до якої тоді схилявся їх брат Калоян[18], який займав престол у 1197–1207 рр. Сам Калоян одружився з дочкою половецького хана, котра після хрещення прийняла ім'я Марії[19]. Незважаючи на те, що

контроль над Нижнім Подунав'ям був для болгар надзвичайно важливим, опанувати цей регіон у перші роки відродження Болгарського царства не вдалося[20]. Знову ставши союзником Візантії, Галицьке князівство віразу ж стало і ворогом Болгарії.

Очевидно, що ситуація повністю змінилася після загибелі Романа, коли почалася боротьба за його спадщину. Половці знову перенесли кочовища ближче до Дунаю і продовжили допомогу болгарам. Калоян загинув внаслідок змови половецької партії, в якій, схоже, брала активну участь і його дружина. Болгарський престол захопив його племінник Борил (1207–1218), син сестри і боярина Стрежа[21]. Щоб узаконити захоплення трону, Борил одружився з вдовою Калояна, яка йому доводилася тіткою (що було порушенням церковних правил). Половці складали основу армії Борила (у невдалій битві поблизу Пловдива 1 серпня 1208 р., де його 33-тисячне військо зазнало розгрому від мало не вдесятеро меншого війська латинського імператора Генріха I та при спробі блокади гірських проходів у 1211 р.)[22]. Від самого початку узурпатор змушений був воювати проти свого рідного брата Добормира Стрежа, який з допомогою Сербії утворив незалежне Струмо-Вардарське князівство (1208–1214) та двоюрідного брата деспота Олексія Слава, який також відірвав шматок Болгарії, спираючись на підтримку Латинської імперії[23]. Законні спадкоємці сини царя Івана I Асеня – Іван II Асень та Олександр мусили втікати з краю.

Як зазначив візантійський хроніст Георгій Акрополіт (1217–1282), царевич Іван Асень „втік у країну русів, прожив тут досить довго і, зібравши кілька руських дружин, почав добиватися батьківської спадщини"[24]. В. Т. Пашуто вважав, що болгарський царевич був у Києві[25]. Однак болгарські дослідники дотримуються думки щодо перебування царевича у Галицькому князівстві[26]. У давньоруських джерелах інформація про Івана II Асеня відсутня, але аналіз подій дозволяє стверджувати, що болгарські дослідники мають більшу рацію. Жодне інше князівство на Русі, крім Галицького, в цей період не мало зацікавлення в допомозі болгарському претендентові і не могло її надати (висилка і утримання великого контигенту в такий далекий похід вимагала значних ресурсів). Для болгарських вигнанців не було жодного сенсу навіть намагатись шукати допомоги при якомусь іншому дворі, окрім Галича.

Івану Асеню та Олександру, які не могли втекти до Сербії або до Константинополя, найпростіше було сховатися в Нижньому Подунав'ї в одному з міст, де були галицькі залоги. Втікати до половців, на яких спирався Борил, було небезпечно. Половці могли в будь-яку хвилю видати царевичів узурпатору. Київ був надто далеко і тамтешні правителі вже давно не виявляли інтересу до Нижнього Подунав'я. До того ж шлях до Києва лежав через Галич. У 1209 р. Галицьку землю повторно опанували Ігоревичі, які повели тверду політику, придушуючи боярську опозицію. Десь на початку 1210 р. у Болгарії прибічники синів Івана I Асена підняли заколот, захопивши фортецю Відин. Очевидно, на той час Іван II Асень вже міг розраховувати на військову допомогу, принайні, мав такі надії.

Борил конфліктував майже з усіма сусідами. Щоб знайти підтримку у папи (з часів Калояна, коронованого папою, болгарська церква перебувала в унії з Римом), Борил пішов на організацію собору 11 лютого 1211 р., де було засуджено єресь богомилів (близьких до альбігойців, з якими воював папа Інокентій III)[27]. Попри думку Г. Цанкової-Петкової щодо розриву унії, здійсненої Борилом[28], інші дослідники переконливо доводять протилежне, вказуючи на уніатські нововведення у болгарській церкві цього періоду[29]. Така політика дозволила Борилу вистояти і навіть перетворити поразку 1211 р. на вигідний союз з Латинською імперією.

Але самотужки здолати відинських бунтівників Борил не зміг. Лише ціною відмови від Браничева та Бєлграда на користь угорського короля Андрія II з допомогою угорських військ він здобув непокірний Відин. Угорські війська очолював ішпан Себена, який виступив з Трансільванії, „приєднавши до себе саксів, влахів, секеїв і печенігів"[30]. Збереглася грамота угорського короля Бели IV від 1 липня 1259 р., в якій відзначена хоробрість ішпана в боротьбі за Відин[31]. Ці події відносяться до 1212–1213 рр.

Схоже, що Ігоревичі таки пообіцяли болгарському царевичу допомогу у боротьбі за престол. Їм був потрібний зовнішньополітичний успіх. Але їх наступне падіння і хаос, що настав у Галицькому князівстві в зв'язку з новим спалахом боротьби за Галицьку спадщину[32], не дозволили здійснити цю допомогу. Важко сказати наскільки залежними були Ігоревичі в своїй політиці від Угорщини[33], як і боярський князь Володислав Кормильчич[34]. Принаймні активність останнього в Пониззі могла бути самостійною спробою втрутитися у болгарські події.

Під впливом проугорської партії, яка тоді домінувала серед галицької еліти, почала різко змінюватися і політика угорських королів, що самі захотіли контролювати Дунайське Пониззя. У 1211 р. король Андрій II надав у Трансільванії володіння Тевтонському Ордену, котрий після втрати Палестини животів у Венеції. Лицарі мали допомогти Угорщині взяти Пониззя під свій контроль. Межі Ордену досягали земель „*бродників*". Але від цієї ідеї угорський король швидко відмовився. Як він писав, лицарі були подібні до „*миші в торбі, змії за пазухою*" і загрожували не розширити, а скоротити кордони королівства[35].

Ситуація ще більше змінилася після Спішської угоди, коли галицький престол зайняв юний король Калман. Очевидно, Андрій II вирішив посадити на болгарський престол свого ставленика. А для початку претендент отримав допомогу від його васала – Галицького королівства. Врешті, царевичу Івану II Асеню надали реальну можливість набрати кілька руських дружин (цей факт свідчить, що військо було різноманітне і збиралося в різних місцях) і перейти болгарський кордон. Погоджуюся з думкою, що ці дружини були набрані у Нижньому Подунав'ї[36].

У 1217 р. руські дружини розгромили військо Борила, якого далі підтримували половці, і обложили його в Тирново. Облога, звичайно, тривала сім місяців, а не сім років (на цю описку у Георгія Акрополіта слушно звернув увагу В. Златарський[37]). Після здачі фортеці Борил був схоплений і осліплений. У 1218 р. Іван II Асень став царем Болгарії. Впевнившись, що Іван II Асень утвердився на батьківському престолі, угорський король Андрій II у січні 1221 р. видав за нього дочку Марію (1204–1237)[38]. Свого часу він планував видати її за галицького спадкоємця Данила Романовича, а тепер з її допомогою угорсько-болгарський союз став реальністю.

В Галичі тим часом утвердився князь Мстислав Мстиславович Удатний, який контролював Дунайське Пониззя, звідки частина його війська вирушила на Калку. Угорці, зі свого боку, розгорнули в цьому регіоні активну діяльність. Вже 1221 р. угорські домініканці проникли до половців, дійшли навіть до половецьких веж на Дніпрі, правда „нічого значного для Божої справи не досягли", деякі з них були схоплені, а двоє вбиті[39]. Але зусилля в цьому напрямку продовжувалися. 31 липня 1227 р. на прохання угорського короля папа Григорій IX призначив абата Роберта легатом „in Cumanorum et Brodnicorum provinciis"[40]. У 1228 р. Роберт з єпископами Бартоломієм (Печ) та Рейнольдом (Трансільванія) в присутності королевича Бели урочисто хрестили сина половецького хана Бортуа з його свитою[41]. Бортуа з своїм військом взяв участь у поході угорців в Галичину наступного року. Схоже, що угорці переселили його орду (на такому ж праві, як сасів і секеєїв) у Трансільванію. 21 березня 1229 р. провінціал угорських домініканців Теодоріх був призначений половецьким єпископом. Саме єпископство було підпорядковано безпосередньо папі. Резиденція єпископства була у Мілкові (при гирлі р. Мілков у Молдові). Королевич Бела прийняв титул „короля куманів"[42].

Незважаючи на те, що половецьке єпископство продовжувало діяти до початку XIV ст., успіхи його були незначними. Працьовиті проповідники створили низку пам'яток, найцікавіша з яких „Codex Cumanicus" – рукописна збірка XIII–XIV ст. (словник половецької мови, укладений латинськими проповідниками та виконані ними переклади латинських молитов і гімнів – „Alphabetum Persicum Comanicum et Latinum Anonymi scriptum Anno 1303. Die 11 Julii" на 82 аркушах, зберігся в бібліотеці собору Св. Марка у Венеції[43]). Угор-

цям не вдалося ані взяти під контроль Нижнє Подунав'я, ані підпорядкувати собі болгарського царя. Іван II Асень (1218–1241) виявився чи не найкращим правителем з династії Асенів. Він відродив могутність Болгарії і повів політику виключно в її інтересах. У 1235 р. була відновлена Болгарська патріархія з центром у Тирново. 25 травня 1236 р. за союз з Нікеєю папа відлучив Івана II Асеня від церкви, а 9 серпня 1238 р. навіть видав буллу про хрестовий похід угорського короля на Болгарію[44].

Джерела не дозволяють прослідкувати подальші взаємини Івана Асеня II з Галицьким князівством, боротьба за престол якого тривала аж до 1238 р. Але, виходячи з потужного впливу болгарської культури і книжності не тільки на Галицько-Волинські землі, але й інші терени Русі, можна припускати, що з цього періоду конфронтація змінилася на нормальні стосунки, а Нижнє Подунав'я трасформувалося з контактної візантійсько-галицької на контактну болгаро-галицьку зону[45]. Таке становище зберігалося й далі, а у другій половині XIII ст., коли і Галицько-Волинське князівство, і Болгарія опинилися в зоні впливу ординського темника Ногая, який утворив потужний улус з центром в Ісакчі на Нижньому Дунаї[46], галицько-болгарські зв'язки стали тісними, особливо в царині культурних впливів.

[1] *Мавродин, В. В.* Русские на Дунае. – В: Ученые записки ЛГУ. Сер. гум. наук. № 87. Л., 1943, с.12; *Крип'якевич, І.* Галицько-Волинське князівство. Львів, 1999, с. 55; *Войтович, Л.* Галицьке князівство на Нижньому Дунаї. – В: Галич і Галицька земля в державотворчих процесах України. Галич, 2008, 3–18.

[2] *Литаврин, Г. Г.* Русь и Византия в XII веке. – В: *Литаврин, Г. Г.* Византия и славяне. СПб., 1999, 505–506.

[3] Acta et diplomata grace medis sevi sacra et profana collecta / Ed. F. Miklosich, J. Müler. T. 5. Vindobonae, 1886, p. 375 [Кіннам, 115.18–19].

[4] *Успенський, Ф. И.* Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879, 36–37; *Шушарин, В. П.* Свидетельство письменных памятников королевства Венгрии об этническом составе населения Восточного Причерноморья пер. пол. XIII в. – История СССР, 1978, № 2, с. 43; *Литаврин, Г. Г.* Новое исследование о восстании в Паристрионе и образовании Второго Болгарского царства. – ВВ, т. 41. 1980, 109–111; *Юрасов, М. К.* Поэтический и реальный образ Ярослава Осмомисла. – В: Образование и Православие. 2006, www.tellur.ru; *Войтович, Л.* Галицьке князівство на Нижньому Дунаї, 12–17.

[5] *Литаврин, Г. Г.* Указ. соч., 109–110.

[6] *Мутафчиев, П.* Владетелите на Просенъ. С., 1913, 6–7; *Златарски, В.* Потеклото на Петра и Асеня, водачите на възстанието въ 1185 год. – В: Сп. БАН, 45, 1933, с. 427; *Ников, П.* Второ българското царство. 1186–1936. С., 1937, с. 23; *Литаврин, Г. Г.* Болгария и Византия (XI–XII вв.). С., 1987, 288–302; Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XIII вв.). СПб., 2000.

[7] *Ostrogorsky, G.* Geschichte des byzantinishen Staates. Műnchen, 1940, S. 287; *Wolff, R. L.* The Second Bulgarien Empire. Its Origin and History to 1204. – In: Speculum. Vol. 24. 1949, 167-206.

[8] *Brâtianu, G.* Rechercher sur Vicina et Cetatea Alba. Bucharest, 1943, p. 93.

[9] *Петров, П.* Въстания против Византия. С., 1960, 51–56.

[10] *Котляр, М. Ф.* Історія дипломатії Південно-Західної Русі. Київ, 2002, с. 82.

[11] *Войтович, Л.* Союз Візантії та Галицько-Волинської держави за династії Ангелів. – В: Княжа доба. Вип. 2. Львів, 2008, 30–39.

[12] ПСРЛ, т. 2, стб. 715–716.

[13] *Nicetas Choniates.* Historia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1835, 691–692.

[14] Щиро вдячний петербурзькому дослідникові проф. О. Майорову, який люб'язно дозволив ознайомитися з рукописом своєї статті на цю тему „Маловідомі грецькі джерела з історії русько-візантійських відносин початку XIII століття: текст, переклад, коментар", яка готується до друку в черговому томі „Записок НТШ".

[15] Цитата за перекладом О. Майорова з тексту його статті.

[16] *Расовский, Д.* Роль половцев в войнах Асеней с Византийской и Латинской империями в 1186–1207 гг. – В: Сп. БАН. 58, 1939, 203–211; *Павлов, П.* Куманите в българската военна история. – В: Военноисторически сборник. Кн.7. С., 1990, 14–23; Средновековна България и куманите (1186–1241). – В: Трудове на ВТУ Св.Св. Кирил и Методий. Т. 27, кн. 3. 1992, 5–59.

[17] *Златарски, В.* История на българската държава през средните векове. Т. 3. Второ българско царство. С., 1940, 92–101.

[18] *Мутафчиев, П.* История на българския народ. Т. 2. С., 1943, с. 45.

[19] *Войтович, Л., Целуйко, О.* Правлячі династії Європи. Біла Церква, 2008, с. 49.

[20] *Мутафчиев, П.* Съдбините на средневековния Дръстър. – В: *Мутафчиев, П.* Избрани произведения. Т. 2. С., 1973, с. 85; *Тъпкова-Заимова, В.* Долни Дунай – гранична зона на византийския „Запад" (Към историята на северните и североизточните български земи: краят на X–XII в.). С., 1976; Тюркские кочевники, византийская администрация и местное население на нижнем Дунае (XI–XII вв.). – В: Восточная Европа в древности и Средневековье. М., 1978, 67–73; *Божилов, И.* Гранична област на Византия. – В: Кратка история на Добруджа. Варна, 1986, 55–64.

[21] *Войтович, Л., Целуйко, О.* Вказ. праця, с. 49.

[22] *Данчева-Василева, А.* България и Латинската империя (1204–1261). С., 1985, 104–115.

[23] *Аџиевски, К.* Деспот Алексиј Слав – самостоен феудален владетел во Македонија. – В: Годишен зборник на филолозкиот факултет на Университетот во Скопје. Т. 3 (29). Скопје, 1977; *Радић, Р.* Обласни господари у Византији крајем XII и у првим деценијама XIII века. – В: Зборник радова византолошког института. Књ. 24–25. Београд, 1986, 235–245; *Hendrickx B.* Regestes des empereurs latins de Constantinople. 1204–1261/1272. Thessalonika, 1988, No 88.

[24] *Georgii Acropolitae Opera*. T.1. Rec. A. Heisenberg. Lipsiae, 1903, cap. 20, p. 33; Летопись логофета Георгия Акрополита /Пер. под ред. бакалавра И. Троицкого. – В: Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской Духовной Академии. СПб., 1863, гл. 20, 38–39.

[25] *Пашуто, В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 266.

[26] *Дуйчев, И.* Цар Иван Асен II. 1218–1241. По случай 700 г. от неговата смърт. С., 1941, 5–6; Преноси към историята на Иван Асен II. С., 1943, 152–162; *Цанкова-Петкова, Г.* България при Асеневци. С., 1978, с. 108; Културни и политически връзки и отношения на България, Киевска Русия и Византия през ранното Средновековие. – В: Руско-български връзки през вековете. С., 1986, 79–81; *Божилов, И.* Фамилията на Асеневци (1186–1460). Генеалогия и просопография. С., 1994, 37–38, 104–118.

[27] *Попруженко, М. Г.* Синодик царя Борила. С., 1928, 79–80; *Ангелов, Д.* Богомилството в България. С., 1961; *Кожухаров, С.* Неизвестен летописен разказ от времето на Иван Асен II. – В: Литературна мисъл, 1974, № 2, с. 127; *Gjuzelev, V.* Das Papstum und Bulgaren im Mittelalter (9–14 Jahrhundert). – In: Bulgarian historical Review. 1977, No 1, p. 43; *Данчева-Василева А.* България, папството и западноевропейската политика през първата половина на XIII в. – В: Из политическата история на България. С., 1985, 195–196.

[28] *Цанкова-Петкова Г.* Цит. съч., с. 92.

[29] *Петков К.* Унията между Българската църква и Рим в началото на XIII век – някои пренебрегвани аспекти. – В: Духовна култура. 1992, № 9, 25–32; Българските добавки към Синодика на цар Борил – историко-културна интерпретация. Велико Търново, 1993; *Стефанов, П.* Нов поглед към унията между българската и римската църква през XIII век. – В: Духовна култура. 1998, № 5, 343–352; *Чолова, Ц.* Българската църква и опитите за уния през Средновековието. – В: Религия и църква в България. Социални и културни измерения в православието и неговата специфика в българските земи / Ред. Г. Бакалов. С., 1999, с. 124.

[30] *Шушарин, В. И.* Укрепление феодального государства. – В: История Венгрии. Т. 1. М., 1971, с. 145.

[31] Rerum Hungaricarum Monumenta Arpadiana / Ed. St. L. Englicher. Sangalli, 1849, 489–491; Сп. БАН, 3, 1912, с.133.

[32] *Волощук, М. М.* Угорські військові кампанії у Галичину на початку XIII ст.: основні цілі та характер перебігу. – В: Християнська спадщина Галицько-Волинської держави: ціннісні орієнтири духовного поступу українського народу (присвячується 70-річчю археологічного відкриття і 850-літтю Галицького кафедрального собору). Матеріали Міжнародної ювілейної наукової конференції. Івано-Франківськ – Галич, 2006, 64–72; Угорські військові кампанії у Галичину на початку XIII ст.: основні цілі та характер перебігу. – В: Вісник національного університету „Львівська політехніка". Львів, 2006, № 571, 99–104; Обстоятельства казни в 1210 г. Игоревичей Черниговских: актуальные вопросы реконструкции русско-венгерских отношений начала XIII в. – В: Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. СПб., 2007, № 1/2, 105–112.

[33] *Волощук, М. М.* Проблема васальної (?) підлеглості князів Ігоревичів чернігівських від угорського короля Ендре II: джерела, історіографія, коротка постановка проблеми. – В: Український історичний збірник. Вип.11. К., 2008, 18–25.

[34] *Майоров, А. В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001, 408–410; *Петрик, А.* До історії боярських родин Кормильчичів, Доброславичів та Дядьковичів. – В: Дрогобицький краєзнавчий збірник. Вип. 5. Дрогобич, 2001, 29–45; Вказ. праця, вип. 6. Дрогобич, 2002, 105–117; Угорська партія в контексті політичного розвитку Галицько-Волинської держави. – В: Дрогобицький краєзнавчий збірник. Вип. 9. Дрогобич, 2005, 181–193; *Мазур, О.* Володислав Кормильчич: Шлях до княжого столу. – В: Дрогобицький краєзнавчий збірник. Вип. 6. Дрогобич, 2002, 118–129; *Драбчук, І.* Три портрети найвпливовіших представників галицької знаті кінця XII – початку XIII ст. – В: Галич і Галицька земля в державотворчих процесах України. Матеріали Міжнародної наукової конференції. Галич, 10–11 жовтня 2008

року. Галич, 2008, 135–148; *Волощук, М. М.* Володислав Кормильчич: угорське перебування 1214–1232 рр. – В: Тези Міжнародної наукової конференції „Східноєвропейські старожитності в добу середньовіччя“, присвяченої 90-річчю з дня народження видатного вітчизняного археолога Б. О. Тимощука, Чернівці, 10–11 квітня 2009 р. Чернівці: Зелена Буковина, 2009, 20–21; „Вокняжѣние“ галицьке Володислава Кормильчича (1210–1214 рр., з перервами): міфи і реальність. – В: Acta Posoniensia. Bratislava: Filozofická fakulta Univerzity Komenského v Bratislave, katedra Všeobecných dejín, 2009. V.10 (K životnému jubileu Zuzany Ševčikovej), 99–113.

[35] *Gaspar, E.* Hermann von Salza und die Gründung des Deutschordenstaats in Preussen. Tübingen, 1924, S. 6.

[36] *Котляр, М. Ф.* Русь на Дунаї. – Український історичний журнал. 1966, № 9, 19–20; *Павлов, П.* Древноруските бродници в българската история. – В: Сборник българо-украински връзки през вековете. С., 1983, с. 119; *Головко, О. Б.* Корона Данила Галицького. Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя. К., 2006, 162–163.

[37] *Златарски, В.* Цит. съч., 587–588.

[38] *Войтович, Л., Целуйко, О.* Вказ. праця, с. 49.

[39] *Пашуто, В. Т.* Указ. соч., с. 266.

[40] *Шушарин, В. П.* Свидетельства письменных источников Королевства Венгрии об этническом составе населения Восточного Прикарпатья первой половины XIII в. – История СССР, 1978, № 2, 39–44.

[41] *Пашуто, В. Т.* Указ. соч., с. 269.

[42] Там же, с. 270.

[43] Venezia. Biblioteca Nazionale di San Marco. Fondo antico. Collocazione 1597. Codex DXLIX. No 549; *Codex Cumanicus*: Половецкие молитвы, гимны и загадки XIII–XIV веков / Подг. А. Н. Гаркавец. М., 2006.

[44] *Пашуто, В. Т.* Указ. соч., 266–267.

[45] *Соболевський, А. И.* Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV вв. СПб., 1894; *Лук'яненко, А. М.* Культурно-историческая роль Болгарии в судьбах славянства вообще, России – в частности. К., 1913; *Данькевич, І.* Покрайні записи на підкарпатських церковних книгах. – В: Науковий зборник тов. „Просвіта“ в Ужгороді. Т. 6. Ужгород, 1929, 29–198; *Снегаров, И.* Духовно-културни връзки между България и Русия през средните векове (X–XV в.). С., 1950; *Мошижн, В.* К истории взаимоотношений русской и южнославянской письменности. – Славяне, 1958, № 1, 40–42; *Атанасов, П.* З минулого болгаро-українських зв'язків. –Український історичний журнал, 1960, № 4, 65–73; *Мишанич, С. В.* Порівняльне вивчення епосу українського та південнослов'янських народів. – Народна творчість та етнографія, 1974, № 4, 24–37; *Степовик, Д. В.* Українсько-болгарські мистецькі зв'язки. К., 1975; *Ангелов, Б.* Проникване на старобългарски съчинения в старата руска литература. – Старобългарска литература, 1977, кн. 2, 20–45; Из историята на руско-българските литературни връзки. С., 1980; Старобългарско книжновно наследство. С., 1983; *Тодоров, Н.* Славянские культуры и Балканы. – В: Славянские культуры и Балканы. Т. 1. 1978, 11–18; *Нешев, Г.* Културни прояви на българския народ X–XVIII век. С., 1978; *Тъпкова-Заимова, В.* Търново между Ерусалим, Рим и Царград (Идеята за престолен град). – В: Търновска книжовна школа. Т. 4. 1985, 249–261; *Полывянний, Д. И.* Тырновград глазами средневекового современника, 262–269; *Гюзелев, В.* Училища, скриптории, библиотеки и знания в България XIII–XIV век. С., 1985; *Димитров, Б.* Българите – цивилизатори на славянския свят. С., 1993; *Мавродинова, Л. Н.* Стенната живопис в България до края на XIV в. С., 1995; *Александрович, В.* Українське малярство XIII–XV ст. Львів, 1995; *Василевски, Т.* Политическата и културната роля на българите във Великото княжество Литва през XIV–XV век. – В: *Василевски, Т.* Българите и Византия IX–XV век. С., 1997, 178–191; *Шпик, І.* Болгарсько-українські книжково-літературні зв'язки та взаємовпливи (остання чверть XIV – перша половина XVI ст.). – В: Записки Львівської наукової бібліотеки ім. В. Стефаника НАН України. Вип. 14. Львів, 2006, 3–36.

[46] *Войтович, Л.* Улус Ногая і Галицько-Волинське князівство. – В: Україна – Монголія: 800 років у контексті історії. К., 2008, 71–78.

УДК 94(100)«03/06»:334.712-033.6

О КЕРАМИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЯХ КАК РЕМЕСЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ И ЕЕ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ В ВИЗАНТИИ IV–IX вв.

Е. С. Сорочан

Сорочан К. С. **Про керамічні вироби як ремісничу продукцію та їх спеціалізацію у Візантії IV–IX ст.**

Стаття присвячена питанню продукції ромейських гончарів як предмета ремесла і торгівлі Візантії, що була, як і античний греко-римський світ, „цивілізацією кераміки“. Розглядається будівельна кераміка, домашня і торгівельна тара для зберігання і перевезення продуктів харчування, кухонна кераміка в усьому своєму різномаїтті і часовому розвитку, включаючи поширення з VIII ст. столової кераміки з високоякісної каолінової глини, покритої поливою-глазур'ю, і появи на початку IX ст. монохромної поливної кераміки зі штампами. Встановлені термінологічні позначення візантійських професіоналів-гончарів (pelourgias, kerameus, kerameutes, keramoplastes та ін.), а також відсутність вузької спеціалізації в цій галузі економіки. Доведена передчасність висновку про занепад візантійського гончарного ремесла в „темні віки“.

Ключові слова: Візантія, ремесло, торгівля, керамічні вироби, спеціалізація.

Сорочан Е. С. **О керамических изделиях как ремесленной продукции и их специализации в Византии IV–IX вв.**

Статья посвящена вопросу продукции ромейских гончаров как предмета ремесла и торговли Византии, являвшейся, как и античный греко-римский мир, „цивилизацией керамики“. Рассматривается строительная керамика, домашняя и торговая тара для хранения и перевозки продуктов питания, кухонная керамика во всем своем многообразии и временном развитии, включая распространение с VIII в. столовой керамики из высококачественной каолиновой глины, покрытой поливой-глазурью, и появления к началу IX в. монохромной поливной керамики со штампами. Установлены терминологические обозначения византийских профессионалов-гончаров (pelourgias, kerameus, kerameutes, keramoplastes и др.), а также отсутствие узкой специализации в этой области. Доказана преждевременность вывода об упадке византийского гончарного ремесла в „темные века“.

Ключевые слова: Византия, ремесло, торговля, керамические изделия, специализация.

Sorochan K. **About the pottery as craft production and its specialization in Byzantine IV-IX centuries.**

The article is devoted to the production of potters as an object of craft and trade in Byzantium, which was as a Greco-Roman world "civilization ceramics". In this case, building ceramics, home and commercial containers for storage and transport of food, kitchen ceramics in all its diversity and temporal development, including dissemination to the VIII century, are considered, including the dissemination table-ware ceramics of high quality kaolin clay, covered with poliva-glaze, and the emergence of the beginning of IX century monochrome glazed ceramics with cliches. The terminology

© Е. С. Сорочан, 2012

of Byzantine notation professionals potters (pelourgias, kerameus, kerameutes, keramoplastes, etc.) was established, as well as the absence of narrow specialization in this field. Prematurely of conclusion about the decline of Byzantine pottery in the "Dark Ages" has been proved.

Keywords: Byzantine Empire, the craft, trade, pottery, specialization.

Византия периода своего становления и расцвета как средневекового государства немыслима без понимания ее экономики, структуры хозяйства, социальных отношений, с этим связанных, движения товаров, системы номенклатуры, организации, специализации рынка, механизмов его функционирования. Наиболее динамичным элементом и общества, и экономики Византийской империи являлась торговля, движение товаров, охватывавшее не только территорию Европы, но и Азию с Африкой. Это особенно актуально для переходного периода, когда на смену позднеантичному обществу шли новые отношения средневекового мира с иными параметрами организации, но, вместе с тем, влиянием прежнего наследия. С этим временем был связан мир византийского ремесленника, промысловика, торговца, купца, который представляет особый простор для исследования, поскольку только сейчас начинает специально изучаться пока еще очень немногочисленными учёными, причем далекими от обобщений. В мире ромейского купца, торговца, ремесленника, предпринимателя, промысловика, моряка, любого из тех, кто продавал свои услуги и труд, как нигде, наиболее ярко отразилась повседневная жизнь Романии с ее трудами и буднями, что позволяет лучше понять и эту сторону жизни величайшей империи средневековья в классический период ее складывания и расцвета.

Одним же из самых многочисленных и обиходных предметов ромейской торговли во все века была разнообразная продукция гончаров, лучше других представленная в материалах раскопок. Однако, достаточно полно представляя ее номенклатуру, ассортимент, трудно понять степень специализации этого вида ремесла, тем более как вида торговли, особенно его положения после VI в., в так называемые „темные века". При сравнительном обилии работ о керамических материалах Византии, этот аспект исследования выпадал из внимания исследователей, почти не касавшихся его. В связи с этим есть необходимость попытаться решить эти задачи, а для этого еще раз представить основной ряд византийских керамических изделий, которые выступали как потенциальные товары, и попытаться определить, кем и как развивалась торговля ими в течение IV–IX столетий.

Значительную часть византийской гончарной продукции составляла строительная керамика прежних, унаследованных от римской эпохи видов – крупные прямоугольные керамиды-черепицы, прямоугольный и квадратный плоский кирпич (plinthos), кирпич-bessalon (laterculis bessalis), или sykotion определенного размера, полукруглые калиптеры для перекрытия черепичных стыков на кровле, водопроводные трубы, которые изготовлялись главным образом на заказ, но тоже поступали на рынок продажных вещей, так как периодически требовался мелкий, текущий ремонт, небольшие пристройки или перестройки[1].

Еще более массовой группой товаров, судя по количеству находок во время раскопок жилых усадеб городов и поселений, была домашняя и торговая тара для хранения и перевозки зерна, муки, вина, масла, соленой рыбы и других продуктов. Редкое хозяйство могло обойтись без крупных, высотой около 1,5–2 м пифосов (pithos, pithekos, pithex), (случалось, их сдавали в аренду), винных бочек (mangana, vagna) и небольших пифосов (pithekion)[2]. Количество типов амфор несколько сократилось в VIII–XI вв., как это видно на основании многих привозных материалов византийской Таврики, но выпускавшаяся в это время амфорная тара продолжала отличаться ярко выраженной стандартизованностью, а ко второй половине IX в. в обращение вступили массовые грушевидные желобчатые сосуды и плоскодонные кувшины с одной-двумя, редко тремя плоскими ручками, вытянутым горлом-раструбом, покрытые изнутри для водонепроницаемости черным смолистым веществом[3]. Последние особенно прочно завоевали северопричерноморский рынок. Вообще примечательно, что

в средневековом Херсоне 38 классов амфор из выделенных 53 приходится на конец VI – начало X вв[4].

Византийские амфоры служили в качестве тары во внешней торговле, поступая за пределы империи, на территорию Галлии, Италии, Причерноморья, Хазарии, Поднепровья[5]. Очевидно, для перевозок были предназначены фляги-баклаги с одним плоским и другим выпуклым боком, какие встречаются при раскопках Херсона: подобные фляги в массовом количестве делали в крупних гончарных мастерских сельской Таврики в VIII–IX вв., а Феодор Студит писал о них, как о продукции монастырских эргастириев[6]. Находки их простираются вплоть до салтово-маяцких поселений Кубани, где местные гончары, вероятно, побуждаемые спросом, тоже пытались изготовлять похожие сосуды[7].

На внутренний рынок было рассчитано массовое производство кухонной керамики – горшков, кастрюль, мисок, кувшинов, ойнохой VI–IX вв., определенных, сравнительно стандартных форм, какие частью не исчезли и позже, до первой половины XI в[8]. На заказ делали разве что жаровники-сковороды вроде „тиганонов“, на которых мелкие торговцы готовили на продажу рыбу и другую горячую снедь[9].

И богатые, и бедные дома в городе и деревне нуждались в покупке столовой посуды, которая в основной массе была глиняной. Византия, как и античный греко-римский мир, была „цивилизацией керамики“[10]. Источники называют сосуды вообще (skeyn)[11], чашки или миски (skaphidia)[12], а иногда более конкретные предметы: горшки (chytra)[13], кубки (kaukos)[14], тарелки (patellikin)[15], узкогорлые „бутылки“ для вина (phlaskion)[16], чашки и блюда (kaukopinakia)[17].

Среди такой керамики попадались и привозные товары из различных центров империи, что подтверждает один из эдиктов Юстиниана I[18]. В VI–VII вв. гончары еще продолжали делать продукцию в соответствии с прежними, унаследованными от античности формами и техническими приемами, изредка орнаментируя некоторые сосуды рельефным декором, изображениями[19]. До второй четверти VII в. краснолаковые чаши, тарелки, блюда, чашковидные миски, мортарии в большом количестве выпускали мастерские Карфагена, Типасы, Александрии, других центров Египта, провинций Африки и Мавритании, Крита, Греции, снабжая ими самые отдаленные районы империи[20].

В Малой Азии, в районе Фокеи, находился один из самых крупных центров производства краснолаковой столовой посуды, преимущественно мисок, частью отмеченных внутри на дне штемпелями в виде креста, фигурок животных, рыб, святых, императоров, который до 60–70-х гг. VII в. широко экспортировал свои изделия[21]. Тогда же в продажу поступали аккуратно сделанные миски с залощенной поверхностью светло-коричневого цвета, какие известны по раскопкам Херсона в Таврике[22]. Однако считается, что наступивший вскоре упадок затронул даже гончарное ремесло столицы. В VII в. качество константинопольской керамики стало иным и, в целом, ухудшилось[23]. Был ли это локальный кризис или отражение закономерных общих процессов, связанных с поиском ремесленниками стандартных, упрощенных форм и новых технологий? Во всяком случае, представление об исключительно посредственном качестве керамики, выпускавшейся в „темные века“, в последнее время оказалось поколеблено. Находки столовой посуды различных типов, расписанной растительными, животными и геометрическими мотивами, нанесенными красно-коричневой краской по светло-коричневому, бежевому ангобу, показывают, что ее тщательно изготовляли из хорошо отмоченной глины не только в Константинополе VII–VIII вв., но и в других балканских городах (Новом Анхиале, Деметриаде, Фессалонике, Аргосе), каких-то анонимных центрах Средней Греции, а также на Крите и в Дельфах, а возможно на малоазийском, черноморском побережьях[24]. Критские мастерские, раскопанные итальянскими археологами в Гортинии, функционировали в течение двух этапов, охватывавших конец VI – конец VII вв. и конец VII – середину VIII вв., а их материалы, по выражению Н. Паулу-Пападимитриу, „заставляют изумляться“ и делать заключение о том, что керамическая продукция этого периода „ …была мало изучена и, следовательно, малоизвестна“[25].

Это же подтверждают результаты раскопок последних десятилетий в византийском Херсоне, давшие большой ассортимент глиняной посуды VIII–IX вв. – большие горшковидные „кастрюли“, кувшины, ойнохои с росписью белым ангобом или врезным орнаментом[26]. Особенно показательны раскопки засыпи большого городского водохранилища (castellum aquae), которые позволили обнаружить не только комплексы столовой и кухонной посуды VIII – начала IX вв., но и более оригинальные глиняные изделия, например, цилиндрическую курильщицу с крестовидными прорезями или фигурный сосуд с носиком-сливом в виде головы лошади[27]. В целом, городское керамическое производство было представлено массовыми, стандартизованными вещами, что говорит о его товарной направленности и ориентировке на максимально полное удовлетворение насущных потребностей внутреннего рынка. Поэтому в керамике из Херсона явно доминировала продукция местного производства, необходимая для повседневной жизни[28].

Сходный подбор находок VIII–IX вв. демонстрирует эмпорий на месте южнокрымского Партенита. В ассортименте его бытовой керамики присутствовали главным образом шаровидные горшки с гладким или мелкорифленым корпусом, кувшины, ойнохои, иногда с отверстием в ручке для подвешивания, небольшие тонкостенные кувшинчики, кубки, украшенные орнаментом белой или красной красками, миски, крышки[29]. Единичные находки лепных сосудов указывают на преобладание широкого товарного производства керамики в гончарных эргастириях.

С VIII в. массовыми предметами торговли, в том числе внешней, стала пришедшая на смену парадной металлической посуде изящная столовая керамика из высококачественной белой (каолиновой) глины (позже светло-розовой), покрытая блестящей свинцовой, прозрачной, преимущественно светло-желтой или зеленоватой поливой-глазурью, частью украшенная вертикальными вмятинами, штампованным рельефным орнаментом. Находки, полученные во время раскопок комплексов константинопольского района Сарафаны, подтвердили некоторые прежние наблюдения и позволили их уточнить. Так, один из ранних вариантов тонкостенных поливных белоглиняных мисок на высоком с прорезями поддоне с отогнутым наружу венчиком оказался обнаружен вместе с монетами 668–685 гг. в слое стадии I Большого дворца[30]. Подобные миски встречаются и в более позднее время, в VIII в., в комплексе 32 квартала Сарачаны и в комплексе 35 конца VIII – начала IX в.[31]. В другом константинопольском комплексе 33, относящемся ко второй половине VIII в., известны белоглиняные поливные монохромные миски, профилированные тремя валиками[32]. К началу IX в. уже появилась монохромная поливная керамика со штампами типа Dishes 1 по Дж. Хэйсу[33]. Поливные монохромные белоглиняные миски на высоком с прорезями поддоне получили продолжение в находках слоя стадии II 7 Большого дворца вместе с монетами Льва V Армянина (813–820)[34]. Таким образом, ранняя поливная керамика зафиксирована в Константинополе без каких-либо лакун в слоях так называемой раннеисаврийской стадии с монетами от Фоки (602–610) до Константина IV (668–685); позднеисаврийской – с монетами Юстиниана II (685–695, 705–711), Константина V (741–775), Льва IV (775–780), Льва V (813–820); раннемакедонской – с монетами Никифора I (802–811), Льва V (813–820), Феофила (829–842), Василия I (867–886). Мало того, раскопки в Югославии позволили установить существование византийской глазурованной керамики в период между V и VIII вв[35].

Со временем разнообразие ее форм росло. Наряду с крупными чашами, блюдами, вазами на высоком поддоне, кувшинами, курильщицами, можно было приобрести небольшие тонкостенные кубки, чашечки, миски, произведенные главным образом в Константинополе, а также, возможно, в Коринфе, Афинах и некоторых других ремесленных центрах запада и севера Малой Азии[36]. Во всяком случае, богатые залежи каолиновой глины существовали около Никеи и Никомидии в Вифинии[37]. Оттуда гончарная продукция поступала на вывоз в другие районы империи. К примеру, в Таврике, судя по количеству находок белоглиняной поливной керамики VIII–X вв., ее приобретали главным образом в Херсоне, Бакле, Партените, Сугдее и Боспоре, а затем перепродавали на другие крупные поселения и

кастра Крымского полуострова (Эски-Кермен, Мангуп, Алустон, Гурзуф, Симеиз, Верхняя Ореанда)[38]. Деревня, провинциальная „глубинка“ знает таких находок значительно меньше.

Круг гончарных изделий пополняли также амфориски (унгвентарии) – маленькие керамические сосуды для перевозки и хранения святой воды и масла, крупные центры производства которых существовали на западе Малой Азии и в Палестине в V – первой половине VII вв.; керамические пряслица (в том числе VIII–IX вв.); игрушки, изображавшие животных, куклы[39]. Ныне становится все более ясным, что даже в „темные века“ византийская керамика не являла пример деградации и упадка, постоянно оставаясь одним из ведущих предметов рынка продажных вещей[40].

Гончарное производство, наряду с текстильным, носило первостепенный характер, так как изделия этих ремесел относились к предметам первой необходимости. Оно нуждалось в специалистах, зарабатывавших своим профессиональным трудом, хотя случалось, что „конницы и блюда“ как свое „рукоделие“ отдавали на продажу умельцы даже из числа монахов-отшельников[41]. Ремесло же (phournou keramikou) олицетворяли гончары-пилурги, керамевсы, керамевты, керамопласты, хлувокерамевсы (pelourgias, kerameus, kerameutes, keramoplastes, chloubokerameus), работавшие в специализированных эргастириях – керамионах (kerameion)[42]. Греческие папирусы VIII в. из Египта указывают на профессиональные объединения таких керамевсов, а массовость и стандартизованность выпускавшейся продукции – на товарную направленность самого ремесла, рассчитанного на выпуск удешевленных изделий[43].

К строительным специальностям относились изготовители кирпичей и черепицы, которые в ранневизантийских папирусах чаще всего назывались плинфевтами, реже плинфургами и плинфопоями (plintheutes, plinthourgos, plinthopoios)[44]. Житие Симеона Стилита (521–592) сообщает о таком мастере-кирпичнике, который жил недалеко от монастыря Св. Симеона, в окрестностях Антиохии, где его продукция всегда находила спрос[45]. Леонтий в начале VII в. и Феофилакт Симокатта тоже писали о плинфевсах (plintheusis), занятых своим делом (plinthopoiia, plinthourgia)[46]. О плингфарии (plintharios), трудившемся в плинфарионе (plintharion), рассказывал Дорофей (конец VI – начало VII вв.)[47]. Очевидно артельщиков-гончаров этой специальности вызвали по повелению Константина V из Фракии и Греции в Константинополь, когда началось восстановление столичного водопровода[48].

В некоторых провинциальных городах могло быть по несколько черепичных мастерских, примером чему служит Херсон IX–X вв., „плинфарионы“ которого отмечали партии своей продукцию особыми рельефными знаками – отдельными буквами, монограммами или условными метками[49]. Находка подобных, но иных меток на черепицах за пределами Херсона „…говорит о наличии в VIII–IX вв. местного производства строительной керамики в Таврике как следствия интенсивно развивавшегося строительства в те времена“[50]. В частности, раннесредневековые черепицеобжигательные печи были открыты в Батилимане и урочище Чабан-Таш, где находились мастерские, обслуживавшие поселения Ласпинской котловины Крыма[51].

О сравнительно строгой специализации даже среди сельских гончаров IX в. свидетельствуют раскопки крупного гончарного комплекса в Канадской балке (урочище Пашалы) недалеко от трассы Алушта – Судак, где на площади 60 х 130 м зафиксировано пять гончарных печей, занятых главным образом обжигом пифосов, тогда как на побережье, в трех километрах от них, известен такой же мощный центр производства амфор причерноморского типа[52]. Примечательно, что в Студийском монастыре трудились не только гончары, но и специалисты – фляжники[53]. На товарное производство тарной керамики, амфор, иногда фляг было сосредоточено главное внимание гончаров VIII–IX вв., обосновавшихся со своими мастерскими в районе Трудолюбовки (к северу от Бахчисарая), на холме Чабан-Куле (западнее с. Морское), в Батилимане, Мисхоре и трех десятках других мест юго-западного и южного Крыма, хотя в печах близ Трудолюбовки, числом более 15, вероятно, делали и черепицу[54]. Только амфоры с бороздчатым туловом и большие тарные сосуды выпускал в IX в. эргастирий на берегу Песочной бухты у западной линии оборонительных стен Херсона[55].

Греческие папирусы VI–VIII вв. из Египта называют и иные специальности: горшечник (kythroplastes) и одновременно торговец горшками (kuthropoles)[56]; кувшинщик (kouphokerameus, kouphokeramourgos), владелец мастерской по изготовлению кувшинов (kouphokerameion, kouphokeramourgeion)[57]; изготовитель столовой посуды или другой бытовой керамики малых форм (leptokerameus)[58]. В данном случае разность терминологии – свидетельство специализации этих ремесленников[59].

При всем том гончарные эргастирии не обязательно соблюдали дробную и последовательную специализацию производства и торговли. Наряду с теми, кто занимался преимущественно выпуском черепицы или тары были мастера, которые переключились с изготовления амфор на столовые кувшины и горшочки или кухонные горшки, как это видно на примере материала, извлеченного из печи IX в., расположенной в районе Радиогорки, на противоположном Херсону северном берегу Севастопольской бухты[60]. Поворот в сторону узкой специализации в гончарном деле не случился и позже. Среди материалов XII–XIV вв. из Херсона встречаются метки, по всей вероятности, одного и того же керамевса (ГЕОРГІОС), ставившего их и на черепицах, и на ручках амфор его же производства[61]. Поэтому можно говорить об одновременном, параллельном существовании как узкоспециализированных мастерских (главным образом, рассчитанных на производство строительной керамики и тары), так и тех, где совмещали изготовление амфор со столовой и кухонной посудой. Точно также глиняную посуду могли продавать сам гончар, гончарная артель в целом или перепродавец-посредник, например, пантопон, профессиональный торговец продовольствием и хозяйственными товарами широкого потребления[38]. Ясно, что большие партии черепицы, плинты, тары готовились преимущественно на индивидуальный заказ и реализовывались самим производителем. Посуда и другие керамические мелочи были больше рассчитаны на широкий рынок сбыта и как товар не имели такой жесткой увязки с ремесленником-изготовителем.

Таким образом, гончарное ремесло „темных веков“, а точнее после VII в., было по преимуществу стандартизировано, рассчитано на массовое производство, главным образом на внутренний рынок, и делать вывод о его значительном количественном и качественном упадке преждевременно. Оно не было узкоспециализировано и совмещало как ремесленную деятельность с торговлей готовой продукцией, так и перепродажу изготовленного через торговца-посредника. К примеру, расхожими гончарными изделиями торговали даже салдамарии (бакалейщики).

[1] *Dorothei scripta quae supersunt* – В: Patrologiae cursus completus. Patrologiae graeca / [Ed. J.-P. Migne], 1860, т. 88, col. 1769 B; Theophylacti Simocattae Historiae / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887, p. 235. 11; *Продолжатель Феофана*. Жизнеописания византийских царей / Изд. подг. Я. Н. Любарский. СПб., 1992, с. 56; III. 28; *Constantini Porphyrogeniti* imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae libri duo graece et latine, e rec. Io. Iac. Reiskii. Bonnae, 1829, vol. 1, p. 466. 6; *Geoponica* sive Cassiani Bassi scholastici De re rustica eclogae / Rec. H. Beckh. Lipsiae, 1895, XII. 5. 2–3; *Sophocles E. A.* Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (From BC 146 to AD 1100). New York, 1893, vol. 1, p. 307; *История Византии*. М., 1967, с.113; *Романчук, А. И.* Раннесредневековая строительная керамика Херсонеса. – ВВ, 1976, т. 37, 156–159; *Паршина, Е. А.* Торжище в Партенитах. – В: Византийская Таврика. К., 1991, 70–73, рис. 4; *Сорочан, С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005, ч. 1–2, 238–239, 442, 1136–1137, рис. 60, 61, 129, 450; *Theochariodou, K.* Symbole ste melete tes paragoges sta byzantina kai metabyzantina chronia. – B: Deltion tes christ. archaiol. etaireias. (1985–1986). 1988, D. 13, 97–111.

[2] *Gregorii Theologi* vulgo Nazianzeni, archiepiscopi Constantinopolitani Opera quqe exsatant omnia – B: Patrologiae cursus completus. Patrologiae graeca / [Ed. J.-P. Migne]. 1886, т. 37, col. 1057 A; Genesius ex rec. C. Lachmanni. Bonnae, 1834, p. 21. 4; Suidae Lexicon / Rec. Im. Bekkerus. Berolini, 1854, S.v. (mangana); *Якобсон, А. Л.* Раннесредневековые поселения Юго-Западной Таврии. – В: Материалы и исследования по археологии СССР. 1970, № 168, с. 45, 46, рис. 11–14; *Паршина Е. А.* Указ. соч., 74–79, рис. 5–6.

[3] *Якобсон, А. Л.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья. – Советская археология. 1951, т. 15, с. 336, рис. 6, 7; Раннесредневековый Херсонес. – В: Материалы и исследования по археологии СССР. 1959, № 63, с. 307, рис. 160, 1, 3; с. 310, рис.163; *Паршина, Е. А.* Средневековая керамика южной Таврики. – В: Феодальная Таврика. К., 1974 с. 64, рис. 8, 5; *Романчук, А. И.* Херсонес в VI –

первой половины IX вв. Свердловск, 1976, с. 28; *Якобсон, А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979, с. 33, рис. 14, 4; 73–74; *Сазанов, А. В.* Амфорный комплекс первой четверти VII в. н. э. из северо-восточного района Херсонеса. – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1991, вып. 2, 60–72; *Паршина, Е. А.* Торжище в Партенитах.., 74–79; *Сазанов, А. В.* К хронологии цитадели Бакинского городища IX–XI вв. – В: Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994, 43–45; *Чангова, Й.* Средневековни амфори в България. – В: Известия на Българския археологически институт. С., 1959, т. 22, 243–260.

[4] См.: *Романчук, А. И., Сазанов, А. В., Седикова, Л. В.* Амфоры из комплексов византийского Херсона (Средневековый Херсон: история, стратиграфия, находки. Ч. 2). Екатеринбург, 1995, 6–61.

[5] *Banifay, M., Villedicu, F.* Importations d`amphores orientales en Gaule (V–VII siecles). – Bulletin de correspondence hellenique. 1989, suppl. 18, 17–46; *Arthur, P.* Aspects of Byzantine Economy: An Evolution of Amphora Evidence from Italy. – Bulletin de correspondence hellenique. 1989, suppl. 18, 79–91; *Воронов, Ю. Н.* Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979, с. 100; *Плетнева, С. А.* Керамика Саркела – Белой Вежи. – В: Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1959, № 75, 212–272; *Брайчевські, А. Т.* Деякі археологічні дані про торгівлю древніх слав`ян з кримськими містами. – Археологія, 1957, т. 10, 111–121.

[6] *Липшиц, Е. Э.* К вопросу о городе в Византии в VIII–IX вв., с. 122; *Фронджуло, М. А.* О раннесредневековом ремесленном производстве в Юго-Восточном Крыму. – В: Археологические исследования средневекового Крыма. К., 1968, 133–151; *Паршина, Е. А.* Средневековая керамика.., 56–93; *Якобсон, А. Л.* Гончарные центры VIII–IX вв. в Таврике. – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР, 1977, вып. 150, 42–48; Керамика и керамическое производство..., 38–39; *Сорочан, С. Б.* Указ. соч., 454–455, 464–466, 470–472, рис. 141, 145.

[7] *Тарабанов, В. А.* Поселения болгар на правобережьи Кубани. – В: Древности Кубани и Черноморья (Studia Pontocavcasica. 1). Краснодар, 1993, с. 121, рис. 9, 2.

[8] Ср.: *Романчук, А. И.* Херсонес VI – первой половины IX вв..., 23–25, рис. 2–4, 29–30; *Сазанов, А. В.* Указ. соч., 47–48.

[9] *Лопарев, Хр.* Греческие жития святых VIII и IX веков. Ч.1: Современные жития. Пг., 1914, с. 144.

[10] *Поляковская, М. А., Чекалова, А. А.* Византия: быт и нравы. Свердловск, 1989, с. 126; Культура Византии. М., 1989, с. 577.

[11] *Морской закон.* – В: Античная древность и средние века. 1969, вып. 6. III. 9; Житие иже во святых отца нашего Феодора Едесского / Изд. И. Помяловского. – Записки СПб. ун-та. Историко-филологический факультет. СПб., 1892, с. 18.

[12] *Византийская книга Эпарха* / Вступ. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. М., 1962. XIII. 1.

[13] *Фихман, И. Ф.* Египет на рубеже двух эпох: Ремесленники и ремесленный труд в IV – середине VII вв. М., 1965, с. 30, прим. 146.

[14] *Theophanis Chronographia* ex rec I. Classeni. Bonnae, 1839, vol. 1, p. 457. 20.

[15] *Simon Palmer J.* Materielle Kultur im Pratum Spirituale vom Johannes Moschus. – В: XVIII Международный конгресс византинистов. Резюме сообщений. М., 1991, т. 2, с. 1068.

[16] *Beati Ioannis Eucratae* liber qui inscribitur Pratum quod floridaam proferat vitarum narrationem coelestis roseti // Patrologiae cursus completus. Patrologiae graeca / [Ed. J.-P. Migne]. Turnholti, 1976, т. 87, col. 3029 D.

[17] *Constantini Porphyrogeniti* Op.cit., p. 464. 15.

[18] *Corpus juris civilis*. Berolini, 1904, Vol.3: Novellae, Ed. Just. XIII. 15.

[19] Ср.: *Каковкин, А.* Образец коптской керамики. – В: Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1983, т. 48, с. 40.

[20] *Kübler, K.* Mitteilungen dem Kerameikos, V: Spätantike Stempelkeramik. – В: Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Institute – Athenische Abteilung, 1931, Bd. 56, 75–86; *Waage, F. O.* The Roman and Byzantine Pottery. – Hesperia, 1933, vol. 2, 279-328, pl. 8-10; *Jodin, A., Ponsich, M.* La ceramique estampee du Maroc romaine. – Billetin d`archeologie Marocaine. Rabat-Hellam, 1960. T. 4, 287–318; 1967, т. 7, 499–549; *Hayes, J. W.* Late Roman Pottery. London, 1972; Handbook of Mediterranean Roman Pottery. London, 1997, 11-27, 37-84; *Opait, A.* Einige Betrachtungen zur spätrömischen Keramik mit rotem Überzug. – In: Dacia, 1985, Bd. 29, No 1–2, S. 159; *Кадеев, В. И., Сорочан, С. Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н. э. Харьков, 1989, 65–76, рис. 29, 33–35; *Сазанов, А. В.* Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени (хронология некоторых типов). – В: Проблемы исследования античных городов. Тезисы. М., 1989, 103–104; Краснолаковая керамика Северного Причерноморья... – В: Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. (1994) 1995, вып. 4, 406–418, 420–433.

[21] *Сазанов, А. В.* Краснолаковая керамика Северного Причерноморья... – В: Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Тези доповідей XX республіканської конференції. Одеса, жовтень 1989 р. К., 1989, 196–197; *Романчук А. И., Сазанов А. В.* Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Средневековый Херсон: история, стратиграфия, находки. Ч. 1. Свердловск, 1991.

[22] *Романчук, А. И., Седикова, Л. В.* „Темные века“ и Херсон: проблемы репрезентативности источников. – В: Византийская Таврика. К., 1991, с. 35 сл.

[23] См.: *Stevenson, R.B.K.* The Pottery, 1936-1937. – В: The Great Palace of the Byzantine Emperors. The First Report 1935-1938. London- Oxford, 1947, 33-35.

[24] *Paolou-Papadimitriou, N.* Nouvelles remarkques concernant la ceramique a peinture rouge sur engobe blanc date de la fin du VIe au milieu du VIIIe siecles. – В: Тезисы международной конференции „Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.)“. 21–27 сент. 1994 г. Симферополь, 1994, 101–102.

[25] *Paolou-Papadimitriou, N.* Op. cit., p. 101.

[26] *Романчук, А. И.* Херсонес VI – первой половины IX вв... с. 27; *Романчук, А. И., Седикова, Л. В.* Указ. соч., 35–41, рис. 1–7.

[27] *Византийский Херсон*. Каталог выставки / Отв. ред. И. С. Чичуров. М., 1991, № 76, 79; *Седикова, Л.* Раскопки водохранилища в Херсонесе. – В: Археологические исследования в Крыму. 1993 год. Симферополь, 1994, 238–240.

[28] См.: *Седикова, Л. В.* Византийский керамический импорт в Херсонесе в IX в. – В: Международная конференция „Византия и Крым“, Севастополь, 6–11 июня 1997 г. Тезисы докладов. Симферополь, 1997, 72–73.

[29] *Паршина, Е. А.* Торжище в Партенитах.., 80–81, рис.7.

[30] *Stevenson, R. B. K.* Op.cit., p. 35, pl. 21, 5.

[31] *Hayes, J. W.* Excavations at Sarachane in Istanbul. 2: The Pottery. Princeton, 1992, p. 107, fig. 52, 32, 4; p. 111, fig. 56, 40; cp.: *Francois V.* De la ceramique en contexte a Istanbul. – Journal of Roman Archaelolgy. 1994, vol. 7, 512-519.

[32] *Hayes, J. W.* Op. cit., p. 107, fig. 52, 1.

[33] *Hayes, J. W.* Op. cit., p. 113, fig. 58, 3.

[34] *Stevenson, R. B. K.* Op. cit., 35-41, pl. 15, 47.

[35] *Spieser, J.-M.* La ceramique byzantine medievale. – В: Hommes et rechesses dans l`Empire byzantin. T. 2. VIIIe–XVe siecle / Ed. V. Kravari, J. Lefort, C. Morrisson. Paris, 1991, p. 250.

[36] *Talbot Rise, D.* Byzantine Glazed Pottery. Oxford, 1930, p. 17, 23-29; *Morgan, Ch.* The Byzantine Pottery. – In: Corinth. Cambridge, 1942, vol. 11, 36-49, 67, pl. 1-7; *Stevenson, R. B. K.* Op.cit., 38-60, pl. 16-17, 21-22; *Talbot Rise, D.* Brick Stamps and Pottery. – In: The Great Palace of the Byzantine Emperors. Second Report. Reprinted. 1959, 110-113; *Якобсон, А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. – В: Материалы и исследования по археологии СССР. 1959, № 63, 336–342; *Талис, Д. Л.* К характеристике византийской керамики IX–X вв. из Херсонеса. – В: Археологический сборник. Труды ГИМ. М., 1960, вып. 37, с. 133; *Макарова, Т. И.* Поливная керамика в Древней Руси. М., 1972, с. 5, 7; *Якобсон, А. Л.* Керамика и керамическое производство.., с. 83; *Megaw , A. H. S., Jones, R. E.* Spectrographic Analyses of Byzantine and Allied Pottery. – In: The Annual of the British School at Athens. London, 1983, vol. 178, 235-263; *Залесская, В. Н.* Византийская белоглиняная расписная керамика IX–X вв. – В: Гос. Эрмитаж. Каталог выставки. Л., 1985, с. 3 сл.; *Francois, V.* De la ceramique en contexte a Istanbul. 512–519.

[37] *Залесская, В. Н.* Указ. соч., с. 6.

[38] *Талис, Д.* Указ. соч., 125–139; *Якобсон, А. Л.* Указ. соч., с. 83, 332–337; *Талис, Д. Л.* Поливная керамика Бакинского городища. – Советская археология, 1976, № 4, 64–69; *Паршина, Е. А.* Средневековая керамика южной Таврии.., 65–66, 68, рис. 9, 4; Указ. соч., с. 81, 83, рис. 8; *Баранов, И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). К., 1990, с. 23 сл.; *Макарова, Т. И.* Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси. М., 1967, с. 10; Боспор-Корчев по археологическим данным. – В: Византийская Таврика. К., 1991, с. 129; *Адаксина, С. Б.* Белоглиняное блюдо с изображением рыб из Алустона. – В: Византия и Ближний Восток (памяти А. В. Банк). СПб., 1994, 101–108.

[39] *Голофаст, Л. А.* Амфориски из раскопок ранневизантийского Херсона. – В: Византия и сопредельный мир (АДСВ). Свердловск, 1990, 50–54; Комплекс VI в. из северо-восточного района Херсонеса. – В: Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (1994) 1995, вып. 4, 216–217; *Паршина, Е. А.* Указ. соч., с. 78, 83; *Каждан, А. П.* Деревня и город в Византии IX–X веков: Очерки по истории византийского феодализма. М., 1960, с. 219; *Hayes, J. W.* Handbook of Mediterranean Roman Pottery, 85-87, 89.

[40] *Spieser, J.-M.* Op. cit., p. 249 f.

[41] *Лопарев, Хр.* Византийские жития святых VIII–IX веков. – Византийский временник. 1915, т. 19, вып. 1–2, с. 45.

[42] *Epiphanii Constantiae* in Cypro episcopi opera quae reperiri potuerunt omnia // Patrologiae cursus completus. Patrologiae graeca / [Ed. J.-P. Migne]. 1858, т. 41, col. 189 A; Cyrilli Alexandriae archiepiscopi opera quae reperiri potuerunt omnia. Cura et studio Joannis Auberti. Tomum decimum claudunt variorum homiliae et epistolae. Accurente et recognoscente J.-P. Migne. – Patrologiae cursus completus. Patrologiae graeca / [Ed. J.-P. Migne]. 1859, т. 68, col. 685 A; Maspero J. Papyrus grecs d'epoque byzantine. Le Caire, 1916, т. 3 (No 67279–67359), No 67288; Constantini Harmenopuli Manuale legum sive Hexabiblos /

Ed. G.E.Heimbach. Lipsiae, 1851, p. 244, IV. 2. 15; Rouillard G. La vie rurale dans l´Empire byzantin. Paris, 1953, p. 49 f.; *Фихман, И. Ф.* Указ. соч., с. 30, 36, 154.

[43] Ср.: *Курбатов, Г. Л.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. Л., 1971, с. 13; *Романчук, А. И.* Раннесредневековые комплексы Портового района Херсонеса. – В: Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988 гг. Тезисы докладов. Севастополь, 1988, с. 91.

[44] *Greek Papyri* in the Britisch Museum / Ed. F.G. Kenyon. London, 1893, p. 1 No 1-138), No 113. 8(в). 2; *Maspero, J.* Papyrus grecs d'epoque byzantine. – Le Caire, 1913, vol. 2 (No 67125–67278), No 67139. V. Re (25); The Oxyrhynchus Papyri. London, 1898, p. 1, No 158. 2; 1924, p. 16, No 2007. 5; 1941, p. 18, No 2195. 91; 1948, p. 19, No 2243 (a). 79; *Rouillard, G.* La vie rurale dans l´Empire byzantine. Paris, 1953, p. 49 f.; *Фихман, И. Ф.* Указ. соч., с. 29, 125; Оксиринх – город папирусов /Отв. ред. акад. М. А. Коростовцев. М., 1976, с. 110, прим. 75.

[45] *Magoulias, H. J.* Trades and Crafts in the Sixth and Seventh Centuries as Viewed in the Lives of Saints. – Byzantinoslavica, 1976, т. 37, fasc. 1, p. 14, 16.

[46] *Theophylacti Simocattae Historiae*. Op.cit., p. 235. 11; Leontii Byzantini opera quae reperiri potierunt omnia. – In: Patrologiae cursus completus. Patrologiae graeca / [Ed. J.-P. Migne]. 1864, т. 86 B, col. 1976 C.

[47] *Dorothei scripta quae supersunt*. Op.cit., col. 1769 B – C.

[48] Theophanis Chronographia ex rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883, vol. 1: Textum graecum continens, p. 440.

[49] *Якобсон, А. Л.* Раннесредневековый Херсонес..., с. 304, 318–319; Керамика и керамическое производство.., 94–98; *Романчук, А. И.* К вопросу о методике датировки меток на черепице Херсонеса. – В: Византия и средневековый Крым. АДСВ, 1995, вып. 27, 107–108.

[50] *Якобсон, А. Л.* Указ. соч., 64–70.

[51] *Паршина, Е. А.* Средневековая керамика южной Таврики.., с. 81.

[52] *Фронджуло, М. А.* Указ. соч., 139–142; *Мыц, В. Л., Жук, С. М., Кирилко, В. П. и др.* Археологические разведки в Горном Крыму. – В: Археологические исследования в Крыму. 1993 год. Симферополь, 1994, 193–197.

[53] *Липшиц, Е. Э.* Указ. соч., с. 122.

[54] *Бабенчиков, В. П.* Раннесредневековая гончарная печь в Мисхоре. – В: Записки Одесского археологического общества. 1960, т. 1, 275–280; *Фронджуло, М. А.* Указ. соч., 133–142; *Якобсон, А. Л., Чореф, М. Я.* Гончарные печи VIII–IX вв. в юго-западном Крыму. – В: Археологические открытия за 1971 г. М., 1972, 377–379; *Баранов, И. А.* Раннесредневековая гончарная печь в урочище Суат близ Ялты. – В: Античная древность и средние века: Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979, 112–118; *Якобсон, А. Л.* Керамика и керамическое производство.., 39–60; *Паршина, Е. А., Тесленко, И. Б., Зеленко, С. М.* Гончарные центры Таврики VIII–X вв. – В: Морська торгівля в Північному Причорномор`ї. К., 2001, 52–81, рис. 1.

[55] *Борисова, В. А.* Средневековая гончарная печь. – В: Сообщения Херсонесского музея. 1960, вып. 1, 42–45, рис. 1, 2; ср.: *Седикова, Л. В.* Керамические печи IX в. в Херсонесе. – В: Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. (1994) 1995, вып. 4, 434–440.

[56] *Greek Papyri* in the British Museum / Ed. F.G. Kenyon, H.I. Bell. London, 1907, p. 3 (No 485-1331), No 1028. I. 11; *Фихман, И. Ф.* Египет.., 30.

[57] *Greek Papyri* in the Britisch Museum / Ed. F. G. Kenyon. London, 1893, p. 1 (No 1-138), No 113. 8 (в). 3; Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten / Hrsg. im Auftrag der Wissenschaftlichen Geselschaft in Strassburg von F. Preisigke. Strassburg, 1915, Bd. 1: Urkunden No 1 bis 6000, No 4675. 6; The Oxyrhynchus Papyri. London, 1916, p. 12 (No 1405-1593), No 1917. 102; 1941, p. 18, No 2197. 97, 135; *Remondon, R.* Papyrus grecs d`Apollonos Ano (Documents de fouilles de l`Institut francais d`archeologie orientale du Caire. 19). Le Caire, 1953, No 75. 9; *Фихман, И. Ф.* Египет.., с. 30, 36, 124.

[58] *Remondon R.* Papyrus grecs d`Apollonos Ano. No 75. 13–14 (703–715 гг.); *Фихман, И. Ф.* Указ. соч., с. 30.

[59] *Фихман, И. Ф.* Оксиринх.., 107–108.

[60] *Рыжова, Л. А.* Гончарная печь VIII–IX вв. вблизи Херсона (в районе Радиогорки). – В: Античная древность и средние века: Византия и ее провинции. Свердловск, 1982, 149–156; ср.: *Седикова, Л. В.* Указ. соч., 435–440, рис. 3.

[61] *Якобсон, А. Л.* Средневековый Херсонес. XII–XIV вв. – В: Материалы и исследования по археологии СССР. 1950, № 17, с. 162.

[62] *Византийская книга Эпарха*. XIII. 1.

УДК 903.23.02 (=14'04)(476)

НАХОДКИ ВИЗАНТИЙСКОЙ КЕРАМИКИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

К. А. Лавыш

Лавиш Х. А. **Знахідки візантійської кераміки на території Білорусі**

Зразки візантійської кераміки демонструють різноманітність контактів середньовічних міст Білорусі з Візантією. Численні знахідки амфор свідчать про активні економічні зв'язки, знахідки поливної кераміки – про взаємини культурного характеру (паломництва, контакти з вихідцями з Візантії, що прибували на Русь, тощо).

Ключові слова: візантійська кераміка, поливна кераміка, амфори, середньовічні міста Білорусі, контакти.

Лавыш К. А. **Находки византийской керамики на территории Беларуси**

Образцы византийской керамики демонстрируют разнообразие контактов средневековых городов Беларуси с Византией. Многочисленные находки амфор свидетельствуют об активных экономических связях, находки поливной керамики – о контактах культурного характера (паломничества, контакты с выходцами из Византии, прибывшими на Русь и т.д.).

Ключевые слова: византийская керамика, поливная керамика, амфоры, средневековые города Беларуси, контакты.

Lavysh Kristina A. **Finds of Byzantine Ceramics on the territory of Belarus**

Samples of Byzantine ceramics show a variety of contacts of the medieval towns of Belarus with Byzantium. Numerous finds of amphorae indicate active economic contacts; the finds of glazed ceramics give evidence of cultural contacts (pilgrimage, contacts with Byzantines who moved to Rus).

Keywords: Byzantine ceramics, glazed ceramics, amphorae, medieval towns of Belarus, contacts.

Керамика является одной из групп византийских изделий, импортировавшихся на Русь, в том числе в ее западный регион. Самой эффектной группой византийского импорта являются стеклянные сосуды, которые представлены образцами самого высокого класса. Кроме того, найдены стеклянные браслеты и бусы, шелковые ткани, предметы личного благочестия и немногочисленные изделия из кости. Помимо изделий художественного ремесла импортировались продукты питания (вино, масло, фрукты, орехи) и благовония. С территории Беларуси происходит и небольшая группа византийских монет (известны 33 находки из 12 пунктов, две из них – без конкретной локализации; кроме того, для двух пунктов, помимо упомянутых выше, известны только общие сведения о находке византийских монет, их судьба, количество и атрибуция неизвестны)[1].

Значительная часть продуктов питания перевозилась в керамической таре – амфорах, многочисленные фрагменты которых найдены в древнерусских городах. Это самая

© К. А. Лавыш, 2012

массовая часть византийского импорта. На территории Беларуси обнаружено более 5000 амфорных фрагментов из 25 памятников. Они найдены в Новогрудке (более 2200 фрагментов, принадлежавших не менее чем 70 сосудам, в некоторых постройках встречено до 10 амфор), Волковыске (ок. 1600 фрагментов), Турове (более 415 фрагментов), Полоцке (несколько сотен фрагментов), Минске (несколько сотен фрагментов), Гродно, Заславле, Витебске, Орше, Лукомле, Борисове, Логойске, Слониме, Турейске, Слуцке, Пинске, Бресте, городище на Менке[2]. В некоторых городах (Полоцк, Заславль, Минск, Туров) амфоры появились в XI в., однако основная часть их датируется XII – началом XIII в. Предельная дата поступления амфор бесспорна: как и по всей Руси, ввоз амфор с их содержимым в средневековые города Беларуси прекратился с захватом татаро-монголами южнорусских княжеств в 40-е гг. XIII в. Среди находок преобладает тип амфор с грушевидным, сильно раздутым туловом, округленным дном, низким горлом и дугообразными ручками (тип „Трапезунд“ по И. В. Волкову)[3]. Массовый ввоз амфор, точнее, их содержимого – в основном вина, приходится на XII – первую треть XIII вв., когда происходит реальная победа христианства над язычеством и когда христианские храмы появляются во всех городах Руси. Для церкви вино было предметом первой необходимости (при совершении литургии), поэтому церковь была потребителем вина наравне с князьями. Археологическим свидетельством этого являются фрагменты амфор, находимые во время раскопок храмов, например, Софийского собора в Полоцке. Масштабы поставок вина для князей отражают раскопки в Новгороде-Северском, где обнаружены огромные погреба с сотнями амфор[4].

До недавних пор наиболее вероятным поставщиком основной массы византийских амфор исследователи считали средневековый Херсон – важную византийскую колонию в Северном Причерноморье[5]. В последнее время В. Ю. Коваль пересмотрел крымскую атрибуцию амфорной тары, найденной на Руси, и считает, что эти амфоры были произведены в различных районах собственно Византии, прежде всего на территории Малой Азии, так как в эпоху массового ввоза амфор на Русь (XII – первая половина XIII вв.) в Крыму этот вид ёмкости производился в крайне ограниченных количествах[6]. Многочисленные находки амфор в средневековых городах Беларуси свидетельствуют об их активных экономических контактах с Византией.

Находки византийской поливной керамики на территории Беларуси немногочисленны, но при этом охватывают несколько ее групп: с подглазурной пятицветной росписью, с декором сграффито и более простые образцы, покрытые ангобом и поливой.

В Полоцке в 2002 г. были найдены три фрагмента белоглиняной поливной керамики с подглазурной пятицветной росписью (раскопки Д. В. Дука).[7] Цвета их росписи – синий, бирюзовый, красный, желтый и коричневый – являются характерными для этого типа керамики, которая представляет собой высшее достижение византийского керамического производства[8]. По классификации Ч. Моргана, это керамика второй группы[9]. Керамика этого типа немногочисленна, ее находки происходят из Коринфа, Константинополя, Преслава, Цариграда, Диногеции, Херсонеса, Тамани, Киева и Новгорода[10]. Для росписи использовались синий (ультрамариновый), пурпурно-коричневый, бирюзовый, желтый и красный цвета, контуры рисунка обводились коричневыми или черными линиями. Процесс росписи был многоступенчатым: сначала наносились черные или коричневые контуры, детали синего, бирюзового и пурпурно-коричневого цвета с последующим закрепляющим обжигом; потом наносилась желтая и бирюзовая подцветка, красный ангоб, после этого изделие покрывалось тонким слоем бесцветной прозрачной поливы и снова обжигалось[11]. Следует отметить, что этот слой поливы нестойкий, легко крошится, на многих образцах утрачен. Белый фон изделий получали не благодаря белому черепку, а с помощью белой непрозрачной поливы[12]. В росписи использовались растительные, геометрические, зооморфные и антропоморфные мотивы. Интересно от-

метить, что орнаментальные мотивы носят ориентализирующий характер, на ряде образцов имеются подражания куфическим надписям, в некоторых случаях присутствуют греческие надписи. Форма сосудов керамики этого типа – тарелки, блюда, чаши с одной или двумя ручками, кубки[13]. Отличительной особенностью блюд этого типа керамики являются пятна красного ангоба (так называемая „красная пестрота“), нанесенные на внешнюю поверхность блюда, которую всегда оставляли без поливы; полива с внешней стороны наносилась только полосой вдоль края. Такая керамика редка даже для Византии, ее датировка и происхождение точно не локализованы. Материалы Константинополя и Коринфа позволяют датировать ее в очень широких пределах X–XII вв. Наиболее вероятным местом ее производства может быть Константинополь[14].

Сосуд из Полоцка был расписан с двух сторон. К сожалению, сохранившиеся фрагменты слишком малы, чтобы восстановить орнаментацию и форму сосуда. Поскольку сосуд был расписан с двух сторон, можно предположить, что это была чаша, возможно, с одной или двумя ручками. С внешней стороны сохранился цветочный мотив и различной формы полосы, а с внутренней, возможно, изображение животного с желтой пятнистой шкурой. Все детали декора обведены темно-коричневым контуром. Ближайшие аналогии цветочному мотиву можно найти на блюдах из Тамани и Киева, где он заключен в зигзаг или треугольники, образованные несколькими рядами полос, а также на блюдах из Константинополя и Херсонеса[15]. Аналогиями для изображения пятнистого животного могут служить изображения кошачьих хищников или копытных животных с пятнистой шкурой на сосудах из Херсонеса[16] и Коринфа[17]. Особое значение полоцких фрагментов связано с фактом, что на территории Руси керамика этого типа найдена только в двух пунктах: Киеве и Новгороде. Часть тарелки с изображением птицы была найдена в Киеве еще в 1911 г. Т. И. Макарова относит ее к XI–XII вв.[18] К сожалению, она была найдена во время земляных работ и не имеет стратиграфической датировки. Находка из Новгорода представляет собой часть дна блюда или тарелки, украшенную геометрическим орнаментом, и происходит из слоя первой четверти XI в.[19]

В лаборатории микроанализа и электронной микроскопии (Санкт-Петербург) был сделан рентгеноспектральный микроанализ состава поливы и красок росписи фрагментов из Полоцка (сканирующий электронный микроскоп CAMSCAN-4 со спектрометром AN-10000, анализ выполнил Ю. Л. Крецер). О проведении подобных анализов поливы и красок росписи византийской полихромной полумайолики в России и других странах мне не известно. Анализ показал, что полива по составу натрий-свинцовая, что соответствует восточным и византийским поливам. Образцы отличаются низкой долей оксида свинца и очень высокой долей оксида натрия. Поливы других типов византийской керамики гораздо более высокосвинцовистые и щелочи содержат в минимальном количестве (данные В. Ю. Коваля)[20]. Что касается красителей в исследованных образцах из Полоцка, то для получения синего цвета был использован кобальт, коричневого – железо, бирюзового – медь, желтого – свинец, железо и медь. Параллельно был проведен рентгенофлюорисцентный анализ в лаборатории технической экспертизы Государственного Эрмитажа (на установке Art Tax), который показал сходные результаты. Кроме того, он показал в кобальтовой краске высокое содержание примесного цинка, заметную примесь меди, высокую концентрацию цинка и железа, низкое содержание никеля (следы), низкую концентрацию мышьяка. Все это говорит о том, что в данном случае использовался кобальт из восточных месторождений. Точную концентрацию мышьяка установить не удалось (однако высокая концентрация исключена), и это не позволяет достоверно идентифицировать кобальтосодержащие минеральные соединения[21].

Фрагменты византийской монохромной полумайолики, декорированной в технике сграффито, найдены в Турове и Минске[22]. „Сграффито“ – способ декора гравировкой по ангобу, когда красноглиняное изделие покрывалось белым ангобом, в слое которого процарапывался рисунок до красноглиняной основы. Орнаментированный таким образом

сосуд затем покрывался прозрачной поливой. Фрагмент из Турова представляет собой край полумайоликовой красноглиняной тарелки с белым ангобом под светло-зеленой поливой, украшенный бордюром с арабской надписью или ее имитацией, который ранее считался среднеазиатским импортом из-за характера декора. Однако этот фрагмент скорее принадлежит византийской керамике, где существовала традиция декора сосудов псевдоарабскими надписями. Из раскопок Константинополя и Коринфа известна группа керамики с подражанием арабским надписям, выполненным в технике сграффито. Она датируется Д. Т. Райсом XI – началом XII в.[23] Полные аналогии декору этого сосуда имеются в византийской керамике второй половины XII – начала XIII в., найденной в Херсонесе[24].

Фрагмент из Минска, обнаруженный в 2009 г., является придонной частью красноглиняной чаши или блюда с белым ангобом под бледно-желтой прозрачной поливой. На ней сохранилось изображение, по-видимому, крыльев птицы, оперение которой детализировано "чешуйками“. Чешуйчатым орнаментом заполнен и бордюр, видимо, очерчивавший пространство медальона, в котором располагалось изображение. Этот фрагмент близок керамике „медальонного“ и „спирального“ стилей (по Ч. Моргану), что изготавливалась в Византии в середине XII в. Ее отличительной особенностью были пояса с характерным изображением виноградной лозы и большие круглые медальоны с „чешуйчатым“ заполнением фона рисунка. Центров производства этой керамики, возможно, было несколько. Одним из них может быть Коринф, где найдены полуфабрикаты ее производства. Керамика этого типа найдена также в Спарте, Константинополе, Херсонесе, Тмутаракани, Киеве, Белгороде[25].

К керамике типа „Zeuxippus Ware“ принадлежит дно чаши или блюда из Учебной лаборатории музейного дела исторического факультета Белорусского государственного университета. Оно было найдено на территории Беларуси, однако место его находки неизвестно. Дно декорировано в технике сграффито характерным круглым медальоном, внутри которого помещены дуги в семь рядов, и покрыто бледно-зеленой прозрачной поливой. Такой же медальон украшает дно блюд из Константинополя и Херсонеса, которые датируются XII в.[26] Название керамики этого типа происходит от места ее первых находок при раскопках терм Зевксиппа в Константинополе. В эту группу объединено несколько родственных типов керамики с орнаментацией сграффито. Сосуды этой группы были украшены концентрическими линиями под монохромной (зеленой, желтой или бесцветной) поливой, а также сюжетными изображениями, выполненными тонкой линией и подцвеченными пятнами и потеками желтой поливы. Керамика этого типа датируется XII–XIV вв., местом ее производства могли быть Эгейский регион, Анатолия, или какие-либо другие центры, за исключением Константинополя (по геологическим основаниям). Найдена она в районе Константинополя, Анатолии, Крыму, Греции, Северной Африке и Северной Италии[27].

В Новогрудке обнаружен фрагмент сосуда из светло-красной глины, покрытый снаружи белым ангобом и светло-зеленой поливой (Византия – Причерноморье, XIV в.). Из Волковыска происходят два фрагмента полумайолики с зеленой поливой из Причерноморья (XIII–XIV вв.)[28]. Там же найдены еще три фрагмента, которые, возможно, также относятся к этому региону и времени. Два из них принадлежат красноглиняному сосуду, покрытому белым ангобом и бирюзовой прозрачной поливой, третий – красноглиняному сосуду, покрытому белым ангобом и салатовой поливой с двух сторон[29].

О том, что византийская поливная керамика была знакома жителям Новогрудка, свидетельствуют найденные здесь два сосуда, воспроизводящие формы византийской посуды – открытое блюдо (первая половина XII в.) и чаша на поддоне (вторая половина XII в.). Открытое блюдо, покрытое с двух сторон зеленой непрозрачной поливой, с горизонтально отогнутым краем и низким поддоном, отличается от византийского прототипа простой плоской формой венчика (вместо „рельсовидного“). Чаша на поддоне,

покрытая снаружи голубовато-зеленой поливой, а внутри – вишневой, воспроизводит формы чаши с вертикальным бортом, правда, в несколько видоизмененных пропорциях (немного выше и немного другого профиля)[30].

Как видим, находки византийской поливной столовой керамики немногочисленны и хронологически обособлены, что свидетельствует скорее о неторговом характере ее поступления. Ее торговое поступление не исключено, однако оно было крайне ограниченным. Скорее всего, она была привезена паломниками или являлась личным имуществом византийцев или ордынцев, находившихся в восточнославянских городах. Ордынцы приобретали византийскую керамику, в свою очередь, на рынках Северного Причерноморья (таким путем образцы византийско-причерноморской керамики могли попасть в Новогрудок и Волковыск). Первые свидетельства о татарах на землях Великого княжества Литовского относятся к началу XIV в.: в 1316 и 1319 гг. татары принимали участие в битвах Гедемина с Тевтонским Орденом. Возможно, после окончания походов часть из них осталась на постоянной военной службе в Великом княжестве Литовском, где их высоко ценили как отличных воинов. Массовое переселение татар на земли Княжества началось при Витовте (1392–1430). В самой Орде в это время были междоусобные войны между наследниками Чингисхана.

Находки византийской поливной столовой керамики немногочисленны не только в городах Западной Руси, но и в других древнерусских городах. Этот факт с трудом поддается объяснению. Амфоры ввозились на Русь тысячами, и это не позволяет говорить о недостаточности торговых контактов с Византией. Выдвигавшаяся ранее гипотеза об их ослаблении в XII в. также не находит подтверждения. Если оценивать находки византийской керамики в масштабах всей Руси, то на XII в. приходится до 90% амфор и около четверти всего объема импорта поливной керамики[31]. Не обосновано также и предположение о том, что незначительное распространение византийской поливной керамики можно объяснить отсутствием соответствующих культурных запросов населения древнерусских городов, а также низким уровнем его благосостояния[32], поскольку византийская стеклянная посуда, которая ценилась еще выше, найдена в гораздо бóльших количествах. Причем, византийская стеклянная посуда, импортировавшаяся на Русь, в большинстве случаев была богато декорирована росписью золотом и эмалями и представляла собой предметы роскоши, изделия высокого художественного уровня. Остается только предположить, что потребность в поливной столовой керамике почти полностью удовлетворялась за счет собственного производства, поэтому спрос на импортную поливную керамику был ограничен. Однако это объяснение тоже не полностью удовлетворительно, поскольку находки иранской, сирийской и золотоордынской художественной керамики более многочисленны. Видимо, помимо всего прочего, имела место какая-то специфическая структура спроса на предметы импорта восточного происхождения, какие-то устоявшиеся культурные и торговые связи, которые предполагали определенный набор импортируемых товаров из каждой страны. Может быть, существовала определенная мода на импорт тех или иных вещей, или сказались особенности производства художественной керамики в самой Византии, возможно, оно не предполагало широкого экспорта.

Импорт византийской керамики в земли Западной Руси осуществлялся по Днепровскому и Днестровскому речным путям. Образцы византийской керамики демонстрируют разнообразие контактов средневековых городов Беларуси с Византией. Многочисленные находки амфор свидетельствуют об активных экономических связях, находки поливной керамики – о контактах культурного характера (паломничества, контакты с выходцами из Византии, прибывшими на Русь). Находки византийско-причерноморской керамики XIII–XIV вв. косвенно указывают на присутствие в землях Западной Руси выходцев из Золотой Орды, которые могли приобрести ее на рынках Северного Причерноморья. Это присутствие, впрочем, не было значительным.

[1] *Lavysh, K., Wołoszyn, M.* Byzantine Coins from the Area of Belarus. – In: Proceedings of XIV Internatinal Numismatic Congress (Glasgow 2009). Glasgow, 2011 (в печати).

[2] *Гуревич, Ф. Д.* Византийский импорт в городах Западной Руси в XII–XIII вв. – ВВ, 1986, т. 47, с. 79; *Зверуго, Я. Г.* Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. Минск, 1989, с. 154.

[3] *Коваль, В. Ю.* Керамика Востока и Византии на Руси (конец IX–XVII вв.): Автореф. дисс… канд. истор. наук. М., 1997, с. 12.

[4] Там же, с. 14.

[5] *Гуревич, Ф. Д.* Указ. соч., 67–68.

[6] *Коваль, В. Ю.* Указ. соч., с.13, 19.

[7] *Дук, Д. У.* Справаздача аб археалагічных раскопках у г. Полацку ў 2002 г. Архив Института истории НАН Беларуси. Дело №№ 2046–2047, с. 31, фото 76.

[8] Выражаю искреннюю благодарность В. Ю. Ковалю, М. Г. Крамаровскому и В. Н. Залеской за помощь в атрибуции.

[9] *Morgan, Ch.* The Byzantine Pottery – In: Corinth, Results of excavations conducted by the American school of classical studies at Athens. Harward University Press. Cambridge, 1942, vol. XI, 67-68, pl. XVI, a, b; pl.XVII, a-d; No 369-376.

[10] *Коваль, В. Ю.* Византийская керамика на Руси в IX–XV вв. – В: Русь в IX–XIV вв.: взаимодействие Севера и Юга. М., 2005, с. 170; *Макарова, Т. И.* Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси – В: Свод археологических источников. Вып. Е 1–38. М., 1967, 17–20; *Миятев, К.* Преславската керамика. С., 1936, с. 120, обр. 80–83.

[11] *Коваль, В. Ю.* Указ. соч., с. 169.

[12] *Макарова, Т. И.* Указ. соч., с. 17.

[13] *Dark, K.* Byzantine Pottery, 2001, 123-124.

[14] *Коваль, В. Ю.* Указ. соч., 169–170.

[15] *Шелковников, Б. А.* Киевская керамика X–XI вв., расписанная цветными эмалями // Советская археология. Т. 23, 1955, рис.1, 3; *Залеская, В. Н.* Византийская белоглиняная расписная керамика IX–XII вв. Каталог выставки. Л., 1985, с. 9, №№ кат. 6–18, 47; Byzance. L'art byzntin dans les collections publiques francaises / A la mémoire d'André Grabar/ Musée du Louvre 3 novembre 1992 – 1er février 1993. Paris, 1992, p. 387, il. 295.

[16] *Залеская, В. Н.* Указ. соч., 10–11, №№ кат. 21–32.

[17] *Dark, K.* Op. cit., il. 27.

[18] *Макарова, Т. И.* Указ. соч., 17–20.

[19] *Коваль, В. Ю.* Указ. соч., с. 170, рис. 2, 6.

[20] *Коваль, В. Ю.* Керамика Востока на Руси. IX–XVII вв. М., 2010, 214–216.

[21] Благодарю Я. В. Френкеля за консультацию.

[22] *Полубояринова, М. Д.* Раскопки древнего Турова. – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1963, вып. 96, 45–46, рис. 11, 1; Археологическая научно-музейная экспозиция Института истории НАН Беларуси.

[23] *Rice, D. T.* Byzantine Glazed Pottery. Oxford, 1930, 72-73, pl. III, 3; XII.

[24] *Коваль, В. Ю.* Византийская керамика.., с.172.

[25] *Morgan, Ch.* Op. cit., 147-157; fig. 22, a, b, e; 121, c; 125; pl. XLIX; *Якобсон, А. Л.* Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) / Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 17. М.–Л., 1950, 171–172, табл. I, 1–3; *Макарова, Т. И.* Указ. соч., с. 25, табл. VIII; *Коваль, В. Ю.* Указ. соч., с.170, рис. 2: 7, 9, рис. 3: 1.

[26] *Якобсон, А. Л.* Указ. соч., с. 172, табл. II, 7; The Great Palace of Byzantine Emperors. Oxford, 1947, tabl. 20, 30.

[27] *Dark, K.* Op. cit., 138-139.

[28] *Коваль, В. Ю.* Заключение по результатам осмотра коллекций археологических фондов Национального музея истории и культуры Беларуси на предмет определения керамики восточного происхождения. Минск, 1998.

[29] Волковысский военно-исторический музей им. П. И. Багратиона.

[30] *Малевская, М. В.* Поливная керамика Новогрудка. – Советская археология, 1969, № 3, с. 196, 198.

[31] *Коваль, В. Ю.* Керамика Востока.., с. 18.

[32] Там же.

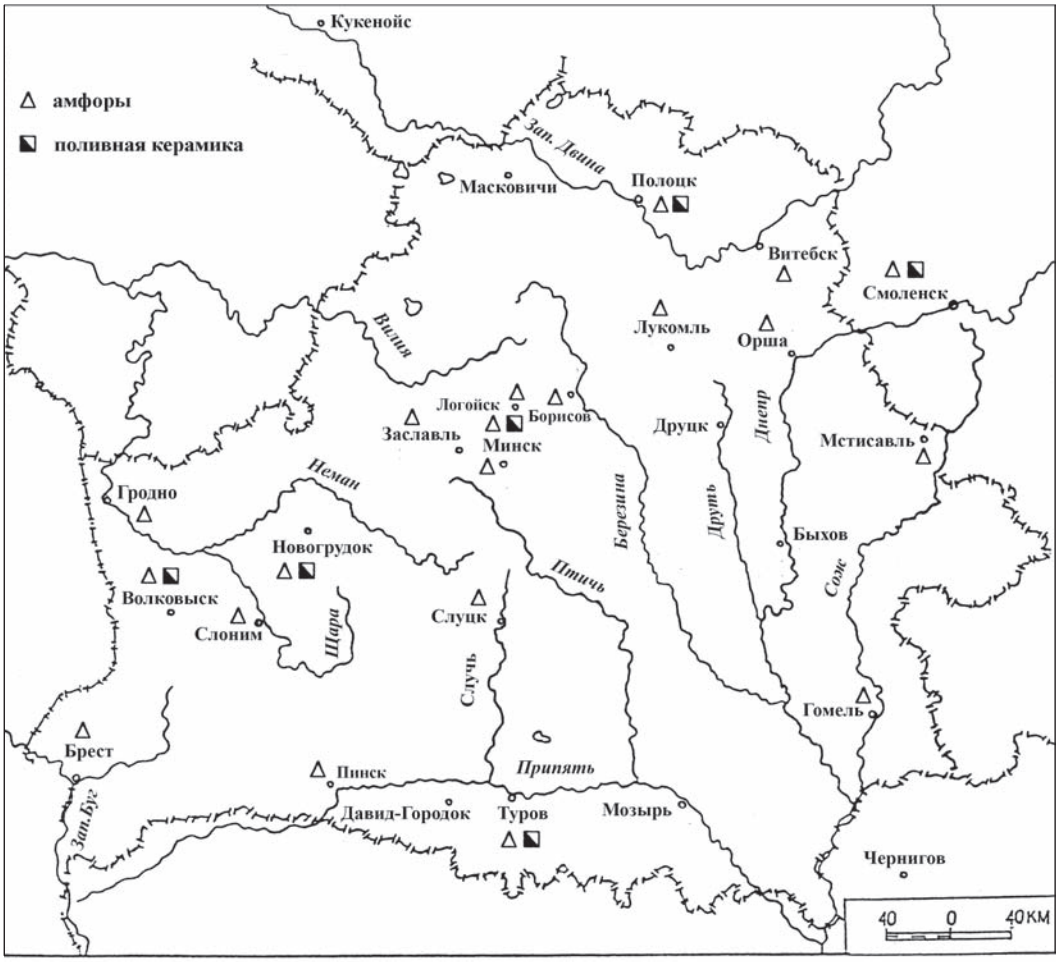


Рис. 1. Карта находок византийской керамики на территории Беларуси

УДК 930(477.54)«186/188»:929 Кирилл и Мефодий

ХАРЬКОВСКАЯ ШКОЛА КИРИЛЛО-МЕФОДИАНЫ (60–80-е гг. XIX в.)

С. И. Лиман

***Лиман С. І.* Харківська школа Кирило-Мефодіани (60–80-ті рр. XIX ст.)**

Розробка харківськими вченими різних проблем Кирило-Мефодіани була пов'язана в першу чергу з тисячолітніми ювілеями слов'янських первоучителів. Проповідницька і культосвітня діяльність Кирила і Мефодія зображувалася харківськими істориками в контексті цивілізаційного протистояння Православного слов'янського і Католицького світів. Їхні дослідження вирізнялися гострою полемічною манерою. У методологічному плані харківські вчені знаходилися під сильним впливом слов'янофільських доктрин. Основний внесок у вивчення Кирило-Мефодіани зробили І. В. Платонов, П. О. Лавровський, М. С. Дринов. Їхні праці становлять комплексний інтерес для візантинознавства, слов'янознавства, церковної історії, історії культури.

Ключові слова: Кирило, Мефодій, Харків, Середні віки, історія.

***Лиман С. И.* Харьковская школа Кирилло-Мефодианы (60–80-е гг. XIX в.)**

Разработка харьковскими учёными различных проблем Кирилло-Мефодианы была связана в первую очередь с тысячелетними юбилеями славянских первоучителей. Проповедническая и культурно-просветительская деятельность Кирилла и Мефодия изображалась харьковскими историками в контексте цивилизационного противостояния Православного славянского и Католического миров. Их исследования отличались острой полемической манерой. В методологическом плане харьковские учёные находились под сильным влиянием славянофильских доктрин. Основной вклад в изучение Кирилло-Мефодианы внесли И. В. Платонов, П. А. Лавровский, М. С. Дринов. Их работы представляют комплексный интерес для византинистики, славяноведения, церковной истории, истории культуры.

Ключевые слова: Кирилл, Мефодий, Харьков, Средние века, история.

***Liman S. I.* Kharkov School of Cyril and Methodius Studies (1860s-1880s)**

The development of various aspects of Cyril and Methodius studies by Kharkov scholars was connected primarily with millennium jubilees of the first Slavic enlighteners. The prophetic and cultural educational activities of Cyril and Methodius was depicted by Kharkov scholars in the context of civilization counteraction between Orthodox Slavic and Catholic worlds. Their studies were written in a sharp polemic manner. As regards methodology, Kharkov scholars were under strong influence of Slavophilic doctrines. The main endowers to the study of Cyril and Methodius heritage were I. V. Platomov, P. A. Lavrovskiy, M. S. Drinov. Their works are of a holistic interest to Byzantine studies, Slavic studies, church history and history of culture.

Keywords: Cyril, Methodius, Kharkov, Middle Ages, history.

Среди событий, изменивших ход мировой истории, особое место принадлежит великой миссии Кирилла и Мефодия[1]. Каждый из нас ежедневно может оценить их вели-

© С. И. Лиман, 2012

кое изобретение. Каждый из нас водит в атаку на белые листы бумаги целые эскадроны букв родной кириллицы. И хотя значение подвига солунских братьев во славу славянства пытались оценить в разное время разные учёные, эпохой подлинно научной Кирилло-Мефодианы стал XIX век. Век расцвета отечественной цивилизационной мысли. Настоящий век истории. Век яростного поиска социокультурной альтернативы и острейших дискуссий по актуальной и ныне проблеме „Запад-Восток“.

Учёным Харьковского императорского университета принадлежит в этом особая роль. Из 31 работы, опубликованной в украинских землях Российской империи, около половины принадлежат харьковским учёным. Будем объективны. Эти работы появились позднее первого в России перевода С. Л. Рагузинским-Владиславичем книги М. Орбини и критических комментарий к нему Феофилакта Лопатинского (конец XVIII в.)[2]. И позднее первого в Украине специального исследования профессора киевского Университета Св. Владимира О. М. Новицкого[3], за которое он в 1837 г. получил бриллиантовый перстень цесаревича, будущего императора Александра II[4]. Но комментарий Феофилакта был лишь комментарием. А монография О. М. Новицкого носила преимущественно филологический характер. Первые же в Украине подлинно исторические исследования были созданы именно харьковскими учёными – И. В. Платоновым, П. А. Лавровским, В. И. Добротворским, М. С. Дриновым.

История изучения харьковскими учёными XIX в. кирилло-мефодиевской проблемы ещё не стала предметом специального исследования. Отдельные аспекты этой проблемы, разумеется, затрагивались в ряде рецензий, биографических и обобщающих трудах. Среди рецензий особо выделим обстоятельный разбор О. М. Бодянским сочинения П. А. Лавровского „Кирилл и Мефодий как православные проповедники у западных славян“[5], а также заметки И. Пальмова и П. Сырку на изданный не только в России, но и в Болгарии труд И. В. Платонова „Анти-энциклика“[6], вызвавший научные дискуссии по вопросу о характере отношений солунских братьев с папским престолом. В биографических и обобщающих публикациях центральное место среди харьковских учёных отводится вкладу, сделанному в Кирилло-Мефодиану П. А. Лавровским[7]. Аналогичный и более ранний по времени вклад в изучение данной проблемы И. В. Платонова окончательно признан лишь в последние годы[8]. В отдельных случаях факт разработки указанной тематики харьковскими учёными лишь констатировался[9], а в статье С. Б. Бернштейна „Cyrillo-methodiana в России“ о харьковских учёных не сказано ни слова[10].

Такой подход, по сути, игнорировал значение научных разработок, осуществлённых историками Харькова. В то же время в публикациях об изучении кирилло-мефодиевской проблемы в контексте развития медиевистики в Украине не в полной мере учитывалась специфика самой харьковской школы[11]. Таким образом, предлагаемая статья призвана заполнить существующий пробел в историографии харьковской Кирилло-Мефодианы и показать направления и специфику изучения истории подвижничества солунских братьев дореволюционными харьковскими учёными.

Все эти исследования, как и большинство аналогичных обращений в России в целом, пришлись на 1860-е – первую половину 1880-х годов. Они были вызваны тремя тысячелетними юбилеями славянских первоучителей: началом их миссионерства в Великой Моравии (1863), смерти Кирилла (1869), смерти Мефодия (1885). Реальная хронология харьковской Кирилло-Мефодианы позволяет нам скорректировать известное утверждение авторов сборника „Славяноведения в дореволюционной России“ о том, что юбилеи солунских братьев являлись лишь „дополнительным стимулом“ для изучения их жизни и деятельности[12]. Применимо к харьковской Кирилло-Мефодиане мы считаем указанные юбилеи не дополнительным, а основным стимулом. При этом первый из юбилеев этого крупного события накладывался на другой юбилей – 1000-летие образования Русской государственности. Как писал об этом И. В. Платонов, „по исследованиям учёных, 862-й год есть та замечательная эпоха, когда на севере отечество наше начало слагаться в государственный строй, а на юге

два солунских уроженца, Кирилл и Мефодий, изобрели славянские письмена и вслед за тем начали переводить на славянский язык божественное писание“[13]. Совпадение юбилеев придавало особую активность учёным. Тема объединения Киевской Руси и подвижничества солунских братьев удачно вписывалась и в панславистские идеи, широко распространившиеся в то время в обществе и научной славистике. В связи с этим нельзя отрицать и того факта, что всплеск исследовательского интереса к Кирилло-Мефодиане как в Российской империи, так и за рубежом, использовался творцами славянофильской идеологии в определённых политических целях. Кирилло-Мефодиана в этом случае являлась составной частью глобальной проблемы взаимоотношений православного Востока и католического Запада. Данный аспект приобретал особую актуальность в связи с резкими изменениями общественно-политической ситуации в Российской империи вообще, её украинских земель в частности. Прозападные реформы 1860-х и контрреформы первой половины 1880-х гг., несомненно, оказывали влияние на тон работ, не меняя, впрочем, их общепредостережительного содержания.

Кирилло-мефодиевская проблематика признаётся в историографии одной из важнейших в европейском и отечественном славяноведении XIX в.[14], но у этой проблемы был очевидный „византийский след“. Миссионерская деятельность солунских братьев в славянских странах ни в коей мере не являлась частной инициативой отдельных лиц и была организована в политических целях – византийским императорским двором, в конфессиональном – Константинопольской патриархией. Таким образом, миссионерская деятельность славянских первоучителей совершалась к несомненной выгоде византийского государства и византийской церкви, которые и являлись вдохновителями таковой. Не случайно в 1875 г. профессор всеобщей истории Харьковского университета М. Н. Петров в экзаменационные билеты по истории средних веков, в рамках которых изучалась Западная Европа и Византия, включил вопрос „Кирилл и Мефодий, их значение и деятельность“[15].

Первой по времени харьковской работой по данной проблеме, изданной не только в журнале „Духовный вестник“, но и отдельной книгой, стал очерк И. В. Платонова „Жизнь и подвиги первоучителей славянских, Кирилла и Мефодия“ (1862). Очерк хотя и являл по сути пересказ ряда известных источников (Паннонские жития, Житие Кирилла и Мефодия в Четьи-Минеи, Несторово сказание, Житие Св. Климента, письма папы Иоанна VIII), тем не менее сопровождался подробнейшим научным комментарием. Этот комментарий составлял около половины текста самой работы и раскрывал ряд острых дискуссионных вопросов.

И. В. Платонов первым из историков украинских земель столь подробно передал политическую обстановку, сложившуюся в IX в. как в самой Византийской империи, так и в тех странах, в которых суждено было проповедовать солунским братьям. В связи с этим автор весьма настойчив в своих попытках показать, какими политическими целями руководствовалась Византия, направляя в эти страны миссионеров православия. По мнению И. В. Платонова, эти цели сводились к тому, чтобы „приблизить их к себе единением веры, смягчить жестокие их нравы и из страшных соседей делать их преданными союзниками и подручниками“[16]. В другом месте, в связи с поездкой солунских братьев к хазарам, автор следующим образом трактовал намерение византийского двора: „приобрести целый народ для христианства и через то подчинить его своему влиянию“[17]. „Расчёты политические“, наряду с религиозными, преследовал, по мнению И. В. Платонова, и великоморавский князь Ростислав, боровшийся против немецких притязаний. „Не естественно ли было, – указывал учёный, – обратиться к византийскому двору с прошением о наставлении в вере, дабы вероисповедным союзом вызвать и утвердить союз политический?“[18]. Таким образом, несмотря на юбилейный характер своего труда, И. В. Платонов первым из историков украинских земель столь рельефно подчеркнул политические цели как Византии, так и Ростислава.

И данной работой, и отдельной статьёй И. В. Платонов опроверг известное мнение М. П. Погодина о славянском происхождении Кирилла и Мефодия[19]. Он отверг и высказанное рядом историков мнение о том, будто Мефодий проповедовал в Польше[20]. Вообще, текст очерка И. В. Платонова не изобличал в римских папах изначальных заклятых врагов солунских братьев. В то же время, эти объективные факты не затеняли той острейшей борьбы, которую вело против миссионеров православия католическое духовенство и немецкие феодалы в Моравии. Поэтому общая концепция о неизбежности острой борьбы западно-католического и восточно-православного влияний остаётся у И. В. Платонова неизменной. Даже смерти Кирилла в Риме он придавал огромный символический смысл: „Промыслу Божию, конечно, угодно было положить подвижника восточного православия в столице римского неправоверия для того, чтобы западная церковь, отступившая от единства веры, носила в собственных недрах постоянного обличителя её неправомыслия и неумолкающего увещевателя к восстановлению единства церквей“[21].

Повод к острым антипапским высказываниям зачастую давал и сам Римский престол своими попытками направить чествование памяти Кирилла и Мефодия в нужное русло. Изданная с этой целью в 1880 г. папой Львом XIII „Энциклика“ вызвала весьма резкую реакцию ряда отечественных исследователей, в том числе и самого И. В. Платонова. Начавшиеся в Российской империи контрреформы, несомненно, усиливали критический тон его книги „Анти-энциклика, или братское слово православного славянина к славянам католикам“ (1882). Эта книга И. В. Платонова, вышедшая в ответ на папскую буллу, должна была противодействовать стремлениям католических иерархов „усвоить себе исключительно личности и заслуги Солунских Вероучителей, отторгая их от Востока“[22].

„Анти-Энциклика“ являла собою типичную полемическую работу, в которой автор выделил наиболее сложные узлы противоречий между католическими и православными историками Кирило-Мефодианы. К таковым, прежде всего, относились: степень влияния папства на миссионерскую деятельность солунских братьев; их отношение к Римскому престолу; их место в католической иерархии; действительные цели папства, разрешившего богослужение в Моравии на славянском языке; обстоятельства и значение погребения Кирилла в папском Риме; условия, в которых проходила дальнейшая деятельность Мефодия.

Выясняя отношение солунских братьев к двум церквам, И. В. Платонов высказал весьма объективную мысль о том, что в IX в. ещё не было резкого различия между ними, хотя между папой и патриархом происходили „враждебные столкновения“. Уже в силу этого, он считал неуместными претензии западных авторов, считавших, будто Кирилл и Мефодий были католиками, а не православными и „всецело отдали себя Западу“[23]. Если в первой своей книге И. В. Платонов выделял политическое значение миссионерской деятельности Кирилла и Мефодия, то в „Анти-Энциклике“ основное внимание было обращено на церковно-богословские вопросы. Центральное место здесь харьковский учёный отводил дискуссии об отношении славянских первоучителей к католическому догмату об исхождении Святого Духа и от Бога Сына (filioque). Привлечённые И. В. Платоновым источники (Письмо Иоанна к Собору в Константинополе, „Исповедание Веры“ Кирилла и Мефодия из Болгарского письма Московской Синодальной библиотеки) позволили ему отвергнуть мнения католических учёных о том, что солунские братья клялись в Риме „исповедовать святую веру Христову по разумению и чину Римской церкви“[24]. В разрешении же папством славянского языка в богослужении И. П. Платонов склонен был видеть, прежде всего, давление на Рим „внешних обстоятельств“, таких как страх „ущерба для власти“ и угрозы „отпадения целых областей“[25].

Весьма резкий тон заключения „Анти-Энциклики“ явно бросал вызов тем католическим авторам, которые знали русский язык. „Ваше празднество в честь Кирилла и Мефодия, – отмечал И. В. Платонов, – нам представляется скорее поруганием их памяти, чем прославлением, скорее кощунством, чем актом благочестия“[26]. Эти слова, явно рассчитанные на

новый виток дискуссии в Кирилло-Мефодиане, действительно вызвали таковую. Мишенью научных филиппиков И. В. Платонова стал хорватский католический епископ Й. Ю. Штроссмайер. В своё время епископ выступал против принципа непогрешимости папы и добивался от России помощи в борьбе хорватов против австрийских Габсбургов[27]. Однако даже такой „послужной список“ Й. Ю. Штроссмайера не удержал И. В. Платонова от желания оспорить содержание „Пастырского послания“ епископа, в котором тот высказал несогласие с рядом утверждений харьковского учёного. И. В. Платонов опубликовал обширный „Ответ автора „Анти-Энциклики“ на последовавшие противу неё со стороны католичества возражение“ (1884). В пылу полемики оба автора впадали порой в очевидные крайности. Если католический пастырь голословно настаивал на „не прерывавшемся в западной церкви почтительном отношении к имени Св. Первоучителей славян“, то харьковский учёный склонен был усматривать в этом отношении „одни враждебные отношения пап к славянскому делу и его начаположникам и поборникам, Св. Восточным пришельцам“[28]. Верный в предыдущих своих работах тезису о политических причинах миссионерской деятельности солунских братьев, И. В. Платонов, к сожалению, не развил данного тезиса в настоящей работе и не учёл политической ситуации во всей Западной Европе, сложившейся во второй половине IX в. На обломках новопреставленной Каролингской империи, в эпоху яростных норманских вторжений, папство оказалось единственной интернациональной силой, способной сплотить Западную Европу. В связи с этим, его гонения на славянскую церковь в Моравии были априори лишь составной частью той борьбы, которая велась против ряда единоверных Риму правителей, а в скором времени будет вестись им и против самих германских королей. И. В. Платонов же склонен был видеть в этой борьбе папства лишь восточное её направление, лишь религиозный её смысл. Поэтому учёный откровенно отмечал, что его работа направлена не против славян-католиков, а против „иерархии католической, издавна и в особенности в нынешнее время, задавшейся слишком смелою мыслию притянуть весь православный славянский род к подножию папского престола“[29]. „Мы ведём брань не с пасомыми.., а с их пастырями…“, – указывал И. В. Платонов в другом месте[30], разъясняя, таким образом, современникам и потомкам смысл своего научного вклада в Кирилло-Мефодиану.

Отметим, что этот преимущественно полемический вклад был высоко оценен в ряде отечественных рецензий. Труды И. В. Платонова, по мнению Пальмова (И. П.), стали наиболее обстоятельным ответом католикам и являли собой „сжатое и достаточно полное опровержение папских доводов и притязаний на усвоение Св. Кирилла и Мефодия Риму“[31]. В таком же духе была выдержана и рецензия П. Сырку на болгарский перевод „Анти-Энциклики“ И. В. Платонова. Книга эта, – отмечал рецензент, – „путеводная звезда среди ловитвенных сетей католических, как в самой Болгарии, Восточной Румелии и Македонии, так и в Западной Европе“[32]. „Анти-Энциклика“ И. В. Платонова была хорошо известна и обер-прокурору Священного Синода К. П. Победоносцеву. Их переписка, обнаруженная нами в фондах ИР ЦНБУВ, не только отражала стремление харьковского учёного своей „Антиэнцикликой“ способствовать „к отражению налезающего католичества“ и его „враждебного движения“, но и содержала в себе призывы И. В. Платонова действовать более решительно в борьбе с „неугомонным папством“[33].

Критическое изучение источников Кирилло-Мефодианы И. В. Платонов осуществлял на протяжении всей своей научной деятельности. При этом он стремился оперативно пресекать попытки отдельных российских учёных представить солунских братьев авторами чужих сочинений. „Некоторые, желая приумножить оставленные ими в наследство сокровища духа, – отмечал харьковский учёный в одной из своих статей, – стали приписывать нашему Кириллу и книгу, известную на Западе под названием Apologi S-ti Cyrilli или притчей Св. Кирилла, и в защиту славянских прав на неё, печатать учёные статьи“[34]. Подробнейший источниковедческий разбор указанных притчей позволил И. В. Платонову прийти к заключению, что они „не только не принадлежат нашему Кириллу, но и ни одному из Кириллов греческих и даже вообще греческому миру…“[35]. Учё-

ный представил неопровержимые доказательства немецкого происхождения источника и датировал его XV столетием. И хотя И. В. Платонов оставил открытым вопрос о реальном авторе притчей, приёмы его источниковедческой работы, сравнительный метод, текстологический анализ, наконец, объективность общих выводов, свидетельствовали о высочайшем профессиональном уровне учёного.

Исследования И. В. Платонова оказались востребованы его современниками. На наш взгляд, именно эта область его деятельности привела к тому, что в декабре 1863 г., семь лет спустя после своей отставки, он был удостоен звания почётного члена Харьковского университета[36]. Уже в качестве этого почётного члена И. В. Платонов развернул энергичную деятельность в новосозданном Кирилло-Мефодиевском братстве (КМБ). Оно действовало по всей Российской империи, в том числе в Харькове. Общество собирало пожертвования на строительство храма в честь солунских братьев, который предполагалось соорудить в г. Остроге (Волынь). В Харькове сбор этих пожертвований проходил в доме И. В. Платонова[37]. Исполняя должность старшего братчика КМБ, И. В. Платонов являлся реальным организатором празднования в Харькове юбилеев Кирилла и Мефодия[38].

Творчество И. В. Платонова затронуло все наиболее важные аспекты кирилло-мефодиевской проблемы, включая основные этапы жизни и деятельности славянских первоучителей, разбор основных источников, посвящённую им научную дискуссию. Рассматривая эти проблемы на протяжении более чем двадцати лет своего творчества, И. В. Платонов положил начало специальным научным исследованиям по Кирилло-Мефодиане в Харькове и историческому направлению Кирилло-Мефодианы в украинских землях Российской империи в целом. В связи с этим в уточнении нуждается утверждение современного украинского историографа С. А. Копылова о том, что „новый этап в исследовании кирилло-мефодиевской проблематики в Украине начало исследование профессора Харьковского университета П. Лавровского (1827–1886)“[39].

П. А. Лавровский лишь спустя год после своего университетского коллеги И. В. Платонова и студента Киевского университета И. Пигулевского[40] опубликовал первую работу по данной теме. Отмеченная впоследствии престижной Уваровской премией, она носила название „Св. Кирилл и Мефодий как православные проповедники и учители у западных славян, в связи с современною им историей церковных несогласий между Востоком и Западом“ (1863). Данная работа, в отличие от творчества И. В. Платонова, хорошо известна отечественной историографии. В то же время вполне очевидна необходимость представить более развёрнутую оценку её основных положений в связи с тем, что даже в обобщающих историографических трудах и отдельных статьях содержатся подчас либо краткие упоминания о ней[41], либо даются, по сути, аннотационные её оценки[42].

Рассматриваемая работа П. А. Лавровского, безусловно, является самой большой по объёму в харьковской Кирилло-Мефодиане. Ключевой проблемой в ней автор считал отношения солунских братьев к разделению западной и восточной Церквей. Шире была и источниковая база данной работы: поскольку „западные“ и „восточные“ авторы часто игнорировали сочинения друг друга[43], П. А. Лавровский использовал, наряду со славянскими (Паннонские Жития, труд Иоанна Экзарха, сказания о письменах Черноризца Храбра), ряд латинских источников, в том числе письма Римских пап и сочинения Анастасия Библиотекаря. В то же время из всех греческих источников автором был использован лишь один – Житие Св. Климента Римского.

Новый подход к проблематике вовсе не исключал многих общих оценок П. А. Лавровского и И. В. Платонова. В обеих работах достаточно внимания уделено как межконфессиональным, так и межгосударственным отношениям в Европе. Подобно своему коллеге[44], П. А. Лавровский считал, что церковный раскол IX в. не являлся окончательным, а понтифик Иоанн VIII, например, обнаружил, по словам автора, много „непритворного желания действительного мира в церкви вселенской“[45]. В связи с этим П. А. Лавровский считал совершенно необоснованными притязания других римских первосвященников на

верховную власть в христианском мире. Эти притязания в отношении „неприкосновенного права церкви восточной“ учёный трактовал как „неугомонные и преступные“[46]. П. А. Лавровский подверг острой критике утверждения ряда западных авторов, которые считали, что путешествие Кирилла и Мефодия в Моравию было продиктовано их желанием удалиться от „раскольнического Востока“, как виновника „церковного разногласия“[47].

Особое место в монографии учёного занимал вопрос об отношениях солунских братьев с Римским престолом. Верный своей славянофильской концепции о решающей роли в судьбах западного славянства борьбы славянского и германского начал, П. А. Лавровский доказывал, что Моравия, помимо недовольства „на политическое господство немцев“, проявляла недовольство „на иерархию латино-немецкую“[48]. Противодействие же „латино-немецкой иерархии“ выразилось, прежде всего, в жалобах и доносах Папе на деятельность Кирилла и Мефодия. „В этом только заключается и единственная причина, и побуждение первых сношений Св. братьев с Римом“, – подчёркивал учёный[49]. По его мнению, даже в ходе своей поездки в Рим солунские братья оставались „ревностными блюстителями чистоты восточного православия“[50]. Эта неоднократно повторяемая мысль проходит красной нитью через всю монографию П. А. Лавровского. Подобному подходу, вполне традиционному для отечественной Кирилло-Мефодианы, несколько противоречило высказывание известного одесского византиниста и слависта В. И. Григоровича, отмечавшего „примирительность“ солунских братьев в отношениях с Римским престолом[51].

В своём творчестве П. А. Лавровский весьма критически относился к западному католическому миру. В газетной статье „Характер католического праздника в память Св. Кирилла и Мефодия“ (1863) он прямо писал о „неприветливом к православию мире католическом“, который и в праздновании юбилея обнаружил своё отступничество „от духовности, обычное преследование известных целей, затемнение и извращение истины…“[52].

Некоторые вопросы, поставленные П. А. Лавровским ещё в монографии, решались в дальнейшем в других его публикациях. Среди них – проблема этнического происхождения солунских братьев[53], острая критика точки зрения Л. Лежера о принятии Кириллом епископства[54] и др. При этом любой исследователь его творчества обязан признать, что тематически данные публикации во многом идентичны публикациям И. В. Платонова. Так, вслед за И. В. Платоновым П. А. Лавровский активно включился в дискуссию о приписываемых Кириллу латинских апологах и в специальной статье по этому поводу пришёл к тем же выводам, что и его харьковский коллега. П. А. Лавровский подверг резкой критике мнение А. И. Соболевского, доказывавшего авторство Кирилла над „Speculum sapientiae“. „Рукописи латинские, предшествующие печатным изданиям, – указывал он, – прямо и определённо говорят об авторе „Speculum sapientiae“, называя его Кириллом, епископом Гвидонским, который жил в XIII в. и известен как коронованный латинский поэт“[55]. Таким образом, в отличие от И. В. Платонова, П. А. Лавровский не стал оставлять открытым вопрос о реальном авторе данных апологов.

К источниковедческому аспекту Кирилло-Мефодианы обращался преемник П. А. Лавровского по кафедре славянской филологии Харьковского университета профессор М. С. Дринов. Он ввёл в научный оборот неизвестное ранее славословие Кириллу и Мефодию. Это славословие было включено в Болгарский Синодик 1211 г., анализу которого учёный посвятил специальную статью. Статья в равной степени представляет интерес как для болгаристики, так и для Кирилло-Мефодианы, поскольку это славословие, записанное в начальный период Второго Болгарского царства, не подвергалось искажениям со стороны переписчиков, хотя в основу самого Болгарского Синодика и был положен греческий Синодик[56]. М. С. Дринов сопоставил данные славословия с соответствующими показаниями Пространного Жития Климента Римского. Автор допускал вероятность того, что составители славословия пользовались не только этим Житием, но и другими более древними источниками, которые позволяли им критически относиться к показаниям Жития[57]. Исследование М. С. Дриновым Болгарского Синодика, содержавшего данные о солунских братьях, расширяло источниковую базу Кирилло-Мефодианы.

С откровенно провиденциальных позиций рассматривал деятельность Кирилла и Мефодия профессор кафедры богословия Харьковского университета В. И. Добротворский в статье „Слово в день празднования тысячелетия Блаженной кончины Св. Равноапостольного Мефодия, архиепископа Моравского, первоучителя славян" (1885). Эта деятельность изображалась им как „предвечное избрание Божие к спасению славянских народов"[58]. В расчётах Ростислава В. И. Добротворский усматривал религиозные, а не политические мотивы. Он не находил в своих рассуждениях места для связи солунских братьев, исполненных исключительно „познанием воли Божией", с трезвыми государственными расчётами византийского двора, ведшего свою политическую игру. „Для них не существовало на земле ничего, кроме Царства Божия", – подчёркивал В. И. Добротворский[59]. Такой подход противоречил признанию преимущественно политических причин миссии солунских братьев, высказанной И. В. Платоновым и В. А. Бильбасовым[60], но был довольно близок выводам известного киевского учёного А. Д. Воронова о том, что деятельность Кирилла и Мефодия „отдалена от круга ближайших интересов Византии"[61].

Априори деятельность Кирилла и Мефодия рассматривалась и в учебных изданиях, посвящённых истории церкви. Первым по времени подобным изданием, опубликованным в Харькове в рассматриваемый период, стал труд законоучителя Ветеринарного института протоиерея И. Гапонова „Церковная история, с первых времён христианства до второй половины XIX века" (1867).

И. Гапонов откровенно преувеличивал успех хазарской миссии Кирилла и Мефодия, считая, что благодаря им „хозары начали свободно принимать христианскую веру"[62]. Другую миссию солунских братьев – Моравскую – автор также напрямую связывал с религиозными целями Константинопольского патриархата. Именно „от лица греческой церкви", по мнению И. Гапонова, они были отправлены в Моравию[63]. В отличие от немецкого духовенства, враждебного Кириллу и Мефодию, римские папы Адриан II и Иоанн оказывали, по мнению автора, покровительство славянским первоучителям[64]. Эта вполне объективная оценка И. Гапонова освобождает автора от возможных упрёков в предвзятости в связи с особыми учебными задачами его „Церковной истории".

Таким образом, харьковские учёные 60-80-х гг. XIX в. внесли весомый вклад в изучение кирилло-мефодиевской проблемы. В их творческом активе – около половины из 31 публикации по истории подвижничества солунских братьев, опубликованных в украинских землях Российской империи. Разработка харьковскими учёными различных проблем Кирилло-Мефодианы была связана в первую очередь с юбилеями славянских первоучителей. Наряду с юбилейным характером данных исследований, другой характерной их особенностью являлось изображение проповеднической и культурно-просветительской деятельности Кирилла и Мефодия в контексте цивилизационного противостояния восточно-православно-славянского и западно-католического мира. В связи с этим стало традицией подчёркивать верность солунских братьев православной церкви, враждебность или неискренность к ним со стороны католического клира, неправомерность попыток западных исследователей XIX в. изображать Кирилла и Мефодия приверженцами римского престола.

В отличие от представителей киевской школы Кирилло-Мефодианы, основные достижения которой – фундаментальные источниковедческие диссертационные труды, исследования харьковских учёных представляли собой преимущественно исторические очерки в рамках указанной тематики и отличались, как правило, более острой полемической манерой. В методологическом плане харьковские учёные находились под сильным влиянием славянофильских доктрин. Основной вклад в изучение Кирилло-Мефодианы внесли И. В. Платонов, П. А. Лавровский, М. С. Дринов. Их работы представляют комплексный интерес для византинистики, славяноведения, церковной истории, истории культуры.

[1] *Дёмин, О.* „Мы пришли дать вам слово“. Кирилл и Мефодий в истории славянской культуры. Одесса, 2003, с. 115.

[2] *Лиман, С. И.* Идеи в латах: Запад или Восток? Средневековье в оценках медиевистов Украины (1804 – первая половина 1880-х гг.). Харьков, 2009, с. 412.

[3] См.: *Новицкий, О.* О первоначальном переводе Священного Писания на славянский язык. К., 1837.

[4] *Министр народного просвещения* Новицкому Оресту Марковичу. Письмо о награждении его Цесаревичем за книгу „О первоначальном переводе Священного писания на славянский язык“. 1837. – В: ИР ЦНБУВ, ф. 201, д. 42, л. 1.

[5] *Бодянский, О.* Разбор сочинения П. А. Лавровского „Кирилл и Мефодий как православные проповедники у западных славян“. – В.: Отчёт о седьмом присуждении премии графа Уварова. СПб, 1864.

[6] *Пальмов, И. П.*[Рец.]. – В.: Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества, 1884, № 11, 27–29 (*Платонов, И.* Анти-энциклика, или братское слово православного славянина католикам, по поводу издания папою Львом XIII буллы о праздновании памяти Св. Кирилла и Мефодия. Х., 1882); *Сырку, П.* Антиэнциклика в болгарском переводе. – В: Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества, 1885, № 2, с. 95.

[7] *Копилов, С. А.* Проблеми історії слов’янських народів в історичній думці України (остання третина XVII – початок XX ст.). Кам’янець-Подільський, 2005, с. 206; *Лаптева, Л. П.* История славяноведения в России в XIX в. М., 2005, с. 798*; Лиман, С. І.* Петро Олексійович Лавровський як історик-медієвіст: харківський період науково-педагогічної діяльності (1851–1869). – ВХДАК, 2010, вип. 30, 42–44.

[8] *Лиман, С. И.* Кирилло-мефодиевская проблема в научном наследии И. В. Платонова (1803–1890). – Харківський історіографічний збірник, 2008, вип. 9, 154–163.

[9] *Славяноведение в дореволюционной России*: Биобиблиографический словарь. М., 1979, с. 214; *Славяноведение в дореволюционной России*. Изучение южных и западных славян. М., 1988, с. 233.

[10] См.: *Бернштейн, С. Б.* Cyrillo-methodiana в России. – Учёные записки Тартусского государственного университета, 1983, вып. 649.

[11] *Митряев, А. И., Лиман, С. И.* Кирилло-мефодиевская проблема в трудах медиевистов Украины XIX–XX вв. – В.: Болгарская культура в веках: тез. докл. научн. конф. 26–27 мая 1992 г. М., 1992, 104–105; *Лиман, С. И.* Идеи в латах.., 415–423; 432–433.

[12] *Славяноведение в дореволюционной России*. Изучение южных и западных славян.., с. 233.

[13] *Платонов, И.* Жизнь и подвиги первоучителей славянских Кирилла и Мефодия. – ДВ, 1862, № 6, с. 281.

[14] *Бернштейн, С. Б.* Указ. соч., с. 22; *Лаптева, Л. П.* Йозеф Добровский и русское славяноведение XIX в. – Славяноведение, 2003, № 6, с. 22.

[15] *Петров, М. Н.* Программа для экзаменов по истории средних веков (I и II курс юрид. фак-та). – В: Отдел рукописей Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина, д. 1808/с, л. 1.

[16] *Платонов, И.* Указ. соч., 290–291.

[17] *Платонов, И.* Жизнь и подвиги.., № 7, с. 311.

[18] Там же, с. 326.

[19] *Платонов, И.* Кто были наши первоучители – Св. Кирилл и Мефодий, славяне или греки? – ДВ, 1866, № 2, 199–218.

[20] *Платонов, И.* Жизнь и подвиги.., № 8, с. 589.

[21] Там же, с. 568.

[22] *Платонов, И.* Анти-энциклика.., с. 2.

[23] Там же, 2–3.

[24] Там же, с. 17.

[25] Там же, с. 82.

[26] Там же, с. 119.

[27] *Фрейдзон, В. И.* Две беседы Й. Ю. Штросмайера с российскими дипломатами. – Славяноведение, 2004, № 1, с. 133, 138.

[28] *Платонов, И.* Ответ автора „Анти-Энциклики“ на последовавшее противу неё со стороны католичества возражение. Х, 1884, 91–92.

[29] Там же, с. 129.

[30] Там же, с. 130.

[31] *Пальмов, И. П.* [Рец.], с. 29.

[32] *Сырку, П.* Указ. соч., с. 95

[33] *Платонов, И.* [Победоносцеву Константину Петровичу]. Письмо из Харькова в Петербург 28 июня 1882 г. – В.: ИР ЦНБВ, ф. XIII, д. 5538, л. 1–2.

[34] *Платонов, И.* Исследования об апологах или притчах Св. Кирилла. – ЖМНП, 1868, № 5, с. 378.

[35] Там же, с. 400.

[36] *Юридический факультет* Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905). Х, 1908, с. 279.

[37] *Платонов, И.* Известие о Кирилло-Мефодиевском братстве. – ДВ, 1865, т. 12, с. 475, 480.

[38] *Церковное празднество* в Харькове в день святителей Кирилла и Мефодия. – ДВ, 1866, № 8, 594–602.

[39] *Копилов, С. А.* Вказ. праця, с. 205

[40] *Пигулевский, И.* Деятельность Св. Константина (Кирилла) и Мефодия среди фракийских, македонских и булгарских славян. – УИ, 1862, № 5, 1–44.

[41] *Славяноведение в дореволюционной России*: Биобиблиографический словарь.., с. 214; *Славяноведение в дореволюционной России*. Изучение южных и западных славян.., с. 233.

[42] *Копилов, С. А.* Вказ. праця, с. 206; *Лаптева, Л. П.* История славяноведения.., с. 798.

[43] *Лавровский, П. А.* Св. Кирилл и Мефодий как православные проповедники и учителя у западных славян, в связи с современной им историей церковных несогласий между Востоком и Западом. – ДВ, 1863, т. 5, № 5, с. 84.

[44] *Платонов, И.* Анти-энциклика..., с. 2.

[45] *Лавровский, П. А.* Указ. соч., с. 121; Св. Кирилл и Мефодий.., № 7, с. 340.

[46] *Лавровский, П. А.* Св. Кирилл и Мефодий.., т. 5, № 6, с. 251; ср.: *Бильбасов, В. А.* Римские папы и славянские первоучители. – ЖМНП, 1868, № 5, с. 370.

[47] *Лавровский, П. А.* Св. Кирилл и Мефодий.., № 7, с. 342, 356.

[48] *Лавровский, П. А.* Св. Кирилл и Мефодий.., № 8, с. 484.

[49] Там же, с. 487.

[50] *Лавровский П. А.* Св. Кирилл и Мефодий.., т. 6, № 9, с. 64.

[51] *Григорович, В. И.* Несколько слов, сказанных по поводу празднования тысячелетия со времени кончины Св. Кирилла. – Записки Новороссийского университета, 1869, т. 3, с. 13.

[52] *Лавровский, П. А.* Характер католического праздника в память Св. Кирилла и Мефодия. – В: Санкт-Петербургские ведомости, 1863, № 135, с. 1.

[53] *Лавровский, П. А.* Греки или славяне были Кирилл и Мефодий. – В: Русский, 1868, № 26.

[54] *Лавровский, П. А.* Кирилл и Мефодий во французском сочинении “Cyrille et Méthode” [Ref.] – ЖМНП, 1869, № 1, с. 213 (*Leger L.* Cyrille et Méthode. Études historiques sur la conversion des Slaves au Christianisme. Paris, 1868).

[55] *Лавровский, П. А.* Действительно ли Кирилл Солунский – автор латинских апологов? – ЖМНП, 1868, № 7, с. 307.

[56] *Дринов, М. С.* Новый церковно-славянский памятник с упоминанием о славянских первоучителях. – ЖМНП, 1885, № 4, с. 177, 182.

[57] Там же, с. 197.

[58] *Добротворский, В. И.* Слово в день празднования тысячелетия Блаженной кончины Св. Равноапостольного Мефодия, архиепископа Моравского, первоучителя славян. – ПО, 1885, № 4, с. 788.

[59] Там же, с. 790.

[60] *Платонов, И.* Жизнь и подвиги.., № 6, 290–291; *Бильбасов, В. А.* Кирилл и Мефодий по документальным источникам. СПб., 1868, с. 62. 63.

[61] *Воронов, А. Д.* Главнейшие источники для истории Св. Кирилла и Мефодия. – Труды Киевской духовной академии, 1876, № 10, с. 118.

[62] *Гапонов, И.* Церковная история с первых времён христианства до 2-й половины 19-го века. Х., 1867, ч. 1, с. 84.

[63] Там же.

[64] Там же, 84–85.

УДК 930.2:7.033.2]:929 Редин

Е. К. РЕДИН – ИСТОРИК ВИЗАНТИЙСКОГО ИСКУССТВА

Р. И. Филиппенко

***Філіппенко Р. І.* Є. К. Рєдін – історик візантійського мистецтва**

Стаття присвячена вивченню мистецтва Візантії у Харківському університеті наприкінці XIX – на початку XX ст. У роботі аналізується творча спадщина відомого українського та російського історика-мистецтвознавця, професора Харківського університету Є. К. Рєдіна, який займався вивченням ранньохристиянського, візантійського і давньоруського мистецтв. Є. К. Рєдін писав про необхідність вивчення мистецтва Візантії задля розуміння російського мистецтва. У статті йдеться про внесок Є. К. Рєдіна у створення Харківської школи мистецтвознавства.

Ключові слова: Є. К. Рєдін, Харківський університет, християнські пам'ятники мистецтва, історіографія.

***Филиппенко Р. И.* Е. К. Редин – историк византийского искусства**

Статья посвящена изучению искусства Византии в Харьковском университете в конце XIX – начале XX в. В работе анализируется творческое наследие известного украинского и российского историка-искусствоведа, профессора Харьковского университета Е. К. Редина, который занимался изучением раннехристианского, византийского и древнерусского искусства. Е. К. Редин писал о необходимости изучения искусства Византии для понимания русского искусства. В статье говорится о вкладе Е. К. Редина в создание Харьковской школы искусствоведения.

Ключевые слова: Е. К. Редин, Харьковский университет, христианские памятники искусства, историография.

***Filippenko R. I.* Y. K. Redin - the historian of the Byzantine art**

The article is devoted to the investigation of Byzantine art in Kharkov University in the late XIX – early XX century. The work contains the analysis of creative heritage of the well-known Ukrainian and Russian historian and art critic, professor of Kharkov University Y. K. Redin who investigated Early Christian, Byzantine and Old Russian art. Y. K. Redin wrote about the necessity of Byzantine art studies for understanding of Russian art. The article deals with Y. K. Redin's contribution to Kharkov School of Art Criticism formation.

Keywords: Y. K. Redin, Kharkov University, Christian monuments of art, historiography.

Крупный знаток истории искусства, профессор Харьковского университета Е. К. Редин оставил видный след в исследовании средневековой художественной культуры. Научное наследие ученого включает около двухсот работ. Большая часть из них была посвящена изучению древнехристианского, византийского и древнерусского искусства, а некоторые не утратили своего значения до сегодняшнего дня.

Е. К. Редин (1863–1908) родился в селе Старшем Дмитриевского уезда Курской губернии в семье неграмотного крестьянина. После окончания гимназии в 1884 г. Е. К. Ре-

© Р. И. Филиппенко, 2012

дин поступил в Новороссийский университет. С первых дней учебы будущий ученый обратил на себя внимание усидчивостью и настойчивостью, а главное, стремлением к изучению истории искусства, что повлияло на всю его дальнейшую научную судьбу. Позже Е. К. Редин писал, что направлением специальных знаний полностью обязан профессору Н. П. Кондакову (1844–1925)[1], который читал разные курсы по теории и истории искусств, затрагивая и проблемы изучения древнерусской культуры. В числе учителей Е. К. Редина необходимо назвать и А. И. Кирпичникова (1845–1903). Н. П. Кондаков и А. И. Кирпичников учились у Ф. И. Буслаева (1818–1897) – основоположника науки о средневековом русском искусстве.

Н. П. Кондаков предложил Е. К. Редину и его другу Д. В. Айналову (1862–1939) тему дипломной работы о мозаиках и фресках Софийского собора Киева. С этим заданием друзья справились блестяще. В решении ученого совета отмечалось: „По рассмотрении сочинений, представленных на заданные темы, присуждены золотые медали студентам… историко-филологического факультета: … Е. Редину – за сочинение на тему: „Живопись Киево-Софийского собора“; студент того же семестра исторического отделения Д. Айналов получил право на получение золотой медали…“[2].

Робота „Киево-Софийский собор. Исследование древней мозаической и фресковой живописи“[3] в 1891 г. была удостоена почетного отзыва Русского археологического общества[4]. Она получила похвальные рецензии специалистов. „Труд этот, удостоенный награды, оказался до такой степени удачным, что после переработки мог быть напечатан в виде первого опыта комментария к изданным рисункам [„Древности Российского государства. Киевский Софийский собор“ – прим. авт.]…“, – писалось в одной из рецензий[5]. В этой работе раннего периода в значительной степени проявляются основные черты Е. К. Редина и Д. В. Айналова как серьезных историков искусства.

После сдачи магистерских экзаменов Е. К. Редин едет за границу. Молодого ученого по-настоящему увлекла наука. Он пользовался любой возможностью, чтобы поработать в музеях и библиотеках, осмотреть, зарисовать или сфотографировать лучшие памятники христианского зодчества, мозаики, фрески и т. д. Особенно плодотворно исследователь работал в Равенне. В этих „христианских Помпеях“[6] он нашел неисчерпаемое сокровище для изучения памятников византийского искусства, какого не мог дать ни один город Италии.

Двухгодичное путешествие по странам Европы способствовало окончательному формированию Е. К. Редина как одного из крупнейших специалистов в области истории европейского и византийского искусства как на Западе, так и в России. Больше об этом периоде жизни Е. К. Редина можно узнать, прочитав дорожные заметки „любителя искусств“, опубликованные в журнале „Мирный труд“ за 1902–1903 гг. под заголовком „Италия. Из писем к друзьям любителя искусств“. В 1903 г. они вышли отдельной книгой под названием „Италия. Из писем к друзьям“[7].

Результатом поездки стал сбор материала для написания магистерской диссертации и публикации ряда работ, в которых изучались произведения византийской мозаики, миниатюры, памятники прикладного искусства. Примером могут служить статьи: „Рукописи с византийскими миниатюрами в библиотеках Венеции, Милана и Флоренции“, „Древнехристианская пиксида Болонского музея“, „Миниатюры пурпурного кодекса Мюнхенской библиотеки“[8] и др.

Ученый внимательно следил за новой литературой. О глубоких знаниях и научном авторитете Е. К. Редина в области истории искусства ярко свидетельствуют многочисленные рецензии на работы российских и западноевропейских ученых.

В 90-х гг. почти одновременно выходят в свет такие издания как „Археологические известия и заметки“ и „Византийский Временник“. Е. К. Редин пишет статьи, посвященные началу их публикации[9]. Он приветствует выход первого тома „Известий“ Российского археологического института в Константинополе[10].

В 1893 г. Е. К. Редин был приглашен на должность приват-доцента Харьковского университета по кафедре теории и истории изящных искусств для чтения лекций[11].

Вызывает искреннее восхищение огромная работоспособность и широта интересов Е. К. Редина. В 1893 г. ученый был принят в члены Харьковского историко-филологического общества (секретарем этого общества его избирают в 1897 г.) и назначен заведующим Музеем изящных искусств Харьковского университета, принимал активное участие в деятельности Харьковского общества распространения в народе грамотности, работал в различных комитетах и комиссиях.

Главным же трудом этого периода для Е. К. Редина была магистерская диссертация „Мозаики равеннских церквей“[12], которую он успешно защитил в Петербургском университете в январе 1897 г.[13] Итогом большого исследования стал ответ на вопрос о происхождении мозаик Равенны. Проведя иконографический анализ украшений, Е. К. Редин отнес мозаики к памятникам византийского искусства. „В силу указанных… причин мы полагаем возможным отнести равеннские мозаики к памятникам византийского искусства на почве Италии, однако с некоторой долей влияния западных образцов (так называемой условно римской школой)...“[14], – писал он. Ученый не отрицал влияния римской школы, замечая, что мастера последней находились под большим влиянием искусства Византии. Следует особо подчеркнуть, что Е. К. Редин текстовую часть исследования дополнил большим количеством иллюстраций.

В середине XIX в. в исторической науке доминировало мнение, что византийское искусство является чем-то мертвым и далеким от красоты. Лишь в конце XIX в. такое отношение к искусству Византии начинает меняться. В этом была и заслуга Е. К. Редина. Таким образом, научная деятельность Е. К. Редина являлась откликом на запросы того времени. Ученый настаивал на том, что исследование искусства Византии – первоочередная задача. Его изучение важно для познания русского искусства. Ученый проводил мысль о том, что историю византийского искусства и историю искусства славянских народов необходимо изучать не изолированно, а в тесной взаимосвязи, используя сравнительный и историко-генетический методы. Следует подчеркнуть, что понятие византийского искусства у Е. К. Редина распространяется не только на Константинополь, но и на искусство стран Средиземноморья, Болгарию, Грузию, Армению, Русь и другие государства, находившиеся в ареале влияния Византии.

Безусловно, в работах Е. К. Редина были недостатки. Совершенно очевидно, что исследователь находился под влиянием позитивистской историографии. Он считал, что достоверное знание может быть получено только в результате тщательного сбора, изучения и систематизации фактов. Однако было бы упрощением утверждать, что в своих многочисленных работах историк искусства стремился лишь к констатации фактов. Кроме того, Е. К. Редин, как и многие другие ученые конца XIX – начала XX в., основное внимание уделял вопросам иконографии, пологая, что если иконографическая система точно описана, то и научная задача решена. В этой связи Е. К. Редин недостаточно внимания уделял технике, стилю и другим вопросам.

Летом 1898 г. Е. К. Редин был отправлен в командировку на Афон в качестве члена экспедиции организованной Российской Академией наук. Возглавил ее академик Н. П. Кондаков[15]. История Афонских монастырей интересна для науки тем, что тут сохранились памятники, которые дают богатый материал для изучения античного и христианского искусства Греции. Члены экспедиции посетили восемнадцать Афонских монастырей. Они исследовали архитектуру и стенную живопись, иконопись, церковную утварь, шитье, древние рукописи, миниатюры и т. д. Кроме Е. К. Редина в работе экспедиции приняли участие такие ученые как Н. Я. Марр (1864/1865–1934) и Ф. Г. Беренштам (1862–?).

О результатах работы экспедиции Е. К. Редин писал в статье „Ученая экспедиция на Афон“[16], критико-библиографической заметке по истории и археологии искусства[17] и рецензии на книгу Н. П. Кондакова „Памятники христианского искусства на Афоне“[18].

По мере возможности ученый принимал участие в работе Русского археологического общества, был членом-корреспондентом Общества любителей древней письменности и т. д. Будучи членом Московского археологического общества, Е. К. Редин являлся делегатом VIII, X, XII, XIII археологических съездов и принимал участие в подготовке XI, XII, XIII и XIV съездов. В результате подготовки и проведения археологических съездов появлялась научная литература, которая издавалась в виде их „Трудов“, „Трудов подготовительных комитетов“, „Каталогов выставок“ и других материалов.

Особо следует подчеркнуть роль Е. К. Редина в подготовке и работе XII Археологического съезда (Харьков, 1902 г.), о чем писали П. С. Уварова (1840–1924), Д. И. Багалей (1857–1932), Н. Ф. Сумцов (1854–1922). С. А. Жебелев (1867–1941) подчеркивал, что своим успехом Харьковский съезд обязан в значительной степени, если не целиком, энергии Е. К. Редина[19].

Наше представление о научных связях, интересах, характере и мировоззрении Е. К. Редина существенно дополняет большой комплекс архивных документов, в первую очередь эпистолярное наследие ученого. Круг лиц, с которыми переписывался Е. К. Редин, включал почти всех выдающихся ученых-византинистов того времени. В архивах Петербурга хранятся письма, написанные Н. П. Кондакову, И. В. Помяловскому (1845–1906), И. И. Толстому (1858–1916), В. П. Бузескулу (1858–1931), С. А. Жебелеву, Б. М. Ляпунову (1862–1943), П. С. Уваровой, Ф. И. Успенскому (1845–1928) и другим ученым[20]. Письма Е. К. Редина сохранились и в фонде Д. В. Айналова[21].

Высоко ценил работы Е. К. Редина и поддерживал с историком искусства тесную связь Н. П. Кондаков. Наша современница И. Л. Кызласова акцентирует, что внимание Н. П. Кондакова привлекали работы А. И. Кирпичникова, Н. В. Покровского (1848–1917), Е. К. Редина и других ученых[22]. В связи с изучаемой проблемой большой интерес представляет анализ интенсивности переписки Н. П. Кондакова, сделанный И. Л. Кызласовой по архивным материалам: Д. В. Айналов (1900–1917 – 35 писем), Е. К. Редин (1896–1908 – 52), Я. И. Смирнов (1892–1917 – 82); С. А Жебелев (1897–1914 – 25) и т. д.[23]

Интересуясь, главным образом, лицевыми рукописями, Е. К. Редин достаточно быстро перешел от изучения греческих и восточнославянских памятников к изучению российских, пишет современный историк искусства Г. И. Вздорнов[24]. Об этом свидетельствует выбор ученым темы докторской диссертации, которая была посвящена исследованию и проведению сравнительного анализа миниатюр „Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам“. По всей видимости, выбор темы был сделан по совету Н. П. Кондакова, что подтверждает запись, сделанная в дневнике академика еще в январе 1889 г.: „Редин. [Топограф.]“[25].

В истории византийского искусства V–VII ст. были эпохою образования художественного стиля и выработки иконографических типов. Одним из лучших памятников той эпохи являются миниатюры рукописи Козьмы Индикоплова Ватиканской библиотеки, относимой автором к VII ст.[26] Прекрасно иллюстрированные списки „Христианской топографии“ представляют особую ценность для изучения древнерусской письменной культуры, преемственности древнерусскими миниатюристами приемов и техники византийских мастеров. Кроме того, древнерусские списки хранили утраченные звенья греческой иконографии. Таким образом, это наиболее крупное исследование Е. К. Редина было важно для изучения истории как византийского, так и древнерусского искусства[27].

По мере сбора и изучения материала Е. К. Редин опубликовал ряд статей: „Античные боги (планеты) в лицевых рукописях сочинения Козьмы Индикоплова“[28] „Голгофский крест в лицевых рукописях сочинения Козьмы Индикоплова“[29], „Портрет Козьмы Индикоплова в русских лицевых списках его сочинения“[30] и др.

Е. К. Редин подготовил большую по размеру рукопись, которая включала около ста печатных листов. Естественно, что такого типа исследование имело огромное количе-

ство иллюстративного материала. В первом томе рукописи ученый привел 434 рисунка в тексте и 32 таблицы с иллюстрациями в приложении.

Однако Е. К. Редин был вынужден уделять много времени для работы в разных обществах, комитетах и комиссиях, вследствие чего написание докторской диссертации сильно затянулось и не было завершено в связи с ранней смертью автора. Он прокорректировал приблизительно пять печатных листов с большим количеством (более тысячи) иллюстраций. Будучи неизлечимо больным, Е. К. Редин согласился на предложение Д. В. Айналова помочь ему напечатать исследование.

Из предисловия „Христианской топографии Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам“ видно, что процесс редактирования и подготовки монографии к печати проходил медленно и трудно. Это было связано с огромным количеством иллюстративного материала, который использовал автор.

Д. В. Айналов и П. С. Уварова постоянно информировали коллег ученого по Харьковскому университету, в частности Н. Ф. Сумцова, о подготовке монографии Е. К. Редина к печати. Об этом свидетельствуют многочисленные письма, хранящиеся в архивах.

Первая часть фундаментальной работы Е. К. Редина „Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам“[31] увидела свет в 1916 г. Она была опубликована в качестве юбилейного издания Московского археологического общества. Вторая часть работы так и не была напечатана. К сожалению, материал второй части не найден[32].

Капитальный труд Е. К. Редина удивляет своим размахом. Он не утратил своего значения и сегодня. В заключение приведем высказывания наших современников о фундаментальной работе историка искусства. „Монументальным исследованием“ называет „Христианскую топографию Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам“ Г. И. Вздорнов[33]. Высокую оценку работе Е. К. Редина дала Е. К. Пиотровская. Она отмечает, что „Иконографическая традиция Х. т. в ее древнерусском преломлении изучена фундаментально в труде Е. К. Редина еще в начале XX в.“[34]. По мнению Н. В. Квливидзе, работа Е. К. Редина до сегодняшнего дня является основополагающим исследованием в вопросах, которые рассматривают „русских Индикопловых“[35] и т. д.

Приемником Е. К. Редина по кафедре теории и истории искусства стал Ф. И. Шмит (1877–1942). Н. Ф. Сумцов писал, что его работы являются „прямым продолжением“ работ Е. К. Редина[36]. Это становится совершенно очевидно, если посмотреть на содержание работ, принадлежавших перу Ф. И. Шмита: „Равеннские мозаики. 1112 г.“[37], „Алтарные мозаики церкви Михаила Архангела в Равенне“[38], „Киевский Софийский собор“[39] и др. Все это позволило сохранить основные научные направления искусствоведческой школы и дало возможность далее развивать византиноведение в Харьковском университете.

[1] *Редин, Е. К.* [Автобиография]. – В: Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905): I. История факультета. II. Биографический словарь профессоров и преподавателей / Под ред. М. Г. Халанского и Д. И. Багалея. Х., 1908, с. 307.

[2] Новороссийский университет в 1888 году. – ЖМНП, 1890, № 4, 55–56.

[3] *Айналов, Д., Редин, Е.* Киево-Софийский собор. Исследование древней мозаической и фресковой живописи. СПб., 1889.

[4] *Веселовский, Н. И.* История императорского Русского Археологического общества за первые пятьдесят лет его существования (1846–1896). СПб., 1900, с. 201, 206.

[5] [Рецензия]. – ЖМНП, 1889, № 3, 262–264. – Рец. на кн.: *Айналов, Д., Редин, Е.* Киево-Софийский собор. Исследование древней мозаической и фресковой живописи. СПб., 1889, с. 263.

[6] *Редин, Е. К.* Мозаики равеннских церквей. СПб., 1896, с. 9.

[7] *Редин, Е. К.* Италия. Из писем к друзьям. Х, 1903.

[8] *Редин, Е. К.* Рукописи с византийскими миниатюрами в библиотеках Венеции, Милана и Флоренции. – ЖМНП, 1891, № 12, 299–317; Древнехристианская пиксида Болонского музея. – АИЗ, 1893,

т. 1, № 7–8, 239–250; Миниатюры пурпурного кодекса Мюнхенской библиотеки. – АИЗ, 1894, т. 2, № 5, 145–152 и др.

[9] *Редин, Е. К.* [Рецензия]. – ЗХУ, 1893, кн. 2, 21–22. – Рец. на журн.: Археологические известия и заметки / Изд. Имп. Моск. Археол. об-во; Под ред. А. В. Орешникова, 1893, № 1, 2; *Редин, Е. К.* [Рецензия]. – АИЗ, 1894, т. 2, № 8–9, 270–273. – Рец. на журн.: Византийский Временник, издаваемый при императорской Академии Наук. Т. 1, вып. 1 / Под ред. В. Г. Василевского и В. Э. Регеля, СПб., 1894.

[10] *Редин, Е. К.* [Рецензия]. – ВВ, 1897, т. 4, вып. 1–2, 227–232. – Рец. на журн.: Известия Русского археологического института в Константинополе, [Т.] I, 1896.

[11] *Редин, Е. К.* [Автобиография]. – В: Историко-филологический факультет.., с. 307.

[12] *Редин, Е. К.* Мозаики равеннских.., СПб., 1896.

[13] Диспут Е. К. Редина. – ИВ, 1897, т. 67, 1155–1156.

[14] *Редин, Е. К.* Указ. соч., с. 224.

[15] *Редин, Е. К.* – В: Имп. Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.) / Под ред. П. С. Уваровой, И. Н. Бороздина. М., 1915, т. 2, с. 310.

[16] *Редин, Е. К.* Ученая экспедиция на Афон. – ВВ, 1898, т. 5, 816–818.

[17] *Редин, Е. К.* Критико-библиографические заметки по истории и археологии искусств. – МТ, 1902, № 2, 237–252.

[18] *Редин, Е. К.* [Рецензия]. – ЖМНП, 1902, № 7, 216–229. – Рец. на кн.: Кондаков Н. П. Памятники христианского искусства на Афоне. – СПб., 1902.

[19] *Жебелев, С. А.* Памяти Е. К. Редина. – ЗРАО, 1910, т. 6, с. 12.

[20] Е. К. Редин: жизнь и деятельность (по материалам петербургских архивов). – В: Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб., 2004, с. 312.

[21] Д. В. Айналов: жизнь, творчество, архив. – В: Архивы русских византинистов с Санкт-Петербурге / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 1995, с. 303.

[22] *Кызласова, И. Л.* История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф. И. Буслаев, Н. П. Кондаков: методы, идеи, теории). М., 1985, с. 81.

[23] Там же, с. 83.

[24] *Вздорнов, Г. И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М., 1986, 271–272.

[25] Е. К. Редин: жизнь и деятельность.., с. 330.

[26] *Редин Е. К.* Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам / Под ред. Д. В. Айналова. М., 1916, с. 5.

[27] *Пиотровская, Е. К.* К изучению древнерусской версии „Христианской топографии“ Козьмы Индикоплова. – ВВ, 1991, т. 51, с. 108.

[28] *Редин, Е. К.* Античные боги (планеты) в лицевых рукописях сочинения Козьмы Индикоплова. СПб., 1901.

[29] *Редин, Е. К.* Голгофский крест в лицевых рукописях сочинения Козьмы Индикоплова. – ВВ, 1904, т. 11, вып. 3–4, 541–573.

[30] *Редин, Е. К.* Портрет Козьмы Индикоплова в русских лицевых списках его сочинения. СПб., 1905.

[31] *Редин, Е. К.* Христианская топография Козьмы Индикоплова...

[32] Е. К. Редин: жизнь и деятельность.., с. 341.

[33] *Вздорнов, Г. И.* Указ. соч., с. 272.

[34] *Словарь книжников и книжности древней Руси*. Вып. 2. (Вторая половина XIV–XVI вв.). Л., 1988, с. 466.

[35] *Квливидзе, Н. В.* Историография русского церковного искусства. – ИВ, № 7–12, 22 с. http://www.rambler.ru.

[36] *Сумцов, Н. Ф.* Труды Ф. И. Шмита по истории искусства: Отзыв, составленный проф. Н. Ф. Сумцовым по поручению факультета. Х., 1912, с. 10.

[37] *Шмит, Ф. И.* Равеннские мозаики. 1112 г. /Б.м./, 1914.

[38] *Шмит, Ф. И.* Алтарные мозаики церкви Михаила Архангела в Равенне. М., 1915.

[39] *Шмит, Ф. И.* Киевский Софийский собор. М., 1914.

УДК 82-31/930.23

ЗМАЛЮВАННЯ ВІЗАНТІЙСЬКОЇ ЦИВІЛІЗАЦІЇ В ІСТОРИЧНОМУ РОМАНІ РУМУНСЬКОГО ПРОЗАЇКА МИХАЇЛА САДОВЯНУ „ЗОЛОТА ГІЛКА“

С. М. Лучканин

***Лучканин С. М.* Змалювання візантійської цивілізації в історичному романі румунського прозаїка Михаїла Садовяну „Золота гілка“**

Румунський письменник Михаїл Садовяну (1880–1961) пластично відтворив картину життя візантійського суспільства часів іконоборства, де панували терор і страх. Основні події „Золотої гілки“ (1933) розгортаються у столиці Візантії – Константинополі – у 780–797 рр., у часи правління імператриці Ірини. Головний герой, виходець із Дакії Кесаріон Бреб, що нагадує образ Сивоока з „Дива“ Павла Загребельного (1924–2009), помічає не лише позірну пишноту і багатство Константинополя, але і його наскрізну трухлявість. На основі уявлень історичної науки 1930-х років про Візантію Садовяну дещо згущає барви в описі „темного Середньовіччя“, як свого часу це робилося у просвітницькому візантинознавстві, однак вони були потрібні для аналогії з євразійським тоталітаризмом 1930-х років.

Ключові слова: Візантія, іконоборство, Садовяну, роман „Золота гілка“, роман-притча.

***Лучканин С. М.* Изображение византийской цивилизации в историческом романе румынского прозаика Михаила Садовяну „Золотая ветвь“**

Румынский писатель Михаил Садовяну (1880–1961) пластично отобразил картину жизни византийского общества времён иконоборчества, когда господствовали террор и страх. Основные моменты „Золотой ветви“ (1933) разворачиваются в столице Византии – Константинополе – в 780–797 гг., во времена правления императрицы Ирины. Главный герой, выходец из Дакии Кесарион Бреб напоминает образ Сивоока из романа „Диво“ Павла Загребельного, он замечает не только роскошь и богатство Константинополя, но и его упадок, ничтожество. На основании представлений исторической науки 1930-х гг. о Византии Садовяну немного перегибает в изображении „тёмного Средневековья“, как в свое время это было в византиноведении эпохи Просвещения, но эти перегибы писателю были нужны для проведения аналогии с евразийским тоталитаризмом 1930-х гг.

Ключевые слова: Византия, иконоборчество, Садовяну, роман „Золотая ветвь“, роман-притча.

***Luchkanyn S.* Description of Byzantium civilization in the historical novel of the Romanian prose writer Mihail Sadoveanu “The Golden Bough”**

The Romanian writer Mihail Sadoveanu (1880-1961) reproduced the picture of life of Byzantium society of times of aniconism, where terror and fear dominated. The main events of the “The Golden Bough” (1933) take place in the capital of Byzantium - Constantinople - in 780-797, in the days of rule of empress Iryna. Protagonist, Kesarion Breb, was born in Dacia, he is similar to Sivook from “Wonder” of Pavlo Zahrebelnyi (1924-2009), notices not only splendor and riches of

© С. М. Лучканин, 2012

Constantinople but also him rottenness. Sadoveanu something dramatizes in description of "dark Middle ages", as at one time it was done in elucidative study of the Byzantine, however they were necessary for an analogy with Eurasian totalitarianism of 1930th.

Keywords: Byzantium, Sadoveanu, aniconism, novel "The Golden Bough", novel-parable.

Пригадаємо вислів одного з найвизначніших античних мудреців Марка Тулія Цицерона з його промови „Про оратора": *Historia est vero testis temporum, lux veritatis, vita memoriae* („Історія – це свідок минулого, світло істини, жива пам'ять"). Він стисло висловлює те вагоме значення, якого надавали історії та її покровительці – богині Кліо – древні, і яке збереглося до XXI ст. Саме історичний роман в усіх своїх різновидах – історико-соціальному, історико-філософському, історико-біографічному, історико-документальному, історико-фольклорному[1] – найповніше втілив постійне бажання літератури бути оберегом історичної пам'яті народів. Якими б не були вірування людей, кожному представникові людства завжди хотілося залишитися в історії, в пам'яті на земній кулі людина прагнула зрозуміти те, що здавалося трагічно-хаотичною вервечкою випадковостей. Усе це знайшло відображення в численних формах художнього освоєння історії, створених мистецтвом слова. Як справедливо відзначають провідні українські дослідники зарубіжної літератури – Д. В. Затонський, І. П. Мегела, Д. С. Наливайко, К. О. Шахова, А. Г. Баканов, Б. Б. Буніч-Ремізов, М. О. Кудін, В. Г. Чумак, С. В. Семчинський та ін. – протягом останнього століття історичний роман став особливо популярним різновидом романного жанру (згадаємо, що засновником історичного роману на Заході кваліфікується Вальтер Скотт, а в Україні – роман „Чорна рада" Пантелеймона Куліша). І художнє освоєння історії Візантії – однієї зі „світових" держав середньовіччя, суспільства своєрідного розвитку і високої культури, суспільства на перетині Заходу і Сходу – не залишається осторонь письменницької уваги, зосередженої як на бурхливих внутрішніх візантійських подіях, так і на інтенсивних політичних, економічних і культурних відносинах Візантії з багатьма країнами Європи та Близького Сходу.

Візантія пройшла складний, але насичений яскравими подіями суспільного й культурного життя тисячолітній історичний шлях. Напівжартома-напівсерйозно історики називають Візантію ледь не єдиною державою в історії, точні дати народження і загибелі якої відомі. Візантія припинила своє існування 29 травня 1453 року із завоюванням Константинополя турками-османами. Дату народження країни відносять до заснування її столиці – Константинополя – 8 листопада 324 року, коли було покладено перший камінь на місці стародавнього грецького містечка Візáнтія на березі Босфору. 11 травня 330 року столицю Римської імперії було урочисто перенесено до Константинополя. Цей день і став незабаром найголовнішим державним святом Візантії. Візантія „народилася з Константинополем" і „померла" з ним – досить розповсюджена формула. Справді, під час історії середніх віків майже не було країни, яка б не змінювала своєї столиці протягом усього свого існування. Услід за видатним радянським візантиністом З. В. Удальцовою можемо повторити, що п'ять із половиною століть пройшло від того часу, як ім'я Візантії, – у минулому могутньої середньовічної держави, – зникло з карт світу. Однак і до сьогодення пам'ять про неї живе як у витворах її матеріальної і духовної культури, так і на сторінках історичних творів, що робить тисячолітній досвід Візантії інструментом для глибшого розуміння сучасної доби. Хоча б побіжно подамо перелік творів красного письменства, у яких повністю або частково художньо відображене Візантійське царство: Юліан Опільський – „Іду на вас", „Ідоли падуть"; Семен Скляренко – „Святослав", „Володимир"; Павло Загребельний – „Диво"; Володимир Малик – „Князь Кий"; Антонін Ладинський – „Коли впав Херсонес"; Валентин Іванов – „Русь первозданна"; Франц Салешка Фінжгар – „Слов'янський меч"; Жан Ломбар – „Візантія". Нещодавно побачив світ двотомний історичний роман відомої сучасної української письменниці, лауреата Літературної премії імені Василя Симоненка Ольги Страшенко „Візантійський лукавець" (К.: Наук. світ, 2005–2006), над яким авторка наполе-

гливо працювала протягом 1988–1993 рр., а згодом він понад 10 років чекав свого видавця внаслідок економічної скрути. Головним персонажем вагомого історичного роману Ольги Страшенко є Андронік Комнін, узурпатор імператорської влади (1182–1185 рр.) – такий собі „візантійський Сталін“, тиран у демократичних шатах, який, дійшовши престолу, оголосив себе „селянським царем“, поборником справедливості супроти вельмож.

У творчій спадщині класика румунської прози XX ст. Михаїла Садовяну (1880–1961)[2] особливо вирізняється історичний роман-притча, роман-парабола „*Creanga de aur*“ („Золота гілка“, 1933), дія якого паралельно відбувається наприкінці VIII ст. як на теренах старовинної Дакії, так і в зовні квітнучому й багатому, але насправді „гнилому“ Константинополі – столиці Візантійського царства, у цьому гігантському „золотому мості“ між Заходом та Сходом. На жаль, і до сьогодні цей роман не перекладено українською мовою (окремі фрагменти відтворив С. В. Семчинський у монографії 1980 р. про Михаїла Садовяну, їх процитуємо нижче), існує опублікований у Румунії 1980 р. переклад російською мовою Александру Калаїса[3]. До аналізу цього роману не часто звертаються навіть румунські літературознавці; лише нещодавно побачив світ переклад французькою мовою[4]. Так, у фундаментальній „Історії румунської літератури від початків до сьогодення“ (1941) Джордже Келінеску годі шукати ідейно-естетичного аналізу цього твору, хоча поза його увагою не залишається практично жодна деталь румунського історико-літературного процесу. Відсутні згадки про „Золоту гілку“ в російськомовних монографіях про творчість М. Садовяну В. П. Сугоняя та Ю. Кожевникова. Одним із перших звернув особливу увагу на цей твір наш професор С. В. Семчинський, відзначивши, що „Садовяну розповів притчу про занепад Візантійського царства – про державу, засновану на терорі, про фальшиву мораль її правителів, які не гребували будь-якими засобами для досягнення мети. Історичні паралелі, на які посилався Садовяну, були сповнені глибоко демократичного змісту“[5].

Ця книга наповнена езотеричною атмосферою, відкриттям таємниць природи, виявляє і підносить найстарожитніші духовні й моральні цінності, які абсорбувала румунська духовність ще від гето-даків. Уся авторська симпатія спрямована на головного персонажа „Золотої гілки“, вихідця із земель колишньої Дакії, жерця Декенея Кесаріона Бреба, останнього священнослужителя невидимої гори, який таємниче передає своє світле моральне вчення рік у рік, століття в століття. Не маючи в своєму розпорядженні розкішних храмів, як сучасне духовенство, він проживає в печері, яку бачать лише соколи з небес і шлях до якої невідомий людям. Надлюдська творча сила героя виходить із його чистої душі, не покаліченої земними принадами. Лише раз на рік з’являється він перед своєю паствою, щоб її благословити. Будучи вихідцем із цього самого світу, сином чабана, Кесаріон Бреб завдяки силі волі, природному одкровенню перебуває на іншій екзистенціальній сходинці, стає повелителем не лише людей, але й тварин і природних стихій. Представник дохристиянського езотеризму давньої моралі (як тут не згадати філософську повість Вольтера „Простодушник“), цей винятковий герой виявляє любов романіста до прадавніх пантеїстичних віків єднання людини й природи. А цьому протистоїть жахливе візантійське суспільство часів іконоборства, засноване на терорі.

Відзначимо, що на основі уявлень історичної науки 1930-х років про Візантію письменник дещо згущає барви в описі „темного середньовіччя“, як свого часу це робилося у просвітницькому візантинознавстві, однак вони потрібні для аналогії з євразійським тоталітаризмом 1930-х років. У передмові до російськомовного перекладу етапної книги видатного французького візантиніста Шарля Діля „Основные проблемы византийской истории“ (1947) Б. Т. Горянов відзначає: „Ідеологи буржуазії Монтеск’є і Вольтер показують візантійську історію як найпохмуріший епізод середньовічного варварства, а англійський історик кінця XVIII ст. Гіббон малює цю історію як безперервний розклад“[6]. Хочемо відзначити, що Едуард Гіббон (Gibbon, 1737–1794) – один із найвидатніших англійських учених XVIII ст., на формування історико-філологічних поглядів якого значний вплив спра-

вили його зустрічі з Вольтером. Славу Гіббону принесла 7-томна праця „Історія занепаду і руйнації Римської імперії“ (1776–1788), де охоплено події з часу правління Марка Аврелія (161–180) і до падіння Константинополя 1453 р. Отже, історія Візантії для Гіббона – пряме продовження Римської імперії, що руйнується. До речі, згадки про цю працю Гіббона, зокрема про примірник, що належав Карлу Брюллову, наявні в повісті Тараса Шевченка „Художник“. Французька візантиністка справила вплив і на міжвоєнну румунську візантиністку; історії і культурі Візантії присвятив спеціальну монографію видатний румунський історик Ніколає Йорга (1869-1940), його можна назвати „румунським Грушевським“. Під впливом цих праць перебував, безумовно, і Михаїл Садовяну.

Основні події „Золотої гілки“ розгортаються у столиці Візантії – Константинополі – у 780–797 рр. у часи іконоборства. Кесаріон Бреб, як і Сивоок з „Дива“ Павла Загребельного, помічає не лише позірну пишноту і багатство Царгорода, але і його наскрізну трухлявість. Головний герой, що стає другом єпископа Платона та отця Філарета, які були наближені до патріарха-іконошанувальника Тарасія (784–806), на власні очі спостерігає моральний розлад імператорського двору – візантійські правителі вважали себе намісниками Бога на землі, їм дозволялося користуватися будь-якими засобами задля досягнення мети – убивством, підкупом, отрутою, лукавством. Цариця Ірина (780–802 з перервою) уособлює в романі зажерливе бажання необмеженої влади: „Вона здавалася розжирілою вовчицею, яка простягнула вперед свої кігті, була живим утіленням розпаленої пристрасті можновладця“. Сучасні історики також наголошують на надмірному владолюбстві Ірини[7]. Імператриця стала біля керма Візантії після несподіваної ранньої смерті свого чоловіка Лева IV 8 вересня 780 р. як регентша малолітнього сина Константина VI. В її уряді непомірно великої ваги стали набувати євнухи, особливо спритний інтриган Ставрикій та вже згадуваний патріарх Тарасій, що використовував кафедру як засіб для збагачення. Внутрішнє життя імператорського палацу показане як перманентний ланцюжок інтриг і змов. Так, навесні 790 р. Ірина ліквідувала організовану проти неї змову й оголосила себе повновладною імператрицею, але в грудні того ж року її син Константин („син вовчиці“), спираючись на армію, позбавив матір влади і відправив до монастирської келії, використовуючи престол винятково для плотських насолод. У романі яскраво змальовано, як цей син „вовчиці“, імператор Константин, віддається розпусті, що відповідає історичній правді: „Константин багатьма нетактовностями нажив собі ворогів. Свою першу жінку він прогнав і постриг у черниці (795 р.), а зійшовся з молодою красунею із придворних, Феодотою. Коли патріарх Тарасій відмовився їх вінчати, Константин загрозив знову знищити всі ікони, і Тарасій їх повінчав. Цей шлюб викликав нарікання, незгоди й заворушення серед ченців“[8]. Наприкінці роману ми бачимо змовників, що за наказом Ірини схопили Константина й осліпили його, а її знову було проголошено самодержавною імператрицею (15 серпня 797 р.), поява якої завжди супроводжувалася ретельно організованими сплесками народного захоплення спеціально відібраного натовпу, який хором проголошував вірнопідданські гасла, що були заздалегідь затверджені бюрократичним апаратом Візантії.

Пластично змальовує Михаїл Садовяну картину візантійського суспільства, де панували терор і страх, особливо за доби іконоборства: „На бокових вуличках парував гній і одгонило падлом; під навісами лежали прокажені; слуги великого папіаса [епарха Константинополя – *С. Л.*] вістрям списів заштовхували нещасних людей до в’язниць; преподобні ченці нишпорили по місту, шукаючи єретиків, і благоволіли бити їх патерицями по голові, вивалюючи підлих зрадників у пилюці майданів заради істинної віри і в ім’я милосердного господа Христа… Можновладці крокували пихато, воїни – бундючно; до пристаней підходили кораблі з Азії та островів; з Фракії через міські ворота в’їжджали валки возів з пшеницею; носильники згиналися під кошелями, з яких не могли причаститися ні спраглі, ні голодні, на ослах до палаців підвозили плоди та їства, а перехрестя вулиць і церковні паперті були забиті голотою та каліками, які жалібно співали і просили милостиню, простягаючи долоні“ (пер. С. В. Семчинського)[9].

Деспотичний характер візантійської держави змальовано й такими словами: „Під рукою у великого папіаса [епарха Константинополя – *С. Л.*] перебуває міська сторожа, яку бачить кожний, і шпигуни, яких ніхто не бачить, а також жебраки-сліпці, які все бачать, і глухі, які все чують, і молодички, які вештаються там, де збираються п'яні чоловіки, і ченці, які весь час крутяться біля іподрому, де відбуваються кінські перегони, і на базарах. Зібравши новини, першої ж години ранку вони з'являються до свого начальника Ставрикія, викладаючи геть-чисто все. І серед сторожі палацу є люди, які уважно дивляться і слухають: у них – свій час повідомлення новин. Так само і стіни палаців мають вуха й очі". С. В. Семчинський (використано теж його переклад) убачає в цій картині загальної підозри й державно організованого стеження й риси тоталітарних режимів XX ст.[10]

Змалювання тоталітарної природи візантійської держави з її суворим контролем ідейного життя, нестримного вихваляння імператора, який був у цей момент при владі, відверто дидактичний характер візантійської літератури і мистецтва з їхньою пропагандою апріорних, до пізнання реальності засвоєних ідей, побоювання сміливої думки, коли цитати з Біблії стали найкращим підтвердженням власних міркувань, широке розповсюдження аморальності („Візантія була безоднею насолод"[11]) – такі риси громадського й ідейного життя Візантії, зображеного Михаїлом Садовяну, не були мистецькою вигадкою румунського письменника, а ґрунтувалися на свідченнях численних хронографів („Таємна історія" Прокопія Кесарійського, „Поради й оповіді" візантійського полководця XI ст. Кекавмена). „Якщо ти служиш василевсові, – повчає Кекавмен, – всіляко стережися, коли говориш зі своїми товаришами. А якщо мовиться про василевса, то взагалі нічого не відповідай, а зникни геть. Багатьох я знав, котрі втрапили в таку небезпеку. Уникай святкових трапез: або тебе буде звинувачено перед василевсом, ніби збіговисько було скликано проти нього, або в тебе зірветься дурне слово. Усіма силами стримуй свій язик і підкоряйся тим, хто стоїть вище. Таємницю свою не відкривай нікому. Не ручайся ніколи ні за кого, навіть якщо це твій близький друг"[12].

Михаїл Садовяну в історичному романі „Золота гілка" зумів намалювати грандіозну динамічну картину розвитку південно-східної Європи у віках, і на цьому фоні тоталітарні режими середини XX ст. виглядали неминуче приреченою авантюрою.

[1] *Баканов, А. Г.* Современный зарубежный исторический роман. К., 1989, 40–41.

[2] Див.: *Лучканин, С. М.* Михаїл Садовяну (1880–1961) – класик румунської і світової літератури: Методична розробка до 120-річчя з дня народження визначного румунського письменника. К., 2000, 24 с.

[3] *Садовяну, М.* Золотая ветвь. Издание с двуязычным текстом /Пер. Александру Калаис. Предисл. Помпилиу Марча. Бухарест, 1981. 370 с.

[4] *Sadoveanu, M.* Le rameau d'or. Version française: Ileana Cantuniari. Bucbreşti, 1993. 224 p.

[5] *Семчинський, С. В.* Михаїл Садовяну. Життя і творчість (Серія „Класики зарубіжної літератури"). К., 1980, с.12.

[6] *Диль, Ш.* Основные проблемы византийской истории / Пер. с франц. и пред. Б. Т. Горянова. Под ред. С. Д. Сказкина. М., 1947, с. 6.

[7] *Балух, В. О.* Візантиністика: Курс лекцій. Чернівці, 2006, с. 210.

[8] Там само.

[9] У російськомовному вид.: *Садовяну, М.* Указ. соч., с. 207.

[10] *Семчинський, С. В.* Вказ. праця, с. 111.

[11] *Садовяну, М.* Указ. соч., с. 273.

[12] Цит. за: *Історія світової культури*: Навч. посібник / Керівник авт. колективу Л. Т. Левчук. – 3-є вид., стереотип. К., 2000, с. 192.

УДК: 930.85"03/14":947.7"653"

РУСЬКО-ВІЗАНТІЙСЬКІ ВІДНОСИНИ В ПРАЦЯХ АКАДЕМІКА ГЕННАДІЯ ЛІТАВРІНА

Д. С. Гордієнко

***Гордієнко Д. С.* Русько-візантійські відносини в працях академіка Геннадія Літавріна**

В статті розбираються праці академіка Геннадія Літавріна, присвячені русько-візантійським відносинам. Ця тема є однією з центральних у науковому доробку вченого, що пронизує весь період його наукової творчості. Окремо розглядаються праці Літавріна джерелознавчого характеру. В статті пропонується висновок, що доробок Літавріна охоплює собою весь період русько-візантійських відносин.

Ключові слова: Літаврін, Русь, Візантія, міждержавні відносини.

***Гордиенко Д. С.* Русско-византийские отношения в работах академика Геннадия Литаврина**

В статье разбираются работы академика Геннадия Литаврина, посвященные русско-византийским отношениям. Эта тема является одной из центральных в научном наследии ученого, она пронизывает весь период его научной деятельности. Отдельно рассматриваются работы источниковедческого характера. В статье предлагается вывод, что работы Литаврина по данной проблематике охватывают собой весь период русско-византийских отношений.

Ключевые слова: Литаврин, Русь, Византия, межгосударственные отношения.

***Gordienko D. S.* Rus'-Byzantium's Relations in the works of the Academician Gennadiy Litavrin**

The works of the academician Gennadiy Litavrin devoted to Rus'-Byzantium's relations, are analyzed in the article. This subject is one of the central in the scientific heritage of the researcher, it pervades the whole period of his scientific activity. The works of source studies are considered separately. The conclusion is proposed in the article that Litavrin's works on this subject embrace the whole period of Rus'-Byzantium's relations.

Keywords: Litavrin, Rus', Byzantium, international relations.

Постать академіка Геннадія Літавріна займає одне з ключових місць як в історії російської, так і загалом світової візантиністки. З його ім'ям пов'язаний розвиток візантинознавчих студій другої половини XX ст. Академік Російської академії наук, член бюро Відділення історії (1991–2009 рр.). Г. Літаврін був беззаперечним лідером як радянської останніх десятиліть, так і сучасної російської візантиністики. Вчений був президентом Національного комітету візантиністів Росії, віце-президентом Міжнародної асоціації візантиністів, головою оргкомітету XVIII Міжнародного конгресу візантиністів, що відбувся в серпні 1991 р. в Москві. Саме цей конгрес, в якому взяло участь близько 700 учених з майже 40 країн[1], відіграв важливу роль і в пожвавленні інтересу до проблем русько-візантійських відносин, які були однією з ключових тем конгресу.

© Д. С. Гордієнко, 2012

Загалом до сфери наукових інтересів Г. Літавріна потрапили ледь не всі фундаментальні проблеми історії Візантії, з яких вчений здійснив ретельні й ґрунтовні дослідження[2]. Серед них можна виділити процеси становлення і розвитку суспільного устрою, міст, аграрних відносин і соціальної боротьби у Візантії, а також русько-візантійські та візантійсько-південнослов'янські стосунки. Як дослідник, Г. Літаврін вирізнявся особливою пристрастю до предмета своїх наукових зацікавлень. І в той же час, попри широту дослідницького кругозору, його праці вирізняються глибиною розкриття тем, зі скрупульозним опрацюванням найдрібніших деталей. З візантійської ж тематики виділяються роботи з суспільно-економічної історії, серед яких особливе місце посідає книга „Как жили византийцы"[3]. Ця праця добре характеризує Г. Літавріна як візантиніста. На противагу загальноприйнятим у науці уявленням, у вступі до другого видання вчений чітко зазначив, що перед візантиністом стоїть завдання дослідження не так того, чому загинула Візантія, як того, звідки вона брала сили, щоби впродовж тисячі років вижити, перебуваючи майже безперервно в екстремальних умовах.

Як було зазначено, особливе місце в науковому доробку Г. Літавріна займають проблеми русько-візантійських відносин, дослідження яких було підсумовано вченим у монографії „Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.)"[4]. У цій сфері вчений ішов у руслі російської школи візантиністики – розгляду історії Візантії з позицій і в дотичності до історії Русі, що було започатковано і розроблено ще в працях В. Васильєвського, якого Г. Літаврін називав своїм справжнім учителем[5].

Варто зазначити і те, що, на відміну від західної, російська, як і українська, історіографія зосереджувала свою увагу на питаннях економічних[6] та політичних взаємовідносин двох держав. Цей напрямок цілком відповідав і особистим зацікавленням академіка Літавріна, значна частина праць якого й була зосереджена саме на проблемах соціально-економічної та політичної історії Візантії.

Загалом науковий доробок Г. Літавріна з проблематики русько-візантійських стосунків вирізняється своїм всеохопним характером як за часом (від самих початків русько-візантійських відносин до падіння Константинополя (в 1204 р.) та монгольської навали на Русь), так і за тематикою. Власне, вже темою дипломної роботи Г. Літавріна були „Русско-византийские отношения в IX–X вв."[7], відповідно й одна з перших публікацій була також присвячена цій темі – це стаття „Записка греческого топарха"[8], яка фактично була одним з розділів дипломної роботи вченого. І ця проблематика, викладена в дипломній роботі, залишалась і надалі однією з магістральних у науковому доробку Г. Літавріна.

За словами самого вченого, він у своєму науковому житті рухався до Візантії по „шляху із варяг у греки", причому на кілька років затримався в Болгарії, а в кінці життя здійснив зворотній шлях „із грек на Русь". Саме такий шлях Г. Літаврін називає цілком природним для російського візантиніста[9], додам, що і для українського теж. Прикметно, що офіційним опонентом кандидатської дисертації „Борьба болгарского народа против византийского ига (XI–XII вв.)" (яка була захищена 27.10.1954 р.) був автор першої синтетичної праці з історії русько-візантійських відносин у вітчизняній візантиністиці – М. Левченко[10]. Погляди самого Г. Літаврін на природу русько-візантійських стосунків найкраще характеризують написані ним відповідні розділи до тритомного видання „Истории Византии"[11].

Починаючи з кінця IX ст. важливу роль у зовнішній політиці імперії відігравав північний регіон. Однак найбільш суттєві зміни в зазначеному регіоні, як слушно відмітив Г. Літаврін, зумовлювались утворенням і зміцненням нової держави на півночі – Русі. В такій ситуації візантійська дипломатія була змушена зосередити свої зусилля на тому, щоб завадити поширенню руського впливу в Причорномор'ї і взагалі відрізати Русь від Чорного моря[12]. Це протистояння Русі і Візантії розтягнулось на століття, причому Русь завжди залишалась наступальною стороною. Проте, як відмічає вчений, це протистояння не могло перерости в якийсь затяжний воєнний конфлікт, чому заважала географічна

віддаленість Русі від імперії. Натомість Київ мав можливість „час від часу наносити відчутні удари по найважливіших візантійських центрах“[13]. Візантія, зі свого боку, обмежувалась нацьковуванням проти Русі різноманітних своїх сусідів, що мали перед нею союзницькі зобов'язання, насамперед печенігів та хазар. З кінця IX ст. фактором зовнішньої політики Візантії щодо Русі стала християнізація молодої Київської держави. Однак для Русі, як зауважив Г. Літаврін, догмат про владу імператора по всій „ойкумені“ залишався безплідним, у відносинах з Києвом „імперія була змушена постійно здавати одну позицію за другою“[14].

З IX ст. Візантія переживала значне економічне піднесення міст, що створювало й об'єктивні передумови для розвитку торгівлі, а відповідно, і до збільшення попиту на руську сировину. Переломним це століття стало і в історії східних слов'ян. Відповідно, зовнішньополітична активність Русі визначалась насамперед торгово-економічними чинниками. Проте Г. Літаврін зазначає, що імперія поступалась економічними вигодами у відносинах з „варварами-поганами“ насамперед з позицій політичної безпеки[15]. Однак ці „поступки“ можна розглядати і як певні економічні вигоди, адже розвиток ремесла об'єктивно потребував як ринку сировини, так і нових ринків збуту своєї продукції.

Ініціатором розвитку міждержавних зв'язків виступала Русь, яка силою зброї виборювала свої права на міжнародній арені, в тому числі й в економічній сфері. Здійснюючи свої походи на південь, руси намагались вийти до Чорного, Азовського і Каспійського морів, закріпитись на їх берегах, а головне – здобути юридичне визнання своїх політичних об'єднань як партнерів у торгових і політичних контактах з Візантією, Хазарією і арабським світом. У цьому аспекті Г. Літаврін слушно зауважує, що першим етапом у становленні русько-візантійських відносин стали контакти з Херсоном, „торгівля якого з „варварами“ Причорномор'я була головним джерелом його існування“[16], у чому вже вбачається взаємовигідність контактів Русі й Візантії. З часом Київ прагнув встановити безпосередній контакт зі столицею імперії, в обхід посередника, в чому не був зацікавлений ані Херсон, ані Константинополь: „перший – з економічних, другий – з політичних мотивів“[17]. Відтак Херсон ставав з першого візантійського зовнішньоекономічного контрагента Києва першим форпостом на шляху русів до столиці імперії.

Торгівля з Візантією посилювала економічну могутність панівного прошарку Русі. У Візантію Русь збувала частину воєнної здобичі та зібраної данини з підвладних слов'янських племен, натомість імпортувала насамперед предмети розкоші та дорогу зброю. Проте торгівля й політика на Русі в IX–X ст. були тісно взаємопов'язані. Лише центральна влада на той час мала змогу організувати міжнародну торгівлю, забезпечити і гарантувати вигідні торгівельні умови, а головне – безпеку караванів, що було особливо актуальним для візантійського напрямку зовнішньоекономічної діяльності Києва, де русам активно протидіяли в районі Дніпровських порогів печеніги[18].

Таким чином, цілком природно, що другим етапом, за Г. Літавріним, у розвитку відносин з імперією стало налагодження торгових зв'язків Русі з іншими (окрім Херсона) візантійськими колоніями в Криму, яке часто поєднувалось з елементарним воєнним грабунком міст[19], що знайшло відображення в житіях Георгія Амастридського та Стефана Сурожського[20].

Грецьке житіє Георгія Амастридського і слов'янська версія житія Стефана Сурожського[21] відомі загадковими повідомленнями про руські походи в кінці VIII – першій половині IX ст. на південний берег Чорного моря і в Крим. Насамперед, щодо автентичності руських повідомлень Житія Георгія Амастридського, котрі піддавались сумніву в науці як пізніші вставки[22], долучаючи дослідження В. Васильєвського та І. Шевченка[23], Г. Літаврін чітко стає на позицію їх автентичності[24].

З того, що Азовське море не було зачеплене русами під час набігу на Амастриду, Г. Літаврін пропонує низку висновків: по-перше, малоймовірним (або зовсім неймовірним) можна вважати відправним пунктом походу Крим і руський рейд вздовж східного

берега Чорного моря або через море. По-друге, необхідно визнати, що руси прийшли від гирла Дніпра і, відповідно, уміли долати дніпровські пороги уже в першій третині IX ст. По-третє, Літаврін припустив, що руський загін, який прибув на Боспор, зумів здійснити грабіжницький напад і на Мармурове море. По-четверте, руси, найімовірніше, знали про відсутність у столиці імперії значних сухопутних і морських сил[25], що промовляє про добру підготовленість цього походу.

Щодо даних житія Стефана Сурожського, Г. Літаврін зазначив, що початковим пунктом нападу був ймовірно Херсон. Проте тут же відмітив: якщо саме Херсон був початковим пунктом нападу, то цей факт зовсім не підкріплює думку про східний Крим чи північні береги Меотиди як про вихідні пункти нападів по морю[26]. Загалом же, за висновками Г. Літавріна, повідомлення житій Гергія Амастридського і Стефана Сурожського цілком вписуються в контекст інших незалежних повідомлень про активність русів до походу 860 р. не лише на Каспії, а й щодо Візантії[27].

Першу спробу третього етапу русько-візантійських відносин – безпосередніх контактів з Константинополем, Г. Літаврін вбачає в повідомленні про руське посольство Бертинських анналів[28] – цих перших точно датованих повідомлень про русів (839 р.). Аннали, за концепцією вченого, свідчать про наявність у русів на той час усталеної політичної системи і в зацікавленості їх у постійних дипломатичних зносинах з цивілізованим світом, насамперед з Візантією[29]. Безумовно, теза про стійку політичну систему у русів у першій третині IX ст. є досить дискусійною. На той час лише розпочиналось становлення руської державності і навіть точно невідомо про існування руського об'єднавчого центру, яким пізніше став Київ. Відповідно, щодо „Руського каганату" Бертинських анналів, як першої форми політичного утворення русів, то на сьогодні, навіть якщо визнати його існування, є дискусійною проблема локалізації цього каганату. З цього приводу Г. Літаврін віддавав перевагу гіпотезі про Середнє Подніпров'я[30]. Таким чином, за концепцією вченого, вже тоді найбільш ймовірним шляхом до Константинополя був саме Дніпровський[31].

Щодо мети посольства, Г. Літаврін припустив, що воно могло бути пов'язане з питаннями торгівлі в Константинополі і можливості служби норманів в імперії. Самі ж руси-„шведи", на думку вченого, були або елітою князівства полян, яка формувалась навколо Києва, що тоді будувався, і визнавала протекторат Хазарії, або ж політичним утворенням на Чернігівщині, де нормани більше спирались на місцеву знать і часто чинили хазарам серйозний опір. За висновками вченого, договір 839 р., ймовірно, був укладений, однак він не зміг зреалізуватись: з відновленням в імперії в 843 р. іконошанування, значні акції імператорів-іконоборців, і, насамперед, Теофіла, були відмінені, а тому й здобутки руської місії були втрачені[32].

З нападу русів на Константинополь 860 р. розпочинається період безпосереднього тиску на імперію. Прикметно, що, за Повістю временних літ саме зі знаменитого походу Аскольда і Діра на Візантію Руська земля почала так прозиватися[33]. Щодо походу 860 р. Русі на Царгород основним джерелом є „повідомлення очевидця і учасника подій патріарха Фотія"[34]: його дві проповіді і послання до патріархів Сходу з повідомленням про їх хрещення[35].

Повідомлення Фотія є досить дискусійними в науці як щодо часу, етносу нападників, так і щодо повідомлення про хрещення останніх[36]. На думку Г. Літавріна, безсумнівними із цих повідомлень є те, що ще до нападу на Константинополь руси були на слуху у мешканців столиці імперії. Знав Фотій і про те, що руси панують над слов'янами, а також і те, що ініціатива укладення миру на 7 років походила також від русів. Метою походу русів на Константинополь 860 р., за Г. Літавріним, була потреба зайняти своє місце в системі держав, визначити свої кордони та зовнішньополітичні інтереси. Таким чином, Аскольд і Дір прагнули засобом воєнного тиску на імперію досягти відновлення дипломатичних відносин, досягнутих русами в 838/839 р. з найавторитетнішою державою

тогочасного світу – Візантією[37]. Попри те, що руси, за Г. Літавріним, первісно не мали наміру штурмувати місто, напад справив враження на мешканців Константинополя, що й сприяло укладенню міждержавного договору між Руссю і Візантією[38].

Однак захоплення Олегом Києва 882 р. загальмувало розвиток відносин з імперією. На думку Г. Літавріна, Візантія відмовила Олегу у визнанні його правонаступництва в її договірних відносинах з Руссю, укладених з Аскольдом та Діром, так як поганин Олег, ймовірно, ліквідував християнські общини і початки церкви на Русі[39]. Однак, взаємозв'язок Аскольда з Олегом – питання дискусійне. Є підстави вважати, що Київ виник на початку X ст.[40], а отже й похід на Константинополь 860 р. можна відносити не до наддніпрянської групи росів[41]. Саме ж ім'я Аскольда літописець ймовірно взяв з київської мікротопоніміки. Адже візантійські джерела не називають руського князя, до того ж вони знають одного керівника походу, у той час як за літописом його здійснюють два князі.

Хрещення росів за патріарха Фотія є дискусійним у науці. Низка вчених цілком підтримує так зване Аскольдове хрещення Русі[42]. Однак немає жодних підстав говорити про хрещення саме київських росів, швидше можна говорити про хрещення однієї з численних груп росів, що були на той час на території майбутньої Київської держави[43]. В цьому аспекті цілком слушною видається думка Г. Літавріна, що спроби християнізації росів були неодноразовими. Для самої Русі, як відмічає вчений, прийняття християнства Болгарією мало великий вплив: „підвищення міжнародного авторитету Болгарії, вигідні торгівельні відносини з Візантією, посилення центральної влади – все це мало привернути увагу правителів Руської держави"[44]. Відтак, вчений припускає й активну діяльність у поширенні християнська на руських землях поруч з візантійськими й болгарських проповідників[45].

Однак чи не найбільша увага в історіографії русько-візантійських стосунків присвячена знаменитим походам і договорам Русі з Візантією 911 та 944 рр[46]., з укладенням яких Русь досягла досить престижних для себе союзних відносин з імперією[47]. Як зазначав Г. Літаврін, з межі IX–X ст. настав новий раунд домагань Русі свого місця в системі міжнародних відносин. Відтак, договори Русі з греками 907 і 911 рр. відбивали вже усталену практику русько-візантійських відносин[48]. Проте, як було зазначено в концепції Г. Літавріна, з захопленням Олегом Києва припинили свою дію й русько-візантійські угоди, укладені попередниками. Новому правителю Русі доводилось все починати з початку та ще й у більш складних умовах, так як у Константинополі скоро дізнались про гоніння на християн на Русі. Згоду ж на регулярні зносини з поганами можна було вирвати в імперії силою, та й то лише за умов подальшого прийняття християнства[49].

В історіографії досить часто проходить думка про суто грабіжницький характер нападів русів на імперію[50]. Однак, як чітко показав саме Г. Літаврін, ці масштабні експедиції вимагали мобілізації значних ресурсів і докладання зусиль значної частини населення країни. В умовах формування молодої Київської держави походи були необхідними для демонстрації сили імперії, щоб, як відмічає вчений, не лише Візантії, а й іншим була „слышима и знаема" молода Руська держава, щоби правителі імперії віддавали перевагу дружбі з русами, ніж відлучати їх від спілкування як поган і варварів[51].

В історіографії також поширено скептичне ставлення до походу русів на Царгород близько 907 р.[52] На думку ж Г. Літавріна, найвагомішим аргументом на користь реальності походу є укладення Руссю договору з Візантією у 911 р., який без активного тиску на імперію з боку Русі був абсолютно неможливим[53].

Щодо результату договору, то, на відміну від поширеної думки, що вони були вигідні насамперед Русі, Г. Літаврін приходить до висновку про обопільність вигоди від укладеного договору. Так, вчений зазначає, що уже влітку того ж 911 р. 700 руських вояків брали участь у поході військ імперії проти арабів Крита. Цей договір залишався чинним аж до 941 р., про що може свідчити грамота „архонту Россії", направлена Константином VII та Романом Лакапеном[54].

З вторгненням печенігів у Причорноморські степи, вони стали важливим фактором антируської політики імперії в північному регіоні. Проте, Г. Літаврін відмічає, що протягом 20–30-х рр. X ст. відносини Візантії з Руссю залишались мирними[55]. Продовжував діяти і русько-візантійський торгівельний договір 911 р., проте, за Г. Літавріним, на час другої війни Візантії з Симеоном Болгарським припиняв свою дію „шлях з варяг у греки"[56]. Однак, ймовірнішим видається продовження функціонування зазначеного шляху, чим і можна пояснити невтручання Русі в конфлікт на боці жодної сторони[57].

Погіршення ж русько-візантійських відносин вчений відносить до 930-х рр., коли імперська дипломатія почала все більше орієнтуватись у північному регіоні на союз з печенігами, а не з Руссю. Це могло статись, ймовірно, через спробу русів утвердитись десь у районі Північного Надчорномор'я[58], що безпосередньо зачіпало інтереси Візантії у фемі Херсон, і Русь ставала безпосереднім сусідом імперії, стаючи одночасно і більш грізним фактором небезпеки на півночі. Результатом цих суперечностей і став наступний збройний виступ Русі проти імперії.

Похід 941 р. Ігоря проти Константинополя також породив досить жваві дискусії в історіографії[59]. В цей час Русь проявляє досить значну активність у зовнішній політиці. Окрім південного напрямку, активні воєнні акції проводяться також у напрямку Каспію та Кавказу. Одночасність чи радше супутність цих походів, на думку Г. Літавріна, потрібно визнати як реальність[60]. Причому, як зазначає вчений, після нападу на Константинополь руське воїнство йшло від його стін на Схід, незалежно від того, вдалим чи невдалим було його зіткнення з імперією[61].

Розбираючи ж похід 941 р., Г. Літаврін, за зауваженням І. Шевченка[62], долучає й маловідомі повідомлення Константина Порфірогенета та лист митрополита Нікеї Олекасндра, чим розширює джерельну базу цього питання[63]. Відходить Г. Літаврін від загальноприйнятої думки і в аналізі самого походу. Так, масштаби походу Ігоря на Візантію були більш значними, а наслідки їх поразки 11 червня – менш тяжкими[64], ніж то подано в історіографії[65]. Цей факт, на думку вченого, є важливим при розгляді проблем, пов'язаних з русько-візантійським договором 944 р., що був укладений після повторного походу Ігоря на Візантію. Цей договір укладався вже не між переможцем і переможеним, а між двома сторонами, з яких одна прагнула зберегти мир, а інша була готова відновити воєнні дії, якщо її вимоги не будуть задоволені[66].

Проте, непереконливою видається думка Г. Літавріна про повну правову рівність сторін[67] за договорами 911 та 944 рр., у яких суб'єктами права були піддані імператора і руського князя, незалежно від місця їх проживання, соціального статусу і віросповідання, а гарантами дотримання договорів виступає імператор і руський князь. Вже те, що як відмітив сам же Г. Літаврін, у „De administrando imperio" у розділ про Русь (9) не потрапила інформація про союзні зобов'язання Русі щодо імперії[68], хоча на час написання трактату діяв русько-візантійський договір 944 р., промовляє про інакше розуміння у Візантії цього договору. Повна правова рівність, безперечно, суперечила б геополітичній доктрині імперії, радше можна говорити про юридичне визнання Русі як зовнішньополітичного і зовнішньоекономічного контрагента Візантії.

Загалом, договір 944 р., за концепцією Г. Літавріна, є розвитком і уточненням положень договору 911 р., а не відміною чи переглядом останнього. Відображає він і розвиток 30-літнього досвіду взаємостосунків двох держав. Так, наприклад, якщо за договором 911 р. свобода торгівлі русів в імперії малась на увазі, то за договором 944 р. вона регламентувалась[69].

Одним з найголовніших завдань зовнішньої політики Візантії було формування руського військового корпусу візантійської армії[70]. За концепцією Г. Літавріна, найманці-руси з'явились в імперії уже в 60-х рр. IX ст. На перших порах це була суто приватна ініціатива ватаг русів[71]. З укладенням договору 911 р. найм руських найманців регламентувався статтями міждержавного договору. Однак, якщо за угодою 911 р. русь-

кий князь лише „не перешкоджав“ вступу русів на військову службу в імперію, то за договором 944 р. найм здійснювався як міждержавна угода, загін русів формувався ще в Русі. Відтак, воєнна допомога імперії була повністю під контролем руського князя[72], який, таким чином, міг відчутно впливати на боєздатність візантійської армії. Проте, для Візантії така форма комплектування руського корпусу найманців була вигідною, адже на зміну випадковим припливам в імперію загонів з Русі Візантія, зважаючи на союзні зобов'язання київського князя, могла розраховувати на отримання боєздатного руського корпусу у потрібний момент[73].

Після укладення русько-візантійського договору 944 р. й настав, за концепцією Г. Літавріна, найсприятливіший етап у розвитку стосунків поганської Русі з імперією[74]. Попри те, що Константин VII Порфірогенет вбачав у Русі потенційного ворога і робив ставку на союз з печенігами, відносини Києва з Константинополем, як і з сусідньою Болгарією, залишалися мирними[75].

Неоціненне значення для історії зовнішньої торгівлі Русі має запропонована Г. Літавріним реконструкція самої процедури організації руських караванів до Царгорода. За висновками вченого, з Русі протягом року відправлялась не одна, а дві флотилії, перша з яких прибувала в Константинополь на початку червня, а друга – в кінці липня або на початку серпня. Відтак, перелік міст у договорах Олега з Візантією відображає не ієрархію руських князівств, а черговість відправки караванів до Константинополя[76]. В свою чергу, це потребує перегляду проблеми ієрархії руських князівств всередині держави, а також процесів формування централізованої давньоруської держави, що проте є проблемою вже вчених-русистів.

Як зазначає С. Іванов, „Літаврін твердо знав, що головне – іти за джерелом“[77]. Саме скрупульозна увага до джерел і оригінальне їх опрацювання яскраво вирізняє доробок Г. Літавріна з проблем русько-візантійських стосунків. Власне джерелознавча проблематика і визначила інтерес вченого до історії Візантії. Початково його інтерес зосереджувався на історії Русі, однак усвідомлення того, що основний корпус джерел – візантійського походження, й змусило Г. Літавріна ще на другому курсі Московського державного університету змінити свій інтерес з Русі на історію Візантії[78].

Таким чином, і у візантійське джерелознавство Г. Літаврін зробив вагомий внесок. Це, насамперед, його переклади різноманітних візантійських (власне грецьких) писемних пам'яток російською мовою. Серед них особливе значення для вітчизняної візантиністики і русистики має його переклад „De administrando imperio“ і коментування окремих розділів цього трактату. Попри те, що невідомо, чи цей трактат мав якийсь практичний вжиток у політичному житті імперії[79], як історичне джерело для епохи раннього середньовіччя, і то не лише Візантії, а насамперед для історії південнослов'янських країн та Русі, він є неоціненним. Тому не дивно, що кількість праць, присвячених „De administrando imperio“ перевищує історіографію всіх інших писемних пам'яток Візантії і західноєвропейського середньовіччя. Як відмічають Г. Літаврін та А. Новосельцев, кількість цих праць перевищує навіть „Прокопіану“[80].

Перший повний російський переклад цього трактату було здійснено ще в кінці XIX ст. Г. Ласкіним[81], після якого твір був перекладений В. Латишевим та М. Маліцьким[82], найповніший же переклад з розширеним коментарем і паралельним грецьким текстом було здійснено за редакцією Г. Літавріна та А. Новосельцева[83]. В західній історичній науці найвідомішим є переклад і видання, здійснені Д. Моравчиком[84].

Важливим, особливо як для історії Русі, є 15 розділ II Книги „De cerimoniis“ Константина VII Порфірогенета, де описані прийоми руської княгині Ольги імператором. Саме перу Г. Літавріна належить останній переклад російською мовою цього уривка[85]. І саме завдяки цьому перекладу зазначений пасаж з „De cerimoniis“ широко введений у вітчизняну науку.

Загалом дипломатія княгині Ольги належить до однієї з улюблених тем Г. Літавріна. Перша спеціальна розвідка вченого з цього питання[86], ймовірно, була інспірована стат-

тею Ж.-П. Аріньйона[87]. Однак саме праці Г. Літавріна[88], з часом оформлені в окремий розділ монографії „Дипломатія руської княгині Ольги“[89], викликали численні публікації у світовій візантиністиці[90].

Попри те, що діяльність княгині Ольги займає одне з головних місць у візантиністиці та русистиці, проблема обставин, місця і дати хрещення руської княгині залишається контраверсійною. Фактично своїми публікаціями Г. Літаврін відновив дискусію, насамперед щодо часу хрещення Ольги, започатковану в XVIII ст. геттінгенським професором І. М. Геснером, який висловився за 946 рік візиту княгині Ольги за даними „De cerimoniis“[91].

П’ятнадцятий розділ трактату „De cerimoniis“ присвячено прийомам у залі Магнаври. Окрім прийому княгині Ольги описані ще два прийоми арабських посольств. Однак у заголовку частини про перший прийом арабів, як і у вступі до книги II, події віднесені до IV індикта[92], тобто до вересня 945 – серпня 946 р., що дає змогу Г. Літавріну датувати і прийом Константином руської княгині 946 р.

Вихідними пунктами для вченого є: 1) співпадіння календарних порядків прийомів арабів та Ольги і 2) за гіпотезою вченого, на десерті в імператора 9 вересня поруч імператрицею на троні Теофіла сиділа Берта, а не Теофано. Місце, де мовиться про дітей Константина VII та Романа II, вчений вважає зіпсованим[93].

У полеміку з Г. Літавріним втупив О. Назаренко, який відмітив слушність перегляду питання датування поїздки Ольги в Константинополь, зазначивши, що інформаційні ресурси трактату Константина VII щодо даного питання ще цілком не вичерпані[94]. Насамперед О. Назаренко зупиняється на датуванні коронації Романа II за „De cerimoniis“, однак доходить висновку, що питання про початок царювання Романа II з дискусії щодо хрещення княгині Ольги необхідно вилучити[95]. Вчений також звертає увагу на те, що за обсягом і формою заголовки до розділу II, 15 різко вирізняються від інших[96]; вони піддаються сумніву як текстологічно, так і в плані невідповідності політичним реаліям 946 р. Натомість цілком вписуються в контекст 957 р. Появу IV індикта О. Назаренко пояснює звичайною помилкою[97].

Перспективною видається дискусія щодо зазначення в описі прийомів княгині Ольги порфірородних (імператорів-співправителів) дітей. Саме щоб узгодити цей пасаж зі своєю концепцією Г. Літаврін і припустив, що це місце в тексті Константина було зіпсовано[98]. Однак прийнятнішим у даному випадку видається пряме розуміння даного уривка. Хоча конкретних даних про те, чи були на той час діти в Романа немає. Однак, з одного боку, є підстави сумніватися у даті народження Василя II, яка вираховується через дату шлюбу Романа і Анастасії (в шлюбі – Теофано) (дата їх одруження відсутня в джерелах і вираховується на основі інших – опосередкованих –джерел і може бути віднесена до 953–954 рр.), а з другого – візантійські джерела, як правило, подають не всі імена дітей імператорів, особливо це стосується дочок[99]. Таким чином, попри прямі свідчення джерел, в 957 році у 18–19 річного Романа цілком ймовірно могли бути діти.

Гостру дискусію викликало в науці язичницьке ім’я княгині – Ельга, яким тричі називає Ольгу Константин VII, що є вагомим аргументом на користь язичництва княгині на прийомах в імператора для Г. Літавріна (хоча вчений підтримує позицію про хрещення Ольги в Константинополі, проте, за його концепцією, під час другої подорожі до Царгорода, яка відбулась 955 р.). Однак, намагання обґрунтувати вживання язичницького імені до християнки Ольги, апелюючи до тогочасної практики, є непереконливим. У джерелах маємо як випадки продовження вживання язичницького імені, так і заміну його хрестильним ім’ям.

В історіографії неодноразово зазначалося, що Ольга не могла бути на прийомі в імператора язичницею. Як зауважує Г. Літаврін, вже сам прийом київської княгині був прецедентом у дипломатичній практиці імперії[100]. На думку польського історика А. Поппе[101], на те, що Ольга була християнкою на прийомі в імператора, вказує той факт, що під

час обіду 9 вересня Ольга сиділа разом з вищими придворними дамами – зостами-патрикіями за одним столом. Отже, на його думку, вона була удостоєна звання зости-патрикії з приводу свого хрещення і вступу у візантійську ідеальну сім'ю народів.

Відтак через „мовчання" імператора щодо хрещення княгині Ольги, попри те, що абсолютно всі джерела відносять цю подію до Константинополя, в науці виникла дискусія і щодо місця даної події. Частина дослідників намагається обґрунтувати хрещення княгині в Києві. До того ж ця група вчених поділяється на дві підгрупи. Одні з них вважають, що хрещення відбулось у Константинополі (Є. Голубинський[102], М. Присєлков[103], С. Висоцький[104], Г. Острогорський[105] та М. Брайчевський 944 р.[106]), інші – по поверненню до Києва (М. Грушевський[107], Д. Оболенський[108] та Ж.-П. Аріньон[109]). Однак, ця дискусія, як слушно зауважив Г. Літаврін, видається абсолютно безплідною: „піддавати сумніву факт хрещення княгині в Константинополі методологічно недопустимо – це означало б приносити в жертву здогадам ясні й чіткі свідчення джерел"[110]. Таким чином, щоб узгодити дані Константина з хрещенням у Константинополі, Г. Літаврін і висунув гіпотезу про два візити Ольги в столицю імперії[111]. Перший з яких відбувся 946 р. і був описаний імператором у „De cerimoniis", а другий – 955 р. (за літописом), під час якого Ольга і була охрещена.

Однак попри те, що Константин Порфірогенет у „De cerimoniis" прямо не говорить про хрещення княгині Ольги, аргумент „від мовчання" може бути підданий сумніву. Аналіз даних трактату в контексті обрядової практики візантійської церкви дає змогу прийти до висновку, що саме твір Константина найбільш точно відтворює хронологію хрещення руської княгині[112]. Так, напередодні 9 вересня 957 р., найімовірніше 8 вересня, на день Різдва Богородиці, відбулося оглашення руської княгині Ольги. 9 вересня, в середу, відбувся славнозвісний прийом у Константина VII Порфірогенета, на якому для руської княгині спершу був даний офіційний обід, по ньому також „інтимний" святковий обід[113], який, за християнською традицією, був тією трапезою, що символізувала входження неофіта (в даному випадку Ольги) до християнської громади. До того ж десерт був поданий у розкішній їдальні (Аргистирії), де зазвичай давались обіди невеликій кількості обраних осіб або ж родичів. Між першим і другим прийомами – протягом сорокаденного терміну – княгиня Ольга відбувала належний піст. Після якого, в ніч на 18 жовтня 957 р., саме з суботи на неділю, відбулося хрещення руської княгині. Відтак на честь хрещення руської княгині 18 жовтня знову був даний урочистий обід у імператора Константина VII, який також не був типовим для дипломатичної практики Візантії.

Саме процедурою хрещення княгині Ольги (потребою проходження обов'язкового 40-денного посту) можна пояснити й незвично досить довгу затримку з відправленням посольства на Русь[114]. З одного боку, за візантійськими законами руси не мали права залишатись в імперії довше початку жовтня[115]. З другого – русам було ризиковано відтягувати відбуття на Русь у зв'язку з наближенням зими, що породжувало труднощі з навігацією на Чорному морі і, особливо, в районі порогів[116]. З канону жодних винятків не могло бути; інакше – звинувачення в єресі з усіма негативними наслідками.

Однак, у такому випадку все одно залишається проблема року хрещення княгині Ольги, адже Г. Літаврін обґрунтовує її дату візиту за даними „De cerimoniis" 946 роком. Важливими для цього питання є повідомлення Хроніки Скиліци та трактату „De administrando imperio". Скиліца візит Ольги в Константинополь поміщає в період правління Константина VII і зазначає, що прибула вона після смерті свого чоловіка. Знає Скиліца і те, що її чоловік ходив походом на Візантію[117]. За літописом, князь Ігор загинув зимою 6453 (945) р.[118], проте літописну дату смерті можна піддати сумніву, насамперед на основі твору „De administrando imperio", який дослідники приписують авторству самого Константина[119], а його створення відносять до 948–952 рр."[120]. В „De administrando" подається досить детальна і точна інформація про Придніпровську Русь. Знає Константин і князя Ігоря „±Iγγωρ", однак імператор нічого не знає про його смерть. Жодним

словом Константин не згадує і княгиню Ольгу, яка в будь-якому разі йому була відомою (її посли фігурують у русько-візантійському договорі 944 р., укладеному за Константина). Таким чином, можна припустити, що „De administrando“ був створений **до** візиту Ольги в Константинополь, що може бути черговим аргументом на користь 957 р. як дати подорожі руської княгині за даними „De cerimoniis“[121].

Важливе значення для уявлення про дипломатичну практику Русі X ст. мають і реконструкції складу посольства Ольги в Константинополь, зі скрупульозністю проведені Г. Літаврріним[122]. З приводу гостродискусійної проблеми мети і наслідків візиту руської княгині в Царгород, вчений спеціально не зупиняється, хоча й відмічає, що „невдоволеність Ольги не вилилась у відкритий розрив“[123]. Відносини залишались мирними, а руський загін продовжував перебувати на службі у Візантії.

Останній масштабний конфлікт поганської Русі з імперією був пов’язаний з загостренням відносин Візантії з Болгарією в 965–967 рр. В ситуації, що склалась, Никифор Фока вирішив зіштовхнути між собою Болгарію і Русь, щоб ослабити їх взаємною боротьбою.

Балканська кампанія Святослава займає особливе місце історіографії[106]. Натомість Г. Літаврін не присвятив жодної спеціальної статті цьому конфлікту, лише кілька сторінок у відповідному розділі „Истории Византии“. Щодо виправи Святослава на Балкани, вчений наголошує, що звернення до руського князя Никифора не було наслідком реалізації договору 944 р., за похід імператор заплатив 15 кентинаріїв золота[125].

Успіхи Святослава викликали занепокоєння в Константинополі, з приводу чого Г. Літаврін дотримується позиції, що напад печенігів на Київ весною 969 р. був інспірований Візантією[126]. Однак вже влітку того ж року Святослав знову з’явився в Болгарії, проводячи на цей раз чітку антивізантійську політику. Зі свого боку, Никифор Фока спробував відколоти болгар від русів, але цей задум вдався лише частково.

970 р. Святослав перейшов балканський хребет, спустошив Фракію і рушив у напрямку Константинополя. Під Аркадіополем руські війська були зупинені Вардою Склїром. Проте відступ Святослава Г. Літаврін пояснює якимись обіцянками з боку Цимісхія, а не поразкою від Скліра. Саме тому весняна кампанія імператора, як відмічає вчений, виявилась для руського князя повною несподіванкою[127]. Святослав був змушений здати Цимісхію болгарські міста, відчайдушно обороняти вирішив лише Доростол, який також після трьохмісячної облоги був змушений здати. По дорозі в Київ Святослав був атакований печенігами, у сутичці з якими в районі Дніпровських порогів і загинув. У вияві агресії щодо руського війська печенігів Г. Літаврін підтримує позицію, що діяли вони з намови імператора, хоча й відмічає, що імператорські інструкції не суперечили їхньому власному бажанню. Попри те, що Святослав програв, „авторитет Русі в очах візантійців, що склали собі чітке уявлення про силу Руської держави, зріс“[128]. Про це, на думку вченого, яскраво свідчать події, які відбулись через 15 років. Не провів Г. Літаврін і спеціального аналізу укладеного між Цимісхієм і Святославом договору, лише зазначив, що після Доростольського миру торгівля Русі з Візантією відновилась[129].

Наступний етап русько-візантійських відносин пов’язаний з діяльністю Василя II та Володимира. Цій темі Г. Літаврін також не присвятив спеціальної роботи. Проте саме під його керівництвом була захищена єдина дисертаційна робота українського вченого – Н. Нікітенко[130], що напряму стосувалась цієї проблематики.

Попри те, що звернення в скрутну хвилину Василя II до Володимира[131] було зумовлено, як слушно відмічає Г. Літаврін, попередньою практикою контактів Візантії з Руссю, імператор був змушений прийняти зустрічні умови руського князя – віддати за нього свою сестру Анну; взамін Володимир зобов’язався охреститися сам і охрестити свій народ[132]. Цей шлюб Г. Літаврін назвав „безпрецедентною за морально-політичними поняттями тієї епохи честю для володаря „варварів“ Володимира“[133]. Породичання з імператорським домом означало значне підвищення міжнародного авторитету Русі, яка ставала в один ряд з найсильнішими

державами тогочасної Європи. Вчений припускає, що тоді був укладений і новий русько-візантійський договір. На це вказують слова Зонари (в контексті подій 1043 р.), що між двома державами існували дружні відносини, при цьому хроніст посилається на шлюб Анни і Володимира, а також ті зміни, порівняно з договором 944 р., у статусі русів у Константинополі. За Скиліцею, станом на 1043 р. руси проживали в межах міста, до того ж у великій кількості – як купці і воїни. Русам була дозволена і зимівля в столиці імперії, що також не передбачалось попередніми договорами. Понад те, Г. Літаврін припустив, що з часу запровадження на Русі християнства за Володимира „в Константинополі була організована значна руська колонія, що постійно збільшувалась“[134]. З цього часу руси відчували себе в столиці привілейованими, „оскільки надавали неоціненну і постійну допомогу імперії“[135]. Норми договору 987/988 рр., за Г. Літавріним, сумлінно дотримувались обома сторонами аж до червня 1042 р., часу воцаріння Константина IX[136].

Однак, якщо для Василя II цей договір був наслідком складних внутрішньополітичних обставин, то для Володимира він цілком відповідав як зовнішньополітичним прагненням Русі, так і її внутрішньому соціальному розвитку. Тому християнізація Русі була „не так справою візантійської дипломатії, як глибоко продуманим державним актом далекоглядного руського князя“[137]. Християнізацію Русі Г. Літаврін (у співавторстві з Б. Флорею) спеціально розглянув у контексті подібних процесів в інших слов'янських країнах[138]. Процес християнізації країн візантійського ареалу автори простежують як з позицій внутрішнього розвитку самих суспільств, що потребували відповідної ідеологічної надбудови, так і з потреби налагодження рівноправних відносин з християнськими державами[139]. Специфіка ж Русі полягала в тому, що Київ робив вибір не лише між двома гілками християнства (Римом і Константинополем), а й між ісламом. Вибір Візантії як хресної матері був зумовлений насамперед зовнішньополітичними чинниками та тривалою традицією контактів Києва з Константинополем. Також, за концепцією Г. Літавріна та Б. Флорі, Русь вирізнялась з-поміж інших слов'янських країн саме домінантою зовнішнього чинника над внутрішнім, який в останніх був домінантним[140]. Проте, з позицій марксистської історіографії, автори відмітили і готовність давньоруського „базису“ до прийняття нової ідеологічної надбудови: на Русі „на час зміни віри повністю визріли соціальні передумови для прийняття нової релігії“[141].

По запровадженню християнства на Русі була створена своєрідна церковна організація, де митрополит призначався з греків, натомість єпископи були місцевими, що проіснувала до середини XIII ст. Така система частково була вигідна і самим князям, „оскільки Візантія не мала можливості ні воєнним, ні іншим шляхом змусити Русь за допомогою свого митрополита слідувати своїй (імперській) політиці“[142]. Таким чином, „ні християнізація, ні кревні узи не привели до підкорення Русі інтересам імперії“[143], однак для Візантії на деякий час зникла загроза з півночі. Більш того, як зауважує Г. Літаврін, з укладенням договору між Василем II та Володимиром Візантія на перших порах з жодною державою не була так тісно пов'язана як з Руссю. У Візантії виникли два руських центри – на Афоні та в Константинополі, де руська колонія була досить численною. Залишався на службі в імперії і 6-тисячний руський корпус, значення якого в воєнних силах імперії було визначним[144].

Щодо дискусійної проблеми датування християнізації Русі, а отже й шлюбу Володимира з Анною, Г. Літаврін притримується досить широких рамок. Похід на Корсунь він відносить на весну 989 р., відповідно шлюб з Анною – на літо того ж року[145]. Більш детальну хронологію подій запропонувала Н. Нікітенко, за концепцією якої наприкінці 988 р. Володимир пройшов обряд оглашення, а на початку 988 р. в Константинополі відбулись заручини Володимира і Анни, після чого руський князь вислав 6-тисячний допоміжний корпус. У квітні 989 р. Володимир взяв Корсунь, Василь змушений був відправити сестру до руського князя, відповідно хрещення Володимира відбулось 12 травня в Корсуні, після чого справили і саме весілля[146].

Порівняно з попереднім, досить слабо в історіографії розроблені питання русько-візантійських відносин періоду християнської Русі[147]. Низку праць зазначеному періоду у міждержавних відносинах Русі і Візантії присвятив і Г. Літаврін[148]. З укладенням русько-візантійського матримоніального союзу між Володимиром і Анною взаємовідносини двох держав були пріоритетними як для Києва, так і для Константинополя. Не втратили чинності, за концепцією вченого, і договори, укладені ще до хрещення Русі[149].

Перший епізод у русько-візантійських відносинах зазначеного періоду, що відобразився у джерелах, Г. Літаврін вбачає в повідомленні так званої „Записки грецького топарха"[150], переклад якої на російську мову був здійснений вченим[151]. Пам'ятка була знайдена на початку XIX ст. французьким науковцем Бенедиктом Газе. Дослідженню документа присвятили свої праці такі відомі вчені, як В. Васильєвський[152], М. Левченко[153] та інші. Однак ціла низка питань залишається відкритою. Метою свого дослідження Г. Літаврін поставив „довести, що цей документ, який дійшов в оригіналі, має безпосередній стосунок" до історії Русі та характеру русько-візантійських відносин кінця X – початку XI ст.[154]. В документі розповідається про похід грецького загону в районі Дніпра. Ці події, описані самим топархом, вчений датував 992 роком як єдино можливим[155]. За висновками Г. Літавріна, греки, котрі йшли від „північного царя", рухались з правого берега до міста Маврокастрон (Μαυροκαστρον) у районі, близькому до дніпровських порогів, таким чином це єдине джерело, що зазначає присутність греків у цьому регіоні. Досить дискусійним у науці залишається й питання атрибуції північного правителя, згаданого в тексті. За концепцією Г. Літавріна, ним міг бути ніхто інший як князь Володимир Святославович[156]. Враховуючи, що незадовго до описаних подій Володимир одружився з візантійською царівною Анною, вчений припускає, що топарх, котрий правив десь у районі Північного Надчорномор'я, визнав якусь номінальну владу київського князя[157], що, повернувши на віно Візантії Херсон, очевидно „не віддав інших областей Криму"[158]. З іншого боку, на основі аналізу документа, Г. Літаврін припустив наявність прагнення населення кримських грецьких колоній до незалежності від Візантії і їх об'єднання з політичною системою Руської держави, населення якої здавна перебувало в культурно-економічних зносинах з населенням північних берегів Чорного моря[159]. Таким чином, попри всю дискусійність запропонованої дослідником концепції, враховуючи фрагментарність повідомлень руських джерел щодо періоду правління Володимира після прийняття Руссю християнства, реконструкція Г. Літавріна відкриває подальші дослідження як у напрямку історії Русі та Візантії, так і міжнародних відносин обох держав.

1015–1016 рр. відбувся заколот у Херсоні, спрямований проти Константинополя[160]. Василь II, що в той час вів затяжну війну з Болгарією, знову був змушений звернутися по допомогу до київського князя, яку й отримав. Оскільки Володимир тоді вже був тяжко хворим, у науці існує дискусія, хто ж з руських князів надав Василю допомогу. На думку М. Артамонова, ним був Ярослав[161]; натомість Г. Літаврін підтримує позицію В. Пашуто[162], за якою цим руським князем був Мстислав Тмутараканський[163]. Тоді „Русь поспішала на допомогу імперії, незважаючи на власні внутрішні утруднення і на несприятливу пору року", в чому вчений і вбачає чинність статей договору 944 р. на початку XI ст.[164]

Чинність договору 944 р. Г. Літаврін вбачає і в інциденті з руським загоном Хрисохіра, який був знищений візантійцями. Сам інцидент вчений обережно датує червнем–липнем 1023 (чи 1024) р.[165]. Щодо причин конфлікту, на думку В. Васильєвського[166], підтриману М. Левченком[167], інцидент був випадковим і не вплинув на русько-візантійські відносини. Як „приватний" його трактує і Г. Літаврін: „Хрісохір прибув самовільно… і йому була запропонована звичайна процедура найму – прийти без зброї для переговорів"[168], що було відхилено руським загоном, який спробував прорватись у Мармурове, а згодом у Егейське море, де й був знищений. Такий перебіг, на думку Г. Літавріна, і був зумовлений дією русько-візантійського договору 944 р. Хрісохір, за концепцією вченого, належав до партії, що програла боротьбу в Києві, відтак він не мав передбаченої

договором грамоти київського князя, а тому й сприймався як нелегальний[169]. Однак у такому випадку дискусійною постає теза Г. Літавріна про відмову загону перейти приватним чином на службу імперії, тим більше, що Василь II у той час потребував додаткового війська, готуючи похід в Італію.

Однак до найбільш дискусійних питань відносин християнської Русі і Візантії належить так звана остання русько-візантійська війна 1043 р., яку Г. Літаврін називає „найбільш загадковою подією"[170]. Відтак ця подія посідає особливе місце в історіографії відносин Русі з Візантією. Присвятив цій темі низку своїх праць і академік Літаврін[171]. Це був єдиний масштабний воєнний виступ християнської Русі проти своєї „хрещеної матері" – імперії. Конфлікт був неординарним і мав у своїй основі безумовно вагомі підстави. Г. Літаврін одразу відкидає як причину якісь агресивні дії Візантії проти Русі, що на той час переживала період своєї найвищої могутності. Проте мета і цілі походу, на думку вченого, відбивали інтереси більшості панівного прошарку Русі[172].

В полеміку з Г. Літавріним вступив польський історик А. Поппе[173], з часом до неї долучився Дж. Шепард[174]. У розгляді цього питання Г. Літаврін традиційно йде строго від джерела. Вчений залучає до дослідження три групи джерел: давньоруські, візантійські та східні. Серед руських існує як коротка (київська), так і розширена (новгородська) літописні версії походу. За літописами, ініціатором походу був сам Ярослав; причина поразки повністю приписується шторму[175]. Полемізуючи з А. Поппе щодо достовірності літописних даних[176], Г. Літаврін залучає візантійські джерела (хроніку Скиліци) і приходить до висновку про достовірність даних літописів, до того ж саме обширну (новгородську) версію вчений вважає первісною[177]. Однак літописи не подають жодної інформації ні про причини походу, ні про поразку Русі в основній битві.

До власного дослідження Г. Літаврін залучає фактично весь корпус грецьких джерел, де є згадки про напад Русі на Константинополь 1043 р. Це праці Михаїла Пселла, Михаїла Атталіата, Іоанна Скиліци та Іоанна Зонари, а також Михаїла Гліки та Єфрема, з яких Пселл та Атталіат були безпосередніми свідками подій (хоча перевагу віддає насамперед Пселлу[178]). Скиліца ж використав у своїй Хроніці й невідомі джерела, що надає його твору історичну цінність у дослідженні зазначених подій. Г. Літаврін широко подає уривки з трьох основних джерел (Пселла, Атталіата і Скиліци)[179], а також долучає дані Зонари, що доповнюють попередні тексти[180], серед яких важливою є згадка про споріднення Київського і Константинопольського дворів. Аналізуючи джерела, вчений доходить висновку, що руські і візантійські джерела доповнюють одні одних, а не суперечать[181] (арабські джерела – (Ібн аль-Асир, Абуль Фарадж, „Таріхі Альфі" – автор долучає лише як допоміжні до візантійських, насамперед для з'ясування дати морської битви біля стін Константинополя[182], яку вчений датує 10 або ж 17 липня 1043 р.[183]).

Задум походу, за Г. Літавріним, виник не пізніше осені чи на початку зими 1042 р., а сам похід розпочався не раніше кінця травня 1043 р. В переговорах на Дунаї з імператором, на думку дослідника, кияни прагнули вирішити конфлікт мирним шляхом, що відповідало позиції Ярослава. Натомість варяги хотіли отримати матеріальні вигоди від походу. Саме останніх і підтримав Володимир[184]. Щодо чисельності руського війська, Г. Літаврін підтримує позицію А. Поппе[185], за якою військо Володимира налічувало 20 тисяч, а втрати складали 3 тисячі чоловік[186]. Таку ж думку щодо чисельності руського війська поділяють також М. Грушевський[187] та Н. Нікітенко[188].

Досить дискусійною видається думка Г. Літавріна, що причини походу полягали „в різкому повороті в політиці Візантії щодо Русі"[189], про що руси, що перебували в Константинополі, дали знати в Київ восени 1042 р., однак самі не встигли покинути столицю імперії[190]; адже незрозумілим стає, чому руси залишались у столиці за явно несприятливих умов?

З іншого боку, Г. Літаврін припускає, що в Києві з тривогою спостерігали за воцарінням „худородного" Михаїла IV, що порушувало принцип спадкоємності трону, який

на Русі пустив „глибоке коріння“. Тим більше, що руський двір через Анну був споріднений з останніми представницями Македонського дому, відтак для київського двору була образливою та ситуація, в якій сестри Зоя та Теодора фактично були усунені від влади і стали „іграшкою“ в руках угрупувань візантійської знаті, що боролись за владу[191]. Таким чином, „Ярослав міг розглядати ситуацію на престолі імперії як таку, що потребує в крайньому разі демонстрації сили друзів і родичів, готових захистити Зою і Теодору“[192]. Як одну з причин припускає вчений і обмеження прав русів у столиці імперії (здобутих за договором 987/88 р.), якими дорожив Ярослав[193].

Власне цю точку зору Г. Літавріна, залучаючи позицію Ж.-П. Аріньйона, що з часу, як Македонська династія пішла з політичної арени, династія Володимира була єдиною, яка могла довести своє законне право на імператорську корону в Константинополі[194], в своєму дослідженні розвиває Н. Нікітенко[195]. За концепцією дослідниці, „після одруження Володимира з Анною київські державні мужі отримали право візантійського співволодіння, тобто стали співспадкоємцями трону імперії“[196]. Однак після загибелі прямих нащадків Володимира і Анни – Бориса і Гліба, за Ярославом це право могло бути визнано за візантійським принципом співправління. Отже, ймовірно, що в Києві вважали обіймання трону Мономахом незаконним і як порушення прав Рюриковичів[197]. Ця думка видається слушною, особливо якщо врахувати, що на той час на Русі утвердився принцип прямого династичного успадкування трону. Відтак, за концепцією Н. Нікітенко, в результаті поразки 1043 р. Київ був змушений відмовитись від династичних прерогатив і визнав зміну імператора[198].

Основною причиною поразки руського флоту під стінами Константинополя вчений вважає шторм, а не дії візантійського флоту[199]. Однак перемога Володимира в другій битві вплинула на позицію Константинополя: „Візантія продовжувала шукати миру з русами“, який був укладений через 3 роки „на почесних умовах для уряду Руської держави“[200]. Хоча ця теза вченого входить у певну суперечність з іншою його ж тезою, що для імперії похід Русі 1043 р. обійшовся „легким переляком, і вона утримала свій престиж, завдавши поразки руському флоту“[201]. Проте Г. Літаврін зауважує, що новий договір не міг зрівнятися з тим, що уклав Володимир 987/88 р. Шлюб Всеволода і Марії був умовою Ярослава, так як він відновлював спорідненість київського і константинопольського дворів[202]. Однак, більш чіткою є думка Н. Нікітенко, що новий матримоніальний союз Русі й Візантії „був значною поступкою Києва Константинополю“, хоча він і підтверджував за київським князем право на царювання[203].

В XI ст. найбільшу увагу у Візантії в руських справах привертали Київ, Тмутаракань і Галицька Русь. Впродовж XI–XII ст. не відбулось особливих змін і в міждержавній торгівлі Русі з Візантією. Та, як відмітив Г. Літаврін, характерна для періоду IX–X ст. залежність політики й торгівлі протягом зазначеного періоду значно ослабла. В XII ст., попри продовження функціонування Дніпровського шляху, особливого значення набув Дністровський, що вів у пониззя Дунаю. Відбулась зміна і статей руського експорту. Поруч з традиційною сировиною, попит на візантійських ринках здобули предмети руського ремесла, в тому числі художнього, натомість зменшився імпорт з імперії ремісничих виробів. Погіршились і умови перебування руських купців на константинопольських ринках: з правління Олексія I прерогативами стали користувались італійці. Таким чином, основний ринок для руських купців перемістився з Константинополя у Тессалоніки[204]. Відтак Г. Літаврін відмічає, „що такий стимул, як взаємовигідна торгівля, практично випав із числа чинників, що обумовлювали формування і функціонування русько-візантійських відносин“[205].

З середини XI ст. зменшується і значення руського корпусу в армії імперії, на зміну якому з 1066 р. приходять англійці[206]. В цей час все більшу увагу імперії привертає сусідня Тмутаракань, з 1094 р. повідомлення про яку зникають зі сторінок руських літописів. З межі XI–XII ст. спостерігається і погіршення стосунків Константинополя з Руссю.

З цього приводу Г. Літаврін відмітив, що навіть у надскрутній ситуації, в котру потрапив тоді Олексій І, імператор, принижуючись перед Заходом, не спробував звернутись по допомогу до Русі, з якою існували відповідні домовленості. Продовжувала втрачати своє значення і варяго-руська дружина в Константинополі[207], особливо після участі росів у палацових заколотах другої половини XI ст. Однак, на думку вченого, погіршення стосунків Русі і Візантії в цей період „потрібно шукати в утисках цілком реальних інтересів однієї зі сторін"[208]. Такою причиною, на його думку, було утвердження візантійської влади в Тмутаракані, що до того часу належала Русі[209]. Таким чином, захоплення Тмутаракані погіршило відносини Візантії з Руссю на весь період правління Олексія І[210]. Інтерес Візантії в оволодінні Тмутараканню полягав насамперед у доставці звідти нафти, що була основним компонентом „грецького вогню"[211], котрий був потрібний для оснащення флоту, який у той час розбудовував імператор.

Перехід Тмутаракані до Візантії Г. Літаврін розглядає в контексті подій, пов'язаних із засланням у Візантію київським князем Всеволодом тмутараканського князя Олега[212]. Для реконструкції подій вчений залучає повідомлення риторичного твору візантійського автора кінця XI – початку XII ст. Мануїла Страворомана, насамперед уривку, що стосується Північного Надчорномор'я, якому Г. Літаврін присвятив низку публікацій[213], здійснивши також і власний його переклад[214].

У цьому уривку Мануїл Страворoман перераховує території, придбані Олексієм І Комніним на Балканах і в Малій Азії. Описане ж у Страворомана придбання Візантією територій у районі Боспора Кіммерійського Г. Літаврін і пов'язав з Тмутараканським князівством[215]. Ця подія, за концепцією вченого, сталася між 1094 та 1103 рр[216]. Вчений також відмітив відсутність якихось серйозних сутичок між Руссю і Візантією з цього приводу, що було, пов'язано за припущенням Г. Літавріна, з якоюсь домовленістю з князем Олегом Святославичем як плата за допомогу у поверненні Чернігівського столу[217]. Паралельно Олег визнав, принаймні формально, суверенітет імперії[218]. Одним з етапів домовленості Олега з імператором було його одруження зі знатною греченкою Теофано Музалон. У відповідь на це одруження Володимир Мономах видав свою дочку за авантюриста Лжедіогена. Цим, на думку Г. Літавріна, київський князь засвідчив невизнання прав на імператорський престол за Олексієм І Комніним[219].

Оскільки Страворoман говорить про землі, придбані в Європі, постає питання, що власне вважає автор північно-східною межею Європи? На думку Г. Літавріна, нею необхідно вбачати саме річку Ріон, а отже до Європи, за Страворoманом, належала і вся територія Тмутараканського князівства[220]. Подібно відмічав Г. Літаврін і слова, вкладені Левом Дияконом в уста князя Святослава, сказані Іоанну Цимісхію, що Русь належить до Європи, де не місце візантійцям[221]. Таким чином, ця розвідка не лише важлива з точку зору історії русько-візантійських стосунків, а й є цінним дослідженням з внутрішньої історії Русі й прямо стосується історії Тмутараканського князівства, на сьогодні ще не достатньо дослідженого, особливо щодо останнього періоду.

Втративши позиції в Криму, Русь прагнула утвердити свої позиції в Нижньому Дунаї і межиріччі Серета і Дністра. Відтак зіткнення русів і візантійців на Дунаї 1116 р. можна розглядати „не як наслідок загострення протиріч між Руссю і Візантією, а як закономірну реакцію русів на події в Тмутаракані"[222].

Значно краще, порівняно з попереднім, висвітлені в історіографії русько-візантійські відносини XII ст.[223]. Присвятив низку праць зазначеному періоду і академік Літаврін[224].

З цього часу остаточно зникає централізована політика Русі щодо імперії. Кожне руське князівство цілком самостійно проводило свою зовнішню політику, в тому числі стосовно інших руських князівств. Відповідно, з середини XI ст. Г. Літаврін відмічає поступове згасання русько-візантійських відносин, що було зумовлено зменшення ролі Києва в загальнодержавних справах і перетворенням Русі на „своєрідну федерацію князівств"[225]. Фактично залишився єдиний зовнішньополітичний чинник, що поєднував ін-

тереси Русі та імперії – половецька загроза. Однак вчений зазначає розрізнений характер воєнних акцій Візантії та Русі, які жодного разу навіть не спробували узгодити свої дії в антиполовецькій боротьбі. Більш того, „складається враження, що руси інколи своїми походами змушували половців відкочуватись на південний захід, у межі імперії, а візантійці гнали їх назад на Русь“[226].

У такій ситуації „політика Візантії щодо Русі набула маневреного характеру: вона стала різною щодо окремих руських князівств“[227]. Так як загроза нападу Русі на Константинополь зникла ще в останній чверті XI ст., завдання візантійської дипломатії зводились до залучення Русі до боротьби з ворогами імперії в Центральній Європі і на Балканах, а також в утриманні Русі від участі в ворожих коаліціях. При цьому, зазначає Г. Літаврін, Візантія традиційно намагалась підтримати дружні відносини з Києвом і залучитись підтримкою Галицької Русі як найбільш реального воєнного союзника. На користь останньої мети імперія інколи поступалась інтересами навіть Києва[228]. В XII ст., за висновками вченого, остаточно відійшла в минуле система договірних відносин Русі з імперією. Також у забезпеченні своєї обороноздатності в XII ст. Візантія вже не потребувала руського сухопутного допоміжного корпусу. На той час імперія гостро потребувала військового флоту, якого Русь не мала[229].

В такій ситуації з другої половини XI ст. у русько-візантійських відносинах зростало значення руської церкви, формально підпорядкованої Константинопольському патріархату. На думку Г. Літавріна, за умов відцентрових тенденцій на Русі імперія всіляко „протидіяла роздробленню Русі“ і намагалась утримати цілісність руської церкви[230]. Як приклад церковної взаємодії вчений наводить зростання чисельності руських монахів на Атоні[231]. Падіння Константинополя 1204 р. та монгольська навала на Русь у середині XIII ст. фактично припинили політичні відносини Русі і Візантії, які потому продовжували розвиватись лише у церковній і культурній сферах.

Насамкінець варто відмітити, що, окрім політичного та тісно пов’язаного з ним економічного чинника у русько-візантійських відносинах, Г. Літаврін присвятив свої праці й питанням культурної взаємодії[232], а також осмисленню місця Русі в така званій „Візантійській співдружності націй“[233]. На окреме дослідження заслуговує і розробка вченим питання місця і ролі Болгарії у відносинах Русі і Візантії, а також вплив міждержавної взаємодії на внутрішній розвиток як Русі, так і Візантії.

Підсумовуючи ж аналіз доробку академіка Літавріна у сфері політичної взаємодії Русі й Візантії, можна відзначити, що, попри те, що вчений не створив цілісної монографічної праці з зазначеної проблематики, його дослідження становлять неоціненний внесок до розробки питань взаємовідносин двох держав і загалом охоплюють увесь період русько-візантійських контактів. Г. Літаврін віддавав перевагу найбільш складним і дискусійним питанням, де прагнув сказати своє власне, оригінальне слово. Проте в центрі його уваги були саме проблеми політичної і економічної взаємодії Русі й Візантії. Саме з позицій міждержавної торгівлі вчений і розглядав зовнішні акції Русі щодо імперії та знамениті русько-візантійські договори. Помітне місце займають і проблеми соціального статусу русів, насамперед купців, у Константинополі. На відміну від попередніх синтетичних праць з історії русько-візантійських відносин (наприклад М. Левченка чи В. Пашуто), Г. Літаврін не подавав „відірвані“ один від одного сюжети, а намагався прослідкувати тяглість у стосунках двох держав, наприклад, коли акцентував увагу на чинності норм договору 944 р. ще на початку XI ст. Можливо, саме тому в літопис і не потрапили інші русько-візантійські договори (Святослава, Володимира чи Ярослава), які лише підтверджували договори першої половини X ст.

Таким чином, не лише дипломний інтерес, а й суто науковий визначив домінування проблематики русько-візантійських стосунків саме IX–X ст., які і сьогодні залишаються найбільш дискусійними. І попри те, що концепція Г. Літавріна щодо візиту та хрещення княгині Ольги зазнала критики в науці, проблеми статусу русів у Константинополі, організації зо-

внішньої торгівлі, русько-візантійських взаємин часів Володимира, осмислення політичних, а не лише церковних стосунків Русі з імперією в XI–XII ст. та багато інших залишаються і надалі відкритими. А отже й науковий доробок академіка Літавріна з зазначеної проблематики цілком залишається актуальним і таким, що має значні евристичні можливості для подальшого дослідження як Візантії, так і історії Київської Русі. Фактично жодне дослідження з проблем русько-візантійської взаємодії IX–XII ст. неможливе без залучення доробку Г. Літавріна.

[1] *Литаврин, Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб, 2000, с. 5.

[2] Короткий аналіз наукового доробку Г. Літавріна див: *Медведев, И. П., Флоря, Б. Н.* Г. Г. Литаврин. Краткий очерк научной деятельности. – В: ΓΕΝΝΑΔΙΟΣ. К 70-летию академика Г. Г. Литаврина. Сб. статей. М., 1999, 7–22.

[3] *Литаврин, Г. Г.* Как жили византийцы. 2-е испр. изд. СПб., 1997.

[4] *Литаврин, Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь... 398 с. А також див. такі загальні праці: *Литаврин, Г. Г., Каждан, А. П., Удальцова, З. В.* Отношения Древней Руси и Византии в XI – первой половине XII в. – In: The Proceedings of the Congress of the Byzantine Studies. Oxford, 1967; *Литаврин, Г. Г., Янин, В. Л.* Некоторые проблемы русско-византийских отношений в IX–XV вв. – История СССР, 1970. № 4, 32–53; а також рецензії: *Литаврин, Г. Г.* Рец. на книгу: *Obolensky, D.* The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe: 500-1453. L., 1971. – ВИ, 1972, № 2; Рец. на книгу: *Щапов, Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. – ВВ, 1981, т. 42.

[5] *Литаврин, Г. Г.* Беседа юбиляра и редактора с издателем. В: ’Ant…dwron: К 75-летию академика РАН Геннадия Григорьевича Литаврина / Отв. ред. И. С. Чичуров. СПб., 2003, с. 6. Постаті В. Васильєвського Г. Літаврін присвятив низку своїх праць: *Литаврин, Г. Г.* В. Г. Васильевский. – В.: Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь / В. А. Дьяков (отв. ред.) и др. М., 1979, 95–97; Василий Григорьевич Васильевский – основатель санкт-петербургского центра византиноведения. – В: Российское византиноведение: Итоги и перспективы. Тез. конф. М., 1994, 84–87; Василий Григорьевич Васильевский – основатель санкт-петербургского центра византиноведения (1838–1899). – ВВ, 1994, т. 55 (80), ч. 1, 5–21.

[6] Див., наприклад: *Домановський, А. М.* Окремі елементи зовнішньоторговельної політики візантійського уряду та рання історія Давньоруської держави. – Археологія, 2005, № 2, 34–46; Причини нечисленності знахідок візантійських монет на території Давньої Русі IX–X ст.: погляд з Візантії. – Древности, 2004, 70–75.

[7] *Литаврин, Г. Г.* Беседа юбиляра.., с. 9.

[8] *Литаврин, Г. Г.* „Записка греческого топарха“ (Документ о русско-византийских отношениях в конце X века). – В: Из истории средневековой Европы (X–XVII вв.). Сб. статей. М., 1957, 114–130.

[9] *Литаврин, Г. Г.* Беседа юбиляра.., с. 9.

[10] *Осипова, К. А.* Защита диссертаций по византиноведению в Москве в 1951–1957 гг. – ВВ, 1958, т. 14, с. 366.

[11] *Литаврин, Г. Г.* Византия и Русь в IX–X вв. – В: История Византии. В 3-х т. / Отв. ред. С. Д. Сказкин. М., 1967, т. 2, 226–236; Русско-византийские отношения в XI–XII вв. – В: История Византии. В 3-х т. / Отв. ред. С. Д. Сказкин. М., 1967, т. 2, 347–353.

[12] *Литаврин, Г. Г.* Византия и Русь.., с. 226.

[13] Там же.

[14] Там же, с. 227.

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] Там же, с. 229.

[19] Там же, 227–228.

[20] *Литаврин, Г. Г.* Свидетельства житий Георгия Амастридского и Стефана Сурожского о походах русов на Амастриду и Сурож. – В: *Литаврин, Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь.., 24–36; Византия и Русь.., с. 228.

[21] Вперше були ґрунтовно досліджені В. Васильєвським [Див.: *Васильевский, В. Г.* Русско-византийские исследования. Жития Свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. – В: Васильевский В. Г. Труды. Петроград, 1915, т. 3, 1–98; III–CCLXXXVIII]. Власне висновки В. Васильєвского і є відправними для Г. Літавріна.

[22] Див., наприклад: *Nystazopoulou-Pélékidou, M.* Le Chersonèse taurique à l’époque Byzantine. Paris, 1960, p. 106.

[23] *Ševčenko, I.* Hagiographie of the Iconoclast Period. – Iconoclasm. – Birmingham, 1977, 113-131.

[24] *Литаврин, Г. Г.* Свидетельства житий Георгия Амастридского.., с. 28.

[25] Там же, с. 31.

[26] Там же, с. 35.

[27] Там же, с. 36.

[28] *Литаврин, Г. Г.* Бертинские анналы о посольстве росов в Константинополь // Византия, Болгария, Древняя Русь.., 37–46; Византия и Русь.., с. 228.

[29] *Литаврин, Г. Г.* Бертинские анналы.., с. 37; Византия и Русь.., с. 228.

[30] *Литаврин, Г. Г.* Бертинские анналы.., с. 42. Наприклад, А. Новосельцев більш точно його локалізує Київщиною [Див.: *Новосельцев, А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990, 208–209]. Однак, видається за доцільніше пов'язувати його з територією Чернігівщини, де саме в цей час формується досить потужна варязька факторія.

[31] *Литаврин, Г. Г.* Указ. соч., с. 44.

[32] Там само, с. 46.

[33] Полное собрание русских летописей (далі – ПСРЛ). Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1962, стб. 9.

[34] *Литаврин, Г. Г.* Патриарх Фотий о нападении росов на Константинополь и об их крещении (860–867). – В: *Литаврин, Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь.., с. 48; Византия и Русь.., с. 229.

[35] Повний корпус джерел походу 860 р. видано П. Кузенковим [*Кузенков, П. В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках. – В: Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г. Проблемы источниковедения. М., 2003, 15–172].

[36] Історіографію питання див.: *Шумило, С.* Князь Оскольд и христианизация Руси. К., 2010, 120 с.; *Кузенков, П. В.* Вказ. праця, 10–13; *Сахаров, А. Н.* Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X в. М., 1980, 48–49, 53–54, 56–57, 60–65, 79–81. Також: *Цвєтков, С. В.* Поход русов на Константинополь в 860 году и начало Руси. СПб., 2010; *Аріньйон, Ж.-П.* Дипломатичні зв'язки між Візантією та Руссю з 860 по 1043 рр. // Хроніка, 2000, 1995, № 2–3, 29–41; *Гордієнко, Д.* Поширення християнства на руських землях у другій половині IX – першій половині X ст. – В: Історія релігій в Україні. Львів, 2011, кн. I, 19–28 та інші.

[37] *Литаврин, Г. Г.* Патриарх Фотий.., с. 56.

[38] *Литаврин, Г. Г.* Византия и Русь.., с. 229.

[39] *Литаврин, Г. Г.* Патриарх Фотий.., с. 60.

[40] Див., наприклад: *Комар, А.* К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева. – Ruthenica, 2005, т. 4, 115–137.

[41] *Гордієнко, Д.* Поширення християнства.., 23–24.

[42] Див., наприклад: *Брайчевський, М. Ю.* Утвердження християнства на Русі. К., 1988; *Шумило, С.* Вказ. праця.

[43] *Гордієнко, Д.* Поширення християнства.., 19–28.

[44] *Литаврин, Г. Г.* Византия и Русь.., с. 229.

[45] Там же.

[46] Серед них можна виділити: *Лавровский, Н. А.* О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853, 159 с.; *Малингуди, Я.* Терминологическая лексика русско-византийских договоров. – В: Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время. М., 1996, вып. 6, 61–67; *Malingoudi, J.* Die russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jhds. aus diplomatischer Sicht. Thessalonike, 1994; *Назаренко, А. В.* Некоторые соображения о договоре Руси с греками 944 г. в связи с политической структурой Древнерусского государства. – В: Восточная Европа в древности и Средневековье: Политическая структура Древнерусского государства: VIII чтения памяти член-корр. АН СССР В. Т. Пашуто (Москва, 17–19 апреля 1996 г.). М., 1990, 58–63.

[47] *Литаврин, Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь.., с. 98.

[48] *Литаврин, Г. Г.* Византия и Русь.., с. 229.

[49] *Литаврин, Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь.., с. 61.

[50] Див., наприклад: *Stein-Wilkeshuis, M. A.* Viking-age treaty between Constantinople and northern merchants, with its provisions on theft and robbery. – Scando-Slavica, 1991, vol. 37, 35-47.

[51] *Литаврин, Г. Г.* Указ. соч., с. 62.

[52] Див., наприклад: *Малингуди, Я.* Русско-византийские связи с точки зрения дипломатики. – ВВ, 1995, т. 56, 68–91; Русско-византийские договоры в свете дипломатики. – ВВ, 1997, т. 57, 59–87.

[53] *Литаврин, Г. Г.* Указ. соч., с. 64. Див. також: *Каждан, А. П.* К характеристике русско-византийских отношений в современной буржуазной историографии (1947–1957). – В: Международные связи России до XVII в. М., 1961, 7–20.

[54] *Литаврин, Г. Г.* Указ. соч., с. 66.

[55] *Литаврин, Г. Г.* Византия и Русь.., с. 230; Византия и Древняя Русь между договорами 911 и 944 гг. – В: Внешняя политика Древней Руси. М., 1988.

[56] *Литаврин, Г.* Культурный переворот в Болгарии и Древняя Русь. – В: Кирило-Методиевски студии. Хиляда и сто години от смъртта на Методий. Кн. 4. София, 1987, с. 396.

[57] *Гордієнко, Д. С.* Відносини Візантії, Русі та Болгарії в першій половині X ст. – В: Древнее Причерноморье. Вып. 9. Одесса, 2011, 106–112.

[58] *Литаврин, Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь.., с. 69; Византия и Русь.., с. 231.

[59] Див., наприклад: *Назаренко, А. В.* Указ. соч.., 58–63; *Половой, Н. Я.* К вопросу о первом походе Игоря против Византии. – ВВ, 1961, т. 18; О дате второго похода Игоря на греков и похода русских на Берда. – ВВ, 1958, т. 14; *Цукерман, К.* Русь, Византия и Хазария в середине X века: проблемы хронологии. – В: Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время. М., 1996, вып. 6, 68–80.

[60] *Литаврин, Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь.., с. 71.

[61] Там же, 71–72.

[62] *Шевченко, И. И.* Перечитывая Константина Багрянородного. – ВВ, 1993, т. 54, с. 17.

[63] *Литаврин, Г. Г.* Указ. соч., 72–73, 74–75.

[64] Там же, с. 75.

[65] Див., наприклад: *Острогорський, Ґ.* Історія Візантії / Пер. з нім. Анатолія Онишка. Львів, 2002, с. 246.

[66] *Литаврин, Г. Г.* Указ. соч., с. 78.

[67] Там же, с. 80.

[68] *Литаврин, Г. Г.* Введение. – В: Константин Багрянородный. Об управлении империей / Текст, перевод, комментарий; Изд. 2-е, испр; под ред. Г. Г. Литаврина; А. П. Новосельцева. М., 1991, с. 29.

[69] *Литаврин, Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь.., с. 82.

[70] *Луговий, О. М.* Роси та варанги у Візантії X–XII ст.: Формування та структурна роль найманого військового контингенту. – Автореф. дис. … канд. іст. наук. Одеса, 2008, с. 1.

[71] *Литаврин, Г. Г.* Указ. соч., с. 87.

[72] Там же, с. 88, 94–95, 104.

[73] Там же, с. 95.

[74] Там же, с. 98.

[75] *Литаврин, Г. Г.* Византия и Русь.., с. 232.

[76] *Литаврин, Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь.., с. 106.

[77] *Иванов, С. А.* Памяти Геннадия Григорьевича Литаврина. 1925–2009. – Славяноведение, 2010, № 2, с. 123.

[78] *Литаврин, Г. Г.* Беседа юбиляра и редактора с издателем.., с. 9.

[79] *Литаврин, Г. Г., Новосельцев, А. П.* Предисловие – В: Константин Багрянородный. Об управлении империей, с. 5.

[80] Там же.

[81] *Ласкин, Г.* Сочинения Константина Багрянородного „О фемах“ (De thematibus) и „О народах“ (De administrando imperio). – В: Чтения Общества истории и древностей российских. М., 1899, ч. 1.

[82] *Латышев, В. В., Малицкий, Н. В.* Сочинение Константина Багрянородного „Об управлении государством“. – Известия Государственной академии истории материальной культуры. М., 1934, вып. 91.

[83] Константин Багрянородный. Об управлении империей / Текст, пер., коммент.; изд. 2-е, испр; под ред. Г. Г. Литаврина; А. П. Новосельцева. М., 1991.

[84] *Constantine Porphirogenitus.* De admanastrando imperio. Bp., 1949; коментар до нього: *Constantine Porphirogenitus.* De admanastrando imperio. L., 1962, vol. 2; 1967 р. було здійснено перевидання в одному томі: *Constantine Porphirogenitus.* De admanastrando imperio. Washington, 1967.

[85] Приемы киевской княгини Ольги в Константинополе императором Константином Багрянородным. – В: *Литаврин, Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь.., 360–364; Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь: Проблема источников. – ВВ, 1981, т. 42, 42-45.

[86] *Литаврин, Г. Г.* О датировке посольства княгини Ольги в Константинополь. – История СССР, 1981, № 5, 173–183.

[87] *Ариньон, Ж.-П.* Международные отношения Киевской Руси в середине X в. и крещение княгини Ольги. – ВВ, 1980, т. 41, 113–124.

[88] *Литаврин, Г. Г.* Указ. соч., 173–183; Путешествие русской княгини Ольги.., 35–48; Состав посольства Ольги в Константинополь и „дары“ императора. – В: ВО, М., 71–92; К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги. – В: Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1985 г. М., 1986, 49–57; Русско-византийские связи в середине X в. – ВИ, 1986, № 6, 41–52; Христианство на Руси в правление княгини Ольги. – In: Gesellschaft und Kultur Russlands im frühen Mittelalter. Halle, 1982.

[89] *Литаврин, Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь.., 154–213

[90] Див., наприклад: *Оболенский, Д.* К вопросу о путешествии русской княгини Ольги в Константинополь в 957 г. – В: Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985, 36–47; *Высоцкий, С. А.* О дате поездки посольства Ольги в Константинополь. – В: Древние славяне и Киевская Русь. К., 1989, 154–161; *Брайчевский, М. Ю.* Ольга и Константинополь. – In: Южная Русь и Византия. Сб.

науч. тр. (к XVIII конгрессу византинистов) / Редкол. П. П. Толочко (отв. ред.), Я. Е. Боровский, Г. Ю. Ивакин. К., 1991, 12–20; *Poppe, A.* Once Again Concerning the Baptism of Olga, Archontissa of Rus'. – In: HOMO BYZANTINUS: Papers in Honor of Alexander Kazhdan. Washington, 1992, 271-277; *Pritsak, O.* When and Where Olga Baptized? – HUS, 1985, vol. IX, No ½, 5-24 та інші.

[91] *Назаренко, А. В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001, с. 221.

[92] *Const.* De cerim., 594–598.

[93] *Литаврин, Г. Г.* О датировке посольства княгини Ольги.., 173–183; Христианство на Руси в правление княгини Ольги. – In: Gesellschaft und Kultur Russlands im Frühen Mittelalter / Hg. E. Donnert. – Halle, 1981, 138–141; Древняя Русь, Болгария и Византия.., 68–71; Русско-византийские связи в середине X в., 41–52; К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги. – В: Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1985 г. М., 1986, 49–57; Византия, Болгария, Древняя Русь.., 174–190.

[94] *Назаренко, А.В.* Указ. соч., 222–223; Когда же княгиня Ольга ездила в Константинополь? – ВВ, 1989, т. 50, 66–83; Попытка крещения Руси при княгине Ольге в контексте международных отношений 60-х годов X века. – В: Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. статей / Под. ред. А. И. Клибанова. М., 1990, 24–40; Еще раз о дате поездки княгини Ольги в Константинополь: Источниковедческие заметки. – In: Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1992–1993 годы. М., 1995, 154–168.

[95] *Назаренко, А.В.* Древняя Русь на международных путях.., с. 227.

[96] Там же, с. 229

[97] Там же, с. 240.

[98] *Литаврин, Г. Г.* О датировке посольства княгини Ольги.., с. 183; Русско-византийские связи в середине X в..., с. 42; К вопросу об обстоятельствах, месте и времени.., 50–51.

[99] Див.: *Назаренко, А.В.* Указ. соч., 255–257.

[100] *Литаврин, Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь.., с. 180, 193.

[101] *Popp, A.* Once Again Concerning the Baptism of Olga, Archontissa of Rus', 272-273.

[102] *Голубинский, Е. Е.* История русской церкви. Изд. 2-е. М., 1901, т. 1, ч. 1, с. 79.

[103] *Приселков, М. Д.* Русско-византийские отношения IX–XII вв. – ВДИ, 1939, № 3, 101–102.

[104] *Высоцкий, С. А.* Вказ. праця, с. 158.

[105] *Острогорский, Г. А.* Византия и киевская княгиня Ольга. – In: To Honor Roman Jakobson. The Hague. P., 1967, vol. 7, p. 1461.

[106] *Брайчевский, М. Ю.* Указ. соч., с. 17.

[107] *Грушевський, М. С.* Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. / Редкол.: П. С. Сохань (голова) та ін. К., 1991, т. 1, с. 451; *Маврін, О.* Зовнішня політика княгині Ольги в „Історії України-Руси" Михайла Грушевського. – В: Древнее Причерноморье. Вып. IX / Гл. ред. И. В. Немченко. Одесса, 2011, с. 274.

[108] *Оболенский, Д.* Указ. соч., 41–42.

[109] *Ариньон, Ж.-П.* Указ. соч., с. 123, 124.

[110] *Литаврин, Г. Г.* Указ. соч., с. 165.

[111] *Литаврин, Г. Г.* Там же, 174–189; О датировке посольства княгини Ольги.., 173–183; К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения.., 49–57.

[112] *Гордієнко, Д.* Хрещення княгині Ольги в контексті обрядової практики візантійської церкви. – RUTHENICA, 2006, т. 5, 12–18; Хрещення княгині Ольги: історіографічна традиція в контексті реалій X ст. – В: Лаврський альманах: Києво-Печерська лавра в контексті української історії та культури. Зб. наук. праць. К., 2006, вип. 14, 5–17.

[113] Const. De cerim. p. 596; 21.

[114] *Гордієнко, Д.* Вказ. праця, с. 14.

[115] *Литаврин, Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь.., с. 122.

[116] Див.: *Литаврин, Г. Г.* Условия пребывания древних русов в Константинополе.., 81–92.

[117] Scyl. 239. 59–76.

[118] ПСРЛ, т. 2, стб. 42–43.

[119] *Шевченко, И.* Перечитывая Константина Багрянородного. – ВВ, 1993, т. 54, с. 28.

[120] *Литаврин, Г. Г., Новосельцев, А. П.* Предисловие – В: Константин Багрянородный. Об управлении империей, с. 5.

[121] Див.: *Гордиенко, Д. С.* К дискуссии о времени крещения княгини Ольги. – В: Российское византиноведение. Традиции и перспективы. Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2011, 71–74.

[122] *Литаврин, Г. Г.* Состав посольства Ольги.., 71–92.

[123] *Литаврин, Г. Г.* Византия и Русь в IX–X вв..., 232.

[124] Наприклад, *Карышковский, П. О.* К истории балканских войн Святослава. – ВВ, 1953, т. 7, 224–243; Политические взаимоотношения Византии, Болгарии и Руси в 967–971 гг. Автореф. дис.…

канд. ист. наук. М., 1951, 17 с.; Русско-болгарские отношения во время Балканских войн Святослава. – ВИ, 1951, № 8, 101–105; *Сахаров, А. Н.* Дипломатия Святослава. М., 1982, 101–208.

[125] *Литаврин, Г. Г.* Византия и Русь.., с. 233.

[126] Там же.

[127] Там же, с. 234.

[128] Там же, с. 235.

[129] Там же.

[130] *Никитенко, Н. Н.* Историческая проблематика в росписи Софии Киевской. Автореф. дис.… канд. ист. наук. М., 1992. 21 с.

[131] *Литаврин, Г. Г.* Внутренняя и внешняя политика Византии во второй половине X – первой четверти XI в. – В: История Византии, с. 219.

[132] *Литаврин, Г. Г.* Византия и Русь.., с. 235.

[133] *Литаврин, Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь.., с. 228.

[134] Там же, с. 270.

[135] Там же, с. 271.

[136] Там же.

[137] *Литаврин, Г. Г.* Византия и Русь.., с. 236.

[138] *Литаврин, Г. Г., Флоря, Б. Н.* Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси (некоторые сравнительные сопоставления). – Советское славяноведение, 1988, № 4, 60–67; Христианизация стран Центральной, Юго-Восточной Европы и Древней Руси. – Общественные науки, 1989, № 2, 199–216.

[139] *Литаврин, Г. Г., Флоря, Б. Н.* Принятие христианства.., 61–62; Христианизация стран.., 199–200.

[140] *Литаврин, Г. Г., Флоря, Б. Н.* Принятие христианства.., с. 65.

[141] Там же, с. 67.

[142] Там же, с. 65; Христианизация стран.., с. 204.

[143] *Литаврин, Г. Г.* Византия и Русь.., с. 236.

[144] *Литаврин, Г. Г.* Русско-византийские отношения.., с. 347–348.

[145] *Литаврин, Г. Г.* Византия и Русь.., с. 236.

[146] Див.: *Никитенко, Н. Н.* Русь и Византия в монументальном комплексе Софии Киевской. Историческая проблематика. К., 2004, 89–175.

[147] Хоча відповідні розділи є і в монографії М. Левченка [*Левченко, М. В.* Очерки по истории Русско-Византийских отношений / Под. ред. акад. М. Н. Тихомирова. М., 1956] та В. Пашуто [*Пашуто, В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968], а також у низці інших праць.

[148] Вони об'єднані у розділах 5–6 монографії: *Литаврин, Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь.., 214–300.

[149] *Литаврин, Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь.., с. 215.

[150] *Литаврин, Г. Г.* „Записка греческого топарха" (Документ о русско-византийских отношениях в конце X века). – В: Из истории средневековой Европы (X–XVII вв.). Сб. статей. М., 1957, 114–130.

[151] Там же, 127–130.

[152] *Васильевский, В. Г.* Записка греческого топарха. – В: *Васильевский, В. Г.* Избранные труды по истории Византии (Труды В. Г. Васильевского). В 2-х кн. (4-х т.). Кн. 1 (тт. 1–2) / Ред. сост. М. В. Грацианский, П. В. Кузенков. М., 2010, 555–631.

[153] *Левченко, М.В.* Ценный источник по вопросу русско-византийских отношений в X в. („Записка греческого топарха"). – ВВ, 1951, т. 4, 42–72.

[154] *Литаврин, Г. Г.* „Записка греческого топарха".., с. 115.

[155] Там само, с. 117, 127. Натомість, М. Шангін і А. Вишнякова датують записку 970 р. Вони також пов'язують її з руським князем – Святославом. Таким чином записка відображає якийсь з епізодів Балканської війни Святослава [*Шангин, М. А., Вишнякова, А. Ф.* Из комментария к „Записке греческого топарха". – ВВ, 1958, т. 14, 99–102].

[156] *Литаврин, Г. Г.* „Записка греческого топарха".., с. 122, 127.

[157] Там же, с. 125.

[158] Там же.

[159] Там же, с. 127.

[160] *Литаврин, Г. Г.* Восстание в Херсоне против византийской власти в 1016 г. – In: ΠΟΛΥΤΡΟΠΟΝ. Сб. к 70-летию В. Н. Топорова. М., 1998, 923–931.

[161] *Артамонов, М. И.* История хазар. Л., 1962, с. 437.

[162] *Пашуто, В. Т.* Внешняя политика Древней Руси.., с. 77.

[163] *Литаврин, Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь.., с. 217.

[164] Там же, с. 223.

[165] Там же, с. 224; Русско-византийские отношения.., с. 348.

[166] *Васильевский, В. Г.* Избранные труды по истории Византии, 218–222.

[167] *Левченко, М. В.* Очерки по истории Русско-Византийских отношений / Под. ред. акад. М. Н. Тихомирова. М., 1956, 387–388.

[168] *Литаврин, Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь.., с. 225.

[169] Там же, с. 226.

[170] Там же, с. 214.

[171] *Литаврин, Г. Г.* Пселл о причинах последнего похода русских на Константинополь в 1043 г. – ВВ, 1967, т. 26, 71–86; Еще раз о походе русских на Византию в июле 1043 г. – ВВ, 1968, т. 29, 105 – 107; Война Руси и Византии в 1043 г. – В: Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972; Византия, Болгария, Древняя Русь.., 228–276.

[172] Там же, с. 228.

[173] *Poppe, A.* Państwo i kościol na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968; Opowieść latopisarska o wyprawie "na Greków" w 1043 r. Jej redakcje i okoliznośći powstania. – Slavia Orientalis, 1967, 16, No 4, 349–362.

[174] *Shepard, J.* Why did the Russian Attack Byzantium in 1043 ? – Byzantinisch-Neugriechischen Jahrbücher, Vol. 22. Athen, 1978, 147–212.

[175] ПСРЛ, т. 2, стб. 141–142.

[176] *Poppe, A.* Op. cit., 351–353.

[177] *Литаврин, Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь.., 233–234.

[178] Там же, с. 246.

[179] Там же, 234–238.

[180] Там же, с. 239.

[181] Там же, 239–240.

[182] Там же, 253–254.

[183] Там же, 255–256; Хоча спершу Г. Літаврін датував її червнем 1043 р. [Див.: *Литаврин, Г. Г.* Пселл о причинах.., 71–86].

[184] *Литаврин, Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь.., 256–257.

[185] *Poppe, A.* Państwo i kościol na Rusi..., 108, 123.

[186] *Литаврин, Г. Г.* Указ. соч., с. 247.

[187] *Грушевський, М. С.* Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. / Редкол.: П. С. Сохань (голова) та ін. К., 1992, т. 2, с. 36.

[188] *Нікітенко, Н. М.* Остання русько-візантійська війна 1043 р.: причини і наслідки. – Наукові записки НаУКМА, 1999, т. 9, ч. 1: Спеціальний випуск, с. 129.

[189] *Литаврин, Г. Г.* Указ. соч., с. 258.

[190] Там же, с. 261.

[191] Там же, 268–269.

[192] Там же, с. 269.

[193] Там же, 271–272.

[194] *Аріньйон, Ж.-П.* Дипломатичні зв'язки між Візантією та Руссю з 860 по 1043 рр. – Хроніка, 2000, 1995, № 2–3, 29–41.

[195] *Нікітенко, Н. М.* Остання русько-візантійська війна 1043 р., 128–134. До розвідки вчена також залучає власні дослідження фресок веж собору Святої Софії в Києві, на яких, за її концепцією, Володимир і Анна постають в царських регаліях [*Никитенко, Н. Н.* Русь и Византия в монументальном комплексе Софии Киевской. Историческая проблематика. К., 2004, 89–175].

[196] *Нікітенко, Н. М.* Остання русько-візантійська війна 1043 р..., с. 131.

[197] Там само, с. 132.

[198] Там само, с. 133.

[199] *Литаврин, Г. Г. Указ.* соч., с. 246, 256.

[200] Там же, 256–257, 274.

[201] Там же, с. 228.

[202] Там же, 274–275.

[203] *Нікітенко, Н. М.* Вказ. праця, с. 133.

[204] *Литаврин, Г. Г.* Указ. соч., 293–294.

[205] Там же, с. 295.

[206] *Литаврин, Г. Г.* Русско-византийские отношения.., с. 351.

[207] *Литаврин, Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь.., с. 280.

[208] Там же, с. 280.

[209] Там же, 280–281.

[210] Там же, с. 291.

[211] Там же, с. 290.

[212] *Литаврин, Г. Г.* Русско-византийские отношения.., 351–352.

[213] *Литаврин, Г. Г.* Неизвестное свидетельство о Боспоре Киммерийском во время Алексея Комнина. – В: Тезисы докладов на VII Всесоюзной конференции византинистов в Тбилиси. Тбилиси, 1965,

20–23; *Litavrin, G. G.* A propos de Tmutorokanю – Byzantion, 1965, vol. 35, 221–234; *Литаврин, Г. Г.* Некоторые сведения о Северном Причерноморье (XII в.). – В: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посвященный Л. В. Черепнину. М., 1972, 237–242; Византия, Болгария, Древняя Русь.., 281–285.

[214] *Литаврин, Г. Г.* Неизвестное свидетельство о Боспоре.., с. 21.

[215] *Литаврин, Г. Г.* Некоторые сведения.., с. 239.

[216] *Литаврин, Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь.., с. 289. Хоча спершу terminus ante quem вчений відносив до 1118 р.: *Литаврин Г. Г.* Некоторые сведения о Северном Причерноморье (XII в.), с. 239.

[217] *Литаврин, Г. Г.* Указ. соч., с. 240.

[218] *Литаврин, Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь.., с. 287.

[219] Там же, с. 292.

[220] *Литаврин, Г. Г.* Некоторые сведения.., с. 242; Византия, Болгария, Древняя Русь.., с. 285.

[221] *Литаврин, Г. Г.* Представления „варваров“ о Византии и византийцах в VI–X вв. – ВВ, 1986, т. 46, с. 107; Византийцы и славяне – взаимные представления. – В: *Литаврин, Г. Г.* Византия и славяне. Сб. статей. Изд. 2-е. СПб., 2001, с. 600.

[222] *Литаврин, Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь.., с. 292.

[223] Див., наприклад: *Левченко, М. В.* Очерки по истории Русско-Византийских отношений; *Пашуто, В. Т.* Вказ. праця; *Литаврин, Г. Г., Янин, В. Л.* Вказ. праця, та інші.

[224] *Литаврин, Г. Г.* Русь и Византия в XII веке. – ВИ, 1972, № 7, 36–52; Русско-византийские отношения.., 347–353; Особенности русско-византийских отношений в XII в. – В: Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М., 1974, 208–212; Византия, Болгария, Древняя Русь.., 292–299; *Литаврин, Г. Г., Каждан, А. П., Удальцова З. В.* Вказ. праця; *Litavrin G.* Sur la problème des contacts de Cherson et Kiev pendant la deuxième moitié du XIIe siècle. – Symmeikta, т. 9, Athena, 1994.

[225] *Литаврин, Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь.., с. 277.

[226] Там же, с. 280; Русь и Византия в XII веке.., 37–38.

[227] *Литаврин, Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь.., с. 278.

[228] Там же.

[229] Там же, 298–299.

[230] Там же, с. 298.

[231] *Литаврин, Г. Г.* Русско-византийские отношения.., с. 353.

[232] Див.: *Литаврин, Г. Г.* Культурные связи Древней Руси и Византии в X–XII вв. – IV Международный конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы. М., 1974; Культурные связи Древней Руси и Византии в X–XII вв. (опыт исторической характеристики). – В: Балканские исследования: Проблемы истории и культуры. М., 1976; Идея верховной государственной власти в Византии и Древней Руси домонгольского периода. – В: Славянские культуры и Балканы. С., 1978, 1; Византия и Русь. – Наше наследие, 1992, № 25; Византия, Болгария, Древняя Русь.., 300–337.

[233] *Литаврин, Г. Г.* Указ. соч., 338–359.

УДК 7.033.2:7.04:746.4

КАТАПЕТАСМА: НАСЛЕДИЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ (ПРОИСХОЖДЕНИЕ, СИМВОЛИКА, ИКОНОГРАФИЯ)

Ю. Г. Матвеева

***Матвєєва Ю. Г.* Катапетасма: спадщина візантійської традиції (походження, символіка, іконографія)**

Робота присвячена дослідженню церковної вівтарної завіси – катапетасми, її візантійським витокам та походженню. Розглядається розвиток літургійної практики з використанням катапетасм, поступова зміна богословського розуміння завіси як символу. Спираючись на це, розглядається іконографія завіс VI–XVI ст., зображення яких збереглися, та які за іконографією наслідують візантійській традиції.

Ключові слова: катапетасма, вівтарна завіса, іконографія, символ, візантійські текстильні літургійні пам'ятки.

***Матвеева Ю. Г.* Катапетасма: наследие византийской традиции (происхождение, символика, иконография)**

Работа посвящена исследованию церковной алтарной занавесы – катапетасмы, ее византийским истокам и происхождению. Рассматривается развитие литургической практики с использованием катапетасм, постепенные изменения богословского понимания завесы как символа. Опираясь на это, рассматривается иконография завес VI–XVI вв., изображения которых сохранились, и в иконографии которых наследуется византийская традиция.

Ключевые слова: катапетасма, алтарная завеса, иконография, символ, византийские текстильные литургические произведения.

***Matveyeva Y. G.* Katapetasma: heritage of Byzantine tradition (origin, symbolism, iconography)**

The work is devoted to researching of church curtain – katapetasma, its Byzantine sources and origin. The development of liturgical practice with using of the katapetasmas and gradual changing of its theological meaning as symbol are researched. Basing on these, the iconography of the curtains of VI-XVI cent., which are inherited Byzantine tradition are considered.

Keywords: katapetasma, altar curtain, iconography, symbol, byzantin liturgical textile works.

Катапетасма – завеса Царских Врат – одна из древнейших храмовых тканей, занимавшая в византийский период значительное место в богослужебном обиходе. Завесы богато украшалась тканьми или вышитыми изображениями, а их вкладчиками часто были императоры и государи. Вместе с византийским церковным обрядом использование катапетасм в храмах перешло и в страны византийского круга, в большинстве из которых катапетасма продолжает существовать по сей день.

Столь важный предмет церковного обихода длительное время был обойден вниманием исследователей. Последняя работа, специально посвященная катапетасме, издана

© Ю. Г. Матвеева, 2012

100 лет назад[1]. Вопросов происхождения и символики завесы касались В. А. Троицкий[2] и Н. П. Кондаков[3]. Проводились и исследования отдельных сохранившихся предметов, которые, однако, не выходили за рамки изучения оных[4].

Весь изданный, относительно завес материал имеет ряд недостатков. Нет ясности в последовательности и развитии символических толкований завесы. Данные об эволюции самого предмета и его месте в храме иногда противоречивы. Не выявлена закономерность между выбором иконографической программы катапетасмы и литургической символикой данной церковной утвари. Задача нашей работы – попытаться восполнить выявленные пробелы.

Слово „катапета́сма“ происходит от греческого καταπέτασμα – „завеса“. В современном храме она находится сразу за Царскими Вратами, функционально повторяя их, в буквальном смысле является внутренними ткаными дверями в алтарь. В общепринятых сегодня толкованиях находим следующее: согласно „Новой Скрижали“, „завеса есть полотно на шнурах, или опускающееся сверху вниз, или передвигающееся от одной стороны к другой. <…> Завеса эта в Уставе (лист 15) называется внутрь сущею, т.е. внутреннею дверью. А так как эта же завеса в иных местах опускалась[5] сверху вниз, то и называется еще горнею дверью или горними дверями“[6]; в „Настольной книге священнослужителя“ указывается, что завеса на Царских Вратах знаменует собою покров тайны[7].

Если проанализировать иконографические программы немногих известных на сегодняшний день древних катапетасм, то достаточно трудно выявить закономерности или принципы выбора содержания этих произведений, практически ни одно из них не повторяет даже в общих чертах иконографию предыдущих (рис. 1–6). Какими же принципами руководствовались составители изобразительной программы для завес Царских Врат? Ведь случайный или произвольный выбор изображений на столь значимой вещи в византийском церковном искусстве априори не возможен.

Чтобы разобраться в данном вопросе, надо проследить эволюцию катапетасмы, ее богословских толкований и сопоставить с иконографическими программами дошедших до нас произведений. На протяжении веков символическая трактовка этого богослужебного предмета приобретала разные сложные, насыщенные, многогранные смысловые оттенки, повлиявшие на ее иконографию. Попробуем последовательно рассмотреть их.

Древнейшим прообразом катапетасмы является завеса ветхозаветной скинии, отделявшая пространство святилища от Святая Святых (Исх. 26:31). Техника ее исполнения точно не известна, однако именно она стала первой утварью с художественными изображениями в храме, созданной по велению Божию: „И сделай завесу из голубой, пурпуровой и червленой шерсти и крученого виссона; искусною работою должны быть сделаны на ней херувимы“, „и повесь завесу на крючках и внеси туда за завесу ковчег откровения; и будет завеса отделять вам святилище от Святаго-святых“ (Исх. 26:31, 33).

В евангельскую эпоху, согласно преданию, Богоматерь в момент Благовещения ткет такую завесу в Святая Святых, которая потом, в момент смерти Христа при Распятии, раздирается посередине „надвое, сверху донизу“ (Мф. 27:51; Мк. 15:38; Лк. 23:45).

Впоследствии эти события становятся ключевыми для символического осмысления и других богослужебных предметов, созданных на тканой основе, в частности, для катапетасм, воздухов и пелен. В византийских литургических произведениях работа Девы Марии и сама катапетасма теснейшим образом связываются с плотью Христа, которая, как завеса Храма в руках Богородицы, начинает ткаться в пресвятой утробе Девы Марии[8].

Тело Христа, свидетельствовавшее и Боговоплощение, и тайну Вочеловечения, и совершение Им подвига спасения, тоже символически уподоблялось завесе, которая и скрывала божественное в Святая Святых и, раскрываясь, реально являла Его присутствие. Толчком к этому послужили слова апостола Павла, который толкует завесу как вход в святилище и плоть Господа: „Итак, братия, имея дерзновение входить во святилище посредством крови Иисуса Христа, путем новым и живым, который Он вновь открыл нам через завесу, то есть плоть Свою“ (Евр. 10:19–21). Символическое же отождествле-

ние Своего тела с храмом (святилищем) дает Сам Христос, говоря: „Разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его“ (Ин. 2:19).

Глубокое символическое осмысление и самого вида рукоделия Девы Марии, т.е. ткачества, возможно, повлияло на технику выполнения первых завес, о наиболее ранних из которых известно, что они были не вышиты, а полностью вытканы, несмотря на сложнейший рисунок[9].

Первоначально считалось, что наиболее раннее упоминание катапетасмы в христианской богослужебной практике находилось в иерусалимской литургии апостола Иакова, где идёт речь о малых завесах[10]. Но, согласно исследованию Киприана Керна, завесы в этом тексте относятся к более поздней послеапостольской вставке, поскольку их упоминание входит в молитвы, которые „предполагают постоянный храм с твердо определившимися частями: жертвенником, **завесой**, алтарем; предлагают приношение и воскурение фимиама и под., чего не могло быть в древности апостольской“[11].

К концу II в. этот предмет становится функционально важным, поскольку тогда в церкви появляется и держится в III и IV вв. „так называемая „disciplina arcana“, в силу которой считается необходимым закрывать главнейшую часть храма и ее священнейшую принадлежность от взоров непосвященных“[12]. В этот период употребление завесы уже очевидно, но нет сведений ни о том, какова она была, ни о ее декоре.

Начиная с IV в. упоминаются уже сразу два вида завес: первая завешивала **только престол**, по линии столбов кивория**;** вторая – **весь алтарь** по линии алтарной преграды[13]. Недостаток вещественных памятников или ясных письменных свидетельств пока не позволяет определить точно, какой из них появился раньше. Практика этого периода еще не вылилась в устоявшуюся традицию и не имеет единообразия. Завесы могли использоваться по произвольному выбору или существовать параллельно[14].

Относительно введения и употребления в IV в. алтарной завесы, наиболее известен отрывок из жития Св. Василия Великого (помещен в Четьях-минеях), где говорится, что „Василий Великий заметил однажды на литургии во время совершения таинства, что стоявший с рипидою диакон перемигивался с стоявшею у алтаря женщиною и во избежание впредь такого соблазна „оттого оба времени повелел быти в церкви пред алтарем **завесам и преграде** жен ради, да некая дерзнет проникнуть в алтарь во время божественной службы“. Этот рассказ либо заставляет усомниться в повсеместном применении катапетасмы, поскольку мы видим, что завесы, укрывающие алтарь от кающихся, уже были, либо предположить, что от кающихся закрывался не весь алтарь, а только престол, а Василий Великий повелел отгородить уже и алтарь.

Блаженный Феодорит Кирский (386–457 гг.)[15] говорит о том, что внутрь такой завесы, устроенной уже самим святым Василием, он ввел императора Валента[16], на что некоторые ссылаются как на ясное доказательство того, что завесы всегда вешались по линии алтарной преграды и закрывали весь алтарь[17]. Однако это первый случай, описывающий завешивание всего алтаря. В поэме Павла Силенциария два века спустя престол церкви Св. Софии имеет завесы[18], а алтарь нет[19].

Приблизительно к V в. относят описание литургической практики, где молитва „Никто же достоин“ называется не молитвой Херувимской песни, а молитвой катапетасмы[20]. Н. Д. Успенский отмечает, что впервые молитву о катапетасме он встретил в очень раннем списке „Божественной литургии иже во святых отца нашего Григория“, опубликованном в 1716 г. аббатом Евксевием Ренадотом вместе с двумя другими александрийскими греческими литургиями[21]. В этом тексте литургии Св. Григория[22] говорится, что „алтарь был отделен от прочей части храма завесой“. Если совершалась Евхаристия, „иерей после первой молитвы шел в алтарь и приготовлял его для служения Евхаристии, а после чтения Евангелия отдергивал завесу (ее называли катапетасмой), чтобы народ видел совершаемое таинство Евхаристии. Херувимской песни при этом не пелось. Поэтому молитву „Никто же достоин“ называли молитвой катапетасмы“[23]. Вероятно, здесь катапетасма отделяла все пространство алтаря, а не закрывала только

престол. Если верно, что первоначальный текст принадлежит Св. Григорию, то такое отделение завесой алтаря в IV в. – практика не только Василия Великого, а название молитвы – молитвой катапетасмы говорит об устоявшейся тесной связи молитвы и действий, производимых с завесой.

Г. С. Добронравов, однако, считает более распространенным другой вид катапетасмы (покрывавшей только престол); этот вид он указывает на мозаиках в храме Св. Георгия в Фессалониках IV в. и в Равеннской церкви Иоанна Предтечи V в. „На этих мозаиках изображены кивории над святым престолом на 4 столбах с куполообразным верхом. Между столбами этого кивория и повешены 8 завес, в каждом пролете по две половинки, так что в известные моменты завешивался лишь один престол; весь же алтарь с горным местом и запрестольем был всегда виден всем присутствующим в храме“. „По этим мозаикам можно заключить, что кивории с завесами около них в это время были явлением обычным“[24]. Встречается изображение завес на столбах вокруг престола без кивория с куполообразным верхом, например в Арианском баптистерии в Равенне V в.

С VI в. известны уже катапетасмы со сложным композиционным построением и иконографической программой. Одна из таких завес вместе с изображениями подробно описана в поэме Павла Силенциария „Ἔκφρασιν του Ναού της Αγίας Σοφίας“, написанной ок. 563 г.[25]. Из слов поэмы видно, что в Святой Софии, украшенной Юстинианом, завесами укрывался только киворий. Алтарная преграда была открытой[26], а киворий в центре алтаря закрывался четырьмя завесами, из которых Павел Силенциарий описывает три: переднюю и две боковые. Возможно, заднюю, четвертую часть, ему не было видно из наоса. Пятьдесят строк поэмы посвящены тщательному описанию техники и сюжетов этих тканей. Последние подробно проанализированы в работе А. А. Иерусалимской[27], где предложена следующая реконструкция.

Между колоннами, в верхней части кивория, располагались полихромные ткани, изготовленные на многоремизном станке. Материалом для основ и утков служили шелковые нити. „Утки были разноцветными, причем, как следует из дальнейшего изложения, среди них были окрашенные в разные оттенки тирского и сидонского пурпура (в тексте фигурируют розовый и алый его цвета и, как уже упоминалось, „тирская раковина“; использованы золоченые нити“[28]. „Центральную композицию первой (и, видимо, главной – передней из завес) составляют три стоящие фигуры, расположенные под аркой: Христос и два апостола – Павел и Петр“; в композиции „изображена, по видимому, символическая сцена передачи Христом Павлу Священного писания – traditio legis“[29]. Фигуры стоят под тремя арками, опирающимися на четыре колонны. Вдоль верхнего и нижнего краёв главного сюжета, который занимал основное поле, располагались две каймы, где были изображены самостоятельные сцены, представленные в более мелком масштабе. По верхней кайме были расположены здания для горожан, больницы и храмы. Сюжеты, вытканные на нижней кайме, – чудеса Христа – не раскрыты автором поэмы в подробностях. Две другие завесы алтаря описаны более кратко, чем первая. На них изображена императорская чета, соединяемая на одной завесе руками Девы Марии, несущей во чреве Бога, на другой – руками Христа[30].

Представленное описание и реконструкция – единственные в своем роде, больше подобных свидетельств не сохранилось, однако описание катапетасм очень существенно и ценно, поскольку и устройство Св. Софии, и литургическая практика в ней часто брались за образец.

К этому же периоду относится еще одно интересующее нас произведение из Кливленда, Огайо[31]. В музее искусств оно представлено как египетская тканая икона VI в., однако ее характерные размеры (178,7 × 110,5 см), выбор сюжетов, их композиционное расположение говорят в пользу того, что это была катапетасма. Рассмотрим ее подробнее.

В центре композиции изображена Божия Матерь с младенцем-Христом на руках, сидящая на престоле, за которым по сторонам стоят Арх. Михаил и Гавриил. Эта центральная часть композиции вверху отделена следующим сюжетом, занимающим при-

мерно одну треть от общих размеров ткани: Христос Пантократор с поднятой благословляющей десницей на престоле в мандорле, в окружении двух ангелов и со звездами у подножья. Кайма катапетасмы выткана растительными мотивами с медальонами святых апостолов по нижней части каймы до линии, отделяющей верхний сюжет.

Семантика иконографии и логика объединения данных сюжетов в одном произведении раскрывается в контексте толкования символики катапетасмы. „Напомним, что отцы Церкви воспринимали Богоматерь как завесу, которая своей человеческой плотью покрывала божественную натуру Христа. В гомилии на праздник Введения ее в храм Георгий характеризует Богородицу как „живую завесу Логоса, за которой скрывается его божественность“[32]. Прокл Константинопольский[33] уподобляет катапетасму плоти Христовой[34], не говоря уже о глубоких и многочисленных ассоциациях Богородицы с накрывающими Святые Дары и покрывающими литургическую утварь тканями, прежде всего воздухами и алтарными пеленами“[35]. По византийским толкованиям Плоть Христа ткалась во чреве Богоматери из ее крови, как пурпурная пряжа: „Яко от обращения червленицы, Пречистая, умная багряница Емануилева, внутрь во чреве твоем плоть исткася: тем Богородицу воистину Тя почитаем“[36]. В центральной композиции катапетасмы Богоматерь – завеса плоти Христа-младенца и одновременно начало Его воплощения, Покров Тайны и Врата к Ней.

Помещенный выше сюжет „Вседержитель, являющий Второе пришествие“ тесно связан с символикой престола. „Место, где находится престол, на котором присутствует прославленное Тело Христово, уже тем самым выделено, образуя священное пространство, алтарь, виму. Святыми отцами толкуется как „место, являющее Второе пришествие из-за Восседающего в нем, который будет судить живых и мертвых“[37]. Понимание вимы, как места суда в его эсхатологической перспективе объясняет двенадцать колонн Константиновских храмов „по числу апостолов, которые сядут на престол судить двенадцать колен Израилевых (Мф. 19, 29; Лк. 22, 30)“[38]. Последнее объясняет присутствие на каймах медальонов с бюстами апостолов. „Такое понимание не только катапетасмы, но и вимы, очевидно восходит к первым векам христианства и в IV в. уже имело свое символическое выражение, а в дальнейшем и образное, в виде уготованного Престола этимасии, как места Судии Второго пришествия“[39].

Когда по молитве катапетасмы престол открывался (предположим, в данном случае завеса скручивалась подобно свитку вверх или отворачивалась одним краем)[40] – изображение Богоматери закрывалось, и над престолом оказывался образ Христа Вседержителя в Его втором пришествии[41].

В VII в. строгая „disciplina arcana“ ослабевает[42], и завеса теряет прежнее назначение, а вместе с этим и знаменование завесы Ветхозаветного храма, скрывавшей Святое Святых от непосвященных. Воспоминание ветхозаветной завесы стало усваиваться космиту – убрусу поверх колонн алтарной преграды[43]. Св. патриарх Софроний Иерусалимский, толкуя чин литургии, указывает: „Космит (κοσμήτης) соответствует ветхозаветному космию (κοσμίον), представляя украшенное крестом изображение распятого Христа, иногда же **космит устрояется во образ завесы**“[44].

Первое толкование этих слов Св. Софрония встречаем спустя почти восемь веков. Симеон Солунский (†1429) в своем толковании поясняет, что под этим космитом разумеется именно космит с помещенными на нем изображениями Спасителя, Божьей Матери, Предтечи, ангелов и др. святых, и что он **соответствует украшениям на завесе,** отделявшей в Ветхозаветном храме Святое Святых[45]. Над аналогией космита с завесой скинии, проводимой Св. Софронием, размышляет Л. Успенский: „Если космитис, украшенный Крестом, является изображением (εφράγìσμα) Распятого Христа (то есть Плоти Христовой), то он же является и образом (τύποξ) катапетасмы“[46]. Здесь для нас важно не только подтверждение определения катапетасмы как Тела Христова, но и символическое объединение ее с космитом. В этой связи космита (Распятого Христа) и катапетасмы (Плоти Христовой) виден отголосок ассоциативно-предметного мотива, ведь катапетасма буквально висит на древе космита, и действия с катапетасмой вводят нас в литургическую вневременность, где происходят: Тайна Воплощения, когда в утробе Пречистой Девы ткется завеса – Тело Христово;

Распятие и раздирание завесы в храме; открытие катапетасмы и Воскресение – Причастие; закрытие ее и чаяние Второго Пришествия.

Трудность относительно толкований в том, что сам термин катапетасма первоначально относится не только к самой завесе, но и к другим церковным тканям, с которыми происходят колебания в воздухе подобно завесе, которые могут опускаться и подниматься. Например, Михаил Пселл в „Слове на совершившееся во Влахернах чудо“, произнесенном в 1075 г., катапетасмой называет пелену с образом Влахернской Богоматери, поднимавшуюся во время „обычного чуда“[47]. У Германа I, патриарха Константинопольского, катапетасма иногда употребляется как взаимозаменяемый термин воздуха, покрывающего вместе потир и дискос, означающего и заменяющего камень, которым Иосиф затворил гроб и к которому была приложена печать стражи[48]. Другое название завес – ἀμφίθυρα – применялось, когда завешивался только престол, при этом они располагались между столбами алтарной сени или кивория. Иногда их количество доходило до восьми, т.е. по две на каждой стороне[49].

Описание действий, производимых с катапетасмой, также вносит некоторую путаницу в символическое толкование этого предмета. Патриарх Герман сначала говорит о **развитии** завесы (ἐξάπλωσις τοῦ καταπετάσματος) и **поднятии** ее (το καταπέτασμα ὑψῶν), при этом отмечая, что такое употребление завесы практикуется в монастырях[50]. В другом месте он сообщает, что завеса „**отдергивается**“[51], затем непосредственно следует отверзание царских дверей, и этим изображается наступление того утра, когда Христос был предан Пилату. А ниже, через несколько строк, Патриарх Герман уже объясняет, что диакон **„поднимает** завесу и этим возвещает тридневное восстание Господа“, на основании чего Г. Добронравов заключает, что речь идет о двух разных завесах[52]. Возможно, первая из них алтарная, а вторая – завеса кивория, при этом каждая имеет свою символику, либо с одной катапетасмой производятся оба действия, и она поочередно символизирует разные евангельские эпизоды.

Различия в описаниях раскрытия завес позволяют составить представление и о двух способах их привешивания. Г. Добронравов полагает, что „первоначальным был тот, что верхний край завесы неподвижно прикреплялся к киворию и затем она поднималась и опускалась на шнурах. „Так Святой Герман говорит: диакон, **подняв** завесу, возглашает“. Иоанн Златоуст свидетельствует о том же способе раскрытия завесы, когда говорит в одной из своих бесед: „Когда видишь, что **поднимаются** обе половины завесы, то представляй себе тогда, что разверзаются небеса и свыше нисходят ангелы“. Когда же Святой Герман говорит о завесе при царских вратах, то он употребляет другое выражение: завеса „**отдергивается**“. Очевидно, она передвигалась на шнурах или металлических прутьях вбок или в обе стороны“[53].

О завесах в Св. Софии Константинопольской первой четверти VI в. говорится, что они „**распускались**“ или „**разворачивались**“ священнослужителями[54]. Напомним, что завесы были помещены на киворий[55]. Эта традиция – завешивать киворий – сохранялась в Софии вплоть до XIII в., поскольку о тамошних завесах упоминает русский паломник Антоний Новгородский (ум. в 1242 г.), который в своем описании Константинопольской Софии говорит только о катапетасме кивория и даже сам киворий называет катапетасмой[56].

Изображения на немногих, дошедших до нас, катапетасмах могли связываться с текстом самой „молитвы катапетасмы“[57], использовались изображения небесных патронов, местночтимых святых, вкладчиков. Упоминание имен последних на завесах и сам факт дарения, вероятно, также вдохновлялись текстом молитвы, содержащей смиреннейшую просьбу принятия евхаристического дара.

К периоду уже развитого символического осмысления завесы относится одна из наиболее известных катапетасм, так называемая Хиландарская завеса Царских Врат[58]. Сюжет вышит серебряными и шелковыми нитями на тяжелом красном шелковом атласе. В более позднее время Хиландарская завеса была обшита вокруг широкой каймой из шелковой цветной ткани[59]. Спаситель, который изображен как Великий Архиерей, облаченный в полное архиерейское богослужебное одеяние XIV в., совершая Литур-

гию, стоит на подножии, подняв руки в благословляющем жесте. По сторонам Спасителя изображены сослужащими Литургию Василий Великий и Иоанн Златоуст в архиерейском облачении (полиставрий с надетым по старому способу омофором старинной формы; епитрахиль из двух половин, вышитая разными орнаментами; стихарь с реками и палица). Святители держат в руках свитки с текстами своих литургических молитв: у Святого Василия свиток с текстом „Владыка, Отче щедрот и Боже всякие утехи преклоньшие Тебе свои главы…“ (молитва из Литургии Св. Василия Великого, которую священник читает во время преклонения главы перед причастным стихом), у Святого Иоанна – свиток с текстом: „Никтоже достоин от связавших се плотскими похотми и сластми приходите или приближете се или служите … (начало молитвы, которую священник читает на Литургии во время пения Херувимской песни)“; напомним, что данный текст в одном из ранних литургических списков назван молитвой Катапетасмы[60]. За Св. Василием и Св. Иоанном стоят два ангела в диаконских стихарях и держат древние короткие четырехугольные рипиды с трижды вышитым Агиос[61]. Вкладная надпись-молитва вышита монахиней Евфимией у ног Спасителя[62]. В иконографии этой завесы воплощены не только молитвы, сопутствующие действиям, производимым с катапетасмой, но и глубокое богословское понимание самой литургической практики, где даже великие литургисты являются сослужителями Великому Архиерею – Христу.

К XIV–XV вв. относится катапетасма монахини Анны (Агнии) из монастыря Беотин[63]. На завесе вышиты 12 праздников, с Благовещеньем в середине, а с трех сторон вокруг праздников размещены фигуры ветхозаветных пророков (сверху поясные, а по бокам ростовые) со свитками в руках. В центре вышит золотою нитью Крест, по сторонам которого расположены буквы ИС ХС Н К. Вокруг него изображены Благовещенье, Рождество, Сретенье, Крещенье, Преображение, Вход Господень в Иерусалим, Воскрешение Лазаря, Распятие, Воскресенье, Вознесение, Пятидесятница, Успение Пресвятой Богородицы. Пророки расположены в следующем порядке: Давид, Нафан, Сафония, Авдий, Наум, Симеон, Захария, Иеремия, Самуил, Соломон, Даниил, Исайя, Иоиль, Илия, Мифей, Аввакум, Аарон, Изекииль, Иона, Агей, Иаков, Гидеон, Малахия, Моисей. Каждый из них держит свиток с текстом соответствующих им пророчеств. Внизу катапетасмы, под Успением Богородицы, помещено имя вышивальщицы: монахиня Анна[64], по другим источникам – Агния[65]. В недавно вышедшем каталоге музея Сербской православной церкви завеса названа работой монахини Агнии и датирована XVI в.[66] Хотя иконогрфическая программа этого произведения отлична от всех предыдущих, ее символическое наполнение остается неизменным – это центральная тема Богоматери как завесы Христовой плоти и начала Воплощения. Цикл праздников, как помещенный на кайме, традиционно создает контекст прочтения центрального сюжета – итог Воплощения.

Известная русская катапетасма 1556 г. царицы Анастасии (первой жены Иоанна Грозного)[67] была вложена в Хиландарский монастырь. Основной ее сюжет – Деисус. Спаситель изображен как Великий Архиерей с надписью „Ты есть иерей вовек по чину Мельхиседекову“, в саккосе с поднятыми в благословении обеими руками. Действие композиции происходит на небе, а не на земле, так как все персонажи стоят на облаках, а Спаситель еще и на шестикрылом Серафиме; здесь буквально отражена цитата из молитвы Катапетасмы „на Престоле херувимском носимый“[68]. Справа от Спасителя – Богородица в виде царицы, в царских одеждах, с короной на голове согласно словам псалма „Предста царица одесную тебе…“ (Пс. 44, 10), слева Иоанн Предтеча, над ними – летящие Архангелы Михаил и Гавриил с орудиями страстей. Следует заметить, что подобное изображение архангелов необычно для Деисуса. На кайме завесы вышита Богоматерь Оранта и 30 погрудных изображений пророков, апостолов, святителей, в том числе русских святых: князей, мучеников, преподобных, среди святителей Св. Савва Сербский и Симеон Сербский. На завесе крупными буквами вышита вкладная надпись с именем и всеми титулами: „царя государя и великого князя Ивана Васильевича“, „великой княгини Анастасии и при их сыне благородном царевиче Иване Ивановиче“, и дата 20 ноября в лето 7064 (1556 г.). Особое внимание

содержанию медальонов с изображениями важнейших русских святых и митрополитов, к которым присоединены и два сербских, уделено в работе Э. С. Смирновой[69].

В более поздний период катапетасме уже не придается столь важного значения, и в ее символических объяснениях упоминается преимущественно толкование Симеона Солунского[70]. По мере того, как получают развитие иконостасы, роль завесы сокращается, и с появлением Царских Врат постепенно уходит на второй план.

[1] *Добронравов, Г. С.* История катапетасмы. М., 1912.

[2] *Троицкий, В. А.* История плащаницы. – В: Богословский вестник, февр. Сергиев Посад, 1912, 362–393.

[3] *Кондаков, Н. П.* Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902.

[4] *Андидский Феодор*. – В: Православный Собеседник, 1884, т. 1, 397–398; *Иерусалимская, А. А.* Ткани собора Св. Софии в Константинополе (в поэме Павла Силенциария). – В: Восточное Средиземноморье и Кавказ IV–XVI вв. Л., 1988, 8–19; *Миркович, Л.* Искусство церковного шитья: Завесы царских врат (катапетасмы). – Убрус. Церковное шитье. История и современность. № 1, дек. 2003. – СПб., 2003, 29–34; *Смирнова, Э. С.* Катапетасма 1555 г. К иконографической программе окаймления. – В: Осам векова Хиландара. Историја, духовни живот, књижевност, уметност и архитектура (Научни скупови Српске академије наука и уметности, књ. XCV, Одељe историјских наука, књ. 27). – Београд, 2000, 495–503; *Стасов, В. В.* Заметки о древней русской катапетазме. – В: ИАО, т. 4. – СПб., 1863, 534–541; *Millet, G.* Broderies religieuses de style byzantin. Paris, 1947; Millet G. Broderies religieuses de style byzantin. Album. – Paris, 1939; *Johnstone, P.* The Byzantine Tradition in Church Embroidery. London, 1967.

[5] Этот способ закрывания, т.е. опускание катапетасмы, слышится в наиболее близком и созвучном ей греческом глаголе κατα-πέτομαι, что значит – слетать. См.: *Вейсман, А. Д.* Греческо-русский словарь. М., 1991, с. 678.

[6] *Новая Скрижаль* или объяснение о церкви, литургии, и о всех службах, и утварях церковных, Вениамина, архиепископа Нижегородского и Арзамасского (1739–1811). М., 1999, с. 25.

[7] *Настольная книга священнослужителя*. М., 1983, т. 4, с. 65.

[8] *Канон Великий.* Творения Андрея Критского Иерусалимского. СПб., 1903, с. 20; *Шалина, И. А.* Реликвии в восточнохристианской иконографии. М., 2005, 365–366.

[9] См.: Катапетасма из храма Св. Софии в Константинополе пер. четв. VI в. (рис. 1, 2) и коптская завеса VI в. (рис. 3).

[10] *Добронравов Г. С.* Указ. соч., с. 4.

[11] *Керн*, 2001, с. 99.

[12] *Добронравов, Г. С.* Указ. соч., с. 5.

[13] *Троицкий, В. А.* Указ. соч., с. 373.

[14] Голубинский Е. отмечает, что „у Греков и до настоящего времени весьма нередко, что церкви имеют завесы у престолов, причем бывает или так, что вместе с этими завесами имеют завесу и у царских дверей, или так, что последней уже не имеют“. История русской церкви. М., 1904, с. 175.

[15] Его „История Церкви“ написана ок. 449 г.

[16] *Historia ecclesiastica*, ed. L. Parmentier and F. Scheidweiler, Theodoret. Kirchengeschichte, 2nd edn. [Die griechischen christlichen Schriftsteller 44. Berlin: Akademie-Verlag, 1954]: 1–349, 244–245.

[17] *Добронравов, Г. С.* Указ. соч., 6–7.; *Красносельцев, Н. Ф.* Расположение и убранство христианских храмов. – В: Православный собеседник, 1879, май, 11.

[18] *Иерусалимская, А. А.* Указ. соч., 8–19; *Σιλεντιάριος, Π.* Έκφρασις του ναού της Αγίας Σοφίας. – Migne, J.-P. (ed.), Patrologia cursus completus, series Graeca 86.2, στήλ. 2.119–2.158; *Васильева, Т. М.* TRADITIO LEGIS и иконография алтарной преграды Св. Софии Константинопольской. – В: Восточнохристианский храм. Литургия и искусство. СПб., 1994, 121–141.

[19] Его описание этой алтарной преграды и рисунок ее реконструкции приводятся Голубинским. См.: *Голубинский, Е. Е.* Археологический атлас ко второй половине 1 т. Истории Русской церкви. М., 1906, л. XLVI.

[20] *Успенский, Н. Д.* Византийская литургия. Анафора. М., 2003, с. 222.

[21] Там же, с. 218.

[22] Напомним, что Григорий Богослов (329–389 гг.) был близким другом и сподвижником Василия Великого.

[23] *Успенский, Н. Д.* Указ. соч., с. 223.

[24] *Добронравов, Г. С.* Указ. соч., с. 7.

[25] *Иерусалимская, А. А.* Указ. соч., 8–19.

[26] *Васильева, Т. М.* Указ. соч., 121–141.

[27] *Иерусалимская, А. А.* Указ. соч., 8–19.
[28] Там же, с. 10.
[29] Там же, с. 11.
[30] Там же, с. 16.
[31] *Музей искусств в Кливленде*, Огайо, инв № 1967.144. Pelikan, 1990. P.16; Rutschowscaya, M. Coptic Fabrics. Paris, 1990, 135–137.
[32] *Migne, J.-P.* (ed.), Patrologia cursus completus, series Graeca. T. 100. Col. 1424.
[33] Ученик святителя Иоанна Златоуста, им же рукоположен, константинопольский епископ (434–437), († 446–447).
[34] *Migne, J.-P.* (ed.), Patrologia cursus completus, series Graeca. T. 85. Col. 433.
[35] *Шалина, И. А.* Указ. соч., с. 365.
[36] *Канон Великий*. Творения Андрея Критского Иерусалимского, с. 20.
[37] *Святитель Софроний Иерусалимский*. – В: Писания отцов относительно к истолкованию богослужения, 1855, т.1, 284–287. Толкование Германа Константинопольского. – В: Писания отцов относительно к истолкованию богослужения, 1855, т.1, с. 393, 395.
[38] *Успенский, Л.* Вопрос иконостаса. – В: Православная икона, канон и стиль. М., 1998, с. 233.
[39] Там же.
[40] О способах раскрытия завес и в частности – об их поднятии вверх, более частом для византийской практики. См.: *Стасов, В. В.* Заметки о древней русской катапетазме.., с. 539.
[41] Там же.
[42] Преп. Максим пишет об оглашенных „тщательности об устранении и удалении их от литургии не было“. См.: *Добронравов, Г. С.* Указ. соч., с. 11.
[43] Там же, с. 11.
[44] *Писания отцов* относительно к истолкованию богослужения, 1855, т.1, с. 269, 364.
[45] *Добронравов, Г. С.* Указ. соч., с. 11, 12.
[46] *Успенский, Л.* Указ. соч., с. 233.
[47] У И. А. Шалиной в имени опечатка: не Григорий, а Георгий. – См. *Шалина, И. А.* Реликвии в восточнохристианской иконографии. М., 2005, с. 365.
[48] *Писания*, 1855, т.1, с. 373. Позднее, у Симеона Солунского, этот воздух называется уже плащаницей, а то символическое значение, которое ему придавал Патриарх Герман, вообще отсутствует. По предположению В. А. Троицкого, это объясняется тем, что к XV в. катапетасма уже является не взаимозаменяемым синонимом третьего воздуха, а отдельным предметом, при этом за ней закрепляется первоначальное толкование, которое к воздуху уже не относится. – См.: *Троицкий, В. А.* Указ. соч., 371–372.
[49] Du Cange, col. 64; *Голубинский, Е.* История русской церкви. М., 1904, с. 175, прим. 2; Археологический атлас ко второй половине 1 т. Истории Русской церкви. М., 1906, л. XLVI, рис. 1; *Филимонов, Г.* Вопрос о первоначальной форме иконостасов в русских церквах. М., 1859, с. 29, 63.
[50] *Писания* отцов относительно к истолкованию богослужения, 1855, т. 1, с. 399; Du Cange, col. 611–612.
[51] Там же, с. 400.
[52] *Добронравов, Г. С.* Указ. соч., с. 9.
[53] *Там же*, с. 10.
[54] *Иерусалимская, А. А.* Указ. соч., с. 10.
[55] *Васильева, Т. М.* Указ. соч., 121–141.
[56] *Добронравов, Г. С.* Указ. соч., с. 8; Антоний Новгородский. Хождение в Константинополь. СПб., 1872, с. 73.
[57] Текст ее полностью опубликован Н. Д. Успенским. См.: *Успенский, Н. Д.* Указ. соч., с. 224.
[58] *Кондаков, Н. П.* Указ. соч., 1902, 244–246; *Миркович, Л.* Указ. соч., 29–32.
[59] *Миркович, Л.* Указ. соч., с. 29.
[60] *Успенский, Н. Д.* Указ. соч., с. 224.
[61] *Миркович, Л.* Указ. соч., с. 31.
[62] Полный текст молитвы см.: *Миркович, Л.* Указ. соч., 31–32.
[63] Там же, 32–34; *Милеуснић, С.* Музеј Српске православне цркве. Београд, 2001.
[64] *Миркович, Л.* Указ. соч., с. 34.
[65] Обратить внимание на примечание ред. Катасоновой Л. – См.: *Миркович, Л.* Указ. соч., с. 32.
[66] *Милеуснић, С.* Указ. соч..
[67] *Кондаков, Н. П.* Указ. соч., 246–247; *Смирнова, Э. С.* Указ. соч., 495–503; *Стасов, В. В.* Указ. соч., 534–541.
[68] *Успенский, Н. Д.* Византийская литургия.., с. 224.
[69] *Смирнова, Э. С.* Указ. соч., 495–503.
[70] *Новая Скрижаль* или объяснение о церкви, литургии.., с. 25.

УДК271.2-528-549:726.7/.8(477-25)

СТВОРЕННЯ ПЕЧЕР КИЇВСЬКОЇ ЛАВРИ У СВІТЛІ ЛІТУРГІЙНОЇ ПРАКТИКИ ОСВЯЧЕННЯ ПРОСТОРУ

М. М. Нікітенко

Нікітенко Н. М. **Створення печер Київської лаври у світлі літургійної практики освячення простору**

В основу створення сакрального простору печер Київської лаври була покладена літургійна ідея освячення простору, що співвідносилося з освяченням храму під час хресного ходу. Рух проходив зі сходу на захід та за годинниковою стрілкою. Відтак, підземні церкви завжди опинялися у східній стіні печерних галерей (праворуч), а поховання – на заході (ліворуч). Вектор прокопування печер утворював хрест – основу планової структури будь-якого християнського храму.

Ключові слова: Київська лавра, сакральний простір, ієротопія, печери.

Никитенко Н. М. **Создание пещер Киевской лавры в свете литургийной практики освящения пространства**

В основу создания сакрального характера пещер Киевской лавры была положена литургийная идея освящения пространства, которая соотносилась с освящением храма во время крестного хода. Движение проходило с востока на запад и по часовой стрелке. Соответственно, подземные церкви оказывались в восточной стене пещерных галерей (справа), а погребения – на западе (слева). Вектор копания пещер создавал крест – основу плановой структуры любого христианского храма.

Ключевые слова: Киевская лавра, сакральное пространство, иеротопия, пещеры.

Nikitenko N. M. **Creation of caves Kievan lavra in a view of liturgical experts consecration of space**

The liturgical idea of consecration of space which correspond with consecration of a temple during religious procession has been put in a basis of creation of sacral character of caves Kiev lavra. Movement passed from the East on the West and clockwise. Accordingly, underground churches appeared in east wall of cave galleries (on the right), and burials - in the West (at the left). The vector of digging of caves created a cross – a basis of scheduled structure of any Christian temple.

Keywords: Kievan lavra, sacral space, ierotopos, caves.

Процес створення сакрального простору Києво-Печерської лаври ніколи не був предметом дослідження у науці. Абсолютна більшість існуючих наукових праць, присвячених славетній чернечій обителі, пов’язана з її конкретними матеріальними об’єктами: з пам’ятками архітектури та мистецтва, з текстами джерел, що належать до києво-печерської культурної традиції. Причому всі ці пам’ятки, в тому числі і печери Київської лаври, досліджувалися у традиційних наукових напрямках: історичному, археологічному, архітектурному, мистецтвознавчому, джерелознавчому та ін. Позитивістська ідеологія

© М. М. Нікітенко, 2012

XIX ст., в межах якої сформувалися ці гуманітрані дисципліни, не бачила в „ефемерному“ сакральному просторі предмета дослідження, тож і створення сакральних просторів не отримало свого місця у системі гуманітарного знання, структура якого була визначена „предметоцентричною моделлю“ опису світу.

Останнім часом у науці була обґрунтована концепція *ієротопії,* автором якої є відомий російський культуролог, директор Наукового центру східнохристиянської культури у Москві, експерт ЮНЕСКО та історик візантійського мистецтва Олексій Михайлович Лідов. Сам термін „ієротопія“ побудований за принципом поєднання грецьких слів „ієрос“ (священний) та „топос“ (місце, простір). Сутність поняття О. Лідов формулює таким чином: „иеротопия – это создание сакральных пространств, рассмотренное как особый вид творчества, а также как специальная область исторических исследований, в которой выявляются и анализируются конкретные примеры данного творчества“[1].

На сьогодні до наукового обігу введено вже доволі значний матеріал з проблематики ієротопії, підсумований у виданнях, переважно капітальних, випущених Науковим центром східнохристиянської культури. Фундаментальні дослідження принципів розбудови сакральних просторів за середньовіччя дозволили дослідникам дійти таких висновків, важливих для нашої роботи:

– Нематеріальний та, водночас, реально існуючий простір був центром універсуму для носіїв давньої та середньовічної релігійної традиції.

– Освоєння та освячення простору у давній та середньовічній культурних традиціях відбувалися одночасно.

– Динамічна складова була принциповою характеристикою ієротопічних проектів: явище сакрального простору, який перебуває в русі, усвідомлювалося з богословських позицій і мало артикульовану систему понять. Крім того, саме створення сакрального простору здійснювалася завдяки руху по колу (в тому числі й літургійному).

– Ідея перенесення сакрального простору була ключовою в середньовічній ієротопії. Перенесення просторового образу не означало зникнення того місця, куди воно транслювалося. Натомість, топографічна матеріальна конкретність такого місця визначала чудотворну природу та дієву силу просторового образу.

– Деякі явища візуальної культури можуть адекватно усвідомлюватися лише на рівні образів-ідей, які запропоновано називати образами-парадигмами. Образ-парадигма не був пов’язаний з ілюстрацією якогось конкретного тексту, хоча і мав велику кількість літературно-символічних змістів. Образ-парадигму бачили та впізнавали, проте він не був принципово формалізований у вигляді образотворчої схеми або логічної конструкції. У якомусь сенсі він нагадував метафору, яка втрачає зміст під час переказу або розділенні на складові елементи. Натомість, для візантійців таке „нераціональне“, та водночас „ієро-пластичне“ сприйняття світу було найбільш адекватним засобом осягнення його божественної суті.

– Кожне святе місце у руслі візантійської традиції усвідомлювалося як просторова ікона Небесного Єрусалима. Ця ікона не співпадала з будь-яким звичним зображенням на площині, існуючи поза зображувальними схемами. Мова йде про створення іконічних образів у просторі, зміст яких полягав у посередництві між земним та небесним світами. Найяскравішим прикладом такої категорії є багаточисельні проекти „Нових Єрусалимів“, представлені як у величезних ландшафтних відтвореннях Святої Землі, так і у формах літургійних предметів[2].

Важко переоцінити зроблений дослідниками ієротопії внесок у науку, передусім – у вітчизняну медієвістику, адже лише через єрусалимсько-софіологічну ідею можливо зрозуміти всю початкову історію культури Київської Русі, особливості її розбудови як невід’ємної складової східнохристиянської цивілізації.

Загальновідомо, що християнські культури середньовічної Європи всіляко прагнули перенести на власний ґрунт топоси Святої Землі. Вже сам факт повсюдного створення Нових Єрусалимів як її образів говорить про значущість цього колосального явища середньовічної культури, її стрижень. Поняття священного Єрусалима охоплює межі, значно ширші

за храмові, адже на нього орієнтоване все християнське світосприйняття: це й християнська душа (мікрокосм), і християнський храм, і християнське місто, і християнська держава, і вся християнська Ойкумена (макрокосм). Отже, поняття Єрусалима поєднувало в собі наріжні камені цивілізації: особу, суспільство, Церкву, державу, весь християнський світ. Це та модель світобудови, яка лежала в основі уявлень середньовічної людини і яка відтворювалась нею в усіх видах її творчої діяльності – літературі, архітектурі, мистецтві.

Для нашого дослідження концептуальним також є те, що Єрусалим був точкою відліку середньовічної географії. Вже в Апокаліпсисі Святий Град стає символом містичної Церкви та центральним пунктом месіанських очікувань. Не випадково середньовічні мапи мали чітко виражену структуру хреста, у центрі якого перебував Єрусалим[3].

Симптоматично, що у середньовічному світосприйнятті, в тому числі і в давньоруському, сам Єрусалим мав планову структуру хреста**.** Так, ігумен Даниїл, який відвідав Святий Град на початку XII ст., записав: „Иерусалим же большой и крепкий город; стены его равны друг другу; построен он о четырех углах в форме креста“[4]. Мандрівник ХУІ ст. Трифон Коробейніков повідомляє: „Град Иерусалим стоит на восток на горе Сионе, крестообразно на четыре угла…“[5]. Як переконливо довів Р. Гаряєв, в основі планової структури давньоруських міст, що уподібнювалися Єрусалиму, також лежав просторовий хрест[6].

Тож, Єрусалим та Палестина уявлялися серцевиною хреста – Космічною горою, світовим центром, крізь який проходить світова вісь. Перебуваючи центром землі, Свята Гора – Палестина вважалася місцем переходу з одного плану буття в інший – місцем спілкування з Богом. Досягнення Палестини, яким було, наприклад, паломництво, а в духовному сенсі – подвижництво, ототожнювалося зі сходженням на Святу Гору, з поступом людини до найвищого духовного стану. Таким чином, Палестина – Єрусалим – Гріб Господній ототожнювалися зі Священною Горою, де сходяться земля та Небо, і яка стоїть у Центрі світу. Будь-який храм, палац, місто чи монастир (у нашому випадку – печери) уподібнювалися Священній Горі і також ставали Центром, в основі якого лежить хрест.

Пропонуємо розглянути печери раннього Києво-Печерського монастиря в контексті викладених вище *універсальних* для країн візантійського культурного впливу принципів створення сакральних просторів. Це необхідно зробити з огляду на те, що на сьогодні ідейний (духовний) зміст печер є абсолютно неусвідомленим у науці і трактується лише на рівні сенсорного сприйняття *сучасної людини*. Наприклад, А. В. Реутов відзначає враження людини, котра спускається у печери, як відчуття зміни навколишнього середовища – коли „ґрунт, що оточує з усіх боків, заступив собою повітря. Цьому особливо сприяла первісна тіснота ходів та приміщень: усі габарити були гранично наближені до відповідних розмірів людського тіла. Мирська суєта, розмаїтість наземного світу поступаються темряві й тиші. При переході із зовнішнього світу до підземного, нерухома маса породи, здавалося, сприяє гальмуванню тілесного життя та звільненню духовного“[7]. Дослідник відзначає ефект іншого виміру, що народжується протягом руху печерним коридором, – цей вимір має не тримірну і, навіть, не двомірну, а одномірну природу. Подібне відчуття, на думку А. В. Реутова, викликане значно більшою довжиною печерного лабіринту порівняно з площею, яку займають споруди підземель – келії, церкви та крипти. Як зазначає дослідник, у печерах змінюється і сприйняття часу, адже людина, що йде підземним лабіринтом зі свічкою, немовби несе разом із собою мінливий фрагмент простору, доступний зорові. При цьому народжується відчуття, що „ви йдете, а вік стоїть“[8].

Безперечно, подібні спостереження мають сенс з точки зору чуттєвого сприйняття печер сучасною людиною, проте вони нічого не говорять про духовні (ідейно-символічні) витоки створення цих підземель. Тому, наприклад, коли виникає закономірне запитання, навіщо ж було прокопувати по суті „некорисні“, тобто позбавлені житлових чи поховальних приміщень довгі коридори, дослідник відповідає, що таким чином виявлялося Богоугодження, адже людина томила себе добровільною працею[9]. Але якщо процес копання печер був позбавлений будь-якого сенсу в плані створення упорядкованого простору, то і вектор прокопування печерних лабіринтів мусив бути хаотичним. Натомість,

на планах обох підземель ми бачимо певну структуру: Дальні печери розвивалися по осі схід – південний захід **(Іл. 1)**, а Ближні – південь-північний схід, причому у східній частині обох печерних комплексів знаходяться храми та житлові приміщення (келії), а на заході – поховання (локули) (**Іл**. **2**).

За весь час вивчення печер Київської лаври зроблено тільки одне важливе з точки зору їхнього семантичного задуму спостереження. Так, А. В. Реутов вважає, що печери уподібнювалися Гробу Господньому, який є нічим іншим, як невеликою печерою, видовбаною в скелі. Отже, ховаючи себе за життя у печері, подвижники, уподібнюючись Христу, прагнули через це воскреснути для життя вічного[10].

В історіографії, зокрема сучасними археологами, висловлена думка, що найдавніший печерний комплекс на території Києво-Печерського монастиря (Дальні, або Феодосієві печери) почав формуватися близько середини XI ст. як поселення відлюдників, що мешкали в окремих келіях, викопаних на схилі берега Дніпра. Кожна така підземна келія мала окремий вихід на поверхню. Згодом, коли кількість братії збільшилася, деякі з келій були об'єднані між собою галереями і утворили дві окремі ділянки – південну (Варязькі печери) та північно-східну (з церквою преп. Феодосія Печерського) **(Іл. 1, сектор А, В)**. Друга окрема ділянка Дальніх печер розташована у західній частині і представлена кількома розгалуженими й закільцьованими галереями, зосередженими навколо Благовіщенської печерної церкви **(Іл. 1, № 86 та сектор Д)**. Лише у пізньому середньовіччі східна та західна ділянка Дальніх печер були об'єднані між собою довгою звивистою галереєю[11].

Зауважимо, що точка зору про окремі підземні ділянки, які пізніше були об'єднані галереями, зовсім не відповідає плануванню комплексу Дальніх печер. Так, західна ділянка підземелля, де розташована Благовіщенська церква **(Іл. 1, № 86),** розміщена на достатній глибині від земної поверхні – 15 метрів. Окрім того, такого давньоруського коридору не виявлено. Значно пізніше – у ХУШ ст., коли знадобився додатковий вхід до Дальніх печер, у притворі наземної Аннозачатіївської церкви був влаштований глибокий спуск до підземелля. Ділянка біля печерної Благовіщенської церкви не могла бути прокопаною і з боку Варязьких печер, які у давнину були ізольованим підземним комплексом.

Скоріше за все, жодних окремо викопаних печер, кожна з яких мала вихід на поверхню, у Києво-Печерському монастирі з початку його існування не було. Печери починалися від одного входу, від якого поглиблювалися та розгалужувалися. Симптоматично, що у Києво-Печерському патерику про місце поселення та подвигів першої монастирської братії говориться як про одну „велику печеру", в котрій знаходилася підземна церква: „**И ископаша печеру велику, и церков, и келия, яже суть и до сего дни в печере под ветхым монастырем**"[12]. Таким чином, можна зробити висновок, що братія жила в одному загальному для всіх підземеллі – печері, подальше поглиблення та розгалуження якої було спільною справою, що, вочевидь, мало глибокий духовний зміст. Важливо відзначити, що подібні розгалужені монастирські печерні комплекси характерні саме для Палестини. Такою, зокрема, є печера знаменитої обителі Св. Харитона, чи Суккійської лаври, описана давньоруським прочанином ігуменом Даниїлом на поч. XII ст. Від цієї обителі, колись найбільшого з монастирів Св. Харитона, майже нічого не лишилося, окрім руїн стіни сторожової вежі. Навколо розташована велика кількість печер, де усамітнено жили та молилися ченці. Найпросторіша печера Св. Харитона має 55 залів та 4,5 км коридорів. Цей підземний лабіринт – найбільша крейдова печера в Ізраїлі. Згідно з переказом, в ній жив та помер Св. Харитон, а задовго до того саме у цій печері переховувався від царя Саула майбутній цар Давид.

Побувавши у Суккійській лаврі, Даниїл записав: „**И есть на полудне лиц от Вифлеема манастырь святаго Харитона на той же реце Афамьстей, и есть близ моря Содомскаго, в горах каменных; и пустыни около его. Грозно и безводно есть место то, и сухо. Есть под ним дебрь камена и страшна зело; около был весь градом оделан посреде же града того есть 2 церкви, в велицей же церкви есть гроб святаго Харитония, а вне огородья есть усыпалница: то розно создано; в той же**

усыпалнице св. Отец телеса яко живи лежат: ту бо их лежит боле семи сот (700 ! – *Авт.*). **Ту лежит святый Кирияк Исповедник, телом яко жив и весь цел; ту лежат Ксенофонтовы два сына Иван и Аркадий, много благоухание исходит от них**“[13].

Тобто ще у XII ст. існувала та діяла Суккійська обитель, відома як лавра Св. Харитона. У ній, так само, як і в інших знаменитих печерних монастирях Святої Землі, у нетлінні спочивали мощі сотень (!) святих Отців. Вражає структура печери Суккійської лаври, багато в чому подібна до києво-печерських підземель. Ось як її описав у XIX ст. П. Сладкопевцев: „Эта пещера глубоко вдается в гору и состоит из ряда непрерывных ходов, галерей и изгибов с боковыми ходами и из множества разной величины пещер и комнат; это – целый подземный лабиринт, образованный самой природой. Из пещер одни имеют вид небольших круглых комнат; другие представляют огромные залы 100 и более футов длины со сводами и куполами. Ходы и галереи во многих местах столь низки, что нужно по ним ползти, а в других представляют широкое пространство. Во многих местах пол издает глухой звук, потому что различные этажи ходов поднимаются один над другим. В самых последних ходах проделаны ниши. Черепки с пеплом, обломки саркофагов, здесь находимые, указывают на то, что пещера служила для погребения. Есть в разных местах древние надписи; но их прочитать трудно“[14]. Відтак, мова йде про єдину розгалужену печеру, у найвіддаленіших частинах якої влаштовані поховальні ніші, що важко не співвіднести з печерами Київської лаври. Різниця полягає у тому, що останні були не природними, а штучними, отже в них не було величезних залів та багатьох поверхів.

На наше переконання, напрямки лабіринтів печер Київської лаври не були спричиненими, як вважають, лише природними факторами: місцевими особливостями породи, наявністю підземних вод та ін.[15]. Не заперечуючи певної ролі таких суто прагматичних факторів, все ж таки відзначимо, що у багатьох (чи майже у всіх) випадках існувала альтернатива у векторі копання печерних галерей. Натомість, на планах давньоруської частини печер добре видно, що підземні галереї мають певне спрямування. Вперше звернемо увагу на те, що Варязькі та Дальні печери Київської лаври прокопувалися за сонцем, чи як говорили на Русі, ***„посолонь“ – тобто зі сходу на захід та з півдня на північ, за годинниковою стрілкою***. І справді, вхід у Дальні печери розташовується на сході **(Іл. 1, № 1)**, основна гілка галереї простягається на захід, і майже всі відгалудження спрямовані на північ. Вектор прокопування Дальніх печер посолонь є особливо наочним у районі підземної Благовіщенської церкви **(Іл. 1, № 86).** Печерний коридор, що тягнеться із сходу, на заході повертає за годинниковою стрілкою з півдня на північ, утворюючі коло, завершенням якого є Благовіщенська церква, орієнтована на південний схід.

Знаменно, що таким самим є вектор прокопування Варязьких печер, котрі з давніх часів не зазнали тотальної реконструкції. Ці печери, вхід до яких, вочевидь, також знаходився на сході – з боку Дніпра, були прокопані на захід та з півдня на північ.

Припускаємо, що ***процес прокопування печер водночас являв собою дію освячення землі монастиря***. Відповідно до ієротопічного бачення, вперше спробуємо уподібнити ***розбудову сакрального простору печер напрямкові літургійного руху в Церкві***. Вчені-богослови відзначають, що створення священного простору храму відбувається завдяки чину його освячення, до якого входить хресний хід. Так, П. Євдокимов писав: „Человек, разглядывающий храм, может постепенно обозреть его различные части, определить его архитектуру, оценить его художественные достоинства, но храм навсегда останется для него закрытой книгой. Для того, чтобы каждый камень, каждая линия заговорили, чтобы все стало гимном, литургией, необходимо проникнуть в сокровенную жизнь храма, в его замысел и принцип организации пространства, резко отличающий храм от всего окружающего. Чин освящения храма очень ярко выражает это созидание священного пространства. Он начинается с выделения определенного участка из профанного пространства; этот участок освящается, на него призывается нисхождение Святого Духа, под действием Которого это ничем не примечательное место бывает преображено в место Богоявления, в святую гору, пространственный центр и лестницу Иакова: „Тебе молимся, и Тебе про-

сим… милостивным оком призри на ны… пребывающия в сем дому небоподобнем… и низпосли Пресвятаго Твоего Духа на ны и на наследие Твое…“ (заключительная молитва чина освящения храма). Епископ зажигает большую свечу, „первый свет“, и крестный ход со святыми мощами обходит храм, очерчивая круг вечности…“[16].

Цілком імовірно, що ***освячення печер, так само, як і освячення православного храму, відбувалося завдяки „накладенню“ просторового хреста, який утворювався внаслідок копання печер посолонь.*** Питання, коли і звідки з'явився на Русі звичай ходити в церкві за сонцем, є невирішеним у науці. Перша згадка про ходіння посолонь, як про церковний обряд, відноситься до останньої чверті XV ст. Так, з джерел відомо, що у 1478 р. під час освячення Московського Успенського собору митрополит Геронтій ходив з хрестами навколо церкви „**не по солнечному всходу**“, тобто протисолонь. Тоді „**неции прелестницы**“ звели наклеп на нього великому князю Івану Васильовичу, що митрополит вчинив не за правилами. Великий князь надав цьому вчинку великого значення, зауваживши, що за подібні дії приходить гнів Божий. У наступному, 1479 р., почалося розслідування питання законності ходіння посолонь, задля чого звернулися до богослужбових книг. Проте очікуваних підтверджень давній традиції не знайшли. Деякі з тих, хто сперечався (архімандрити та ігумени), перебували на боці митрополита, інші підтримували князя. Серед прихильників останнього були чудівський архімандрит Геннадій та ростовський владика Вассіан. Митрополит та його прибічники вказували на те, що й інші деякі церковні ходіння по колу відбуваються в Росії та на Афоні проти сонця. Прибічники Геннадія та Вассіана мали свої пояснення ходінню посолонь. Незабаром питання про ходіння хресним ходом у Церкві проникло в середовище мирян та викликало нескінченні суперечки; довгий час воно лишалося відкритим. Попри те, що наприкінці XV ст. утвердилося ходіння проти сонця, з часом воно стало поступатися ходінню посолонь. Коли розпочалося книгодрукування, вимога ходити посолонь була внесена у Требник 1602 р. в чині вінчання, в Устав 1610 р. – в напучення як осіняти хрестом у свято Воздвиження, в Требник 1623 р. – в чині освячення церкви. Оскільки ходіння посолонь було внесене у богослужбові книги, воно отримало характер недоторканності, тому заборона патріархом Никоном ходіння за сонцем викликала значний спротив з боку впливових церковників. І хоча внаслідок реформ патріарха Никона відбулася остаточна перемога ходіння проти сонця, старообрядці й нині здійснюють хресний хід посолонь[17].

Для нашого дослідження важливими є саме символічні аспекти суперечки прибічників та противників ходіння посолонь. У цьому плані прибічники ходіння проти сонця мали свою аргументацію, яка відповідала просторовим уявленням тих часів. Особливо великого значення у данному випадку набувала символіка „правого“ та „лівого“. Схід асоціювався з правою стороною світу, а захід – з лівою. Таким чином рух у вівтарі проти сонця (на схід) ототожнювався з рухом праворуч, тоді як рух посолонь (на захід), котрий здійснювався навколо храму, трактувався як рух ліворуч. Так, митрополит Геронтій на диспуті з прихильниками руху посолонь архієпископом Васіаном та архімандритом Геннадієм послався саме на те, як здійснюється обхід престолу у вівтарі: „митрополит свидетелство приводя: егда престол диакон кадит в олтаре, ***на правую руку*** (*виділено нами – Авт.*) ходит с кадилом“[18]. Ця ж аргументація руху проти сонця повторюється і в „Сказании о порядке освящения храмов“ (1481): необхідно, говориться тут, не „по движанию солнечному“, но ***к востоку*** (*вид. нами. – Авт.*), якоже и округ престола устав держит кропити и кадити“[19]. Цікаво, що у 1484 р. молдавський (романо-войварський) єпископ Василій писав Геронтію про те, що звичай ходити проти сонця є споконвічним у грецькій Церкві: „В гречстем законе нищожно (т.е. ничто) действует в святой церкви по солнцу, али, господине, усе по кадилу (т.е. как диакон кадит в алтаре), а кто иметь действовати по солнцу у грецском закони, а тот есть проклят от перваго собора 318 святых богоносных отець, иже в Никеи; у нас латини тако творят“[20]. Відповідно до цього бачення, Великий московський собор 1666-1667 рр. засудив тих, хто здійснює обходження храму, а також обходження купілі чи аналоя за сонцем: „…Не ходят по обычаю святыя восточныя Церкве ***на право к востоку*** (*виділено нами. – Авт.*), но ходят ***на лево к западу*** (*виділено нами. – Авт.*),

мудрствующе, яко по солнцу подобает ходити“[21]. Причиною „суемудрия, мятежа и раскола“, стверджується у соборних документах, є різниця у відправі церковних обрядів, тоді як вони мають здійснюватися за одним принципом. При цьому орієнтуватися необхідно саме на обряди, які проходять у вівтарі (проти сонця = на схід = праворуч).

Сучасні дослідники вважають, що у візантійській Церкві практикувалося лише ходіння проти сонця, тож так само здійснювався хресний хід і на Русі[22]. Вперше у цьому зв'язку звернемо увагу на свідчення Студійсько-Олексіївського уставу, прийнятого у Києво-Печерському монастирі преп. Феодосієм Печерським. Судячи з уставу, звичай русичів ходити посолонь під час богослужінь міг мати візантійський прецедент. Так, згідно з уставом (КОКМ, № 20359. XII в.; ГИМ, Син. 333. 1398 г.; ГИМ, Син. 905. XV в.), хресний хід під час освячення (обновлення) головного Успенського храму монастиря відбувався саме посолонь: спочатку процесія йшла зі сходу на захід, а потім починала обходити храм з півночі[23]. Так само і печери у Києво-Печерському монастирі копалися зі сходу на захід (справа наліво). Причому схід відповідав правій стороні, а захід – лівій, оскільки саме праворуч (на сході) влаштовувалися церкви, а ліворуч (на заході) – некрополь. Якщо наше припущення вірне, то печери раннього Києво-Печерського монастиря є автентичним джерелом, яке засвідчує практику давньої Руської Церкви здійснювати хресний хід за сонцем – „посолонь“.

У цьому зв'язку важливо зазначити, що ходіння за сонцем під час різноманітних обрядів було притаманне ментальності давніх слов'ян. Це можна пояснити уявленнями про різне ціннісне значення сторін світу, в основі світобудови яких лежав аналог хреста – Світове древо (Древо Життя). Просторова структура світу давніх слов'ян відповідала його часовій структурі:

Вперед – схід – ранок – весна;
Праворуч – південь – день – літо;
Назад – захід – вечір – осінь;
Ліворуч – північ – ніч – зима.

„Добрими“ напрямками були схід і південь, „поганими“ – захід і північ. Тому починати орієнтацію з „поганого“, північного боку, було неправильно, погано. Висхідним напрямком у слов'ян, як і у багатьох інших народів північної півкулі, був схід, звідки починався день. Недобрим був і рух зліва направо, проти ходу Сонця: символіка правого та лівого мала величезне значення.

Пошанування Сонця було важливою частиною світосприйняття слов'ян. Сонце особливо шанувалося у двох святах – Купали та Коляди, пристосованих за часом до найважливіших астрономічних подій – сонцестоянь, які на Русі називалися сонцеворотами. Купальські дні були пов'язані з літнім сонцестоянням, а Коляда святкувалася під час зимового повороту Сонця. З прийняттям християнства, коли нова релігія адаптувала деякі язичницькі обряди та звичаї, купальські дні були співвіднесені з пам'яттю Іоанна Хрестителя, а Коляда – з різдвяними святками. Як на Коляду, так і на Купалу були обов'язковими різноманітні пісні, ігри та танці, з яких особливо слід відзначити хороводи – рух, який відбувається по колу – „посолонь“, тобто у напрямку добового шляху Сонця.

Відзначимо, що згідно з прадавніми віруваннями, завдяки руху по колу утворювався сакральний простір. Так, садиба, українською – „обійстя“, дослівно означає „місце, яке обходять навколо“. Існує гіпотеза, що в праслав'янську епоху поселення будувались по колу, звідки й пішло реконструйоване значення старослов'янського слова *обьщь*, як „круглий“, або водночас „Космос“. Крім того, у всіх слов'ян зафіксований звичай оборювання поселення магічним колом як засіб відмежовування від зла[24].

Безумовно, формування комплексу печер раннього Києво-Печерського монастиря орієнтувалося на християнську, а не на язичницьку традицію. Проте у традиції Церкви, що в трансформованому вигляді увібрала в себе архаїчні обрядові релікти, великого значення надається напрямкові літургійного руху, причому цей рух також пов'язаний з сонячним, тільки Сонце ототожнюється тут із Христом. Прокопування печер за Сонцем

може бути співвіднесене і з літургійним рухом на Великдень, який за давньою традицією Церкви відбувається саме посолонь.

За давніми уявленнями, рух за сонцем у церкві на Великдень уособлює Воскресіння Спасителя. Так, Геннадій та Васіан на підтримку давньої традиції говорили, що оскільки Христос є „Сонце праведне“, необхідно ходити посолонь, тобто разом з Христом, а не проти Нього: „**Солнце праведное Христос на ада наступи и смерть связа и души свободи, и того радиѣ исходят на Пасху, то же прообразуют на утрени**“[25]. На думку Б. Успенського, це можна розуміти таким чином: Христос – Сонце Праведне, і коли ми на Великдень святкуємо Його Воскресіння, то символізуємо це ходінням разом із сонцем. У давньоруській учительній літературі можна зустріти думку про те, що коли Христос воскрес, сонце, не заходячи, стояло тиждень. Подібне бачення відповідає літургійній практиці, оскільки на пасхальному тижні кожен день правиться як недільний. Це означає, що сонце у цей день сходить та не заходить, воно являється та не зникає[26]. Великодня служба відповідає сприйняттю Христа як сонця, яке не заходить, що є духовним еквівалентом природного сонцестояння, яке з архаїчних часів мало найбільшу серед усіх річних свят пошану у слов’ян.

Асоціація Христа з сонцем і Воскресіння Христового з появою сонця відображається у піснеспівах Страсного тижня. Так, на ранковій службі у Велику суботу співається: „**Заходиши под землю, Спасе, Солнце Правды; тем же рождшая тя Луна печальми оскудевает, вида твоего лишаема**“. Цьому піснеспіву передує текст, що співається на повечір’ї у Велику п’ятницю: „**Сонце незаходяй, Боже превечный и Творче всех тварей, Господи, како терпиши на кресте, Чистая плачучи глаголаше**“[27]. У слові Кирила Туровського „Про зняття тіла Христового з хреста“ читаємо: „**Вопияше же Йосиф, глаголя сице: Сонце незаходяй, Христе, творче всех и тварем Господи! Како пречистем прикоснуся теле твоем, непрекосновенну ти сущу небесным силам, служащим ти страшно!**“[28]. Отже бачимо, що смерть Христа ототожнюється з заходженням „сонця незаходимого“ і, відповідно, Його Воскресіння – зі сходженням сонця. Таке сприйняття відобразилося у Великодній процесії, коли Воскресіння Христа святкується ходінням за сонцем – *разом з Христом та услід за Ним*.

У відповідності з цим баченням, сучасні старообрядці пояснюють ходіння в Церкві за сонцем таким чином: „…хождение во время крестного хода по солнцу должно напоминать верующим земную жизнь Господа нашего Иисуса Христа, когда Он ходил по земле, сопровождаемый апостолами и народом, следовавшим за ним. В то время как все противники Его, распявшие Его впоследствии, обычно выходили навстречу. Когда мы направляемся к западным дверям – это должно напоминать нам ветхозаветные пророчества о Христе, как бы в сумраке вечера; когда достигаем северной стороны храма – полуночи, – это таинственное Его рождение от Девы Марии и предвечное – от Отца без Матери; на восточной стороне храма, против алтаря – это напоминает нам, как бы утро – Его житие на земле; а юг – полдень – Его евангельская проповедь; затем снова запад, как бы вечер – Его страдание и смерть, а полночь – Его сошествие во ад; восток – утро – освобождение душ, ожидавших Его пришествия. Шествуя за крестным ходом под сенью креста и священных хоругвей, мы и должны представлять себе хождение Христа на земле и во след Его – последователей Его учения; а это все наводит на размышление о подражании Св. апостолам и всем подвижникам и мученикам, принявшим почести и венцы небесные за неуклонное последование Христу. Само собой разумеется, что враги Христа – фарисеи и книжники – не шли за Ним, а всегда против Него. Вот почему и символически хождение в крестных ходах должно напоминать христианам о подражании ученикам Христа, а не Его врагам. Посему мы и шествуем не против солнца – Христа, а по солнцу, т.е. за Христом“[29].

Життя ченця є „ходінням услід за Христом“, що є еквівалентом смерті для світу. Печера, що прокопується та існує як „шлях Христа“, несе в собі ідею буквального вмирання для світу та воскресіння для духовного життя. На наше переконання, прокопування основного лабіринту найдавніших Дальніх печер лаври у напрямку схід-захід у символічному сенсі втілювало думку „шляху Христа“, адже згідно з традицією Церкви „Сонце Правди“ – Христос прийшов зі Сходу, та просвітив весь світ аж до Заходу. Цей шлях

(шлях Христа та печерних аскетів) є справжнім подвигом, сповненим великих труднощів та скорботи. Подібне бачення знайшло втілення у житії преп. Феодосія Печерського, де прихід святого зі сходу (з Курська) порівнюється з приходом Христа у світ: „**Бысть же родительма блаженаго преселитися въ инъ градъ, глаголемый Курескъ, князю тако повелѣвшу, паче же реку, и Богу сице изволившу, да и тамо добляго отрока житѣе просѣяетъ, намъ же, яко же есть лѣпо, от въстока деньница изыде, събираючи окрест себе и ины многы звѣзды, ожидающе солнца праведного, Христа Бога, и глаголюще: се аз, владыко, и дѣти, яже въспитах духовным твоим брашном**…“[30].

Знаменно, що самий хресний шлях Спасителя також відбувався зі сходу на захід, на чому особливим чином наголошується у церковній традиції. Процесія, що з давніх часів відтворює цю подію, проходить у Велику П’ятницю в Єрусалимі; вона є складовою частиною богослужіння Страстей Христових і включає в себе Несення хреста з кульмінацією – Розп’яттям. Починається хресний хід на сході Святого Града – з Преторії, де Спаситель перебував після Свого осудження, і прямує на *захід* міста до Голгофи, де сталася Його страта. Преторія, як і більшість святих місць Палестини, є печерою із вирубаними „лавицями“, які нагадують лежаки крипт лаврських підземель. Тож, хресний шлях Спасителя, так само, як аскеза Преподобних Отців Печерських, співвідносився з печерою – місцем скорботним та темним.

Якщо схід є царина світла, „країна живих“, місце райської насолоди, то захід, навпаки, немовби країна Сонця, що заходить та вмирає. Це місце вічного притулку мертвих, які чекають воскресіння та суду. Таким захід уявлявся у давніх народів, а згодом і у християнській Церкві. Місце пекла на середньовічних мапах розташовувалося саме на заході. Прикметно, що в Єрусалимі на заході від гори Сіон бере початок вузька долина „Синів Енномових“ чи знаменита „геєна вогняна“, яка слугувала образом місця вічних страждань – пекла. Вузька, глибока та похмура геєна починалася на південному заході від Сіону, оточувала всю західну частину Єрусалима, слугуючи місцем поховання, чи за словами пророка Ієремії „місцем багатьох гробів“, що являють собою поховальні склепи – печери, подібні до києво-печерських крипт.

Починаючись на заході Єрусалима, ця долина смерті простягалася вдалечінь до берегів Мертвого (Содомського) моря, яке викликало пам’ять про прокляті Богом міста – Содом та Гоморру, що провалилися у глибини пекла, та про людей, яких поглинуло сіркове полум’я пекельного вогню. Тому за Євангелієм Христос цю долину представляв як образ мороку, скорботи та пекельних страждань. На заході від Єрусалима, поблизу самої верхівки цієї геєни – на горі Голгофі, Спаситель був розіп’ятий – зійшов у пекло та звільнив звідти душі людей, що утримувалися там, починаючи з часів Адама та Єви.

Симптоматично, що хресний шлях Христа зі сходу на захід акцентується у християнській екзегезі. Цей тріумфальний поступ оспіваний Отцями Церкви, наприклад Св. Григорій Двоєслов, пояснюючи слова 67 псалму: „Воспойте Богу, возшедшему на запады, Господь имя Ему“, говорить: „Он возшел на *запады* (*тобто на Голгофу. – Авт.*), когда попрал смерть воскресением“[31].

Висловимо припущення, що копання печер зі сходу на захід усвідомлювалося як накладення хресного знамення справа наліво, тобто так само, як воно здійснюється у Православній Церкві*. Що у духовному сенсі могла означати така дія? „Движение слева направо при начертании креста, – пише Б. А. Успенський, – может пониматься, в частности, как движение от мрака к свету, от греха к спасению, от смерти к жизни, от временного к вечному и т. п. Между тем движение справа налево может пониматься как победа над диаволом (который находится, как полагают, с левой стороны человека), как ограждение от зла и т. д… Как в том, так и в другом случае человек выражает свою причастность к Богу, но при этом в одном случае делается акцент на стремление к Богу, в другом – на спасительном и очищающем действии

---

* Традиція хреститися зправа наліво здавна відома і у Католицькій Церкві, традиція накладати хресне знамення зліва направо набула статусу канону для католиків лише після Тридентського собору (1545–1563).

крестной силы т. е. Божественной энергии… Итак, в одном случае имеет место обращение человека к Богу, в другом – обращение Бога к человеку. У католиков, которые крестятся слева направо, крестное знамение исходит от нас (и обращено к Богу): человек является субъектом действия. У православных оно исходит от Бога (и обращено к человеку): человек является объектом действия… В одном случае выражается общение с Богом. В другом – приобщение к Богу; в одном случае подчеркивается направленность к Богу, в другом – нахождение вместе с Богом. В одном случае человек, который совершает крестное знамение, символизирует стремление к спасению, в другом – человек, на которого кладется крест, предстает как объект спасения (объект спасительного действия крестного знамения), испытывающий действие Божественной благодати. Иначе говоря, в одном случае выражается путь к спасению, в другом – результат спасения“[32]. Таким чином, накладення хресного знамення справа наліво також співвідноситься з рухом разом з Христом, а не назустріч Йому.

Припускаємо, що рух посолонь, що відбувався в процесі копання печер, створював просторовий хрест-свастику. Цей знак у християнстві носив назву „гаммадіон“, тобто хрест, утворений чотирма грецькими літерами „гамма“. До кінця Середньовіччя гамматичний хрест був однією з емблем Христа. Вже перші християни зображали його у римських катакомбах. Орнамент з гамматичних хрестів прикрашає склепіння храму Хосіос Лукас у Греції (перша чверть XI ст.), вівтарну апсиду Софії Київської (перша чверть XI ст.), стіни храму Св. Георгія в Курбіново (XII ст.), західну стіну храму Кахріє Джамі у Константинополі (поч. XIV ст.), архієрейське облачення візантійського періоду та чисельні фрески на Балканах.

Зображення гамматичного хреста у храмах відповідає глибокому сакральному значенню цього знаку. Оскільки у візантійській та давньоруській буквеній цифірі літера „гамма“ – це число „3“, відповідно чотири гамми, з яких утворено хрест, складають число „12“, символ Небесного Єрусалиму в Об’явленні Іоанна Богослова.

Гамматичний хрест здавна співвідноситься з ветхозавітним жертовником, який є прообразом вівтаря християнського храму. Так, у чотирьох кутах ветхозавітного жертовника були встановлені роги, що помазувалися жертовною кров’ю, яка прообразовувала Кров Христа[33]. Отже, не випадково гамматичні хрести зображені саме у вівтарній частині Софії Київської, причому над „Святительським чином“, адже вони, як вважаємо, втілюють євхаристичну символіку.

У цьому зв’язку концептуальним є символічне тлумачення літургії прибічниками ходіння посолонь архієпископом Васіаном та архімандритом Геннадієм. Преосуществління Дарів, яке відбувається на літургії, розуміється цими архипастирями як Воскресіння Христа*. При цьому вівтар усвідомлюється як місце, де на літургії воскресає Христос[34]. Водночас, великоднє шестя, яке символізує Воскресіння Христа, здійснювалося посолонь тобто услід за Христом, що означало „совоскресение“ (рос.) з Ним віруючих. Тож, ходіння навколо храма посолонь усвідомлювалося прообразом дії, яка відбувається у вівтарі під час преосуществління Святих Дарів.

Враховуючи сказане, припускаємо, що прокопування печер посолонь було (в духовному сенсі) створенням вівтаря храму, де відбувається головна подія Євхаристії – преосуществління Святих Дарів, котре осягалося Воскресінням Христа. Тож, євхаристична ідея була ключовою у розбудові сакрального простору печер. Прокопуючи печери,

---

* Послідовність літургії розпочинається з символічного Розп’яття Христа та завершується зображенням Його Вознесіння. Відповідно, Євхаристія як центральний момент літургії, коли Св. Дари перетворюються на Тіло та Кров Христові, після чого стає можливим з'єднання з Ним віруючих, осягається як Воскресіння Христа. Таке розуміння знаходить відображення на літургії Св. Василія Великого, коли наприкінці літургії священик молиться, звертаючись до Христа, Який воскрес: „Совершишася и скончашася вся, еже предложи нам нетленные дары: обретохом смерти твоеи пам'ять, видехом воскресения твоего образ, исполнихомся нескончаемыя твоея пищи, насладихомся вечных твоих благ, ихже и в будущем веке всех нас получити сподоби благодатию и человеколюбием“ (Орлов М. И. Литургия святаго Василия Великаго. СПб., 1909, 301–313.

преподобні отці помирали з Христом, аби разом з Ним воскреснути. Водночас, вівтар, за церковною традицією, є просторовою іконою Небесного Єрусалима*, яка, вочевидь створювалася у процесі копання печер.

Якщо наше припущення про принцип прокопування печер Київської лаври є вірним, то можна реконструювати і етапи створення Ближніх печер **(Іл. 2).** Нині на плані ми бачимо, що їх давній лабіринт проходить з півдня на північ. На схід, тобто на праву руку, прямують відгалуження з криптами та церквами. Останні влаштовано виключно у східній стіні галерей. На захід (на ліву руку), прокопано велику звивисту галерею з похованнями – локулами. На північному сході цього комплексу видно ходи та приміщення, котрі лишилися від тих галерей, що існували тут у давнину, до того, як після 1240 р. сталися численні обвали[35].

Дослідниками-археологами висловлювалася думка, що вхід до Ближніх печер в давнину знаходився не там, де він перебуває зараз – на півдні, а з боку Дніпра – на сході[36]. Гадаємо, що східна ділянка печер і справді могла бути найраннішою, оскільки саме у цій частині Ближніх печер існує давня традиція локалізувати келію преп. Антонія **(Іл. 2, № 76)**. До того ж, за результатами археологічних розвідок, у північній частині комплексу знаходилася зруйнована обвалом давньоруська печерна церква, з розписами мінеральними фарбами на материковій поверхні склепіння[37].

Відтак, за аналогією з Варязькими та Дальніми печерами, ця ділянка могла прокопуватися „посолонь“ – тобто зі сходу на захід; праворуч знаходилися житлові приміщення та церкви, а ліворуч – поховальні споруди. Проте ця ділянка не була основною. Геологічні розвідки прилеглої наземної території показали, що шар піщаника, який потрапив сюди з печер внаслідок їхнього прокопування, є незначним. Можливо, це було викликано тим, що східна частина печер призначалася в основному для життя братії, а під час прокопування Ближніх печер вже утворився наземний монастир – кіновія, тобто печерних аскетів було небагато. Основна ж частина Ближніх печер була призначена для поховань і розпочиналася там, де і зараз – на півдні.

Підсумовуючи сказане зазначимо, що в основу створення сакрального простору печер Київської лаври була покладена літургійна ідея освячення простору, що співвідносилося з освяченням храму під час хресного ходу. Ця процесія у давньоруській Церкві здійснювалася за годинниковою стрілкою, у напрямку добового шляху Сонця, чи „посолонь“. Рух проходив зі сходу на захід та за годинниковою стрілкою, тобто у випадку печер – з півдня на північ. Відтак, підземні церкви завжди опинялися у східній стіні печерних галерей (праворуч), а поховання – на заході (ліворуч). Вектор прокопування печер утворював хрест – основу планової структури будь-якого християнського храму. В ієротопічному розумінні на землі монастиря створювався вівтар храму, котрий є просторовою іконою Небесного Єрусалиму. Водночас складний процес прокопування печер співвідносився з хресним шляхом Сонця Праведного – Христа. Цей сповнений скорботи шлях і став „мірилом“ подвигу для києво-печерських аскетів.

[1] Див. *Лидов, А. М.* Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования. – В.: Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006, 9–31.

[2] *Иерусалим в русской культуре*. М., 1994; Восточнохристианский храм: литургия и искусство. СПб., 1994; Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1994; Иконостас: происхождение – развитие – символика. М., 2000; Восточнохристианские реликвии. М., 2003; Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006; Новые Иерусалимы. Перенесение сакральных пространств в христианской культуре. Материалы международного симпозиума. М., 2006;

* Престол вівтаря має декілька символічних значень, і зокрема він розуміється як престол слави Небесного Єрусалима, як небесний трон, на якому сидить Христос після Свого Воскресіння (разом з Богом Отцем).

Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М., 2009; Иеротопия. Сравнительное исследование сакральных пространств. М., 2009.

[3] *Подосинов, А. В.* „Это Иерусалим! Я поставлю его среди народов…“. О месте Иерусалима на средневековых картах. – В: Новые Иерусалимы. Иеротопия сакральных пространств. М., 2009, 11–34.

[4] *Хождение игумена Даниила*. – В: Памятники литературы Древней Руси. XII в. М., 1980, с. 49.

[5] *Путешествие в Иерусалим*, Египет и к Синайской горе, в 1583 году Трифона Коробейникова. М., 1854, с. 13.

[6] *Гаряев, Р.* Проектировался ли русский средневековый город? – В: Российский ежегодник. М., 1989, вып. 1, 111–132.

[7] *Реутов, А. В.* Лаврські печери як архітектурна пам'ятка. – В: Дива печер лаврських. К., 1997, с. 104.

[8] Там само, 104–105.

[9] Там само, с. 104.

[10] Там само, с. 104.

[11] *Бобровський, Т. А.* Підземні споруди Києва від найдавніших часів до середини XIX ст. (спелеоархеологічний нарис). К., 2007, 49–54.

[12] *Абрамович, Д. І.* Києво-Печерський патерик. К., 1991, с. 18.

[13] *Книга, глаголемая странник*. Путешествия русских людей по Святой Земле. Ч. 1. Путешествие игумена Даниила по святым местам в начале XII-го столетия. СПб., 1839, 75–76.

[14] *Сладкопевцев, П.* Древние палестинские обители и прославившие их подвижники. Издание Императорского Православного Палестинского Общества. СПб., 1895, вып.1, 20–21.

[15] *Реутов, А. В.* Вказ. праця, с.101.

[16] *Евдокимов, П. Н.* Искусство иконы. Богословие красоты. Клин, 2007, с. 163.

[17] З останніх робіт про цей конфлікт: *Клосс, Б. М., Назаров, В. Д.* Полемическое сочинение 1481 г. о хождении „посолонь“. – В: Московская Русь (1359–1584): Культура и историческое сознание. М., 1997, 350–390. *Успенский, Б. А.* „Хождение посолонь“ и структура сакрального пространства в Московской Руси. – В: Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006, 534–555; *Подосинов, А. В.* Литургическое движение в сакральном пространстве: об античных истоках восточнохристианской обрядности. – В: Иеротопия. Сравнительное исследование сакральных пространств. М., 2009, 55–67.

[18] *Успенский, Б. А.* Указ. соч., с. 538.

[19] *Клосс, Б. М., Назаров, В. Д.* Указ. соч., с. 384.

[20] *Бычков, А. Ф.* Описание церковнославянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. Ч. 1. СПб., 1882, 507–508.

[21] *Служебник*. М., 1667, л. 10–10 об. второй фолиации; Деяния московских соборов 1666 и 1667 годов. М., 1881, л. 12–12 об. четвертой фолиации.

[22] *Подосинов, А. В.* Указ. соч., 55–67; *Успенский, Б. А.* Указ. соч. – В: Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006, 534–555.

[23] [**Синаксарь иже єстъ оуставъ . Оуставленым имь всѣмь временемь о церковнѣм слоужении и о п(с)лтрнѣмь пѣтии . и о каноунѣхъ . и въ которыа дьни праздноуим ѿ общаго дѣланиа . и въ которыа памѧти стым творити праздника ради бываѥщихъ . имѣюще же ина нѣкаа иже и на сборѣ цркврнѣм бываютъ ꙗкоже си оуставленаа къ оцю нашемоу и исповѣдникоу феодороу въдано . не писаниюм же но по въданию по кокгождо сохранено . написаниа же ныне троудолоубнѣ . когождо съложихомъ . да не ѿ лѣта потакно боудет . и въ забъвениа тмы глоубокиа испытаниа ихъ прѣзрѣниа**]. – *Пентковский А. М.* Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001, 362–363.

[24] *Попович, М. В.* Нарис історії культури України. К., 1998, с. 34.

[25] ПСРЛ. Т. 6: Софийская вторая летопись, 221–222.

[26] *Успенский, Б. А.* Указ. соч., с. 547.

[27] *Буслаев, Ф.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 2. СПб., 1861, с. 124.

[28] *Еремин, И. П.* Литературное наследие Кирилла Туровского. Berkeley, 1989, с. 68.

[29] http://forum.katolik.ru/lofiversion/index.pnp/t981.html.

[30] *Абрамович, Д. І.* Вказ. праця, 22–23.

[31] *Беседа на прор. Иезекииля* иже во святых отца нашего Григория Двоеслова, в двух книгах, переведенная с латинского языка на русский архимандритом Климентом. Кн. 1. Казань, 1863, с. 21.

[32] *Успенский, Б. А.* Крестное знамение и сакральное пространство. Почему православные крестятся справа налево, а католики – слева направо. М., 2004, 16–44.

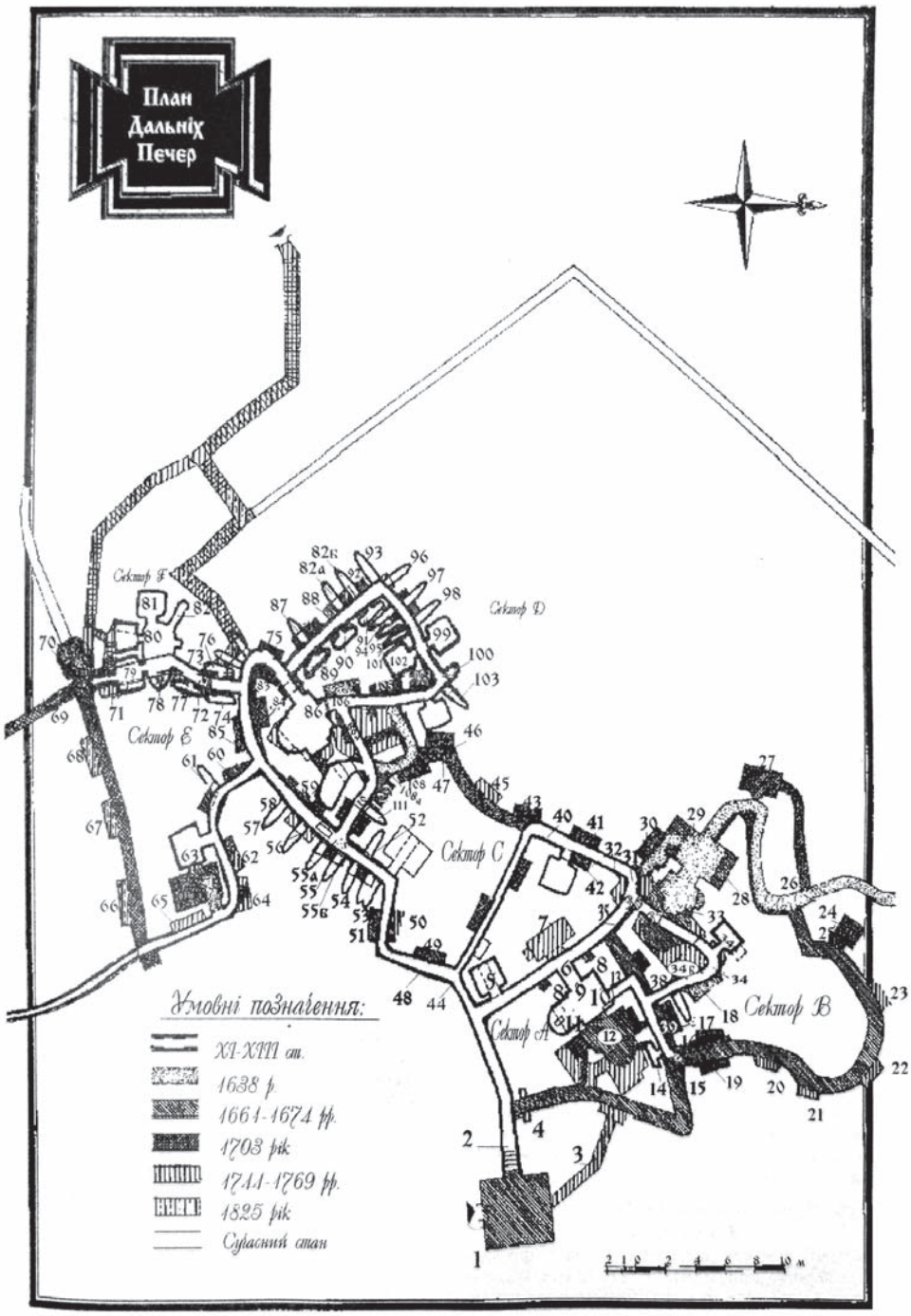
[33] http://www.ic.-xc-nika.ru/texts/2008/may/frame_n186.html.

[34] *Успенский, Б. А.* „Хождение посолонь“.., 548–550.

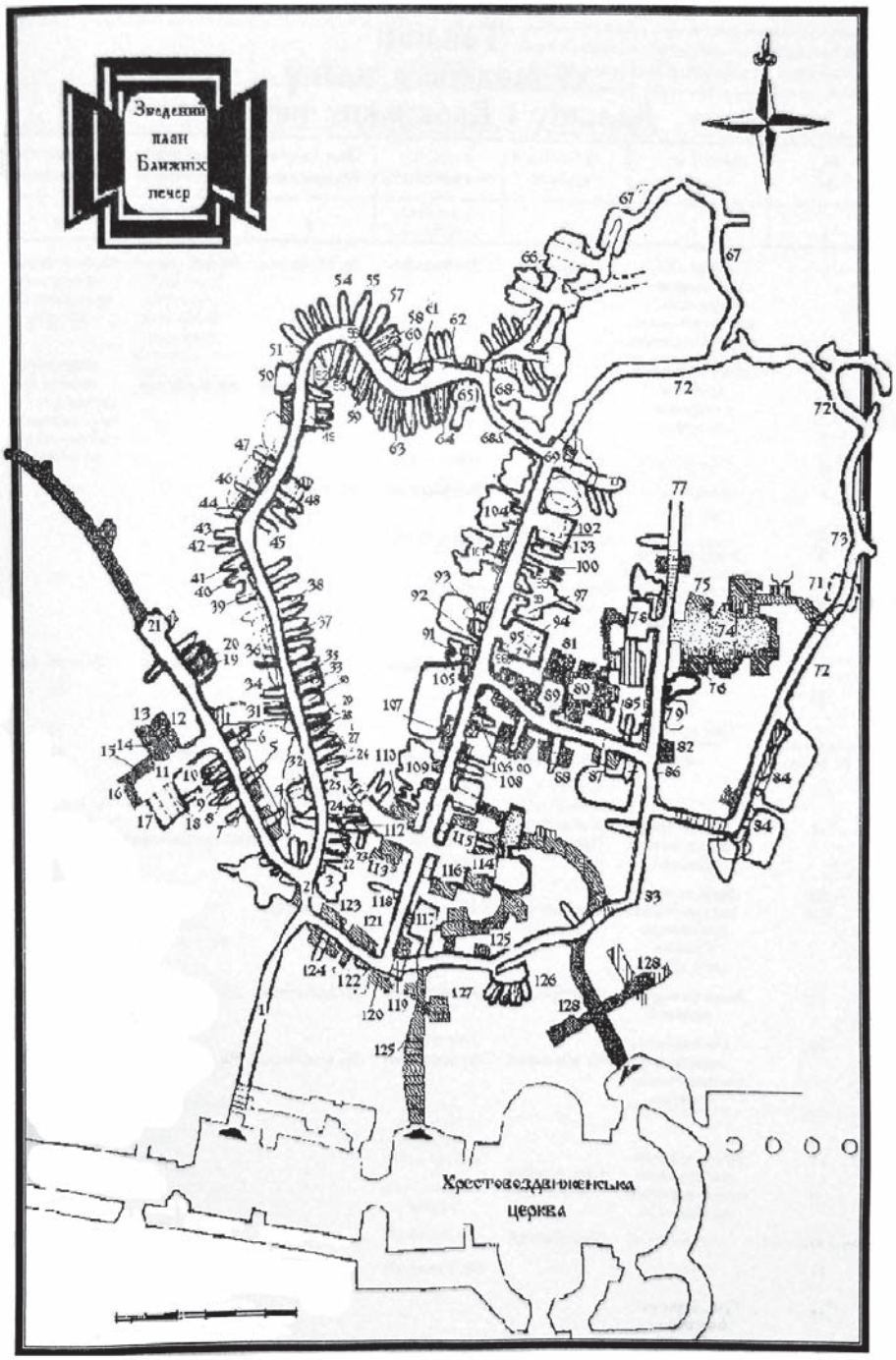
[35] *Бобровський, Т. А.* Вказ. праця, с. 53.

[36] Там само, с. 54.

[37] *Колпакова, В. М.* Нове про лаврські печери – В: Скелі й печери в історії та культурі стародавнього населення України. Львів, 1995, 47–49.


План
Дальніх
Печер
Сектор F
Сектор D
Сектор E
Сектор C
Сектор A
Сектор B
Умовні позначення:
XI-XIII ст.
1638 р.
1661-1674 рр.
1703 рік
1711-1769 рр.
1825 рік
Сучасний стан

Іл. 1



Іл. 2

УДК 930.271:2-175:271.2-523.41(477-25)

„МАЛАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ“ ДРЕВНЕЙ РУСИ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ В СОФИИ КИЕВСКОЙ

В. В. Корниенко

Корнієнко В. В. **„Мала есхатологія“ Давньої Русі у контексті нових епіграфічних відкриттів у Софії Київській**

На підставі окремих графіті храму Софії Київської (есхатологічного календаря, виявленого у вівтарі приділу Св. Георгія Великомученика на фресці Св. Василія Великого), а також низки писемних пам’яток, захищається теза про одночасне прийняття Руссю від Візантії разом з християнством ідеї малої (індивідуальної) есхатології.

Ключові слова: Давня Русь, Софія Київська, есхатологія.

Корниенко В. В. **„Малая эсхатология“ Древней Руси в контексте новых эпиграфических открытий в Софии Киевской**

На основании граффити храма Софии Киевской (эсхатологического календаря, выявленного в алтаре придела Св. Георгия Великомученика на фреске Св. Василия Великого), а также ряда письменных источников, защищается тезис об одновременном принятии Русью от Византии вместе с христианством идеи малой (индивидуальной) эсхатологии.

Ключевые слова: Древняя Русь, София Киевская, эсхатология.

Kornienko V. V. **“Small eschatology” of Ancient Rus’ in the context of new epigraphical discoveries in Sophia**

Based on the graffiti the temple of St. Sophia (the eschatological calendar, identified in the altar of the chapel of St. George the Great Martyr in the fresco of St. Basil the Great), as well as a number of written sources, defends the thesis of the simultaneous adoption of Rus from Byzantium along with Christianity, the idea of a small (individual) eschatology.

Keywords: Ancient Russia, St. Sophia Cathedral, eschatology.

На рубеже первого и второго тысячелетий, когда на Руси утверждается христианство, усилились ожидания близкого Второго Пришествия и Страшного Суда, вновь приобрело популярность раннехристианское учение о тысячелетнем Царстве Христовом, предшествующем Концу Света. Это учение основывалось на Откровении Иоанна Богослова об установлении тысячелетнего Царства для воскресших мучеников перед последней битвой с сатаной и последующих всеобщем воскрешении, Страшном Суде и вечном Небесном Иерусалиме (Отк. 20:1–3). По учению Церкви, тысячелетнее Царство Христа уже наступило с воплощением Иисуса Христа: на Западе этот взгляд утвердился благодаря авторитету блаж. Августина, на Востоке – Св. Иоанна Златоуста. В Литургии Иоанна Златоуста ставится акцент на „уже осуществленной“ эсхатологии, поскольку евхаристический канон служит напоминанием о Втором Пришествии Христовом в ряду уже бывших событий – креста, гроба, Воскресения и Вознесения[1]. Златоуст утверждал, что история закончится, когда будет завершено собирание тела Церкви (Св. Иоанн Златоуст. III Беседа на послание к ефесянам 1,

© В. В. Корниенко, 2012

23). С тех пор 1000-летнее Царство стали аллегорически понимать как Церковь в ее исторической перспективе – со времени Пятидесятницы и до Второго Пришествия, ибо „Церковь есть Пасха, переход от ветхого к новому, из мира сего в „невечерний день Царства Божия“[2]. Эта эсхатологическая концепция была унаследована Русью как одна из составляющих христианского вероучения. Поскольку точный расчет даты Конца света в принципе отвергался, ведь, по словам Христа, „О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой“ (Мф. 24 : 36), пик эсхатологических ожиданий, по мнению исследователей, охватывал большой промежуток времени между 979 г. и серединой XI в.[3]

Однако в современной историографии вопрос об эсхатологических ожиданиях в Древней Руси X–XI вв. остается одним из спорных; часть исследователей полагает, что ожидание Конца света и Второго Пришествия Иисуса Христа действительно имели место (В. Я. Петрухин[4], И. Н. Данилевский[5], А. А. Гиппиус[6]), иные же не представляют возможным видеть следы эсхатологических ожиданий в указанный период (А. Ю. Карпов[7], А. И. Алексеев[8]). Причиной таких диаметрально противоположных взглядов является незначительный объем информации письменных источников, в результате чего, по словам А. И. Алексеева, „общим недостатком исследований И. Н. Данилевского, В. Я. Петрухина и А. А. Гиппиуса, являются операции с единичными фактами, которые получают расширительную трактовку“[9]. Значительную помощь в исследовании вопроса об эсхатологических настроениях древнерусского человека могут оказать эпиграфические источники, в частности, граффити. Речь идет об уникальном „эсхатологическом календаре“, выполненном на фреске с образом Св. Василия Великого в Георгиевском приделе Софии Киевской, где нашли отражения ожидания Конца света в 20–30-е гг. XI в., а также на 7000 г. от Сотворения мира[10]. То есть, современные исследования эпиграфики Софийского собора в Киеве принесли дополнительные доказательства в пользу сторонников версии о распространении эсхатологических ожиданий на Руси. Тем не менее, противники считают возможным полагать, что эсхатологические настроения если и имели место, то их носителями были отдельные представители духовенства, мировоззренческие ощущения которых не выходили за пределы „монастырских стен“ и не оказывали значительного влияния на сколько-нибудь широкие круги общества[11]. Объяснение этому противники версии распространения эсхатологических ожиданий в Древней Руси находят в концепции „религиозного оптимизма“, обусловленного, по их мнению, незавершенностью процессов христианизации религиозного сознания древнерусского человека, при которой „крещенные спасутся без труда“[12]. Однако современные эпиграфические исследования вынуждают поставить под сомнение справедливость подобного утверждения, так как позволили выявить значительную группу граффити, свидетельствующую о довольно глубоком проникновении христианского вероучения в сознание населения Древней Руси, в частности, идей „малой эсхатологии“. Собственно интерпретации этой группы источников и посвящена данная статья.

В процессе планомерных работ по изучению граффити собора Святой Софии в Киеве обнаружено большое количество записей, имеющих вид ряда или нескольких рядов вертикальных засечек. Наличие таких граффити фиксируется во всем архитектурном объеме храма, однако большая часть сосредоточена в его алтарных частях. Записи до недавнего времени не рассматривались в качестве отдельной категории граффити, хотя и были известны во многих средневековых архитектурных сооружениях[13]. Б. А. Рыбаков высказал мысль, что подобные „частые штрихи“ являются результатом деятельности церковной цензуры, которая уничтожала таким образом неприличные, с ее точки зрения, надписи в алтарной части храма[14]; того же мнения, ссылаясь на работы исследователя, придерживалась А. А. Медынцева[15]. По мнению Т. В. Рождественской, подобные надписи могли иметь связь с поминанием, но не исключалась также возможность их практического значения для обучения счету[16]. Однако современные исследования полностью опровергают приведенные выше определения, поскольку эти граффити являются самостоятельной и довольно многочисленной категорией надписей служебного назначения[17].

Как уже упоминалось, первое, что бросается в глаза при виде этих граффити – вертикальные засечки. Однако более тщательное исследование позволило установить, что

помимо последних, в состав формулы входило изображение креста и указание христианского имени человека, как правило, в сокращенном до одной или нескольких букв виде. Нередко вертикальные засечки зачеркиваются одной или несколькими горизонтальными линиями, или же сначала проводилась горизонтальная, а от нее вниз или вверх прочерчивались вертикальные штрихи. Однако полная формула таких записей встречается редко, как правило опускается изображение креста, иногда, наоборот, есть рисунок креста, но отсутствует указание имени человека; порой счетный ряд состоит только из вертикальных засечек.

Рассмотрим структуру полной формулы записи для уяснения ее общего смысла. Рисунок креста, согласно Ефрема Сирина, символизирует инвокацию „во имя Отца, и Сына, и Святого Духа". Поставленный в начале строки, он соотносится с наложением на себя крестного знамения перед началом какого-либо важного дела, а также символизирует речевой акт, обращенный к Господу и святым[18]. Он связан с христианским именем человека, на что указывает вторая часть формулы. В третьей ее части указывается количество подобных речевых актов. То, что вертикальные засечки являются записью числового ряда и каждый такой знак равняется единице, подтверждает иногда параллельное употребление буквы **а** (= 1) или обозначения десятков длинным десятым штрихом. Количество „единиц" не является постоянной величиной, она колеблется от двух-трех до ста тридцати четырех, однако чаще всего в границах первых пяти десятков, от двадцати до пятидесяти. Обращает на себя внимание и расположение таких записей, ведь доминирующее их количество находится в алтарных частях храма.

По нашему мнению, интерпретировать эту категорию граффити можно лишь обратившись к анализу идей „малой эсхатологии", а именно – к поминальной практике за спасение души конкретного человека.

Согласно церковной традиции, душа, после отхода ее от тела, проходит воздушные мытарства, во время которых она подлежит индивидуальному суду, по результатам которого мучается или блаженствует согласно деяниям своим до наступления Страшного Суда, когда будет решена окончательная судьба всего человечества[19]. Собственно, первое – индивидуальный суд над душой – и является „малой эсхатологией". Согласно той же церковной традиции, во время частного суда является возможным изменение состояния души, смягчение прохождения через круги мытарств принесением за нее Бескровной Жертвы (поминания на Литургии) и других молитв[20]. В XII–XIII вв. в западной христианской традиции вера в возможность после смерти человека при определенных условиях добиться отпущения некоторых грехов привели к оформлению в средневековой теологии представления о Чистилище с особой ролью Церкви и родственников в спасении душ умерших[21]. В это же время отмечается всплеск заупокойных служб, заказанных в своих завещаниях умершими, которые таким образом стремились достичь своеобразного кумулятивного эффекта – „накоплению заступнической силы заупокойных молитв"[22].

В посвященной духовной жизни древнерусского человека историографии проблемным является вопрос о времени распространения концепции „малой эсхатологии" в Киевской Руси, ведь здесь подобного всплеска заупокойных служб, по мнению исследователей, не отмечено письменными источниками; идеи же „малой эсхатологии" приобрели популярность лишь со времени позднего Средневековья. Показательной в этом отношении является позиция А. В. Карпова: „ …Идея о частном суде над умершим, определяющую его временную участь до Страшного Суда („предчувствия" наказаний или райского блаженства), не была „популярна" в домонгольской Руси… „Малая эсхатология" была востребована лишь в период позднего средневековья с усилением индивидуализации человеческой личности"[23]. А. И. Алексеев считает, что в XI–XIV вв. в духовном мировоззрении населения Киевской Руси господствовал религиозный оптимизм, который был обусловлен незавершенностью процессов христианизации[24]. Это мировоззрение, по мнению исследователя, не могло способствовать разработке системы заупокойно-поминального культа, и лишь в XIV–XV вв., благодаря процессам углубления христианизации, а также усилением и кризисом эсхатологических ожиданий, на смену простой модели спасения приходит дифференциро-

ванная, согласно которой существовала возможность изменить участь души, которая отошла от тела, благодаря молитвенному заступничеству Церкви; становление практики поминания умерших связывалось с деятельностью митрополита Киприана[25]. Важную роль в системе заупокойно-поминального культа играли помянники, куда за предоставление определенного материального пожертвования вносилась поминальная запись, за которую Церковь брала на себя обязательства творить в храме молитву за душу жертвователя или его родственников[26]. Согласно концепции „религиозного оптимизма" и эволюции идей „малой эсхатологии", практика поминания умерших с целью спасения их души в Киевской Руси установилась лишь, приблизительно, с конца XIV – начала XV в., когда фиксируется появление первых вкладных грамот и синодиков-помянников[27].

Эволюционную концепцию, которая объясняла развитие идей „малой эсхатологии" распространением индивидуализации в позднем средневековье, справедливо критиковал известный медиевист А. Я. Гуревич. В предисловии к книге Ф. Арьеса „Человек перед лицом смерти" он отмечал следующее: „Идея об индивидуальном суде над душой, творимом в момент кончины человека, не была каким-то поздним продуктом развития по пути индивидуализма – эта мысль всегда присутствовала в сознании христиан"[28]. Действительно, в раннем Средневековье учение о частном суде над душой умершего находит свое отражение в произведениях Отцов Церкви, агиографической и апокрифической литературе[29]. В частности, александрийский архиепископ V в. Кирилл пишет, что душа во время прохождения пяти кругов воздушных мытарств „... ужасается, трепещется и мятется, доколе не произнесен будет приговор освобождения или осуждения... Небесные силы стоят против нечистых духов и приносят добрые деяния души – делами, словами, помышлением... Душа... от слов и дел своих – или, подвергшись осуждению, будет связана, или, оправданная, освободится"[30]. В приведенном отрывке довольно четко высказывается идея частного, индивидуального, суда.

Та же самая мысль прослеживается в переводном агиографическом произведении X в. „Житие Василия Нового"[31], довольно популярного в репертуаре древнерусской литературы[32]. Тем не менее, если в „Слове" Кирилла Александрийского прохождение души через круги мытарств осуществляется лишь благодаря индивидуальному благодеянию, то в „Житии Василия Нового" оно облегчается молитвами других людей: так душа блаженной старицы Феодоры спасается благодаря молитвам Св. Василия[33]. Молитвы за умерших присутствуют во всех литургиях Церкви (Василия Великого, Иоанна Златоуста, литургии несториан и монофизитов), твердую веру в посмертное очищение фиксируют произведения ранних Отцов Церкви[34]. Соответственно, мы можем утверждать, что идеи „малой эсхатологии" Киевская Русь переняла вместе с христианством от византийской церкви, где они продолжительное время развивались. Эти идеи широко представлены в переводной и оригинальной древнерусской литературе, которую исследовала И. В. Дергачова[35]. А. И. Алексеев отмечал, что довольно легко указать на существование тех или других текстов, однако более важным будет проследить видимые признаки изменений в представлениях человека[36]. Соответственно такому утверждению, если первые материальные свидетельства распространения поминальных практик (вкладные грамоты и синодики-помянники), по наблюдениям исследователя, появляются в конце XIV ст., к этому же времени необходимо отнести и развитие идей „малой эсхатологии". Однако свидетельства об употреблении помянников можно отыскать в письменных памятниках более раннего времени, начиная с XII в. Таким информационным источником, по мнению И. В. Дергачовой[37], является „Хожение игумена Даниила", в котором последний упоминает, что вписал имена русских князей в лавре у Святого Саввы. Даниил пишет, что и ныне их имена поминаются в ектеньи („**ектенїѧ**" – это продолжительно осуществляемое моление, которое включает в себя разные просьбы[38]) вместе с женами и детьми их. Причем игумен указывает на отдельные литургии за живых и за умерших: „**И отпѣхомъ литургіи за князи Русскыя и за вся христіяны 50 литургій, а за усопшаа 40 литургій отпѣхомъ**"[39].

Еще одним письменным источником, из которого можно почерпнуть информацию о применении практики заупокойных служб по отношению к русским князьям, является помянник бенедиктинского монастыря Св. Петра в г. Эрфурте, где под „XIII календами июля“ содержится запись о короле Руси Романе, который дал монастырю 30 марок; этот текст относиться к галицко-волынскому князю Роману Мстиславичу († 19 июня 1205 г.). Собственно причины, побудившие князя к такому щедрому дару, объясняются исследователями по-разному[40]. Однако, независимо от того, что побудило князя заплатить достаточно большую сумму эрфуртскому монастырю, для нас важен сам факт оплаты русским князем подобных заупокойных служб.

Среди новгородских берестяных грамот также встречаются экземпляры, которые рассматриваются исследователями как записи поминовения; для примера можем привести грамоту № 522 (стратиграфическая дата – рубеж XII–XIII вв.), в которой упоминаются Прокопий, Семен, Кристина, Михаил, Флор, Спиридон и Мария[41]. В этом контексте довольно интересным представляется наблюдение А. Е. Мусина, что практика приношения литургических даров (просфор и свечей) могла сопровождаться диптихами имен живых и умерших, за которых это приношение осуществлялось; примером таких поминальных записок, по мнению исследователя, и могут служить берестяные грамоты из поместья „А“ Троицкого раскопа, содержащие имена более пятидесяти лиц[42].

По нашему мнению, счетные записи могут быть интерпретированы как практическое воплощение поминовения конкретных людей, имя которых указано во второй части формулы, хотя на данном этапе определить, в каких именно записях ведется счет служб за живых, а в каких – за умерших, мы не можем. Учитывая различное число проведенных служб, зафиксированное в граффити, фактором, который определял количество „единиц“ в ее третьей части, мог быть объем руги, то есть определенной суммы денег, внесенных за поминание. В посвященном Св. Иоакиму и Анне приделе Софии Киевской С. А. Высоцким была обнаружена надпись (№ 9) XI в.[43], в которой упоминается о внесении руги на помин души великого киевского князя Святослава Ярославича († 27 декабря 1076 г.): **м(ѣсѧ)цѧ мар[т](а) вь дьнь роуга в[ьда]на** … **[о]шьстиѥ Свѧтослав(л)ѣ. А[минь]**[44]. Употребление слова **ошьстиѥ** ‘*уход, отход*’ указывает на посмертный характер внесенного дара, то есть руга была внесена за помин души умершего князя. В целом, подобная практика оплаты поминовения Церковью души усопшего была предусмотрена древнерусским законодательством[45].

Таким образом, рассмотренные выше записи исчисления количества поминальных служб, которые иногда создают целые комплексы, могут быть соотнесены (но не отождествлены!) с обитуариями[46] или помянниками[47], своеобразными реестрами, куда заносились имена людей – клириков или светских лиц, за души которых надлежало молиться: запись имени человека на стене храма являлась занесением в этот реестр, а засечки фиксировали количество проведенных служб за спасение души соответственно внесенной плате. То есть, эти граффити могут быть причислены к категории делопроизводственных записей, поскольку, в сущности, являются своеобразным отчетом о выполнении оплаченной работы.

Следует также указать, что в процессе обсуждения посвященного исследованию этой категории записей доклада автора, В. Г. Тур высказал мысль о том, что подобные граффити можно трактовать как засвидетельствование определенного количества покаянных молитв, предназначенных монахам их духовными отцами. В таком случае записи следует рассматривать как своеобразный отчет перед наставником, хотя при такой трактовке непонятной остается причина оповещения личного искупления, которое касается лишь того, кто раскаивается. Напротив, проведение определенного количества литургий соответственно уплаченной руге предусматривало отчет и исчисление их выполнения, пример чему и дают записи за указанной категории.

Итак, комплексный анализ свидетельств помянника бенедиктинского монастыря, сочинения игумена Даниила, новгородских берестяных грамот и граффити позволяет утверждать, что практика поминания как живых, так и умерших была хорошо известна и активно

применялась на Руси в период так называемого „религиозного оптимизма“. Зафиксированное на западноевропейских материалах Ф. Арьесом возрастание в XII–XIII вв. количества заупокойных служб[48], благодаря выявлению и атрибуции новой категории граффити, в это же время отмечается и в домонгольской Руси. Палеография букв в записях имен второй части формулы указывает, что надписи возникли на стенах собора в промежуток времени со второй четверти XI по последнюю четверть XIV в., причем большинство из них приходится именно на XII–XIII вв. В свете этих фактов очевидным становится и то, что деятельность митрополита Киприана в плане внедрения практики поминания умерших, о которой пишет А. И. Алексеев[49], была своеобразной реформой уже существующей и действующей системы.

[1] *Мейендорф, И., протоиерей.* Византийское богословие: исторические тенденции и доктринальные темы. Минск, 2007, с. 310.

[2] *Шмеман, А., протоиерей.* Литургия и предание. М., 2005, с. 146.

[3] *Алексеев, А. И.* Эсхатологические переживания в Западной Европе и на Руси в IX–XV вв. (Синхронные процессы или типологическое сходство?). – В: Исследования по русской истории и культуре. Сборник статей к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. М., 2006, с. 241.

[4] *Петрухин, В. Я.* Христианство на Руси во второй половине X – первой половине XI вв. – В: Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002, 87–89.

[5] *Данилевский, И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 2001, 236–237.

[6] *Gippius, A.* Millennialism and the Jubillee Tradition In Early Rus' History and Historiography. Ruthenica, 2003, II.

[7] *Карпов, А. Ю.* Об эсхатологических ожиданиях в Киевской Руси в конце XI – начале XII века. – Отечественная история, 2002, № 2, с. 4.

[8] *Алексеев, А. И.* Указ. соч., с. 254.

[9] Там же, 245–246.

[10] Подробнее см.: *Нікітенко, Н. Н., Корнієнко, В. В.* Есхатологічні дати в графіті на фресках Софії Київської як історичне джерело. – Архіви України, 2009, № 6, 43–63; *Корнієнко, В. В.* Корпус графіті Софії Київської (XI – початок XVIII ст.). Частина I: Приділ Св. Георгія Великомученика. К., 2010, 381–385.

[11] См., например, критику концепции И. Н. Данилевского А. И. Алексеевым: *Алексеев, А. И.* Указ. соч., 250–251.

[12] Там же, 251–252.

[13] См., например: *Рождественская, Т. В., Тур, А. М.* Граффити из Псковского Спасо-Великопустынского монастыря. Памятники культуры: Новые открытия. Л., 1978, с. 32; Церква Богородиці Десятинна в Києві. До 1000-ліття освячення. К., 1996, с. 137; *Васильев, Б. Г.* Успенский собор XII века в Старой Ладоге. Живописное убранство. Каталог. Волхов, 2006, с. 196, рис. 153.

[14] *Рибаков, Б. А.* Іменні написи XII ст. в київському Софійському соборі. – Археологія, 1947, № 1, 55–56; Русская эпиграфика X–XIV вв. (Состояние, возможности, задачи). – В: История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963). М., 1963, с. 64.

[15] *Медынцева, А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV вв. М., 1978, с. 196.

[16] *Рождественская, Т. В., Тур, А. М.* Указ. соч., с. 34.

[17] *Корнієнко, В. В.* Графіті – записи лічби з Софії Київської: нове джерело для дослідження розвитку ідей „малої есхатології" Давньої Русі. – В: Філософські ідеї в культурі Київської Русі: Збірник наукових праць за матеріалами II давньоруських історико-філософських читань „Філософські ідеї в культурі Київської Русі" (Полтава, 10 червня 2009 р.). Полтава, 2009, 93–104; *Корнієнко, В. В.* Корпус графіті.., 381–385.

[18] *Рождественская, Т. В.* Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI–XV вв. СПб., 1992, 17–18.

[19] *Кирилл Александрийский*, свт. Слово о исходе души и Страшном Суде. – В: Кирилл Александрийский, свт. Слово о исходе души и Страшном Суде. Ефрем Сирин, прп. Слово на пришествие Господне, на скончание мира и на пришествие антихристово. К., 1998, 4–6.

[20] См., например: *Карпов, А. В.* Язычество, христианство, двоеверие: религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI веках. СПб., 2008, 157–158; *Ціґенаус, А.* Есхатологія: Майбутнє сотвореного в Бозі. Львів, 2006, 169–193.

[21] *Ле Ґофф, Ж.* Середньовічна уява. Львів, 2007, 90–101; *Цигенаус, А.* Вказ. праця, 178–181.

[22] *Арьес, Ф.* Человек перед лицом смерти. М., 1992, 171–172.

[23] *Карпов, А. В.* Указ. соч., с. 158.

[24] *Алексеев, А. И.* Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI вв. СПб., 2002, 56–58.

[25] Там же, с. 131, 135–137.

[26] Там же, 137–142; Поменник Софії Київської: публікація рукописної пам'ятки другої половини XVIII – першої чверті XIX ст. / Упор. О. Прокоп'юк. К., 2004, 13–15.

[27] *Алексеев, А. И.* Указ. соч., с. 139.

[28] *Гуревич, А. Я.* Предисловие. Филипп Арьес: смерть как проблема исторической антропологии. – В: *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти.., с. 22.

[29] Перечень см.: *Алексеев, А. И.* Указ. соч., с. 53.

[30] *Кирилл Александрийский*. Указ. соч., 4–6.

[31] *Житие Василия Нового*. В: *Дергачова, И. В.* Посмертная судьба и „иной мир" в древнерусской книжности. М., 2004, 225–226.

[32] *Словарь книжников* и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV ст.). Л., 1987, 142–143.

[33] *Житие Василия Нового*, с. 233.

[34] *Цигенаус, А.* Вказ. праця, 175–176.

[35] *Дергачова, И. В.* Посмертная судьба и „иной мир" в древнерусской книжности. М., 2004, 54–145.

[36] *Алексеев, А. И.* Указ. соч., 50–51.

[37] *Дергачова, И. В.* Указ. соч., с. 133.

[38] *Дьяченко, Г., прот.* Полный церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М., 1993, с. 171.

[39] *Житье и хоженье Даниила* Русьскыя земли игумена: 1106–1108 гг. – В: Православный палестинский сборник, 1885, т. 3, вып. 3 (9), 140–141.

[40] См., например: *Майоров, А. В.* Из истории внешней политики галицко-волынского князя Романа Мстиславича. – В: **Дьнѣслово**. Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-річчя. К., 2008; *Головко, О. Б.* Корона Данила Галицького: Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя. К., 2006, с. 245; *Войтович, Л. В.* Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006, с. 478, 484.

[41] *Арциховский, А. В., Янин, В. Л.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978, с. 122.

[42] *Мусин, А. Е.* Послесловие литургиста. – В: *Чукова, Т. А.* Алтарь древнерусского храма конца X – первой трети XIII вв. Основные архитектурные элементы по археологическим данным. СПб., 2004, с. 147.

[43] *Высоцкий, С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Вып: 1. К., 1966, 41–45, табл. XI, XII; коррекция данной надписи осуществлялась В. Орлом и А. Куликом, а также А. А. Зализняком: *Орел, В., Кулик, А.* Заметки о древних киевских граффити. – Археологія, 1995, № 1, 129–130; *Зализняк, А. А.* К изучению древнерусских надписей. – В: *Янин, В. Л., Зализняк, А. А., Гиппиус, А. А.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997–2000 гг.). Т. 11. М., 2004, с. 281.

[44] *Текст приводится* в соответствии с результатами современных исследований автора, в квадратных скобках подаются утраченные вследствие повреждений штукатурки буквы, в круглых – пропущенные автором надписи.

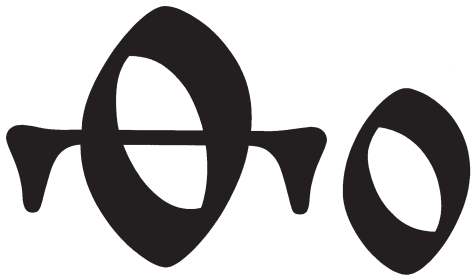
[45] *Никитенко, Н.* Святая София Киевская. К., 2008, с. 357.

[46] *Арьес, Ф.* Указ. соч., с. 162.

[47] *Алексеев, А. И.* Указ. соч., с. 138.

[48] *Арьес, Ф.* Указ. соч., 171–172.

[49] *Алексеев, А. И.* Указ. соч., 135–137.



Ил. 1

Ил. 2

УДК [75.052+726.54](477-25)

МОНУМЕНТАЛЬНИЙ ЖИВОПИС ЦЕРКВИ СПАСА НА БЕРЕСТОВІ ДОБИ ПЕТРА МОГИЛИ: ПРОБЛЕМАТИКА І ПЕРСПЕКТИВИ ДОСЛІДЖЕННЯ

А. Ю. Кондратюк

***Кондратюк А. Ю.* Монументальний живопис церкви Спаса на Берестові доби Петра Могили: проблематика і перспективи дослідження**

У даній праці означено проблематику дослідження розписів церкви Спаса на Берестові 40-х рр. XVII ст. Як найбільш актуальні виділено проблеми атрибуції, іконографії, іконології і стилю стінопису. Розписи храму розглянуто у нерозривному зв'язку з іншими проявами культурного життя. Поставлено питання про місце цього монументального ансамблю в українському мистецтві першої половини XVII ст.

Ключові слова: церква Спаса на Берестові, монументальний живопис, система розписів, стилістика, іконографія, іконологія, богослужбова практика.

***Кондратюк А. Ю.* Монументальная живопись церкви Спаса на Берестове эпохи Петра Могилы: проблематика и перспективы исследования**

В настоящей работе обозначена проблематика исследования росписей церкви Спаса на Берестове 40-х гг. XVII в. Как наиболее актуальные выделены проблемы атрибуции, иконографии, иконологии и стиля стенописи. Росписи храма рассмотрены в неразрывной связи с другими проявлениями культурной жизни, в частности, с богослужебной практикой эпохи. Поставлен вопрос о месте этого монументального ансамбля в украинском искусстве первой половины XVII в.

Ключевые слова: церковь Спаса на Берестове, монументальная живопись, система росписей, стилистика, иконография, иконология, богослужебная практика.

***Kondratjuk A. Yu.* Mural painting of the Church of the Saviour at Berestovo of the epoch of Peter Mogyla: problematic and research perspective**

In this work problematic of research of the mural painting of the Church of the Saviour at Berestove of the 40-ies of the XVIIth century is marked. Problems of attribution, iconography, iconology and style of the murals were outlined as the most actual. The murals of the church were considered in connection with other forms of spiritual and cultural life of Kyiv, in particular, with liturgical practice of the time. Question of the place of these murals in the context of Ukrainian art of the first half of the XVIIth century was outlined.

Keywords: Church of the Savior at Berestove, mural painting, system of the murals, stylistic, iconology, liturgical practice.

© А. Ю. Кондратюк, 2012

Спас на Берестові (іл. 1) – унікальна пам'ятка, на „обличчі" якої залишили свій слід різні історичні епохи: від давньоруської доби до періоду неокласицизму. Храм розміщений на північному заході Києво-Печерської лаври. Архітектура церкви частково збереглася з часів Київської Русі – більшість дослідників датує її спорудження кін. IX – поч. XII ст.[1], хоча точна дата достеменно не відома.

Храм був усипальнею представників князівського роду Мономаховичів, і, згідно літописів, тут поховані дочка Володимира Мономаха Євфимія (1138 р.), його син Юрій Долгорукий (1158) та онук Гліб (1173)[2]. Упродовж наступних століть церква неодноразово руйнувалася й перебудовувалася. У період після татаро-монгольської навали її східна частина обвалилася разом із пагорбом, на якому стояла. У 1640-1643 рр. київський митрополит Петро Могила, намагаючись відродити пам'ятки, пов'язані з іменем Володимира Хрестителя, відновлює архітектуру храму (Спас на Берестові вважався тоді спорудою саме цього князя). До стародавнього нартексу було прибудовано вівтарну та дві бокові апсиди. Храм стає хрещатим у плані[3]. За сприяння того ж П. Могили, у 1643–1644 рр. (ці дати вміщено у дарчих написах у приміщеннях зовнішнього (іл. 2) і внутрішнього нартексу) було виконано і новий стінопис інтер'єру[4]. У 1813–1814 рр. відомим архітектором А. Меленським до притвору церкви було добудовано дзвіницю[5].

У дослідженні пам'ятки досі є багато „білих плям". Зокрема, багато проблем пов'язано з малярством Спаса на Берестові могилянської доби. В полі зору науковців розписи 40-х рр. XVII ст. перебувають вже понад півтора століття. Але все ще не з'ясовані питання їхньої атрибуції, іконографії, стилю й богословського задуму. Зауважимо одразу, що для цього були й об'єктивні причини – нині лише частина цього живопису розкрита від записів XIX – поч. XX ст.

Атрибуційна проблема є однією з найголовніших: сьогодні ми не можемо з певністю визначити, хто саме були виконавці цих розписів. Йдеться, звісно, не про імена, а радше про школу. Відомі вчені XIX ст. – І. А. Лашкарьов[6] і М. І. Петров[7] – вважали, що розписи інтер'єру Спаського храму виконано афонськими майстрами. На користь цієї думки, начебто, свідчив один із згаданих дарчих написів, вміщений у зовнішньому нартексі, над дверним прорізом до церкви. Текст виконаний грецькою мовою. У ньому зазначено, що 1644 р., за сприяння Петра Могили, церкву було розписано „перстами греків". Згадані дослідники припустили, що йдеться про греків з Афону. І з того часу ця гіпотеза набула поширення. Такої ж думки, зокрема, дотримувався відомий український мистецтвознавець початку XX ст. К. В. Шероцький. Він зазначав, що в умовах турецької неволі розквіт малярства грецької традиції міг відбутися лише на Святій Горі. Отже, виконавцями розписів у київській церкві Спаса були майстри саме з Афону[8].

Так само вважали й деякі вітчизняні науковці другої половини XX ст. Зокрема, видатний дослідник, доктор мистецтвознавства Г. Н. Логвин у двох своїх монографіях „Киев" 1960 і 1982 рр. зазначав, що існуючий у храмі розпис був виконаний грецькими майстрами з Афону в 1642–1644.[9] Про це ж писав відомий дослідник архітектури С. К. Кілессо у монографії „Киево-Печерская лавра"[10]. На цьому наполягав і видатний дослідник-мистецтвознавець П. М. Жолтовський[11]. Проте ситуація з виконавцями розписів виявилася набагато складнішою.

Незабаром виник й інший, цілком протилежний погляд. Зокрема, Д. В. Антонович припускав, що храм розписаний „в старих українських традиціях", які лише вважалися за грецькі. Навіть самий вираз, що малярство виконано „перстами греків", треба розуміти в тому сенсі, що воно виконано у старому так званому „грецькому" стилі, себто в старих українських традиціях декораційно-стилізованого малярства[12]. На цю точку зору пристав також сучасний мистецтвознавець і реставратор Л. Скоп. Він писав про національну самобутність розписів могилянської доби і їхню ґенезу виводив із старовинних українських зразків. Дослідник вважав також, що стінописи Спаського храму ідейно і композиційно споріднені з виконаними майже в той самий час розписами Свято-Духівської церкви в Потеличі (1620–1640-і рр.) і Воздвиженської церкви в Дрогобичі

(1610-і рр.). Грецький вплив, на думку Л. Скопа, виступає у київському храмі лише як своєрідне культурне тло[13].

З цього приводу одразу хотілося б зазначити, що, при всій їх оригінальності й самобутності, розписи дерев'яних храмів Потелича і Дрогобича все ж таки є народними примітивами. У той час, як київську церкву Спаса розписували, безперечно, високопрофесійні майстри. Тому порівняння цих пам'яток, на наш погляд, є взагалі некоректним.

Сьогодні навряд чи хто буде заперечувати приналежність стінопису Спаського храму 40-х рр. XVII ст. до традиції поствізантійського малярства. Але доказів участі у їхньому виконанні майстрів саме з Афону немає. І діапазон дослідницьких думок на це питання досить широкий. Існує також погляд, що стилістично деякі з цих розписів нагадують роботи болгарських майстрів – її висловила відома дослідниця вітчизняного середньовічного мистецтва, доктор мистецтвознавства Л. С. Міляєва[14]. Але з цього приводу хотілося б почути думку болгарських колег-дослідників середньовічного малярства.

Л. С. Міляєва висловила й іншу, цілком оригінальну гіпотезу. Вона підіймала питання про можливу причетність до відновленні Спасопреображенського храму італійського живописця й архітектора Октавіано Манчіні. Цей митець втілював проекти Петра Могили з відновлення найголовніших київських храмів, зокрема Св. Софії[15]. На думку дослідниці, Манчіні міг втручатися у практику київських малярів, оскільки він був освіченим художником, вихованцем Болонської академії[16]. Л. С. Міляєва наголошувала, що вирішення цього питання є суттєвим для того, щоб з'ясувати, коли у Києві відбулися зміни у стилі образотворчого мистецтва[17]. Вона наводила відомі рядки із записок архідиякона Павла Алепського про майстерність київських живописців („малюють як французи або ляхи")[18] й висловлювала переконання, що стилістична переорієнтація мистецтва Києва відбулася саме за часів Петра Могили, а не наприкінці XVII ст., як до тих пір було прийнято вважати у мистецтвознавчій науці[19].

Останнім часом виникла гіпотеза, що авторами Спаських фресок є православні грецькі емігранти, котрі жили в суміжних до турецьких Балкан православних державах Молдові та Валахії. Одним із перших на цю точку зору пристав відомий польський науковець В. Делюга[20]. Він намагався створити для розписів церкви Спаса 40-х рр. XVII ст. широкий історико-культурний контекст. Ученим змальовано ситуацію, що склалася в духовному житті Києва у першій половині XVII ст., й наголошено, що доба Петра Могили – це період щільних дипломатичних і культурних контактів між Річчю Посполитою та Молдовою. Призначений 1633 р. королем Владиславом IV на посаду київського митрополита, Петро Могила доклав чималих зусиль для розвитку шкільництва, друкарства не тільки у Києві, але і в Яссах[21].

Паралельно В. Делюга охарактеризував духовне й культурне життя в Яссах у цей самий період. Він відзначив, що в Яссах, де господарем в цей час був Василє Лупу, було збудовано багато святинь. В архітектурі багатьох із цих храмів помітні елементи українського бароко (зокрема, церква Св. Теодора, Св. Деметрія, церква монастиря Агапіа та ін.). Учений зауважив також певні стилістичні аналогії між розписами Спаської церкви та стінописом інших храмів Південної Буковини і Молдови (стінопис церков в Борешті, Нямці, Каушанах та ін.)[22].

Точку зору В. Делюги поділяють і деякі українські вчені. Зокрема, дослідник Є. П. Кабанець, співробітник Національного Києво-Печерського історико-культурного заповідника, присвятив стінопису Спаса на Берестові могилянської доби низку публікацій і висловив чимало цікавих і оригінальних думок із цього приводу[23]. Цей учений наголошував, що питання мистецьких впливів на живопис Спаського храму досі остаточно не вирішене. Він згадував обидві основні гіпотези стосовно виконавців розписів церкви Спаса: перша – ці фрески перебувають під провінційним (діаспорним) впливом візантійського мистецтва, друга – вони відображають власний український національний колорит із суто зовнішнім сприйняттям рефлексуючої візантійської підоснови. Так само, як і В. Делюга, Є. П. Кабанець вважав, що живопис берестовського храму має найближчі паралелі у стінопису церков Південної Буковини і Молдови. Там існували чималі колонії

грецьких переселенців. Сприйняті і засвоєні ними візантійські традиції могли збагатитися на місцевому ґрунті молдавсько-волоськими елементами і відтак із подвійним наповненням набути поширення на території багатонаціональної Речі Посполитої. Молдова перебувала під протекторатом, а пізніше – під сильним політичним впливом цієї держави в XIV–XVII ст. Саме тому, вважав учений, греко-романські стінописи з виразно православними рисами з'явилися у готичних храмах Кракова, Любліна, Вислиці і Сандомира. Цим же можна пояснити їхню появу у спорідненому духовному середовищі Києва[24]. Дослідник наголошував також, що окремі аналоги до малярства церкви Спаса поширилися не тільки в ареалі межиріччя Бистриці, Молдови і Сірету, але й у Південній Бесарабії – Успенська церква в м. Каушани (Кеушень)[25].

Нам особисто думки, висловлені В. Делюгою та Є. П. Кабанцем, видаються досить переконливими. Доказів щодо тісних культурних і мистецьких контактів між Україною і Молдовою у XVI–XVII ст. узагалі маємо досить багато. Про молдавсько-українські культурні й мистецькі зв'язки у XVI–XVII ст. писали ще дослідники радянського часу. Особливо ті, що мали змогу вивчати праці румунських колег. При цьому залучався також і російський фактор.

Так, молдавський дослідник Л. Чезза у своїй праці „Плоды с дерева дружбы. Очерки о молдавском искусстве"[26] наводив кілька фактів запрошення російських малярів для розписів церков Молдови за часів господаря Василє Лупу. Зокрема, було зазначено, що у Яссах до 1642 р. працювали живописці Дейко Яковлєв і Пронко Нікітін[27]. Запам'ятаємо ці факти, оскільки ясські розписи, виконані за правління Василє Лупу, мають, на наш погляд, незаперечну стилістичну близькість із стінописом церкви Спаса на Берестові.

Цей самий учений зазначав, що за часів Василє Лупу підсилюються культурні й мистецькі зв'язки Молдавії зі Львовом. Коштом цього господаря у Львові була реставрована церква Св. Параскеви (заснована 1607 р.). Василє Лупу подарував до неї гарний іконостас у молдавському стилі[28]. 1631 р. господарем Александру Лепушняну була споруджена у Львові Успенська церква. В церковних церемоніях тут брали участь російські бояри. Л. Чезза нагадує, що саме у цій церкві 1633 р. був рукопокладений у митрополити Петро Могила. Там само наведено й інші факти, що свідчать про постійний культурний обмін України, Росії й Молдови[29]. Отже, можемо певним чином уявити історичний контекст для стінопису спасоберестовського храму.

Ми особисто вважаємо, що стилістична близькість розписів київського храму і стінописів Молдови кінця XVI – першої половини XVII ст. є фактом, який потребує подальшого аналізу і належної інтерпретації. Серед збудованих Василє Лупу у Яссах церков нашу увагу привернули в першу чергу храм Трьох Святителів (1638–1639) і церква монастиря Голіа (1650–1653). В інтер'єрах цих церков було виконано монументальні розписи. І ці розписи[30], на наш погляд, за стилем дуже близькі до стінопису київської церкви Спаса на Берестові. Усі означені пам'ятки зберігають явний зв'язок із традицією. Але, водночас, всюди ми бачимо чимало нових рис, насамперед у трактуванні облич персонажів. Це, поки що, побіжні зауваження. Однак, подальші дослідження ми плануємо проводити саме в цьому напрямку.

Таким чином, вирішити питання атрибуції розписів церкви Спаса на Берестові могилянської доби можна лише залучивши широкий контекст пам'яток поствізантійського малярства другої половини XVI – першої половини XVII ст. Водночас це питання, без сумніву, пов'язане з проблемою стилю.

Деякі вчені радянської і пострадянської доби намагалися визначити особливості монументального ансамблю церкви Спаса в цілому та проаналізувати стилістику окремих найзначніших композицій. Хоча достеменного стилістичного аналізу до цього часу здійснено не було.

Так, вже цитовані праці Г. Н. Логвина дали змогу точніше визначити особливості композиції й декорації храму. У першому варіанті його монографії „Киев"[31] (яка вийшла друком до відкриття славнозвісної давньоруської фрески), міститься архітектурно-

археологічний опис Спаської церкви[32]. У загальних рисах охарактеризовано наявний на той час ансамбль малярства. Виконання розписів було приписано майстрам з Афону[33].

У другому варіанті монографії, виданому 1982 р.[34], учений доповнив викладену раніше інформацію про пам'ятку. Було згадано про нещодавно відкритий розпис кінця XI – початку XII ст. і його проаналізовано[35]. Здійснено також аналіз малярства доби Петра Могили, хоча й доволі стислий. Зазначено, що майстри дуже добре пов'язали композицію фресок з архітектурою інтер'єру, перекритого зірковим нервюрним готичним склепінням[36]. Зауважено, що поряд із традиційною умовністю в стінописі відчутний вплив західноєвропейського мистецтва раннього італійського Відродження. І це помітно не тільки у загальному колориті розписів, але й у тлумаченні окремих деталей[37].

Відомий мистецтвознавець В. А. Овсійчук у монографії „Українське мистецтво XIV – першої половини XVII ст."[38] також зробив певні зауваження з приводу стилю розписів Спаса на Берестові. Було відзначено реалістичніше, у порівнянні з живописом попереднього періоду, тлумачення побуту, різних аксесуарів, окремих типів. Ці риси пов'язано не з місцевою еволюцією художніх смаків, а з традиціями раннього італійського Відродження, своєрідно асимільованого афонськими майстрами (В. А. Овсійчук теж приписував виконання стінопису майстрам з Афону). Зауважено глибину портретної характеристики у ктиторській композиції „Моління" („Дарунок Петра Могили")[39].

П. М. Жолтовський у цитованій вище монографії „Монументальний живопис на Україні XVII–XVIII ст."[40] присвятив церкві Спаса кілька сторінок. Було відзначено відносно добру збереженість стінопису XVII ст., хоча й зауважені його пізніші поновлення. Систему розписів проаналізовано у загальних рисах. Зауважено, що майстри прагнули, в міру тих можливостей, які давав інтер'єр досить тісного храму, дотримуватися схеми і стильових засад традиційних монументальних розписів[41].

Відзначено також основні проблеми, що виникли при виконанні стінопису: „Головна трудність полягала в тому, що в храмі не було центральної бані, в якій композиційно повинен зосереджуватися увесь храмовий розпис. Тому цей композиційний вузол було перенесено на склепіння вівтарної частини, розділене нервюрами на окремі поля з колом у центрі. В цьому колі наче в круглій бані вміщено зображення Христа-вседержителя *(насправді Христос презентований тут в типі Емануїла. – К. А.)*, довкола його розміщені постаті апостолів та ангелів. У зображеннях апостолів використано досить сміливі ракурси, пристосовані до вигнутої поверхні вівтарних склепінь, на яких був уміщений той цикл зображень, що, за традицією, повинен знаходитися в бані храму та на його парусах"[42].

Аналізуючи стилістику малярства могилянської доби, дослідник зауважив його явний традиціоналізм. Ця риса, на думку П. М. Жолтовського, ставала особливо виразною при порівняні з сучасним йому станковим іконописом. Водночас учений відзначив і нові риси, насамперед у тлумаченні облич: „Обличчя, всупереч плоско зображеним фігурам, у багатьох випадках пластично модельовані за допомогою світлотіні. В такий спосіб мальовано обличчя архангела Михаїла. Серед інших зображень привертають увагу майстерно виписані обличчя зосередженого Меркурія, аскета і містика Кирила Александрійського, сповнене життя, енергійне, мужнє і разом з тим жорстоке обличчя Афанасія Александрійського". У цілому П. М. Жолтовський зазначав, що, незважаючи на певні риси нового, спасоберестовський живопис є явищем консервативним, на тлі розвитку тогочасттого іконопису – навіть архаїчним. Так само, як і В. А. Овсійчук[43], окрему увагу він приділив портретному зображенню Петра Могили у ктиторській композиції нартекса[44].

Дослідником були зроблені також зауваження щодо колориту розчищеної частини розпису XVII ст. Відзначено, що у київській церкві він дуже напружений і динамічний. Ця динаміка виникає внаслідок енергійної прорисовки складних контурів фігури та драпіровок одягу. В колориті загалом переважають червоно-брунатні та темно-зелені тони. Фарби глибокі, але значною мірою приглушені, без різких яскравих плям[45]. Зауважимо, що те саме можна сказати й про розписи згаданих церков монастиря Голія і Трьох Святителів у Яссах.

Серед робіт останніх років, у яких йдеться про стилістику й особливості системи розписів церкви Спаса, слід згадати також цитовану вже статтю Л. С. Міляєвої „Митрополит Петро Могила і духовне середовище Києва 30–40-х рр. XVII ст.“[46]. Дослідниця вважала, що, незважаючи на певну архаїчність манери, загалом фрески церкви Спаса на Берестові відбивають стилістику поствізантійського малярства XVII ст.[47].

Беручи до уваги слушні зауваження, висловлені у згаданих працях, ми вважаємо питання щодо стилю й особливостей системи розписів церкви Спаса розкритим недостатньо. Крім того, ми сподіваємося, що реставраційні роботи на стінопису могилянської доби врешті будуть завершені. І ми зможемо проаналізувати повний ансамбль розписів 40-х рр. XVII ст.

Практично не розроблена проблема іконографії стінопису. Щодо витоків зображень церкви М. І. Петров, один із перших серйозних її дослідників, обмежився твердженням, що Спаські розписи загалом відповідають грецьким ермініям. (Причому ученого більше цікавили не самі зображення, а написи, що їх супроводжують)[48]. Наступні дослідники храму з цього приводу здебільшого повторювали це твердження.

Напевно, найбільше зауважень із приводу іконографії стінопису було зроблено П. М. Жолтовським. У цілому цей учений поділяв думку М. І. Петрова і писав, що в системі розпису, наскільки дозволяли архітектурні умови храму, були додержані приписи грецької „ермінії“ в її афонських варіантах. „Грецьке“ – східне, на його думку, тут було свідомо протиставлено західному[49].

Учений відзначив наявність у системі розписів цілої низки святих грецького пантеону, таких, як Антоній Великий, Сава Освящений, Єфрем Сирін та інші й наголосив, що деякі, презентовані у стінопису святі (Артемій, Феофан, Епіфаній, Феодул, Яків Персянин), були мало відомі в Україні[50].

До іконографічних новин спасоберестовського розпису П. М. Жолтовський відносив два пояси страсних сцен на західній стіні середньої частини храму. Він зауважив також, що на південній стіні храму вперше з’являється такий характерний для пізнішої української іконографії символічний сюжет, як „Недріманне око“[51].

Цікаві зауваження були висловленні деякими науковцями з приводу зразків для композиції „Моління“. Так, польський учений П. Красний вважав, що композиція „Дарунок Петра Могили“ була інспірована молдавською ктиторською фрескою з церкви Єпіфанія в Сочаві, заснованої Єремією Могилою 1596 р[52].

Зазначимо, що в монументальному малярстві Молдови XVI–XVII ст. ктиторські портрети господарів і бояр були надзвичайно поширеним явищем[53]. Петро Могила у себе на батьківщині міг їх бачити у великій кількості, і в тому, що у відновленому ним київському храмі Спаса він вирішив зробити щось подібне, немає нічого дивного. Хоча Л. С. Міляєва була переконана, що поштовхом до виконання цієї композиції була центральна частина не збереженої нині композиції групового портрета київських князів у Софії Київській[54]. На цьому ж наголошував свого часу і відомий учений, дослідник давньоруської епіграфіки С. Висоцький[55].

Як бачимо, науковцями кінця XIX–XX ст. з приводу іконографії розписів церкви Спаса були зроблені певні спостереження. Але і це питання також не можна вважати вирішеним.

Досі не розв’язана й проблема іконології ансамблю. Її торкалися лише поодинокі вчені. Зокрема, відзначимо вищезгадану працю Є. П. Кабанця „Світильник, сяючий у пітьмі...“[56]. Стаття містить досить розгорнутий опис декорації інтер’єру церкви, у ній визначено головні акценти. Зауважено, що Спаський храм має чітко сплановану концепцію малювання – в ньому простежується, щонайменше, кілька повноцінних художньо-зображувальних тем: євангелічна, напучувальна; аскетична, спокутувальна; величальна, патетична[57]. Зазначено, що невеликі розміри храмового приміщення вимагали нових нестандартних, новаторських підходів до моделювання художньої композиції церкви[58]. Особливий наголос зроблено на втіленні в стінопису ідей ісихазму й означено низку сюжетів, що ці ідеї презентують[59].

В цілому ми поділяємо думки, висловлені цим ученим. Проте вважаємо, що проблема інтерпретації богословського задуму храму ще далеко не вичерпана. Наразі ми висловимо окремі зауваження з цього приводу.

Нагадаємо, що розписи храму – єдиний цілісний ансамбль, виконаний у Києві в цей час. В інших відновлюваних церквах (наприклад, у Софії) Петро Могила й запрошені ним майстри мали рахуватися з уже наявним живописом. Тому в цих випадках не йшлося про чітку й послідовно проведену програму. У Спасі ж ми маємо повністю новий живопис, хоча й виконаний у древніх стінах, частково поверх давньоруських фресок. У невеликій споруді було порівняно легко реалізувати цілісну концепцію, яка неминуче відобразила певні історичні реалії. Це робить монументальний ансамбль Спаського храму надзвичайно важливим для означення особливостей не тільки художньої, але й духовної культури могилянської доби взагалі. Те, що інших подібних пам'яток не збереглося, аж ніяк не применшує значення цього малярства.

Набір сюжетів і розміщення основних композицій в системі розписів храму повністю відповідає традиції візантійського мистецтва. Ми бачимо канонічні зображення Христа і Богородиці в різних типах на ключових місцях. Презентований також празниковий цикл – іконографія більшості сюжетів склалася давно і не була новою для українського мистецтва. У розписах внутрішнього нартексу презентований страсний цикл – іконографія деяких із цих сюжетів хоча й склалася порівняно пізно, але у XVI–XVII ст. вони вже стали „загальним місцем" у мистецтві східнохристиянської церкви.

На різних конструктивних частинах храму представлено також образи чисельних святих. Деякі з них, дійсно, не характерні для українського мистецтва попередніх періодів, але вельми поширені у візантійському й поствізантійському мистецтві. Усі вони теж мали вже усталену іконографію. Дослідника стінопису церкви Спаса має вразити в першу чергу саме відсутність нових сюжетів і тем, яких на межі XVI–XVII ст. в поствізантійському мистецтві з'явилося вже досить багато. Ми вважаємо, що оригінальність розписів церкви Спаса не в іконографічних нововведеннях. Оригінальним був богословський задум храму, в якому виражено складний зміст у традиційних сюжетах і формах.

Ми звернули увагу, що в храмовому ансамблі церкви Спаса є наполегливі повторення певних сюжетів. Двічі повторено сюжет храмового празника – композиція „Преображення" розміщена у зовнішньому нартексі над вхідним прорізом і на східній стіні внутрішнього нартексу.

У приміщенні внутрішнього нартексу „здубльовано" Деісусну композицію. Вона зображена на головному склепінні приміщення у вигляді триморфону із Собором Небесних Сил (іл. 3). Ще раз Деісус презентований там само, нижче, у верхній частині східної стіни, над вхідною аркою до приміщення власне церкви – це славнозвісна композиція із портретом Петра Могили. Фігура Христа Великого Архієрея з цього Деісусу розміщена точно під зображенням Христа із деісусної композиції склепіння. І ці зображення розміщено по центральній осі храму.

Кілька разів у розписах приміщення церкви презентовано образ Христа-Емануїла. Зокрема, у композиції „Богородиця-Знамення" у найурочистішому місці над центральною апсидою, на площині, утвореній нервюрними ребрами склепіння. І поряд – образ Спаса-Емануїла у центральному медальйоні склепіння храму. Обидва ці зображення теж розміщено по центральній осі церкви.

Впадають в око також багаточисельні зображення Небесних Сил. І особливо – образів архангелів Михаїла й Гаврила. Це не тільки грандіозна композиція склепіння внутрішнього нартексу, до складу якої входять і композиції „Собор архангела Гавриїла" та „Собор архангела Михаїла" у верхніх регістрах північної і південної стін цього приміщення. Це й зображення архангелів Михаїла й Гавриїла обабіч Богородиці Знамення на склепіння вівтаря. А також особливо репрезентативні зображення цих архангелів на укосах вхідної арки із внутрішнього нартексу до церкви. Архангели Михаїл і Гавриїл „співслужать" святителям у композиції „Служба Св. Отців" центральної апсиди (іл. 4).

Отже, можна говорити про свідоме бажання акцентувати певні ідеї, втілити їх у візуальних образах. Усі згадані сюжети невипадково знаходяться у найсприятливіших для огляду місцях. Вони є ключовими для розуміння богословського задуму розписів.

Спробуємо визначити ці ідеї відповідно до тлумачення згаданих сюжетів у православній традиції. Одна з провідних ідей богословського задуму церкви безпосередньо пов'язана з присвятою храму святу Преображення (це відзначив ще Є. П. Кабанець[60]). Це ідея нетварного світла, преображення людської плоті Христа. Вона сприймається християнською традицією як запорука майбутнього преображення людини, її єднання з Господом. Ця ідея розроблялася у вченні ісихазму. Один із засновників цього містичного вчення – Св. Григорій Палама зображений на віконному укосі у вівтарній частині церкви Спаса. В розписах храму невипадково презентовані також і зображення Косьми Маюмського та Іоанна Дамаскіна, котрі склали канони свята Преображення.

Єднання людини з Господом відбувається також у таїнстві Євхаристії. Ця тема в стінопису храму виражена у багатьох сюжетах. Водночас виявлено тему Боговтілення. До неї додається мотив словослов'я, що співають євхаристичній Жертві Небесні Сили. Так, композиції „Соборів архангелів" у символічному вигляді презентують теми Боговтілення й поклоніння Євхаристичній жертві. Додатковий мотив теми Боговтілення – довічна Рада Небесних Сил: чисельні зображеннях Небесних Сил, що славословлять Господа, уміщено на склепінні внутрішнього нартексу.

З метою акцентувати євхаристичну тему Христос у деісусній композиції із портретом Петра Могили презентований у типі Великого Архієрея – новозавітного священика, що приносить в жертву самого себе.

Смисловим центром євхаристичної теми є розписи центральної вівтарної апсиди, де презентовано Службу Святих Отців (іл. 4). В урочистому архієрейському богослужінні з рипідами тут беруть участь архангели Михаїл і Гавриїл, котрі зображені у дияконському вбранні обабіч престолу. Таким чином Небесні Сили співслужать Христу у таїнстві Євхаристії.

Зображення Спаса Емануїла на склепінні храму і в композиції „Богородиця Знамення" презентує також тему Боговтілення й довічного існування Христа. Ця тема у поєднанні з євхаристичною продовжена й у композиції „Спас-Дитя Недріманне Око" на південній стіні внутрішнього нартексу.

Усі ці головні богословські ідеї виражено у славнозвісному написі, що розміщений на східній стіні зовнішнього нартексу навколо круглого віконного отвору (іл. 2). Подаємо цей текст в адаптованому перекладі: *„Петро Могила, архієрей Божий, підніс цей храм і себе самого Господу Владиці і скінчив цей гідний хвали і вічної пам'яті дім, вивівши його із забуття, перстами греків написав славу, яку ти, Безначальний, нажив хресними стражданнями в світі, бо ж у храмі Божому кожен складає подяку. Ти, що підтримуєш склепіння небосхилу і тягар землі Твоєю десницею тримаєш, утримуй і цей дім назавжди непорушним у славу Твоєї держави. У літо від Різдва Ісуса Христа 1644, листопада 16"*. Очевидно, що в тексті йдеться про Славу Господню – Небесні Сили, а також про Христову спокутну жертву – ті самі теми, що втілені у розписах.

Це, безперечно, поки що побіжні зауваження. Окремі теми ми намітили лише „пунктирно". І богословська концепція ними далеко не вичерпується. Проте подальші дослідження ми плануємо проводити саме в цьому напрямку. Розуміння богословського задуму храму дасть змогу висвітлити характер взаємодії теології й образотворчого мистецтва першої половини XVII ст. Однак таке завдання потребує всебічного аналізу не тільки живопису церкви Спаса, але й багатьох інших пам'яток мистецтва того часу і писемних джерел.

[1] *Каргер, М. П.* Древний Киев. М.–Л., 1961, с. 379.

[2] *Гончар, В.* Церква Спаса на Берестові: Нові архітектурно-археологічні дослідження. – Київська старовина, 2002, № 1, с. 40.

[3] *Асеев, Ю. С.* Архитектура древнего Киева. К., 1982, с. 110.

[4] *Коренюк, Ю. О.* Давньоруська фреска церкви Спаса на Берестові та монументальне малярство Києва XI – початку XII століття. – Студії мистецтвознавчі. Архітектура. Образотворче та декоративно-ужиткове мистецтво, 2003, № 1, с. 22.

[5] Там само, с. 22.

[6] *Лашкарев, П. А.* Что осталось от древней киевской церкви Спаса на Берестове. – Труды Киевской Духовной Академии, 1867, № 7, 136–138.

[7] *Петров, Н. И.* Древняя стенопись в Киевской Спасской на Берестове церкви (оттиск из журнала „Труды Киевской Духовной академии“). К., 1908, с. 3.

[8] *Шероцкий, К. В.* Киев. Путеводитель. К., 1917. Репринтне видання. К., 1994, с. 276.

[9] *Логвин, Г. Н.* Киев. М., 1960, с. 192; Киев. М., 1982, с. 224.

[10] *Килессо, С. К.* Киево-Печерская лавра. М., 1975, с. 59.

[11] *Жолтовський, П. М.* Монументальний живопис на Україні XVII–XVIII ст. К., 1988, с.13, 15.

[12] *Антонович, Д. В.* Українська культура. Цикл лекцій. К., 1993, 325–326.

[13] *Скоп-Друзюк, Г., Скоп, Л.* До проблеми фундації Петром Могилою розписів 1644 року в храмі Спаса на Берестові. – В: Петро Могила і сучасність (до 400-річчя від дня народження). Тези доповідей і повідомлень міжнародної конференції. Київ, 14–16.03.1996 р. К., 1996, 42–43.

[14] *Міляєва, Л. С.* Митрополит Петро Могила і духовне середовище Києва 30–40-х рр. XVII ст. – Хроніка – 2000. Український культурологічний альманах, 2004, вип. 60, с. 411.

[15] Там само, с. 409.

[16] Там само, с. 411.

[17] Там само, с. 411.

[18] Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с араб. Г. Муркоса. М., 1897, вып. 2: От Днестра до Москвы, с. 41. Цит. за: *Міляєва, Л. С.* Вказ. праця, с. 411.

[19] *Міляєва, Л. С.* Вказ. праця, 411–412.

[20] *Делуга, В.* Молдавсько-волоські елементи в церковних розписах Києва за часів Петра Могили. – В: Петро Могила і сучасність (до 400-річчя від дня народження). Тези доповідей і повідомлень міжнародної конференції. Київ, 14–16.03.1996 р. К., 1996, 34–36.

[21] *Deluga, W.* Przemiany ikonograficzne w malarstwie cerkiewnym Kijowa w XVII wieku i jego elementy moldawsko-woloskie. – В: Рукопис виступу на міжнародній конференції „Петро Могила і сучасність“, К., 14–16. 03. 1996. (Архів бібліотеки Національного Києво-Печерського історико-культурного заповідника), с. 1.

[22] Там само, с. 1.

[23] *Кабанець, Є. П.* Дослідження стінопису церкви Спаса на Берестові. – В: Реставрація музейних пам’яток в сучасних умовах. Проблеми та шляхи їх вирішення. Тези та матеріали доповідей міжнародної науково-практичної конференції, присвяченої 60-річчю Національного науково-дослідного реставраційного центру України / ННДРЦ, 1998, 58–59; Церква Спаса-на-Берестовім та еволюція візантійських форм в українському малярстві XVII ст. – В: Історія релігій в Україні. Матеріали VIII міжнародного круглого столу (Львів, 11–13 травня 1998 року). Львів, 1998, 110–111; Світильник, сяючий в пітьмі… – Людина і світ, 2003, № 8–9, 34–40; Петро Могила та історія архітектурної реставрації церкви Спаса на Берестові. – Хроніка – 2000. Український культурологічний альманах, 2004, вип. 60, 466–478.

[24] *Кабанець, Є. П.* Дослідження стінопису церкви Спаса на Берестові.., 58–59; Церква Спаса-на-Берестовім.., с. 111.

[25] *Кабанець, Є. П.* Вказ. праця, с. 111.

[26] *Чезза, Л.* Плоды с дерева дружбы. Очерки о молдавском искусстве. Кишинев, 1964.

[27] Там же, с. 17.

[28] Там же, с. 18.

[29] Там же, с. 18.

[30] *Dobjanschi, A., Simon, V.* Arta in epoca Vasile Lupu. Bukuresti, 1979, il. 22, 25.

[31] *Логвин, Г. Н.* Киев. М., 1960.

[32] Там само, 188–190.

[33] Там само, с. 192.

[34] *Логвин, Г. Н.* Киев. М., 1982.

[35] Там само, 220–222.

[36] Там само, с. 224.

[37] Там само, с. 224.

[38] *Овсійчук, В. А.* Українське мистецтво XIV – першої половини XVII ст. К., 1985.

[39] Там само, с. 127.

[40] *Жолтовський, П. М.* Вказ. праця.
[41] Там само, с. 13.
[42] Там само, с. 13.
[43] *Овсійчук, В. А.* Вказ. праця, с. 127.
[44] *Жолтовський, П. М.* Вказ. праця, с. 15.
[45] Там само, с. 15.
[46] *Міляєва, Л. С.* Вказ. праця, 403–418.
[47] Там само, с. 411.
[48] *Петров, Н. И.* Вказ. праця, с. 15.
[49] *Жолтовський, П. М.* Вказ. праця, с. 15.
[50] Там само, с. 13.
[51] Там само, с. 13.
[52] *Krasny, P.* O dbudova kijovskiej cerkwi Spasa na Berestovie przez metripolit Piotra Mohyla a problem nawrotu do gotyki w architekturze sakralnej Rusi koronnej w XVII wieku. – Buletyn Historii sztuki, 2000, No 3–4, 348–349.
[53] *Зевина, А., Роднин, К.* Изобразительное искусство Молдавии. Кишинев, 1965, с. 30; Scurta istorie a artelor plastice in RPR, vol. 1: Arta Romineasca in epoca feudala. Bucuresti, 1957, fig. 53, 77, 80, 158, 159.
[54] *Міляєва, Л. С.* Вказ. праця, с. 413.
[55] *Высоцкий, С. А.* Светские фрески Софийского собора в Киеве. К., 1989, 96–97.
[56] *Кабанець, Є. П.* Світильник, сяючий в пітьмі, 34–40
[57] Там само, с. 35.
[58] Там само, с. 37.
[59] Там само, с.37.
[60] Там само, с. 37.

УДК 271.222(497.2):783.2

ЦЕРКОВНОЕ ПЕНИЕ: ЗАИМСТВОВАНИЕ И МОДЕЛИРОВАНИЕ ТРАДИЦИОННОГО МЕЛОСА, МОДАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ РАСПЕВОВ

В. М. Бескорсая

Бескорса В. М. **Церковний спів: успадкування та моделювання традиційного мелосу, модальні елементи розспівів**

В роботі здійснений аналіз етапів формування церковного співу на прикладі знаменного та болгарського розспівів, виявлені форми успадкування та моделювання культового співу. Простежено інтонаційні, тембральні та метроритмічні особливості більш пізніх розпівів, що активізувало питання зв'язку із богослужінням візантійського обряду та фактору його впливу на їх формування, зокрема культового співу Київської Русі.

Виявлені певні особливості болгарського розспіву: симетричний ритм, повтори строк. Розглянуто дискусійне питання стосовно походження болгарського розспіву, проаналізовано ряд аргументів щодо балканського походження. Дослідження болгарського розспіву в контексті пізньовізантійської та поствізантійської співочої практики довело його зв'язок з балканським слов'яномовним співом, що виник в усній традиції IX–XIV ст. Частково ця традиція увійшла в писемну музичну практику в XV–XVI ст.

Ключові слова: болгарський розспів, знаменний розспів, пізньовізантійська і поствізантійська співоча практика, ладова система давньоруської монодії, інтонаційні, тембральні та метроритмічні особливості розспівів.

Бескорсая В. Н. **Церковное пение: заимствование и моделирование традиционного мелоса, модальные элементы распевов**

В работе проведен анализ этапов формирования канонов церковного пения на примере знаменного и болгарского распевов, а также формы заимствования и моделирования культового пения. Прослежены интонационные, тембральные и метроритмические особенности более поздних распевов, что привело к вопросу о связи с богослужением византийского обряда и мере его влияния на их формирование, в частности, культового пения Древней Руси.

Выявлены отличительные особенности болгарского распева: симметричный ритм, повторы строк. Рассмотрен дискуссионный вопрос о происхождении болгарского распева, проанализирован ряд аргументов в пользу балканского происхождения. Исследование болгарского распева в контексте поздневизантийской и поствизантийской певческой практики показало его связь с балканским славяноязычным пением, возникшим в устной традиции в IX–XIV вв. Частично эта традиция вошла в письменную музыкальную практику в XV–XVI вв.

Ключевые слова: болгарский распев, знаменный распев, поздневизантийская и поствизантийская певческая практика, ладовая система древнерусской монодии, интонационные, тембральные и метроритмические особенности распевов.

© В. М. Бескорсая, 2012

Beskorsaya V. N. **Church singing: adoption and design of traditional melos, modal elements of singing**

In the article analysis of phases of forming of canons of the church singing is in-process conducted on the example of znamenian and Bulgarian singing, and also forms of adoption and design of the cult singing. Intonation, timbre and metroritmical features of more late singing are traced, that resulted in the question about connection with divine service of byzantine ceremony and measure of his influence on their forming. In particular cult singing of Ancient Rus.

The distinctive features of the Bulgarian singing are exposed: symmetric rhythm, repetitions of lines. A question about the origin of the Bulgarian singing is considered. The row of arguments in a benefit of Balkan origin is analyzed. Research of Bulgarian singing in the context of later-byzantine and post-byzantine song practice rotined his connection with the Balkan Slavonic-language singing, that arised up in verbal tradition in IX-XIV centuries. Partly this tradition entered in writing musical practice in XV-XVI centuries.

Keywords: Bulgarian singing, znamenian singing, later-byzantine and post-byzantine song practice, tune system of the Old Russian monophony, intonation, timbre and metroritmical features of singing.

Церковное пение появилось во времена самого раннего христианства. Еще у Плиния Младшего в письмах к императору Траяну можно встретить упоминание о ранних христианах, которые воспевали „Христа как бога“. Плиний описывает некоторые христианские обряды*. В древнем христианстве пение было одной из самых заметных культурных форм церковной молитвы. Древнейшая христианская музыкальная культура и поныне представляет собой предмет научных дискуссий. В современном музыковедении истории развития богослужебного пения посвящено ряд работ, в частности И. А. Гарднера, Н. Кусакова, В. И. Мартынова, С. С. Скребкова, Н. С. Трубецкова[1]; вопросы текстового и музыкального соотношения рассматривали Ф. И. Рудиков, Е. Перекрестова, Н. М. Осоргин; изучением ладовых систем древнерусской монодии и определением ладов старинной музыки занимался Ю. Н. Холопов[2], а труды Е. В. Герцмана представляют огромное значение в вопросах реконструкции принципов древней музыки.

Интонационные, тембральные и метроритмические особенности более поздних распевов приводят к вопросу о связи с богослужением византийского обряда и мере его влияния на их формирование. Так, в Древней Руси византийское влияние, наполнившись традиционным народным мелосом, приобрело особенное звучание, оформившееся к X–XI вв. в знаменный распев. Позднее, в XVIII – начале XIX в. мелодии знаменного пения подверглись многоголосной обработке в традициях западноевропейской гармонической тональности. Подобными обработками занимались П. П. Турчанинов, П. И. Чайковский, С. В. Рахманинов, Н. А. Римский-Корсаков, П. Г. Чесноков и др.

В отличие от знаменного, для болгарского распева (конец XVI–XVII вв.) характерны симметричный ритм (размер 4/4, напевная выразительная мелодия; размеренное произнесение слогов текста, хотя применяется и большой внутрислоговой распев), часты повторы строк. В начале XVII в. болгарский распев получил распространение в певческих книгах Московской Руси, а уже к концу XVII в. подвергся многоголосным хоровым обработкам в партесном стиле, позднее использовался в хоровом творчестве русских композиторов XVIII–XIX вв. Большой интерес болгарский распев вызвал у историков-музыковедов: прот. И. Вознесенского, прот. Д. В. Разумовского, прот. В. М. Металлова, Н. Д. Успенского, С. С. Скребкова[3].

---

* „[…] они в установленный день ... – воскресный, … собирались до рассвета, воспевали, чередуясь, Христа как бога и клятвенно обязывались не преступления совершать, а воздерживаться от воровства, грабежа, прелюбодеяния, нарушения слова, отказа выдать доверенное“ (Цит. по: Письма Плиния Младшего: Кн. I–X / Изд. подгот. Сергеенко М. Е., Доватур А. И. 2-е изд. М., 1982, п. 96, 97).

* Цит. по: Герцман, Е. В. Тайны истории древней музыки. – СПб., 2004, 576 с.

Вопрос о происхождении болгарского распева до сих пор является предметом научного дискурса. Высказан ряд аргументов в пользу балканского происхождения: во-первых, болгарские этнонимы песнопений („вулгарикон“) появляются в балканском репертуаре в XIV–XV вв. и могут быть атрибутированы по признакам калофонического стиля, который отличает местные песнопения от анонимных, при этом все певческие образцы, связанные с этнонимами, имеют общий композиционный признак – строфичность; во-вторых, стихары болгарского распева демонстрируют пространные мелизмы[4].

Болгарский распев распространился на Руси благодаря тому, что певцы киевских и других южных братств были приглашаемы в Москву в качестве лучших исполнителей церковного пения. Однако, к концу XVII в. болгарский распев уже был вытеснен распевом греческим. Болгарский распев, будучи подчинен закону осмогласия, заключает в себе также немало свойств пения гармонического, а именно – правильное деление на такты и мелодическое построение, что легко допускает гармоническую обработку.

Таким образом, исследование болгарского распева в контексте поздневизантийской и поствизантийской певческой практики показало его связь с балканским славяноязычным пением, возникшим в устной традиции в IX–XIV вв. Частично эта традиция вошла в письменную музыкальную практику в XV–XVI вв.

Византийская система церковного пения оказала наибольшее влияние на становление древнерусского пения. Однако византийская музыка была в основном одноголосной, унисонной, иногда с одним почти однотонным подголоском (и́соном). И́сон, будучи мелодически неразвитым, однообразно тянущимся басовым голосом, был повсеместно распространен в византийском и новогреческом церковном пении, исполнялся отдельной группой певцов, в то время, когда остальные певцы (или солист) пели в унисон мелодию распева.

Сегодня в церковном песнопении распространено два вида пения с и́соном: в первом случае и́сон исполняется на определенный гласный звук на протяжении всего песнопения (обычно „о“ или „у“), во втором – и́сон поется на слова, параллельно с основной мелодией, создавая текстовую тоновую опору музыкальному узору напева.

Пение с и́соном распространено в православных сербских, греческих, македонских, болгарских храмах. Вместе с тем, оно не характерно для древнерусской церковной монодии, так называемого знаменного распева. Попытки некоторых современных регентов исполнять знаменный распев с и́соном являются предметом острой научной полемики. Несмотря на благозвучность, и́сон не приветствуется многими знатоками знаменного пения как вносящий чуждую окраску в его звучание.

В современной практике и́сон используется в качестве компромисса между знаменным распевом и ставшим уже привычным в русской православной церкви партесным пением. Греко-византийский и́сон, который лег в основу последующих разновидностей распевов, сам в свою очередь является типологической разновидностью бурдона.

На примере древнегреческой иконографии музыкальных инструментов (двойной а́влос), можем предположить, что бурдон как принцип музыкального исполнения (непрерывно тянущийся, как правило, низкий тон или музыкальный интервал (квинта или конкорд квинтоктавы, на фоне которого развертывается мелодия) существует с глубокой древности. Еще средневековый теоретик музыки Иероним Моравский (конец XIII в.) словом bordunus называет свободные струны виелы[5]. Таким образом, бурдон восходит к древнему культовому пению, а пение с и́соном, который сформировался на основе бурдонного пения, характерно и сегодня в храмах Греции, Болгарии, Сербии, Румынии, Молдавии.

Но совершенно иная ситуация с древнерусским распевом. Не следует забывать, что церковное пение Болгарии, Сербии и т.д. по своей ладомелодической основе является греческим, приспособленным к славянским текстам. Русь же сумела создать на византийской основе свою национально-самобытную певческую традицию. С этим утверждением согласны многие медиевисты (А. Н. Кручинина, З. М. Гусейнова)[6].

Следует учесть, что в работах ряда исследователей (И. А. Гарднер, А. В. Конотоп) указывается на возможное существование пения с и́соном в Древней Руси. В частности,

И. А. Гарднер в работе „Богослужебное пение Русской православной церкви“ выдвигает предположение, что знак „Э“, встречающийся в демественном и путевом распеве, обозначает и́сон – основной тон, служащий точкой опоры для певца. Хотя утверждение И. А. Гарднера носит скорее гипотетический характер[7].

Главным защитником гипотезы существования и́сона в древнерусской церковно-певческой практике следует признать современного музыковеда А. В. Конотопа. Он занимается также расшифровкой еще более древних песнопений, записанных особыми знаками – знаменами, или крюками[8]. В таких записях часто встречается знак, напоминающий букву „Э“. Старообрядцы, исполняя эти песнопения, пропевали гласный звук „Э“ и до неузнаваемости искажали текст. Получалось: „Эсвятый Эбоже, Эсвятый Экрепкий“ и т. д.

Так, пытаясь понять действительное значение этого знака, А. В. Конотоп обратился к изучению греческой миниатюры XIV в. с изображением троих певчих. Он обратил внимание, что пальцы правой руки руководителя хора сложены в виде буквы „Э“, а древнегреческая надпись гласила „ison“, что переводится как „ровно, непрерывно“. Так стало очевидно, что знак „Э“ означает пение по византийскому образцу: то есть непрерывное удержание звука на фоне основной мелодии.

Данное открытие стало переворотом во взглядах на развитие церковного пения на Руси. Если до этого считалось, что в основе эволюционного развития русской профессиональной музыки было одноголосие, то теперь стало ясным, что оно могло основываться на многоголосных распевах.

Также А. В. Конотоп ссылается на высказывание апологета партесного пения Иоанна (Иоанникия) Коренева: „глас токмо гудущ, безсловесным бездушным арганам подобящийся“, в частности на его работу „Музыкальная эстетика России XI–XVIII вв.“[9]. Он считает, что эти слова относятся к звучащему без слов и́сону[10]. Однако из контекста следует, что Коренев говорит о пении асемантических вставок – аненаек и хабув, а вовсе не об и́соне. Другим аргументом являются ремарки, предваряющие некоторые песнопения: „волынка“, „волынка зовома“[11]. Действительно, пение с и́соном вполне могло напоминать волыночный бурдон, но, судя по приведенному в книге примеру, такие ремарки имеют песнопения пути или демества.

В целом же, А. В. Конотоп, подобно И. А. Гарднеру, рассматривает „Э“ как знак и́сона. И все же, наличие такой гипотезы двух ученых явно недостаточно, учитывая существование других мнений. Например, исследователь раннего русского многоголосия И. В. Ефимова пришла к выводу, что знак „Э“ является графическим эквивалентом „строки певчей“[12]. Трактовка этого древнерусского термина отчасти близка понятию „и́сон“ в медиавизантийской нотации. „Строка“ – это некий центральный звуковысотный уровень, на который ориентированы знамена. Но понятие „строка“ вовсе не предполагает постоянного пропевания опорного тона, это только слуховой ориентир.

Аргументом против отождествления знака „Э“ с и́соном является его регулярное присутствие в строчных партитурах. Трудно себе представить, чтобы и без того сложное сплетение трех или четырех голосов еще более утяжелилось добавлением бурдонных подголосков. Можно возразить, что знак „Э“ мог иметь разные значения в монодии и многоголосии, но это опять же гипотеза. Итак, мы можем лишь гипотетически предполагать существование пения с и́соном в Древней Руси, и то только в отношении путевого и демественного распевов, при записи которых применяется знак „Э“. Но к ведущему стилю древнерусской монодии – знаменному распеву – эта гипотеза мало подходит, поскольку знак „Э“ в столповой нотации практически не встречается. Между тем, знаменный распев сейчас поют с и́соном гораздо чаще, чем путевой и демественный распевы.

Древность такого способа пения не подлежит сомнению. Уже в средне- и поздневизантийских трактатах и́сон называют „царем всех знаков“, первым „по природе и наименованию“, „начало, середина и конец всех знаков“ на него осуществлялось равнение всех остальных знаков нотации и тонов мелодии.

Итак, в русских богослужебных памятниках знак и́сона встречается в песнопениях путевого и демественного распевов и обозначается графемой „Э“. На возможность исполнения с и́соном знаменного распева указывает И. А. Гарднер. Однако у Гарднера это лишь гипотеза, а потому существование пения с и́соном в византийской традиции является доказательством его бытования на Руси в силу самобытности певческой традиции Киевской Руси.

Несмотря на развитие, обогащение мелодики знаменного распева, основные признаки древнерусского певческого искусства оставались очень устойчивыми. Важнейшие из них – строго выдержанное одноголосие без инструментального сопровождения (отдельные элементы многоголосия появляются не ранее середины XVI в.); плавность мелодического движения, отсутствие скачков на большие интервалы; тесная связь мелодии со словесным текстом, состоявшим из строк неравной длины; как следствие этого – свобода метроритмической организации, несимметричность структуры напевов; построение напева на основе готовых канонизированных формул посредством их сцепления и вариантного преобразования[13].

Попевками знаменного распева были краткие мотивы диатонического склада в объёме терции или кварты. Распевая тексты на основе попевок, мастера пения использовали приёмы, близкие принципам народного песнетворчества: опевание того или иного звука попевки как опорного и перемещение опоры на прилегающий к ней неопорный звук. Сумма формул-попевок, составлявших мелодический фонд знаменного распева, охватывалась системой осмогласия[14].

Все же следует напомнить, что именно в Византии оформилась основа церковной музыки – система гласов (ήχος) – напевов (4-х плагальных и 4-х „тяжелых“ ладов). Первое упоминание о системе церковных ладов (тонах) мы находим у Флакка Алкуина, современника Карла Великого и его советчика по музыкальным делам. Название ладов у Флакка Алкуина – греческие (protos, deuteros, tritos, tetartos), и это указывает на то, что старейшая форма этого учения была заимствована из Византии. Согласно первым зачаткам учения о церковных тонах, последние распадаются на четыре главных и четыре побочных лада.

Главный лад, называвшийся автентическим (греч. γένοζ άυτυζ – господствующий лад), содержал объем октавы, начиная с основного тона; побочный лад, „плагальный“ (греч. „πλάγιοζ“ – побочный, он назывался также „obliquus“), получался путем перенесения верхней кварты звукоряда на октаву вниз под тонику главного лада. Для характеристики этих ладов необходимо указать, что они имели гораздо менее определенный смысл, чем современные тональности.

В системе средневековых церковных ладов два лада (автентический и плагальный) составляли неразрывное музыкальное целое: в автентической форме тоника составляла основной тон („finalis“, заключительный, ибо счет велся сверху вниз), в плагальной она находилась в середине звукоряда. Таким образом, плагальные мелодии, поднимаясь к своей конечной ноте тонике, имеют в себе нечто беспокойное; автентический лад, напротив того, опускается к своей тонике, как к своей основе. Одна и та же ступень плагальной мелодни является источником движения, а в автентической, напротив того, источником покоя.

В византийской теории даже сделана была попытка охарактеризовать художественную выразительность каждого лада. Если автентический лад – серьезный, возвышенный, эффектный и сильный, то плагальный – жалобный и элегический, спокойный и религиозно-созерцательный. Византийские теоретики совершенно верно угадывали разницу между энергичными автентическими мелодиями и мягким элегическим характером плагальных.

На основе учения о церковных ладах строится вся средневековая музыкальная теория. Таким образом, каждый из восьми гласов церковного песнопения имеет свой закрепленный лад – четыре основных (атентических) – 1,2,3,4 и четыре производных (плагальных) – 5-й к 1-му, 6-й ко 2-му, 7-й к 3-му, 8-й к 4-му. Каждый из плагальных гласов завершает и углубляет содержание соответствующего автентичного гласа.

По традиции литургического употребления песнопения болгарского распева могут быть как гласовыми, так и негласовыми, тем не менее их мелос всегда имеет признаки того или иного гласа. Для гласовых песнопений, которых в болгарском распеве большинство, характерны „привязанность“ напевов к текстам и устойчивая атрибуция распева в источниках. В конце XVI–XVII вв. „болгарское пение Юго-Западной Руси“ было настолько разнообразным по средствам выразительности мелодики и соотношению ее с текстом, что говорить о наследовании только византийской калофонии, было бы недооценкой славянских истоков болгарского распева[15].

Объединяя разнообразные виды пения – псалмодическое, ирмологийное, стихирарное и пападическое, болгарский распев был больше распространен в двух последних видах, соответствующих торжественности праздничных или молитвенной протяженности великопостных служб; важнейшей среди них является „болгарская литургия“ Св. Василия Великого с напевом для песнопений евхаристического канона. К примеру, в отличие от „киевской литургии“ Св. Иоанна Златоуста, близкой к знаменной и объединяющей песнопения с различными мелодиями, „болгарская литургия“ Св. Василия Великого имеет лишь один напев, повторяющийся на протяжении службы с разными текстами в различных списках от 12 до 16 раз. Примерно во второй четверти XVII в. возникло „новое поколение“ песнопений болгарского распева, с особой стилистикой, вошедшее в сферу неосмогласного репертуара литургии. В различных ареалах были созданы местные редакции болгарского распева. Анонимность или, наоборот, избыток разных местных названий свойственны напевам второй четверти XVII в. для херувимской на литургии Св. Иоанна Златоуста. Два известных на всей территории Юго-Западной Руси напева 5-го гласа могут быть условно названы „новоболгарскими“, поскольку имеют краткие напевы, складывающиеся в куплетную (повторно-строфическую) форму, сходную с народно-песенной. При этом их ладовые признаки отвечают каноническим правилам византийского осмогласия (т.е. 1-й плагальный глас)[16].

Болгарский распев сыграл значительную роль в обновлении южнорусской традиции в середине XVII в. В отличие от киевских напевов, новоболгарские напевы стали основой для „создания в Украине двухголосных певческих обработок, что для традиции Юго-Западной Руси“ в целом не было типично. И уже в XVIII в. часть одноголосных мелодий болгарского распева сохранила свою стилистику, другие были схематизированы. На основе одноголосия болгарского распева в Московской Руси были созданы многоголосные обработки, авторские переложения.

В целом же, по типу мелодики болгарский распев заметно отличается от знаменного. Как и для киевского распева, для него характерны симметричность движения, легко укладывающегося в 4-дольный размер, тональная устойчивость напевов, точное повторение мелодии в нескольких строках произведения, отсутствие вариационного развития мотивов. Как уже отмечалось, в большинстве случаев болгарский распев подчинён системе осмогласия, но по количеству попевок значительно уступает знаменному распеву. Мелодика большинства произведений болгарского распева напевна, выразительна, легко усваивается певцами[17].

Болгарский распев отличается большей развернутостью мелодий и не столь определенно выраженным тональным складом. Ладовая основа его богаче и разнообразнее, напев развивается более широко и свободно, захватывая нередко обширное звуковое пространство, причем ему вовсе несвойственна речитативность, столь характерная, например, для киевского распева.

Некоторые специалисты усматривают в мелодизме болгарского распева черты сходства с мелизматизмом, присущим фольклору придунайских народов. Что же касается ритмики болгарского распева, то, подобно ритмике киевского распева, она также тяготеет к симметричности и квадратности, хотя внутри этой квадратности наблюдается заметная тенденция к свободной ритмической импровизационности.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что для болгарского распева являются общими следующие свойства: ясная ладовая основа с ярко выраженным тяготением

к мажору и минору, четкое вырисовывание тонико-доминантных отношений и периодическая квадратность ритмического рисунка. Попевочная структура практически полностью вытесняется песенной строфичностью с периодическим повторением варьированных мелодических строф, а осмогласие из строго разработанной и организованной системы превращается в набор различных мелодий, собранных и объединенных под общей „шапкой“ определенного распева, ибо с утратой попевочной структуры, на основе которой только и может основываться подлинная система осмогласия, неизбежно происходит превращение осмогласия в некий формальный конгломерат мелодий, в котором каждый отдельный глас представляет собой замкнутую непрозрачную структуру, никак не связанную со структурой других гласов.

Все эти свойства болгарского распева свидетельствуют о его обмирщенности, телесности и некоторой заземленности по сравнению со знаменным распевом и распевами XV–XVI вв. В новых распевах уже нет напряженности аскетического подвига и высоты мистических созерцаний, выражающихся в калокагатийности знаменного распева.

С болгарским распевом в богослужебное пение вошла стихия народной песенности и особая религиозная наивность, которую можно обнаружить в колядках или в религиозном лубке и которая представляет собой полную аналогию мелодическим качествам болгарского распева.

[1] *Гарднер, И.* Богослужебное пение русской православной церкви. Сущность. Система. История. Сергиев Посад, 1998. Т. 1, 592 с.; т. 2, 640 с.; *Скребков, С. С.* Русская хоровая музыка XVII – начала XVIII вв. М., 1969 и др.

[2] *Холопов, Ю. Н.* „Странные бемоли“ в связи с модальными функциями в русской Монодии. – В: Проблемы дешифровки древнеруских нотаций. Л., 1987.

[3] *Вознесенский, И., прот.* Осмогласные распевы трех последних веков Православной Русской Церкви. Вып. 2: Болгарский роспев или напевы на „Бог Господь“ Юго-Западной и Западной Православной Церкви. К., 1891; Вып. 4: Образцы осмогласия распевов: киевского, болгарского и греческого. Рига, 1893; *Разумовский, Д., прот.* Богослужебное пение православной греко-российской церкви. М., 1886; *Металлов, В. М., прот.* Очерк истории православного церковного пения в России. М., 1903; *Успенский, Н. Д.* Древнерусское певческое искусство. М., 1972.

[4] *Николов, А.* Старобългарско народно пеене по старите руски нотни ръкописи от XVII и XVIII в. Кн. 1: Литургия. СПб., 1905.

[5] *Гинзбург, Л. С.* История виолончельного искусства. Кн. 1. М., 1950, 94–96.

[6] *Гусейнова, З. М.* К вопросу об атрибуции памятников древнерусского певческого искусства (на примере ркп. Соловецкого собр. № 690/751). – В: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, 191–203.

[7] *Гарднер, И.* Богослужебное пение Русской православной церкви. В 2-х т. Т. 1. М., 2004, с. 447.

[8] *Конотоп, А. В.* Русское строчное многоголосие XV–XVII веков. Текстология. Стиль. Культурный контекст. М., 2005. 352 с.

[9] Цит. по: Музыкальная эстетика России XI–XVIII веков / Сост. В. Рогов. М., 1978, с. 117.

[10] Трисвятое / Авт.-сост. Ю. Евдокимова, А. Конотоп, Н. Кореньков. М., 1997, 18–19.

[11] Там же, с. 19.

[12] *Шиндин, Б. А., Ефимова, И. В.* Демественный роспев. Монодия и многоголосие. Новосибирск, 1991, с. 156.

[13] *Левашева, О., Келдыш, Ю., Кандинский, А.* История русской музыки. Т. 1: От древнейших времен до середины XIX века. М., 1972, 134–137.

[14] Там же, 139–142.

[15] *Корний, Л. Ф.* Болгарский напев в Манявских рукописях XVII–XVIII ст. – В: Единение народов – единение культур: Украино-болгарские культурные связи: История и современность. К., 1987, 37–60; *Динев, П.* Нови данни за старобългарския напев. – В: Българска музика, 1961, № 5, 30–33; *Тончева, Е.* Български роспев: Композиционно-структурни особености на стихирарическия жанр. – В: Проблеми на старата българска музика. С., 1975, 95–159.

[16] *Петров, С., Кодов, Х.* Старобългарски музикални паметници. С., 1973, 13–27.

[17] Пак там, 39–42; *Шевчук, Е. Ю.* Православная энциклопедия Т. V/ Под ред. патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М., 2009, 643–646.

РОСІЙСЬКО-ТУРЕЦЬКА ВІЙНА 1828–1829 РОКІВ І БАЛКАНИ

УДК 355.48(470+571:560)»1828/1829»:355.53

ПОДГОТОВКА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ К РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1828–1829 ГОДОВ

А. Н. Желтобородов

Желтобородов О. М. **Підготовка збройних сил до російсько-турецької війни 1828–1829 років**

Стаття присвячена короткому огляду підготовки збройних сил Російської та Османської імперій до війни 1828–1829 років в контексті міжнародної політичної ситуації того часу. Наведено характеристику стану бойової підготовки військ напередодні війни. Проаналізовано недоліки в підготовці військ, які вплинули на загальний перебіг війни.

Ключові слова: армія, артилерія, бойова підготовка, бойові врядування, кавалерія, піхота, Російсько-турецька війна.

Желтобородов А. Н. **Подготовка вооруженных сил к русско-турецкой войне 1828–1829 годов**

Статья посвящена краткому обзору подготовки вооруженных сил Российской и Османской империй к войне 1828–1829 годов в контексте международной политической обстановки того времени. Дана характеристика боевой подготовки войск накануне войны. Проанализированы недостатки в подготовке войск к войне, которые повлияли на ход войны.

Ключевые слова: армия, артиллерия, боевая подготовка, боевые порядки, кавалерия, пехота, Русско-турецкая война.

Zheltoborodov A. N. **Preparation of military forces to Russian-Turkish war 1828-1829 years**

The article is devoted the brief review of military forces preparation of the Russian and Osmanskoy empires to war 1828-1829 years in the context of international political climate of that time. Description of the combat training of troops is Given on the eve of the war. Setbacks are analyzed in preparation of troops, which influenced on the war.

Keywords: army, artillery, combat training, battle-orders, cavalry, infantry, Russian-Turkish war.

Русско-турецкие войны охватывают период с XVII по XIX вв. продолжительностью почти 250 лет. В среднем одну русско-турецкую войну от другой отделяло всего 19 лет. Они послужили одной из главных причин упадка и распада Османской империи.

Русско-турецкая война 1828–1829 гг., несмотря на пересмотр ее итогов в последующие годы, была успешной для Российской империи, а также значительным шагом вперед в решении „восточного вопроса“ в пользу России.

„Восточный вопрос“ стал одним из ключевых во внешней политике европейских государств с конца XVIII в. и особенно обострился в 20-е годы XIX в. с началом греческой национально-освободительной революции 1821–1829 гг. Западноевропейские правительства и Россия решали как быть с Османской империей, которая переживала

© А. Н. Желтобородов, 2012

тогда общий кризис военно-феодальной системы, но продолжала контролировать значительную территорию на стыке трех частей света – Европы, Азии и Африки, будучи важнейшим геополитическим плацдармом для продвижения на Ближний Восток, по которой проходили важнейшие пути мировой торговли.

Европейские державы были не прочь воспользоваться ослаблением Османской империи и захватить ее территориальное наследство, причем каждая из них рассчитывала на большую долю. Российские правящие круги стремились к господству на Черном море и даже к захвату Константинополя, о котором Александр I говорил, что это „ключ от нашего дома“.

Другие члены пентархии, прежде всего, Австрийская империя, всячески сдерживали стремление России в этом направлении. Для европейских государств сохранение статус-кво было залогом успеха собственной политики на Балканском полуострове.

Николай I, едва заняв трон, возобновил подготовку к войне с Турцией, начатую при Александре I. Непосредственной причиной к войне послужило греческое восстание против Османской империи в 1821 году. Греции тогда помогали Англия, Россия и Франция. Но между союзниками начались распри по поводу раздела владений Османов на сферы влияния.

Россия в 1826 году потребовала от турецкого правительства точного исполнения пунктов Бухарестского договора 1812 года. В это время внутреннее состояние Османской империи было очень нестабильным. Бунты янычар вносили полную анархию в управление страной. Высокая Порта теряла нити управления империей. Поэтому русские требования были приняты турецким руководством. В сентябре 1826 г. в Аккермане собрались дипломаты двух государств. Статьи Бухарестского договора о свободе русской торговли на Черном море были подтверждены. Россия была признана покровительницей Молдавии, Валахии и Сербии, но по стоявшему особо остро греческому вопросу соглашения достигнуто не было.

Это привело Россию к заключению в июне 1827 г. Лондонского трактата с Англией и Францией по урегулированию положения в Греции; основные положения договора Османская империя не признала. Тем временем восстание в Греции продолжалось, в очередной раз спровоцировав жестокую реакцию со стороны турок. Тогда Англия Франция и Россия отправили в Средиземное море свои флотилии. После нескольких демонстраций силы союзный русско-французско-английский флот 8 (20) октября 1827 г. при Наварине уничтожил турецкую эскадру. Однако эта победа не поставила точку в решении греческого вопроса. Махмуд II опасался излишней уступчивостью европейским христианским державам вызвать недовольство среди мусульманских подданных. И совсем неожиданным ответом на Наваринский разгром был манифест султана, в котором говорилось, что требования России никогда не будут удовлетворены, что Аккерманская конвенция была заключена только для выигрыша времени, что священная война мусульман с Россией неизбежна.

Россия еще раз попыталась мирными средствами уговорить Турцию пойти на уступки, но, видя бесплодность всех дипломатических акций, наконец решила применить военную силу. 2 (14) апреля 1828 г. Николай I объявил войну Турции.

Война 1828–1829 гг. явилась первым боевым испытанием для русского оружия после эпохи Наполеоновских войн. Мирная жизнь внесла новые веяния в ряды русской армии, которые по сути сильно напоминали павловские порядки. Сложные в применении воинские уставы, не предназначенные для войны, еще при Александре I заменили изучение и обобщение боевого опыта. Парадный шаг и сложные эволюции сомкнутых строев стали основной целью военного обучения. Идеально марширующий строй уже не удовлетворял – требовались „плывущие стены“[1]. Появившийся в ходе прошедших войн рассыпной строй пехоты был признан опасным для дисциплины. Полевые занятия были заменены плацем и манежем; обучению стрельбе уделялось недопустимо мало

внимания – в год на одного солдата выделялось всего 3 пули для учебных стрельб. Не лучше, чем в пехоте, строилось обучение и в кавалерии. Тонкости манежной езды стали основной целью обучения. Полевой езде, разведке, сторожевой службе внимания не уделялось. Кавалерия обучалась эволюциям сомкнутого строя и не более; лошади большую часть времени проводили в стойлах и совсем не были втянуты в работу, что впоследствии повлекло массовый их падеж от перенапряжения во время похода. Целые кавалерийские дивизии возвращались в Россию пешком.

Артиллерийские командиры в увлечении показными, внешними формами не отставали от пехотных и кавалерийских. Не ограничиваясь требованиями стройности при движении и маневрировании, артиллерийское командование стремилось, чтобы во время боевой стрельбы прислуга при орудиях работала синхронно, с ловкостью циркачей. Мелочность уставных требований отражалась на личном составе. Инициатива в армии была запрещена, и ее проявление строго наказывалось. Все было регламентировано до мельчайших подробностей. В армии вновь утверждалась палочная дисциплина.

Стремление к определенному шаблону привело к тому, что придуманы были так называемые „нормальные“ боевые порядки. Предполагалось, что при встрече с противником войска всегда могут быть построены по одному из усвоенных шаблонов, независимо от обстановки. „Нормальных“ боевых порядков было пять для пехоты с артиллерией и четыре для конницы с конной артиллерией[2].

Однако все эти нововведения, принося огромный вред русской армии, не могли к началу войны 1828 г. окончательно заставить солдат и офицеров забыть боевой опыт, приобретенный в борьбе с Наполеоном. И среди командного состава, и среди солдат еще много было ветеранов, участвовавших в Наполеоновских войнах. Они, составляя ядро армии, поддерживали в ней высокий моральный дух и хранили воинскую славу своих частей. Русский солдат не мог быть окончательно превращен в автомат бездумной муштрой. Его боевые качества остались на высоте. Исследователь войны 1828–1829 гг., прусский генерал Мольтке, характеризуя русского воина в эту эпоху, писал: „Что касается русского солдата, то он является столь же стойким в перенесении трудов, усилий, лишений и страданий, как и неустрашимым среди опасности“[3].

Численность вооруженных сил России в первую четверть XIX в. значительно увеличилась. Полная мобилизация могла дать для армии свыше миллиона обученных воинов. Но для предстоящей войны с Турцией было принято решение мобилизовать только 2-ю армию с последующим добавлением войск из 1-й армий и гвардии численностью, по различным источникам, от 95 до 120 тысяч[4]. Такая экономия сил и средств объясняется участием России в Венской системе и общим политическим напряжением в Европе. Россия опасалась вмешательства Австрии. При этом количество войск, предназначавшихся для войны с Турцией, было явно недостаточным. Это отрицательно сказалось на ведении войны, в ходе которой очень часто наблюдалось несоответствие назначенных сил поставленным целям и задачам.

Вторая армия, предназначенная для войны с Турцией на балканском театре, состояла первоначально из 6-го и 7-го пехотных корпусов с артиллерией и присоединенными к пехотным корпусам кавалерийскими дивизиями. С целью усиления армии к ней были приданы 2-й и 3-й пехотный и гвардейский корпуса, а так же 4-й резервный кавалерийский корпус. В состав армии входили также девять казачьих полков[5]. Армия была расположена на обширном пространстве в Киевской и Подольской губерниях и Новороссийском крае (нынешний юг Украины). Штаб армии находился в Тульчине. Полки очень часто размещались побатальонно и поротно в глухих местечках Украины. Естественно, такое расположение армии не способствовало высокому уровню боевой подготовки и образцовому ведению хозяйства воинских частей.

Главнокомандующий 2-й армии генерал от кавалерии генерал-адъютант граф Петр Христианович Витгенштейн, герой Наполеоновских войн, пользовался большой попу-

лярностью как в правящих кругах Петербурга, так и в России в целом. Однако Витгенштейн был недостаточно самостоятелен в своих решениях. Он нуждался в энергичном и разумном помощнике и советнике. Таким помощником стал начальник штаба генерал-адъютант Павел Дмитриевич Киселев. Этот генерал обладал выдающимися способностями, самостоятельностью и твердостью воли. В армии пользовался большой популярностью. Его отличительной чертой была забота о людях, не исключая простых солдат.

Накануне войны во 2-й армии, несмотря на засилье указаний и инструкций из Петербурга, под руководством начальник штаба 2-й армии генерал-адъютанта П. Д. Киселева была организована настоящая боевая подготовка. Проводились маневры, построения линейных боевых порядков против многочисленной неприятельской кавалерии, учения по сторожевой и разведывательной службе, а также занятия по стрельбе.

Перед войной штаб 2-й армии приступил к сбору сведений о противнике; появились особая топографическая записка и кроки (графические схемы) возможных путей следования армии. Однако сбор сведений как о будущем театре военных действий, так и о турецких вооруженных силах был произведен поверхностно. Он был основан в целом на агентурных данных и не перепроверялся. Тем не менее, эти данные, будучи обработаны штабом 2-й армии, послужили материалом для решения стратегических и военно-административных вопросов во время войны.

Подготовка 2-й армии к походу началась еще с апреля 1826 г., когда последовало высочайшее повеление для всех войск 2-й армии и Бугской уланской дивизии. Приняты были меры по снабжению армии оружием, боеприпасами, шанцевым инструментом, перевозочными средствами и предметами интендантского снабжения. Вооружение пехоты и артиллерии оставалось без изменений после Наполеоновских войн. Достаточно сложный вопрос организации обозов до конца решен не был, но все же по проекту генерала Киселева успели заготовить некоторое количество повозок специального типа, очень легкой конструкции. Удалось также обеспечить армию картами и кроками театра военных действий.

Отдельную заботу штаб армии проявил о медицинском обеспечении, однако в основном эта забота сводилась к изданию циркуляров по армии с санитарными правилами. В воинские части был назначен медицинский персонал сверх штата, однако эта мера оказалась недостаточной. Во время войны неоднократно отмечалась нехватка военных медиков. Были созданы военно-временные госпитали, разделенные на четыре класса; заготовлены медикаменты и госпитальные принадлежности[6]. Но несмотря на все эти меры, 2-я армия с первых дней кампании оказалась в неудовлетворительных санитарных условиях, что привело к появлению массовых заболеваний в войсках. Для локализации вспыхнувших эпидемий необходимы были особые санитарные средства и мероприятия, о которых в то время еще не знали. Русские крепости по Дунаю – Килия, Измаил, а также Севастополь и Хотин – приведены были в состояние готовности к осаде; склады пополнялись боеприпасами.

Состояние Османской империи накануне войны с Россией было очень тяжелым: страна только что пережила внутренний кризис. Усилиями султана Махмуда II летом 1826 г. был уничтожен корпус янычар, составлявший в течение 400 лет главное ядро вооруженных сил Турции. Ликвидация этих войск была сопряжена с кровопролитными событиями в столице империи, однако на ее окраинах бывшие янычары продолжали службу в качестве гарнизонов некоторых крепостей. Вместо янычар вводилась регулярная армия по западноевропейскому образцу. В начале ее численность составляла 48 тыс. человек, но перед войной возросла до 60 тысяч[7]. Султан лично руководил формированием и обучением нового войска. Комплектование регулярных частей производилось с большим трудом. Идея обязательной воинской повинности в мирное время была чужда жителям Османской империи. Приходилось силой гнать людей из деревень в армию, причем иногда рекрутов заковывали в кандалы. Инструкторами новой армии были исключительно европейские офицеры. К началу войны с Россией удалось сформировать

80-тысячную постоянную армию – низам. Пехотный полк состоял из трех батальонов по 500 человек; каждому полку придавалось 10 полковых орудий, составлявших особую артиллерийскую роту[8]. Вооружение пехоты состояло из ружей со штыком и сабли. Новые уставы, которыми вводился сомкнутый строй на поле боя, не были в достаточной степени изучены к началу войны, и пехота вела атаку густыми толпами, как и ополченцы в предыдущих войнах.

Регулярная кавалерия состояла из шестиэскадронных полков, по 150 всадников в эскадроне. Вооружение – широкие палаши, ружья и пистолеты. Лошади были малорослые, но достаточно выносливы. Комплектуемая из людей, привыкших с детства сидеть на коне, регулярная конница сохранила свойства, отличавшие нерегулярную: исключительную выносливость, стремительность в атаке и способность к одиночному конному бою.

Полевая артиллерия состояла из 84 пеших и 8 конных рот. Перед войной артиллерия сделала значительные успехи в области подготовки, но все же обладала крупными недостатками. Орудия были различных калибров (3-, 6-, 12- и 24-фунтовые), часто вместо лошадей запрягали волов. К маневрированию эта артиллерия совершенно не была готова. При действующей армии состояло небольшое количество инженерных войск. Кроме регулярной армии в войне приняли участие иррегулярные ополчения, преимущественно конница, силой до 100 тыс., а также до 10 тыс. легкой конницы – сипахов. В целом вооруженные силы Османской империи оценивались военными историками в 180 тыс. человек[9].

К войсковым частям придавался очень многочисленный и совершенно неорганизованный обоз. Как правило, за воинскими отрядами следовали тысячи людей с запасами: слуги командного состава, маркитанты, ремесленники, артисты, скоморохи; следом гнали стада убойного скота. Обоз замыкался тысячами бродячих собак, предназначенных для охраны лагеря. В крайнем случае султан мог прибегнуть и к созыву правоверных под священное знамя Магомета. Тогда в действующую армию прибывало ополчение из племен Азии и Египта, чтобы вести религиозную войну, которая должна была продолжаться до Страшного суда.

Турецкая армия к началу войны не была сосредоточена в каких-либо определенных, стратегически важных районах. Первый отпор русским могли дать только гарнизоны придунайских крепостей. Остальные войска подходили к театру военных действий в течение последующих периодов войны. Главнокомандующим всех турецких сил на придунайском театре был назначен Гуссейн Ага-паша, уничтоживший корпус янычар.

Группировка турецких сил накануне войны была такова: в районе столицы империи и Адрианополя находилось около 67 тысяч, в Шумле – около 25 тысяч, в Придунайских крепостях и Добрудже – около 25 тысяч и в разных крепостях на Балканах и Кавказе – до 25 тысяч человек (рис. 1)[10].

Финансы Турции перед войной пребывали в состоянии глубокого кризиса, и это значительно затрудняло подготовку к войне с Россией.

Перед войной турецкое командование довольно подробно собирало сведения о русской армии. В район расположения 2-й армии засылались турецкие агенты. Так как на Дунае жило довольно много выходцев и беглецов из России, то достаточно легко находились подходящие кандидатуры для шпионажа. Добывали сведения турки и от австрийских властей.

Кроме того, турецкие власти организовали и информационную подготовку к войне путем распространения слухов среди населения, проживающего на Дунае. Так были созданы слухи о сборе большого количества войск, до 60 тыс. человек, в районе Бабадага, Исакчи и Тульчи, крепостей в нижнем течении Дуная (рис. 1). Также распространялся слух о наступательных действиях армии под командованием Ибрагим-паши за Дунаем в Бессарабии в случае перехода русских войск через Прут. Целью таких слухов была не столько дезинформация русского командования о планах турецких войск, сколько стремление за-

ставить остаться на местах проживания в низовьях Дуная добруджанеских татар, запорожцев и некрасовцев, враждебно настроенных против России. Тем самым местное население вовлекалось в борьбу с русской армией на первой линии обороны турецких войск[11].

Война 1828 г. начиналась при благоприятных для России стратегических обстоятельствах. Уничтожение русско-французско-английской эскадрой турецкого флота при Наварине создавало полное господство России на Черном море. Удобство морских сообщений обусловило выбор операционной линии вдоль западного побережья Черного моря. План войны с Турцией был разработан начальником главного штаба графом Дибичем. Конечным объектом действий для русской армии намечался Константинополь. Чтобы избежать политических осложнений в Европе, предполагалось по возможности избегать занятия территорий Придунайских княжеств, а также Сербии и Болгарии, так как появление в этих землях русской армии послужило бы сигналом к восстанию против турок, а это могло угрожать целостности Османской империи, ревниво оберегаемой европейскими державами, главным образом Англией и Австрией. Поэтому, базируясь на Бессарабию, 2-я армия должна была переправиться через Дунай, и, преодолев Малые Балканы, направиться к Варне, одновременно выставив заслон со стороны Шумлы. После занятия Варны – двинуться к Константинополю. Снабжение армии рассчитано было на подвоз морем. С этой целью было зафрахтовано до 180 коммерческих судов. Предполагалось, что выгрузка будет производиться сначала в портах Нижнего Дуная, а впоследствии в Варне, Сизополе и Бургасе. Для прикрытия морских сообщений Россия располагала Черноморским флотом; кроме того, в Эгейском море находилась эскадра адмирала Гейдена.

Одновременно с операциями на главном театре, предполагалось развивать наступательные действия на Кавказе. Особый десантный отряд (около 8 тыс. человек) под руководством контр-адмирала князя Меншикова предназначался для высадки на восточном берегу Черного моря и овладения сильной турецкой крепостью Анапой.

Русский план военных действий, разработанный Дибичем, в общем был признан целесообразным; он также учитывал внешнеполитические условия, в которых приходилось действовать России. Крупным его недостатком являлось несоответствие сил с поставленной целью: 95-тысячная армия должна была преодолеть несколько естественных преград, овладеть рядом крепостей, удержать в своих руках обширную территорию, обеспечить свои коммуникации от возможного удара в тыл и правый фланг со стороны Австрии, и при всем этом решить стратегическую задачу – овладеть столицей Турции.

В связи с затяжной зимой и перебоями в снабжении, армия генерал-фельдмаршала графа П. Х. Витгенштейна собралась в лагерях на территории Бессарабии только в апреле. При этом, стратегическая кавалерия – 4-й резервный кавалерийский корпус, двигавшийся из района Курска, – прибыла к армии лишь в начале июня. Такое же положение было и с армейским резервом – Гвардейским корпусом. Несмотря на то, что его части выступили из Петербурга еще в марте, т. е. до объявления войны, – к армии они присоединились лишь в августе[12]. В принципе для России более выгодно и целесообразно было использовать для усиления 2-й армии польские части. Они могли прибыть на Дунай, выступив одновременно с гвардией уже в июне-июле. Такой выигрыш во времени мог не только изменить ход кампании, но и благоприятно сказаться на улучшении политической ситуации в Польше. Но великий князь Константин Павлович не допустил участия польских войск в этой войне, ограничившись отправкой лишь незначительного количества офицеров.

Турция, при тяжелом внутреннем состоянии страны, находившейся в процессе реформ, при немногочисленной регулярной армии, при крайних финансовых затруднениях, не могла планировать наступательные действия. Опасаясь возможного десанта в районе Стамбула, главная масса вооруженных сил находилась первоначально к югу от Балканского хребта. Турецкий план заключался в последовательной обороне двух линий: первой – Дуная, с многочисленными крепостями, второй – Балкан, с крепостями Шумла и Варна. Предполагалось, что армия, отступая под натиском русских войск,

Рис. 1. Северная часть театра военных действий русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

будет уничтожать все возможные припасы и оставлять после себя пустыню. Генерал Мольтке считал этот план безупречным и полностью соответствующим обстановке. Но его выполнению помешал, прежде всего, внутренний фактор. Из обученных по европейским стандартам войск, на театр военных действий выступило лишь 6 батальонов. Основная часть регулярных войск была оставлена в Стамбуле. Главной ударной силой турецкой армии оставались иррегулярные формирования, а также вооруженное мусульманское население городов-крепостей.

Таким образом, подготовка к войне, как в России, так и в Турции, велась заблаговременно, и ей придавалось большое значение. Однако внешнеполитическая обстановка в Европе и внутренние противоречия в евразийских империях не позволили максимально эффективно подготовить вооруженные силы России и Турции к предстоящей борьбе.

Исходя из вышеизложенного, необходимо отметить основные недостатки подготовки к войне вооруженных сил России, при всех преимуществах русской армии перед турецкой в вооружении, оснащении и обучении:

– несоответствие привлекаемых сил и средств размерам и характеру театра военных действий, а также задачам, ставившимися перед войсками в ходе войны;

– довольно низкий уровень боевой подготовки войск как следствие увлечения командования всех уровней парадной стороной жизнедеятельности армии;

– плачевное состояние медицинского и санитарного обеспечения армии, что привело к значительному увеличению небоевых потерь в ходе войны;

– недостаточный уровень войсковой разведки и анализа состояния вооруженных сил Турции как перед войной, так и в ходе войны, что послужило одной из причин увеличения потерь в русской армии и затягивания войны;

– недостаток осадной артиллерии и инженерных средств для крепостной войны.

[1] *Керсновский, А. А.* История Русской армии. Ч. 2. /militera.lib.ru/h/kersnovsky1/

[2] *История русской армии*. М., 2007, с. 366.

[3] *Мольтке, Г.* Русско-турецкая кампания в Европейской Турции 1828–1829 гг. Ч. 1. СПб., 1876, 43–44.

[4] *Кухарук, А.* За Дунаем. Неудачная кампания 1828 года в Европейской Турции. – Родина, 1998, № 5–6, с. 80.

[5] *Лукьянович, Н.* Описание турецкой войны 1828 и 1829 гг. Ч. 1. СПб., 1844, с. 53.

[6] Там же, с. 51.

[7] *Мольтке, Г.* Указ. соч., с. 35.

[8] *Ляхов, В. А.* Русская армия и флот в войне с Оттоманской Турцией в 1828–1829 годах. Ярославль, 1972, с. 93.

[9] Там же, с. 94.

[10] Там же, с. 95.

[11] *Лукьянович, Н.* Указ. соч., с. 33, 34.

[12] Там же, 70–71.

УДК 355.48(470+571:560)»1828/1829»:359(470+571:262.5)

ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1828–1829 ГОДОВ

А. А. Смык

***Смик О. А.* Чорноморський флот у російсько-турецькій війні 1828–1829 років**

Стаття присвячена участі Чорноморського флоту Російської імперії в російсько-турецькій війні 1828–1829 років. Розкриті склад флоту напередодні війни та завдання, що стояли перед флотом у різні періоди війни. Висвітлені основні бойові дії, які проводив Чорноморський флот спільно з армією на балканському театрі воєнних дій. Підведені підсумки застосування флоту у війні.

Ключові слова: Чорноморський флот, театр воєнних дій, морська блокада, морські комунікації, бриг, фрегат.

***Смык А. А.* Черноморский флот в русско-турецкой войне 1828–1829 годов**

Статья посвящена участию Черноморского флота Российской империи в русско-турецкой войне 1828–1829 годов. Раскрыты состав флота накануне войны и задачи, стоявшие перед флотом в разные периоды войны. Освещены основные боевые действия, которые проводил Черноморский флот совместно с армией на балканском театре военных действий. Подведены итоги применения флота в войне.

Ключевые слова: Черноморский флот, театр военных действий, морская блокада, морские коммуникации, бриг, фрегат.

***Smyk A. A.* Black sea fleet in Russian-Turkish war 1828-1829 years**

The article is dedicated to participating of the Black sea fleet of the Russian empire in Russian-Turkish war 1828-1829 years. Composition of fleet on the eve of the war and tasks, standings before the fleet on the periods of the war is exposed. Basic battle actions which was conducted by the Black sea fleet jointly with an army on the Balkan theater of wars are revealed. Application of fleet in the war summed up .

Keywords: Black sea fleet, seat of wars, marine blockade, marine communications, brig, frigate.

Рассматривая причины, которые привели к русско-турецкой войне 1828–1829 гг., следует отметить, что Россия в большей степени, чем другие европейские страны, сочувствовала национально-освободительному движению греков. И если император Александр I не решился нарушить Священный союз, то пришедший к власти его брат Николай I отнесся к этому иначе. Он не давал никаких обязательств и решил поднять авторитет России среди народов Балкан и „...положить конец восточному делу“. Но тут проявили активность страны пентархии. Они не хотели самостоятельного выступления России против Турции и, чтобы взять под контроль ее действия, включились в совместные операции в Средиземном море для поддержки греческого восстания.

© А. А. Смык, 2012

Согласно принятой в 1827 году Лондонской конвенции, Турции были предъявлены требования: прекратить военные действия против греков, предоставить им свободу вероисповедания, торговли и самостоятельного управления. Но султан воспротивился этому; более того, когда союзная англо-франко-русская эскадра приблизилась к Наваринской бухте, турецко-египетский флот готовился к решительной битве.

В Наваринском сражении 20 (8) октября 1827 г. в течение четырех часов был разбит весь флот Магмета-Али. Гнев турецкого султана Махмуда II за Наваринское сражение обрушился на Россию, как извечного его врага. Он говорил, что русские в течение 60 лет пользовались всяким удобным случаем, чтобы нападать на Турцию, а теперь составили заговор с греками и вооружили других европейцев, чтобы стереть имя мусульманское с лица земли. Он порвал соглашение по Аккерманской конвенции 1826 года и стал призывать своих подданных к „священной войне". На такие действия султана русский император ответил манифестом от 14 апреля 1828 года, на основании которого была составлена особая декларация для европейских государств. В ней Николай I извещал о том, что, „...прибегая с прискорбием" к войне, как „к последнему средству удовлетворения", Россия „не умышляет разрушения Турецкой империи", а только хочет добиться от нее „...соблюдения прежних договоров относительно внутренней самостоятельности Сербии, Молдавии, Валахии и дарования независимости Греции"[1]. Но султан, не дав ответа, запретил проход русским кораблям через черноморские проливы.

Накануне войны Турции с Россией были приняты меры к укреплению черноморских портов и улучшению материальной базы флота. Особое внимание обратили на Севастополь – главную базу Черноморского флота (*далее* – ЧФ). Для защиты города с моря на берегах бухты установили артиллерийские батареи. У входа в Севастопольскую бухту соорудили два маяка, а в городе были построены пристань, мол, доки, казармы и госпиталь.

Перед войной ЧФ, которому по планам войны против Турции отводилась значительная роль, состоял из 9 линейных кораблей, 5 фрегатов, одного парохода и 45 малых кораблей разных типов[2].

Перед ЧФ были поставлены две основные задачи:

1) уничтожение турецкого флота и утверждение господства на Черном море;

2) содействие войскам 2-й армии в достижении решающих успехов на главном, балканском театре войны.

Решение этих главных задач достигалось в результате:

– организации крейсерства русских кораблей у Босфора с целью пресечения туркам снабжения крепостей морским путем;

– обеспечение охраны транспортов, осуществляющих перевозку войск, оружия, боеприпасов и продовольствия в действующую армию;

– содействия войскам при штурме приморских крепостей.

С началом военных действий ЧФ в начале мая 1828 года провел высадку десанта в район Анапы, являющейся важным оплотом султанской Турции на восточном берегу Черного моря, и способствовал осаде и взятию этой крепости, а затем, по указанию Николая I, прибыл в Севастополь, и, пополнив запасы, был переведен на балканский театр военных действий, где и действовал главными силами в течение всей войны.

На балканском театре силы ЧФ в кампанию 1828 года решали в основном задачи поддержки артиллерийским огнем сухопутных войск, действующих на приморском фланге русской армии.

В июне 1828 года корабли флота провели несколько артиллерийских обстрелов приморской крепости Кюстенджи, осажденной войсками 3-го армейского корпуса, что позволило ускорить ее капитуляцию. Но наиболее ярким было участие кораблей ЧФ в осаде и взятии сильно укрепленной крепости Варна в июле-сентябре 1828 года. В конце июля близ Варны был высажен десантный отряд Меншикова (около 6 тыс. чел.), который частично блокировал гарнизон крепости с суши. Гарнизон крепости насчитывал около 15 тыс. человек[3].

26 июля русские корабли, поддерживая действия десантных сил, уничтожили турецкие гребные суда, прикрывавшие крепость с моря, что позволило ЧФ начать артиллерийский обстрел прибрежных укреплений Варны. Из-за особенностей дна, корабли флота не могли одновременно производить обстрел, поэтому командиры кораблей, по одобрению императора Николая I, находившегося на флагманском корабле, разработали и применили новый тактический прием – движение выделенных для обстрела кораблей по кругу, с поочередным обстрелом укреплений противника. Примененный на практике, этот метод показал свою эффективность.

К сентябрю, после подхода гвардейского корпуса к Варне, численность осаждавших возросла до 32 тыс. Это позволило сделать осаду более плотной. 25–26 сентября был предпринят генеральный штурм Варны, не завершившийся, однако, успешно для русских войск. Несмотря на отражение штурма, положение полностью блокированного гарнизона оставалось крайне тяжелым. Он нес огромные потери от огня русской артиллерии с моря и суши, которая выпустила по городу более 107 тыс. снарядов, в том числе боевых и зажигательных ракет. Проблемы с продовольствием, тяжелые потери и отсутствие надежды на прорыв блокады вынудили турецкое командование пойти на переговоры, которые завершились 29 сентября капитуляцией гарнизона Варны.

После Варны активные действия главных сил ЧФ в кампании 1828 года были прекращены, и в конце сентября флот убыл в Севастополь.

Но долго кораблям бездействовать не пришлось. С целью блокады Босфора 11 ноября из Севастополя был направлен к Варне отряд контр-адмирала Кумани в составе двух линейных кораблей, одного фрегата и одного брига. Кумани действовал активно: проводил блокаду Босфора, посылал корабли в крейсерство к Константинополю и берегам Анатолии, которые пресекали попытки турецких судов доставить продовольствия в Стамбул.

В начале декабря Кумани предпринял разведку в Фаросском заливе, который, в случае похода русской армии за Балканы, имел большое стратегическое значение. Расположенные по побережью залива морские крепости Месемврия, Ахеоло, Бургас и Сизополь, будучи хорошо защищены от ветров, могли стать удобными местами для стоянки кораблей и опорными пунктами русских войск за Балканским хребтом.

Контр-адмирал Кумани особенно большое значение придавал внезапному захвату Сизополя, который имел важные преимущества. Будучи самым защищенным портом на западном берегу Черного моря и находясь в близком расстоянии от Босфора, Сизополь мог стать не только главной гаванью флота, но также плацдармом и продовольственной базой русской армии на южной стороне Балкан.

Утром 15 февраля 1829 года Кумани с эскадрой и десантными войсками прибыл на Сизопольский рейд. Кумани потребовал капитуляции гарнизона. Ввиду отказа турецкого командования капитулировать, Кумани приказал подвергнуть город усиленной бомбардировке и готовить высадку десанта. На рассвете 16 февраля десантные войска и 500 человек гвардейского и флотского экипажей под командованием подполковника Лисецкого, прикрываемые огнем орудий фрегатов, высадились на берег. Огонь корабельной артиллерии и решительные действия десанта сломили сопротивление турок: ночью значительная часть гарнизона бежала из города, и комендант Халил-паша, понимая бессмысленность дальнейшей борьбы, объявил о капитуляции, прибыв к Кумани с ключами от города[4].

Большую поддержку русским при овладении городом оказало местное, главным образом болгарское и греческое население. Появление русских войск на южной стороне Балкан способствовало подъему национально-освободительного движения болгарского народа. Была образована Сизопольская болгарская дружина.

Овладев Сизополем, русские войска стали твердой ногой на западном берегу Черного моря, на южной стороне Балкан. Взятие Сизополя имело большое значение для действий русской армии и флота в кампании 1829 года. Он стал базой ЧФ за Балканами еще до начала наступления главных сил русской армии.

Дибич рекомендовал адмиралу Грейгу принять меры, чтобы удержать Сизополь. Было ясно, что турки, понимая стратегическое значение этого приморского города-крепости, будут пытаться вернуть его. Немедленно были приняты меры к усилению обороны Сизополя. В городе было сосредоточено около 3 тысяч человек, усилена артиллерия. На рейде постоянно находились русские военные корабли.

Турки, собрав в Бургасе до 4000 человек пехоты и 1500 конницы, направили их на Сизополь. На рассвете 28 марта этот отряд под командованием Гуссейн-паши атаковал редут перед городом, который оборонял батальон Азовского полка. Нападение турок было самое отчаянное; несмотря на картечный огонь восьми орудий, находящихся в редуте, сильный ружейный огонь и брошенные в ров гранаты, турки отчаянно старались взобраться в редут. Войска сизопольского гарнизона поспешили на помощь азовцам и решительно контратаковали противника. Стремительным нападением неприятель был опрокинут и спасался бегством. Его преследовали до самых дальних от Сизополя высот, где он и рассеялся.

Во время этого боя русские корабли и канонерские лодки, стоявшие у берега на правом фланге позиции, действовали по неприятелю корабельной артиллерией, чем и содействовали успешной атаке сухопутных войск. Потери противника при попытке овладеть Сизополем были значительны. Не считая убитых и раненых, увезенных турками, на поле боя и по пути бегства они оставили 251 убитого и 5 пленных. Русские потеряли 73 человека ранеными и 27 убитыми[5].

Отражение наступления турок еще раз показало важность взаимодействия сухопутных войск и флота как при осаде, так и при обороне приморских крепостей. Если под Варной в 1828 году войска и флот тесно взаимодействовали при осаде, то под Сизополем они совместно действовали и при взятии, и при обороне крепости. В основу плана действий в 1828 и 1829 годов была положена идея тесного взаимодействия 2-й армии и ЧФ, когда русским войскам предстояло совершить поход за Балканы.

В секретном предписании адмиралу Грейгу военный министр Чернышев в апреле 1829 года писал, что перед флотом стоят две основные, взаимосвязанные задачи:

1. Истребление флота неприятельского, если оный отважится выйти в Черное море.

2. За сим главным употреблением флота принадлежат оному действия или в совокупности с сухопутными войсками для достижения одной и той же цели.., или имеющие предметом облегчать и способствовать будущим предприятиям армии.

Большое внимание было обращено на усиление боеспособности ЧФ. Ремонтировались старые суда и строились, вооружались и укомплектовывались экипажами новые корабли, в том числе: 84-пушечный „Анапа“ и 60-пушечные „Архипелаг“ и „Эривань“.

Перед началом кампании 1829 года ЧФ состоял из 38 вымпелов: 10 линейных кораблей, 5 фрегатов, 5 бригов, одного парохода и 17 других судов. Личный состав насчитывал более 10 тысяч матросов и офицеров[6].

Таким образом, в первый период кампании 1829 года флот должен был облегчить переход русской армии через Балканы, а во второй – содействовать наступательным действиям армии и обеспечивать ее снабжение. При этом, и в первый, и во второй периоды самой важной задачей являлось истребление турецкого флота, если бы он отважился выйти в Черное море, и строжайшая блокада Босфора.

В соответствии с планом, новая кампания на балканском театре должна была начаться в апреле 1829 года с осады Силистрии. После падения этой крепости русская армия, оставив один корпус для осады Шумлы, начинала поход за Балканы.

Руководствуясь этим планом, новый главнокомандующий 2-й армией генерал Дибич (до февраля 1829 года Дибич был начальником Главного штаба и, конечно, хорошо знал планы действий флота) в начале марта представил Грейгу свои соображения о действиях флота. Он указывал, что в первый период кампании следует сделать демонстрацию к Босфору на некоторые приморские крепости, а в июле вернуться в Варну и принять десант для переброски его в тыл турецких войск, в то время как русская армия будет наступать за Балканы.

О задачах флота во второй период Дибич ничего определенного не говорил, ограничившись заявлением, что дальнейшие его действия „вполне зависеть будут от обстоятельств“.

Таким образом, перед ЧФ в кампании 1829 года стояли ответственные и сложные задачи:

– обеспечить господство на Черном море;

– содействовать забалканскому походу русской армии;

– нести крейсерскую службу у западного и азиатского берегов Черного моря.

Между тем Оттоманская Турция также усиленно готовилась к продолжению войны на море. В течение зимы были отремонтированы и оснащены 4 корабля, участвовавшие в Наваринском сражении. Хотя английские правящие круги и твердили о политике нейтралитета и невмешательства, они помогли Оттоманской Порте в подготовке к кампании 1829 года. Англия продала Турции военный пароход, оказывала помощь в разработке плана действий военно-морского флота, посылала своих советников. Активную помощь Турции продовольствием и оружием оказывала также Австрия.

Кампания 1829 года началась в первых числах мая движением войск 2-й армии к Силистрии. Главные силы ЧФ оставили Севастополь и 17 апреля соединились с эскадрой Кумани в Сизополе, который стал главной базой ЧФ на театре военных действий до самого конца войны. В объединенной эскадре Грейга было 9 линейных кораблей, 5 фрегатов, 4 брига, 1 шхуна, 2 катера, 3 бомбардирских судна, 3 канонерские лодки и 1 пароход. Флаг командующего эскадрой был поднят на корабле „Париж“[7].

Базируясь на сизопольский рейд, русская эскадра могла следить за действиями неприятельского флота, прикрывать западный берег Черного моря, снабжать армию по морю и обеспечивать ее наступление за Балканами, а также направлять корабли для крейсерства к Босфору и азиатскому берегу. При этом главной задачей эскадры оставалось истребление турецкого флота, если он отважится выйти в Черное море.

11 мая турецкий флот в составе 18 вымпелов, в том числе 6 линейных кораблей, вышел из Босфора и направился на восток. На следующий день в 30 верстах от анатолийского берега турки встретили фрегат „Рафаил“, который ввиду слабого ветра не смог уйти и был окружен. Хотя военный совет фрегата решил „драться до последней капли крови“, его командир, капитан II ранга Стройников, сдал судно. Турки переименовали фрегат в „Фазли-Аллах“ („Данный Богом“), и он плавал под турецким флагом до 1853 года, когда был уничтожен в бою под Синопом русской эскадрой.

14 мая на рассвете фрегат „Штандарт“, бриги „Меркурий“ и „Орфей“, следуя к Босфору, встретили в 14 милях от пролива турецкий флот в составе 18 вымпелов. Обнаружив русские суда, неприятельский флот немедленно устремился в погоню за ними, и два его корабля стали настигать фрегат и бриги. Тогда командир „Штандарта“ капитан-лейтенант Сахновский приказал судам взять такие курсы, „при коем каждый из них имеет лучший ход“. Наиболее быстроходным, „Штандарту“ и „Орфею“, удалось оторваться от противника, а „Меркурий“ был настигнут двумя турецкими линейными кораблями – 110-пушечным, под флагом Капудан-паши, и 74-пушечным, под адмиральским флагом. За этими кораблями шел весь неприятельский флот.

Видя невозможность избежать неравного боя, командир „Меркурия“ капитан-лейтенант Казарский, собрал военный совет, на котором младший по чину поручик корпуса флотских штурманов Прокофьев первый предложил принять бой, а когда бриг потеряет возможность сопротивляться и ему будет угрожать плен, сцепиться с неприятельским кораблем и взорвать судно. Предложение было поддержано остальными офицерами, а затем и всей командой брига. Казарский приказал положить у входа в крюйт-камеру заряженный пистолет, чтобы последний из оставшихся в живых офицеров выстрелом в бочку с порохом взорвал бриг.

Около двух часов дня неприятельские корабли приблизились к „Меркурию“ на дистанцию действительного огня и завязали бой, который продолжался почти до 6 часов вечера. Искусно маневрируя, бриг избегал бортовых залпов артиллерии противника.

Русский бриг, на виду у всего турецкого флота, мужественно сражался с двумя линейными кораблями, которые были вдесятеро сильнее его. Огонь турецких кораблей вызвал на бриге серьезные повреждения и пожар, быстро потушенный. Получив 22 пробоины в корпусе и около 300 повреждений в рангоуте, такелаже и парусах, героический бриг продолжал сражаться. Русские моряки действовали с большим искусством, умело используя в борьбе с более сильным противником силу артиллерийского огня и маневр.

110-пушечный турецкий корабль получил серьезные повреждения в рангоуте и такелаже и лег в дрейф. Второй неприятельский корабль, находясь за кормой брига, с небольшой эффективностью обстреливал его погонными пушками, расположенными в носу корабля и, только потеряв фок-мачту, он по инерции развернулся к „Меркурию“ бортом и произвел бортовой залп, нанесший „Меркурию“ многочисленные, но несерьезные, повреждения в парусах, после чего и этот турецкий корабль прекратил преследование[8].

Подвиг „Меркурия“ является одной из самых ярких страниц русской военно-морской истории. Казарский и Прокофьев были награждены орденом Георгия 4-й степени, остальные офицеры – орденом Владимира 4-й степени, матросы – знаками отличия военного ордена, а бригу „Меркурию“ был присвоен кормовой Георгиевский флаг. В целях увековечения подвига „Меркурия“ было установлено, что в составе ЧФ всегда должен находиться корабль с названием „Меркурий“ или „Память Меркурия“, преемственно носящий Георгиевский флаг.

Турецкий флот в конце мая трижды выходил в море, гонялся за отдельными русскими кораблями и всячески избегал решительной встречи с главными силами русской эскадры. Убедившись, что турецкий флот не представляет серьезной опасности, Грейг стал действовать более активно.

В первых числах июля на южной стороне Балкан появились авангардные части русской армии и перед флотом встали новые задачи: содействовать наступлению русских войск за Балканами и обеспечить их снабжение продовольствием и военными припасами. 8 июля адмирал Грейг вошел с тремя линейными кораблями в залив Месемврию, „имея за собою множество транспортных судов с разным для армии продовольствием“[9].

После подхода к крепости Месемврия русских войск, в ночь с 10 на 11 июля, в крепость были отправлены парламентерами капитан-лейтенант Кузнецов и переводчик Батьянов с требованием безотлагательной сдачи. Будучи блокирован и осажден с моря и суши, двухтысячный гарнизон капитулировал. Так при активном содействии флота русская армия в самом начале забалканского похода овладела значительной приморской крепостью.

Капитуляция Месемврии произвела удручающее впечатление на гарнизоны других приморских крепостей. На рассвете 10 июля к командиру брига „Орфей“, капитан-лейтенанту Колтовскому, прибыли из Ахеоло на двух лодках до 15 греков и болгар и сообщили, что ночью почти все турки оставили город, бежав в Бургас. Они просили от имени жителей занять Ахеоло, обещая со своей стороны активную поддержку. 75 русских моряков во главе с Колтовским немедленно отправились в Ахеоло, где 11 июля их радушно встретило население. Были взяты пленные, орудия и значительное количество оружия.

Грейг не забывал и о турецком флоте, который мог неожиданно выйти в море. 18 июля к Босфору был направлен пароход „Метеор“, команде которого удалось снять план турецких укреплений у Константинополя и узнать состав и место стоянки флота.

Собрав сведения о прибрежном городе Василико и получив от жителей письма с убедительной просьбой занять их город, Грейг 21 июля направил для овладения им фрегат „Поспешный“, бриг „Орфей“ и 100 человек Камчатского пехотного полка. Прибыв на рейд Василико, суда под прикрытием артиллерийского огня высадили десант из солдат и матросов. Турецкий гарнизон, состоявший из 300 человек, боясь окружения, бежал.

24 июля фрегаты „Флора“, „Поспешный“ и другие суда с батальоном Курского пехотного полка, подойдя к Агатополю и подавив береговые батареи, высадили десант. Одновременно город атаковал отряд, прибывший из Василико. В результате комбинированной атаки с моря и суши гарнизон, насчитывавший до 1200 человек, был разбит и бежал. Тро-

феями победителей были 7 орудий, большое количество боеприпасов и муки[10]. Овладев Василико и Агатополем, флот значительно расширил плацдарм за Балканами, создав тем самым более благоприятные условия для наступления армии Дибича на Адрианополь.

8 августа, после занятия русской армией Адрианополя, султанское правительство запросило мира. 20 августа Грейг получил сообщения о начале мирных переговоров и готовности турецкого флота выйти в море. 21 августа Грейг с 7 кораблями направился к Босфору, но, поскольку турецкий флот продолжал стоять в Буюк-дере, вернулся в Сизополь.

Выходом Грейга к Босфору 21 августа закончились боевые действия ЧФ в кампании 1829 года и в войне в целом. Но русский флот оставался у западного берега Черного моря до середины октября. Дело в том, что султанское правительство, начав мирные переговоры, под влиянием Англии и Австрии, не спешило подписывать мирный договор. Англия, Австрия и Франция сосредоточили у Дарданелл свои эскадры. Однако, как известно, до возобновления военных действий дело не дошло, и ЧФ в середине октября ушел к родным берегам.

Оценивая действия ЧФ в 1829 году, следует сказать, что они отличались активностью, взаимодействием с сухопутными войсками и во многом оказали определяющее влияние на ход и исход кампании на балканском театре войны. Конечно, не все действия ЧФ были удачны. Он так и не мог встретиться с турецким флотом. Тем не менее, блокада Босфора имела большое значение. Были нарушены морские коммуникации между Константинополем и Анатолией, что в значительной степени парализовало снабжение продовольствием турецкой столицы и армии. Действия русского флота у берегов Анатолии заставили турок держать там значительные силы, что ослабляло противника на главном театре войны. Было захвачено и уничтожено большое количество судов противника, что ослабило его морские силы.

Особенно большое значение имело боевое взаимодействие флота и войск во время перехода русской армии через Балканы и забалканского похода. Овладев приморскими крепостями Василико, Агатополем, Игнеадой и Мидией и расширив плацдарм на западном берегу Черного моря, русский флот не только надежно прикрыл левый фланг русской армии, но и обеспечил ей морское сообщение с портами России.

При взятии многих приморских крепостей русские моряки продолжали действовать по ушаковскому принципу „корабли штурмуют бастионы“ – атака кораблей, высадка десанта и штурм с суши с артиллерийской поддержкой боевых действий на берегу. Ярким примером применения и дальнейшего развития тактики Ушакова являются Фаросская десантная операция и взятие Сизополя.

Действия ЧФ в ходе войны 1828–1829 годов убедительно свидетельствуют о том, что лучшие традиции русской военно-морской школы, заложенные видным русским флотоводцем Ф. Ф. Ушаковым, были сохранены и приумножены в трудные для русского флота годы.

[1] *Лукьянович, Н.* Описание турецкой войны 1828 и 1829 гг. Ч. 1. СПб., 1844, 10–11.

[2] *Журнал военных действий* Черноморского флота в Турецкую кампанию 1828 года. Ч. 1. Николаев, 1852, с. 4.

[3] *Лукьянович, Н.* Указ. соч., с. 42.

[4] *Мелихов, В. И.* Описание действий Черноморского флота в продолжение войны с Турцией. СПб., 1850, с. 51.

[5] *Ляхов, В. А.* Русская армия и флот в войне с Оттоманской Турцией в 1828–1829 годах. Ярославль, 1972, с. 186.

[6] *Мелихов, В. И.* Указ. соч., с. 79.

[7] *Ляхов, В. А.* Указ. соч., с. 188.

[8] *Бой 18-пушечного брига „Меркурий“* с двумя турецкими кораблями. – Записки Морского ученого комитета, 1837, т. 11, с. 33.

[9] *Мелихов, В. И.* Указ соч., с. 103.

[10] *Ляхов, В. А.* Указ. соч., с.197.

УДК 55.48(470+571:560)»1828/1829»:[355.082:821.161.1-94]

ВОСПОМИНАНИЯ РОССИЙСКИХ ОФИЦЕРОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1828–1829 гг. (на примере мемуаров А. И. Михайловского-Данилевского и Ф. Ф. Торнау)

О. А. Гоков

Гоков О. О. **Спогади російських офіцерів як джерело з історії російсько-турецької війни 1828–1829 рр. (на прикладі мемуарів О. І. Михайловського-Данилевського і Ф. Ф. Торнау)**

В статті визначено особливості мемуарних джерел з історії російсько-турецької війни 1828–1829 рр. Виокремлено основні структурні компоненти спогадів, встановлено значущість кожного з них для дослідників.

Ключові слова: мемуарні джерела, російсько-турецька війна 1828–1829 рр., офіцерський корпус.

Гоков О. А. **Воспоминания российских офицеров как источник по истории русско-турецкой войны 1828–1829 гг. (на примере мемуаров А. И. Михайловского-Данилевского и Ф. Ф. Торнау)**

В статье определены особенности мемуарных источников по истории русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Выделены основные структурные компоненты воспоминаний, установлена значимость каждого из них для исследователей.

Ключевые слова: мемуарные источники, русско-турецкая война 1828–1829 гг., офицерский корпус.

Gokov O. O. **The memoirs of the Russian officers as a source from history of Russian-Turkish war of 1828-1829 (on the example of O. I. Mikhaylovsky-Danilevsky and F. F. Tornau)**

In the article the basic features of memoir sources from the history of Russian-Turkish 1828-1829 war are determined. Basic structural components of memoirs is selected, the importance each of them for researchers is set.

Keywords: memoir sources, Russian-Turkish 1828-1829 war, officer corps.

При изучении истории войн, для создания объективной картины, исследователь неизбежно должен использовать широкий круг разнообразных источников. Одним из них являются воспоминания. Данное утверждение относится и к изучению истории русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Целью данной статьи является анализ этого специфического вида исторических источников, представленного, в частности, мемуарами А. И. Михайловского-Данилевского и Ф. Ф. Торнау[1]. Насколько нам известно, в научной литературе такая постановка проблемы не встречалась, хотя частично оценка достоверности воспоминаний Ф. Ф. Торнау в указанном контексте была дана в работах С. Э. Макаровой и Г. А. Дзидза-

© О. А. Гоков, 2012

рия[2]. Воспоминания указанных авторов взяты не случайно. Несмотря на их однотипность в источниковедческом отношении, внутренне они разнородны. Общим для работ является то, что оба автора были офицерами из высшего сословия, оба участвовали только в кампании 1829 г. в Европейской Турции, оба писали мемуары на основе личных наблюдений и рассказов вторых лиц. В какой-то степени их объединяет и то, что оба они занимали штабные должности. Однако, это, пожалуй, и всё, что объединяет исследуемые нарративы. Внутренне и даже внешне это разноуровневые источники, на которых лежит отпечаток личностей авторов. Поэтому, прежде чем переходить к анализу, необходимо сказать несколько слов о А. И. Михайловском-Данилевском и Ф. Ф. Торнау.

А. И. Михайловский-Данилевский родился в 1789 г. в семье медика, предки которого были украинскими казаками. Получив чисто светское образование, карьеру начал в банке. С военной службой познакомился в ходе войны 1812 г., став адъютантом М. И. Кутузова. После тяжелого ранения при Тарутине (18 октября 1812 г.) был на излечении. В 1813 г. вернулся по приглашению М. И. Кутузова и состоял при нем, ведя штабную переписку и журнал военных действий. После смерти фельдмаршала А. И. Михайловского-Данилевского перевели в свиту Его Императорского Величества по квартирмейстерской части с переименованием из титулярных советников в штабс-капитаны, сохранив за ним прежние функции. В августе 1814 г. он был причислен к созданному гвардейскому Генеральному штабу, а в 1815–1818 гг. сопровождал императора во всех его внешних и внутренних поездках, получив чин полковника и статус флигель-адъютанта. В 1829 г. был назначен в Действующую армию, где занимал должность командира 2-й бригады 4-й пехотной дивизии, а затем дежурного генерала 2-й армии. В дальнейшем А. И. Михайловский-Данилевский участвовал в подавлении Польского восстания 1830–1831 гг., где был вторично ранен. После этого он активно занялся деятельностью историка и мемуариста, описав по заданию Николая I войны царствования Александра I. За это в 1843 г. был определён ординарным академиком в императорскую Академию наук. В 1848 г. скончался от холеры[3].

Выходец из померанских дворян, Ф. Ф. Торнау родился в 1810 г., то есть, был на 31 год младше А. И. Михайловского-Данилевского. Окончив Благородный пансион при Царскосельском лицее, Ф. Ф. Торнау, молодым юношей без специальной военной подготовки, в звании прапорщика, попал на фронт русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Числясь в 33-м Егерском полку, он прошёл кампанию 1829 г. в отряде Ф. К. Гейсмара офицером Генерального штаба, непосредственно принимая участие в боевых действиях. После окончания войны был официально причислен к Генеральному штабу, участвовал в подавлении Польского восстания 1830–1831 гг. Затем началась его служба на Кавказе, а с 1856 по 1873 г. Ф. Ф. Торнау занимал должность военного атташе Российской империи в Австрии, куда затем переселился с женой на постоянное жительство. Умер в 1890 г. в городе Эдлиц (Нижняя Австрия[4)].

Как видим, оба автора прожили богатую, но совсем разную жизнь, что не могло не отразиться на их мировоззрении, а, следовательно, нашло отражение и в анализируемых нами источниках. Их воспоминания были созданы примерно в одном возрасте. А. И. Михайловскому-Данилевскому было около 40 лет, когда он попал на войну и вёл там свой журнал, на основе которого впоследствии были написаны воспоминания. Сложно сказать, когда именно это произошло, поскольку опубликованы они были Н. К. Шильдером только в 1893 г. в „Русской старине“. Но учитывая, что умер их автор в возрасте 59 лет, нетрудно предположить, что случилось это в промежутке между 40 и 59 годами.

Ф. Ф. Торнау попал на войну в возрасте 18 лет, но свои воспоминания закончил писать в 1866 г. (опубликованы они были в 1869 г.), то есть в возрасте от 50 до 56 лет. Такое совпадение даёт нам возможность лучше проанализировать личности самих авторов, поскольку показывает их способность к критическому восприятию прошлого, учесть перемены в мировоззрении. Хотя с источниковедческой точки зрения мемуары

А. И. Михайловского-Данилевского ценнее, поскольку написаны по свежим следам и основаны на дневниковых записях, но с точки зрения охвата и глубины изложения, критичности и фактологичности большая ценность воспоминаний Ф. Ф. Торнау представляется несомненной.

Информацию, содержащуюся в воспоминаниях А. И. Михайловского-Данилевского и Ф. Ф. Торнау, можно разделить на четыре блока: касающуюся личностей авторов, путевые заметки, описание тыловых служб и сведения об армии на войне.

Первый блок – информация о мировоззрении, происхождении, профессиональных качествах авторов. Даже при отсутствии биографических данных указанные материалы позволяют составить представление о людях, писавших анализируемые воспоминания. Как видно из текстов, А. И. Михайловский-Данилевский и Ф. Ф. Торнау представляли собой яркие противоположности. Сочинение А. И. Михайловского-Данилевского – это мемуары, базирующиеся на дневниковых записях, которые автор вёл в ходе кампании 1829 г. Работа же Ф. Ф. Торнау – воспоминания в полном смысле этого слова, поскольку писались они по прошествии не одного десятка лет; автору свойственен критический подход к своим поступкам, анализ событий. Уже с высоты прожитых лет и жизненного опыта он описывал и оценивал свои поступки молодости. Ни того, ни другого мемуары А. И. Михайловского-Данилевского не содержат. Учитывая, что писали оба автора воспоминания в одном возрасте (хотя и в разное время), такие различия свидетельствуют об отличиях в мировоззрении, о разнице в широте взглядов и способности к критическому мышлению. Как следует из анализируемых источников, указанные особенности были результатом не столько воспитания, сколько влияния служебной среды и личного опыта.

В разных чинах и возрасте авторы попали на войну, что, естественно, наложило отпечаток на её восприятие. При этом следует помнить, что перед нами прежде всего воспоминания офицеров об офицерской жизни на войне и, соответственно, офицерский взгляд на последнюю. С той лишь разницей, что мемуары А. И. Михайловского-Данилевского представляют взгляды части высшего офицерства, а Ф. Ф. Торнау – офицерства низшего, более многочисленного и, собственно говоря, нёсшего на себе основную нагрузку.

А. И. Михайловский-Данилевский в своей работе предстаёт образчиком европейского аристократа-монархиста. Его труд сплошь усеян высокопарными словами о долге, чести, отечестве, причём, как видно из текста, для него эти слова не были пустым звуком – он понимал их, исходя из воспитания и мировоззрения, в духе романтизма. В его сознании главная цель жизни – служение царю и отечеству, хотя идеи личной славы также не были ему чужды. А. И. Михайловский-Данилевский искренне восхищался и благоговел перед императорами и членами их семей. Особое отношение у него к Александру I, в окружении которого он провёл много времени. Текст изобилует различными историями и анекдотами, связанными с покойным монархом, не имеющими отношения к войне 1828–1829 гг. Однако, автор воспоминаний был достаточно честен, хотя резких оценок избегал, даже в чём-то осторожничал. Из текста А. И. Михайловский-Данилевский вырисовывается консерватором, но с либеральным „душком“: большинство его оценок и рассуждений в основном объективны. Он больше соотносится с типом консерваторов, для которых важно „изменять сохраняя“, нежели к тем „охранителям“, поклонникам „хвалёной старины, дорогой одним отсталым умам, привыкшим в невежестве и в произволе видеть ограждение общественного порядка, не понимая, что ими только и посеяно всё существующее зло“[5]. При этом автор не лишён предубеждений, характерных для большинства аристократов и дворян России и Европы XIX в. Мир, в его понимании, разделён на народы „цивилизованные“ и „варварские“. Текст сквозит пренебрежением к тем, кого он не понимал, кто отличался от него по воспитанию и образованию[6].

В отличие от А. И. Михайловского-Данилевского, Ф. Ф. Торнау придерживался умеренно-либеральных и более реалистичных взглядов на жизнь, не скрывая, что „сам

носился мыслями в одних сферах военной славы, наполнявшей моё воображение, не успевшее еще сковаться житейским опытом“[7]. Будучи потомственным дворянином и военным, он не был заражён болезнью „цивилизационного превосходства“, характерной для многих представителей аристократии. Например, в населении Валахии и Молдавии он видел не „варваров“, а людей с иными ценностями и стилем жизни. Характерно в этом отношении описание жителей Дунайских княжеств, навеянное знакомством с майором Соломоном, которое противоречит рассуждениям А. И. Михайловского-Данилевского. „Недалеко от сожжённого Чернеца находился хутор майора Соломона, командовавшего валахскою милицией в последнюю войну, – писал он. – … Соломон, румын чистого происхождения, доказывал собою, что мнение, будто все валахи неспособны к перенесению военных трудов и опасностей, довольно неосновательно. Жители нагорной Валахии не только хорошие стрелки, но и люди смелого характера. Неспособность к войне гнездилась не в народе, а в высшем классе румынов, деморализованных продолжительным угнетением со стороны турецкой власти и поверхностным, дурно направленным воспитанием, которое они получали в Вене и в Париже, знакомясь лишь с наружными формами европейской цивилизации“[8].

В противоположность первому автору, Ф. Ф. Торнау в своих воспоминаниях предстаёт более серьёзным и вдумчивым человеком, при этом честным и критичным по отношению к себе и окружающим. Если учесть, что оба мемуариста писали свои работы примерно в одном возрасте, то контраст в мировосприятии бросается в глаза. Хотя А. И. Михайловский-Данилевский был писателем, военным историком, но его воспоминания тяжеловесны и „отдают“ официозом. В то же время Ф. Ф. Торнау писал своё сочинение „читаемым“ языком, лёгким для восприятия и лишённым официозных клише. Реализм пронизывает всю его работу. Здесь содержится множество бытовых сцен и зарисовок, в которых нет выхолощенности и которые отражают восприятие мира человеком, писавшим их. В мемуарах Ф. Ф. Торнау отсутствуют упоминания о царственных особах, придворных и вообще о „высшем свете“ империи (потому, что автор с ним на тот момент не сталкивался). Его главные герои – сослуживцы-офицеры и непосредственные начальники, а также простые солдаты, местные жители, то есть люди, с которыми он постоянно контактировал или встречался по роду службы. Мемуары Ф. Ф. Торнау – эпизод из военного быта младшего офицерского состава русской армии в войне 1828–1829 гг., „пропущенный“ через личное восприятие автора. В отличие от А. И. Михайловского-Данилевского, Ф. Ф. Торнау писал воспоминания не по свежим следам. Трезво, с высоты прожитых лет он оценивал свою жизнь и поступки во время кампании 1929 г., не обходя „острых углов“, не скрывая мотивов своих поступков, да и самих этих поступков, какими бы они не были. Например, он не отрицал, что в молодости был несдержан, стремился удовлетворить „любопытства, возбуждающиеся новизной предметов, являвшихся моим глазам, глядевшим на свет ещё сквозь радужную призму школьного неведения“[9]. В отличие от Ф. Ф. Торнау, А. И. Михайловский-Данилевский не был склонен к анализу своих поступков и опыта, хотя отчасти это можно объяснить загруженностью автора официальным историописанием и обусловленным им стилем изложения.

С точки зрения сравнения личностей двух офицеров, интересны их взгляды на войну, в которой они принимали участие. Так, А. И. Михайловский-Данилевский считал, что на этой войне может снискать себе лавры, хотя, разумеется, не в бою, а в роли командующего. Поэтому, прибыв на театр военных действий, был разочарован: „Я в Яссах наверное узнал, что моя бригада расположена при блокаде Журжи и следовательно имеет не блистательное назначение, ибо я полагал справедливо, что главная армия на Дунае будет пожинать лавры, между тем как мне суждено стоять в бездействии и может быть изредка отбивать вылазки турецкого гарнизона. Я не роптал на сие назначение, будучи в полной уверенности, что в продолжение войны, конечно, представится обширнейшее поприще деятельности“[10]. Ф. Ф. Торнау тоже не скрывал, что в Действующую армию

„отправился с богатым запасом молодости и надежд, но с довольно тощим кошельком“[11]. Однако уже участие в первом бою изменило взгляды молодого офицера. „Сильный переворот произошёл в моих мыслях, – писал он, рассказывая о том, как простые солдаты-добровольцы готовились к неизбежной для большинства из них смерти перед переправой через Дунай. – В несколько минут я переродился из ребёнка в зрелого человека и постиг высокую обязанность образованного военного человека уравновешивать долг повиновения с чувством сострадания к бедному человечеству, искать в деле не самолюбивого средства отличиться, а способ приложить способности и познания к облегчению зла, вызываемого войной. Палач или разбойник, а не воин, тот, кто без нужды и пользы, из честолюбия или из корыстолюбивых видов, проливает кровь подчинённых ему солдат и губит самого неприятеля без определённой цели, для умножения так называемой славы“[12].

Наконец, психологию указанных авторов хорошо иллюстрируют их наблюдения местностей и городов, которые они посетили по пути на фронт и в ходе кампании (правда, здесь необходимо сделать поправку на относительную комфортность условий, о чём речь будет идти ниже, в которых находился А. И. Михайловский-Данилевский, что позволяло ему „наслаждаться природой и видами“). Воспоминания А. И. Михайловского-Данилевского в этом отношении – образец романтического восприятия мира[13], тогда как описания Ф. Ф. Торнау лишены романтизма[14]. Он описывал преимущественно не красивые виды, а бытовые сложности. Здесь, скорее всего, помимо внутренних предпочтений, сыграли свою роль непростые условия службы, не оставлявшие времени для особой романтики. Как видим, личностные характеристики, которые содержатся в текстах воспоминаний, рисуют нам двух совершенно разных по мировоззренческим установкам людей.

Переходя к анализу материалов остальных блоков, следует отметить общие особенности информации указанных авторов. Работа А. И. Михайловского-Данилевского содержит много сведений, полученных им из вторых рук (слухи, сплетни, великосветские анекдоты) в результате общения с высшим офицерством на ужинах и обедах, которые устраивались при штабе. Личной информации здесь много меньше, так как непосредственного участия в боевых действиях и жизни войск он не принимал. В труде Ф. Ф. Торнау мы наблюдаем обратную ситуацию: основной массив сведений составляют личные наблюдения и впечатления. Информации из вторых рук немного, и касается она в основном боевых действий отряда в кампанию 1828 г., в которой прапорщик участия не принимал. Связано это с насыщенной жизнью Ф. Ф. Торнау в 1829 г.: служба при штабе в качестве офицера Генерального штаба, две тяжёлых болезни (нервная и тифозная горячки), лечение в госпиталях, курьерская служба, участие в боевых действиях и стычках.

Второй блок источниковой информации в воспоминаниях А. И. Михайловского-Данилевского и Ф. Ф. Торнау условно можно озаглавить как „путевые заметки“. Он включает в себя описание местностей и городов, которые посетили авторы, порядков, нравов и обычаев местного населения.

А. И. Михайловский-Данилевский ехал из России в Действующую армию, а затем из своей части из-под Журжи – в Адрианополь, как человек достаточно обеспеченный, в генеральском чине, поэтому бытовых сложностей на себе почти не испытал: то что он описывает, можно назвать скорее бытовыми неудобствами (например, чума в Текуче вынудила его остановиться „в версте от заставы на поле, близ колодца“[15]). Да и находясь в Действующей армии, он не имел особых проблем по бытовой части. Поэтому его воспоминания полны зарисовок природы, романтических видов, подробных описаний городов, которые посещал. Относительно спокойная жизнь позволяла наслаждаться окружающим ландшафтом. Здесь же мы встречаем описания и рассуждения о местном населении (в основном, правда, румын и молдаван, причём высших, обеспеченных их

слоях) и порядках в княжествах. Однако описания эти носят поверхностный, излишне обобщающий характер.

В то же время Ф. Ф. Торнау, начиная с выезда из Санкт-Петербурга, редко передвигался с комфортом. Отсутствие денег и высокого чина создавали по пути из России массу хлопот. И в дальнейшем служебная деятельность и командировки не способствовали отвлеченному созерцанию природы. Поэтому воспоминания Ф. Ф. Торнау полны бытовых сцен и зарисовок, фактического материала, дающего более глубокое и всестороннее представление о населении княжеств и Болгарии, об особенностях местной организации жизни.

Как ни парадоксально, но ни у того, ни у другого практически нет сведений о болгарах. Зато в воспоминаниях встречаем множество характеристик румын и турок. В основном, это бытовые зарисовки о нравах, царивших в среде местного населения, об особенностях его психологии. В отличие от А. И. Михайловского-Данилевского, Ф. Ф. Торнау был менее подвержен стереотипам, рассуждая о народах, с которыми сталкивался. Например, для него характерно было уже упоминавшееся разделение румын и валахов на высший слой и простых крестьян, о которых он отзывался по-разному[16], в то время, как А. И. Михайловский-Данилевский зачастую в своих рассуждениях черты, присущие молдавской знати, переносил на весь народ[17]. Намного информативнее наблюдения Ф. Ф. Торнау и о турках, турецких войсках и турецком населении Болгарии[18].

Оба указанных автора значительное внимание уделили в своих воспоминаниях политической жизни в княжествах, причём для А. И. Михайловского-Данилевского характерны обобщения и ссылки на „высокую политику“. Интересны и его замечания об истинных целях российской политики относительно княжеств. „Единообразие жизни их (в данном случае – мужчин Валахии и Молдавии – *О. Г.*) прерывается только по временам войнами, ведомыми между Россиею и Оттоманскою Портою. В это время открывается для происков их обширное поле; обыкновенно при вступлении русских войск в княжествах сменяют господарей и многих других чиновников, места коих бояре стараются занимать или из корысти, другие из честолюбия. При начале каждой войны они надеются, что Молдавия и Валахия останутся за Россиею, и для того истощают перед нами всякого рода угождения и подлости, не зная, что льстивые обещания нашего кабинета имеют только целью поощрять к скорейшему снабжению нашей армии разными продовольственными припасами. Ныне правительство наше, движимое духом времени и возрастающим повсеместно просвещением, имеет намерение улучшать управление княжеств, в которых существуют вековые злоупотребления, и оно имеет в виду склонить Порту при заключении мира утвердить сии нововведения“[19]. У Ф. Ф. Торнау относительно указанного вопроса, наряду с обобщениями, встречаем большое количество фактического материала, поскольку он лично наблюдал за особенностями управления и политических перипетий, два месяца живя после окончания войны у каймакана (наместника) Малой Валахии Константина Гика, младшего брата валашского господаря[20].

Со вторым блоком информации тесно переплетается третий – о тыловых службах русской армии и о жизни в тылу вообще. Особое внимание оба автора уделили госпитальной службе. Это и не удивительно, поскольку в 1829 г. как армия, так и местное население страдали не столько от боевых действий, сколько от различных болезней: чумы, лихорадки, холеры, тифа. Эпидемия чумы, свирепствовавшая в княжествах и в Болгарии, занимает значительное место в воспоминаниях офицеров. Здесь мы можем наблюдать уровень знаний об этой болезни и обо всём, что с ней связано, как среди непрофессионалов, так и среди врачебного персонала, видеть глазами очевидцев развитие эпидемии, борьбу с ней, её последствия, в том числе и для армии. А. И. Михайловский-Данилевский непосредственно с чумой не сталкивался, его рассказы – это в основном пересказы сведений, полученных от других лиц. Поэтому его сообщения, хотя и не лишены драматизма, выглядят выхолощено. Гораздо интереснее наблюдения о медицинской служ-

бе в тылу войск, в том числе и мерах по предотвращению распространения страшной эпидемии[21]. В отличие от А. И. Михайловского-Данилевского, Ф. Ф. Торнау дважды находился на грани жизни и смерти в результате болезни, побывал в различных типах госпиталей и получил непосредственное знакомство с врачебной практикой в тылу армии, не говоря уже о том, что жил в городе, поражённом чумой. Естественно, картины его воспоминаний более цельные, красочные, информативные[22]. Значительное место в мемуарах занимает служба почтовых сообщений, вернее, та её часть, которая была связана с перевозкой людей[23].

Ещё один момент, отражённый в воспоминаниях указанных офицеров, касается политики российских властей на отвоёванных у турок территориях, в том числе и отношения к местному населению. Ценность информации А. И. Михайловского-Данилевского[24] заключается в том, что он, будучи дежурным генералом и непосредственно участвуя в управлении, имел в своём распоряжении более широкую картину, на фоне которой, правда, зачастую „терялись“ конкретные факты, которые мы можем найти у Ф. Ф. Торнау. Воспоминания последнего, как и в других случаях, содержат по интересующему нас вопросу обильный материал. Он характеризует особенности устройства гражданской власти на отвоёванных землях, отношения с местным населением и к пленным, то есть всё то, что он наблюдал или в чём принимал участие[25]. „К чести наших солдат и офицеров должно сказать, что они себя вели в этом походе примерным образом, и следствием сего было, что в течение 1829 года турецкими жителями за Балканами не было сделано по нашим ни одного выстрела и не было ни драки, ни ссоры, – обобщал А. И. Михайловский-Данилевский. – Не более как два раза молодые офицеры покусились было влезть к турецким красавицам, но и за сие были строго наказаны. Сим поступком ограничились все шалости, ибо не стоит упоминать о том, что несколько раз казаки и солдаты конных полков угоняли в свой лагерь турецкий скот, пасшийся на поле; трудно растолковать простому солдату, что и сего в неприятельской земле делать не должно; впрочем, угоняемый таким образом скот всегда возвращаем бывал хозяевам“[26].

Наконец, четвёртый блок информации связан непосредственно с войной и с армией. Он наиболее обширен и многогранен. При его изучении следует помнить, что в данном случае мы имеем дело с двумя точками зрения офицерства: А. И. Михайловский-Данилевский представляет взгляд части старшего офицерского состава, а Ф. Ф. Торнау – младшей. Эти различия бросаются в глаза по тексту и представляют интересный материал для исследователя, дополняя друг друга даже в противоречиях. Естественно, при этом необходимо принять во внимание, что личные взгляды авторов отражали мнения значительной части офицерства относительно судьбы Турции и целей войны. „Великий предстоит вопрос: брать ли Константинополь или нет? – писал А. И. Михайловский-Данилевский в конце войны. – Мне сего весьма бы хотелось для славы России, и я полагаю сие удобоисполнимым, потому что я не вижу в турках никакого патриотизма, в начальниках их – благоразумия, и что вообще Оттоманская империя ничто иное есть, как сгнившее дерево“[27]. „Русские должны проложить себе дорогу до Византии“, – призывал он в другом месте своей работы[28]. Однако были и другие взгляды: „Граф Толь, с которым я говорил вчера насчет взятия Константинополя, утверждает, что он сочтёт за несчастие туда идти, и что главнокомандующий его мнения“[29]. В итоге, как известно, именно последний подход к вопросу о судьбе Османской империи победил (не без влияния Великобритании и других великих держав), но характерно, что в среде российского высшего света было немало людей, взгляды которых выражал А. И. Михайловский-Данилевский, причём среди армейского офицерства они также пользовались популярностью, чему находим подтверждение у Ф. Ф. Торнау[30].

Моральный настрой армейских офицеров и солдат лучше отражён в воспоминаниях последнего. Храбрость и желание отличиться была присуща всем категориям офицерства, правда, высшие чины часто желали сделать это за счёт солдат, в то время как

значительная часть офицерства нижнего уровня – ценой своей жизни. К этому нужно прибавить свойственное разным возрастам восприятие жизни. „Трёхдневный отдых в Тульчине подготовил мои силы к дальнейшим дорожным подвигам, – писал по этому поводу Ф. Ф. Торнау о своём пути в Действующую армию и остановке у И. И. Дибича, – и признаюсь, я был рад отправиться далее… В доме моего родственника царствовала ненарушимая тишина, стеснявшая врождённую живость моего характера. Его звание, лета и занятия располагали его смотреть на службу с весьма серьёзной точки зрения, а я видел в ней тогда одну поэтическую, блестящую сторону“[31].

Дух солдатской массы прекрасно показан в описании подготовки к переправе через Дунай отряда Ф. К. Гейсмара. Необходимо было сформировать отряд добровольцев, который завязал бы бой с турками, отвлекая их и обеспечивая переправу основной части войск. Интересно, что речь идёт о солдатах, многие из которых проводили вторую кампанию. „Для выбора охотников принуждены были бросить жребий, – писал Ф. Ф. Торнау, который сам в нарушение приказа перебрался с добровольцами через реку. – По первому вызову отрядного начальника, все люди без изъятия объявили готовность идти в охотники; когда же им объяснили, что этого нельзя допустить, и в предстоящем деле, не представляющем пути к спасению в случае неудачи, желателен для передового боя только тот солдат, который совершенно уверен в своей силе и крепости духа, выступили ещё не менее тысячи человек. Лишь помощью жребия удалось выделить из них двести потребных охотников, потому что солдаты спорили между собой, не уступая один другому право драться с турчином: или пан или пропал“[32]. „Славная Кулевчинская победа и потом ожидание атаки грозного ряда Шумлинских укреплений, лежавших в виду нашего лагеря, – писал он в другом месте, описывая своё посещение Главной квартиры, – надежда, пожалуй, шагнуть еще за Балкан и завоевать самый Царьград, эта задушевная мысль русского народа, действовали обаятельно на солдата, заставляя его забывать труды и горе“[33].

Отдельное место в четвёртом блоке информации занимают рассказы о быте войск. Здесь также можем наблюдать различия в повествовании, обусловленные статусом авторов. А. И. Михайловский-Данилевский провёл большую часть времени в бездействии при осаде Журжи. Он сам признавался, что лишь в штабе Действующей армии, ознакомившись с огромной перепиской, „в скором времени могу составить себе ясное представление об армии“[34]. Но даже это „ясное представление“ было относительным, поскольку истинного быта войск генерал так и не прочувствовал, что отразилось в воспоминаниях. Бытовые сцены у него – описание скучной и однообразной жизни начальника военной части, которая находится в вынужденном бездействии. Поэтому он подробно останавливался на том, как чины штаба его отряда проводили свободное время. Обращал внимание А. И. Михайловский-Данилевский и на негативные моменты бездеятельности войск: ослабление дисциплины, болезни. К сожалению, о быте простых солдат сведения у него скудны[35]. Интересно описание Главной квартиры. Правда, генерал сосредоточил своё внимание на собственной служебной деятельности, поэтому, в сравнении с описанием быта войск при осаде, картина жизни Главной квартиры выглядит схематичной и урезанной[36].

Ф. Ф. Торнау более информативен, поскольку касается вопросов обмундирования войск, отношения высших офицеров к нижним чинам, рассуждает о качестве русских солдат, приводит отдельные эпизоды из их жизни. Быт в воспоминаниях Ф. Ф. Торнау – это быт состоявших при штабе армейских офицеров. Здесь мало описаний скучных официальных обедов (описывает обед у главнокомандующего[37]), зато много зарисовок времяпровождения офицеров младшего и среднего командного звена[38]. В отличие от А. И. Михайловского-Данилевского, Ф. Ф. Торнау принимал участие в боевых действиях, поэтому зарисовки как бы распадаются на две части: офицерский быт в тылу и на линии фронта.

Бытовая жизнь войск в военное время всегда тесно связана с боевыми действиями. Оба автора, будучи на театре войны, вполне естественно касались этих сюжетов. Часть из них составляют описания хода боёв, в которых они личного участия не принимали, а пользовались рассказами других. У А. И. Михайловского-Данилевского эти сведения составляют подавляющую часть рассказов о боевых операциях. В силу своей службы, ему не удалось принять участия в схватках с противником. Он лишь наблюдал издалека одну стычку, связанную с вылазкой турок из крепости[39].

В воспоминаниях Ф. Ф. Торнау описания военных действий с чужих слов (скорее даже написанных не по свежему материалу, а исходя из знаний, полученных уже после войны) служат лишь фоном и пояснением к деятельности отряда, в котором с 1829 г. находился прапорщик[40]. Большая часть сведений указанного характера посвящены боям отряда Ф. К. Гейсмара, в которых Ф. Ф. Торнау принимал личное участие. Война здесь лишена героики. Примечательно, что Ф. Ф. Торнау при описании боевых действий не использовал шаблонов типа „лихой наскок“, „молодецкая удаль“, „славное дело“, которыми пестрят официозные издания. Он рисовал жизнь на войне такой, какой она виделась офицеру в строю (хотя следует оговориться, что сам прапорщик выполнял должность офицера Генерального штаба и не был простым строевиком). Достаточно разносторонне представлена Ф. Ф. Торнау картина следования отряда по театру боевых действий: особенности его передвижений, действий отдельных частей и людей на марше, в сражении, на привале[41].

Ценными для исследователя войны 1828–1829 гг. и войн вообще представляются психологические характеристики, которые приводил Ф. Ф. Торнау[42]. Они позволяют понять, что, с одной стороны, в боевых действиях человеческий фактор играет основную роль, а с другой – как меняет война психологию человека, особенно молодого.

В контексте боевых действий интересна точка зрения авторов воспоминаний на военное искусство и состояние войск. Во многом взгляды офицеров по этим вопросам совпадают. В частности, оба они отмечали отличие тактики ведения войны в Азии от войны в Европе. „В войне с турками и с другими восточными народами надо смело идти вперед, не пугаясь численности противника; победа остается за тем, кто не робеет. Отступать перед ними значит вызывать на себя срам и поражение, потому что азиятцы преследуют неустоявшего врага с неотразимым бешенством“, – писал Ф. Ф. Торнау, приводя в пример действия под Врацей Ф. К. Гейсмара[43], которого он считал прогрессивным генералом. „В привязанности, которую он успел внушить подчинённым, – отмечал прапорщик, – заключалась одна из главных тайн его удач в турецкую войну. Солдат был убеждён, что лучше Гейсмара никто его не поведёт, поэтому шёл на неприятеля с непоколебимою уверенностью в победе и полюбил его, как русский солдат умеет любить, полюбил за то, что он избавил его от вещей, совершенно ненужных для боя, которыми пехота и кавалерия были в то время отягощены ко вреду солдатского здоровья. Гейсмар тогда уже смотрел на военное дело тем ясным взглядом, который мы освоили себе только в настоящее время, после многих тягостных уроков, и воспользовался правом отдельного начальника для приведения в исполнение своих собственных идей, не спрашивая разрешения. Его обвиняли за это в большой армии, называли отряд нестройною толпой сорванцов, не похожих на солдат, писали к нему, требовали объяснения и отмены, а потом сами были принуждены покориться некоторым мыслям его. Между тем он отмалчивался и отвечал на обвинения не словами, а делом, смелыми удачами. Кивера, никуда не годившиеся в знойном турецком климате, сжимавшие голову, не обороняя ее ни от солнца, ни от холода, ни от удара, Гейсмар заменил у пехоты и у драгун шапками, к которым приказал пришить предлинные козырьки для защиты от ярких солнечных лучей. Тесак, мешавший ходить и в деле никогда не употребляемый пехотным солдатом, был приобщён в складах к киверам и к лишним вещам из ранца; поэтому пехота маловалахского отряда ходила легко и весело. У драгун Гейсмар отнял ружья и по одному пистолету, требуя от

них только кавалерийскую службу; дал им пики, запретил фланкировать с турками, употребляя на этот предмет исключительно казаков, и 4-я драгунская дивизия, при встречах с турками, во всю кампанию не имела ни одной неудачи“[44]. Здесь, к слову, раскрыта ещё одна особенность войны на Востоке – непригодность европейского обмундирования, которое хорошо смотрелось со стороны, но в бою, да ещё в другом климате, только мешало. Осознание этого в европейских державах, проводивших в первой половине XIX в. активную колониальную политику, привело к изменениям формы колониальных войск, которая коснулась армий на континенте значительно позже.

Описывая военное искусство и состояние вооруженных сил вообще, Ф. Ф. Торнау и А. И. Михайловский-Данилевский значительное место уделили офицерскому корпусу. Вообще нужно сказать, что оба автора старались быть объективными при его характеристике. В силу своего положения А. И. Михайловский-Данилевский больше писал о высшем офицерском составе, показав различные его типы. „В 12-ти верстах за нами по Бухарестской дороге стояла ещё одна бригада нашей 4-й дивизии, при которой находился дивизионный начальник, генерал Штегман. Он хотя был гораздо старше Лошкарёва, но по неспособности его не доверяли ему команду блокадного отряда; представляется вопрос, отчего не отлучали от армии генералов, негодных для войны, каковых, к сожалению, у нас есть довольно“, – сокрушался он по прибытии к месту службы[45]. Прямо на вопрос этот ответа автор воспоминания так и не дал, зато предоставил хорошую пищу для размышлений, рассказав о своеобразии назначения на высшие командные должности в российской армии[46].

Ф. Ф. Торнау в своих воспоминаниях охватил больший пласт офицерства. На своём примере и на примере других он анализировал психологию среднего и низшего звеньев командного состава русской армии того времени. Автор пишет об особенностях отношений между офицерами различных родов войск, между старшими и младшими. Показывая неоднородность офицерского корпуса, Ф. Ф. Торнау сосредоточил внимание и на профессионально-личностных его качествах. Например, он нарисовал очень яркий образец генерала-ретрограда николаевского времени[47]. Ему он противопоставил своего начальника, генерала Ф. К. Гейсмара. Показав две разных категории высшего офицерства, Ф. Ф. Торнау дал ключ к пониманию того, почему в войне одни части или отряды не могут победить противника, даже имея численное превосходство, а другие выигрывают сражения и в невыгодных условиях. В целом, офицерский корпус в воспоминаниях Ф. Ф. Торнау предстает не чем-то монолитным, а, скорее, единством в многообразии. Причем, именно на этом многообразии сконцентрировано внимание автора, ставившего задачу показать, что представление об офицерском сообществе, как едином целом, есть на самом деле достаточно условным.

К сожалению, описания простых солдат, костьми и кровью которых делались победы, занимают не так уж много места у обоих авторов. А. И. Михайловский-Данилевский упомянул о них лишь пару раз[48]. При этом о казаках – лишь вскользь[49], а рекруты интересовали его как военный материал. Ф. Ф. Торнау чаще вспоминал о рядовом составе армии. Он анализировал особенности поведения солдат на войне, основывая свой анализ на личных наблюдениях. „Сметливость и ловкость русского солдата позволяют употреблять его на каждое дело, не теряя времени на долгое обучение“, – писал бывший прапорщик[50]. Он отмечал также и другие качества русских солдат – выносливость, преданность делу, беззаветную храбрость, доброту к поверженному врагу[51]. Но при этом собственно военные качества рядового состава у него как бы отодвинуты на второй план. Вынеся из личного опыта своё мнение о простых солдатах, Ф. Ф. Торнау не идеализировал их, как это было принято у „ура-патриотов“, и не обходил стороной, как высшие аристократы. Главное место в его воспоминаниях, касающихся солдат, всё же занимали простые крестьяне с их традиционными взглядами на жизнь, на войну, на окружающий мир. „Если бы пишущие историю всегда знали через какие обстоятельства прошли эти

деятели былого времени, – отмечал Ф. Ф. Торнау, – каким раздирающим впечатлениям они подвергались, какие душевные страдания, какие сверхъестественные труды они перенесли, добиваясь нередко самых ничтожных результатов, как бы иначе судили они о фактах, как бы иначе ценили людей, боровшихся с природой, со смертью, трудившихся всю жизнь и умиравших в каком-нибудь забытом уголку земли с одним помыслом, с одною надеждой – исполнить долг солдата и сберечь народную славу!“[52].

Наконец, последний элемент четвёртого блока составляет информация о непосредственной служебной деятельности. Больше всего материалов этого блока касается службы Генерального штаба и военной разведки. Связано это с тем, что оба офицера занимали должности по Генеральному штабу: Ф. Ф. Торнау – при отряде Ф. К. Гейсмара, а А. И. Михайловский-Данилевский с августа – при штабе Действующей армии. Из их воспоминаний мы можем составить относительно цельную картину особенностей деятельности генштабистов во время войны. Воспоминания Ф. Ф. Торнау, как и во многих других случаях, более насыщены и позволяют составить полное впечатление об объеме и сложностях работы младшего офицера Генштаба.

Что касается разведки, то она включала в себя комплекс различных мероприятий, направленных на сбор сведений как о противнике (для чего использовались рекогносцировочные отряды или поездки отдельных офицеров и сведения, полученные от агентов), так и о местности (рекогносцировочные поездки офицеров Генштаба). Сведения А. И. Михайловского-Данилевского, относящиеся к службе Генерального штаба, касаются прежде всего её высших должностей – постов дежурного генерала при полевом штабе и начальников штабов всех уровней (хотя о последних информации в воспоминаниях немного). Из его же воспоминаний мы узнаём, что помимо войсковой разведки, которая частично отображена в мемуарах Ф. Ф. Торнау, существовала ещё и, условно говоря, вневойсковая, которой занималась полиция. Однако в целом о деятельности её на этом поприще А. И. Михайловский-Данилевский отзывался весьма нелестно[53].

Наконец, несколько особняком стоят воспоминания о переговорах с турками. Ф. Ф. Торнау описал переговоры по поводу сдачи Арнаут-Калесси, в которых он принимал участие, а А. И. Михайловский-Данилевский – первые встречи с турецкими уполномеченными, окончившиеся подписанием Адрианопольского мира. Их ценность заключается в том, что здесь показаны разные уровни переговорного процесса, а это, в свою очередь, даёт возможность составить более полное представление об особенностях его ведения с азиатскими народами[54].

Таким образом, воспоминания Ф. Ф. Торнау и А. И. Михайловского-Данилевского отражают взгляд на войну значительной и причём далеко не худшей части российского офицерства. Однако, в целом, они очень отличны друг от друга. Поэтому материалы, изложенные в них, необходимо использовать комплексно. Только такой подход позволит исследователю нарисовать более красочную и полную картину русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

Различия между офицерами-мемуаристами заметны во многом: в положении, в воспитании, в восприятии действительности, в служебной деятельности во время войны и даже в возрасте, в котором они в этой войне участвовали. Воспоминания А. И. Михайловского-Данилевского – образец мировоззрения той части русской аристократии начала XIX в., которую очень удачно охарактеризовал американский историк Д. Ливен. „Сознание того, – писал он, – что офицер-аристократ, служа царю, превратил Россию в могущественную силу, с которой вынуждена считаться Европа, было главным источником чувства собственного достоинства, никогда не покидавшего аристократию“[55]. К тому же, указанный офицер занимал высшие должности в армейской иерархии, что нашло отражение и в его видении войны, и в содержательности его мемуаров. Обобщающий взгляд руководителя здесь парадоксальным образом совмещается с невысокой фактологической наполненностью. Причиной этого, скорее всего, было то, что непосредственно в боевых

действиях генерал не участвовал. В этом отношении, намного более полезными для исследователя являются мемуары Ф. Ф. Торнау, прошедшего кампанию 1829 г. на низших офицерских должностях Генерального штаба, непосредственно участвовавшего в сражениях и хорошо знавшего быт войск. Даже учитывая тот факт, что его воспоминания писались не менее чем через 20–30 лет после описываемых событий, нельзя не отметить их насыщенность фактическим материалом из личного опыта и личностными оценками автора, характеризующими офицерскую среду русской армии николаевской эпохи.

Обоих авторов сложно упрекнуть в сознательной необъективности. Правда, разница в подаче материала у них всё-таки наблюдается. А. И. Михайловский-Данилевский отдавал предпочтение фактическим описаниям над аналитическими размышлениями (хотя и таковые в его тексте имеются), в то время, как Ф. Ф. Торнау перемежал их относительно равномерно, не стесняясь критиковать себя, молодого, с высоты прожитых лет и давать оценочные характеристики людям и событиям. У первого автора много сведений из вторых рук (сплетен, слухов, рассказов), в то время как второй описывал преимущественно те события, в которых лично принимал участие.

Анализируя информативность указанных источников, следует отметить, что значительное место в них уделено жизни тыла и армии. В основном, офицерского состава. Солдатский быт в мемуарах практически не отражен. В целом воспоминания Ф. Ф. Торнау глубже и разностороннее отображают указанные сферы военной жизни.

Источники дают яркое представление о корпусе материалов подобного рода. Их исследование позволяет прийти к выводу, что сведения, касающиеся войны 1828–1829 гг. между Российской и Османской империями, необходимо использовать только в комплексе – как с другими мемуарами, так и с иными видами источников. Только в этом случае можно воспроизвести объективную картину русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

[1] *Записки А. И. Михайловского-Данилевского* / Публ. Н. К. Шильдера. – Русская старина, 1893, № 7, 177–207; № 8, 357–387 (http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1820/1840/Michajlovskij_Danilevskij); *Торнау, Ф. Ф.* Воспоминания русского офицера. М., 2002, 11–128 (http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1820-1840/Tornau/).

[2] *Дзидзария, Г. А.* Торнау и его кавказские материалы. М.: Главная редакция восточной литературы, 1976; *Макарова, С. Э.* Ф. Ф. Торнау. Воспоминания русского офицера //http:fershal.nagod.ru/Memories/Texts/Tornow/Makarova.htm

[3] *Сапожников, А. И.* Генерал-лейтенант А. И. Михайловский-Данилевский: карьера военного историка. – Новый часовой, 1997, № 5, 45–48; http://ru.wikipedia.org/

[4] *Макарова, С. Э.* Указ. соч.

[5] *Торнау, Ф. Ф.* Указ. соч., с. 18.

[6] *Записки А. И. Михайловского-Данилевского..*, с. 182, 190–191.

[7] *Торнау, Ф .Ф.* Указ. соч., 18–19.

[8] Там же, 123–124.

[9] Там же, с. 18.

[10] *Записки А. И. Михайловского-Данилевского..*, с. 185.

[11] *Торнау, Ф. Ф.* Указ. соч., 11–12.

[12] Там же, с. 52.

[13] *Записки А. И. Михайловского-Данилевского..*, с. 182, 189.

[14] *Торнау, Ф. Ф.* Указ. соч., с. 69, 99.

[15] *Записки А. И. Михайловского-Данилевского..*, с. 188.

[16] Напр.: *Торнау, Ф. Ф.* Указ. соч., с. 124.

[17] Напр.: Записки А. И. Михайловского-Данилевского.., 184–185.

[18] *Торнау, Ф. Ф.* Указ. соч., 59–60, 85, 114–116.

[19] *Записки А. И. Михайловского-Данилевского..*, с.191.

[20] *Торнау, Ф. Ф.* Указ. соч., 124–126.

[21] *Записки А. И. Михайловского-Данилевского..*, 195–196, 187, 358–359, 366–367.

[22] *Торнау, Ф. Ф.* Указ. соч., 72–73, 103–104, 110–111, 117–120.

[23] Там же, 20–21; Записки А. И. Михайловского-Данилевского.., 378–379, 184-185.

[24] *Записки А. И. Михайловского-Данилевского*.., 368, 381–382.
[25] *Торнау, Ф. Ф.* Указ. соч., с. 59, 101–103.
[26] *Записки А. И. Михайловского-Данилевского*.., с. 381.
[27] Там же, с. 386.
[28] Там же, с. 387.
[29] Там же, с. 386.
[30] *Торнау, Ф. Ф.* Указ. соч., с. 108.
[31] *Записки А. И. Михайловского-Данилевского*.., с. 386.
[32] *Торнау, Ф. Ф.* Указ. соч., 50–51.
[33] Там же, 70–71.
[34] *Записки А. И. Михайловского-Данилевского*.., с. 377.
[35] Там же, 198–199, 201–202, 360.
[36] Там же, с. 384.
[37] *Торнау, Ф. Ф.* Указ. соч., 69–70.
[38] Там же, 34–35, 43–44,79.
[39] *Записки А. И. Михайловского-Данилевского*.., с. 362.
[40] *Торнау, Ф. Ф.* Указ. соч., 28–29, 65, 93–94.
[41] Там же, 65–66, 80–81, 94–96, 105–107.
[42] Там же, 51–52, 63, 87.
[43] Там же, с. 101.
[44] Там же, 41–42.
[45] *Записки А. И. Михайловского-Данилевского*.., с. 196.
[46] Там же, 365–366.
[47] *Торнау, Ф. Ф.* Указ. соч., с. 71.
[48] *Записки А. И. Михайловского-Данилевского*.., с. 198, 360.
[49] Там же, с. 197.
[50] *Торнау, Ф. Ф.* Указ. соч., с. 47.
[51] Там же, 51–53, 88.
[52] Там же, с. 88.
[53] *Записки А. И. Михайловского-Данилевского*.., с. 380.
[54] *Торнау, Ф. Ф.* Указ. соч., 109–110; *Записки А. И. Михайловского-Данилевского*.., 385–386.
[55] *Ливен, Д.* Аристократия в Европе. 1815–1914. СПб., 2000, с. 37.

УДК 355.48(470+571:560)»1828/1829»:271.2-855(498.7/.8)

НЕКРАСОВЦЫ И РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1828–1829 гг.

А. А. Пригарин

Прігарін О. А. **Некрасівці та російсько-турецька війна 1828–1829 рр.**

У статті на основі архівних джерел відтворена історія оригінальної групи козаків-старовірів – „некрасовців“. Її представники опинилися по обидві боки кордону між Російською та Османською імперіями. Показано, як воєнні події вплинули на диференціацію поглядів у цьому середовищі. Виявлено дві моделі наступного виживання некрасовців: нонконформістська – залишитися вірними турецькому уряду, і ліберальна – переселитися на російські землі.

Ключові слова: козаки, старообрядці, російсько-турецька війна 1828–1829 рр., Бессарабія, Добруджа.

Пригарин А. А. **Некрасовцы и русско-турецкая война 1828–1829 гг.**

В статье на основе архивных источников воссоздана история оригинальной группы казаков-староверов – „некрасовцев“. Ее представители оказалась по обе стороны границы между Российской и Османской империями. Показано, как военные события повлияли на дифференциацию взглядов в этой среде. Выявлены две модели последующего выживания некрасовцев: нонконформистская – остаться верными турецкому правительству, и либеральная – переселиться в российские пределы.

Ключевые слова: казаки, старообрядцы, русско-турецкая война 1828–1829 гг., Бессарабия, Добруджа.

Prigarin A. A. **Nekrasovci and Russian-Turkish war 1828-1829**

In the article on the basis of the archived sources is recreated of history of original group of Cossaks-Old-Believers (“Nekrasovci”). Hers representatives appeared for both sides a border between Russians and Ottomans empires. It is shown, as soldiery events influenced on differentiation of looks in this environment. Two models of subsequent survival of Nekrasovci are educed: nonconformist – to remain faithful to the Turkish government, and liberal – to transmigrate in the Russian limits.

Keywords: cossacks, Old-Believers, Russian-Turkish war of 1828-1829, Bessarabia, Dobrudja.

Некрасовцы – одна из оригинальных групп русского казачества, истоки формирования которой восходят к донским казакам – участникам восстания Кондратия Булавина (1707–1709 гг.). Как на образование, так и на развитие группы в XVIII–XIX столетиях оказало влияние два фактора. Во-первых, социально-политический протест против „программы реформ“, начавшийся в истории Российской империи с Петра I. И, во-вторых, стремление сохранить старую „дониконовскую“ веру. Бескомпромиссность этих взглядов фиксирует известный кодекс обычного права – „Заветы Игната“, авторство которого фольклорная память приписывает первому атаману – Игнату Некрасову (1660–1737 гг.), выведшему предков казаков под юрисдикцию Османской Порты, на Кубань.

© А. А. Пригарин, 2012

На протяжении своей истории ***некрасовцы*** (самоназвание – и по происхождению, и по форме бытования), т. е. общность бывших донских казаков, получила от своих соседей ряд экзоэтнонимов (внешние наименования): ***Кара-Игнат*** („*черные Игнаты*“ – так прозвали их ногайцы за черные кафтаны); ***Игнат-казаки*** (турки – в честь их атамана; к слову, часть некрасовцев в Малой Азии в XIX ст. от турок получила еще одно близкое прозвище – „***Ин'ат-казаки***“ – „*упрямые казаки*“). Характерно, что все эти названия содержат в себе упоминание о легендарном атамане (то есть являются антропонимами по сути). Возможно, что значительную роль в формировании названия сыграли упомянутые „Заветы Игната“, вокруг которых и происходили процессы внутригрупповой консолидации, а также сепарации от общего массива русских и казаков (не говоря уже о функции межэтнической дифференциации)[1].

Дальнейшая история некрасовцев сложна, и, несмотря на обширную библиографию, имеет немало малоизвестных либо же дискуссионных сюжетов. Среди такого рода проблем особое место занимает круг вопросов о „дунайском периоде“ – истории жизнедеятельности некрасовских общин в Добрудже и Бессарабии.

Анализ историографии убедительно показывает, что оценка этого периода в некрасовской истории неоднозначна. Одни ученые склонны были считать его второстепенным эпизодом в истории группы, хронологически ограничивая 1780–1814 гг. Согласно мнению, высказанному еще в XIX веке А. А. Скальковским и П. П. Короленко[2], а также приверженцам этой историографической традиции уже в XX веке – Н. Г. Волковой, Л. Б. Заседателевой[3] и Д. В. Сеня[4], нельзя говорить о некрасовцах на Дунае ранее „большой выходки“ в конце 1770-х – начале 1780-х гг. из Кубани (компромиссная точка зрения – нижняя граница 1750-е гг. – появление первых некрасовцев на Дунае). По мнению этих ученых, в Добрудже некрасовцы не смешиваются с крестьянами-старообрядцами (липованами) и по мере расширения границ России, а также под давлением задунайских украинских казаков выселяются на побережье Мраморного и Эгейского морей не позднее 1814–1815 гг. Липоване же, воспользовавшись именем и льготным положением казаков-некрасовцев, остаются жить в Добрудже и часть из них даже переселяется в 1811–1813 и 1829–1830 гг. на территорию Российской империи, в Бессарабию.

Следует также указать, что причины этой политической и социальной дифференциации общин определяются учеными по-разному. Более четко прослеживается позиция исследователей, для которых социальные факторы являются определяющими (И. В. Смирнов, Д. В. Сень). Стремясь сохранить „*казацкую республику*“, некрасовцы, по мнению этих ученых, ушли на Дунай, где земледелие создало предпосылки для разложения прежних общин. Демократическая часть ушла далее, в поисках „*Града Некрасова*“, а состоятельные хозяева остались на Дунае и в последующем легко примирились со сменой названия и социального статуса на „липован“.

В отношении времени переселения и пребывания некрасовцев на Дунае, а также характера их взаимодействий с липованским населением, существует и другая точка зрения. Она представлена работами Ф. В. Тумилевича[5], И. В. Смирнова[6], А. Д. Бачинского[7], И. А. Анцупова[8] и С. И. Феногена[9] . Они полагают, что некрасовские общины переселяются на Дунай уже в 1740-е гг. Обосновывают свое положение данными многочисленных источников того времени. Вместе с тем, С. И. Феноген считает необходимым расширить и верхнюю границу пребывания некрасовцев на Дунае – до 1860-х гг., когда, лишенные особенного казацкого статуса, они вливаются в близкую им группу липован. По его образной метафоре, это был своеобразный „заговор молчания“, согласно которому казаки договорились не проявлять своего легендарного прошлого[10].

Еще ранее А. Д. Бачинский, опираясь на заслуживающие внимания материалы, указывал на тесное взаимодействие между липованами и некрасовцами в конце XVIII – начале XIX в. В то же время И. А. Анцупов предполагал, что все некрасовцы из Добруджи выселились либо на левый берег – в Буджак, либо же в Малую Азию. По его мне-

нию, „*дунайская ветвь сохранила название некрасовцев, но пополнялась и не-казаками: принимала в свой состав всех, кто бежал к ним от царско-помещичьей и церковной неволи*“[11].

Таким образом, в историографии можно выделить два подхода к определению *некрасовцы*: в узком социальном значении – это одна из групп донских казаков; в широком, этнокультурном контексте – это русские старообрядцы с казацкой структурой и статусом. Эта неопределенность нашла свое отображение даже в энциклопедических статьях и справочных изданиях[12].

Существенные противоречия прослеживаются между самими некрасовцами первой трети XIX века в момент российско-турецких войн 1806–1812 и 1828–1829 гг. Тогда усиливалась социально-политическая дифференциация во взглядах некрасовцев: одна партия проявила пророссийские (или толерантные) настроения, другая же выступала за сохранение „*Заветов Игната*“ (радикальная партия, отстаивавшая казацкие традиции, антироссийскую программу). Это отображало внутренние противоречия в старообрядческих общинах. В результате они привели к переселению части некрасовцев на территории России, а части – на Малоазиатское и Эгейское побережья. Сводить эти два вектора ориентации к механическому разделению на казацкие и крестьянские „партии“ вряд ли стоит. Исходя из биографий и других источников, немало бывших казаков оказалось в России и, наоборот, земледельцы оказались на положении казаков в Анатолии. Такому распределению способствовали военные факторы. Группы, захваченные врасплох, шли за войсками – помощь российским или османским подразделениям определила дальнейшую судьбу семейств, спасение от гнева властей.

Итак, накануне российско-турецкой войны 1828–1829 гг. старообрядцы-некрасовцы оказались по обе стороны границы, в составе двух воинственных держав. С российской стороны они проживали обособленно в Измаиле и его предместье Некрасовке; совместно с другими старообрядцами – в Муравлевке, Вилково, Жебриянах, Килие. В турецких пределах некрасовцы составляли абсолютное большинство в станицах Сарыкей, Журиловка, Слава, Камень (Добруджа), Бин-Евле или Майнос (Анатолия). Усложнялось положение тем, что некрасовцы являлись вооруженным формированием, выполнявшем ряд силовых функций на стороне Османской империи.

Старообрядцы, жившие в Добрудже, находились в подчинении Тульчинского паши *Юнос-оглу*. Этот опытный сановник Османской империи в 1807 г. был в Килие аяном, а после пленения содержался в Елисаветграде. И. П. Липранди в 1827 г. писал, что он „*говорил немного по-русски, от роду имеет за 70 лет, весьма хороших правил, любим народом и войсками и веселого характера. Назначен командующим в Тульчу незадолго до Греческого возмущения* [1821 г.]“[13]. Лишь в 1827 г. в условиях подготовки к войне его назначили *Казак-Башею*, т.е. предоставили право на предводительство „***Некрасовцами*** *и, на случай войны,* ***Запорожцами*** *как живущими вблизи его Пашалика*“[14].

Да и сами общины некрасовцев оказались ослаблены пополнением беглого старообрядческого населения. Они не были заинтересованы в активных боевых действиях. „*В 1827 и 28, сотни их были призваны в один Корпус нерегулярной части с Добруджанскими Татарами,* – отмечал М. С. Чайковский, – *и командовал ними командир Саид Мирза Татар, человек смелый, энергичный, добрый вояка, но большой вор – потому как по профессии был конокрадом, чем неоднократно доставал Шахов Татарских. Этот пройдоха Татарский вызывал их для секретных набегов в своем собственном краю, редко на неприятеля водил, т.к. им не доверял: воевал Татарами, а крал и разбойничал Липованскими Казаками. Сотни Липованские пришли в такое неповиновение и распутство, что захватили Гаремы нескольких Пашей при следовании к Шумле, между Базарджыком и Проводами. Женщины сбежали, а богатства и снаряжение пограбили – Саиду Мирзе пришлось срочно с Татарами ограбить в свою пользу сбежавших женщин, доставить несколько сот Казаков в Шумлу*“[15].

Несмотря на такую ситуацию, части некрасовцев на турецкой стороне активно приняли участие в ряде военных компаниях войны 1828–1829 гг. Главным сборным пунктом являлось Бин-Эвле в Анатолии. Отряды игнат-казаков сражались на ответственных участках военных действий. Например, известно, что они принимали деятельное участие при обороне важных стратегических пунктов в Добрудже – Силистра, Шумла[16] и т.д.

Стремительность, с какой российские войска заняли Добруджу, предопределило, что часть старообрядческого населения попала, по сути, в плен, не успев бежать далее. Такая ситуация обусловила новую волну переселений в Бессарабию, в подданство Российской империи. В то же время, часть староверов оказалась заложниками Османской власти – призванные в армейские подразделения казаки непосредственно участвовали в боевых действиях.

Весь драматизм положения раскрывают показания одного из некрасовцев:

„14 Апреля 1831

Его Высокопревосходительству
Измаильскому Градоначальнику Господину
Генерал Лейтенанту и кавалеру Сергею
Александровичу Тучкову

Доложить

Некрасовца, вышедшего из-за Дуная,
Якова Шашкина

Прошение

Предки мои с давних времен были некрасовцами в подданстве Оттоманской Порты, и в последнюю войну оного с Россией, я находился на службе по повелению султана с набранными из некрасовцев козаками в Силистрии для обучения, командуя сотнею, – и когда Российские победоносные войска вступили в пределы турецкого владения, мы яко христиане и турки, в том подозревая, отправили нас из Силистрии в Андрионополь, от толь отправлены были в Константинополь, где по отобрании от нас оружия содержимы были в тюремном заключении в железах до девяти месяцев, терпя невероятные нужды и изнурения.

От толь нас поместили на военные суда между турками, на коих тамо находились на море семь месяцев, после того отправлены мы за Константинополь в отдаленную страну для поселения, – и мне, над состоящими в команде моей 221 человека козаками, дано полное право оными командовать по аферману турецкого султана (который я имел честь предъявить Вашему Высокопреосвященству по прибытии моем в Измаил), по оному ферману я, дабы избавить подчиненных моих от турецкого ига, поданной мне власти выдал им билет к следствию для заработков в разные места, а в настоящем смысле уговорил их прибегнуть под покровительство Всемилостливейшего Российского монарха, и защиту Вашего Высокопреосвещенства, – Из числа оных козаков все возвратились по моим видам на прежнее жительство в Серикой, и из оных более ста находятся уже здесь под покровительством Вашего Высокопревосходительства, и последние, – Я ожидаю поуведомления, в скором времени прибудут просить Вашей защиты, – Я же, отпустя оных казаков, сам оставался в опасности моей жизни, и действительно таковая угрожала мне постоянно, но всемогущий творец меня спас невидимо. Я спасся, удалось на малом челноке по морю, прибыл в Измаил под защиту и покровительство Вашего Высокопревосходительства, и осмеливаюсь просить хотя за небольшую, но усердную мою ревность по великодушию Вашему предоставительством Вашим у Всемилостливейшего монарха, испросить мне при старости моих лет награждения, – На

что буду ожидать Вашего Высокопревосходительства милостливейшей Резолюции. – Яков Шашкин, а за неумением его Грамоте, со слов его сие послание писал Измаильский житель Николай Баклин“[17].

Часть этих староверов за подобные проступки – бегство к российским войскам и в пределы Бессарабии – были арестованы. „*...По окончанию войны разбойные сотни Липованские отправлены в Стамбул и вскоре вообще от Султана Махмуда распоряжение получили на галеры пойти на лет пятнадцать – высланы в Тершань (тюрьма Адмиральская), и к каторжным работам. После года заточения, по просьбе Казаков Кубанских, в награду за их заслуги и верности, Липованские сотни выпустили из-под стражи и вернулись по домам*“[18]. Еще один яркий пример межгруппового взаимодействия между некрасовцами и липованами.

Но среди некрасовцев (особенно майноской территориальной группы в Анатолии) были и нонконформисты, которые последовательно отстаивали интересы своей новой родины – Турции – и принципы „*Заветов Игната*“, не вступая в переговоры с представителями России. Известно, что один из атаманов таких казаков, Иван Солтан[19], в 1828 г. захватил в плен донских казаков, выступавших на российской стороне. Этим пленным он обрезал уши и вырезал кусками кожу на их телах, а затем отправил все это Николаю I. А пояснил это так: „*Мы и Донцы являемся одной кровью, одной костью, они служат белому Царю и их много и много. Мы служим Султану и есть нас мало – в порядке вещей так и есть, что всегда многое может поглотить малое. От Начальства зависит, чтобы этого не было – мои, своих братьев могли бы отдать в неволю, что в рамках принципов, и мы бы были уничтожены. А так они видят, как я обхожусь с Московскими пленными, каждый себе думает „**хоть бы эта и месть была, но где бы он такое получил от Москаля**“ и не дает себя в плен брать. Где нельзя силой, там необходимо ненавистью и умением воевать*“[20].

Группа некрасовцев численностью около 100 семей перешла еще в 1812 г. в подданство России[21]. Они пребывали на положении особого мещанского общества в Тучкове (Измаиле) и его предместьях. В процессе войны 1828–1829 гг. выяснилось, что они имеют близких родственников в Сарыкее и других станицах турецкой Добруджи. В такой ситуации судьбы отдельных некрасовцев оказались „на разрыв“ в условиях вооруженного противостояния двух держав.

Война и активные действия российских войск послужили предпосылками к окончательной дифференциации некрасовского сообщества. Одна его часть укрепилась в стремлении избежать контактов со своей исторической родиной и обосновалась в Анатолии и, частично, – в Добрудже (после выхода российских войск). Другая же вынуждена была перейти в подданство Российской империи. Это выразилась в миграциях в ходе русско-турецкой войны 1828–1829 гг., а также непосредственно после ее завершения.

Выявленный нами в архивах корпус документов и материалов позволяет реконструировать эти процессы. Опираясь на него, охарактеризуем причины и механизм переселений, районы выхода (причем, на уровне отдельных поселений: из какого селения – в какое), время и масштабы миграций.

Причины, предпосылки и обстоятельства переселения. Сам факт переселения некрасовцев в Бессарабию, в подданство Российской империи, отражает сложную внутригрупповую дифференциацию – социально-экономическую, политическую, и, возможно, конфессиональную. Мы попробуем привести лишь главные, на наш взгляд, из совокупности причин.

Среди внешних факторов можно указать желание царской администрации во второй половине XVIII – первой трети XIX в. получить максимальное число сторонников для борьбы с Османской Портой. С этой целью Россия „*прощала*“ своих недавних врагов – некрасовцев, задунайцев, добруджанских ногайцев и т.д., не говоря уже о широко известном привлечении представителей балканских народов (болгар, греков, сербов, албанцев и т. д.) к военному и хозяйственно-культурному освоению Северного Причерноморья.

Вместе с тем, положение для некрасовцев в Турецкой империи усложняется. С одной стороны, налицо нежелание администрации уладить вооруженные конфликты задунайских казаков с некрасовцами, что значительно ослабляет обе общины. С другой стороны, имеет место привлечение некрасовских казаков к подавлению восстаний на Балканах в 1820-х гг. в качестве жандармских войск. Эти два момента, по-видимому, оттолкнули часть жителей некрасовских поселений от политики Порты.

В условиях войны 1828–1829 гг. вышеназванные противоречия предопределили то, что часть некрасовцев сознательно помогала российским войскам в качестве проводников в Придунавье. Известно, что в районе Бабадага российским войскам под руководством графа Орлова помогли сарыкейские некрасовцы во главе с Семеном Гурьевым и Дмитрием Лысоем[22]. Нередко русское командование привлекало некрасовцев Добруджи к осуществлению различных повинностей в качестве маркитантов, перевозчиков и т. п. Эти контакты послужили поводом для переговоров о переходе некрасовцев на левый, российский берег Дуная.

Однако этот переход – новшество лишь политическое. В хозяйственном отношении левобережье Дуная не позднее середины XVIII века уже входило в географию расселения и жизнедеятельности некрасовцев. То есть, политический компромисс сочетался с двойным возвращением: в подданство своей былой родины и места некогда известные.

Не подлежит сомнению, что левобережье Дуная было хорошо знакомо некрасовцам. Этот момент также сыграл свою роль при переселении. Следует указать и на исторический прецедент – переселение части некрасовских казаков в 1811–1813 гг. (около 100 семей).

С некрасовской стороны инициаторами переселения были казаки селения Сарыкёй (атаман Лев Полежаев, Федор Ребинин, Савастьян Дмитриев, Егор Анисимов и Савва Токарев). С ними в предварительные переговоры вступила военная администрация Бабадагской области (генералы И. Дибич, В. Красовский и М. Кузьмин), а также представители имперской администрации (измаильский градоначальник С. А. Тучков, известный некрасовцам по переселению 1811–1813 гг.; генерал-губернатор Новороссийского края и Бессарабии М. С. Воронцов).

Как сообщали М. С. Воронцову С. А. Тучков, начальник Главного штаба армии генерал-лейтенант Вахтин и генерал-фельдмаршал граф И. Дибич, „*некрасовцы селения Сарикиой 10 июня 1828 года приведены к присяге на верность и подданство Господина Императора Всероссийского с условием переселения в пределы России. Согласились все, кроме 30 семей, пришедших из мест занятых турками за Силистриею*“[23]. К присяге привели также и жителей других некрасовских станиц – Камень, Журиловка, Славы[24].

В апреле 1830 г. некрасовские старшины вступили в переговоры с генерал-лейтенантом В. Красовским, который от лица М. С. Воронцова объявил об их переселении под Керчь. Это предложение „*...они приняли неохотно и, уклоняясь от оного под разными предлогами, просили позволения отправить... в Одессу своих депутатов для узнания мест, которые к поселению их будут назначены*“[25]. Уже в мае 1830 г. делегация некрасовских представителей посетила Одессу. В результате их встречи с М. С. Воронцовым удалось обговорить основные условия переселения. Царская администрация отказалась от первоначального плана расселения некрасовцев в Крыму, около Керчи или Очакова[26]. Некрасовцам было дозволено проживать в бессарабском Придунавье, несмотря на то, что „*по близкому расстоянию от нынешнего места жительства их выходцев, представляются особенные неудобства в отношении Карантинных предосторожностей, которые они легко найдут возможность нарушать, имея старые связи с людьми, обитающими за Дунаем и зная все истоки сей реки*“[27]. Им предоставлялись 20-летние фискальные льготы, планировалось оплатить за счет казны расходы на перемещение хозяйств, а также выделить безвозмездно подъемные. Официальный их статус определялся как

казацкий – они должны были составлять особое общество с полным самоуправлением. В их обязанности входило выставлять от себя вооруженную часть для ведения пограничной службы в мирное время и для боевых действий во время войны. Все эти позиции были согласованы с императором Николаем I и центральным аппаратом власти.

Оценить масштабы этого переселения становится возможным благодаря статистике, дающей представление о количестве некрасовцев и о желании части из них переселиться. Так, военоначальники указывали:

Ведомость о числе некрасовцев, живущих в Бабадагской Области

[март 1830 г.][28]

Таблица 1

Бабадагского Округа в Селениях:	число душ	
	мужеского пола	женского пола
Серакиой	331	284
Карагармани	85	64
Новой Славы	86	62
Старой Славы	77	57
Журиловки	88	55
Мачинского Округа		
в Селении Каменке	149	99
Итого	816	621

Из приведенных данных следует, что абсолютное большинство казаков-староверов Добруджи изъявили желание перейти в подданство России и переселиться в Бессарабию. Однако сравнение численности некрасовцев накануне и после окончания военных действий показывает, что в процессы было втянуто не более половины группы.

Таблица 2

Поселения	**число семей/душ (1827 г.)[29]**	**число душ (1830 г.)[30]**
Серакиой	до500/ 2 000	615
Еникио	50 / 200	
Карагармани		149
Новой славы		148
Старой славы	200 / 800	134
Журиловки		143
Каменки	250 / 1 000	248
Итого	1 000 / 4 000	1437

Очевидно, что часть некрасовцев либо пребывала в составе османских территорий, либо „*спряталась*“ непосредственно в Добрудже. Чиновникам было выгодно указать, что переселение было тотальным. Однако даже среди захваченных некрасовцев далеко не все были настроены на переселение однозначно.

Решение по техническим вопросам было принято на уровне Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора М. С. Воронцова (№ 26687)[31]. В нем, в частности, оговаривались следующие детали: „*По ходатайству Генерал Лейтенанта Тучкова выдать денежные пособия некрасовцам селения Серикёй, переселившимся в пределы России:*

1) возврат денег за наем лодок – 2030 руб.

2) деньги на постройку домов:

а) тем, которые имели средства, привести с собою леса, каждому по 120 руб.

б) тем же, кои перевезли разобранные свои домы, в пособие на установление оных, по 25 руб.“

Помимо финансово-организационных вопросов, нерешенной проблемой оставалась свобода вероисповедания и разрешение на постройку своей церкви. Сначала некрасовцы рассчитывали на дозволение получить в свое распоряжение церковь упраздненного Николаевского старообрядческого монастыря, но в этом им было отказано.

Компромисс был найден лишь после убедительного письма С. А. Тучкова к М. С. Воронцову. Ссылаясь на то, что свобода отправления своих обрядов являлась одним из главных требований некрасовцев, С. А. Тучков предлагал разрешить им перевезти церковь с собой из-за Дуная (с. Сарыкёй)[32]. Предложение было принято, что закрепилось решением Кабинета Министров от 25 ноября 1830 г.[33].

Первые партии переселенцев 1830 г. находились под всяческой опекой военной и местной администрации. Технические вопросы обсуждались на уровне высшего руководства. Например, в сентябре указанного года С. А. Тучкову писал Тимман, командующий российскими войсками в Тульче: „*Для помещения имущества жителей селения Серакиой необходимо нужно 12 шаланд или каларашей турецких, которые удобно могут подходить к Берегу и способные для перевозки тяжестей. Причем Некрасовцы просят о присылки сих лоток раньше назначенного времени к Крепости Тульче, от коль они будут накладывать и направлять к Измаильскому Карантину лес, приготовленный на постройку домов; окончивши же перевозку оного будут отправлять другие вещи*“[34].

На первом этапе переселения не обошлось без недоразумений. Так, старейшины и атаман сарыкёйских некрасовцев Иван Иудаев жаловались на произвол армейских чиновников и препятствия, чинимые ими во время переправы на российский берег Дуная[35]. Вмешательство С. А. Тучкова и его постоянная забота впоследствии помогли казакам в реализации своих планов.

Из всей массы переселенцев лишь первые 645 человек получили денежные пособия на обзаведение хозяйством, перевозку или постройку домов[36]. В дальнейшем лишь некоторым удалось добиться подобного рода льгот.

Объяснение такой „*заботе*“ следует искать в том, что до последнего момента некрасовцы не вызывали доверия у российского руководства. „*Одни из некрасовцев хотят переселяться,* – встречаем мы все в той же корреспонденции, – *в умах прочих – мысли остаться здесь, в ожидании возвращения собратий своих. И Спокойствие продолжалось до прибытия сюда назад не более двух недель из Анадолии атамана служивших там некрасовцев Комелева с 8-ю товарищами. Они замечены в намерении поселить мысль в собратия, нарушить данную присягу российскому престолу, удержать переселение их в Россию*“[37].

И все же высоко оценивая заслуги атаманов некрасовских казаков, было принято решение об их награде[38]. В письме измаильскому градоначальнику С. А. Тучкову, управляющего Бессарабской областью Новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова от 19 января 1831 г. сообщалось: „*Управляющий Главным Штабом Генерал Адъютант граф Чернышев уведомлял меня, что Государь Император по уважении засвидетельствовал Вашего превосходительства об усердии Некрасовского Атамана Льва Полежаева, оказавшему услуги нашему Правительству при начале последней войны с Оттоманской Порты золотую медаль на Владимирской ленте и 2 тыс. рублей ассигнациями*“. Семена Гурьева наградили „*серебренной медалью с надписью за усердие на Анненской ленте*“[39]. Другие из атаманов были удостоены более скромных денежных вознаграждений.

Некрасовцам, как и прочим задунайским переселенцам, была дарована двадцатилетняя льгота. Для поощрения мореходной коммерции вступающие в матросские цеха освобождались от всех податей на 25 лет; в мещанстве – десятилетняя льгота от всех податей и рекрутской повинности[40].

По своему характеру и масштабу переселение некрасовцев в 1830-х гг. может быть разделено на три этапа. Первый (август-сентябрь 1830 года) – организованное переселение некрасовцев из сел Сарикея, Старой и Новой Славы, Журиловки, Камня, Татарицы. Затем последовала волна стихийного самостоятельного перехода старообрядцев с правого берега Дуная. Этот этап продолжался вплоть до 1835 г. и по масштабам превзошел предыдущий. Помимо Бессарабии, в это время значительное количество переселенцев вышло во внутренние губернии России и Украины. И, наконец, третий этап имел место в 1837–1839 гг., когда небольшая часть добруджанских некрасовцев перешла на поселение в Приазовье[41]. Единичные переселения в Бессарабию из Добруджи имели место и в дальнейшем. Так, например, известно: 11 лиц мужского пола и 6 женского среди „*выходцев*“ 1842–1843 гг. Эти 9 семей были причислены в состав мещан посада Вилкова[42].

По нашим подсчетам, десятая часть некрасовцев в конце 1830 – начале 1840-х гг. вновь нелегально возвращается в Добруджу. Об этом свидетельствуют материалы ревизии 1850 года. Многие из семей числятся в них „*бежавшими*“. Впечатляет масштаб такой „реэмиграции“ – каждый девятый мужчина „*бежал за границу в Турцию*“[43]. Среди них был и последний атаман добруджанских некрасовцев – Осип Семенович Гончаров (Ганчар), покинувший с семьей в 1837 или 1838 гг. Новую Некрасовку (Кугурлуй) и поселившийся в Сарыкее[44].

Среди причин возврата за Дунай не последнее место занимали религиозные факторы. Несмотря на относительно толерантное отношение к старообрядцам измаильского градоначальничества, в Османской империи положение церкви было все-таки лучше. Поэтому ревнители „*древлего благочестия*“ нередко покидали российские пределы в поисках конфессиональной свободы. Известно, например, что военными действиями воспользовалось 16 иноков во главе с настоятелем Ираклием Куреневского монастыря Подольской губернии[45].

В эти процессы втянуто было не менее 500 старообрядцев Южной Бессарабии. Кроме того, регион являлся транзитным пунктом для конфессиональных диссидентов всей Российской империи. Наиболее массовыми подобные возвращения в Добруджу имели место в 1836–1838 и 1848–1849 гг. – две трети из бежавших покинули левый берег Дуная именно в эти годы. Причины первой волны следует искать в ужесточении политики местной администрации после отставки измаильского градоначальника С. А. Тучкова. А вот бегству старообрядцев в 1848–1849 гг. мы склоны искать объяснения в религиозных событиях – это было время церковного строительства в Добрудже после учреждения Белокриницкой иерархии (1846 г.).

Индивидуальные свидетельства подобных миграций встречаются среди записей на книгах. Например, один старообрядец написал: „*С России я выехал сентября 1-го 1847-го! В Туретчину 1849-го сентября 15-го, а Улите тогда был 9-й год, того же года по прошествии 6-ти месяцев от взятия архиепископа до разорения скита*“[46]. Так собственная биография вписывается в общую историю региона и группы.

Стоит также отметить, что часть из этих „*бежавших*“ возвращалась вновь в Бессарабию в 1850–1851 гг. Согласно нашим подсчетам по „Ревизским сказкам“, вернулось немногим более 15 % из числа беглецов, или 80 человек. Один случай раскрывает нам механизм „*возврата*“ некрасовцев на левый берег. В 1846 г. в Измаильском карантине был задержан бывший некрасовец Сергей Карпанов из Кугурлуя, проживавший длительное время в османском владении городе Тульче. Видимо, под давлением местных властей он вызвал к себе свою жену Христину и сыновей, Гурия и Ерофея, и семья попросилась обратно на жительство в Новую Некрасовку[47]. Или другой случай: в апреле 1844 г. новонекрасовцы-рыбаки задержали при попытке перейти границу 24 „*бродяг*“. Администрация не скрывала своего удивления, не ожидая „*подобных похвальных поступков, не виданных по сие время от Измаильских жителей, подозревавшихся в покровительстве бродяжничества*“[48]. Понять этот эпизод сегодня уже не представляется возможным – сами переправляя своих одноверцев через границу, кугурлуйские староверы, по-видимому, препятствовали аналогичным несанкционированным ими действам.

Из Придунавья в это время значительная часть переселилась в южные и центральные губернии Российской империи. Так, из 47 семей некрасовцев, перешедших в 1831–1832 гг., 8 избрали для жительства Калужскую, Московскую, Орловскую, Рижскую, Киевскую губернии, Омскую область, город Тифлис[49]. Или на протяжении 1834–1835 гг. около семидесяти некрасовцев из девяноста, покинувших Бессарабию, попросили „*пашпорта*“ или открытые билеты на проезд в Подольскую, Херсонскую и Таврическую губернии[50]. Эти сопредельные южно-украинские территории пользовались особой популярностью[51].

Аналогичная ситуация наблюдается по синхронным данным Бессарабского областного правительства. В течении 1831–1832 гг. оно выдало дозволения на переселения некрасовцам в губернии: Астраханскую, Симбирскую, Екатеринославскую, Тамбовскую, Московскую, Черниговскую[52].

Таблица 3[53]

„*Где пожелали водворится*“:	
в Тучков	84
Кугурлуй	18
Некрасовку	1
Вилково	1
Кишинев	4
Бессарабскую область	3
Херсонской	8
Москве	3
Московской губернии	2
Черниговской	10
Саратовской губернии	6
Воронежской	1
Смоленской	1
Тамбовской	1
Кубань, Перекопскую станицу	1
Киевской губернии	1
Непризнанные некрасовцами	1
Возвратившихся за границу	2
Всего	**148**

По данным измаильского полицмейстера, почти за два года (конец 1833 – август 1835 гг.), статистика этого переселения была следующей. Очевидно доминирование местных старообрядческих общин – Тучков и Кугурлуй; достаточно популярными являлись Бессарабская область и Херсонская губерния (каждый десятый), Черниговская, Саратовская и Московская губернии.

В 1835 г. на масштабах миграций сказались скандалы уже переселившихся старообрядцев с измаильским полицмейстером Черняевым. Эти недоразумения привели к тому, что пребывающие некрасовцы уже в карантинах (Измаильском и Ренийском) узнавали о самодурстве полицейского руководства и возвращались в турецкие пределы[54].

Таким образом, Южная Бессарабия на протяжении 1830–1840-х гг. являлась транзитным пунктом старообрядческих миграций, причем в двух направлениях. С одной стороны, шел поток из Добруджи и, с другой, путь через Бессарабию прокладывали новые мигранты по религиозным мотивам.

Районы выхода. Переселение на первом этапе характеризовалось в рапорте начальнику Бабадагской области Чернышеву генерала Рота (21 августа 1830 г.). В нем констати-

ровалось, что „*жители селения Сарикей в числе 112 семей, составляющих обоего пола до 370 душ, все вообще отправились в Россию, а также из селения Каменка получили билеты 30 семей, но 15 семей сего последнего селения изъявили непременное желание переселиться в Молдавию, а жители селений Журиловка, Новая и Старая Слава и Караормани, в коих до 145 семей, по-видимому, совершенно не намерены переселяться никуда, кроме нескольких*“[55]. По данным начальника Бабадагской области, желание к переселению высказали 632 душ мужского и до 408 женского пола некрасовцев[56].

Однако уже в это время выявилось, что география выходцев намного шире, чем Бабадагский и Мачинский округи. В одном из документов на имя С. А. Тучкова, например, говорится: „*Около крепости Силистрия селения Кучук Диоли разрушено, откуда некрасовцы переселились – часть в Бабадаг, где помогали Российской армии, а часть – в Татарицу. Из них 35 душ обоего пола в Россию, в Тучков*“[57].

Примечательно, что в упомянутом селении находился некрасовский монастырь, называвшийся „*Кучесом или Верировка*“[58]. Но во время военных действий он был разрушен турками, а монахи переселились вместе с казаками в Россию (на Кубань, в Ставрополь).

На первом этапе из Сарыкея вышло 82 семьи, 42 бурлака и 40 вдовца (всего – 368 жителей или 213 мужского и 155 женского пола)[59]. Сравнивая это количество с заявленным, можем отметить, что все желающие воспользовались ситуацией.

Иначе обстояло дело с жителями Журиловки. Из их прошения следует, что они хотели поселиться в одном месте компактно, по своему выбору, намериваясь сохранить рыболовство как основу своего хозяйства[60]. Желание переселиться изъявили все жители Журиловки – 35 семей и 14 „*бобылей*“ (всего 214 человек). Однако в силу того, что отдельного поселения им выделено не было, переселилось лишь 9 семей и 5 холостяков (20 мужского и 12 женского пола, а всего 32 человека)[61]. Все они поселились в г. Тучкове (Измаиле).

Из Камня Мачинской Округи (теперь – с. Каркалиу) в 1830 г. переселилось 20 семей или 100 человек, из них 60 мужского и 40 женского пола[62]. Из селения Новая Слава на первом этапе (осень 1830 г.) переселилось 23 семьи (58 мужского и 34 женского пола, всего – 92 души)[63].

Известно также, что из селений Сарыкёй, Камня и Журиловка к вышеуказанным данным следует добавить еще 6 семей или 26 переселенцев (17 мужского и 9 женского пола)[64]. Сведения о контактах этих семей с метрополией, к сожалению, отсутствуют.

Всего в первую волну переселения (август – октябрь 1830 г.) из Сарикея вышли 82 семьи, 42 бурлака и 40 вдовых (368 жителей)[65]; из Татарицы – 8 семей (всего 33 человека, из которых 19 мужского пола)[66], Новой Славы – 23 семей, Камень – 26 семей, Журиловка – 9 семей[67]. Кроме этого, известны единичные случаи переселения некрасовцев из других мест Турции – Варны, Силистры, Анадолии, Майноса, Эноса и т. п.

Желание переселиться вместе с некрасовцами изъявили также и другие старообрядцы Добруджи. В частности, еще 6 августа 1830 г. начальник Бабадагской области генерал-майор Тиман отправил С. А. Тучкову письмо и прошение о переселении липован Тульчинской округи[68]. Это липованское население, по-видимому, и составило значительную часть переселенцев в 1831–1835 гг.

На этом этапе точно учесть районы выхода достаточно сложно. Многие некрасовцы, прибыв в Ренийский или Измаильский карантин, не указывали своих прежних мест жительства, скрывая свое истинное происхождение. Так, например, на протяжении 1831–1833 гг. в указанные карантины обратилось 48 семей некрасовцев[69]. Из них 15 не указали своего прежнего места жительства. Остальные же – в большинстве своем из Добруджи (12 из Серикёя, 6 – из Журиловки, 4 – из Камня, 3 – из Старой Славы, 2 – из Новой и 4 из Татарицы и хутора Силистринского). Примечательно, что 3 из них были выходцами из Анатолии (сёла Кавал, Майнос). 10 из них сразу же после перехода уехали во внутренние губернии России. Этот факт косвенно подтверждает тезис о том, что крестьяне-старообрядцы, бежавшие в Добруджу, воспользовались первой же реальной возможностью легализировать свое новое социальное положение и вернуться на прежние места жительства.

Не будет большим преувеличением предположить, что часть из тех, кто воспользовался статусом „задунайских“ жителей – некрасовцев и липован, были недавние беглые крестьяне и мещане из России. Эту мысль подтверждает выявленный документ, в котором однозначно указывается, что 5 из 30 семей некрасовцев, поселенных в Ст. Некрасовке в 1830 г., были выходцами из Калужской губернии:

„*крестьянин Калужской губернии Мединского уезда помещицы Анны Федоровны Нерышовой деревни Нившики Прокогрей, а по некрасовскому названию Яков Муравльов;*

Калужской губернии г. Тарусы крестьянин генерала Мойсея Ивановича Карпенка Иван Петров, а по некрасовскому названию Ефтей Хрусталиов;

Калужской губернии Малоеруславского уезда господ Поливанова деревни Чухлевки Денис, а по некрасовскому названию Андрей Чигин;

Калужской губернии Таруского уезда деревни Липиной крестьяне Алексей Степанов (Константин Степанов), а по некрасовскому Степан Субботин;

Калужской губернии Мединского уезда Кирило, а по некрасовскому Михайло Руднев“[70].

Другой некрасовец, Федор Марков, оказался после проверки „*Черниговской губернии Новозыбковского уезда крепостным графа С. П. Румянцева деревни Корниловки*“[71].

В дальнейшем процедура переселения усложнялась. Прибывшие некрасовцы после пребывания в карантине должны были приписаться к одному из существующих обществ некрасовцев (Тучков, Некрасовки либо Муравлевки). Эти общины должны были подтвердить, что переселившийся действительно некрасовец, знакомый им; и что они могут за него поручиться[72]. Приведем пример такого документа:

„*1835-го Года Генваря 8-го дня*

Мы нижеподписавшиеся жители города Измаилова новые некрасовцы дали сию поручительную подписку измаильскому градоначальству в том, что вышедшие из-за границы некрасовцы Афанасий Яковлев и Филимон Иванов, которые согласны добровольно определиться в наше новонекрасовское общество а как мы знаем их, что они суть честного поведения не в коих худых делах не замечены в том общество согласны принять в противном случае, что за ними окажеться противу Закона или же какого за ними Злого Употребления, то мы собственною своею во всем ответствовать обязываемся в том и подписивуемся

Поручители Иван Качалов, Иван Носов, Ларион Ветров, а за неумением его грамоты по просьбе его расписался Иван Александров

[печать Новонекрасовского общества] *Некрасовской староста Мартын Кузмин*“[73].

Другим вариантом было получить открытый лист, в котором указывалось желаемое место жительство. С этим листом переселенец продолжал свой путь вглубь России, запутывая администрацию окончательно. Например, „*некрасовцы*“ выписывались в Одессу, где на основании своего листа просили следующий лист для перехода в Тамбовскую, Московскую, Нижегородскую или другую губернию[74] и т. д.

Ситуацией воспользовались не только ранее ушедшие крестьяне, но и новые беженцы. Узнав о такой политике прощения, какая-то часть крепостных переходила за Дунай и через год-два являлась в карантин под именем некрасовцев или липован. Так, Харитон Иванов Орлов, крестьянин помещицы Н. М. Дьячковой из деревни Девкиной Медынского уезда Калужской губернии, ушел за Дунай в 1831 г., где „*более двух лет проживал в разных селениях*“, а в 1834 г. некрасовец Х. И. Орлов обратился к российской администрации с прошением о возвращении[75].

С конца 1833 по начало 1836 г., то есть, немногим более чем за два года, в Измаил из-за Дуная прибыло еще более 700 старообрядческих семей (свыше 2 тысяч лиц)[76], причем большая часть из них называла себя „*некрасовцами*“. Около половины из них просились на жительство не к своим соплеменникам в общины на дунайское левобе-

режье, а в Херсонскую губернию и далее, вглубь Российской империи. Это стремление свидетельствует, что подобным путем проходила легализация беглых крестьян: из внутренних губерний – в Добруджу, а оттуда, пользуясь некрасовскими свободами, обратно – в южные регионы Украины и России.

Администрация предпринимала попытки выявить бывших крепостных и вернуть их прежним хозяевам. В документах содержатся около сотни таких примеров. Под именем „*некрасовцев*“ скрывались беглые крестьяне из Черниговской, Киевской, Курской и других губерний. Примечательно, что прежде всего фигурируют известные старообрядческие центры – Новозыбков, Стародубье и другие.

Документы свидетельствуют, что в 1834 – мае 1835 г. под именем „некрасовцев“ в Бессарабию переселилось 168 бурлаков. В докладной записке на имя С. А. Тучкова указывалось, что „*часть из них оказались бывшими помещичьими крестьянами и даже солдатами. Им выдавались удостоверения от старшины староводворенных некрасовцев*“[77].

Кроме старообрядцев, льготами некрасовцев воспользовались и духоборцы, молокане, скопцы и т.п. Представители этих сект переселялись в Таврическую губернию и в Закавказье к своим единоверцам[78].

В одной из последних организованных групп переселенцев (осень 1835 г.) находилось 33 человека[79]. Из них 10 было из Сарикея, 6 – из Журиловки, 8 – из Новой и 4 – из Старой Славы. С этой группой произошел конфликт у измаильского полицмейстера. Показательно, что заступились за них перед С. А. Тучковым и М. С. Воронцовым некрасовцы Кугурлуйского (Новонекрасовского) общества.

Официальная статистика из фискальных соображений не могла значительно преувеличить количество перешедших некрасовцев. Зато стремилась приуменьшить число оставшихся (на эту мысль нас наталкивает сопоставление данных до переселения и после).

Перечневая ведомость о числе отправившихся на переселение в Россию и княжества некрасовцев и сколько оставшихся на местах без переселения

21 сентября 1830 года[80]

Таблица 4

Звание селений и каких оные округов	Состояло			Переселилось в Россию в Княжества			Осталось на местах без переселения		
	ем	душ		ем	душ		ем	душ	
селения Бабадагского округа									
Серакиой	98	190	174	80	152	145	18	38	29
Старой Славы	19	51	35				16	42	28
Новой Славы	29	61	43	23	43	19		18	24
Журиловки	50	119	96	12	46	23	35	69	71
Мачинского округа селения Каменки	53	98	75	27	56	42	26	42	33
ИТОГО	**249**	**519**	**423**	**145**	**306**	**236**	**101**	**209**	**185**

Эти данные и послужили отправной точкой бытующего в литературе тезиса о том, что некрасовцев в Добрудже не осталось. На самом деле это не соответствует действительности. Переселение охватило немногим более трети добруджанских некрасовцев. Остальные продолжали свою жизнедеятельность на прежних местах. Кроме этого, следует указать: ряд сел со старообрядческим населением Добруджи вообще не фигурировали в источниках по переселению. Еще одна позиция объяснения связана с тем фактом, что

не меньший поток шел через Бессарабию в Добруджу. Стремительно пополнялось старообрядческое население Придунавья за счет новых беглых из российских губерний.

В целом, можем констатировать: процесс реэмиграции в 1830–1835 гг. затронул основные поселения некрасовцев Добруджи – Сарыкей, Старая и Новая Слава, Журиловка, Камень. После переселения в них осталось от 20 до 85 % жителей, а всего – 101 семья (310 человек). Эти данные совпадают с приводимыми в свое время А. А. Скальковским[81]. Однако сопоставление его сведений с архивными источниками убедительно показывает, что география выхода некрасовско-липованского населения была значительно шире. Например, она включала села Татарица, Кавал, хутор Силистринский, Тульчинскую округу и т. д. Сюда можно добавить и двойных переселенцев – сначала в одно из указанных селений, а затем уже – в Бессарабию. Возможно, что именно за счет такого рода внутренних добруджанских миграций шло восстановление старообрядческого населения дунайского правобережья в последующем.

Численность и места нового расселения. На первом этапе – с 1 октября 1830 по 1 февраля 1831 г. – на подвластную российскую территорию переселилось 1723 некрасовцев[82]. Из них в пределах Буджака осталось 736 чел.[83]. Именно столько задунайских выходцев получили пособия от администрации. Всего в Бессарабии официально осело 1 042 некрасовца[84]. Из них в посад Тучков (Измаил) изъявили желание поселиться 123 семьи и 60 холостяков, или 433 человека (266 мужского и 167 женского пола)[85]. Фактически же поселилось 109 семей и 85 холостяков. Характерно, что в этой общине доминировали выходцы из Сарыкёя. Среди них Лев Полежаев и легендарный Осип Гончар – последний в истории некрасовцев атаман на Дунае.

Таким образом, некрасовская община Измаила значительно пополнилась новыми старообрядческими жителями. Эта община сразу же разделилась на Старонекрасовское и Новонекрасовское (Кугурлуйское) общества. Изначально названия отображали разницу во времени выхода, а затем и отдельные хуторские поселения на землях Измаильского градоначальничества – слобода Некрасова и Кугурлуйские хутора.

Из первого потока переселенцев 32 семьи или 132 человека (62 мужского и 72 женского пола) поселилось в слободе Некрасовка (Старой)[86]. На это они получили согласие местной общины и разрешение Измаильского градоначальника.

Сравнивая эти данные с материалами VIII ревизии (1835 г.), получаем парадоксальные результаты. Так, например, ревизские сказки Старой Некрасовки из 162 мужского и 162 женского пола жителей фиксируют лишь 19 переселенцев 1830 г., и еще 2 в 1824 г., 4 – в 1828 г. и 6 – в 1831 г., а также 4 некрасовца пришло в Некрасовку в 1828 г.[87]. Правда, графа „происхождение“ заполнялась только для мужчин. Видимо, остальные оказались в составе измаильских мещан.

В Новую Некрасовку или Кугурлуй, согласно ревизским сказкам, из 158 мужчин (и 104 женщины) 114 поселилось в 1830 г.[88]. К ним можно добавить переселенцев 1828 г. (4 человека). Кроме этого, значительную часть составляют выходцы второй волны 1833 г. – 7 некрасовцев, 1834 г. – 2 и 1835 г. – 34. В Килие поселилось из Сарыкёя 4 семьи и 9 холостых некрасовцев, а также один старообрядческий инок[89]. Всего 26 человек.

Несколько пополнилась и старообрядческая община селения Муравлевка. Заселение 48 семьями и 14 „*бобылями*“ старообрядцев и некрасовцев бывшего „*татарского урочища Дирекю*“ имело место еще в 1813 г.[90]. По преданию, первым из поселенцев был некий казак Муравлев, давший имя селу. Спустя какое-то время он с семьей переехал на жительство в Старую Некрасовку. На момент наших экспедиционных исследований данная фамилия отсутствовала в Муравлевке, но была представлена среди старонекрасовских жителей. По-видимому, нам удалось зафиксировать отголоски своеобразных процессов, которые восстанавливаются документально.

В мае 1831 г. в Муравлевке числилось 32 старопоселенных и 8 новых семейств некрасовцев. Расследование полицейских властей показало, что 7 семей, узнав о пред-

стоящем переселении и предоставляемых льготах ещё в 1829 г., перешла на правый берег Дуная (скорее всего, на места своего прежнего жительства до 1813 г.). Затем, получив статус „*новопереселяющихся из-за Дуная некрасовцев*“, вернулась в 1830 г. обратно в Муравлевку[91].

В частности, в одном из рапортов на имя С. А. Тучкова констатировалось, что „*есть те самые жители селения Муравлевка, которые бежали за Дунай в прошлом 1829 году, а ныне возвращаются под другим именем и называются некрасовцами, и при том не только не согласны платить назначенную десятину за хлеб, но даже делают между обществом разные развраты*“[92]. Когда же обнаружилась эта пикантная ситуация, муравлевские жители стали проситься в состав города Тучкова, однако им в этом было отказано[93].

Всего в Муравлевку переселилось 14 семей, 7 из них бежавшие в 1829 г. за Дунай[94]. Следует отметить, что без ссылок на источники исследователями приводилась и большее количество поселившихся в селе в это время, а именно: 30 семей[95]. Еще 4 добруджанские семьи поселились в Муравлевке в 1835 году[96].

Из переселенцев начала 1830-х гг. многие получили билеты на жительство в Жебрияны, Тучков (Измаил), Вилково, Килию и, иногда, без указания точного жительства – в Бессарабию[97]. Среди мест желаемого поселения назывались и внутренние губернии – Херсонская, Таврическая, Киевская, Подольская, Саратовская, Тамбовская и другие.

Одно из старейших старообрядческих поселений Придунавья – Жебрияны – значительно пополнилось за счет переселенцев 1830–1835 гг. На 1835 год здесь числилось 7 семей и 7 бурлаков[98], пользовавшиеся пятилетней льготой. В это же время в Жебрияны переселяются старообрядцы из внутренних губерний России (Московской, Калужской и т. д.). Таких семей в Жебриянах выявлено пять.

На 26 октября 1833 г. 59 семей или 192 человека (мужского и женского пола, соответственно 92 и 100) и 55 холостых не выразили желание приписаться ни к одному обществу некрасовцев, существовавших на дунайском левобережье[99]. Скорей всего, это те липоване, которые под именем некрасовцев сразу же после переселения устремились в другие регионы Российской империи.

Но и после этого политика по привлечению задунайских некрасовцев на российские территории продолжалась. Администрация стремилась охватить „*пребывающих еще в безгласности на Дунайских Островах людей, а в особенности Некрасовцы, которые... без сомнения желают возвернуться от толь в Россию, но ими от боязни чтобы не подвергли их взысканию за самовольную отлучку или по ненадеяности на принятие под покровительство начальства, остаются там без всякой цели*“[100].

Даже приблизительная оценка масштабов переселения показывает, что не менее двух с половиной тысяч человек приняло в нем участие. Значительная часть из них – немногим более тысячи – пополнили некрасовские общины Придунавья (Тучков, Старая и Новая Некрасовки, Муравлевка). Другие переселенцы отказались от своего казацкого статуса и поселились в анклавах старообрядцев Бессарабии (Килия, Вилково, Жебрияны, Кишинев и т. д.). И, наконец, многочисленной была группа выходцев дисперсно расселившихся по территориям внутренних губерний Российской империи.

Религиозная свобода и относительно льготная социально-экономическая ситуация в Бессарабии привлекла в регион и старообрядцев других областей. В 1830-х гг. в Измаил переселяется группа мещан-старообрядцев из Подольской губернии. Жители местечек Бершади, Балты и деревни Шуры-Копиевской получили на то согласие измаильского градоначальника в 1833 г.

Эти жители в своем прошении поверенных (Т. Я. Прохорового и П. М. Дьякова) на имя Николая I указывали, что „*еще предки верителей наших и наши поселились с Древле в Деревне Шуры-Копиевской графа Потоцкого..., платя по условия обыкновенно как Вольные люди весьма умеренный оброк/чинш, используясь от Помещика разного выгодами, а в числе оных и землею для хлебопашества, а казне Е.И.В взнося подать вольноживу-*

щих. Приемник помещика граф Мечислав Потоцкий до необыкновения увеличил и местные повинности, а выгоды уменьшил“[101].

Согласно договоренности, в Бессарабию переселилось 154 семьи подольских старообрядцев. Их причислили к мещанам г. Тучкова. Однако большая часть из них расселилась по селам Градоначальничества, занимаясь земледелием. Так, например, старожилы с. Новая Некрасовка еще хорошо помнят, что общество села делилось на „*казаков*“ / „*некрасовцев*“ и „*шурских*“[102]. Последние, по воспоминаниям, были малоземельными и „*положение имели бедственное*“[103].

К 1835 году, времени очередной Ревизии, старообрядцы из Подольской губернии Ольгопольского уезда м. Бершади уже составляли значительное в количественном плане общество города Измаила, а именно: 442 человек[104]. К ним присоединились также бывшие жители слободы Боровицкой Брацлавского уезда (36 человек)[105]. Примечательно, что в числе этих переселенцев в Измаил пришел будущий известный старообрядческий архиерей – Алимпий, Тульчинский епископ[106]. По Ревизским сказкам следует, что Алимпий – тогда Авдей Кузьмин – родился в с. Шура Копиевская в 1827 г., а в 1836 г. перечислен в разряд измаильских мещан[107]. Известно также, что в 1840-х гг. будущий владыка проживал в Килие.

Часть бывших мещан Подольской губернии (12 человек) переехали со временем в с. Шолданешты Оргеевского уезда Бессарабской области, а 7 – в посад Вилково[108].

Зафиксированы также единичные случаи переселений 1830-х гг. старообрядцев из Молдавии и Буковины. Они записывались в некрасовское общество на основании того, что в этом обществе имели „*ближайших сродственников*“. Например, из г. Яссы в 1834 г. переселился Михаил Поляков с семьей[109].

Итак, приведенные материалы позволяют констатировать следующее:

1. Группа некрасовцев оказалась по обе стороны российско-османского пограничья. Война 1828–1829 гг. стала вызовом для небольшой, но хорошо организованной общности казаков – религиозных диссидентов. В результате, им пришлось принимать участие в военных действиях с обеих сторон.

2. Эти события стимулировали дифференциацию в некрасовской среде. Тенденции к компромиссу с Россией, наметившиеся еще ранее, у части бывших донских казаков-староверов заметно усилились в обстоятельствах захвата российскими войсками их поселений в Добрудже. Как следствие, части некрасовцев пришлось переселяться в пределы российской Бессарабии.

3. Нонконформисты из числа некрасовцев не только последовательно противодействовали российским войскам в ходе войны, но и укрепились в своих позициях. Большая их часть окончательно покинула Добруджу и перешла в Анатолию, вглубь османских территорий. Но какая-то часть сторонников таких убеждений после войны осталась в Добрудже. На протяжении 1830–1840-х гг. их ряды пополнили вернувшиеся из российских пределов сородичи.

4. Переселения около 300 семейств некрасовских в Бессарабию значительно пополнили состав прежнего мещанского общества Измаила (Тучкова). В конце концов были созданы два общества: старо- и новонекрасовское. Со временем эти административные названия закрепились в топонимике, обозначая Старую и Новую Некрасовки.

5. Благодаря этим легальным перемещениям, Измаил и его округа становятся одним из мощных центров старообрядчества, причем с официальным признанием со стороны российской администрации. Поэтому этой ситуацией воспользовались как староверы внутри России, так и заграничные ревнители „древлего благочестия“. Бессарабия стала важным транзитным ареалом массовых перемещений старообрядцев сразу в двух направлениях.

[1] Этот аспект удачно подметил краснодарский коллега: *Сень, Д. В.* К проблеме определения понятия „некрасовцы“ и границах его применения. – Кубань в истории России. Ч. 1. Археология и краеведение Кубани: Тезисы докладов V краевой межвузовской аспирантско-студенческой конференции. Краснодар, 1997, 50–53.

[2] *Скальковский, А. А.* Некрасовцы, живущие в Бессарабии. – Журнал Министерства внутренних дел, 1844, № 8, 61–82; *Короленко, П. П.* Некрасовские казаки. – Известия общества любителей изучения Кубанской области, 1900, вып. 2, 1–74; От Кубани до Дуная. – Кубанские областные ведомости, 1895, № 245–247.

[3] *Волкова, Н. Г., Заседателева, Л. Б.* Казаки-некрасовцы: основные этапы этнического развития. – Вестник Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Сер. № 8: История, 1986, № 4, 44–54.

[4] *Сень, Д. В.* Политика царизма в отношении казаков-некрасовцев: этапы и характеристика. – Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1997, № 4, 9–17; К проблеме определения понятия „некрасовцы“.., 50–53; Социальная и военно-политическая история некрасовских казаков (1708 – конец 1920-х гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1999. 27 с.

[5] *Тумилевич, Ф. В.* Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 1961; Фольклор казаков-некрасовцев. – Ученые записки Ростовского н/Д гос. университета. Сер. филол. Вып. 6. Ростов-на-Дону, 1958.

[6] *Смирнов, И. В.* Некрасовцы. – Вопросы истории, 1986, № 8, 97–107.

[7] *Бачинський, А. Д.* Происхождение и состав украинско-русского населения Буджака и низовий Дуная конца XVIII и начала XIX вв. – Записки Одесского археологического общества. Т. 2 (35). Одесса, 1967, 136–150; Некрасовские поселения на Нижнем Дунае и в Южной Бессарабии. Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 7. Одесса, 1971, 159–163; Дунайські некрасівці і задунайські запорожці. – Історичне краєзнавство Одещини. Вип. 6. З історії та етнографії росіян Одещини. Одеса, 1995, 7–23.

[8] *Анцупов, И. А.* Русское население Бессарабии и Левобережного Поднестровья в конце XVIII–XIX вв.: социально-экономический очерк. Кишинев: Инесса, 1996, 54–64; Казачество российское между Бугом и Дунаем. Кишинев, 2000. 287 с.

[9] *Феноген, С. И.* Сарикёй: страницы истории. Бухарест, Критеон, 1998; Сарикёй. Несколько соображений об „исчезновении“ казаков-некрасовцев из северной Добруджи. – Культура русских-липован (старообрядцев Румынии) в национальном и международном контексте. Бухарест, 1998, 37–144.

[10] *Феноген, С. И., Феноген, А. С.* Сарикёй: загадка XIX столетия. Cluj-Napoca, Kriterion, 2004, 121 с.

[11] *Анцупов, И. А.* Указ.соч., с. 59.

[12] *Беловинский, Л. В.* Некрасовцы – БСЭ, 1974, т. 17, с. 439; Некрасовцы – Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы: Опыт энциклопедического словаря. М., Церковь, 1996, 183–184; Русские. Наука, 1999, с. 113 и др.

[13] *Липранди, И. П.* Некоторые сведения о правом береге Дуная, собранные в 1827 году. СПб: тип. Ген. Штаба, 1827, с. 18.

[14] Там же, с.19.

[15] [*Chaykowski, M.*] Kozaczyna w Turcyi. Paryz: w drukarni L. Martinet. Pariz, 1857, 61–62.

[16] *Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО)*, ф. 1, оп. 190 за 1829 г., д. 48, л. 15–16.

[17] КП *„Измаильский архив“* (далее – ИА), ф. 51, оп. 1, д. 18, л. 44–45.

[18] [*Chaykowski, M.*] Op. cit., 62–63.

[19] „ *…был человеком очень приверженным обычаям, воздержанным, несовременным и в интересах своего войска глубоким политиком*“ – так характеризовал его М. С. Чайковский.

[20] [*Chaykowski, M.*] Op. cit., 97–98.

[21] *Скальковский, А. А.* Указ. соч., 71–72; ГАОО, ф.1, оп. 215 за 1844 г., д. 4, л. 4, 8.

[22] ИА, ф. 56, оп.1, д.18, л. 27–28.

[23] ГАОО, ф. 1, оп. 214, д. 7 за 1830 г., л. 1 об.

[24] *Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА)*, ф. 846, оп. 1, д. 4409, л. 9.

[25] ГАОО, ф. 1, оп. 190, д. 48, л. 39.

[26] ГАОО, ф. 1, оп. 190 за 1829 г., д. 48, л. 32, 40–41.

[27] Там же, л. 32.

[28] Там же, л. 34.

[29] Кол-во семей дано по: *Липранди, И. П.* Указ. соч., 40–45. Кол-во душ имеет гипотетический характер.

[30] ГАОО, ф. 1, оп. 190 за 1829 г., д. 48, л. 34.

[31] ИА, ф. 56, оп. 1, д. 7, л. 1.

[32] Там же, л. 48.

[33] *Собрание постановлений по части раскола*. МВД, 1875, с. 107.

[34] ИА, ф. 514, оп. 1, д. 6, л. 61.
[35] ИА, ф. 56, оп. 1, д. 6, л. 128–128 об.
[36] ИА, ф. 51, оп. 1, д. 18, л. 233–238; л. 222–228 об.
[37] ИА, ф. 514, оп. 1, д. 6, л. 63–64.
[38] ИА, ф. 56, оп. 1, д. 7, л. 3.
[39] Там же, д. 18, л. 104.
[40] Там же, л. 54–55.
[41] *Маленко, Л. В.* Переселення колишніх „*некрасівців*“ на землі Азовського козачого війська в 30-х роках XIX століття. – Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України ЗДУ: Південна Україна XVIII–XIX століття. Т. 2. Запоріжжя, РА „Тандем-У“, 1996, 115–124; Правда, есть все основания полагать, что под именем некрасовцев скрывались беглые украинские казаки. Об этом свидетельствуют материалы, опубликованные тем же автором: „*Справа про некрасівців, які побажали прийняти підданство Росії з приєднанням їх після переходу з Туреччини до складу Азовського козацького війська*“ з канцелярії Новоросійського та Бессарабського генерал-губернатора. – Студії з історії Степової України. Вип.1. Запоріжжя, 2003, 13–20.
[42] ИА, ф. 419, оп. 1, д. 58, 39 л.
[43] Подсчитано по: ИА, ф. 419, оп. 1, д. 58; *Национальный архив Республики Молдова (*далее – НАРМ), ф. 134, оп. 2, д. 221.
[44] НАРМ, ф. 134, оп. 2, д. 25.; *Никитин, А. В.* Осип Ганчар. – Русская Старина, 1883, № 4.
[45] *Смирнов, П. С.* История русского раскола старообрядчества. Рязань, 1893, с. 149.
[46] *Старообрядческий сборник.* Полемические сочинения. 1833–1854. Л. 199 об. (Отдел редких книг и рукописей научной библиотеки МГУ, Молдавско-украинская коллекция № 734); Рукописи старообрядцев Бессарабии и Белой Криницы. Из собрания Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносва. Каталог / Сост.: *Смилянская, Е. Б., Денисов, Н. Г.* Депонированная рукопись. В 2-х ч. Ч.1. М., ИНИОН, 2000, с. 88.
[47] ИА, ф. 136, оп. 1, д. 187, л. 97–97 об.
[48] ИА, ф. 514, оп. 1, д. 176, л. 1.
[49] ИА, ф. 56, оп. 1, д. 18, л. 281–282.
[50] Подсчитано по: НАРМ, ф. 2, оп. 1, д. 2116, л. 1–292.
[51] ИА, ф. 56, оп. 1, д. 18, л. 78.
[52] ИА, ф. 51, оп. 1, д. 18, л. 136, 147–147 об.
[53] Составлено на основе: ГАОО в г. Измаил, ф. 56, оп. 1, д. 206, л. 324–328.
[54] ИА, ф. 136, оп. 1, д. 33, л. 6–7, 11–12.
[55] ИА, ф. 56, оп. 1, д. 61, л. 102.
[56] Там же, л. 20.
[57] ИА, ф. 56, оп. 1, д. 19, л. 9–10.
[58] Там же, л. 4.
[59] ИА, ф. 51, оп. 1, д. 18, л. 131–132, 138, 162.
[60] ИА, ф. 56, оп. 1, д. 6, л. 92.
[61] ИА, ф. 51, оп. 1, д. 18, л. 154, 162.
[62] Там же, л. 136, 147–147 об.
[63] Там же, л.121, 166.
[64] Там же, л.149.
[65] Там же, л. 131–132, 138, 162.
[66] Там же, л. 125.
[67] ИА, ф. 56, оп. 1, д. 285, л. 268–274.
[68] Там же, д. 6, л. 56.
[69] ИА, ф. 51, оп. 1, д. 18, л. 281–282, а также – НАРМ, ф. 2, оп. 1, д. 1602, л. 1–231.
[70] ИА, ф. 56, оп. 1, д. 81, л. 126.
[71] Там же, д. 18, л. 31.
[72] Там же, д. 206, л. 117.
[73] Там же, д. 205, л. 93.
[74] ГАОО, ф. 1, оп. 215, д. 19, л. 3–13.
[75] Там же, л. 1–2.
[76] ИА, ф. 56, оп. 1, д. 205–206, т.1 и 2.
[77] Там же, д. 285, л. 7–8.
[78] ГАОО, ф. 1, оп. 214 за 1833 г., д. 10, л. 38–39 об.
[79] Там же, л. 252.
[80] ИА, ф. 56, оп. 1, д. 6, л. 58–58 об., 89.
[81] *Скальковский, А. А.* Указ. соч., с.81.
[82] ИА, ф. 56, оп. 1, д. 18, л. 108.
[83] Там же, д. 19, л. 3.

[84] *Зацук, А.* Бессарабская область. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Ч. 2. СПб, 1863, с. 149.

[85] ИА, ф. 51, оп. 1, д. 18, л. 246–253 об.; аналогичный список опубликован: *Абакумова-Забунова, Н. В.* Русское население городов Бессарабии XIX в. Кишинев, Business-Elita, 2006, 252–460.

[86] ИА, ф. 56, оп. 1, д. 6, л. 51–53 об.

[87] НАРМ, ф. 134, оп. 2, д. 25, л. 23–41.

[88] Там же, л. 2–20.

[89] ИА, ф. 51, оп. 1, д. 18, л. 158.

[90] *Статистическое описание Бессарабии,* собственно так называемой или Буджака. Аккерман, 1899, с. 391.

[91] ИА, ф. 56, оп. 1, д. 18, л. 84–85, 243, 267.

[92] Там же, д. 18, л. 170–170 об., 177.

[93] Там же, д. 21, л. 1–30.

[94] ИА, ф. 56, оп. 1, д. 6, л. 241.

[95] *Arbore, Z .C.* Dictionarul geografic al Basarabei. Bucurest, 1904, p. 147.

[96] НАРМ, ф. 134, оп. 2, д. 130, л. 100–112.

[97] ИА, ф. 56, оп. 1, д. 6, л. 225, 232–233.

[98] НАРМ, ф. 134, оп. 2, д. 5, л. 219–238.

[99] ИА, ф. 51, оп. 1, д. 18, л. 299 –303.

[100] ИА, ф. 56, оп. 1, д. 204, л. 2; ГАОО, ф. 1, оп. 214 за 1833 г., д. 10, л. 1–2, 8.

[101] ИА, ф. 56, оп. 1, д. 110, л. 1.

[102] *Пригарін, О. А.* „Некрасівці“: до змісту поняття. – Записки історичного факультету. Одеса, 2000, вип.12, с.101.

[103] Примечательно, что нашлось документальное подтверждение. – Прошение „*Шурского общества старообрядцев, проживающих в предместье г. Измаила*“. – Материалы по вопросам земельному и крестьянскому: Всероссийский съезд крестьян-старообрядцев в Москве, 22–25 мая 1906 г. М., 1906, 148–149. Стоит также отметить, что предводителем „*шурских*“, как и в 1830-х гг., так и в 1905 г. являлись представители семьи Прохоровских (!).

[104] НАРМ, ф. 134, оп. 2, д. 131, л. 31–42.

[105] ИА, ф. 514, оп. 1, д. 282, л. 15–16.

[106] *Старообрядец*. Газета церковно-научно-нравственная и экономическая. 1879, № 14.

[107] Останавливаемся на этом подробнее потому, как в биографиях владыки эти моменты оставались неизвестными (см.: Алимпий – *Вургафт, С. Г., Ушаков, И. А.* Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996, с. 17; Алимпий. – Старообрядческие иерархи / Сост. А. Ю. Писаревский. М., 2002, с. 10.

[108] ИА, ф. 514, оп. 1, д. 282, л. 7–8.

[109] ИА, ф. 56, оп. 1, д. 205, л. 47–48.

УДК 94(439.55)«181/183»

БОСНИЙСКИЙ ЭЯЛЕТ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1828–1829 гг.

С. В. Олюнин

***Олюнін С. В.* Боснійський еялет напередодні та в роки російсько-турецької війни 1828–1829 рр.**

У статті представлені система провінційного управління, армійські структури, економічний потенціал Боснійського еялета напередодні російсько-турецької війни 1828–1829 рр. Розглядаються події, пов'язані з початковим етапом комплексу політичних, адміністративних та економічних перетворень, що були проведені у Боснії протягом 1810–1830-х рр. Автор аналізує соціальну структуру боснійського суспільства, особливості її формування та вплив на хід реформ. У статті охарактеризовано процес протидії боснійської мусульманської еліти – аянів – політиці централізації, що проводилась на території Боснії Османською імперією.

Ключові слова: Османська імперія, Боснійський еялет, реформи, аяни, російсько-турецька війна.

***Олюнин С. В.* Боснийский эялет накануне и в годы русско-турецкой войны 1828–1829 гг.**

В статье представлены система провинциального управления, армейские структуры, экономический потенциал Боснийского эялета накануне русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Рассматриваются события, связанные с начальным этапом комплекса политических, административных и экономических преобразований, которые были проведены в Боснии в период 1810–1830-х гг. Автор анализирует социальную структуру боснийского общества, особенности ее формирования и влияния на ход реформ. В статье охарактеризован процесс противодействия боснийской мусульманской элиты – аянов – политике централизации, проводимой на территории Боснии Османской империей.

Ключевые слова: Османская империя, Боснийский эялет, реформы, аяны, русско-турецкая война.

***Olunin S. V.* Bosnian eyalet before of and during the Russian-Turkish war of 1828-1929 years**

The article presents a system of provincial administration, the military structure, the economic potential of the Bosnian eyalet before Russian-Turkish war in 1828-1829th. The events associated with the initial phase of the complex political, administrative and economic reforms, which were held in Bosnia in the period 1810-1830-ies are considered. The author analyzes the social structure of Bosnian society, particularly its impact on the progress of reforms. In the article the process of countering the Bosnian Muslim elite – ayans – to policy of centralization, conducted in the territory of Bosnia Ottoman Empire are described.

Keywords: Ottoman Empire, Bosnian eyelet, reforms, ayans, Russian-Turkish war.

Накануне русско-турецкой войны 1828–1829 гг. система провинциального управления, армейские структуры, экономический потенциал Боснийского *эялета*[1] находились под кон-

© С. В. Олюнин, 2012

тролем местной провинциальной аристократии – *аянов*[2], что делало провинцию фактически самоуправляющейся, а аянов – наиболее значимой социальной группой. Процесс формирования этой социальной общности был характерен для большинства областей Османской империи XVIII – начала XIX в. В Боснии аянство формировалось из представителей местной земельной знати, агават и улемов. Аяны активно участвовали в управлении провинцией. Многие из них, используя *ильтизам*[3] – временные откупа и *маликяне*[4] – пожизненные откупа, становились родоначальниками крупнейших аянских династий. Спецификой Боснийского эялета было наличие военно-административных округов – *капетанств*[5], в которых наследственно управляли наиболее значимые аянские фамилии. В османских источниках они назывались „капуданы“[6]. В начале XIX века в Боснии было 39 капетанств, что означало 39 сильных капетанских фамилий. Численность войск, которые могли выставить капетаны во времена Махмуда II (1808–1839)[7], доходила до 24 тысяч.

Тем самым аяны на законных основаниях располагали военной силой, за счет которой обеспечивали порядок и самооборону в провинции, защищали внешние границы эялета, совпадавшие с границами империи. К началу XIX в. Боснийский эялет фактически превратился в конфедерацию аянов, которая была способна противостоять внутренним и внешним врагам и предотвращать всякое нарушение баланса сил.

В 20-е гг. XIX в. центральное правительство приступило к постепенному подчинению боснийской мусульманской элиты и распространению прямой юрисдикции Стамбула на провинциальную систему управления Боснийского эялета. В числе прочих шагов по достижению этой цели имела место попытка упразднения территориальных янычарских формирований. Это вызвало ответную реакцию поддерживавших боснийский янычарский корпус: янычар, а также капетанов и широкого круга населения.

На внутреннее положение в эялете влияли локальные конфликты, охватившие Балканы на рубеже веков. Босния, так или иначе, втягивалась в эти конфликты, что приводило к внутренней анархии и борьбе всех против всех. Влияние повстанческой Сербии на христианское население Боснии порождало конфликты на конфессиональной почве. Периодические столкновения аянских группировок между собой и участие аянов в пограничных конфликтах приводило эялет в состояние перманентной войны. В этих условиях губернаторы, стараясь ограничить произвол капетанов и янычар с одной стороны, вынуждены были опираться на них для борьбы с внешними врагами, с другой. При этом, нередко в своем стремлении выполнить волю султана по обузданию провинциальных аянов, действовали грубо и прямолинейно. Это приводило к жесткому противостоянию Сараево и Стамбула. Все это влекло частую смену губернаторов. Их либо в срочном порядке отзывали в столицу, как это было с Мехмед Рюштю-пашой, вступившим в конфликт с сараевскими янычарами, которых поддержали янычары из Стамбула в 1819 г., либо им нередко просто приходилось бежать из Боснии для спасения собственной жизни[8].

Силы для решительной борьбы с аянами Боснии появились только в начале 1820-х гг. Именно тогда первый реальный удар по аянам, как источнику оппозиции, пришелся на время везира Джеляледдин-паши[9]. Новый губернатор наделялся широкими полномочиями. Исходя из полученной им инструкции, согласно которой необходимо было выстраивать свою политику в эялете, Джеляль-паше предстояла большая работа. Ему предписывалось установить общественный порядок в провинции и покарать отдельных *мютегалибе*[10] (притеснителей), что не признавали правительственных указов и „угнетали“ население. Джеляль-паша довольно жестоко действовал в эялете на протяжении всего срока своего пребывания в Боснии. Он приказал удушить более двадцати видных капетанов, многие были сосланы[11]. Среди понесших наказание были авторитетные лица Боснии: Ибрахим-бей, мютеселлим Ташлыджы, капетан Осман Градашчевич, сараевский аян Ахмед Байрактар. Исмаил Ченгич[12] и Али Ридван Бегович[13] спаслись бегством в Далмацию. Ученый богослов Мустафа Нури-эфенди, являвшийся каймакамом Сараево, прежде бывший белградским судьей, был сослан в окрестности Бурсы; Чукаджы-заде

Мустафа-эфенди, один из боснийских судей и его брат Атауллах-эфенди были отправлены в Тиру; еще ряд важных лиц Боснии были сосланы в Анатолию и Румелию[14].

Пошедший по направлению отмены прав наследования капетанств, Джеляль-паша получил *ферман* (султанскую грамоту), в котором капетанства Истрошча, Бихке, Крупа, Маглай передавались другим владельцам. Джеляль-паша этими экзекуциями на определенный срок добился обеспечения спокойствия в Боснии. Кроме того, он прилагал усилия для повышения военной мощи провинции. Восстановительные работы проводились в 21 крепости эялета, пришедших в упадок, а прежде являвшихся основой обороноспособности края. При этом, недовольные жестокими действиями боснийского губернатора постоянно отправляли петиции в Порту, прося смещения неугодного паши[15].

Джеляль-паша в Боснии пробыл только год. После смерти *бейлербея*[16] Румелии Хуршит-паши, он был назначен на место последнего и получил полномочия сераскера. Однако, в пути на место назначения, в декабре 1822 г., он скончался. С его отбытием закончились и экзекуции, обрушившиеся на голову капетанов и аянов Боснии.

В ноябре 1822 г. Боснийское губернаторство было поручено Селим Сырры-паше из рода Эвренос-бея[17]. Однако через несколько месяцев после назначения Селим Сырры-паши в Боснии вновь усилились волнения. В бумаге, отправленной в Порту новым губернатором Боснии, излагалось, что покойным Джеляль-пашой предпринимались „несправедливые“ действия, и боснийское население, боясь его, только из-за суровых мер, находилось в спокойствии, и если бы он пробыл еще несколько месяцев в Боснии, то могла бы вспыхнуть всеобщая смута. Что касается передачи в другие руки бератов[18] отдельных капетанов, то это противоречило традициям эялета.

Махмуд II, ознакомившись с донесениями относительно событий, происходивших в Боснии, приказал провести тайное расследование результатов правления Джеляль-паши. Для следственных действий в Боснию были посланы чиновники. В ходе расследования выяснилось, что боснийцы придерживаются двух противоположных позиций. Большинство населения осталось довольным деятельностью Джеляль-паши. Однако капетаны и беи выступали в явной оппозиции по отношению к действиям губернатора. Причем жалобы на злоупотребления чиновников, назначаемых Джеляль-пашой, относились к периоду после кончины последнего[19].

Капетаны утверждали, что незаконные действия Джеляль-паши нарушили право наследования, бытовавшее со времен завоевания Боснии, и привели в движение население Бихке, Крупа и многих других районов. Поэтому они заняли враждебную позицию к новому губернатору. Селим Сырры-паша положение не контролировал. Он писал в Порту, что пытался разбить этот союз капетанов, однако не мог найти выход из положения всеобщего недовольства, а наследники убитых капетанов настаивали на своих правах[20].

Прежде в отправленном в Боснию указе, Махмуд II требовал отменить подобные привилегии и в эялете поставить на место мятежных государству беев. Однако теперь положение не благоприятствовало приведению в жизнь этого указа. Корпоративность капетанов в эялете могла стать причиной всеобщего восстания. Трудности, которые испытывала Османская империя в это время – вмешательство России в греческие дела, возможность войны с Али Мухаммедом Египетским – не позволяли проводить в Боснии последовательную политику, а вынуждали ограничиваться полумерами.

На совещании, прошедшем в Порте, были приняты во внимание отчеты Селим Сырры-паши, и на *дефтердара*[21] была возложена обязанность установить то, каким образом были получены права наследования капетанств. В результате изучения этого вопроса в Управлении по земельным делам пришло заключение. В нем подтверждалось, что капетаны Боснии имеют право передавать свои владения по наследству, „и порядок сей с давних времен“. Указывалось, что такая традиция была установлена со времен завоевания Боснии, имела под собой основанием особое положение этого эялета и сохраняет силу по сей день. Исходя из такого заключения, рекомендовалось отменить прежние

ферманы, согласно которым капетанов лишали своих владений как не имеющие законной силы. Кроме того, для предотвращения всеобщего восстания говорилось о необходимости возвращения отобранных капетанств их прежним законным владельцам[22].

После этого капетанства Острошча, Маглай, Крупа и Бихке вернули законным наследникам. В период боснийского губернатора Селим Сырры-паши многие сосланные были прощены и смогли вернуться в Боснию. При этом цели, поставленные Портой в Боснии, не были достигнуты. Аяны, которых в Стамбуле считали мятежниками, добились временного сохранения своего статуса. Капетанства не были отменены. Роль присылаемого губернатора оставалась незначительной.

В 1826 г. были уничтожены части янычарского корпуса, расположенные в Стамбуле[23]. В провинциях набирали обороты антиянычарские акции. Была оглашена *фетва*[24], по которой корпус янычар упразднялся; само их название было объявлено вне закона. В своем стремлении к централизации Махмуд занялся работой по искоренению всех местных промежуточных источников власти между правительством и народом, имеющих своей первопричиной наследование, традиции, привилегии или общественное согласие. В провинциях должны были быть реформированы органы управления и поставлены в полную зависимость от центрального правительства. Решению данной проблемы способствовало осуществление двух мероприятий. Одним из них стало проведение переписи всего мужского населения Румелии и Анатолии. Другим – опись земель в целях регистрации всех земельных владений. Цель заключалась в одновременном облегчении условий призыва в новую армию и создании более точной и действительной системы налогообложения, чтобы финансировать ее[25].

Считается, что в Боснии, как и в других провинциях империи, ликвидация янычарского корпуса была проведена сравнительно быстро[26]. Однако анализ доступных нам источников и литературы не подтверждает этого тезиса. Ни в одном эялете империи не оказывалось настолько сильного и продолжительного сопротивления упразднению янычар и созданию новой военной структуры, как в Боснии. Впервые в боснийской истории началось объединенное и организованное восстание против Османской империи янычар, капетанов, беев и большого количества населения, присоединившегося к ним.

Через два месяца после упразднения янычарского корпуса из столицы был прислан ферман, составленный специально для Боснии. Документ содержал в себе объяснения причин упразднения корпуса и обширный перечень обвинений янычар. На них возлагали вину за поражения в военных кампаниях, за мятежи и смуту среди мусульман, за неповиновение религии и государству. Завершался ферман словами о том, что во времена султана Сулеймана правительство этот корпус создавало для пользы мусульманам. Сейчас же, для блага и пользы последних, янычары уничтожаются полностью и вместо них формируется „Победоносное Мусульманское Воинство“ (Асакир-и Мансуре-йи Мухаммедийе), что одобрено всеми богословами, а янычарский корпус и понятие „янычар“ полностью упраздняется[27].

На нового губернатора Хаджи Мустафа-пашу, который прибыл в 1826 г. на смену Сырры Селим-паше, возлагалась миссия оглашения султанского фермана об уничтожении янычар в Боснии. Мустафа-паша довольно активно принялся за исполнение порученного ему дела, начав его с запугивания местных аянов и янычар. Видимо, разгром стамбульских янычар придавал ему большую уверенность, что в Боснии можно будет разрешить этот вопрос аналогичным образом. Если учесть, что многочисленные известия об уничтожении янычарского корпуса в столице, доходившие до Боснии, распространялись в виде слухов, что вызывало тревогу и неуверенность у боснийцев, то можно предположить, что обстановка в эялете была крайне напряжена. Недовольству местных жителей способствовал сбор *кидумийе* (дань губернатору за вступление в должность), который проводил Мустафа-паша с явными злоупотреблениями[28].

Объявление фермана об уничтожении янычар вызвало сопротивление. Волнения начались сначала в Сараево[29], а затем и в Травнике[30]. Сторонников везира забрасывали кам-

нями[31]. Население, вооружаясь, приняло сторону янычар. Из 48 *каза*[32], входивших в состав боснийского эялета, обещание подчиниться губернатору прислало население только 15 каза. Однако другие поступили сообразно приказам, приходящим из Сараево[33]. В это время янычары Сараево укрепляли городскую крепость и готовились к вооруженным столкновениям.

21 сентября 1826 г. на всеобщем вече присланный ферман об упразднении янычарского корпуса был отвергнут. Боснийцы отказывались служить за пределами собственных границ. Они особенно питали ненависть по отношению к новой униформе и даже считали, что она является оскорблением религиозных чувств, потому что аксельбант, находящийся на груди новой униформы, завязывался узлом в виде креста. Боснийцы, обращая на это внимание, говорили, что они не хотят такого султана, заставляющего их надеть крестообразное платье. Если же такое платье они все же будут вынуждены надеть, то султану эялет может предпочесть русских или австрийцев. Большинство боснийских каза присоединилось к Сараево, а Травник – центр эялета – попал в блокаду. Губернатор Боснии Мустафа-паша, чтобы спастись от угроз бунтовщиков, укрылся в травникской крепости, а позже был вынужден спасаться бегством в Сербию[34].

Сараевцы, после того, как отвергли ферман, в отправленных султану петициях приняли решение просить, чтобы не упраздняли янычарский корпус в Боснии. Под написанной в Сараево петицией, кроме других аянов и почетных граждан, захотели получить подпись и боснийского муфтия, ученого богослова Шериф-заде Мустафа Нури-эфенди. Муфтий, однако, отказался ставить свою подпись под петицией и предупредил, что все это вызовет немилость султана. Разгневавшаяся толпа забила его камнями до смерти[35].

На место Мустафы-паши прибыл новый губернатор, наделенный широкими полномочиями, бывший белградский *мухафыз*[36] Абдуррахим-паша[37]. Теперь к боснийским аянам относились как к простым мятежникам, и не оставалось сомнения в том, что их необходимо уничтожать физически.

Абдуррахим-паше, прибывшему в начале декабря 1826 г. в Зворник, постепенно удалось привлечь на свою сторону некоторых аянов, лояльных султану. Среди них были капетан Зворника Федаич-бей и ряд сараевских улемов. Опираясь на эту поддержку, он разгромил янычар, оборонявшихся в сараевской крепости, а наиболее влиятельных приказал казнить. Среди них были важные лица Сараево – Бакыр-заде, Ибрахим-ага, Тахмис Мустафа-ага и его брат Хусейн-ага, Турнаджи Фейзуллах-ага, Хаджи Абди-ага, янычарский ага Али-ага и Пинва Ибрахим Байрактар. Имущество, принадлежащее янычарской казне, было конфисковано и отправлено в Стамбул[38].

После того, как в городе было обеспечено спокойствие, народу вновь был зачитан ферман об упразднении янычар. Население Сараево было напугано суровыми мерами, принятыми пашой. Паша составил списки тех, кто участвовал в мятежах. Эти списки были разделены на три групы: „казнить“, „изгнать“, „штрафовать“. Как отмечает летописец, на протяжении года продолжались расправы над боснийскими янычарами. Боснийцы были так напуганы репрессиями Абдуррахим-паши, что „если бы он потребовал от них выдачи их жен и детей, то, наверное, и жены, и дети были бы ему охотно выданы“[39]. И хотя сведения о том, что ежедневно казнили по 25–30 человек, нам кажутся завышенными, все же политика нового губернатора оставила недобрую память, и все известные нам источники упоминают о многочисленных казнях, проведенных в Боснии по приказу Абдуррахим-паши.

Репрессии, проводившиеся Абдуррахим-пашой, были приостановлены выражением покорности со стороны аянов, многочисленными подношениями и начавшейся в 1828 г. русско-турецкой войной. Порта для этой войны из Боснии приказала собрать войска. После долгих споров на сараевском вече было принято решение взять в войска каждого пятого. Согласно этому решению, для русско-турецкой войны Босния давала 30 000 человек. После сбора одной части войск в Енипазаре и другой части в окрестностях Бъельна, они должны были отправиться через Сербию в направлении Дуная. В итоге Абдуррахим-паша и уважаемые люди Боснии с успехом договорились по этому вопросу. Во все концы

эялета полетели новости, и начался сбор войск. В июне 1828 г. Абдуррахим-паша расположился лагерем в окрестностях Сараево, где проводился сбор войска[40].

Сбор войск был использован боснийскими аянами для нападения на ставку паши, занятого составлением списков подходивших отрядов. Организаторами нападения были аяны городов Сараево, Травника, Высоко и Зеницы. Не последнюю роль сыграл кнез Милош, опасавшийся вторжения султанских войск в Сербию и всячески старавшийся сорвать сбор боснийской армии[41]. События четверга 19 июня 1828 г., по мнению турецкого историка Э. А. Джевата, стали поворотным пунктом в истории Боснии. После этого, несколько лет в Боснии шло восстание против Стамбула[42].

Восстание началось в городе Высоко, что недалеко от Сараево. Восставшие объявили, что губернатор собирает войска незаконно, а выбор Сараево местом пребывания губернатора Абдуррахим-паши противоречит традиции. В достаточно короткий срок было собрано свыше тысячи вооруженных людей. Они неожиданно напали на лагерь паши. Абдуррахим-паша вынужден был укрыться в сараевской крепости, а оттуда под защитой войск *низама* (регулярные части реформированной османской армии) и артиллерии отступить в Травник.

В связи с войной с Российской империей Порта, стараясь не усугублять конфликт с боснийскими аянами, приняла решение отозвать Абдуррахим-пашу. Новым губернатором Боснии стал Морали Али Намык-паша[43]. Сбор войск продолжился. Всего удалось собрать до 10 000 человек, но на фронт они не попали. Кнез Милош просто не позволил боснийцам пройти через сербские земли. Новый губернатор, не получая достаточной поддержки от правительства, вынужден был ограничиться увещеваниями и патриотическими речами. Судя по всему, он был временной фигурой только на период войны, так как ни о каком продолжении борьбы с боснийскими аянами речи быть не могло. Тем более Али Намык-паша, приехавший в Боснию в форме османских регулярных войск, пошитой по европейскому образцу, вызвал стойкую антипатию у жителей края.

Таким образом, действия присылаемых из Стамбула губернаторов, проводивших курс на физическое устранение лидеров оппозиции, способствовали усилению напряжения во взаимоотношениях официального Стамбула и Сараево – центра оппозиции, что в итоге привело к срыву участия войск эялета в боевых действиях на Балканском фронте. Предполагаемый контингент в 30 тыс. человек не был собран в результате восстания боснийских аянов против губернатора в июне 1828 г. В итоге, османские силы на Балканах не получили необходимого усиления в ситуации, когда русская армия не имела подавляющего преимущества над противником.

После завершения русско-турецкой войны у аянов Боснии появился новый повод для недовольства. Захваченные Карагеоргием в период сербского восстания, но потом отошедшие Боснии *нахии*[44] Бодва, Раджвина, Ядар, вновь, согласно Адрианопольскому миру, были переданы сербам[45]. Али Намык-паша в отправленном в Порту рапорте говорил о своем беспокойстве по поводу того, что в результате передачи вышеназванных нахий к Сербии некоторые каза в Боснии обречены на голод, а по отношению к государству поднимается сильная волна ненависти. Для решения вопроса нахий была назначена комиссия и решения, принятые этой комиссией, смогли быть реализованы только в 1832 г., после подавления восстания в Боснии[46].

Кровавые расправы пашей над боснийскими аянами привели последних к мысли, что лишь губернатор, выбранный из собственной среды, может адекватно представить интересы провинциальной знати. Приезд Али Намык-паши в форме нового образца, стал последней каплей. Теперь боснийцы были убеждены, что в Стамбуле засилье „гяуров“, и единственными хранителями мусульманской традиции остаются лишь они. А поэтому необходимо защищать себя как политическую силу в провинции и носителей древних обычаев.

Восстание боснийских аянов под руководством капетана Хусейна Градашчевича было одним из крупнейших в истории империи XIX в. Начавшись в 1831 г., оно со-

впало с военными акциями против Али Мухаммеда Египетского, с революциями в Бельгии, Франции, Германии и восстанием поляков в Российской империи. На несколько лет Боснийский эялет был потерян для Стамбула, и его пришлось вновь завоевывать Махмуду II, как это прежде сделал Мехмед II Фатих. Это был редкий случай, когда большая часть представителей аристократии в эялете пошла на открытую конфронтацию с султанским правительством. Причем, недовольство было направлено не только на везиров, но и на султана.

[1] *Эялет* – провинция. В административном устройстве Османского государства были использованы разные принципы территориального деления. Изначально присущий османской политической системе военно-административный принцип организации предполагал существование таких единиц, как эялеты и санджаки (дословно – *знамя*, несколько санджаков объединялись в эялет), которые обеспечивали формирование конного войска на время военных кампаний – *сипахи*. Эта организация в историографии получила название *тимарной системы*.

[2] *Аян* в переводе с арабского языка означает „глаз". С этим словом связана традиционная церемония, на которой во время трапезы на арабском Востоке самому уважаемому представителю мусульманской общины предоставляется право вырезать глаз из головы убитой к трапезе коровы. Это понятие было воспринято османами в классический период. Тогда оно обозначало высокопоставленных сановников, наиболее приближенных к султану лиц. В их число входили везиры, дефтердар, шейх-уль-ислам и так далее. (Смотри подробнее: „Канун-наме" Мехмеда II Фатиха о военно-административной и гражданской бюрократии Османской империи в XV в. – В: Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М.: Наука, 1990, 81–96). Много позже понятие „аян" было переосмыслено уже в рамках другого контекста. Обострение социально-политического кризиса Османской империи во второй половине XVIII в. сделало окончательно неэффективной деятельность османских политических институтов. (*Еремеев, Д. Е., Мейер, М. С.* История Турции в средние века и новое время. М.: Издательство Московского университета, 1992, с. 188). Для провинций это выразилось в сепаратизме губернаторов. Правительству империи пришлось пойти на реорганизацию государственного механизма и изменение методов правительственной политики. Оказавшись не в состоянии противостоять провинциальным пашам, Порта пыталась противопоставить им аянов. В данном случае аяны должны были стать стамбульским „оком" справедливости. (Османская империя в XVIII в. – В: История Востока. М.: Восточная литература, 2000, 380–381).

[3] *Ильтизам* – механизм осуществления откупной системы государственных доходов. Сбор государственных налогов отдавался на откуп посредством публичных торгов. Стартовая цена примерно равнялась фактическому размеру налогов. Откуп давался на короткий срок – от одного до трех лет. Эта система получила широкое распространение во второй половине XVII века.

[4] В 1695 г. была осуществлена важная реформа откупной системы. Вместо краткосрочных, были введены пожизненные откупа – *маликяне*. В султанском фермане, изданном по этому случаю, прямо указывалось, что маликяне вводится для того, чтобы „обуздать тиранию и алчность откупщиков … и обеспечить наконец хорошее состояние казны" (*Еремеев, Д. Е., Мейер, М. С.* Указ. соч., с. 175).

[5] *Капетанства,* как основа военной и административной структуры, начали создаваться с середины XVI в. Первое из капетанств, которое учреждалось для противодействия австрийским маркграфам, было организовано в 1558 г. в Градичке, второе – в 1565 г. после завоевания Крупа, а также в 1591 г. в Габела, и в 1592 г. в Бихке. С течением времени их количество возрастало. Последнее из них было организовано в 1802 г. В период Махмуда II число капетанств достигало 39. Каждое капетанство имело строго установленные границы и носило название по самой укрепленной и мощной крепости, находившейся в пределах каждого капетанства. Капетаны командовали войсками, находящимися в пределах капетанств. Звание капетана, согласно *берату* (султанской грамоте), являлось наследственным и переходило от отца к сыну. В этой системе ага, офицеры и солдаты имели точно определенные служебные обязанности, а также, согласно берату, передавали свои звания от отца к сыну. На капетанов и подчиненные им войска, в границах капетанств, возлагались следующие обязанности: нести круглосуточную патрульную и пограничную службу, отражать возможные атаки врагов на своих рубежах, содержать в безопасности дороги, снабжать крепости боеприпасами и оружием и обеспечивать их транспортом. Кроме того, в обязанности капетанов входило административное управление, осуществление судебных решений, управление тюрьмами, сбор *джизъе* (подушной подати с немусульманского населения) и *хараджа* (налог, который платили немусульмане за право не участвовать в войне), защита райя от незаконных действий со стороны владельцев тимаров и зеаметов. Капетаны нередко исполняли обязанности *мютеселлимов* (временных управителей эялета). В общем, капетаны в Боснии обладали

значительными полномочиями и влиянием на вполне законных основаниях. Численность войск, которые могли выставить капетаны во времена Махмуда II, доходила до 24 тысяч. Капетанства, в свою очередь, делились на более мелкие военно-административные подразделения. Каждое капетанство состояло минимум из трех или десяти общин (джемаат). Каждый джемаат имел в своем составе от 14 до 96 человек и включал в себя такие военные чины, как мухафыз (охранник), мюстахфыз (резервист), пасбан (ночной сторож), марталоз (ополченец), генюлю (волонтер). Джемааты были разделены на роты (белюк) и батальоны (ода). Во главе джемаата находился ага, во главе батальона – помощник капетана (одабаши) и во главе роты – ротный глава (белюкбаши).

[6] *Başvekalet Arşivi*. – Hattı Hümayunlar. – Vesika 17367. – Tarih 1242, s. 1 (арабский шрифт).

[7] *Тридцатый султан* из дома османидов. Годы его правления выпали на драматичный и трудный период существования османского султаната. В возрасте двадцати двух лет он унаследовал трон своего брата Мустафы IV (1807–1808). В годы его правления произошли следующие события: неудачные попытки продолжения реформ низам-и джедид (обновленный порядок) румелийским аяном Мустафа-пашой Байрактаром, начатых султаном Селимом III (1789–1807); уничтожение янычарского корпуса летом 1826 г., которое вошло в историю как Вака-и Харийе („Благоприятное событие“); русско-турецкая война 1828–1829 гг.; предоставление независимости Греции; неудачная война с Мухаммедом Али Египетским и потеря контроля над Сирией и Египтом. Реформы, проводимые в годы правления Махмуда II, касались, в первую очередь, армейских структур, одежды и головных уборов, системы провинциального и центрального управления, попыток уравнения в правах подданных вне зависимости от их вероисповедания, перенесения резиденции из старого дворца османских султанов Топкапы Сарай в перестроенный армянским архитектором Киркором Бальяном дворец на берегу Босфора, который получил название Долма Бахче.

[8] *Cevat, E. A.* Mahmud II. Zamanında Bosna–Hersek. İstanbul, 1965, s. 57.

[9] *Босния и Герцеговина*. – Славянский ежегодник. К., 1876, с. 201.

[10] Этим термином в османских источниках традиционно обозначались все, кто нарушал „общественный порядок и спокойствие“: мятежные паши и злоупотреблявшие влиянием аяны, не в меру усердствовавшие сборщики налогов и разбойники с большой дороги, недобросовестно исполняющие свои обязанности судьи и местные начальники.

[11] *Овсяный, Н. Р.* Из истории сербов-мусульман – В: Ближний Восток и славянство. СПб., 1913, с. 88; *Cevat, E. A*. Op. cit., s. 63.

[12] Один из представителей известного в Боснии рода Ченгичей. Истории этого рода, ведущего свой отсчет от династии Аккоюнлу, правящей в Восточной Анатолии до начала XVI века, посвящена книга югославского исследователя Хамди Крешевляковича. Она была переведена на турецкий и издана в Стамбуле в 1960 г. под названием „Ченгичи. Этюд, посвященный боснийско-герцеговинскому феодализму в османский период“ (Çengiç Beyleri. Osmanlı devrinde Bosna-Hersek feodalizmi hakkında bir etüd). Исмаил Ага Ченгич был известен как глава небольшого города Гатско, что на границе с Герцеговиной.

[13] Жизни герцеговинского аяна Али Ридвана Беговича посвящена летопись герцеговинского монаха, очевидца описываемых событий И. Памучины „Жизнь Али-паши Ризванбеговича Стольчанина, визиря Герцеговинского. Рассказ современника и очевидца“. Этот „рассказ“ был издан в 1859 г. в сборнике „Босния, Герцеговина и Старая Сербия“, подготовленным первым русским консулом в Боснии, известным славянофилом А. Ф. Гильфердингом. (*Памучина, И.* Жизнь Али-паши Ризванбеговича Стольчанина, визиря Герцеговинского. Рассказ современника и очевидца. – В: Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1859, 473–542).

[14] Başvekalet Arşivi. – Hattı Hümayunlar. – Vesika 16388. – Tarih 1240 (арабский шрифт), s. 1; *Cevat, E. A*. Op. cit., s. 63.

[15] *Cevat, E. A*. Op. cit., s. 64.

[16] *Бейлербей* – дословно „бей над беями“, губернатор провинции (эялета или *белербейлика*). Бейлербей имел титул *паши* и сосредотачивал в своих руках всю полноту военной и административной власти в провинции. Каждый бейлербей имел свой двор, канцелярию и *диван* (совет).

[17] *Овсяный, Н. Р.* Указ. соч., с. 95; *Cevat, E. A.* Op. cit., s. 64.

[18] *Берат* – особый документ, благодаря которому его обладатель мог пользоваться определенными привилегиями.

[19] *Cevat, E. A.* Op. cit., s. 67.

[20] Там же, p. 68.

[21] *Дефтердар* – глава финансового ведомства в Османском государстве.

[22] *Cevat, E. A.* Op. cit., s. 68.

[23] *Кази-Бек, Ю.* Современная Турция. – Ежемесячное приложение к журналу „Природа и люди“. СПб., 1897, с. 31; Об истреблении корпуса янычар – Вестник Европы, 1826, № 11, 214–223.

[24] Богословско-правовое заключение, сделанное для разъяснения и практического применения какого-либо предписания шариата. Фетва могла испрашиваться в случае затруднения или сомнения правителем, чиновником или частным лицом в письменном виде и в общих выражениях, т.е. не могла быть направлена на какое-либо конкретное лицо, а должна содержать только общий смысл.

[25] *Кинросс, Л.* Расцвет и упадок Османской империи. М.: РОСМЭН, 1999, с. 500.

[26] *Клейман, Г. А.* Армия реформы. Османский опыт модернизации. М.: Наука, 1989, с. 93

[27] *Cevat, E. A.* Op. cit., s. 75; Çadırcı M. Tanzimat'ın ilânı sıralarında Türkiye'de yönetim (1826–1839). Belleten – Ankara, 1988, No 201, s. 1219.

[28] *Cevat E. A.* Op. cit., s. 73.

[29] Столица Боснийского эялета менялась несколько раз. Первоначально она располагалась в Баня-Луке. Потом была перенесена в Сараево, где находилась до 1639 г. После подавления последнего восстания боснийских аянов Омер-пашой Латасом по султанскому ферману (указу) Сараево вновь стало столицей провинции.

[30] В период с 1639 по 1851 г. назначаемые в Боснию губернаторы размещались в Травнике.

[31] *Овсяный, Н. Р.* Указ. соч., с 96.

[32] С доосманских времен сохранился тип провинциального управления, связанный с выделением судебно-податных единиц – *каза*, *нахие*. *Кадии* (судьи) и *наибы* (наместники, заместители) в своих судебных округах обладали административными полномочиями и могли не только выносить судебное решение, но и в этой связи также взимать соответствующие штрафы.

[33] *Cevat, E.* A. Op. cit., s. 79.

[34] *Босния и Герцеговина*. – Славянский ежегодник, Киев, 1876, с. 201.

[35] *Cevat, E. A.* Op. cit., s. 83.

[36] *Мухафыз* исполнял обязанности управителя города и представлял главу эялета в его отсутствие. Он собирал диван, выслушивал тяжбы, принимал решения. Ему оставляли листы с печатью паши, чтобы он использовал их в случае необходимости.

[37] *Скедерова, С.* Летопись Боснии. 1825–1856 – В: Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1859, с. 552; *Cevat, E. A.* Op. cit., s. 83.

[38] *Cevat, E. A.* Op. cit., 86–88.

[39] *Скедерова, С.* Указ. соч., с. 557.

[40] *Cevat, E. A.* Op. cit., s. 92.

[41] *Скедерова, С.* Указ. соч., с. 552 и 559.

[42] *Cevat, E. A.* Op. cit., s. 93.

[43] *Овсяный, Н. Р.* Указ. соч., с. 97; 183, Cevat, E. A. Op. cit., s. 97.

[44] В административном делении за эялетом, составлявшим самую крупную управленческую единицу, следовали: санджак, каза, *нахие* и, наконец, деревня.

[45] Архив внешней политики Российской империи, ф.161/3: Главный архив Политотдел, оп. 233, д.1, 1830 г., л. 16–20 об.

[46] *Cevat, E. A*. Op. cit., s. 102.

УДК 355.48(470+571:560)»1828/1829»:325.8(497.11)

ВЛИЯНИЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1828–1829 гг. НА ОБРЕТЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ СЕРБИЕЙ

Э. Рахич, А. Врцич

Рахіч Е., Врцич А. **Вплив російсько-турецької війни 1828–1829 рр. на набуття незалежності Сербією**

У статті викладені обставини Східної кризи 20-х років XIX ст., що привели до підписання Акерманської конвенції 1826 р. та російсько-турецької війни 1828–1829 рр., яка закінчилася Адріанопольським мирним договором. На підставі цих міжнародно-правових актів Князівство Сербія отримало автономію і значне територіальне розширення, що підтверджувалось трьома султанськими хатт-і-шарифами – 1829, 1830 і 1833 років. Князівський рід Обреновичей було офіційно визнано законною сербською династією.

Ключові слова: Сербія, Бухарестський мир, Акерманська конвенція, Адріанопольський мир, хатт-і-шариф.

Рахич Э., Врцич А. **Влияние русско-турецкой войны 1828–1829 гг. на обретение независимости Сербией**

В статье изложены обстоятельства Восточного кризиса 20-х годов XIX в., приведшие к заключению Аккерманской конвенции 1826 г. и русско-турецкой войне 1828–1829 гг., которая завершилась подписанием Адрианопольского мирного договора. На основании этих международно-правовых актов Княжество Сербия получило автономию и значительное территориальное расширение, что подтверждалось тремя султанскими хатт-и-шерифами (указами) – 1829, 1830 и 1833 годов. Княжеский род Обреновичей был официально признан законной сербской династией.

Ключевые слова: Сербия, Бухарестский мир, Аккерманская конвенция, Андрианопольский мир, хатт-и-шериф.

Rakhich E., Vrtsich A. **The Influence of Russian-Turkish war in 1828-1829 on the finding of the independents of the Serbia**

The Article is devoted the circumstances of the Eastern crisis in the 1820s, which led to the conclusion of Akkerman convention 1826 and Russian-Turkish war in 1828-1829, which was ended by signing Adrianopol peace treaty. On the ground of these international agreements the Principality of Serbia had received autonomy and considerable territorial expansion. It was confirmed by three sultan hatti-i-sharif in 1829, 1830 and 1833. The Obrenovich dynasty was official recognized as lawful Serbian authorities.

Keywords: Serbia, Bukharest treaty, Akkerman convention, Adrianopol peace, hatti-i-sharif.

Путь Сербии к независимости, открывшийся с началом в 1804 г. Первого сербского восстания, был длинным, растянувшись на несколько десятилетий. После русско-турецкой войны 1806–1812 гг. в Бухаресте был заключен мирный договор между Россией и Османской империей. В результате, последняя получила Валахию и Молдавию, Россия – Западную Грузию и Бессарабию, а река Прут стала русско-турецкой границей.

© Э. Рахич, А. Врцич, 2012

В соответствии с пунктом VIII этого Договора, Османская империя пообещала амнистию всем своим подданным, которые участвовали или действовали в войне против интересов империи. Взамен она получила право на возвращение и сохранение вооруженных гарнизонов в крепостях и городах карагеоргиевской Сербии после уничтожения всех новопостроенных и ненужных укреплений. Высокая Порта обязалась оставить сербам „заботу о внутреннем управлении страной". Сербы же должны платить умеренные налоги, которые будут самостоятельно собирать и выплачивать. Россия обязала Порту договориться с сербами о выполнении этих решений. Таким образом, у Стамбула было отнято право самостоятельного контроля над уступками сербам. С другой стороны, представителям сербского народа была дана возможность бороться за права полного самоуправления и расширение этих прав. Фактически сербы попали под покровительство царской России, что имело решающее значение для будущего страны, хотя официально в договоре 1812 г. об этом не было сказано. Бухарестский мирный договор стал первым международным договором, в котором были упомянуты сербы. Тем самым сербский народ был введен в международные отношения, и в этом Стоян Новакович видел воскрешение сербского государства. Сербия стала привилегированной областью Османской империи, а сербский народ получил статус „юридического лица". Права, которые обрела Сербия этим мирным договором, были существенными. Автономия, дарованная сербам, хотя и нечетко выраженная, очень напоминала уступки, полученные в конце XVIII в. подданными островов Архипелага и некоторых других областей Османской империи[1].

Занятость России и других европейских стран борьбой с наполеоновской Францией и разработкой Венской системы позволила Турции решить сербский вопрос в соответствии со своими представлениями и избежать вмешательства иностранных держав. Порта на протяжении почти двух десятилетий упорно не выполняла взятые обязательства по отношению к автономии Валахии, Молдавии и Сербии. Хотя российский дипломатический представитель в Константинополе все время поддерживал князя Милоша и старался, чтобы Порта приняла сербские требования. Наиболее полно они были сформулированы в 1820 году, когда сербы письменно изложили свои требования. Но лишь десять лет спустя, под давлением России, Порта признает автономные права Сербии.

После восстания в Валахии, Молдавии и Греции (1821) Россия оказала давление на Порту разрывом дипломатических отношений, которые были частично восстановлены в 1824 г. Упразднение янычарского корпуса и неудачное восстание янычар в 1826 г. поставило Османскую империю в весьма затруднительное положение по отношению к России, что приведет к подписанию Аккерманской конвенции и решению многих спорных вопросов, вытекающих из Бухарестского мирного договора. В конце концов конфликтная ситуация будет решена русско-турецкой войной 1828–1829 гг. Эти два события проложат путь конституированию автономного княжества Сербия[2].

Война 1828–1829 гг. Восьмая по счету русско-турецкая война была продолжением кризиса, связанного с Восточным вопросом, повторное „открытие" которого вызвало греческое восстание 1821 г. и решительную, агрессивную политику нового русского царя Николая I (1825–1855). Россия 17 марта 1826 г. передала Османской империи ультиматум из-за постоянного нарушения и неимплементирования прежних обязательств Порты к балканским народам в соответствии с существующими правами Дунайских княжеств и в отношении прав Сербии, приобретенных в результате Бухарестского мира 1812 г. Россия потребовала решить и другие спорные вопросы. Ультиматумы были получены Портой во время набиравшего силу сопротивления консервативных слоев османского общества проевропейским реформам и в период вооруженных восстаний против ликвидации янычарского войска – османской преторианской гвардии, которая уже давно вышла из-под всякого контроля. Ослабленная, военно неподготовленная и напуганная возможностью одновременного конфликта с Великобританией (защитницей греков) и Россией, Османская империя, после некоторой задержки, начала переговоры в Аккермане (Бессарабия, ныне г. Белгород-Днестровский в устье Днестра). Здесь 7 октября 1826 г. была заключена так называемая Аккерманская конвенция с положени-

ями, которые были призваны растолковать и привести к исполнению Бухарестский мирный договор с дополнительными условиями.

Статьей 3 Аккерманская конвенция подтвердила все привилегии Молдавии и Валахии, установив (отдельным актом) право румынских бояр выбирать своих „господарей“ на семь лет. Статьей 7 были подтверждены права свободного передвижения русских торговых судов во всех водах Османии и проход иностранных торговых судов через Проливы по направлению к России.

Что касается Сербии, то в отношении ее статьей 5 и отдельным актом оговаривалось, что „Порта предоставит русскому двору новые убедительные доказательства своего дружественного настроения и заботливых усилий в точном исполнении Бухарестского договора“ и поэтому „немедленно (после 15 лет) выполнит все положения статьи 8 договора в отношении сербского народа, который имеет право на милосердие и великодушность Высокой Порты...“. Был определен восемнадцатимесячный срок для безотлагательного выполнения договора и конвенции. Так как прежний опыт показал, что сербские требования и дела в Порте решаются очень медленно, первостепенное значение имело ограничение во времени, которое давалось Османской империи для решения сербского вопроса. Принятым решениям надлежало придать торжественную форму „высочайшего фирмана с хатт-и-шерифом“ – указа с собственноручной подписью султана „Для исполнения“. На этом настояла российская сторона: чтобы соглашение не осталось ни к чему не обязывающим разговором, как в 1815 г. между князем Милошем и Марашли-Али пашой, конвенцией был предусмотрен заверенный хатт-и-шерифом указ о самоуправлении, как высочайший императорский указ, который должен быть предоставлен затем русскому двору. Этой конвенцией Россия свое сомнительное право покровительства над Сербией превратила в настоящий протекторат, поскольку хатт-и-шериф Порты считался неотъемлемой частью договора. В отдельном указе ясно говорилось о сербских „депутатах“ и их прошениях, отражающих пожелания сербского народа и относящихся к свободе вероисповедания, о праве выбора старейшин и самостоятельной организации руководства, независимой администрации и судебной системы, о возвращении шести округов, беспрепятственной свободе передвижения и торговли с сербскими паспортами, о запрете мусульманам поселяться за пределами городов Сербии и оставлении своих сельских имений, о праве на строительство и открытие церквей, школ, больниц, типографий, организацию своей полиции, объединение всех долгов в виде выплаты единовременной ежегодной дани (2 300 000 грошей) и т. д.

В Аккерманскую конвенцию из сербских пожеланий не вошло только требование Милоша о признании его наследным князем, потому что Бухарестским договором 1812 г. не поднимался вопрос о правителе Сербии. Но и это требование не было исключено, так как могло пройти под пунктом выбора старейшин, дополнительно подкрепленным правом сербов предъявлять Порте и другие требования. Аккерманская конвенция была официально прочитана в церкви города Крагуеваца в присутствии множества народа[3]. Но радость сербов была преждевременной.

Сама Россия на основании конвенции удержала спорные области на восточном побережье Черного моря, т.е. был признан русский сюзеренитет на Кавказе. Россия вышла границей на Дунай, получила право свободного плавания торговых судов в османских водах и протекторат (покровительство) над Молдавией, Валахией и Сербией. В то же время эта конвенция не затрагивала греческого вопроса, поскольку он не поднимался в Бухарестском договоре 1812 г.

Однако это вовсе не означало, что царская Россия не была активно заинтересована в решении этого вопроса в пользу повстанцев. Дипломатия Николая I принуждала Порту отступить перед греческими повстанцами, предложив Англии совместные действия против Османской империи. Но Великобритания и монархия Габсбургов не были расположены помогать России в укреплении ее позиций на Ближнем Востоке. Они предлагали султану Махмуду II принять совместное посредничество, чтобы как можно безболезненнее решить этот спор и не дать России возможность действовать самостоятельно. Султан, впрочем, твердо стоял на

том, что он является законным правителем Греции и что сопротивление мятежников должно быть сломлено. Заручившись поддержкой вассального Египта, султан отдал приказ о новой карательной акции против мятежных греков. Поскольку османы заняли Афины в июне 1827 г., Британия 6 июля была вынуждена подписать новый договор в Лондоне с Францией и Россией, который включал совместное вмешательство, если одна из сторон отвергнет международное посредничество. Ввиду того, что Порта не изменила свое мнение, объединенный флот вошел в Восточное Средиземноморье и блокировал Дарданеллы и Морею. Цель заключалась в недопущении снабжения сил Османской империи. В морейском заливе Наварин 20 октября 1827 г. произошло крупное морское сражение между эскадрой союзников и османско-египетским флотом, в ходе которого было уничтожено 57 османских и египетских судов и в течение трех часов было убито около 8 000 солдат и матросов. После этой битвы дипломатические отношения между Россией и Османской империей были разорваны; султан объявил подготовку к священной войне, призвав 18 декабря 1827 г. всех мусульман к оружию против русских и греков, а 5 февраля 1828 г. закрыл проливы для всех иностранных судов. Таким образом, положения Аккерманской конвенции временно прекратили свое действие.

Успешно завершенная война против Персии и благоприятная международная обстановка (нейтральная Великобритания и дружественная Франция) дали возможность России 2 апреля 1828 г. объявить войну Порте. Следуя принципу легитимизма, а отчасти опасаясь австрийской интервенции, Николай I заявил, что не будет призывать христиан к восстанию и не будет принимать их в армию в качестве добровольцев. Этим была прервана традиция, существовавшая со времен Священной лиги и императора Петра Великого. Князю Милошу „было поручено сохранять спокойствие и не вмешиваться в войну“. Несмотря на это решение, в русской армии находился посланник Милоша, Цветко Раевич, который информировал его о ходе военных операций. Кроме того, несмотря на предыдущее решение царя не призывать христиан на борьбу с Османами, в русских войсках находились сербские и болгарские добровольцы во главе с гайдуком Милько, братом гайдука Велько. Сербская депутация, которая находилась в это время в Константинополе, сразу же была задержана.

Война велась на Балканском полуострове и в Закавказье. Русскими особенно подчеркивалось, что Порта должна возвратить Сербии шесть отнятых областей „и тем самым навсегда обеспечить мир и благосостояние этого верного и покорного народа“.

Турция не была готова к войне. Янычарские корпуса и флот уже не существовали, а реформированная армия находилась на учениях. Попытки получить корабли от своих алжирских вассалов потерпели неудачу, так как французы напали в самый тяжелый момент на эти османские провинции, а Мухамед Али, наместник Египта, отказался предоставить любой вид помощи, пока не получит место наместника Анатолии (Малой Азии).

Армия фельдмаршала П. Х. Витгенштейна в конце апреля перешли Прут и окружила Браилов (Брэила), а в мае, без сопротивления, заняла Молдавию и Валахию. 50 000 русских форсировали Дунай (западнее Измаила), который защищало 10 000 турок. Падение Браилова вызвало в конце июня сдачу Мачина, Гирсова, Тульче и Кистенджи. В связи с медленной перегруппировкой царских войск для дальнейших операций, турки получили время для подготовки к обороне крепостей Шумла, Силистрия и Варна. Первые две угрожали русским коммуникациям с Варной, а все три мешали переходу через Балканы. Для обороны левого берега Дуная, один корпус (26 500) занял 30 апреля (12 мая) 1828 г. Бухарест, опередив турок. Затем корпус был направлен к Видину и Калафату – защитить русскую армию и ее тыл от турок, когда они появятся в Валахии. Пройдя через Добруджу, русские организовали одновременную осаду трех крепостей, но тем самым растянули свои силы. Эпидемия, слабая подготовка и недостаток материального обеспечения войск не дали им после переправы через Дунай добиться существенных результатов. В 1828 г. они заняли только Варну, а остальные осады были прерваны. Решающих боев больше не было. Лучшие результаты были достигнуты на Кавказском фронте.

В начале 1829 г. главнокомандующим русскими войсками на Балканском полуострове был поставлен способный военачальник И. И. Дибич. Боевые действия за Силистрию

возобновились в мае. После поражения турецких основных сил под Кулевчей, крепость была взята на 35-й день осады. В июле русские силы (около 35 000 человек и 96 орудий), которым удалось скрыть свою подготовку, двумя колоннами двинулись через Балканские горы. Недалеко от Шумлы русские оставляют один корпус для защиты и наблюдения, чтобы обезопасить себя с западной стороны. В июле и в августе, при содействии Черноморского флота, русские заняли Бургас, Созополь и еще ряд прибрежных городов Восточной Фракии – Ямбол, Айтос и Сливен. После падения Адрианополя (Эдирне), 20 августа, русские авангардные силы двинулись на Константинополь и 26 августа подошли к Визе и Чорлу. Другая часть русских войск с левого берега Дуная переходит на правый и, наступая на турок, в середине сентября входит в Софию.

На Кавказском фронте турки собрали сильнейшую армию, но 19 июня были разбиты вблизи Каинлы, на следующий день у Миллидют, а Эрзерум капитулировал 27 июня 1829 г.

Тем временем союзники принудили Мухаммеда Али вывести войска из Мореи в октябре 1828 г. и передать ключевые позиции правительству Греции под руководством Иоанна Каподистрии. Новое Лондонское трехстороннее соглашение дало „зеленый свет“ созданию относительно небольшого, но независимого греческого государства, которое включало в себя территорию от залива Воло в Эгейском море до Арто на западе, а также Крит и ряд греческих островов, под управлением наследного принца, которого выбирает султан и который выплачивает султану ежегодную дань. Из страха, что русские займут Константинополь, Великобритания, Австрия, Франция и Нидерланды объединенным флотом перед Дарданеллами пытались оказать давление на Россию, а сами в это время уговаривали турецкого султана заключить мир. И добились своего: мир между Россией и Османской империей был подписан 14 сентября 1829 г. в Адрианополе (Эдирне).

В соответствии с положениями мирного договора, Османская империя обязалась открыть проливы для торговых судов всех стран, с которыми не находится в состоянии войны, предоставив им свободу торговли и плавания по Черному морю. Россия получила дельту Дуная и черноморское побережье Кавказа от устья Кубани до крепости Св. Николая под Поти. Турция была обязана выплатить большую денежную компенсацию России. Что касается Сербии, то Порта не только обязалась соблюдать положения Бухарестского мира от 28 мая 1812 г., но и шестой статьей мирного договора обещала в течение месяца „без малейшей задержки и с наибольшей точностью“ выполнить положения Отдельного Акта и Пятого пункта Аккерманской конвенции, официально предоставив русскому двору соответствующий хатт-и-шериф. Подписанием Адрианопольского мира Россия превратилась в наиболее влиятельный фактор в Константинополе. Сербия, Валахия, Молдавия и Греция, русские протеже и клиенты, лишь номинально признали власть Порты. Валахия и Молдавия получили внутреннюю автономию. Греция добилась независимости, с обязательством выплатить компенсацию Порте[4].

Хатт-и-шарифы. Соглашение князя Милоша и белградского визиря Марашли Али-паши 1815 г. немного предлагало сербам, но зато к ним вернулся столь желанный мир после почти двенадцати лет войны. Милош Обренович теперь уже князь, а повстанцам предстоял долгий и непредсказуемый путь борьбы за автономные позиции Сербии. Подлинную автономию Сербия получила лишь спустя восемнадцать лет после окончания Второго сербского восстания, на основе международного договора и государственных документов Порты. Князь Милош переговоры с Портой вел, опираясь на решения так называемого Ичкова мира (1806), восьмого пункта Бухарестского мирного соглашения и устной договоренности с визирем Марашли Али-пашой. Переговоры с Османской империей вели специальные делегации (посланники), позднее эта должность была передана сербским капукехая – дипломатическим представителям в Константинополе.

Получив ранее два прошения сербов, Порта легализовала соглашение князя Милоша и визиря Марашли Али-паши тем, что выдала сербам восемь фирманов зимой 1815–1816 гг. Этими указами был уменьшен и возвращен в нормальные рамки харадж (дань); повстанцы получили полную амнистию; спахиям было приказано собирать доходы с феодальных

владений по закону, в соответствии с бератами (документами на получение сборов); налоги туркам надлежало выплачивать в два приема – в День Св. Георгия и в День Св. Дмитрия. Османская армия, исключая янычар и турок вне пашалыка (провинции под управлением паши), могла находиться только в городах и не смела чинить насилие и несправедливость. По паланкам и городам рядом с муселимом (судейским чиновником) сидело и по одному сербскому князю для решения сербских дел, а в Белграде работала Народная канцелярия, составленная из представителей нахий (округов). Порта определила размер таможенных сборов согласно тарифу и запретила денежные поборы с сербских торговцев, которые имели разрешение на свободную торговлю по всей империи. Порта не приняла два важных требования повстанцев – о наследном князе, который бы вместе с визирем был представителем султана в пашалыке, и об оплате дани „одсеком". Наиболее важными привилегиями, полученными этими фирманами, было снижение дани с 13 до 3 грошей. На этих правах основывалась полуавтономия сербов в Белградском пашалыке[5] вплоть до окончания русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

По ее окончании, находясь в трудном положении из-за восстаний в стране, под давлением со стороны России и искусной, упорной и лукавой политики князя Милоша, Порта разработала три хатт-и-шерифа для Сербии – 1829, 1830 и 1833 гг. Если первый не имел большого практического значения, то два других заложили фундамент автономии Сербии. Кроме русского посланника и князя Милоша, который подкупил белградского визиря и министров Порты, важную роль в создании документов сыграл и Димитрий Давидович.

Адрианопольский мир вынудил Порту издать первый хатт-и-шериф уже 30 сентября 1829 г. Он был зачитан в Национальном собрании города Крагуеваца в феврале 1830 г. В этом хатт-и-шерифе не содержалось ничего нового для сербов. В нем султан повторил все положения из русско-турецких договоров (восьмой пункт Бухарестского мира, пятый пункт Аккерманской конвенции с Отдельным актом, шестой пункт Адрианопольского мира). Махмуд II торжественно подписал фирман (богато украшенный вензелем султана в золотом и красном цвете) и тем самым дал ему силу высшего официального акта.

Здесь, впрочем, не были подтверждены права, которые сербский народ постоянно просил с 1815 г., а лишь официально описаны привилегии, которыми сербы вскоре смогут пользоваться. Собственно, в официальном обещании султана, что сербы получат требуемую автономию и состоит значение первого акта, несмотря на то, что претворение в жизнь этого хатт-и-шерифа было поручено белградскому визирю и мулле, что в принципе не являлось гарантией исполнения. Тем не менее, князь Милош хорошо понимал его значение для Сербии, и на Скупщине, представляя народу права, которыми они вскоре будут иметь возможность пользоваться, сказал: „До этого момента мы были безусловные поданные турецкого самовластия и рабы, а сейчас становимся самобытным народом, чьи права султан своим хатт-и-шерифом перед целым миром торжественно признает и который от престола его будет зависеть только полезными для нас договорами. Теперь мы становимся равными с другими благообразными и счастливыми народами христианских государств". Осознавая, что для полной автономии не хватает права на выплату дани „одсеком", а также наследного княжеского достоинства, он добавил в конце: „И еще, мои любезные, когда это исполнится, вот тогда мы сможем сказать: в Европе есть государство сербское, а это будет скоро"[6].

Подготовка, переговоры и окончательное принятие хатт-и-шерифа 1830 г. продолжались целый год. Основой его послужил мемуар Давидовича, написанный в январе того же года, который стал отправной точкой русского проекта хатт-и-шерифа. Порта составила свой контрпроект. Два момента были для Порты неприемлемы: наследственный титул князя и возвращение округов; кроме того, Россия требовала создание Совета, который бы ограничивал власть князя. Поскольку Порта не согласилась вернуть округа, а значит и выплата дани „одсеком" была невозможна, князь Милош выбил право на титул наследного князя, подкупив турецких сановников. Окончательный текст султан подписал 16 или 17 октября без всяких изменений, а беглигчи-эфенди (начальник канцелярии) три дня спустя передал сербским депутатам копию хатт-и-шерифа.

Хатт-и-шериф 1830 г. урегулировал отношения между Сербией и Османской империей и установил права сербского народа на территории, освобожденные повстанцами во время Первого сербского восстания. Сербия объявлялась неотъемлемой частью Оттоманской империи, а мусульмане получали право жить только в „царских городах“ (Белград, Шабац, Смедерево, Кладово, Ужице, Соко), тогда как все другие сооружения подлежали сносу после выселения из них мусульманского населения. Подлежали возвращению Сербии отнятые области после того, как специальная русско-турецкая комиссия „изучит реальную ситуацию“. Вопрос выплаты долгов увязывался с проблемой возвращения так называемых шести нахий (округов) и поэтому и не мог быть окончательно решен. Повторен был провозглашенный ранее принцип „одсечного“ налога, в который бы входили: харадж, все дани, включая и доходы турецкой феодальной собственности вместе с территорией, которая будет присоединена к Сербии, и таможенные поступления, за исключением города Ниша. Мусульмане, которые имели частную собственность в Сербии (землю, дома, виноградники, усадьбы, так называемый мульк или миляк), могли ее продать по справедливой цене сербам в течение одного года после предварительного оценивания комиссией. Ежели они отказывались ее продавать, то все доходы с имущества шли в белградскую казну, а из нее уже выплачивались бывшим владельцам. Сербам разрешалось на белградской таможне взимать пошлины за весь товар, за исключением того, который идет в Константинополь, где его собственник также обязан был платить пошлину. За князем оставалось определение таможенных тарифов. Всем мусульманам, в том числе меселимам и воеводам, которые не входили в состав гарнизона, запрещалось пребывание в Княжестве.

Вторая группа положений касалась прав сербов на самоуправление в Княжестве. Порта обязалась не вмешиваться во внутренние дела Сербии. За сербами признавалась свобода вероисповедания, выбора митрополита и епископов, употребление колоколов в церкви, что подтверждалось конкордатом (соглашением) с Вселенским патриархатом в 1831 г. Управление Сербией поручалось князю и Совету, но таким образом, что князю предоставлялась законодательная власть, а исполнительную князь и Совет делили между собой. Вопрос о разделении власти не был четко сформулирован, что позднее создаст много недоразумений и конфликтов между этими двумя высшими властными институциями. Члены Совета, о которых не было сказано ни сколько их должно быть, ни кто их будет выбирать или назначать (из чего можно было предположить, что это право оставлялось князю, так как ему Порта доверила внутреннее управление страной), выбирались пожизненно и могли быть разжалованы только в случае тяжелых провинностей перед Портой или „против закона и правил земных“. Сербы получали право на организацию судебной системы; турки из нее устранялись, и суд становился чисто сербской институцией, находившейся под наблюдением князя. Последний имел право также держать армию в целях поддержания законности и порядка; сербы отныне могли открывать больницы, типографии, школы и почту, а сербские торговцы – свободно торговать в Османской империи после получения паспорта от князя и тескере (право свободно передвигаться по территории османского государства) от турецких властей. Наконец, Княжество добилось права держать в Константинополе своих дипломатических представителей (капукехаи), через которых решались текущие вопросы с Портой. Мусульманин не мог теперь заставить серба служить ему, если он этого не хочет, как это было раньше. При реализации этих пунктов хатт-и-шерифа на практике появилась проблема выселения мусульманского населения из Княжества. Из-за суровой зимы 1830–1831 гг. этот процесс был отложен до весны, а затем растянут на года. С другой стороны, не были разрушены новопостроенные укрепления.

Таким образом, вторым хатт-и-шерифом были достигнуты все основные требования, которые сербы выставили Порте, кроме присоединения шести округов и „одсечной“ выплаты дани. Хатт-и-шериф и размер дани были оглашены в Белграде на Ташмайдане в Скупщине, на котором присутствовали визирь, комиссар Порты и турки, в день Святого Андрея Первозванного 12 декабря 1830 г. на турецком языке, а на следующий день – на сербском. Эта дата стала государственным праздником Княжества Сербии. Хатт-и-шерифом за кня-

зем Милошем признавалось право наследования престола по праву рождения в соответствии с решениями Народной Скупщины 1817 и 1827 гг. Султан выдал князю специальный указ – берат (диплом) в 1830 г., чем законно утверждалась династия Обреновичей. В случае упразднения престола или исчезновения династии Обреновичей, Порта сохранила за собой право назначить нового князя с выдачей ему нового берата, за который он из собственных средств должен уплатить императорской казне 100 000 турецких грошей. В специально организованной церемонии оглашения хатт-и-шерифа и берата особое место было уделено миропомазанию князя Милоша в Соборной Церкви в Белграде.

Эти правовые акты не дали Сербии полную автономию, так как остались нерешенными три вопроса: выселение мусульман, присоединение шести округов и дань Порте[7].

Присоединение шести округов, которое князь Милош ловко провел, используя тяжелое положение, в котором оказалась Османская империя, а также настойчивые ходатайства князя перед Портой, поддерживаемые русской дипломатией, привели к выпуску третьего хатт-и-шерифа. Бунт скадарского паши Махмуда Бузатлия (1830–1831), боснийских капитанов под руководством Хусейна-капитана Градашчевича (1831–1832) и египетского паши Мехмеда Али (1831–1833) поставили империю на грани хаоса. Очень искусным и хитрым политическим маневрированием между повстанцами и Портой, помогая обеим воюющим сторонам, но больше Порте, сербский князь приобрел ее благосклонность. Используя благоприятный момент, князь Милош поощрял сербское население в упомянутых областях на бунт и сначала присоединил Старый Влах, Ядар и Раджевину, а затем юго-восточную и восточную Сербию. Осенью 1832 г. восстание захватило Крушевачкий округ, Парачинскую, Ражаньскую и Алексиначскую княжевины. Восточная Сербия восстала с благословения князя весной 1833 г.; в нее вскоре вошла сербская армия, как и в предыдущие области. Эти округа князь Милош просто аннексировал и присоединил к своему княжеству, а Порте после этого осталось только выдать Сербии хатт-и-шериф, который формально признал это присоединение.

Третий хатт-и-шериф, который сербы назвали „толковательный“, „разъяснительный и окончательный“, султан подписал 14 ноября. Он был передан сербским депутатам 29 ноября, а до Крагуеваца дошел 4 декабря 1833 г. В отличие от первого и второго, третий хатт-и-шериф был адресован князю Милошу. Предварительно сославшись на хатт-и-шериф из 1830 г., который дал право Сербии на внутреннее управление, и упомянув положения, которые не были выполнены из-за ожидания доклада русско-турецкой комиссии, султан утвердил все, о чем его чиновники договорились с представителями России.

Отторгнутые области возвращались под управление князя согласно топографической карте, которую составили уполномоченные. „Этими ландшафтами являются: Краина, включая и Ключ, Черная Река; включая и Гургусовац, Баня и Сврлиг; Алексинац с Ражнем и Парачином; Крушевац или Аладже Хисар, часть Старого Влаха; включая и часть Нового Пазара, известную под именем Брвеник, область реки Дрины, состоящую от Ядра и Раджевины“. Специальные фирманы были выданы видинскому и белградскому паше с указанием не препятствовать работе уполномоченных, назначенных князем и видинским пашой для разметки границы.

Порта тем же указом утвердила дань в размере 2 300 000 грошей, которую надлежало платить ежегодно в два приема. Данное положение дало возможность отменить феодальные повинности в Княжестве. Это обязательство по отношению к Османской империи не представляло слишком большой обузы для Сербии, являясь вместе с тем последним признаком вассального статуса вместе с турецкими гарнизонами в так называемых „царских городах“.

Один год срока, который предусматривался на выселение мусульманского населения из Сербии, оказался недостаточным, и поэтому это положение из второго хатт-и-шерифа было заменено на пятилетний срок, считая со дня обнародования третьего указа. Мусульмане оставались в подчинении белградского визиря и других своих органов власти. По желанию можно было выселиться и раньше этого срока, – после продажи имущества по справедливой цене. Они и гарнизонная армия могли покупать за наличные деньги еду, но при этом не прибегая к насилию. Турецким властям запрещалось вмешательство в сербские

дела. По истечении пяти лет все, кроме тех, кто находился в Белграде, должны были переселиться в крепости, „чтобы и впредь никто из турок не смог поселиться в Сербии“. Сербы же обязывались предварительно выплатить им разумную плату за имущество.

Последующими положениями был утвержден статус Белграда, т.е. организация жизни сербов и турок, проживающих в нем. Турки непосредственно подчинялись белградскому визирю. И турки, и сербы могли свободно жить в городе и заниматься торговлей. Белградская таможня передавалась сербам. В городе вводился запрет на ввоз оружия всем, кроме представителей правительств обеих стран. Сербские полицейские правила турки должны уважать, а от князя ожидалось, что не будет преследования мусульман, которые не имеют права возводить здания за пределами города. На князя и визиря возлагалась обязанность поддержания порядка и чистоты как в сербской, так и в турецкой частях города. Ничто не должно было препятствовать свободной продаже земли между турками и сербами. Иностранные торговцы могли свободно торговать и проживать в Белграде. Они имели право беспрепятственно продавать свои имения сербам и туркам, но не могли ни здесь, ни где-либо в Княжестве приобретать движимое имущество. В то же время запрещалась миграция поданных Порты из христиан, без получения предварительного разрешения от турецких властей. Нарушившие этот запрет возвращались на старые места. Этим положением хотели предотвратить переселение христиан, прежде всего сербов из других областей Османской империи в княжество, которое с того знаменательного года стало очень привлекательно для всех, кого турки угнетали на протяжение столетий. Все новые крепости, такие как Чуприя и Паланка, подлежали разрушению. Хатт-и-шериф был зачитан на турецком языке в конце 1833 г. в Белграде, а на сербском – в Крагуеваце на Трифунской ассамблее в 1834 г.

Таким образом, в 1833 г. закончился очень важный этап в истории сербского народа, который начался восстанием 1804 г. В широком смысле, это было бы окончание национальной сербской революции (1804–1833)[8]. Разделение между Сербией и Портой состоялось зимой 1833–1834 гг. Сербия, наконец, после многих лет войны и дипломатической борьбы завоевала позиции автономного княжества или вассально-трибунарного (платящего дань) государства с независимой администрацией, что было непосредственным результатом русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и Адрианопольского мира.

[1] *Novaković*, *St.* Vaskrs države srpske, Beograd, 1904, s. 115; *Gavrilović*, *M.* Miloš Obrenović, I, 8–9; *Ljušić*, *R.* Kneževina Srbija, 1–2; Vožd Karađorđe, knj. 2, s. 134, 156.

[2] *Ljušić*, *R.* Istorija srpske državnostri, knj. II. Novi Sad, 2001, s. 80, 81.

[3] *Gavrilović*, *M.* Miloš Obrenović, II, 225–243, 741–742; *Jakšić*, *G.* Evropa i vaskrs Srbije (1804–1834), Beograd, 1933, 319–322, 414–415; Akermanska konvencija zaključena izmežu Rusije i Turske 25 sseptembra 1825g. Beograd, 1911; *Ljušić*, *R.* Knеđevina Srbija, 2.

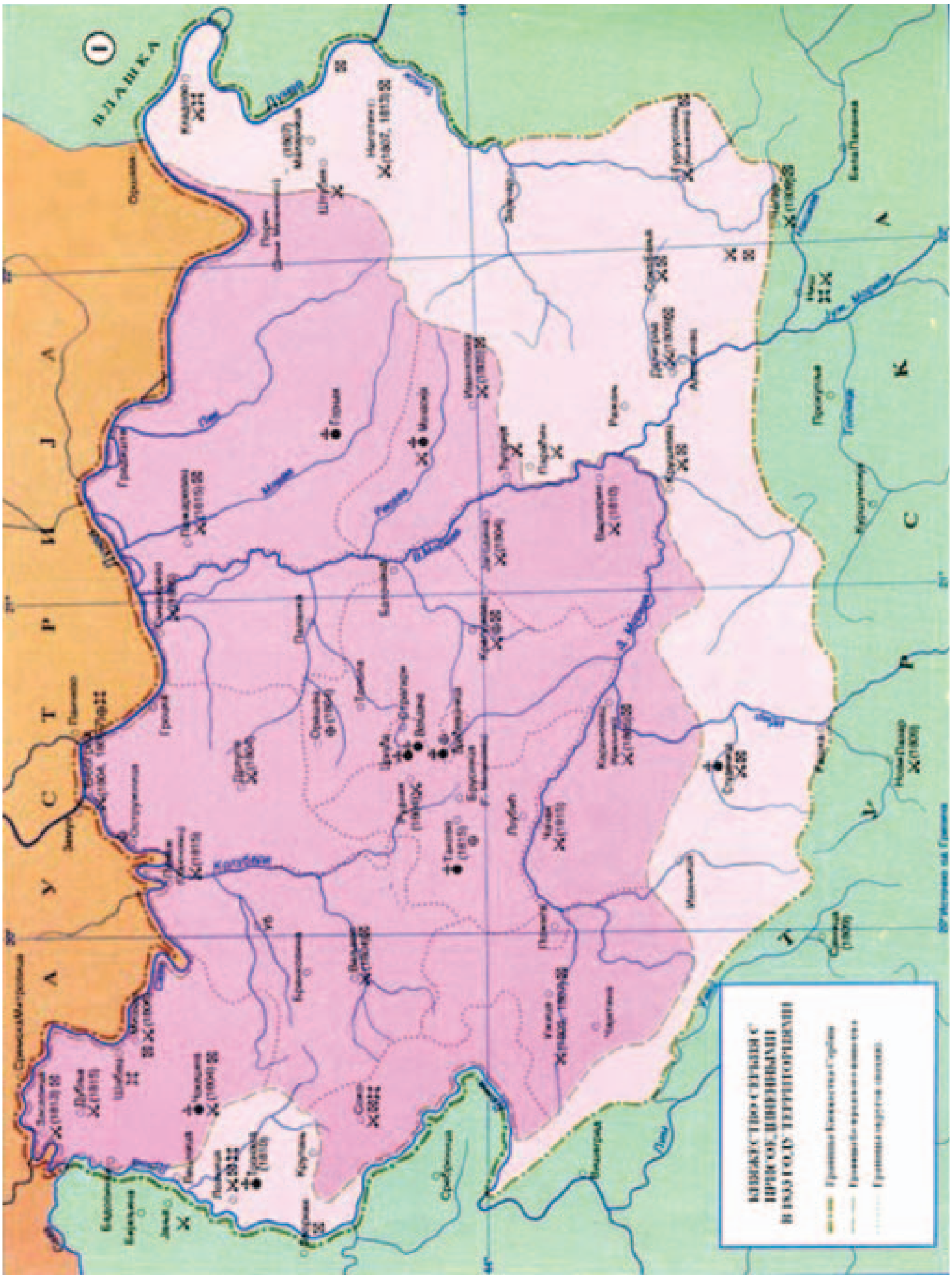
[4] Vojna enciklopedija. T. 8. Beograd, 1966, 415–416; *Mantran*, *R.* Istorija osmanskog carstva. Beograd, 2002, 538–545; *Gavrilovc*', *M.* Op.cit., s. 30, 41–46, 63, 82–83, 90, 95, 98–99, 104, 110, 120–123; *Jakšić*, *G.* Op. cit., 337–338, 415; Ljušić, R. Op. cit., 3.

[5] *Ljušić*, *R.* Istorija srpske..., 85–86; Kneževina Srbija, 298–299; *Petrović, V. N.* Građa za istoriju Kraljevine Srbije, II. Beograd, 1884, 120–130; Finansije i ustanove obnovljene Srbije do 1842. I. Beograd, 1898, 609–654; *Gavrilović*, *M.* Miloš Obrenović, I, 248–252.

[6] *Gavrilović*, *M.* Miloš Obrenović, II, 140–162; *Jakšić*, *G.* Op. cit., 339–343, 415–416; *Ljušić*, *R.* Op. cit., 4–5.

[7] *Gavrilović*, *M.* Miloš Obrenović, III, 165–300.

[8] *Gavrilović*, *M.* Miloš Obrenović, II, 303–510, 614–617; *Ljušić*, *R.* Op. cit., 14–20; Istorija srpske državnosti, kn. 2, 97–101.



УДК 930.2-028.16(=163.2):355.48(470+571:560)»1828/1829»

РУСКО-ТУРСКАТА ВОЙНА ОТ 1828–1829 Г. В УСТНАТА ИСТОРИЯ НА ДНЕШНИТЕ БЪЛГАРИ

Елка Дроснева

***Дроснева Е.* Война 1828–1829 гг. в устной истории нынешних болгар**

В статье рассматриваются вопросы о влиянии этой войны на русскую болгаристику, о присутствии Харькова и харьковчан, Варны и ее жителей в этом конфликте, о проектах 1995–2009 гг. Исторического музея в Сливене и исторического факультета Софийского университета. Частью этих проектов были экспедиции обеих институций в Сливенской, Добричкой, Варненской, Силистренской, частично в Старозагорской и Ямбольской областях Болгарии. Излагаются основные цели и вопросы исследования, представлены результаты полевых работ.

Ключевые слова: полевые исследования, миграции, сожительство, болгаристика, Харьков, Сливен, Добруджа, Варна.

***Дроснева Е.* Руско-турската война от 1828–1829 г. в устната история на днешните българи**

В статията авторът споделя виждането си за значимостта на войната в няколко посоки: серията руско-турски войни от XVIII–XIX в., съдбините на Варна в тях; ролята на войната в развитието на българистиката; ефектите върху руската публицистика; влиянието на войната върху развитието на руската мемоаристика; изпуснатите възможности за открояване на присъствието на харковчани и харковски родове с близък и далечен български произход, или с влияние върху развитието на българистиката и българо-русийските отношения в тогавашно и следващо време. Основната част е разказ за научните експедиции, осъществени през 2005–2009 г. от екип изследователи от Софийския университет и Регионалния исторически музей в Сливен по различни проекти.

Ключови думи: теренните проучвания, миграции, съжителство, българистика, Харков, Сливен, Добруджа, Варна.

***Drosneva E.* The Russia-Turkish war of 1828-1829 in contemporary Bulgarian oral history**

The article the representation to the influence of this war on Bulgarian studies in Russian Empire, the attitude of Charkov and Varna to it, representation of several projects (1995-2009) of Sliven Historical Museum and the Faculty of History in Sofia University. A part of the projects are the expeditions of members of the both institutions in the regions of Sliven, Dobrich, Varna, Silistrija, partly in the regions of Stara Zagora and Yambol. Next come the targets and the main items. They concern the results of the field observations.

Keywords: field observations, migrations, coexistence, Bulgarian studies, Charkov, Sliven, Dobroudja, Varna.

Тази война е уникална, като всяка, но е и като небивала, а много важна в серията руско-турски войни през XVIII–XIX в.

© Елка Дроснева, 2012

Първо, защото е единствената, в която руската армия успява да превземе Варненската крепост. Събитието от есента на 1828 г. има трайни последици в бъдеще: за първи път от столетия тукашните хора живеят под християнски флаг; усърдието на Портата да възстанови крепостта след Одринския мир умело е използвано от организаторите на Велчовата завера (1835 г.) за създаване на ударната сила на планираното въстание, начело с Димитър Софиянлията. В пределите на крепостта по време на руското й управление излиза ръкописният вестник „Листок для Родины", богат на актуална местна информация, която допълнително ще заинтересува науката и четящата публика, когато текстът на вестничето бива отпечатан в реномираното руско списание „Отечественные записки". Тъкмо във вестничето се появява част от ранните сигнали за нарастващо напрежение между българи и гърци по църковния въпрос. А е и отличен извор за живота в тогавашна Варна, видян в най-широк план.

Второто важно обстоятелство, е влиянието на войната върху узряването на руското общество и „елита" по проблемите на славяните и въобще на християните в Османската империя. Най-малко три факта доказват такова твърдение. Първите два са по-късно публикуваните, по записки от времето на събитията, спомени на двама от участниците – Ф. Ф. Торнау и Феликс Фонтон. Третият е в новата струя в развитието на българистиката. Тази струя начева с Юрий Венелин и се изразява в нейното актуализиране; по друг начин казано – обръщането й към животрептящите проблеми на българското общество.

Руската българистика и въобще хуманитаристиката, получават още възможности. С армията или след нея вървят първите „професионалисти", които изучават земите и хората им. Венелин е единият случай – от Балканите той се завръща с богати впечатления за миналото и настоящето им. Успява да публикува само част от наблюденията си, но даже така, усвоеното му позволява да въведе в науката серия от теми – за влахо-българските грамоти, за дамаскините, за българския фолклор и прочие. Следващият случай е на поета Виктор Тепляков, изпратен с мисия „да изучава класическата древност" на тези земи. Ефектите от пътешествието му са многопосочни: нови прекрасни стихове, безценни по информацията си писма от Варна и Варненско – с вижданията за съвремието си и с етнографски наблюдения; не на последно място идват предметите (артефактите), които открива и които (доколкото знам) все още се пазят в Одеса. Малко или никак не е известно, че тъкмо той отъждествява Варна с древния Одесос. Третият – на Александър Чертков, човек от фронтовете, а още по-рано – от науката. Нему дължим първото в руската наука съобщение за „Абагар" на Филип Станиславов.

Личността на Чертков изпъква в тази война в още няколко посоки. Първата е в новите веяния на руската държавна пропаганда от времето на войната. Огромното количество статии и книжки внушават идеята, че това, което руският/киевският княз Святослав Игоревич през X век и полско-унгарският крал Владислав Ягело-Варненчик през XV в. не са успели да сторят, направил го е руският император Николай I през 1828–1829 г. След време Чертков ще напише двете си прекрасни книги за Святослав Игоревич и за Манасиевата хроника и така ще създаде, включително чрез бележките си, едни от първите, не само в Русия, по-цялостни очерци върху Българското Средновековие. Тъкмо в заключението на книгата за руския княз той излиза от строгия научен тон и се отдава на мечтания в духа на пропагандата от 1828–1829 г. и на ранните славянофили, към които, впрочем, трудно би могъл да бъде причислен. Втората посока е в роднинствата. След брака си, дъщеря му става княгиня Голицина. Третата – съвсем обвързана с Харков. Защото това е същата княгиня Голицина, която наема за децата си като частен учител Марин Дринов. Тъй, бъдещият харковски професор, възпитаник на Московския университет и българин по произход, поема по пътищата към важни европейски архиви в Прага, Виена, Италия (Ватикана) и натрупаното слага траен отпечатък върху бъдещото му творчество. Толкова повече, че освен да работи в архивите, Дринов оглежда тамошния свят, създава научни контакти, които прерастват често пъти и в чисто човешки приятелства, белязали цялостния му житейски и творчески път.

Връзката Чертков – Харков не изчерпва харковския сюжет във войната от 1828–1829 г. В тази война участват потомци на създателя на Харковския университет Василий Каразин. Потомци са по двете линии – на фамилия Каразин и на фамилия Ковалевски. От последната е генерал-майор Ковалевски, братът на Егор Петрович Ковалевски, който пък през 60-те години посещава Балканите, включително българските земи. Спомените му съдържат важни етнографски детайли, но от най-съществените му приноси е неговото откритие, че Стара планина е раздел на тукашните климати. Факт, който днес знаят и децата, но не знаят откривателя му[1].

Тази война ме впечатлява с още три момента. Макар днес да знам повече факти около нея – военни, дипломатически и прочие – не спирам да се дивя: как така армията на Руската империя стига до Одрин, а после целокупно се оттегля отвъд Дунав, реално без териториални придобивки за държавата Русия. Прилича ми на военно-дипломатическо скудоумие. Откак свят светува, войните се водят за територии, населени с нови поданици, сиреч данъкоплатци. Богатства, които имат реални измерения, но и гъделичкат самолюбието на владетелите, даже ако са от женския пол. Виждат ги като доказателство за личностното им могъщество. Второто е, че както и с другите войни между Русия и Турция, местният интерес е към събитията на Балканите, най-вече в българското землище. Че има Кавказки фронт хората или не знаят, или ако са подочули за него, не искат и да знаят. Тъй образът на войната е частичен. В конкретната война частичен го прави още едно обстоятелство. То е, че движението в Източната част на полуострова е много мощно и човек си представя, че на Запад дори не са и поглеждали. Напротив – познато ми е от спомените, даже почват да строят път между днешните Враца и София. Кой и защо строи пътища е известно на историците.

Позволявам си накрая лични пристрастия около тази война. Дядо ми Георги (баща на баща ми, роден през 1897 г. в Шабла, Добричко) много пъти ми разказваше за своя дядо по бащина линия. Биел се в гърдите и викал: „Аз съм истински българин! От Граматиково, Малкотърновско. Первый выпуск!“. На уточняващите ми въпроси, разбира се по студентско време, дядо отговаряше: „Преселили се тук по времето на Дибич. Пък „первый выпуск“, защото след Освобождението е завършил Военното училище и е от първия му випуск“. Но това, което даже дядо не знаеше е, дали са от граматиковците, които изначално спират тук по пътя, или пък са от онези, които са ходили до „Русията“, а после са се завърнали и са спрели в Шабла. През 60-те години шабленски роднини ходиха до Граматиково и бяха открили роднини там. Писмата на дядо по въпроса пазя като съкровище в личния си архив. Идваха и разказите на баба ми, неговата жена, за „бесарабката“, която така изтъкала килима, постлан в гостната стая, че изглеждал като току-що купен, а е било през 70-те години, всъщност през „румънско“ (1918–1940 г.). Самата тя прекрасна тъкачка, макар за домашни нужди, баба Еленка не спираше да се диви: „Пустата му бесарабка! Как го е изтъкала! Скъсване няма!“. Тя твърдеше, че са си тукашни, сиреч шабленски – и тя, и дедите й. Трябваше да тръгна на професионално изследване, за да разбера, че въпросите ми към нея са били грешни, макар да чувствах, че и нейният род е пришълец в Добруджа.

После дойде първата ми студентска сесия (януари 1973 г.), но аз нямах изпити, защото се провеждаха само по втора специалност – български език и литература, философия. А ние, от английска филология, както и колегите ни от руска и испанска, по тогавашния учебен план на факултета просто нямахме изпити. Престоях във Варна повече от месец, заедно с ваканцията (тогава в България студентите все още имаха ваканция). Заработих професионално в част от времето. В Музея на Възраждането двама души ми подадоха ръка. Както разбрах по-късно, били са директорът му Велко Тонев и днешният директор на Музея, по онова време едва постъпилата на работа, Станка Димитрова[2]. Бях си наумила да изчета течението на „Известия на Варненското археологическо дружество“. Ето тогава войната от 1828–1829 г. пак се наби в очите ми. А и експозицията

ярко отразяваше събитията. Защо отидох в този музей? Харесвах го (в Първа езикова гимназия „Христо Кабакчиев“ 2 години учихме екскурзоводство, обикаляхме „професионално“ с учителя ни Мак Станчев всичките музеи в града, и този, заедно с още два, най-много ме впечатляваше) – с експозицията си за Взаимното училище (после научих, че е първа в България и е станала модел за експозициите в Добрич, Габрово и др.). Пък беше и на гърба на студентската квартира на родителите ми, сиреч на гърба на първия ми роден дом, с много важната в живота ми църква „Св. Архангел Михаил“.

Родена съм, прочее, в гр. Сталин, каквото за няколко години (до 23 октомври 1956 г.) е името на Варна. Към войната от 1828–1829 г. така се добавят допълнително и личните ми пристрастия. Лятото на 1977 г. поработих като екскурзовод с руски език в другия си обичен музей – Военноморският. Там темата за войната пак се наложи, особено с експонати като оцелялото от носа на един кораб – дървена статуя на покровителя му, руския император Николай. И с още други предмети от войната – намерени почти на суша или извадени по време на подводните експедиции на Музея (първите в България), наченали при Калиакра през 1959 г.[3] Но! Най-вълнуващото! Групата отличили се колхозници от Одеска област. Мога всичко друго да забравя за тези хора! Но не и колко много си приличаха по лице и ръст, нито блесналите им, любопитни очи, старата, забравена думичка „хорати“, изречена от един от ръководителите на групата на тези 30-тина жени: „Тихо! Жената ще хорати!“. Жената бях аз, а скоро разбрах и защо са така превъзбудени. Особено като стигнахме до онази война от 1828–1829 г. Моята превъзбуда не беше по-малка: сред потомците на емигриралите по Дибичово време можех да бъда и аз – ако моите роднини не бяха останали в Шабла. Тогавашният директор на Музея Ради Боев работеше и върху тази война, а от съветските военни архиви беше съумял да извлече невероятно интересна, непозната информация за живота на „простосмъртните“ и съпричастието им[4].

„Довърши“ ме аспирантското ми време в Катедрата по история на Средните векове в Историческия факултет на Ленинградския университет (дн. Санктпетербургски, 1977–1980 г.). Под ръководството на проф. д.и.н Владимир Александрович Якубский работих върху проблема „Становление русской болгаристики (до середины XIX в.)“, по който успешно защитих дисертация. Тогава в живота ми до Ю. Венелин застанаха Тепляков, Торнау, Фонтон, Должиков, Лукиянов, Мартос и мнозина още, а до Н. Державин се нареди и Аполон Скалковски. Но си имах и приятелите ленинградчани – полковник о. з. Александър Д. Иванов, свързан с България от времето на Втората световна война и съпругата му, блокадничка и историк, Вера И. Карелина (подарък са ми от Р. Боев). Те пък ми разказваха много всякакви истории, още и за войната от 1828–1829 г., и за паметниците в Ленинград, свързани с нея, със следващите войни, и въобще с България – Исакиевският и Казанският събор, където е четен Манифестът за Освободителната война, за Спасо-Преображенския събор (близо до Генералното консулство на България), ограден с пленени през 1828–1829 г. във Варненската и други крепости турски оръдия, дарени отначало на поляците, но прибрани след въстанието, в което били използвани не като трофеи, ами по предназначение.

Разказвам за съпричастността си с войната от 1828–1829 г. ето защо. Като историограф съм убедена, на това уча и студентите си, че всеки историк е първо човек, после си има занаята „историк“. И че личният опит е изключително важен за всеки историк. Споделих част от личните си пристрастия и за да обясня защо цял живот бягам от тази война, от Добруджа и от Варна. Но войната ме намира. Намират ме и Варна и Добруджа. Каквото ми се случи и с експедициите, за които разказвам в следващите страници.

Още едно уточнение. Добрата страна на нещата е, че руско-турската война от 1828–1829 г. присъства в българското училищно образование съвсем символично – като една от многото от XVIII в. до Освобождението. Факт, който дава сериозна доза увереност, че това, което сме събрали и продължаваме да събираме „на терен“, идва от семейната, родовата и поселищната устна история. Не по официалния образователен път.

Оформихме се като екип през ранното лято на 1995 г., продължихме през лятото на 1996 г. С историка Васил Дечев – нашият доайен, дългогодишен сътрудник в Историческия музей в Сливен, с Цвете Райчевска – историк, османист, тогава сътрудник на Националния исторически музей, с фолклориста д-р Владимир Демирев и историка Мария Кирова, и двамата от Историческия музей в Сливен, и обикаляхме Сливенския Балкан. В първата година – Жеравна, Котел, Медвен, Градец, Тича, Раково, Нейково, Катунище, а на другата – Стара река, Кипилово и още няколко. Работехме по идея на В. Демирев по темата „Исторически и етнокултурологични аспекти на хайдутството". Както винаги бива при такива експедиции, хората обичаха да разказват за много неща извън нашата тема. Сред допълнителните им разкази, войната от 1828–1829 г., и преселенията на тукашните жители в северна посока, към Добруджа, към княжествата Влашко и Молдова, към Русия и сетнешните завръщания, отново изплува[5]. Замисълът за специално проучване узряваше у нас постепенно. Десетилетие по-късно се превърна в проекта „Исторически и етнологически проблеми, свързани с Голямото преселение от Югоизточните български земи след 1830 г.", разработен от М. Кирова и приет от ръководството на Регионалния исторически музей (РИМ). По този проект тримата (В. Демирев, М. Кирова, Е. Дроснева), заедно с още един сътрудник на РИМ в Сливен – Росица Георгиева, историк, запътувахме по Добруджа, в частта й в Република България (в области Добрич и Силистра; 2005, 2006, 2008, 2009 г.). През 2008 година се добави едногодишният проект на Историческия факултет в Софийския университет „Св. Климент Охридски" на тема „Одринският мирен договор (1829 г.): Предистория и последици (към преходните процеси на Балканите)". Беше по идея на доц. д-р Пламен Митев, с научното ръковоство на доц. д-р Е. Дроснева и с още трима участници в екипа: ст. ас. Ваня Рачева и докторант (сега вече д-р) Владимир Пеев (Исторически факултет) и М. Кирова. Обогатен със следващ проект, той прерасна в международна кръгла маса на тема „Империи и полуострови. Югоизточна Европа между Карловац и Одринския мирен договор, 1699–1829 г. Общество, война, преход". Срещата се състоя в София в началото на октомври 2009 г. и в нея участваха специалисти от България, Гърция, Сърбия, Русия, Обединеното кралство, Германия, Австрия, Италия, САЩ и др.

През всичките години на проектите ни, проучвания се правеха и на територията на самата Сливенска област, символично в Ямболска и почти никак в Старозагорска. Не сме работили, а е наложително да сторим това в Бургаска и Шуменска област. Част от резултатите са представяни на конференции, сесии и кръгли маси в Сливен (1995, 2005 г.), Добрич (2008 г.), София (2009 г.), Харков (2009 г.) и в различни научни печатни издания[6]. Разбира се, че някои намериха място в лекционните ми курсове в Софийския университет: задължителния „Историография" и избираемите „Библейският модел за история", „История и митология" в бакалавърската степен и „Историкът и изворът", също избираем, но за студенти в магистърските програми. Събраните материали са в личните ни архиви, а една част – обработените по всички правила – и в архива на РИМ и на Катедрата по история на България в Софийския университет.

При обхожданията ни в Добричко, Силистренско, Варненско и Сливенско, екипът ни посети над 50 селища – основно села, малки градчета и областни центрове. Информатори ни станаха към 150–200 души от двата пола. Възможно е бройките селища и люде да изглеждат впечатляващо, особено при условията, при които работим. Но ние в екипа най-добре си знаем: не сме завършили работата по нито едно селище и имаме още много селища за бъдещи „похождения". Имаме и пълното съзнание, че това, което правим, е една моментна снимка на днешната устна история в районите, които посещаваме. В перспектива тя би могла да бъде сравнена с „моментните снимки" на предходниците ни като Михаил Арнаудов, Стоян Романски, Любомир Милетич и мнозина още от първата половина на XX в. Сравнението ще подскаже нови посоки на диренията. В добавка, напоследък в България се заговори за нов дял в хуманитаристиката – „Добруджанистика". На този етап ми изглежда основателно[7].

Срещнахме се с няколко поколения – от деца в предучилищна възраст до почти столетници. Не само според възрастта, образованието им варира от начално (4 отделение) и основно (7–8 клас), завършени или незавършени, до висше, със защитени научни степени. Според времето, в Добруджа са учили или са завършили в български и румънски училища (до средно образование – 11–12 клас) в родните си земи, в Северна Добруджа и в традиционната част на Румъния. Неколцина по- и най-възрастни са останали без образование или с по 1–2 класа в отделенията, преобладаващо, мисля, жени.

Професионалният профил включва земеделци и скотовъдци, работници в различни други сфери, представители на интелигенцията. Някои са имали собствени земи, различни по площ, инвентар, стада и домашни животни за собствени нужди, други са били наемани да работят „на нивите“ или да слугинстват в семейства. Следващи са се занимавали с търговия.

Според скорошния си или настоящ служебен статут информаторите ни са пенсионери, директори на училища и културни домове, секретари на читалища, учители и прочие. Специално място заемат колегите ни от музеите и музейните сбирки, сътрудниците на регионалните библиотеки и кметовете, кметските наместници и секретарите на кметствата. Последните три групи са хора, без които доникъде нямаше да стигнем – заради разбитата в последните 20 години инфраструктура, съсипания междуселищен транспорт и собствената ни финансова немощ, въпреки подкрепата на двете институции, в които работим. Получавахме подкрепата и на хората, които се грижеха за храмовете в съответните селища или служеха в тях, заемайки различни места в църковната йерархия. Говоря както за представители на източното православие, така и за представители на исляма. Всички хора, с които се срещнахме, са за нас наистина големият дар от живота, на който подадохме ръка. Както казва една домашна поговорка: „Помогни си сам, за да ти помогне и Господ!“.

Разбира се, че и при тези теренни проучвания респондентите ни обичаха да говорят по въпроси, с които не се занимавахме – например, как изглежда Втората световна война през погледа на ветераните днес, две десетилетия след промените. Два са добрите резултата от този аспект на разговорите ни: записахме неща, за които, когато науката се сети, няма да има кого да пита; очерта се на психологическо ниво по-пълноценно образът на разказа за занимаващата ни война. Колкото до първото, почти навсякъде ни срещаха с един и същи въпрос: „Защо не дойдохте 10 години по-рано? Бяха все още живи хората ни, които най-много знаеха и най-много щяха да ви разкажат...“.

Нужно е да се има предвид още едно обстоятелство. В Южна Добруджа основният исторически разказ е за времената „под румънско“. Турците и тяхното държавно време почти ги няма. Две десетилетия в друга държава, хората там са се уповавали на родовия си и селищен спомен, за да се опазят като българи. Развили са и много силен „държавнически патриотизъм“ – нека така да нарека чувството им за отговорност към държавата България. Доловил го е още Йордан Йовков и го е запечатал в романа си „Чифликът край границата“ (1933 г.). Но той е и живял там, и дълги години след Първата световна война е работил като аташе в Българската легация в Букурещ, все с надеждата, че културата ще върне добросъседството между двата народа и ще им помогне да постигнат съгласие на държавно ниво. По отношението си към държавата България, хората в Добруджа, особено живелите „под румънско“, много си приличат с хората от Петрич и Ивайловград, да кажем, – селищата, които се вливат в свободна България покрай войните от 1912 г. И с хората от откъснатите по Ньойския мирен договор, т.нар. Западни покрайнини, за които и днес, и въпреки всичко, България и нейната държава са нещо почти мистично прекрасно.

Във Варна и Варненско доминира друга нишка в устния разказ за миналото. Там в по-старата версия не са нито „турците“, нито „румънците“, ами „гърците“. След войните, през второто десетилетие на XX в. градът и околността приютяват бежанци от Добруджа, но и от Македония и може би, най-много от Тракия. Днес особено активни са Тракийските дружества. В екипа ни все още само предполагаме, че този факт укрепва

като водещ елемент разказа за преселенията и другите страдания от времето на двете Балкански и Първата световна война.

Споменът за преселенията се поддържа през десетилетията от различни фактори. Водещ е разказът у дома, в семейството, с който разказ израства всяко дете там. Идва поселищният разказ. Причината за него е в спецификата на преселенията. По пътя от Югоизток на Север хората изостават от кервана на определено място най-често, защото там вече имат познати заселници – роднини, съселяни, или хора, с които социално-икономически дадености са ги срещнали преди поредното бедствие. Сиреч, идват и остават на нещо като „познато място, познати хора“. Или от настъпила немощ, с оправданата надежда, че все още има добри хора, които ще приютят страдалците – стари, болнави, изтерзани, сиротни дечица. По обратния път, от Север към традиционните заселища, спират и се установяват по същите основни причини. Така в едно и също селище се събират родове и земляци от местата на първоначалното изселване. Те имат общо минало в традиционните си селища и заедно изграждат своя разказ за новото си общо землище. Да добавя: всичко това се развива в епохата на силно традиционно общество, в което хората обичат и умеят да разговарят един с друг, бидейки щастливи, че са лишени от днешните технически постижения като радио, телевизия, интернет и всякаква друга електроника; на пръсти се броят и вестниците, и останалите печатни издания.

Следващи фактори за поддържане и развиване на спомена са онези от по-общ социален, политически и държавен характер. Както ни съобщаваха информаторите, през втората половина на XX в. хора, носители на родовия спомен, са тръгнали по родните места на някогашните изселници. И са откривали роднини там. Съществува движение и в обратната посока – от традиционните селища към местата, за които са чували, че са се преселили дедите им[8]. Насърчават движението и откриването, особено от 60-те години насам, окръжните, републиканските и местните фестивали на художествената самодейност и съборите на народното творчество. От последните най-популярен и до днес е Копривщенският, но всъщност всичко започва от реализацията на идеята на Българското радио (днес Българско национално радио), с провеждането на първия събор в с. Граматиково, Малкотърновско. Благоприятно се отразяват и договорите за взаимопомощ между предприятия със сродно производство, действащи в различни райони на страната. На същия принцип са договорите между Държавните земеделски стопанства (ДЗС) и Трудово-кооперативните земеделски стопанства (ТКЗС), отпосле между АПК (Аграрно-промишлени комплекси). Движенията за масова физкултура и спорт, за научно и техническо творчество на младежта (ТНТМ) също казват своята дума. На международно ниво подобни изненади поднасят разменяните делегации между побратимени градове и области в България и СССР. Има значение и международният туризъм в рамките на Източния блок, с всичките си „идеологически“ перипетии. В селищата от разглежданите области в отделни училища действат (или са действали) извънкласни кръжоци по краезнание, които учат децата да търсят корените на селището и на рода си. Така и чрез шефствата между училищата, особено с размяна на лагеруващи ученици според сезона, самите деца, понякога и учителите откриват сродници „на другия край на България“. Винаги ги има журналистите и местните ентусиасти, които се заемат с краеведческата история и с тази на собствения си род и организират родови срещи. По-пъргавите създават родословни дървета, правят ръкописни книги за рода и селището, а най-сръчните съумяват и да ги издадат още преди промените от 1989 г. Много от по-големите селища пък разполагат с професионално написани свои истории с времеви обхват от първите вести за живот в землището до годината на издаване на книгата. Твърде често откриването на родственици и земляци е въпрос на чиста случайност. Впрочем, в Добруджа особено, е почти невъзможно да заговориш някого и да не чуеш, че дедите му са се преселили тук през XIX в. и по-рано. Такава е демографската картина на този кът от България, най-вече през двете възрожденски столетия.

В такъв контекст в обследваните места вирее споменът за войната от 1828–1829 г. и сетнините й. Още по време на събитията масовото изселване от Югоизточните български земи бива наречено „Голямото преселение“, „Бозгунът“, а войната – „Дибичовата война“,

по името на командващия руските войски на Балканите генерал Дибич-Забалкански. Цялата състояла се драма оставя изключително трайни следи в паметта на хората и те я препредават на всяко следващо поколение, та и до днес. Колкото и невероятно да звучи, разказът за първия заселник се връща към неговото житие-битие отпреди събитията, дори към края на XVIII в. Помнят се детайли по самото преселение – включително единични случаи на хора, откъснали се или изостанали от кервана. Разказват се подробности около маршрутите на придвижване, случки по пътя, битови уредици и най-вече неуредици, раждания и смърти, облекло, храна и стопанство на бежанците. Изборът на селището, в което остават, се диктува от различни обстоятелства – благоприятни природни дадености, близки до усвоения тип природа, значи с увереност за бъдещо усвояване на новото място, или пък с по-богата и похубава природа. Други обстоятелства за избора са роднини и земляци, които от по-рано са се заселили там, близост до или отдалеченост от родната земя, харесване с местните хора и множество още, по-раншни стопански взаимоотношения с местното население. Някои от потомците на преселниците бяха в състояние да проследят всички нишки на рода нататък, с имената на хората и любопитни случки с тях. Други, чиито предци са претърпели преселения в няколко поколения, знаят, че всичко е почнало с първия бежанец, от времето на войната от 1828–1829 г., стигнал до Княжествата или даже до Русия. Откъдето следващите пък се преселват в Северна Добруджа. След Крайовската спогодба (1940 г.) продължават преселението към „Стара България“.

Събитията биват възстановявани понякога и благодарение на житейски феномени. От най-ярките е случаят в село Паскалево, някогашното Ези бей, познато по османски регистри от XVI в. нататък. Днес носи името на водача на кервана поп Паскал (1776–1866 г.), повел хората от няколко селища в Югоизточните български земи, най-много от днешното с. Козарево (тогава Козосмоде, откъдето е родом). Стигнали до Бесарабия и основали с. Кортен. След години поп Паскал застанал начело на нов керван и повел около 900 семейства обратно към родните земи. Този път се установили в Южна Добруджа. Той самият със семейството си останал в Добрич за малко, по-задълго в днешното с. Победа, а след години и в Ези бей (от 1942 г. по желание на жителите селото носи неговото име – Паскалево). Той доживява до 90-годишна възраст, в двора на църквата „Св. Димитър“ е гробът му. Запазен е и домът му срещу нея, много променен, разбира се. Стефан Алексиев, съпругът на едната му внучка, също е учител и свещеник, но в Добрич. Близо до поп Паскал в църковния двор, почива също свещеник, Павел Атанасов (1867–1960 г.), удостоен със званието „Заслужил деятел на културата и изкуството“ заради приноса му в изследването на добруджанския фолклор и история. На него най-много дължим своевременно записаните спомени за и на поп Паскал. П. Атанасов е съпруг на правнучката на поп Паскал Милка[9]. Това е феноменът: споменът за войната е предаден в семейството и в гилдията от един столетник, достига до следващ дълголетник и е запазен вече в писмен вид след средата на XX в. Когато се осмисли този факт, човек си дава сметка колко скоро всъщност е била войната от 1828–1829 г. Преди някакви си 180 години! Пък и получава впечатление на терен как върви, с какви механизми се извършва препредаването на спомена.

Драмата на преселението превръща „Дибичовата война“ в дума-парола, в символ. Не всички помнят кога са се преселили дедите им от Балкана към Добруджа. Някои знаят, че не е било свързано с война, а с някакви други преследвания, или пък с немотия. Тези, до които споменът е достигнал без уточнение по коя война е станало преселението, изказват възможно най-логичното предположение: „Трябва да е било по Дибичово време“. Друго толкова голямо и толкова страшно преселение наистина няма – нито преди, нито след тази война. Така е по писмените извори, оттам и според науката.

Все пак, под „преселници“ в Добруджа разбират насилствено преселените след Крайова българи от Северна Добруджа. Важно е да го знае всеки следващ изследовател – поне заради това, да не му се случи да изпусне спомен на потомците на преселниците от XVIII–XIX в. и да не подвежда хората с въпросите си.

Може би не точно по войната от 1828–1829 г., а въобще по преселенията, но на терен откривахме и имена на селища и местности, които също са се превърнали в „парола“, сиреч в символ. Така земите на Царство България, оцелели в пределите му и след Ньой, биват наричани „Стара България“. Според един от информаторите ни, Котел престава да бъде „Котел“ в добруджанските години „под румънско“ – за изселниците и потомците им той вече е „Витлеем“(!).

Макар да не са свързани с тази война, налага се да спомена татарите и черкезите. Разказът за тях е показателен с разбирането за „свой и чужд“, не по-малко и с традиционното разбиране, че всеки е първо човек, после има вяра и народност. В Житница (Добричко) ни разказваха как в незапомнено време българите живеели в някакво съседно село, а тяхното тогава си било изцяло турско. Появили се татарите и взели да плячкосват всичко наред. Турците от Житница отишли при добрите си познайници-съседи българи и им предложили да изоставят селото си, да се преселят при тях. Обещали още да им дадат земи, да им помогнат да си съградят нови къщи. Надеждата била, че като са заедно отколешните съседи, по-сигурно ще се опазят от пришълците. Което и станало. Ето защо и до днес българи и турци в селото и в околността си живеят дружно и в отлично разбирателство – по завета на дедите, казваха ни, а и виждахме. В съседно село ни разказаха историята на джамията си. Имало едно много горещо лято, през което установили, че полумесецът е направен от восък. Восъкът се разтопил и под него се подал християнски кръст. Подобни истории, за кръст под полумесеца, често се разказват в Родопите. Обичайното научно обяснение е за строители християни, за криптохристиянство. Колкото повече навлизам в проблематиката, толкова повече въпросното обяснение ми е недостатъчно. В добруджанското село с тази джамия мюсюлманите се разделили на две. Едните искали да бутнат джамията, щото е гяурско дело – нали била увенчана с кръст. Победили вторите, които рекли: „Кръст или полумесец, все си е Божи дом. А ние тук си живеем добре заедно, както са си живели и дедите ни“. Тъй джамията оцеляла и бяхме щастливи да я видим.

В Коритен (Добричко) срещнахме подобна история за съжителство в ежедневието. По литературни данни, през войната от 1828–1829 г. от селото се изселват 91 български християнски семейства. В селото случаят не се помнеше. Пак по литературни данни знаехме, че след Крайова са придошли тук български семейства от Северна Добруджа, чиито предци са се преселили там по Дибичово или подобно време от Югоизточните български предели. Общо взето и този спомен не засякохме, може би поради вътрешните за България миграции след Втората световна война и до днес. Но хванахме нещо по-драгоценно – историята на една чешма. Тя дава водата на селото. Била е строена, разрушавана, възстановявана и много пъти така. Налага се да поясня: в Добруджа водите са много дълбоки и да изградиш там кладенец, още повече чешма, си е истински подвиг. Затова са и многобройни преданията там за чудодейно откриване на вода и за наличните тук-там извори. Въпросната чешма е възстановена последно преди малко повече от десетилетие. Особеното е, че в двата си края има два символа: единият християнски, другият мюсюлмански. Местното предание твърди, че първото „хващане на водата“ е било в края на XVIII в. Според едни, залюбили се християнка и мюсюлманин, според други – християнин и мюсюлманка. Родините не разрешили брак и двамата влюбени решили да сторят благодеяние: да построят чешма със символите на верите си. Според други, бракът се състоял, но единият отпосле починал, а другият сторил увековечаването. Има и още версии, но всички те, както и тези две се свеждат до една: „Тук, в общото ни пространство, си живеем добре, без разлика на вяра и народност. Завещано ни е от дедите.“ Бродейки в необичайните за септември жеги, можахме да се убедим, че твърдението не е „докаросване“, а житейска философия и съвсем жива практика. Паметник с подобни символи – в единия край християнски, в другия мюсюлмански – има в Силистра, малко преди граничната бразда. Погребани са там български поданици от двете вери, загинали в една от войните за защита на общото си землище, за Родината си България.

В Аврен (Варненско) – в тази община има преселници и от войната през 1828–1829 г. – скоро след Освобождението, когато вилнеели бандите, бич за Източна Румелия, местните

турци, щом подразберели, че бандитите ще нападнат Аврен, прибирали в домовете си български момичета и млади жени, за да опазят християнските си съседи.

В Девня (Варненско) черкези не били заселени, понеже местният паша се застъпил пред „началството“: раята му била добра, трудолюбива, спогаждали се и не искал да бъде безпокоена.

Вълчи дол (Варненско) е селище, в което през новото време първите жители са черкези, преместени тук след Кримската война (1853–1856 г.). Запомнени са като крадци, убийци, разбойници, изнасилвачи. Но пък умеели да строят къщите си, макар и с най-примитивни материали. Когато стотина години по-късно, през 60-те години на XX в. решили да модернизират централния площад, две седмици с тежка техника, включително с булдозери и танкове, се мъчили да съборят тези къщи от плет и кал.

Същият нелицеприятен образ на черкезите е запомнен в Паскалево – даже жените си биели. Но били много красиви – високи, стройни, синеоки и отлични ездачи.

Умението да се каже нещо хубаво за „другия“ при всичките му безобразия, за „пришълеца“, издава, мисля, скрито и невинаги осъзнато съчувствие към тези хора, които също тъй насилствено като българите са били принудени да напуснат родните си места и да се заселят там, където им повелят и където съумеят.

С добро са запомнени бежанците от времето на „Дибичовата война“, изкарали някоя и друга година в Княжествата или в Бесарабия. В Девня ни разказваха за една жена, останала млада вдовица с няколко невръстни деца – съпругът ѝ починал по обратния път към Българско. Стигнала дотук, хванала оралото, заорала и се развихрила: „Който мине отвъд браздата към моята земя, жив няма да остане!“. Това си е чиста проба обичаят „заораване“, сиреч ограждане на своето пространство, на политическо ниво – създаване на държава. Обичай, толкова хилядолетно древен, че последното, което можехме да очакваме е, че ще го хванем в една война, макар и ранна, но все пак от XIX в. Информаторите ни бяха любезни да уточнят, че най-вероятно преданието е достоверно. Защото в тази част на града, която ни посочиха, живеели все роднини, знаели, че са си по-близки или по-далечни, но все пак роднини; даже чисто физически си приличали. Но са изпозабравили „началото“.

Физическата прилика ни сервираше изненади, или поне на мен. Една от нас (Р. Георгиева) е потомка на Сивковия род (Сливенско). Знаеше се, че част от рода се е преселила в Добруджа и че потомците живеят някъде там. Те – Роси и „родата“ вече се бяха намерили, а аз бях позакъсняла, докато в семейство Дамаскинови ми разказваха дивната си родова история, с детайл „специфична фамилия“, а най-вече – гостуването на комсомолска делегация от една от съюзните републики в СССР, в която бил и другарят Дамаскинов. Тъй, с местен представител на фамилията Дамаскинов се разговорили и се оказало, че съвпадение няма – наистина са роднини, наистина знаят драматичния родов разказ за началото на фамилията. Всеки носел родовия спомен. Случило се като във фолклора – загубени брат и брат се намерили. Та, позакъсняла, се вгледах в единия мъж, с когото моите колеги-приятелки разговаряха. Никога не го бях виждала, а ми беше много познат. Най-сетне погледът ми се насочи и към приятелките ми. Ами да! Мъжът много приличаше на Роси! Както впоследствие разбрах, бил от потомците на изселилия се от Сливенско дял на Сивковия род!

Такива и подобни изненади ни спохождаха непрекъснато. С бурен ентусиазъм заминахме за Сливенци (Добричко). Очаквахме преселници тъкмо по войната 1828–1829 г. и тъкмо от Сливен, разчитайки на извороведския си, литературен и теренен опит с топонимите и преселенията. Ама – не стана; не било така! Имало наоколо много сливи и затова дали хората българското име на селото, край което били откривани с годините следи от турско или татарско военно заселище. Все с този ентусиазъм в Кардам навестих Дамаскинови – аха, книжовници! Ама не би – били производители на сливи (дамаскин на гръцки, казаха ми), но пък си знаеха родовата история от XVIII век насам. По-рано в Тича (Котленско) с настървение търсехме „Пищов нива“ – много „хайдутско“ звучи, нали? Обаче се оказа, че въпросната нива имала формата на пищов. Понякога здравата „сгазвахме лука“: съсредото-

чени в ритъма на институциите, в които работим, не се съобразявахме с дните от християнския календар. Тъй, в Нейково, може би и в Раково, попаднахме в най-неблагоприятния момент: на Черешова задушница и трябваше да разпитваме хората за нещо, което в този ден им беше наистина „последна грижа“ – хайдутите и споменът за тях. А хората ни бяха и вдовици, и майки на починали млади мъже. Понякога имахме случайни невероятни попадения. Заседнала да чака колегите, М. Кирова в Котел беше попаднала на жена, която между другото й рекла: „Знаеш ли защо станаха лоши хората напоследък? Едно време, вечер, ще седнем на трапезата, мъжът ще прегърне хляба, дето жената е изпекла и гальовно ще отчупи и ще даде на всеки. Пък вие сега какво правите?! Тръшнете го на масата, че и наопаки, пък земете да го режите с ножа! Като да го колите... Затуй са развали света...“.

При всичките ни погрешки, отлични преживявания и още по-отлични случайни находки, мисля, че ми остава в паметта нещо много, много важно. Остава ми онази жена от Тича, прехвърлила 90 години и живееща сама в къщата си. Децата й я навестяваха в края на седмицата – бяха се изселили по сравнително близки места. Животът я беше прегънал на две, трудно ходеше, още по-трудно чуваше, но умееше да се смее. В ранното утро, когато я навестих, тя си обработваше цветната леха в двора. Беше си закичила главата с карамфил от градинката си, досущ като мома от фолклора. Трябва да беше видяла и осъзнала смутения ми поглед, та рече: *„Реших да си туря една китка. Когато всички друго си отиде, остава красотата“.* Със сигурност не беше чела Достоевски, според когото „Красотата ще спаси света!“. И си спомняше младостта, когато един ден я повели към Котел. А тя се дивяла и все питала: „Ама и това ли е България?! Ама и това ли е пак България?! Ами че тя, Българията, била много голяма!“. Дали пък затова „Българията“, напук на поредната конюнктура всякаква, умее да помни и все още да се вълнува от преживелици с двувековна давност?

[1] Тъй като съм далече от личния си архив и от домашната си библиотека, позволявам си да се самоцитирам по-често, отколкото приемам за нормално. В посочваните съчинения са отразени достъпните ми към момента на издаването им извори и изследвания. За разказаното дотук, вж. напр.: *Дроснева, Е.* 1) В. Г. Тепляков и его „Письма из Болгарии“. – Материалы третьей научной конференции болгарских аспирантов, обучающихся в СССР. Москва, июнь, 1978. С., 1979, 135–145; 2) За мястото на Юрий Иванович Венелин в руската българистика. – В: Първи международен конгрес по българистика. София, 23 май – 3 юни 1981 г. Доклади. История и съвременно състояние на българистиката. Т.1. С., 1982, 253–260; 3) Felix Fonton and the Eastern Question. – In: Aspects of the Eastern Question. Essays from the First Bulgarian-Dutch Symposium of Historians, Sofia, 6-7 June 1984. Sofia, 1986, 38-52; 4) Радетел на българската книга (Сливенският възрожденец Димитър Костов в светлината на нови извори). – Векове, 1986, № 1, 20–30; 5) Аполон Александрович Скалковски и българите (предварителни бележки). – В: Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Т. 1. Велико Търново, 1992, 101–113; 6) Четникът Васил Рахнев (начални бележки). – В: Алманах за историята на Русе. Т. 1. Русе, 1996, 276–278; 7) Варна, 1829: свидетелства на очевидци. – Годишник на Военноморския музей. – Варна. Т. 1. Варна, 2001, 13–51, с. 8; 8)Храбрите списания, Кьопен, Мустаков и … – В: Балканските измерения на фамилията Мустакови. Сборник с материали от международната научна конференция, Габрово, 18–19 септември 2007 г. С., 2008, 150–172.

[2] Покойният ни колега и приятел Велко Тонев е достатъчно известен, за да уточнявам тук за кого става дума. Таня (Станка Димитрова) е автор на новата музейна експозиция и на едно от последните изследвания по разглежданата тема, които са ми известни: *Димитрова, С.* Варненският край и руско-турските войни от XVIII–XIX в. – В: България, Варна – Русия. От Средновековието до Новото време. Варна, 2008, 127–140. Вж. в същия сборник и съвместната им статия с приятеля, състудент и колега от РИМ Варна, археолога д-р Веселин Н. Иванов: Паметни места във Варна от руско-турската война през 1828–1829 г., 147–158**.** Археологическото лято на 2008 г. беше щедро на нови разкрития за значимостта на Варненското и околните пристанища от Средновековието насам, включително по време на руско-турските войни, но не знам материалите да са вече публикувани. Тук искам да добавя статията на *Апостолов, Ш.* Историята на руско-турската война от 1828–1829 г. – Известия на Националния Военноисторически музей. Т. 2, С., 1976. Археологическите находки, открити при строителни работи във Варна през 60-те години, доказаха верността на някои разкази за битките при Варна през войната от 1828–1829 г. Дълги години, до пенсионирането си, Шанко Апостолов беше директор на третия ми любим музей във Варна – Паркът-музей „Владислав Варненчик“. От 2–3 години във Варна се обмисля реализацията на една идея: в този голям парк да се задели място и да се погребат костите на загиналите при онзи укрепен пункт и на още загинали през XIX–XX в., чиито кости също са намерени при стро-

ителни и археологически работи. Остава да направя едно уточнение. Тогавашният Музей на Възраждането се помещаваше на терена на първата българска църква и първото българско училище във Варна, на улицата със свещеното за варненци име „27 юли“ – датата по нов стил на договора от Берлинския конгрес, в резултат на който Варна е обявена за свободен български град. Кривините на поредния български преход от 1989 г. изхвърлиха музея оттам, въпреки протестите на варненската общественост и на историческата колегия в страната. Многобройните съдебни дела завършиха именно с изхвърлянето на Музея от святата територия. На какво прилича сега тази територия, не ми се пише. Днес, благодарение на настойчивостта на колегите и на ангажираността на Кирил Йорданов, кмет на Варна – градът-побратим на Харков, музеят се разполага с обогатената си експозиция пак в центъра, в старата част на града, на адрес: ул. „Заменхоф“, № 21. Открит е на 20 декември 2006 г. Съобщавам точните данни за всички изследователи и читатели, които биха пожелали да го посетят. В интернет се намира повече информация; там са и телефоните на Музея.

[3] *Родев, Ц.* Подводната археология в България: спомени от началото на пътя. – В: Годишник на Военноморския музей – Варна. Т. 7. Варна, 2009, 72–91. Авторът е участник в първата експедиция на нос Калиакра от 1959 г. и в много от следващите. Освен това, един от романите му – „Тътени“ (1980 г.) – е разказ за Сливен и Сливенско в първата половина на XIX в.; изграден е и по исторически извори и в текста се появяват действителни личности. Даже „моят“ сливенски възрожденец Димитър Костов (вж. тук бел. 1).

[4] Библиография на изследванията му и представяне у *Дроснева, Е.* Ради Боев: човекът, историкът, директорът (Посвещава се на 85-годишнината от рождението му). – В: Годишник на Военноморския музей – Варна. Т. 6. Варна, 2008, 27–42.

[5] От ранните изследвания на несвидетели на събитията, възможно най-доброто и до днес си остава: *Табаков, С.* Опит за история на град Сливен. Т. 1–3. С., 1911–1929.

[6] Срв. *Демирев, В*. 1. Екипното теренно изследване на културно-историческото наследство. – Известия на Съюза на учените в България – Сливен. Т. 1. Сливен, 1999. (в съавторство с М. Кирова). 2. Хайдутинът воин – пазител на съкровище. Предания за хайдути в Сливенско и фолклорната история. Сливен, 2003, с. 3. Сливенската планина – етнокултурното пространство и фолклорната история. – Исторически преглед, 2004, № 5–6, с. 4; Съкровище и фолклорна история. Сливен, 2006, 157 с. Хайдутинът – мит и история (Сливенският хайдушки фолклор). Сливен, 2006, с. 6. Още веднъж за историчността във фолклорното знание. – В: Т. И. Живков и българската етнология, антропология и фолклористика. С., 2007. 7. Фолклорна история и селищна история. – В: Т. И. Живков и българската етнология, антропология и фолклористика. С., 2007. 8. Родовото предание по пътя на преселението (под печат в сборник с материали от конференцията „Руско-турските войни през XVIII и XIX в. и демографските процеси в Добруджа“, Добрич, 2007). *Кирова, М.* 1. Поглед върху изселническия процес в Сливенско след Руско-турската война от 1828–1829 г. – Население (Демографски институт при БАН). 1998, № 1–2, с. 2; „Та се разсипа Урумели, 1830 лето” (За „Голямото преселение“ на сливенци след Одринския мир). – В: Проблеми на Възраждането в Югоизточна България. Т. 1. (Исторически музей Карнобат). Варна, 2003, с. 3. „Голямото преселение“ от Сливенско през 1830 г. – някои исторически проекции. – В: Българската емиграция през Възраждането (Регионален исторически музей – Сливен). Сливен, 2003, с. 4. За Новачка – един от „изчезналите“ градове в Котленско. – Известия на Регионален исторически музей. Русе, 2005, т. 9, с. 5; Възраждането. За Сливенския XVIII и XIX в. Сливен, 2004 (в съавторство с Росица Георгиева). 6. Теренни проучвания на РИМ Сливен в Добричка област през 2005 и 2006 година. Поглед върху преселническите процеси (под печат в сборник с материали от конференцията „Руско-турските войни през XVIII и XIX в. и демографските процеси в Добруджа“. Добрич, 2007). *Drosneva, E., Kirova, M.* Wars and Migrations: Field Observations (1828-1829). – Empires and Peninsulas. Southeastern Europe between Karlowitz and the Peace of Adrianople, 1699-1829. Berlin, 2010, 271–278.

[7] Вж. по въпроса изследването на докторантката ми *Маркова, Р.* „Румънската българистика през 30-те – 80-те години на XX в.“ и посочената там литература. Успешно е защитила дисертацията си на 25 февруари 2010 г.

[8] Ако човек изчете повестите на Илия Блъсков, писани скоро след събитията, сам ще се убеди, че връзките между преселниците и роднините им в родните места никога не са секвали, поне до Освобождението. Нататък във времето силно си казва думата всякоя политическа конюнктура. Въпреки нея, когато стана възможно, българи и румънци – по кръв и особено по гражданство, взаимно си помагаха в диренето на корените, загърбваха „високата политика“ и се отдаваха на онова, което ни държи живи: общуването в ежедневието в общото пространство и в общия спомен за дедите. Иначе казано, обръщаха гръб на проблема „междудържавни отношения“, сигурно убедени, че „властта“ е друга сфера на общуване, по-„недостоверна“ от междуличностното общуване.

[9] За разказите на паскалевци, срв. *Янков, П.* Паскалево във времето. Матадор 74, Добрич, 2007. Авторът е дългогодишен директор на училището в селото. Селото пък е от най-известните в страната добрички села – не само защото е най-голямото в областта, а и заради отличното си стопанство, училище и художествената си самодейност във времената преди промените. Много от това, включително духовността, е съхранено и днес.

ДЖЕРЕЛА І ДЖЕРЕЛОЗНАВСТВО

УДК 94(477.54)“1812.07”:355.48(470+571:560)“1806/1812”

ВАЛКОВСКАЯ ТРАГЕДИЯ 1812 г.: АНАТОМИЯ КОНФЛИКТА (ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

А. И. Тумаков, М. Ф. Фурат

***Тумаков О. І., Фурат М. Ф.* Валківська трагедія 1812 р.: анатомія конфлікту (За документами Державного архіву Харківської області)**

На основі архівних документів розглядаються трагічні події у Валках в липні 1812 р., наслідком яких стала загибель сотень турецьких військовополонених. Більшість із наведених документів публікується вперше і являє собою свідчення очевидців та учасників тих подій про обставини, що спричинили конфлікт військовополонених з місцевим населенням й призвели до численних людських жертв.

Ключові слова: російсько-турецька війна 1806–1812 рр., турецькі військовополонені, Валки.

***Тумаков А. И., Фурат М. Ф.* Валковская трагедия 1812 г.: анатомия конфликта (По документам Государственного архива Харьковской области)**

На основе архивных документов рассматриваются трагические события в Валках в июле 1812 г., результатом которых стала гибель сотен турецких военнопленных. Большинство из приведенных документов публикуется впервые и представляет собой свидетельства очевидцев и участников тех событий об обстоятельствах, вызвавших конфликт военнопленных с местным населением и приведших к многочисленным человеческим жертвам.

Ключевые слова: русско-турецкая война 1806–1812 гг., турецкие военнопленные, Валки.

***Tumakov A., Furat M. F.* Valkovsky tragedy in 1812: anatomy of conflict (According to documents of the State Archives of the Kharkov Region)**

On the basis of archival documents are reviewed the tragic events in the Valki in July 1812, which resulted in the deaths of hundreds of Turkish prisoners of war. Most of these documents are published for the first time and is a testimony of eyewitnesses and participants in those events and their circumstances that caused the conflict of prisoners of war with the local population and led to numerous casualties.

Keywords: the Russo-Turkish war of 1806-1812, the Turkish prisoners of war, Valki.

События в Валках в июле 1812 г., вписавшие трагическую страницу в историю русско-турецких отношений, привлекают внимание историков и уже стали предметом исследования в работах В. Л. Маслийчука[1] и Б. П. Миловидова[2]. Конфликт возник из-за того, что 17 июля находившиеся в Валках турецкие военнопленные случайно заметили в обозе проезжавшей через город майорши Булычевой, которая возвращалась из Бухареста в Москву, двух малолетних турецких девочек[*] и решили вступиться за соотечественниц. Их укрыли

[*] Эти девочки были окрещены и носили православные имена Анна и Надежда (см. док. № 1).

© А. И. Тумаков, М. Ф. Фурат, 2012.

в квартире одного из турецких офицеров. На требование властей вернуть девочек, турки ответили категорическим отказом, консолидировались и стали готовиться к сопротивлению возможным силовым мерам со стороны властей. Местное руководство расценило эти действия военнопленных как бунт и в спешном порядке, под набат, стало созывать мужское население окрестных сел для подавления возникшего „возмущения“. В конечном счете силовое противостояние двух сторон, продолжавшееся всю ночь, утром 18 июля привело к кровопролитному столкновению, унесшему жизни сотен турок.

Многочисленные документы относительно „валковского дела“, хранящиеся в фондах Государственного архива Харьковской области, позволяют уточнить целый ряд важных моментов, связанных с ним, в частности, выявить причины, приведшие к многочисленным жертвам среди турецких военнопленных.

Так, показания волостных и сельских должностных лиц свидетельствуют о том, что население из окрестных населенных пунктов собиралось в спешном порядке, не регистрировалось в местных органах власти и отправлялось в Валки неорганизованной вооруженной толпой, без назначения старших (см. док. № 5). Причем, в подавлении „возмущения“ турок принимали участие не только местные жители, но и множество людей „из разных посторонних мест“, в частности, поселяне, прибывшие в Новую Водолагу на ярмарку, сезонные рабочие-косари и др. Поэтому приводимые валковскими властями данные о количестве участников расправы над турками (см. док. № 3) едва ли можно считать убедительными; османские источники сообщают иную цифру – 3 000 человек.

В ходе следствия по „валковскому делу“ неоднократно всплывал вопрос о „горячем вине“ (водке), которое было выставлено для участников „усмирения возмутившихся турок“. Примечательно, что подвергшиеся допросам официальные лица, категорически отрицая свою причастность к этому, не отвергали возможности того, что „собранные мужики“ и „городские жители, сбежавшиеся сами собой“, пили водку по городским шинкам (см. док. № 13, 14). Факт массового алкогольного опьянения местного населения, принимавшего участие в погроме военнопленных, подтверждает и невольный свидетель событий – профессор Харьковского университета К.-Д. Роммель, видевший в тот роковой день неподалеку от Валок „толпу пьяных российских крестьян, вооруженных косами, и солдат с добытыми турецкими трофеями“[3].

Свидетельства очевидцев передают накал страстей, бушевавших 18 июля. Жертвой „разъярившейся черни“, метавшейся в поисках разбежавшихся турок, едва не стал местный православный священник Лев Сербинов, который укрыл от расправы в своем погребе двух пленных. Документы свидетельствуют, что события в Валках начали приобретать черты мятежа – разгоряченные видом крови и алкоголем „поселяне“ стали выходить из подчинения местных властей. Начались погромы лавок, грабежи имущества городских жителей, у которых квартировали военнопленные (см. док. № 4, 12).

Весьма сложным является вопрос о количестве жертв трагедии. По докладам валковских властей, из находившихся в городе 642 военнопленных 18 июля были убиты 380 человек, в том числе 118 „чиновников“ (так называли турецких офицеров) и 262 „простых“, ранено 16, более 100 человек разбежались, спасаясь от расправы[4]. Из местного населения в ходе конфликта были убиты 4 человека, смертельно ранены 10[5]. Документы свидетельствуют, что после подавления „возмущения“ был отдан приказ „разыскивать и убивать турок“, в соответствии с которым были сформированы вооруженные дозоры из горожан и жителей уезда, которые на протяжении нескольких дней прочесывали окрестности в поисках беглецов (см. док. № 5, 7).

На 21 августа 1812 г. удалось разыскать и вернуть в Валки всего лишь 16 убежавших пленных (см. док. № 9). Судьба же остальных неизвестна. Неизвестна судьба и тех турецких военнопленных, которые с разрешения властей работали по найму на бахчах, в садах и полях в окрестностях города, либо в ближайших хуторах и селах (см. док. № 4). Документы турецкого происхождения утверждают, что 18 июля и в последующие несколько дней погибли 538 пленных, акцентируя внимание на том, что инцидент произошел уже „во время заключения мира“[6].

По свидетельству очевидцев, „турецкие тела нагие, а частию в худых платьях“ складывали на телеги и вывозили за город (см. док. № 5), где они были похоронены к вечеру того же дня, 18 июля, в общей „яме“. Место могилы, названной „турецкой“, до сих пор установить не удалось[7], известно лишь, что она находилась примерно в двух верстах от Валок (см. док. № 12).

Как же сложилась последующая судьба тех двух „окрещенных турецких девочек“, которые стали причиной кровавого конфликта? 18 июля они были возвращены майорше Булычевой, которая на следующий день, не поставив в известность местные власти, продолжила свою поездку и выехала в Харьков[8]. Однако вскоре юные турчанки у нее были отобраны. Некоторое время они находились в слободе Хотомля[9], а затем были переданы Мегмету-паше, начальнику партии турецких военнопленных, возвращавшихся на родину из Воронежской губернии[2] (см. док. № 10, 11).

При отборе к публикации приоритет отдавался тем документам, которые появились вскоре после рассматриваемых событий и не успели еще пройти „редакторской правки“ местным начальством, поскольку достоверно установлены факты вмешательства заинтересованных лиц в судебное расследование по данному делу. Так, находившийся под арестом Степан Гончаренко, единственный официально уличенный (на основании его же собственных показаний) в ограблении турецких военнопленных, деньгами и часами которых он расплатился за свои покупки с купцом С. Крамаренко, получил „неизвестно от кого“ записку следующего содержания: „Степан Степанович, ежели хочешь быть свободным, то попроси унтер-офицера и сходи в уездный суд и скажи, что ты напрасно сказал на Крамаренка, то непременно будешь освобожден […]“[11]. Вполне естественно, на повторном допросе Гончаренко изменил свои показания, заявив, что деньги (те самые злополучные „голландские червонцы“) нашел, а часы дал ему „незнакомый турок“[12].

Расследование дела тянулось несколько лет и сопровождалось явными нарушениями законодательства. В частности, при передаче дела в уездный суд, из него пропали 16 листов свидетельских показаний. В 1816 г. губернское правление оштрафовало Валковский уездный суд за „медленное неокончание“ дела на 50 рублей[13].

В конечном счете, всю вину за происшедший инцидент уездный суд возложил на турок, аргументируя это тем, что те „не имели в своем духе того воображения, что они есть пленные, а как бы водворены посреди семейств города жителей властелинами“. За убийство и грабеж пленных никто наказан не был (см. док. № 15). В этой связи В. П. Миловидов совершенно справедливо обращает внимание на определенную „размытость“ российского законодательства того времени, что не позволяло однозначно определить: „грабеж ли сие составляет, или добычу крестьян, жертвовавших жизнью для прекращения бунта“[14].

Большинство из представленных документов публикуются впервые*. Текст источников был приближен к современным нормам правописания; ошибки, которые не имели смыслового значения, были исправлены. Сокращения слов раскрываются в квадратных скобках. Квадратными скобками обозначены также непрочитанные места, авторские вставки и сокращения тех фрагментов документа, которые не имеют прямого отношения к рассматриваемой проблеме.

---

* Документы № 2 и № 6 были опубликованы (с некоторыми текстуальными неточностями) харьковским исследователем В. Л. Маслийчуком в 2003 г. (См.: *Маслійчук В. Л.* Розправа над військовополоненими мусульманами у Валках 1812 р.: Видимі та приховані механізми конфлікту початку XIX ст. – Соціум. Альманах соціальної історії. Вип. 3. 2003, с. 145, 146.

№ 1
Проездное свидетельство А. С. Булычевой

По указу Его Величества
Государя императора Александра Павловича
Самодержца всероссийскаго
и прочая и прочая и прочая

Предъявительнице сего московского гарнизонного полка жене майора Булычева Авдотьи Степановне с будущими при ней племянником Алексеем Булычевым, денщиками Василием Орловым, и Макаром Прокофьевым и тремя девками, Марьею, Анною и Надеждою, отправлявшейся отсель в российские пределы через города Яссы, Бендер[ы] и Харьков в столицу Москву, в удостоверение чего и на свободный проезд до означенного города дан сей [билет] за подписанием моим и приложением герба моего печати в Букареште июня 24 дня 1812 года.

Его Императорского Величества всемилостивейшего государя моего
по инфантерии генерал майор 22-й пехотной дивизии дивизионный
начальник, при армии Дунайской дежурный генерал, Камчатского
пехотного полка шеф и кавалер Тучков 2-й

С подлинным верно штабс-ротмистр Мельников

ГАХО, ф. 3, оп. 19, д. 791, л. 14. Копия

№ 2
Рапорт советника губернского правления Г. Мокренца Слободско-Украинскому губернатору[15] И. И. Бахтину[16] (18 июля 1812 года)

Вчерашнего числа пополудни в 1-м часу ехавши я к острогу для обозрения в нем содержащихся колодников мимо почтовой двор где увидел множество собравшихся военнопленных турков в разбойничьем виде куда я пошел с бывшими при мне Валковских присутственных мест членами для узнания чего они собрались и узнал что они собрались для отнятия самоуправно у проезжавшей по подорожней с Бухареста до Москвы майорши Булычевой провозимых ею выкрещенных взятых в плен малолетних турецких двух девочек нареченных при крещении Анною и Надеждою то от меня приказано было из [о]ных турков чиновнику Агмет бею и переводчику Рустеину байрактару чтобы оные собравшиеся турки разошлись а о претензии кое учинено будет надлежащее исследование и разбирательство но оны противясь моему приказанию а более собрались с азартом и необыкновенным криком напоследок пришел военнопленный чиновник Юсуф бей соглася всех оных к бунту ворвался самоуправно в азарте с Агмед беем чиновником в почтовую избу, где были те выкрещенные из турков девочки ухватили обеих и отдали в руки находящимся за избою собравшимся до пятисот туркам и тогда чинили чрезвычайный шум с криком и дракой начали с дрекольем вооружаться против всех тогда находящихся и меня, отчего учинился набат в колокола и барабанный бой пошли все в квартиру Юсуф бея где просидели всю ночь с кольями и другими орудиями от чего все жители города находились всю ночь в самой опасности, а сего числа поутру в пять часов те собравшиеся бунтом с орудием турки начали дрекольем бить и у виду моем убили некоторых жителей производя далее вооруженною рукою сильное убийство от чего много как жителей так и турков убито каковая

защита и ныне происходит от нападавших турков, о чем Вашему превосходительству честь имею донесть, с изъяснением что оборона и защита целого города от турков происходит с великою помощью валковского земского исправника Бутовича собравшего с уезду в немедленном времени подлежащее число людей.

Григорий Мокренец

ГАХО, ф. 3, оп. 19, д. 167, л. 35–35 об. Оригинал.

№ 3

Рапорт нижнего земского суда г. Валки Г. Г. Полтавцову[17]
(7 августа 1812 года)

Предложение Вашего высокоблагородия от 4-го числа сего августа под № 14, которым предлагать изволите сему суду прислать к Вашему высокоблагородию немедленно рапорт, о том что для усмирения бывшего в городе Валках от пленных турков возмущения из каких окольных волостей и каких именно селений и по скольку человек созвано было поселян и при том донесть ежели при оных поселянах были начальники то кто они именно, в сем суде сего августа 5-го числа получено и по тому вашего высокоблагородия предложению в сем суде определено:

Как во время бывшего в городе Валках минувшего июля 17 и 18 числа от пленных турков возмущения из каких окольных волостей и каких именно селений и по сколько человек созвано было поселян, равно были ль при них начальники и кто именно сему суду неизвестно, ибо в оном по предмету сему ни от кого требования не было; при слушании же оного предмета здешнего уезда земский исправник ротмистр Бутович в присутствии сего суда словесно объяснил, что во время минувшего 17 числа июля ввечеру в городе Валках от пленных турков возмущения, и от того бывшей тогда города Валок жителям крайней опасности, находившийся в сем городе для обозрения присутственных мест Слободско-Украинского губернского правления советник господин коллежский советник Григорий Федорович Мокренец, приказал лично ему исправнику чтобы для защиты городских жителей по настоящей от турков чрез начальное возмущение оных опасности собрать из селений сего уезда жителей, то [по] посланным от него исправника водолажскому и перекопскому волостным правлениям приказам, тех волостей из селений на 18-е число июля были высланы в город Валки жители из коих некоторые же, но кто они по именам и прозваниям он исправник приметить не может.

При начале прибытия в Валки ему исправнику объявили, что таковых жителей выслано Перекопской волости из селений Рубановка 40, Кавегов 90, Перекопа 80 и Высокополья 26, да из слободы Новой Водолаги и села Нового до трехсот, а [количество] всех высланных в город людей составляло более пятисот человек, справиться же примерно тогда о настоящем числе оных по краткости времени к началу происшедшего от турков возмущения не было возможности, и во время бытности в Валках тех собранных жителей при них, как то им исправником усмотрено, были волостные головы Перекопской Мартын Половик, и Водолажской Прокофий Кравченко, да села Высокополье сельский писарь Тимофей Григоревич, для того о ком Вашему высокоблагородию доносим рапортом.

Дворянства заседатель [Подпись неразборчива]
Секретарь [Подпись неразборчива]

Августа 7 дня
1812 года
№ 2465

ГАХО, ф. 3, оп. 19, д. 792, л. 33–34. Оригинал.

№ 4
Показания („вопросные пункты“) священника Богородицкой церкви г. Валки Льва Сербинова (12 августа 1812 года)

1. Прошлого июля 17-го числа, находился я в своем доме, и в седьмом часу пополудни услыша в городе необыкновенный шум, вышел дабы узнать, от кого такой шум происходит, бегущий навстречу мне десятский, сказал мне, чтобы я приказал звонить в набат, и на вопрос мой, для чего это? ответил, что турки бьют наших господ. Между тем увидев толпу турков идущих к квартире Юсуф бея, с ужасным криком, я услыша уже в соборной церкви колокольный набат, приказал бить и в своей. Сам же пошел узнать от чего сие происходит.

Пришедши увидел турков стоящих с кольями и дубинами, и после весьма многих бегущих с горы, ломающих с плетней колья и присоединяющихся к толпе, и когда некоторые из городских жителей, взявши колья, покушались ту толпу обойти с другой стороны, то все турки закричав, выстроились впоперек улицы в боевой порядок, и подняли колья в гору; но видя, что со стороны нашей ничего противу их дальне[йше]го не предпринимается, возвратились обратно к воротам квартиры Юсуф бея; после чего я пошел в свой дом, и слышал от прочих, что они на том месте всю ночь препроводили.

На другой день 18-го числа от турков ли произошла первоначально драка и смертоубийство, или от здешних градских жителей и с уезда пришедших поселян мне не известно, а слышал только крик, частые ружейные выстрелы, и видел многих турков на площади, уходящих от гоняющихся за ними поселян мне неизвестных, и ими убиваемых.

Противу 2-го пункта. Того же 18-го числа в 9 часов утра, один турок стоявший на квартире в соседнем подле меня доме перескочил через плетень в мой огород, коего увидя случившийся тогда у меня на дворе здешний обыватель Степан Данильченко, схватил дубину и устремился на убиение того турка, но я его не допустил, а турку сказал, чтобы он спрятался у меня в погребу. Чрез полчаса работница моя уведомила меня, что и другой турок есть в погребу, я приказал ей о том никому не сказывать, и вышедши за ворота дабы идти в полицию, и объявить о тех двух турках, увидел, что толпа мужиков мне неизвестных, окружила трех турков и хотела лишить их жизни, я устрашил тех мужиков Богом наказывающим за убийство подобных себе, и с случившимся тут же здешним жителем Егором Скомболовским, отвели их в сборное подле полиции место, а оттуда зашел я в полицию, объявил правящему должность городничего г-ну [господину] штабс-ротмистру Мельникову, что у меня находятся под сохранением два турка, и просил дать мне хотя [бы] одного солдата, дабы доставить их в назначенное место. Господин городничий сказал мне, что по случаю сего происшествия, почти ни одного нет свободного солдата, а пусть, продолжал он, те турки остаются у вас, их убивать уже не велено.

Я вышел с полиции, и подходя еще издалека к своему дому увидел, что толпа мужиков уже у меня на дворе, почему, желая спасти тех турков, поспешил, дабы уведомить толпу, что о тех турках извещен уже городничий, и что их убивать не велено; но разъяренная толпа мужиков предложениям моим не внимала, некоторые окружили меня, дергали за одеяние называли изменщиком, а другие грозили лишить меня жизни, и видя, что я вошедши в свой дом запер двери, снаружи стучали в окна [и] кричали: подай топора выломаем двери.

Случился у меня тогда в доме учитель губернский секретарь Петр Петрихин, я попросил его известить, о таковых со мною наглых поступках, городничего, по добродушию его просьба моя была удовлетворена, я видел в окно входящего ко мне на двор г-на [господина] городничего вместе с г-ном [господином] стряпчим Голубкиным, и надеясь обрести все нужное в обстоятельствах моих пособие, вышел из дому на двор, видел городничего прилагающего все усилия, выгнать из двора толпу мятежников, но не знаю от чего, действия оной не прекращались, а более еще возобновлялись, с новыми на лишение меня жизни угрозами.

Потеряв последнюю надежду спасти жизнь свою, а более жертв ими искомых, я опять скрылся в своем доме, где нашел здешнего уезда помещика майора Петра Крамаренкова и коллежского секретаря Гаврила Соколова, которые советовали мне искать помощи у г-на [господина] советника Мокренца.

Опасаясь выйти в двери и идти мимо толпы через свой двор, я выскочил в окно и пошел площадью на квартиру советника, где сперва в коротких словах объяснив ему мое положение, просил находившегося тут г-на [господина] исправника принять меры по защите моего дому, который, хотя был изнурен и изувечен, как он мне сам говорил, во время действия при возмутившейся толпе турков, но все [же] пошел к моему дому, я же быв уверен в его деятельности и усердии ко мне, опасаясь и еще наглостей разъярившейся черни, остался на квартире г-на [господина] советника, и что происходило в моем доме, то есть: каким образом раскрыт был погреб, как убиты скрывшиеся в нем турки, не знаю, только слышал из квартиры советника в своем дворе ружейные выстрелы, а пришедши в свой дом, видел посреди двора лежащие два трупа нагие, и не знал бы кто кончил их жизнь, но видел на дворе своем водолажского обывателя мне неизвестного ни по имени ни по фамилии, которой говорил, что он пострелял тех турков

Ежели нужны в ответах моих свидетели, то кроме трех выше упомянутых, как то: губернского секретаря Петра Петрихина, майора Петра Крамаренкова, и коллежского секретаря Гаврила Соколова, представляю и еще виденных мною на дворе и в доме: губернского секретаря Андрея Стоянова, порутчика Афанасия Пащинского и землемера Николая Жукова, сих мог я заметить при всей моей растроганности, о прочих же, а особливо о простолюдинах, делавших мне и жене моей всякие грубости и угрозы, умалчиваю; дабы вместо виновного, не показать невиновного, и вместо действующего лица, какого-нибудь любопытного зрителя.

Должен только, хотя и не по значению вопросных пунктов, объяснить, яко исследователю истины, что убыток мне причиненный, разорением погреба, похищением из оного некоторых не так великой цены стоящих вещей и разламыванием деревянной посуды в оном находящейся, стоит, по истинному моему показанию, более 50-ти рублей.

Касательно грабежа, должным почитаю себя отвечать, что на бакше [бахче] моей, отстоящей от города в 6-ти верстах находившиеся там турки, с бывшим при них моим работником здешним обывателем Павлом Педоренковым, при нем Педоренке ограблены были взятием у них всего одеяния, и у одного у них часов, и несколько золотой и серебряной монеты, экономической деревни Рубановки обывателями, Герасимом Жваненком и Василием Проньченком с товарищи, и куда те турки связанные ими поведены, он Педоренко не знает, также, что с ними последовало, и где они девались неизвестно, ибо я после отправления их на свою бакшу [бахчу] ни одного из них не видел.

3-е. В сих ответных пунктах по священству объясняю самую истинную правду и подписываюсь.

Города Валок Богородицкой церкви священник Лев Сербинов.

Августа 17-го дня
1812 года

ГАХО, ф. 3, оп. 19, д. 792, л. 67–70. Оригинал.

№ 5
Показания свидетелей и участников событий 17–19 июля 1812 года в Валках (13 августа 1812 года)

1812-го года августа 13-го дня, при производимом в городе Валках, по предписанию начальства, палаты гражданского суда советником и кавалером Полтавцовым обследова-

нии по случаю происшедшего от пленных турков возмущения, нижепоименованные, по учинении в валковской Соборной церкви присяги, вспрашиваны и показали.

А именно:

1-й. Прокофий Никитин сын Кравченко, слободы Новой Водолаги обыватель и волостной голова, а от роду мне 48 лет, грамоты не знаю. Показываю: Июля 17-го числа в среду в ночь прибежал в Водолагу земского суда сельской заседатель Иван Попуга, с письменным от исправника Бутовича приказом, в коем не было числа людей назначено, а велено выслать сколько возможно, и [так] как от того заседателя велено бить в Водолагах в колокола набат, то сие и исполнено было, и тогда поселяне и разные случившиеся на ярмарке в Водолагах люди, даже из разных посторонних мест, не являясь прежде к волостному правлению, большим количеством отправились поспешно верхами и пешие, с разными орудиями у кого были оные, при них начальников никаких назначено не было, в город Валки, и [так] как количества людей к назначению, и наряду не было, то я даже и числа тех людей не знаю.

Во время же приезду моего 18-го числа светом уже в город Валки видел, что водолажские моей волости, также и другие посторонние, косари, и прочие поселяне были в месте в городе к плотине пониже полиции, я тотчас явился к исправнику Бутовичу, который был тогда на квартире приехавшего из Харькова советника Мокренца, и сей, увидевши меня, спросил, есть ли люди, и потребовал шесть человек верховых, которых я к г-ну [господину] Мокренцу в квартиру и отослал, а сам остановился возле лавок, и видел что великая толпа турков с кольями неподалеку собраны были около квартиры чиновника их Юсуф бея, куда ходил исправник, а за ним к той толпе послали солдат человека три, и немного разных жителей, после от той толпы исправник отдалился, и стал к стороне, в самое то время, не знаю почему, побежали разные оттоле жители мне неизвестные, где было не более шести и водолажских, в которое время начали бить в колокола набат, и в барабан делать тревогу, при сем случае, бросились уже все собранные поселяне и жители, бежать с разных сторон города верхами и пешие, без всяких начальников, кроме правящего должность городничего, и исправника, и начало происходить великое убийство, и видел что турки уже лежали нагие, и наших было убито два человека, но именно какие не знаю, да двух ранено солдат.

Которое убийство долго ли продолжалось мне не известно, ибо в то самое время по приказанию исправника Бутовича, отправился я поспешно в Водолагу, чтобы еще более людей выслать, и заставши в волостном правлении приказ его о таковой высылке тысячи или двух человек, отдал и с моей стороны приказание, но уже из сих людей в небольшом числе некоторые явились в город в четверг 18-го числа в ночь, а другие поутру в пятницу, когда все возмущение прекращено, я же возвратился в четверг опять в Валки ввечеру поздно, застал что турецкие мертвые некоторые тела лежали же нагие, но кто грабил оные не знаю, и в тот же вечер, также и на другой день в пятницу, по прика[за]нию исправника около города искали поселяне разные разбежавшихся из толпы турецкой турков, но находили ли где и убивали ль оных неизвестен, а хотя по словам волостного валковского головы ходил и я с шестью человеками, да и он сам ходил же таковых турков искать, но нигде их не видали, в пятницу уже 19-го числа в половине дня по несправедливо-пронесшимся слухам, якобы турки идут из Богодухова, хотя начали было в колокола бить набат, но сие скоро и прекращено по узнании в том несправедливости, а люди волости водолажской в пятницу все сколько их было в городе, за оставлением только шести человек верховых казаков, возвратились в свои дома. Убитых же в волости Водолажской не оказалось ни одного, а раненых тяжело и легко не помню. И в сем показал самую истинную правду. […]

3-й. Мартын Федоров сын Половик, Валковского уезда села Высокополья войсковой обыватель, а перекопский волостной голова, от роду мне 24 года показываю, что июля 17

числа поздно ввечеру, когда я из волости возвратился в Перекоп в волостное правление, то застал приказ от исправника Бутовича, с казаком присланный, о высылке из Перекопа для усмирения возмутившихся в городе Валках турков, трехсот человек поселян, кроме других селений в каких есть особые приказы, и как в том же приказе велено делать тревогу, то в колокола в Перекопе били набат, по которому некоторым приходившим в волостное правление объявлено, а другим через волостного атамана в полях находящихся велено, и так с Перекопа, Ковягов и других селений немалое число отправилось все пешие в город Валки немедленно, с орудием какие кто мог иметь, и как сии поселяне высланы были не по наряду, и без назначения к ним начальников, то и о точном количестве высланных из всех Перекопской волости селений знать не могу, я же поспешил сам в Валки, и обгоняя тех поселян по частям на дороге, приехал прежде их в город около полуночи, в дома свои из Валок поселяне Перекопской волости по частям [возвратились], иные в четверг, а другие в пятницу, и во всем показываю самую истинную правду […].

5-й. Петр Алексеев сын Кривохижа, обыватель и атаман селения Перекопа, от роду мне 46 лет, грамоты не знаю, показываю: что пред Ильиным днем в среду, а которого числа не упомню, будучи я на сенокосе, когда с косарями того дня в Перекоп возвратился в вечеру поздно, то продолжалась уже тревога в трещотки, и бито было в колокола набат, почему я пошел к волостному правлению и узнал, что людей исправник Бутович требует в город Валки, для усмирения возмутившихся пленных турков, и тогда перекопских поселян уже несколько собрано было подле волостного правления, тут по приказанию головы, я с десятскими собрали еще больше, и когда было человек сто, то и отправились в город Валки, с разными орудиями какие кто имел, а за ними поехал перекопский голова, но начальников при них никого не было […] собравши еще пятнадцать человек, с ними в четверг прибыл [в Валки] уже пополудни, и оставив сих людей по приказанию исправника в городе, видел только, что убитые турецкие тела нагие, а частию в худых платьях складывали на телеги и вывозили за город, а из своих убитых не приметил […].

6-й. Ефим Вакулин сын Ромась, села Ковягов обыватель и атаман, от роду мне 45 лет, грамоты не знаю, показываю: что перед Ильиным днем в среду в вечеру, но какого числа не помню, прибежавши из Валок верхом на лошади казак, и именем исправника Бутовича, словесно велел поселян для усмирения возмутившихся в городе Валках пленных турков, почему я с Ковягов без малого сто человек отправил с косами и дубинами пеши, без всякого при них начальника, а в четверг поутру еще, но сколько точно числом не знаю […].

ГАХО, ф. 3, оп. 19, д. 792, л. 5–12 об. Оригинал.

№ 6
Письмо П. В. Чичагова[18] Слободско-Украинскому губернатору И. И. Бахтину (13 августа 1812 года)

Милостивый государь мой Иван Иванович!

Я получил уведомление Вашего превосходительства о происшествии, случившемся в городе Валки, во время которого некоторые из обывателей и многие пленные турки лишились жизни. Увоз малолетних турок был после каждой войны с сим народом в обычае между нашими чиновниками. Признавая его противным правам народным, я старался предупредить неприятности, могущие от того произойти, и для того вскоре по размене ратификаций мирного с Портою трактата я отдал приказ по армии, чтобы все окрещенные прежде совершеннолетия турки и турчанки возвращены были турецким полномочным, в Бухаресте находящимся.

Случившееся в Валках возмущение обнаружило, что некоторые из чиновников поупорствовали исполнить предписание сие, от чего и произошли столь пагубные последствия. Ожесточение жителей, вынужденных принять участие в сем происшествии меня не удивляет, но я считаю виновными, во-первых, тех, которые подали к тому повод, не исполняя сделанные от начальства предписания, а во-вторых, тех, которые самоуправством вздумали исправить сие зло.

Я не оставлю представить Его Императорскому Величеству список тем из служащих в армии мне вверенной, которые во противность распоряжений моих старались удержать у себя малолетних турецких пленных. О происшествии сем я не оставил предупредить Посланника нашего в Константинополе, дабы в случае требования Турецкого Правления он в состоянии был представить дело сие в настоящем его виде.

Имею честь быть с истинным почтением

Вашего превосходительства
покорным слугою
П. Чичагов

№ 1126,
в Яссах
августа 13 дня
1812 года

ГАХО, ф. 3, оп. 19, д. 169, л. 96–96 об. Оригинал.

№ 7
Показания жителя села Ковяги А. Савченко (18 августа 1812 года)

Алексей Гаврилов сын Савченко Валковского уезда Перекопской волости села Ковягов казенный обыватель, от роду мне 60 лет, грамоты знаю, показываю: что в тот самый день в четверг, когда происходило смертоубийство над пленными турками в городе Валках, и по прекращению оного, от панов приказано было всем мужчинам, находившимся тогда в городе, отыскивать по улицам и везде поза городом, разбежавшихся турков и убивать оных, но от кого именно [поступил приказ] неизвестен, ибо даже городничего и исправника никогда не видел и не знаю.

Слышавши же таковое приказание, со многими верховыми и пешими, мне совсем неизвестными, отправился и я для того, но неподалеку от хутора Алексея Сухомлинова, нашли было таковых турков четырех человек, из коих три ушли, и поймать их не могли, а один лежал раненый, коего точно увидевши выходя из саду, намерен был ударить ратищем из пики но не был какими-то бывшими там господами допущен, и бросивши им имевшиеся турецкие найденные мною штаны неподалеку от того лежащего раненого турка, оттоль уже поехал прямо в дом свой в село Ковяги, оставив около того ж самого хутора бывших со мною неизвестных людей, в разных местах человек по четырех и более; в чем и показал самую истинную правду.

К сему показанию села Ковягов обыватель Алексей Савченко своеручно подписался.

[Показания заверил:] Советник Полтавцов

ГАХО, ф. 3, оп. 19, д. 792, л. 40–40 об. Оригинал.

№ 8
Ордер губернатора И. И. Бахтина советнику Г. Г. Полтавцову (18 августа 1812 года)

Находящийся здесь в Харькове янычарский начальник Загарджи баша, поданною мне запискою требует, чтобы по случаю заключенного с Оттоманскою Портою мира [19], турки под начальством его почитающиеся, оставшиеся в Валках, после произведенного ими возмущения в живых, были непременно отпущены в свое отечество, изъясняя в той записке, что не только он но и никто из подчиненных ему чиновников не могут и не смеют следовать к границе без валковских турков, а должны будут оставаться здесь со всею своей командою.

Предполагая в сем случае поступить как по обстоятельствам следовать будет, мне нужно предварительно знать, что по производимому вами следствию, оказывается ли кто из оставшихся в Валках турков в живых и налицо, виновным в произведенном там оными турками возмущении, и буде кто оказывается, то кто именно, и какой партии, то есть, последнеприбывшей янычарской, или из числа прежней бывшей в Валках для чего и рекомендую вам о том, по должной выправке, донесть мне скорее.

Иван Бахтин

Августа 18 дня
1812 года
Харьков

ГАХО, ф. 3, оп. 19, д. 792, л. 114–114 об. Оригинал.

№ 9
Рапорт валковского городничего штабс-ротмистра Мельникова Г. Г. Полтавцову (21 августа 1812 года)

Ордер Вашего высокоблагородия от 19 августа под № 30, которым предписать изволили, сколько с 27 июля по 20-е число августа из бегов явились военнопленных турок подать Вашему высокоблагородию рапорт.

Во исполнение которого Вашего высокоблагородия ордера по справке учиненной оказалось, минувшего июля 20-го числа донесено от меня его превосходительству господину Слободско-Украинскому губернатору и кавалеру Ивану Ивановичу Бахтину рапортом, что при случившемся от военнопленных турок того же июля 18-го числа возмущения неизвестно куда бегством скрылось чиновников и простых 124 человека, после отыскано чиновников 5, простых 10, о которых июля 27 числа донесено от меня вашему высокоблагородию рапортом, да после сего еще также отыскан один простой, всего отыскано 16, за исключением которых остается в бегах 108 человек, но поелику в числе сих последних за скоростию ошибкою показаны уволенные по предписаниям Его превосходительства по надобностям чиновников в города Херсонской губернии Николаев, Одесс[у] и Тирасполь восемь, [в] Харьков пять и в сей последний простых шесть, и содержащиеся за преступления в здешнем городском остроге четыре, [то] всех находится в бегах 85 человек.

Штабс-ротмистр Мельников

Августа 21-го дня
1812 года

ГАХО, ф. 3, оп. 19, д. 792, л. 98–99. Оригинал.

№ 10
Письмо Э. де Ришелье[20] Слободско-Украинскому губернатору И. И. Бахтину (14 сентября 1812 года)

Милостивый государь мой
Иван Иванович!

Пребывающий в Николаеве капитан-паша Ремиз-Паша-Эффенди [21], на которого возложено попечение о пленных турках, просит меня, чтобы возвратить к нему в Николаев посредством какого-либо турецкого семейства из Харькова следующего, или через нарочного чиновника, тех двух турчанок, которые были причиною несчастного приключения в Валках, и ныне по дошедшим до него сведениям находятся у г-на [господина] Харьковского вице-губернатора.

Так как девочки сии были крещены в малолетстве и ныне не имеют еще 15-ти лет, а от господина главнокомандующего Дунайскою армиею* постановлено всех таковых возвращать, то я прошу Ваше превосходительство исполнить требование капитан-паши поспешнее.

Также капитан-паша к отзыву своему присовокупил еще, что в Харькове по какому-то случаю содержались в тюрьме 4 турка, из коих два потом освобождены, – он просит, чтобы под покровом амнистии, даруемой обыкновенно при мирных трактатах, освободить и двух последних. Я прошу Ваше превосходительство и сие желание капитан-паши исполнить, прислав к нему сих двух арестантов вместе с помянутыми девочками, буде к освобождению их нет законных препятствий.

В ожидании по сему уведомления Вашего превосходительства, имею честь пребыть с истинным моим к вам почтение и преданностью

Милостивый Государь мой
Вашего превосходительства
покорнейший слуга
Е. Дюк де Ришелье

№ 1542
14 сентября 1812
Одесса
Его Пр-ву [Превосходительству] И. И. Бахтину

[Резолюция:] Отписать немедленно волчанскому земскому
исправнику о доставлении означенных турчанок сюда
о чем нужно уведомить на первой почте объяснив
ему и касательно содержащихся под стражею.
Ив. Бахтин

ГАХО, ф. 3, оп. 19, д. 175, л. 60–60 об. Оригинал.

№ 11
Рапорт харьковского полицмейстера Слободско-Украинскому губернатору И. И. Бахтину (12 октября 1812 года)

По словесному вашего превосходительства приказанию для двух малолетних турчанок, отобранных от майорши Булычевой и отданных Магомету паше для доставления

* П. В. Чичагова (см. примеч. 18).

в их отчизну, на покупку нужной тем турчанкам одежды и обуви поручено ему паше из полицейской суммы 20 рублей, о чем вашему превосходительству донеся, прошу о возврате оных денег мне не оставить рассмотрением.

Полицмейстер [Подпись неразборчива]

ГАХО, ф. 3, оп. 19, д. 171, л. 53. Оригинал.

№ 12
Прошение валковского мещанина И. И. Шматкова Слободско-Украинскому губернатору И. И. Бахтину (27 марта 1813 года)

Стоявший в городе Валках военнопленный турецкий чиновник Усубей [Юсуф-бей] нанимал у меня для себя квартиру, [в] которой квартировал в доме моем не более четырех месяцев. Прошлого 1812-го года июля 17-го против 18-го числа пред вечернею не знаю от чего сделался в городе Валках [на]бат в колокола, я будучи это время при лавке своей, и только что услышал я оный оставив лавку свою с товарищами побежал от оной к дому своему, а жена моя от испугу бежала из дому с малолетними детьми, коих оставя я поспешал к дому чтобы запереть оный, но пришедши к двору не допущен был в двор войти обступившими турками, державшими в руках колья, почему будучи я в опасности а паче не имея прибежища не спал во всю ночь, а 18-го числа после прекращения бунта и самого смертоубийства, шел я от двора своего часу в 10-м или в 11-м пополуночи к лавке своей по извещению, что разбивают лавки, но тамошним начальником до оной не допущен, приказано идти к яме, отведенной за городом Валками для схоронения убитых турков, от чего хотя я и отговаривался, потому что в доме моем было множество разного скопившегося с разных селений народу, и дабы не последовало чрез вышеписанное удаление меня от дому, а паче из города, без презрения дому грабежа имущества моего, и тем привести меня с семейством моим в крайнее разорение, но оным от того […] не уволенен; почему и находился я при оной яме состоящей от города Валок в 2-х верстах от 11-го часа пополуночи до вечера того самого дня с тамошним обывателем Павлом Коробкою.

19-го числа поутру по осмотру моему в доме моем где я с семейством своим имел жительство не оказалось разных движимых вещей с одеяния на немалую сумму, которые по-видимому разграблены в то самое время когда я находился при яме, в що ту турков привозимых из Валок [хоронили]…*

ГАХО, ф. 3, оп. 20, д. 264, л. 1–3 об. Оригинал.

№ 13
Объяснение помещика Валковского уезда штабс-ротмистра М. Мельникова, представленное в Валковский нижний земский суд 20 апреля 1814 года

Вследствие повестки оного суда, последовавшей по указу валковского уездного суда от 15 марта под № 71, касательно истребования от меня объяснения, как, где и почему, во время бывшего в городе Валках при отправлении моем городничего должности, прошло-

* Далее И. Шматков описывает похищенное и поврежденное имущество, жалуется на невнимание к его неоднократным жалобам со стороны властей г. Валки и просит губернатора рассмотреть просьбу о возмещения ущерба.

го 1812 года июля 17 и 18 числа, от пленных турков возмущения и убийства, выставлено было в двух ушатах горячее вино, коим напоены собранные мужики, как де о сем показал один свидетель кадет Егор Скломбовский, и оное объяснение прислать в оный суд.

На который указ валковского уездного суда сим объясняю, 1-е, во время бывшего в Валках возмущения и убийства, горячего вина в двух ушатах для напоения мужиков выставлено никем не было, о чем как тогда доносимо мне ни от кого не было, так и ныне об оном я неизвестен. А по усмирении турков, перед квартирою бывшего на тот случай в городе Валках, Слободского Украинского губернского правления советника, коллежского советника Мокренца в небольших двух сосудах было вино и уксус, которыми по приказанию его господина советника Мокренца делались примочки и перевязки пораненным от турков мужикам, солдатам, и даже самим туркам пораненным же.

2-е, верноподобно что были мужики некоторые, собранные из уезда земским исправником ротмистром Бутовичем, которыми он заведывая распоряжал, такоже и из городских жителей, сбежавшихся сами собою, без приказания моего, но оные уповательно, пили вино по шинкам городским.

3-е, сверх того за нужное поставляю в пополнение следственного дела объяснить следующее, о прочих жителях кои бывши трезвыми в страхе и отчаянии кричали, что де французы идут в Россию бить жечь и разорять, а турки здесь разоряют нас, и убивают; от чего бежали из города с семействами, оставляя все свое имущество […].

Штабс-ротмистр Максим Мельников

Апреля 20 дня
1814 года

ГАХО, ф. 3, оп. 19, д. 793, л. 85–85 об. Оригинал.

№ 14
Объяснение коллежского советника Мокренца, представленное в Слободско-Украинское губернское правление 18 июня 1815 года

В силу объявленной мне резолюции оного губернского правления, состоявшейся минувшего марта 23-го числа, по рапорту валковского уездного суда последовавшему по делу в оном суде производящемуся, о произошедшем в городе Валках прошлого 1812-го года июля 18-го и 19-го числа от квартировавших там военнопленных турков возмущению и убийстве сим объясняю:

1-е, что кем и когда выставлено было в то время горячее вино мне не известно; припомню ж только то, что когда увидел я шедших мимо квартиры моей трех неизвестных мне человек сильно раненых и одному из них голова была разбита, то останов я их, и желая по человеколюбию помочь требовал воды со льдом, горячего вина и уксусу, но никем однако же мне не доставлено; почему имея я при себе спирт и французскую водку сделал раненым должную перевязку и отпустил их; в продолжении же того времени выставки вина за воротами кроме воды со льдом в двух сосудах не было, а после узнал от помещика Романовского, что близ ворот моей квартиры поставлено кем-то горячее вино в одном сосуде мерою не более полутора ведра, тогда я с ним Романовским вышел за ворота и спросил у градского главы, что за вино? Он отвечал мне, что могут желающие по чарке выпить, почему я и советовал ему голове принять оное которое тот же час и отнесено в двор его градского главы и поставлено в подвал; а посему должен быть известен градской глава кем точно то вино было выставлено и для чего? Впрочем если оно действительно поставлено было для примочки раненых, то надлежало бы употребить то при полиции, куда все раненые отводимы были.

И 2-е, чиновников, как должностных так и без должностей проживающих в Валках, и иже обывателей в убийстве безвинно турков, в грабеже из них вещей и денег, или в подговоре на сие никого не заметил, ибо я находясь в то время в Валках совсем для другой надобности и будучи в слабом положении моего здоровья не мог отлучиться от своей квартиры, и как происшествие сие на самом деле происходило неизвестен.

Советник Мокренец

ГАХО, ф. 3, оп. 19, д. 794, л. 10–11. Оригинал.

№ 15
Решение Валковского уездного суда (25 апреля 1816 года)

1816-го года апреля 25-го дня по указу Его императорского величества валковский уездный суд слушав дело присланное при указе из Слободско-Украинского губернского правления прошлого 1813-го года сентября 2-го дня от 22-го августа того года под № 22561 к дальнейшему рассмотрению и решению и сочиненную из оного со внесением приличных законов выписку о учинившем квартировавшими в городе Валках военнопленными турками прошлого 1812-го года июля 17-го и 18-го числа возмущении и убийстве между ими валковскими и уезда оного обывателями грабежа побитых турков, о поступках валковского уездного стряпчего титулярного советника Андрея Голубкина якобы он стряпчий во время означенного бунта бывши в дворе священника Льва Сербинова приказывал его Сербинова погреб обывателям разрывать и в оной стрелять потому что в оном турки спрятались, также и о выставленном якобы в двух ушатах горячем вине, коим были напоены допьяна обыватели, для того приказали:

Как из существа дела явствует, что бывшие в городе пленные турки […] не имели в своем духе того воображения, что они есть пленные, а как бы водворены посреди семейств города жителей властелинами, ибо дабы они хоча огражденное над собою имели смотрение от врожденных у них свирепых нравов и обычаев, на то как предлежащего отделения их от православного российского народа учреждено не было равно и сопряженной с тем довлеемой стражи не было, а по тому самому и произведены многие злейшие действия их турков веры и закона, которые суть следующие.

1-е, квартировавшие в городе Валках военнопленные турки прошлого 1812-го года июля 17-го числа ввечеру собравшись близ почтового двора во многом количестве и не внимая и не слушая приказаниям правившего должность валковского городничего уездного суда заседателя штабс-ротмистра Мельникова, а потом и бывшего тогда для обозрения присутственных мест Слободско-Украинского губернского правления советника господина коллежского советника Мокренцова [Мокренца] дабы разошлись по квартирам провозимых майоршею Булычевою выкрещенных из турков двух девочек усильным образом на почтовом дворе забирать к себе не прикасались, но оные все турки взявши самоуправно турчанок и причинивши тут некоторым боем обиду собрались в одно место близ квартиры янычарского чиновника паши Юсуф бея и простояли вооруженные дрекольями целую ночь, а на другой день то есть 18-го числа того же июля поутру в пять часов не слушая приказаний ни правившего должность городничего Мельникова ни валковского земского исправника ротмистра Бутовича и других чиновников также и городских жителей оные турки без всякой причины с городскими и собранными по распоряжению земской полиции для предосторожности с ближних селений жителями вщали драку и смертоубийство убив на месте начально экономической деревни Рубановки крестьянина Петра Грубу, а земского суда приказно служителя губернского се-

кретаря Шмелева ударом в грудь колом в правый бок, отчего он Шмелев более полугода был пользован медиками и должности исполнять как довлеет не мог, валковского же обывателя Константина [неразборчиво] – равномерно 1-го Грубы убили а ковяговского обывателя Савву Холода ранили так, что он после и умер, а сим самым все предстоявшие вблизу и в отдалении от турков как градские равно и уездные жители быв встревожены с помощью проходившей чрез Валки воинской команды Тираспольского драгунского полка произвели и противу турков оных бунтующихся и угрожающих в жизни опасностью сопротивление и междоусобное убийство, сверх того с показаний под крестным целованием тридцати хозяек домов валковских жителей женок, у коих турки квартировали явствует, что паша Юсуф бей с прочими турками прежде еще содеянного ими бунта и убийства намеревали[сь] собравшись учинить в тайне злодеяние, жителей порезать а город зажечь, что самое и из тех турков четыре человека подтвердили, а Валковской соборной Преображенской церкви протоирей Василий Снесарев показал, что он говорил по-гречески с турецким чиновником Кануджи Агметом беем, который ему сказал, что он узнавши о возмущении турков посылал к турецким же чиновникам Юсуф бею и Агмет бею а после того и сам ходил туда и всячески уговаривал и отводил их от того дабы они никакого возмущения не делали и злое предприятие оставили, но они оба остались единомысленны и его миролюбивых советов не послушали, почему он оттудова немедленно и удалился, следовательно […] не можно почесть виновными […] тех, которые таковое убийство турков сделали хотя имен их по делу и не открыто, поелику в столь страшной и важной опасности ведая всяк житель сколь жестоки сердца азиатов не было иного способу к защищению каждого себя и семейство свое.

2-е, из свидетелей майор Петр Крамаренков и губернский секретарь Андрей Стоянов хотя и показывают, что якобы валковский уездный стряпчий титулярный советник Андрей Голубкин приказывал неизвестным мужикам разрывать погреб священника Льва Сербинова и в оной стрелять, но напротив того валковский уездный землемер Николай Жуков по крестному целованию показал, что видел он наверху погреба немалое число людей разрывавших оной и стрелявших туда, куда между тем пришел и валковский уездный стряпчий Голубкин, то слышал он Жуков что стряпчий Голубкин находившихся наверху погреба разрывающих и [в] оной стреляющих людей уговаривал чтобы они турков не убивали а отводили живых в полицию, но погреба уездный стряпчий разрушать и в оной стрелять не приказывал, почему и сомнительно утвердиться на показаниях Крамаренкова и Стоянова и потому еще, что оных показаний никто из свидетелей не объяснил также начальствующие городничий и исправник там вместе со стряпчим бывшие за справедливые не признали и оных не подписали, по делу значит, что в погребу турки не были убиты а после выходу валковского уездного стряпчего Голубкина из двора священника Сербинова оказались два турка мертвыми в дворе священника Сербинова, но с погреба ли взятые или из толпы бунтующихся бежавшие не известно, Сербинов же показал, что когда увидел он в дворе своем двух турков убитых отозвался к нему по имени и прозванию ему неизвестный человек нововодолажский сказывая, что де он тех турков побил с ружья, почему не имея точного обличения вин[ов]ности на стряпчего изъявленной по силе указа 1763-го года февраля 10-го дня и воинского устава [неразборчиво] 2-й части 5-й главы 10-го пункта не подлежит он за сие обвинению, а по неизвестию и необличению точному следует от следствия и суда к освобождению.

3-е, чтобы кем было горячее вино выставлено и напоены мужики для того дабы бить турков сего по делу не открылось а значит, что выставлено было вино с уксусом для примочки раненых тогда во многом количестве обывателей и турков следовательно, и виновности в том ничьей не заключается.

И 4-е, так как по следствию валковского нижнего земского по указу сего суда не найдено у кого отысканы из уездных жителей турецкие вещи за смертию тех писарей кои описи представленным вещам чинили и по необъяснению в оных каждого имени и прозва-

ния виновного в том не открыто, а потому таковой поступок и предать воле Божией поколь сам объявится. Валковский же обыватель Степан Гончаренко учинивши прежде показание якобы он во время бунта турков и убийства ограбил двенадцать голландских червонцев и часы, после при передопросе показал, что он тех червонцев не грабил а нашел в каморе где квартировал Юсуф бей, часы же во время бунта дал ему турок, за что по силе законов хотя и подлежал наказанию но таковой его Гончаренка поступок что он найденного не объявил а утаил силою Всемилостивейшего манифеста состоявшегося 1814-го года августа 30-го дня прощается, которого Гончаренка дабы он до [образования?] дела не изнурялся под стражею, отослать к валковскому городничему при сообщении и требовать отдать городским жителям на поруки с распискою, чтобы он Гончаренко никуда не отлучался, и когда востребуется представлен бы был. […] Отослать оное дело с сим мнением на ревизию и для приговора в Слободско-Украинскую палату уголовного суда […].

ГАХО, ф. 3, оп. 19, д. 794, л. 116–118 об. Копия.

[1] *Маслійчук, В. Л.* Розправа над військовополоненими мусульманами у Валках 1812 р.: Видимі та приховані механізми конфлікту початку XIX ст. – Соціум. Альманах соціальної історії, 2003, вип. 3, 137–146.

[2] *Миловидов, Б. П.* Турецкие военнопленные в России в 1812 г. – ВИ, 2008, № 10, 91–98.

[3] *Роммель, К.-Д.* Спогади про моє життя та мій час. Харків, 2001, с. 133. Следует, однако, заметить, что в своих воспоминаниях, вышедших в свет в 1854 г., Роммель путает дату инцидента, ошибочно указывая 17 октября 1811 г.

[4] ГАХО, ф. 3, оп. 19, д. 169, л. 81 об.; д. 794, л. 110.

[5] ГАХО, ф. 3, оп. 19, д. 167, л. 61.

[6] ГАХО, ф. 3, оп. 19, д. 793, л. 3; *Миловидов, Б. П.* Указ. соч., с. 95.

[7] *Лисенко, І.* Валківська енциклопедія. Енциклопедичне видання. К., 2000, с. 57.

[8] ГАХО, ф. 3, оп.19, д. 169, л. 76 об.

[9] ГАХО, ф. 3, оп.19, д. 171, л. 91.

[10] ГАХО, ф. 3, оп.19, д. 171, л. 55.

[11] ГАХО, ф. 3, оп.19, д. 794, л. 33.

[12] ГАХО, ф. 3, оп. 19. д. 794, л. 118.

[13] *Бумаги*, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. Ч. 7. М., 1993, с. 132; *Миловидов, Б. П.* Указ. соч., с. 96.

[14] *Миловидов, Б. П.* Указ. соч., с. 97.

[15] Слободско-Украинская губерния существовала в составе Российской империи в 1765–1780 и 1796–1835 гг. на территории северо-восточной части нынешней Украины и западной части современных Белгородской и Воронежской областей Российской Федерации.

[16] Иван Иванович Бахтин (1756–1818) занимал пост губернатора Слободско-Украинской губернии в 1803–1814 гг.

[17] Г. Г. Полтавцов (Полтавцев), советник гражданской палаты Слободско-Украинского губернского правления, распоряжением губернатора И. И. Бахтина был назначен для „учинения исследования“ по „валковскому делу“.

[18] Павел Васильевич Чичагов (1767–1849) – адмирал, с апреля 1812 г. главнокомандующий Дунайской армией и главный начальник Черноморского флота.

[19] Мирный договор между Россией и Турцией был подписан 16 (28) мая 1812 г. в Бухаресте.

[20] Ришелье, Арман Эммануэль дю Плесси (1766–1822), в России известный как Эммануил Осипович де Ришелье или Дюк (герцог) де Ришелье. В годы Великой французской революции эмигрировал в Россию, поступил на военную службу. Участник русско-турецких войн 1787–1791 и 1806–1812 гг. В 1803 г. Александр I назначил его градоначальником Одессы, а в 1805 г. – генерал-губернатором Новороссийского края. В 1814 г. вернулся во Францию, где дважды (в 1815–1818 и 1820–1821) занимал пост премьер-министра правительства Людовика XVIII.

[21] Сеид Аблуллах Рамиз-эфенди (1774–1813) – один из сподвижников „султана-реформатора“ Селима III (правил в 1789–1807). В августе 1808 г. получил пост капудан-паши (начальника флота). В марте 1809 г. вместе со свитой бежал в расположение русских войск. Был убит янычарами при попытке вернуться на родину в начале 1813 г.

УДК 930.2.:[82-6.926.930(477.54)]

ПИСЬМА М. С. ДРИНОВА В. П. БУЗЕСКУЛУ (1904–1905 гг.)

В. Ю. Иващенко, Т. В. Костина, С. И. Посохов

***Іващенко В. Ю., Костіна Т. В., Посохов С. І.* Листи М. С. Дринова до В. П. Бузескула (1904–1905 рр.)**

Вперше публікуються листи М. С. Дринова до історика античності, професора, декана історико-філологічного факультету Харківського університету В. П. Бузескула. Ці джерела відображають стосунки двох колег-однодумців, їхні погляди на факультетські справи. Публікації передує коротка передмова, вона також супроводжується коментарем.

Ключові слова: університетська колегія, Харківський університет, епістолярна спадщина.

***Иващенко В. Ю, Костина Т. В., Посохов С. И.* Письма М. С. Дринова В. П. Бузескулу (1904–1905 гг.)**

Впервые публикуются письма М. С. Дринова к историку античности, профессору, декану историко-филологического факультета Харьковского университета В. П. Бузескулу. В данных источниках отражаются взаимоотношения двух коллег-единомышленников, их оценки и мнения в отношении факультетских дел. Публикация предваряется кратким предисловием и сопровождается комментариями.

Ключевые слова: университетская коллегия, Харьковский университет, эпистолярное наследие.

***Ivashchenko V. Y., Kostina T. V., Posokhov S. I.* Letters of M. S. Drinov to V. P. Buzeskul (1904-1905)**

For the first time the letters of M. S. Drinov to a historian of antiquity, Professor, Dean of History and Philology Faculty of Kharkiv University V. P. Buzeskul are published. The sources reflect the relationship of the two like-minded colleagues, their assessment and views on faculty affairs. The publication is preceded by a brief preface and is followed by comments.

Keywords: University board, Kharkiv University, epistolary heritage.

Продолжая публикацию эпистолярного наследия М. С. Дринова (в IV т. „Дриновского сборника“ были изданы письма М. С. Дринова к К. Я. Гроту), предлагаем вниманию читателей письма Марина Степановича историку античности, профессору, декану историко-филологического факультета Харьковского университета Владиславу Петровичу Бузескулу (1858–1931).

Письма, датированные 1904–1905 гг., были написаны в тяжелые для М. С. Дринова годы. Отпраздновав в 1903 г. 30-летие своей научно-педагогической деятельности, Марин Степанович получил пенсию, но планировал продолжить работу в университете (ему были назначены дополнительные 1200 руб. за чтение лекций по кафедре славян-

© В. Ю. Иващенко, Т. В. Костина, С. И. Посохов, 2012

ской филологии)[1]. Однако в это время обострилось заболевание, от которого он страдал многие годы – туберкулез легких, и, надеясь поправить здоровье, Марин Степанович с женой и дочерью выезжает в Крым. Осень 1904 – весну 1905 гг. он провел в Ялте, где также много болел, и только к маю 1905 г. его состояние здоровья несколько улучшилось. Впрочем, это улучшение оказалось временным: вынужденный по „домашним обстоятельствам“ (письмо № 9) вернуться в Харьков, он планировал заграничную поездку „для поправления здоровья и для научных занятий в библиотеках славянских земель“, но очередное обострение болезни помешало этим планам. В феврале 1906 г. М. С. Дринов окончательно слег, и 28 февраля (13 марта) 1906 г. скончался в Харькове[2].

Письма к Владиславу Петровичу Бузескулу, который в 1901–1906 гг. был деканом историко-филологического факультета, довольно регулярны. При этом следует отметить, что это не просто отчеты о состоянии здоровья (эта тема постоянно поднимается в переписке, поскольку отпуск М. С. Дринова затягивался, что влияло на ход учебного процесса), но и разговор о непростых для факультета временах, когда политические события в стране развели по разные стороны „баррикад“ бывших союзников. Скупые упоминания об „аррогантности… и бестактности“ петербургских чиновников (письмо № 3), о „грустных проделках харьковских радикалов, равно как и… подвигах членов Русского собрания“ (письмо № 4) совпадают и с оценками самого В. П. Бузескула. В письмах к В. С. Иконникову в 1903 г., последний отмечал, что „у нас на факультете не так легко“[3], „я очень люблю Харьковский университет.., но теперь бывает такое настроение, что готов покинуть Харьков и перейти в другой университет…“[4]. При этом В. П. Бузескул считал М. С. Дринова единомышленником, оценивая его как „достойнейшего члена нашей коллегии“[5].

Публикуемые письма также свидетельствуют, что хотя научные интересы корреспондентов не совпадали, они обменивались своими работами, интересуясь смежными областями знаний, постоянно находясь в поиске точек соприкосновения.

Все письма М. С. Дринова являются автографами, которые хранятся в СПФ АРАН (Ф. 825: Бузескул Владислав Петрович). Текст источников был приближен к современным нормам правописания. Ошибки, которые не имели смыслового значения, исправлены. Сокращения слов раскрываются в квадратных скобках. Квадратными скобками обозначены также непрочитанные места. Выделенные автором слова поданы курсивом.

[1] *Халанский, М. Г.* Марин Степанович Дринов / М. Г. Халанский. – *Халанский, М. Г.* Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905) / М. Г. Халанский. – Харьков: Тип. ун-та, 1908, 135–136.

[2] *Ильчук, И. С.* Деятельность М. С. Дринова в Харьковском университете // Изследвания в чест на Марин Дринов. София, 1960, 99–100.

[3] ІР НБУВ, ф. 3. оп. 1. д. 48402. В. П. Бузескул. Лист до В. С. Іконнікова, 26.11.1903. л. 1.

[4] ІР НБУВ, ф. 3. оп. 1. д. 48401. В. П. Бузескул. Лист до В. С. Іконнікова, 23.12.1903. л. 26.

[5] ІР НБУВ, ф. 3. оп. 1. д. 48402. В. П. Бузескул. Лист до В. С. Іконнікова, 26.11.1903. л. 1.

№ 1

3 октября 1904 г., Ялта.

Душевный привет Вам, дорогой Владислав Петрович, и многоуважаемой Екатерине Гавриловне[1] из Ялты, куда мы приехали через двенадцать дней после выезда из Харькова. Сверх ожидания, мы слишком долго сидели в Севастополе, где задержали нас сначала морская буря и недомогание жены[2], а затем установившаяся там дивная погода, подействовавшая на меня чрезвычайно благотворно и давшая возможность ознакомиться с давно интересовавшими меня достопримечательностями исторического города, особенно с Херсонесскими древностями. Встретили там и кое-каких знакомых, между прочим

А. А. Григорьева[3], бывшего стипендиата Петербургского университета лет 15-ть тому назад, когда приезжал и в Харьков слушать лекции по славяно-русской филологии. Из него бы вышел отличный специалист сего предмета, но, к сожалению, семейные обстоятельства заставили его отказаться от ученой карьеры и занять место учителя в одной из одесских гимназий, – одесская зима неблагоприятно действовала на здоровье его и его жены; вследствие чего он по совету врачей в прошлом году перешел в Севастопольскую гимназию. В Севастополе как он, так и его жена довольно скоро поправились, поздоровели, даже помолодели. И этим, по их твердому убеждению, они обязаны севастопольскому климату, в особенности Севастопольской зиме, которую ставят выше не только одесской, но и ялтинской. О том, что севастопольская зима в некоторых отношениях лучше ялтинской, нам пришлось слышать во время путешествия и от других компетентных лиц. И очень возможно, что если не удастся устроиться в Ялте или в ее окрестностях хорошо, то мы через месяц возвратимся в Севастополь, чтобы там провести зимние месяцы. – Но это все мечты о будущем.

Из Севастополя в Ялту мы ехали при необыкновенно тихой погоде и на прекрасном пароходе „Ксения“[4]. В Ялте остановились пока в Московской гостинице, на Пушкинском бульваре. В других гостиницах, по набережной, не оказались свободные комнаты, каковых не оказалось и в пансионе Вебера[5]. Бархатный сезон еще в полном разгаре, благодаря стоящей здесь хорошей* погоде (прекрасною не могу ее назвать, так как с моря очень часто дует предательский восточный ветерок). Я чувствую себя, слава Богу, довольно хорошо и завтра или послезавтра думаю уже подвергнуться осмотру доктора Ножникова[6].

Передайте искреннейший мой привет всем дорогим товарищам, которым я несказанно благодарен за их добрые ко мне чувства.

Моя жена и дочь шлют Вам и Екатерине Гавриловне сердечные поклоны.
Душевно уважающий Вас и преданный
М. Дринов.
Адрес мой: Ялта, Московская гостиница.

СПФ АРА, ф. 825, оп. 2, д. 70, л. 1–2 об.

[1] Бузескул Екатерина Гавриловна (1865–?) – жена В. П. Бузескула.

[2] Дринова (урожд. Вильямс) Маргарита Ивановна – жена М. С. Дринова.

[3] Григорьев Александр Алексеевич – статский советник, в 1895–1904 гг. служил сначала учителем русского и латинского языков, а затем русского языка, истории и географии в Четвертой Одесской гимназии, в 1904 г. занял место учителя географии и древностей в Севастопольской прогимназии.

[4] Пароход „Ксения“ – грузо-пассажирский пароход „Великая княгиня Ксения“.

[5] Имеется в виду климатолечебный пансион доктора Ф. Д. Вебера под названием „Квисисана“, состоявший из 24 комнат.

[6] Ножников Борис Петрович (1851–1911) – доктор медицины, известный в то время в Ялте и за ее пределами фтизиатр.

№ 2

3 ноября 1904 г., Ялта, дача Терещенко.

Дорогой Владислав Петрович,

Часто и всегда с чувством глубокой благодарности вспоминаю я о той вечерней трапезе, которою Вы, при усердном содействии любезнейшей Вашей супруги, украсили мой прошлогодний юбилей[1], давши возможность провести в задушевной беседе несколько часов

* Слова здесь хорошей написаны над зачеркнутым словом прекрасной.

с дорогими сердцу товарищами в Вашем уютном доме. В нынешний день, когда исполнился ровно год со времени столь памятного для меня вечера, душа моя особенно сильно взволнована указанным чувством, которому я, повинуясь влечению сердца, и даю в этих строках слабое выражение перед Вами и глубокоуважаемою Екатериною Гавриловною.

Искренно благодарю Вас за ответное письмо, от 7 окт[ября], которое прочел с большим интересом, хотя и был немало пристыжен им. – Очень обрадовало известие о том, что избрание Кульбакина[2] и в Совете прошло блистательно. Недавно мне переслали сюда из Харькова от него письмо с выражением „сердечной признательности“ всем членам конкурсной комиссии за доброжелательное к нему отношение. Сообщите, пожалуйста, об этом Михаилу Георгиевичу[3] и Димитрию Николаевичу[4]. Очень бы хотелось знать, как отнёсся министр[5] к инцидентам, которыми ознаменовался скандальный вопрос о выборе судей. Но хватило ли у него времени для таких вопросов?

О себе скажу Вам, что временами я себя чувствую довольно хорошо, временами же скверно, по-видимому, вследствие простуды, от которой трудно уберечься при весьма неустойчивой теперь здешней погоде. Д-р Ножников, который осматривал меня уже два раза, не находит моего положения опасным и все утешает, что *благодатный*[*] климат Крыма укрепит расслабленное мое здоровье. – До сих пор мы все оставались в Московской гостинице, где жилось нам недурно, но теперь, когда часто стали перепадать дожди, решили перебраться на более возвышенное место, именно на дачу Терещенки, находящейся над женской гимназиею[6]. – Сердечный привет от всех нас Екатерине Гавриловне и Всем.

Душевно уважающий Вас
М. Дринов.

СПФ АРАН, ф. 82, оп. 2, д. 70, л. 3–4 об.

[1] 8 августа 1903 г. исполнилось 30 лет научно-педагогической деятельности М. С. Дринова в Харьковском университете.

[2] Кульбакин Степан Михайлович (1873–1941) – филолог-славист, преемник М. С. Дринова на кафедре славянской филологии. В сентябре 1904 г. С. М. Кульбакин, в то время приват-доцент Новороссийского университета, по конкурсу был избран историко-филологическим факультетом на кафедру славянской филологии, в октябре это избрание было утверждено советом Харьковского университета, а в феврале 1905 г. он был назначен и. о. экстраординарного профессора Харьковского университета.

[3] Халанский Михаил Егорович (Георгиевич) (1857–1910) – филолог-славист, историк, член-корреспондент Петербургской академии наук (1909 г.), с 1889 г. – приват-доцент, позднее – профессор Харьковского университета, ученик М. С. Дринова и А. А. Потебни.

[4] Овсянико-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853–1920) – филолог, теоретик литературы, академик Петербургской академии наук (1907 г.), профессор Новороссийского, Казанского, Харьковского и Петербургского университетов.

[5] В апреле 1904 – октябре 1905 г. министром народного просвещения был Глазов Владимир Гаврилович (1848–1920?) – генерал от инфантерии, военный и государственный деятель.

[6] Имеются в виду „мебелированные комнаты с пансионом Терещенко“, расположенные на ул. Дарсановская (ныне ул. Леси Украинки), д. 6. Здание женской гимназии (ныне Гимназия им. А. П. Чехова) было построено в 1893 г. по ул. Войкова, д. 4.

№ 3

22 ноября 1904 г., Ялта, дача Терещенко.

Дорогой Владислав Петрович,

Душевное спасибо Вам за милое письмо от 10 с[его] м[есяца], проникнутое хватающими за душу чувствами ко мне и наполненное интересными сведениями и цен-

[*] Подчеркнуто автором.

ными для меня впечатлениями и взглядами. Вполне разделяю Вашу скорбь по поводу недавно начавшегося и все более и более усиливающегося в нашей факультетской семье разлада[1], который остается для меня совершенно неожиданным и необъяснимым явлением. Видно, сглазили* нас приезжавшие к нам в качестве председателей профессора из других университетов и восторгавшиеся постоянно нашими отношениями, находя их образцовыми, беспримерными и т. п. Точно также вполне разделяю и Ваши сожаления и недоумения, вызванные поведением лиц, сопровождавших министра. В особенности Голицына[3]. Об аррогантности (напускной) и бестактности этих господ мне писали и другие добрые знакомые. – И так вели себя, такие вызывающие выходки позволяли себе высшие чины Министерства просвещения в такое время, когда отовсюду *раздавались*** громогласные проклятия по адресу бюрократии, когда не только в Харькове, но и в Петербурге начинались зловещие движения среди учащейся молодежи. Будем надеяться, что министр, несомненно, человек благожелательный и гуманный, приведет к порядку доставшихся *ему****, по-видимому, по наследству***** советников и сотрудников.

Благо вам, что можете в такое время находить успокоение в таких ученых работах, каковы начатые Вами статья о Лунине[4] и примечания для чешского перевода Вашего „Введения“[5]. От души поздравляю Вас с этим переводом: классический отдел чешской ученой литературы очень богат и если чешские классики взялись переводить на свой язык Вашу новую книгу, это не оставляет сомнения в высоких достоинствах ее.

Мы очень довольны нашей новой квартирой – *на даче Терещенки*******, находящейся немного выше соборной церкви и гостиницы Ялты. В Севастополь раздумали перебираться.

Искренний привет от всех нас Вам и глубокоуважаемой Екатерине Гавриловне, которую поздравляем со днем Ангела и желаем всего лучшего от всей души.

Глубоко уважающий и любящий Вас М. Дринов.

СПФ АРАН, ф. 825, оп. 2, д. 70, л. 5–6 об.

[1] Одним из проявлений такого „разлада“ стали разногласия, возникшие в связи с установкой памятника В. Н. Каразину. Осенью 1904 г. в университете начал активно обсуждаться вопрос о роли В. Н. Каразина в деле основания университета и тексте подписи на его памятнике. Тогда же началась дискуссия между Д. И. Багалеем и П. Н. Буцынским, переросшая во взаимные обвинения и усилившая разделение профессоров на либеральную и консервативную „партии“.

[2] Кондаков Никодим Павлович (1844–1925) – историк византийского и древнерусского искусства, археолог, член-корреспондент Петербургской АН (1892, действительный член с 1898), академик Петербургской Академии художеств.

[3] Речь идет о Дмитрии Петровиче Голицыне (Голицын-Муравлин) (1860–1928). В 1904 г. он был членом Совета министра народного просвещения и неоднократно командировался для осмотра учебных заведений.

[4] Лунин Михаил Михайлович (1807–1844) – профессор всемирной истории Харьковского университета в 1835–1844 гг. В. П. Бузескул подготовил статью о М. М. Лунине, опубликованную в 1905 г: Бузескул В. П. Профессор М. М. Лунин. „Харьковский Грановский“ (К столетию Харьковского университета) // ЖМНП, 1905, ч. 357, № 2, отд. 2, 321–374 (также отд. издание).

[5] Речь идет о работе В. П. Бузескула „Введение в историю Греции“ (Харьков, 1-е изд., 1903 г., 553 с.; 2-е изд., 1904; чешский перевод вышел в 1909 г.).

---

* На полях слева приписка: Н. П. Кондакова в Ялте нет, – он уехал отсюда в Петербург еще до нашего приезда.

** Слово вставлено над строкой.

*** Слово вставлено над строкой.

**** Слово *своих* зачеркнуто.

***** Подчеркнуто автором.

№ 4

7 января 1905 г., Ялта, дача Терещенко.

Дорогой и искренне уважаемый
Владислав Петрович,

Позвольте, в дополнение к отправленным с неделю тому назад Вам нашим визитным карточкам, просить Вас принять лично и передать многоуважаемой Екатерине Гавриловне от жены моей, от меня и от нашей дочери искреннейшие поздравления с Новым годом и горячие пожелания провести его во всяком благополучии, паче же всего в добром здравии. – Затем позвольте выразить Вам и нашу сердечную благодарность за Ваши поздравления и благопожелания, высказанные в письме от 23-го декабря, на которое, к великому моему сожалению, я, по нездоровью, не мог ответить своевременно. На грустных проделках харьковских радикалов, равно как и на подвигах членов Русского собрания[1] не буду останавливаться, *ибо*[*] о таких вещах не могу говорить вскользь. Дай только Бог, чтобы Димитрий Николаевич[2] не поплатился этот раз за слишком большую доверчивость ко всяким либералам. – Падение Порт-Артура[3] и на нас подействовало удручающим образом, хотя мы и были подготовлены к эт[ой] катастрофе. – Кипучая деятельность Ваша и других товарищей по приготовлению и печатанию юбилейных университетских изданий[4] заставляет меня глубоко скорбеть о том, что я не мог принять должного участия в этом деле.

Переходя к Вашим вопросам относительно нынешнего моего положения и планов, скажу вкратце следующее: – В октябре и ноябре я себя чувствовал довольно хорошо, но декабрь испортил все. – В течение всего этого месяца тут стояла отвратительная погода: то ветер бушевал, то непроглядные туманы окутывали весь город, то дождь лил как из ведра, а два-три раза шел снег, который и теперь еще лежит уже третий день толщиною в 2–3 вершка. Ялтинские старожилы уверяют, что этакой погоды никогда и не было здесь, но от этого мне не легче. Целый месяц уже я безвыходно сижу дома, где для проветривания комнат по два-три раза в день раскрывают окна и двери. При этом я нередко простуживался, иногда очень серьезно. Перед Новым годом захворал плевритом и целую неделю должен был пролежать в постели. – При таком положении я потерял всякую надежду на возможность возвращения в Харьков до конца зимы, а, следовательно, и прочтения объявленных мною для весеннего семестра курсов. Об этом я через два-три дня, повидавшись еще раз с доктором, отправлю Вам официальное уведомление (рапорт). А затем, что посоветуете мне сделать для легализации моего положения? В сентябре перед выездом из Харькова я подал прошение ректору об исходатайствовании мне двухмесячного отпуска в Крым и пр. – Разрешен ли уже мне такой отпуск и могу ли я с ним прожить здесь не два, а несколько месяцев, если по возвращении в Х[арько]в представлю, в оправдание просрочки, медицинское свидетельство? Быть может, окажется необходимым ходатайствовать теперь же о продлении отпуска? Пожалуйста, разведайте об этом и о результате уведомьте открыткою. О добавочных я и не помышлял!

Через два-три дня напишу опять. Душевно Вам преданный
М. Дринов[*].

СПФ АРАН, ф. 825, оп. 2, д. 70, л. 7– 8 об.

[1] Харьковский отдел Русского собрания – первая из монархических организаций Харькова. Создавалась при активном участии профессора всеобщей истории Харьковского университета А. С. Вязигина. Начало ее организационного оформления происходило в декабре 1905 г., торжественное „открытие“ состоялось 15 января 1906 г.

[*] Написано на поле слева страницы.

[2] Имеется в виду Д. Н. Овсянико-Куликовский.

[3] Оборона Порт-Артура – самое продолжительное сражение русско-японской войны 1904–1905 гг. 25 июля (7 августа) 1904 г. японские войска начали обстрел укреплений крепости. Через полгода, 23 декабря (5 января) 1905 г. была заключена капитуляция.

[4] К 100-летнему юбилею Харьковского университета была подготовлена и опубликована целая серия изданий: Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905) / Д. И. Багалей, Н. Ф. Сумцов, В. П. Бузескул. Харьков, 1906, 329 с.; Медицинский факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905) / Под ред. И. П. Скворцова, Д. И. Багалея. Харьков: Тип. ун-та, 1905–1906, 471, 314 с.; Физико-математический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905) / Под ред. И. П. Осипова, Д .И. Багалея. Харьков: Тип. ун-та, 1906, 357, 248 с.; Юридический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905) / Под ред. М. П. Чубинского, Д. И. Багалея. Харьков: Тип. ун-та, 1906, 329 с.; Халанский М. Г. Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905). Харьков: Тип. ун-та, 1908, 168, 390 с. (об этом см.: Посохов С. І. Ювілейні історії Харківського університету // Вісник ХНУ ім. В. Н. Каразіна. Сер. „Історія“, 10, 2005, вип. 37 (№ 701), 4–11.

№ 5

15 января 1905 г., Ялта, д[ача] Терещенко

Дорогой и искренно уважаемый
Владислав Петрович,

Надеюсь, что получили мое письмо, посланное с неделю тому назад. Обещанный в нем рапорт посылаю только теперь, так как не хотелось отправлять его, не повидавшись предварительно с доктором, а это нельзя было сделать так скоро вследствие стоявшей все эти дни дурной погоды.

Меня очень беспокоит то, что, по причине моей болезни, в подготовке по славяноведению оканчивающих в нынешнем году наших студентов имеются большие пробелы. В истекшем семестре *на*[*] пополнение их, если не ошибаюсь, Михаил Георгиевич[1] мог уделить лишь два часа в неделю. Но это очень мало, особенно если принять во внимание, что наши слушатели на третьем курсе очень редко заглядывают в аудитории, полагая, что на четвертом курсе успеют наверстать сделанные упущения. – Я утешался надеждою, что г. Кульбакин будет утвержден еще задолго до Нового года и успеет заблаговременно переехать в Харьков так, чтобы в самом начале весеннего семестра открыть свои чтения, которые и приноровит главным образом к нуждам оканчивающих студентов. Так он *и*[**] решил было поступить, узнавши от меня *об указанных пробелах в подг[отовке] ст[удентов] и о том*[***], что я и в весеннем семестре не буду читать лекции. Но к немалому моему удивлению, *он*[****] недавно уведомил меня, что утверждения его все еще не было до самого конца декабря. С того времени он уже мне не откликался, неужели и до сих пор не утвержден?[2]

Я теперь чувствую себя лучше, но все еще должен сидеть сиднем в квартире, тем более что погода все стоит отвратительная.

Недавно получили из Москвы от Андреевых известие, что гостящий у них Амфиан Степанович[3] заболел довольно серьезно плевритом. Болезнь неопасная, но все же крайне неприятная при стоящих в Москве трескучих морозах.

Душевно преданный Вам
М. Дринов

---

[*] Зачеркнуто в.

[**] Вписано над строкой.

[***] Вписано над строкой.

[****] Вставлено слово *он*.

16 янв[аря]. Письмо это было уже готово, когда принесли мне Вашу открытку от 11 с. м., за которую очень и очень благодарю. Передайте многоуважаемой Екатерине Гавриловне наше поздравление с избавлением от инфлюэнцы. А Вам-то болеть стыдно, да и некогда, – берегите себя!

Сердечно любящий Вас
М. Др[инов].

СПФ АРАН, ф. 825, оп. 2, д. 70, л. 9, 10 об.

[1] Речь идет о М. Г. Халанском.
[2] См. примечание № 2 к письму от 3 ноября 1904 г.
[3] Речь идет об Амфиане Степановиче Лебедеве (1832–1910) – историке церкви, профессоре Харьковского университета.

№ 6
Отрывок письма М. С. Дринова В. П. Бузескулу

[февраль – март 1905 г., Ялта]

[…] я встретил весьма характерные подробности, которые оставались мне совершенно неизвестными. Искренно обрадовало так хорошо удавшееся семейное торжество нашего университета по случаю 25-тилетия Дмитрия Николаевича [1].

По поводу предполагаемой Вами поездке в Афины[2] около половины марта позволю себе напомнить Вам, что около этого времени на море бывают большие бури, похуже той, которая недавно заставила греческую королеву возвратиться почти с середины Черного моря[3] в Севастополь и тут довольно долго ждать более благоприятной погоды. С своей стороны мы очень будем рады, если и с Вами случится такой казус, который может побудить Вас заглянуть из Севастополя к нам в Ялту.

Примите и передайте глубокоуважаемой Екатерине Гаврииловне от моей жены, от дочери и от меня искренний привет и горячую благодарность за добрую память

Душевно Вас уважающий и любящий
М. Дринов.

СПФ АРАН, ф. 825, оп. 2, д. 70, л. 17, 17 об.

[1] Речь идет о праздновании 25-летия научно-педагогической деятельности Д. Н. Овсянико-Куликовского.
[2] 7–13 апреля 1905 г. в Афинах проходил первый Международный археологический конгресс.
[3] Греческая королева Ольга Константиновна (1851–1926), дочь великого князя Константина Константиновича Романова, супруга короля Греции Георга I, не раз посещала Крымский полуостров.

№ 7

12 апреля 1905 г., Ялта, дача Терещенко

Дорогой Владислав Петрович,

Жена моя, дочка и я искренно поздравляем Вас и многоуважаемую Екатерину Гаврииловну с светлым праздником Воскресения Христова, по случаю которого посылаем Вам свои наилучшие пожелания.

Я очень провинился перед Вами тем, что до сих пор не откликался на Ваше милое письмо от 19 марта. Но это упущение было сделано мною с благим умыслом, именно нежеланием тревожить Ваше любвеобильное ко мне сердце нехорошими о себе вестями. Дело в том, что во время постигшего Ялту погрома 13 и 14 марта я должен был провести почти целую ночь под открытым небом, в саду, так как ходили упорные слухи, что бушевавшая толпа имела в виду разнести, даже сжечь и нашу дачу. И уверяют, что замысел этот остался неисполненным только благодаря подоспевшим из Севастополя войскам. Таким образом, наши хозяева и все прочие их дачники отделались лишь треволнениями и опасением за свое движимое имущество, я же, кроме того, умудрился захватить простуду, с которою долго пришлось возиться, благодаря стоявшей все это время отвратительной погоде. – Теперь, слава Богу, чувствую себя уже хорошо.

С большим интересом прочел Вашу статью о Лунине[1] и проникся глубоким уважением к нему и как профессору, и как человеку. Сердечно благодарю Вас за этот новый дар и очень жалею, что не могу воздать Вам ничем.

О положении вещей в нашем университете я имею очень скудные известия, не знаю даже, явился ли какой-нибудь охотник держать государственный экзамен, или нет.

Хорошо сделали, что *не поехали*[*] на Греческий конгресс[2], который вряд ли выйдет особенно интересным. Да и погода, говорят, стояла до сих пор на юго-востоке Европы очень коварная, какою все еще остается и здесь.

Искренно любящий и уважающий Вас
М. Дринов.

СПФ АРАН, ф. 825, оп. 2, д. 70, л. 11–12.

[1] См. примечание № 3 к письму от 22 ноября 1905 г.
[2] См. примечание № 2 к предыдущему письму.

№ 8

23 апреля 1905 г., Ялта, дача Терещенко

Дорогой и искренно уважаемый
Владислав Петрович,

Письмо Ваше от 11-го с. м. мне доставили в первый день Пасхи, т. е. ровно через шесть дней после отправления его. Одновременно с ним доставили и письмо Ивана Вячеславовича[1] тоже от 11-го с[его] м[есяца], а также и письмо Кульбакина, посланное из Одессы еще 8-го апреля. Столь поздняя доставка этих *деловых*[**] писем зависела частью от предпраздничной сутолоки в ялтинской почтовой конторе, частью же от временной приостановки морских сообщений между Ялтою – Севастополем, Одессою и т. д. вследствие забастовки моряков. – Очень бы желал знать, не повлияли ли эти обстоятельства таким же и даже более неблагоприятным образом и на отправленный около 10-го с[его] м[есяца] мой ответ на Ваше письмо, при котором Вы прислали мне свою содержательную статью о Лунине (ведь наши новогодние приветствия были доставлены Вам, Кадлубовским[2] и, д[олжно] б[ыть], еще кое кому лишь около конца февраля!).

Запросами относительно чтений в будущем академическом году я был захвачен врасплох, но поспешил кое-как обдумать дело и, согласно Вашему указанию, еще 19-го числа с[его] м[есяца] написал Ив[ану] В[ячеславови]чу, что в б[удущем] ак[адемическом] году предполагаю читать.

[*] Вписано над строкой.
[**] Подчеркнуто автором.

1) Историю славян для студент[ов] 3 и 4 кур[ов] *три*[*] часа (вместо прежн[их] двух), пятница 11–2;

2) Чтение церковнославянск[их] памятников разных рецензий для студент[ов] 3 и 4 курс[ов], два часа, вторн[ик] 12–2;

3) Историю церковнославянск[ой] письменности для студент[ов] 5-го семестра, два часа, суббота 12–2;

4) Граммат[ика] церковнослав[кого] языка для студентов 3-го семестра, *два часа*[**], суббота 12–2.

Рапорта формального не представил, так как в нем необходимо обозначить точнейшим образом (по требованию министерства) пособия, чего я не могу сделать теперь за неимением этих пособий под рукою. – Я просил Ив[ана] В[ячеславови]ча помочь мне в этом деле, но если это окажется невозможным, то и не знаю, как выпутаться из беды, особенно если не удастся побывать в Харькове в скором времени.

К чтению означенных курсов я приступлю, конечно, лишь в таком случае, если очень туго начинающаяся здесь весна и предстоящее лето помогут мне восстановить свои силы. В противном случае я буду поставлен в необходимость ходатайствовать о заграничном отпуске на всю будущую зиму с тем, чтобы провести ее в каком-нибудь заграничном курорте. Ялтинская зима принесла мне мало пользы, да и на весну, которая и до сих пор не может еще установиться, я начинаю терять надежды. В настоящее время я серьезно обдумываю вопрос о том, куда деваться теперь, и на этой неделе собираюсь поговорить об этом с несколькими врачами.

Еще раз приношу[***] от себя и от своих многоуважаемой Екатерине Гавриловне и Вам искреннейшие поздравления с Светлым Праздником и горячие пожелания всего хорошего.

Душевно любящий и уважающий Вас,
М. Дринов.

С большим интересом прочел Ваши сообщения о делах факультетских и советских, о которых я имел смутные представления. – Не сомневаюсь, что Вы с Андреем Сергеевичем [3] отлично проэкзаменуете по славянской истории одного бывшего моего слушателя. Приглашать для него особого экзаменатора не следует[****].

СПФ АРАН, ф. 825, оп. 2, д. 70, л. 13, 14 об.

[1] Речь идет об Иване Вячеславовиче Нетушиле (1850–1928) – историке, профессоре Харьковского университета, члене-корреспонденте Петербургской академии наук.

[2] Кадлубовский Арсений Петрович (1867–1921) – историк русской литературы, с 1899 г. приват-доцент, позднее профессор Харьковского университета, Петроградского, Пермского и Таврического университетов.

[3] Имеется в виду Андрей Сергеевич Вязигин (1886–1890) – историк, профессор Харьковского университета.

№ 9

19 мая 1905 г., Ялта, дача Терещенко

Высокоуважаемый, дорогой Владислав Петрович!

Не помня адреса квартиры Ивана Вячеславовича[1], я позволил себе отправить ему свою приветственную телеграмму по Вашему адресу, за что, надеюсь, не будете сетовать на меня.

[*] Зачеркнуто два и сверху вписано три.

[**] Вписано сверху.

[***] Вымарано Вам.

[****] Написано на полях поперек текста.

Все эти дни я собирался написать Вам, но останавливали получавшиеся убийственные телеграммы о морской битве в Корейском проливе, окончившейся, по-видимому, полным уничтожением русских эскадр, на которые возлагали столько надежд. Просто не хочется верить этому ужасному несчастью! [2]

Сердечно благодарю за книжку о женском вопросе[3], которую получил сегодня и сейчас же прочел вместе с дочкой с большим удовольствием. Благодарю так же и за интересные для меня, хотя большею частью и грустные известия, которые сообщили мне в письме от 2 с[его] м[есяца] – искренно радуюсь, что факультету удалось заместить французскую лектуру таким образованным филологом, каким, по-видимому, является парижанин Мазон [4].

В Ялте мы пользуемся* с начала этого месяца прекрасною погодою: тепло, но не душно, – ртуть не поднимается днем выше 18-ти градусов. По вечерам опускается до 12 ^{0}, но в воздухе не чувствуется сырости и свежести. – Дни свои я теперь провожу большею частью под открытым небом и чувствую себя гораздо лучше. Д-р Ножников тоже находит значительное улучшение в состоянии моего здоровья. В виду всего этого я бы не прочь продолжить свое пребывание в Ялте до конца лета, к чему побуждают и известия о стоящей теперь в Харькове тропической жаре. Но некоторые домашние обстоятельства заставляют нас съездить теперь в Харьков, куда мы и предполагаем выехать через два-три дня. Там попытаемся устроиться где-нибудь на подходящей даче, а если это не удастся, то наладить свои домашние дела и, повидавшись с Вами и с прочими присными, мы опять, может быть, двинемся к южному берегу Крыма и тем охотнее, что, по дошедшим до нас сведениям, туда же переселяются на лето и Лебедевы, Халанские, Кадлубовские. Да и Вы, по всей вероятности, в июне, или в июле переедете в излюбленную Вами Ялту.

Примите *лично*** и передайте многоуважаемой Екатерине Гавриловне от жены, от дочери и от меня самый горячий привет с такою же благодарностью за добрую память. Дорогим товарищам сердечное спасибо за поклон.

Душевно Вас любящий и уважающий
М. Дринов

СПФ АРАН, ф. 825, оп. 2, д. 70, л. 15, 16 об.

[1] Имеется в виду И. Я. Нетушил. См. примечание № 1 к предыдущему письму.

[2] Речь идет о Цусимском морском сражении (14–15 мая 1905 г.), в котором российская эскадра потерпела сокрушительное поражение от Императорского флота Японии.

[3] Бузескул В. П. Женский вопрос в древней Греции // К свету. Юбилейный сборник С.-Петербургских Высших женских курсов. СПб., 1904 (статья издана также отдельной брошюрой в Харькове в 1905).

[4] Мазон Андре был избран на должность лектора французского языка, утвержден в этой должности 2 октября 1905 г.

* Вымарано *теперь*.

** Вписано поверх строки.

УДК 930.253(497.2+437.3):061.2-054.7(=161.2)«1923/1936»

ФІЛІЯ УКРАЇНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО КОЗАЦЬКОГО ТОВАРИСТВА У БОЛГАРІЇ (1923–1936) ЗА МАТЕРАЛАМИ БОЛГАРСЬКОГО ТА ЧЕСЬКОГО АРХІВІВ

В. М. Власенко

***Власенко В. М.* Філія Українського національного козацького товариства у Болгарії (1923–1936) за матеріалами болгарського і чеського архівів**

Автор публікує документи Українського національного козацького товариства, оригінали яких зберігаються у Науковому архіві Болгарської Академії наук і Національному архіві Чеської Республіки та містять цікаву інформацію про діяльність української політичної еміграції у Болгарії.

Ключові слова: Болгарія, козацтво, еміграція.

***Власенко В. М.* Филиал Украинского национального казацкого общества в Болгарии (1923–1936) по материалам болгарского и чешского архивов**

Автор публикует документы Украинского национального казацкого общества, оригиналы которых хранятся в Научном архиве Болгарской Академии наук и Национальном архиве Чешской Республики и содержат интересную информацию о деятельности украинской политической эмиграции в Болгарии.

Ключевые слова: Болгария, казачество, эмиграция.

***Vlasenko V. M.* Branch of the Ukrainian national cossack association in Bulgaria (1923-1936) on materials of the Bulgarian and Czech archives**

An author publishes the documents of Ukrainian national cossack society, the originals of which are kept in the Scientific archive of Bulgarian Academy of sciences and National archive of Czech Republic and contain interesting information about activity of Ukrainian political emigration in Bulgaria.

Keywords: Bulgaria, the cossacks, emigration.

Під час Національно-визвольних змагань 1917–1921 рр. утворилася своєрідна форма воєнізованої громадської організації – Вільне козацтво. Створена на Чигиринському з‘їзді у жовтні 1917 р., ця організація діяла в Україні до 1923 р. У 1920 р. у Берліні була започаткована її закордонна частина – „Українське вільне козацтво“ (Українське козацьке товариство).

У 1922–1936 рр. організація мала назву Українське національне козацьке товариство (УНАКОТО або УНКТ). Вона виникла з ініціативи колишнього ад’ютанта П. Скоропадського, генерального писаря Української держави 1918 р. Івана Полтавця-Остряниці. Він же був обраний отаманом УНАКОТО. Мета організації – відновлення незалежної України у формі „Національної Диктатури, опертої на Національне Козацьке Військо, створене на його історичних традиціях, позаяк під час відбудови

© В. М. Власенко, 2012

Української Держави та до встановлення Українським Козацьким Народом конечних форм державности це єсть єдина форма, яка відповідатиме національним завданням в розумінню розвою культури й могутности, та повної охорони від спроб наших ворогів в друге підбити Україну під себе“[1]. Українська емігрантська преса програму УНАКОТО називала „фашистською“[2]. Його ідеології були притаманні такі риси тоталітаризму, як військова диктатура та пріоритет інтересів держави над інтересами особи, партії та класу. Сам І. Полтавець-Остряниця мав зв'язки з німецькими націонал-соціалістами, листувався з А. Розенбергом та Р. Гессом[3].

Осередки організації існували на західноукраїнських землях, у Німеччині, Польщі, Румунії, Швейцарії, Югославії та інших країнах Європи. Важливе місце серед них займала філія УНАКОТО у Болгарії. В українській історіографії питання діяльності у Болгарії міжвоєнної української політичної еміграції взагалі та окремих її громадських організацій зокрема висвітлено недостатньо. Окремі відомості про організації емігрантів у цій балканській країні подані у працях С. Наріжного[4], В. Трощинського[5], В. Павленко, П. Соханя[6] та В. Піскун[7]. Згадуються вони також у роботах, присвячених лідерам української еміграції у цій країні М. Паращуку[8] та В. Филоновичу[9], а також у збірниках документів з історії української політичної еміграції в Європі[10]. Уривчасті відомості про емігрантські організації містять роботи представників сучасної української діаспори у Болгарії В. Жуківського[11] та А. Якімової[12]. Уявлення про організаційну структуру української еміграції дають також документальні каталоги та науково-документальні описи окремих фондів болгарських архівів, підготовлені місцевими й українськими фахівцями[13]. У роботах болгарських авторів з історії російської еміграції іноді виокремлюється й український аспект, у тому числі й діяльність організацій українських емігрантів[14]. Польський автор Я. Замойські звернув увагу на взаємовідносини міжвоєнної російської й української еміграції в Європі взагалі та окремих країнах зокрема, у тому числі у Болгарії, побіжно згадавши й українські козацькі організації[15]. Серед російських авторів питанню діяльності на Балканах українських емігрантських організацій, в тому числі „вільних козаків“ приділив увагу В. Косик[16]. Проте поза увагою дослідників залишилися політичні та культурні аспекти діяльності організації „вільних козаків“ у Болгарії.

Філія УНАКОТО у Болгарії виникла у 1923 р. Її керівниками були колишній сотник Армії УНР, згодом генеральний бунчужний, кошовий отаман III Козацького кошу УНАКОТО Д. Гулай[17] та генерал Ф. Жеребко. Вони ж входили до складу центральних органів УНАКОТО. До керівництва філії належали також брати Орлови, В. Колесниченко, Ф. Полтавців. Максимальна кількість членів філії – 50 осіб[18].

Між УНАКОТО як гетьманською організацією та Українською громадою (УГ) у Софії, що була прихильницею УНР, йшла гостра боротьба за вплив на місцевих українських емігрантів. „Вільні козаки“ сприяли закриттю УГ у 1925 р.[19], проте після її відновлення суперництво між цими двома організаціями продовжувалося. У 1927 р. прихильники П. Скоропадського вирішили порвати усі стосунки з УНАКОТО. Поступово організація на чолі з І. Полтавцем-Остряницею втратила союзників. Це відбилося і на діяльності місцевого осередку УНАКОТО в Болгарії. Зі складу філії вийшла велика група козаків на чолі з І. Міщенком[20]. А на початку 1933 р. на засіданні Генеральної козацької ради (один з вищих органів організації) стався розкол між її членами та вождем. У новому складі Українського центрального національного козацького комітету у Болгарії перебували Ф. Жеребко (голова), І. Орлов (заступник голови і начальник загального відділу), Д. Гулай (радник і начальник організаційного відділу) та інші[21].

Філія УНАКОТО у Болгарії влаштовувала панахиди по загиблим воїнам за незалежність України (щороку на свято Покрови Богородиці), Головному Отаману військ УНР С. Петлюрі, відзначала українські державні (день проголошення Незалежності України, IV Універсалу УЦР, 22 січня) та національні (Шевченківські дні) свята, брала участь у відкритті пам'ятника М. Драгоманову у Софії (1932 р.). Її члени були співзасновниками

Українсько-болгарського товариства (Украинско-Българско Дружество) і листувалися з його головою І. Шишмановим[22], а також членами Українсько-болгарського й Українського громадського комітетів, української військово-спортивної організації „Сокіл“ у Болгарії та засновниками Українського культурного об‘єднання в Болгарії (голова І. Орлов). Більшість членів останньої організації складали „вільні козаки“ та їхні прихильники.

Культурно-освітня діяльність філії виявлялася в організації та участі у товариських вечірках, концертах, святкових академіях, літературних вечорах, заходах, присвячених дню народженню та роковинам смерті Т. Шевченка, світським (болгарським й українським) і церковним святам (Різдво, Пасха, Трійця, Покрова тощо). Український чоловічий хор (близько 40 осіб) під орудою І. Орлова брав участь у концертах, що влаштовувалися Слов'янською Бесідою (болгарська культурно-освітня організація) та Союзом слов'янських культурних товариств у Софії. Виступи хору транслювалися на столичному радіо.

Наприкінці 1933 р. Українське культурне об'єднання відкрило свою власну будівлю, в якій влаштовувалися лекції з історії, культури та економіки України, концерти, вистави, свята, щотижневі вечірки за участю струнного оркестру, хору та сольних виступів. В окремій кімнаті була бібліотека-читальня[23].

У 1935 р. І. Полтавець-Остряниця оголосив про розпуск УНАКОТО і УКТ та створення нової організації – Українського національного козацького руху (УНАКОР), а наступного року було прийнято статут цієї організації. Саме з того часу розпочався новий етап у розвитку руху українських козаків, що охоплював період 1936–1947 рр.

Нещодавно у зарубіжних архівах нами виявлено нові джерела з історії української еміграції у Болгарії, а серед них – документи про діяльність організації українських вільних козаків. Нижче подаємо 6 документів про політичні та культурні заходи УНАКОТО у Болгарії у середині 20-х – на початку 30-х рр. XX ст. Перші три документи (№ 1–3) знайдено у Науковому архіві Болгарської Академії наук (НА БАН ф. 11К – особовий фонд Івана Дмитровича Шишманова), наступні три (№ 4–6) – Національному архіві Чеської Республіки (НАЧР, ф. „Український музей у Празі“). П'ять документів (№ 1–5) мають офіційний, публічний характер, це – листи-запрошення на культурні та пам'ятні заходи, протокол установчих зборів організації, відозва та декларація, а один (№ 6) – агентурний характер, оскільки інформація (уривки з листів керівників УНАКОТО та його філії у Болгарії) таємно передавалася ідеологічним супротивникам „вільних козаків“ – керівництву Організації українських націоналістів.

Подані нижче документи публікуються вперше. Вони опрацьовані згідно з археографічними правилами видання історичних джерел. При переданні текстів документів збережено їхні лексичні й орфографічні особливості. В окремих випадках упорядником проставлено розділові знаки. Скорочені слова розкриті у квадратних дужках. Поняття, назви та прізвища осіб пояснено у коментарях, що подані посторінково. В археографічній легенді наведені вихідні дані про місце зберігання документів, їх достовірність та спосіб відтворення.

№ 1

Лист генерального бунчужного, кошового отамана III Козацького кошу Українського національного козацького товариства Д. Гулая до професора І. Д. Шишманова[24]

12 жовтня 1925 р.

Кошовий отаман III
Козацького кошу
УНАКОТО
12 жовтня 1925 р.
№

До Високоповажаного Пана
Професора Д-ра І. Д. Шишманова

Високоповажаний Пане Професоре!

Високо шануючи Вас, як мужа абсолютної науки і вільної думки і знаючи Вас за довголітнього і щирого заступника Української національної ідеї ми – українці-націоналісти маємо за честь прохати Вас прибути 14(1) сього Жовтня в середу, в день святкування Святої Покрови Божої Матері Запорожської, 11 годині ранку в церкву св. Седмочислениці, де відбудеться панахида по павшим в боротьбі за волю України і молебствіє за тих, що й до сеї пори боряться ідейно за визволення з під чужого ярма своєї Батьківщини.

При цій нагоді просимо прийнять наші найкращі побажання.

З великою пошаною.

Генеральний бунчужний *Гулай.*

НА БАН, ф. 11К, оп. 2, од. зб. 585, арк. 17–17зв. Машинопис. Автограф.

№ 2

Лист генерального бунчужного, кошового отамана III Козацького кошу Українського національного козацького товариства Д. Гулая до професора І. Д. Шишманова

4 червня 1926 р.

Кошовий отаман III
Козацького кошу
УНАКОТО
4 червня 1926 р.
№
Ст. Софія

До Високоповажаного Пана Професора
ІВАНА. Д. ШИШМАНОВА

III Кош Українського Національного Козацького Товариства улаштовує в неділю 6 червня с.р. в 11½ год. дня в церкві „Св. Спасъ“ (ул. Нишка) панахиду по трагично загинувшому в Парижу 25.V. с.р. від руки злодія – провіднику української національно-державної ідеї – б. Головному Отаманові Української Народньої Республіки Симоні Васильовичу ПЕТЛЮРІ.

Повідомляючи про це, III кош УНАКОТО має за честь прохати Вас, Високоповажаний Пане Професоре, як б[увшого] Уповноваженого Посланника Болгарської Держави на Україні і як щирого прихильника української національної ідеї, – бути присутнім на панахиді.

В той же час прийміть запевнення в найліпшому поважанню.

Генеральний бунчужний *Гулай.*

НА БАН, ф. 11К, оп. 2, од. зб. 585, арк. 18. Машинопис. Автограф.

№ 3

Протокол установчих зборів Українсько-болгарського товариства

17 лютого 1926 р.

Протоколъ
на учредителното Събрание на украйнско-българското Дружество

Подписаните, събрании днесь, 17 февруарий 1926 год. вь помъщението на III Софийска прогимназия, графъ Игнатьевъ, като изслушахме речъта на Проф. Д-ръ Ив. Д. Шишмановъ върху нуждата, да се работи за зближението на българската и украйнската интелигенция въ София и въ собраната, решихме, да се основе едно украинско-българско дружество съ цель да запознае своитъ членовъ съ духовната и материалната култура на български и украински народи въ тъхнитъ взаимоотношения.

София, 17.II.1926.
/Печатка/
Проф. Д-ръ Ив. Шишманов, В. Стефчев, Д. Страшимиров, Л. Дуке, Лідія Шишманова, Елена Поснова, С. Орлова, М. Паращук, І. М. Орлов, А. Будевска-Ганчева, N. Балабанов, Ц. Паращук, С. Майдачевський, Ив. Николаевъ, М. Столярчук, В. Колесніченко, Д-р Ст. Младенов, И. Міщенко, Д. Гулай, Казимир Хофман, Й. Ткаченко, С. Чилингиров, Г. Крупицкий, Дим. Шишманов, О. Романюк, Г. Мартиновский, В. Орлов[25].

НА БАН, ф. 11К, оп. 2, од. зб. 585, арк. 20–21. Рукопис. Автограф.

№ 4

Відозва Українського культурного об'єднання в Болгарії до українського громадянства

20 вересня 1926 р.

Українське культурне об'єднання в Болгарії

До Українського Громадянства.

Шановне Громадянство!

Переслідуючи свою мету: „загальне об'єднання круг єдиної для всіх нас визвольної української національно-державної ідеї", ми видали відому декларацію від 4.VII.1926, а Українське Національне Козачество і Головна Повстанча Рада теж відомий универсал від 1.VII.1926…

Ми з радістю довідуємось, що универсал і декларація ходять з рук до рук по всій Україні і на еміграції, – та і серед чужинців, – і викликають незвичайне враження і великий інтерес, як серед своїх, так і серед чужинців…

Одні з чистим серцем вітають универсал і декларацію і радіють від надії, що скоро, може, побачуть свою рідну Батьківщину вільною і щастливою, а другі – оцінюючи цю акцію далеко вище ніж всяки попередні – з таемним жахом въ серці стоять перед питанням: „а що, як справді?"…

Що ці – другі – жахаються відродження Національної Самостійної України і всякими заходами шкодять цьому – це зрозуміло… Бо це – зовнішні і давні вороги. Їм така Україна – не їхня – не потрібна…

Але, на жаль, е ще й треті. Це вже свої. Їм теж не подобається українська визвольна ідея в тій формі, в якій ми її оголосили і круг якої запрохували і запрохуємо всіх українців до загального об'єднання… Це ті, котрих ніщо на світі не навчить… Це ті, котрі ніяк не можуть відмовитися від свої старих принціпів… Це ті, котрі бажали би знов витворювати на Україні всякі болючі експерименти Скажемо більше, це ті, зза котрих Українська Держава загубила свою національну самостійну державність, український народ на терені України – попав в ярмо тяжкої окупації, а сотні тисяч синів українських на тяжку для всіх емиграцію.

Шановне Громадянство!

За останні часи з боку цих, сумної памяти, діячів і їх прибічників в частині преси відомого напрямку вживаються всякі брудні наклепи і інсинуації з приводу проголошення универсала й декларації і по адресі вибраного нами вільною волею Провідника визвольної акції[26] …

Ми не звернули би на ці недостойні чесного українця вчинки ніякої уваги. Тим паче, що це е випади безсильної злісти… Но ми жаліємо тих, кого ці добродії можуть повести за собою…

А тому ми знов звертаемося до всіх чесних, кохаючих свою Батьківщину, українців:

„Покиньте сварки! Покиньте тих, хто привів вас до поневолення! Йдіть з тими, хто кличе вас вперед – до **об'єднання**, до **визволення рідного краю**, до **світлої будучини**!..“

Бо прийде час визволення. І прийде він несподівано. Український Народ знов стане Державним Хазяїном своєї землі і покличе на страшний суд всіх, хто робив проти визволення… І – „буде каяття, але не буде вороття“.

Наше бажання, – щоб на тому суді не було винних, а всі праві… Единий шлях до цього – об'єднання **круг рідної нам всім визвольної національно-державної ідеї і її провідника**.

Шановне Громадянство!

Ми **знаемо**, що Народ Український жде визвольної акції, бажає її і вірить в неї…

Ми **знаемо**, що українське національне питання в цей час вийшло на широкий шлях межнародньої політики і поставлено на чергу дня для відповідного вирішення Великими Межнародніми Факторами…

Ми віриме, що наше питання буде вирішено взглядно з нашою національно-державною ідеею…

І ми закликаемо усіх до повного об'єднання, бо воно приймається на увагу при вирішенню нашого національного питання в колах межнародньої політики…

Шановне Громадянство!

Все те, що йде проти об'єднання, – шкодить всій визвольній ідеї… Шкодить не нам власно, а **цілій Україні**… І чим більше шкоди – тим надалі відкладається час визволення.

Тому, приймаючи на увагу именно це, ми в перший і останній раз заявляємо **категоричний** і **рішучий протест** проти зловживань, що йдуть на перешкоду національно-визвольній ідеї і проти чесного імени високошановного пана **Івана Полтавця-Остряниці**, як единого можливого і бажаного Провідника української національно-державної ідеї і Гетмана **Вільної Самостійної Соборної Великодержавної України**.

Ми віримо, що до цього протеста приеднаються всі, хто ще не згубив лицарської чести, хто кохае свою Батьківщину і бажае всім серцем її визволення з чужого ярма.

Шановне Громадянство!

Ми також категорично і рішуче заявляємо, що будем твердими руками вести свою працю по об'єднанню всіх круг визвольної ідеї до повного її осягнення…

Ми також мусимо поставити **всім** на увагу, що українське **національне козачество і українські народні повстанці** – це не е „псевдоніми і аноніми“, а очевидна дійсність…

Ця дійсність вже 7-й рік веде активну боротьбу з чужою навалою на Вкраїні і не тільки не дає до решти викоренити Українську Націю, а навпаки: **ввесь цей час кровію своєю захищає націю і її державну ідею**… Завдяки, іменно, цим сотням тисяч „анонімам і псевдонімам“ – Українська Нація ще живе, а українська національно-державна ідея – „**Самостійна Великодержавна Україна**“ – опанувала серцями цілого Українського Народу…

Шановне Громадянство!

Свіжі могили, гаряча кров братів наших, що може й зараз ллється там, на Вкраїні, – кричать до нас: „**Ми свое робимо**… **Ми кровію еднаемося! Ми кровію будуемо Батьківщину! А ви?.. Ми ждемо вас! Еднайтесь всі круг одного** великого бажання – „**Вільна Самостійна Соборна Великодержавна Україна!**“…

Дорогі брати!

Кров мучеників за народ свій кличе вас… Невже й тут не заплаче ваша душа, не загориться серце? … Памятайте: **там** гинуть і співають – „ще не вмерла Україна“… А ну ж бо до праці! До об’єднання! Всі під **одну** волю! Всі під один Великий Прапор – „**Бог і Україна**!“… Тоді тільки й ми будемо мати повне право теж казати – „Ще не вмерла Україна!“… Бо коли **одні гинуть зза неї**, а **другі об’єднуються ради неї**, то вона дійсно ще не вмерла і **не вмре ніколи**… А повстане перед нами **Вільна Соборна Самостійна і Великодержавна**…

Слава Україні!

Софія, 20.IX.1926. Управа У.К.О. в Болгарії.

НАЧР, ф. „Український музей в Празі“, інв. № 167, арк. 1.

№ 5

Декларація Українського національного козацького товариства

10 лютого 1933 р.

УКРАЇНСЬКЕ НАЦІОНАЛЬНЕ КОЗАЦЬКЕ ТОВАРИСТВО

До відома Українського Козацького Народу на Україні і по за Нею сущого

У свій час Українське Національне Козацьтво, згідно з вимогами обставин, визнало, за необхідне, для зміцнення національного фронту боротьби за визволення Батьківщини обрати відповідного й відповідального в сій справі провідника, якого, базуючись на старих козацьких традиціях, наіменувати Гетьманом…

Року Божого 1926, місяця Липня, дня 1-го Козацьким Универсалом за Гетьмана був проголошений Військовий Отаман Українського Національного Козацьтва полковник Іван Полтавець-Остряниця, котрий на той час здавався найвідповідною для справи особою…

Акт сей творився Українським Національним Козацьтвом при повній вірі в його правність і користь для Української Визвольної Ідеї, та з непохитньою надією, що особа, обдарована козацьким довір’ям і поставлена на чолі визвольної акції, поведе її в бажаному темпі і відповідними методами вперед до осягнення…

Маючи се на увазі, Українське Національне Козацьтво і при найтяжчих обставинах було вірним своїй ідеї і Провідникові…

Але, на жаль, на протязі десятка тяжких років спільної праці з своїм Провідником Українське Національне Козацьтво не бачило користних наслідків. Завжди почував-

ся брак певних методів ведення справи… Навпаки, без згоди й відома Українського Національного Козацьтва Провідником вживалися такі методи в справі, котрі лише зле впливали на Український Загал і, – що найгірше, – принижували Визвольну Українську Справу в очах і своїх і чужинців…

Крім того, за стільки років не знайшлося ніяких доказів щирости до Справи, і до Українського Національного Козацьтва з боку Провідника, котрий свої інтереси завжди ставив вище інтересів Загальної Української Справи, та використовував чесну працю й імя Українського Національного Козацьтва й підтримуючих його громадських організацій для своїх власних потреб…

Визнаючи продовження такого стану неможливим і шкідливим для Української Визвольної Ідеї, а також немаючи підстав сподіватися з боку Провідника змін на краще, Українське Національне Козацьтво, через Генеральну Козацьку Раду, в засіданню її 6 Лютого сього 1933 року, одноголосно **ПОСТАНОВИЛИ**:

1. – Відкликати Козацький Универсал з дня 1 Липня 1926 року, прокламуючий обрання Військового Отамана Українського Національного Козацьтва полковника Івана Полтавця-Остряниці на Гетьмана України, і на далі його таким не визнавати.

2. – Не визнавати на далі полковника Івана Полтавця-Остряниці також і за Військового Отамана Українського Національного Козацьтва, виключивши його з сього дня з лав козацьтва. (Статут УНК: Розділ I, §4; Розділ II, §§§ 5, 6, 7; Тактика УНК: Розд. II, § 2; Регулямин УНК: Розд. III, § 6, т „в“; Розд. УII, § 33).

3. – Всю діяльність по Визвольній Українській Справі тимчасово передати на Генеральну Козацьку Раду.

Оголошуючи сей акт, Українське Національне Козацьтво рахує необхідними підкреслити, що воно в той же час залишається на своїх старих позиціях: – боротьба до краю за визволення й відродження Великої Самостійної Соборної Української Держави на історичних підвалинах…

Українське Національне Козацьтво вірить, що для осягнення сеї Великої Мети разом з ним широкими непереможними лавами підуть всі щиро кохаючи свою Батьківщину діти України-Мучениці…

Час не жде… І ми не повинні ждати… Бо не можна ж і не треба гадати, що „хтось“ з ласки своєї визволить і віддасть нам нашу Україну. Се річ неймовірна.

Еднаймося… І самі добудьмо свою Україну ціною нашої крови… Тоді лише Україна буде цілком наша і така, яку ми бажаємо і яка вмістить в собі всі свої простори й цілу Українську Націю.

За Українське Національне Козацьтво
Генеральна Козацька Рада:

Голова Д. Гулай Генеральний писар Ф. Полтавців[27]

На підставі одноголосних постанов своїх з днів 7 та 8 Лютого сього 1933 року, вищеписану декларацію Українського Національного Козацьтва цілком підтримуємо.

За Український Центральний За Українське Культурне
Національно-Культурний Об‘єднання в Болгарії
Комітет: Головна Управа:
Голова Ф. Жеребко[28] Голова І. М. Орлов
Секретарь М. Столярчук[29] Секретарь С. Йосипів[30]

10 Лютого Р[оку] Б[ожого] 1933

НАЧР, ф. „Український музей в Празі“, інв. № 440, арк. 1. Друк.

№ 6

Кореспонденція 1932–1933 рр.

Строго довірочно.

Перед двома тижнями заарештовано пораз третій „генерала“ Горбанюка, з табору остряничників за діяльність проти республіки. Безперечно грає тут ролю розвідка. 2 рази вдалося стараннями жінки (чешки) та инших чехів відістати його з криміналу, а тепер, як зачуваю, впав на добре і його мають викинути звідси. Його жінка колись багата, нині в нужді. Дала вона вже раз 80.000 на акцію Остряниці та й ще 20.000 позичила. Коли початково не хотіла дати, то її чудовий муж вхопив ніж і ніби робив собі харакірі[31]. Про нього дістану ще блищі інформації. Поки знаю, що гроші, які діставав, пропивав. Знимку[32] того ідіота залучаю побіч.

Волянському[33] вдалося дістати переписку його з Остряницею, Орловим та иншими з біж[учого] року. Деякі листи цитую нище. Вони найліпше характеризують ціле те славне товариство. Деякі листи в оригіналі вишлю Карпатові[34]. Всі ті інформації прошу трактувати строго довірочно, бо Волянський має можність дістати і старшу переписку, й коли б Г[орбанюк] вийшов і тут остав, то й дальшу.

2. Лист Остряниці до Горбанюка 3.II. 1933(у винятках[35]).

„Обидва Ваші листи отримав. Перший лист був більше загальний і мало включав в себе того детального матеріялу, про котрий я Вас просив. Другий лист уже більше детальніший. Сподіваюся, що на слідуючі листи будуть відповідати точно в деталях тим вимогам, які я Вам надіслав, бо тоді лише вони є цінні тут. Коли ж до них можливо ще прикласти оригінальні документи, фото, пляни, чи що инше подібне – то тоді їх цінність надзвичайно відвищується і якраз уявляє те, що тут потрібне“.

/Далі нецікаве – зазначую, що всі листи Остр[яниці] писані рукою, так само листи Орлова, Горбанюка і т.п. – Далі в листі є:/

„Вам раджу вислати через німецький конзулят в Празі поздоровлення Канцлєру[36] і запевнення, що козацтво стоїть дійсно зі мною. Се має бути дуже коротко:

– Тут поданий є текст листа до Канцлєра, який Горбанюк мав переписати і вислати від „козацтва“. З огляду на такі методи праці, цілий лист висилаю Рікові[37] в оригіналі. Мушу зазначити, що попали Волянському ще й оригінальні листи до Розенберґа[38] і Гесса[39], писані на доручення Остряниці від „козацтва“/.

„Така річ певно поможе і справі і Вам особисто і всі Ваші перепони з візами п[р] опадуть. При цьому надсилаю Вам посвідчення але лише для дуже обмеженого ужитку.

Хочу сподіватися, що Ви знову станете до праці енергійно, але без всяких викрутасів і спроб диктувати мені. Ви чоловік талановитий і я це сам знаю, а тому Ваші здібности у свій час зумію відмітити.

Посилаючи листа на імя Канцлєра зберіть побільше, але швидче підписів. Запечатайте в куверт[40] і напишіть: „Зейнер Ексцелєнц Геррн Райхсканцлєр дес. Дейчен айхс /персенліх/. Цей ко[н]верт кладіть в другий і напишіть „Ан дій Райхсканцлєй. Берлін“. Тоді підіть до німецького посла і передайте йому з проханням відправити кур’єром як поздоровлення від українського козацтва.

В Софії перейшли зміни. Пан ґенерал Жеребко з поста голови Укр[аїнського] Центр[ального] Н[аціонального] К[озацького] К[оміте]ту мною відкликаний і на його місце призначений ґен. Д. Гулай /Софія/, С. Княжево, Софійсько – вул. Тутракань 30“.

На обвідці[41] листа написано: „Над[іслано] лист 11.II.33. ч. 3. літаком 3.75“ – 2/ Над[іслано] лист ч. 4. рекомандо ч. 4. 21.II.33 ч. 50 „Своб. Слово“ 3.III.33 Ріжні часописі 11.III, 15.III, 17.IУ. Од. 6.II.33.

4. Лист Гулая від Генеральної Козацької Ради, Софія 18.III.[1]933 до Горбанюка.

Ваша Вельмижність!

… Вам певно вже відомо про конфлікт УНАКОТО зі своїм вождом скінчившийся розривом. Як не тяжко було мені піти на це, але довідавшись про діяння полк[овника] П[олтавця]-Остр[яниці], я примушений був на той крок.

Коли читали інформації на зборах ГКР про діяння П. О. /Остряниці/ останнього часу, я пригадував членам ради Ваш виступ і його причини. Ви були праві і щодо ведення грошових справ Остряницею і небажання його мати біля себе одного-двох своїх блищих головніщих однодумців, бо вони будуть перешкоджувати такій праці в справі грошей, і що він не любить і не поважає українців.

Постанова ГКР (*Гол. Коз. Рада – прим.*) Вам відома з декларації УНАКОТО з дня 10.II. б[іжучого] р[оку]. Мені відомо, що час від часу Ви писали п. Остр[яниці]. Раніше він не відповідав Вам, але по деяким не провіреним відомостям стало відомо, що він листується з Вами. Чи правда?“

… „Прошу детайлічно висловити Ваше відношення до П[олтавця]-Остр [яниці] та до УНАКОТО, при[й]нявши на увагу наш розрив. В залежности від Вашого ставлення буде зроблено пропонування о майбутній праці“.

На листі дописки Горб[анюка]: „Од[іслано]. 24.III.33“ 2/ „Сурму“[42] над[іслано] 17.IУ., 3/ Лист 22.IУ.33“.

5. Лист Орлова до Горбанюка 21.III.[1]933. Софія.

… „Настав час коли вся Ваша справа – своєчасний розрив з П[олтавцем]-О[стряницею] може бути поставлена в новому світлі і при нових данних, стверджуючих дійсність і справедливість тих причин, з яких Ви тоді розійшлися і на які Ви покликалися… Отож кажіть зараз Ваше слово. Хочу вірити, що Ви не зробите помилки… По одержанні Вашої відповіди на цього листа в залежности від самої відповіди, дам Вам вичерпуючу інформацію про справу… А там наколи побажаєте зі мною працювати (і взагалі в У[країнськім] Н[аціональнім] К[озацтві]), зараз же буде Вам запропонована відповідна Вам і Вашому ранґові праця…“.

7. Лист Орлова до Горбанюка. 10.IУ.1933.

… „Розрив наш, як Ви вже самі оцінили, не є й не міг бути якимось вибриком. Він мав під собою виразні підстави і був необхідним для самої нашої Загальної Справи… 10 років праці з П[олтавцем]-О[стряницею] і десять років порожніх обіцянок могли вести за собою людей простих, без політичного усвідомлення й при сліпій вірі в непогрішимість „папи“…

„Тягнулося так років зо три… Нарешті припадок прийшов на поміч. Наш представник п. Ж /Жеребко – н[аша] прим[ітка]/ /один з найбільших „остряничників“/ рішився приїхати для цеї мети до М. /Мюнхену – н[аша] прим[ітка]/. Мета була така. Проконтролювати попередню діяльність О[стряниці], і коли б все було хоч сяк так в ладу, – працювати разом, влити нові сили в працю, нову енергію, нові ініціативи, піднайти нові можливости і взагалі підштовхнути справу. Це полегшило би працю О[стряни]ці і поставило б його під певний контроль і повну залежність од с п р а в и , а не лише від його власних потреб. Звідсіля і почалося… 5 місяців спільної праці і життя нашого представника й п. О[стряниці] в М[юнхені] це була довга низка непорозумінь… „Вожд“ робив все сам безконтрольно, як і раніш, іґноруючи зовсім нашого представника, не звертаючи ніякої уваги навіть і на свій же універсал, в котрому всю працю передає до рук верховного орґану /Укр[аїнського] Центр[ального] Нац[іонально]-Культ[урного] Комітету/, а сам лишається як глава – провідник самої ідеї, но не праці…

/Далі нецікаво; про непорозуміння, їхні ухвали і т.д./

… Надалі наша акція залишилася без инших перемін… Але замість „Вожда“ ми /всі організації/ призначили спільного представника п. Жеребка на Европу /з осідком в Германії/, котрий є під контролею УЦНКК“…

… „Всі контакти нашої акції в Германії помалу перебирає на себе /на нас/ наш ґенеральний уповноважений. Він же вже давно увійшов до контакту з Н[аціонал] С[оціалістами] і працює при їхній допомозі /поки що – протекційній/… Наді[ї] наші все тіж: на Н[аціонал] С[оціалістів] /Германію/. Шанси на успіх ні більші, ні менші, як і за п. О./Остр./… і якби не той сумбур, що зараз твориться в Германії, то вже і зараз можна було би осягнути деяких реальностей, про які Ви згадуєте… Але ж не для себе, а для справи… Бож план і умови з Н[аціонал] С[оціалістами] залишилися в силі і поведуться нами і далі… Крім того з а р а з ніщо не стоїть нам на перешкоді винайти инші шляхи для переведення в життя нашої справи. І такі шляхи вияснюються і вже намічаються…

Де тепер П[олтавець]-О[стряниця] не цікавимося. Але нам відомо, що його положення матеріяльне кепське, бо Н[аціонал] С[оціалісти] вже з січня с[ього] р[оку] не дають йому субсидії. Не кращий його стан і моральний, бо наша декларація це не смішки і не іграшки…

Зараз в нашій справі вся праця фактично провадиться у УЦНКК, до складу повноправної президії якого входять: п. Жеребко /голова/, я /заступник голови і начальник загального відділу/, п. Гулай /радник і н[ачальник] орґ[анізаційного] відділу/, п. Никитюків /професор і н[ачальник] культур[но]-освіт[ньої] секції і скарбник/, і п. Полтавців /ґен. секретар і зав[ідуючий] К.Р./.

… Тепер справа з Вами. На підставі окресленого у Вашому листі з 24.III.33. бажання стати знов до праці в лавах УНК разом з нами, ГКР постановила визнати Вас повноправним своїм членом і про це буде Вам надісланий своєчасно відповідний документ… А по ЦК я, як н[ачальни]к заг[ального] відд[ілу] по своїй компетенції повноправний Вам запропонувати пост директора інформативно-орґанізаційного бюра /секції/ заг[ального] відділу ЦК… Сей Ваш пост не є обмежений чи окреслений тереном ЧСР. Ви як член ГКР /Гол[овної] Коз[ацької] Ради – н[аша] прим[ітка]/ і директор інформ[аційного] органу – бюро, секції, в самім заг[альнім] відділі ЦК, фактично стаєте н[ачальни]ком таких бюро в инших державах, де Ви зможете або ЦК зможе відкрити чи пресове чи інформативне чи організаційне бюро нашої справи… Крім того ця посада дає Вам можливість бути в курсі всіх наших справ, а тим самим одержати можливість в дальнішому ввійти до складу чинників нашого державного плану…

… „Чутка, що П[олтавець]-О[стряниця] разом з Конов[альцем][43] були десь в Швайцарії, на якомусь конґресі, де говорив Розенберґ, се дика качка польської преси. Ні той ні той там не були… Звичайна кампанія проти Германії і її „аґресивних“ плянів на Схід…

Додатки Горб[анюка]: Од[іслано] 17.IУ.33 2) Над[іслав] Гулаю лист 22.IУ.33 3) Над[іслав] Пр. Ліду 24.IУ.33 4) Над[іслав] Нар. Пол. 29.IУ.33 5) 1.У.33 Орлову листівку 6) Над[іслав] листівку 9.У.33 7) Над[іслав] Едуст. мова авт. Підк. 13.У.33 8) 20.У.33 лист.

11. Лист Д. Гулая з Укр. Нац. Козацького Товариства в Софії 7.УI.1933.

… „Вам певно відомо, що наш Ген[еральний] Упов[новажений] п. Жеребко в Берліні. Він мав до 26.V. два побачення з потрібними особами і гадав, що мусить мати ще 3 авдієнції. П. Жеребко я надіслав всі потрібні інформації, просив його, щоби він остаточно вияснив питання про підтримку акції УНАКОТО, бо платонична любов Н[аціонал] С[оціалістів] нас не задовольняє. Нам потрібна реальна підтримка, а не моральна з обіцянками, як той пан, що обіцяв дати кожух. Можливо це питання там вияснено, але ще й сьогодні я не маю повідомлення від Ж[еребка]. П. Жер[ебко] увійшов в зносини і дійшов до порозуміння з Союзом Німців Еміґрантів з України. П. Жер[ебко] покладає надію, що сей наш контакт з ними дасть корисні наслідки. Не вірю чуткам можливого порозуміння між Скоропадським [т]а УНР. Перебуваючи в Берліні, я мав побачення з п. Шеметом[44], чув погляди хліборобів-державників[45] на групу Левицького[46] і Коновальця, порозуміння могло б статися, але раніше група Лев[ицького] повинна відмовитися від своєї ролі і всего з тим зв’язаним. Думку о необхідности організ[ації] печатного органу ми всі маємо і

почали видавати на свої гроші „На Сторожі“[47], але за браком засобів прикоротили. В питаннях видання газети чи журналу Ви могли би нам допомогти. В свій час винайшли пп. Оливу[48], Достала[49] й инш., котрі дали поверх 100.000 ч[еських] кор[он] й сі гроші марно витратили на непотрібні делєгації – Дюваль-Моргуненко.

/В тім листі є надіслана „грамота“, що п. Горб[анюк] є членом Ген[ералъної] Коз[ацької] Ради Укр[аїнського] Нац[іонального] Коз[ацького] Тов[ариства]/.

13. Лист Орлова до Горб[атюка], Софія, 6.УІ.33.

… „По мойому докладу Вас одноголосно прийнято в склад повноправних членів ГКРади з певною надією на Вашу відданість Нашій Загальній Справі й на саму продуктивну з Вашого боку працю…

… „Пост Директора Пресово-Інформативного Бюро УЦНКК, як Ви побачите з інструкції, потребує багато руху, знань, досвіду й уміння все охопити. А се не кожний може. Такі бюро мусять бути відчинені по всім державам Европи й Нового Світу. Се ті нерви, котрі повинні живити Нашу справу і направляти її без хиби до цілі… Бюро – се будуть наші очі, через котрі ми все бачили б і все знали… А хто все знає, той все може…

Стан нашої Справи в сей час поставив на чолі УНКТ-ва – Генеральну Козацьку Раду яко Верховний Орган керування. І не випадково, а силою подій і після певного перегляду обставин і умов будучої праці. А тому українці підлягають всі – і УНКТ й всі наші инші організації. Для ведення политично-державних справ УКРада призначила Генерального Уповноваженого на Европу, а справи адміністративно-організаційні доручені Наказному Отаманові. Перший і другий працюють під повним контролем ГКРади. А УЦНКК систематизує й веде всі галузі будучого державного апарату України і має в собі для сього всі відділи /міністерства/. Такий стан буде аж до того часу, поки Справа не вийде на певний шлях. Над сим зараз й іде праця. Наш Ген[енеральний] Уповн[оважений] п. Ж[еребко] вже довший час сидить в Берлини і працює. Приймають його де треба – гарно… За сей час мав 5 авдієнцій. Не відїде звідсиля доти, поки все не зробить і не приведе в ясність… Такий одержав наказ від ГКРади. Згідно першому донесенню – „маються надії“. Жду скоро офіційного повідомлення про наслідки переговорів з Н[аціонал] С[оціалістами]. До сього часу де в чому тормозив справу п. Остр[яни]ця, але пояснення й данні нашого Ген[енерального] Уповн[оваженого] уневажнили заходи п. Остр[яни]ці. З нами зараз йде організація, значіння якої для Справи може бути дуже гарним і серйозним. Се – „Союз німців з України“. Вони прийняли наш програм і вже зараз допомагають нашому Ген[енеральному] Уповн[оваженому] в його переговорах.

Про відкликання наших постанов /деградація Остр[яниці]/ не може бути й слова. А, між иншм, з ініціативи самого п. Остр[яниці] було аж 2 побачення нашого Ген[енерального] Уповн[оваженого] з ним в присутности проф. Нікурадзе[50]. Вимагалося власне – відкликання постанов. Але в сьому було категорично відмовлено. Бо ми ж не діти. Г. К. Рада на підставі загального й однодушного бажання всіх твердо рішила – більше на шию організації ніяку „персону“ не садити. Бо сього не вимагають ні погляди українського загалу, ні сучасний політичний [мо]мент. Тому й Ваша ідея про Гогенц/оллєр/на, хоч вона по суті своїй і річева, взята нами під увагу, але ж покищо – чисто академічно, до відповідного часу… Проф. Нікурадзе – се голова Кавказького Центр[ального] Нац[іонального] Комітету. Він старався знов звести нас з п. Остр[яницею]. Але побачив, що сама справа проти сього.

ГКРада не має ніякого контакту ні з Скоропад[ським], ні з Проводом ОУН (Кон[овальцем]). І не бачить в сьому рації. Наколи би кроки до такого контакту й сталися, то не з нашої ініціативи. Можливо, що коли ми осягнемо вже деяких наслідків реальних /а до сього йде/, то нитки контактів і зносин протягнуться до нас з усіх боків.

П. Остр[яниця] дійсно був інформатором /а не референтом/ при Східному Відділі Штабу Н[аціонал] С[оціалістів] /а не Розенб[ерга]/, але тепер вже ні. Кожевників[51] робить свої виклади не від п. Остр[яниці]. Се особа, котра буде працювати там, де є вигода.

… „Постарайтеся бачити[ся] з ген[ералом] Омел[яновичем]-Павленком[52]. Дайте йому нашу декларацію, поясніть всю справу і в делікатний спосіб випитайте його погляди на нашу Справу раніш і тепер. А також, як би він поставився до Нас на випадок загальної співпраці з нами в тій чи іншій формі, при відповідному для нього становищу. Се теж питання серйозне. Тому пустіть в рух всю Вашу енергію і політичність.

Привітайте в імени ГКРади /і від мене власно/ п. Ген[ерала] Білоуса-Савченка[53] й перекажіть йому, що ГКРада й козацтво ждуть і від нього /З. Пр-во ВНПКР/ рішучих кроків в співпраці з нами для осягнення Нашої Загальної Великої Національної Мети – визволення Батьківщини.

… Повідомляю Вас, що Волинь з нами. Відмовляється Кіш у Франції. Для сього пороблені відповідні заходи. Зорганізується відділ УНКТ в Берліні.

На кінець – я пропоную Вашій увазі питання, яке мною давно обдумане… Се спеціальний Укр[аїнський] Козацький Хор /35 чоловік/. Кажуть, що я не плохий диригент з рівновагою й майже необмеженим репертуаром. Всі російські хори /Жаров[54], Ігнатьєв[55] і т.и./, що розїзджають зараз по світові, свого часу покористувалися моїми учнями – співаками.

… Сей хор дійсно міг би показати в приявному й приємному виді Нашу ідею – і стати певною причиною зорганізування козацьких осередків по всім головним Центрам Европи й Нового світу.

… Треба знайти такого грошовитого чоловіка, котрий би субсідував справу сю, не жадаючи на ній заробити багато матеріяльно, а згодився би на якусь иншу компензацію – моральну.

… До Праги має приїхати такий Гаврилюк. На його прохання дав йому пару слів до Вас, аби йому там стали в пригоді. Але я написав там, що „я його не знаю“. Се підкреслюю і зараз. Новий член УНК і новий чоловік. Не показує щось на певно“.

14. Протокол засідання Генеральної Козацької Ради.

Укр[аїнське] Нац[іональне] Коз[ацьке] Тов[ариство] 9.V.33. Софія /Був в листі Орлова з 6.VI.33 – гл. ч. 13/

… Доповнити склад ГКРади. Згідно сьому, від сього дня до складу членів ГКР входять нижчеписані особи – члени УНКТ-ва:

1/ Професор Микола Никитюків

2/ Професор доктор Павло Маценко[56]

3/ Доктор по мед[ицині] Юрко Федорів

4/ Ген[еральний] бунчужний інж[енер] Никард Горбанюк[57].

15. Лист до Остряниці від Укр[аїнського] Центр[ального] Комітету в Болгарії, з 24.I.1933.

… /подається 10 причин зірвання з Остр., між иншим:/

7. Якісь таємні наради Ваші з п. Бігарі[58], Курумідзе, Шмідтом і Макаевим без участи Голови ЦК.

8. Побачення й переговори Ваші з якимось комуністом /представником Харківсько[го] уряду/.

9. Ріжні пересправи Ваші з особами, незаслуговуючими довірря в нашій справі.

10. Рішення Ваше, на випадок неуспіху Н[аціонал] С[оціалістів], прийняти німецьке горожанство[59].

16. Інструкція для Пресово-інформаційних Бюро при Загальному Відділі УЦНКК (за підписом Орлова і Полтавціва).

В своїй праці Пресово-інформаційні Бюро повинні приймати на увагу в нижчеписаній послідовности:

I. Факти, 2. Листи, III. Зібрання, IV. Розмови, V. Часописи, VI. Чутки й др.

Прес-інфор[маційні] Бюро дають що 2 тижні /на 5 й на 20 кожного місяця/ свої звідомлення до Центру /УЦНКК/ по нижче показаній схемі:

А. Стан Держав Світу /загальний, по окремо кожної держави та їхні взаємовідносини/: 1. Політичний. 2. Економічний.

Б. Стан українського нац[іонально]-державного питання:

а/ на світовому форумі: 1. Загально-політичний, 2. Загально-економічний.

б/ на Україні: 1. Політичний. 2. Економічний. 3. Відношення до сучасної влади.

в/ на еміграції: 1. Політичний. 2. Економічний. 3. Сучасний політичний груповий розподіл. 4. Взаємовідносини між групами. 5. Зв'язки з Україною й впливи на терені України. 6. Культурно-освітні організації й установи та зв'язки й взаємовідносини меж ними.

Всі здобуті по сій схемі дані повинні в надсиланих звідомленнях обов'язково носити на собі відповідні буквенні й цифрові відзнаки, показані в сій схемі.

…

Відпис того звіту посилаю Рікові.

Инші листи є без ніякого значіння, тому не подаю їхнього змісту.

Цей звіт висилаю: Вірі[60], Карпатові та Орґанському[61]. Ще раз підкреслюю довірочність цілої справи, бо листи назад ідуть до Горбанюка.

Карпат може використати переслані йому оригінали, але д о в і р о ч н о.

НАЧР, ф. „Український музей в Празі", інв. № 184, арк. 1–9.

[1] Národni arhív České republiky (Національний архів Чеської Республіки, далі – НАЧР), ф. „Український музей в Празі", інв. № 439, арк. 2.

[2] *Лободаєв, В. М.* Революційна стихія. Вільнокозацький рух в Україні 1917–1918 рр. К., 2010, с. 279.

[3] НАЧР, ф. „Український музей в Празі", інв. № 184, арк. 3, 8.

[4] *Наріжний, С.* Українська еміграція. Культурна праця української еміграції 1919–1939 (матеріали, зібрані С. Наріжним до частини другої). К., 1999, 119–121.

[5] *Трощинський, В. П.* Міжвоєнна українська еміграція в Європі як історичне і соціо-політичне явище. К., 1994, 172–173.

[6] *Сохань, П. С., Павленко, В. В.* Українська емігрантська преса в Болгарії у міжвоєнний період. – Українська діаспора. К.–Чикаго, 1992, № 1, 85–98; *Павленко В.* Українсько-болгарські взаємини 1918–1939 рр. / Інститут історії України НАНУ. К., 1995, 166–185.

[7] *Піскун, В.* Політичний вибір української еміграції (20-і роки XX століття): Монографія. К., 2006, 289–290.

[8] *Степовик, Д. В.* Скульптор Михайло Паращук: життя і творчість. Едмонтон, Торонто, Київ, 1994. 227 с.

[9] *Власенко, В. М.* „Тут повстали нові Карпатські Крути" (до біографії автора спогадів „Березневі дні Карпатської України" Василя Филоновича). – Сумський історико-архівний журнал, 2009, № 6–7, 141–148; До громадсько-політичної діяльності Василя Филоновича у Болгарії у 1921–1922 рр. – Київська старовина, 2010, № 6, 97–116.

[10] Українська політична еміграція 1919–1945: Документи і матеріали. К., 2008. 928 с.

[11] *Жуківський, В.* Українська громада в Болгарії. – Матеріали I, II та III наукових конференцій „Драгоманівські студії". С., 2008, 18–23.

[12] *Якімова, А.* Українство в Болгарії. – Українознавство, К., 2010, № 2, 227–232; Українці в Болгарії: філософія історичного буття. С., 2011, 58–89.

[13] Украинската емиграция в България след Първата световна война. Документален каталог / Автори и съставители В. Москаленко и Е. Хакова. С., 2000. 151 с.; *Хакова, Е., Москаленко, В.* Проф. Михайло Иванович Парашчук: украински скулптор и общественно-политически деец (1878–1963). Научно-инвентарен опис на личния архив на проф. Михайло Парашчук ЦДА на Р. Б. Ф. 1717 К. С., 2007. 349 с.

[14] *Даскалов, Д.* Бялата емиграция в България. С., 1997. 181 с.; *Райчевски, С.* Украински организации в България. – Детонация, 2009, февр., с. 4.

[15] *Замойски, Я.* Отношение „белой“ русской эмиграции к украинским вопросам. – Славяноведение, 1993, № 4, 39–48.

[16] *Косик, В. И.* Украинский вопрос и проблема „балканизации“ России в среде русских эмигрантов в 1930-е годы: в связи с выходом в свет сборника документов „Чему свидетели мы были“. – Славяноведение, 1999, № 4, 64–70.

[17] *Центральний державний архів* громадських об'єднань України (ЦДАГО), ф. 269, оп. 2, спр. 267, арк. 27.

[18] *Центральний державний архів* вищих органів влади та управління України, ф. 3534, оп. 1, спр. 1, арк. 5.

[19] ЦДАГО, ф. 269, оп. 2, спр. 267, арк. 49 зв.

[20] Там само, арк. 282.

[21] НАЧР, ф. „Український музей в Празі“, інв. № 184, арк. 1–6.

[22] *Науковий архів* Болгарської Академії наук (НА БАН), ф. 11К, оп. 2, спр. 585, арк. 17–20.

[23] *Наріжний, С.* Вказ. праця, 120–121.

[24] Шишманов, Іван Димитров (1862–1928) – болгарський літературознавець, етнограф, освітньо-політичний діяч. Зять Михайла Драгоманова. Проф. Софійського ун-ту, член БАН, НТШ у Львові, міністр освіти Болгарії, Посол Болгарії в Україні (1918–1919).

[25] У справі є декілька списків учасників установчих зборів Українсько-болгарського товариства. Протокол підсилали 26 осіб. В одних списках підпис В.Орлова є, в інших немає.

[26] Йдеться про Івана Полтавця-Остряницю.

[27] Полтавців Федосій – український громадський діяч. З початку 1920-х рр. на еміграції у Болгарії. Секретар Українського культурного об'єднання у Болгарії, член Генеральної козацької ради у Болгарії, її генеральний секретар.

[28] Жеребко Федір – юрист, генерал, громадський діяч. Голова Українського громадського комітету у Болгарії, УЦНКК (з 1933 р. – його уповноважений в Європі).

[29] Столярчук М. – український громадський діяч. Член Українсько-болгарського комітету, філії УНАКОТО у Болгарії, секретар УЦНКК.

[30] Йосипів С. – український громадський діяч. З початку 1920-х рр. на еміграції у Болгарії. Працював на металургійному заводі Балабанова у с. Кочеринове. Член Української громади у Софії, Гуртка ім. М. Драгоманова, філії УНАКОТО в Болгарії, секретар управи Українського культурного об'єднання у Болгарії.

[31] Насправді „*харакірі*“ [яп.] – японський звичай розпорювання живота коротким мечем з метою самогубства. Був поширений у самураїв. Інша назва – сеппуку.

[32] У даному контексті слово „*знимок*“ означає фотографію, фотокартку.

[33] Імовірно під псевдонімом „*Волянський*“ криється Володимир Мартинець (1899–1960) – політичний діяч, публіцист із Західної України. Після 1925 р. на еміграції в Чехословаччині. Віце-президент ЦЕСУС, член ЛУН, УВО, ОУН(м), редактор часописів „Розбудова Нації“, „Сурма“, „Українське слово“. З 1945 р. жив у Німеччині, потім – у Канаді. Такий же псевдонім мав Євген Врецьона.

[34] Йдеться про Ярого Франца Рихарда Мар'яна (Рико Ярий, 1898–1969) – одного з керівників українських націоналістів. Австрієць чеського походження. У 1918–1919 рр. воював у складі УГА та армії УНР. Член УВО, ОУН. З 1932 р. – офіційний представник ОУН при керівництві НСДАП. Агент Абвера, гестапо. У 1937–1939 рр. – зв'язківець між Є. Коновальцем та адміралом В. Канарісом. Партійний псевдонім – Карпат.

[35] Слово „*виняток*“ тут означає уривок, витяг.

[36] 30 січня 1933 р. наказом Президента П. фон Гінденбурга канцлером Німеччини призначено А. Гітлера.

[37] Імовірно йдеться про Рико Ярого.

[38] Розенберг Альфред (1893–1946) – німецький державний і політичний діяч, один з ідеологів НСДАП, начальник зовнішньополітичного управління НСДАП, рейхсляйтер, рейхсміністр східних окупованих територій.

[39] Гесс Рудольф (1894–1987) – німецький державний і політичний діяч, член НСДАП, заступник А. Гітлера по партії, рейхсміністр без портфеля, рейхсляйтер.

[40] Куверт – конверт.

[41] У даному контексті слово „*обвідка*“ означає край, крайнє поле листа.

[42] „*Сурма*“ – друкований орган Української військової організації. Видавався у 1927–1934 рр. у Берліні та Каунасі. Гол. редактор – Володимир Мартинець. Співредактори: Є. Коновалець, О. Сеник, Р. Ярий, С. Чучман, Р. Сушко.

[43] Коновалець Євген (1891–1938) – військовий і політичний діяч, полковник Армії УНР. З кінця 1922 р. на еміграції у Чехословаччині, Німеччині, Швейцарії та Італії. Верховний командант УВО, голова Проводу ОУН.

[44] Імовірно Шемет Сергій (1875–1957) – громадсько-політичний діяч. Один із засновників Української народної партії, Української партії хліборобів-демократів, член Ради присяжних Українського союзу хліборобів-державників, особистий секретар П. Скоропадського, соратник В. Липинського.

[45] Український союз хліборобів-державників – монархічна політична партія. Створена 1920 р. у Відні. Засновники – Д. Дорошенко, М. Кочубей, В. Липинський, А. Монтрезор, Л. Сідлецький, О. Скоропис-Йолтуховський, О. Тимофіїв, С. Шемет. Вищий орган – Рада присяжних.

[46] Йдеться про Державний Центр УНР в екзилі – сукупність законодавчих і виконавчих владних органів, які у 1921–1992 рр. діяли в еміграції на основі IV Універсалу Української Центральної Ради, актів Конгресу Трудового Народу, Директорії УНР та Ради Народних Міністрів УНР. Виконавчі органи – Президент (з 1921 р. – головний отаман С. В. Петлюра), Рада Міністрів, законодавчі (передпарламенти) – Рада Республіки, Українська Національна Рада. З 1926 р. ДЦ УНР очолював Андрій Лівицький (1879–1954).

[47] „*На сторожі*“ – національна громадська інформаційна газета. Виходила з 1931 р. у Софії. Гол. редактор – Орлов І. М.

[48] Олива Едуард („Едуард де Олива-Оливенко“) – аптекар, політичний діяч. Член комітету Всеукраїнської козацької повстанської ради, який відсторонив від керівництва УНАКОТО І. Полтавця-Остряницю. Був пов‘язаний з Національною фашистською організацією генерала Радола Гайди.

[49] Достал Отакар („Отакар Іванович Достал-Досталенко“) – політичний діяч. Секретар Національної фашистської організації. Член комітету Всеукраїнської козацької повстанської ради, який відсторонив від керівництва УНАКОТО І. Полтавця-Остряницю.

[50] Нікурадзе Олександр (1900–1981) – грузинський політичний діяч, учений-фізик, професор. На еміграції у Німеччині. Голова Кавказького центрального національного комітету. Співпрацював з НСДАП. Публікувався у журналі „Кавказ“, який виходив у Парижі. Автор праць з історії Грузії. Псевдонім – Ал. Сандерс.

[51] Кожевников Петро (1896–?) – громадсько-політичний діяч. На еміграції у Німеччині та Чехословаччині. Голова Союзу українських студентів Німеччини. Один із засновників Союзу українських фашистів, який увійшов до Ліги українських націоналістів. Учасник І конгресу ОУН, член Проводу ОУН. Співпрацював з німецькою політичною поліцією. Виключений з лав ОУН.

[52] Імовірно Омелянович-Павленко Михайло (1878–1952) – військовий діяч, генерал-полковник. З 1919 р. – командувач Армії УНР. Очолював Армію УНР під час Зимового походу по тилах Білої гвардії та Червоної армії. Перебував на еміграції спочатку у Чехословаччині, потім – Німеччині та Франції. Очолював Українське військово-наукове товариство у Празі. Міністр військових справ УНР в екзилі.

[53] Білоус-Савченко Володимир – старшина Дієвої Армії УНР, генерал. У 1918 р. – один з організаторів Українського вільного козацтва на Катеринославщині.

[54] Жаров Сергій (1897–1985) – російський диригент, керівник Хору донських козаків, заснованого 1921 р. у турецькому військовому таборі Чілінгір. Перші концерти дав у Відні та Берліні. До 1930 р. хор проспівав 1500 концертів.

[55] Ігнатьєв Семен – російський диригент, керівник Хору кубанських козаків, що був створений 1926 р. у Болгарії та гастролював по Європі до початку 40-х років XX ст.

[56] Імовірно Маценко Павло (1897–1991) – музикознавець, композитор, диригент, доктор наук, професор, член УВАН. З 1920 р. на еміграції у Чехословаччині. Закінчив Український високий педагогічний інститут у Празі. З 1936 р. жив у Канаді. Автор праць з історії музики.

[57] Горбанюк (Горбанюк-Вогонь) Никифор (1891–?) – військовий діяч, генерал. У 1917–1918 рр. – організатор Вільного козацтва на Поділлі, 1919 р. – Немирівського полку, 1921 р. – начальник штабу північної групи Української повстанської армії на Правобережжі. На еміграції у Німеччині. Член УНАКОТО.

[58] Бігарі Наполеон – діяч руху українських вільних козаків, генеральний старшина. Член Ради генеральної старшини Українського національного козацького товариства.

[59] Горожанство – громадянство.

[60] Віра – псевдонім Євгена Коновальця.

[61] Органський – один з псевдонімів Миколи Сціборського (1897–1941) – діяча ОУН, публіциста і теоретика українського націоналізму. З 1920 р. на еміграції у Польщі та Чехословаччині. Провідник Легії українських націоналістів, член Проводу українських націоналістів.

РЕЦЕНЗІЇ

МАКЕДОНСКИЙ ВОПРОС – АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Рецензия на монографию: *Сквозников, А. Н.* Македония в конце XIX – начале XX века – яблоко раздора на Балканах. Самара, 2010. 170 с.

Д. В. Миколенко

Корни большинства современных международных проблем, связанных с Балканским полуостровом, уходят в глубину истории. Македонский вопрос в этом отношении не является исключением. Возникший в последнюю четверть XIX в., он регулярно напоминал о себе на протяжении XX и в начале XXI вв. После распада Социалистической Федеративной Республики Югославии и образования в 1991 г. Республики Македонии молодому государству пришлось столкнуться с необходимостью отстаивать на международной арене права на собственное название, символику и даже язык. События 2001 года поставили страну перед реальной угрозой внутреннего вооруженного конфликта. Кризис удалось преодолеть только после спецоперации НАТО по изъятию оружия у населения страны, однако угроза его возобновления продолжает оставаться вполне реальной. Указанные события привели к всплеску интереса к изучению истории Македонии.

В историографии существуют самые различные, подчас взаимоисключающие оценки македонского вопроса. Это объясняется тем, что изучаемая проблема продолжает оставаться не только сугубо научной, но и политической. На сегодняшний день перед историками стоит задача поиска новых подходов в изучении македонского вопроса.

В 2000-е годы в России выходят в свет ряд диссертаций[1] и несколько монографий[2], посвященных различным аспектам данной проблемы. Среди них и работа самарского ученого Александра Николаевича Сквозникова „Македония в конце XIX – начале XX века – яблоко раздора на Балканах“[3], написанная по материалам его кандидатской диссертации, защищенной в 2006 году[4].

Указанная работа посвящена македонскому вопросу в 1878–1908 гг. При этом автор рассматривает его в контексте международных отношений на Балканском полуострове и национально-освободительного движения области[*]. Кроме того, автором сделан упор на раскрытии роли России в попытках решения македонской проблемы. В частности, исследователь подробно осветил внешнеполитический курс Санкт-Петербурга в 1878–1908 гг. и его позицию относительно событий на Балканах в этот период. Также он уделил значительное внимание реакции России на Кресненское (1878 г.), Горноджумайское (1902 г.), Ильинденское (1903 г.) восстания в Македонии. В монографии подробно отражены Мюрцштегские реформы 1903–1908 гг., а также показано значение Санкт-Петербурга в их реализации. Подводя итог попыткам России и Австро-Венгрии решить македонскую проблему путем некоторой либерализации системы управления в области, автор высоко оценивает реорганизацию турецкой жандармерии. Однако основная задача реформ 1903–1908 гг., по мнению ученого, так и не была решена, ведь эти преобразования не смогли существенно улучшить положение христианского населения Македонии.

---

[*] Далее в рецензии по отношению к Македонии будет использоваться условное название „область“.

Следующий немаловажный вопрос, который затрагивает в своей монографии А. Н. Сквозников, – это борьба балканских государств за влияние в области. Раскрывая его, автор приходит к выводу, что экспансионистская политика Болгарии, Греции, Сербии и Румынии стала одной из причин превращения Македонии в арену братоубийственной войны. При этом исследователь справедливо подчеркивает, что от этого противостояния больше всего пострадало местное население области.

Не осталось без внимания А. Н. Сквозникова и национально-освободительное движение в Македонии. Автор обозначил и охарактеризовал его основные течения, при этом подчеркнув различия в их идеологических принципах, целях и задачах. Исследователь показал основные вехи в истории Внутренней македоно-одринской революционной организации. Раскрыл её роль в подготовке и осуществлении Горноджумайского и Ильинденского восстаний.

Научное исследование А. Н. Сквозникова строится на широкой источниковой базе, основу которой составляют неопубликованные документы из Архива внешней политики Российской империи, Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного военно-исторического архива. Эти материалы содержат массу фактического материала о событиях на Балканах, а также дают представление о дипломатических перипетиях решения македонского вопроса.

Среди опубликованных источников, которые представлены в работе, множество сборников документов, мемуарной литературы и публицистики. Для написания монографии автор также использовал периодическую печать – российские газеты „Голос Москвы“, „Новое время“, „Правительственный вестник“, „Речь“, „Московские ведомости“, „Русские ведомости“, „Слово“ и другие, что позволило А. Н. Сквозникову отслеживать реакцию общественности Российской империи на события в Македонии. Такая источниковая база в целом позволила комплексно осветить вопросы, рассматриваемые исследователем.

К положительным сторонам монографии следует отнести и представленный в ней историографический очерк изучаемой темы. Автор прекрасно ориентируется в дореволюционных исследованиях российских ученых, посвященных македонскому вопросу. Также в книге дается полная характеристика советской и современной российской историографии проблемы.

Однако, при всех многочисленных достоинствах монографии А. Н. Сквозникова, следует обратить внимание на ряд её недостатков. Во-первых, в ней непропорционально много, по сравнению с другими великими державами и балканскими странами, уделяется внимания внешней политики России. Во-вторых, на наш взгляд, широкое использование источников болгарского, греческого, сербского и турецкого происхождения позволило бы сложить более полное представление об участии Софии, Белграда, Афин и Стамбула в изучаемых автором событиях. В-третьих, украинская историография темы не ограничивается работами В. А. Бурбыги[5], упомянутыми в историографическом очерке. Среди специальных работ, посвященных национально-освободительному движению в Македонии, можно выделить исследования Н. Стрельчук и В. Самчук[6]. В советское время изучением македонского вопроса в политике Болгарии занимался киевский историк В. Жебокрицкий[7].

Однако указанные недостатки не снижают высокого научного уровня монографии А. Н. Сквозникова. Эта работа является значительным вкладом в изучение актуального и дискуссионного македонского вопроса. Она будет интересна не только специалистам-историкам, но и представителям других специальностей – политологам, этнографам, дипломатам.

[1] *Ямбаев, М.* Македония и Россия (1897–1902): Дис. … канд. ист. наук. М., 2004; *Лабаури, Д.* Болгарское национальное движение в Македонии и Фракии в 1894–1908 гг.: идеология, программа, практика политической борьбы: Дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2007; *Войтова, Я.* Македонский вопрос в политике Коминтерна (1919–1925): Дис. … канд. ист. наук. Краснодар, 2007; *Учаева, Н.* Македонский вопрос в период Балканских войн 1912–1913 гг.: Дис. … канд. ист. наук. Саратов, 2008.

[2] *Лабаури, Д.* Болгарское национальное движение в Македонии и Фракии в 1894–1908 гг.: идеология, программа, практика политической борьбы. С., 2008.

[3] *Сквозников, А.* Македония в конце XIX – начале XX века – яблоко раздора на Балканах. Самара, 2010.

[4] *Сквозников, А.* Македонский вопрос во внешней политике России в начале XX в. (1903–1908 гг.): Дис. … канд. ист. наук. Самара, 2006.

[5] *Бурбыга, В., Лобанова, М.* Левые центристы о национально-революционном движении в Македонии (конец XIX – начало XX вв.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nbuv.gov.ua/portal//Soc_Gum/drzb/2009_3/Burbuga_Lobanova.pdf; *Бурбига, В.* Македонська проблема в оцінці європейських вчених XIX ст. – Схід – Захід. Харків, 1998, вип. 1; *Бурбыга, В.* Проекты решения македонского вопроса в российской печати 1903 года. – Болгарский ежегодник, 4, 2000; Российская печать о реформах в македонских вилайетах Османской империи (1904–1909). – Болгария, Дагестан, Турция. Махачкала, 1997, вып. 2; Российское славяноведение и публицистика об этнической принадлежности македонских славян (1893–1903 гг.). – Болгарский ежегодник, 3, 1998.

[6] *Стрельчук, Н.* Македонія: Нарис історії національно-визвольного руху (остання третина XIX ст. – початок XX ст.). Чернівці, 1999; *Самчук, В.* Болгарське питання у політиці Союзу трьох імператорів. Рівне, 1999.

[7] *Жебокрицкий, В.* Болгария накануне Балканских войн 1912–1913 гг. К., 1960.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Татоли, Т. В. Авторитаризм в Болгарии в межвоенный период (1918–1939 гг.). Луганск, РИО ЛГУВД им. Э. А. Дидоренко, 2010. 376 с.

С. В. Потрашков

Совсем недавно украинская историческая болгаристика пополнилась новым исследованием политической жизни Болгарии в межвоенный период. Его автор – Татьяна Викторовна Татоли – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права Луганского государственного университета внутренних дел имени Э. А. Дидоренко, хорошо известна специалистам своими публикациями о политической системе Болгарии 20–30-х гг. XX в.

В центре внимания рецензируемой монографии – процесс становления авторитарного режима в Болгарии после Первой мировой войны и его трансформации на протяжении межвоенного периода, увенчавшийся установлением режима личной власти Бориса III. Исследование опирается на широкий круг источников (преимущественно опубликованных) и литературы (286 наименований), представляющей различные точки зрения на рассматриваемую в монографии проблему.

Болгарские историки уже давно ведут споры о характере политического режима в стране в 20–30-е годы. При этом их оценки определялись порой не столько личной позицией, сколько политической конъюнктурой в стране. Об этом бегло говорится в предисловии к монографии. Однако мы не можем согласиться с мнением автора считать анахронизмом работы таких историков, как Н. Генчев и И. Димитров, которые еще в 70–80-е годы отличались новизной подходов и смелостью оценок.

В первой главе, носящей название „Причины и условия победы авторитаризма в Болгарии в межвоенный период“, Т. В. Татоли, проанализировав работы своих болгарских предшественников М. Куманова, К. Манчева, Н. Поппетрова, П. Цветкова и др., делает вывод о том, что „победа авторитарной идеи и авторитаризма как концепции политического режима в межвоенный период в Болгарии была предопределена целым рядом факторов“. Среди них – особенности социальной структуры общества, политическая и экономическая ситуация, сложившаяся в результате Первой мировой войны, традиции политической жизни. В следующих главах монографии в хронологическом порядке рассматривается конкретное воплощение тенденции к авторитаризации политической жизни в деятельности правительств, управлявших Болгарией в 20–30-е годы.

Во второй главе Т. В. Татоли подробно освещает политические трансформации в период пребывания у власти правительства БЗНС во главе с А. Стамболийским. Отмечая неоднозначность оценок характера режима „земледельцев“ в историографии, она, тем не менее, видит в нем „первую ступеньку“ на пути к авторитаризму и констатирует нарастание авторитарных тенденций, особенно укоренившееся с начала 1923 г. и прерванное переворотом 9 июня того же года.

Как видно из содержания третьей главы монографии „Переворот 9 июня 1923 г. и режим Александра Цанкова“, ее автор разделяет позицию тех болгарских историков, которые не считают Народный сговор и Военную лигу фашистскими организациями, равно как и совер-

шенный ими переворот – фашистским. Программа правительства А. Цанкова не выходила за рамки буржуазно-либеральных традиций, однако ему не удалось обеспечить себе сколь-нибудь широкую социальную опору, а стране – политическую стабильность. Поэтому правительство обратилось к более привычным методам репрессий и введения исключительного законодательства. Политический террор приобретает невиданные ранее масштабы, а в качестве его орудия широко используется армия. Сменивший Цанкова в 1926 г. режим А. Ляпчева „по основным характеристикам был авторитарным, однако вынужденным эволюционировать в сторону если не демократии, то, по крайней мере, либерализации политической системы". Либерализация продолжалась в период пребывания у власти Народного блока. Однако, отмечает Т. В. Татоли, наряду с либерально-демократическими чертами у Народного блока четко прослеживаются элементы, присущие политической практике авторитарных режимов. Особенно ярко это проявилось в его отношении к БКП и Рабочей партии. В период правления Народного блока, констатирует автор монографии, „произошло размывание основ авторитарного режима, но не его полная ликвидация".

Что касается царя Бориса, то он в бурные 20-е годы не солидаризировался ни с одной из политических сил и пытался проводить собственную линию, дистанцируясь от эксцессов управляющей власти и стремясь добиться расположения военных кругов.

В четвертой главе рассматриваются события, связанные с переворотом 19 мая 1934 г. Путь к нему открыл мировой экономический кризис, больно ударивший по Болгарии. На его фоне традиционные политические партии демонстрировали свою неспособность образовать устойчивую парламентскую коалицию и эффективное правительство. Это, в свою очередь, обернулось ростом популярности радикальных политических группировок, которые и разрешили политический кризис традиционным балканским методом – путем насилия. В главе подробно анализируется политическая физиономия сил, совершивших переворот – группы „Звено" и Военного союза, которая, несмотря на явный антикоммунизм, не была „фашистской". „Деятели „19 мая" составили амбициозную программу осуществления важных реформ во всех областях государственной и общественной жизни, – пишет Т. В. Татоли. – В определенной степени они использовали опыт тоталитарных государств, но в основном преобладала специфика, связанная с особенностями Болгарии".

Рассмотрев практическую деятельность новой власти по реализации своей программы в различных областях, автор приходит к выводу, что ее результат „оказался более чем скромным". Отсутствие у режима „19 мая" серьезной социальной и политической опоры, противоречия внутри самих „19-майцев" неизбежно толкали их к усилению репрессий, что не добавляло власти симпатий населения.

Не просуществовав и года, режим пал под грузом внутренних противоречий, чем умело воспользовался Борис III для установления режима личной власти. Этот процесс рассматривается в пятой главе монографии. Автор отстаивает тезис о глубоких корнях монархического института в Болгарии и своеобразной „предрасположенности" страны к монархически-авторитарной форме правления. Большое внимание уделено личности болгарского монарха, ибо „личность самого Бориса не могла не оказать влияния на режим, установленный им". Рассматривая сам процесс утверждения монарха в качестве единоличного лидера страны, Т. В. Татоли обращает внимание на два обстоятельства, способствовавшие росту неформального авторитета царя. Это непричастность Бориса к переворотам 1923 и 1934 гг., породившим атмосферу нестабильности и напряженности в политической жизни страны, и удачная внешняя политика в конце 30-х – начале 40-х гг. „Все это легитимизировало царя как успешного государственного деятеля и давало материал для пропаганды его деятельности, для его восхваления". Внешнеполитический аспект деятельности царя рассмотрен подробно, причем автор здесь выходит за обозначенные в названии монографии хронологические рамки, что, на наш взгляд, вполне оправдано. Подробно рассматриваются и обстоятельства внезапной смерти царя Бориса 28 августа 1943 г., породившие множество домыслов.

Заключительная глава монографии носит, так сказать, историографически-теоретический характер. Подробно анализируется эволюция взглядов болгарских и зарубежных исто-

риков на характер режимов, пребывавших у власти в Болгарии на протяжении 20–30-х гг. Сделана попытка „примерить“ политические реалии Болгарии этого времени на набор характеристик тоталитарного режима, предложенных К. Фридрихом и З. Бжезинским. Главный вывод автора – болгарские правящие режимы не были ни „фашистскими“, ни „монархо-фашистскими“, но правоавторитарными, причем царь Борис III „довел болгарский авторитаризм до завершенной формы“.

Автор обращает внимание, что авторитарная идея прижилась настолько, что даже после Второй мировой войны в стране снова установился авторитарный режим – на этот раз левого, коммунистического толка, просуществовавший до 80-х гг. прошлого века.

Как и любая большая работа, монография Т. В. Татоли не свободна от недостатков, на некоторые из них мы хотим обратить внимание. Сразу же бросается в глаза почти полное отсутствие в источниковой базе исследования архивных материалов (использован всего один фонд Архива внешней политики Российской Федерации). Во введении Т. В. Татоли пишет, что „фонды болгарских архивов… не были доступны автору“. Подобное утверждение является не вполне корректным. Автор этих строк имел возможность на собственном опыте убедиться, что двери болгарских архивов открыты для зарубежных исследователей, а их сотрудники любезны и предупредительны. Таким образом, дело не в недоступности болгарских архивов, а в чем-то другом и на эту причину и следовало указать. Конечно, отсутствие нового, оригинального архивного материала обедняет работу, особенно на фоне многочисленных работ болгарских авторов по данной проблематике, у которых Т. В. Татоли вынуждена заимствовать полностью или частично необходимые источники (фрагменты партийных документов, цитаты из партийной прессы, высказывания партийных лидеров и т.п.). В этой связи обильное цитирование работ болгарских историков не только убеждает в хорошем знании автором историографии проблемы, но порой создает впечатление некоторой его „несамостоятельности“, когда собственные выводы иногда подменяются цитатой из работ предшественников, пусть и весьма компетентных.

Несмотря на отмеченные недостатки, монография „Авторитаризм в Болгарии в межвоенный период (1918–1939)“ безусловно является заметным вкладом в развитие украинской болгаристики и будет интересна не только историкам, но и политологам, юристам – всем, кто интересуется бурной политической историей Юго-Восточной Европы в целом и Болгарии в частности.

ДРАГОМАНІВСЬКІ СТУДІЇ

Рецензія на книгу: Матеріали четвертої та п'ятої наукових конференцій „Драгоманівські студії". Міністерство закордонних справ України, Посольство України у Болгарії, Товариство „Мати Україна", Українська недільна школа. Софія, 2011. 100 с.

В. М. Власенко

Останнім часом увагу науковців все частіше привертає історія української діаспори. Україна хоче більше знати про закордонних українців, які зуміли в іншому етнічному, мовному, релігійному, політичному, соціальному та культурному середовищі зберегти національну самобутність. Тривале існування діаспори як складного суспільно-політичного та культурного явища стало можливим завдяки цілій низці різноманітних факторів. Одним з них є самоорганізація закордонних українців, тобто розбудова відповідних організаційних структур та їхня взаємодія.

Показовою у цьому контексті є українська діаспора у Болгарії. Самоорганізація тамтешніх українців виявилася не тільки у створенні громадських організацій, української преси (друкованої та електронної), але й у проведенні наукових форумів. Спільними зусиллями кількох українських організацій та Посольства України у Болгарії декілька років поспіль у Софії проводилися наукові конференції під назвою „*Драгоманівські студії*". Зауважимо, що така форма діяльності закордонних українців є доволі рідкісним явищем, оскільки передбачає наявність певного прошарку відповідного рівня фахівців, а тому є непересічною подією для української діаспори.

Рецензований збірник є продовженням започаткованого позаторік видання матеріалів перших трьох конференцій (2006–2008 рр.). У створенні збірника взяли участь тамтешні українці, члени Асоціації україністів Болгарії й Асоціації болгарсько-української дружби та співробітництва, викладачі відділення україністики факультету слов'янської філології Софійського університету імені Св. Климента Охридського, співробітники Мітрейд ЕООД, дипломати, Почесний консул України в м. Русе П. Бобоков. Інформаційними партнерами конференції та збірника виступили електронне видання „*Украински вести*" та власний кореспондент УКРІНФОРМу в Болгарії О. Білик.

До збірника увійшли матеріали IV конференції, що відбулася 30 вересня 2009 р. у приміщенні Посольства України в Болгарії. На початку збірника задекларовані мета та завдання конференції, оприлюднені привітання Надзвичайного й Повноважного Посла України в Республіці Болгарія В. Кальника, виконавчого директора фундації „*Мати Україна*" О. Коцевої, співробітників відділу координації вітчизняних та зарубіжних центрів українознавства Національного науково-дослідного інституту українознавства, учасників форуму.

Програма конференції була традиційною. Перша секція присвячена М. Драгоманову, друга – збереженню етнонаціональної ідентичності українців у Болгарії. У рамках першої секції опубліковані доповіді керівника Української недільної школи у Софії А. Якимової „*До 150-річчя створення перших недільних шкіл у Києві: М. П. Драгоманов та інтерпретація ідеї недільних шкіл на початку XXI ст.*" та кандидата філологічних наук Р. Камберової „*Ли-*

тературната ситуация в Украйна в края на XIX и началото на XX век и връзките й с останалите славянски литератури“. Перша авторка на основі архівних матеріалів та літератури довела, що перша недільна школа у Російській імперії була створена 1859 р. у Києві. До її відкриття був причетний і Михайло Петрович Драгоманов. А. Якімова розповіла також про започаткування української недільної школи у Болгарії. Друга авторка охарактеризувала становище української літератури на межі XIX–XX століть та її зв’язок з чеською, польською, словацькою та російською літературами. У цьому розділі збірника опублікована інформація про презентацію книги „*Дмитро Павличко. Златна ябълка. Преведе от украински Ваня Петкова*“, в якій йдеться про творчість Д. Павличка та переклади на болгарську мову його поезій Вані Петкової – болгарської поетеси українського походження. Книгу презентувала донька поетеси О. Ал-Ахмед.

У матеріалах другої секції представлені доповіді А. Якимової про посла України у Болгарії Олександра Шульгина, сучасного українського дипломата, кандидата наук В. Пейчева про співпрацю Посольства України в Болгарії з українською діаспорою. Дві доповіді присвячені найстарішому за віком і часом перебування у Болгарії дуаєну української діаспори у цій країні Сергію Юзефовичу (1915 року народження). Доповідачі – журналіст, секретар Фундації „*Мати Україна*“ В. Жуківський та член Асоціації болгарсько-української дружби та співробітництва О. Конова. У наступних доповідях К. Панковського та О. Конової йдеться про діяльність сучасних українських та українсько-болгарських громадських організацій.

V наукова конференція, що відбулася 30 вересня 2010 р. у Софії, була приурочена до 115 роковин смерті М. Драгоманова. Почесними гостями форуму були заступник голови Верховної Ради України, кандидат історичних наук М. Томенко, Надзвичайний та Повноважний Посол України в Республіці Болгарія В. Кальник, професор, декан юридичного факультету Київського національного університету імені Тараса Шевченка І. Гриценко, асистент кафедри слов’янської філології Львівського національного університету імені Івана Франка О. Сорока, доцент, декан історичного факультету Софійського університету ім. *Св. Климента Охридського* П. Мітєв, професор, співробітниця Інституту літератури БАН Л. Мінкова, доцент, голова Асоціації україністів Болгарії Л. Терзійська та співробітниця Національного етнографічного музею у Софії С. Ракшиєва. Вітальні слова виголосили М. Томенко та В. Кальник. Під час конференції відбулися презентації двох книг: Драгоманов Михайло: автожиттєпис / упор.: І. С. Гриценко, В. А. Короткий, М. В. Томенко. – К.: Либідь, 2009 та Хинчев Г. Иконостас на първите. София, Орбел, 2010.

У збірнику представлені доповіді за двома секціями. Перша присвячена М. П. Драгоманову та його родині. У доповіді Л. Мінкової „*Михаил Драгоманов и българската украинистика*“ йдеться про зародження україністики у Болгарії, співпрацю україністів болгарина Л. Каравелова, росіянина І. Прижова, українця М. Драгоманова, українознавчі студії І. Шишманова. У доповіді Л. Терзійської „*Из историята на един велик живот*“ висвітлено творчу співпрацю Михайла Петровича Драгоманова та його сестри Олени Петрівни Драгоманової-Косач (Олена Пчілка), охарактеризовано їхні статті на сторінках „*Вестника Европы*“. В. Жуківський проаналізував творчий доробок та дипломатичну діяльність онука М. Драгоманова Димитра Шишманова. В. Драгулєва поділилася враженнями від спілкування з онукою мислителя Наталією Драгомановою (донька Світозара Драгоманова), яка донині проживає у Будапешті. А. Якімова звернула увагу на ступінь висвітлення родоводу та родинних зв’язків Драгоманових у книзі „*Драгоманов Михайло: автожиттєпис*“.

У матеріалах першої підсекції „*Культурологічний підхід до викладання мови і літератури*“ подані доповіді аспіранта Софійського університету С. Узанова про ненормативні явища в лексиці української мови, викладачів цього ж університету В. Драгулєвої та О. Сороки про роль літератури та культури при вивченні української мови як іноземної.

Друга підсекція присвячена теорії та практиці перекладу. А. Якимова охарактеризувала „*Передмову*“ Д. Шишманова до його перекладу „*Історії української літератури*“ С. Єфремова. С. Атанасова розповіла про свого батька – перекладача, літературознавця та україніста Петка Атанасова.

Третя підсекція „*Етнографічні рефлексії у XXI ст.*“ представлена доробком А. Якимової про першу виставку української вишивки у Софії та директора Історичного музею м. Іхтіман В. Міневої щодо особливостей іхтіманської народної вишивки.

У матеріалах четвертої підсекції „*Україна у масмедійному і віртуальному просторі Болгарії*“ подані доповіді Р. Камберової про проект „*Българска виртуална украинистика*“ та Ц. Кітанова про ресурси в українському інтернет просторі.

У доповідях Секції II „*Збереження етнонаціональної ідентичності українців в Болгарії*“ розкрита діяльність сучасних громадських організацій української діаспори у Болгарії, зокрема Фундації „*Мати Україна*“ (В. Драгулєва), Асоціації болгарсько-української дружби та співпраці у Софії (О. Конова), Товариства „*Український дім*“ у м. Сілістра (Т. Коларова), молодіжної організації при Фундації „*Мати Україна*“ (В. Гніденко).

Матеріали збірника свідчать не тільки про розширення кола учасників конференцій, але й урізноманітнення тем, що висвітлювалися на них. Сподіваємося, що на наступних конференціях будуть підніматися політичні, філософські, соціологічні, українознавчі аспекти творчого доробку Михайла Драгоманова, будуть висвітлюватися його науково-педагогічна діяльність у Болгарії, а також літературна, політична та громадська діяльність Лідії Шишманової, Світозара і Димитра Драгоманових та інших представників відомої родини. Варто також залучити до участі у конференції фахівців з України. Це підвищило б статус конференції та розширило коло питань для обговорення.

Рецензований збірник заслуговує позитивної оцінки. Він приверне увагу фахівців з історії України та Болгарії, міжнародних відносин, слов’янознавства, україністики, а також усіх, хто цікавиться історією та сучасністю українсько-болгарських відносин.

…ИДУ ЗАЩИЩАТЬ ВИЗАНТИЮ…

Рецензия на: *Сорочан, С. Б.* Византия. Парадигмы быта, сознания, культуры. Учебное пособие. Харьков, Майдан, 2011. 952 с.*

А. Н. Домановский

Византийской империи не слишком везло, что называется, „при жизни“, и еще меньше посчастливилось после смерти. Как справедливо замечает С. Б. Сорочан, „Византия всегда жила вопреки. Такой она осталась и за гробом...“ (с. 321). Действительно, роль Ромейской империи в мировой истории оказалась весьма далекой от однозначной оценки как современниками, так и потомками, изучавшими ее жизнь и гибель, начиная с эпохи Возрождения и, в особенности, Просвещения. Именно тогда, благодаря активным усилиям французских просветителей, сформировался тот отрицательный „миф Византии“ как лживого и продажного царства необоримого упадка, порока и лицемерия, который продолжает активно воспроизводиться и бытовать в наше время. Интересно в этом плане отметить, что в русском языке термин „византийский“ в значении „хитрый, лицемерный, жестокий“ зафиксирован именно в „Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка“, составленном А. Н. Чудиновым в 1910 г.[1]

Мало помогает в борьбе с этим антиисторичным в своей основе стереотипом и противоположный, сугубо апологетический взгляд на Византию как прикровенную обитель православных христианских добродетелей, идеальную модель миропорядка и общественно-государственного устройства. Скорее даже наоборот, излишняя нарочитая идеализация лишь вредит, поскольку позволяет оппонентам использовать эту упрощенную, лубочную, схематизированную донельзя интерпретацию как весьма удобную модель для битья и поношения. Пример с широко известным фильмом „Византийский урок. Гибель империи“ (2008 г.) весьма в этом плане показателен. Дискуссия вокруг фильма лишь заострила противостояние сторон, мало способствуя становлению взвешенных оценок Византии, ее роли в истории и значения ее наследия как для современной Европы в целом, так и для России и Украины в частности.

Как справедливо отмечал А. М. Лидов: „Я принципиально не участвовал в полемике, которая развернулась с невероятным жаром, страстью и жесткостью после появления фильма, увидев в ней очередную драку двух ложных мифов и со стороны противников, и со стороны защитников, с одной стороны либерально-западнического, с другой – национально-почвеннического толка. Это очень знакомый, абсолютно бесперспективный и не добавляющий ничего ни к пониманию Византии, ни к нашему национальному самосознанию разговор, только укрепляющий стороны во взаимной ненависти и неприятии“[2].

В такой ситуации единственно правильным становится отстраненное рассмотрение Византии как „вещи-в-себе“, безотносительно нашего современного ее восприятия и оценочных суждений, поскольку странно подходить к государству и обществу далекого Средневековья с нынешним аршином ценностей и понятий. „ …Восприятие современными византиниста-

* Ссылки на рецензируемое издание даются в тексте рецензии в круглых скобках.

ми (да и в целом историками) прошлого обусловлено тем, как они принимают собственную современность, – писал Игорь Шевченко в статье „Восприятие Византии“. – Этого обстоятельства избежать никак нельзя, и обязанность ученого – … понять это, смириться с этим и по мере своих сил использовать эту обусловленность, избегая ее ловушек. Это – большая ответственность, ибо образ Византии, который предстанет перед нами, в конце концов будет зависеть от усилий профессиональных византинистов“[3].

Именно такой путь, не побоявшись вполне осознаваемой ответственности, проделал автор рецензируемого издания „Византия. Парадигмы сознания, быта и культуры“ С. Б. Сорочан, попытавшийся, и достаточно успешно, воссоздать „некий усредненный образ этой великой Империи, сквозь который проглянуло бы ее сердцевинное содержание, остававшееся максимально неизменным“ (с. 18). С этой целью автором был избран „проблемный принцип изложения, затрагивающий основные блоки, из которых слагались повседневная жизнь, быт, общественное сознание, менталитет и культура византийцев“ (с. 18).

Такой подход позволил взглянуть на мир глазами средневекового ромея-византийца, понять его систему ценностей и жизненных установок, и, следовательно, „очеловечить“, если позволительно будет так сказать, историю Византийской империи, отказавшись от абстрактных оценочных историософских выводов, слабо подкрепленных данными источников, от упрощенных социологизаторских схем общественного развития, за которыми терялись реальные люди, наконец, от исключительного внимания к придворной истории тайных интриг, заговоров, дворцовых переворотов, мятежей и попросту – склок.

На этом пути автор нисколько не оправдывал и ничуть не выгораживал империю ромеев, но, показывая ее в ином, гораздо более близком и понятном современному человеку свете, объективно выступал ее защитником против несправедливых, нисколько незаслуженных нападок. Очевидно, не случайно в качестве одного из эпиграфов к предисловию приведены поэтические слова Н. В. Жилиной:

„Не говори, что в науке сбиваюсь с пути я,
Ну, согласись, что как воин и как пилигрим,
Страшно подумать, иду защищать Византию,
Сладко мне верить, что поиск мой ею храним“ (с. 7).

В центр изложения был поставлен простой византиец – крестьянин и торговец, ремесленник и монах, цирковой возница и мелкий чиновник с их повседневными заботами и переживаниями, далекими жизненными планами и порой сиюминутными влечениями. Именно это позволило автору „произвести предварительное диагностирование византийского общества как системы, модели исторического развития, объяснить процесс исторического движения, особенности, специфику эволюции „супердержавы“ Средневековья, раскрыть ее сильные и слабые стороны, а значит, понять причины блестящих успехов и роковых неудач, в итоге приведших к трагической гибели Империи“ (с. 18).

В качестве отдельной заслуги С. Б. Сорочана можно отметить то, что в книге уделено немало внимания темам, редко попадающим на страницы обобщающей научно-популярной литературы, а если и упоминаемым – то крайне кратко, лапидарно. Это значение в жизни византийцев семьи, дружбы и карьеры, общественное положение и роль женщины, протекание и восприятие детства. Каждой из названных тем посвящен специальный параграф предельно насыщенного информацией текста, основывающегося на отменном знании источников, с одной стороны, и на последних достижениях мировой византинистики – с другой.

Вместе с тем, отказавшись как от роли безусловного сторонника и апологета Византии, так и от роли ее категоричного обвинителя, С. Б. Сорочан не останавливается ни перед справедливой похвалой, ни перед заслуженным осуждением империи. Интересны в этом плане его оценки внешней политики византийского государства, реализовывавшейся ею на практике „Grand Strategy“, если обратиться к этому использованному Э. Люттваком в его нашумевшей монографии[4] понятию. „…Ромеи, – пишет автор, – в редких случаях нападали первыми: они были не столь воинственны и предпочитали разрабатывать разные способы защиты вме-

сто более агрессивных действий. Нелепыми представляются обвинения западноевропейцами Византии в неких поползновениях в сторону соседей. Византийская армия не жгла и не грабила Париж и Лондон. А вот обратный факт имел место по отношению к Константинополю. Сами же византийцы стремились решать сложные вопросы посредством тонкой дипломатической игры, этого почти незаметного для непосвященных, гибкого, коварного оружия. Как образно и вместе с тем верно заметил Джон Хэлдон, – ромеи „проливали чернила, а не кровь“ (с. 22).

Весьма сдержанно относится С. Б. Сорочан и к идее о Византийской империи как тоталитарном государстве, „тысячелетней лаборатории тоталитарного опыта“, о чем писали А. П. Каждан[5] и А. Я. Гуревич, последний из которых, не стал, по его словам, византинистом именно потому, что византийские порядки слишком уж напоминали ему советские реалии времен сталинизма[6]. „Первый после Бога“ василевс-космократор и самодержець-автократор оказывается далеко не таким всемогущим и бесконтрольным, как это можно было бы предположить, и ограничения, накладываемые на его власть традицией, религией, да и попросту волокитой бюрократического аппарата, оказываются не менее весомыми чем, к примеру, наличие Конституции и парламента (см. с. 37–49). „Нам, воспитанным на ценностях современной демократии, – отмечает автор, – надо обязательно учитывать, что самодержавие – это независимость от других государей, а не произвол, вседозволенность, уверенность в собственной непогрешимости. Самодержец – это суверен, не платящий никому дани. Но это не значит, что он все делает сам как хочет. Действительно, все полномочия высшей власти у него нераздельны, ему не ставит границ другая земная власть и он не может быть поставлен перед земным судом, но над ним – суд собственной совести и Божий суд. И он должен считать священными границы своей власти, причем считать куда жестче, чем если бы они были ограничены некими предписаниями“ (с. 38).

Не менее позитивно оценивает С. Б. Сорочан и историческую миссию Византии в геополитической истории Западной цивилизации: „Византии, как и Древней Руси, – отмечает он, – выпало на долю вести судьбоносную для Европы борьбу с опасными врагами из Азии… и тем самым обеспечить существование многих европейских государств, дать им развиться, стать на ноги. Именно поэтому ее собственная история оказалась впечатляющей последовательностью политических потрясений. Романия платила за все по полному счету, – платила за себя и за других, давая им возможность выжить, развиться, прикрывая собой неблагодарный Запад от грозных врагов с Востока. Не будь этого великого бастиона христианства, что ждало бы Европу, на каком языке говорили бы мы сегодня и какому богу бы поклонялись?“ (с. 23). Весьма показательно в этом плане название популярной книги Л. Браунворса: „Проигравшая Западу (или, все же, „Утраченная (потерянная) для Запада“? – А. Д.): Забытая Византийская империя, которая спасла западную цивилизацию“[7]. Не менее показательно и название более известной в наших широтах книги В. Н. Шиканова „Византия. Щит Европы. Арабо-византийские войны VII–XI веков“[8].

При этом, однако, С. Б. Сорочан далек от бездумной идеализации византийского общества и государства, отчетливо демонстрируя его слабые стороны, приведшие, в итоге, к гибели Империи. Совершенно немыслимыми, еретическими для ортодоксального апологета Византии, всячески превозносящего Византию как оплот православного христианства, прозвучат следующие слова ученого: „Византийцы не сумели включить ряд постановлений новой идеологии, в частности, такое ее направление, как латинофильство, проявлявшееся в попытках церковной унии с Западом… …в ослеплении традициями не хотели видеть спасительный свет нового. Искренние компромиссы оказались выше их сил“ (с. 318). „Служить означало не больше, чем прислуживаться. Гражданский подвиг не стал обязанностью. … Общественный долг, патриотизм превращались в пустой звук, вера уходила из сердец, а понятие самопожертвования на благо родины вызывало смех. И когда всем стало все равно, что будет со страной, она окончательно пала в крови и прахе“ (с. 319).

Таким образом, виноватыми в гибели империи оказываются, по мнению автора, прежде всего сами византийцы, а уж никак не коварный Запад или дикие полчища турок-османов, хотя, конечно же, вместе с тем, „ …надо особо подчеркнуть, что именно внешний фактор

оказался решающим для плачевной судьбы Империи“ (с. 320). Главной, при таком оценочном подходе, представляется не ортодоксия и верность православной христианской традиции, а готовность отказаться от закостенелых идеологических догм ради спасения страны. Представьте, насколько кощунственно это звучит для многих современных ревнителей православия, готовых, видимо, вслед за Лукой Нотарой воскликнуть: „Лучше турецкий тюрбан, чем папская тиара!“

Постепенно „ромеи из творцов истории превратились в заложников обстоятельств и были раздавлены огромной тяжестью отдаленных первопричин, корни которых, будто сорняки, уходили в темную глубь веков и пышным цветом разрослись к XV в.“ (с. 320). Однако „падение Константинополя не означало гибели византийской цивилизации. Она продолжала жить в культуре различных стран и народов Европы. Без преувеличения можно сказать, что во многом, благодаря ромеям, Европа приобрела свой современный облик и в ее „душе“ есть и частицы навсегда угасшей Византии“ (с. 326).

Византия, таким образом, во многом стала тем фундаментом, на котором была построена современная Европа, и отказ от ее наследия, вынесение его за пределы условно понимаемого „европейского мира“ весьма опасно для нынешней Европы хотя бы уже тем, что, без осознания значимости византийского наследия, она не сможет уберечься, по словам Ж. Даграна, от „главной опасности: стать просто Западом“[9].

„Строительная“ аналогия, приведенная в предыдущем абзаце, представляется далеко не случайной, ведь византийцы были подлинными (у)строителями всей цивилизованной ойкумены Средневековья как в прямом, так и в переносном смысле, причем вплоть до того, что Ф. Курта считает допустимым писать о них, как о создателях славян[10]. И, возможно, некими психологическими факторами обуславливается тот факт, что византийским наследием интересуются преимущественно люди, склонные к созиданию, а не разрушению. Так, Джудит Херрин вспоминает, что первотолчком к написанию переведенной уже сейчас на многие языки талантливой книги „Византия: Удивительная жизнь средневековой империи“[11] стал разговор с двумя строителями в касках и тяжелых башмаках, которые однажды постучали в ее дверь с надписью „Professor of Byzantine History“ с целью выяснить, что же представляет из себя эта, упомянутая на табличке, „византийская история“. Горячо поблагодарив за ответ, они поинтересовались, почему же профессор не написала об этом доступную для них книгу, и это стало для Дж. Херрин главным побудительным стимулом.

Возможно, нечто сходное произошло и с книгой С. Б. Сорочана, изданной, как указано на обороте титульного листа, „при финансовой поддержке управляющего АО „Жилстрой-2“ г. Харькова А. В. Конюхова“ (с. 2). Не удержусь от того, чтобы процитировать простые, но вместе с тем искренние слова спонсора по поводу выпущенной при его поддержке книги: „Наш общий знаменатель – культура. Всем известно, что книга – источник знаний. Значит, мы читаем, чтобы получать знания или, на худой конец, информацию. А еще книга – источник удовольствия, коего в жизни не так уж много. И мы читаем, чтобы это удовольствие получать. Нам предложили проект, и мы приняли его с большим удовольствием“[12].

Видимо, об этом же, но в гораздо более поэтичной форме писал в четвертой части своей всемирно известной поэмы „Плавание в Византию“ У. Б. Йейтс:

„Once out of nature I shalll never take
My bodily form from any natural thing,
But such a form as Grecian goldsmiths make
Of hammered gold and gold enamelling
To keep a drowsy Emperor awake;
Or set upon a golden bough to sing
To lords and ladies of Byzantium
Of what is past, or passing, or to come

Византия не умерла. Она продолжает жить в колоссальном культурном наследии, выжившем после гибели государства и доныне окончательно не освоенном человечеством. Ее образ

неизгладимо запечатлелся на лике современной Европы и, шире, Средиземноморья, а призрак погибшей Империи до сих пор будоражит воображение колоссальным потенциалом утраченных возможностей. „Вглядись же в этот печальный призрак. Покоясь на каменной груди вечности, он ждет теперь только тебя – только тебя!“ (с. 327).

Своеобразным и вполне уместным рефреном к такой концовке книги звучат слова известной песни группы „Солдат Семенов“ под названием „Ни шагу назад!“:

Все, кто здесь, мы и я – Византия!
В небе и на земле – Византия!
С нами или без нас – Византия!
Над землей в полный рост – Византия!

...

Византия.
Ни шагу назад!

[1] *Чудинов, А. Н.* Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://enc-dic.com/fwords/Vizantijskij-7550.html Доступ: 21.10.2011.

[2] *Лидов, А. М.* Что нам Византия? Ч. 2. Лик и маска Византии [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.taday.ru/text/1222480.html Доступ: 21.10.2011.

[3] *Шевченко, І.* Сприйняття Візантії. – Критика, 1998, № 11, с. 15.

[4] *Люттвак, Э.* Стратегия Византийской империи. М., 2010.

[5] *Kazhdan, A.* Byzantium: the Emperor's New Clothes? – History Today, 1989, vol. 39, No 9, 26-34; *Каждан, А. П.* Трудный путь в Византию. – В.: Одиссей. Человек в истории. М., 1992, с. 35; Трудный путь в Византию. – В: Мир Александра Каждана. СПб., 2003, с. 486.

[6] *Gurevich, A.* Why I Am not a Byzantinist. – Dumbarton Oaks Papers, 1991, vol. 46, 93-96; *Гуревич, А. Я.* История историка / А. Я. Гуревич. М., 2004, с. 46.

[7] *Brownworth, L.* Lost to the West: The Forgotten Byzantine Empire That Rescued Western Civilization. New York, 2009.

[8] *Шиканов, В. Н.* Византия. Щит Европы. Арабо-византийские войны VII–XI веков. СПб., 2004.

[9] *Дагрон, Ж.* Размышления византиниста о Востоке Европы. – В: Homo Historicus: к 80-летию со дня рождения Ю. Л. Бессмертного. В 2 кн. / Ред. А. О. Чубарьян. Кн. 2. М., 2003, с. 536.

[10] *Curta, F.* The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, ca. 500-700. Cambridge, 2001.

[11] *Herrin, J.* Byzantium: The Surprising Life of a Medieval Empire. Princeton, 2008.

[12] В Харькове издана книга „Византия. Парадигмы быта, сознания и культуры“ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.regionstroy.com.ua/5716/ Доступ: 21.10.2011. См. также: http://www.zhilstroj-2.ua/news/1335.html Доступ: 21.10.2011.

РЕЦЕНЗІЯ НА:

Български годишник. Болгарський щорічник. Болгарский ежегодник. Том VII. На пошану 75-річного ювілею доктора філологічних наук, професора І. А. Стоянова та 50-річчя творчої та наукової діяльності доктора філологічних наук, професора Київського славістичного університету Е. П. Стоянової. Київ, Київський славістичний університет, 2011. 296 с.

А. В. Березовенко

На святкування ювілеїв двох визначних славістів – Івана Андрійовича Стоянова і Ельзи Петрівни Стоянової відгукнулися статтями більше двох десятків науковців України (Київ, Одеса, Львів, Бердянськ), Росії (Москва) та Болгарії (Софія, Велико Тирново, Шумен). Серед них – колеги, учені з відомими іменами, які в різний час співпрацювали з ювілярами, їхні колишні і нинішні аспіранти та студенти.

Тематично різноманітна бібліографія І. А. Стоянова (140 творів, написані трьома мовами) представляє розробки у галузі україністики в Болгарії (заснування цієї дисципліни значною мірою завдячує зусиллям І. А. Стоянова і Е. П. Стоянової), болгаристики в Україні, української та болгарської діалектології (материкових і переселенських говірок), двомовної лексикографії („Болгарсько-український словник“ у співавторстві з О. Р. Чмир), найрізноманітніших аспектів лексикології, етимології, історії мови, фольклору, соціолінгвістики тощо. За жанрами – це монографії, словники, статті, словникові та енциклопедичні гасла, рецензії, які вражають не тільки обсягом, широтою наукових зацікавлень автора, але й глибиною знань та гостротою дослідницького погляду.

Бібліографію Е. П. Стоянової складають новаторські для часу свого написання наукові розробки з теорії тексту реклами та рекламного впливу медій, досліджень острівного богарського ідіому на території України та Бессарабії; поруч з ними містяться численні науково-методичні праці та доволі незвичний для доробку вченого (але не менш яскравий від того) солідний список публіцистичних робіт.

Позитивною характеристикою збірника є те, що в ньому крім вітального звернення президента Київського славістичного університету до ювілярів є також їхні автобіографії та колекція фотографій пам’ятних для них подій, відомості про сфери їх наукових інтересів та науково-педагогічну діяльність. Це дає читачеві змогу скласти уявлення про щоденну копітку роботу науковців, створює відчуття живого контакту з ними, надає дуже людяних обертонів академічній стилістиці наукового видання.

Збірник відкриває стаття В. Г. Скляренка „Нитка життя, або вузликове письмо у давніх слов’ян“, в якій на тлі багатого лінгво-культурного матеріалу тонко проаналізовано цей мало досліджений феномен. Робота читається і як епіграф до всього збірника, присвяченого плідному творчому шляхові ювілярів, на якому аріадновою ниткою є СЛОВО.

Тематичний спектр представлених робіт дуже широкий. Розвиток болгаристики як дисципліни у інших країнах висвітлено статтями К. Вачкової „За разпространението на познанията за български език в Чехия през XIX и началото на XX век“, И. В. Платонової „За учебния курс „Теория на чуждоезиковото обучение“ във факултета по чужди езици и регионознание

при Московския университет и за някои проблеми на обучението по български език с оглед на европейските стандарти“.

Функціонування болгарської мови поза межами метрополії досліджується у різних аспектах у статтях: К. Цанкова „Български фамилни имена в района на Комрат, Република Молдова“, де описано ономастикон бессарабських земель; В. А. Колесник „Диагностирующие черты болгарских переселенческих говоров (свадебная терминология)“; С. І. Георгієвої „Лексичне маркування болгарської переселенської зорянської говірки мішаного типу“; О. М. Пейчевої „Специфика репрезентации нестабильной фонемы в болгарском диалектном континууме“.

Коло соціолінгвістичних досліджень (в яких розглядаються питання мовної політики, етнонаціональної ідентичності, мовної моди) складають роботи А. В. Березовенко „Ідентичність і реструктуризація лінгвоконцептуального простору Болгарії“, К. Колевої „Болгарско-македонский этнокультурный и языковой ареал *ЖУПА* (Косово) сегодня“, О. А. Албул „Болгарський вокатив і мовна мода“.

Проблеми семіотики розглядаються А. Аліпієвою у статті „Социалистическият реализъм – естетика на тялото“, де йдеться про естетику тоталітарної епохи з позицій сучасної політико-культурної парадигми; Х. Манолакевим в роботі „24 май – празникът на славянската писменост в българската национална памет“; С. М. Цановим – у „Митът като смисъл на историята в „Записки по българските въстания“ на Захарий Стоянов“.

Статті Н. Гливинської „Поуките от конкурса по художествен превод 2008“ та И. В. Грибанової „Болгария на этнокультороло гической карте славянского мира (в представлении студентов Южнославянского института)“, сперті на експериментальні дані, відзначаються їх оригінальною науковою інтерпретацією.

Різним аспектам лексикології присвячено вдумливі статті О. В. Коваль-Костинської „Християнський іменослов у болгарській та українській мовах“, О. Р. Чмир „Семантика порядку у старослов'янській та давньоруській мовах“ та А. М. Сердюк „Номінативне поле концепту „смях“ у болгарській картині світу“.

Приємно відзначити, що до збірника крім досліджень учених із високою науковою репутацією увійшли також статті наукової молоді, які, однак, уже позначені дослідницькою зрілістю: Д. Ф. Стоянової „Поліфункціональність *ДА* в болгарській мові“, О. М. Костюшко „Болгарська тематична лексикографія: зародження та розвиток“, М. І. Попазової „Запозичення у болгарській пресі 30–40-х рр. XX ст. (соціолінгвістичний аспект)“, Л. В. Пономаренко „Гомогенна та гетерогенна міжмовна омонімія в українській та болгарській мовах“.

Написані болгарською, українською та російською мовами тексти утворюють полілінгвальний дискурс видання, що сприймається як символ широти наукових і світоглядних обріїв ювілярів.

* * *

Думається, автори збірника приєднаються до авторки цих рядків у вдячності І. А. Стоянову і Е. П. Стояновій за їхню інтелектуальну і душевну щедрість та побажаннях довгих років творчої наснаги і плідної праці.

ЮВІЛЕЇ

СЛОВО ПРО ВЧЕНОГО-БОЛГАРИСТА З НАГОДИ ЙОГО СЛАВНОГО ЮВІЛЕЮ

С. Віднянський, В. Павленко

2011 рік ювілейний в житті й науковій діяльності доктора історичних наук, професора, члена-кореспондента Національної академії наук України Павла Степановича Соханя. Ім'я цього видатного українського вченого і талановитого організатора науки добре відоме не лише в Україні, але й за її межами. Його наукові заслуги і активна громадсько-політична діяльність були достойно оцінені як вітчизняною, так і зарубіжною громадськістю, зокрема відзначені Почесною грамотою Президії Верховної Ради УРСР (1976), Державною премією УРСР у галузі науки і техніки (1980), орденом Ярослава Мудрого 5 ступеня, орденом „Знак пошани", болгарськими нагородами – орденом Кирила і Мефодія 1 ступеня та п'ятьма медалями.

Проте справа не стільки в нагородах. Головне у високих моральних якостях цієї постаті – чуйності й щирості, доброзичливості й щедрості душі. Ці риси його характеру, поєднані з високим професіоналізмом, надзвичайною працездатністю та непересічним інтелектом викликають велику пошану й глибоку повагу його колег, друзів, соратників, учнів та всіх, з ким звела доля на довгому і, водночас, нелегкому життєвому шляху та на науковій ниві.

Коротко окреслимо біографічну та наукову стежину нашого ювіляра. Малою батьківщиною для Павла Степановича Соханя стало село Новоіванівка Білопольського району, що на Сумщині, де він народився 18 листопада 1926 р. Його життя тісно пов'язано з історією вітчизни. Доля так розпорядилася, що йому, батькові та сестрі Зої вдалося вижити в страшний для України голодомор 1932–1933 років, проте втрати, зокрема для їхньої сім'ї, були величезні: із життя пішли мати та двоє малолітніх братів і сестра.

У важкий як для України, так і для сім'ї час, коли потрібно було вести вперту боротьбу за виживання, думки про навчання не полишають підлітка. Для нього першою освітньою сходинкою, що вирішила його подальшу професійну орієнтацію, став Білопольський педагогічний технікум.

Роки війни для П. С. Соханя, як і для всього українського народу, були і серйозним випробуванням, і школою мужності та загартування. 16-річний юнак, дописавши собі три місяці до 17-річчя, отримав очікуваний шанс взяти безпосередню участь у захисті своєї батьківщини від німецько-фашистської навали. У війні відбувся суттєвий перелом, коли вже було непотрібно кидати молодь, яка мала певну професійну освіту, у її м'ясорубку. Незважаючи на рапорти молодого освітянина направити його на фронт, Павла Соханя відрядили до Луганської полкової школи молодих командирів стрілецької дивізії. Невдовзі здійснилося його бажання зробити власний внесок у хід бойових дій. Разом із своєю частиною у складі 3-ої гвардійської Сталінградської механізованої дивізії він потрапляє на 1-й Далекосхідний фронт. Манжурія стала для нього тим полем бою, на якому він зробив власний внесок у розгром японської армії. За бойові заслуги молодий боєць був нагороджений орденом Вітчизняної війни та тринадцятьма медалями.

Водночас армія не лише загартувати силу і волю молодого воїна, але й дала йому путівку в оволодінні освітянською професією. Навички її продовжували торуватися ще

в армійських лавах, де, незважаючи на молодість, Павло Сохань служив старшиною роти, завідував бібліотекою, був ватажком молоді гвардійського танкового полку. В армії він отримав можливість екстерном скласти іспити за середню школу та заочно закінчити три курси історичного факультету Владивостоцького педагогічного інституту.

Завершував навчання П. С. Сохань вже в Україні, куди повернувся після демобілізації у 1951 р. з лав Радянської армії. Він з відзнакою закінчив заочне навчання в Харківському педагогічному інституті ім. Григорія Сковороди і водночас працював спочатку лаборантом, а згодом викладачем та завідувачем навчальною частиною цього вузу. В харківських вузах, зокрема у Харківському авіаційному інституті, збагачується педагогічний і науковий досвід майбутнього відомого вченого.

Вже наприкінці 50-х років друкуються його перші публікації. Наукові дослідження, в тому числі брошура, рецензії, інформації побачили світ на сторінках місцевої преси та авторитетних загальносоюзних видань „Вопросы истории“ та „История СССР“. Причому одна з них була опублікована у співавторстві з дружиною Лідією Василівною Сохань – за фахом філософом і соціологом, в майбутньому теж членом-кореспондентом Академії наук України. Серед цих публікацій вже була й перша праця з болгаристики, а саме ґрунтовна рецензія на щойно видані вибрані твори Георгія Димитрова. Поява цієї рецензії була цілком закономірною, оскільки особистість Георгія Димитрова та його праці зацікавили П. С. Соханя ще в період проходження військової служби.

Відтак бажання присвятити себе повністю науковій діяльності спонукало П. С. Соханя вступити 1961 р. до аспірантури Інституту історії Академії наук України, з якою була пов’язана вся подальша доля вченого. Вже наступного року в академічному видавництві „Наукова думка“ публікується його перше монографічне дослідження, присвячене висвітленню життя і діяльності Георгія Димитрова[1]. Ця праця не залишилася непоміченою науковою громадськістю. На неї протягом декількох років з’являються позитивні рецензії у періодичній пресі та спеціалізованих історичних виданнях України, Радянського Союзу, Болгарії та Югославії.

На дану тему 1963 р. він достроково захищає кандидатську дисертацію, проте продовжує її розробляти, залучаючи раніше невідомі матеріали радянських і болгарських архівів. В результаті у вітчизняних та болгарських виданнях, зокрема й академічних, ним публікується низка нових статей про маловідомі сторінки життя й революційної діяльності Георгія Димитрова. Ця плідна пошукова наукова робота дає можливість вченому доповнити новими матеріалами раніше опубліковану монографію про Георгія Димитрова й вдруге видати її у тому ж видавництві 1969 р.[2]. 1972 р. ця книга була перевидана в Монголії[3].

Однак вчений розширює коло своїх наукових інтересів. В 60-90-х роках минулого століття увага науковця зосереджується головно на дослідженні історичних і сучасних взаємин України і Болгарії. Наукові відрядження до Болгарії, що розпочалися 1958 р. і надалі продовжувалися майже через кожні 2–3 роки, дозволили йому в своїй подальшій науковій роботі широко залучати болгарські джерела, зокрема матеріали болгарських державних і поточних архівів. Так само глибоко ним вивчаються й вітчизняні архівні джерела.

Аналізуючи науковий доробок вченого в галузі болгаристики, варто виділити ряд напрямків його наукових інтересів у цій галузі. Йому належить пріоритет у науковій розробці історії українсько-болгарських взаємин. Він вперше започатковує комплексне розкриття всього спектру українсько-болгарських стосунків, починаючи з Першого Болгарського царства і Київської Русі й закінчуючи сучасністю. На цю тематику з певним проміжком часу виходить у світ дві його монографії: 1966 р. – „Вогонь вічної дружби“[4], а через десять років – „Нариси історії українсько-болгарських зв’язків“[5]. Причому остання була перевидана в Болгарії 1979 р.[6]. Згадані праці також отримали позитивні рецензії вітчизняних і болгарських науковців й сьогодні широко використовуються фахівцями, які цікавляться даною проблематикою.

Дослідження історичних коренів українсько-болгарської дружби продовжувало залишатися в полі зору вченого. Проте серед масиву цих публікацій найбільший їх відсоток при-

свячувався розкриттю внеску українців у визволення Болгарії від османського поневолення, а також висвітленню революційних російсько-українсько-болгарських зв'язків початку XX ст. Слід зауважити, що Павла Соханя цікавила й особистість Марина Дринова, зокрема його внесок у розвиток українсько-болгарських наукових зв'язків. Ця наукова розвідка була опублікована в Софії у збірнику, присвяченому 150-річчю з дня народження вченого.

П. С. Сохань одним із перших виокремив у окрему проблему дослідження один із важливих аспектів зв'язків трудящих України і Болгарії – участь болгар в боротьбі за владу Рад в Україні. Статті, брошури, розділи в колективних монографіях, присвячені діяльності в Україні зарубіжних інтернаціоналістів у період революційних подій та громадянської війни в Росії, – такий неповний перелік авторства вченого в розкритті цієї теми[7].

П. С. Сохань і відомий болгарський вчений Веселін Хаджиніколов стали ініціаторами, відповідальними редакторами і одними із авторів спільного українсько-болгарського проекту, який став своєрідним підсумком у висвітленні історичних і сучасних українсько-болгарських взаємин. Це була книга „Дорогами дружби", видана в Україні 1989 р. і у Болгарії наступного року[8].

Ґрунтовне вивчення внеску Української РСР у політичне, економічне, науково-технічне й культурне співробітництво СРСР і НРБ із залученням широкого масиву архівних джерел, в тому числі й із поточних радянських і болгарських архівів міністерств і відомств, дали змогу П. С. Соханю 1969 р. опублікувати монографію, яка привернула до себе увагу дослідників та широкої громадськості[9]. Відгуки на неї з'явилися не лише в столичних виданнях України і Росії, а й в інших союзних республік, а також Болгарії. Ця книга й зараз представляє інтерес для дослідників, оскільки використаний в ній багатий фактичний матеріал міністерств і відомств або втрачений у зв'язку із реконструкцією цих організацій, або сьогодні знаходиться за кордоном. Ця проблематика стала базовою для його докторської дисертації, яку він успішно захищає 1974 р. 1981 р. П. С. Сохань отримує звання професора.

Водночас П. С. Сохань продовжує досліджувати тему, яка започаткувала його інтерес до проблем болгаристики. Він акцентує свою увагу на дослідженні зв'язків Георгія Димитрова з трудящими України, публікує на цю тему статті, а у підсумку готує монографію „Георгій Димитров і Україна". 1982 р. вона була видана в Україні, а через чотири роки в Болгарії і отримала схвальні відгуки в українських і болгарських спеціалізованих періодичних виданнях[10]. Водночас з-під пера вченого також виходить ряд статей про зв'язки з трудящими України соратника Георгія Димитрова – Васила Коларова.

Тематика відділу Інституту історії АН України, який займався дослідженням проблем всесвітньої історії та відносин України із зарубіжними країнами і був очолюваний з 1965 по 1988 роки доктором історичних наук, професором, членом-кореспондентом АН УРСР І. М. Мельниковою, вплинула на розширення наукових інтересів історика. Він акцентує увагу на міжнародних зв'язках України і бере активну участь у підготовці колективних монографій свого відділу. Першою такою працею стала книга „Українська РСР і зарубіжні соціалістичні країни" (К.,1965 р.)[11]. У ній вчений в співавторстві з С. М. Пархомчуком висвітлив співробітництво України із східноєвропейськими державами в галузі освіти й науки, спорту й міжнародного туризму, а також по лінії громадських організацій.

У наступній колективній монографії „На магістралях дружби і братерства" (К., 1974 р.) він є автором (разом з С. М. Пархомчуком) розділів про науково-технічне співробітництво України із соціалістичними країнами[12]. Причому ця праця була гідно оцінена науковою громадськістю. Її автори І. М. Мельникова, І. М. Кулинич, П. С. Сохань отримали єдину на той час премію АН УРСР для праць з історії – імені Д. З. Мануїльського. Пізніше тематика міжнародного співробітництва в галузі науки і техніки вилилася в ряд статей та в окрему монографію (написану у співавторстві з В. М. Даниленком) (К.,1988)[13]. Міжнародна тематика присутня і в розділах інших колективних монографій, написаних вченим і присвячених розкриттю співробітництва колишніх соціалістичних країн[14]. Значний внесок П. С. Соханя як автора і заступника головного редактора в підготовку і публікацію десятитомної „Історії Української РСР" і тритомної „Історії Києва".

Проте науковець не залишає дослідження проблем болгаристики. Не менш важливим напрямком у науковому доробку Павла Степановича став аналіз внутрішніх процесів, що відбувалися у післявоєнній Болгарії. Він здійснювався головно в двох площинах: аналіз внутрішніх процесів, що відбувалися в країні, та висвітлення її зовнішнього становища. Окрім цілого ряду брошур, статей у тематичних збірниках і періодичних виданнях, ним було опубліковано в Болгарії 1983 р. у співавторстві з відомим харківським істориком Г. Й. Чернявським книгу про стан болгарської історичної науки[15]. А наступного року вийшла з друку ще одна його монографія – „Народна Республіка Болгарія в співдружності країн соціалізму“, яка була високо оцінена болгарськими науковцями[16]. Діяльність болгарської громадської організації „Всенародний рух за болгаро-радянську дружбу“ проаналізована П. С. Соханем у розділі (співавтор М. В. Знаменська) колективної монографії співробітників Інституту історії АН УРСР „Діяльність товариств дружби з СРСР у країнах соціалістичної співдружності“ (К., 1987)[17].

Досліджувані П.С.Соханем проблеми виносяться на розгляд вчених – учасників вітчизняних і міжнародних наукових конгресів, конференцій, симпозіумів. Він учасник міжнародних з’їздів славістів, конгресів балканістів, болгаристів, конференцій з україністики та інших наукових міжнародних форумів. Його доповіді присвячуються висвітленню традицій духовного взаємозбагачення слов’янських народів та їхнього значення для сучасності, проблем історії слов’янства у творчій спадщині М. С. Грушевського, проблем вивчення та використання писемних джерел з історії міжслов’янських зв’язків України, внеску М. П. Драгоманова в слов’янське національне відродження й визвольний рух на Балканах, аналізові стану й перспектив української болгаристики тощо.

Не останнє місце в наукових розробках вченого займають проблеми історіографії, зокрема аналіз розвитку болгаристики й балканістики в Україні, публікація проблем, пов’язаних з історією Болгарії і українсько-болгарськими стосунками, в цілому ряді енциклопедичних видань, в тому числі в багатотомних „Українській радянській енциклопедії“, „Енциклопедії історії України“. На сторінках насамперед „Українського історичного журналу“, а також таких авторитетних наукових видань як „Советское славяноведение“, „Вопросы истории“ публікуються рецензії науковця на щойно видані книги радянських і болгарських вчених, зокрема на монографії Л. Б. Валєва, Р. Г. Гришиної, А. К. Мартиненка, Д. Б. Мельцера, Г. Й. Чернявського, Ангела Векова, Міто Ісусова, Драгоя Коджейкова, Добріна Мічева, Неді Недєва, Панайота Панайотова, Веселіна Хаджиніколова та інших.

Копітка робота була проведена П. С. Соханем по збору і публікації радянських документів щодо історії Болгарії і радянсько-болгарських відносин. Одним із її підсумків стала публікація історичних бібліографій: „Радянська і міжнародна періодика про Болгарію. XI. 1917–IX. 1944 рр.“ та „Радянська преса про Болгарію. XI. 1917–IX. 1944 рр.“[18]. Вони були видані в співавторстві з Г. Й. Чернявським 1970 р. у Софії Народною бібліотекою ім. Кирила і Мефодія й отримали схвальні рецензії болгарських спеціалістів.

П. С. Сохань успішно поєднує плідну науково-дослідну роботу з масштабною науково-організаційною діяльністю. Ще з 1974 р. він обіймав посаду заступника директора Інституту історії АН УРСР (на якій працював сімнадцять років), завідував відділом міжнародних зв’язків України цього інституту.

Величезний досвід роботи у вітчизняних та зарубіжних архівах, підготовка бібліографічних праць дали змогу вченому започаткувати новий етап як в своїй науковій діяльності, так і у розвитку вітчизняної науки. Фактично Павло Степанович Сохань відновив археографічну роботу в Україні, започатковану свого часу Михайлом Грушевським (керував Археографічною комісією ВУАН). 1987 р. П. С. Сохань очолив Археографічну комісію Академії наук України. Під його керівництвом і з передмовами за його участю нею були видані тритомники – „Кирило-Мефодіївське товариство. Документи і матеріали“ та „Історія запорозьких козаків“ Д. І. Яворницького.

Археографічна комісія стала базою для створення 1991 р. Інституту української археографії та джерелознавства НАН України. 1995 р. цьому закладу присвоєно ім’я М. С. Гру-

шевського. Його засновником і директором є П. С. Сохань. Оскільки наукові здобутки Інституту української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського значною мірою пов'язані з науковою та науково-організаційною діяльністю його директора, тож коротко зупинився на їх висвітленні.

З самого початку роботи Інституту за ініціативи його директора встановлюються тісні контакти з науковими та навчальними закладами зарубіжних країн, зокрема Росії, США, Канади, Франції, Болгарії, Польщі, Чехії, Словаччини. Одним з перших його наукових партнерів став Український науковий інститут Гарвардського університету. Він надав таку необхідну як на той час технічну допомогу – забезпечив Інститут комп'ютерною технікою. Українська ж діаспора передала Інституту бібліотеку ім. Ольжича, співголовами якої були Павло Сохань і Микола Плав'юк – останній президент УНР в екзилі, Голова ОУН та Голова Правління Фундації ім. О. Ольжича.

Плідна науково-інформаційна діяльність директора Інституту та його науковців сприяла залученню до співробітництва широкого кола археографів та джерелознавців з академічних інститутів, вищих учбових закладів, архівів, музеїв з різних регіонів України. У складі Інституту функціонують Львівське відділення, Запорізький, Херсонський, Харківський, Чернігівський осередки та дослідницькі групи в Острозі й Сімферополі, які працюють на громадських засадах.

Діяльність Інституту української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського проводиться згідно Державної програми „Архівна та рукописна Україна", підготовленої за ініціативою Інституту під керівництвом П. С. Соханя. Наразі Інститутом публікуються писемні джерела у 34 серіях. Це джерела з української історії (зокрема археографії, джерелознавства, історіографії, етнографії, фольклору, картографії, літописання, некрополістики), філософії, культури, енциклопедичні видання, хрестоматії, епістолярна спадщина, хроніки, мемуари і щоденники тощо.

Одним із найвагоміших наукових досягнень Інституту є публікація Архіву Коша Війська Запорозького. Із 50 запланованих томів уже видано 5. У цих томах опубліковані реєстри козаків, відомості про кількість старшин та служителів у Війську, козаків, які перебували на промислах, в паланках, взаємини Запорожжя з Гетьманською Україною, Польщею, Росією, Кримським ханством, Туреччиною, розвідувальну діяльність запорожців, стосунки з місцевими жителями тощо. Інститутом також розпочате видання повного 20-томного зібрання творів Д. І. Яворницького – видатного дослідника українського козацтва.

Сучасний Запорізький край став джерелом інформативної пам'яті щодо історичної і культурної спадщини українського козацтва. Дієвим механізмом передачі історичної пам'яті є усна історія, в першу чергу мова, етнографія, фольклор. Саме на цій ниві плідні результати дало співробітництво Інституту української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАНУ, Інституту історії України НАНУ, Інституту усної історії Запорізького національного університету, Запорізького наукового товариства ім. Я. Новицького, Міжнародної громадської організації „Інститут україніки", Запорізького обласного Товариства охорони пам'яток історії та культури та ін. Завдяки експедиціям до старовинних сіл Запоріжжя, які проводилися у 1999–2007 роках, видано 9 томів „Усна історія Степової України. Запорізький край".

Не менш важливі матеріали з історії козацької держави дає науковцям публікація універсалів українських гетьманів від Богдана Хмельницького до Івана Мазепи, видані окремими книгами в 1998, 2002, 2004, 2008 роках. Окрім традиційного залучення до справи публікації Центрального державного історичного архіву України, у підготовці цих універсалів до друку брали участь Інститут історії України НАНУ, Чернігівський державний педагогічний університет ім. Тараса Шевченка, Наукове товариство ім. Тараса Шевченка. За підтримки П. С. Соханя почала втілюватися в життя мрія відомого історика-джерелознавця і архівіста, провідного наукового співробітника Інституту І. Л. Бутила – видання Українського дипломатарію XVI–XVIII ст. (10 томів).

У науковій діяльності Інституту значна увага приділяється вивченню і виданню творчої спадщини Михайла Грушевського. Ці дослідження започаткувала монографія П. С. Соханя,

С. М. Кіржаєва та В. І. Ульяновського „Грушевський і Academia“ (К.,1993.), яка одержала престижну премію НАН України імені М. С. Грушевського. У видавництві НАНУ „Наукова думка“ перевидані його багатотомна „Історія України – Руси“, „Ілюстрована історія України“, „Щоденники“. Водночас заплановане повне видання творів М. С. Грушевського (50 томів). Наразі побачили світ 14 томів, що видаються окремими серіями: „Суспільно-політичні твори“, „Історичні студії та розвідки“, „Літературно-критичні та художні твори“, „Рецензії та огляди“.

Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського зробив власний внесок у поглиблення розуміння багатогранних і неоднозначних сторінок історії новітнього періоду. Насамперед це стосується „Літопису УПА“ – видання документів з історії Української повстанської армії, які збереглися в архівах, приватних колекціях та підземних повстанських сховищах.

У 1989–2011 рр. побачило світ 60 томів „основної“ та „нової“ серії „Літопису УПА“. Причому в „основній“ серії оприлюднені документи і спогади, упорядковані заходами канадського видавничого комітету. „Нова“ ж серія започаткована 1992 року угодою між Інститутом української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України і видавництвом „Літопис УПА“ (м. Торонто, Канада). Її готують до друку українські науковці на базі повстанських документів, що знаходяться в центральних та регіональних архівах України. До участі у цьому виданні залучені співробітники з державних архівів Києва, Рівного та інших міст України, Галузевого державного архіву Служби безпеки України, численні дослідники із західних регіонів України.

На сьогодні вийшло 14 томів „нової серії“. У них містяться документи командування і окремих підрозділів, пресові видання воєнної округи „Буг“, звітно-інформативні документи керівництва ОУН, а також інформаційні документи ЦК КП(б)У, обкомів партії, НКВС-МВС, МДБ-КДБ стосовно боротьби проти УПА і націоналістичного підпілля тощо. Окремий 10 том присвячений висвітленню життя і боротьби генерала „Тараса Чупринки“ (1907–1950).

До вищезгаданих публікацій Інституту української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського слід ще додати 1-3 томи тематичної „Енциклопедії українознавства“ (вперше перевидані в Україні спільно з Науковим Товариством ім. Шевченка), „Альбоми Де-ля-Фліза“, „Требник Петра Могили“, Литовська (Волинська) метрика, Описи Харківського та Київського намісництв, Описи Лівобережної України, „Щоденник“ О. Ф. Кістяківського та багато інших оригінальних праць.

Археографічні та джерелознавчі матеріали також друкуються на сторінках „Українського археографічного щорічника“, заснованого ще 1926 р. М. С. Грушевським. Одним із ініціаторів його відновлення і головою його редколегії є Павло Сохань. Наразі вийшло 14 випусків щорічника, які містять статті з джерелознавства, археографії, інших спеціальних (допоміжних) історичних дисциплін, вітчизняні й зарубіжні документи з широкого кола актуальних проблем нашого минулого й сьогодення. Молоде покоління дослідників має змогу оприлюднити результати своїх наукових розвідок на сторінках „Наукових записок. Збірника праць молодих вчених та аспірантів“, заснованого Інститутом української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського 1996 р. (вийшло в світ 19 томів). П. С. Сохань також є членом редколегії „Українського історичного журналу“, міжвідомчого збірника наукових праць „Міжнародні зв’язки України: наукові пошуки і знахідки“, низки інших періодичних видань.

Павло Степанович гідно представляє інтереси українських вчених у світовому співтоваристві. З 1968 р. і до 1991 р. він член Комісії істориків СРСР – Болгарії, після розпаду СРСР – Комісії істориків України – Болгарії. Водночас на нього покладаються обов’язки заступника голови Українського комітету Міжнародної асоціації по вивченню і поширенню слов’янських культур при ЮНЕСКО, а також заступника голови Українського комітету славістів.

П. С. Сохань розгортає широку діяльність по зміцненню українсько-болгарської дружби. Понад 20 років він працює заступником Голови правління Українського відділення радянсько-болгарської дружби, з 1991 р. обирається Президентом Товариства „Україна – Болгарія“.

1985 р. за визначні наукові досягнення Павла Степановича Соханя обрано членом-кореспондентом АН УРСР. Наступного року він стає почесним членом Болгарського філологічного товариства, 1995 р. – дійсним членом Наукового товариства ім. Тараса Шевченка у Львові, а через два роки – заслуженим діячем науки і техніки України.

П. С. Сохань зробив значний внесок у підготовку молодих наукових кадрів. Під його керівництвом захистили кандидатські й докторські дисертації близько 50 науковців. Автори цих рядків мали щастя працювати під керівництвом Павла Степановича, разом з ним готувати наукові праці. Відтак вони відчули на собі його наукову опіку, всебічну допомогу чи то в добірці документальних джерел, чи в сприянні з цією ж метою у виїзді в наукові зарубіжні відрядження, чи в процесі написання робіт, чи їх редагування, чи їх публікації. І цю наукову опіку отримали не лише вони, а й інші майбутні вчені, чиїм керівником був Павло Степанович. Тож щиро його вітаємо, бажаємо у подальшому житті оптимізму, здоров'я, гарного настрою, творчої наснаги, реалізації всього задуманого, успіхів у всіх починаннях.

[1] Пламенный революционер. Жизнь и революционная деятельность Георгия Димитрова. К.: Изд. АН УССР, 1962. 216 с.

[2] Пламенный революционер. Жизнь и революционная деятельность Георгия Димитрова. 2-е, испр. и доп. изд. К.: Наукова думка, 1969. 254 с.

[3] Цогм хувьегалч (Полум'яний революціонер: Біографічний нарис про Георгія Димитрова). Улан-Батор, 1972. 252 с.

[4] Вогонь вічної дружби. К.: Політвидав України, 1966. 116 с.

[5] Очерки истории украинско-болгарских связей. К.: Наукова думка, 1976. 292 с.

[6] Очерци по история на украинско-българските връзки. С.: Наука и изкуство, 1979. 266 с.

[7] Болгарські інтернаціоналісти у боротьбі за владу Рад / *Панайотов, П., Сохань, П. С.* – В: Зарубіжні інтернаціоналісти в рядах борців за владу Рад на Україні. 1917–1920. К.: Наукова думка, 1967, 179–200; Интернационалисты на Украине / *Калениченко, П. М., Кулинич, И. М., Сохань, П. С.* – В: Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов на Юге и Востоке Республики. К.: Наука, 1971, 9–66; Їм славу дала Україна / *Даниленко, В. М., Кулинич, І. М., Мельниченко, В. Ю., Сохань, П. С.* К.: Політвидав України, 1989. 180 с.

[8] Дорогами дружби. К.: Політвидав України, 1989. 314 с.; Пътища на дружбата. С.: Партиздат, 1990. 472 с.

[9] Социалистический интернационализм в действии. Украинская ССР в советско-болгарском экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве (1945–1965 гг.). К.: Наукова думка, 1969. 328 с.

[10] Георгій Димитров і Україна. К.: Політвидав України, 1982. 108 с.; Георги Димитров и Украйна. С.: Партиздат, 1986. 163 с.

[11] Украинская ССР и зарубежные социалистические страны. К.: Наукова думка, 1965. 412 с.

[12] Науково-технічне співробітництво соціалістичних країн в умовах сучасної науково-технічної революції / *Пархомчук, С. М., Сохань, П. С.* – В: На магістралях дружби і братерства: Участь Української РСР у співробітництві Радянського Союзу з європейськими соціалістичними країнами. К.: Наукова думка, 1974, 219–230.

[13] Украинская ССР в научно-техническом сотрудничестве стран социализма. 1945–1970 /*Даниленко, В. М., Сохань, П. С.* К.: Наукова думка, 1988. 248 с.

[14] Укрепление братской дружбы и сотрудничества стран социалистического содружества /*Мельникова*, *И. Н., Кулинич, И. М., Хмель, И. С., Сохань, П. С.* К.: Наукова думка, 1981, 171–259.

[15] Формирането марксистко-ленинската концепция за историята на България. 1918–1944 /*Чернявский, Г. И., Сохань, П. С.* К.: Наука и изкуство, 1983. 207 с.

[16] Народная Республика Болгария в содружестве стран социализма. К.: Наукова думка, 1984. 288 с.

[17] Всенародное движение за болгаро-советскую дружбу / *Знаменская, М. В., Сохань, П. С.* – В: Деятельность обществ дружбы с СССР в странах социалистического содружества. К.: Наукова думка, 1987, 15–45.

[18] Советская и международная периодика о Болгарии (XI.1917–IX.1944): Историческая библиография. / *Чернявский, Г. И., Сохань, П. С.* С.: Народна библиотека „Кирил и Методий", 1970. 178 с.; Советская печать о Болгарии (XI.1917–IX.1944): Историческая библиография / *Чернявский, Г. И., Сохань, П. С.* С.: Народна библиотека „Кирил и Методий", 1970. 386 с.

НЕВТОМНИЙ ТРУДІВНИК НА НИВІ СЛОВ'ЯНОЗНАВСТВА
(до 80-річчя професора Володимира Чорнія)

С. Ю. Страшнюк

Знаному українському історику-славісту, ініціатору заснування та багатолітньому редакторові наукового збірника „Українське слов'янознавство" (перейменоване згодом у „Проблеми слов'янознавства"), директору Інституту славістики, професору кафедри історії Центральної та Східної Європи Львівського національного університету імені Івана Франка Володимиру Павловичу Чорнію цьогоріч виповнилося 80 років. Його ім'я та вагомий науковий доробок добре відомі в Україні та за її межами, передусім у Болгарії, історію якої він досліджує понад півстоліття.

Народився В. П. Чорній 15 липня 1931 р. на Тернопільщині у с. Киданів Бучацького району. Деякий час навчався у Чортківській та Станіславівській гімназіях, а потім перейшов до Бучацької середньої школи № 2, яку закінчив 1948 р. Тоді ж вступив на історичний факультет Львівського державного (нині – національного) університету імені Івана Франка. Як відмінник навчання й активний учасник студентського наукового товариства був рекомендований до аспірантури при нововідкритій кафедрі історії південних і західних слов'ян, якою керував відомий вчений проф. Д. Л. Похилевич.

Після закінчення у 1956 р. аспірантури В. П. Чорній був залишений на роботі у Львівському університеті. Відтоді життя вченого впродовж більш як півстоліття нерозривно пов'язане з цим вищим навчальним закладом, за винятком п'яти років (1968–1973), коли він очолював Дрогобицький педінститут. У Львівському університеті В. П. Чорній пройшов усі щаблі зростання як педагог, обіймаючи послідовно посади від лаборанта до професора. Зважаючи на сумлінне ставлення до роботи, керівництво вишу доручало йому й адміністративні посади – помічника проректора, завідувача кафедри, декана історичного факультету, директора Інституту славістики.

Ще у студентські роки В. П. Чорній зацікавився історією Болгарії. Особливий інтерес він проявляв до національно-визвольного руху 60–70-х років XIX ст. Його дипломна робота, а згодом і кандидатська дисертація були присвячені героїчній епопеї болгарського народу – Квітневому повстанню 1876 р. Не маючи змоги отримати наукове відрядження до Болгарії, аспірант зосередився на вивченні опублікованих джерел та фахової літератури. Водночас він максимально опрацював документи російських архівів, зокрема Архіву зовнішньої політики Російської імперії, Центрального державного воєнно-історичного архіву у Москві, Відділу рукописів Державної публічної бібліотеки Російської Федерації та ряду інших архівних сховищ тодішнього СРСР, у яких широко відображені антиосманські рухи на Балканах. Завдяки цьому вдалося розширити джерельну базу Квітневого повстання та ввести у науковий обіг новий фактичний матеріал. На підставі архівних та інших джерел, а також критично опрацьованої фахової літератури В. П. Чорній опублікував чимало статей, присвячених різним аспектам болгарського національно-визвольного руху, а у 1976 р. з нагоди століття Квітневого повстання видав на цю тему монографію[1], яка викликала зацікавлення українських та зарубіжних вчених, про що свідчать шість позитивних рецензій.

Трохи згодом, у 1980 р., за ініціативою та за редакцією В. П. Чорнія у Львові, а наступного року у Велико Тирново, відповідно російською та болгарською мовами, вийшла книга під на-

звою „Незабываемый подвиг“, присвячена століттю визволення Болгарії від османського гніту. Вона була підготовлена спільними зусиллями вчених Львівського та Великотирновського університетів, які впродовж більше двох десятиліть підтримували між собою тісні зв'язки.

У 2002 р. з нагоди 70-річчя вченого вийшов друком збірник його статей „Слов'янознавчі студії“, перший розділ якого має назву „Болгаристика“ (до нього увійшли найважливіші штудії автора з питань національного Відродження). На особливу увагу заслуговують міркування дослідника щодо хронологічних рамок та періодизації Болгарського Відродження. А істориків славістики радянської доби неодмінно мають зацікавити його „Автобіографічні нотатки“, де автор пояснює чому так важливо було українським історикам – як науковцям, так і викладачам – розкривати різні аспекти національно-визвольних рухів на матеріалі зарубіжних країн („бо фахівці з історії України робити цього практично не могли“). „Слухаючи лекції або читаючи книги про національні рухи інших народів, частина студентів … мала змогу порівнювати їх з подіями української історії та робити для себе відповідні висновки. […] Особливо благодатним у цьому відношенні, – зазначає Володимир Павлович, – був матеріал мого спецкурсу, присвяченого Болгарському національному Відродженню. На конкретних прикладах тут можна було говорити про любов до рідної мови, свого народу, вітчизни“[2].

Варто також згадати, що В. Чорній є автором кількох розділів, присвячених Болгарії в українських підручниках для студентів університетів, а саме: „Історія південних і західних слов'ян“ (Київ, 1987) та „Історія країн Центрально-Східної Європи“ (Львів, 2001), а також навчальних програм та методичних матеріалів на цю ж тематику.

У болгаристичному доробку В. Чорнія є ще один аспект, а саме – історіографічні огляди і рецензії, а також статті методологічного характеру. Передовсім, тут необхідно назвати його публікації на такі теми: історіографія українсько-болгарських взаємин з акцентом на праці П. С. Соханя; розвиток історичної болгаристики в Україні, зокрема у Львівському університеті. З-під пера В. Чорнія вийшли також рецензії на монографії О. Бейліса про становлення марксистської історіографії у Болгарії, М. Брайчевського – про походження слов'янської писемності, Г. Ніколова – про політичний устрій ранньосередньовічної Болгарії, а також на документальний каталог „Украинската емиграция в България след Първата световна война“ та ін.

Упродовж кількох десятиліть (від середини 1970-х і до недавнього часу) В. Чорній брав участь у численних наукових заходах, що їх організовували різні болгарські інституції, зокрема у відзначенні 100-ліття Квітневого повстання (Софія, Враца, Копривщиця – 1976); у Першому конгресі з болгаристики (Софія – 1981); у міжнародних симпозіумах „Університетські дослідження і викладання болгарської історії“ (Пампорово – 1981) і 110-ліття визволення Болгарії з-під османського гніту (Плевен – 1987), 300-ліття Чипровського повстання (Софія – 1988). В. Чорній був одним з найактивніших організаторів та учасників Міжнародної наукової конференції, присвяченої 1300-літтю Болгарської держави (Львів – 1981).

Довготривала дослідницька та викладацька праця В. Чорнія, зосереджена переважно на болгарській історії; опубліковані ним книги, статті та рецензії цілком природно спричинилися до зародження у вченого ідеї написання цілісної історії Болгарії, тим більше, що такої книги українською мовою до цього не було. Підсумком багаторічних болгарознавчих студій вченого стала „Історія Болгарії“[3] – перша україномовна історія болгарського народу, написана українським автором. Вийшовши у світ, вона відразу ж викликала значний резонанс у наукових колах і громадськості. Книга зацікавила читачів не тільки як спроба цілісного відображення понад 1300-літньої історії цієї балканської країни, а й як ґрунтовне дослідження, що у багатьох моментах пропонує нові оригінальні інтерпретації найголовніших явищ та процесів болгарського політичного, соціально-економічного, церковно-релігійного та культурного життя в різні історичні епохи. На особливу увагу заслуговує третя частина книги – „Болгарія в період османського панування (1396–1878)“, яка ґрунтується на власному науковому доробку автора. Дуже цікавими є також сюжети, які послідовно висвітлюють розвиток болгарсько-українських відносин від найдавніших часів до сьогодення.

Загалом наукові праці Володимира Павловича добре відомі не лише в Україні, а й далеко за її межами. Так, внесок українського вченого у вивчення історії й культури болгарського народу

високо оцінено в Болгарії: він нагороджений трьома болгарськими урядовими медалями (1978, 1981, 1984) та почесним знаком „Марин Дринов“ Болгарської академії наук (2010).

Будучи багаторічним відповідальним редактором наукового збірника „Проблеми слов'янознавства“, а з 1992 р. ще й директором Інституту славістики, Володимир Чорній приділяє багато уваги й іншим ділянкам слов'янознавства, передусім питанням історії та методології української славістики (це, зокрема, наукові розвідки „Історія української славістики (предмет, напрями та періодизація)“, „Праця Д. Дорошенка „Слов'янський світ“: українська візія слов'янства“, „Славістична спадщина Михайла Драй-Хмари“, „Львів як осередок слов'янознавства“ та ін.).

Ще один напрям славістичних студій В. Чорнія стосується взаємовідносин України та українців зі слов'янським світом. Тут варто згадати статті „До генези слов'янської ідеї в Україні“, „Кирило-Мефодіївське братство в контексті українського і слов'янського національного відродження“, „Нове слов'янофільство та українське питання в оцінці Михайла Грушевського“. Окрім того, В. Чорнію вдалося натрапити на, по суті, забутий документ від 1922 р. під назвою „Меморандум європейських славістів у справі лужицьких сербів“, під яким поставила свої підписи і група українських учених.

Окремі наукові розвідки В. П. Чорнія націлені на вивчення загальнослов'янської проблематики. Маємо на увазі „Слово про подвижників слов' янської культури Святих Кирила і Мефодія“, „Юрій Венелін – будитель слов'янських народів“, „Слов'янський федералізм: розвіяні ілюзії чи втрачені можливості? (До питання про причини розпаду Югославії та Чехословаччини)“.

Загалом В. Чорній є автором 250 публікацій, які стосуються слов'янознавства. У тому числі він – співавтор і відповідальний редактор підручника (Київ, 1987), програми (Львів, 1997) та інших навчально-методичних видань з історії південних та західних слов'ян.

Як педагог В. П. Чорній у різний час читав такі нормативні курси: історія південних та західних слов'ян, історія країн Центральної та Східної Європи, історія Болгарії, вступ до історії, а також спецкурси: історіографія південних і західних слов'ян, історія вітчизняного слов'янознавства, Болгарське національне відродження, етногенез болгар; продовжує вести наукові семінари, керувати дипломними та магістерськими роботами. Під керівництвом професора захищено сім кандидатських дисертацій.

В. Чорнію належить ініціатива щорічного проведення з 1992 р. у Львівському національному університеті ім. Івана Франка міжнародного славістичного колоквіуму, присвяченого пам'яті творців слов'янської писемності – рівноапостольних Кирила і Мефодія. Це славістичне зібрання було започатковане з метою стимулювання розвитку слов'янознавства в Україні. В останні двадцять років у львівських славістичних колоквіумах поряд з українськими науковцями беруть участь і зарубіжні славісти, зокрема з Польщі, Сербії, Болгарії, Чехії, Росії, Хорватії, Білорусії, Німеччини та інших кран. З 1992 по 2011 рр. відбулося 20 колоквіумів.

Окремо відзначимо й те, що В. П. Чорній підтримує контакти з харківськими славістами. Зокрема, його перша наукова розвідка ще в часи навчання у Львівському університеті, 1952 року, вийшла друком саме у Харкові. Опонентом на захисті його кандидатської дисертації 4 червня 1966 р. був декан історичного факультету Харківського університету професор С. І. Сідельников. В рукописному фонді Центра болгаристики та балканських досліджень імені М. Дринова ми розшукали офіційний відгук на кандидатську дисертацію ювіляра, де зокрема зазначалося: „Дисертант показав вміння самостійно вирішувати дуже складні проблеми джерелознавчого та історіографічного характеру“ й назагал давалася висока оцінка виконаної роботи[4], що була першою в СРСР спробою дослідити всі головні проблеми, пов'язані з причинами, перебігом та поразкою Квітневого повстання 1876 р. Уважно поставився Степан Іванович й до наукового доробку В. П. Чорнія в одній із останніх своїх історіографічних статей[5]. Дружні контакти підтримував В. П. Чорній з Г. М. Поповим, Є. П. Пугачем, Г. Й. Чернявським та іншими харківськими вченими, неодноразово виступав у Харківському університеті на наукових конференціях.

На глибоке переконання харківських славістів (сподіваюсь, мене підтримають й представники інших наукових осередків), В. П. Чорній є не лише взірцем фаховості, а й уособленням найкращих моральних чеснот: порядності, інтелігентності, толерантності, душевної щедрості та готовності будь-коли надати допомогу, поділитися знаннями і досвідом.

Незважаючи на поважний вік, ювіляр продовжує трудитися на ниві болгаристики і славістики. Без нього неможливо уявити функціонування львівського Інституту славістики, видання збірника „Проблеми слов'янознавства", проведення в останні два десятиліття щорічного міжнародного славістичного колоквіуму. Тож побажаємо йому здоров'я і наснаги, нових творчих злетів і талановитих учнів, що гідно продовжили б кращі традиції львівської школи слав'янознавства, одним з чільників якої є Володимир Павлович Чорній. Честито, професоре!

[1] *Чорний, В. П.* Героическая эпопея болгарского народа: Апрельское восстание 1876 года. Львов, 1976.

[2] *Чорній В.* Слов'янознавчі студії. Львів, 2002, с. 306.

[3] *Чорній, В. П.* Історія Болгарії. Львів, 2007, 404 с.

[4] Рукописний відділ Центру болгаристики та балканських досліджень ім. М. Дринова Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Особистий архів проф. С. І. Сідельнікова. Оп. 1, а.о. 525: Отзыв на кандидатскую диссертацию В. П. Чорния „Апрельское восстание в Болгарии 1876 года". Львов, 1966, 544 м. с., л. 2.

[5] *Сидельников С. И.* Советская и болгарская историография Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии. – Вопросы истории, 1976, № 4, 57–58, 66.

Г. И. ЧЕРНЯВСКИЙ – УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

(к 80-летию со дня рождения)

М. Г. Станчев, Н. Н. Канистратенко

В этом году исполняется 80 лет известному советскому и украинскому историку-болгаристу, живущему ныне в США, профессору, доктору исторических наук Георгию Иосифовичу Чернявскому. Георгий Иосифович родился 29 ноября 1931 года в г. Харькове в семье вузовского преподавателя правовых дисциплин. Еще обучаясь в 131-й харьковской средней школе, которую окончил в 1949 г. с серебряной медалью, юный Георгий много слышал о герое Лейпцигского процесса 1933 г. Георгии Димитрове. Рассказы отца и матери о совместной работе с другим известным болгарским деятелем Христианом Раковским, являвшимся в 1919–1923 годах главой Совнаркома Украины в Харькове, который в свою очередь хорошо знал Г. Димитрова лично, также пробудили интерес к Болгарии. Когда Г. Чернявский стал студентом исторического факультета Харьковского университета (1949–1954 гг.), у него появился устойчивый научный интерес к Болгарии, ее истории, политике и культуре. Его учителем и наставником со второго курса стал известный ученый-болгарист проф. С. И. Сидельников, у которого не одно поколение студентов истфака Харьковского государственного университета слушало лекции по новой и новейшей истории, спецкурс о революционном движении болгарского народа в 60–70-е гг. XIX века.

Под руководством проф. Сидельникова Г. Чернявский стал писать о молодежном движении Болгарии, ставшем темой его дипломной работы, а затем и кандидатской диссертации, защищенной в 1959 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР. Оппонировали ему известные „киты“ советской болгаристики проф. С. А. Никитин и к.и.н. М. А. Бирман.

Трудовая деятельность Г. Чернявского начинается с 1954 года, когда закончив с отличием университет, он был направлен преподавателем истории в Харьковское кооперативное училище, где проработал до 1961 г. С 1961 года Г. И. Чернявский становится преподавателем Харьковского государственного библиотечного института (с 1964 г. – Харьковский государственный институт культуры, ныне – Харьковская государственная академия культуры), где и работал преподавателем, доцентом, профессором, заведующим кафедрой культурно-просветительной работы (с 1966 г.), всеобщей истории (с 1972 г.), всеобщей истории и музеологии (с 1993 г.) вплоть до переезда в 1996 году в г. Балтимор (США), где проживает и в настоящее время[1].

Годы работы Г. И. Чернявского в Харьковской государственной академии культуры стали временем его формирования как одного из ведущих историков-славистов СССР. В 1969 г. Г. И. Чернявский защитил докторскую диссертацию, посвященную рабочему движению в Болгарии в 1925–1929 гг. Проф. А. М. Шнитман из Мурманска в своем отзыве на автореферат тогда шутливо написал: „До сих пор были известны два доктора наук по истории Болгарии, работающие в Харькове*. Теперь в городе будет третий доктор наук болгарист. Таким об-

* Речь идет о профессорах, докторах исторических наук С. И. Сидельникове и Г. Н. Попове.

разом, Харьков выходит на первое место в мире по числу докторов наук – специалистов по болгарской истории“.

В 1970 г. Г. И. Чернявскому было присвоено ученое звание профессора. За годы работы в академии ученым было опубликовано почти 450 научных, учебно-методических, научно-популярных работ, среди которых „Борбата на БКП против врангелисткия заговор“, „Рабочее движение в Болгарии в период частичной стабилизации капитализма. 1925–1929 гг.“, „Съветската обществеост и революционното движение в България. 1933–1944“, „Формиране на марксистко-ленинската концепция на историята на България 1918–1944“, „Против извращенията на българската история“, „В борьбе против самовластия: Х. Г. Раковский в 1927–1941 гг.“, „Между Москвой и Западом: Дипломатическая деятельность Х. Г. Раковского“, „Фарс на крови“[2]. Кроме того, ученым были подготовлены две фундаментальные историко-библиографические работы „Советская печать о Болгарии“ и „Советская международная периодика о Болгарии“[3] (в соавторстве с другим известным украинским историком-славистом П. С. Соханем).

Плодотворную и разноплановую научную деятельность Г. И. Чернявский сочетал с преподавательской работой, считая ее не менее важной, чем научные изыскания. Еще работая на кафедре культурно-просветительной работы, он в соавторстве с коллегами А. П. Виноградовым и С. А. Пиналовым подготовил первое фундаментальное исследование „История культурно-просветительной работы в СССР“[4], которое не потеряло своей актуальности вплоть до распада Советского Союза. Им разрабатывается и читается основной курс „История культурно-просветительной работы в СССР“, а позже, с переходом на кафедру всеобщей истории, курс „Новая и новейшая история“. О постоянном совершенствовании Г. И. Чернявским читаемых курсов свидетельствуют многочисленные материалы к лекциям по новой и новейшей истории, источниковедению и историографии, хранящиеся в личном архиве ученого[5].

Параллельно, в течение многих лет, Г. И. Чернявский читает спецкурсы по источниковедению и историографии на Кафедре новой и новейшей истории Исторического факультета Харьковского государственного университета.

По инициативе Г. И. Чернявского в Харьковской государственной академии культуры в 1989 году открывается музейное отделение и начинается, впервые в Украине, подготовка историков-музееведов. Первые учебные планы, разработанные Г. И. Чернявским, помимо широкого спектра специальных музееведческих дисциплин предусматривали фундаментальное изучение студентами комплекса исторических, искусствоведческих дисциплин, иностранных языков. Этот принцип построения учебного процесса по настоящее время является стержневым при разработке образовательно-профессиональных программ специальности „Музейное дело и охрана памятников истории и культуры“. За многолетнюю активную учебно-воспитательную и научно-исследовательскую деятельность профессору Г. И. Чернявскому в 1979 г. было присвоено государственное почетное звание „Заслуженный работник высшей школы Украинской ССР“. Ученый также был награжден медалью „За доблестный труд“[6].

Одновременно с плодотворной научно-исследовательской и педагогической деятельностью Г. И. Чернявский проводит большую научно-организационную работу. С середины 60-х годов XX века он являлся членом организационных комитетов всесоюзных конференций историков-славистов. Две из них – в 1970 и 1985 гг. – были проведены в Харькове. Он был членом специализированных советов по защите докторских и кандидатских диссертаций на историческом факультете Харьковского университета и в Харьковском институте культуры. В первой половине 90-х годов являлся председателем специализированного совета Института культуры по проблемам культурологии, библиотечного и музейного дела. С 1992 по 1996 г. Г. И. Чернявский являлся председателем правления Межреспубликанской научной ассоциации болгаристов, охватывавшей специалистов по истории Болгарии, болгарскому языку и литературе и другим отраслям, связанным с этой страной. Под его непосредственным руководством ассоциация провела несколько представительных международных научных конференций с участием не только украинских ученых, но также специалистов из Германии,

Франции, США, Болгарии, стран СНГ, в частности в 1993 г. в Харькове состоялась Международная научная конференция „Тоталитаризм и антитоталитарное движение в Болгарии, СССР и других странах Восточной Европы (20–80-е годы XX столетия)“, материалы которой под его редакцией изданы в двух томах.

Анализируя исследовательское творчество профессора Г. И. Чернявского, можно выделить ряд научных проблем, которые были в центре внимания его интересов. Основной являлась история рабочего движения в Болгарии. Писал он свои книги честно, как сам представлял себе существо научных проблем, разумеется, с учетом искусственных ограничений, предопределенных существом режима (о котором он пишет в своих новых последних работах) и стереотипами советской историографии, характерными для 1950–1980-х годов.

С позиций нынешнего дня Г. И. Чернявский многое пересмотрел в своих научных подходах, но и многое, написанное им в советское время, ныне звучит так же актуально, как если это бы было опубликовано вчера. Теперь он совершенно иначе оценивает „большевизацию“ коммунистического движения в Болгарии, чем в работах 60-х гг., определяя ее как средство навязывания болгарской компартии большевистско-сталинской модели и превращения ее в сателлита СССР на Балканах.

Другой научной проблемой, интересовавшей Г. И. Чернявского, были и остаются русско-болгарские и советско-болгарские отношения и связи. Он опубликовал две монографии в Болгарии в соавторстве с известными болгарскими учеными: о „врангелевском заговоре“ и отношению советской общественности к революционному движению в Болгарии между двумя мировыми войнами[7].

В книге, посвященной врангелевцам, доминирует характерный для историографии того времени стереотип негативной оценки белой эмиграции в Болгарии. Однако, в отличие от других авторов, Г. И. Чернявский пытается дифференцировать эмиграцию. Концепция существования врангелевского заговора в Болгарии, высказанная Г. И. Чернявским и его соавтором в книге, где о заговоре говорится как о безусловной данности, подтвердилась не полностью. Но дальнейший анализ проблемы привел автора к недоумению. Все попытки разыскать документы, подтверждающие наличие заговора врангелевцев в союзе с правыми болгарскими силами, публиковавшиеся в прессе, в архивах обнаружить не удалось. Точно также не подтвердились данные об участии белых эмигрантов в подавлении сентябрьского восстания 1923 г. Создается впечатление, по мнению Г. И. Чернявского, что существовало своего рода прощупывание белых генералов правыми политическими силами Болгарии, враждебно относившимися к стоявшему у власти правительству А. Стамболийского.

В своих работах, направленных против извращений болгарской истории[8], автор много внимания уделяет критике взглядов западных историков. Некоторые из этих положений ныне устарели или оказались, в свете нынешних взглядов автора, не вполне верными, в частности, интерпретация понятия „буржуазной историографии“, от которого Г. И. Чернявский ныне отказался как от научной дефиниции, пытаясь показать именно идейно-политические, а не классовые позиции историков.

Близки к историографической проблеме и аспекты источниковедения, архивоведения, библиографии и научной критики, которыми занимается Г. И. Чернявский. Его перу принадлежат работы, посвященные выявлению важных документов, научные комментарии к ним. Автор открыл ряд статей, принадлежавших Г. Димитрову и Х. Раковскому, опубликованных в свое время под псевдонимами или инициалами, впервые опубликовал переписку В. Г. Короленко с Х. Г. Раковским и Х. Г. Раковского с Л. Д. Троцким и многое другое.

Последняя тема привела его к сотрудничеству с профессором Юрием Фельштинским (США), с которым он занимается в настоящее время научной публикацией архива Троцкого. В Харькове вышли первые два тома этого археографического проекта (1999, 2001). В московском издательстве „Терра“ находятся все девять томов, которые еще, к сожалению, не опубликованы, но существует электронный вариант издания, размещенный в Интернете и дающий возможность историкам всех стран ознакомиться с богатой документацией этого неординарного и противоречивого социал-демократического, а затем большевистского деятеля.

Особое место в творчестве профессора Г. И. Чернявского занимает персоналия. Известны его работы о деятелях болгарского рабочего движения В. Коларове, Г. Димитрове, Г. Бакалове и Х. Раковском. Много внимания было уделено В. Коларову, в частности, о его пагубной роли в судьбах болгарской эмиграции в СССР и в трагической судьбе Трайчо Костова.

В конце 80-х годов Г. И. Чернявский занялся изучением политической биографии видного деятеля международного социал-демократического движения, а затем одного из советских лидеров Христиана Раковского. На эту тему из-под пера автора и его соавторов вышли три книги[9]. В свете новых, доселе неизвестных документов, открытых в архивах России, Украины, Болгарии, США, Великобритании, авторы по новому подошли к освещению политической биографии Раковского, уйдя от старых стереотипов. Их концептуальная установка состояла в том, что в лагере большевиков, в основе своей склонных к разрушительным инверсиям, Х. Раковский был в числе немногих индивидуумов, стремившихся к поиску разумной медиации, что привело его к присоединению к оппозиционной деятельности против Сталина, а затем и к трагической судьбе жертвы советского тоталитаризма. Теперь проф. Г. И. Чернявский в соавторстве с М. Г. Станчевым и М. В. Лобановой подготовил фундаментальную политическую биографию Х. Г. Раковского, которая планируется к изданию в Москве и в Софии.

Работа над биографией Раковского и документами из архива Троцкого, в которых большое внимание уделяется критике сталинского режима в СССР, их совместной оппозиционной деятельности против Сталина и его клики, уже в США привела Г. И. Чернявского к мысли о фундаментальной работе, в которой давался бы сравнительно-исторический анализ двух основных форм тоталитаризма[10]. Автор исследует общие и отличительные черты германского и советского тоталитарных режимов, их происхождение, этапы развития и преодоление их последствий на базе уже вышедшей западной и постсоветской литературы и разнообразных источников, ставших достоянием историков в последнее время.

Продолжением данной темы, но уже в жанре исторической публицистики, стал выход книг о социально-политической истории XX века под общим названием „Притчи о Правде и Лжи“ и „Новые притчи о Правде и Лжи“, в которых, наряду с обширной тематикой по политической истории России, Германии и Западной Европы, затрагивается и болгарская проблематика[11].

В последние годы Г. И. Чернявский в своих научных исследованиях вновь возвращается к болгарской истории. В 2006 г. увидела свет новая книга Г. И. Чернявского и М. Г. Станчева о Георгии Бакалове на русском языке в Болгарии, в которой прослеживается весь его политический путь, включая и „советский период“ жизни[12].

После 12 лет отсутствия, проф. Чернявский в 2006 г. вновь возвращается в Болгарию работать над новой книгой о судьбе болгарских евреев в годы Второй мировой войны совместно с проф. Л. Л. Дубовой (США). Книга вышла в свет в 2007 г. в издательстве Болгарской академии наук и вызвала несомненный интерес у читателей, прежде всего интерпретацией авторов на основе новых архивных материалов ответственности тогдашних болгарских властей за судьбы болгарских евреев из Македонии и Фракии, не получивших болгарского подданства и отправленных в лагеря смерти. Посольство Израиля в Болгарии и ведущие еврейские организации в стране организовали пышную презентацию книги (правда, без участия авторов), нашедшую различные оценки в болгарской печати. Событием стало и появление в Софии в 2008 году книги Г. И. Чернявского, посвященной Льву Троцкому и его связям с Болгарией и болгарами. За свои научные заслуги (им опубликованы более 60 книг и 400 статей) проф. Г. И. Чернявский награжден Ломоносовской премией, Большой золотой медалью Софийского университета и Орденом Кирилла и Мефодия I степени Республики Болгария. Георгий Иосифович явился основателем и первым председателем Межреспубликанской научной ассоциации ученых-болгаристов и „Болгарского ежегодника“, издававшегося первоначально в Харькове, а затем в Киеве. Ныне, живя в г. Балтимор, проф. Чернявский продолжает активно заниматься наукой и преподаванием. Он читает спецкурс по проблемам тоталитаризма в университете Джонса Гопкинса, публи-

куется в русскоязычных газетах США. Последние годы были особенно плодотворными для Г. И. Чернявского, выпустившего самостоятельно и с соавторстве с проф. Ю. Фельштинским дюжину археографических трудов, в частности, воспоминания известного русского экономиста и революционера В. С. Войтинского „1917-й: Год побед и поражений“ (М., 1999), „Красный террор в годы гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков“ (М., 2004), „Lenin and the Making of the Soviet State: A Brief History with Documents“. Boston-New York: Bedford-St.Martin's, 2007. With Jeffrey Brooks.

Одной из последних книг проф. Г. И. Чернявского явилась фундаментальная биография Льва Троцкого, изданная в серии „ЖЗЛ“ в 2010 году, а также трехтомное археографическое издание „Л. Троцкий. Сталин“ (М., 2011, тт. 1–3).

Желая юбиляру крепкого здоровья и успехов, мы надеемся, что Георгий Иосифович еще долго будет радовать научную общественность Украины, России, Болгарии и США новыми оригинальными исследованиями.

[1] Архив Харьковской государственной академии культуры, оп. 96–98, ед. хр. 88, д. 17.

[2] *Чернявский, Г., Даскалов, Д.* Борбата на БКП против врангелисткия заговор. С., 1964; Рабочее движение в Болгарии в период частичной стабилизации капитализма. 1925–1929 гг. Харьков: Изд. Харьк. ун-та, 1968; *Мичев, Д., Чернявски, Г.* Съветската общественост и революционното движение в България. 1933–1944. С., 1979; *Сохан, П. С., Чернявски, Г. И.* Формиране на марксистко-ленинската концепция на историята на България 1918–1944. С., Наука и изкуство, 1983; *Чернявски, Г.* Против извращенията на българската история. С., 1986; *Станчев, М. Г., Чернявский, Г. И.* В борьбе против самовластия: Х. Г. Раковский в 1927–1941 гг. Харьков, 1993; *Головко, В. А., Станчев, М. Г., Чернявский, Г. И.* Между Москвой и Западом: Дипломатическая деятельность Х. Г. Раковского. Харьков, 1994; *Станчев, М. Г., Чернявский Г. И.* Фарс на крови. Харьков, 1997.

[3] *Сохань, П. С., Чернявский, Г. И.* Советская печать о Болгарии. Ноябрь 1917 – сентябрь 1944. Историческая библиография. С., Народна библиотека „Кирил и Методий“, 1970; Советская и международная периодика о Болгарии. Октябрь 1917 – сентябрь 1944. Историческая библиография. С., Народна библиотека „Кирил и Методий“, 1971.

[4] *Виноградов, А. П., Пиналов, С. А., Чернявский, Г. И.* История культурно-просветительной работы в СССР. Часть 1. Внешкольное образование в России до Великой Октябрьской революции. Харьков, 1969; *Андреева, М. С., Виноградов, А. П., Пиналов, С. А.* История культурно-просветительной работы в СССР. Часть 2. Советский период. Харьков, 1970.

[5] Архив Харьковской государственной академии культуры, ф. „Личный архив Г. И. Чернявского“, ед. хр. 71–78.

[6] Там же, оп. 96–98, ед. хр. 88, д. 17, л. 53.

[7] *Чернявски, Г., Даскалов, Д.* Борбата на БКП...; *Чернявски, Г., Мичев, Д.* Съветската общественост...

[8] *Чернявски, Г.* Против извращенията...

[9] *Чернявский, Г. И., Станчев, М. Г.* В борьбе против самовластья..; *Головко, В. А., Чернявский, Г. И., Станчев, М. Г.* Между Москвой и Западом..; *Станчев М. Г., Чернявский Г. И.* Фарс на крови...

[10] *Чернявский, Г. И.* Тень Люциферова крыла. Большевизм и национал-социализм: Сравнительно-исторический анализ двух форм тоталитаризма. Харьков, 2003.

[11] *Чернявский, Г. И.* Притчи о Правде и Лжи: Политические драмы XX века. Харьков, 2003; Новые притчи о Правде и Лжи: Политические драмы XX века. Харьков, 2005.

[12] *Чернявский, Г. И., Станчев, М. Г.* Георгий Бакалов: Политическая биография (с культурологическим компонентом). С., 2006.

„БОЛГАРИ ПІВНІЧНОГО ПРИЧОРНОМОР'Я“: ЗРІЗ СУЧАСНОГО СТАНУ НАУКОВИХ ДОСЛІДЖЕНЬ

С. І. Пачев

15–16 жовтня 2010 р. у м. Мелітополі відбулася XI Міжнародна наукова конференція „Болгари Північного Причорномор'я“, організована Центром болгаристики Мелітопольського державного педагогічного університету імені Богдана Хмельницького та Одеським науковим товариством болгаристів. До організації долучилися також Великотирновський університет імені Святих Кирила і Мефодія, Запорізька обласна державна адміністрація, Виконавчий комітет Мелітопольської міської ради, Мелітопольський краєзнавчий музей, Асоціація болгар України, Мелітопольське товариство болгарської культури „Балкани“.

„Болгари Північного Причорномор'я“ вже двадцять років є авторитетним міжнародним науковим форумом з даної проблематики. Перша зустріч цієї серії відбулася 21 листопада 1991 р. у Великотирновському університеті імені Святих Кирила і Мефодія[1]. У цілому, в 1991–2004 рр. у Велико Тирново відбулося 7 конференцій та вийшло друком 8 томів однойменного наукового збірника. З 2005 р. цей форум перемістився в Україну, де його організацію взяло на себе Одеське наукове товариство болгаристів. У 2005 р. та 2007 р. конференції пройшли в Одесі, у 2008 р. – в Ізмаїлі.

На XI конференцію було заявлено доповіді понад ста учасників з України (Бердянськ, Горлівка, Дніпропетровськ, Донецьк, Запоріжжя, Київ, Мелітополь, Одеса, Полтава, Суми, Харків), Болгарії (Благоєвград, Бургас, Велико Тирново, Сілістра, Софія, Шумен), Польщі (Познань), Молдови (Кишинів), Росії (Бєлгород) та США (Чикаго). Частина вчених взяла участь у роботі конференції заочно.

На відкритті конференції з вітаннями виступили т.в.о. ректора Мелітопольського державного педагогічного університету імені Богдана Хмельницького доцент *В. В. Молодиченко*, голова Фонду підтримки болгарської культури Таврії *С. С. Желєв*, зав. сектором у справах національностей, релігії та міграцій виконавчого комітету Мелітопольської міської ради *Н. М. Козеряцька*.

На першому пленарному засіданні д.і.н., професор Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна *М. Г. Станчев* доповів про другий том проекту „Болгары в Российской империи, СССР, странах Балтии и СНГ“; д.і.н., професор Великотирновського університету імені св. Кирила і Мефодія *І. Стоянов* розкрив тему „Южноруските българи като фактор за появата на русофобство сред българската емиграция“, а голова Запорізького обласного товариства болгарської культури, к.тех.н. *В. В. Мітков* визначив проблеми національного відродження болгар Приазов'я.

Секції були сформовані за дисциплінарним принципом: I секція „Історія болгар та болгари в історії, історія болгаристики“ вмістила історичні та історіографічні доповіді; II секція „Традиція та сучасність у культурі, болгарські діаспори у світі“ об'єднала етнологів і фольклористів, до яких долучилися правознавці та політологи; III секцію „Літературна спадщина та проблеми мовознавства“ склали філологи. У рамках конференції також відбувся II Міжнародний семінар „Болгари Північного Приазов'я: традиції та інтеркультурність“, що об'єднав представників різних наукових галузей.

Вагоме місце посіли доповіді з історії болгарської спільноти в Україні та Молдові: доц. *В. В. Гудзь* (МДПУ імені Богдана Хмельницького) розкрив тему „Болгарська національна меншина в роки коренізації“, *О. О. Мельник* (Таврійський державний агротехнологічний університет, м. Мелітополь) у співавторстві з *Н. І. Любовець* (Інститут біографічних досліджень НБУ імені В. І. Вернадського, Київ) дослідили „Становлення національних органів влади в болгарських районах України у 20-х роках XX ст.“; *М. В. Сяров* (МДПУ імені Богдана Хмельницького) висвітлив діяльність болгарської підпільної групи в Криму у роки Великої Вітчизняної війни; *В. В. Турков* (Сумський державний педагогічний університет імені А. С. Макаренка) проаналізував економічне становище болгарського населення України в 20-х роках XX ст.; *С. В. Петков* (Класичний приватний університет, Запоріжжя) розглянув історію і сучасність вільшанських болгар; *Л. І. Полякова* (Запорізький національний університет) проаналізувала етносоціальний розвиток болгар півдня України у 60–80 рр. XX ст.; *О. М. Приймак* (Запорізький національний університет) з'ясував критерії позиціонування болгарського населення в селянському соціальному просторі Південної України кінця XX – початку XXI ст.

Порівняно з попередніми конференціями зменшилася увага до археології та ранньої історії болгар. *О. В. Замуруйцев* (МДПУ імені Богдана Хмельницького) зробив огляд пам'яток Салтівської культури; *Н. Хрисимов* (Великотирнівський університет імені Святих Кирила і Мефодія) дослідив слов'яно-протоболгарські відносини до заснування Болгарської держави; до проблем античної історії Фракії та Скіфії звернувся *А. Г. Чередниченко* (Білгородський державний університет).

Історія повсякденності болгар Бессарабії досоціалістичного, соціалістичного та постсоціалістичного періоду знайшла відображення у доповідях *Д. Д. Петкова* та *А. П. Бургелі* (Одеський національний університет імені І. І. Мечникова), *Я. Янчевої* та *С. Средкової* (Інститут етнології та фольклористики із Етнографічним музеєм БАН, Софія).

Доповідачами були актуалізовані питання історії болгаристики та історіографії. *Н. І. Самойленко* (Полтавський національний технічний університет імені Юрія Кондратюка) звернулася до постаті історика В. Н. Жук; *С. І. Пачев* (МДПУ імені Богдана Хмельницького, докторант Запорізького національного університету) показав внесок М. Д. Дихана у вивчення історії болгар України; *В. М. Пачева* (МДПУ імені Богдана Хмельницького) розкрила історію досліджень болгарських говірок Запорізької області; *І. Грек* (Кишинів) відзначив місце гагаузів у діяльності І. І. Мещерюка; *О. Ю. Жиряков* (МДПУ імені Богдана Хмельницького) звернувся до осмислення сучасною російською історіографією ролі Болгарії у Другій світовій війні.

Тему українсько-болгарських взаємин у своїх доповідях порушили *Г. І. Александрова* (МДПУ імені Богдана Хмельницького) – „Звільнення Болгарії радянськими військами“; ас. *В. В. Гудзь* (МДПУ імені Богдана Хмельницького) – „Українсько-болгарські відносини на зламі тисячоліть“; *Я. В. Попенко* (МДПУ імені Богдана Хмельницького) – „Україна – Болгарія: досвід міждержавних взаємин часів Гетьманату П. Скоропадського“; *Г. Атанасов* (Регіональний історичний музей, Сілістра) – „Суворов и българите по време на руско-турските войни 1768–1774 г. и 1789–1791 г.“.

Окремим проблемам історичної болгаристики присвячені доповіді *П. Павлова* (Великотирновський університет імені Святих Кирила і Мефодія) „Българи и татари: историческите извори и фолклора“ та *С. Ю. Страшнюка* (Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна) „Под давлением Тито и диктатом Сталина: как и для чего внедрялось македонское национальное самосознание среди болгар Пиринского края в 1944–1946 гг.“. *Я. О. Колесник* (Одеський національний університет імені І. І. Мечникова) дослідила геополітичні інтереси України та Болгарії у чорноморському регіоні.

Традиційно великий блок склали доповіді з етнології та фольклористики. Обрядовість болгар Бессарабії на прикладі обряду „курбан“ дослідили *О. Петрова* (Одеський національний університет імені І. І. Мечникова) у співавторстві із *П. Христовим* (Інститут етнології та фольклористики із Етнографічним музеєм БАН, Софія). *О. Б. Чер-*

венко (Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології імені М. Т. Рильського НАНУ) розглянула символіку кольорів у болгарській поховальній обрядовості. *М. П. Філіпова* (Одеський національний університет імені І. І. Мечникова) розкрила особливості шлюбної моделі болгар Бессарабії першої половини XIX ст.

Низку доповідей представили співробітники Інституту етнології та фольклористики із Етнографічним музеєм БАН. *Ж. Пімпірева* реконструювала інтеркультурні відносини болгар з представниками інших етносів Бессарабії на основі усних наративів („жизнени истории"). *Е. Мінчева* дослідила елемент народної архітектурі („покривът") на прикладі декількох болгарських сіл Одеської області. Особливості господарювання болгар Бессарабії стали предметом доповіді *В. Лазарова* „Земеделието – основен поминък на българските преселници в Бесарабия". *Г. Георгієв* порушив проблему внутрішнього світу представників болгарського населення Бессарабії: „За вярата на една българка от с. Хасан Батър. Личен религиозен опит и общности, образи на памет и идентичност".

Проблеми релігійного виховання болгарської молоді Бессарабії розкрила *О. Водінчар* (Одеса). *А. Ганчев* та *А. Леснікова* (Одеська національна академія телекомунікацій імені О. С. Попова) дослідили міграційні настрої бессарабських болгар-студентів в Одесі. *А. Г. Ареф'єва* (Одеський національний університет імені І. І. Мечникова) визначила специфіку етнічної культури болгар Одеси за матеріалами візуальних джерел.

Тема болгарських діаспор у країнах світу була представлена доповіддю *Ю. Хатласа* (Познанський університет) „Българите в историята на град Познан".

На конференції були порушені питання етнополітики та права. *А. Георганов* (Софійський університет імені Святого Климента Охридського) показав процес політизації етнічності у Центральній та Східній Європі. *С. Дубенко* (Південно-Західний університет імені Неофіта Рілського, Благоєвград) окреслив правові аспекти професійної адаптації випускників болгарських університетів в Україні. *С. В. Коч* (Одеський національний університет імені І. І. Мечникова) дослідила актуалізацію ідентичності в умовах конструювання діаспори. *Р. Манджукова* (Софія) розкрила тему „България и българите в Украйна и Молдова – институции и гражданско общество". *О. Г. Мінкова* (МДПУ імені Богдана Хмельницького) показала юридичну основу діяльності національно-культурних організацій в Україні. *В. Д. Гапотій* (МДПУ імені Богдана Хмельницького) проаналізував українське законодавство щодо захисту прав та законних інтересів національних меншин.

Фольклор бессарабських болгар відобразили *С. І. Георгієва* (Одеський національний університет імені І. І. Мечникова) у доповіді „Културата на родство" в бесарабския български фолклорен песенен текст", *Л. А. Баурчулу* (Софійський університет імені Св. Климента Охридського) і *В. І. Сирф* (Інститут культурної спадщини АН Молдови, Кишинів) „Руско-турските войни (през втората половина на XVIII – първата половина на XIX в.) в песенния фолклор на гагаузите".

Низка доповідей були присвячені проблемам ономастики, діалектології та соціолінгвістики. *В. О. Колесник* (Одеський національний університет імені І. І. Мечникова) звернулася до топонімів болгарських сіл Одеської області. *Г. Манолова-Добревськи* (Чикаго) інтерпретує особисті прізвиська як вираз людської сутності болгар і гагаузів Бессарабії. *М. Парзулова* (Університет імені професора, д-ра Асена Златарова, Бургас) запропонувала розвідку болгарських топонімних слідів на території Криму. *С. Никифорцева* (Кишинів) проаналізувала стан болгарської говірки с. Чийшия. *О. Пейчева* (Одеський національний університет імені І. І. Мечникова) показала українські мовні елементи в болгарських говірках Одещини. *М. Ф. Ромалійська* (Одеський національний університет імені І. І. Мечникова) визначила тенденції розвитку темпоральної системи болгарських переселенських говірок. *Н. Кара* (Інститут культурної спадщини АН Молдови, Кишинів) проаналізувала публічне мовлення болгар Молдови з погляду мовної інтерференції.

С. І. Корніенко (Бердянський державний педагогічний університет) дослідила соціокультурні та системні аспекти становлення болгарської лексики, *Г. М. Школа* (Бердян-

ський державний педагогічний університет) порівняла українську та болгарську фразеологію як вираження національного менталітету; *С. І. Єрмоленко* (МДПУ імені Богдана Хмельницького) розкрила проблеми сучасного перекладу болгарських художніх творів українською мовою на синтаксичному рівні; *Д. Ф. Стоянова* (Одеський національний університет імені І. І. Мечникова) дослідила новоболгарські риси в рукописах XVIII ст.

Українсько-болгарські мовні та літературні паралелі порушили викладачі МДПУ імені Богдана Хмельницького: *З. О. Митяй* розкрила синтаксичні категорії речення в сучасній українській та болгарській мовах; *Т. Г. Юрченко* виділила лінгводидактичний аспект порівняння лексичного складу української та болгарської мов; *О. Г. Хомчак* доповіла про концепт „Родина“ в українсько-болгарському дискурсі; *К. О. Галич* з'ясувала концепт „жіноча сила“ в художніх творах українських та болгарських письменників XX ст.; *Т. В. Сіроштан* виокремила найменування болгарського походження на позначення місцин у новій українській мові (кін. XVII – поч. XXI ст.).

О. В. Юрченко (Запорізький національний університет) розкрив семантику художнього образу ріки в українському та болгарському фольклорі. *Г. Григоров* (Південно-Західний університет імені Неофіта Рілського, Благоєвград) проаналізував образ Болгарії в текстах білоруського відродження. *О. О. Губарева* (Одеський національний університет імені І. І. Мечникова) розкрила музичність болгарського символістського вірша. *І. М. Гапєєва* (МДПУ імені Богдана Хмельницького) звернулася до естетики поетичного вислову у творах сучасних болгарських письменників. *С. Цанов* (Шуменський університет імені єпископа Костянтина Преславського) розкрив тему „Свинепасът цар Ивайло – поетика на харизмата“.

Особливістю XI конференції (що пояснюється місцем її проведення) є помітне збільшення уваги дослідженню болгарської етнічної групи Північного Приазов'я: історії (зокрема усної історії та історії повсякденності), етнології, фольклору, етнопсихології, ономастики.

В. І. Мільчев (Запорізький національний університет) звернувся до постаті відомого діяча болгарського відродження в Таврії А. В. Варбанського. Проблеми історії міграції болгар порушили *В. М. Константинова* (Бердянський державний педагогічний університет) – „Переселення болгар у Північне Приазов'я у висвітленні „Одеського вісника“: урбанізаційний аспект“ та *Я. В. Комар* (Горлівський державний педагогічний інститут іноземних мов) – „Трудовая миграция болгар на Донбасе в 1957–1960 гг.“. *М. В. Крилов* (МДПУ імені Богдана Хмельницького) показав історію культових споруд у болгарських колоніях. К. В. Мільчева (Запорізький національний університет) розкрила розвиток болгарської преси Таврії у 1920–30 роках. Становлення освіти в болгарських селах Приазов'я у міжвоєнний період розглянули *А. М. Сенюк* (МДПУ імені Богдана Хмельницького) та *І. П. Дерман* (Бердянський державний педагогічний університет).

Дослідженню усної історії болгар Північного Приазов'я присвятили доповіді *Ю. О. Іріоглу* (Запорізький національний університет) –„Формування комплексу усних наративів у середовищі болгар Північного Приазов'я“; *М. С. Пачева* (МДПУ імені Богдана Хмельницького) – „Колгоспна система у спогадах болгар с Преслав“; *С. Стоянов* (Південно-Західний університет імені Неофіта Рилського, Благоєвград) – „Мотивът за обидата в автобиографични разкази на българи от Таврия“.

Низка доповідей присвячена вивченню болгарського фольклору приазовського регіону. *Д. Димитрова* (Інститут літератури БАН, Софія) визначила традиції та історичні інтерполяції у фольклорних баладах. *М. В. Білецька* та *Т. В. Мартинюк* (МДПУ імені Богдана Хмельницького) з'ясували жанрові особливості музичного фольклору. *А. М. Мітєва* (МДПУ імені Богдана Хмельницького) актуалізувала проблему збереження фольклору в умовах інтеркультурних впливів. *Л. Ф. Ноздріна* (Бердянський краєзнавчий музей) зосередила увагу на фольклорі, записаному в болгарських селах Бердянського району Запорізької області.

Питання болгарської ономастики приазовського регіону дослідили *В. О. Горпинич* (Дніпропетровський національний університет) – „Болгарські прізвища Бердянського регіону“ та *А. Ф. Міхіна* (Донецький національний університет) – „Антропонимные традиции болгарской диаспоры Приазовья (с. Преслав Приморского района Запорожской области)“.

Л. М. Кобильнік (МДПУ імені Богдана Хмельницького) визначила ціннісні орієнтації студентської болгарської молоді Мелітопольщини; *В. В. Молодиченко* та *Н. А. Молодиченко* (МДПУ імені Богдана Хмельницького) показали вплив національних болгарських традицій на формування ціннісних орієнтацій студентів. *Е. Водінчар* (Інститут етнології та фольклористики із Етнографічним музеєм БАН, Софія) проаналізувала проблеми етнічної самоідентифікації болгар Приазов'я. *Т. В. Романенко* (Мелітополь) розкрила особливості викладання болгарської мови у початковій школі в умовах поліетнічного середовища м. Мелітополя.

Особливості поминальної обрядовості приазовських болгар висвітлила *Н. С. Красько* (МДПУ імені Богдана Хмельницького). Її колега *Н. А. Шкода* зробила огляд проблем дослідження родинної обрядовості. Філософські аспекти толерантності як стратегії етнічного буття болгар Приазов'я в умовах крос-культурної реальності розкрили *Т. С. Троїцька* та *О. М. Сіман* (МДПУ імені Богдана Хмельницького).

Низка доповідей викладачів МДПУ імені Богдана Хмельницького була присвячена вивченню географічних аспектів розвитку болгарських сіл Приазов'я: *Л. М. Даценко* показала геологічні процеси на узбережжі поблизу села Ботієве, *В. П. Воровка* розкрив особливості природокористування, *О. В. Непша* зосередив увагу на впливі кліматичних умов, а *О. А. Марченко* з'ясувала потенційні можливості розвитку етнотуризму.

На завершальному пленарному засіданні виступив к.і.н., доц. Одеського національного університету імені І. І. Мечникова *О. А. Прігарін* із доповіддю „Народная архитектура болгар-чушмелийцев: Невша – Криничное – Богдановка (устойчивость и адаптивность традиций в историко-этнографической перспективе)“. На останок були підведені підсумки та визначені перспективи проведення наступної XII конференції.

Учасники конференції ознайомилися із колекцією предметів болгарської традиційної культури з фондів Мелітопольського міського краєзнавчого музею, яку люб'язно продемонстрували *С. І. Новгородська* і *Л. Л. Алексєєва*; відвідали музей історії МДПУ імені Богдана Хмельницького, Національний історико-археологічний заповідник „Кам'яна Могила“, стали гостями урочистостей з нагоди 15-річного ювілею Мелітопольського товариства болгарської культури „Балкани“.

[1] Българите в Северното Причерноморие: изследвания и материали. Т.1. Велико Търново, 1992, с. 16.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ „ФРАКИЙСКИЕ ЗЕМЛИ И СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ“

(Харьков, 7–8 апреля 2011 г.)

А. П. Мартемьянов

7–8 апреля 2011 г. на историческом факультете Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина состоялся организованный совместно с Институтом всеобщей истории Российской академии наук Международный симпозиум „Фракийские земли и Северное Причерноморье в Античную эпоху“. В его работе, наряду с сотрудниками этих центров, приняли участие ученые из Болгарии, России, Польши и Германии, представлявшие Софийский университет имени Св. Климента Охридского, Великотырновский университет имени Святых Кирилла и Мефодия, Российский государственный гуманитарный университет, Московский государственный институт международных отношений, Белгородский государственный университет, Познаньский университет им. Адама Мицкевича, Немецкий археологический институт (Франкфурт-на-Майне). На четырех заседаниях было заслушано 19 докладов, обсужден широкий круг проблем, связанных с историей, материальной и духовной культурой древних народов Северного Причерноморья и фракийских земель во II тыс. до н.э. – V в. н.э.

Работу симпозиума открыл доклад *В. И. Кадеева* и *С. Б. Сорочана* (Харьков) „О свидетельствах контактов Херсонеса Таврического и Западного Понта в первые века н.э.“. Проанализировав археологические данные об экономических связях Херсонеса, авторы пришли к заключению, что объем торговли с западнопонтийскими центрами не превышал 4% общего импорта города, однако, с учетом транзитных товаров, поступавших через Мезию из Италии и западных провинций Римской империи, этот показатель достигал 10%. При раскопках обнаружены и материалы, свидетельствующие о влиянии римской провинциальной культуры на быт, идеологию и изобразительное искусство Херсонеса. Найденные же в портовом районе города мраморные и известняковые рельефы с изображениями Фракийского всадника и Асклепия позволяют предположить, что по соседству со зданием казармы, у городских ворот, находилось святилище, которое посещали солдаты римского гарнизона фракийского происхождения.

В докладе *Д. Ботевой* (София)[1] были приведены аргументы в пользу новой интерпретации фракийских серебряных наколенников с позолотой из курганных захоронений IV в. до н.э. Всего таких наколенников известно четыре. Два из них происходят из Северной Добруджи, по одному – из Северо-Западной и Юго-Восточной Болгарии. Верхняя часть наколенников оформлена в виде человеческого лица, трактуемого в современной историографии как изображение Великой Богини-матери. В двух случаях на лицах присутствуют позолоченные линии, вероятно, обозначавшие татуировку или временную раскраску. Эта особенность сближает их с изображениями на серебряном сосуде из

[1] Аннотации докладов приводятся в порядке их заслушивания.

Мастюгино Воронежской области, также обнаруженном в курганном погребении. По мнению докладчицы, детальный анализ дает серьезные основания для переосмысления устоявшихся представлений как о функциональном назначении рассмотренных предметов, так и о семантике присущих им изображений.

Е. Хатлас (Познань) в своем докладе суммировал сведения об исследовании купольных гробниц во Фракии. Их изучение продолжается уже 160 лет, с тех пор как в 1851 г. был раскопан курган у с. Розовец. По данным автора, в настоящее время на землях древней Фракии известно 36 купольных гробниц V–III вв. до н.э. Кроме того, на этой территории обнаружен ряд купольных гробниц римского времени, а также псевдо-гробниц.

Доклад *П. Делева* (София) „Войны на севере, от Филиппа II до Лисимаха“ был посвящен анализу свидетельств о военных экспедициях в северном направлении, предпринятых македонянами в период с 339 по 291 г. до н.э. К их числу относятся походы Филиппа II против скифского царя Атея в 339 г., Александра III против трибаллов в 335 г., Зопириона в Северное Причерноморье между 332/1 и 326/5 гг., а также две войны Лисимаха против гетского царя Дромихета. Информация источников об этих событиях скупа и порождает немало проблем. Особое внимание в докладе было уделено дискуссионному вопросу о целях, которые преследовали инициаторы „северных“ походов. По словам автора, единой и последовательной политики, направленной на завоевание земель Нижнего Подунавья и Северного Причерноморья, у македонян не было; их акции имели различные, обусловленные той или иной конкретной ситуацией, цели и практически не были связаны между собой.

В докладе *И. Тодорова* (Велико Тырново) „О происхождении названия Филиппополь фракийского города Пульпудева“ были проанализированы существующие в научной литературе мнения относительно топонима Филиппополь. Было отмечено, что наименование современного болгарского города Пловдив чаще всего связывается с названием находившегося в древности на его месте фракийского города Пульпудева. В исторических источниках топоним Пульпудева засвидетельствован поздним римским писателем Иорданом. Однако в трудах античных писателей эллинистического и римского времени город фигурирует и как Филиппополь. Его переименование связывают с походом Филиппа II Македонского в 342/1 г. до н.э.; политикой Филиппа V Македонского по отношению к Фракии в 183 и, вероятно, 181 г. до н.э.; событиями римского времени, связанными с правлением императора Филиппа Араба (244–249 гг. н.э.).

К. Ю. Нефедов (Харьков) посвятил свой доклад проблеме царского культа в державе Лисимаха. Автор отметил, что культ Лисимаха мог существовать только в среде эллинской части его подданных, поэтому степень распространения и характер этого культа во многом зависели от политики Лисимаха по отношению к греческим полисам. Другим важнейшим фактором, оказывавшим влияние на утверждение царского культа в державе Лисимаха, были властные амбиции этого диадоха, которые росли по мере расширения границ его владений и нуждались в надежном обосновании. Под воздействием этих обстоятельств отношение Лисимаха к культу правителя постепенно менялось, и, в конечном счете, прошло три этапа: 1. Полное неприятие царского культа до победы над Антигоном и Деметрием в битве при Ипсе в 301 г. до н.э. 2. Поддержка и распространение посмертного культа Александра Македонского в период от битвы при Ипсе до падения Деметрия в 286 г. до н.э. 3. Распространение собственного культа Лисимаха во времена его наивысшего могущества в 286–281 гг. до н.э.

С. В. Дьячков (Харьков) в докладе „Фракийский след римского времени в портовом районе Херсонеса Таврического“ обратил внимание на присутствие в составе размещенного в городе в первых веках н.э. римского гарнизона выходцев из фракийских земель. Как показали раскопки экспедиции Харьковского университета на участках „Центр квартала“ и „Казарма“, во второй половине I в. н.э. на месте одного из находившихся там ранее центров общественной жизни, возникли крупные хозяйственные комплексы, вероятно, ориентированные на обслуживание нужд римского гарнизона. Археологи-

ческие находки и данные просопографии показывают, что среди жителей этой части Херсонеса оказались и выходцы из балканских и малоазийских провинций Римской империи. Высказанное ранее В. И. Кадеевым предположение о существовании там фракийского святилища подтвердилось находкой алтаря, на котором упоминается военный трибун, носивший имя, имеющее явно фракийские корни – Луций Юлий Муказенус.

О. М. Ильина (Харьков) проинформировала о результатах раскопок открытого в апреле 2007 г. на месте античного Дионисополя (совр. г. Балчик) храма Понтийской Матери богов Кибелы. Особое внимание при этом было уделено обнаруженным в ходе археологических работ скульптурным изображениям богини, которые относятся к эллинистическому и римскому времени. Почти все найденные в храме скульптуры изображают Великую Мать богов, восседающей на троне, в длинном хитоне и гиматии, с тимпаном в левой руке. В пяти случаях, на коленях у нее лежит львенок. Подобным образом богиню изображали во многих полисах Западного Причерноморья. Иконография же главной храмовой статуи несколько иная. Богиня также восседает на троне, одета в длинный хитон и гиматий, но в поднятой левой руке она держит жезл, в правой – фиалу, а рельефное изображение льва украшает правую сторону трона.

В докладе *Д. В. Грибанова* (Харьков) был представлен опыт сравнительной характеристики агораномии в полисах Боспора и Западного Понта. Условия деятельности агораномов в этих областях Причерноморья значительно отличались: на Боспоре она протекала в обстановке по сути монархического режима, а в западнопонтийских городах являлась элементом демократического устройства. Тем не менее, эпиграфические источники свидетельствуют о том, что существенных различий в организации, функциях и социально-политической роли агораномии на Боспоре и в полисах Западного Причерноморья не было. Следовательно, как отметил в заключение автор, преобладающее в современной историографии мнение об исчезновении или существенной трансформации полисных институтов власти на Боспоре после образования там единого государства Спартокидов нуждается, по меньшей мере, в корректировке.

А. Г. Чередниченко (Белгород) выступил с докладом „О происхождении пиерийских фракийцев“. Подчеркнув этническую неоднородность населения древней Фракии, он отметил, что предки собственно фракийцев обитали в долине р. Марица и близ пролива Босфор уже в XVIII–XVI вв. до н.э. Позднее туда стали прибывать и небольшие группы восточноиндоевропейских („сатемных“) этносов из Малой Азии. Если признать верной концепцию единого этногенеза фракийцев, то фракийцы, проживавшие в области Пиерия на юго-западе Македонии, предводителем которых был легендарный Орфей, вероятно, являлись переселенцами из фракийских земель за р. Стримон. Согласно Паросской хронике, это их переселение произошло в начале XIV в. до н.э. Аналогичным образом мигрировал и еще один близкий фракийцам народ – мигдоны, перебравшиеся из западной Фригии на полуостров Халкидика.

С. Г. Карпюк (Москва) в докладе „Фукидид – фракиец? Фракийский компонент в биографии и сочинении основателя научной историографии“ подчеркнул, что роль родственных, ксенических, экономических и политических связей историка с фракийской знатью нельзя недооценивать. Неоспоримым представляется происхождение Фукидида от фракийского царя Олора I, которому историк приходился праправнуком. Никакие ксенические отношения не могут объяснить того, что Фукидид владел во Фракии наследственным правом на аренду рудников, а также пользовался в этом регионе особым политическим влиянием. Скорее всего, он унаследовал эти позиции от Кимона, возможно, подкрепив их женитьбой на знатной фракиянке. С учетом того, что никаких полководческих заслуг за Фукидидом к тому времени не числилось, примечательным представляется и его назначение в 424 г. до н.э. одним из двух афинских „стратегов во Фракию“. Наконец, не исключено что фракийские связи Фукидида могли определенным образом способствовать обнародованию его труда – существует

предположение, что Ксенофонт мог получить экземпляр сочинения Фукидида от дочери писателя, проживавшей во Фракии.

А. П. Мартемьянов (Харьков) посвятил свое выступление трем идентичным надписям с территории античного Филиппополя. В них сообщается о том, что в 211 г. н.э. по распоряжению императорского легата Фракии Кв. Атрия Клония были установлены ΟΡΟΙ ΑΓΡΟΥ ΒΕΝΔΙΠΑΡΩΝ. Есть основания считать, что надписи обнаружены in situ, и это, казалось бы, дает уникальную возможность представить размеры земельных владений фракийского села. Однако на межевых знаках не указано, что Бендипара – это κώμη, а, между тем, обозначенная ими площадь для одного села слишком велика – с юго-запада на северо-восток она простирается более чем на 10 км. Согласно гипотезе В. Динчева, Бендипара была не селом, а *комархией* – „административным объединением нескольких сел". По мнению автора доклада, такое заключение является, в принципе, оправданным, однако воспринимать его следует с осторожностью: не исключена вероятность того, что Бендипара являлась *имением*, причем, с учетом его размеров, скорее всего, императорским.

Е. В. Ляпустина (Москва) выступила с докладом „Община в историографии Атичности XX в.: предмет изучения и инструмент анализа", в котором проанализировала специфику восприятия термина „община" ведущими специалистами прошлого столетия и высказала ряд оригинальных соображений относительно перспектив дальнейшего использования этого научного понятия при исследовании истории древних обществ.

В докладе *А. Б. Акимова* (Харьков) была дана сравнительная характеристика сельского самоуправления в Дакии и Малой Скифии. Основными типами сельских поселений и там, и там были vici и pagi. В римской Дакии к настоящему времени их известно всего пять. Иная картина наблюдается в соседней Малой Скифии, откуда происходит более тридцати упоминаний о сельских магистрах (или магистратах) и квесторах. Наряду с этими должностными лицами, в надписях из Дакии и Малой Скифии также упоминаются сельские префекты и принцепсы, однако принадлежность последних к числу деревенских магистратов представляется сомнительной. Судя по данным эпиграфики, значительное место в сельском самоуправлении, особенно в Дакии, принадлежало ветеранам римской армии. Этнический состав деревенских магистратов Дакии однороден – все они носят римские имена; в Малой Скифии среди имен сельских должностных лиц, наряду с римскими, нередко фигурируют греческие и фракийские.

Б. С. Ляпустин (Москва) представил вниманию аудитории доклад „Провинции в хозяйственной жизни знатной римской фамилии II в. до н.э. – I в. н.э.". Было отмечено, что провинции оказали существенное влияние на экономическую жизнь римской знати, позволив ее представителям обогащаться за счет военной добычи, торговли и финансовых операций. Фамилия, как основная социально-экономическая ячейка, вслед за civitas, вышла за пределы Италии, что приносило большие прибыли, но, в то же время, осложняло контроль paterfamilias за ее представителями на отдаленных территориях. Одновременно успешно руководить хозяйственной деятельностью в провинциях и заниматься политикой в Риме стало невозможно. Это разделило римскую знать на всадников, которые были заняты откупами и финансовыми операциями, и сенаторов, погруженных в политику. Последние постоянно нуждались в деньгах, которые фамильная собственность не приносила в достаточном количестве. Это было проявлением кризиса фамилий знати в эпоху кризиса римской civitas.

И. П. Сергеев (Харьков) в докладе „Фракия и фракийцы в политической жизни Римской империи в период кризиса III века" отметил, что хотя на территории Фракии и не размещались значительные военные силы римлян, эта провинция и ее уроженцы, тем не менее, играли в кризисных для Империи событиях вполне определенную роль. Во-первых, Фракия и фракийцы в 235 и в 275 гг. н.э. имели прямое отношение к смене ее правителей. Во-вторых, через территорию Фракии продвигались собранные в европей-

ской части Империи военные силы, направлявшиеся на восток для борьбы с внешними врагами римлян или с целью пресечения исходивших из восточных провинций попыток узурпации императорского престола. В-третьих, фракийские земли упоминаются в трудах античных авторов в связи с вторжениями варваров в пределы провинции Фракия.

Г. Зоммер фон Бюлов (Франкфурт-на-Майне) проинформировала присутствовавших о новых результатах совместных сербско-немецких раскопок позднеантичного дворца на территории, принадлежавшей римской провинции Прибрежная Дакия, у современного Гымзиграда (Сербия). Этот возведенный императором Галерием (293–311 гг. н.э.) в его родной провинции величественный дворец занимал 4 га и был окружен каменной стеной с двумя воротами и двадцатью круглыми башнями. Археологическое исследование объекта продолжается уже 60 лет. С 2004 г. оно проводится совместными усилиями сербских специалистов, продолжающих изучать внутреннюю часть дворца, и немецких археологов и геофизиков, которые ведут работы в его окрестностях. В результате геомагнитных исследований удалось обнаружить поселение, превышающее по площади „Императорскую территорию“. Оно было также окружено стеной, но имевшей только одни ворота и не укрепленной башнями. В ходе раскопок была обнаружена basilica civilis длиной 100 и шириной 25 м, пол которой покрыт многоцветной мозаикой. Судя по монетным находкам, базилика была разрушена в третьей четверти III в., т.е. до строительства дворца Галерия.

В докладе *Н. Н. Болгова* (Белгород) „Гонения на христиан у готов во второй половине IV в. Балканы или Таврика?“ была предпринята попытка анализа религиозной ситуации, сложившейся в готском обществе в интересующий автора период. Христианизация „внешних готов“, в отличие от готов Ульфилы, сопровождалась гонениями. В источниках описываются жития и мученичества готов, пострадавших преимущественно в 370-е годы. Особого внимания заслуживает история 308 готских мучеников, свидетельствующая о наличии у готов в эпоху гуннского нашествия сложного политического устройства, существовании у них, наряду с „центральной“ властью, небольших местных „княжеств“. Несомненный интерес в данном случае представляет и гендерный аспект мученичества – среди пострадавших много женщин. Наконец, одним из самых важных является вопрос о том, где происходили эти события. Весь их исторический контекст свидетельствует в пользу Балкан (страна Гуттиуда), однако некоторые топонимы Крыма позволяют рассматривать и „крымскую“ версию случившегося.

К. Ю. Бардола (Харьков) уделил в докладе внимание особенностям организации внешнеторговой деятельности в провинциях Восточной Римской империи в IV–V вв. н.э. Если до середины IV в. внешняя торговля велась там практически без контроля со стороны центрального правительства и во многом зависела от политики местных властей, то во второй половине этого столетия ситуация меняется. Императорский двор постепенно концентрирует в своих руках функции контроля над торговлей в ущерб интересам местных городских бюджетов. Государственная политика по отношению к внешнеторговой деятельности становится более унифицированной. При этом императоры использовали контроль над внешней торговлей, как правило, для решения общеполитических задач, а не в бюджетных целях. По свидетельствам источников, применительно к некоторым регионам подобная политика оказалась достаточно эффективной. Однако попытки осуществления жесткого контроля над внешней торговлей на Дунае успеха не принесли.

Материалы симпозиума планируется издать отдельным сборником.

СПИСОК АВТОРІВ

Аксьонов Віктор Степанович **–** кандидат історичних наук, завідувач відділу археології Харківського історичного музею

Березовенко Антоніна Віталіївна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри української мови, літератури та культури Національного технічного університету України „Київський політехнічний інститут“

Бескорса Вікторія Миколаївна **–** кандидат мистецтвознавства, завідувач кафедри музично-інструментальної підготовки вчителя Харківського гуманітарно-педагогічного інституту

Бубенок Олег Борисович – доктор історичних наук, старший науковий співробітник, завідувач відділу Євразійського степу Інституту сходознавства НАН України імені А. Кримського

Віднянський Степан Васильович – доктор історичних наук, професор, завідувач відділу всесвітньої історії та міжнародних відносин Інституту історії України НАН України

Власенко Валерій Миколайович – кандидат історичний наук, доцент, докторант кафедри давньої і нової історії України історичного факультету Київського національного університету імені Тараса Шевченка

Войтович Леонтій Вікторович – професор, доктор історичних наук, завідувач кафедри історії середніх віків і візантиністки Львівського національного університету імені Івана Франка

Врцич Аніда – викладач філософського факультету Державного університету у Нові Пазару (Сербія)

Вус Олег Володимирович – кандидат історичних наук, офіцер Збройних сил України

Головко Олександр Борисович – доктор історичних наук, головний консультант депутатської фракції у Верховній Раді України

Гордієнко Дмитро Сергійович – аспірант Інституту української археографії та джерелознавства імені М. С. Грушевського НАН України

Домановський Андрій Миколайович – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії стародавнього світу і середніх віків Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна

Жеков Живко Живков – д-р, головний асистент кафедри стародавньої та середньовічної історії Великотирновського університету імені Святих Кирила та Мефодія (Болгарія)

Желтобородов Олександр Миколайович – кандидат історичних наук, доцент кафедри гуманітарних наук Харківської державної академії фізичної культури

Іващеко Вікторія Юріївна – кандидат історичних наук, доцент кафедри історіографії, джерелознавства та археології, заступник декана історичного факультету Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна

Каністратенко Микола Миколайович – кандидат історичних наук, професор кафедри історії України і всесвітньої історії, перший проректор Харківської державної академії культури

Колода Володимир Васильович – кандидат історичних наук, завідувач науково-дослідною археологічною лабораторією, доцент кафедри історії України Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди

Кондратюк Аліна Юріївна – кандидат мистецтвознавства, провідний науковий співробітник Національного Києво-Печерського історико-культурного заповідника

Корнієнко В’ячеслав Васильович – кандидат історичних наук, провідний науковий співробітник відділу науково-історичних досліджень Національного заповідника „Софія Київська“

Костіна Татьяна Володимирівна – кандидат історичних наук, старший науковий співробітник Санкт-Петербурзького філіалу Архіву Російської академії наук

Красильніков Константин Іванович – кандидат історичних наук, доцент, почесний професор Луганського національного університету імені Тараса Шевченка, завідувач Луганським

відділенням Східноукраїнського філіалу Інституту археології НАН України

Лавиш Кристіна Анатоліївна – кандидат мистецтвознавства, науковий співробітник Інституту мистецтвознавства, етнографії і фольклору імені К. Крапіви НАН Білорусі

Латишева Олександра Володимирівна – кандидат історичних наук, викладач Харківського базового медичного коледжу №1

Лиман Сергій Іванович – доктор історичних наук, професор кафедри музеєзнавства та пам'яткознавства Харківської державної академії культури

Луговий Олег Михайлович – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії стародавнього світу та середніх віків Одеського національного університету імені І. І. Мечникова

Лучканін Сергій Мирославович – кандидат філологічних наук, доцент кафедри загального мовознавства і класичної філології Інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка

Майко Вадим Владиславович – кандидат історичних наук, завідувач відділу середньовічної археології Кримського філіалу Інституту археології НАН України

Мартем'янов Олексій Павлович – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії стародавнього світу та середніх віків Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна

Матвєєва Юлія Геннадіївна – кандидат мистецтвознавства, викладач Харківської державної академії дизайну та мистецтв

Миколенко Дмитро Валерійович – кандидат історичних наук, доцент кафедри нової та новітньої історії Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна

Могаричев Юрій Миронович – доктор історичних наук, професор Кримського республіканського Інституту післядипломної педагогічної освіти

Нікітенко Мар'яна Михайлівна – кандидат історичних наук, завідувач відділу вивчення історії духовної культури Національного Києво-Печерського історико-культурного заповідника

Олюнін Сергій Валерійович – кандидат історичних наук, доцент кафедри мовознавства та країнознавства Сходу Білоруського державного університету

Павленко Вікторія Вікторівна – доктор історичних наук, професор Київського національного університету внутрішніх справ

Пачев Сергій Іванович – кандидат історичних наук, директор Центру болгаристики, доцент кафедри історії Мелітопольського державного педагогічного університету, докторант Запорізького національного університеу

Петров Мілен – офіцер Збройних сил Республіки Болгарія

Пономарьов Леонід Юрійович – науковий співробітник Керченського благодійного фонду „Деметра"

Посохов Сергій Іванович – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри історіографії, джерелознавства та археології, декан історичного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна, директор Східно-регіонального відділу Центра пам'яткознавства НАН України

Потрашков Сергій Васильович – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри історії України і всесвітньої історії Харківської державної академії культури

Прігарін Олександр Анатолійович – кандидат історичних наук, доцент кафедри археології та етнології України Одеського національного університету імені І. І. Мечнікова

Рахич Есад – викладач Державного університету у Нові Пазару (Сербія)

Саргсян Татевик Едуардівна – кандидат історичних наук, завідувач відділу Науково дослідного центру „Кримознавство"

Смик Олександр Анатолійович – заступник начальника факультету Військово-морського інженерного інституту, полковник, Санкт-Петербург

Сорочан Катерина Сергіївна – аспірант кафедри історії стародавнього світу та середніх віків Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна

Сорочан Сергій Борисович – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри історії ста-

родавнього світу та середніх віків Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна

Станчев Михайло Георгійович – доктор історичних наук, професор, голова Наукової ради Центру болгаристики та балканських досліджень імені М. Дринова Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна

Страшнюк Сергій Юрійович **–** кандидат історичних наук, доцент кафедри нової та новітньої історії, директор Центру болгаристики та балканських досліджень імені М. Дринова Харківського національного університету імені В. Н. Каразина

Тортіка Олександр Олександрович **–** доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри музеєзнавства і пам'яткознавства Харківської державної академії культури

Тумаков Олександр Іванович **–** кандидат історичних наук, доцент кафедри нової та новітньої історії, директор Центру турецьких досліджень Харківського національного університету імені В. Н. Каразина

Туровський Євген Якович **–** кандидат історичних наук, завідувач сектору Херсонеського державного історико-археологічного заповідника „Херсонес Тавричний"

Філіппенко Андрій Анатолійович **–** кандидат історичних наук, старший науковий співробітник Херсонеського державного історико-археологічного заповідника „Херсонес Тавричний"

Філіппенко Ростислав Ігоревич – кандидат історичних наук, доцент Національного фармацевтичного університету (м. Харків)

Фомін Михайло Володимирович – кандидат історичних наук, викладач Харківського торгівельно-економічного Інституту Київського національного торгівельно-економічного університету

Фурат Мехмет Фахрі – викладач відділу інформації і управління документацією філологічного факультету Стамбульського університету

Хрісімов Ніколай **–** докторант кафедри стародавньої та середньовічної історії Великотирновського університету імені Святих Кирила та Мефодія

Чхаїдзе Віктор Ніколайович – кандидат історичних наук, науковий співробітник Інституту археології Російської академії наук

СПИСОК СКОРОЧЕНЬ

AEMA – Archivum Eurwasiae Medii Aevi. Wiesbaden
BS – Byzantinoslavica
BZ – Byzantinosche Zeitschrift
DOP – Dumbarton Oaks Papers
HUS – Harvard Ukrainian Studies
ODB – The Oxford Dictionary of Byzantium
PG – Patrologiae cursus completus. Series graeca. Accurente J.-P. Migne. Patrologiae graeca
АДСВ – Античная древность и Средние века. Екатеринбург
АИЗ – Археологические известия и заметки
АИК – Археологические исследования в Крыму
АО – Археологические открытия
АС – Археологический съезд
БИ – Боспорские исследования. Симферополь – Керчь
БИАС – Бахчисарайский историко-археологический сборник
БСП – Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Велико Търново
ВВ – Византийский временник. Москва
ВДИ – Вестник древней истории. Москва
ВЕДС – Восточная Европа в древности и Средневековье. Москва
ВИ – Вопросы истории
ВО – Византийские очерки
ВФ – Вопросы философии
ВХДАК – Вісник Харківської державної академії культури
ДБ – Древности Боспора
ДВ – Духовный вестник
ДГ – Древнейшие государства на территории СССР. Москва
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОРАО – Записки восточного отделения Российского археологического общества
ЗООИД – Записки Одесского общества истории древностей
ЗХУ – Записки Харьковского университета
ИАК – Известия императорской археологической комиссии
ИВ – Исторический вестник
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности
ІР НБУВ – Інститут рукопису національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського
ИР ЦНБУВ – Институт рукописей Центральной научной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАК – Материалы по археологи Кавказа
МАР – Материалы по археологии России
МИА – Материалы и исследования по археологии
МИАД – Материалы по истории и археологии Дона
МТ – Мирный труд
НА ІА НАНУ – Науковий архів Інститута археології НАН України
НА НЗХТ – Научный архив Национального заповедника „Херсонес Таврический“
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры
ПХХ – Памятники христианского Херсонеса
ПО – Православное обозрение
РА – Российская археология
СА – Советская археология
СК – Салтовская культура
СМК – Салтово-маяцкая культура
СМКИО – Салтово-маяцкая культурно-историческая общность
СООМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис
СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа
ТМАО – Труды Московского археологического общества
ХГК – Хазарская государственная культура
ХСб – Херсонесский сборник
ЮК – Южный край

ЗМІСТ

ПРОТОБОЛГАРИ В ЕТНОСОЦІАЛЬНИХ І ПОЛІТИЧНИХ СТРУКТУРАХ СЕРЕДНЬОВІЧЧЯ

Бубенок, О. Б. (Київ). Протоболгари: гуни чи оногури? 5

Чхаидзе, В. Н.(Москва). К вопросу о присутствии протоболгар на территории Таманского полуострова в конце VI – конце VII вв. и о „столице“ Великой Булгарии – Фанагории 14

Тортика, А. А. (Харьков). „Черная Булгария“ трактата Константина Багрянородного „Об управлении империей“ и „черные болгары“ „Повести временных лет“: проблемы локализации 23

Красильников, К. И. (Луганск). К вопросу о правомерности понятия „Степная Донецкая“ Салтово-Маяцкая этнокультура праболгар 32

Колода, В. В. (Харьков). Болгары в материальной культуре поселений салтовской лесостепи: проблемы выделения этнических критериев 42

Аксёнов, В. С. (Харьков). Повторное проникновение в захоронения Нетайловского грунтового могильника салтовской культуры – миф или реальность? 49

Пономарев, Л. Ю. (Керчь). К эволюции и хронологии жилищ салтово-маяцких поселений Керченского полуострова (юртообразные постройки и полуземлянки) 65

Майко, В. В. (Симферополь). Праболгарские памятники Юго-Восточного Крыма. Эволюция керамического комплекса 79

Хрисимов, Н.(Велико Търново), Петров М.(Сливен). Данни за мъжкото облекло от периода на Първото българско царство 94

HOMO BYZANTINUS: ВІРА МІЖ ПОЛІТИКОЮ І ЕКОНОМІКОЮ

Жеков, Ж. Ж. (Велико Търново). Ролята на magisterii militum във военната организация на ранна Византия 112

Сорочан, С. Б. (Харьков). О цикличности и периодичности времени торговли в ранней Византии 121

Домановський, А. М. (Харків). Математичне моделювання в дослідженнях соціально-економічної історії ранньосередньовічної Візантії (здобутки, проблеми, перспективи) 134

Вус, О. В. (Львів). Фортифікаційна практика імператора Юстиніана I та криза лінійної системи інженерної оборони Візантії 141

Могаричев, Ю. М., Саргсян, Т. Э. (Симферополь). Новый источник по истории средневекового Херсона 147

Туровский, Е. Я., Филиппенко, А. А., Фомин, М. В. (Харьков). Херсонесские склепы с раннехристианскими росписями 154

Латышева, А. В. (Харьков). Раннесредневековые храмы Херсона: опыт реконструкции 164

Головко, О. Б. (Київ). Поширення християнства у слов’ян Східної Європи і формування християнської церковної організації на Русі (VIII–XI ст.) 179

Бубенок, О. Б. (Киев). Основание Аланской митрополии и начальные этапы христианизации аланов Северного Кавказа 190

Луговой, О. М. (Одесса). Немецкий квартал в Константинополе XII в. 200

Войтович, Л. В. (Львів). Проблеми галицько-болгарських стосунків у першій третині XIII ст 207

Сорочан, Е. С. (Харьков). О керамических изделиях как ремесленной продукции и их специализации в Византии IV–IX вв 214
Лавыш, К. А. (Минск). Находки византийской керамики на территории Беларуси 223

HOMO BYZANTINUS СЕРЕД ІДЕЙ ТА ОБРАЗІВ

Лиман, С. И. (Харьков). Харьковская школа кирилло-мефодианы (60–80-е гг. XIX в.) 230
Филиппенко, Р. И.(Харьков). Е. К. Редин – историк византийского искусства 240
Лучканин, С. М. (Київ). Змалювання візантійської цивілізації в історичному романі румунського прозаїка Михаїла Садовяну „Золота гілка“ 246
Гордієнко, Д. С.(Київ). Русько-візантійські відносини в працях академіка Геннадія Литавріна 251
Матвеева, Ю. Г. (Харьков). Катапетасма: наследие византийской традиции (происхождение, символика, иконография) 274
Нікітенко, М. М. (Київ). Створення печер Київської Лаври у світлі літургійної практики освячення простору 283
Корниенко, В. В. (Киев). „Малая эсхатология“ Древней Руси в контексте новых эпиграфических открытий в Софии Киевской 297
Кондратюк, А. Ю. (Київ). Монументальний живопис церкви Спаса на Берестові доби Петра Могили: проблематика і перспективи дослідження 305
Бескорсая, В. Н.(Харьков). Церковное пение: заимствование и моделирование традиционного мелоса, модальные элементы распевов 315

РОСІЙСЬКО-ТУРЕЦЬКА ВІЙНА 1828–1829 РОКІВ І БАЛКАНИ

Желтобородов, А. Н. (Харьков). Подготовка вооруженных сил к русско-турецкой войне 1828–1829 годов 322
Смык, А. А. (Санкт-Петербург). Черноморский флот в русско-турецкой войне 1828–1829 годов 330
Гоков, О. А. (Харьков). Воспоминания российских офицеров как источник по истории русско-турецкой войны 1828–1829 гг. 337
Пригарин, А. А. (Одесса). Некрасовцы и русско-турецкая война 1828–1829 гг. 350
Олюнин, С. В. (Минск). Боснийский эялет накануне и в годы русско-турецкой войны 1828–1929 гг. 369
Рахич, Э., Врцич, А. (Нови Пазар). Влияние русско-турецкой войны 1828–1829 гг. на обретение независимости Сербией 378
Дроснева, Е. (София). Война 1828–1829 гг. в устной истории нынешних болгар . . 388

ДЖЕРЕЛА І ДЖЕРЕЛОЗНАВСТВО

Тумаков, А. И. (Харьков), Фурат, М. Ф. (Стамбул). Валковская трагедия 1812 года: анатомия конфликта (по материалам Государственного архива Харьковской области) 400
Иващенко, В. Ю. (Харьков), Костина, Т. В. (Санкт-Петербург), Посохов, С. И. (Харьков). Письма М. С. Дринова В. П. Бузескулу (1904–1905 гг.) 417
Власенко, В. М. (Київ). Філія Українського національного козацького товариства у Болгарії (1923–1936) за матеріалами болгарського і чеського архівів 428

РЕЦЕНЗІЇ

Миколенко, Д. В. (Харьков). Македонский вопрос – актуальная проблема современной исторической науки. Рецензия на: *Сквозников, А. Н.* Македония в конце XIX – начале XX века – яблоко раздора на Балканах. Самара, 2010. 170 с. 444

Потрашков, С. В. (Харьков). Рецензия на: *Татоли, Т. В.* Авторитаризм в Болгарии в межвоенный период (1918–1939 гг.). Луганск, 2010. 376 с. 447
Власенко, В. М. (Київ). Драгомановські студії. Рецензія на: Матеріали четвертої та п'ятої наукових конференцій „Драгоманівські студії". Міністерство закордонних справ України, Посольство України у Болгарії, Товариство „Мати Україна", Українська недільна школа. Софія, 2011. 100 с. 450
Домановский, А. Н. (Харьков)... иду защищать Византию … Рецензия на: *Сорочан, С. Б.* Византия. Парадигмы быта, сознания, культуры. Учебное пособие. Харьков, 2011. 952 с. 453
Березовенко, А. В. (Київ). Рецензія на: Български годишник. Болгарський щорічник. Болгарский ежегодник. Том VII. На пошану 75-річного ювілею доктора філологічних наук, професора І. А. Стоянова та 50-річчя творчої та наукової діяльності доктора філологічних наук, професора Київського славістичного університету Е. П. Стоянової. Київ, 2011. 296 с. 458

ЮВІЛЕЇ

Віднянський, С. В., Павленко, В. В. (Київ). Слово про вченого-болгариста з нагоди його славного ювілею 460
Страшнюк, С. Ю. (Харків). Невтомний трудівник на ниві слов'янознавства (до 80-річчя професора Володимира Чорнія) 467
Станчев, М. Г., Канистратенко, Н. Н. (Харьков). Г. И. Чернявский – ученый, педагог, исследователь (к 80-летию со дня рождения) 471

НАУКОВЕ ЖИТТЯ

Пачев, С. І. (Запоріжжя). „Болгари Північного Причорномор'я": зріз сучасного стану наукових досліджень 476
Мартемьянов, А. П. (Харьков). Международный симпозиум „Фракийские земли и Северное Причерноморье в античную эпоху" (Харьков, 7–8 апреля 2011 г.) 481

Список авторів 486

Список скорочень 489

СЪДЪРЖАНИЕ

ПРАБЪЛГАРИТЕ В ЕТНОСОЦИАЛНИТЕ И ПОЛИТИЧЕСКИ СТРУКТУРИ НА СРЕДНОВЕКОВИЕТО

Бубенок, О. Б. (Київ). Протоболгари: гуни чи оногури? 5

Чхаидзе, В. Н.(Москва). К вопросу о присутствии протоболгар на территории Таманского полуострова в конце VI – конце VII вв. и о „столице“ Великой Булгарии – Фанагории 14

Тортика, А. А. (Харьков). „Черная Булгария“ трактата Константина Багрянородного „Об управлении империей“ и „черные болгары“ „Повести временных лет“: проблемы локализации 23

Красильников, К. И. (Луганск). К вопросу о правомерности понятия „Степная Донецкая“ Салтово-Маяцкая этнокультура праболгар 32

Колода, В. В. (Харьков). Болгары в материальной культуре поселений салтовской лесостепи: проблемы выделения этнических критериев 42

Аксёнов, В. С. (Харьков). Повторное проникновение в захоронения Нетайловского грунтового могильника салтовской культуры – Миф или реальность? 49

Пономарев, Л. Ю. (Керчь). К эволюции и хронологии жилищ салтово-маяцких поселений Керченского полуострова (юртообразные постройки и полуземлянки) 65

Майко, В. В. (Симферополь). Праболгарские памятники Юго-Восточного Крыма. Эволюция керамического комплекса. 79

Хрисимов, Н.(Велико Търново), Петров М.(Сливен). Данни за мъжкото облекло от периода на Първото българско царство. 94

HOMO BYZANTINUS: ВЯРА МЕЖДУ ПОЛИТИКА И ИКОНОМИКА

Жеков, Ж. Ж. (Велико Търново). Ролята на magisterii militum във военната организация на ранна Византия 112

Сорочан, С. Б. (Харьков). О цикличности и периодичности времени торговли в ранней Византии 121

Домановський, А. М. (Харків). Математичне моделювання в дослідженнях соціально-економічної історії ранньосередньовічної Візантії (здобутки, проблеми, перспективи) 134

Вус, О. В. (Львів). Фортифікаційна практика імператора Юстиніана I та криза лінійної системи інженерної оборони Візантії. 141

Могаричев, Ю. М., Саргсян, Т. Э. (Симферополь). Новый источник по истории средневекового Херсона 147

Туровский, Е. Я., Филиппенко, А. А., Фомин, М. В. (Харьков). Херсонесские склепы с раннехристианскими росписями. 154

Латышева, А. В. (Харьков). Раннесредневековые храмы Херсона: опыт реконструкции. 164

Головко, О. Б. (Київ). Поширення християнства у слов’ян Східної Європи і формування християнської церковної організації на Русі (VIII–XI ст.) 179

Бубенок, О. Б. (Киев). Основание Аланской митрополии и начальные этапы христианизации аланов Северного Кавказа. 190

Луговой, О. М. (Одесса). Немецкий квартал в Константинополе XII в. 200

Войтович, Л. В. (Львів). Проблеми галицько-болгарських стосунків у першій третині XIII ст. 207

Сорочан, Е. С. (Харьков). О керамических изделиях как ремесленной продукции и их специализации в Византии IV–IX вв. 214
Лавыш, К. А. (Минск). Находки византийской керамики на территории Беларуси 223

HOMO BYZANTINUS МЕЖДУ ИДЕИ И ОБРАЗИ

Лиман, С. И. (Харьков). Харьковская школа кирилло-мефодианы (60–80-е гг. XIX в.) 230
Филиппенко, Р. И.(Харьков). Е. К. Редин – историк византийского искусства 240
Лучканин, С. М. (Київ). Змалювання візантійської цивілізації в історичному романі румунського прозаїка Михаїла Садовяну „Золота гілка“ 246
Гордієнко, Д. С.(Київ). Русько-візантійські відносини в працях академіка Геннадія Литавріна 251
Матвеева, Ю. Г. (Харьков). Катапетасма: наследие византийской традиции (происхождение, символика, иконография) 274
Нікітенко, М. М. (Київ). Створення печер Київської Лаври у світлі літургійної практики освячення простору. 283
Корниенко, В. В. (Киев). „Малая эсхатология“ Древней Руси в контексте новых эпиграфических открытий в Софии Киевской. 297
Кондратюк, А. Ю. (Київ). Монументальний живопис церкви Спаса на Берестові доби Петра Могили: проблематика і перспективи дослідження 305
Бескорсая, В. Н.(Харьков). Церковное пение: заимствование и моделирование традиционного мелоса, модальные элементы распевов 315

РУСКО-ТУРСКАТА ВОЙНА ОТ 1828–1829 ГОДИНА И БАЛКАНИТЕ

Желтобородов, А. Н. (Харьков). Подготовка вооруженных сил к русско-турецкой войне 1828–1829 годов 322
Смык, А. А. (Санкт-Петербург). Черноморский флот в русско-турецкой войне 1828–1829 годов 330
Гоков, О. А. (Харьков). Воспоминания российских офицеров как источник по истории русско-турецкой войны 1828–1829 годов 337
Пригарин, А. А. (Одесса). Некрасовцы и русско-турецкая война 1828–1829 гг. . . . 350
Олюнин, С. В. (Минск). Боснийский эялет накануне и в годы русско-турецкой войны 1828–1929 годов 369
Рахич, Э., Врцич, А. (Нови Пазар). Влияние русско-турецкой войны 1828–1829 годов на обретение независимости Сербией 378
Дроснева, Е. (София). Война 1828–1829 годов в устной истории нынешних болгар 388

ИЗВОРИ И ИЗВОРОЗНАНИЕ

Тумаков, А. И. (Харьков), Фурат, М. Ф. (Стамбул). Валковская трагедия 1812 года: анатомия конфликта (по материалам Государственного архива Харьковской области) 400
Иващенко, В. Ю. (Харьков), Костина, Т. В. (Санкт-Петербург), Посохов, С. И. (Харьков). Письма М. С. Дринова В. П. Бузескулу (1904–1905 гг.) 417
Власенко, В. М. (Київ). Філія Українського національного козацького товариства у Болгарії (1923–1936) за матеріалами болгарського і чеського архівів 428

РЕЦЕНЗИИ

Миколенко, Д. В. (Харьков). Македонский вопрос – актуальная проблема современной исторической науки. Рецензия на: *Сквозников, А. Н.* Македония в конце XIX – начале XX вв. – яблоко раздора на Балканах. Самара, 2010. 170 с. 444

Потрашков, С. В. (Харьков). Рецензия на: *Татоли, Т. В.* Авторитаризм в Болгарии в межвоенный период (1918–1939 гг.). – Луганск, 2010. 376 с. 447
Власенко, В. М. (Київ). Драгомановські студії. Рецензія на: Матеріали четвертої та п'ятої наукових конференцій „Драгоманівські студії". Міністерство закордонних справ України, Посольство України у Болгарії, Товариство „Мати Україна", Українська недільна школа. Софія, 2011. 100 с. 450
Домановский, А. Н. (Харьков). ...иду защищать Византию… Рецензия на: *Сорочан, С. Б.* Византия. Парадигмы быта, сознания, культуры. Учебное пособие. Харьков, 2011. 952 с. 453
Березовенко, А. В. (Київ). Рецензія на: Български годишник. Болгарський щорічник. Болгарский ежегодник. Том VII. На пошану 75-річного ювілею доктора філологічних наук, професора І. А. Стоянова та 50-річчя творчої та наукової діяльності доктора філологічних наук, професора Київського славістичного університету Е. П. Стоянової. Київ, 2011. 296 с. 458

ЮБИЛЕИ

Віднянський, С. В., Павленко, В. В. (Київ). Слово про вченого-болгариста з нагоди його славного ювілею 460
Страшнюк, С. Ю. (Харків). Невтомний трудівник на ниві слов'янознавства (до 80-річчя професора Володимира Чорнія) 467
Станчев, М. Г., Канистратенко, Н. Н. (Харьков). Г. И. Чернявский – ученый, педагог, исследователь (к 80-летию со дня рождения) 471

НАУЧЕН ЖИВОТ

Пачев, С. І. (Запоріжжя). „Болгари Північного Причорномор'я": зріз сучасного стану наукових досліджень 476
Мартемьянов, А. П. (Харьков). Международный симпозиум „Фракийские земли и Северное Причерноморье в античную эпоху" (Харьков, 7–8 апреля 2011 г.) 481

Сведения за авторите 486

Списък на съкращенията 489

Пятый том представляет собой сборник статей по итогам трех международных симпозиумов, состоявшихся в Харьковском национальном университете имени В. Н. Каразина в 2009–2010 гг.: „Протоболгары в этносоциальных и политических структурах Средневековья“, „Homo byzantinus среди вещей и идей“, „Российско-турецкая война 1828–1829 гг. и Балканы“. Представлены также рубрики „Источники и источниковедение“, „Рецензии“, „Юбилеи“, „Научная жизнь“.

Сборник предназначен историкам, студентам гуманитарных факультетов и широкому кругу читателей.

The fifth volume collected articles under the materials of three international conferences, which were taking place in V. N. Karazin Kharkov National University in 2009-2010: “Protobulgarians in the ethnosocial and political structures of Middle ages”, “Homo byzantinus between the ideas and the things”, “Russian-Turkish war in 1828-1829 and Balkans”. Also next rubrics are presented: “Sources and source study”, “Reviews”, “Jubilees”, “Science life”.

The collected articles are oriented to historians, students of humanitarian departments and more general public.

Друкується за підтримки Харківської міської ради
та общини Панагюрище (Болгарія)

ДРИНОВСЬКИЙ ЗБІРНИК

ТОМ V

Українська
Първе видания

Редактор **Антоанета Бежанська**
Художник **Константин Жеков**
Графічний дизайн **Десислава Георгіева**

www.baspress.com

ISBN 978-954-322-493-7

ISBN 978-954-322-494-4

Підписано до друку 09.07.2012 р. Формат 70×100 1/16. Ум. друк. арк. 42,54.
Тираж 300 пр. Зам. № 174/12.

Видавець і виготовлювач
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна,
61022, м. Харків, пл. Свободи, 4
Свідоцтво суб’єкта видавничої справи ДК № 3367 від 13.01.2009 р.
Видавництво ХНУ імені В. Н. Каразіна
Тел.: 705-24-32